

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа перевода

Русский язык и культура в зеркале перевода

Материалы Международной научной конференции
29 апреля – 3 мая 2015 г.

Издательство Московского университета
2015

УДК 81:001.32 81:005.745

ББК 81

Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы Международной научной конференции. 29 апреля – 3 мая 2015 г.: электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 725 с.

ISBN 978-5-19-011057-9

Материалы сборника охватывают вопросы науки о переводе, проблемы сравнительной культурологии, стилистики, семантики, лексикографии, ономастики, связанные с теорией и практикой перевода, освещают результаты исследований в области истории, методологии, дидактики перевода, а также дидактики русского языка как иностранного. Особое внимание в сборнике уделено вопросам восприятия произведений русской литературы на языках мира и иностранной литературы в России, роли переводческой деятельности мировом культурном пространстве. Сборник включает доклады, представленные на V международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода»

Сборник предназначен для исследователей в области теории перевода, лингвистов, литературоведов, культурологов, переводчиков художественной литературы и критиков. Материалы сборника представляют интерес для преподавателей вузов и средних школ, аспирантов и студентов филологических специальностей.

УДК 81:001.32 81:005.745

ББК 81

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-19-011057-9 © Высшая школа перевода
МГУ имени М.В.Ломоносова, 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Гарбовский Н.К.</i> Научная школа перевода: идеи и перспективы	7
<i>Азарова Н.М.</i> О неоднозначности социокультурной адресации поэтического перевода.....	18
<i>Александриду С.</i> Актуальность публицистических работ Бодуэна де Куртенэ	27
<i>Багдасарян Ш.А.</i> К вопросу о соотношении грамматического рода зоонима и гендера персонажа при переводе (на материале произведений О. Туманяна)	38
<i>Бахшиева Ф.С.</i> Игра цвета в русском языке.....	49
<i>Бувар Ю.</i> «В чертах у Ольги жизни нет...»: к вопросу о переводе на французский язык одной строфы из «Евгения Онегина».....	58
<i>Булгакова С.Ю.</i> Стратегия перевода сквозь призму реноминации реалий	73
<i>Валова Л.В.</i> Анализ аспектуальной семантики глагольных форм на занятиях по русскому языку как иностранному	84
<i>Воборил Л.</i> Языковая подготовка будущих переводчиков-филологов в Университете имени Палацкого (презентация новых пособий по русской грамматике для чехов)	94
<i>Волкова А.А.</i> Проблема понимания текстов с иноязычными вкраплениями в радиокommunikации	104
<i>Вотякова И.А., Кастельви Ж.</i> К проблеме обучения выражению эмоций в практике преподавания русского языка как иностранного на элементарном уровне.....	113
<i>Герчиньска Д.</i> Некоторые вопросы перевода на польский язык повести Л. Улицкой «Сонечка»	123
<i>Гик А.В., Петрова З.Ю.</i> Об одном фрагменте русской метафорической картины мира («человек-собака»).....	131
<i>Голубева-Монаткина Н.И. Н.С.</i> Автономова о переводе философии.....	141
<i>Гончарова О.В.</i> Культурологический и компетенстный подходы в современной методике преподавания русского языка как иностранного.....	150
<i>Гулевич Е.В.</i> Особенности автоперевода рассказа В. Набокова «Рождество».....	156
<i>Екимбеева Л.В., Мусатаева М.Ш.</i> Дискурс как инструмент социальных практик	169
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.</i> Возможности родного языка в формировании переводческих компетенций: методические приемы и способы	185
<i>Зуева П.А.</i> Перевод как неотъемлемая часть развития российской драматургической школы ...	195
<i>Иванова В.И.</i> Перевод научных публикаций как средство популяризации результатов	

исследований в глобальном мире.....	207
<i>Иванова Н.С.</i> Концептуализация успеха в языковом сознании русских и болгар: к анализу современной динамики в языковой картине мира.....	216
<i>Иванова О.Ю.</i> Русский язык в педагогической деятельности И.Ф. Анненского (к 160-летию со дня рождения)	224
<i>Иноуэ Юкиеси</i> Загадка вариативности дат происшествия и изменения имени цирюльника в повести Н.В. Гоголя «Нос» и перевод включающих их предложений на японский язык	234
<i>Исолахти Н.В., Зеленин А.В., Михайлов М.Н.</i> Улыбка как маркер консолидации в ситуации последовательного перевода.....	242
<i>Исхакова З.З.</i> Устойчивая особенность дейктического поля	253
<i>Калита О.Н., Мангинас Г., Павлидис Г.</i> Организация процесса дистанционного обучения русского языка для греческой аудитории.....	263
<i>Калита О.Н.</i> Трудности в изучении функционирования русских глаголов движения в греческой аудитории.....	272
<i>Капитанова Й.</i> Прием ментальной карты и его применение в ходе подготовки устных переводчиков.....	286
<i>Киселёва М.Н., Суханов В.А.</i> Придут ли варвары? К. Кавафис в восприятии и переводе И. Бродского	295
<i>Ковалевич Е.П., Томашева И.В.</i> К вопросу об использовании лексем «натуральный» и «органический» в наименованиях косметических продуктов.....	314
<i>Костикова О.И.</i> Сказка – ложь? Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки.....	322
<i>Кротова Т.А.</i> Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся: цели, структура и содержание	333
<i>Кулешова Н.М.</i> Вербальное, невербальное и паравербальное в межкультурной коммуникации и их учет в процессе обучения иностранному языку и переводу с иностранного языка на русский и с русского на иностранный.....	342
<i>Кулиева Р.Г.</i> Концепция Востока в русской литературе «Серебряного века» (на материале творчества Фёдора Сологуба).....	352
<i>Кулик А.Д.</i> К вопросу о создании лексических минимумов	362
<i>Кульпина В.Г.</i> Прием эстетизации терминов цвета при переводе поэтических текстов	370
<i>Лесневская Д.С.</i> Формирование текстовой компетенции в сфере официально-деловой	

письменной коммуникации /внешнеторговой переписки/ при обучении РКИ.....	378
<i>Ли Суй-ан, Нью Шучжэн</i> Произведения В.Г. Распутина в Китае: перевод и влияние	386
<i>Манелиду И.А.</i> К вопросу, зачем нужны новые переводы.....	401
<i>Мещерикова А.Ю.</i> Особенности обучения русскому языку как иностранному объединенных групп студентов творческих вузов.....	409
<i>Миронова Н.Н.</i> Иноязычное высказывание в художественной литературе как единица перевода	419
<i>Мишукров Э.Н.</i> Междисциплинарность как инновационный поворот в современном переводоведении (герменевтический аспект).....	426
<i>Нагорный И.А.</i> Экспликационная функция модально-предположительных частиц в славянском высказывании	438
<i>Нефагина Г.Л.</i> Смыслообразующая роль звуковых образов в романе О. Грушиной «Жизнь Суханова в сновидениях».....	446
<i>Новикова В.В.</i> Роль документалистики в формировании навыков межкультурной коммуникации (на материале видеокурса для продвинутого (B2-C1) этапа обучения).....	456
<i>Нургали К.Р.</i> Искусство художественного перевода в интерпретации Н.С. Ровенского	464
<i>Обухова Т.М.</i> Юродство как феномен русской культуры (опыт составления статьи для лингвострановедческого словаря).....	473
<i>Оганисян Т.А.</i> История перевода в Армении (история перевода в истории цивилизаций).....	482
<i>Олицкая Д.А.</i> Читать нельзя играть. Пьесы А.П. Чехова в сценичных и «несценичных» переводах на немецкий язык.....	493
<i>Остахова Т.А., Чащинова Д.В.</i> Лексико-семантические особенности перевода романов Андреа Камиллери на русский язык.....	503
<i>Плотникова Г.Н., Гэн Юаньюань</i> Словообразовательные единицы русского языка в системе обучения иностранных учащихся	513
<i>Разумовская В.А.</i> Название русского художественного текста как единица перевода	521
<i>Савосина Л.М.</i> К вопросу о лингводидактических средствах обучения русскому языку как иностранному	530
<i>Садыгова А.А.</i> Специфика усвоения фразеологизмов на занятиях РКИ.....	541
<i>Салкынбай А.Б.</i> Роль языковых контактов в истории развития языков	549
<i>Сафонова В.В.</i> Некоторые проблемы перевода современной методической литературы	554

<i>Северская О.И.</i> «В Греции все есть!»: образ Греции в русском языковом сознании	565
<i>Семенов П.А.</i> Безличные предложения с категорией состояния в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и способы их передачи в английском переводе	573
<i>Тарасенко Т.В., Тарасенко В.Е.</i> Цикличность и ее показатели в художественном тексте (на материале японских переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).....	583
<i>Тер-Саркисян Л.А., Ходжумян Б.С.</i> Учебник по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь	592
<i>Тимошенко О.В.</i> Научные статьи по айтирекингу в аспекте перевода.....	598
<i>Труханова Е.В.</i> Образность и переводческие потери при описании внешности (на примере французских переводов поэмы Н.В.Гоголя «Мёртвые души»)	606
<i>Уржа А.В.</i> Роль синтаксических моделей и фигур речи в формировании первого плана и фона переводного текста	613
<i>Федюнина И.Э.</i> Влияние дискурсивных трансформаций на семантику и прагматику фразеологических единиц в английском и русском языках	624
<i>Фененко Н.А.</i> Роль компенсации в процессе перевода просторечно-диалектной лексики	632
<i>Фефелова Н.Н.</i> Русский язык как официальный язык ФАО: Функционирование и преподавание	642
<i>Хед Б.</i> Интерпретация и перевод русских слов в рукописи XVIII века.....	651
<i>Чжан Цзяньхуа</i> От труда к фильму, от конфликта к дружбе: переводы «Дерсу Узала» в Китае и советско-китайские отношения	660
<i>Чиалашвили-Гордеева Е.Ш.</i> Интертекст – диалог литератур (на материале анализа текста романа Алев Алатлы «Не просвещением, но сердцем»).....	675
<i>Чович Б.</i> Белградская школа перевода и русское переводоведение (новизна и подражание или подражательное и инновационное в сербской транслатологии).....	686
<i>Чович Л.И.</i> Роль социокультурной информативности средств невербальной коммуникации на занятиях по переводу (на материале перевода на сербский язык ремарок драмы А.П.Чехова «Дядя Ваня»).....	698
<i>Щелокова Л.И.</i> Рецепция войны в публицистике И.Г. Эренбурга.....	707
<i>Литвинова Г.М.</i> Речевые ошибки обучающихся синхронному переводу	716

Гарбовский Н.К.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Garbovsky Nikolai
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА: ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

SCIENTIFIC SCHOOL OF TRANSLATION: IDEAS AND PERSPECTIVES

В статье предлагается системологическая модель науки о переводе, которая могла бы интегрировать научные знания об этом явлении, полученные на протяжении долгого периода эмпирическим и теоретическим методами в рамках разных научных дисциплин. Принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе могли бы свидетельствовать о выходе этой науки к новой парадигме системной трансдисциплинарности.

The author offers a systemological model of translatology that could integrate scientific knowledge about translation accumulated over a long period of time through empirical and theoretical methods within various scientific disciplines. Accepting the aforementioned model and the systemic approach to studying translation, as well as the systematization of scientific data about it, could testify to the fact that translatology has reached a new paradigm of transdisciplinarity.

Ключевые слова: наука о переводе, системология, трансдисциплинарность.

Key words: translatology, systemology, transdisciplinarity

Наука о переводе использует сегодня данные и методы и других научных дисциплин, а именно, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии, философии, логики, семиотики, герменевтики, теории коммуникации, кибернетики, информатики и др., что и позволяет предположить ее междисциплинарный статус.

Дж. Стейнер, автор книги «После Вавилона» [см: Steiner, 1978], предложивший различать в истории перевода четыре периода, полагал, что в нынешний четвертый период перевод оказывается полем сражения лингвистов, но в то же время выходит за пределы круга интересов лингвистики и становится объектом *междисциплинарных научных исследований*, оказываясь на стыке антропологии, психологии социологии, а также таких смежных дисциплин, как этнолингвистика и социоллингвистика. Классическая филология, сравнительное литературоведение, лексическая статистика, этнография, социология уровней языка, формальная

риторика, поэтика, грамматический анализ смыкаются для того, чтобы прояснить суть акта перевода и механизмы «межъязыковой жизни», заключает Стейнер [Steiner, 1978, p. 226]¹.

В самом деле, современная наука о переводе развивается, опираясь на подходы и методы разных научных дисциплин, используя их категории и понятия, стараясь интегрировать данные разных дисциплин при изучении такого сложного общественного явления как перевод. Это позволяет говорить о том, что наука о переводе постепенно покидает лоно лингвистики и приобретает относительную самостоятельность как наука междисциплинарная или, иначе говоря, интердисциплинарная.

Но если попытаться придумать название этой отрасли научных знаний, в котором бы отражалась ее междисциплинарность по модели таких междисциплинарных наук, как *астрофизика*, *лингвокультурология*, *психолингвистика* *биохимия* и др, где взаимное проникновение наук очевидно при том, что продолжают существовать самостоятельно астрономия, физика, психология, биология, химия, лингвистика, культурология, то очевидно мы столкнемся с непреодолимыми трудностями.

‘Социопереводоведение’, ‘переводолингвистика’, ‘психопереводоведение’? Понятно, что каждое исследование, проводимое при таком междисциплинарном подходе, будет освещать лишь одну сторону изучаемого объекта, но так и не даст комплексного знания о нем.

Разумеется, подобные подходы – серьезный шаг вперед по сравнению с монодисциплинарным подходом.

Но нельзя отрицать и того, что многие новые данные, полученные методами разных дисциплин, в этой науке прирастают через конъюнкцию. Поэтому вопрос о том, является ли современная наука междисциплинарной или многодисциплинарной (*мультидисциплинарной*, *плюридисциплинарной*), остается открытым.

Лингвистическая парадигма, доминировавшая в науке о переводе с середины XX века, изначально не отрицала возможности иных подходов к изучению перевода как объекта научного знания. Даже А.В. Федоров, которого считают апологетом «лингвистического разреза» в теории перевода, признавал, что «вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения» [Фёдоров, 1953, с.12].

Лингвистический подход к изучению феномена перевода полностью соответствовал

¹ Периодизация Стейнера оказывается уязвимой для критики. Так, М. Балляра настораживает даже не столько историческая неопределенность классификации Стейнера, так как тот оперирует относительно точными датами, сколько ее безапелляционность [Ballard, 17-18].

структуре классической науки, которая «занималась главным образом проблемами с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае проблемами с несколькими переменными» [Берталанфи, с. 26].

Через двадцать лет после работы Федорова в начале 70-х годов А.Д. Швейцер, определяя статус науки о переводе, отмечал, что «общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией. По сути, – продолжал Швейцер, – речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности – переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания» [Швейцер, 1973, с. 16].

Иначе говоря, междисциплинарность науки о переводе понималась как переплетение разных лингвистических дисциплин в рамках так называемой «макролингвистики». Теория перевода продолжала втискиваться в рамки лингвистической науки на правах не слишком почитаемой «новой» родственницы.

Если еще в 70-е годы наука о переводе рассматривалась главным образом как прикладная отрасль науки о языке, то уже в конце XX века сомнений в том, что она является, наукой междисциплинарной, практически не было.

Еще через двадцать лет, говоря о состоянии этой отрасли научного знания в конце XX века, Швейцер, отмечал, что прошедшие годы охарактеризовались «последовательным преодолением лингвистического и литературоведческого «изоляционизма» в изучении перевода и развитием тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода [Швейцер, 1999, с. 21]. По мнению исследователя, «стимулом для такой методологической ориентации, как справедливо отмечал исследователь, послужили «расширение горизонтов самого языкознания, его отказ от «сепаратистских» традиций, установление тесных связей с другими науками и появление новых «дефисных» (hyphenated) направлений, способствующих взаимообогащению языкознания и ряда смежных дисциплин» [там же].

Как ни парадоксально, но и в этом утверждении о междисциплинарном характере теории перевода отчетливо прослеживается лингвистическая доминанта. Швейцер видит причину междисциплинарности науки о переводе не в том, что она преодолела рамки лингвистики, а в расширении горизонтов языкознания. Иначе говоря, не наука о переводе расширила свои

границы, а сама лингвистика вышла за пределы изучения системных явлений в языке и обратилась к речи, особенности порождения и восприятия которой обусловлены не только собственно лингвистическими, но и культурными, социальными, психологическими, эстетическими и др. факторами.

Позиция Швейцера в этом вопросе практически полностью совпадает с позицией В.Н. Комиссарова. Комиссаров отмечал, что «переводоведение в целом – это, несомненно, особая научная дисциплина, имеющая многие междисциплинарные аспекты. Лингвистика может описать и объяснить целый ряд важнейших факторов, определяющих характер и результаты перевода, но она не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности» [Комиссаров, 1999, с. 5].

В то же время Комиссаров полагал, что «современное языкознание преодолело столь ограниченное (описание различных языковых систем – Н.Г.) понимание своего предмета» [там же], поэтому «при макролингвистическом подходе лингвистическое переводоведение может заниматься проблемами, традиционно считавшимися нелингвистическими» [там же]. Иначе говоря, наука о переводе оставалась, в понимании исследователя, отраслью лингвистики, но сама лингвистика расширила сферу своих интересов за счет предметов других научных дисциплин.

И Швейцер, и Комиссаров ссылались на мнение американского лингвиста и исследователя проблем перевода Ю.Найды, высказанное им в работах, опубликованных в конце XX в. [см.: De Waard, Nida, 1986; Nida, 1991]. Найда полагал, что различные теории перевода можно свести к четырем основным подходам: *филологическому, лингвистическому, коммуникативному и социосемантическому* [см.: Комиссаров, 1999, с. 5; Швейцер, 1999, с. 22].

Комиссаров, комментируя положения, выдвинутые Найдой, отмечал: «Ю. Найда коротко характеризует каждый из этих подходов, и обнаруживается, что он занимается проблемами, большая часть которых входит в сферу интересов современной макролингвистики» [Комиссаров, 1999, с. 5].

Согласиться с мнением этих исследователей вряд ли возможно.

Наука о переводе должна иметь свой собственный предмет, отличный от предмета лингвистической науки, а не подчиненный ему как часть целому. В противном случае, оставшись в русле лингвистики, пусть, даже некой «макролингвистики», теория перевода будет подстраивать свой предмет к предмету науки о языке, то расширяя, то сужая его, «выхватывая» при этом фрагментарные знания, полученные другими научными дисциплинами.

Разумеется, наука о переводе, пользуясь данными, полученными лингвистической наукой, приспособливает ее некоторые методы и некоторые модели для решения собственных задач, подобно тому, как пользуется, например, данными лингвистики теория психоанализа, интерпретирующая поведение человека через факты речи.

Всякие новые знания, при условии, что они научно обоснованы, полученные методами различных научных дисциплин, позволяют полнее понять сущность объекта научного исследования. Поэтому пренебрежение ими нерационально.

Вместе с тем, не исключено, что подобные знания могут войти в науку о переводе лишь после очередного сочинительного союза *и*. Это, безусловно, свидетельствует о новом приращении научных данных, но вряд ли способно вывести собственно теорию перевода на уровень научного обобщения. А именно в таком обобщении и нуждается современная наука о переводе.

Признание междисциплинарного статуса теории перевода удобно для того, чтобы уйти от решения весьма сложного вопроса о том, что же является собственным предметом этой науки, ведь междисциплинарность – это не что иное, как рассмотрение объекта сквозь призму предметов разных научных дисциплин.

Но идет ли речь, действительно, о *междисциплинарном* подходе, или же более правильно будет определить такой подход как *многодисциплинарный*? Разумеется, изучение перевода требует многодисциплинарного подхода, но подходы к изучению определенного объекта с позиций многих научных дисциплин и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные.

Многодисциплинарность характеризует некую научную область, определившую свой объект, но еще не сформулировавшую свой предмет, так как каждая научная дисциплина, приступая к изучению определенного объекта, предполагает свой особый предмет.

Следует уточнить, что под объектом, как конкретного научного исследования, так и научной дисциплины в целом, понимается некая реальная сущность, подвергающаяся научному анализу, научной интерпретации и научному описанию. В нашем случае этой сущностью оказывается перевод как когнитивная деятельность, имеющая общественную обусловленность.

Предмет же отличается в эпистемологическом плане от объекта тем, что включает в себя лишь основные, наиболее существенные для данного исследования или научной дисциплины стороны объекта. Поэтому один и тот же объект оказывается предметом разного вида

исследований, предметом разных наук. Если говорить о переводе как об объекте, то в этой области научных разысканий оказываются такие аспекты как «лингвистика перевода», «философия перевода», «социология перевода», «психология перевода», «сравнительное литературоведение» и др., которые, строго говоря, являются предметами соответствующих научных дисциплин.

Разумеется, феномен перевода может и должен изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Иначе говоря, междисциплинарный подход к переводу как объекту изучения очевиден. Перевод – это когнитивная деятельность. Поэтому весь комплекс когнитивных наук привносит новые данные, предлагает методы, которые могут применяться и для изучения перевода.

Состояние же междисциплинарности, характерное, для всякого научного направления, покидающего лоно какой-либо научной дисциплины в связи с тем, что ее границы стали слишком узкими, свидетельствует о зарождении новой научной парадигмы, основным методом которой оказывается уже не анализ, а синтез.

Именно синтез научных данных, полученных на предшествующем этапе развития науки, и является методологической основой междисциплинарности.

Нельзя не согласиться с мнением Швейцера, который, определяя состояние науки о переводе в конце XX века, писал: «Множественность моделей перевода отражает неединичность подходов к этому явлению, его междисциплинарный статус. Думается, что подлинно реалистическая картина этого сложного и многоаспектного процесса может быть получена лишь на основе интеграции различных, дополняющих друг друга подходов к его исследованию» [Швейцер, 1999, с. 30].

Попытки такой интеграции, на мой взгляд, знаменуют зарождение, пока весьма робкое, новой научной парадигмы в науке о переводе, которая может быть определена как **системологическая**.

Попытка «объять необъятное» и представить предмет теории перевода как совокупность предметов различных научных дисциплин делает его неоправданно расширенным, размытым, а следовательно, и операционно непригодным. Попытка разрубить этот гордиев узел и совместить необходимую широту взгляда с точно обозначенной предметностью могла бы состоять в том, чтобы не прибавлять друг к другу, а синтезировать предметы разных наук, изучающих перевод, выделив собственный предмет. Ведь, именно таким путем выделяются новые научные

направления. Но синтез различных предметов с целью построения единой теории объекта, способный привести к созданию новой научной дисциплины, требует системного подхода. Иначе говоря, наука о переводе должна синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы.

В этом случае предметом теории перевода могла бы оказаться когнитивная деятельность переводчика, создающего иное, тогда как целью его является создать нечто подобное. Противоречивость перевода, возникающая из столкновения «своего» и «чужого», поиск подобия в различном и различия в подобном, можно объяснить, только синтезируя знания о переводе, накопленные разными науками в единое целое – систему, т.е. «в единство, в котором противоречия и противоположность сглаживаются или снимаются» [см.: Синтез : Философский энциклопедический словарь, 2010]

Синтез разных предметных граней, имеющий целью построение единой теории перевода, требует системного подхода. Тогда, прежде всего, сама противоречивая переводческая реальность будет представлена как системное явление, то есть как некая совокупность элементов, между которыми устанавливаются определенные типы связей и отношений, благодаря чему эта совокупность приобретает определенную целостность и единство, со всеми присущими системе свойствами и отношениями.

Системологический метод интеграции научных знаний о переводе, накопленных разными научными дисциплинами, был предложен мной в начале XXI как возможный путь построения «методологического ствола» науки о переводе [Гарбовский, 2004, с. 218-246]. За прошедшее десятилетие убеждение в необходимости системного подхода к пониманию феномена перевода только укрепилось.

Системологическая парадигма науки о переводе строится на основе синтеза множества данных, воспринимаемых как нечто целое. Разумеется, синтезу как методу познания предшествует, а часто и сопутствует его антипод – анализ, который, разлагая целое на составляющие, постоянно подпитывает системологию новыми данными об изучаемом объекте.

Методологическая ценность системного подхода к переводу состоит в том, что он позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают. При этом особое внимание уделяется выявлению многообразных типов связей как внутри самого сложного объекта, так и с окружающим миром, что позволяет, в конечном итоге, свести разносторонние знания об объекте

в единую теоретическую картину.

Системный подход к переводу способен дать более полную и подробную теоретическую картину этого объекта по сравнению с отдельно взятым лингвистическим, литературоведческим, или каким-либо еще подходом.

В русле системного подхода не только предлагается новая схема объяснения механизмов, обеспечивающих целостность переводческой деятельности, но и разрабатываются такие типологии связей и отношений, которые представляют их как логически однородные. Это позволяет непосредственно сравнивать и сопоставлять между собой все многообразные типы связей и отношений, выявляемых в переводческой деятельности, на единых основаниях.

Если мы хотим представить перевод в виде системы, то должны будем проследить, как проявляются в нем основные признаки системы, а именно: целостность и эмергентность, структурность и иерархичность, взаимозависимость системы и среды и множественность описания.

Важной особенностью большинства систем, особенно социальных, является передача в них информации и наличие процессов управления. Перевод входит в круг сложных целенаправленных систем именно такого типа, т.к. всегда подчинен определенной цели. Развертывание процесса перевода и свойства продукта, возникающего в результате этого процесса, обусловлены его целью.

В пользу системного подхода к переводу говорит уже то, что переводчик оперирует речевыми произведениями, текстами. Тексты же сами по себе уже обладают определенной системностью.

Для методологии научных разысканий в области перевода чрезвычайно важно принятое общей теорией систем различение систем реальных и систем концептуальных [см.: Turchanu, p.19]. Ж. Пиаже полагал, что во всякой науке присутствуют четыре области: материальная, т.е. сам объект научной дисциплины, концептуальный, представляющий собой совокупность знаний, внутренняя эпистемологическая область, характеризующая познающего субъекта, а также критику теорий, и производную эпистемологическую область, которая определяет эпистемологическую значимость результатов, достигнутых данной научной дисциплиной. В этом плане научное знание оказывается связанным не только с объектом, но и с субъектом познания, а все дисциплины оказываются взаимно зависимыми [см.: Bourguignon].

В самом деле, в свете системологии феномен перевода предстает в виде определенной

системной когнитивной деятельности человека. Элементы этой деятельности связаны друг с другом системными отношениями, определяющими и характер ее протекания, и конечный результат – текст перевода. Форма текста перевода и его содержание, рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического, эстетического и др. характера, связанные между собой системными отношениями. Эта деятельность является системой реальной, подобной солнечной системе, живому организму, общественной организации, машине и т.п. Эта система существует независимо от наблюдателя, исследователя, стремящегося проникнуть в ее суть.

Что же касается теории перевода, науки о переводе в целом, то она представляет собой концептуальную систему, некий идеальный конструкт, отражающий с большей или меньшей степенью приближения реальную систему. Разумеется, нет непреодолимой пропасти между переводом как реальной системой и наукой о переводе как системой концептуальной. Перевод как системная человеческая деятельность не может не реагировать на «внешние раздражители», в частности, такие, как смена носителей, фиксирующих информацию – от глиняных табличек до компьютера – в корне меняющих технологию переводческой деятельности и знаменующих реальные переходы к очередной новой стадии в истории перевода [см.: Костикова, 2011].

Теория перевода как концептуальная система фиксирует, изучает и описывает эти изменения настолько точно и подробно, насколько ей позволяет ее уровень научного развития: от обрывочных эмпирических «зарисовок» через построение «моделей» к синтетическому представлению о переводе как о некоей управляемой системе.

Системное представление науки о переводе как об организованном научном знании позволяет воспользоваться многими идеями, выработанными общей теорией систем, в частности идеей «черного ящика», обратной связи и реакции (feed-back) и пр.

В общей системе науки о переводе находится место и для субъекта исследования, наблюдателя, который стремится увязать в единый пучок все нити отношений между наблюдаемыми явлениями с позиции трансдисциплинарности, и для результатов исследований, в плане их эпистемологической ценности для дальнейшего развития науки.

Пиаже, отстаивая идею трансдисциплинарности, признавал, что это была пока только мечта. Но он не находил оснований для того, чтобы отказываться этой мечте в осуществлении, указывая на две причины: поражение редукционизма, стремившегося свести высшее к низшему

или наоборот, а также неполнота научных знаний тех или иных дисциплин, обусловленная отделением их друг от друга [см.: Piaget, p. 170]. Уточняя, какую область покрывает собой понятие трансдисциплинарности, Пиаже в первую очередь называл общую теорию систем или структур, связывая таким образом понятие трансдисциплинарности научного знания с его системностью.

Системологическая модель науки о переводе открывает новые перспективы для методологии этой науки. Преодоление изоляционизма первого периода и структурированность полученных и получаемых разными дисциплинами научных данных в единой эпистемологической системе позволяют представить более полную и более объективную картину такого сложного явления, как перевод. Разумеется, такая картина не может быть составлена ни одним исследователем, ни даже научной группой. Она будет складываться в единое, внутренне неоднородное целое, меняться со временем в меняющейся среде и функционировать в общем научном пространстве.

Список литературы:

- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Берталанфи [Электронный ресурс] // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 23–82. // *Bertalanffy L. von.* General System Theory – A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. P. 1–20. Перевод Н. С. Юлиной. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html
- Гарбовский Н.К.* Парадигмы науки о переводе / Н.К. Гарбовский // Проблемы современного переводоведения, СПб. 2011. СПбГУ: Филологический факультет. С. 39-56.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых / В.Н. Комиссаров. М.: ЧеРо, 1999.
- Костикова О.И.* История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе / О.И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011, № 2, с. 3-22.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. М., 1953.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. М., 1983.
- Философский энциклопедический словарь.* М., 2010.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. М., 1973.
- Швейцер А.Д.* Междисциплинарный статус теории перевода / А.Д. Швейцер // Тетради переводчика. Вып 24. М., 1999.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода. // Роман Якобсон. Избранные труды. // М.: Прогресс. 1985. С. 361-368.
- Ballard M.* De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions / M. Ballard. Lille, 1992.
- Bourguignon A.* De la pluridisciplinarité à la transdisciplinarité. Centre International de Recherches et études Transdisciplinaires / A. Bourhuignon [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ciret-transdisciplinarity.org/locarno/loca5c1.php>
- De Waard J., Nida E.A.* From one language to another. Functional Equivalence in Bible Translating / J.

de Waard, E.A. Nida. Nashville: T. Nelson. 1986.

Nida E.A. Theories of Translation / E.A. Nida // TTR. Vol. IV. N.1, 1991. Pp. 19-32.

Piaget J. Epistémologie des relations interdisciplinaire. In : OCDE. L'interdisciplinarité : problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités / J. Piaget [Электронный ресурс]. Paris : OCDE. 1972. – Режим доступа:

http://www.fondationjeanpiaget.ch/fjp/site/textes/VE/jp72_epist_relat_interdis.pdf

Steiner G. Après Babel. Une poétique du dire et de la traduction / G. Steiner. Trad. de l'angl. par Lucienne Lotringer. P. 1978. (*Steiner G.* After Babel. Oxford, OUP, 1975).

Turchany G. La théorie des systèmes et systémiques. Vue d'ensemble et définitions / G. Turchany [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.prof-turchany.eu/culture/La_theorie_des_systemes.pdf

Азарова Н.М.
Институт языкознания РАН
г. Москва (Россия)

Azarova Natalia
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)

О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДРЕСАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА²

ON THE AMBIGUITY OF SOCIOCULTURAL ADDRESSING IN TRANSLATED POETRY

Перевод поэзии более коммуникативен и более адресован, чем оригинальный поэтический текст; переводчик поэзии, как правило, задумывается, какой конкретно аудитории адресован перевод. Утверждение о коммуникативности перевода может основываться на двух прямо противоположных посылках. Правая (более консервативная) посылка понимает задачу перевода в терминах «обогащать принимающую культуру», «сделать доступным для читателя» то или иное великое произведение, прежде недоступное. Задача переводчика преподносилась в формулах типа «ввести в русскую культуру», «познакомить русского читателя», что вело к приоритету передачи смысла оригинала на языке перевода, то есть приспособления чего-либо к своей традиции. Левая посылка исходит из образа утопического универсального языка. Задача перевода понимается как усложнение родного языка, даже его принуждение, и в результате выявление в нём неких новых потенций и возможности сближения даже с языками неродственных систем. На примере новых переводов средневековой китайской поэзии на русский язык показывается возможность выхода за пределы границ одного естественного языка, придания принимающему языку гибкости, пластичности, создания некоего общего сложного естественного пространства, в которое могут включаться и другие знаковые системы.

The translated version of poetry is more communicative and more addressed than the original poetic text; the translator of poetry, as a rule, reflects as to which audience the translation is specifically addressed. The statement of communicative character of translation may be based on two diametrically opposed premises. The right (more conservative) message understands the problem of translation in terms of «enriching the recipient culture», «making a particular great work (previously unavailable) accessible to the reader». The task of the translator was presented in formulas like «to introduce in the Russian culture», «to acquaint the Russian reader», which led to the priority of conveyance of the original meaning onto the target language, that is, adapting something to the recipient's tradition. The left message proceeds from the image of a utopian universal language. The task of translation is understood as complicating the native language, even its constraint, which leads to identification of some new potencies in it and a possibility of convergence with the languages of even non-cognate systems. Demonstrating the examples of new translation of the medieval Chinese poetry into the Russian language shows the possibility of going beyond the boundaries of one natural language, imparting flexibility and plasticity to the host language, creation of some common complex natural space which may include other semiotic systems.

Ключевые слова: перевод, коммуникативность, адресация, Ду Фу, поэзия

Key words: translation, communicativeness, addressing, Du Fu, poetry

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

Адресат играет главенствующую роль в проведении границы между оригинальным поэтическим дискурсом и переводом. Необходимо различать адресность любой поэзии – её обращенность, и адресацию, понимаемую как целевая адресация. Оригинальный (собственно поэтический) текст будет наделен характеристикой адресность как обращенность, а переводной текст, кроме того, будет наделён и характеристикой адресация как целевая адресация. Переводчик поэзии обычно задумывается, какой конкретно аудитории адресован перевод, тем более что чаще всего поэзия переводится с целью быть напечатанной в определенных изданиях. В переводе поэзии имплицитно или эксплицитно присутствует социальный заказ, понимаемый достаточно конкретно, например, переводы для журнала «Иностранная литература». Переводчик поэзии вольно или невольно учитывает, как эта или подобная поэзия уже переводилась в культурной традиции, к какому типу перевода приучена целевая аудитория, привык адресат. Однако любые попытки введения фигуры адресата в виде адресной аудитории читателей, отличающейся такими признаками, как пол, профессия, возраст, национальная, социальная принадлежность и т.д., способны редуцировать обращенность (к идеальному адресату) как главнейшее свойство поэзии.

По всей видимости, и переводческие неудачи объясняются прежде всего проблемой адресации, направленностью на широкого читателя (точнее, ориентацией на читателя как такового). Действительно, перевод более коммуникативен, чем оригинальная поэзия. В рамках коммуникативной стратегии адресация оказывается связанной с тематизацией. Тематизация неизбежно сопутствует любой адресации как целевой адресации, некоей адресной аудитории – например, как пишутся детские стихи на специально детские темы, так, хотя и в меньшей степени, переводные стихотворения – на темы, интересные в данной аудитории в данное время.

Утверждение о коммуникативности перевода может основываться на двух прямо противоположных посылах. Правая (более консервативная) посылка понимает задачу перевода в терминах «обогащать принимающую культуру», «сделать доступным для читателя» то или иное великое произведение, прежде недоступное. Задача переводчика преподносилась в формулах типа «ввести в русскую культуру», «познакомить русского читателя», что вело к приоритету передачи смысла оригинала на языке перевода, то есть приспособления чего-либо к своей традиции. Это задача культурологического характера, заведомо не предполагавшая обращения к неизвестному для читателя способу языкового мышления. Неизбежно следует упрощение, аккомодация. Даже хорошие переводы 20 в. этого не избежали. Перевод более, чем оригинальная

поэзия, оперирует категориями понятно-непонятно, или так говорят по-русски, так не говорят по-русски.

Переводчик, в отличие от автора-поэта, обыкновенно не пренебрегает такой характеристикой текста, как «понятность». Можно утверждать, что, например, перевод В. Хлебникова на какой-либо язык в языковом отношении будет более понятен читателю, чем оригинал; требование «понятности», вводящее критерий целевой аудитории как обязательный, всегда противоречит телеологии адресности как обращенности. Здесь можно вспомнить иллюстративное высказывание Б. Пастернака о задачах, которые он ставил перед собой, переводя грузинского поэта Важа Пшавела, – Пастернак, приводя в качестве примера переводы В. Жуковского, пишет: «Мне именно этой гладкости хотелось, этой гладкости передачи, чтобы это легко было читать и нравилось старикам и детям» [Пастернак 2005, с. 745].

Переводчик поэзии существует в ситуации диктата адресата. Обязательная установка на целевую аудиторию при переводе подразумевает дополнительную экспликацию и часто приводит к нарушению цельности текста; переводной текст как бы «стыдится» своей несамодостаточности и возможной непонятности для адресата, поэтому появляются комментарии разного рода.

Необходимо учитывать и возможность постадресации – перевода собственно поэтического дискурса в продукт, например, при напечатании книги, оформлении публикации. Фигура адресата вводится в этих случаях, например, при помощи даты, подразумевающей как самовписывание в историко-литературный процесс, так и более четкое обозначение границ текста, более удобное для читателя.

Вторая посылка, напротив, левая. Это мечта, и она исходит из образа утопического универсального языка. Задача перевода понимается как усложнение родного языка, даже его принуждение, и в результате выявление в нём неких новых потенций и возможности сближения даже с языками неродственных систем.

Известно, что любой перевод менее целостный, чем оригинал: аддитивность привносится в любой тип перевода сносками, комментариями, а также графикой – разной, часто неупорядоченной, длиной строк, разным количеством слов (элементов) в строчках, что подразумевает приоритет экспликации над целостностью. Такая стратегия свойственна переводчикам, заранее уверенным в невозможности конвертировать тексты, написанные на неродственных языках, прежде всего иероглифику и буквенное написание и стремящихся

сторону иероглифа. Кроме того, не раз исследованная лингвистами полисемия русского творительного при взаимодействии с китайским проявляет себя не только как удивительная возможность актуализации синкретических грамматических значений и частеречных трансформаций, а также неигровой реализации множественных валентностей, но и как способ максимальной концентрации текста.

Усилия переводчика направлены на то, чтобы сдвинуть традиционные части речи, повысить пластичность синтаксических функций. Приведем несколько примеров подобных творительных в переводе: «тревога цветов суетлива красных отражением в белых цветах; зависает стрекозами медленно мягко поверхность воды дрожащей / превращением ветер трепетом в свет текут меняясь местами; осенью белых рос искалечен оголённый клёновый лес; снова цветёт куст хризантемы слезами ушедших дней / с одинокой лодкой на привязи сердцем возвращаюсь в родные пределы» и др.

Значимой оказывается и проблема больших букв. Хорошо известно, что, в частности в индоевропейских языках, традиция прописных букв не является универсалией. С другой стороны, сам концепт «прописного» (большого) знака (большого иероглифа) представляется абсурдным для китайского языка. В русских переводах XX века большие буквы усиливали линейность (последовательность) прочтения, диктовали более однозначные внутритекстовые связи. Современная поэзия, принявшая в начале XXI века запись без больших букв как относительную внутривоэтическую норму (что тоже объясняется, независимо от китайской поэзии, установкой на целостность текста), позволяет в какой-то степени соотнести запись кириллицей с иероглифической. Отказ от прописных букв в переводе является абсолютным, в том числе в собственных именах и заглавиях.

Установка на целостность текста диктует и решение вопроса о знаках препинания. Уже со второй половины XX века русская поэзия прогрессивно отказывается от постановки знаков препинания, прежде всего таких, как запятые и точки, считая более выразительным и достаточным графическое решение деления на строчки. Обратим внимание на то, что знаки препинания (запятые и точки) появились только в новейших записях китайской поэзии и исключительно в конце строк; между иероглифами знаки препинания не ставились и не ставятся. Таким образом, принятые в русской пунктуации традиционные знаки препинания, становятся препятствием в установке на гибкость и многопараметровость синтаксических и внутритекстовых связей (в том числе вертикальных) и представляются лишними, кроме знаков

вопроса и восклицания.

Перевод неродственного языка создает особые возможности для поиска новых способов связности текста. Дополнительные возможности для графической репрезентации ритма возникают из-за попытки передать китайскую цезуру: интонационно-графическое членение текста в переводе осуществляется при помощи строки и цезуры (полустроки): в семисловной строчке используется цезура по формуле 4 + 3 (например, «ветром нервным взвивается к небу / обезьяний плач по умершим»), а в пятисловной строчке 2 + 3 (например, «осени на границе / кричит одинокий гусь»). Встречаются некоторые любопытные случаи использования цезуры, например двойная цезура в стихотворении «ночью в штабе»; ряд выделяемых при помощи двойной цезуры слов образует самостоятельный текст внутри целого текста, некий колодец, который может читаться вертикально:

пронзительной осенью в штабе пустом	
	колодец
	морозных платанов
остался один в чхэн ду	
	свеча
	догорает дрожью
нескончаема ночь звуком рога	
	скорбь
	говорит собой
лунный цвет в целом небе	
	кому
	любоваться им?

Китайский язык обладает удивительной возможностью идеографических повторов (повторов элементов иероглифа), в полной мере осуществляющейся в поэтическом тексте. Анаграмматическая техника современного стиха не только по звуковому, но и по типографскому каллиграфическому (повторы определенных комплексов букв) критерию в какой-то мере способна соотноситься с идеограммами в китайских иероглифах. Китайский комплекс тон – омофон – идеограмма преобразуется в переводе в русский комплекс ассонанс – анаграмма.

Поиски схождения (на уровне целого текста, но не парных соответствий) принципа идеографических повторов оригинала и принципа звукобуквенных повторов перевода демонстрируют возможность конвертируемости разных типов связности в разных языковых системах.

Одним из «непереводимых» приемов китайской поэзии принято считать так называемые тавтофоны. Тавтофон передает и звукоподражание, и семантику; кроме того, он поддержан графическим повтором двух одинаковых иероглифов (тавтограммой). Стратегия переводчика направлена на такую передачу звучания, которое было бы само по себе становящейся формой новой поэтико-философской мысли: «так беспрестанно теряют деревья шуршанье шуршание листьев; так бесконечно катит янцзы течение встречи; вот заполняется сплошь сплошную воздух / уже распыля разделённой разделельностью брызги; рыбаки прорыбачив которую ночь с возвращением медлят и медлят / ласточки осенью всё-ещё здесь мелькают в мельканьи настырном».

В таком критерии, как длина стихотворения, особенно заметна разница между восточной и западной поэзией. В самом общем виде это можно сформулировать так: в западной традиции длина стихотворения определяется жанром, а не визуальным обликом; в восточной поэзии длина стиха всегда соотносима со способом его написания и возможностью одновременно охватить глазом, независимо от того, пишется ли стих горизонтально или вертикально, самостоятельно или как часть картины. Особый способ чтения стиха – это чтение на свитке, предполагающее сочетание целостности восприятия и последовательности его развертывания. Это последовательность, которая, тем не менее, не предполагает постраничного разрезания на части. Если разрезать китайское стихотворение на несколько страниц печатного текста, это уничтожит саму материю стиха. Традиционная западная поэзия, напротив, почти на протяжении всей своей истории остается безразличной к визуальности целого текста как выразительному средству, несмотря на отдельные визуальные опыты (фигурных стихотворений, футуристической поэзии и др.). Благодаря диктату визуальности в культуре XXI века, этот критерий в традиционной китайской поэзии представляется удивительно актуальным и необходимым для воплощения: одно стихотворение – одна страница. С другой стороны, парадоксальным образом именно современные медиа-носители, в частности интернет-презентация (интернет-смещение) переводного текста, способны создать аналог свитку, то есть более адекватно, чем книга, конвертировать «длинное» стихотворение (более восьми строк).

Современное поэтическое мышление, актуальные медиа-носители и визуальная культура создают новые возможности для перевода классических текстов, в то же время новые переводы текстов на неродственных языках могут служить триггером развития языка русской поэзии XXI века.

Что нужно сделать с русским языком (какова интенция в отношении русского языка), чтобы перевод был возможен? В таком случае интенция переводчика направлена не на перевод отдельного текста отдельного автора, а на весь язык в целом (русский) и русский поэтический язык в частности. Или еще в более парадоксальной формулировке: язык переводится на язык. Таким образом, упрек переводчику – так не говорят по-русски, – можно перефразировать: так потенциально говорят по-русски, так уже говорят по-русски.

В этом смысле перевод – это не предпоэзия или недопоэзия, а надпоэзия, – поэзия, которая уже говорит на надязыке, но он, несмотря на свою непонятность, трудность, задан как коммуникативный: перевод тоже может быть обращён к идеальному адресату, то есть к тому, кто владеет языком лучше, чем сам автор (идеальный адресат способен говорить на языке близком к универсальному или на идеальном универсальном языке).

Но, возвращаясь к левой посылке, – левое тоже бывает разное, и сам образ универсального языка неоднозначен. Если под универсальным мыслится некий искусственно сконструированный язык с ограниченным набором средств выражения и близкий к математическому, то тем самым любые естественные языки объявляются «национальными» и упраздняются. Тогда и перевод мыслится как устаревшее столкновение двух традиций, двух национальных языков (и парадоксальным образом такая позиция смыкается с правой) и теряет всякий смысл. Но, к счастью, эта концепция универсализма не универсальна.

Напротив, выход за пределы границ одного естественного языка, придание ему гибкости, пластичности за счёт взаимодействия с другими естественными языками, создание некоего общего сложного естественного пространства, в которое могут включаться и другие знаковые системы, это задача перевода. Благодаря решению этой задачи в рамках надязыка, нам становится условно-понятной даже та сторона книги билингвы, которая написана не на родном языке вплоть до иероглифики

Целый ряд утверждений, относящихся к поэзии и переводам, распространяется и на философский текст. Перевод философских текстов способен быть конгениальным текстом, то есть самостоятельным философским произведением, как, например, перевод В. Бибихиным

хайдеггеровского «Бытия и времени» или переводы А. Лосева, однако такие переводы обычно критикуются со стороны профессионалов. Выдвигаемая критиками «научная цель» перевода, то есть целевая ориентация на научное сообщество, как правило, расходится с собственно философскими задачами, которые ставит перед собой переводчик-философ: «Перевод “Бытия и времени” на русский язык, выполненный В.В. Библихиным, невозможно использовать для научных целей в силу его слишком вольного характера» [Соболева 2005, с. 141]. Основной же поток переводимых философских текстов мигрирует к границам философского дискурса, то есть становится менее «чистым» философским текстом, чем оригинал. Если в каждом философском тексте философский термин определяется заново, то переводчик стремится использовать термин, уже известный адресату, устоявшийся в данном гуманитарном сообществе, которым является целевая аудитория. Это обуславливает движение философского дискурса в сторону общегуманитарного научного дискурса. Основным источником возражений – как это будет воспринято целевым адресатом, например, российской публикой, читающей подобные книги (научным профессиональным сообществом и образованными гуманитариями, в том числе «артсообществом», в основном в возрасте от 30 до 50).

Ориентация на адресата продуцирует инерционность перевода в поэзии и философии, что противоречит такому важному типологическому предикату этих текстов, как антиавтоматизм восприятия.

Переводной текст, подменяя идеального адресата на целевую адресацию, сближается по своей стратегии с детской поэзией и утрачивает свойство собственно поэтического дискурса. Но этого может не происходить, если перевод обращен к идеальному адресату как носителю идеального языка, в котором возможна межъязыковая и надъязыковая коммуникация.

Список литературы:

- Беньямин В.* Озарения / Вальтер Беньямин; пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. 376 с.
- Ду Фу.* Проект Наталии Азаровой / Ду Фу; пер. с кит. Наталии Азаровой. М.: ОГИ, 2012. 296 с.
- Пастернак Б.* Полное собрание сочинений в 11 т. / Б. Пастернак. Т. VIII. М.: Слово/Slovo, 2005. 7800 с.
- Соболева М.Е.* Философия как «критика языка» в Германии / М.Е. Соболева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 412 с.

Αλεξανδρίδου Σ.
11 лицей Салоник
г. Салоники (Греция)

Alexandridou Sofia
11 lyceum of Thessaloniki
Thessaloniki (Greece)

ΑΚΤΥΑΛΗΝΟΤΗΤΗ ΠΥΒΛΗΚΗΝΟΤΗΤΗΝ ΡΑΒΟΤ ΒΟΔΥΕΝΑ ΔΕ ΚΥΡΤΕΝΕ Η ΕΠΗΚΑΙΡΟΤΗΤΑ

ΤΩΝ ΔΗΜΟΝΟΛΟΓΗΚΩΝ ΕΡΓΑΝΟΝ ΤΟΥ ΜΠΟΝΤΟΥΕΝ ΝΤΕ ΚΟΥΡΤΕΝΕ

Βιογραφία Η. Α. Βοδουэна де Куртене является источником информации, позволяющей познакомиться с одной стороны с достижениями русского языкознания на рубеже 19 - 20 веков, с идейно-политическим брожением среди русского общества в те времена, с политико-культурным соперничеством среди восточных славян и / или между восточными и западными славянами (противоположности и конфликты что и ныне поднимаются) и с другой стороны с личностью, которая служит образцом научной морали и общественно-политической мысли. Поляк по происхождению, Бодуэн де Куртене проводил долгое время диалектологические исследования в регионах находящимся в контактных зонах и успешно преподавал в университетах в Казани, в Юрьеве, в Кракове, в Петербурге. Его публицистическая деятельность выдвигала на первый план проблемы связанные с динамикой взаимоотношений и сосуществования различных этнокультурных групп в рамках поликультурных государственных образований.

Baudouin de Courtenay's life and work is a handy source of introducing us to the achievement of Russian linguistics at the turn of the 19th century. Similarly, his work is important to our understanding of the ideological and political fermentation taking place in Eastern Europe at the time, as well as the socio-cultural and political clashes among Eastern Slavs, between Eastern and Western Slavs, between Slavs and other ethnic groups, due to proximity and contact. Such clashes and confrontations recur with great intensity in the 21st century. Baudouin de Courtenay could be considered a paragon of scientific professionalism and sociopolitical sensitivity. Of polish descent, he conducted extensive dialectological research in areas that constituted zones of contact among Slavic peoples themselves and between Slavs and others. He taught, to high acclaim, at universities in Kazan, St. Petersburg, Tartu, Krakow and he was a public speaker who foregrounded issues relevant to the dynamic interdependence and prerequisites of co-existence of ethnic groups within sovereign nation states and multi-ethnic empires.

Η θεματολογία του παρόντος συνεδρίου και ο τόπος διεξαγωγής του σε συνδυασμό με το γεγονός ότι φέτος εισάγεται η ελληνική ως τρίτη γλώσσα των εργασιών του δηλώνουν πως πέρα από το σχολιασμό και τη διαχείριση ζητημάτων που αφορούν τη διδακτική της ρωσικής, τη μεταφραστική πρακτική και την ανάδειξη στοιχείων του ρωσικού πολιτισμού μέσα από αυτές, υφίσταται και μια στόχευση προς συστηματικότερη επαφή, αλληλογνωριμία και επικοινωνία. Στο πλαίσιο λοιπόν αυτής της προσπάθειας υπάρχει νομίζω χώρος και για την παρουσίαση προσωπικοτήτων που εκτός από τη σπουδαιότητα του έργου τους μπορούν να εξεταστούν ως φυσιογνωμίες χαρακτηριστικές της εποχής και της ιστορικής συγκυρίας που τις γέννησε και τις διαμόρφωσε και επομένως πρόσφορες για να γνωρίσουμε, με αφορμή το βίο και τη δράση τους, τη ρωσική πραγματικότητα του καιρού τους αλλά και τις διαστάσεις εκείνες της κοσμοθεώρησής τους που παραμένουν επίκαιρες και μπορούν να παραδειγματίσουν με το ήθος και την ανθρωπιστική τους προοπτική.

Μια τέτοια περίπτωση αποτελεί, κατά την εκτίμησή μου, ο επιφανής σλαβολόγος και γλωσσολόγος στη Ρωσία του τέλους του 19^{ου} και των αρχών του 20^{ου} αι. Ιβάν Αλεξάντροβιτς Μποντουέν ντε Κουρτενέ.⁴ Γεννήθηκε το 1845 στο τμήμα εκείνο της Πολωνίας που υπαγόταν τότε στη Ρωσική Αυτοκρατορία και μετά την αποφοίτησή του από τη Szkoła Główna της Βαρσοβίας, συνέχισε τις σπουδές του, με υποτροφία που του χορήγησε το ρωσικό Υπουργείο Παιδείας, στην Πράγα, το Βερολίνο, τη Βιέννη, την Ιένα και τη Λειψία. Η διδακτορική του διατριβή αφορούσε την ιστορία της πολωνικής γλώσσας (Λειψία, 1870, *О древнепольском языке до XIV столетия*) και η διατριβή του επί υφηγεσία τη σλαβική διαλεκτολογία (Αγ. Πετρούπολη, 1874, *Опыт фонетички резьянских говоров*). Από το 1875 διδάσκει στο Πανεπιστήμιο του Καζάν συγκριτική γραμματική των σλαβικών και Ινδοευρωπαϊκών γλωσσών, γενική γλωσσολογία κ.ά., ενώ τα ερευνητικά-επιστημονικά του ενδιαφέροντα εστιάζονται στη μελέτη της φωνητικής σε σχέση με τη φυσιολογία των φθόγγων και στη συγκριτική τυπολογία. Τότε αρχίζει και η επιστημονική του επικοινωνία με τον Φερδινάνδο ντε Σωσσύρ και άλλους εκπροσώπους της γαλλικής γλωσσολογίας με τους οποίους μοιραζότανε αντίστοιχες αντιλήψεις σχετικά με την ανάλυση γλωσσικών φαινομένων. Γύρω του δημιουργείται ένας κύκλος νέων μαθητών που μαζί του θ' αποτελέσουν τον πυρήνα της λεγόμενης Γλωσσολογικής Σχολής του Καζάν⁵ –της οποίας θεωρείται θεμελιωτής. Ανάμεσά τους οι Η. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич, В. В. Радлов. Την περίοδο 1883 - 1893 κατείχε την έδρα Συγκριτικής Γραμματικής των Σλαβικών Γλωσσών στο Πανεπιστήμιο του Ντερπ / Γιούργιεβ / Tartu (σημερινή Εσθονία), όπου ήταν επικεφαλής του Τομέα Γλωσσολογίας και δίδαξε συγκριτική γραμματική σλαβικών και άλλων ΙΕ γλωσσών, διαλεκτολογία, φωνητική, σλαβικές γλώσσες, γενική γλωσσολογία, ετυμολογία κ.ά. Με δική του πρωτοβουλία μάλιστα εγκαινιάστηκε στο πανεπιστήμιο του Ντερπ η διδασκαλία της λετονικής και της λιθουανικής γλώσσας (βαλτικών γλωσσών). Άλλωστε και σε ερευνητικό επίπεδο ασχολήθηκε συστηματικά με τη διασπορά των σλαβικών διαλέκτων, την επαφή τους με λατινογενείς, βαλτικές κλπ. γλώσσες. Από το 1893 ως το 1900 δίδαξε στο Πανεπιστήμιο Jagellonski της Κρακοβίας – το ευρισκόμενο στο τμήμα εκείνο της Πολωνίας που τότε υπαγότανε στην

⁴ Γεννήθηκε στο Radzymiń της Πολωνίας το 1845, εποχή κατά την οποία η Πολωνία ήταν διαμελισμένη σε τρία τμήματα υπαγόμενα αντίστοιχα στις τρεις γειτονικές αυτοκρατορίες: το ανατολικό και μεγαλύτερο στη Ρωσική Αυτοκρατορία, το δυτικό στη Γερμανική Ομοσπονδία (στην Πρωσία) και το νότιο στην Αυστροουγγρική Αυτοκρατορία. Το επώνυμό του παραπέμπει στη γαλλική προέλευση των προγόνων του που ήλκαν την καταγωγή τους από τη γενιά του Λουδοβίκου του Στ' του Παχέως – και την προσωνομία τους από την ομώνυμη πόλη και τη φερόνυμη δυναστεία της Γαλλίας. Το πλήρες πολωνικό του όνομα ήταν Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay. Вл. Шмелева Т.В. 'И.А. Бодуэн де Куртенэ в Польше: (К 155-летию со дня рождения)' στα Известия АН. Серия литературы и языка, М., 2000, Т.59, №6ю

⁵ Το Κρατικό Πανεπιστήμιο του Καζάν έχει οργανώσει και αναρτήσει ειδικό ιστότοπο αφιερωμένο στη Γλωσσολογική Σχολή του Καζάν, όπου υπάρχει αναλυτική, κατ' έτος καταχώρηση όλων των εν ζωή δημοσιευμένων εργασιών του Κουρτενέ, αλλά και όσων αναδημοσιεύτηκαν μετά θάνατον, εκτενής βιβλιογραφία σχετική με τον έργο του, παρουσίαση των σημαντικότερων εκπροσώπων της

Αυστροουγγρική Αυτοκρατορία-, (σανσκριτικά, συγκριτική γραμματική σλαβικών, βαλτικών και τευτονικών γλωσσών). Επανέρχεται ως το 1918 στο Πανεπιστήμιο της Αγίας Πετρούπολης όπου διανύει μια πολύ γόνιμη επιστημονικά περίοδο, ενώ γύρω του δημιουργείται ένας ακόμη γλωσσολογικός κύκλος απ' όπου προέκυψαν οι εξέχοντες γλωσσολόγοι - μαθητές του Ε. Поливанов, М. Фасмер,⁶ Л. Щерба, Л. Якубинский κ.ά.

Το φάσμα των γλωσσολογικών και σλαβολογικών ενδιαφερόντων του είναι ευρύτατο. Μελέτησε και δίδαξε Ινδοευρωπαϊκή Γλωσσολογία, Συγκριτική Γραμματική, Σλαβική Διαλεκτολογία και Γλωσσογεωγραφία, Θεωρητική Γλωσσολογία,⁷ Σλαβικό και Λιθουανικό φολκλόρ, Σλαβικές γλώσσες, Σανσκριτικά κ.ά. Συγκέντρωσε και δημοσίευσε διαλεκτολογικό και λαογραφικό υλικό ενώ παράλληλα διακρινόταν για τη μεγάλη του γλωσσομάθεια. Άφησε πλήθος δημοσιεύματα σε πολωνικά, ρωσικά, τσέχικα, σλοβένικα, ιταλικά, γερμανικά και γαλλικά. Υπήρξε μάλιστα και δραστήριος υποστηρικτής της Εσπεράντο και πρόεδρος του Πολωνικού Συνδέσμου της Εσπεράντο.

Σημαντική ήταν και η συμβολή του στην σύνταξη λημμάτων για την Ρωσική Εγκυκλοπαίδεια και το πολύτομο Εγκυκλοπαιδικό Λεξικό Brokgaуз – Efron, αλλά και στην επιμέλεια και τον εμπλουτισμό της 3^{ης} συμπληρωμένης έκδοσης του ερμηνευτικού λεξικού του Dal'.⁸

Από το 1918 μετεγκαθίσταται στη Βαρσοβία, όπου παράλληλα με το επιστημονικό και διδακτικό του έργο αναπτύσσει και αξιόλογη κοινωνική και δημοσιολογική δράση μέχρι το θάνατό του το 1929. Οι φιλειρηνικές και φιλελεύθερες ιδέες του τον έφεραν αντιμέτωπο με πλήθος κοινωνικές και πνευματικές συμβάσεις του καιρού του. Ενδεικτικά, όσον αφορά το ανοικτό και πρωτοποριακό πνεύμα που διέτρεχε την κοινωνικοπολιτική και εκπαιδευτική – πολιτισμική προοπτική του αξίζει να αναφέρουμε ότι είχε εισηγηθεί την εισαγωγή της διδασκαλίας της πολωνικής σε ιουδαϊκά σχολεία της Πολωνικής Δημοκρατίας, και της ιουδαϊκής από την άλλη σε πολωνικά σχολεία. Άφησε επίσης αξιόλογους επιγόνους και στην πολωνική γλωσσολογία: Henryk Ułaszyn, Witold Doroszewski κ.ά.

Το σημαντικότερο έργο του έμεινε για καιρό μάλλον παραγνωρισμένο για διάφορους λόγους, όπως η περιορισμένη γνώση σλαβικών γλωσσών στη Δύση, η αργοπορημένη υιοθέτηση της στρουκτουραλιστικής τάσης στη γλωσσολογία στη Σοβιετική Ένωση, αλλά και οι δυσარέσκειες που

«Σχολής», τα πρακτικά των συνεδρίων που οργανώθηκαν από το εν λόγω πανεπιστήμιο προς τιμήν του Κουρτενέ κλπ. στην : <http://kls.ksu.ru>.

⁶ Ο Μαξ Φάσμερ (M. Vasmer) έγινε παγκοσμίως γνωστός και για το περίφημο ετυμολογικό λεξικό της Ρωσικής, σημαντικού εργαλείου για τους απανταχού ρωσολόγους – σλαβολόγους μέχρι και σήμερα, καθώς θεωρείται εγκυρότατο έργο για τη σλαβική ετυμολογική λεξικογραφία. Το λεξικό *Russisches Etymologisches Wörterbuch* εκδόθηκε από το Πανεπιστήμιο της Χαϊδελβέργης το 1950 – 1958 και ακολούθως μεταφράστηκε και εκδόθηκε στα ρωσικά σχολιασμένο από τον Ο.Ν. Τρουμπατσόφ το διάστημα 1964 – 1973.

⁷ Αξιόλογη υπήρξε η συμβολή του στη Φωνητική (π.χ. θεωρία του φωνήματος) και τη Μορφολογία (π.χ. νόμος της αναλογίας) κλπ.

προκάλεσαν οι τοποθετήσεις του σχετικά με εθνοτικά και μειονοτικά ζητήματα σε ένα κόσμο όπου κυριαρχούσαν οι εθνικισμοί με προοπτική την εθνική ολοκλήρωση και οι εντατικές προσπάθειες αφομοίωσης αλλοεθνών στοιχείων από μεγάλες πολυσυλλεκτικές κρατικές οντότητες.

Θα αναφέρουμε επί παραδείγματι ότι η θητεία του στο Πανεπιστήμιο της Κρακοβίας διακόπηκε καθώς το αρμόδιο αυστρουγγρικό Υπουργείο της Βιέννης, με το αιτιολογικό ότι οι εργασίες και οι δημοσιεύσεις του προπαγανδίζανε πανσλαβιστικές θέσεις δεν ανανέωσε τη σύμβασή του. Επίσης το 1915 συνελήφθη από την Okhrana, τη ρωσική μυστική αστυνομία, και φυλακίστηκε για τρεις μήνες με αφορμή τη δημοσίευση μιας μπροσούρας (στην Πετρούπολη το 1913) με τίτλο *Национальниѣ и территориальниѣ признак в автономии* [Η εθνική και εδαφική διάσταση της αυτονομίας], όπου δινότανε η εντύπωση ότι υποστήριζε την αυτονόμηση των λαών από τη ρωσική κυριαρχία, καθώς δήλωνε υπέρμαχος της εθνικής ελευθερίας και του αυτοπροσδιορισμού κάθε πολίτη και πρέσβευε ότι ο σεβασμός των εθνικών και προσωπικών ελευθεριών και δικαιωμάτων θα συνέβαλλε στην επίτευξη κρατικής ενότητας και αλληλεγγύης αβίαστης και πολύ σταθερότερης από τον παραδοσιακό πατριωτισμό.⁹ Αποφυλακίζεται αλλά δεν αποθαρρύνεται και τα επόμενα χρόνια αναπτύσσει πλούσια δημοσιολογική δράση με αιτήματα που αφορούν τον εκδημοκρατισμό της ανώτατης εκπαίδευσης, την αναγνώριση ίσων δικαιωμάτων σε όλους του λαούς της Ρωσίας κ.ά. Άλλα και αργότερα, συνάντησε την έντονη αντίδραση πολλών πατριωτών όταν επρόκειτο να αναλάβει καθήκοντα στο Πανεπιστήμιο της Βαρσοβίας, καθώς θεωρήθηκε ότι δεν είχε υποστηρίξει ουσιαστικά τον αγώνα για ανεξαρτητοποίησης της Πολωνίας.

Επρόκειτο για ένα ανήσυχο πνεύμα με εξαιρετικά πρωτοποριακές ιδέες όσον αφορά την επιστήμη, τον πολιτισμό κλπ. Σύμφωνα με τους μαθητές του ήταν ένας άνθρωπος με ευγενικά αισθήματα, υψηλή αίσθηση δικαίου, που τόσο σε υπαρξιακό όσο και σε επιστημονικό επίπεδο τον απορροφούσε η αναζήτηση της αλήθειας.

Με συστηματική επιτόπια διαλεκτολογική έρευνα συγκέντρωνε γλωσσικό και εθνογραφικό υλικό παρακολουθώντας την επαφή και αλληλεπίδραση σλαβικών πληθυσμών μεταξύ τους (ανατολικοί - δυτικοί σλάβοι) ή / και με διαφορετικές γλωσσικές / εθνογραφικές ομάδες (Σλάβοι και λαοί της τευτονικής, βαλτικής, ρομανικής γλωσσικής ομάδας) σε περιοχές όπου οι αντίστοιχοι πληθυσμοί

⁸ Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка* [Dal' V. I. Ερμηνευτικό λεξικό της ζωντανής μεγαλορωσικής γλώσσας]. Πβ. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка* / В.И.Даль.- 3-е изд., испр. и значительно доп. / Под ред. проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ- СПб.; М.- 1903.

⁹ Διέκρινε δύο είδη πατριωτισμού, εκ των οποίων τον εθνικιστικό πατριωτισμό τον θεωρούσε εγωιστικό και υπεύθυνο για το στραγγαλισμό της διαφορετικότητας, ενώ τον πατριωτισμό που θα μπορούσε να αναπτυχθεί μέσα από την ειρηνική συνύπαρξη και συνεργασία όλων των εθνικών και εθνοτικών ομάδων μιας περιοχής χωρίς επιβολή και πολιτισμική αφομοίωση μιας ομάδας από άλλη τον

συμβίωναν εντός πολυεθνικών αυτοκρατοριών.

Είχε επομένως τη δυνατότητα να αντιληφθεί τις πολιτισμικές ιδιομορφίες και διαφοροποιήσεις που προτάσσονταν κατά τη διαμόρφωση και διεκδίκηση ταυτοτήτων και τα αιτήματα που διατυπωνόταν αναφορικά με την αναγνώριση και διατήρησή τους. Με ψύχραιμη ματιά και σεβασμό στον άνθρωπο, θέτοντας ως προτεραιότητα την ειρηνική συμβίωση, τον αλληλοσεβασμό και την ισότιμη αντιμετώπιση τοποθετούνταν δημόσια με διαλέξεις και δημοσιεύματα αναφορικά με διακρίσεις, αντεκδικήσεις, συγκλίσεις και διαμάχες που εκδηλωνότανε στο χώρο της κεντρικής και ανατολικής Ευρώπης σε μια εποχή μεγάλων ανακατατάξεων.

Κατά το 2^ο μισό του 19^{ου} αι. τα εν εξελίξει εθνικά κινήματα θέτουν διαρκώς ως επιχείρημα και κριτήριο την ιδιαίτερη γλώσσα κάθε κοινότητας και αναδεικνύουν ζητήματα πολιτικά και πολιτειακά σχετικά με την αυτοδιάθεση, την εθνική ολοκλήρωση, την ομαλή συμβίωση, την ανεκτικότητα ή μη, τον ρόλο και την υπόσταση των πολυεθνικών ισχυρών αυτοκρατοριών. Σε παρόμοιους αγώνες εμπλέκονται οι Σλάβοι των Βαλκανίων, ενώ η Πολωνία – πατρίδα του Κουρτενέ – διατελεί υπό καθεστώς τριχοτόμησης. Διαδίδονται παράλληλα επαναστατικές ιδέες όπως ο διεθνιστικός «κοσμοπολιτισμός» των Μαρξ και Έγκελς που προσανατολίζεται στην άρση των εθνικιστικών προκαταλήψεων, χωρίς ωστόσο οι ουμανιστικές υποσχέσεις του να μπορούν να συντονιστούν με την απανταχού δυσaréσκεια αγροτικών κυρίως εθνικών ομάδων που συμβίωναν εντός ευρύτερων εθνικών μορφωμάτων. Το 1893 η Ρόζα Λούξενμπεργκ ιδρύει το Σοσιαλδημοκρατικό Κόμμα του «Βασιλείου της Πολωνίας» που επικέντρωνε στην κοινή μοίρα πολωνικού και ρωσικού προλεταριάτου, με προσδοκία την εδαφική αυτονομία στα πλαίσια μιας ρωσικής Δημοκρατίας. Από την άλλη οι αυστριακοί μαρξιστές οραματιζότανε μια πολιτιστική αυτονομία με δικαιώματα για τις μειονότητες στα πλαίσια μιας ενωμένης αυστρουγγρικής αυτοκρατορίας. Επιπλέον τα συνθήματα που προωθούσε ο Λένιν για εθνική αυτοδιάθεση, ελεύθερη και εκούσια ένωση και συνεργασία των εθνοτήτων, οι σλαβοφιλικές αντιλήψεις με αναφορά στη Βαλκανική, απόψεις όπως του αυστρομαρξιστή Karl Renner για ισότητα των πολιτών και προστασία των μειονοτήτων σε πολυεθνικά κράτη, η διαπίστωση της πρακτικά ανέφικτης σύμπτωσης γεωγραφικών και εθνικών ορίων, όπως αναδεικνύονταν από τις αποφάσεις του Συνεδρίου του Βερολίνου,¹⁰ αλλά και οι αντισημιτικές εκδηλώσεις που σημειώνονται στο χώρο της ανατολικής Ευρώπης αποτελούν συνιστώσες των πολιτικοκοινωνικών ζυμώσεων που λαμβάνουν χώρα στην περιοχή.

προέβαλλε ως βιωσιμότερο, δικαιότερο και πιο τελεσφόρο για την πρόοδο της ‘πατρίδας’. Οι θέσεις του αυτές τον έφεραν βέβαια αντιμετώπο και με τους πολωνούς εθνικιστές.

¹⁰ Πβ. Διακοφωτάκης, Γεώργιος, [‘Περί μειονοτήτων κατά το διεθνές δίκαιο’](#).

Μέσα σε ένα τέτοιο κλίμα ο Μποντουέν ντε Κουρτενέ και στο θέμα των μειονοτήτων, που αναπόφευκτα διασταυρωνότανε με εκείνο των εθνικιστικών διεκδικήσεων, διατύπωνε απόψεις που σε διεθνές επίπεδο τίθενται στη διάρκεια του 19^{ου} αι., διατρέχουν σε κάποιο βαθμό διεθνείς Συνθήκες μετά τον Α΄ Παγκόσμιο πόλεμο (συνθηκών που αφορούν τη διαρρύθμιση σχετικών ζητημάτων στην κεντρική και ανατολική Ευρώπη), αλλά θα εξακολουθήσουν να επιζητούν τη θεσμική έκφρασή τους και την ουσιαστική εφαρμογή τους και μετά τον Β΄ Παγκόσμιο πόλεμο, και πολύ περισσότερο μετά την πτώση του τείχους του Βερολίνου και την κατάρρευση του διπολικού συστήματος, στα τέλη του 20^{ου} αι.¹¹ Συγκεκριμένα ήταν ένθερμος υποστηρικτής των δικαίων των εθνικών / εθνοτικών μειονοτήτων μιας και θεωρούσε ότι ο σεβασμός τους και η πολιτισμική τους ελευθερία θα συνέβαλλε στην καλλιέργεια πατριωτικού αισθήματος εντός ενός πολυσυλλεκτικού κράτους, άποψη που λίγα χρόνια αργότερα θα εκδηλωθεί στην πολιτική πρακτική και τους εθνογραφικούς προσανατολισμούς της νεοσύστατης ακόμη Σοβιετικής Ένωσης έναντι των εθνοτήτων¹² και επίσης ανιχνεύεται στην ιδιαίτερη πολωνική αντίληψη περί της δικής της εθνικής πολυσυλλεκτικής ταυτότητας, όπως αυτή διατυπώνεται τις τελευταίες δεκαετίες του 20^{ου} και τις αρχές του 21^{ου} αι.¹³ Δεν είναι επομένως περίεργο το ότι οι εθνικές μειονότητες της Πολωνίας υπέβαλαν εν αγνοία του και υποστήριξαν δυναμικά την υποψηφιότητά του για την Προεδρία της Πολωνικής Δημοκρατίας το 1922.¹⁴

Με το δημοσιολογικό του έργο - δημόσιες τοποθετήσεις, άρθρα σε περιοδικά κλπ. - διατύπωσε απόψεις, που στην Ευρώπη θα βρουν γόνιμο έδαφος αρκετές δεκαετίες αργότερα, στο πλαίσιο των προσπαθειών για την οικοδόμηση της Ενωμένης Ευρώπης,¹⁵ και οι οποίες τον κάνουν επιφυλακτικό απέναντι στα κελεύσματα των εθνικισμών της εποχής του, κι αυτό σε μια χρονική περίοδο που οι απανταχού εθνικισμοί πρωταγωνιστούν και ποδηγετούν τη διαμόρφωση του κοινωνικοπολιτικού βίου των λαών και των χωρών της Ευρώπης (19^{ος} – αρχές 20^{ου} αι.).

Με διάφορες αφορμές αναπτύσσει με αποφασιστικότητα θέσεις που συχνά αποκλίνουν από τις δεσπόζουσες στην εποχή του τάσεις, αντιμετωπίζοντας με ψυχραιμία τις πολιτικές, εθνοτικές, πολιτισμικές αντιπαλότητες που διέτρεχαν τις κοινωνίες των χωρών της Κεντρικής και Ανατολικής

¹¹ Συμφωνίες που σχετίζονται με τη δημιουργία και τη λειτουργία της Κοινωνίας των Εθνών και προβλέπουν την αναγνώριση ανθρωπίνων και πολιτικών δικαιωμάτων, την παροχή μειονοτικής εκπαίδευσης κλπ. Βλ. Διακοφωτάκης, ό.π.

¹² Πβ. διακηρύξεις για αυτοδιάθεση των εθνοτήτων, τις λενινιστικές ιδέες για ισότιμη πολιτισμική άνθιση και αυτοπροσδιορισμό των λαών εντός του νέου πολυσυλλεκτικού κράτους κλπ.

¹³ Βλ. στο λήμμα Polacy [Πολωνοί] της πολωνικής wikipedia : <http://pl.wikipedia.org/wiki/Polacy>, όπου και ενότητα για την εθνογένεση του πολωνικού λαού. Θεωρείται ότι εκτός από τους δυτικούς Σλάβους στη δημιουργία του Πολωνικού λαού / έθνους όπως αυτό υφίσταται σήμερα – κυρίως πολιτισμικά – συμμετείχαν και άλλες ομάδες όπως Εβραίοι, Τατάροι, Γερμανοί κλπ.

¹⁴ Ήταν βέβαια απίθανο να αναλάβει ένα τέτοιο πόστο. Ωστόσο η κατάσταση της υποψηφιότητας αυτής από μέρους των αντιπροσώπων των εθνοτήτων είναι ενδεικτική της αναγνώρισης και της ευγνωμοσύνης από μέρους τους για την δημόσια υποστήριξη των δικαιωμάτων τους.

Ευρώπης στο μεταίχμιο του 19^{ου} με τον 20^ο αι. Το 1908 λ.χ. του ανατέθηκε από την «Ένωση φίλων της ειρήνης» να μιλήσει σχετικά με Το ζήτημα της αλληλοκατανόησης των Σλαβικών λαών. (*W sprawie porozumienia się ludów słowiańskich / К вопросу о взаимопонимании славянских народов*). Στο κείμενο της ομιλίας του που εκφωνήθηκε στη Βαρσοβία εξηγεί ότι οι διάφορες σλαβικές εθνότητες - πέρα από τις γλωσσικές συγγένειες- διαφοροποιούνται μεταξύ τους όσον αφορά άλλα πολιτισμικά χαρακτηριστικά και ίδια συμφέροντα τόσο, όσο και με οποιαδήποτε άλλη εθνότητα, ότι στις μεταξύ τους σχέσεις διαπιστώνεται έλλειψη ανεκτικότητας και εχθρικότητα εκτός αν έχουν να αντιμετωπίσουν μια κοινή, έξωθεν απειλή και ότι ο σλαβικός κόσμος ως σύνολο εδαφικά εντοπισμένο μεταξύ Ευρώπης και Ασίας και δυνητικά ενοποιημένο είναι μια νοητική κατασκευή, ένα ιδεολόγημα, χωρίς κανένα αντίκρισμα, που αν μη τι άλλο ναρκοθετείται από την ίδια τη σύνθεση των πληθυσμών των τότε υπαρκτών κρατών. Αναρωτιέται ως εκ τούτου αν θα μπορούσαν τα κράτη που υφίσταντο ή προέκυπταν δυνάμει διαφόρων γεωπολιτικών ανακατατάξεων να έχουν κοινή τακτική όσον αφορά την αντιμετώπιση αλλοεθνών και ετερόδοξων πληθυσμών στους κόλπους τους, τέτοια που σε διεθνές επίπεδο να αποκλείει αντεκδικήσεις και συγκρούσεις. Προτάσσει έτσι ως προτεραιότητα την επίτευξη μιας αξιοπρεπούς συμβίωσης των διαφορετικών εθνοτικά πληθυσμών εντός των συνόρων των εκάστοτε κρατών, μέσω της αναγνώρισης του δικαιώματος αυτοπροσδιορισμού σε όλες τις ανθρώπινες οντότητες που περιλαμβάνουν. Και εν κατακλείδι σημειώνει ότι οι διάφορες Ενώσεις που ασχολούνται με τον πολιτισμό των σλαβικών λαών μπορούν να συνεχίσουν το έργο τους αρκεί να μην παρεμβαίνουν στην πολιτική. Προσεγγίζοντας την εθνολογική σύσταση των χωρών της περιοχής του, όπου συμβιώνουν κοινότητες με διαφορετική γλώσσα, δογματική ένταξη, πολιτισμό και παράδοση (εποφθαλμιώντας συχνά η μία την άλλη) προβάλλει ως ιδεατή την δημιουργία κρατών υπερ-δογματικών και υπερ-εθνικών, χωρίς κανενός είδους σωβινισμούς ούτε από την κυρίαρχη αριθμητικά ούτε από τις λοιπές εθνότητες, με σεβασμό της ανθρώπινης αξιοπρέπειας, ισότητα δικαιωμάτων και υποχρεώσεων και απουσία διακρίσεων. Θίγει παρεμπιπτόντως τις πολλαπλές ή εναλλασσόμενες ταυτότητες που να μπορεί να υιοθετεί ένα άτομο ή μια κοινότητα και το ρόλο του ηγέτη που θα πρέπει να κατανοεί και να αντιμετωπίζει εξίσου όλους τους υπηκόους του. Τονίζει ότι ύψιστο μέλημα θα πρέπει να αποτελεί η ειρηνική συμβίωση που δεν μπορεί παρά να εδράζεται στον αλληλοσεβασμό και την ισότητα. Και προχωρώντας σε πρακτικότερα ζητήματα όπως το γλωσσικό (μιας και αναγνωρίζει τη γλώσσα ως κυρίαρχο κριτήριο αυτο- και ετερο-προσδιορισμού) υποστηρίζει την παροχή εκπαίδευσης στη μητρική

¹⁵ Πβ. το ευρωπαϊκό μόττο “*Ενότητα στην πολυμορφία*” / “*United in diversity*” και την πλούσια ευρωπαϊκή –και όχι μόνον- βιβλιογραφική παραγωγή κατά τη δεκαετία του ’80, κυρίως όμως κατά τη δεκαετία του ’90 –και κυρίως μετά το Μάαστριχτ- που καταγράφει όλο τον σχετικό προβληματισμό.

γλώσσα και όχι σε κάποια επιβεβλημένη ως κρατική, η γνώση της οποίας θα έπρεπε επίσης να είναι προσιτή σε όλους. Κι αυτό γιατί κατά την άποψή του η επιβολή μιας κρατικής - εθνικής γλώσσας ως αποκλειστικής και υποχρεωτικής αντικατοπτρίζει τη διάκριση ανάμεσα σε προνομιούχους και υποδεέστερους, διάκριση που δυνητικά αποτελεί τη βάση ταραχών και διεθνών συγκρούσεων. Επισημαίνει μάλιστα ότι τέτοιες διακρίσεις είναι αλληλένδετες με επικίνδυνα ιδεολογήματα περί ανωτερότητας κάποιων εθνοτήτων, π.χ. σλαβικών ή αρίων σε αντιδιαστολή προς τις λοιπές που αυτομάτως μαρκάρονται αρνητικά, υποτιμητικά κλπ. Χαρακτηρίζει μάλιστα ουτοπικούς τους οραματισμούς περί «Ηνωμένων πολιτειών της Ευρώπης» καθώς δεδομένων των «σοβινισμών» που διέτρεχαν τον ευρωπαϊκό κόσμο μια τέτοια ένωση δεν θα μπορούσε να έχει παρά μόνον εδαφική υπόσταση. Εστιάζοντας ενδεικτικά στις πολωνικές επιδιώξεις για ανεξαρτητοποίηση τονίζει τους κινδύνους που θα εγκυμονούσε σε μια τέτοια περίπτωση η αφομοιωτική προσέγγιση των αλλοεθνών πληθυσμών -Λιθουανών, Λεκορώσων, Ουκρανών, Εβραίων κλπ.- από το κυρίαρχο πολωνικό έθνος και διευκρινίζει ότι η διάκριση των πολιτών σε «οικοδεσπότες» και «φιλοξενούμενους», στη βάση της οποίας δομούνται κάποιες κρατικότητες ναρκοθετεί την ειρήνη γενικά, αλλά μπορεί να αποβεί εξαιρετικά ζημιογόνα και για τις ίδιες.

Σε όλη την έκταση του κειμένου του ξεκαθαρίζει πως η παθογένεια των ακραίων εθνικιστικών και σοβινιστικών εκδηλώσεων αφορά όλες τις χώρες όπου οι σλαβικοί πληθυσμοί είναι άλλοτε κυρίαρχοι και άλλοτε υποτελείς και ως εκ τούτου υπογραμμίζει ότι το δίπολο εξουσία και καταπίεση λειτουργεί αμφίδρομα για όλους τους λαούς αυτούς. Γι' αυτό και θεωρεί ότι τα ζητήματα των διακρίσεων, των δικαιωμάτων και της επίτευξης αλληλεγγύης θα πρέπει να τίθενται σε υπερεθνικό και πανανθρώπινο επίπεδο. Γίνεται αμέσως αντιληπτό ότι οι απόψεις του διατήρησαν την επικαιρότητά τους και το επόμενο διάστημα όταν μετά τη λήξη του Α' Παγκοσμίου πολέμου τα εκ νέου διαμορφωμένα σύνορα επαναφέρουν στο προσκήνιο ζητήματα διαχείρισης μειονοτήτων (ας θυμηθούμε τον σχετικό προβληματισμό στο πλαίσιο της Κοινωνίας των Εθνών) αλλά και κατά τη διάρκεια του μεσοπολέμου και του Β' Παγκοσμίου με τα ιδεολογήματα περί ανωτερότητας της Άριας φυλής κλπ.

Λίγα χρόνια αργότερα, το 1913 θα δημοσιεύσει στη Μόσχα το κείμενό του 'Το «ουκρανικό ζήτημα» από εξωεθνοτική οπτική γωνία' («Украинский вопрос» с вненациональной точки зрения) όπου αφού σχολιάσει το θέμα των ονομασιών με τις οποίες αυτοπροσδιορίζονται ή αποκαλούνται οι ουκρανικοί πληθυσμοί και η γλώσσα τους (ρουθηνική, μικρορωσική, ουκρανική) κατά περίπτωση, τονίζει και πάλι ότι το δικαίωμα του αυτοπροσδιορισμού είναι αναφαίρετο, εάν θέλουμε να μιλάμε για σεβασμό τα ανθρώπινης αξιοπρέπειας, και επισημαίνει ότι η απόπειρα βίαιης απεθνικοποίησης

προκαλεί κάποιου είδους «εθνικής υπερευαισθησίας», όπως την ονόμαζε, και αντιδράσεις που υπονομεύουν την ειρήνη μακροπρόθεσμα, επισήμανση που δικαιώνεται από τη σημασία που απέκτησε σε πολιτικό επίπεδο για τους ουκρανικούς πληθυσμούς η διαχείριση του γλωσσικού ζητήματος, και πριν τον Α΄ παγκόσμιο πόλεμο και στη σοβιετική και στη μετασοβιετική περίοδο. Επανέρχεται και στο κείμενο αυτό με τη σύσταση για λειτουργία ουκρανικών σχολίων σε περιοχές με συμπαγείς ουκρανικούς πληθυσμούς, αλλά και χρήση της ουκρανικής στη Δικαιοσύνη και τη Διοίκηση με προοπτική την ειρηνική και καλοπροαίρετη συμβίωση, καθώς θεωρούσε το ενδεχόμενο ένοπλων συγκρούσεων καταστροφικό για όλες τις πλευρές. Και η αναφορά του σε ένοπλη σύρραξη δεν είναι υπερβολική καθώς υπήρχαν Ουκρανοί την εποχή εκείνη που εναπέθεταν τις ελπίδες τους για εθνική ολοκλήρωση σε έναν αναμενόμενο ρωσο-αυστριακό πόλεμο. Ο Κουρτενέ σχολίασε τις προσδοκίες αυτές με αναφορά στη μοίρα των Ουκρανών που θα ήταν υποχρεωμένοι να πολεμήσουν υποχρεωτικά καταταγμένοι στους δύο αντίπαλους στρατούς. Ανάλογα θέματα πραγματεύεται και σε επόμενα δημοσιεύματά του εστιάζοντας σε διώξεις και αποκλεισμούς που υφίσταντο διάφορες ‘μειονοτικές’ κοινότητες - ενίοτε ευάριθμες- Εβραίων, Λευκορώσων, Ουκρανών, Πολωνών εντός εθνικών κρατών ή πολυεθνικών αυτοκρατοριών της εποχής του. Επικρίνοντας εμπάθειες και ακρότητες εξέφραζε τις επιφυλάξεις του για την αποτελεσματικότητα διαφόρων μέτρων και πολιτικών και κυρίως γι’ αυτό που ονόμαζε «εθνικοποίηση του κράτους» ή «κρατικοποίηση του έθνους» και οδηγούσε σε πολιτικές διακρίσεων. Για εθνικά κράτη, όπως η Πολωνία -μετά τον Α΄ παγκόσμιο πόλεμο- σημείωνε πως θα έπρεπε να παραιτηθούν από την ιδέα ότι το κράτος ανήκει σε μία κυρίαρχη εθνότητα, της οποίας οι υπόλοιποι κάτοικοι είναι υποτελείς, διότι, όπως, έλεγε, η ασφάλεια της χώρας δεν μπορούσε παρά να βασίζεται στην αλληλεγγύη των υπηκόων της. Όσο για ευρύτερα κρατικά μορφώματα με πολυεθνική πληθυσμιακή σύνθεση, όπως η Ρωσική Αυτοκρατορία, προέκρινε το ομοσπονδιακό μοντέλο ως το ανεκτικότερο και ως εκ τούτου βιωσιμότερο. Η Ελβετία κατά την άποψή του θα μπορούσε να λειτουργήσει ως ένα υποδειγματικό μοντέλο κρατικότητας σε τέτοιες περιπτώσεις. Με πικρία όμως διαπίστωνε πως η συγκυρία στην περιοχή τη στιγμή εκείνη ήταν πολύ τεταμένη για μια τέτοια λύση. Χαρακτηριστικοί είναι και οι τίτλοι των δημοσιευμάτων του: «Το ζήτημα της αυτονομίας και της ισονομίας των εθνοτήτων» (1906), «Είναι άραγε δυνατή η ειρηνική συμβίωση των εθνοτήτων στη Ρωσία» (1916), «Το θέμα του εθνικισμού» (1926) κλπ. Ο προβληματισμός του θα παραμείνει επίκαιρος για τις δεκαετίες που ακολουθούν, παρότι το δημοσιολογικό του έργο δεν είναι ευρύτερα γνωστό.

Περί τα τέλη του 20^{ου} αι. το τέλος του ψυχρού πολέμου θα σηματοδοτήσει τη δημιουργία μιας σειράς ανεξάρτητων κρατών και η αναδιάταξη των συνόρων σε συνδυασμό με οικονομικές και

γεωπολιτικές επιδιώξεις θα αναδείξει νέες συγκρουσιακές εστίες και περιστάσεις που περιστρέφονται γύρω από τη διαχείριση μειονοτικών ή εθνοτικών ζητημάτων. Τέτοιες αντιπαράθεσεις που επανέρχονται έντονες και στον 21^ο αι., για να καταλήξουν ενίοτε σε ένοπλη σύρραξη, αναμεταδίδονται και προσλαμβάνονται φιλτραρισμένες μέσα από ποικίλες αλληλοεπικαλυπτόμενες πολιτικές, οικονομικές, επικοινωνιακές κλπ. σκοπιμότητες που συσκοτίζουν την ουσία των πραγμάτων, χωρίς να παραλείπουν όμως να αναδεικνύουν τις εθνικά μαρκαρισμένες εμπάθειες.

Έτσι, η γεωπολιτική συγκυρία, έναν αιώνα μετά, επιβεβαιώνει σε μεγάλο βαθμό τις θέσεις του Μποντουέν ντε Κουρτενέ παρότι στα δημοσιολογικά του κείμενα δεν αναλύει τον κρισιμότερο οικονομικό παράγοντα ή κάποιους γεωπολιτικούς συσχετισμούς. Η ομοσπονδιακή Ρωσία, η προσπάθεια οικοδόμησης εθνικού κράτους από την Ουκρανία, η αναγνώριση μιας πολυσυλλεκτικής πολιτισμικής ταυτότητας στην Πολωνία, ο κατακερματισμός της Γιουγκοσλαβίας, η αντιμετώπιση των μειονοτήτων στις χώρες της Ευρωπαϊκής Ένωσης ανακαλούν συνεχώς τον προβληματισμό του. Αξίζει μάλιστα να σημειωθεί ότι το πρώτο άρθρο της Σύμβασης-πλαίσιο του επιφορτισμένου με τη διασφάλιση των ανθρωπίνων δικαιωμάτων Συμβουλίου της Ευρώπης σχετικά με την προστασία των εθνικών μειονοτήτων σχεδόν επί λέξει αναδιατυπώνει τις θέσεις του Κουρτενέ για το ίδιο ζήτημα: *Η προστασία των εθνικών μειονοτήτων και των δικαιωμάτων και ελευθεριών των προσώπων που ανήκουν στις μειονότητες αυτές αποτελεί αναπόσπαστο μέρος της διεθνούς προστασίας των δικαιωμάτων του ανθρώπου και ως τέτοια συνιστά τομέα της διεθνούς συνεργασίας.*

Βιβλιογραφία - Δικτυογραφία

Бодуэн де Куртенэ И.А. Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России? [Είναι άραγε δυνατή η ειρηνική συμβίωση διαφόρων εθνοτήτων στη Ρωσία;] / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Отечество: Пути и достижения национальных литератур России: Национальный вопрос.- Петρούπολη, 1916.- Т.1.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Украинский вопрос» с внешнеэциональной точки зрения, Украинская жизнь [Το «ουκρανικό ζήτημα» από εξωεθνοτική οπτική γωνία'] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. Μόσχα, 1913.- N7-8.

Виноградов В.В. Бодуэн де Куртенэ И.А. / В.В. Виноградов // Избранные труды по общему языкознанию [«Ι. Α. Μποντουέν ντε Κουρτενέ» Επιλεγμένες εργασίες πάνω στη Γενική Γλωσσολογία]. Μόσχα, 1963, τ.1.

Дорошевский, В.В. Об И. А. Бодуэне де Куртенэ /В.В. Дорошевский // Избранные труды по общему языкознанию [«Ι. Α. Μποντουέν ντε Κουρτενέ» Επιλεγμένες εργασίες πάνω στη Γενική Γλωσσολογία]. Μόσχα, 1963, τ.1.

Колесов В.В. Бодуэн де Куртенэ И.А. / В.В. Колесов // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь [Η Σλαβολογία στην προεπαναστατική Ρωσία. Βιοβιβλιογραφικό Λεξικό]. Μόσχα, Институт Славяноведения и Балканистики, 1979.

Смирнов С.В. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845 – 1929) / С.В. Смирнов // Отечественные филологи – слависты середины XVIII – наяала XX в. [Φιλολόγοι Σλαβολόγοι της

χώρας μας από τα μέσα του 18^{ου} έως τις αρχές του 20^{ου} αι.]. Μόσχα, εκδ. «Флинта»/«Наука», 2001.

Шмелева Т.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ в Польше: (К 155-летию со дня рождения) [«Ο Ι. Α. Μποντουέν ντε Κουρτενέ στην Πολωνία: (για τα 155 χρόνια από τη γέννησή του)»] / Τ.В. Шмелева // Известия АН. Серия литературы и языка. Μόσχα, 2000, Τ.59, №6.

Baudouin de Courtenay J.N. W sprawie porozumienia się ludów słowiańskich: (odczyt publiczny, urządzony przez "Polskie stowarzyszenie przyjaciół pokoju", a wygłoszony w Warszawie w wielkiej sali Muzeum Przemysłu i Rolnictwa 30 kwietnia 1908 roku) [Για το ζήτημα της αλληλοκατανόησης των σλαβικών λαών] / J.N. Baudouin de Courtenay. Βαρσοβία, 1908.

Baudouin de Courtenay J.N. Kilka ogólników obiektywnej i subiektywnej odrębności «Ukrainy» pod względem językowym, plemiennym, narodowym i państwowym [Ορισμένες γενικές θέσεις περί αντικειμενικής και υποκειμενικής διακριτότητας της «Ουκρανίας» από οπτική γωνία γλωσσική, φυλετική, εθνική και κρατική] Album Societatis Scientiarum Ševčenkianaе Ucrainensium Leopoliensis ad sollemnia sua decennalia quinta 1873-1923 / J.N. Baudouin de Courtenay. Lwów, 1925.- Ν. 1-19.

Baudouin de Courtenay J.N. W kwestii narodowościowej [Το θέμα του εθνικισμού] / J.N. Baudouin de Courtenay. Βαρσοβία, 1926.

Λεβί Μ. Το εθνικό ζήτημα. Από το Μαρξ μέχρι σήμερα (μτφρ. Τζιατζή Μ.) / Μ. Λεβί. εκδ. Στάχυ, 1993, σσ. 22-23 και 57-59.

Куцаров И. Славяните и славянската филология. Очерк по история на славистика от втората половина на XIX до началото на XXI век. [Σλάβοι και Σλαβική Φιλολογία. Ιστορία της Σλαβολογίας από το δεύτερο μισό του 19^{ου} έως τις αρχές του 21^{ου} αι.] / И. Куцаров. Πλόβντιβ, 2002.

Rothstein R.A. Baudouin de Courtenay and the Ukrainian Question / R.A. Rothstein. Harvard Ukrainian Studies 16 (1992), 3-4.

Stankiewicz Ed. The place of J. Baudouin de Courtenay in the history of modern linguistics / Ed. Stankiewicz // Russian Linguistics International Journal for the study of the Russian Language, tom. 12 (1988).

Σε ιστότοπο αφιερωμένο στη Γλωσσολογική Σχολή του Καζάν υπάρχει χρονολογικός κατάλογος των εργασιών του Κουρτενέ στην [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kls.ksu.ru/boduen/bibbod.php?id=15&> (<http://kls.ksu.ru/index.php>)

Στην ηλεκτρονική βιβλιοθήκη του Πανεπιστημίου του Μίτσιγκαν (MLibrary Digital Collections - University of Michigan) υπάρχει αναρτημένη η εργασία του Toman, Jindrich, Nationality as Choice: Baudouin de Courtenay's Individualistic Approach (Serial: Cross currents, Vol. 10, 1991) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/crossc/anw0935.1991.001/62:ANW0935.1991.001?page=root;rgn=full+text;size=100;view=image>

Στη διαδικτυακή πύλη για την Ελληνική γλώσσα (<http://www.greek-language.gr>) υπάρχει αναρτημένο το κείμενο της Σύμβασης του Συμβουλίου της Ευρώπης για την προστασία των εθνικών μειονοτήτων [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/crossc/anw0935.1991.001/62:ANW0935.1991.001?page=root;rgn=full+text;size=100;view=image>

Το κείμενο του Διακοφωτάκη Γ. Περί μειονοτήτων κατά το διεθνές δίκαιο (1999, Πάντειο Πανεπιστήμιο Κοινωνικών και Πολιτικών Επιστημών), είναι αναρτημένο στην [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/11726#page/14/mode/2up>

Багдасарян Ш.А.
Университет Ка Фоскари в Венеции
г. Венеция (Италия)

Baghdasaryan Shoghik
Ca' Foscari University of Venice
Venice (Italy)

*К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА ЗООНИМА И ГЕНДЕРА
ПЕРСОНАЖА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. ТУМАНЯНА)*

*ON THE ISSUE OF CORRELATION BETWEEN THE GRAMMATICAL GENDER OF ZOONYMS AND
THE GENDER OF CHARACTERS IN TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF O. TOUMANYAN'S
WORKS)*

В связи с отсутствием или наличием категории грамматического рода в разных языках возникают определенные проблемы при переводе. Особенно актуальна эта проблема при переводе названия животных в сказках, балладах, где животные выступают в качестве персонифицированных героев, иначе говоря, приобретают антропоморфный характер. В подобных случаях искажение гендера персонажа может привести к нарушению культурологической картины действительности.

В работе рассматриваются спорные случаи при переводе с армянского языка на русский некоторых зоонимов. Проблемы возникают в связи с тем, что в армянском языке нет грамматической категории рода и гендер персонажа определяется на основе культурологических данных и той роли, которую персонаж выполняет в социальной действительности, а также рядом разных лексических показателей, так или иначе гендерно маркированных. Задача переводчика в подобных случаях достаточно сложна. Данный материал требует осторожного к себе отношения, поскольку переводчик, сохраняя реальную картину действительности, вместе с тем эту новую реальность должен вписать в языковую и ментальную систему реципиента и обеспечить межкультурный диалог.

In connection with the absence or presence of the category of grammatical gender in different languages certain problems arise in the process of translation. This issue is of particular significance in the translation of the names of animals in tales and ballades in which animals are personified, in other words acquire anthropomorphic character. In such cases the alteration of the gender of the character may entail a distortion of the cultural reality.

In the present paper the disputable cases in transferring some zoonyms from Armenian to Russian are discussed. The problems are conditioned by the fact that in the Armenian language there is no grammatical category of gender and the gender of the character is defined on the basis of the cultural data and the role which the character plays in the social reality, as well as by a number of different lexical means acting as gender markers in this or that way. A translator's task is considerably hard in such cases. This kind of material requires a careful approach as the translator should both preserve the picture of the reality and at the same time insert this new reality into the linguistic and mental system of the recipient, providing a crosscultural dialogue.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурологическая картина мира, перевод, зооним, гендер, грамматическая категория рода

Key words: crosscultural communication, a cultural picture of the world, translation, zoonym, gender, the grammatical

category of gender

Отсутствие или наличие той или иной грамматической категории в языке, в частности грамматической категории рода, может создавать проблемы при переводе и при коммуникации представителей разных культур и носителей разных языков. Однако это не значит, что перевод невозможен, и коммуникация не может состояться. В подобной ситуации переводчику необходимо найти наиболее приемлемый вариант решения проблемы.

В связи с этим приведем замечание известного лингвиста и литературоведа Романа Якобсона о том, что «отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале» [Якобсон, 1978, с. 20].

Выбор того или иного аспекта во время перевода происходит в рамках определенных кодовых единиц языка. Переводчик перекодирует и передает полученное им из какого-либо источника сообщение. Как замечает Якобсон, участники перевода – два эквивалентных сообщения в двух разных кодах. Различия между двумя кодовыми системами приводят к тому, что проблема эквивалентности сообщений в оригинале и в переводе становится кардинальной проблемой языка в частности и лингвистики вообще [Якобсон, 1978].

Интересно, что в языках, где категория рода сохранилась частично, как, например, в английском языке, где грамматический род есть только у местоимений третьего лица (he/she, her/his и т.д.), тоже возникают проблемы, связанные с родом и полом персонажа. В классическом романе английской писательницы Вирджинии Вулф «Орландо» герой в середине повествования меняет свой пол. Он, проспав семь дней, просыпается женщиной. И тут автору приходится делать отступление и заключить договор с читателем: “in future we must, for convention’s sake, say ‘her’ for ‘his,’ and ‘she’ for ‘he’” (в дальнейшем мы, условности ради, должны говорить «ее» вместо «его» и «она» вместо «он»)– пер. Е. Суриц).

В языках, где грамматический род отсутствует (например, в армянском языке), подобное отступление было бы неуместным и даже невозможным.

В контексте рассматриваемой нами проблемы представляют интерес размышления известного итальянского писателя Умберто Эко. В книге «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» автор рассказывает о фильме Ингмара Бергмана «Седьмая печать», в котором в качестве одного из персонажей появляется Смерть. Примечательно, что смерть в фильме является мужчиной. «... это поражает любого итальянского, испанского и французского зрителя,

привыкшего представлять себе Смерть как существо женского пола» [Эко, 2006, с. 389].

Эко рассматривает проблему на материале итальянского языка. Однако подобная ситуация легко проецируется на русскую лингво-культурологическую картину мира, где смерть также ассоциируется с женщиной. Возможно, этому способствует тот факт, что в русском языке это слово относится именно к женскому роду.

Заметим, что соотношение грамматического рода слова и гендера обозначаемого им денотата является предметом исследования лингвистической и переводческой науки.

Гендер животного в сказке играет определенную роль в создании правильной картины действительности: ведь каждый персонаж, представленный в образе того или иного животного, занимает свое конкретное место в социуме и выполняет в нем ту или иную функцию.

Заметим, что в рамках исследуемого нами материала – сказок и баллад О.Туманяна, для нас представляют интерес не все встречающиеся в произведениях зоонимы. Предметом нашего исследования являются случаи, где животные персонифицированы, антропоморфны или хотя и не являются антропоморфными, но, исходя из каких-то соображений, другими героями произведения представляются таковыми. Персонификация – явление, часто встречающееся в сказках, баснях, легендах и других жанрах художественной литературы. Однако можно встретить и случаи, когда герои сказок сами представляют обычных животных в качестве антропоморфных. Например, в сказке «Бездельница Ури», мать героини называет осу тетей, хотя та вовсе не является тетей Ури. В той же сказке встречаются также лягушки. Здесь гендер представляемой антропоморфной осы нас интересует, а лягушек – нет, так как они не персонифицируются.

Обнаруженные в произведениях О.Туманяна зоонимы нами разделены на три категории.

В первую категорию вошли зоонимы, гендер которых не носит культурологической нагрузки в контексте произведения. В зоонимах этой категории не важно, какого рода данное существительное или какого пола животное. Переводчик здесь свободен в выборе.

Во вторую категорию вошли зоонимы, гендер и грамматический род которых важны в культурологическом плане в контексте произведения, однако в русском языке есть их родовые пары (лиса-лис, волк-волчица, собака-пес и т.д.). При переводе этих зоонимов переводчик, учитывая социально-исторический и культурологический контекст произведения, должен выбрать соответствующий вариант.

К третьей категории относятся зоонимы, гендер и грамматический род которых важны в

культурологическом плане в контексте произведения, однако в русском языке нет их родовой пары (жаворонок – м. р., чайка – ж. р., летучая мышь – ж. р. и др.). В данной категории может быть два варианта:

а) род зоонима совпадает с гендером персонажа (например, Кукушка в балладе «Конец зла» является матерью троих детей. Поскольку существительное «кукушка» женского рода, то при переводе для обозначения гендера животного не возникает проблем;

б) род зоонима не совпадает с гендером персонажа (например, Чайка из баллады О.Туманяна «Злосчастные купцы»: вследствие того что существительное «чайка» женского рода, герой произведения превращается в женщину и происходит искажение социокультурной действительности). В подобных случаях переводчик должен найти приемлемое решение проблемы, учитывающее культурологический контекст и национальный менталитет.

Так как при переводе зоонимов первой категории и пункта «а» третьей категории не возникает никаких проблем, мы рассмотрим только примеры второй категории и пункта «б» третьей категории.

Обратимся к зоонимам второй категории. Рассмотрим их на примерах зоонимов баллады О. Туманяна «Конец зла». В балладе фигурируют три главных героя – Кукушка, Лис/Лиса, Ворона/Ворон, и один второстепенный – Пес/Собака. Грамматический род и гендер «кукушки» совпадают и переводческих проблем не возникает. Что же касается выбора из пары лис/лиса, то естественно, что героем произведения является именно Лис. Отметим, что в балладе кукушка многократно называет его словом «ага», что в переводе на русский язык означает хозяин, господин и в восточном мире используется в качестве обращения к мужчине. Кроме того, социальное поведение героя подтверждает мысль о том, что данный персонаж – мужчина. Герой-антагонист угрожает топором женщине с тремя детьми. В армянской национально-культурной традиции представить женщину в подобной роли просто невозможно. И не случайно, что во всех русских переводах в роли этого героя фигурирует именно Лис.

Армянский переводчик и исследователь Н. Хачатурян в статье «Национальная картина мира и проблема рода при переводе» подробно рассматривает проблему гендера таких персонажей баллады О. Туманяна «Конец зла», как Ворона/Ворон, Пес/Собака. Кроме того что ворон и ворона биологически являются разными птицами семейства врановых, в разных языках существуют разные слова для обозначения этих птиц: raven/crow (англ.), corbeau/corneille (франц.), corvino/corvo (итал.), raben/krähen (нем.) и др. Однако в армянском языке обе птицы

называются одинаково, хотя русско-армянский словарь в переводе слова «ворон» добавляет прилагательное «черный» [Хачатрян, 2010].

Согласно «Мифологической энциклопедии», умение подражать человеческой речи, возможно, и долголетие, способствовали возникновению представлений о Во'роне как о мудрой, вещи птице. Наряду с этим (особенно в северных мифологиях) Во'рон воспринимается как посредник между мудростью и глупостью [Мифологическая энциклопедия, Эл. ресурс]. Что же касается Вороны, то мифопоэтический ореол этой птицы не очень привлекателен. Воро'на в основном глупая и сварливая птица, о чем свидетельствуют и басни И. Крылова «Ворона и лисица», «Ворона и курица».

В балладе О. Туманяна «Конец зла», с учетом отмеченных культурологических факторов, речь, конечно, идет о Во'роне. К такому же выводу приходит также Н. Хачатурян. Однако здесь нужно отметить два важных момента. Во-первых, Кукушка называет Ворону кумушкой, а не кумом. Во-вторых, представим ситуацию: женщина оплакивает в своем доме гибель двоих детей, вдруг появляется соседка, услышавшая плач. Она начинает проявлять любопытство, пытается разузнать, что произошло. Весь диалог очень похож на разговор двух женщин, одна из которых – сплетница, пришедшая разузнать последние новости, высказать свое мнение. Лексика у соседки тоже типично женская: причитания, междометия, характерные для женской речи («Վն՛ւ իւ շքրիւ», «Ո՞վ է տըվել էս լըրրիւ ւշր» – «Ой, горе глазам моим», «Кто дал этому бесстыжему гору?» – перевод дословный, мой – Ш.Б.).

Таким образом, в результате выбора переводчиком в качестве действующего лица Вороны, как это сделала В. Звягинцева, утрачивается мифопоэтическая сторона образа, однако сохраняются гендерная принадлежность героя, а вместе с ней культурологическая картина действительности. Выбрав же «Во'рона» (как это сделала К. Авакянц), переводчик представляет нам картину, когда мужчина, хотя и помогает женщине, но делает это как-то не по-мужски: ограничивается советом, сам ничего не предпринимая. Да и сама Ворона не такая уж умная, если сразу же попадает на уловку Лиса (сравним с басней И. Крылова «Ворона и лисица»).

Следующий герой баллады О. Туманяна «Конец зла» – Пес/Собака. Как справедливо отмечает Н. Хачатурян, в данном контексте речь идет именно о Псе. Во-первых, схватить за горло Лиса и подмять его под себя подобает особи мужского пола. Во-вторых, Ворона высмотрела своего спасителя вдали от села. «Собака охраняет дом и двор, а бродит по окрестностям, охраняет сады, поля и стада скорее Пес» [Хачатурян, 2010, с. 60].

Итак, в балладе О. Туманяна мы встречаем двух женщин – Кукушку и Ворону, ставших жертвами героя-антагониста Лиса, который в основном опирается на свою грубую мужскую силу. Пес же выступает в образе доброго мужского начала, своеобразного “*deus ex machina*”, появляющегося под занавес и карающего зло.

В сказке О. Туманяна «Царь Чахчах» снова встречается Лис/Лиса. В. Абрамян и С. Сарикян перевели зооним как «лиса / лисица», а А. Тадеосян и Г. Кубатьян – «лис». В своем исследовании Н. Хачатурян справедливо отмечает, что в армянских сказках в основном действует лис-самец. Это мы увидели и в балладе «Конец зла». В русских же сказках действует только лиса/лисица. «Возможно, так изначально сложилось из-за наличия рядом двух мужских персонажей – Волка и Медведя – с мужской же линией поведения. В сказках о животных простоватый и доверчивый Волк и постоянно одурачивающая его Лиса воспринимаются как иллюстрация не только победы хитрости над силой, но и извечного женского коварства и легковерия мужчин» [Хачатурян, 2010 с. 56].

В сказке Туманяна «Царь Чахчах» отражается кочующий сюжет мирового фольклора о животном (лис/лиса), хитростью сделавшем бедняка богачом. Н. Хачатурян отмечает, что «этот персонаж обоснованно и однозначно переводится всеми переводчиками как Лиса» [Хачатурян, 2010, с. 56]. Подобное представление об этом животном вероятнее всего обусловлено тем, что в сказках Лиса является олицетворением хитрости. Однако, подобное чтение, на наш взгляд, представляется спорным. Во-первых, Лис в сказке О. Туманяна представляется королю везирем царя Чахчаха. Большой Энциклопедический словарь [БЭС, Эл. ресурс] отмечает, что везирь – титул министров и высших чиновников во многих восточных государствах. Отметим, что первые женщины-министры в мире появились только в двадцатом веке. На момент написания сказки (1906 год) женщин-министров просто не существовало в мире.

Во-вторых, учитывая армянскую национальную картину мира, невозможно представить скромную армянскую женщину, которая идет к царю за мериллом, бежит по полям и раздает приказы пастухам, жнецам и косарям. В-третьих, в самом тексте этого хитрого персонажа дважды называют «братцем». Далее в сказке говорится, что рассматриваемый нами герой становится кумом царя Чахчаха. Все это еще раз наводит на мысль о том, что данный персонаж – это Лис, а не Лиса.

Если же искать аналоги туманяновской сказки в мировом фольклоре и литературе, то легко заметить, что она восходит к сказке Шарля Перро «Кот в сапогах», где опять же фигурирует Кот,

а не Кошка. Таким образом, нам кажется естественным и правильным выбор А. Тадеосян и Г. Кубатьяна.

В балладах «Капля меда» и «Пес и кот» встречаются зоонимы кот/кошка и пес/собака. В первой балладе животные не персонифицированы, и выбор рода определяется не гендерной ролью персонажей, а культурологическим контекстом произведения. Питомцем огромного пастуха, пришедшего купить мед, должен быть именно пес, а не собака. Выше мы уже отмечали, что собаки, как правило, охраняют дом и двор, а псы – стада. Кроме того, в самом тексте пастух называет его «львом». Отметим, что и С. Маршак, и В. Ходасевич перевели этот зооним как «пес». Однако, у В. Ходасевича пес «превращается» в собаку (Разгневался купец – и вот, / Чем попадая собаку бьет. / Визжит собака – и рядом / С несчастным падает котом). По всей вероятности, тут свою роль сыграла метрика и строфика стиха. Слово “пес” нарушил бы четырёхстопный ямб, которым переведено произведение.

Что же касается другого героя баллады, то опять и С. Маршак, и В. Ходасевич предпочли Кота. Было бы не очень красиво, если бы Пес, носитель мужского начала, набросился на Кошку, носителя женского начала, и загрыз ее.

В сказке О. Туманяна «Бездельница Ури» есть персонаж, который, хотя и не антропоморфен, но представляется в качестве тетушки героини. О. Туманян использует здесь армянский зооним «րգրգ», который дословно переводится как «жук, букашка». Переводчики С. Сарикян и С. Хитарова так и перевели этот зооним – жук. Однако довольно странно звучит фраза: «Этот жук – моя тетя».

Переводчик А. Тадеосян предложила иной перевод – жужелица. В таком варианте гендерных проблем не возникает, это довольно крупное насекомое, ее можно легко заметить и услышать, как она влетает в окно. Однако теряется то значение, которое вложил в это насекомое О. Туманян. Ведь, по словам матери Бездельницы Ури, ее тетушка превратилась в это насекомое в результате труда: «Очень трудолюбивой была бедная – целый день не покладая рук работала. От такой неустанной работы ссохлась вся, съежилась, всё меньше и меньше становилась и под конец жужелицей обернулась». Здесь, на наш взгляд, следует заметить, что жужелица не включает в себе коннотации труда и трудолюбия.

С этой точки зрения удовлетворяющими могут быть пчела или хотя бы оса, которую предпочел Г. Кубатьян. В его переводе сохраняется и гендер, и коннотация трудолюбия, но оса не хватает размеров и звучания, которые нужны в данной ситуации.

Армянский исследователь и переводчик Н. Гончар отмечает, что «всякий перевод – это, как известно, система потерь и компенсаций, причём если потеря всегда заметна, то компенсация заметна далеко не всегда» [Гончар, 2009, с. 63]. Что же касается размера насекомого, то его можно компенсировать добавлением к слову «оса» определения со значением «крупный».

В балладе О. Туманяна «Злосчастные купцы» главными героями являются Летучая мышь и Чайка. Оба зоонима относятся к женскому роду, и, соответственно, получается, что в русском переводе действуют две женщины. По отношению к ним постоянно применяется грамматическая форма женского рода глаголов прошедшего времени: «Чайка жизнь едва спасла», «(Летучая мышь) Устала ждать», «Плевалась, плакала, кляла: / Ах, Чайка, чтоб ты померла! / Чтоб ты истлела под землёй! / Ну что ты сделала со мной?» (везде выделено мной – Ш.Б.) и др. Родовой пары для этих зоонимов в русском языке не существует, и переводчику не из чего было выбирать.

Посмотрим, представителями какого пола являются эти герои в оригинале. Для этого обратимся к самому тексту. После кораблекрушения Чайка стыдится предстать пред очами друга (слово «ընկեր» (друг) в армянском языке имеет лексическую пару для обозначения лиц женского пола «ընկերուհի» (подруга), так что можно смело утверждать, что речь идет именно о друге, а не о подруге). То же самое обращение использует Летучая мышь, ожидая возвращения «друга». Репей же, когда приходит за долгом, называет Летучую мышь «братом» – «Ես չեմ ուզում ավելի, **ախպեր**, / Կանխիկ համրած իմ փողը բեր» («Я не хочу большего, **брат**, / Принеси мои наличные деньги» – выделено и переведено дословно мной – Ш.Б.).

Уточним гендерную принадлежность этих двух героев, исходя из их полоролевой функции в произведении. По сюжету баллады, друзья решают заняться торговлей, однако у них нет начального капитала. Берут займы у соседа, и один/одна из них плывет за товаром в дальние заморские страны. Заметим, что роль женщины в тогдашней армянской действительности ограничивалась семейным кругом, что свидетельствует о том, что герой является представителем мужского пола. Летучая мышь, на наш взгляд, также является мужчиной, судя по тому, как с ним ругается Репей.

Таким образом, получается, что в русском переводе неправильно представлен гендер двух главных героев баллады. Для создания нужной картины чайку и летучую мышь можно заменить другими птицами.

Иржи Левый отмечает, что при построении частных и специальных теорий перевода «реальнее всего исходить из сравнения, какие аспекты переводимого важнее сохранить, и зависимости от структуры текста (письменного или устного) и от цели, которой служит перевод» [Левый, 1974, с. 33].

Вместо летучей мыши переводчик может выбрать других ночных птиц, например, филина или сыча, которые часто встречаются в Армении. Эта замена позволит решить проблему рода и спасет перевод от культурологического коллапса. Но и она не идеальна, так как, кроме всего прочего, в своей балладе О.Туманян дает объяснение тому, почему у летучих мышей нет пуховых волос: «Ինչ որ ուներ տանը, հագին, / Ողջ հավաքեց, տրվալ Կարտրին, / Յի՛ք վերկացալ, / Էլ չըլրործալ» (что было у него/нее дома, на себе, все собрал(а), дал(а) вместо долга, остался(ась) полностью голым (ой), но не оплатил полностью – перевод мой – Ш.Б.).

Кстати, это обстоятельство является еще одним доказательством мужского образа Летучей мыши, так как частичная мужская нагота (у летучих мышей нет пуховых волос на крыльях, т.е. непокрыта верхняя часть тела) в обществе воспринималось нормально, чего нельзя сказать о женской наготе.

Русский переводчик даже не усмотрел этого значения в балладе, спрессовав смысл четверостишия в двух строчках: «Пришлось по дому всё собрать / И всё до ниточки отдать» (пер. В. Звягинцевой). Здесь выражен только мотив бедности, потери имущества, а то, что у Летучей мыши не осталось даже одежды (пуховых волос), никак не показано переводчиком.

Таким образом, филин или сыч могут стать компромиссным вариантом для названия героя этой баллады, однако мы настаиваем на том, что других, более удачных, вариантов быть не может.

Что же касается Чайки, то ее необходимо заменить другой морской птицей, но мужского рода: буревестник, баклан, пеликан, альбатрос. Это основные зоонимы, которые удовлетворяют нашим требованиям и не имеют экзотического звучания (читатель должен понимать, что речь идет о морской птице, не прибегая для этого к помощи энциклопедий).

Пеликан и альбатрос, в силу того что не встречаются в Армении, не годятся в качестве героев туманяновской баллады. Буревестник тоже не подходит, так как по известным причинам имеет для современного читателя революционную коннотацию. Хотя во время создания баллады этой коннотации не было («Песнь о Буревестнике» Максима Горького была написана на 15 лет позже баллады «Злосчастные купцы»), но так как М. Горький и О. Туманян были

современниками, то читатель может и не знать годы изданий отмеченных произведений и провести между ними параллели. Следовательно, как нам кажется, нагромождать текст лишним, тем более отсутствующим в оригинале, значением не стоит.

Единственным приемлемым вариантом остается баклан, который согласно энциклопедии «Природа Армении» и работе М. Адамяна «Птицы Армении», является довольно распространенной птицей на территории Армении [Արշալյան, 1998; Հայաստանի բնաշխարհ, 2006].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что гендер и грамматический род в названиях сказочных и мифологических персонажей, в нашем случае – животных, играют важную семантическую, культурологическую и социальную роль в художественных произведениях. Работа с подобным материалом требует от переводчика максимально осторожного обращения. Особое внимание необходимо уделять социальному и культурологическому контексту, нарушение которого может привести к искажению национальной картины действительности.

Итак, являясь мостом между двумя культурами, перевод превращается в инструмент межкультурной коммуникации. Переведенный текст, максимально сохраняя лингвокультурологические особенности оригинала, одновременно вписывается в языковую и культурную систему реципиента. Учитывая все национальные, социально-исторические особенности и менталитет народа во время перевода, переводчик становится посредником в межкультурном диалоге.

Список литературы

- Большой энциклопедический словарь* [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/>.
- Гончар Н.А.* О сказках Ов. Туманяна в контексте проблем перевода / Н.А. Гончар. Вестник Ереванского государственного университета. 2 (128). Ереван: ЕГУ, 2009. С. 49-64.
- Мифологическая энциклопедия* [Электрон. ресурс] / – Режим доступа: <http://mythology.info/>.
- Успенский Л.В.* Слово о словах / Л.В. Успенский. М.: Дом Русанова, Пилигрим, 1997. 416 с.
- Хачатурян Н.А.* Национальная картина мира и проблема рода при переводе / Н.А. Хачатурян. Опыты пристального чтения: Статьи о переводе и литературе. Ереван: ЕГУ, 2010. С. 45-63.
- Левый И.* Искусство перевода / Иржи Левый; пер. с чешского Вл. Россельса. М.: ПРОГРЕСС, 1974. 398 с.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко; пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Роман Якобсон; пер. с англ. Л. Черняховской. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 232.

Туманян О. Избранные сочинения / О. Туманян. Ереван: Армянское государственное издательство, 1956.

Туманян О. Избранные сочинения в двух томах / О. Туманян. М.: Художественная литература, 1960.

Туманян О. Избранное / М.: Художественная литература, 1988.

Туманян О. Собрание сочинений в четырех томах (на армянском языке) / О. Туманян. Ереван, Айастан, 1969.

Աղաճյան Մ. Հայաստանի թռչունները / Մ. Աղաճյան. Երևան: Արևիկ, 1988.

Հայաստանի բնաշխարհ. Երևան: Հայկական Հանրագիտարան հրատարակչություն, 2006.

Бахшиева Ф.С.
Бакинский славянский университет
г. Баку (Азербайджан)

Bakhshiyeva Fidan
Baku Slavic University
Baku (Azerbaijan)

ИГРА ЦВЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

GAME OF COLOR IN RUSSIAN LANGUAGE

Статья посвящена принципам языковой игры в русском языке. В центре внимания стоят эпидигматические отношения. Материалом для анализа послужили цветообозначения. Утверждается, что специфика знаковой комбинаторики носит историко-культурный характер. Символ переноса представляет особенности этнической ментальности.

The article deals with the principles of the language game in the Russian language. In the spotlight are epidiomatic relationship. Material for the analysis was the color terms. It is argued that the specifics of sign combinatorics has a historical and cultural character. The symbol of transfer represents particularities of ethnic mentality.

Ключевые слова: эпидигматика, игра, знак, устойчивые ассоциации, символ

Key words: epidiomatics, game, sign, steady association, symbol

Комбинаторика знаков в естественных языках имеет, на наш взгляд, прагматическую мотивацию. То, что принято называть *языковой игрой*, на самом деле отвечает глубинным семиотическим потребностям и в этом смысле является универсальным явлением. Цели когнитивной лингвистики предполагают, в частности, увязку лексико-семантической системы с этническим мышлением и психологией, мировидением и миропониманием. Раз так говорят, значит, так видят.

Принцип игры, или знаковой комбинаторики, проявляется прежде всего не на синтаксическом уровне, а на уровне лексико-семантической системы языка. Более того, игра на уровне семантики представляет собой системоорганизующий принцип. Те связи, которые Д.Н. Шмелев обозначил как *эпидигматические*, наряду с парадигматическими отношениями и синтагматическими связями, реально участвуют в организации системы языка. Причем как системоорганизующая связь эпидигматическая зависимость не менее значительна, чем

парадигматика и синтагматика.

Отношения между различными семемами в структуре многозначного слова демонстрируют принцип игры в непосредственной связи с этнической ментальностью. Иными словами, ассоциативные мосты, связывающие различные реалии в предметный код, характерный для того или иного этнического мышления, видимо, не случайны. Специфика этих связей и должна составлять неповторимость мировидения и миропонимания этнопсихолингвистического коллектива. Особенно выпукло это представлено в игре с названиями животных, которые исторически жили в тесном соприкосновении с человеческом коллективом. Известно, что отношение к различным животным у разных народов не совпадает. Столь же необычной является и игра со цветообозначениями.

Цветообозначения, будучи тесно связанными с предметами реального мира, представляют собой богатейший материал для переосмысления. Во всех мировых языках эти слова дают множество коннотаций, дифференцирующихся по шкале положительный – отрицательный. Стандартными являются, например, противопоставления «черного» и «белого», которые даже цветом в подлинном смысле слова не являются. Тем не менее белое, как правило, ассоциируется с чистотой и незапятнанностью, а черное – с бедой, страхом, невзгодами. В Словаре символов Дж. Тресиддера универсальное значение белого цвета определяется следующим образом: «Абсолютный цвет света и поэтому – символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности. Хотя он имеет и некоторые негативные значения – страх, трусость, капитуляция, холодность, пустота и бледность смерти, белый – позитивная сторона антитезы «черное – белое» во всех символических системах. Отсюда – белый рыцарь и черный злодей» [Тресиддер, 2001, с. 23].

Интересно, что, несмотря на известность указанных негативных значений, понятие «белый» все же однозначно ассоциируется с положительным началом. Например, выражение *выбросить белый флаг* обозначает «капитуляцию» и в этом смысле понятно всем, но тем не менее такие значения, как «трусость» или «страх» в обычном сознании не вяжутся с концептом «белый». Иными словами, негативные коннотации могут актуализироваться ситуативно, в абсолютной же позиции концепт «белый» вызывает лишь положительные эмоции. И все же в разных культурах данный концепт может иметь разные, в том числе и негативные, ассоциации. Например, Е.М. Дьконова утверждает, что японцы различают ветры по цветам, и белый цвет ассоциируется с холодным ветром, белый цвет связан с предзимним увяданием трав, выбеленностью камней,

травы, белесыми туманами [Дьконова, 2002, с. 189-201].

В Оксфордском словаре выделяется четыре значения для прилагательного *white* и семь значений для существительного. Например, такие значения, как «цвет свежего снега или молока», «принадлежность или связи с расой людей, обладающих бледной кожей», «(о коже) бледный из-за эмоций или болезни», «брит. О чае или кофе с молоком» характеризуют семантическую структуру прилагательного *white*. У существительного выделяются следующие значения: «цвет свежего снега или молока», «представитель расы людей с бледной кожей», «белое вино», «часть яйца, которая окружает желток», «белая часть глаза», «мн. белая одежда и белье, которое отделяется от цветных во время стирки», «мн. белая одежда, одеваемая игроками некоторых видов спорта» [Wehneier, 2003, p. 1477].

В русском языке у слова *белый* также отмечается несколько значений. Так, в четырехтомном академическом Словаре русского языка (Малый академический словарь) это слово зафиксировано в семи значениях [Словарь русского языка, 1981, с. 78]. Из этих семи значений шесть имеют очевидный интегральный признак «бледности». Иными словами, в основе этих шести значений лежит базовый когнитивный признак и соответственно базовая сема основного номинативного значения. Это основное номинативное значение определяется как «цвета снега, молока, мела; противоп. черный».

На основе данного интегрального признака строятся устойчивые ассоциации со «светлостью» – белые руки, «ясностью» - о времени суток, «чистотой» – белая горница, «светлым цветом фигур» – шашки, шахматы, «составная часть зоологических и ботанических названий» – белый медведь, белый гриб, белая акация, белая лилия [Словарь русского языка, 1981, с. 78].

Пятое значение прилагательного *белый* определяется в МАС следующим образом: «В первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее. *Белая армия. Белый террор*». Устойчивое словосочетание *белый террор* строится на общеизвестности значения слова *белый*, т.е. «контрреволюционный». *Белый террор*, таким образом, это «террор врагов революции». Другое дело, что врагами революции были не только белые. Как показывает статья из МАС, здесь не разграничиваются значения прилагательного и существительного.

Если значение *белого* в *белом терроре* эксплицитно по отношению к производящему *белая армия*, то значение *белого* в *белой армии* и в других такого рода сочетаниях не совсем ясно. Хотя

предполагается, что здесь *белый* должно ассоциироваться с белым цветом монархии, ср. *белые лилии*.

Переосмысление цвета присутствует в самых обычных устойчивых словосочетаниях, просто оно не соотносится с номинативно производными значениями. Например, белый медведь – это не бледный, не чистый, не светлый, не ясный. Здесь реализуются именно те ассоциации, которые актуальны в основном номинативном значении, т.е. белый медведь – это медведь со шкурой цвета снега, молока и мела.

В русском языке не отмечается устойчивое словосочетание *белый человек*, как это наблюдается в английском. В просторечии такое словосочетание сегодня употребительно, но не в значении расовой принадлежности, а в значении «человек, который имеет возможность и пользуется всеми благами цивилизации». Употребительно и устойчивое сравнение *жить как белый человек*.

Сегодня в России существует книжное издательство с претенциозным названием «Белые альвы». Именно в этом издательстве вышла в 2000 году ставшая классикой расизма книга немецкого антрополога Людвиг Вольтмана «Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов». Автор «Введения», некий Владимир Авдеев, в качестве эпиграфа к этому Введению приводит слова Якоба Графа: «Мыслить биологически обязанность каждого арийца» [Вольтман, 2000, с. 7].

Таким образом, несмотря на негативные семантические множители, так или иначе в свою очередь характеризующие семантический объем слова *белый* в современном русском языке, доминирование положительной коннотации или множителей, организующих положительный фон, не вызывает сомнения. Особого пафоса обыгрывание номинативного значения слова *белый* достигает в таких выражениях, как *белый человек*, *белые люди*, *белая раса*, *белые альвы* и т.п.

В МАС зафиксировано довольно много фразеологических единиц с компонентом *белый*. Вообще фразеологические единицы отличаются от устойчивых словосочетаний тем, что в их составе слова утрачивают этимологическое значение. Это такие выражения, как *белый билет*, *белое вино*, *белая ворона*, *белая гвардия*, *белая горячка*, *белое духовенство*, *белое железо*, *белая изба*, *белая баня*, *белая кость*, *белая магия*, *белые места*, *белые пятна*, *белые мухи*, *белое мясо*, *белыми нитками шито*, *белые ночи*, *белая олимпиада*, *белый свет*, *белые стихи*, *белый уголь*, *белый хлеб*, *среди бела дня*, *довести до белого каления*, *называть белое черным*, *принимать белое за черное*, *сказка про белого бычка*, *черным по белому*, *дела как сажа бела* [Словарь русского

языка, 1981, с. 78].

Даже самый поверхностный анализ показывает, что некоторые из этих выражений фразеологическими единицами не являются. Например, *белое вино* – это светлое вино, где оба компонента сохраняют основную денотативную направленность, словосочетание не переосмыслено. В принципе и *белые ночи* – это просто светлые ночи. Как мы помним, третье значение слова *белый* в МАС определяется как «ясный, светлый (о времени суток, о свете)» [Словарь русского языка, 1981, с. 78].

В таких словосочетаниях, как *белая изба* и *белая баня* слова *изба* и *баня* сохраняют свое основное номинативное значение, с сочетанием в целом ничего не происходит. Следовательно, здесь мы имеем дело с устойчивыми словосочетаниями. То же относится и к выражению *белые стихи*. Во всех этих словосочетаниях обнаруживаются не совсем обычные значения слова *белый*, требующие специального комментария, но что касается словосочетаний в целом, то они не переосмысливаются.

Таким образом, слово *белый*, служащее в русском языке названием цвета, соответствующего внешнему виду снега, молока и мела, создает законченную семантическую парадигму на основе таких когнитивных признаков, как «светлый», «ясный», «бледный». Парадигма в целом имеет логически завершённый вид, так как представляет все известные русской ментальности явления, так или иначе ассоциируемые с указанными признаками. Полнота анализа «игры цвета» в данном случае предполагает, с одной стороны, семантико-этимологический анализ слов и семем, с другой, – анализ произведений устного народного творчества. Только в этом случае можно говорить о месте концепта «белый» в структуре русской языковой картины мира.

Символика черного цвета объясняется Дж. Тресиддером следующим образом: «Черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий» [Тресиддер, 2001, с. 410]. Интересно, однако, что «в Древнем Египте и некоторых других культурах черный цвет имел более позитивный символизм». Даже Артемида Эфесская «изображалась иногда с черными ладонями и черным лицом» [Тресиддер, 2001, с. 411]. Как положительный символ черный цвет олицетворял в себе землю и дождевые облака, урожай, охоту и т.д.

Слово *черный* в МАС зафиксировано в 14 значениях [Словарь русского языка, 1984, с. 667]. Основное номинативное значение и в этом случае определяется посредством ассоциаций с предметами, являющимися эталоном этого цвета: «Цвета сажи, угля» [Словарь русского языка,

1984, с. 667]. Четыре первых значения так или иначе сохраняют связь с основным номинативным значением. Во втором значении, которое может быть названо номинативно-производным, ощущается игровое начало. Так, оно определяется очень просто как «более темный по сравнению с обычным цветом». Но здесь же выделяются оттенки. Например, «полностью лишенный света (черная ночь)», или «темнокожий (как признак расы). *Черная раса*», «с черными волосами. В нашей семье все были черные, а она беленькая, с вьющимися косичками. Каверин. Два капитана» [Словарь русского языка, 1984, с. 667]. Если соотнести дефиницию «темный, более темный по сравнению с обычным цветом» с приведенными иллюстрациями, то окажется, что оттенки, подаваемые за двумя вертикальными линиями ||, выделяются вполне справедливо, поскольку эта общая дефиниция не соответствует всем этим оттенкам. Так, о волосах – *черные волосы* могут иметь своим референтом не просто волосы более темные по сравнению с обычным цветом, а действительно черные волосы, т.е. волосы цвета сажи и угля.

В слове *черный* выделяются такие значения, как «предназначенный для каких-то служебных или бытовых нужд», например, черный ход, черная лестница [Словарь русского языка, 1984, с. 667]. В основе противопоставления черный-белый здесь актуален признак «невидимый» или даже «тайный». Не случайно и стандартное поведение, когда не хочешь, чтобы тебя видели, заходишь с черного входа. Определенный оттенок негативности, пусть даже на имплицитном уровне, здесь, безусловно, присутствует.

Мотив «тяжести» и «грязи» присутствует в словосочетании *черная работа*, как и в существительном *чернорабочий*. Здесь также актуальна и отрицательная коннотация, хотя в словарной дефиниции она и не представлена: «Неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный» [Словарь русского языка, 1984, с. 667]. В самой рабочей среде слово *чернорабочий* означает чаще всего «не мастер» и «подсобный». Однако такие квалификаторы, как «отсутствие или не востребованность квалификации, умения» однозначно свидетельствуют о сниженности выражения.

Несмотря на внешнюю нейтральность, такие выражения, как *черный болт* или *черная гайка* также содержат оттенок негативности. Это значение, седьмое по МАС, определяется как «не обработанный или частично обработанный, без отделки» [Словарь русского языка, 1984, с. 667]. Вообще негативная коннотация связана с отрицательной частицей *не*, которая сигнализирует не об отсутствии вообще, а об отсутствии положительного содержания.

Восьмое значение объясняется как историческое. В этом значении слово *черный*

соотносительно с низшими сословиями, простонародьем. Приводится цитата из Помяловского: «Белая порода! Чем же мы, люди черной породы хуже вас?» [Словарь русского языка, 1984, с. 667-668]. Если в самом слове *черный* в этом значении отрицательная коннотация не представлена выпукло, слово *простонародье* эксплицитно лишено отрицательной коннотации, то словосочетание *черная порода* является откровенно сниженным. Трудно связать сниженность исключительно с контекстом. Видимо, само по себе сословное сознание обуславливает сниженные представления о «низших» сословиях.

В современном русском языке также употребительно выражение *черные люди* с очевидным оттенком сниженности. Сегодня оно, разумеется, не носит сословного характера, а указывает на некультурность, нецивилизованность, пренебрежение к нормам общежития и т.д.

Мотивации с точки зрения современного русского языка лишено девятое значение, которое также носит исторический характер: «Государственный, не частновладельческий (в Русском государстве 14-17 вв.); тягловый, податной» [Словарь русского языка, 1984, с. 668]. Возможно, труд государственных крестьян был тяжелее.

Четыре последующих значения слова *черный*, выделяемых в МАС, снабжены пометой *переносное* и являются откровенно негативными. Это «чародейский, колдовской, связанный с нечистью»; «отрицательный, плохой»; «мрачный, безрадостный, тяжелый»; «злостный, низкий, коварный» [Словарь русского языка, 1984, с. 668]. По этим значениям фактически дефиниция не дается, однако слова, призванные объяснить и уточнить значение слова *черный* по типовым контекстам, не просто имеют в русском языке отрицательное оценочное и эмоциональное содержание, но характеризуются достаточно сильной экспрессией. Например, таким является слово *нечисть*, которое вводится в как будто бы нейтральное описание десятого значения: «По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью» [Словарь русского языка, 1984, с. 668]. Здесь же дается значение существительного *черный* – «нечистый». Следовательно, у слова *черный* в русском просторечии существует также значение «дьявол, бес, черт».

Во всех приведенных семемах обнаруживается интегральный признак «зло». Совершенно нейтральным является только последнее значение слова *черный* в русском языке, которое определяется следующим образом: «Как составная часть некоторых зоологических и ботанических названий. *Черный дельфин. Черный дятел. Черный медведь. Черная береза. Черная смородина. Черный виноград*» [Словарь русского языка, 1984, с. 668].

Как и слово *белый*, слово *черный* в русском языке активно участвует во фразообразовании. МАС приводит 34 выражения с компонентом *черный*. На наш взгляд, некоторые из них представляют собой обычные словосочетания, где оба компонента употребляются в своих основных значениях. Это стандартные выражения или такого рода составные наименования, которые ни в малейшей степени не подвергаются переосмыслению. Самым ярким представителем таких словосочетаний, являющихся обычными названиями предметов, может служить *черная икра*.

Другой тип устойчивых словосочетаний со словом *черный* составляют выражения типа *черная биржа* и *черный рынок*. В составе этих словосочетаний определяемое не утрачивает связи с исконным денотатом, т.е. речь идет именно о бирже и рынке. Определение *черный* здесь употребляется в переносном значении «тайный», «неофициальный».

То же самое относится к выражению *черная изба*, т.е. изба, отапливаемая печью, не имеющей трубы [Словарь русского языка, 1984, с. 668]. Здесь также определяемое реализует свое основное номинативное значение. Необычным или специальным является слово *черный* в значении «не имеющий трубы, дымохода». Это значение реализуется только в сочетании со словами *изба* и *баня*. Следовательно, это значение может рассматриваться как фразеологически связанное, но является ли сочетание *черная изба* фразеологической единицей трудно сказать. Вообще большинство выражений, приводимых здесь как фразеологизмы, являются устойчивыми словосочетаниями. Фразеологическим значением обладают такие выражения, как *черным по белому*, *черная кошка пробежала*, *называть белое черным*, *черная кость* и т.д.

Как и слово *белый*, слово *черный* в русском языке обнаруживает семантическую эволюцию, доходя до определенных границ смысла. Эти границы, безусловно, соответствуют логико-предметным ассоциациям. Независимо от степени мотивированности, стертости внутренней формы или прозрачности структуры, вся семантическая парадигма со словом *черный* строится на таких базовых признаках, как «зло», «крепость», «тяжесть», «мрак» и т.п.

Проведенный анализ позволяет увидеть распространение смысла на основе обыгрывания базовых сем цветообозначений. Весь цветовой спектр составляет существенную часть картины мира, характеризующей не просто менталитет народа, а имеющую большое историко-культурное значение.

Список литературы

Вольтман Л. Политическая антропология / Л. Вольтман. СПб. – М.: Белые альвы, 2000.

Дьяконова Е.М. Поэзия японского жанра трехстиший (хайку): происхождение и главные черты / Е.М. Дьяконова // Труды по культурной антропологии. М., 2002, С. 189-201. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.es-dejavu.ru/h/Hokku.html>

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Трессиддер Дж. Словарь символов / Дж. Трессиддер. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Ed. by S.Wehneier, Oxford University Press, 2003, 1541 p.

Бувар Ю.
Лозаннский университет
г. Лозанна (Швейцария)

Bouvard J.
University of Lausanne
Lausanne (Switzerland)

*«В ЧЕРТАХ У ОЛЬГИ ЖИЗНИ НЕТ...»: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
ОДНОЙ СТРОФЫ ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*

*“OLGA’S FACE HAS NO FEATURES...” THE QUESTION OF TRANSLATION OF ONE VERSE OF
"EUGENE ONEGIN" TO FRENCH*

В рамках диссертации, написанной на французском языке, нам потребовалось привести цитату из пятой строфы третьей главы «Евгения Онегина», где Онегин презрительно сравнивает Ольгу Ларину с Вандиковой Мадонной. Таким образом, мы столкнулись с одной из сложнейших задач, с которой дано столкнуться: переводчик не только испытывает себя, стараясь найти точный семантический эквивалент, правильную аллитерацию, и т.д.; он также испытывает на себе саму суть переводческого дела, а именно – сознание невосполнимой утраты для нерусского читателя семантического и культурного подтекста, который в «Евгении Онегине» является наиболее насыщенным. В данном случае, сложность заключается не столько в передаче какой-нибудь чисто русской культурной референции или игры слов, сколько в самом понимании пушкинских терминов и образов. На материале нескольких французских переводов, а также лингвистических и литературоведческих работ, мы постараемся определить смысловой спектр пушкинского двойного сравнения Ольги с Вандиковой Мадонной и с «глупой луной», и предложить собственный перевод, подтверждая нерушимую истину – то, что переводчик классики никогда не начинает с нуля: труд его содержит наследие всего того, что было сделано до него, и, в какой-то степени, предвещает о том, что будет после.

While working on our dissertation, which is written in French, we needed to translate a quote from the fifth verse of chapter Three of "Eugene Onegin", where Onegin contemptuously compares Olga Larina with the madonna of Van Dyck. Thus, we have been confronted with one of the most difficult challenges – a translator not only experiences himself, trying to find the exact semantic equivalent and the correct alliteration, but he also experiences the core problems of a professional translation, that is to say, the consciousness of an irreplaceable loss for non-Russian readers of semantic and cultural connotations, which are very numerous in "Eugene Onegin". In this case, the difficulty consists not so much in a translation of some purely Russian cultural references and wordplays, but in the comprehension of Pushkin's terms and images. Several French translations, as well as linguistic and literary works were used in order to define the semantic range of Pushkin's double comparison of Olga with the madonna of Van Dyck and the "silly moon". We will propose our own translation, by confirming the indestructible truth – a translator of classical books of world literature never starts from scratch, his work contains the legacy of everything that has been done before him and to some extent foretells what will be done after him.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», Вандикова Мадонна, глупая луна, французский перевод семантический подтекст.

Key words: "Eugene Onegin", Madonna of Van Dyck, silly moon, translation to French

semantic connotations.

**«В чертах у Ольги жизни нет...»:
к вопросу о переводе на французский язык одной строфы
из «Евгения Онегина»**

В рамках нашей диссертации, посвященной понятию «человеческий лик» в русской литературе XVIII-XIX веков и напис

анной на французском языке, нам потребовалось привести цитату из пятой строфы третьей главы «Евгения Онегина», где Онегин презрительно сравнивает Ольгу Ларину с Вандиковой Мадонной:

В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.¹⁶

Хотя перевод литературного материала не входит в университетские требования, он все же считается уместным и даже желательным. Таким образом, мы столкнулись с одной из сложнейших задач, с которой дано столкнуться переводчику художественной литературы. Можно даже назвать сею задачу – испытанием, в полном смысле этого слова: переводчик не только испытывает себя, стараясь найти точный семантический эквивалент, правильную аллитерацию и т.д.; он также испытывает на себе саму суть переводческого дела, а именно – сознание невозможной утраты для нерусского читателя семантического и культурного подтекста, который в «Евгении Онегине» является наиболее насыщенным.

В данном случае сложность заключается не столько в передаче какой-нибудь чисто русской культурной референции или игры слов, сколько в самом понимании пушкинских терминов и образов. При чтении выше поданных стихов возникают три основных вопроса: 1) какой смысл предавать прилагательному «красна»? 2) почему из художников Пушкин упоминает Ван Дейка, а не, как стоило ожидать, Рафаэля? 3) как понимать прилагательное «глупый» в ассоциации с луной и небосклоном?

В своем знаменитом комментарии «Евгения Онегина» Набоков полностью исключает

¹⁶ Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 томах. Т.4, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 55.

возможность, чтобы «красна» означало цвет лица, несмотря на то, что Ольга Ларина, в противоположность молчаливой, задумчивой и бледной Татьяне, представляется веселой, легкомысленной и румяной девушкой:

«Красное лицо» свидетельствовало бы о грубом румянце неводержанности, высоком кровяном давлении, злости, чувстве стыда и т. д., что абсолютно не соответствовало бы образу розоволицой Памелы или мадонны, который имеет в виду Онегин. И без того он здесь довольно груб.¹⁷

«Красна лицом» понимается Набоковым как вариант шаблонного выражения «красна девица». Именно сравнение с круглой, то есть полной луной позволяет исследователю категорически определить значение прилагательного «красная» в смысле «красивая», так как луна предстает здесь той самой «прекрасной сферой», воспеваемой поэтами, и которой Ленский элегически изливает свои чувства, пробужденные Ольгой, в XXII строфе Второй главы:

Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
(...)¹⁸

Далее Набоков весьма жестко отзывается о сторонниках обратной точки зрения:

Общее мнение, разделяемое не только переводчиками, но и добрыми, простодушными русскими читателями (включая составителей «Словаря языка Пушкина», М., 1957, т. 2). о том, что «красна лицом» означает цвет лица, можно отнести лишь на счет редкостной глупости.¹⁹

Если сравнивать современные французские переводы «Евгения Онегина» с ранними, например с переводом, сделанным Тургеневым и Луи Виардо в 1863 году, то можно предположить, что набоковская едкость впечатлила французских современников и повлияла на их решение.

Предпочитая прозаическую форму поэтической, Тургенев и Виардо переводят дословно «кругла, красна лицом она», и также дословно прилагательные «глупая», «глупый»: «Elle est

¹⁷ Набоков В.В. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*, перевод с английского; / В.В. Набоков [Научный редактор и автор вступительной статьи В. П. Старк], С.-Петербург : Искусство-СПБ, «Набоковский фонд», 1998. С. 367.

¹⁸ Пушкин А.С. Указан. Соч. С. 46.

¹⁹ Набоков В.В. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* / В.В. Набоков. С. 367.

ronde et rouge de visage comme cette *sotte* lune sur ce *sot* horizon»²⁰. Если в пушкинском оригинале прилагательное «красна», хоть и останавливает, но все же гармонично сливается в мелодию стиха «кругла, красна лицом она», то французское слово «rouge» звучит слишком резко, и действительно создает гротескный образ, особенно в прозаическом варианте.

Современники же большей частью стараются сохранить стихотворную речь, выбирая для транспозиции весьма оригинального онегинского ямбического стихосложения восьмисложный французский стих, и, за редким исключением, предпочитая внутренние рифмы внешним. Что касается смысла прилагательного «красна», то при изучении нескольких переводов среди самых удачных выясняется, что вопрос остается открытым и проблематичным. Шарль Вейнштейн, автор одного из последних французских переводов «Евгения Онегина» (2010 год), понимает «красна», как этого требует Набоков и переводит «*beau visage rond*»²¹, а славист Жан-Луи Бакес, профессор сравнительной литературы, работая над «Евгением Онегиным» в 1996 году, не решился отбросить двусмысленность слова «красный», предлагая: «*joli visage rond et rose*»²². Заметим, что в этом предложении снижается одновременно эстетический и цветовой эффект, французское «*joli*» означающее «милое, хорошенькое», тогда как определительное «*rose*» смягчает «грубость» алого цвета. Другой интересный вариант предложил в 2005 году известный французский переводчик русской классики Андре Маркович. Для полного представления позволю процитировать все три первых стиха интересующего нас отрывка:

Les traits d'Olga n'ont pas de vie. (В чертах у Ольки жизни нет)

Comme Van Dyck peint la Madone – (дословно: Как Ван Дейк писал Мадонну)

C'est bien joli, c'est rose et blond [.]²³

Безличная французская форма «*c'est*» удачно настаивает на презрении Онегина, а добавление прилагательного «*blond*» передает полный смысловый спектр прилагательного «красный». Напомним, что в «Большом академическом словаре», помимо цвета и красоты, ему

²⁰ Pouchkine A. *Eugène Onéguine*, traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot, in *Revue nationale et étrangère* / A. Pouchkine, t. 12, Paris, 1863. Курсив наш.

²¹ Pouchkine A. *Eugène Onéguine*, roman en vers, trad. par Charles Weinstein, Paris, L'Harmattan / A. Pouchkine, 2010. С. 52.

²² Pouchkine A. *Eugène Onéguine*, texte présenté, traduit et annoté par Jean-Louis Backès, Professeur à l'Université de Tours / A. Pouchkine. Paris: Gallimard, «Folio classique», 1996. С. 98.

²³ Pouchkine A. *Eugène Onéguine*, roman en vers traduit du russe par André Markowicz, préface de Mickaël Meylac / A. Pouchkine. Paris: Actes Sud, «Babel», 2005. С. 94.

дается еще третье определение: «ясный», «яркий», «светлый»²⁴. В качестве примеров приводятся выражения не только «красного солнца» и «красной зари», в которых «красный» опять-таки двусмысленно может прозвучать, но и крылатое выражение «красный звон», иллюстрированное цитатой из «Тараса Бульбы»:

Далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон.²⁵

Ассоциация меди и чистого серебра, не говоря даже о самом сравнении «могучего слова» с колокольным звоном, доказывает, что «красный» не означает «красивый», а передает именно ту своеобразную смесь ясности и яркости, характеризующую полный и чистый звон колокола. Другой же пример, взятый, кстати, у самого Пушкина в «Послании к Юдину», снимает всякое сомнение:

Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину;
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну.²⁶

Понятно, что «красная» по отношению к весне не может означать цвет, также как оно не может просто указывать, на то, что весна – красивая. Реминисценция слова «звон», и без упоминания цитаты из «Тараса Бульбы», настаивает на образе света и ясности, столь свойственного весне и пронизывающего, между прочим, «Послание к Юдину» («ясный день», «серебряная луна», и т.д.).

Возвращаясь к параллели между Ольгой и луной, на которую опирается Набоков, чтобы определить, что «красна» может только означать «красива», то, при всем глубочайшем уважении к великому читателю и исследователю, каким являлся Владимир Владимирович, именно это сравнение позволяет утвердить гипотезу, что «красна» может быть понято иначе. Если исходить из того, что Пушкин меняет местами прилагательные («человеческие» – луне, а «лунные» –

²⁴ *Большой академический словарь русского языка*, т. 4, Российская Академия Наук, Институт лингвистических исследований, М.-СПб. : Наука, 2006. С. 593.

²⁵ Там же.

²⁶ Пушкин А.С. Послание к Юдину / А.С. Пушкин // *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 1: Стихотворения 1823-1836, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 343. Курсив наш.

Ольге), то вполне можно предположить, что «красна» означает «ясна». По крайней мере, можно об этом задуматься, опираясь на ту же цитату из XXII строфы Второй главы, упоминаемую Набоковым, где луна сравнивается с лампадой.

Сравнение это, точно, как и образ полной луны – совсем не русское; в русском народном и литературном наследии доминирует мотив месяца, а не луны, при этом месяца именно «ясного». Сам Набоков неоднократно подчеркивает, что пушкинский текст изобилует ссылками на различных европейских авторов, которых поэт в период писания «Евгения Онегина» читал, в основном, во французских переводах. Полная луна, представляемая небесной лампадой, составляет один из рекуррентных элементов западной поэзии, в том числе Гете. Так, например, в известном его стихотворении «Восходящей полной луне» («Dem aufgehenden Vollmond») поднимающаяся луна озаряет ночное небо:

So hinan denn! Hell und heller.
Reiner Bahn, in voller Pracht!²⁷

(Взойди же! Ярко, как можно ярче
Лучистым светом путь мой освети.)

Столь же изобильны «светлыми полными лунами» французские сентиментальные стихи XVIII-XIX веков и народные шансоны, где луна преимущественно сопровождается эпитетом именно «blonde», а не «claire» («ясная»). Так что французскому читателю «Евгения Онегина» небрежная оценка, предлагаемая Марковичем, «с'est bien joli, с'est rose et blond» («все тут мило, румяно и светло») достаточно эффективно передает банально пошловатую картину, созданную ассоциацией «круглого лица» с «глупой луной». Между прочим, французское прилагательное «blond», «blonde» таит весьма интересную этимологическую двусмысленность: если русское слово «красный» может означать «ясный», то некоторые немецкие филологи конца XIX века предполагали, что индо-европейское слово «blund», «blond» происходило от древнего индийского «брадхриа», означающего «красноватый»²⁸. Хотя подобное предположение остается чисто гипотетическим, заметим, что связь между красным цветом и светлыми волосами, больше не существующая во французском языке, сохранилась в испанском «rubio», «rubia», происходящего

²⁷ Goethe von J.W. Dem aufgehenden Vollmond / J. W. von Goethe // B. Moennighoff, *Goethes Gedichttitel*, Berlin-New York : de Gruyter, 2000. С. 166.

от латинского «*rubens*» («красный»).

Но, соединяя в одном стихе все три определения слова «красный», Маркович утрачивает и музыку пушкинской аллитерации, и динамику ритмического соединения коротких форм «*кругла, красна* лицом она». К тому же, как бы ни соблазнительно казалось восстановление полного семантического спектра прилагательного «красный», в пушкинском стихе оно, скорее всего, имеет довольно определенное значение – то самое, которое дается в «Словаре языка Пушкина» и которое так жестко опровергает Набоков. Этому свидетельствует несколько элементов. Во-первых, что касается образа «ясной луны», а значит и «прекрасной сферы», упоминаемой Набоковым, то этот образ разоблачается Пушкиным в той же самой XXII строфе Второй главы, где говорится о «небесной лампаде», что «нынче видим только в ней/Замену тусклых фонарей»²⁹. Свет, воспеваемый Ленским, заменяется «тусклостью», точно так же, как ослепляющая его Ольгина краса представляется Онегину безжизненной. Во-вторых, эта безжизненность касается не одного, а двух романтических европейских штампов: не только элегического видения луны, но еще и Мадонны, которая, в качестве модели идеальной женской красоты, укоренилась в русской поэзии благодаря Державину («Изображение Фелицы», 1783 год). У Державина, как это было уже давно общепринято в европейской культуре, Мадонна ассоциируется с именем Рафаэля:

Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!³⁰

У самого Пушкина эта ассоциация возвращается несколько раз, например в стихотворениях «Недоконченная картина» (1819), «Ее глаза» (1829) и «Мадонна» (1830). Не мудрено, что многие исследователи задумывались, почему же в «Евгении Онегине», именно тогда, когда упоминание Рафаэля только и ожидалось, Пушкин в конечном варианте третьей главы предпочел заменить его Ван Дейком. В рамках данного доклада ограничимся лишь двумя

²⁸ Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. Strassburg, 1883; см. также Karsten G.E. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, / G.E. Krasten. t. 17, Halle, 1893.

²⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 томах. Т.4, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 55.

³⁰ Державин Г.Р. Изображение Фелицы / Г.Р. Державин // Полное собрание стихотворений, Л. : Библиотека поэта, «Большая серия», 1957. С. 133.

точками зрения по этому поводу – Абрама Эфроса и Юрия Лотмана. В 1933 году в своих комментариях к сборнику «Рисунки поэта», первый развил мысль, в последствии пробудившую множество споров, о том, что, несмотря на многочисленные отсылки к пластическим искусствам в пушкинской поэзии, Пушкин не питал к ним особого интереса, видя в них лишь «неизбежность культурного обихода»³¹. Говоря это, Эфрос не то, чтобы, как это иногда было понято³², утверждает, что Пушкин был лично равнодушен к живописи и скульптуре; он говорит только о его подходе к ним с творческой точки зрения. Иными словами, в отличие от Державина, который в своих многочисленных экфрасисах выражал свое индивидуальное восприятие определенных картин и художников, Пушкин эксплуатировал пластические искусства, особенно живопись, ссылаясь на их общекультурное представление, то есть в качестве чисто литературного материала.

Среди многочисленных примеров, данных Эфросом в поддержку своего тезиса, находится и наш. По мнению исследователя, когда Пушкин в первом варианте «Евгения Онегина» сравнивает Ольгу с Рафаэлевой Мадонной, он подразумевает не столько саму Сикстинскую мадонну, сколько известное ее описание Жуковским, сделанное в 1821 году, а именно:

На лице ее [мадонны] ничего не выражено; но в нем находишь в каком-то таинственном соединении все: спокойствие, чистоту, величие и даже чувство, но чувство уже перешедшее за границу земного (...).³³

То, что Пушкин мог иметь в виду эти строчки, укрепляется упоминанием в начале V строфы жуковской «Светланы»:

– Скажи: которая Татьяна?
– Да та, которая, грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна.³⁴

Утверждение Онегина, что «в чертах у Ольги жизни нет», следует, стало быть, понимать, как иронически буквальное прочтение предложения «на лице мадонны ничего не выражено», прочтение, чью иронию усиливает сравнение опять-таки с «глупой луной». По мнению Эфроса,

³¹ Эфрос А.М. *Рисунки поэта* / А.М. Эфрос. М.-Л. : Academia, 1933 С. 52.

³² См. Кока Г.М. Предисловие к сборнику А. А. Вишневого *Пушкин об искусстве* / Г.М. Кока. М. : Искусство, 1990, С. 5.

³³ Жуковский В.А. Рафаэлева "Мадонна" (Из письма о Дрезденской галерее) / В.А. Жуковский // *Эстетика и критика*. М. : Искусство, 1985, [рр. 307-311], 310.

только старая дружба, связывающая Пушкина и Жуковского, заставила первого изменить изначальный свой текст:

Пушкин отдавал себе отчет, на какую святыню Жуковского он руку подымал, и поставил другой эпитет.³⁵

Выше упомянутый Шарль Вейнштейн интересным образом постарался передать этот подтекст французскому читателю:

Olga n'a pas de vie en soi ;
C'est la madone au regard vide
De Van Dyck : (...).³⁶

Добавляя уточнение, что Мадонна «с пустым взглядом», Вейнштейн косвенно отсылает к жуковскому утверждению «на лице ее ничего не выражено», тогда как перенос на имени Ван Дейка подчеркивает странность пушкинского выбора: дочитывая стих «c'est la madone au regard vide», французский читатель подсознательно ожидает дополнение «de Raphaël», а вместо того обнаруживает «de Van Dyck», что, безусловно, даже на уровне, повторяем, подсознания, его настораживает. Увы, как и в случае предложения Марковича «c'est bien joli, c'est rose et blond», сей перевод грешит излишним разъяснительным моментом: само по себе имя Ван Дейка и без переноса достаточно удивительно, тогда как скрытый намек к жуковскому описанию Сикстинской Мадонны все равно утрачивается для французского читателя, постольку поскольку он этого описания знать не может. Учитывая, что мотив Мадонны не свойствен Ван Дейку, как он свойствен Рафаэлю, мы склонны подчеркнуть эту несвойственность, ставя не классический артикль принадлежности «*de Van Dyck*», а более неопределенный и, тем самым, в данном контексте пренебрежительный, «*à la Van Dyck*». Получается следующее предложение:

Les traits d'Olga n'ont pas de vie :
Une Madone à la Van Dyck.

Так почему же все-таки Ван Дейк? Эфрос воспринимает этот выбор чисто формально: по его мнению, Пушкин едва ли не наугад решил на него, столь сильна чужеродность между

³⁴ Пушкин А.С. Указ. соч., ст. 55.

³⁵ Эфрос А.М. *Рисунки поэта* / А.М. Эфрос. С 63.

³⁶ Weinstein Ch. Traduction d'*Eugène Onéguine* / Ch. Weinstein. 2010. С. 52.

«великим умбрийцем» и «блистательным фламандским эпигоном»³⁷. Тут-то мы позволим себе не согласиться с Абрамом Марковичем. Как об этом напоминает Набоков, прежде чем остановиться на Ван Дейке, Пушкин попробовал Перуджино³⁸, то есть еще одного представителя умбрийской школы на ряду с Рафаэлем. Поэтому окончательный выбор столь «чужеродного» Рафаэлю и Перуджину художника не может быть случайным. Если «Вандиковые Мадонны» действительно вряд ли интересовали Пушкина сами по себе, то имя Ван Дейка, как это подчеркнул Лотман, имело для него определенное значение:

Вероятнее всего, П[ушкин] назвал Ван Дейка как представителя фламандской школы, ассоциировавшегося в его сознании с определенным типом живописи.³⁹

Фламандская школа – то есть школа ярких цветов, преимущественно алого оттенка. Соединяя прилагательное «красна» с именем Ван Дейка, Пушкин, конечно же, осознавал, что у читателя создастся именно цветное представление и, не побоимся этого слова, на это и рассчитывал. Остается только разобрать, к чему именно отсылает пушкинский образ «красного лица». Когда Набоков ассоциирует «красное лицо» с «невоздержанностью», «высоким кровавым давлением», «злостью» и т.п., он перечисляет общие представления, связанные с «красным лицом», которые, разумеется, не соответствуют ни Мадонне, ни Ольге. Зато, если включить это лицо в общий контекст интересующего нас пассажа, то смысл становится весьма очевиден. Вспомним презрительное восклицания Онегина в предыдущей строфе:

Однако в поле уж темно;
Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка[.]⁴⁰

И в IV и в V строфах третьей главы Онегин выступает, как столичный денди, презирающий так называемые «деревенские прелести»: «глупы» деревенские пейзажи, как «глупа» луна над ними, а их обитатели – «просты». Ясно, что как бы свежа и хороша не была бы Ольга, она для Онегина является всего лишь обыкновенной деревенской барышней, чей румянец никак не

³⁷ Там же.

³⁸ Набоков В.В. *Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* / В.В. Набоков. С. 366.

³⁹ Лотман Ю.М. "Евгений Онегин", комментарий // *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки (1960-1990)*, Л.: Искусство-СПБ, 1995. С. 612.

⁴⁰ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 54-55.

может обладать тем очарованием, который пленит Ленского. В глазах Онегина этот румянец только знак всеобщей Ольгиной простоты – и социальной, и культурной, и душевной.

Примечательно, что совокупность «круглого румяного лица» и деревенского происхождения укоренилась в русской литературе. Один из самых ярких примеров находится в «Подростке», когда Долгорукий, делая княгине Ахмаковой то же самое замечание, что и Онегин, выражает совершенно иное чувство:

Да и лицо у вас совсем деревенское, лицо деревенской красавицы, – не обижайтесь, ведь это хорошо, это лучше – *круглое, румяное, ясное*, смелое, смеющееся и... застенчивое лицо!⁴¹

То, что столичному денди представляется простым в смысле грубоватым, герою Достоевского, побужденному христианским видением крестьянина, является истинно прекрасным, и этой инверсией Достоевский имплицитно подчеркивает, что Ольга в глазах Онегина никак не может быть «красавицей». Другой пример, взятый в «Отраве» Мамин-Сибиряка (1887), интересен тем, что автор, описывая одноименную героиню повести, старую крестьянку, травницу и отравительницу мужей, придает, следом за Онегином, негативную оценку «круглому деревенскому лицу», добавляя ему и «глупость», часто, между прочим, связанную с округленностью, чему свидетельствуют простонародные выражения «круглый дурак», «круглый болван», и пр.:

Это была приземистая баба-крепьш с ласковыми карими глазами и глупо-довольным выражением круглого, румяного лица.⁴²

Заметим, что и Достоевский, и Мамин-Сибиряк употребляют прилагательное «румяное», а не «красное»; конечно, последнее у Пушкина можно объяснить требованиями версификации, но есть еще и другое объяснение, которое, кстати, и подсказывает самый правильный, как нам кажется, ему французский эквивалент. Если в момент писания «Евгения Онегина» Пушкин читал и немецких и английских авторов во французских переводах, то одного поэта он не просто читал в оригинале, а знал еще и наизусть, так это – Горация. Во Второй книге «Одах» находим следующий стих:

⁴¹ Достоевский Ф.М. *Подросток*, роман в 3 ч. / Ф.М. Достоевский. М. : Художественная литература, 1971. С. 430. Курсив наш.

⁴² Мамин-Сибиряк Д.Н. *Отравы* / Д.Н. Мамин-Сибиряк // *Уральские рассказы*, т. 1, издание четвертое, М. : Издание Е.П. Ефимова, 1905. С. 100.

Non semper idem floribus est honor Не навсегда краса остается
Vernis, neque uno luna rubens nitet Вешним цветам, и румяная луна не светит
Voltu[.] Одним ликом[.]⁴³

«Luna rubens», «румяная луна» в русском переводе, дословно означает «красная луна». Напомним, что именно это латинское «rubens» дало испанское «rubio» а, также, естественно, слово «рубин», «rubis». Если же опираться на латинский источник, то наилучший вариант, чтобы перевести пушкинское «красна», становится французское прилагательное с латинским корнем «rubens» – «rubiconde», означающее пылающий красный цвет, легко ассоциируемый с образом румянца. Именно этот вариант выбрал Флориан Вутев в переводе 2012 года, но вместо того, чтобы дословно перевести дополнительное прилагательное «кругла» эпитетом «ronde», он почему-то заменил его эпитетом «plate» («плоская»): «Sa face plate et rubiconde»⁴⁴. А ведь слово «rubiconde» как раз удачнее всех других звучит в совокупности с «ronde», позволяя фактически звук за звуком передать аллитерацию пушкинского стиха, сохраняя при этом синтаксическую его структуру: «Sa face est ronde, rubiconde».

Остается найти правильный перевод прилагательным «глупая», «глупый», соответственно дополняя существительные «луна» и «небосклон». Совсем недавно вышла статья Марии Неклюдовой, посвященная именно нерусскому образу «глупой луны» в «Евгении Онегине». Исследовательница разъясняет его в связи с французским крылатым выражением, удостоверенным уже в 1810 году, «быть глупым как луна» («être bête comme la lune»), то есть быть тупым, быть идиотом⁴⁵; это же прилагательное выбрал Андре Маркович, почти слово в слово воссоздавая французское выражение:

C'est bien joli, c'est rose et blond,
C'est bête comme l'astre rond
Dans ce ciel bête et monotone.⁴⁶

⁴³ Horatius Carmina. Liber II-XI, русский перевод Марины Луценко [Электонный ресурс] – Режим доступа: http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/carmina/2_11.htm. Курсив наш. Пламенно благодарим искусствоведа и переводчицу русской поэзии Вероник Шильц, которая нам подсказала этот источник.

⁴⁴ Pouchkine A. *Eugène Onéguine*, nouvelle trad. de Florian Voutev /A. Pouchkine. Paris : Les Éditions La Bruyère, 2012. С. 63.

⁴⁵ Неклюдова М. "Глупая луна": к вопросу о возможных галлицизмах в "Евгении Онегине" /М. Неклюдова // *Русско-французский разговорник, или/ou Les Causeries du 7 septembre*, сб. статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной, М. : Новое литературное обозрение, 2015, ст. 287-295. Выражаю всю свою благодарность пушкиноведе Андрею Добрицыну, приславший мне эту статью.

⁴⁶ Voutev F. Traduction d'*Eugène Onéguine* / Florian Voutev. 2012. С. 63.

Из-за рифмовки Маркович утрачивает существительное «lune», заменив его перифразом «astre rond» («круглое светило»); связь с французским фразеологизмом, конечно же, позволяет французскому читателю понять о каком именно «светиле» идет речь, но все же теряется непосредственность оригинала. Но самое главное, это то, что Пушкин не говорит «глупая как луна»; он говорит, что именно луна – глупая, как и глуп небосклон, как и глупы «места» в IV строфе, оставаясь верен изначальной инверсии прилагательных («человеческие» – элементам природы, «природные» – человеку). Что касается IV строфы, то Маркович сохраняет прилагательное «bête», а в качестве существительного для «места» ставит «pays», могущее означать в зависимости от контекста «страна», «регион» или «земля»: «comme ils sont bêtes, ces pays!»⁴⁷ К сожалению, формулировка «тупая луна» («la lune bête»), выходя из рамок крылатого выражения «être bête comme la lune», режет ухо, тогда как «тупые места» («bêtes pays») вообще ничего не значат французскому читателю. Та же проблема возникает с прилагательным «sot», «sotte», избранным Тургеневым и Виардо, а также Флорианом Вутевым («cette lune sotte et ronde»⁴⁸): слово «sot» слишком связано с понятием «дурак», «дура», чтобы не задеть не знающего пушкинский оригинал читателя. Осознавая эту проблему, Вейнштейн решается на утрату тройного повторения прилагательного «глупый», называя места «убийственно скучными» («assommants»), небосклон – «дурацким» («stupide»), а луну – «нелепой» («absurde»).

Соглашаясь с тем, что по-французски никак нельзя сохранить пушкинское тройное повторения, мы предлагаем все же попытаться спасти двойное. Боясь усложнить и так затянувшееся наше сообщение, позволим себе оставить в стороне вопрос «глупых мест» (хотя, конечно, по их поводу предложение у нас имеется), и сосредоточиться на переводе «глупой луны» и «глупого небосклона». Выбор Вейнштейна прилагательного «absurde» для луны интересен тем, что оно означает не только «нелепость», но и «бестолковость», которая заложена в слове «глупый» и которая точно также может употребляться по отношению к предметам. С другой стороны, по-французски нельзя говорить о ком-либо, что он «absurde». Зато, можно сказать «stupide», которое Вейнштейн предлагает для «небосклона» и которое, как и «absurde», содержит идею не только тупости, но и бестолковости, даже некоего остолбенения, подходящего к скрытому жуковскому образу «ничего не выражающей» Мадонны. И все же, для передачи музыкальности пушкинского стиха, мы считаем более уместным вместо «stupide» поставить его синоним «imbécile», также отсылающий одновременно к тупости и бестолковости, и чье мокрое

⁴⁷ Markowicz A. Traduction d' *Eugène Onéguine* / André Markowicz. С. 94.

«л» позволяет играть с аллитерациями. Следовательно, полный перевод, предлагаемый нами, пушкинского четверостишия звучит следующим образом:

Les traits d'Olga n'ont pas de vie.

Une Madone à la Van Dyck :

Sa face est ronde, rubiconde

Telle l'est la lune imbécile

Dans l'imbécile firmament.

В заключение хотим сказать, что, обсуждая творение наших признанных предшественников, мы, естественно, ни в коем случае не теряем из виду, что переводить четверостишие – одно дело, а переводить всего «Евгения Онегина» – совсем другое: иным образом встают проблемы выбора, утраты и даже самого чтения оригинального материала. Именно, как нам кажется, на таком скромном по объему примере становятся очевидно, что переводчик классики никогда не начинает с нуля: хотя, трудясь, сам он обречен на одинокую борьбу, труд же его содержит наследие всего того, что было сделано до него, включая исследовательскую деятельность, и, в какой-то степени, предвещает о том, что будет после.

Список литературы

Большой академический словарь русского языка, т. 4, Российская Академия Наук, Институт лингвистических исследований, М.-СПБ. : Наука, 2006.

Державин Г.Р. «Изображение Фелицы» / Г.Р. Державин // Полное собрание стихотворений, Л. : Библиотека поэта, «Большая серия», 1957.

Достоевский Ф.М. Подросток, роман в 3 ч. / Ф.М. Достоевский. М. : Художественная литература, 1971.

Жуковский В.А. Рафаэлева "Мадонна" (Из письма о Дрезденской галерее) / В.А. Жуковский // Эстетика и критика, М. : Искусство, 1985.

Кока Г.М. Предисловие // сборник А.А. Вишневского Пушкин об искусстве. М. : Искусство, 1990.

Лотман Ю.М. "Евгений Онегин", комментарий / Ю.М. Лотман // Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки (1960-1990), Л. : Искусство-СПБ, 1995.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Отрава / Д.Н. Мамин-Сибиряк // Уральские рассказы, т.1, издание четвертое. М. : Издание Е.П. Ефимова, 1905.

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», перевод с английского [Научный редактор и автор вступительной статьи В. П. Старк] / В.В. Набокова. С.-Петербург : Искусство-СПБ, «Набоковский фонд», 1998.

Неклюдова М. "Глупая луна": к вопросу о возможных галлицизмах в "Евгении Онегине" / М.

⁴⁸ Voutev F. traduction d'*Eugène Onéguine* / Florian Voutev. С. 63.

- Неклюдова // Русско-французский разговорник, или/ou Les Causeries du 7 septembre, сб. статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Пушкин А.С.* Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
- Пушкин А.С.* Послание к Юдину / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 томах. Т.1: «Стихотворения 1823-1836. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
- Эфрос А.М.* Рисунки поэта /А. Эфрос. М.-Л. : Academia, 1933.
- Goethe J.W. (von)* Dem aufgehenden Vollmond / J.W. von Goethe // В. Moennighoff, Goethes Gedichttitel, Berlin-New York: de Gruyter, 2000.
- Horatius* Carmina // Liber II-XI, русский перевод Марины Луценко [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/carmina/2_11.htm
- Karsten G.E. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur / G.E. Karsten. t. 17, Halle, 1893.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Strassburg / F. Kluge, 1883.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine, nouvelle trad. de Florian Voutev / A. Pouchkine. Paris: Les Éditions La Bruyère, 2012.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine, roman en vers, trad. par Charles Weinstein / A. Pouchkine. Paris: L'Harmattan, 2010.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine, roman en vers traduit du russe par André Markowicz, préface de Mickaël Meylac / A. Pouchkine. Paris: Actes Sud, «Babel», 2005.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine, texte présenté, traduit et annoté par Jean-Louis Backès, Professeur à l'Université de Tours, Paris, Gallimard, «Folio classique», 1996.
- Pouchkine A.* Eugène Onéguine, traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot, in Revue nationale et étrangère / A. Pouchkine. T. 12, Paris, 1863.

Булгакова С.Ю.
Воронежский государственный университет
г. Воронеж (Россия)

Bulgakova Svetlana
Voronezh State University
Voronezh (Russia)

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕНОМИНАЦИИ РЕАЛИЙ

TRANSLATION STRATEGY AND REALIA RENOMINATION

Статья посвящена выявлению зависимости между способом реноминации реалий и выбираемой переводческой стратегией. Опираясь на понятие межъязыковой реноминации и оперируя терминами R-реалия, L-реалия и C-реалия, автор сопоставляет способы реноминации в текстах перевода с различными переводческими стратегиями. Анализ французских переводов прозаических произведений И.А. Бунина позволяет выделить следующие переводческие стратегии: доместикация, лингвокультурная, адаптация, форенизация и сохранение национального колорита. Выделение переводческих стратегий основано на нескольких особенностях способов реноминации. В-первых, вариативность и количество «чужих» L-реалий. Во-вторых, количество и типология используемых переводческих комментариев. В-третьих, выбор «своей» R-реалии, представленной в разных переводах гипонимами или функциональными эквивалентами. И наконец, степень вариативности «своих» R-реалий и «своих» C-реалий-экспликаций в рамках одного перевода. Автор приходит к выводу о том, что все стратегии в переводах реализуются комплексно, однако доминирование той или иной стратегии достаточно четко прослеживается на материале реноминации реалий. Способ реноминации реалий, таким образом, может рассматриваться как количественный и качественный маркер при анализе стратегии перевода текстов с высокой степенью выраженности национального колорита.

The article discusses the correlation between the way of realia renomination and the adopted translation strategy. The research is based on the interlanguage renomination theory. Using terms R-realia, L-realia and C-realia the author describes and compares the ways of realia renomination in the target texts with different translation strategies. In the framework of this study several translation strategies in the French translations of novels and short stories by I. Bunin have been highlighted: domestication, adaptation to the target culture, foreignization, maintenance of cultural specificity. These strategies are due to several distinctions in the ways of realia renomination: the variety and number of the transliterated source language L-realia; quantity and types of translator's notes, the type of target language R-realia (hyponym or functional equivalent); the variety of target culture R-realia and C-realia explaining the original concept in the same translation. The author comes to the conclusion all the strategies are complementary. However their distinctions are clearly visible via realia renomination. Consequently the way of realia renomination can be considered as a quantitative and qualitative distinction between the translation strategies in the texts rich in national specificity.

Ключевые слова: стратегия перевода, реалия, реноминация, доместикация, форенизация, сохранение национального колорита, лингвокультурная адаптация.

Key words: translation strategy, realia, renomination, domestication, foreignization, maintenance of cultural specificity, adaptation to the target culture.

Цель художественного перевода как особого вида переводческой деятельности может быть

описана через категорию эквивалентности и заключается в обеспечении эквивалентности эстетического воздействия оригинала и перевода [Солодуб, 2005, с. 19].

Общая программа по достижению импрессивной эквивалентности [Фененко, 2006] текста оригинала (далее – ИТ) и текста перевода (далее – ПТ), то есть стратегия перевода, определяется множеством факторов, среди которых идеология, состояние научной мысли и литературы, личные предпочтения переводчика, особенности восприятия того или иного автора в принимающей культуре.

Цель данной статьи – проследить зависимость способов реноминации реалий в процессе перевода от выбранной переводческой стратегии. В рамках исследования мы опираемся на теорию межъязыковой реноминации, развиваемую Н.А. Фененко и А.А. Кретовым. Реноминацию мы определяем как процесс создания эквивалентных на уровне текста номинаций для решения конкретных переводческих задач в русле выбранной переводческой стратегии с целью получения содержательно и импрессивно эквивалентного текста [Французские и русские реалии..., 2013, с. 32].

Под реалией мы, вслед за Н.А. Фененко и А.А. Кретовым, понимаем парную лакуне категорию контрастивной лингвистики, обозначающую наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата (а для денотатной лексики – и денотата) соответствующей культуры, на фоне отсутствия такой номинации в другом языке. Сохраняя термин «реалия» в качестве родового, мы в целях анализа способов реноминации выделяем:

- R-реалии – денотаты, представленные во внеязыковой действительности и составляющие часть природной и материально-культурной среды, окружающей носителей данного языка;
- С-реалии – десигнаты, понятия, представления, составляющие духовно-интеллектуальную среду обитания носителей данного языка;
- L-реалии – номинативные единицы, образующие словарь данного языка [Кретов, 2013, с. 10].

Материалом для исследований послужили переводы на французский язык прозаических произведений И.А. Бунина, выполненные в 20-е гг XX в. – начале XXI века. Анализ эмпирического материала позволил выявить следующие переводческие стратегии: стратегия форенизации; стратегия сохранения национального колорита; стратегия лингвокультурной адаптации текста; стратегия «одомашнивания» (доместикации) [Булгакова, 2013, с. 9-13].

Термины «форенизация» (foreignization) и «доместикация» (domestication) принадлежат Л. Венутти. Цель форенизации, по мнению автора, – подчеркнуть принадлежность текста к другой культуре и другому языку, иногда за счет нарушения норм, доминирующих в принимающей культуре [Venutti, 1995, с. 20]. Данная стратегия подразумевает использование незнакомой лексики, сложных, часто калькированных, синтаксических структур, мешающих непосредственности восприятия, нарушение узуса (норм), использование анахронизмов, заимствований и калькирования; все это мешает непосредственному характеру восприятия ПТ и приближает читателя, принадлежащего к принимающей культуре, к ИТ [Koskinen, 2012, с. 16].

Суть доместикации заключается в «переписывании» переводимого текста в соответствии с господствующими в принимающей культуре дискурсивными и узуальными языковыми нормами с целью создания текста на языке перевода, который был бы «прозрачен», без труда понятен читателю ПТ [Venutti, 1995, с. 17]. По мнению некоторых исследователей, перевод как диалог культур и один из видов коммуникации по своей природе основывается на стратегии доместикации, поскольку его цель – познакомить иноязычного читателя с другой культурой, а такая ориентировка на читателя неизбежно подразумевает адаптацию текста к «своей» культуре. Стратегия доместикации, таким образом, присутствует в любом переводе, следует говорить лишь о различных уровнях доместикации [Paloposki, 2000, с. 386-387].

Основанием для различения доместикации и лингвокультурной адаптации служат наблюдения над способами адаптации текста к «своей» лингвокультуре. Адаптация ПТ к принимающей культуре может осуществляться двумя способами: посредством подбора эквивалентов «своей» культуры для реалий «чужой» культуры и посредством экспликации особенностей «чужой» культуры. Иными словами, в первом случае осуществляется «подмена» элементов одной культуры сходными элементами другой культуры, в во втором – перевод не ассоциируется с культурой принимающего языка, поскольку компенсация оригинального сообщения осуществляется в рамках культуры оригинала [Вербицкая, 2011, с. 90]. Используя стратегию лингвокультурной адаптации переводчик становится своего рода «гидом», стремится максимально пополнить когнитивный багаж читателя.

Стратегия сохранения национального колорита, по нашим наблюдениям, отличается от стратегии лингвокультурной адаптации характером сохраняемых в ПТ реалий, а также количеством и типом создаваемых в ПТ комментариев.

Французские критики и переводчики неоднократно отмечали точность языка И.А. Бунина и

ключевую роль бытовой детали в его произведениях (см., например, [Makine, 1992, с. 98]). Обилие описаний крестьянского и помещичьего быта в произведениях писателя позволяло французским критикам и читателям воспринимать их как любопытное этнографическое свидетельство или ценный исторический документ (см., например, [Laury, 1988, с. 8]). Вследствие этого способы реноминации R-реалий в рамках анализируемых переводческих стратегий, представляют особый интерес.

Как показал анализ, реноминация реалий посредством «чужой» L-реалии используется в ПТ разных временных периодов. Ключевые различия проявляются в удельном весе данного типа среди других способов реноминации и перечне «чужих» R-реалий, которые в ПТ передаются «чужой» L-реалией.

Так, в ПТ, ориентируемых на доместикацию, реноминация посредством «чужой» L-реалии осуществляется для следующих лексических единиц (далее – ЛЕ): *isba, icône, moujik, rouble, vodka, verste, steppe, borzoïs, kopecks, caftan, sarafane, kvas, pope, samovar, staroste, droschki, troïka*. Эти лексические единицы вошли во французский язык примерно в одно время (XVIII-XIX в) [Гарбовский, 2003, с. 19-22], зафиксированы во французских толковых словарях. Тот же список L-реалий присутствует и в ПТ, для которых характерна стратегия сохранения национального колорита, однако даже те ЛЕ, которые зафиксированы во французских словарях, в таких ПТ сопровождаются переводческим комментарием.

В ПТ, в которых доминирует форенизация, также реноминируются L-реалии *Bachkire, balalaïka, télègue, iconostase, tiouria, barine*. Как видим, список «чужих» L-реалий в различных ПТ во многом совпадает, что можно объяснить слабой освоенностью русских R-реалий французской лингвокультурой. При этом для ПТ со стратегией форенизации характерно небольшое количество переводческого метатекста.

В ПТ, где доминирует лингвокультурная адаптация, присутствуют как перечисленные выше L-реалии, так и те, которые не встречались в других ПТ: *Kalmouk, bartchouk, koutia, knout, tsarine* и др. Расширение перечня L-реалий сопровождается метатекстами (развернутыми S-реалиями*). Ср.:

ИТ: *Письменными и прочими памятниками Суходол не богаче любого улуса в башкирской степи.*

ПТ (Лежен): *Soukhodol n'était pas plus riche de souvenirs, écrits ou non, que n'importe quel oulous dans la steppe bachkire.*

* *Village de nomades des steppes de l'Asie centrale (Деревня степных кочевников в Центральной Азии) (Здесь и далее перевод примеров мой – С.Б.).*

* *Territoire entre l'Oural et la Volga conquis par Ivan le Terrible, où vit le peuple turc des Bachkirs (Завоеванная Иваном Грозным территория между Уралом и Волгой, на которой живет тюркоязычный народ башкиры).*

В анализируемом примере обе русские R-реалии подвергаются реноминации посредством чужой L-реалии – окказионального заимствования – и своей C-реалии – переводческого метатекста. В результате сохраняется национальный колорит текстового фрагмента, а читатель имеет возможность пополнить свой когнитивный багаж за счет информации, эксплицированной в метатексте.

Второе принципиальное различие между стратегиями перевода заключается в количестве и характере комментариев. В ПТ, в которых переводчики принимают стратегию доместикации, комментарии почти полностью отсутствуют. Наиболее ярко этот факт виден при сопоставлении ПТ, относящихся к разным стратегиям. Ср.:

ИТ: *Что ж, ты бы на ее месте меня в **терем** запер? — спросила Катя.*

ПТ (Дюмениль де Грамон): *A sa place, tu m'aurais enfermée dans une **tour**, n'est-ce pas? demanda Katia.*

ПТ (Кольдефи-Фокар): *Allons donc! À sa place, tu m'enfermerais peut-être au **terem**? demanda Katia.*

* *Sorte de gynécée, dans la Russie ancienne (Особая разновидность гинекея в древней Руси).*

В ПТ М. Дюмениль де Грамон, в котором прослеживается стратегия доместикации, реноминация осуществляется с помощью «своей» R-реалии (функционального эквивалента)», где *терем* передается за счет французской R-реалии *tour* - «*башня*», поскольку именно в башнях находились женские покои в средневековой Европе. В ПТ А. Кольдефи-Фокар лингвокультурная адаптация текста реализуется путем раскрытия релевантных черт реалии в метатексте, за счет введения в него освоенной «внешней» R-реалии *гинекей* – «*женские покои в доме, занимавшие его заднюю часть или второй этаж*» [Википедия, Эл. ресурс]. В результате обеспечивается полное понимание фрагмента французским читателем.

Дифференциацию стратегий доместикации, сохранения национального колорита и лингвокультурной адаптации можно проводить не только по количеству, но и по типу комментария. В ПТ со стратегией доместикации они либо вообще отсутствуют, либо

представлены в малом объеме. Например, в ПТ, выполненном Б. де Шлецером, единственный пример метатекста можно отнести к дополняющему комментарию. Ср.:

ИТ: *Дочь, и на этот раз удивила его своею красотой, ...лиловым сарафаном (...)*

ПТ (Шлецер): *La jeune femme encore le frappa par sa belle prestance...Vêtue d'un sarafane violet, elle tenait la menotte de sa fillette (...)*

* *Caftan pour homme et aussi vêtement féminin long, sans manches et avec ceinture. (Мужской кафтан, а также длинная женская одежда с поясом и без рукавов.)*

В ПТ со стратегией форенизации и сохранения национального колорита комментарии присутствуют, но они не многочисленны. Они относятся к словарному, дополняющему, в редких исключениях к поясняющему комментарию. Ср:

ИТ: *Теперь Тихон Ильич отослал телеги со старостой, а сам поехал один, на бегунках. –*

ПТ (Парижанин): *Mais, cet été là, Tikhon Ilitch mit d'abord en chemin l'ouvrier avec les deux télègues, et lui-même fit la route en drojki.*

* *Sorte de banc rembourré, établi sur quatre roues ; le voyageur s'asseoit à califourchon (Нечто вроде мягкой лавки, закрепленной на четырех колесах; путешественник садится верхом).*

Словарные и дополняющие комментарии русских R-реалий в таких ПТ наиболее многочисленны, поскольку сохраняются как те чужие L-реалии, которые зафиксированы в словарях, так и те, которые в них не отмечены.

В ПТ, ориентированном на сохранение национального колорита, переводческий метатекст зачастую относится к типу дополняющего комментария [Казакова, 2006, 140] и представлен небольшим количеством метататекстовых статей. Ср.:

ИТ: *Возле Палкина отчаянно бил копытами... упавший на бок, на оглоблю, вороной жеребец (...)* – ПТ (Флипо Мазюрель): *À côté de chez Palkine un étalon moreau, couché sur le flanc... ruait (...)*

* *Palkine restaurant de la Nevski situé au coin de l'avenue Notre-Dame-de-Vladimir (Палкин – ресторан на Невском проспекте, расположенный на углу с Владимирской улицей).*

В ПТ, в которых доминирует лингвокультурная адаптация, также присутствуют различные типы метатекста: словарный, дополняющий, пояснительный. При этом в текстах со стратегией лингвокультурной адаптации информация, эксплицируемая переводчиком, не совпадает с той, которая зафиксирована в словарной дефиниции. Это связано со стремлением переводчиков не ограничиваться объемом информации, представленной во французских словарях и

энциклопедиях, а максимально раскрыть черты «чужой» реалии и обогатить когнитивный багаж читателя ПТ. Ср.:

ИТ: *староста Демьян не вмешивался в управление домом (...) – ПТ (Лежен): Demian, le staroste du village, ne se mêlait pas de la régie de la maison (...)*

* *Personne élue ou nommée à la tête d'un groupe, après la libération du servage en Russie, au XIX siècle. (После отмены крепостного права в России в XIX веке человек, избираемый или назначаемый в качестве главного в группе.)*

Русская L-реалия *staroste* во французских толковых словарях зафиксирована со следующим значением: «*В России человек, возглавляющий мир, в чьи обязанности входит сбор и распределение налогов (Chef d'un mir chargé de la collecte et de la répartition de l'impôt, en Russie)*» [CNRTL]. Сопоставление словарной дефиниции и дополняющего комментария позволяет выявить разницу в эксплицируемой информации.

В-третьих, во всех проанализированных нами ПТ независимо от выбранной переводчиком стратегии используется способ реноминации с помощью «своих» R-реалий и C-реалий-экспликаций. Однако ключевым различием, позволяющим говорить о доминировании той или иной переводческой стратегии, является характер и вариативность «своих» R-реалий и C-реалий-экспликаций, выбираемых переводчиками в качестве текстовых эквивалентов.

Характер выбираемых переводчиком «своих» R-реалий. В текстах со стратегией доместикации используются преимущественно «свои» R-реалии – гиперонимы или словарные соответствия, тогда как в ПТ со стратегией сохранения национального колорита и лингвокультурной адаптации поиск эквивалента осуществляется на основе функционального сходства или близости сигнификатов.

Тенденция к различиям в поиске «своих» эквивалентных R-реалий прослеживается как при сопоставительном анализе двух переводов одного произведения, так и на материале способов реноминации одной реалии в переводах разных произведений. Сопоставим способы реноминации реалий в двух вариантах одного ИТ. Ср.:

ИТ: *Одна хата хохлацкая чего стоила — ее белизна, ее гладкая, ровная, очертеная крыша.*

ПТ (Лежен): *Ne serait-ce que la chaumière ukrainienne, sa blancheur, son toit lisse et droit en roseaux.*

ПТ (Морис): *La maison, déjà, était une merveille: – toute blanche avec son toit bien établi, bien*

égal, tout de roseaux.

В анализируемом примере реноминация реалии *хохлацкая хата* осуществляется посредством следующих «своих» R-реалий. В ПТ М. Лежен, в котором доминирует стратегия сохранения национального колорита, текстовый эквивалент представлен словосочетанием *chaumière ukrainienne*, где французская R-реалия *chaumière* определяется как «*Маленький домик в сельской местности, часто крытый соломой (Petite maison campagnarde, souvent couverte de chaume)*» [Larousse, Эл. ресурс]. В ПТ М. Парижа в данном случае прослеживается ориентация на доместикацию, поскольку реноминация происходит за счет «своей» R-реалии – гипонима *maison* – «дом».

Тенденция к варьированию «своих» эквивалентных R-реалий и C-реалий – экспликаций прослеживается и при сопоставительном анализе способов реноминации одной и той же реалии в ПТ с разными переводческими стратегиями. Рассмотрим способы реноминации русской R-реалии *платок*. Ср.:

ИТ: *И вдруг встает, направляет платок на плечах (...)* – ПТ (Лежен): *Et tout d'un coup elle se lève, remet son châle sur ses épaules (...)*

ИТ: *в ситцевой кофте, подпоясанной черным лакированным поясом, в такой же юбке, в розовом платочке (...)*

ПТ (Дюмениль де Грамон): *elle avait un joli corsage d'indienne, blanc, avec des pois rouges et une ceinture noire vernie, une jupe pareille, un fichu de soie rose (...)*

ПТ (Кольдефи Фокар): *elle portait une jolie blouse d'indienne (blanche, à petits pois rouges), avec une ceinture noire vernie, une jupe identique, un foulard de soie rose (...)*

ИТ: *А сестра медленно мотала головой, закутанной в пеньковый платок (...)* – ПТ (Морис): *Et la soeur secouait lentement sa tête enveloppée d'un fichu grossier (...)*

Как видно из приведенных примеров, во всех контекстах прослеживается ориентация на лингвокультурную адаптацию текста. Однако, французские переводчики, чьи ПТ появились в начале XX века, осуществляют реноминацию русской реалии посредством «своей» R-реалии *fichu*. Данная ЛЕ имеет следующую дефиницию: «*Кусок сложенной углами ткани, который женщины носят на плечах, вокруг шеи и которым они покрывают голову (Pièce d'étoffe pliée en pointe que les femmes portent sur les épaules, autour du cou, ou dont elles se couvrent la tête)*». Сигнификаты двух реалий совпадают, однако на изображениях такого вида платка можно увидеть, что он зачастую является ажурным, кружевным и небольшим по размеру.

Следовательно, французская R-реалия *fichu* не является полным эквивалентом русской R-реалии.

Переводчик русского происхождения Б. де Шлецер, без сомнения, знакомый с особенностями русской R-реалии, осуществляет ее реноминацию посредством «своей» R-реалии *châle* – «шаль», которая по своим функциям и размерам ближе к русской реалии.

Наконец, в переводах, выполненных во второй половине XX века, для которых характерна стратегия лингвокультурной адаптации и сохранения национального колорита, в качестве «своих» эквивалентных R-реалий используются *châle* (М. Лежен) и *foulard* (А. Кольдефи-Фокар, М. Лежен). В этих ПТ реноминация осуществляется с учетом когнитивного контекста произведения: R-реалия *châle* используется в контексте, где платок лежит на плечах героини, а *foulard* – когда в ИТ используется уменьшительная форма «платочек» и платок находится на голове. Для французской R-реалии *foulard* также характерен особый вид ткани и функция: «квадрат из шелка или легкой ткани, который носят вокруг шеи или на голове (*Carré de soie ou de tissu léger que l'on porte autour du cou ou sur la tête*)» [www.larousse.fr/dictionnaires/francais], который «...позволяет защититься от холода или служит украшением (...*permet de se protéger du froid ou qui sert d'ornement*)» [CNRTL]. Таким образом, в каждом из проанализированных контекстов достигается эквивалентность ИТ и ПТ.

Вариативность выбираемых переводчиками R-реалий. Для ПТ с различными переводческими стратегиями характерна разная степень вариативности своих R-реалий: в более поздних переводах она более высока, чем в ранних. Иначе говоря, в более ранних ПТ реноминация осуществляется с использованием «своей» R-реалии, а в более поздних с помощью «чужой» L-реалии, которая сопровождается «своей» R-реалией. В одном ПТ могут использоваться нескольких своих R-реалий – функциональных эквивалентов. Рассмотрим данную тенденцию на примере реноминации «чужой» R-реалии *шапка*. Анализ примеров позволяет заметить, что в более ранних ПТ (М. Парижанин и Б. де Шлецер) реноминация во всех контекстах осуществляется посредством «своей» R-реалии *bonnet* – «Мужской и женский головной убор из мягкой материи, без полей и козырька (*Coiffure d'homme ou de femme en matière souple et sans bord ni visière*)» [Larousse, Эл. ресурс], которой соответствует русская ЛЕ *колпак*.

В более поздних ПТ реноминация осуществляется с помощью различных R-реалий, раскрывающих те или иные стороны русской реалии в зависимости от контекста. Так, М. Лежен использует для реноминации R-реалию *chapeau* – «Головной убор, обычно с более или менее широкими полями (*Coiffure généralement à bord plus ou moins large*)» [CNRTL], когда в ИТ есть

признак «теплый». Однако в контексте, где национальный колорит играет ключевую роль (рассказ «Русь»), переводчик прибегает к «чужой» L-реалии *chapka*. В данном случае следует говорить о реализации стратегии сохранения национального колорита. В контексте, где речь идет о высокой казачьей шапке, предлагается французская R-реалия *bonnet*. Аналогичный эквивалент для высокой шапки выбирает и К. Ошар, тогда как в контексте, где речь идет об огромной, широкой шапке, в ее ПТ находим R-реалию *chapeau*.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы. Стратегии переводов прозаических произведений И.А. Бунина не носят всеобъемлющего характера, они реализуются комплексно, однако доминирование той или иной стратегии достаточно четко прослеживается на материале реноминации реалий. Таким образом, способ реноминации реалий может рассматриваться как количественный и качественный маркер при анализе стратегии перевода текстов с высокой степенью выраженности национального колорита.

Список литературы

- Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина : автореферат дис. канд. филол. наук / С.Ю. Булгакова; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2013. 24 с.
- Вербицкая М.В. Роль, место и особенности культурной адаптации при переводе культурно-специфичных интертекстуальных включений (на материале Т. Пратчетта) / М.В. Вербицкая, М.В. Игнатович // Вестник Московского государственного университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №3. С. 86-92.
- Википедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гинекей>
- Гарбовский Н.К. 104 слова о русской культуре / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. №4. С. 7-23.
- Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160000 слов / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Астрель: АСТ, 2006.
- Кретов А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. №1. С.7-13.
- Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: учебное пособие / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. Москва: Академия, 2005. 296 с.
- Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.А. Фененко. Воронеж, 2006. 36 с.
- CNRTL – Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/>
- Koskinen K. Domestication, Foreignisation and the Modulation of Affect / Koskinen K. // H. Kempanen, M. Janis, A. Belikova. Domestication and Foreignisation in translation Studies. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2012. P. 13-32.
- Larousse. Dictionnaire de français [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.larousse.fr/dictionnaires/francais
- Laury J. Préface / J. Laury // I. Bounine. Les jours maudits. Traduit du russe, preface et annoté par Jean

Laury. Lausanne: Editions l'Age d'Homme, 1988. P. 7-10.

Makine A (2). La prose d'Ivan Bunin: la poétique de la nostalgie. // Revue des études slaves. Tome 64, fascicule 4. 1992. P. 711-712.

Paloposki O. The domesticated foreign / O. Paloposki, R. Oitinen // Translation in Context: Selected Contributions from the EST Congress, Granada, 1998. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2000. P. 373-390.

Venutti L. The Translator's Invisibility / L. Venutti. London / New York: Routledge, 1995. 363 p.

Список источников

Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / И.А. Бунин; под общ. ред. А.С. Мясникова [и др.]; вступ. ст. А.Т. Твардовского; примеч. О.Н. Михайлова и А.К. Бабореко. Москва: Художественная литература, 1965 – 1967.

Bounine I. La Nuit: nouvelles / I. Bounine, traduit du russe par B. de Schloezer. Paris: Édition des Syrtes, 2000. 180 p.

Bounine I. L'Ami inconnu: nouvelles / I. Bounine, traduit par A. Flipo Masurel. Paris: Mercure de France, 1998. 167 p.

Bounine I. Le Calice de vie / I. Bounine, traduit du russe par Maurice. Paris: Gallimard, 1990. 252 p.

Bounine I. Le Sacrement de l'amour / I. Bounine, traduit du russe par M. Dumensil de Gramont. Paris: Librairie Stock, 1938. 197 p.

Bounine I. Le Village. Roman / I. Bounine, traduit du russe par M. Parijanine. Préface de P. Lorrain. Paris: Bartillat, 2011. 268 p.

Bounine I. L'Incendie: petits récits / I. Bounine, traduit du russe par Madeleine Lejeune, préface d'Olivier Apert. Nîmes: J. Chambon, 2002. 92 p.

Bounine I. Soukhodol / I. Bounine, traduit du russe par M. Lejeune; postface d'Olivier Apert. Paris: Édition des Syrtes, 2005. 153 p.

Валова Л.В.
Западночешский университет
г. Пльзень (Чехия)

Valova Liudmila
University of West Bohemia
Pilsen (the Czech Republic)

*АНАЛИЗ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ*

*ANALYSIS OF ASPECTUAL SEMANTICS OF VERBAL FORMS AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A
FOREIGN LANGUAGE*

Статья посвящена проблемам изучения глагольного вида в иностранной аудитории. Рассматриваются основные аспектуальные значения, отражающие особенности протекания глагольного действия во времени: предельность/непредельность, однократность/неоднократность, возможность/невозможность осуществления действия, конкретность /обобщенность, параллельность/последовательность действий.

Предлагается использовать на занятиях по русскому языку как иностранному разработанную автором систему символов, передающих особенности протекания глагольного действия во времени. Описанные в данной статье методики можно применять на разных уровнях изучения русского языка. Использование символов полезно на занятиях, знакомящих студентов с понятием глагольного вида, видовой пары. Кроме того графическая интерпретация аспектуальной семантики актуальна на занятиях, ориентированных на более подготовленный контингент, который способен осознать взаимодействие глагольных форм на уровне текста и увидеть общий акциональный рисунок высказывания.

По мнению автора, графическая интерпретация аспектуальных значений позволяет оптимизировать учебный процесс, а следовательно, способствует лучшему усвоению иностранцами сложных грамматических тем русского языка.

The article is devoted to the problems of study of verbal aspect in the foreign audience.

The article deals with the main aspectual meanings that are reflecting the special aspects of verbal action progress in time: boundedness/atelicity, momentariness/repeatness, possibility/impossibility of action realization, concreteness/generality, parallelism/sequence of actions.

It is offered to use at the lessons of Russian as a foreign language the devised by author system of symbols that transmit the special aspects of verbal action progress in time. The methodologies described in this article can be applied on the different levels of study of Russian language. The use of symbols is useful at the lessons that acquaint the students with verbal aspect and aspectual pair. Besides that the graphical interpretation of aspectual semantics is relevant at the lessons that aimed at more prepared contingent that is able to understand the interaction of verbal forms at the level of the text and see the overall actional picture of utterance.

In author's opinion, the graphic interpretation of aspectual meanings allows to optimize an educational process, and consequently, assists the best acquisition by the foreigners of complicated grammatical themes of Russian language.

Ключевые слова: глагольный вид, аспектуальная семантика, глагольные формы, графическая интерпретация, русский язык как иностранный

Key words: verbal aspect, aspectual semantics, verbal forms, graphical interpretation, Russian as a foreign language.

Глагольный вид – одна из сложных грамматических тем РКИ: отсутствие параллелей в родном языке многих иностранных учащихся – одна из причин проблемного восприятия данного материала. В данной статье мы остановимся на вопросах методического характера: как сделать подачу материала на тему глагольного вида и его функционирования в речи более доступной для иностранных студентов, какие приемы можно использовать, с тем чтобы научить студентов адекватно воспринимать различные аспектуальные характеристики, передаваемые на уровне широкого контекста. Описанные в данной статье методики можно использовать на разных уровнях изучения русского языка: как на занятиях, знакомящих студентов с понятием глагольного вида, видовой пары, так и на занятиях, ориентированных на более подготовленный контингент, когда объектом грамматического анализа может явиться текст, на уровне которого можно рассматривать взаимодействие видо-временных глагольных форм и формирование общего акционального рисунка высказывания.

С точки зрения функциональной грамматики, вид глагола является ядром функционально-семантического поля аспектуальности, которое коррелирует с функционально-семантической категорией аспектуальности, отвечающей за характер протекания и распределения глагольного действия во времени. Параметр наличия/отсутствия внутреннего предела в грамматической семантике глагольной формы наряду с признаком целостности служит определяющим при дифференциации совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ).¹ Помимо инвариантного видового значения глагольная форма может характеризоваться дополнительными аспектуальными значениями, отражающими особенности протекания глагольного действия во времени: однократность/неоднократность, возможность/невозможность осуществления действия, конкретность /обобщенность и др.

Одним из базовых понятий, которое используется при анализе аспектуальной семантики глагольных форм в контексте, является понятие частного видового значения (ЧВЗ). Данный термин давно и активно используется в области функциональной грамматики [Бондарко 1971,

¹ Как показывает практика, иностранным учащимся понятнее термин предельность/непредельность глагольного действия.

1990; Гловинская, 1982; Рассудова, 1982; Шелякин, 1983, 2006; Падучева, 1993]. Под частным видовым значением Бондарко понимает варианты общего видового значения, обусловленные контекстом и ситуацией речи, а в ряде случаев и лексическим значением глагола [Бондарко, 1971, с. 8]. При этом, по мнению ученого, не следует под ЧВЗ рассматривать конкретное аспектуальное значение данного речевого употребления, частные видовые значения имеют типологический характер и относятся к грамматическому строю языка на том основании, что они представляют динамический, «деятельностный» аспект языка, то есть связаны с правилами функционирования грамматических единиц [Бондарко 1984, с.8]. И тем не менее, анализируя аспектуальные характеристики какой-либо конкретной глагольной формы в конкретном контексте сложно обойтись простой констатацией того или иного ЧВЗ, полезнее и объективнее будет говорить о реализации различных аспектуальных оттенков, которые и обуславливают реализацию того или иного типа частного видового значения.

Для наглядности и очевидности различные оттенки аспектуальной семантики можно фиксировать с помощью символов. Графическая интерпретация характера протекания глагольного действия во времени способствует кристаллизации сходств и различий видо-временных форм, является вспомогательным инструментом при анализе аспектуальной семантики конкретного высказывания и может быть использована (в той или иной степени) на занятиях по русскому языку как иностранному.

Остановимся более подробно на основных аспектуальных характеристиках глагольных форм.

Предельность/непредельность действия

Представление действия как предельного, завершенного, результативного или непредельного, протяженного, длительного является основной и обязательной характеристикой каждой глагольной формы. При характеристике словоформ, обозначающих предельные действия и, как правило, функционирующих в конкретно-фактическом ЧВЗ, мы используем значок • , подчеркивающий целостность, предельность, законченность, разовость, результативность действия.

*Студенты третьего курса успешно **защитили** свои бакалаврские работы. •*

*Библиотекарь сразу же **принёс** нужный журнал. •*

*Павел **встал**, подошёл к окну и **открыл** форточку. •••*

В приведенных примерах функционируют глагольные формы СВ, обладающие внутренним пределом. В последнем предложении дана целая цепочка глагольных форм, демонстрирующих реализацию аористической разновидности конкретно-фактического ЧВЗ.²

При графической интерпретации неопределенных действий, представленных в процессе, нами используется обозначение: —, которое отражает характер конкретного действия в процессе его осуществления:

*Алексей **ждёт** свою девушку уже полчаса. —*

*Он долго **всматривался** в лицо незнакомки. —*

*Марк **смотрел** на фотографии и **вспоминал** своих родных. — —*

В целях графического различения конкретно-процессного ЧВЗ, реализация которого была дана в трех последних примерах, и постоянно-непрерывного ЧВЗ, нами был введен значок **Const**, который подчеркивает реляционный характер аспектуальной семантики:

*Великая китайская стена по праву **считается** величайшим достижением мировой цивилизации. **Const***

*Такое состояние **называется** депрессией. **Const***

Глагольные формы несовершенного вида могут характеризоваться так называемым потенциальным пределом. Стремление не ограниченного внутренним пределом действия к «исчерпанности» можно обозначить символом →.

*Он **подходил** к зданию в назначенное время. →*

*Студенты **возвращались** домой из поездки в Питер. →*

Действия, выраженные глагольными формами *подходил* и *возвращались*, стремятся к пределу в силу специфики их лексического значения.³

Однократность/неоднократность действия

Итеративность действия может выражаться глагольными формами как НСВ (неограниченно-кратное ЧВЗ), так и СВ (суммарное ЧВЗ).

В ситуациях, отражающих неоднократность, регулярность действий, выраженных глагольными формами несовершенного вида, мы используем значок — —.

*Обычно он **ходил** на прогулку в девять утра. — —*

² Ниже мы остановимся на признаке параллельности/последовательности действий и возможных способах графической фиксации подобных действий.

³ Глаголы такого типа, по классификации Мелинга, относятся к глаголам достижения [Мелинг, 1985], по классификации Гиро-Вебера – к динамично-постепенным глаголам [Гиро-Вебер, 1990].

Обычно он шел на прогулку в девять утра. — —

В последнем предложении повторяемость действия *шел* обусловлена контекстуальным средством *обычно*. Действие *шел* в другом контексте могло бы выражать конкретно-процессное значение: *Он медленно шел по улице*. Регулярность действия, выраженного глагольной формой *ходил*, также подчеркивается контекстуально: *обычно ходил*. Аспектуальная семантика, выраженная в предложении без лексического средства: *Он ходил на прогулку в девять утра* – не так однозначна. Для уточнения реализации конкретного ЧВЗ потребуется более широкий контекст: или это реализация неограниченно-кратного ЧВЗ, так как итеративность заложена в лексической семантике глагола *ходить*, или реализация значения обобщенного факта: *Да, он ходил на прогулку в девять утра*.

Следует признать, что неограниченно-кратное значение, присущее глагольным формам, лексическая семантика которых не предполагает многократности процесса, обусловлена, как правило, контекстуально:

После окончания университета мы часто писали друг другу письма. — —

По понедельникам он работал в лаборатории. — —

Однако повторяемость действия может быть заложена и в лексической семантике самой глагольной формы:

Бывало, здесь собирались мои школьные друзья. — —

С Виктором случались всякие неприятности. — —

Принадлежность форм *бывало*, *случались* многоактному способу глагольного действия обуславливает семантику неоднократности действия.

При анализе функционирования форм несовершенного вида возможна дифференциация однородных и неоднородных действий, то есть гомогенного процесса и действия, состоящего из нескольких актов. Собственно неограниченную кратность действия следует отличать от многократного конкретного процесса: *стучать*, *кашлять*, *толкать*, *вздыхать*, *колоть* и др. Многоактные действия, формирующие конкретный процесс, можно обозначить как ---.

Он громко стучал в дверь. ---

Лампа качалась над столом. ---

В приведенных предложениях релевантным является значение конкретного процесса, однако можно говорить об оттенке неограниченного кратного ЧВЗ, так как действия *стучать*, *качаться* состоят из отдельных многочисленных актов.

Неоднократность действия может быть выражена и глагольной формой совершенного вида, это реализация т.н. суммарного ЧВЗ, которое можно обозначить символом +++.

Она несколько раз ударила его по лицу. +++

Во время фонетической разминки студенты три раза повторили скороговорку. +++

В приведенных примерах неоднократность действия обусловлена лексическими средствами: *несколько раз, три раза*. Однако в других случаях релевантной может быть принадлежность глаголов многоактному способу действия:

Преподаватель строго постучал по столу. +++

Специфика конкретного негетерогенного действия *постучал* обусловлена исключительно ресурсами самой глагольной формы.

Конкретность/обобщенность действия

В речи возможны ситуации, когда при фиксации того или иного действия не указывается на особенности его протекания, а только констатируется факт его осуществления/неосуществления. В таких случаях принято говорить об обобщенно-фактическом значении, которое можно обозначить как **F**.

Во время поездки по Золотому кольцу России мы останавливались в Суздале. F

Я не читал эту книгу. F

– *Ты ходил вчера на консультацию по фонетике? F*

– *Нет, вчера в это время я ездил на вокзал и встречал сестру. F F*

В приведенных контекстах абсолютно не актуально как, когда, при каких условиях данные процессы протекали, релевантно лишь указание на сам факт их осуществления/неосуществления.

Возможность/невозможность действия

В определенных контекстах проявляются модальные оттенки глагольной формы: предполагается, что субъект в состоянии осуществить выраженное действие. Реализацию т.н. потенциального значения можно обозначить символом **Pot**. Причем, отмеченная модальная семантика может быть выражена формами как несовершенного вида:

Студенты первого курса с трудом выговаривают скороговорки. Pot

Он легко поднимает гири весом 32 кг. Pot,

так и совершенного вида:

Павел, как победитель олимпиады, решит любую сложную задачу. Pot

Каждый москвич объяснит дорогу к собору Василия Блаженного. Pot

В приведенных примерах глагольные формы проявляют потенциальное (потенциально-качественное) значение. Наличие отмеченного аспектуального оттенка позволяет преобразовать данные предикаты в конструкции с модальным глаголом *мочь*: *могут выговаривать, может поднимать, может решить, может объяснить*.

Графическая интерпретация аспектуальных значений помогает визуализировать развитие глагольного действия как в отдельном предложении, так и на уровне более широкого контекста. На уровне связных текстов графика дает возможность представить, каким образом соотнесены между собой действия, выраженные глагольными формами, т.е. оценить акциональную сторону широкого контекста. Со студентами старших курсов можно проводить анализ аспектуальной семантики глагольных форм на уровне небольших учебных текстов. Например, можно предложить обозначить графически характер каждого глагольного действия в следующем тексте:

*Пожилый учёный **работал** (—) всю ночь. Только на рассвете он **закрыл** (•) пожелтевшие книги и **постучал** (+++) в стену соседу. Сосед-писатель тоже **не спал** (F P). Он **писал** (—) книгу о своём времени, но ему **не нравилась** (F) его работа, и он **рвал** (---) написанное. Мужчины **поговорили** (•) по телефону, **обсудили** (•) свои творческие проблемы.*

Обычно к таким нестандартным заданиям учащиеся относятся с явным интересом: использование символов при оценке аспектуальной семантики глагольных форм пробуждает в студентах элемент фантазии и творчества, активизирует интерес, а следовательно, способствуют более продуктивному усвоению сложного грамматического материала.

Выходя на уровень широкого контекста, соотнося действия, выражаемые глагольными формами в рамках текста, нельзя обойти вниманием такую характеристику, как параллельность/последовательность действий.

Параллельность/последовательность действий

Определение соотнесенности между собой действий без фиксации их отношения к моменту речи является прерогативой категории таксиса. Связь таксиса с категориями вида и времени очевидна, об этом неоднократно писали лингвисты [Якобсон, 1972; Бондарко, 1987; Храковский, 2009; Плунгян, 2011].

Параллельность/последовательность действий, будучи таксисной характеристикой, напрямую соотносится с аспектуальной семантикой видо-временных форм: как известно, глагольные формы, функционирующие с конкретно-фактическим ЧВЗ в аористической разновидности, передают, как правило, цепочку последовательных действий, в отличие от

«пучка» одновременных фактов, маркированных перфектной семантикой.

С тем чтобы графически дифференцировать последовательные факты и действия, протекающие параллельно, мы используем систему латинских букв. Параллельные процессы обозначаются одинаковой буквой, но с разной индексацией:

Она сидит в удобном кресле и читает любимую книгу под шум дождя. — a_1 — a_2 ,

а действия последовательные – разными буквами:

Лена решительно встала, выхватила письмо и разорвала его на маленькие кусочки.

• a • b +++ c .

В связи с признаком параллельности/последовательности действий нельзя обойти вниманием взаимодействие в одном аспектуальном контексте личных и деепричастных форм. Анализ аспектуальной семантики глагольных форм на уровне широкого контекста доказывает их функциональную однородность, с точки зрения участия в создании акционального рисунка повествования.

Русское деепричастие является весьма сложной грамматической темой для понимания иностранными студентами. Студенты с трудом осознают назначение деепричастных форм, а также соотношение выраженного им действия с действием, передаваемым личной глагольной формой. Предложенная нами система символов весьма продуктивна на первых занятиях, только знакомящих студентов с этой специфической частью речи, и тем более она востребована при работе с более подготовленным контингентом, способным осознать участие деепричастных форм в формировании нарративной структуры высказывания. К предложенным выше символам, отражающим особенности протекания глагольного действия, можно добавить систему скобок: дифференцировать основное и второстепенное действие, заключив в скобки символ, относящийся к действию деепричастия, например:

Закончив самостоятельную работу, я сдал тетрадь преподавателю. ($\bullet a$) • b

Купив всё необходимое, Эмма готовила к ужину чешское блюдо. ($\bullet a$) — b

Иван простился с Олегом, пожав ему руку • a_1 ($\bullet a_2$)

Переводя текст, я пользуюсь словарём. ($\text{---} a_1$) — a_2

Рассматривая фотографию, Ольга заметила небольшой дефект. ($\text{---} a_1$) • a_2

Приведенные примеры исчерпывающе демонстрируют возможные сочетания таксисных и видовых характеристик на уровне предложения. Анализ подобных примеров с опорой на символику помогает учащимся осознать роль деепричастия в формировании акциональной

стороны высказывания.

Предложенная система символов, как показывает практика, во многом облегчает выполнение заданий, предусматривающих выбор деепричастия нужного вида в контексте. Графическая интерпретация характера протекания двух последовательных или параллельных действий, обладающих конкретной аспектуальной характеристикой, позволяет визуализировать происходящее. Например: (*Отвечая – ответив*) на все вопросы, я *вернулся* на своё место. Характер обозначенных в предложении действий правильно было бы отобразить следующим образом: $(\bullet \mathbf{a}) \bullet \mathbf{b}$, т. е.: *Ответив* на все вопросы, я *вернулся* на место. В случае если учащийся предпочтет форму НСВ *отвечая*, схема будет выглядеть по-другому: $(\text{— } \mathbf{a}_1) \bullet \mathbf{a}_2$. Графическая интерпретация в данном случае помогает осознать нелогичность второй ситуации: субъект вернулся на место в процессе того, как отвечал на вопросы. Формулировку заданий можно модифицировать в зависимости от уровня подготовки учащихся. Можно использовать как облегченный вариант задания: предложить символику в качестве подсказки, так и более сложный вариант: дать задание выбрать деепричастие НСВ или СВ и изобразить графически характер протекания глагольных действий.

Использование описанных в данной статье методик анализа аспектуальной семантики глагольных форм на занятиях по РКИ, безусловно, зависит от уровня группы и от задач, стоящих перед преподавателем. Однако практика показывает, что даже на начальном этапе преподавания русского языка, в группах, где еще весьма невелик словарный запас и имеются пока самые общие представления о грамматической системе русского языка, использование символов возможно и даже полезно, так как графика, будучи по природе интернациональной, помогает понять, почувствовать, визуализировать характер протекания глагольного действия во времени. Системное использование символов при изучении глагольного вида помогает студентам разных курсов осмыслить весьма непростой грамматический материал, почувствовать богатство и разнообразие имеющихся в русском языке способов передачи оттенков глагольного действия. Графическая интерпретация различных аспектуальных оттенков придает методике анализа глагольных форм универсальный характер, распространяя принципы исследования функционально-семантической категории аспектуальности на другие языки, где категория вида не представляет собой центра функционально-семантического поля аспектуальности, а характер протекания глагольного действия выражается иными языковыми средствами.

Список литературы

- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
- Бондарко А.В.* О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 5-25.
- Бондарко А.В.* Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 5-21.
- Гиро-Вебер М.* Вид и семантика русского глагола [Электрон. ресурс] / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 102-112. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/giro-veber-90.htm>
- Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского языка / М.Я. Гловинская. М.: Наука, 1982. 155 с.
- Мелинг Х.Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV. М., 1985. С. 227-249.
- Падучева Е.В.* Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 64-74.
- Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
- Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке / О.П. Рассудова. М.: Русский язык, 1982. 149 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность.* Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
- Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009. 912 с.
- Шелякин М.А.* Еще раз об инвариантом и частных значениях формы несовершенного вида русского глагола // Cuadernos de Rusística Española. 2006. № 2. С. 9-27.
- Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы) / М.А. Шелякин. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.
- Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 95-113

Воборил Л.
Университет им. Палацкого в Оломоуце
г. Оломоуц (Чешская республика)

Vobořil Ladislav
Palacky Univesity Olomouc
Olomouc (Czech Republic)

*ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ-ФИЛОЛОГОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. ПАЛАЦКОГО (ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ПОСОБИЙ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ ДЛЯ
ЧЕХОВ)*

*LANGUAGE TEACHING FOR TRANSLATORS-PHILOLOGISTS AT PALACKY UNIVERSITY
OLOMOUC (PRESENTATION OF NEW TEXTBOOKS OF RUSSIAN GRAMMAR FOR CZECHS)*

В докладе рассматриваются следующие вопросы, в частности: (1) вкратце представлена программа подготовки будущих русистов-филологов/-переводчиков на Кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце, включая все направления данной программы, профиль желающих поступать на обучение и профиль выпускника, система компетенций (языковая, коммуникативная и др.); (2) затем описывается система курсов практических занятий по русской грамматике и другим филологическим дисциплинам в рамках данных программ; (3) рассмотрены основные особенности преподавания грамматики русского языка как иностранного в чешской аудитории, как близкородственного языка, вопросы интерференции и трансфера, положительного, отрицательного или нулевого влияния на обучение грамматических явлений, усвоение материала; и (4), наконец, представлен вышедший как раз в свет учебный материал по курсу практической русской грамматики (*Vobořil, L.: Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) I, II, ISBN 978-80-244-4450-5, ISBN 978-80-244-4491-8, 170 c., 154 c., Univerzita Palackého v Olomouci, 2015 z.*), его структура, методика изложения материала, сравнительный характер, функционально-системный подход, система упражнений (подготовительные, трансформационные, переводческие, коммуникативные и др.

The paper deals with the following issues: (1) the study programme of teaching Russian for future Russian scholars-philologists/-translators at the Department of Slavic Studies, Faculty of Arts, Palacky University Olomouc is shortly outlined, including all streams of preparation, profile of applicants and graduates, system of competences (language, communicative etc.); (2) than the system of practical Russian grammar classes and other philological courses within this programme is briefly described; (3) the main special features of teaching grammar of Russian as foreign language for the Czech people, for whom Russian is a cognate language, including the issues of transfer and interference, positive, negative or zero influence of the mother tongue on language learning and language material acquisition; (4) new textbooks for teaching practical Russian grammar that have recently been published is presented (*Vobořil, L.: Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) I, II, ISBN 978-80-244-4450-5, ISBN 978-80-244-4491-8, 170 c., 154 c., Univerzita Palackého v Olomouci, 2015 z.*), including its structure, methodology of instruction, comparative character, systemic functional approach, system of excercises (preparatory, transformational, translational, communicative etc.).

Ключевые слова: подготовка филологов-русистов, переводчиков, программа обучения, профиль выпускника, компетенции, европейская шкала владения языками, курс практической русской грамматики, преподавание

РКИ, чешская аудитория, интерференция, трансфер, новый учебный материал, система упражнений.

Key-words: language preparation of philologists, translators, study programme, profile of graduate, competence, Common European Frame of Reference, practical Russian grammar course, teaching Russian as foreign language, Czech students, interference, transfer, new textbooks, system of exercises.

В настоящее время обучение русскому языку как иностранному на Кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце как на уровне бакалавриата, так магистратуры осуществляется по двум основным направлениям: сугубо филологическому, традиционному (в таком случае кроме русской филологии студенты выбирают и другую специальность, не обязательно филологическую) и нефилологическому, более молодому (студенты изучают только одну специальность: «Русский язык с уклоном на хозяйственно-правовую сферу и турбизнес» (бакалавриат) или «Русский язык для переводчиков» (магистратура)). Основная разница состоит в том, что сугубо филологическая программа предусматривает усвоение русского языка и литературы на высоком теоретическом уровне, когда знание грамматического строя является в высокой степени самоцелью, между тем как «нефилологи» усваивают теорию языка лишь до той степени, чтобы правильно пользоваться языком как средством общения.

Последние, названные нами нефилологические программы включают два блока дисциплин: 1) блок филологической подготовки, разбивающийся на сегменты а) обучения практическому языку, б) переводу, в) реалиям, культуре и литературе и 2) блок специальных дисциплин типа менеджмента, маркетинга, права или турбизнеса.

Младшие программы обучения, как мы их условно назвали, были запущены в 90-е гг. XX века ввиду сложившихся тогда новых общественных, социально-экономических и политических условий, резко влияющих и на условия обучения РКИ в чешской аудитории. Тогда необходимой стала задача вновь заинтересовать молодое поколение изучением русского языка; изменились, вне всякого сомнения, и требования рынка труда, нужны стали прежде всего переводчики, работники сферы туризма и бизнеса.

С половины 90-х гг. прошлого века языковая и коммуникативная компетенции желающих поступать как на филологическое, так и на нефилологическое обучение отличаются большой несбалансированностью – от базового до продвинутого уровня, несмотря на то что во многих средних школах и гимназиях студенты выбирают русский язык как второй иностранный. Можно, однако, констатировать, что никогда не принимались студенты-нулевики. К поступающим на

обучение предъявляются следующие требования: уметь прочитать/прослушать текст на бытовую тему, передать его своими словами, реагировать на реплики в основных коммуникативных ситуациях, иметь основные знания грамматической системы русского языка, реалий, истории и литературы (проверяется тестом). Вступительный экзамен имеет письменную форму.

Выпускники представленных программ – это не специалисты, напр., бизнесмены, прошедшие филологическую подготовку, а, скорее, владеющие языком специалисты, располагающие сведениями из области экономики, права, турбизнеса. Их коммуникативная компетенция, включающая лингвистическую, речевую, социокультурную, социолингвистическую и транслатологическую составляющие, находится на высоком уровне, позволяющем решать любые коммуникативные, тематически дифференцированные бытовые и профессиональные задачи в устном и письменном виде.

Выпускники-бакалавры должны достичь минимум уровня В2 (пороговый продвинутый уровень), магистранты – уровня С1 (профессиональный уровень) Единой европейской шкалы владения языками. Для осуществления данных целей выработана система курсов по практической грамматике и разговорной практике, имеющая интенсивный характер, прежде всего на начальном этапе, на первом курсе (шесть часов в неделю, включая курс практической русской фонетики). Практическая грамматика отличается функционально-системным подходом к изучаемым явлениям, отчасти имеет сравнительный характер (ввиду близости двух славянских языков особое внимание уделяется явлениям трансфера и интерференции). Сугубо системным подходом к освоению грамматического строя современного русского языка отличаются теоретические курсы Основы грамматики и специализированные курсы, предназначенные для студентов-филологов, по морфологии и синтаксису СРЯ. Речевые и коммуникативные компетенции развиваются, прежде всего, на занятиях по разговорной практике, где, наряду с формами речевой деятельности, студенты усваивают лексику по отдельным темам (речевой этикет, путешествие, транспорт, ресторан, гостиница, услуги, прогулка по городу, спорт, погода, турбизнес и др.).

Существенной частью блока филологической подготовки является курс письменного и устного перевода. Цель занятий – выработать компетенции анализа и интерпретации текстов разной функционально-стилистической принадлежности, понимания специфики в оригинале и адекватной передачи на другой язык, применения разных видов эквивалентности. Внимание уделяется переводу терминов, терминологических сочетаний, некоторым явлениям

грамматического строя, представляющим трудности с точки зрения перевода с русского на чешский и с чешского на русский.

Блок филологических курсов завершается лекциями по страноведению, русским реалиям, литературе и культуре, в которых слушателям предоставляются сведения, необходимые для всесторонне образованного культурного человека, который способен адекватно решать любую межкультурную коммуникативную задачу в будущем.

Основная отличительная черта преподавания РКИ, в частности, русской грамматики, в чешской аудитории – это факт, что русский и чешский генетически родственные языки, что облегчает, и в то же время осложняет процесс преподавания и обучения. Известные чешские теоретики преподавания РКИ Й. Веселы [Veselý, 1979, с. 12–17] и В. Циха [Cícha, 1982, с. 93] говорят, что знания и умения, усвоенные в рамках обучения родному языку, могут иметь тройное влияние на процесс обучения иностранному: положительное, отрицательное и нулевое. Положительное влияние обнаруживается там, где усваиваемое явление в родном и иностранном языке тождественны, наоборот, отрицательное влияние наблюдается там, где системы языков отличаются полностью или хотя бы частично. По Й. Веселому [Veselý 1985, с. 28], интерференция¹ – это «нарушение нормы в ходе использования неродного языка либо под влиянием явлений родного языка, или других явлений неродного языка» (перевод мой – Л.В.). Интерференция, как правило, считается отрицательным влиянием, трансфер, наоборот, положительным, однако, некоторые авторы под интерференцией подразумевают и отрицательное, и положительное влияние. В целях нашей работы будем использовать как термин интерференция, так трансфер. Интерференция может быть межъязыковой, внутриязыковой или комбинированной, когда нарушение нормы происходит под влиянием обоих языков, родного и иностранного. Так, напр., употребление чешскими студентами формы **я верим* возникает по аналогии с чешскими формами *já věřím* и русскими формами (*ты веришь, он верит, мы верим*) [Šourková, Zajíčková, 1967, 16–17]. Интерференция и трансфер затрагивают все языковые уровни, однако, в дальнейшем ограничимся интерференцией лишь на грамматическом, в частности, морфологическом уровне. Й. Веселы [Veselý 1985, с. 24–28] выделяет три типа трансфера при обучении русскому языку в чешской аудитории: 1) трансфер теоретических знаний языковой

¹ В. Циха [Cícha, 1982, с. 94–95] пишет, что интерференция – это явление психологическое, психолингвистическое. Решающим фактором является то обстоятельство, что ученик, в известной степени будучи «узником родного языка», считает систему последнего естественной и всеобщей, не различая свойств, типичных для русского языка. В случае русского языка как близкородственного, явления интерференции со стороны родного языка являются сложными и многосторонними (перевод мой – Л.В.).

системы, освоенных при обучении родному языку, знание ряда лингвистических понятий, напр., часть речи, имя существительное, вид, залог, деепричастие и др.; 2) трансфер умений и навыков, полученных на уроках чешского языка, напр., ознакомленность с системой спряжения глаголов, понимание видовой оппозиции и т.п.; 3) трансфер, возникающий при обучению второму неродному языку, напр., аналогия нем. *dort* x *hin* с русской оппозицией *там* x *туда*.

Изданные недавно в г. Оломоуце, в издательстве Университета им. Палацкого пособия по курсу русской грамматики (в двух томах)² являются итогом почти двадцатилетней практики автора в области преподавания РКИ, в частности грамматики русского языка, в чешской среде студентов-русистов. Текст писался и совершенствовался на протяжении нескольких лет, возникая на фоне устаревших тогда уже пособий, вышедших в свет в 80-ые гг. XX века и содержащих прежде всего лексику, обороты и конструкции, типичные для политического ньюспика периода до бархатной революции 1989 г. Кроме того, некоторые части теоретического изложения материала были упрощены или устранены полностью, материал упорядочен более наглядно с использованием таблиц и схем парадигм склонения/спряжения, последовательно даются чешские эквиваленты слов-примеров, примеры снабжаются знаками ударения, у лингвистических терминов, используемых в тексте изложения, приводится чешский эквивалент (выборочно). В разделах, содержащих практические упражнения, были дополнены или выработаны новые упражнения, появился новый речевой материал, не вызывающий нежелательные социально-политические коннотации.

Текст рассчитан на первые два года обучения, первый том для первого курса, второй для второго курса. Он используется в процессе подготовки на всех направлениях, как чисто филологическом, так и у студентов нефилологического уклона, хотя цели работы с пособиями в рамках разных направлений несколько отличаются. Общая цель, однако, выработать у всех студентов, несмотря на их специальность, навыки и умения, необходимые для свободного пользования языком в его устной и письменной формах. В то время как у студентов-филологов акценты расставлены и на усвоении знания языка как знаковой системы, они получают основную лингвистическую компетенцию, для студентов-нефилологов текст служит лишь вспомогательным средством для получения базового теоретического минимума, необходимого

² Vobořil L. Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) I. / L. Vobořil. Olomouc : Univerzita Palackého, 2015. 170 s.; Vobořil L. Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) II. / L. Vobořil. Olomouc : Univerzita Palackého, 2015. 154 s.

для их профессионального общения. Отдельные грамматические явления усваиваются не изолированно, а с самого начала подчеркивается их системный характер. Материал дается в сопоставительном плане, с опорой на знания грамматической системы чешского языка. Особое внимание уделяется явлениям русско-чешского трансфера и интерференции.

Первый том разбит на три главы, посвященные трем основным полнозначительным частям речи: именам существительным, именам прилагательным и глаголам; второй, в свою очередь, делится на семь глав: даются остальные автосемантические части речи (местоимения, числительные, наречия), синсемантические (предлоги, союзы, частицы и модальные слова) и, наконец, междометия. Факт, что в первый том вошли как раз три выбранные части речи обусловлен тем, что обязательными для усвоения, по нашему мнению, являются следующие грамматические темы: категория рода и одушевленности/неодушевленности, предложно-падежная система, согласование существительного с прилагательным, парадигматика русского глагола, виды глагола, глаголы движения и грамматическая основа предложения в целом.

Каждая из 11 глав делится на теоретический и практический раздел. В теоретическом разделе представлена основная информация об определенной части речи, ее классификации, лексико-грамматических разрядах (если они есть), грамматических категориях и способах их выражения, о словоизменении. Необходимой составной являются и парадигмы склонения и спряжения изменяемых частей речи, дополненные рядом комментариев и примечаний к парадигмам, исключениям, особенностям изменения, в том числе акцентологическим. За теоретическим разделом последует раздел практических упражнений, в которых отдельные грамматические явления усваиваются с помощью шкалы упражнений, включая трансформационные, переводческие, аналитические, синтезирующие и отчасти коммуникативные.

Как было сказано, первый том пособия посвящен трем частям речи: существительным, прилагательным и глаголу, образующим грамматическую основу предложения.

Усвоению предложно-падежной системы существительных предшествует обучение роду, не/одушевленности и особенностям выражения категории числа существительных. Например, в области понимания грамматического рода нет для чешских студентов особых трудностей, родовые системы чешского и русского языка почти совпадают. Особое внимание уделяется, таким образом, образованию соотносительных пар названий лиц мужского и женского пола (моции), где в силу генерической функции мужского рода русских существительных женские

корреляты либо не существуют, либо их употребление ограничено стилями речи, в чешском они образуются вполне свободно (напр., *профессор, доктор/-ша, врач/-иха, геолог/-иня*); дальше расхождения в роде между русским и чешским языком у существительных с основой на мягкий согласный *-ь* (напр., *лебедь, путь, тетрадь, кость*) и у слов-интернационализмов (напр., *дата, банк, репортаж, кризис*) или особенностям склонения, согласования и употребления русских существительных общего рода (напр., *лакомка, соня, зубрила, сирота*). Трудности при усвоении категории числа в русско-чешском методическо-сопоставительном плане представляет собой, главным образом, принадлежность в отличие от чешского языка некоторых русских существительных к так наз. *singularia tantum* (напр., *информация, сырье, картофель, малина*) или расхождения в области *pluralia tantum* между изучаемым и родным языками (напр., *сливки/smetana, куранты/orloj, похороны/pohřeb x noviny/gazeta, housle/скрипка, dveře/дверь*). С трудом чешские студенты-русисты усваивают концепт сингулятивности русских существительных (напр., *малина x малинка, ягода малины*), поскольку слова типа *малина* в чешском языке имеют формы обоих чисел (*malina, maliny* мн. ч.). В области склонения существительных, образования предложно-падежных форм для чехов известные трудности представляют варианты окончания существительных I субстантивного склонения: родительный партитивный на *-у/-ю* (*тарелка супу/-а*), местный предложный (*-у/-ю: на полу, в аэропорту*), ибо таких вариантов в системе современного чешского языка почти нет; именительный падеж на *-а/-я* (напр., *города, берега, рукава*), склонение слов типа, напр., *котенок, англичанин, брат, друг*, представляющие отклонения от основных образцов склонения и не имеющие опоры в родном языке. Проблематичен и выбор формы творительного падежа *-ем/-ом* у слов на шипящие в зависимости от позиции ударения (*немцем x врачом*). У слов III субстантивного склонения – это прежде всего тип *тетрадь* и форма *тетрадью*, где чехи должны преодолевать известные препятствия. Наименьшие трудности, в свою очередь, представляют собой среди чешской аудитории слова II субстантивного склонения.

В рамках изучения прилагательных внимание уделяется качественным, относительным (притяжательным) прилагательным, падежной системе прилагательных, их согласованию с существительными в роде, числе и падеже, полным и кратким формам, употреблению и управлению кратких форм, степеням сравнения прилагательных.

Среди явлений в системе русских прилагательных, которые для чехов представляют известные трудности, стоит упомянуть использование краткой формы по сравнению с полной

(краткая форма в чешском языке образуется и используется довольно редко) и образование степеней сравнения, где наблюдается высокая мера интерференции чешского языка. В чешском языке система образования степеней сравнения отличается стройностью, формы образуются почти исключительно синтетически: для сравнительной степени используются суффиксы (*pěkný / pěknější, hezký / hezčí, nový / novější*), превосходная степень образуется от сравнительной с помощью префикса *nej-* (*nejpěknější, nejhezčí, nejnovější*). Данные формы выступают в предложении как в синтаксической функции согласованного определения, так и именного сказуемого. В результате этого, студенты склонны использовать синтетические формы русского компаратива типа *новее, старше, интереснее* в качестве согласованного определения; трудности вызывает и близость русского синтетического суперлатива типа *новейший* к чешскому компаративу *novější*.

Работа с глаголами начинается с изучения настоящего времени, спряжения, инфинитива, прошедшего времени, далее повелительного наклонения. Излагаются основные трудности видообразования и видоупотребления в русском и чешском языках, образования и употребления залогов, возвратных глаголов, глаголов движения, причастных и деепричастных оборотов.

Ввиду большого объема материала, который усвоение глагола как части речи представляет для учащихся чехов-русистов, ограничимся лишь некоторыми частными вопросами. В системе спряжения глаголов настоящего времени в русском языке для чехов известные трудности знаменуют собой некоторые группы непродуктивных глаголов, в частности, напр., группа *давать – я даю* или *вытереть – я вытру/он вытер*. Ввиду интерференции чешского языка студенты нередко образуют формы типа **я даваю* (ср., чешские формы *dávám*), или формы **он вытрел* (*on vytřel*). В системе императива русского глагола трудными для усвоения и правильного употребления в речи являются формы инклюзива, напр., *споем/те, давай/те читать*, не имеющие прямых соответствий, следовательно, опоры в родном языке. Системы видообразования и видоупотребления в русском и чешском языке в высокой мере тождественны, значит, категория вида в целом для чехов не оказывается серьезной проблемой. В качестве трудных моментов, возникающий под влиянием интерференции родного языка, можно привести выражение повторяющегося, обычного действия, когда в русском языке востребована форма несовершенного вида, в то время как система чешского глагола допускает употребление обоих видов, напр., *Каждый день я встаю в шесть часов* x *Každý den vstanu/vstávám v šest hodin*. С большими трудностями усваивается чешскими студентами система русских глаголов движения,

напр., выражение формами разнонаправленного глагола типа *ходил* действия туда и обратно, напр., *Вчера мы ходили в театр* (тут в чешском системная лакуна: *Včera jsme byli v divadle*), или выражение русским приставочным глаголом типа *приходить, приносить* значения аннулирования результата действия к моменту речи (напр., *Павел приходил и приносил/принес книгу*). В системе залогов русского глагола трудным для усвоения является прежде всего факт, что страдательный залог русских глаголов несовершенного вида образуется, главным образом, с помощью возвратного постфикса *-ся*, между тем как в чешском языке используются как возвратные, так и аналитические формы (напр., *дом строится* x *dům se staví + dům je stavěn*). Последним, трудным вопросом усвоения грамматической системы русского глагола в чешской аудитории является система деепричастий прежде всего ввиду того, что в чешском языке деепричастия вышли из употребления и относятся к периферии языковой системы.

Список литературы

- Адашкевич И.В.* Обучение языку специальности на продвинутом этапе в медицинском вузе / И.В. Адашкевич. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.bsmu.by/files/590cd10c63b5ada77e32958781a4fc85/>
- Варава С.* Обучение иностранцев: минимум теоретических сведений о системе русской грамматики на начальном этапе: каким ему быть? / С. Варава, В. Груцьяк [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://uaupryal.com.ua/training/varava-s-grutsyak-v-obuchenie-inostrantsev-minimum-teoreticheskikh-svedeniy-o-sisteme-russkoj-grammatiki-na-nachalnom-etape-kakim-emu-byit/>
- Московкин Л.В.* Теоретические основы выбора оптимального метода обучения (русский язык как иностранный, начальный этап) / Л.В. Московкин. СПб. : СМИО-Пресс, 1999. 160 с.
- Остапенко А.И.* Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе / А.И. Остапенко. М. : Рус. яз., 1987. 144 с.
- Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. М. : Высш. шк., 1990. 334 с.
- Фан Я.* Обучение русскому языку китайских студентов-русистов в грамматическом аспекте / Ян Фан [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1042/files/25_168.pdf
- Воборжил Л.* Опыт специальной программы по подготовке русистов-переводчиков и работников (тур-)бизнеса. / Русский язык как иностранный: проблемы изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком: сборник докладов и сообщений участников, (2005 ; Хельсинки) / Отв. ред. Н.П. Исаев, А. Мустайоки, Е. Протасова. М.: МАКС Пресс, 2005. 324 с.
- Cícha V.* Metodika ruského jazyka I. svazek. / V. Cícha a kol. Praha : SPN, 1982. 243 s.
- Hendrich J.* Didaktika cizích jazyků. / J. Hendrich a kol. Praha: SPN, 1988, 498 s.
- Choděra R.* Didaktika cizích jazyků na přelomu století / R. Choděra. Rudná u Prahy: Editpress, 2001. 196 s.
- Jelínek S.* Vybrané kapitoly z metodiky ruského jazyka. / S. Jelínek. Praha : SPN, 1963. 166 s.
- Šourková A.* Interference v ruské morfologii. / A. Šourková, J. Zajíčková. Praha : SPN, 1967. 140 s.

- Veselý J.* Problematika vyučování ruštině jako blízkce příbuznému jazyku. / J. Veselý. Praha : SPN, 1985. 179 s.
- Vobořil L.* Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) I. / L. Vobořil. Olomouc : Univerzita Palackého, 2015. 170 s.
- Vobořil L.* Praktická cvičení z ruštiny pro filology-překladaatele (výklad a cvičení) II. / L. Vobořil. Olomouc : Univerzita Palackého, 2015. 154 s.
- Zatovkaňuk M.* Mezijazyková a vnitrojazkyková interference. / M. Zatovkaňuk a kol. Praha : SPN, 1979. 275 s.
- Žaža S.* Ruština a čeština v porovnávacím pohledu. / S. Žaža. Brno : FF MU, 1999. 122 s.

Волкова А.А.
Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Volkova Anastasiya
Tomsk State University
Tomsk (Russia)

*ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ В
РАДИОКОММУНИКАЦИИ³*

*THE PROBLEM OF COMPREHENSION OF TEXTS WITH FOREIGN-LANGUAGE INCLUSIONS IN
RADIO COMMUNICATION.*

В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено не столько на проблеме мыслительной деятельности адресата, связанной с процессом понимания, сколько на обеспечении автором ее (мыслительной деятельности слушателя) организации.

Генеральной стратегической целью радиокommunikации является побуждение слушателя к интеллектуальным (осмысление, запоминание), а также физическим действиям (приобретение товаров, приобщение к сообществам).

Реализация генеральной цели воздействия делает необходимым использование в тексте ряда коммуникативных стратегий, приоритетное положение среди которых занимает коммуникативная стратегия обеспечения понимания.

Основным условием успешной реализации коммуникативной стратегии обеспечения понимания является авторская интенция создать условия для адекватного понимания созданного им текста. Реализация данной стратегии эффективна лишь в том случае, если автору удастся спрогнозировать уровень языковой и внеязыковой компетентности слушателя.

В случае отсутствия авторских комментариев к иноязычному вкраплению, введенному в текст, слушатель, интерпретируя незнакомые языковые единицы, опирается на имеющиеся у него знания и опыт и, как показал эксперимент, не всегда осуществляет верную интерпретацию, следовательно, получает неточную информацию.

Отсутствие основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания радиотекстов с иноязычными вкраплениями, затрудняет адекватное понимание текста.

The present study focuses not so much on the issue of recipient mental activity associated with the process of understanding, but on author support of listener mental activity.

General strategic objective of radio communication is to encourage the listener to the intellectual (comprehension, memorizing) and physical actions (acquisition of goods, introduction to communities).

Implementation of the general objective of the impact makes it necessary to use in the text a number of communicative strategies, the communicative strategy of understanding has a priority status.

The basic condition for the successful implementation of communicative strategy to ensure understanding is the author's intention to create the conditions for an adequate understanding of the text. Implementation of this strategy is

³ Исследование проводится при поддержке РГНФ, номер проекта 14-34-01022/ Исследование проводится при поддержке РГНФ, номер проекта 14-34-01022

effective only if the author predicts the level of linguistic and extra-linguistic competence of listener.

In case of absence of author's comments to foreign language inclusions introduced in the text, the listener, interpreting unfamiliar linguistic units, relies on its knowledge base and experience, as shown by experiment, and often performs the incorrect interpretation, therefore, receives inaccurate information.

Absence of basic communicative tactics, implementing a strategy for understanding of radio text interspersed with foreign language inclusions, hampers adequate understanding of the text.

Ключевые слова: понимание, иноязычное вкрапление, радиокommunikация, интерпретация, коммуникативная стратегия.

Key words: understanding, foreign elements, radio communication, interpretation, communicative strategy.

Понимание – это освоение действительности. Процесс понимания может рассматриваться как совокупность разнообразных взаимосвязанных действий. «Слово «понимание» означает и процесс понимания, и стремление понять, и результат понимания, и способность или готовность понять» [Богин, 2001, с. 15-16].

В своих работах В.З. Демьянков использует термин «культура понимания», под которым автор подразумевает «культуру интерпретирования, стремление к идеалу интерпретирования»: «Идеал этот – как и в культуре вообще – предопределен, во-первых, преемственностью национальных, этнических, социальных и т.п. канонов интерпретации, передачей этих канонов от поколения к поколению; а во-вторых, нормированием: аналогично правилам хорошего тона, культуре речи; это воспитание общества в духе идеалов адекватного интерпретирования» [Демьянков, 2001, с.319].

Культура понимания обуславливает деятельность автора по формированию текстов массовой коммуникации. Чтобы добиться успеха у широкой аудитории, необходимо «хорошо представлять себе культуру понимания адресатов», развитие которой видится «в расширении свободы выбора восприятия речи человеком в данный период жизни» [Демьянков, 2001, с.318-319].

В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено не столько на проблеме мыслительной деятельности адресата, связанной с процессом понимания, сколько на обеспечении автором ее (мыслительной деятельности слушателя) организации.

Для данного исследования актуальны оба основных значения понимания: «способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат» и «вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое

субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений и содержания воздействия» [Философский энциклопедический словарь, 1998, с.493-494].

В разные периоды развития гуманитарного знания ученые отводили главную роль в адекватном понимании текста грамматически правильному оформлению сообщения и наличию достаточных языковых знаний и способности реципиента пользоваться ими. Автор посредством ряда языковых средств, некоторой совокупности общепринятых значений реализует в тексте собственные мысли, интенции, личностный опыт, а также окружающую действительность (Щерба, 1965; Леонтьев, 1967).

Г.И. Богин отмечает, что к целостному пониманию можно подойти через освоение отдельных составляющих понимания в их взаимодействии: и приходит в определенном смысле к парадоксальному, но им же обоснованному выводу, что вследствие этого взаимодействия нередко реципиент способен понять автора лучше, чем автор – сам себя [Богин, 1986, с.10-15].

Многие лингвисты считают, что говорить о верном или неверном понимании текста не представляется возможным, т.к. существует множество пониманий и интерпретаций, где авторский замысел – один из вариантов (Арутюнова, 1981; Макаров, 1997; Седов, 1999; Федорова, 2001, Голев, 2004 и др.).

Так, по словам В.В. Ильина, «границы языка, который субъект понимает, есть граница его мира», в этом постулате кроются корни проблемы понимания. Так как не существует «универсальных предметных кодов восприятия», представители разных языковых сообществ, как национальных, так и социо-культурных, не имеют возможности избежать «содержательных разрывов» между понятиями, явлениями и т.п. [Ильин, 2001, с.271-272].

Такой подход к решению проблемы взаимодействия автора и реципиента особенно распространен в исследованиях, направленных на изучение массовой коммуникации, которая многими расценивается не только как «трансляция информации и манифестация намерения», но, в первую очередь, «как демонстрация смыслов» [Макаров, 2003, с.38-39]. В интерпретации текстов (и в частности, текстов СМК) ведущая роль отводится адресату. Мы солидарны с Н.Д. Арутюновой, которая отмечает, что коммуникация успешна, если при интерпретации текста приоритетна точка зрения реципиента, а также если удовлетворяются пресуппозиции адресата [Арутюнова, 1981, с.357-359].

Необходимо отметить, что продукция СМК, формально доступная большинству населения, потребляется по-разному.

Особенности потребления и усвоения массовой информации напрямую зависят от уровня подготовленности аудитории к приятию информации, который можно выявить на основании следующих признаков:

- о степени владения словарем языка СМИ в целом;
- о степени понимания конкретного текста;
- о степени развития внутреннего оперирования (адекватная смысловая интерпретация текста);
- о адекватное воспроизведение смысла текста в речи.

Адекватность понимания текста в значительной мере зависит также от степени владения реципиентом техниками понимания. Такие процессы, как рефлексия, восприятие, понимание, могут протекать одновременно или в различных комбинациях. Эти процессы тесно взаимосвязаны с коммуникативным опытом реципиента, обуславливающим характер вероятностного прогнозирования, суть которого заключается в использовании реципиентом информации, имеющейся в его прошлом опыте, для прогноза событий в будущем. Случаи нарушения вероятностного прогнозирования связаны, как правило, с наличием в тексте клишированных языковых выражений, с языковой игрой. Намеренное нарушение вероятностного прогнозирования можно рассматривать как активизацию прогностической деятельности читателя.

Генеральной стратегической целью радиокommunikации является побуждение слушателя к интеллектуальным (осмысление, запоминание), а также физическим действиям (приобретение товаров, приобщение к сообществам).

Реализация генеральной цели воздействия делает необходимым использование в тексте ряда коммуникативных стратегий, приоритетное положение среди которых занимает коммуникативная стратегия обеспечения понимания.

Основным условием успешной реализации коммуникативной стратегии обеспечения понимания является авторская интенция создать условия для адекватного понимания созданного им текста. Реализация данной стратегии эффективна лишь в том случае, если автору удастся спрогнозировать уровень языковой и внеязыковой компетентности слушателя.

В ходе изучения проблемы восприятия и понимания радиотекста, содержащего иноязычные вкрапления, с точки зрения коммуникативного планирования одна из задач была связана с рассмотрением и анализом случаев потенциальных и реальных коммуникативных неудач. Мы

принимаем позицию Н.Д. Голева, что «любой речевой акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания», двусмысленного понимания. Можно сказать, что язык существует ... также и для того, чтобы создавать конфликты» [Голев, 2004, с.48].

Ниже рассмотрен ряд примеров, которые, с нашей точки зрения, могут быть квалифицированы как случаи потенциальных коммуникативных неудач:

1) «**Трендсеттеры** в борьбе за потребителя используют **тизеры**» (от англ. teaser – дразнилка, завлекала) – это короткие тесты, с помощью которых привлекают внимание в микроблогах, пабликах. (полужирное начертание и курсив мои – А.В.)

2) «*Сегодня модно выступать в гайд-парке, практиковать **буккроссинг***» (это организованный и централизованный обмен книгами). (полужирное начертание и курсив мои – А.В.)

3) «*Популярен и **паблик-арт***» (искусство, которое создается как часть городского пространства) и др. (полужирное начертание и курсив мои – А.В.)

Коммуникативная неудача связана с несоблюдением принципов речевого общения, направленных на кооперацию. Основные причины коммуникативной неудачи – это различия в картинах мира, сформированных разными национальными культурами участников коммуникации; несовпадение оценок явлений действительности; неправильное понимание коммуникативной интенции; неточности и недосказанности при выражении мысли. Причиной коммуникативной неудачи может послужить несовпадение систем психосоциальных стереотипов сознания коммуникантов [Иссерс, 2003].

При планировании журнального текста автор нередко пытается сделать его более эффективным и запоминающимся, насыщая текст словами иноязычного происхождения. Отсутствие авторской коммуникативной тактики, позволяющей адекватно понять их, может привести к попытке слушателя самому интерпретировать неизвестные слова. Например, «***Джелатерия** – так теперь принято называть кафе итальянского (если повезет) мороженого. Вот и не знаю, что предпочесть: **джелато** или **фондан***» (шоколадное пирожное с твердой корочкой и мягкой начинкой). (полужирное начертание и курсив мои – А.В.)

Распространенным случаем ошибочной интерпретации текста является наличие в нем непредвиденных автором имплицитных смыслов, что неизбежно ведет к вариативности интерпретаций. В случае отсутствия у слушателя достаточных фоновых знаний, связанных с

реалиями, номинированными посредством иноязычного вкрапления, велика вероятность коммуникативной неудачи по причине смыслового пробела, не позволяющего понять текст в целом.

В случае использования тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания радиотекста, предложенная ведущим интерпретация иноязычных вкраплений может расходиться с интерпретацией данного понятия слушателем. В подобных коммуникативных ситуациях возникает эффект недоверия к услышанной информации, в итоге генеральная стратегия воздействия не реализуется.

Представляется возможным выделить два потенциальных направления развития конфликтной ситуации в рамках планирования текста:

- Собственно языковое, когда коммуникация не реализуется должным образом по причине: 1) отсутствия коммуникативных тактик, облегчающих понимание текста, содержащего иноязычное слово;

- 2) множественности интерпретаций текста, не прогнозируемых автором.

- Психосоциальное, когда непонимание текста с иноязычным вкраплением происходит по причине различий в картинах мира, сформированных неодинаковым национально-культурным и социальным фоном участников коммуникации из-за несовпадения оценок явлений действительности и когнитивных установок автора и слушателя.

Одним из способов оценить реакцию адресата на использование тех или иных языковых и внеязыковых средств в конкретной коммуникативной ситуации в СМК является психолингвистический эксперимент. По словам Б.А. Плотникова, «сущность психолингвистического метода, используемого в современной лингвистике для исследования плана содержания, заключается в том, что с его помощью предполагается обработка и анализ тех языковых фактов, которые можно получить от информантов, носителей языка, в результате специально организованных экспериментов. План содержания по своей природе психичен, концептуален, поэтому привлечение к его исследованию испытуемых не только правомерное, но и необходимое средство изучения семантики языка в целом и значений отдельных языковых единиц в частности» [Плотников, 1984, с.177].

Анализ научной теории по проблеме коммуникативных неудач и проведенный психолингвистический эксперимент дают основание прийти к заключению, что важнейшей

причиной коммуникативной неудачи является несоблюдение принципов речевого общения, в частности, нарушений коммуникативно-прагматических норм, связанных с пониманием текста. Особое положение в контексте обсуждаемой проблемы занимают тексты с иноязычными вкраплениями, которыми изобилуют современные радиотексты.

Например, в радиопередаче «Говорим по-русски» (радиостанция «Эхо Москвы») часто освещается вопрос об активном проникновении иноязычной лексики в русский язык.

Рассмотрим несколько примеров:

1) «ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ: ...Ну, например, **хайлайт** (от англ. **highlight** — основной момент) — это «центральное, кульминационное событие», а не какой-то там **хэппенинг** (от англ. **happen** — происходить) — «перформанс без сценария», который ждет либо успех, либо **факап** - провал.

МАРИНА КОРОЛЕВА: Или **мастхэв** (от англ. **must-have** — необходимо иметь) — «трендовая вещь или **челлендж** сезона». Кстати, **челлендж** — это вызов, если кто не сразу понял, о чем идет речь. **Мастхэв** — это для модников, которые предпочли бутикам — **корнеры** (англ. **corner** — угол), как уточняет Захаркова, «**брендированные секции в торговых центрах**». Впрочем, знающие люди говорят, что **корнер** — это не простая такая секция, а угловая». (полужирное начертание и курсив мои — А.В.)

Или:

2) «ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ: А может, нам отправиться в путешествие? Для начала купим билеты. И поищем какой-нибудь **лоукостер** или **дискаунтер**.

МАРИНА КОРОЛЕВА: Не пугайтесь, сейчас переведем. **Лоукостер** (от англ. **low-cost airline** — малостоящая авиалиния) — бюджетная авиакомпания, билеты которой дешевле благодаря отказу от традиционных услуг (например, бесплатной провозки багажа). **Дискаунтер** (от англ. **discount** — скидка, делать скидку) — это компания, торгующая товаром или услугами по **сниженным ценам**». (полужирное начертание и курсив мои — А.В.)

Полученный материал свидетельствует о разном уровне понимания слушателем текста. Очевидны три основных уровня понимания. **Адекватное понимание** проявляется в ситуациях точной соотнесенности информантом представления о смысловом наполнении слова с его словарным значением. При этом мы, естественно, не рассчитывали получить от испытуемых точную словарную дефиницию, то есть допускали вариативность вербального воплощения интерпретации слова (словосочетания): «**мастхэв**» переведено «нужно иметь», «должен иметь»,

«необходимо иметь». **Частичное понимание (недопонимание)** представлено случаями неполной или неточной интерпретации языкового факта. Здесь различается **осознанное** недопонимание, когда интерпретатор вербализует неуверенность в понимании иноязычного вкрапления и теста («*USB-интерфейс*» – «что-то, связанное с современными технологиями») и **неосознанное** – когда недопонимание устанавливается исследователем («*мастхэв*» – «название тренда», «хочу иметь»; «*принты*» – «дословно: печать, окрас, покраска», «устройство для печати», «распечатка») (полу жирное начертание и курсив мои – А.В.).

В случае отсутствия авторских комментариев к иноязычному вкраплению, введенному в текст, слушатель, интерпретируя незнакомые языковые единицы, опирается на имеющиеся у него знания и опыт и, как показал эксперимент, не всегда осуществляет верную интерпретацию, следовательно, получает неточную информацию. К примеру, слово «*принты*» было определено слушателем как «устройство для печати (понятно потому, что являюсь пользователем компьютера)», в то время как данное слово означает «рисунок на одежде», «напечатанное на одежде изображение» (полу жирное начертание и курсив мои – А.В.).

Непонимание иноязычного вкрапления находит выражение в двух типах, **осознанное** непонимание квалифицируется самим информантом («*ребрендинг*» – «абсолютно не поняла, о чем речь», «не понимаю, потому что это ключевое существительное – подлежащее, несущее смысловую нагрузку»; «*фэшн виктим*» – «конечно, тот, кто не знает английский язык, никогда не дойдет «своим умом» до понимания этой части текста», «не понятен смысл выделенного словосочетания»), **неосознанное** непонимание квалифицируется исследователем в случаях, когда информант дает неверную интерпретацию (полу жирное начертание и курсив мои – А.В.).

Закономерно, что тексты, в состав которых включено большое количество иноязычных вкраплений, оказались более сложными для понимания. Реципиенты подтвердили, что для адекватного понимания текста особенно важно, чтобы были пояснения к иноязычному слову, если оно является ключевым словом (словосочетанием) текста.

Например, в радиопередаче «Говорим по-русски» (радиостанция «Эхо Москвы»):

«МАРИНА КОРОЛЕВА: Давай только не будем в поисках волн улетать слишком далеко, а то будем страдать от джетлага (от англ. jet — реактивный самолет, lag — отставание). Так называют физический дискомфорт из-за несовпадения работы биологических часов человека со временем и ритмом окружающего мира. Как явление джетлаг возник из-за долгих перелетов со сменой часовых поясов, сегодня же он может

появиться и из-за долгой ночной работы в кластере.

*ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ: В чем-чем? А, я, кажется, поняла. Но для верности загляну в словарь. **Кластер** (от англ. **cluster** — скопление) образуют «несколько компаний или предпринимателей на одной территории и с общей жаждой к креативу». Ну, например, авиакомпании, туроператоры, турагентства, отели, автопредприятия объединяются в туристический кластер». (полужирное начертание и курсив мои – А.В.)*

Таким образом, выдвинутая в ходе исследования гипотеза о том, что отсутствие основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания радиотекстов с иноязычными вкраплениями, затрудняет адекватное понимание текста, подтверждена.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. С.57.
- Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин. Тверь, 2001. 726с.
- Голев Н.Д.* О специфике права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004. С. 336.
- Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 116-133.
- Ильин В.В.* Язык-Понимание-Культура / В.В. Ильин // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.267-272.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284с.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М., 2003. 284с.
- Философский энциклопедический словарь.* М.: Инфра-М, 1998. 576с.
- Плотников Б.А.* Основы семасиологии / Б.А. Плотников. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 220с.

Вотякова И.А.
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск (Россия)

Кастельви Ж.
Университет Барселоны
г. Барселона (Испания)

Votyakova Irina
Udmurt State University
Izhevsk (Russia)

Joan Castellvi
University of Barcelona
Barcelona (Spain)

*К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ВЫРАЖЕНИЮ ЭМОЦИЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА ЭЛЕМЕНТАРНОМ УРОВНЕ*

*TEACHING THE EXPRESSION OF EMOTIONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE
ELEMENTARY LEVEL (TORFL)*

Выражение эмоций на элементарном уровне владения русским языком как иностранным представляет определенную сложность в связи с ограниченностью лексического запаса и грамматических навыков, однако и на данном этапе учащийся испытывает естественную потребность эмоционально оценить происходящее. Задача преподавателя сводится к тому, чтобы показать, как эффективно использовать средства обучения для удовлетворения такой потребности. В статье рассматривается потенциал словарного и словообразовательного состава лексического минимума элементарного уровня владения русским языком для выражения эмоций и предлагаются способы для реализации этой коммуникативной интенции.

Авторы обосновывают необходимость создания нового учебного пособия для студентов элементарного и базового уровней обучения, целью которого станет отработка навыков выражения эмоционального отношения. Данное пособие будет структурировано по следующим аспектам: выражение любви – предпочтения, склонности и личного отношения к чему либо; выражение состояния; выражение согласия, отказа; выражение удивления, радости, грусти, гнева и страха. Кроме этого, особое внимание будет уделяться работе с интонационными конструкциями.

The expression of emotions at the Elementary Level (TORFL) entails a number difficulties related to the limited lexical and grammatical knowledge associated with this level, despite the fact that learners obviously must be able to express emotional evaluation about what happens around. The teacher's goal is to find an efficient use of the teaching material in order to facilitate the learning process of expressing emotions and feelings. In this article the potential use for expressing emotions of the vocabulary and the word formation rules included in the program of the Elementary Level is examined and a number of proposals concerning this communicative intention are advanced.

The authors justify the need to create teaching materials for the Elementary and Basic levels (TORFL) in order to foster the development of the expression of feelings and emotions. These teaching materials will be structured as follows: expressing love - preferences, attitude and personal feelings towards someone or something; expressing states and conditions; expressing agreement and refusal; and, finally, expressing surprise, joy, sadness, anger and fear. Apart from that, particular attention will be paid to the relationship between statements and intonation.

Ключевые слова: выражение эмоций, элементарный уровень, русский язык как иностранный.

Key words: expressing emotions, Elementary level (TORFL), Russian as a foreign language.

Умение выразить эмоцию и оценку средствами изучаемого языка играет огромную роль, т.к. отражает взаимодействие эмоциональной языковой картины родного и иностранного языков, фрагменты которой могут быть национально специфичны, в связи с тем, что формируются под влиянием различных культурных факторов. При этом необходимо учитывать требования, предъявляемые на каждом этапе обучения русскому языку как иностранному.

Коммуникативно-речевая компетенция при овладении русским языком предполагает умение реализовать следующие интенции:

- вступать в коммуникацию, знакомиться с кем-либо, представляться или представлять другого человека, здороваться, прощаться, обращаться к кому-либо, благодарить, извиняться, отвечать на благодарность и извинения, поздравлять; привлекать внимание, просить повторить; переспрашивать; напоминать; завершать беседу;

- запрашивать и сообщать информацию; задавать вопрос или сообщать о факте или событии, лице, предмете, о наличии или отсутствии лица или предмета, о количестве, качестве, принадлежности предметов, о действии, времени, месте, причине и цели действия или события, о возможности, необходимости, вероятности, невозможности действия;

- выражать намерение, желание, просьбу, требование, пожелание, совет, предложение, приглашение, согласие и несогласие, отказ, разрешение, запрещение, обещание, неуверенность, сомнение;

- выражать намерение, желание, просьбу, требование, пожелание, совет, предложение, приглашение, согласие и несогласие, отказ, разрешение, запрещение, обещание, неуверенность, сомнение;

- выражать свое отношение: давать оценку лицу, предмету, факту, событию, поступку; выражать предпочтение, осуждение, удивление, сочувствие, сожаление [Образовательная программа, 2001, с. 7].

Элементарный уровень владения русским языком как иностранным предполагает более узкий набор данных интенций:

- вступать в коммуникацию, знакомиться с кем-либо, представляться или представлять другого человека, здороваться, прощаться, обращаться к кому-либо, благодарить, извиняться,

отвечать на благодарность и извинения, просить повторить;

- задавать вопрос, сообщать о факте или событии, лице, предмете, о наличии или отсутствии лица или предмета, о количестве, качестве, принадлежности предмета, о событии, действии, времени и месте действия, его причине;

- выражать желание, просьбу, предложение, приглашение, согласие и несогласие, отказ;

- выражать свое отношение: давать оценку лицу, предмету, факту, действию.

Среди указанных интенции при выражении эмоции наибольшую роль играет умение показать свое отношение, хотя, безусловно, любая реакция на происходящее, услышанное или увиденное может быть эмоциональной, что подразумевает, например, способность отвечать на благодарность и извинения, выражать свое желание, согласие и несогласие; правильно использовать правила речевого этикета и т.д.

Элементарный уровень владения русским языком как иностранным предполагает, что учащийся должен уметь выражать указанные выше интенции в рамках следующих тем: рассказ о себе, элементы биографии: детство, учеба, работа, интересы; мой друг (знакомый или член семьи); семья; мой рабочий день; свободное время, отдых и интересы. Лексический минимум элементарного уровня составляет 780 единиц, в число которых входят обозначения суток, названия дней недели и месяцев, видов транспорта, городских учреждений, профессий, наук; количественные числительные; обозначение членов семьи, предметов быта, продуктов, важнейших действий и т.д. Он включает в себя ограниченный объем учебной лексики, формул речевого этикета, названий материков и стран. Кроме этого, считается, что учащиеся самостоятельно смогут образовать необходимые наречия от соответствующих прилагательных [Лексический минимум, 2000, с.4-5].

Умение выразить эмоции на данном уровне представляет сложность в связи с ограниченностью лексического запаса и грамматических навыков, однако и на данном этапе учащийся испытывает естественную потребность эмоционально оценить происходящее. Задача преподавателя сводится к тому, чтобы показать, какие средства на данном этапе обучения позволят реализовать такую потребность. Несмотря на закономерно существующие ограничения, мы считаем, что требования, предъявляемые студентам на элементарном уровне, дают возможность обучения выражению эмоций на русском языке. Мы полагаем, что нецелесообразно, как это принято в настоящее время, считать эту задачу актуальной только следующих этапов, т.к. в таком случае мы как преподаватели невольно подтверждаем стереотип

о «холодности» русских, об их угрюмости и неприветливости.

Как мы уже указывали выше, существует ряд закономерных ограничений для реализации поставленной задачи. На лексическом уровне, в частности, это выражается в небольшом наборе эмоционально-оценочной лексики, которая представлена в тематических группах «черты характера, эмоции, состояние», «оценка чего-либо, значимость», «качество (действий и состояний)», где отмечаются *характер, любовь, счастье, удовольствие, юмор, любить, нравиться-понравиться, активный, веселый, сильный, смелый, счастливый, весело, внимательно, интересно, осторожно, приятно, спокойно, жаль, рад; хороший, плохой, великий, известный, прав, согласен, по-моему, по-твоему, по-вашему, интересный, любимый, умный, правильно, плохо, хорошо; ничего, нормально*. Данный минимум отличается своей непоследовательностью, т.к. отсутствуют логичные важные антонимы *грустный* или *скучный* и т.д. Кроме этого, мы обнаружили ряд расхождений в списках слов, которые представлены в Образовательной программе по русскому языку как иностранному и в Лексическом минимуме элементарного уровня. В список не вошли многие другие слова, с которыми иностранные студенты слышат ежедневно. Предполагается, что их они усвоят в языковой среде: например, когда преподаватель называет студента *молодцом* или *молодчиной, умницей*. При этом, к сожалению, очень часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда студенты быстро осваивают ненормативную лексику, по незнанию считая ее чуть ли не единственной возможностью выразить свое эмоциональное состояние или отношение на русском языке.

На наш взгляд, набор необходимой лексики может быть пополнен и представлять собой следующий список¹:

- **прилагательные:** *веселый, грустный, добрый, замечательный, интересный, красивый, любимый, плохой, прекрасный, рад (-а, -ы), сильный, смелый, спокойный, счастливый, теплый, холодный, хороший, согласен, прав;*

- **глаголы:** *волноваться, желать, любить, надеяться, нравиться, смеяться, уважать, улыбаться, хотеть, целовать, чувствовать;*

- **существительные:** *ерунда, кошмар, любовь, молодец, несчастье, радость, счастье, удовольствие, ужас, юмор;*

- **наречия:** *больно, быстро, важно, весело, грустно, жалко, жаль, замечательно, интересно, легко, ничего, нормально, обязательно, осторожно, отлично, очень, плохо, прекрасно, приятно,*

¹ Курсивом выделены слова, отсутствующие в лексическом минимуме

просто, скучно, спокойно, трудно, хорошо, лучше, хуже;

- **частицы:** конечно, пожалуйста, спасибо.

На элементарном уровне обучения преподаватель может опираться на когнаты, т.к. именно на этом этапе, как показывают результаты исследований об усвоении лексики [Кастельви, Маркина, 2014, 2015], студенты легко распознают подобные слова, хотя они и не входят в лексический минимум: *герой, проблема, сюрприз, юмор* и др.

Кроме этого, список слов может быть потенциально расширен за счет обучения студентов образованию слов в русском языке. На элементарном уровне студент должен знать словообразование существительных: распознавание ограниченного числа словообразовательных моделей существительных: лицо мужского / женского пола по национальности, профессии, занятия и др. с суффиксами: *-тель- / -ниц(а), -ец-, -к(а), -ик-, -ник- / -ниц(а)* и др.; словообразование прилагательных: прилагательные с суффиксом – *ск(ий)*; словообразование глаголов: глаголы с суффиксами *-а-* и *-и-*; глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ива-, -ыва-*; глаголы совершенного вида с префиксами *с, на-*; словообразование наречий с суффиксом *-о* и с конфиксом *по...и*. В связи с этим список слов расширяется за счет образований: *активный – активно, сильный – сильно, смелый – смело, счастливый – счастливо, веселый – весело, внимательный – внимательно, интересный – интересно, осторожный – осторожно, приятный – приятно, спокойный – спокойно, смешной – смешно, хороший – хорошо, плохой – плохо, правильный – правильно, глупый – глупо* и т.д. При этом в требованиях не указано о словообразовании с приставкой *не-*, что было также крайне полезно для иностранных студентов. На этом уровне обучения учащиеся усваивают словообразование прилагательных и наречий с приставкой *не-*, даже несмотря на то, что преподаватель не объяснял его эксплицитно [Кастельви, Маркина, 2014, 2015].

Изучение междометий также не описывается в стандартах по русскому языку как иностранному, хотя их частотность очень высока, по данным устного подкорпуса русского языка. Так, например, по степени частотности выделяются следующие позиции: *а, а-а, а-а-а* (4-6), *ага* (17), *ай* (26), *ах* (69), *боже* (177), *господи* (688), *е-мое* (996), *здорово* (1246). Кроме этого, на наш взгляд заслуживают внимания: *мм* (1955), *ого* (2393), *ой* (2423), *ура* (4496), *фу* (4606) [Ляшевская, Шаров, 2009]. Среди частиц, в устном подкорпусе наиболее частотны: *вроде* (474), *ладно* (1733), *неужели* (2255), *разве* (3471), – а в общем подкорпусе: *разве* (684), *неужели* (1021) [Ляшевская, Шаров, 2009]. Несмотря на то, что они изучаются на более высоких уровнях, языковая среда

обуславливает необходимость обратить на них внимание на более раннем этапе.

Другой не менее важной проблемой является потребность описания фразеологического минимума каждого уровня. В настоящее время в процессе преподавания иностранных языков особую роль играет погружение в культуру изучаемого языка, знание которой становится обязательным условием для осуществления межкультурной коммуникации. При этом большое значение имеет понимание общего и различного между родной и изучаемой культурой, т.к. в противном случае подобное незнание может спровоцировать речевые ошибки, а то и коммуникативные неудачи. Не секрет, что русские фразеологизмы в большинстве случаев относятся к разговорной речи, однако необходимо отметить и тот факт, что до сих пор отсутствуют четкие требования по их включению в процесс обучения русскому языку как иностранному, хотя их знание проверяется в тестах на получение сертификата по русскому языку как иностранному на высоких уровнях обучения. На наш взгляд, следует определить рекомендуемый перечень фразеологизмов с учетом их частотности, значения, сферы употребления.

Косвенное подтверждение того, что в практике преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе не уделяется должного внимания вопросам реализации рассматриваемых интенций, нашло свое отражение и в том, что в настоящее время отсутствуют учебники, целью которых являлась бы отработка умений и навыков корректного эмоционального поведения. Существующие подобные учебные пособия предназначены для первого и последующих сертификационных уровней. Отметим, например, прекрасный учебник Акишиной А.А. «Эмоции и мнения. Выражение чувств в русском языке». Целью данного пособия является формирование навыков и умений устной диалогической и монологической речи. Оно состоит из шести разделов: «Мнение», «Удивление», «Радость», «Грусть», «Смех», «Гнев», – каждый из которых посвящен одной теме. Автор указывает, что данное пособие строится на оригинальном принципе отбора материала: предлагаются речевые конструкции, выражающие отношение говорящего к событиям, мнениям, фактам, а также тексты, тематика которых не учитывалась в ранее опубликованных изданиях; оно содержит большое количество творческих заданий, активизирующих речь учащихся [Акишина, 2009]. Однако при этом сам не определяется ни уровень, для которого предназначено пособие, ни количество часов; хотя, судя по представленным заданиям и лексике, оно должно изучаться в рамках программ второго сертификационного уровня. Тананина А.В., автор другого учебного пособия «Я тебя люблю!

Выражение чувств и эмоций в русской речи» указывает, что оно рекомендовано для студентов «уровня В1» и в его материалах представлены лексико-грамматические модели, входящие в поле концепта "любовь", их текстовые реализации и комментарии, ориентированные на студента-инофона [Тананина, 2001].

Аналоги подобных пособий для студентов, изучающих язык на элементарном уровне, отсутствуют. В связи с этим преподавателями Университета Барселоны (Испания) и Удмуртского государственного университета (Россия) ведется работа по созданию такого учебника по развитию эмоциональной речи, материалы которого можно было бы использовать как на занятиях, так и в качестве дополнительного материала. На сегодняшний день элементарный и базовый уровень является наиболее востребованным среди изучающих русский язык в европейских университетах, что создает дополнительные трудности в процессе обучения, т.к. количество студентов в группе, как правило, составляет около 40 человек. Учебник предполагает наличие ключей, что даст возможность и для самостоятельной работы студента.

Данное пособие будет структурировано по следующим аспектам:

- **Выражение любви – предпочтения, склонности и личного отношения к чему либо**, где будет обращать особое внимание на конструкции с глаголами *любить – нравиться* (спряжение глагола *нравиться* и выбор падежа субъекта, трансформация предложения с глаголом *любить*, общее и отличие в употреблении глаголов *любить* и *нравиться*); а также на употребление следующих слов и конструкций: *Молодец! – Осторожно! Внимание! Очень приятно! Как сложно! Как мне нравиться! Как интересно! Какая ты смелая! Какой хороший фильм!* и т.д.

- **Выражение состояния**, где будут рассмотрены конструкции типа *мне интересно, весело, скучно, (не)приятно*, и т.д. на более широкой лексической и грамматической базе (например: *мне грустно, потому что..., я думаю, что ему весело...*).

- **Выражение согласия, отказа**, где основная работа будет сосредоточена на работе с конструкциями *я (не) согласен* и такой лексикой, как *С удовольствием! Конечно! Без проблем! Ни за что!* и др.

- **Выражение удивления радости, грусти, гнева и страха**, где особое внимание будет уделено конструкциям: где особое внимание будет уделено работе с конструкциями: *Что ты говоришь?! Правда?! Да?! Как интересно! Не может быть?! Ты что?! Неужели! Разве!; Как хорошо! Как здорово! Как смешно! Это не смешно! Как жаль! Почему ты такой грустный*

сегодня! К сожалению... и т.д.

В качестве концептуальной базы для решения вопроса о типах употребляемых конструкций мы можем привести данные наших исследований по репрезентации эмоциональных концептов в русском языке². Так, анализ материала показал, что *радость* приводит к совершению как-либо речевых действий, началу или концу движения, а также к каким-либо физиологическим реакциям. Можно отметить, что это типично для репрезентации всех эмоциональных концептов. От радости можно *(за)говорить, запеть, (за)плакать, идти, выпить, прыгнуть, смеяться* и др.; Это могут быть определенные чувства и состояния: *вспомнить, сойти с ума, умереть*, и др. *Радость* можно *чувствовать, дать*, т.к. очень важной составляющей является присутствие другого лица. *Печаль* также можно *нести, чувствовать, показывать* и т.д. В ходе проведенного исследования мы выделили конструкции, где номинант эмоции выступают в функции субъекта: *печаль входит, спит* и др. Как правило, все прямые репрезентанты эмоциональных концептов употребляются с прилагательными, отражающими интенсивность эмоционального чувства: *большой, великий, тихий* и т.д. При конкретизации нередко отмечаются формы данных существительных во множественном числе: *радости, печали, страхи*, - но при этом отмечаются только *гнев и удивление*. [Вотякова, Туктангулова, 2014].

Страх провоцирует остановку или начало движения, поэтому *от страха* или *в страхе* можно *замереть* или, например, *бежать*, когда могут употребляться все глаголы движения. Кроме этого, частотны реакции *закрыть глаза, плакать, заговорить, закричать*. Незнание глагольного словообразования с приставкой *за-* может быть компенсировано за счет употребления фазовых словосочетаний с глаголами *начать, закончить*. Чувство опасности стимулируется тем, что вызывает *страх*, очень часто при этом мы видим отражение неуверенность в способности противостоять или существовать в страхе, поэтому интенсивность эмоциональной реакции бывает разной. Частотны также конструкции *умирать от страха, сойти с ума от страха*. *Со страхом* можно чаще всего *смотреть, идти* (все глаголы движения), *говорить, ждать*. При вербализации страха как объекта релевантными становятся следующие позиции: *победить страх, показать – не показать страх, вызывать страх, понимать страх, избегать страха*. *Страх*, как и при репрезентации других эмоциональных концептов, наделяясь человеческими способностями, может *ходить* и т.д. [Вотякова, 2014]

При выражении эмоции удивления русские чаще всего *открывают рот, замирают, кричат*.

Удивление можно *выразить, не показать* или *вызвать*. С удивлением можно *сказать, увидеть, спросить, узнать*.

Существительное *гнев* чаще всего употребляется с глаголами *бояться, вызвать, показать, сменить*. В гневе и с гневом *кричат, говорят, отвечают, молчат, пишут* и др. Конечно, отразить на элементарном уровне явные ассоциативные связи *гнева с огнем* или *повышением температуры* будет достаточно сложно. Сравните, например, когда существительное *гнев* употребляется с глаголами *пылать, взорваться, вспыхнуть, разгореться, опалить; воспалиться, вскипать, закипать, подогреть*. Однако мы можем заметить эту символическую связь в простом и широко употребляемом словосочетании *красный от гнева*.

Таким образом, учитывая все выше сказанное, мы видим, насколько высока смысловая нагрузка глаголов движения или глаголов, отражающих речевые действия, при выражении базовых эмоций, и считаем, что на элементарном уровне обучения необходимо указывать на употребление подобных словосочетаний, как, например: *увидеть с удивлением, вспомнить с грустью, смотреть с радостью, отдать с радостью, ответить с гневом, говорить с радостью, повторить с гневом, рассказать с удивлением, слушать с грустью, спросить с удивлением* и т.п.; *закрыть глаза от страха, открыть рот от удивления; показать радость, чувствовать печаль, остановиться от страха* и т.д. В этом случае необходимо также расширить знания студентов о значениях творительного и родительного падежей.

В связи с ограниченностью лексического запаса учащего обучение основным типам интонационных конструкций начинает играть еще большую роль, т.к. интонация является средством, формирующим высказывание. Как правило, в учебных пособиях по русскому языку как иностранному работа с интонационными конструкциями проводится только на вводно-фонетическом этапе, который часто ограничивается изучением только четырех первых интонационных типов. Для естественного коммуникативного поведения в среде носителей языка такую точку зрения вряд ли можно назвать продуктивной. Мы считаем, что такая работа должна проводиться на каждом этапе изучения русского языка. Особое внимание стоит обратить на следующие конструкции:

- ИК-2а: *Добрый день! Я так рада! Господи! Не может быть?! Я так устал.*
- ИК-3/ИК-4: *К сожалению, ...*
- ИК-4а: *Обязательно! Здорово! Ну и хорошо! Неужели!*

² Данное исследование выполняется в Университете Барселоны рамках гранта ERANET-PLUS, Erasmus Mundus

- ИК-5: *Обязательно! Как здорово! Как я рада! Как он говорит по-русски! Как хорошо! Неужели!*

Как известно, коммуникативная характеристика предложений, обладающих идентичными лексико-грамматическими характеристиками, может различаться только благодаря различному интонационному рисунку. Несмотря на существующие ограничения в лексических и грамматических ресурсах, изменение порядка слов в предложении и интонации дает возможность построить различные коммуникативные конструкции.

Таким образом, в преподавании иностранного языка особую роль играет обучение выражению эмоциям уже с самых первых занятий. При этом эмоциональная картина мира должна рассматриваться сквозь призму культурологической компетенции, т.к. процесс обучения предусматривает приобщение студентов к знанию культуры страны изучаемого языка.

Список литературы

- Акишина А.А.* Эмоции и мнения Выражения чувств в русском языке: Пособие по развитию русской устной речи. / А.А. Акишина. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 168 с.
- Вотякова И.А.* Концепт "страх" в русском языке. Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 4. / И.А. Вотякова. Ижевск, 2014. С. 179-183.
- Вотякова И.А., Туктагулова Е.В.* Репрезентация концептов "радость" и "печаль" в практике обучения русскому языку как иностранному. Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 4. / И.А. Вотякова, Е.В. Туктагулова. Ижевск, 2014. С. 184-187.
- Кастельви Ж., Маркина Е.И.* Аспекты усвоения лексики при обучении РКИ на начальном этапе в условиях отсутствия языковой среды. Тезисы материалов IV Международной конференции «Андалусский симпозиум по славистике» / Ж. Кастельви, Е.А. Маркина. Гранада, 2014, С. 21-22.
- Кастельви Ж., Маркина Е.И.* Аспекты усвоения лексики при обучении РКИ на начальном этапе в условиях отсутствия языковой среды. Trends in Slavic Linguistics. / Ж. Кастельви, Е.А. Маркина. Москва, 2015 (в печати).
- Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение* / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова. М. – СПб: ЦМО МГУ- «Златоуст», 2000. 80 с.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Подкорпус: Частотный словарь живой устной речи [Электронный ресурс] / О.Н. Ляшевская, С. А. Шаров М.: Азбуковник, 2009. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
- Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень* / Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Москва, 2001, 134 с.
- Тананина А.В.* Я тебя люблю! Выражение чувств и эмоций в русской речи / А.В. Тананина. М.: Златоуст, 2011. 108 с.

Герчиньска Д.
Поморская академия
г. Слупск (Польша)

Gierczynska Danuta
Pomeranian University
Slupsk (Poland)

*НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ
«СОНЕЧКА»*

*SOME ASPECTS OF THE TRANSLATION OF A NOVEL BY L. ULICKA “SONIECZKA” INTO
POLISH*

Статья «Некоторые вопросы перевода на польский язык повести Л. Улицкой *Сонечка*» анализирует способы перевода разговорной лексики. Специфика стиля Л. Улицкой, проявляющаяся в накоплении разговорной лексики, просторечной, иногда бранной, является решающим фактором популярности повести.

Р. Бартошик, польский переводчик повести Л. Улицкой, пыталась передать специфику стиля русского автора. Большинство разговорных выражений переведено с помощью польских эквивалентов, но часть из них передана более литературной польской формой. Явление это не нарушило, однако, стилистической тональности текста.

The article „Some aspects of the translation of a novel by L. Ulicka “Sonieczka” into Polish” examines the translation of colloquial vocabulary. The specificity of L. Ulicka’s style, reflected in the accumulation of colloquial, dialectal and sometimes vulgar lexis is a critical success factor in the translation of the novel.

R. Bartosik, a Polish translator of the novel by L. Ulicka, has tried to give specifics of the Russian style of the autor. Most of the colloquial phrases and words were translated using Polish equivalents but a part of the lexis was replaced by the translator with Polish literary forms. This procedure, however, did not violate the stylistic qualities of the novel.

Ключевые слова: перевод, эквивалент, разговорная лексика, просторечная, бранная

Key words: translation, equivalents, colloquial vocabulary, dialectal vulgar lexis

Людмила Улицкая признана в России лучшей писательницей 2004 года, ее произведения переведены на 25 языков мира. Известна во Франции, Германии, Италии, в Соединенных Штатах, Китае. Но польский читатель имеет ограниченную возможность познакомиться с произведениями этой писательницы. В Польше переведены и изданы только два произведения Л. Улицкой: роман *Медея и ее дети* и повесть *Сонечка*. Оба они изданы в частном издательстве Philips Wilson /Клуб интересной книги/.

Повесть *Сонечка* в переводе Риты Бартосик была издана в 2004 году в Варшаве. На «крылышках» этой книги издатель поместил фрагменты отзывов на тему творчества Л. Улицкой польских литературных критиков. Итак, Анна Жебровска в «Газете wyborчей» пишет: «Л. Улицкая любит и умеет писать о женщинах, а жизненные перипетии героинь переплетает в великой истории... *Сонечка* была поставлена на сцене МХАТа. Сегодня Л. Улицкая принадлежит к самым кассовым русским писательницам». Анджей Ломановски в журнале «Пшекруй»: «Улицкая является мастерицей в пересказе биографии, ощущающей каждое движение души своих героев» [Ulicka, 2004, с. 3].

Действительно, Л. Улицкая покоряет сердца читателей во всем мире. Ее проза для иностранного читателя является началом великолепного путешествия внутрь русской души. Огромную роль в реализации художественного замысла произведений Л. Улицкой играет разговорная речь, которая является для нее органичным и естественным материалом. Писательница вводит непринужденный разговорный слог в большую литературу и делает его одновременно субъектом и объектом художественного исследования. Это и привлекает к произведениям Л. Улицкой большой интерес читателей, любителей литературы.

Использование разговорной речи у Л. Улицкой – это не эпизодическое, разовое обращение литератора к внелитературной лексике как постоянному стилистически обновляющему источнику литературного языка, это – ведущий художественный прием создания текста. В этой манере повествования последовательно реализуется «принцип широкого использования социально-речевых стилей изображаемой общественной среды в качестве ее собственного речевого самоопределения, связанного с ее бытом, культурой, ее историей, и принцип воспроизведения социальных характеров с помощью их собственных «голосов» как в форме диалога, так и в формах «чужой» или непрямой речи в структуре повествования» [Виноградов, 1959, с. 475-476].

Писательница широко использует разговорные слова и выражения, нередко выходит за пределы литературного языка, сочетает «книжное» с «разговорным», сталкивает сниженную тональность с повышенной, тем самым придавая своим текстам неповторимую стилистическую и экспрессивную окраску.

В основе перевода на польский язык повести *Сонечка* лежит прежде всего внелитературная лексика и способы ее воспроизведения в переводимом тексте. В данной статье проиллюстрируем на самом языковом материале смогла ли Рита Бартосик, малоизвестный переводчик русской

литературы, достичь полного воспроизведения оригинала.

- «Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу» [Улицкая, 2006, с. 7-8].

- «... jedynym atutem dziewczyny – długiej jak tyczka, szerokiej w ramionach, z nogami jak patyczki i chudym, spłaszczonym tyłkiem – był obfity biust, przedwcześnie rozwinięty i zupełnie nie pasujący do chudej reszty» [Ulicka, 2004, с. 5].

В этом примере разговорные выражения переданы переводчицей адекватной польской формой: «długa jak tyczka», «nogi jak patyczki», «chudy spłaszczony tyłek». Но фраза «большая бабья грудь» заменена неполным эквивалентом «obfity biust».

- «...носила широкие **балахоны...**» [Улицкая, 2006, с. 8].

- «chodziła w ubraniu przypominającym obszerne, bezkształtne worki» [Ulicka, 2004, с. 5].

В словаре С. Ожегова «балахон» – просторный длинный халат, а также /шутл./ слишком просторная, бесформенная одежда. Поскольку в польском языке нет соответствующего эквивалента, Рита Бартосик решила передать слово «балахоны» с помощью описательного перевода согласно со словарным значением.

- «**Выдыхался** нэп» [Улицкая, 2006, с. 10].

- «**NEP** dożywał właśnie swych ostatnich dni» [Ulicka, 2004, с. 7].

Переносное значение глагола «выдохнуться» – потерять силу, крепость, аромат, воссоздано переводчицей нейтральной литературной формой.

- «...показал **щербатый** рот» [Улицкая, 2006, с. 16].

- «...ukazując braki w uzębieniu» [Ulicka, 2004, с. 11].

В этом примере Рита Бартосик опять пользуется литературной формой, хотя в польском языке существует полный эквивалент слова «щербатый» – «szcherbaty», но переводчица решила обойти его.

- «... обладатель кукольной **мордочки**» [Улицкая, 2006, с. 23].

- «... posiadacz lalkowatej **twarzyczki**» [Ulicka, 2004, с. 15].

Экспрессивное словечко «мордочка» воссоздано переводчицей нейтральной формой «twarzyczka», хотя в польском языке существует полный эквивалент «mordeczka».

- «... Зоя шепнула ей, чтобы она так не **таращилась**» [Улицкая, 2006, с. 23].

- «... Zoja szeptała jej ze współczuciem, żeby się tak nie **gapila**» [Ulicka, 2004, с. 15].

Просторечное выражение «не тарашиться», обозначающее «смотреть широко раскрыв глаза», воссоздано в переводе полным польским эквивалентом «gapić się».

- «... не больно, но убийственно оскорбительно **шлепнул** ее два раза...» [Улицкая, 2006, с. 23-24].

- «... lekko, ale jakże upokarzająco, **klepnał** ją dwa razy **po pupie**...» [Ulicka, 2004, с. 15].

Здесь имеем дело с «вариантной» частью перевода, которая поддается изменениям /опущениям, добавлениям/. Это, по определению А. Поповича, «или поле отступлений от оригинала, которое должно неизбежно возникнуть /различные языковые, стилистические и культурные особенности контекста оригинала и контекста перевода/, или проявление стилистических склонностей переводчика» [Попович, 1980, с. 74].

В этом случае Рита Бартосик нашла полный эквивалент слова «шлепнуть» – «klepnąć», но чтобы сохранить эмоциональное высказывание в польском языке должна была добавить «klepnąć po pupie».

- «**Мотаясь** в пригородных автобусах и **расхлябанных** электричках, она быстро и некрасиво старилась» [Улицкая, 2006, с. 63].

- «**Trzęsać się** w autobusach i **rozklekotanych** kolejkach podmiejskich szybko i brzydko się starzała» [Ulicka, 2004, с. 39].

Образное просторечное выражение «мотаться» – проводить время в утомительных занятиях, в польском переводе потеряно, так как «trząść się / «трястись»/ не отвечает намерениям подлинника. В польском языке имеем полный эквивалент «wałęsać się», но переводчица решила обойти его. Слово «расхлябанный» воссоздано переводчицей полным польским эквивалентом «rozklekotany».

- «Однако Гаврилин **растрезвонил** об этой статье по всему околотку» [Улицкая, 2006, с. 70].

- «Ale Gawrilin **roztrąbił** już o artykule po całej okolicy» [Ulicka, 2004, с. 44].

Разговорное слово «растрезвонить» – разболтать, воссоздано в переводном тексте полным эквивалентом «roztrąbić».

- «Таня назвала его **занудой**, он ее – **жлобихой**» [Улицкая, 2006, с. 77].

- «Nazwała go **nudziarzem**, odwzajemnił się jej **jędzą**» [Ulicka, 2004, с. 47].

Просторечное презрительное «зануда» и бранное слово «жлобиха» воссозданы эквивалентными польскими формами с сохранением стилистической окраски текста.

- «Это все мертвое и смердит отвратительно... Да пусть она бросит эту **убогую** школу» [Улицкая, 2006, с. 84].

- «To nic nie warte, brudne pomówienia... A niech nawet rzuci tę szkołę **w cholere**» [Ulicka, 2004, с. 52].

Разговорное значение слова «убогий» – немощный, увечный, жалкий на вид, Рита Бартосик решила воссоздать с помощью польского бранного выражения „w cholere».

- «Яся, маленькая **полячка**» [Улицкая, 2006, с. 86].

- «Jasia, mała **Polka**...» [Ulicka, 2004, с. 53].

Положительным решением переводчицы назовем употребление взамен присутствующего в оригинале пренебрежительного определения «полячка» нейтральной литературной формы «Polka».

- «... двадцать три дореформенных рубля, **стянутых** у спящего Равиля» [Улицкая, 2006, с. 88].

- «...dwadzieścia trzy ruble sprzed denominacji, **wyciągnięte** z kieszeni śpiącego Rawiła» [Ulicka, 2004, с. 54].

В этом случае Рита Бартосик использует аналог «wyciągnięte», хотя в польском языке имеется более близкая по смыслу единица «podprowadzone».

- «... у нее было... временное жилье в **чулане** при школе» [Улицкая, 2006, с. 90].

- «...miała... tymczasowe miejsce do spania w szkolnej **komórcie**» [Ulicka, 2004, с. 55].

Существительное «komórka» является точным эквивалентом диалектизма «чулан».

- «... забегал к ней участковый Малинин, пожилой **краснорожий** благодетель...» [Улицкая, 2006, с. 90].

- «...odwiedzał ją czasami dzielnicowy Malinin, podstarzały opiekun z **czerveną gębą**...» [Ulicka, 2004, с. 55].

Просторечное определение «краснорожий» умело воссоздано переводчицей эквивалентом польского просторечия «czerveną gębą».

- «... она ликовала, понимая, что **попала в яблочко предвкушаемой мишени**» [Улицкая, 2006, с. 101].

- «...już miała wewnętrzne przekonanie, że **trafiła w dziesiątkę**» [Ulicka, 2004, с. 62].

В данном случае переводчица достигла равноценного эмоционального эффекта за счет употребления польского фразеологического выражения «trafić w dziesiątkę».

- «Алешка не **чинясь** расчехлил гитару и спел несколько печально-остроумных и смешных песен, яростно кривляясь и растягивая петрушечий рот **балаганного актера**» [Улицкая, 2006, с. 104].

- «**Nie dając się długo prosić**, chętnie wyciągnął z futerału gitarę i zaśpiewał kilka nostalgicznie żartobliwych piosenek, robiąc okropne miny i szeroko rozciągając usta **jarmarcznego pajasa**» [Ulicka, 2004, с. 64].

Устаревшее «чиниться» – излишне скромничать, проявляя застенчивость, церемонность, воссоздано в переводе более литературной формой. Амплификация текста /расширение с 1 слова оригинала до 5 перевода/ не нарушает в целом динамики предложения. Она вызвана спецификой принимающего языка, его стилистическими и семантическими нормами.

Разговорное просторечное выражение «балаганный актер», обозначающее нечто грубое, шутовское, пошло-несерьезное, заменено полным смысловым эквивалентом «jarmarczny pajas».

- «**Один разок, и быстренько**, – сказала деловитая **фея** без всякого кокетства» [Улицкая, 2006, с. 106].

- «**Szybki numerек?** – zaproponowała bez cienia kokieterii rezolutna **czarownica**» [Ulicka, 2004, с. 65].

Смысл высказывания четко выявляется из контекста и поэтому переводчица решила воссоздать его польским аналогом «szybki numerек».

- «... они одновременно вышли на крыльцо: Роберт Викторович ... и Яся с красной матерчатой сумочкой, в которой **бултыхались** два вечерних учебника» [Улицкая, 2006, с. 120].

- «... Robert Wiktorowicz zupełnie przypadkowo natknął się na ganku na Jasię... a ona z czerwona płócienną torbą w ręku, w której **były** dwa podręczniki» [Ulicka, 2004, с. 73].

Образное разговорное «бултыхаться» – барахтаться заменено нейтральной польской формой «buć».

- «... так и будет на нее **таращиться, бедняга, дурачок, чудной, совсем особенный...**» [Улицкая, 2006, с. 124].

- «... i tak cały czas będzie się na nią **gapil – biedak, głuptas, dziwoląg, skończony szajbus...**» [Ulicka, 2004, с. 76].

Чтобы сохранить эмоционально-эстетический эффект высказывания, переводчица удачно заменила разговорные обороты эквивалентными польскими формами. Но в одном случае: «совсем особенный», употреблено выражение с более сниженным значением, поскольку

«szajbus» обозначает «рехнувшегося».

- «Другие ее друзья, **ерник** и выворачиватель всего на свете Алеша и Володя...» [Улицкая, 2006, с. 131].

- «Jej przyjaciele, **kpiarz** Alosza, wyciągający wszystko na światło dzienne...» [Ulicka, 2004, с. 80].

В этом случае просторечное «ерник» заменено литературной формой «kpiarz» – «насмешник, шутник», что не вполне отвечает стилистическому замыслу оригинала.

Несмотря на разницы между подлинником и текстом обратного перевода, работу Риты Бартосик следует рассматривать как пример адекватного воспроизведения смыслового инварианта оригинала. Переводческая задача была трудной, учитывая многие разговорные выражения, однако переводчица умело смогла подобрать языковые эквиваленты, наиболее адекватные оригиналу. Иногда случалось, что некоторые образные экспрессивные словечки: «выдыхаться», «щербатый», «мордочка» были заменены более литературной польской формой, но это не нарушало стилистической тональности текста.

Положительная оценка переводческих усилий Риты Бартосик, которую мы представили все же не означает, что результаты работы переводчика нельзя далее совершенствовать. Следует указать на несколько ошибок, напр., предложение «Почти никогда не отключали электричество» [Улицкая, 2006, с. 33] воссоздано неправильно «Nie mieli tam wprawdzie światła» [Ulicka, 2004, с.21] / «У них, правда, не было света»/.

В предложении «Он только что осмотрел приехавшую за сорок верст **верхом** немолодую башкирку...» [Улицкая, 2006, с. 45] отсутствует существенное определение как она доехала до больницы: «Skończył właśnie badać niemłodą Baszkirkę, która przejechała czterdzieści wiorst...» [Ulicka, 2004, с. 28]. В предложении «Легкий и сухой, как **саранча**, Роберт Викторович...» [Улицкая, 2006, с. 72], слово «саранча» заменено польским «pasikonik», что обозначает «кузнечик»: «Lekki i wysuszony jak **pasikonik**, Robert Wiktorowicz...» [Ulicka, 2004, с. 44].

Но, как видно, замечаний и упреков в адрес переводчика немного. В основном в работе Риты Бартосик относительно хорошо воссоздана динамика повествования, темп писательской речи, что подтверждают и все вышеприведенные примеры.

Список литературы

Виноградов В. О языке художественной литературы / В. Виноградов. М., 1959. 520 с.
Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. М., 1980. 148 с.

Улицкая Л. Сонечка / Л. Улицкая. М., 2006. 132 с.

Ulicka L. Sonieczka. Przekł. Rita Bartosik / L. Ulicka. Warszawa. 2004. 119 с.

*Гук А.В.
Петрова З.Ю.*
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

*Gik Anna
Petrova Zoia*
Vinogradov Institute of the Russian Language
Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)

ОБ ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ РУССКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА («ЧЕЛОВЕК-СОБАКА»)¹

ABOUT ONE FRAGMENT OF THE RUSSIAN METAPHORIC WORLD VIEW ("HUMAN – DOG")

В статье подробно рассматривается образная параллель «человек – собака». Описывается структура семантического поля прямых значений слов, являющихся образами сравнения компаративных тропов, характеризующих человека, – «Собаки». Разбираются семантические отношения внутри этого поля, основными из которых являются родо-видовые отношения. Показано, как обозначения разных пород собак характеризуют человека в метафорах и сравнениях, выделены общие признаки характеристик: внешний вид, характер, поведение, «профессиональные» особенности пород – и их различное лексическое наполнение. Отмечена эволюция рассматриваемой образной параллели в литературе. Исследование основывается на «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» (выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи») (авторы Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова). В качестве дополнительного материала исследования привлекаются основной и поэтический корпусы текстов, имеющих в Национальном корпусе русского языка. Подробный семантический анализ образного тематического поля позволяет описать фрагмент метафорической картины мира, представляющий сопоставление человека с животным миром. Насколько универсальны направления сопоставления, можно будет выяснить, описав подобные фрагменты в других языках. Межъязыковое сравнительное исследование позволит выявить национальные особенности образных картин мира.

The article studies a figurative parallel "human – dog ". The authors describe the structure of the semantic field of the direct meanings of the words playing the role of tenors of comparative tropes which characterize persons – “Dogs”. Semantic relationships within this field are analyzed, the main of them is genus-species relationship. The attempt is to show how names of different breeds of dogs characterize persons in metaphors and similes, common aspects of these characteristics are highlighted: appearance, temper, behavior “professional” features of the breeds and their different lexical content. The evolution of the considered figurative parallels in the literature is investigated. The study is based on the “Materials for the dictionary of metaphors and similes in the XIX-XX centuries Russian literature” (Issue 2 "Beasts, insects, fish, snakes") (authors: N. A. Kozhevnikova, Z. Yu. Petrova). The basic and poetic corpora of the Russian national corpus are used as additional research material. Thorough semantic analysis of the figurative semantic field allows the authors to describe a fragment of the Russian metaphorical world view, representing the comparison of humans with the animal world. Further it will be possible to figure out, how universal are the directions of this comparison, if similar fragments are described in other languages. Cross-linguistic comparative study will identify national characteristics of figurative world views of different languages.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 15-06-04621 «Лексико-статистическое исследование компаративных тропов русской литературы XIX-XXI вв.».

Ключевые слова: метафора, сравнение, семантика, стилистика, язык художественной литературы, языковая картина мира.

Key words: metaphor, simile, semantics, stylistics, language literature, language world view.

Настоящее исследование основывается на «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» (выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи») [Кожевникова, Петрова, 2010]. В этом словаре и предметы сравнения, и их образные соответствия группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. Заглавным словом каждой словарной статьи является обозначение реалии – предмета сравнения (например, ЧЕЛОВЕК, ДУША, ЛЮБОВЬ, СВЕТ и т.д.), ее подразделами – обозначения образов сравнения. В рассматриваемом выпуске – это слова из семантических полей «Звери», «Насекомые», «Рыбы», «Змеи». В качестве дополнительного материала исследования мы пользовались основным и поэтическим корпусами текстов, собранных в Национальном корпусе русского языка. При группировке материала учитывались всевозможные отношения в семантическом поле: общие – родо-видовое отношение, отношение «часть – целое», «X – совокупность, множество X», «X – действие, характерное для X», синонимия, словообразовательные связи; частные, характерные для конкретной семантической категории, например, для категории «Звери»: названия зверей, соотнесенные по полу, по возрасту, и т.д. Основные формально- синтаксические конструкции, представленные в словаре, – метафора и сравнение. Среди сравнений явно выделены конструкции с образами сравнения – глаголами и прилагательными, которые позволяют увидеть смысловую основу образных характеристик разных реалий. Особенно многочисленны и разнообразны компаративные тропы, характеризующие человека.

В рассматриваемом выпуске словаря система животного мира раскрывает разные аспекты человека: его внешний вид, поведение, характер и т.п. Использование в компаративных тропах каждого наименования животного показывает взаимовлияние систем мира зверей и человеческого мира. У некоторых обозначений зверей особенно разветвленная система семантических отношений, в частности родо-видовых. Одно из таких обозначений – *собака* – взято в качестве объекта настоящего исследования. Научная классификация собак насчитывает более ста наименований. В художественных текстах в метафорах и сравнениях используется гораздо меньше наименований видов собак, но все равно достаточно много – около тридцати. Интересно, что каждая порода обладает своим набором признаков, который определенным

образом характеризует человека. Одни наименования собак встречаются в литературе чаще, другие реже, некоторые вообще единичны. По времени появления в художественных текстах они тоже различаются: одни фиксируются с XVIII века, другие в различные более поздние периоды. Тематическая группа собак является открытой, так что новые породы животных также рано или поздно, попадая в текст, начинают употребляться в компаративных тропах, характеризующих человека.

Основные признаки, которые кладутся в основу сравнения человека с разными породами собак, формируются в литературе уже в XVIII – начале XIX вв. В метафорах и сравнениях употребляется родовое обозначение *собака*, видовые наименования *бульдог*, *овчарка*, *болонка*, *мопс*, *пудель*, *такса*, *ищейка*, *барбос*, *гончая*, *борзая*. Они продолжают употребляться на протяжении всех дальнейших периодов развития русской литературы, являясь базовыми для современной литературы. В ранний период в литературе появляются и обозначения собак, соотносимые по полу: *кобель*, *сука*, по возрасту: *щенок*, несколько позже появляется стилистически маркированный синоним *шавка*.

Для слова *собака* характерны в основном отрицательные коннотации. Оно используется как бранное слово: «Да знаешь ли, жидовская душа, *Собака*, змей! что я тебя сейчас же На воротах повешу» [Пушкин, 1830], зачастую сопровождаемая определениями *проклятая*, *шальная*, *скверная*, *паршивая* и пр.: «Ах ты, *проклятая собака*, Ведь что мошенник не соврет!» [Полежаев, 1825-1826], «Где ж это он, *шальная собака* [Авенир], запропастился?» [Лесков, 1867]. Иногда это слово встречается с определениями, обозначающими национальность или место проживания: *турецкие собаки* [Гоголь, 1842], *басурманская собака* [Цветаева, 1917], *московские собаки* [Волошин, 1917]. Отрицательные коннотации выражены и в сравнениях с глаголами: *пропасть*, *издохнуть*, *замерзнуть*, *как собака*; *гнать*, *прогнать*, *убить*, *как собаку*, в сравнениях с прилагательными: *бесприютный*, *голодный*, *как собака*. В тропах выражены такие свойства собаки, как злость и враждебность: *накинуться на кого-л.*, *как собака*, *грызться*, *как собаки*, *жить*, *как собаки*, *злиться*, *как собака*, *злой*, *как собака* и т.п. Реже встречаются положительные коннотации слова: *ласкаться*, *лизать руки*, *как собака* и др. Мы видим, что родовое понятие обладает самыми общими характеристиками, не позволяет описать человека более конкретно.

Видовые наименования каждое по-своему рисует конкретный образ, наделяя человека свойствами и качествами определенной собачьей породы.

Так, слово *бульдог* рисует характерную внешность человека, его верхнюю губу, щеки,

челюсти, лицо, голову, глаза, лоб, уши : «Дверь растворилась, и взошел небольшого роста плечистый старик, с головой, посаженной на плечи, как у *бульдога*, большие челюсти продолжали сходство с собакой, к тому же они как-то плотоядно улыбались» [Герцен, 1854-1858], «По устройству верхней губы Он – *бульдог*; с оскалом зубы, Под гребенку волоса И добрейшие глаза [Некрасов, 1875], «— Славно выпался, – проговорил он охриплым голосом и уставил на Веру глаза, точно *бульдог*» [Решетников, 1868], «Едва он кончит говорить, у выходных дверей показался толстый швейцар с лицом сердитого *бульдога*» [Куприн, 1904], «Ноги отваливаются, и морда от недосыпа наверняка как у *бульдога* [Каледин, 1987-1999]. В описании внешности человека участвуют и другие физические особенности бульдога, например обильное слюноотделение: «Запахи какие от стола идут, у меня уже слюноотделение как у *бульдога*» [Берсенева, 2005].

Характер звуков, издаваемых собакой, приписывается человеку: *рычать, ворчать, лаять*, как бульдог: «Усевшись напротив Татьяны Ивановны, он стал точно сам не свой; он не мог смотреть равнодушно; ворочался на своем месте, краснел как рак и страшно вращал глазами; особенно когда дядя начинал утешать Татьяну Ивановну, толстяк решительно выходил из себя и ворчал, как *бульдог*, которого дразнят» [Достоевский, 1859], «Что касается Брагина, хотя он зарычал, как *бульдог*, на извещение экзекутора об отъезде за границу директора и его жены, но на другой день явился на станцию с глубоким поклоном этому самому директору и букетом цветов его супруге» [Гончаров, 1891].

Помимо особенностей внешности бульдога, человеку приписываются свойства характера этой породы: свирепость, ярость, самоуверенность, например: «Употребляя с пользою данную ему от природы суровость, он давал ей вид какой-то откровенности и казался *бульдогом*, который, не смея никогда ласкаться к господину, всегда готов напасть и загрызть тех, кои бы воспротивились его воле <...> На просторе разъяренный бульдог, как бы сорвавшись с цепи, пустился рвать и терзать все ему подчиненное: офицеров убивал поносными, обидными для них словами, а с нижними чинами поступал совершенно по-собачьи: у одного гренадера укусил нос, у другого вырвал ус, а дворянчиков унтер-офицеров из своих рук бил палкою» [Вигель, 1850-1860], «Будто два разных человека: один шустрый и боязливый, другой самоуверенный, как *бульдог*» [Некрасова, 2000].

Большую группу тропов составляют контексты, в которых реализуются особенности поведения бульдога, обусловленные его «профессиональными качествами» бойцовой собаки. В

этих контекстах участвуют словосочетания *хватка, мертвая хватка, вцепиться, вгрызаться, цапнет - не оторвешь, держать кого-л. за горло* и т. д.: «Воротившийся отец оказался вымуштрованным, вышколенным, хорошо откормленным *бульдогом*, едва ли уж умевшим понимать какие-нибудь профессии, кроме профессии вцепляться своими крепкими зубами в чье-нибудь горло» [Успенский, 1873], «Дать ему отдельное задание — он вцепится в него как *бульдог*» [Гранин, 1954], «Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой *бульдога* и навязал» [Железников, 1974], «Негромкий, даже робкий в общении, он действовал подобно *бульдоду*, который, ухватив жертву, уже не размыкал челюстей, а лишь перебирал ими, все ближе подбираясь к глотке» [Данилюк, 2003].

Интересно, что бойцовские качества *бульдога* часто употребляются не только в художественных текстах, но и в публицистике, участвуя в характеристике политических деятелей и их отношений: «Вера Ивановна, по ее собственному рассказу, говорила Ленину: «Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы — *бульдог*: у вас мертвая хватка» [Троцкий, 1929-1933], «Как *бульдог*, вцеплялся в противника и доводил дело до конца» [Гриневский, 1997]. Политическая борьба метафорически описывается с помощью фразы *борьба (схватка) бульдогов под ковром*, пришедшей из Англии в середине XX века и связанной с образом Черчилля: «Не мне, профессиональному адвокату, разбираться в тонкостях «борьбы *бульдогов под ковром*», как называл этот малоэстетичный процесс Уинстон Черчилль, но факт остается фактом: назначение Евгения Примакова премьер-министром нанесло сильнейший удар по стратегическим интересам Березовского и других вершителей крупного российского бизнеса [Кучерена, 2000], «Противостояние российских элит... «Борьба *бульдогов под ковром*»... Путин решил ковер снять» [rbc.ru, Эл.ресурс, 2012].

Кроме политиков, с *бульдогом* сравниваются и представители других профессий: сыщики: «И сыщики, как *бульдоги*, бросаются на Человека Двойной Звезды (так называют Друда в цирке) [Вихров, 1965], изобретатели: «Не все изобретатели отличаются хваткой *бульдога*, который издохнет, но не выпустит из зубов добычи» [Дудинцев, 1956].

Компаративное отношение может быть выражено и средствами словообразования - сложными прилагательными с элементами = *видный*, = *образный*: «На живорыбный садок пришел повар — жирный мужчина, важного вида, с гладкобритым *бульдогообразным* лицом и с большим золотым перстнем на указательном пальце» [Лейкин, 1879-1898], «*Бульдоговидные*

дворяне, Склонив изрубленные лбы, Мычат над пивом в ресторане, Набив свининой зобы» [Черный, 1911], «<...> и потом они посмеивались над хождением в церковь старушки, утверждая, что *бульдогообразное* лицо, красное и покрытое бородавками, старосты Богословского, более всего прочего привлекает бабушку» [Белый, 1929].

В ряде контекстов характерные особенности бульдога кристаллизуются в прозвище, кличке; название породы становится именем собственным: «Была у меня в детстве собака. Привел ее Никита-квартирант, эвакуированный. И продал ее за большие деньги <...> начальнику лагеря «*Бульдогу*» [Бурков, 1953-1990]. Подобный процесс кристаллизации метафорического смысла происходит в контекстах перехода от сравнения к метафоре, которые исследовала Н.А. Кожевникова [Кожевникова, 1979]: «Сидел около телефона некий здоровый лоб, похожий на *бульдога*, упорно смотрел на телефон... – Да? – вроде как безразлично спросил парень, похожий на *бульдога*. <...> Похожий на *бульдога* положил трубку и повернулся ко всем <...> – Да? – изо всех сил спокойно сказал *Бульдог* в трубку [Шукшин, 1973].

Слово *бульдог* чаще характеризует лиц мужского пола, но встречаются и контексты описания женщин: «Хозяйка, толстая брюнетка, с отвисшими, как у сердитого *бульдога*, щеками, важно ходит вокруг стола, разглаживая серый, вышитый передник на своем круглом животе [Тэффи, 1910], «У этой старой голой ведьмы рожа стала, как у *бульдога* [Амфитеатров, 1911], «– Варвара, ты посмотри, какие у меня брыльки, – говорит она как о смертельной болезни, постукивая при этом ладонью подбородок, – прямо как у *бульдога*» [Синицына, 2002]. Встретился даже пример изменения рода слова *бульдог* – *бульдога*: «Улыбка купчихи Орловой важная штука, – девическая, без хитрости, без натуги, только оспинки сморщились, набежав друг на друга на упругих, как у японской *бульдоги*, щеках» [Шагинян, 1923].

Выделенные группы признаков характеризуют и употребление в компаративных тропах всех остальных названий собачьих пород (для одних пород более характерно внешнее сходство, для других иные признаки – свойства характера, «профессиональные» качества), при этом конкретный состав этих групп специфичен для каждой породы. Так, например, при сравнении человека с мопсом чаще всего употребляются такие внешние характеристики, как *жирный*, *откормленный*, *пучеглазый*: «Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный *мопс* какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство! [Гоголь, 1842], «Он с усилием поднялся, с еще большим усилием сел на диван, вытянул ноги. Полнотелая, босоногая «султанша» в тончайшей рубаше с орлами уцепилась

за ботфорт и сначала легонько, потом все сильнее и сильнее стала тянуть его с ноги Пьера. Он пучеглазился, как *мопс*, крепко цепляясь за диван. Она дважды стаскивала Пьера с дивана на пол, вспотела, покраснелась, но сапог ни с места, как припаян» [Шишков, 1934-1939]. Достаточно частотны контексты, в которых описываются характерные особенности человеческого лица, сопоставляемые с мордой мопса: «Он был в культурном мундире и в культурных белых штанах; лицо его, напоминавшее морду красивейшего из *мопсов*, выражало сильнейшее утомление; щеки одрябли, под глазами образовались темные круги; живот колыхался, ноги тряслись» [Салтыков-Щедрин, 1875-1876], «Сидевший исправник согнулся, пропустив мускулистые, руки меж расставленных толстых ног; его бритое брыластое лицо напоминало морду *мопса*» [Шишков, 1913-1932], «Переносица у него была перебита, и от этого кончик носа задрался. Стал похож боцман на старого *мопса*. На лице у него не осталось живого места, все оно было в шрамах» [Новиков-Прибой, 1936-1944].

Звуки, производимые мопсом, становятся опорными словами компаративных тропов редко. В исследованном материале встретился лишь глагол *хранеть*: «– Я человек работающий, я не могу без сна, а ты *хранишь*, как мопс – как вам не стыдно, и где у вас совесть?» [Андреев, 1916].

Встречаются контексты, в которых основой образа становится такая характеристика мопса, как отнесение его к группе комнатных собак: *повести на цепочке, как мопса*: «Невероятно себя нарядив, / пойду по земле, / чтоб нравился и жегся, / а впереди / на цепочке Наполеона поведу, как *мопса*» [Маяковский, 1914-1915].

Часто слово *мопс* употребляется в роли прозвища, клички человека, причем чаще в применении к женщинам: «Королева *Мопс*» — назвала она одну толстую величественную торговку овощами, и все Плетени стали называть торговку Королевой *Мопс*» [Каверин, 1965-1970]. Вообще, в отличие от *бульдога*, слово *мопс* в сравнениях и метафорах чаще характеризует женщин: «До сих пор еще немногие, оставшиеся в живых, прежние, вконец одряхлевшие хозяйки и жирные, хриплые, как состарившиеся *мопсы*, бывшие экономки вспоминают об этой общей гибели со скорбью, ужасом и глупым недоумением» [Куприн, 1915], «А машинистка, белобрысая дура, вся в завитушках, лицом похожая на кудрявого *мопса*, никак в толк не возьмет, что нужно пропускать нехватящие буквы и вписывать их потом от руки <...>» [Лавренев, 1924].

Для употреблений в компаративных тропях названия другой комнатной собаки - *болонки* – характерны при описании внешности человека такие особенности, как кудрявость: «[портрет] Не мой: жеманная девчонка Со сладкой глупостью в глазах, В кудрях мохнатых, как *болонка*, С

улыбкой сонной на устах!» [Баратынский, 1825], слезы на глазах: «Слеза всегда была у него из глаз, как у старой *болонки*» [Лажечников, 1856], «Весь день она, моргая заплаканными, как у *болонки*, глазками, шила фартучки для Маруси или рисовала масляными красками на атласных лентах лиловые ирисы» [Паустовский, 1946], такие определения, как *вертлявая, маленькая*: «И сама она [мадам Шершеневич] похожа на *болонку*: вертлявая, с кудряшками, маленькая. В ушах у нее серьги, круглые и большие, как бублики» [Чуковский, 1936]. Особенности, характеризующие поведение болонки как комнатной собачки, – *спать на подушке, лежать на диване*: «Он был готов схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: «Стыдись! Тебе ли, как *болонке*, спать на солнышке перед окном, на пуховой подушке детского успеха?» [Лернер, 1907], «Саша, неизменно трепетно относящийся к дамам, Лидочку тем не менее недолюбливал. С его точки зрения, плавную, округлую, склонную к созерцательности деву следовало как можно скорее выдать замуж, а не мучить всякими съемками и репортажами. «Пусть сидит у мужа на диване, как *болонка*, а не в нашей монтажной. Его жизнь она способна украсить, нашу — только осложняет» [Баконина, 2000]. Встречаются контексты, в которых роль болонки – домашней собачки – приписываются мужчине, а роль хозяйки болонки – женщине; в таких контекстах пренебрежительно-уничижительный оттенок употребления этого слова ощущается особенно отчетливо: «<...> меж тем: незадачный профессор, спускаемый Марьей Ивановной, точно *болонка*, с цепочки, обязан был появиться к единой и неделимой постели супружеской в девять часов; коли он опоздает, то – ужас что!» [Белый, 1929], «Ты ведь, Боренька, в совершеннейшую *болонку* при Ирине Николаевне превратился» [Акунин, 2000].

Наиболее частотные характеристики *пуделя* в метафорах и сравнениях, относящихся к человеку, помимо особенностей внешнего вида – *курчавый, кудрявый, завитой, волосы, кудряшки, бакенбарды, уши, как у пуделя* – это характерное для пуделя движение тела, выражаемое глаголами *отряхиваться/отряхнуться, встряхиваться/встряхнуться, отряхаться, вытряхиваться*: «Встал этот человек и вытряхивается, как *пудель*, от снега, а потом вместе с ямщиком зацепил из кибитки из-под кошмы другого человека в бобровом картузе и в волчьей шубе <...>» [Лесков, 1887], «Клим Иванович Самгин встряхнулся, точно *пудель*, обрызганный водою дождевой лужи, перешагнул из сумрака прихожей в тепло и свет гостиной, остановился и, вынимая папиросу, подвел итог» [Горький, 1928-1935]. Среди общего количества употреблений слова пудель в компаративных тропах большое место занимают контексты, описывающие пуделя как дрессированную собаку; этот смысл выражают глагольные фразы *дрессировать, обучать как*

пуделя, служит, как пудель, словосочетание с прилагательным *ученый пудель*: «Между салопницами есть и молодые девушки, которых старые практикантки дрессируют с детства к ремеслу, как *пуделей*, и обучают испрашивать подавания именем небывалой больной матери или престарелого отца» [Булгарин, 1842], «Жила, жила, тянулась, дрессировала мужа, точно *пуделя* какого-то, и вдруг – все к черту!» [Боборыкин, 1882], « – Помощник мой в роте, потрясающий идиот, но служит, как *пудель*» [Соболев, 1932], «Как видно, демон старика принудил Изнемогать от горя и любви. И служит ей он, как *ученый пудель*, Все замыслы откроет ей свои» [Антокольский, 1972]. В ряде контекстов образ формируется на основе смысла “стрижка пуделя”, например: «Кстати, помни, подстригися, — Вишь, как *пудель!*.. И явился К свахе, будто на парад» [Федотов, 1848].

Свои особые характеристики в образ человека в сравнительных и метафорических употреблениях вносят и другие названия собачьих пород. Так, в контекстах со словом *сенбернар* повторяются характеристики внешности этой собаки: размер (*огромный, большой, высокий, как сенбернар*), веки и глаза; свойство характера: *добродушный*; иногда – «профессиональные особенности»: *спасать кого-л, как сенбернар*. Для таксы важны в основном внешние, физические характеристики: *коренастый, неуклюжий, приземистый*; часто встречаются словосочетания *кривые ноги, вывернутые ноги, короткие ноги*, прилагательное *коротконогий*. Реже встречаются “профессиональные” особенности этой породы: *искать, как таксы трюфелей; цепляться, как такса в ухо кабана*. Для фокстерьера характерен надоедливый характер, настырный блеск в глазах (что обусловлено его охотничьими свойствами), для ищейки – нюх, чутье, такие действия, как *рыскать, искать, выслеживать кого-л., насторожиться*, для борзой собаки – способность быстро бегать, для ньюфаундленда – умение плавать, для сеттера и пойнтера – охотничья стойка и т. п.

Все перечисленные выше названия пород собак встречаются в литературе в компаративных тропях с XIX в., а некоторые – и с XVIII в. Ряд обозначений пород начинает употребляться в качестве опорных слов сравнений и метафор лишь в последнее время, пополняя рассматриваемое образное поле. Таковы, например, *бультерьер* (имеющий много общего с бульдогом): «Но мэри знал, что это впечатление обманчиво: ветеран обладал хваткой *бультерьера*, и не отвечать на его требования было крайне опасно для карьеры» [Таранов, 2001], «Саша вбежал в комнату, стал отдиравать Людку от матери. Но Людка дралась истово, как *бультерьер*. Саша облил её водой из графина» [Токарева, 2002], «Измотанный тяжелой ночной работой, он спрыгнул под утро с

крыши последнего павильона и подошел к злему как *бультерьер* бригадиру» [Геласимов, 2009], *питбуль*: «Это был тоже типичный его прием — Савва формулировал вопросы крайне осторожно, но уж если собеседник проговаривался, он вцеплялся в него, как *питбуль*» [Баконина, 2000], *лабрадор*: «К тринадцати годам они поздоровели, как пара молодых *лабрадоров*, и не донимали маму простудами» [Романова, Романов, 2002], *ротвейлер*: «Она была жуткая хамка, эта лифтерша. Она говорила все, что сползало на кончик языка. Все это было обидно, в каждой квартире мечтали ее отравить, но подъезд она сторожила, как *ротвейлер*, а это было важнее нанесенных обид» [Щербакова, 2002] и т. п.

Помимо родо-видового отношения, рассматриваемое образное поле структурируют и другие отношения в семантическом поле «Собаки»: соотнесение по полу: *кобель* - *сука*, по возрасту: *собака* – *щенок*, словообразовательные связи: *собака* – *собачка*, *собачонка*; по стилистической характеристике: *собака* - *шавка*. Каждое обозначение вносит свои характерные особенности в образ человека в компаративных тропах.

Статистический анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что в прозаических и поэтических текстах образная параллель «человек – собака» имеет разную частоту употребления: в прозе она в целом несколько раз выше, чем в поэзии.

Таким образом, подробный семантический анализ образного тематического поля позволяет описать фрагмент метафорической картины мира, представляющий сопоставление человека с животным миром. Насколько универсальны направления сопоставления, можно будет выяснить, описав подобные фрагменты в других языках. Межъязыковое сравнительное исследование позволит выявить национальные особенности образных картин мира.

Список литературы

- Кожевникова Н.А.* Об обратимости тропов / Н.А. Кожевникова// Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979.
- Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи» /Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

Голубева-Монаткина Н.И.

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Natalia

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

Н.С. АВТОНОМОВА О ПЕРЕВОДЕ ФИЛОСОФИИ

NATALIA S. AVTONOMOVA ABOUT TRANSLATION OF PHILOSOPHY

Наталья Сергеевна Автономова известна как выдающийся русский философ, автор книг «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках» (1977), «Рассудок. Разум. Рациональность» (1989), «Познание и перевод. Опыты философии языка» (2008), «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» (2009), «Философия языка Жака Деррида» (2011), как блестящий переводчик на русский язык работ французских философов М. Фуко («Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines» / «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» соавт. пер. Визгин В.П) и Ж. Деррида («De la grammatologie» / «О грамматологии»), швейцарского лингвиста П. Серио («Structure et totalité» / «Структура и целостность»). Она перевела на русский текст французских психиатров Л. Шертока и Р. де Соссюра («Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud» / «Рождение психоаналитика: от Месмера к Фрейду»), Ж. Лапланша и Ж.Б. Понталиса («Vocabulaire de la psychanalyse» / «Словарь по психоанализу»). Н.С. Автономова полагает, что сегодня русская философия нуждается в (пере)создании своего философского языка и, в частности, в выработке концептуального аппарата для овладения новым культурным и интеллектуальным опытом. В статье рассматривается подход Н.С. Автономовой к проблемам перевода философии.

Natalia S. Avtonomova is known to be the philosophical books eminent author (Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках, 1977; Рассудок. Разум. Рациональность, 1989; Познание и перевод. Опыты философии языка, 2008; Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров, 2009; Философия языка Жака Деррида, 2011) and the excellent translator into Russian of writings of French philosophers Michel Foucault («Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines» / «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» соавт. пер. Визгин В.П) and Jacques Derrida («De la grammatologie» / «О грамматологии»), of the Swiss linguist Patrick Seriot («Structure et totalité» / «Структура и целостность»). She put into Russian texts of French psychiatrists (Léon Chertok, Raymond de Saussure «Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud» / «Рождение психоаналитика: от Месмера к Фрейду»; Jean Laplanche, Jean Bertrand Pontalis «Vocabulaire de la psychanalyse» / «Словарь по психоанализу»). Natalia Avtonomova asserts that today the Russian philosophy need to (re)create Russian philosophical language and in particular, to elaborate conceptual devices for grasping new cultural and intellectual experience. The article is a general over-view of her approach to problems of philosophical translation.

Ключевые слова: Н.С. Автономова, перевод философии, русский философский текст, дискурс, дискурсивный, дискурсивный.

Key words: Natalia S. Avtonomova, translation of philosophy, translator of philosophy, Russian philosophical text, discourse, discursive.

Уже почти десять лет назад редакция журнала РАН «Вопросы философии», предвзяря

своим поздравлением с юбилеем публикацию статьи доктора философских наук, главного научного сотрудника сектора теории познания Института философии РАН Наталии Сергеевны Автономовой «О философском переводе», писала о ней как о выдающемся отечественном философе, человеке яркого дарования и широкого круга исследовательских интересов, авторе классических переводов текстов Мишеля Фуко, Жака Деррида и других современных структуралистов и постструктуралистов [Автономова, 2006, с.89]. Н.С. Автономова входит в число тех русских философов, которым в изданном в Швейцарии на французском языке «Словаре русской философии» (в нем – персоналии, статьи о главных сочинениях русских мыслителей, отдельных философско-исторических периодах, основных течениях и направлениях русской мысли, философских кружках, журналах, обществах, а также толкование специфических понятий русской философии) посвящена большая статья [Dictionnaire, 2010, р. 63-64]. За книгу «Познание и перевод. Опыты философии языка» она получила, в частности, премию Леруа-Больё как за лучшее исследование о Франции (присуждена Посольством Франции и журналом «Иностранная литература») [Антамонова, Эл. ресурс].

Среди разрабатываемых Н.С. Автономовой философских проблем гуманитарного познания важное место занимают: «новая трактовка перевода – в широком смысле слова – как фундаментальной категории философского и научно-гуманитарного познания, как рефлексивного ресурса понимания» и «обоснование роли перевода в процессе (пере)создания русского концептуального языка» [Антамонова, Эл. ресурс].

Рассказывая в апреле 2013 г. о своей исследовательской, переводческой и преподавательской деятельности для общедоступного сетевого архива фонда «Устная история», Н.С. Автономова говорила, обращаясь к широкой аудитории: «<...> современная мысль действует путем определенного рода переносов, трансферов, сдвигов содержаний как одним из способов работы с ними. И переход из одного языка в другой – это лишь один из способов такого переноса. Без этого вообще ничего не получается. То есть это как бы форма ухода из чисто субстанциалистского подхода в подход структуралистский. Это вопрос, связанный с отношением между разными вещами. Перевод предполагает этот модус релятивности. Тут слишком много разных аспектов, которые можно назвать. Якобсон говорит: «Внутри своего языка без конца идет перевод». Это – способность языка переформулировать, самого себя переводить. Именно это лежит в основе перевода из языка в язык. Парадоксальным образом сначала перевод без всякого перевода, а потом уже перевод, осуществляющийся между языками, а потом уже перевод между

разными семиотическими системами, среди которых может быть и невербальная» [Антамонова, Эл. ресурс].

Н.С. Автономова подчеркивает роль перевода в формировании философий в Европе: «Каждая из нынешних развитых европейских философий <...> складывалась в проработке концептуального опыта другого: в процессе перевода священных текстов, классических философских текстов, расшифровки и истолкования – как условий непосредственного, соседского и более глубокого, духовного и культурного взаимодействия» [Автономова, 2009, с.424]. Что касается России, то «специфика развития русской философии – с точки зрения вопроса о формировании понятийного языка и средств мысли – заключалась в том, что предметом, на котором впервые пробудилось рефлексивное отношение к предмету и потребность в формировании осознанной мысли о нем, стала литература, а не наука, как это было в Европе. И произошло это одновременно с творческим усвоением и пересозданием гениями Пушкина и Жуковского европейского романтизма» [Автономова, 2008, с.517] .

Н.С. Автономова утверждает: «Перевод не подменяет другие проблемы, но вносит в их постановку новые аспекты динамики, становится стимулом для выработки концептуальных языков» [Автономова, 2008, с.13]; «Перевод – это мощнейший стимул оживить жизнь языка, способность концептуализировать» [Антамонова, Эл. ресурс]. Она убеждена, что у нас в стране существует проблема «(пере)создания русского концептуального языка» [<http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm>] потому, что произошли «радикальные преобразования социальной и политической жизни России. Ранее закрытые шлюзы открылись, и на месте некогда скудного ручейка переводной литературы разлилось целое половодье. Главной составляющей этого потока была современная западная мысль, почти не переводившаяся в советское время. Перевод стал одним из самых востребованных занятий в культуре <...>. Вместе с тем становилось все более очевидно, что одно наличие переведенных текстов в книжном магазине еще не обеспечивает их восприятия и усвоения, не включает их спонтанно в процесс культурного и интеллектуального взаимодействия людей, что помимо перевода важна и рецепция – слов, понятий, концепций <...>. Одним из важнейших для современного культурного и интеллектуального развития России я считаю вопрос о формировании и развитии русского языка понятий, или иначе – концептуального языка» [Автономова, 2008, с.19-20].

Необходимость «формирования и развития русского языка понятий» обусловлена отрывом философии «на российской почве <...> и от собственной традиции, и от западной философии 20

века. В постсоветскую эпоху одновременный и внезапный выход этих двух культурных потоков — вне всякой логики и хронологии — на авансцену современной культуры породил шок, разброд, массовую читательскую дезориентацию. Актуальной задачей становится, в частности, экстренная проработка огромного числа текстов западной философии и гуманитарной мысли 20 столетия, и философия одна с этим не справиться не в состоянии. Нужно одновременно и читать новое, и создавать инструменты чтения — средства описания, концептуальный язык. Именно в ходе работы с текстами и переводческой работы этот язык, пострадавший за многие десятилетия господства вульгарного догматического марксизма, может быть создан (воссоздан, перестроен).

Беда в том, что в российской культурной и интеллектуальной ситуации любой импортный товар приобретает ореол престижности и включается в описание как элемент лоскутного языка без всякой заботы о связности — логической или исторической. Однако невозможно описать свой опыт через категории Лакана или Делеза (к сожалению сочинения этих и других авторов сплошь и рядом выходят в свет без какого-либо исторического и концептуального комментария), не разобравшись в том, зачем им самим те или иные понятия, откуда они взялись, какие задачи они позволяют решать и могут ли быть перенесены в новый мыслительный и культурный контекст. Конечно, и в лоскутном одеяле можно увидеть новый художественный эффект — цветовой или ритмический. Но работе мысли это не поможет. В противоположность тому, что думают философы, нельзя просто так — “непосредственно” — прочитать те или иные современные западные тексты. Для того, чтобы прочитать тех же Лакана или Делеза, нужна самоотверженная (а не самоутверждающаяся) работа, которая будет постоянно напоминать нам о том, что Делез во Франции и в России, Делез в 60 годы и в 90-е — это разные вещи в разных культурных контекстах» [Автономова, 2001].

Неодинаковость философского языка, который можно понимать как «систему средств организации мысли, которая существует по определенным правилам» и «систему языковых средств со своей лексикой, грамматикой, синтаксисом», осложняет философскую коммуникацию. Философия «воплощается в материальности языка и его означающих механизмов», она построена в национальном языке: «Хайдеггер <...> родился в своем родном немецком языке, и Бибихин, переводчик Хайдеггера, родился в своем родном русском языке» [Автономова, 2011, с.16-17, 25].

Рождение и бытование философии в национальном языке обуславливает появление проблемы рецепции – «слов, понятий, концепций. Опыт работы за рубежом показал мне, что в

принципе сходная проблема рецепции существует в любой стране, не только в России: например, восприятие работ русских мыслителей (Бахтина, Лотмана или Выготского) тоже зависит от качества переводов и комментариев, от механизмов и обстоятельств межкультурной рецепции» [Автономова, 2008, с. 19]. Проблема рецепции имеет и другой аспект: «<...> традиции прочтения того или иного философского явления за рамками региона распространения того или иного «оригинального языка» оказываются трудными для тех, кто на этом языке говорит и думает: так, в Германии скептически встречают французские прочтения Хайдеггера, а на французские прочтения Витгенштейна германоязычные или англоязычные специалисты вообще не обращают внимания, будто их не существует» [Автономова, 2011, с. 325].

Как может строиться (воссоздаваться) концептуальный язык? Для ответа на этот вопрос необходимо остановиться хотя бы на одном из рассуждений-объяснений Н.С. Автономовой относительно выбора русского слова для передачи чужого слова-понятия.

Здесь, как представляется, для всех работающих в области гуманитарного знания особенно интересен анализ слова-понятия *discours* у М. Фуко: «Сосредоточием многих сложностей было понятие «дискурс» (*discours*) <...>. Дело <...> в том, что именно в творчестве Фуко запечатлелись два важнейших этапа существования французского понятия «дискурс» <...>, причем при переходе от первого этапа ко второму слово «дискурс» фактически раздробилось на два разных понятия, что не было толком ни замечено, ни отмечено – ни самим Фуко, ни его критиками. В итоге омонимичными <...> оказались *discours* как логико-лингвистическая развертка представления и *discours* как социально регламентированное высказывание, не имеющее отношения ни к логике, ни к лингвистике. *Discours* в первом смысле слова противоположен одномоментному интуитивному схватыванию и представляет собой «последовательное изложение мысли посредством слов и предложений» (одно из определений слова *discours* в Словаре А. Лаланда). *Discours* в втором смысле слова выступает как совокупность социальных и идеологических ограничений, определяющих, кто, что, кому, каким образом и при каких обстоятельствах может или не может говорить. *Discours* (1) (именно он преобладает в «Словах и вещах») я переводила как «дискурсия», а *discours* (2) – как «речь», реже – «дискурс». Как это ни парадоксально, этот социально-идеологический дискурс как раз «недискурсивен»: во всяком случае, он противоположен «дискурсивности» в логико-лингвистическом смысле слова. А потому к этому новому дискурсу следовало бы применять скорее прилагательное «дискурсивный», оставив прилагательное «дискурсивный» для обозначения

логики-лингвистического упорядочения речи, рассуждения; это позволило бы избежать как путаницы терминов, обозначающих различные вещи, так и потери важных понятийных дистинкций» [Автономова, 2008, с. 378-379].

Не менее интересными являются также и те ссылки [Автономова, 2008, с. 379], которые делаются к приведенному выше фрагменту текста. Так, обращается внимание на то, что слово дискурсия «хотя и нечасто, употребляется в текстах русской философии для обозначения противоположности интуитивному постижению» (у Г.Г. Шпета). Что касается необходимости различения дискурсивный и дискурсивный, отмечается: в этом случае «при переводе таких понятий Фуко, как «formations discursives», «pratiques discursives» (из «Археологии знания»), мы должны были бы писать «дискурсивные формации», а не «дискурсивные формации», «дискурсивные практики», а не «дискурсивные практики» <...>. Тем самым нам удалось бы различить «дискурсивный» (развертывающий представление в линейной последовательности слов) и «дискурсивный» (принадлежащий дискурсу как социально санкционированной или не санкционированной совокупности высказываний, специфицированных сообразно месту, времени, обстоятельствам, субъекту и тематике). Конечно, все мы задним умом крепки, и к тому же само это долженствование обнаружилось не сразу. В результате первый, логики-лингвистический дискурс умер неестественной смертью, а второй, языково-социальный превратился в слово-«зонтик», который может значить все на свете...».

Еще одним важным свидетельством того, как Н.С. Автономова подходит к передаче слов-понятий на русский язык, является ее интерес к истории этих слов как в творчестве переводимого автора, так и в языке, на котором создан оригинал. В частности, она полагает, что у М. Фуко «этот сдвиг терминов (речь идет о discours – Н.Г.-М.) происходил как раз между «Словами и вещами» и последующими работами – «Археологией знания» (1969) и «Порядком дискурса» (1970)» [Автономова, 2008, с.380]. Discours «происходит от латинского discurre (разбегаться в разные стороны). В своем смысле, обозначенном выше как discours (2), оно существует во Франции примерно 40 лет, оставаясь практически непереводаемым и лишь калькируемым во всех других языках. Во Франции 50-х годов слово discours означало «публичное выступление», «рассуждение». К середине 60-х годов это слово стало довольно быстро превращаться в модный термин, который постепенно заменил и «текст», и «теорию», и «стилистика окрашенную речь» и пр. Употребительность этого нового слова нарастала лавинообразно. Примерно с начала 70-х годов все ранее господствовавшие словесные жанры выравниваются в своем статусе

дискурсов <...>. Однако терминологическую четкость оно имело разве что в направлении *analyse du discours*, выясняющем социальные закономерности функционирования текстов в обществе <...>. Во Франции «анализ дискурса» 70-х годов стал направлением, объединившим лингвистику, социологию, психоанализ, теорию идеологий, философию <...>. В целом «анализ дискурса» как дисциплина изучает те социальные ограничения, которые налагаются на всю бесконечность потенциально возможных высказываний конкретным местом и временем. В известном смысле «дискурс» вообще не есть нечто непосредственно эмпирически данное. Это скорее объект, построенный на стыке языка и социума, языка и идеологии: он призван скорректировать лингвистический подход, который забывает об истории, а также идеологический подход, который растворяет язык в идеологии. В судьбе этого слова и термина запечатлелись важные сдвиги значений, свидетельствующие об изменениях в философском и научном мышлении» [Автономова, 2008, с.380-381].

Н.С. Автономова доказывает эти сдвиги, переводя *discours* (1), который «царит» в «Словах и вещах», как дискурсия и показывая невозможность замены дискурсии на дискурс (в «Словах и вещах» *discours* (2) «практически нет»). Она отмечает: эта книга М. Фуко говорит о том, что «именно *discours* (1) был символом и основой эпистемы «классической эпохи», а тем самым и всей системы представлений классической философии», что «язык классической эпохи сводится к роли дискурсивного механизма, способного к линейному выражению одновременности», что «между XVIII и XIX вв. происходит перелом от классической эпистеме к современной», суть которого состоит в том, что происходит «замена дискурсии языками, богатств – производством, пространства мысли, в котором классическая эпоха упорядочивала тождества и различия, – историей, отныне диктующей свои законы производству, языкам и живым организмам» [Автономова, 2008, с.381-382].

Н.С. Автономова пишет о том, что в «Словах и вещах» слова-понятия *discours* (2), который передается как дискурс, еще нет, оно появляется в «Археологии знания»: здесь «<...> поднимает голову новорожденный омоним <...> и в действие вступает “дискурсная формация” как совокупность высказываний, фиксирующих исторически меняющиеся способы производства знания, а в “Порядке дискурса” всюду орудует дискурс как социальный механизм порождения высказываний системой норм, запретов и предписаний». Для того, чтобы проверить наличие понятийного сдвига у слова *discours*, она предлагает в тексте-переводе «подставить на место классической «дискурсии» «Слов и вещей» неклассический «дискурс» из «Порядка дискурса»

(во французском <...> и то и другое именуется discours)» и показывает, что «результат такой подстановки оказывается абсурдным»: «Берем фразу из «Слов и вещей» <...> «разрыв классического порядка и исчезновение Дискурсии», заменяем «дискурсию» на «дискурс» и опять попадаем в провал абсурда: исчезает, конечно же, не дискурс, а Дискурсия (тем более – с заглавной буквы!), дискурс же, можно сказать, стучится в дверь <...>. Поразительно, что сам Фуко нигде ничего нам не говорит об этом понятийном сдвиге: не потому ли, что в стихии родного языка, сохраняющего одну и ту же словоформу (discours), это менее бросается в глаза» [Автономова, 2008, с.382-383].

Н.С. Автономова сожалеет о судьбе слова дискурсия, которое «в качестве перевода французского discours <...> просуществовало свой короткий век как ad hoc решение в процессе движения смыслов между языками» и заключает: «А может быть, и впрямь новое понятие дискурса не мыслилось Фуко как антагонистичное предыдущим употреблением? Может быть, <...> классическая дискурсия способна быть частным случаем дискурса, одним из возможных дискурсных режимов? Тогда получится, что в новом дискурсе способы связи говорящего с тем, что он говорит, не ограничиваются линейным логико-лингвистическим упорядочением представлений и предполагают более широкий спектр взаимосвязей, более обширный набор практик, определяющих тематику, обстоятельства, позиции, предпочтения и запреты в процессе социального, группового и индивидуального производства высказываний <...>. В любом случае можно выдвинуть еще одну гипотезу: а не является нынешнее discours словом, семантически более близким к сходному словарному значению discurre – «разбегаться в разные стороны», нежели его значение в классическую эпоху западной философии? И тогда нам придется признать в духе общей стратегии разрывов, характерной для Фуко в 60-е годы, что классическая дискурсия как словесная линейная логическая упорядоченность мысли была хотя и продолжительным, но все равно всего лишь эпизодом, после которого историческое течение жизни слов вновь вывело на свет то, что когда-то было оттеснено на периферию? Но это соображение нужно будет тщательно проверить...» [Автономова, 2008, с.385].

Список литературы:

- Автономова Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 90-х годов) [Электронный ресурс] / Н.С. Автономова // Логос. 2001. №4. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/09.htm.
- Автономова Н.С. О философском переводе / Н.С. Автономова // Вопросы философии. 2006.

№2.С.89-101.

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с. (Humanitas).

Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н.С. Автономова. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с. (Российские Пропилеи).

Автономова Н.С. Философия языка Жака Деррида / Н.С. Автономова. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с. (Российские Пропилеи).

Автономова Н.С. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oralhistory.ru/projects/science/philosophy/avtonomova>.

Автономова Н.С. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm>.

Институт философии РАН [Электронный ресурс] – Режим доступа: iph.ras.ru/

История русской философии: Учеб. пособие; ИФРАН [Электронный ресурс] / Отв. ред. М.Н. Громов. – 1998. – Режим доступа: plfile/root/biblio/1998/Hist_rus_ph_1.pdf.

Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова [и др.]. Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.

Dictionnaire de la philosophie russe / Sous la direction de Mikhaïl Masline (éd. Respublika, 1995; éd. Komplex, 2007). Édition française sous la direction de Françoise Lesourd. Lausanne : Editions L'Age d'Homme, 2010. 1009 p. (Collection SLAVICA dirigée par Gérard Conio, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevic. Série Idéa).

Гончарова О.В.
АНОО Study English language school
г. Ейск (Россия)

Goncharova Olga
АНОО Study English language school
Yeysk (Russia)

*КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОМПЕТЕНСТНОСТНЫЙ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ
МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО*

*CULTURAL AND COMPETENCE APPROACHES IN MODERN METHODOLOGY OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE*

На страницах данной публикации мне бы хотелось затронуть вопросы организации внеурочной деятельности, поделиться опытом развития и актуализации межкультурной компетентности в нашей школе. Понятия «компетенция» в методике преподавания русского языка связано с поисками более точного, строгого определения целей обучения, с выявлением уровней владения языком, иначе говоря, с ответом на вопрос, как ученик владеет языком, в то время как «межкультурная компетенция» соотносится с понятием «международная компетенция», подразумевает идентификацию себя на национальном и профессиональном уровне со знанием человеческого поведения и признанных ценностей и «межкультурное взаимодействие», основанное на диалоге, терпимости и согласии.

Современная наука шагнула далеко вперед, кардинально изменилось отношение ко многим социальным проблемам, в том числе к речевым возможностям человека. Знание нескольких иностранных языков - насущная необходимость повседневной и профессиональной деятельности, социальное требование. В статье обосновывается необходимость раннего обучения детей дошкольного возраста родному и иностранным языкам в условиях семейного обучения и воспитания, а также центра раннего обучения и развития. Изучение теоретического исследовательского материала разных специалистов и собственная практика в работе с детьми, имеющими речевые нарушения различного происхождения, а также детьми-билингвами, позволяет сказать о том, что раннее обучение родному и иностранному языку является одним из условий речевого развития и преодоления речевых нарушений.

On the pages of this publication I would like to address the questions of the organization of extracurricular activities, to share experience in the development and updating of intercultural competence in our school. The concept of "competence" in the methodology of teaching Russian language associated with the search more accurate, strict definition of learning objectives, identifying levels of language proficiency, in other words, to answer the question of how the student is fluent in the language, while "intercultural competence" refers to the concept of "international competence" implies the identification of national and professional level with knowledge of human behavior and accepted values and "intercultural communication", based on dialogue, tolerance and harmony.

Modern science has made great progress has dramatically changed the attitude of many social problems, including speech capabilities of a person. Knowledge of several foreign languages is an urgent need daily and professional activities, social requirement. The article substantiates the necessity of early learning pre-school children of the native and foreign languages in terms of family training and education, and the center for early education and development. The study of theoretical research material different specialists and their own practice in working with children with speech disorders of different origin, as well as children-bilingual, lets say that early learning mother tongue and foreign language is one of the conditions of speech development and overcome speech infringements.

Ключевые слова: внеурочной деятельности, формы внеурочной деятельности, межкультурной коммуникация, межкультурное взаимодействие, межкультурная компетенция, профессионализм, раннее обучение, иностранный язык, нарушения речи.

Key words: extracurricular activities, forms of extracurricular activities, intercultural communication, intercultural communication, intercultural competence, professionalism, early learning, foreign language, speech infringements.

«Повелитель многих языков.
Язык российский не токмо
обширностью мест господствует,
но и купно собственно своим пространством
велик перед всеми в Европе».
М.В. Ломоносов

Под «компетенцией» в современной методике преподавания русского языка понимается «совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения русскому языку и которые обеспечивают овладение им, что в конечном счете служит развитию личности школьника». В теории и практике преподавания русского языка выделяются следующие компетенции: **языковая, лингвистическая, коммуникативная, культуроведческая**, последняя предполагает осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, владение нормами русского речевого этикета, культурой межнационального общения. Важнейшим двигателем стремления совершенствовать знание родного языка является постепенно формирующееся сознание, что национальный язык – предмет не только изучения, но и гордости. И тогда на первый план выходит задача освоения школьниками убеждения, что они не только учатся и разговаривают на родном языке, но и сами являются носителями языка – самобытного, колоритного, живого, естественного.

В тематической литературе встретила озвученная специалистом в области преподавания русского языка проблема соединения культуры, языка и личности ученика в процессе обучения русскому языку с целью формирования культуроведческой компетенции школьников, которая по мнению преподавателя «...не разработана в методике русского языка, не определены конкретные средства, формы, методы подачи культурной информации...[Колычева, Эл. ресурс].

Образование и сфера профессиональных интересов привели меня к более глубокому изучению истории и культуры края, его межнациональных связей. Я родилась и выросла в русскоязычной семье, мое школьное образование началось вдалеке от родных мест, мне

привычно с детства жить и общаться в международном окружении, что в дальнейшем определило выбор сферы деятельности. Со студенческих времен занимаюсь образовательными и коммуникативными вопросами людей, которых в современном образовании принято называть носителями нескольких языков и культур – билингвами (полилингвами). Получив тринадцать лет назад образование на факультетах русской филологии и логопедии российских университетов, я имела возможность практической деятельности в дошкольном, школьном и высшем звене российского образования, медицинском учреждении, что позволили в собственной практике использовать весь спектр современных технологий и методик, стать специалистом-координатором в области образования и здравоохранения. В последние пять лет я работаю в таком направлении педагогической деятельности как раннее развитие и обучение детей. Еще не так давно в одном из интервью журналисту городского печатного издания мне пришлось озвучить современные тенденции и проблемы в области методики преподавания русского языка и логопедии: «...Ольга Гончарова – филолог, логопед, владеет двумя иностранными языками. Одна из проблем, с которыми ей приходится иметь дело, – билингвизм (двухязычие), речевые проблемы детей, которые изначально разговаривают на нескольких языках. Для Европы это – норма. Но и в Ейске нас догоняет это новое качество мира.

– Бывает, что мама, владеющая двумя иностранными языками, общается с ребенком с самого рождения на русском, английском и французском, – рассказывает Ольга.

– Ребенок прекрасно говорит по-французски, но у него нет правильного... русского произношения. Моя задача – «вернуть» русский, чтобы при этом не забыть правильного английского и французского произношения. Логопед – это такой языковой координатор.

Недавно она вернулась из Австрии, где участвовала в научно-практической конференции по билингвизму. Впечатлений – множество! И одно из них: владеть иностранными языками – это уже вчерашний день в мире. Нужно «владеть» культурами!.. И в этом разрезе богатый историей Ейск становится так же интересен, как и любой другой город мира...» [Осипова, 2012, Эл. ресурс].

«... Русский язык стал неотъемлемой частью мировой культуры, на нем мыслят и общаются, его преподают и изучают. Русскую культуру постигают повсеместно...» – констатирую я в своем рассказе об одном из международных форумов по билингвизму, прошедшему в Евросоюзе [Гончарова, 2013, Эл. ресурс].

Школа иностранных языков в Ейске образовалась благодаря слаженной работе дружного

и творческого интернационального коллектива, состоящего из преподавателей русского и иностранных языков, специалистов в области раннего развития детей, коррекционного и дополнительного образования эстетического направления, проживающих в городе постоянно и приехавших из других регионов РФ, Украины и Португалии. Давно налаженные социально-экономические, культурные и семейные связи современных жителей края и города определяют потребность в знании английского, немецкого, французского, испанского и русского языков. В городе и крае достаточно большое количество общественных национальных ассоциаций и диаспор, проводятся международные, культурные, экономические и научные форумы, фестивали, конференции, семинары и выставки на различные темы, участники которых награждены дипломами, грамотами, премиями, ценными призами и подарками.

В нашем **образовательном центре** оказывается помощь людям разных возрастных категорий, профессиональных интересов, которых привлекает разнообразие методик и индивидуальный подход в обучении, что позволяет учащимся и студентам, профессионалам реализовать свои языковые и коммуникативные возможности в различных сферах и отраслях, получать и продолжать обучение и образование в федеральных и международных учреждениях. Наши выпускники и сотрудники имеют возможность карьерного роста и трудоустройства без ограничений, что достигается применением эффективных диагностических средств и грамотно подобранными, базирующимися на индивидуальном подходе, методиками обучения с использованием современных образовательных комплектов учебной литературы. Внеурочная деятельность школы осуществляется в проведении федеральных и национальных праздников, утренников, дня открытых дверей, конференций, олимпиад, балов и вечеров, организации лагерных смен, экскурсий на базе клуба «Приазовское Лукоморье». Перечисленные мероприятия проводятся не только в стенах нового, красивого, профессионально оформленного в центре города здания, по воле судьбы удобно расположенного напротив городского сквера А.С. Пушкина, но и с выездом за пределы города, района, края, страны. Нами давно достигнуто сотрудничество с другими образовательными коллективами, что подтверждается проведением совместных мероприятий. На этапе становления школы встречалось немало трудностей и проблем, которые нам успешно помогали решать родители, коллеги. За несколько лет существования школы наработаны авторские методики, собрана собственная библиотека научно-методической и художественной литературы на нескольких языках. О школе в городской, краевой и федеральной прессе написан материал и отзывы, которые представлены и в

электронном варианте, они доступны в интернетной сети, создан официальный сайт школы.

Качество предоставляемых нами образовательных услуг убедительно доказывает увеличение числа количества обучающихся, на сегодняшний день насчитывающее более 300 учеников, постоянно пополняемый преподавательский состав.

Структуру учреждения в новом учебном году составляют:

- школа иностранных языков (английского, немецкого, французского, испанского);
- логопедический кабинет;
- центр раннего развития детей;
- студия изобразительного искусства и прикладного творчества;
- клуб «Приазовское Лукоморье».

Возвращаясь к вопросу о конкретных средствах, формах, методах подачи культурной информации на уроках русского языка, хочется обратиться ко всем многочисленным коллегам-практикам не забывать о такой важной составляющей нашей деятельности, как пропаганда научно-практических знаний. Постоянное сотрудничество с коллегами из разных стран - ФРГ, Чехии, Италии, Черногории, Англии, Франции, Монако, Греции и других - вылилось в совместные мероприятия и форумы, которые были отмечены российскими и зарубежными специалистами, сами события выставлены на образовательных сайтах и учебных порталах, опубликованные в сборниках статьи доступны для обсуждения и простого ознакомления на многих электронных научных ресурсах, события и память о проведенных встречах запечатлены в книжных изданиях последних лет, которые помещены в различные библиотечные фонды, как российские, так и зарубежные. Посещения научно-практических семинаров и курсов повышения квалификации в Афинах, Раттене, Сочи, Праге, Москве и многих других городах для специалистов школ, в которых осуществляется преподавание русского языка и культуры, стали примером совместного мастерства и источником дружеского общения, а для меня лично ступенями к участию в конференции при ООН в Лондоне и для данной публикации.

Список литературы:

Мкртычева Н.С., Тонкошнур П.С. Влияние изучения иностранных языков на развитие ребенка // Молодой ученый. 2012. – № 4. С. 439 – 441.

Муратов А. Ю. Использование проектного метода для формирования межкультурной компетенции [Электронный ресурс]// Интернет- журнал «Эйдос». – 2005. – Режим доступа: eidos.ru/journal/2005/0523.htm.

Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Методика развития речи двуязычных дошкольников.

М., 2010. 254 с.

Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: jourssa.ru/2007/1/6aSadohin.pdf.

Goncharova O. Organization of extracurricular activities in the school of foreign languages as a condition of appearance and development of intercultural competence [Text] / O. Century Goncharova // school of the XXI century: trends and prospects : materials of the II international. nauch.- practical use. proc. (Cheboksary, 18 Dec. 2014) / editorial Board.: O.N. Shirokov [and others].

Goncharova Olga V. Cultural and Competence Approaches in Modern Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language / Olga V. Goncharova // Eastern European Scientific Journal. P. 212-217 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.auris-verlag.de/>

Goncharova O.C. Early learning language as a condition of speech development of the child and overcome speech disorders [Text] / O. Century Goncharova // New word in science: prospects: materials of the II international. nauch.-practical use. proc. (Cheboksary, 30 Dec. 2014) / editorial Board.: O.N. Shirokov [and others]. – Cheboksary: CNS"Interactiveplus", 2014. S. 45-4

Гулевич Е.В.
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
г. Гродно (Беларусь)

Hulevich Alena
Yanka Kupala Grodno State University
Grodno (Republic of Belarus)

ОСОБЕННОСТИ АВТОПЕРЕВОДА РАССКАЗА В. НАБОКОВА «РОЖДЕСТВО»

TRANSLATION PECULIARITIES OF V. NABOKOV'S STORY "CHRISTMAS" PERFORMED BY THE AUTHOR

Творчество В. Набокова несет в себе не только глубокую художественную, но и научную ценность. Писатель создавал и лично переводил свои произведения на русский, английский, французский языки. Теоретические взгляды Набокова на перевод, представленные в его статьях, претерпевали значительные изменения в процессе его творческой деятельности. Несмотря на наличие общих методологических принципов, при переводе разных типов текстов Набоков использовал различные методические установки. Отдельное произведение диктовало разнообразие и гибкость переводческих подходов. Доминанта метода перевода в каждом случае определялась заново в зависимости от жанровой принадлежности, степени образной сложности подлинника, адресной направленности перевода.

Целью данной статьи является выявление особенностей перевода рассказа В. Набокова «Рождество», выполненного самим автором с английского на русский язык. Анализ переводческих техник Набокова, выявленных путем сравнения русского и английского вариантов текста, является важным моментом для определения методологических основ Набокова-переводчика в конце 1920-х гг., а также акцентирования художественных достоинств произведения и понимания его глубинных смыслов.

Новизна данного исследования определяется недостаточной изученностью проблемы автопереводов Набокова. Актуальность статьи предопределена высокой степенью интереса к практике художественного перевода в свете все возрастающих межкультурных контактов между странами. Практическая значимость работы обусловлена фактом того, что переводческие установки Набокова обладают огромной ценностью для обогащения практики художественного перевода, иллюстрируя различные переводческие модели.

Creative work of V. Nabokov conveys both artistic and scientific value. Nabokov was one the writers who created and translated his prose into Russia, English and French languages himself. Nabokov's theoretical views on translation are represented in his articles. Nabokov insisted that every single work of art required specific flexibility while translating. Dominant translation techniques were different in every given case depending on the genre of the text, level of its image system complexity, the addressee of the text.

The aim of the given article is to investigate the translation peculiarities of the story by Nabokov "Christmas" made by the author from English into Russian. The comparative analysis of Nabokov's translation techniques represented in Russian and English texts reveals his translation methodology used in the 1920-s and literary qualities and deep philosophical background of the story.

The novelty of the research is predetermined by the insufficient study of Nabokov's practice of translation of his own works. Actuality of the work is preconditioned by the interest in literary translation practice in the modern period of wide intercultural contacts among different countries. Its practical significance is represented by the fact that Nabokov's translation techniques are of high value in the line of literary translation.

Ключевые слова: В. Набоков, «Рождество», перевод, переводческий метод, переводческие трансформации, буквальный перевод, переводческая точность.

Key words: V. Nabokov, “Christmas”, translation, method of translation, translation transformations, literal translation, translation veracity.

В. Набоков – писатель космополит. Его творчество представляет собой уникальный мультиязыковой художественный мир, который не имеет аналогов в истории мировой литературы. Вклад Набокова в мировую художественную культуру отмечен не только литературным творчеством. Набоков был и талантливым писателем, и одаренным переводчиком. Среди переводимых им авторов – У. Шекспир, Дж. Байрон, Ш. Бодлер, А. Рембо, И. Гете, Р. Роллан, Л. Кэрролл. Широкая переводческая практика Набокова, оставившая заметный след в творческой биографии писателя, определяется «свободным пересечением языковых границ», включает в себя переводы с английского, французского, русского языков и «на все три языка» [Айкина, 2011, с. 135], стихотворные и прозаические переводы, а также автопереводы.

Английский язык был у Набокова одним из трех языков, которые он изучал с детства, наряду с русским и французским. Во время учебы в Кембридже писатель продолжал совершенствовать свой английский. В 1919–1940 гг. он жил в Англии, Германии, Франции, давал частные уроки английского и занимался переводами. В письме критику С.В. Потресову Набоков вспоминает о своем первом опыте перевода: «Десяти лет, помнится, я перевел с английского на французский, в невероятных александрийских стихах, роман Майнрида «Всадник без головы» [Набоков, 1996, с. 90].

В годы жизни в США (1940–1959) Набоков в совершенстве овладел языками принявших его стран, «доведа, в частности, свой английский до стилистического совершенства» [Айкина, 2011, с. 137]. Имея возможность сравнивать, Набоков говорил о том, что английский язык «гораздо беднее русского: разница между ними примерно такая же, как между домом на две семьи и родовой усадьбой, между отчетливо осознаваемым комфортом и безотчетной роскошью» [Набоков, 2000, с. 395]. Писатель отмечал оригинальность и самобытность «ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного» русского языка по сравнению с английским [Nabokov, 1989, с. 385].

Проживая в Америке, Набоков преподавал русскую литературу и переводил русских классиков, вел огромную работу по популяризации творчества русских писателей в западном мире. Он выполнил переводы стихотворений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева, которые были опубликованы в сборнике *Three Poets*, перевел на английский роман М.Ю.

Лермонтова «Герой нашего времени», памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Самым известным из его переводов является роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Английские переводы романа, выполненные до Набокова, писателя не устраивали. Во-первых, они были настолько слишком далеки от оригинала. Во-вторых, англоязычные варианты текста «Онегина» не передавали неповторимый пушкинский стиль. На сегодняшний день набоковский перевод признан самым удачным переводом романа в стихах на английский язык. В ходе работы писатель руководствовался предельной точностью воспроизведения деталей оригинала и передачи русского национального колорита. Кроме того, английский перевод «Онегина» сопровождается четырехтомным комментарием Набокова.

Свои теоретические воззрения Набоков сформулировал в статьях «Искусство перевода» (1941), «Проблемы перевода» (1955), «Тропую рабства» (1955), «Заметки переводчика» (1957), «Заметки переводчика-II» (1957). Взгляды Набокова на перевод претерпевали значительные изменения в процессе его творческой деятельности. Прикладной характер теории художественного перевода диктовал разнообразие и гибкость подходов к отдельным художественным произведениям. При переводе разных типов текстов Набоков использовал различные методологические и методические установки. Доминанта метода перевода в каждом случае определялась заново в зависимости от жанровой принадлежности, степени образной сложности оригинала, адресной направленности перевода. Долг переводчика Набоков видел в том, чтобы «воспроизвести по-английски <...> слова со всей возможной педантичностью, хотя бы даже удручающей, с какой они встречаются в русском тексте (перевод наш – Е.Г.)» [Nabokov, 1971, с. 532]. И хотя уникальный языковой дар переводчика позволял ему «повернуть переводимое произведение любой гранью – идеей, чувством, смыслом, звуком – он осознавал необходимость соединения всех граней завершеного творения» [Айкина, 2011, с. 138].

Известно, что большинство переводов своих произведений В. Набоков выполнил сам. Переводы собственных работ Набокова являются предметом особого интереса. Целью данной статьи является выявление особенностей автоперевода рассказа Набокова «Рождество». Произведение было создано в декабре 1925 г. на английском языке, а в 1929 г. Набоков выполнил его перевод на русский. Автоперевод рассказа «Рождество» представляет значительную ценность, так как сравнение оригинального текста с его переводным вариантом является важным моментом для выявления методологических основ Набокова-переводчика в конце 1920-х гг., а также акцентирования художественных достоинств произведения, его интерпретации и

понимания глубинных смыслов.

Как известно, подлинным является английское название рассказа (“Christmas”). Однако, русский его эквивалент, на наш взгляд, представляется более удачным, так как несет большую смысловую глубину, заложенную в самой семантике слова «рождество». Рождество – это главный праздник верующего мира, это также время ожидания чуда. Однако чудо рождения – момент, определяющий центральную нить рассказа, – находится в подтексте названия именно русского текста.

Рождество в русском и английском вариантах текста соотносимо, во-первых, со временем протекания сюжетного действия: Слепцов приезжает в свою мызу в канун священного праздника. Во-вторых, это ожидание чуда и вера в его осуществление. В рассказе Набокова главный герой после случившихся событий больше не ждет чуда. Слепцов уверен: «<...> земная жизнь – горестная до ужаса, унизительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...» [Набоков, 1990, с. 324]. Однако, тайна Рождества, как показывает Набоков, все-таки есть, и в жизни есть место чуду. Это иллюстрирует финальный фрагмент рассказа. Как только Слепцов выносит себе смертельный вердикт, «... в то же мгновение щелкнуло что-то...» [Набоков, 1990, с. 324]. Кокон, который считали погибшим, неожиданно наполнился жизнью, сквозь его саван прорвалась жизнь прекрасной бабочки. Ожил и Слепцов, который за несколько минут до появления “живого” звука решил свести счеты с жизнью. С этим завершающим эпизодом рассказа связан важнейший смысловой акцент произведения: Рождество – это чудо (пере)рождения. Рождение бабочки из безжизненного кокона – прямая аллюзия к возрождению души сына героя. У славян с бабочкой связываются представления о душе. Бабочки – это души умерших, это также символ бессмертия души, возрождения и воскресения, способности к превращениям, так как бабочка – крылатое небесное существо, которое появляется на свет, преображаясь из наземной гусеницы. В христианстве стадии развития бабочки олицетворяют жизнь, смерть и воскресение, поэтому бабочка иногда изображается в руке младенца Христа, что символизирует возрождение и воскресение души [Символика бабочки, эл. ресурс, 2014]. В рассказе Набокова бабочка, появившаяся из кокона, – это символ возрождения души, принявшей иную физическую оболочку. Именно это почувствовал Слепцов, наблюдая чудо рождения новой жизни из безжизненного кокона. При описании “оживления” кокона используются сравнения, связанные с физическим развитием человека, говорится о том, что «медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепи, наливаясь воздухом, веерные *жилы* (курсив наш – Е.Г.).

Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным *мужающее лицо* (курсив наш – Е.Г.)» [Набоков, 1990, с. 324]. Кроме того, крылья родившейся бабочки «... продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, *положенного им Богом* (курсив наш – Е.Г.)» [Набоков, 1990, с. 324]. Физическое ощущение зарождения новой “очеловеченной” жизни несет и финальный фрагмент, где «простертые крылья, загнутые на концах, темно-бархатные, с четырьмя слюдяными оконцами, *вдохнули* (курсив наш – Е.Г.) в порыве нежного, восхитительного, почти *человеческого счастья* (курсив наш – Е.Г.)» [Набоков, 1990, с. 325]. Таким образом, важнейший смысловой акцент Рождества не только как чуда, но как чуда *перевоплощения* земной жизни в другую, окрыленную, приближенную к богу, свободную от земных страданий, несет финальный “чудесный” аккорд рассказа. В данном контексте неслучаен, на наш взгляд, и тот факт, что появившаяся бабочка была именно «громкая ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея» [Набоков, 1990, с. 325] – в стране древней культуры, колыбели учения о переселении душ.

Фамилия героя является говорящей и в русском, и в английском текстах. В русском варианте Слепцов – человек, не верящий в чудо, тотально разочаровавшийся в жизни. Однако, в финале рассказа чудо случается. Слепцов прозревает. Несмотря на то, что рассказ написан на английском, очевиден факт того, что в сознании Набокова превалировали русские реалии и русский контекст. Фамилия героя также имеет русские истоки. В английском тексте Набоков использует транслитерацию (Sleptsov). Так, фамилия героя несет коннотацию сна. Бабочка, родившаяся из безжизненного кокона, заставляет героя проснуться.

В первом предложении («Вернувшись по вечеряющим снегам из села в свою мызу, Слепцов сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором он не сживал никогда» [Набоков, 1990, с. 319]. / “After walking back from the village to his manor across the dimming snows, Sleptsov sat down in a corner, on a plush-covered chair which he never remembered using before” [Nabokov, 1997, с. 34].) в русском варианте говорится о стуле, на котором герой никогда не сидел, в английском же варианте герой сел на стул, «который, насколько он помнил, он не использовал никогда (Перевод наш – Е.Г.)¹». Таким образом, при переводе используется лексическая трансформация, которая при сохранении общей семантики передаваемого смысла, высвечивает подтекст в русском варианте: стул, на котором никогда не сидел Слепцов, – это и та пограничная жизненная ситуация, с которой Слепцову пришлось столкнуться впервые. Это подтверждает и структура

предложения, где словом «никогда» репрезентирована рема. В английском тексте данные внутренние коннотации смысла отсутствуют.

В описании переживаний Слепцова после похорон («Не брат родной, а случайный неприметный знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подает оброненную шляпу, – когда все кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез» [Набоков, 1990, с. 320]. / “Not your brother but a chance acquaintance, a vague country neighbor to whom you never paid much attention, with whom in normal times you exchange scarcely a word, is the one who comforts you wisely and gently, and hands you your dropped hat after the funeral service is over, and you are reeling from grief, your teeth chattering, your eyes blinded by tears” [Nabokov, 1997, с. 34].) используется морфологическая переводческая трансформация: «случайный неприметный знакомый» переведено как «случайное знакомство», при этом прилагательное «неприметный» переводится описательно: «которому ты никогда не уделял много внимания». Отдельного внимания в данном фрагменте требует перевод эпизода, в котором говорится откуда вернулся герой. Так, английский вариант содержит поясняющие элементы («когда похоронная служба окончена»), которые в русском тексте находятся в подтексте («когда все кончено»). Таким образом, о том, что случилось, западный читатель узнает еще в самом начале рассказа, тогда как в русском тексте об этом повествуется только в конце второй части. Мастерское использование Набоковым на первый взгляд малозначительных деталей и акцентуализация отдельных необходимых элементов текста при скупости вербальных средств ведет к высокой смысловой наполненности передаваемого. Опущение некоторых лексических элементов в русском варианте текста, ведет к усилению роли подтекста, углублению семантической составляющей смысла рассказа, активной читательской позиции; иллюстрирует факт признания Набоковым высокой степени интерпретационной способности со стороны русского реципиента.

В описании домашней обстановки («С мебелью – то же самое» [Набоков, 1990, с. 320]. / “The same can be said of inanimate objects” [Nabokov, 1997, с. 34].) в русском варианте представлено детализированное уточнение, тогда как в английском тексте присутствует общее суждение, соответствующее фразе «то же самое можно сказать и о предметах (неживых объектах)».

В пассаже, где показан дом героя («Флигель соединен был деревянной галереей – теперь

¹ Здесь и далее перевод фрагментов английского текста рассказа В Набокова «Рождество», которые представляют

загроможденной сугробом – с главным домом, где жили летом» [Набоков, 1990, с. 320]. / “The wing was connected by a wooden gallery, now encumbered with our huge north Russian snowdrifts, to the master house, used only in summer” [Nabokov, 1997, с. 34].) английскому читателю Набоков подчеркивает “русскость” картины, которую опускает в русском тексте, добавляя, что галерея была загромождена «нашими огромными северо-русскими сугробами» [Nabokov, 1997, с. 34]. Кроме того, «печи из белой голландской плитки» [Nabokov, 1997, с. 34], представленные в английском тексте, это знакомые русскому читателю «белые изразцовые печки» [Набоков, 1990, с. 320].

Описывая Ивана, рассказчик замечает, что это был «тихий, тучный слуга, недавно сбритый себе усы», который «внес заправленную, керосиновым огнем налитую, лампу...» [Набоков, 1990, с. 320]. / “Ivan, the quiet, portly valet, who had recently shaved off his mustache and now looked like his late father, the family butler, brought in a kerosene lamp...” [Nabokov, 1997, с. 35]. В английском варианте есть пояснение о том, что он сбрил себе усы и «сейчас был похож на своего отца в старости, семейного дворецкого» Слепцовых. Данное пояснение опущено в русском тексте, где представлен лишь факт недавнего сбривания усов. *Читателя вообще* это может наталкивать на мысль о том, что вид слуги занимает расстроенное сознание героя потому, что в тот момент, когда сын был жив, усы Иван еще носил. Понимание потери приходит каждый раз, когда Слепцов смотрит на Ивана. *Русскому* читателю факт сбривания усов говорит и об указе Петра Первого. *Западному* читателю данная коннотация не так очевидна, поэтому Набоков, как приверженец буквального метода перевода не опускает этот описательный элемент, но дополняет его сравнением. При этом привязка к схожести с отцом расставляет иные акценты.

В сцене размышления героя над произошедшим («Тогда Слепцов поднял руку с колена, медленно на нее посмотрел» [Набоков, 1990, с. 320]. / “Sleptsov raised his hand from his knee and slowly examined it” [Nabokov, 1997, с. 35].) в русском варианте глубинный смысл происходящего снова находится в подтексте. Английский же вариант “подсказывает” внутренне наполнение взгляда героя – слово «examine» несет значение «рассмотреть, приглядеться». Таким же образом в русском тексте пассажа, где герой пытается понять и принять происходящее, смотря на свою руку, («Между пальцев к тонкой складке кожи прилипла застывшая капля воска» [Набоков, 1990, с. 320]. / “A drop of candle wax had stuck and hardened in the thin fold of skin between two fingers” [Nabokov, 1997, с. 35].) в английском тексте содержится поясняющий элемент «капля воска *от*

свечи (курсив наш – Е.Г.)»).

В описании зимнего пейзажа («Перед крыльцом чуть вздувались над гладким снегом белые купола клумб, а дальше сиял высокий парк, где каждый черный сучок окаймлен был серебром, и елки поджимали зеленые лапы под пухлым и сверкающим грузом» [Набоков, 1990, с. 320]. / “The creamy white mounds of what were flower beds in summer swelled slightly above the level snow in front of the porch, and further off loomed the radiance of the park, where every black branchlet was rimmed with silver, and the firs seemed to draw in their green paws under their bright plump load” [Nabokov, 1997, с. 35].) в английском варианте «белые купола клумб» переданы как «пушистые белые холмы, которые летом были клумбами». Таким образом, Набоков адаптирует сравнение при переводе к культуре реципиента: купола – чисто русская реалия, и всю силу передаваемого впечатления от сравнения способен понять только русский читатель. При этом западному читателю Набоков подобрал соответствующее и достаточно визуализированное сравнение.

Во фрагменте, где сын увидел отца, («Вот он увидел отца» [Набоков, 1990, с. 321]. / “Now the boy sees his father” [Nabokov, 1997, с. 35].) в английском варианте Набоков использует настоящее время. В русском же варианте действие происходит в прошлом времени, однако использование местоименного наречия «вот» делает происходящее максимально приближенным чувствам, переживаемым героем в настоящем.

В описании счастливого лица мальчика («Неповторимым смехом играет лицо...») [Набоков, 1990, с. 321]. / “Forever lost laughter plays on his face” [Nabokov, 1997, с. 35].) в русском и английском текстах наблюдается разница в значении. Так, слово «неповторимый» в русском языке потеряло первоначальное значение «невозможности возобновления чего-либо» и согласно толковому словарю русского языка обозначает «единственный по своим качествам, исключительный, не имеющий себе равных по каким-либо положительным качествам» [Толковый словарь русского языка, эл. ресурс, 2014]. Сопоставление данного словоупотребления с его английским вариантом, показало, что в англоязычном тексте Набоков использовал исконное значение данного слова: «смех, потерянный навсегда, играет на его лице». Возможно, Набоков использует слово «неповторимый» в данном значении в силу потери практики использования русского языка в живом общении. Возможно также, что, как и в предыдущих вариантах выбора русского эквивалента, многое выражал подтекст, понятный, по мнению писателя, русскому читателю и требующий высвечивания дополнительных смыслов, для английского реципиента.

В английском варианте пассажа о том, что «... и вчера Слепцов перевез тяжелый, словно

всею жизнью наполненный гроб, в деревню, в маленький белокаменный склеп близ сельской церкви» [Набоков, 1990, с. 321]. / “<...> and yesterday Sleptsov had taken the coffin – weighed down, it seemed, with an entire lifetime – to the country, into the family vault near the village church” [Nabokov, 1997, с. 36] отсутствует описательное определение «белокаменный». Очевидно, введение данного элемента предполагало основательное пояснение для западного читателя, которое бы нарушало ритм повествования рассказа. Русский же читатель, по мнению Набокова, способен понять весомость данного повествовательного элемента. Известна роль белого камня, как одного из основных строительных материалов в Древней Руси, имевшего колоссальное историческое значение в XII–XV вв. Белокаменный склеп означал глубокие родовые корни семьи Слепцовых, сохранение глубинной старинной традиции почитания рода.

В описании русского пейзажа («Где-то очень далеко кололи дрова, – каждый удар звонко отпрыгивал в небо, – а над белыми крышами придавленных изб, за легким серебряным туманом деревьев, слепо сиял церковный крест» [Набоков, 1990, с. 321]. / “Somewhere far away peasants were chopping wood – every blow bounced resonantly skyward – and beyond the light silver mist of trees, high above the squat izbas, the sun caught the equanimous radiance of the cross on the church” [Nabokov, 1997, с. 36].) в английский текст Набоков вводит поясняющий элемент о том, что кололи дрова «крестьяне». Также происходит синтаксическая трансформация предложения. Кроме того, для перевода реалии «изба» Набоков использует транслитерацию с адаптацией грамматического выражения множественного числа, свойственного английскому языку. В отличие от других сцен, где Набоков при переводе реалий использует описательный метод, применение транслитерации свидетельствует о том, что данная русская реалия была хорошо известна западному читателю.

В английском варианте другого пассажа о русской зиме («На морозе туго хлопала селезенка вороного мерина, белые веера проплывали над самой шапкой, и спереди серебряной голубизной лоснились колеи» [Набоков, 1990, с. 321]. / “The cod of the black stallion clacked strongly in the frosty air, the white plumes of low branches glided overhead, and the ruts in front gave off a silvery blue sheen” [Nabokov, 1997, с. 36].) Набоков использует поясняющие элементы: над самой шапкой героя проплывают «белые ввєра *низких веток* (курсив наш – Е.Г.)».

В английском тексте сцены в комнате сына Слепцова («Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя все равно за окном была уже ночь» [Набоков, 1990, с. 322]. / “He went

into the room which had been his son's study in summer, set the lamp on the window ledge and, breaking his fingernails as he did so, opened the folding shutters, even though all was darkness outside” [Nabokov, 1997, с. 36-37]). Набоков опускает обозначение цвета ставен.

В сцене, когда герой, присутствуя в комнате сына, находит его вещи («В столе он нашел тетради, расправилки, коробку из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом, стоившим три рубля» [Набоков, 1990, с. 322]. / “In the desk he found a notebook, spreading boards, supplies of black pins and an English biscuit tin that contained a large exotic cocoon which had cost three rubles” [Nabokov, 1997, с. 37].), в английском тексте Слепцов нашел одну тетрадь, а не несколько, при этом в русском варианте перечисления предметов отсутствует «запас черных булавок», представленный английскому читателю.

В эпизоде, где описывается, как сын Слепцова подготавливал бабочки к засушке, («... пробивал мохнатую спинку черной булавкой, втыкал бабочку в пробковую щель меж раздвижных дощечек, распластывал, закреплял полосами бумаги еще свежие, мягкие крылья» [Набоков, 1990, с. 322]. / “He would first pin the carefully killed insect in the cork-bottomed groove of the setting board, between the adjustable strips of wood, and fasten down flat with pinned strips of paper the still fresh, soft wings” [Nabokov, 1997, с. 37].) в английском варианте не упоминается цвет булавки, которой протыкал бабочку ребенок, в русском – нет указания на аккуратность, с которой необходимо ловить бабочку, чтобы не нарушить ее красоту.

В описании коллекции бабочек («Теперь они давно высохли – нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в черных крапинках, с перламутровым исподом» [Набоков, 1990, с. 322-323]. / “They had now dried long ago and been transferred to the cabinet – those spectacular Swallowtails, those dazzling Coppers and Blues, and the various Fritillaries, some mounted in a supine position to display the mother-of-pearl undersides” [Nabokov, 1997, с 37].) в английском тексте есть пояснение о том, что бабочки «высохли и были перенесены в шкаф».

В эпизоде описания того, как сын заучивал имена бабочек («И сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением» [Набоков, 1990, с. 323]. / “His son used to pronounce their Latin names with a moan of triumph or in an arch aside of disdain” [Nabokov, 1997, с. 37].) в английском варианте отсутствует информация о том, что сын произносил названия бабочек «картаво».

Последнее предложение третьей части рассказа (“And the moths, the moths, the first Aspen

Hawk of five summers ago!») Набоков опустил в русском варианте.

В описании ночи («Ночь была сизая, лунная; тонкие тучи, как совиные перья, рассыпались по небу, но не касались легкой ледяной луны» [Набоков, 1990, с. 323]. / “The night was smoke-blue and moonlit; thin clouds were scattered about the sky but did not touch the delicate, icy moon” [Nabokov, 1997, с. 37].) в английском варианте Набоков опускает сравнение «как совиные перья».

В обрисовке деревьев («Деревья – груды серого инея – отбрасывали черную тень на сугробы, загоравшиеся там и сям металлической искрой» [Набоков, 1990, с. 323]. / “The trees, masses of gray frost, cast dark shadows on the drifts, which scintillated here and there with metallic sparks” [Nabokov, 1997, с. 37].) в английском тексте деревья отбрасывали «темные тени на сугробы, загоравшиеся там и сям *металлическими искрами*».

В эпизоде, когда Слепцов вернулся из комнаты сына и «увидя на столе елку, <...> спросил рассеянно, думая о своем:

– Зачем это?» [Набоков, 1990, с. 323]. / “Seeing the Christmas tree on the table, he asked absently: “What's that?” английский вариант предложения оканчивается на фразе «рассеянно спросил».

В сцене, когда «Иван мягко настаивал:

– Зеленая. Пускай постоит... » [Набоков, 1990, с. 323]. / “Ivan gently insisted: “It's nice and green. Let it stand for a while” [Nabokov, 1997, с. 38] в английском тексте Набоков добавляет, что елка «красивая, зеленая...»

Просматривая заметы сына, отец нашел упоминание о том, что сын «...читал скучнейшую «Фрегат Палладу» [Набоков, 1990, с. 323]. / “ <...> read Goncharov's *Frigate*, a deadly bore” [Nabokov, 1997, с. 38]. Для западного читателя Набоков поясняет, что сын читал произведение И.А. Гончарова.

В финальной сцене, когда из кокона появилась бабочка («...и на стене уже была – вместо комочка, вместо черной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея» [Набоков, 1990, с. 325]. / “ <...> and there, on the wall, instead of a little lump of life, instead of a dark mouse, was a great *Attacus* moth like those that fly, birdlike, around lamps in the Indian dusk” [Nabokov, 1997, с. 39].) в английском тексте присутствует пояснение: «вместо *маленького* комочка *жизни* (курсив наш – Е.Г.)», а индийский шелкопряд дается латинским термином. В русском тексте Набоков дает общепринятое название бабочки и, вероятно, преодолевая тавтологию, бабочка летает над Бомбеем, тогда как в английском

предложении, слово «индийский» фигурирует в предложении единожды, что позволило Набокову говорить о том, что «бабочка летает, как птица, в сумраке вокруг фонарей Индии».

Таким образом, сравнительный анализ автоперевода рассказа Набокова “Рождество”, выполненный с английского на русский язык, позволяет говорить о высоком мастерстве Набокова-переводчика, о его соответствии высоким требованиям, предъявляемым к переводу и переводчику, бережном отношении к художественной мелочи рассказа при переводе. Набоков использует принцип семантической эквивалентности за счет максимально точного воспроизведения ассоциативных и синтаксических особенностей подлинника, предполагает верность подразумеваемому смыслу. Набокову важна семантически точная интерпретация, которая может достигаться необходимыми немногочисленными лексическими, морфологическими и синтаксическими трансформациями. Набоков-переводчик успешно решает проблему относительной эквивалентности художественных текстов оригинала и перевода.

При переводе Набоков также придерживался принципа сохранения национального и поэтического своеобразия произведения, отстаивал сочетание точности и необходимого эстетического впечатления от перевода. Перевод рассказа «Рождество» контекстуально верен оригиналу, при условии передачи мельчайших нюансов и интонации. Это достигалось установкой на формальную эквивалентность, призванную выявить своеобразие «чужого» языка и мышления инонациональной культуры. Характерна тенденция к максимальному ограничению свободы переводчика как посредника между автором и читателем.

Очевидна высокая степень адаптации повествуемого материала национальным особенностям культуры реципиента. Набоков пытался приблизить читателя к переводу, вводя необходимые описательные и поясняющие элементы. Несмотря на то, что рассказ был создан на английском языке, а принимающей является русская культура, пояснения и дополнения присутствуют именно в английском тексте произведения, в силу того, что сюжетное действие протекает в рамках русского географического пространства, главным героем является русский человек. Очевидно стремление Набокова к вовлечению западного читателя в национальный колорит русской жизни XVIII века.

Список литературы

Айкина Т.Ю. К вопросу о переводческом буквализме В.В. Набокова / Т. Ю. Айкина // Молодой ученый, 2011. – Т.1, №7. С. 135-139.

Набоков В.В. Интервью А. Аппелю // В.В. Набоков Собр. соч. американского периода: в 5 т. –

СПб., 2000. – Т.3. С. 395.

Набоков В.В. Письмо к С. В. Потресову / В.В. Набоков // Звезда. –1996. –№ 11. С. 90.

Набоков В.В. Рождество // В.В. Набоков Собр. соч. : в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т.1. С. 319-325.

Символика бабочки [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.newacropol.ru/alexandria/symbols/butterfly/>.

Толковый Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/expdic/18205/>.

Nabokov V. Christmas [Электронный ресурс] / V. Nabokov. – 2014. – Режим доступа: <https://www2.bc.edu/john-g-boylan/files/christmas.pdf>

Nabokov V. Poems and Problems / V. Nabokov. New York, Toronto: McGraw-Hill, 1971. p. 532.

Nabokov V. Selected Letters, 1940 – 1977. / V. Nabokov; ed. by Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. New YorkHarcourt Brace Jovanovich, 1989. 582 p.

Екшембеева Л.В.

Мусатаева М.Ш.

Казахский национальный
университет имени аль-Фараби
г. Алма-Ата (Казахстан)

Yekshembeyeva Ludmila

Mussatayeva Manatkul

Kazakh National University by al-Farabi
Almaty (Kazakhstan)

ДИСКУРС КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

DISCOURSE AS A TOOL OF SOCIAL PRACTICES

С 80-х годов XX столетия дискурс становится наиболее активно разрабатываемой отраслью современного языкознания. За это время появилось множество теорий дискурса и его типологий. Как известно, проблеме дискурса и дискурс-анализа посвящены труды Т. ван Дейка, П. Серию, Ф. Эльгорски, Э. Бенвениста, М. Фуко, З. Харриса, И. Беллerta, Дж. Брауна, Дж. Юла, К. Л. Пайка и др. Приведенный далеко не полный перечень зарубежных ученых свидетельствует о большом исследовательском интересе к феномену дискурса. Соответственно эти разработки нуждались в систематизации и классификации, что явилось объектом анализа в трудах ведущих дискурсологов. С точки зрения методологических подходов наибольший интерес представляют классификации теорий Тойни А. ван Дейка (Teun A. Van Dijk), Якоба Торфинга (Jacob Torfing), Марианне В. Йоргенсен и Луизы Филлипс (Marianne Jorgensen and Louise Phillips). Работы этих ученых позволяют понять теоретические предпосылки формирования, динамику развития дискурса как самостоятельной отрасли современной лингвистики и пути решения ряда дискуссионных проблем дискурс-анализа. В данной статье дискурс рассматривается как инструмент социальных практик и, поскольку данная проблема связана с понятием «социальная реальность», в статье дается обзор теорий об этом феномене. В ней обозначены инструментальные функции дискурса как средства воздействия в сферах инновационной и общественно-гуманитарной деятельности.

From the 80th years of the XX century discourse becomes the most actively developed branch of modern linguistics. During this time there was a set of theories of discourse and its typologies. As it is known, the problem of discourse and discourse-analysis were observed in the works of T. van Dijk, P. Serio, F. Elgorski, E. Benveniste, M. Foucault, Z. Harris, I. Bellert, J. Brown, J. Yule, K. L. Pike and others. The provided far incomplete list of foreign scientists demonstrates the great research interest to a discourse phenomenon. Respectively these developments are needed in systematization and classification, which was the object of the analysis in the works of leading linguists. From the methodological approaches the greatest interest is represented by classifications of theories of Teun A. Van Dijk, Jacob Torfing, Marianne Jorgensen and Louise Phillips. The works of these scientists allow to understand the theoretical background of formation, dynamics of discourse's development as an independent branch of modern linguistics and solutions to a number of debatable issues of discourse-analysis. In this article the discourse is considered as the tool of social practices and, as this problem is related to the concept "social reality", the article provides an overview of theories about this phenomenon. It marked the instrumental function of discourse as a mean of influence in the areas of innovation, social and humanitarian activities.

Ключевые слова: дискурсивные формации, инструмент социальных практик, речевое воздействие, когнитивная и коммуникативная природа дискурса.

Key words: discursive formations, a tool of social practices, speech influence, cognitive and communicative nature of discourse.

Т. ван Дейк выделяет четыре основных этапа в формировании и развитии новой кросс-дисциплины – дискурсивного анализа: *1 этап* (1920-1930гг.) – ранний структуралистский (методы структурализма), объект исследования – литературные произведения и мифы; *2 этап* (конец 1960 г. – до середины 1970 г.) – структурно-семиотический (сочетание методов структурализма и семиотики), объект исследования – разнообразные виды коммуникации; *3 этап* (с середины 1970 г. до середины 1980г.) – формирование дискурс-анализа как самостоятельной отрасли науки; *4 этап* (с 1985 г. по настоящее время) – формирование внутриотраслевой специализации. [Dijk, 1985]

Главным критерием классификации Я.Торфинга является степень широты трактовки дискурса от узко-лингвистического подхода до широкого понимания дискурса как способа конструирования мира. В соответствии с существующими определениями дискурса ученый выделяет три этапа в понимании данного феномена: 1) анализ языковых особенностей индивидуальных акторов или языковых личностей с учетом их социального положения с узко-лингвистических позиций; 2) расширение исследовательского поля дискурсологов от разговорного и письменного языка до изучения социальных практик; 3) расширенное понимание дискурса вплоть до всеобъемлющей социальной категории, практики социального конструирования, когда внимание сосредотачивается на современных социальных и политических практиках. Сам Я.Торфинг разделяет точку зрения представителей третьего этапа в понимании дискурс-анализа, основанной на постструктуралистской парадигме. По Я.Торфингу, преимущества теории данной парадигмы заключается в следующем: 1) признание игрового характера детерминации социальных значений и идентичностей; правда – не свойство внешнего мира, а свойство языка, т.е. правда является продуктом дискурсивного конструирования; 2) постижение смысла понятий предполагает также исследование контекстов и способов интерпретаций; 3) формационный порядок дискурса не является стабильным, он подвержен реструктуризации под влиянием политических и исторических процессов.

[Torfing, 2005]

Классификация М. Йоргенсен и Л. Филлипс строится на основе сравнительного анализа трех методологически важных дискурсивных подходов: Лакло и Муффа; критического дискурс-анализа дискурсивной психологии.

Как отмечают авторы, «В основе всех подходов, общее представление о том, что наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения, но, напротив, играет активную роль в его создании и изменении...Каждый подход имеет свои собственные философские и теоретические предпосылки, включающие особое понимание

дискурса, социальной практики и критики. Эти предпосылки влияют на цели, методы и акценты в эмпирических исследованиях» [Jorgensen, Phillips, 2004, с. 54]

Авторы выявляют следующие разногласия в анализируемых ими трех подходах: 1) формируют ли дискурсы социальный мир полностью или только частично? 2) что является основным предметом исследования дискурсного анализа: в одних теориях анализируется дискурс людей в повседневных социальных взаимоотношениях, в других – предпочтение отдается анализу публичных, идеологических и академических дискурсов. [Jorgensen, Phillips, 2004]

Как известно, возможность рассмотрения дискурса как инструмента познания, репрезентирующего особый подход к анализу научных феноменов и явлений, заложена еще М. Фуко: дискурс – это не сознание, отраженное в языке, не сам язык и не субъект им пользующийся, а практика, существенно расширяющая возможности языка и познания, со своими законами и правилами формирования. Согласно М.Фуко, дискурсивный характер носят все социальные практики, имеющие определенные правила формирования.

В дискурсе язык выступает как инструмент социального взаимодействия в форме дискурса. Один из основоположников дискурсивного анализа П. Серио определяет предметом его исследования тексты, «произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [Серио, 2001, с.549-551].

Проблема взаимодействия социальных практик прежде всего связана с проблемой социальной реальности, активно изучаемой в социологии, начиная с середины XIX века с работ О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, в которых сущность общества объясняется из первичной структуры или отношения, а все остальные процессы считаются зависимыми и детерминированными. Рубеж XIX- XX столетий характеризуется переносом оснований социальной реальности постепенно в сферу субъективного, когда общество понимается, прежде всего, как мыслимая реальность (Г. Зиммель, М. Вебер), а анализ социального производится как рефлексия над этой «мыслимостью». С тех пор учеными предложено множество моделей обществ (Ф. Гиддингс, Л. Гумплович, В. Парето, Р. Парк), среди которых особый интерес представляет концепция Дж. Г. Мида, в особенности разработанные им коммуникативный и символический аспекты социального.

Эти идеи нашли логическое продолжение в работах последующих ученых. Перечислим некоторые из них: социум как сосуществование множества социокультурных систем, пребывающих в состоянии сложного движения, – по горизонтали, по вертикали и в виде колебаний (П. Сорокин); институциональный аспект социального с акцентом на процессы интеграции и дезинтеграции социальных систем (Т. Парсонса);

феноменологический метод, ориентированный на «снятие» противостояния объективно данной реальности и познающего ее субъекта; смысловая и интерпретативная природа социальной реальности, актуализирующая проблематику интересубъективности как способности людей вырабатывать в процессе повседневных взаимодействий типические и взаимосогласованные представления об объектах социального мира, в котором важна роль понимания языка как способа объективации социального опыта (А. Шютц, Б. Вальденфельс, Д. Сильвермен, Д. Уолш, М. Филипсон); конструирующая деятельность сознания, когда социальная реальность конструируется самими субъектами как в процессе их повседневной деятельности, так и в теоретических ее определениях (П. Бергер и Т. Лукман); метатеоретические постулаты, согласно которым, анализ общества на макро- и микроуровне теряет свою специфичность (Дж. Александер, Дж. Ритцер, С. Босуорт, Дж. Крепс); синтез структуры и действия в рамках идеи социальной практики (Э. Гидденс, П. Бурдьё); попытка ликвидировать разрыв между объективистской и субъективистской установками в осмыслении социального мира, делая серьезный шаг к коммуникативному пониманию рациональности (Ю. Хабермас); постмодернистский принцип децентрации, представляющая реальность как становящуюся, нелинейную, незавершенную, неопределенную, дезорганизованную. Именно эти состояния начинают изучаться в социальной теории как сущностные и неотъемлемые характеристики социального мира.

В последние десятилетия социальная теория представлена в трудах Ю.Н. Давыдова, И.Ф. Девятко, Л.Г. Ионина, В.А. Ядова. Кроме того, методология социального знания пополнилась следующими концепциями и теориями: полисубъектной социальности (В.Е. Кемеров), социальной относительности (Т.Х. Керимова), идеи языковой репрезентации социальной реальности (С.Е. Вершинин), временная и пространственная структура социума (Ю.Л. Качанов, А.Ф. Филиппов, Н.А. Шматко, С.А. Азаренко), по эпистемологии (П.П. Гайденок, В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, В.С. Стёпин).

Таким образом, существующие различные социологические теории можно подразделить на метатеоретические и интегративные.

В первом случае социальная реальность рассматривается как жизненный мир и как система, а взаимоотношение между ними как диалектический процесс. При таком соединении разнородных методологических установок неизбежны противоречивость и непоследовательность теоретического анализа.

При втором, интегративном, на первый план выдвигаются идеи процессуальности и динамичности социальных структур, которые осуществляются при помощи традиционных концептуальных оппозиций, лишь усложняя теоретические схемы и заменяя традиционный категориальный аппарат.

Постмодернизм, в отличие от первых двух теорий, трактует социальную реальность как дискурс (текст), что позволяет представить реальность как становящуюся, нелинейную, незавершенную, неопределенную.

Приведенный далеко не полный перечень современных теорий социальной реальности свидетельствует о сложности и многоаспектности данной проблемы. Все же следует отметить отсутствие теоретических разработок, содержащих анализ объяснительных возможностей и эвристического потенциала современных теорий в изучении социальной реальности и позволяющих обосновать их типологическое единство. Решение этой проблемы, вероятно, заключается в выходе за границы социально-теоретического поля и анализа категориальных схем, сложившихся в иной предметной области – в исследованиях дискурса.

Современный дискурс выступает как инструмент социальных практик, которые представлены в большом разнообразии, что обусловлено спецификой социокультурного контекста и исторической ситуации, институциональным статусом, ментальностью и идеологией социальных субъектов, носителей данного качества, этническим, религиозным и другими факторами. Каждый из социальных практик имеет ряд разновидностей.

Как на типологические цели анализа дискурса Ж. Гийому и Д. Мальдидье [Гийому, Мальдидье, 1999, с.124-126] указывают на описание признаков и типов функционирования дискурса и их связей с конкретными субъектами, с особенностями ситуаций и общественных институтов. Специфика проблемы смысла, по их мнению, заключается во взаимосвязи дискурса и идеологии: смысл формируется в исторически обусловленных дискурсных формациях. Поэтому анализ дискурса должен быть направлен на обнаружение нового смысла, новых черт события, его эпизодов, т.е. на установление материальности смысла. Смысл материализуется через соотношение аргументов, рассказов, описаний, поэтому может быть истолкован, интерпретирован.

Признаком языковой материальности, по мнению Э. Пульчинелли Орланди, является историческая детерминированность: в дискурсе находит материальное выражение контакт между идеологической и языковой сферами. Поэтому сам анализ дискурса рассматривается ею как некий механизм, который устанавливает связь между языковой и социальной сферами, как инструмент объяснения функционирования дискурса в его исторической детерминированности идеологией. Смысл же дискурса, по её мнению, материализуется в системе взаимосвязанных дискурсных формаций, каждая из которых определяет то, что может и должно быть сказано в зависимости от позиции субъекта в определенных обстоятельствах. [Пульчинелли Орланди, 1999, с.199-200]

Доминирование идеологической составляющей дискурса позволило Т.А. ван Дейку

выделить как разновидность идеологический дискурс. Основным его признаком он определяет отнесенность к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре. [Dijk, 1998]

Анализ дискурса направлен на характеристику того, как коммуниканты интерпретируют речь и действия, т.е на выяснение смыслов дискурса в контексте мотивов, целей, установок, условий и средств взаимодействия людей. Это обеспечивается детализацией коммуникативных функций смысловых блоков, дискурсных формаций. «Интерпретация опирается на общие и специальные знания, используемые по ходу этого процесса. Связана эта интерпретация и с логическим выводом. Важным является установление иллюкционности силы, с опорой на общие прагматические принципы, на понимание контекстообусловленных ожиданий в описываемой деятельности» [Демьянков, 1995, с.239-320].

Разновидностью идеологического дискурса можно считать дискурс, выполняющий функцию дискредитации, т.е. дискредитационный дискурс. При этом всегда явным оказывается объект дискредитации, но скрытым за именем автора статьи истинный заказчик действия. Тем не менее, как инструмент дискредитации дискурс этого типа оказывает определенное влияние на общественное мнение.

Инструментальная функция дискредитационного дискурса в современном казахстанском социуме ярко проявляется в процессах политической, социальной или профессиональной идентификации отдельной личности.

Идентификация отдельной личности в обществе осуществляется, как правило, не в одном дискурсе, а в процессе создания многокомпонентного дискурса, подсистемами которого является серия публикаций о личности. Как правило, для этого требуется определенный отрезок времени. Отдельный дискурс детерминируется отнесенностью к конкретному периоду жизни или карьеры и выполняет инструментальную функцию в создании образа общественного/профессионального деятеля на конкретном этапе его становления. А это означает, что каждый дискурс становится средством материализации определенной идеи относительно данной личности через систему смыслов, важнейшими из которых являются прагматический фокус дискурса и качественные характеристики героя в их проекции на ценностные стереотипы общества в рамках той или иной идеологии. Это и позволяет дискурсу выполнять роль инструмента воздействия на реципиента.

Как элемент сложной системы каждый дискурс, созданный автором в рамках определенной идеологии, во взаимодействии с другими дискурсами, созданными другими авторами, позволяет проследить динамику развития самого объекта и отношения к нему в обществе. Это осуществляется через материализацию смысла новых эпизодов его

деятельности, интерпретация которых формирует прагматический фокус конкретного дискурса. В рамках же многокомпонентного дискурса каждый отдельный дискурс, содержание которого детерминировано идеологией, выполняет функцию дискурсной формации.

Историческая детерминированность идеологией характеризует многие современные материалы СМИ и Интернет-изданий Казахстана. Ведущей идеологией является идеология, направленная на изменение общественных отношений в рамках устоявшейся общественной политической практики с целью её поддержания. При этом дискурс как инструмент материализует идеологические смыслы, которые проявляются в принятии или непринятии новых субъектов политики.

Список литературы:

Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Издательская группа Прогресс, 1999. С. 124 – 133.

Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Перевод с англ. – Харьков: Издательство Гуманитарный Центр, 2004.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С.239-320. Режим доступа: <http://www.infolex.ru/DOMINAT.html>

Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса /Э. Орланди Пульчинелли // Квадратура смысла Французская школа анализа дискурса. М.: Издательская группа Прогресс 1999. – С. 196- 213

Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология. М., 2001. С. 549-551.

Dijk T.A.van. Ideology: A Multidisciplinary Approach /T.A. van Dijk. London: Sage, 1998 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm/>

Dijk T.A.van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline /T.A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. Disciplines of Discourse. Academic Press. 1985.

Torfining J. Discourse Theory: Archivments, Arguments, and Challengers / Jacob Torfining // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance. Palgrave Macmillan. 2005.

Зайцев В.Н.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zaytsev Vladislav
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ИНОЯЗЫЧНЫХ СТИХОВ,
ПОЛОЖЕННЫХ НА МУЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ВЕРСИИ ТЕКСТА ПЕСНИ
ЖОРЖА БРАССЕНСА “COMME UNE SOEUR”)*

*ON SOME FEATURES OF TRANSLATION OF FOREIGN LYRICS INTO RUSSIAN: REVIEW OF
A RUSSIAN VERSION OF GEORGES BRASSENS’ “COMME UNE SOEUR” SONG*

Статья содержит краткий обзор некоторых особенностей, присущих переводу на русский иноязычных стихов, положенных на музыку, то есть, текстов вокальных произведений (песен, ораторий, оперных партий и т.д.). Специфика этого рода поэтического творчества прослеживается на примере сочинённой автором статьи русской версии текста песни французского поэта Жоржа Брассенса “Comme une soeur”. Одна из задач, решаемых при таком переводе, — точное воспроизведение ритмического рисунка оригинала, соответствующего его музыкальной мелодии. Если это условие не соблюдается, перевод не может быть исполнен как вокальная пьеса, даже в случае соответствия его стихотворного размера размеру оригинала.

Что касается пределов поэтических вольностей, допустимых при таком переводе, то, как отмечено в статье, они не всегда определяются переводчиком, поскольку бывает так, что текст его версии приобретает собственные логику и динамику, которые могут приводить к ощутимому расхождению с поэтикой оригинала.

The article contains a short review of some features inherent in the translation of foreign lyrics (i.e. verse of vocal music works) into translator’s native language. As a sample of such poetry work the author analyses his own Russian version of Georges Brassens’ “Comme une soeur” song’s lyrics.

While touching the issue of prosody, the author maintains particularly that an exact rendering of the original lyrics’ musical rhythm is a *conditio sine qua non* of any viable translation of this kind. Otherwise it could not be properly performed as a vocal piece even though its metrics is adequate to the original.

On the other hand, as for admissible limits of the translator’s *licentia poetica*, the author supposes that sometimes version texts tend to gain their own logic and dynamics which could deviate from the original’s poetics.

Ключевые слова: стихи, перевод, оригинал, версия, мелодия, размер, поэтика.

Key words: verse, lyrics, translation, original, version, music, metrics, poetics.

Перевод иноязычного стихотворного текста, если ставится задача дать читателю представление не только о содержании, но и о художественных особенностях оригинала, требует соблюдения ряда специфических условий. Желательно, например, насколько это возможно, воспроизвести средствами родного языка образный строй, эмоциональную

тональность, строфику и стихотворный размер оригинала. К этим требованиям, выполнение которых составляет необыкновенно сложную задачу, добавляется ещё одно, когда речь идёт о переводе стихов, положенных на музыку (или написанных на готовую мелодию, или, наконец, сочинённых одновременно с музыкой, как это бывает в творчестве бардов) и известных прежде всего как вокальные произведения (песня, оратория, кантата, оперная партия и т.п.). В этом случае возникает некое *conditio sine qua non*: необходимо в точности передать ритмику оригинала (отсюда термин эквиритмический перевод), чтобы в иноязычной версии стихи можно было спеть на ту же мелодию. Как пример работы над переводом такого рода предлагается краткий обзор некоторых из тех решений и приёмов, что были избраны автором настоящего сообщения при переводе на русский песни французского поэта Жоржа Брассенса (1921-1981) “Comme une soeur”.

Проблемы начались, как это нередко бывает, уже с самого названия произведения. В оригинале оно состоит из первых слов первой строки песни: “Словно сестра”. Сохранить такое название можно лишь в том случае, если это словосочетание присутствует в тексте перевода. Но от него пришлось отказаться, поскольку был избран иной способ выразить по-русски первое впечатление лирического героя песни от предмета его восторгов. Приводим оригинал первой строфы. У Брассенса каждый куплет песни обыкновенно содержит отдельный эпизод сюжета или выражает определённую мысль,

Comme une soeur, tete coupé', tete coupée,
Ell' ressemblait à sa poupée, à sa poupée.
Dans la rivière elle est venue
Tremper un peu son pied menu, son pied menu.¹

Первый выбор, который предстояло сделать, – определить стихотворный размер перевода. Поскольку русская силлабо-тоническая просодия отличается от силлабической французской, русские переводчики, точно соблюдая, как правило, количество слогов в строках оригинала, чередование ударных и безударных слогов обычно выбирают произвольно на свой слух и вкус. В поющих же стихах это чередование, то есть, размер и характер стоп диктуется мелодией. В данном случае мелодия подсказывает ямб: в первом, втором и четвёртом стихах каждой строфы шестистопный, в третьем – четырёхстопный.

Определив стихотворный размер будущего перевода, переходим к содержанию стихов. Вот дословный перевод первого куплета:

Словно сестра, точь-в-точь, точь-в-точь,

¹ Оригинальный текст песни цитируется по изданию: Georges Brassens. Oeuvres complètes. Paris. 2007. Текст перевода цитируется по изданию: Жорж Брассенс. Поэт. Композитор. Артист. Москва. 2008. Дословный перевод публикуется впервые.

Она была похожа на свою куклу, свою куклу.
Она вошла в реку
Слегка смочить свои миниатюрные ножки,
свои миниатюрные ножки.

Здесь появляется первое сомнение: стоит ли сохранять в переводе уподобление девушки её же кукле, даже при том, что это косвенно указывает на её совсем юный возраст. В современном русском языке такое сравнение довольно широко распространено (например, кукольные черты лица), но в нём нередко присутствует второй смысл: лицо красивое, но красота его неживая, застылая. А само существительное кукла нередко употребляется как метафора в значении пустая или даже глупая красотка. В последнее время, правда, таких в просторечии чаще называют почему-то блондинками. Как мы увидим дальше, ни малейшего намёка на такой второй смысл этого уподобления в песне нет. Просто, герой с первого взгляда был увлечён миниатюрным сложением и красотой девушки. Эту увлечённость, подчёркнутую эхообразными повторами в конце первого, второго и четвёртого стихов, надлежало каким-то образом передать по-русски. Было решено, имитируя упомянутые повторы (присутствующие и во всех последующих куплетах), добавить к ним привычные для русского уха средства выразительности вплоть до фольклорного белы ножки.

Она была так хороша, так хороша,
Что я глядел едва дыша, едва дыша,
Как белы ножки по реке
Шли от меня невдалеке, невдалеке.

Как это обычно бывает у Брассенса в подобных сюжетах, пассивным созерцанием прекрасного дело не ограничивается:

Par une ruse à ma façon, à ma façon
J'ai fait semblant d'être un poisson, d'être un poisson,
Je me déguise en cachalot
Et je me couche au fond de l'eau, au fond de l'eau.

В дословном переводе:

Схитрив на свой фасон, на свой фасон,
Я прикинулся рыбой, прикинулся рыбой,
Маскируюсь под кашалота
И залёгаю в пучину вод, в пучину вод.

Грех было бы не повторить в переводе выражение, аналог которого существует в русском языке, будучи, несомненно, калькой с французского: на свой фасон. Что касается

хищного кита кашалота, то вряд ли кто-нибудь упрекнёт поэта в том, что он ошибочно причислил его к рыбам. Да и у нас говорят “чудо-юдо рыба кит”. И всё же было решено в переводе заменить его настоящей рыбой, сомом, что содержит скрытый намёк на одну черту внешности самого автора песни, свойственную и этой рыбе, – усы:

И я схитрил на свой фасон, на свой фасон,
Я притворился, что я сом, усатый сом,
Что мне иного не дано,
Как сей же миг уйти на дно, уйти на дно.

Игра в кашалота-сома погружением в пучины вод не закончилась:

J'ai le bonheur grace à ce biais, grace à ce biais,
De lui croquer un bout de pied, un bout de pied.
Jamais requin n'a, j'en répons,
Jamais rien goûté de si bon, rien de si bon.

Мне посчастливилось благодаря этой уловке,
этой уловке?
Покусать её ступню, её ступню.
Никогда кит, нет, я за это ручаюсь,
Никогда не пробовал ничего настолько вкусного,
настолько вкусного.

В итоге куплет зазвучал по-русски так:

Продлав это ловкий трюк, опасный трюк,
Её ступню поймал я вдруг, поймал я вдруг:
Клянусь, подобная еда
Сомам не снилась никогда - нет, никогда.

После этого дело приняло более серьёзный оборот:

Ell' m'a puni de ce culot, de ce culot,
En me tenant le bec dans l'eau, le bec dans l'eau.
Et j'ai du pour l'apitoyer
Faire mine de me noyer, de me noyer.

Она наказала меня за наглость, за наглость,
Подержав меня носом в воде, носом в воде,
И мне пришлось, чтобы её разжалобить,

Сделать вид, что я тону, что я тону.

Чтоб мне за дерзость отомстить, чтоб отомстить,

Она давай меня топить, в реке топить.

В песок на дне уткнувши лоб,

Я сделал вид, что я утоп, что я утоп.

Как будто бы всё, что сказано в этом куплете автором, перешло в русскую версию. Но французское выражение «держать кого-нибудь носом в воде» имеет ещё и переносный смысл: «отвлекать его разговорами, тешить обещаниями, держать в напряжении, не давая прямого ответа». Эта идиома относится к числу тех, что заведомо непереводимы на другие языки, если в них нет близких им аналогов.

Как и следовало ожидать, юная красавица сменила гнев на милость:

Convaincu' de m'avoir occis, m'avoir occis,

La voilà qui se radoucit, se radoucit

Et qui m'embrasse et qui me mord

Pour me ressusciter des morts, citer de morts.

Поверив, что она меня прикочила,

Она уже смягчается, смягчается

И целует меня, кусает,

Чтобы воскресить из мёртвых, из мёртвых.

Тогда, решив, что мне - капут, совсем капут,

Что близок к финишу мой путь, мой грешный путь,

Она давай меня спасать,

Усы и губы мне кусать, кусать кусать.

Герой по достоинству оценил такой дар судьбы.

Si c'est le sort qu'il faut subir, qu'il faut subir

A l'heure du dernier soupir, dernier soupir,

Si, des noyés, tel est le lot,

Je retourne me fiche à l'eau, me fiche à l'eau!

Если надо принять эту участь, эту участь

При своём последнем вздохе, последнем вздохе,

Если таков удел утопленников,

То я готов снова кинуться в воду, кинуться в воду.

И я скажу без громких фраз на этот раз:

Чтоб встретить так свой смертный час, последний час,

Я ради таких минут

Готов опять в реке тонуть, в реке тонуть.

Преисполненный чувств герой решается на отчаянный шаг:

Chez ses parents, le lendemain, le lendemain

J'ai coru demander sa main, d'mander sa main,

Mais comme je n'avais rien dans

La mienne, on m'a crié: "Va-t-en!", crie: "Va-t-en!"

К её родителям назавтра, назавтра

Я побежал просить её руки, её руки,

Но поскольку у меня ничего не было

За душой, мне крикнули: "Проваливай!",

крикнули: "Проваливай!"

Потом, рассудку вопреки, я вдоль реки

Пошёл просить её руки, её руки...

Узнав, каков достаток мой,

Сказали мне: "Ступай домой, ступай домой!"

Казалось бы, этим и должно было закончиться небольшое романтическое приключение. Но не тут -то было.

On l'a livrée aux appétits, aux appétits

D'une espèce de mercanti, de mercanti,

Un vrai maroufle, un gros sac d'or

Plus vieux qu'Hérode et que Nestor, et que Nestor.

Её отдали на потребу, на потребу

Одному торгашу, торгашу,

Сущему прохвосту, толстому золотому мешку,

Который старше Ирода и Нестора, и Нестора.

Она досталась торгашу, ох, торгашу,

Но отступаться не спешу - нет, не спешу:
Ведь это хрыч с тугой мошной -
Он старше, чем библейский Ной, библейский Ной.

Упомянутые в оригинале легендарные старцы царь Ирод и Нестор заменены в переводе на библейского патриарха Ноя, прожившего, согласно преданию, 950 лет. С преклонным возрастом удачливого соперника и связаны все надежды героя:

Et depuis leurs noces j'attends, noces j'attends,
Le coeur sur des charbons ardents, charbons ardents,
Que la Faucheuse vienne cou-
Per l'herbe aux pieds de ce grigou, de ce grigou.

И после их свадьбы я жду, я жду
С душой как на горячих углях, горячих углях,
Чтобы пришла Косариха -
Скосить траву под ногами этого скряги, этого скряги.

И после свадьбы той я жду, упрямо жду,
Когда же в нём найдёт нужду, найдёт нужду
И разлучит с моей красотой
Та, что без носа, но с косой, большой косой.

Французы часто называют смерть шутивными прозвищами Курносая (la Camarde – с намёком на череп скелета, в виде которого её издавна притнято изображать) и – как здесь у Брассенса – Косариха (la Faucheuse), поскольку она орудует косой. В переводе ни одно из этих прозвищ не названо, но упомянуты признаки обоих. Это вряд ли может восполнить потерю превосходного каламбура, сочинённого Брассенсом с помощью его излюбленного приёма обращения к прямому, буквальному смыслу идиомы. Французское выражение «скосить траву у кого-либо под ногами» (couper/faucher l'herbe sous le pied à qqn) значит «отобрать у кого-то какое-либо преимущество». Юмор в том, что со старым скрягой это проделает не кто-нибудь, а женщина с косой и что косить она будет не траву. Герой песни твёрдо убеждён, что именно благодаря вмешательству в дело этой грозной особы он сможет вернуть утраченное:

Quand ell' sera veuve éploré', veuve éploré',
Après l'avoir bien enterré, bien enterré,
J'ai l'espéranc' qu'elle viendra

Faire sa niche entre mes bras, entre mes bras.

Когда она станет безутешной вдовой, безутешной вдовой,
Основательно похоронив его, основательно похоронив,
У меня есть надежда, что она придёт
В мои объятия, в мои объятия.

Похоронивши старика, всплакнув слегка,
Его вдова наверняка, наверняка,
Чтобы утешиться вполне,
Вдоль по реке придёт ко мне, придёт ко мне.

При сопоставлении перевода с оригиналом можно констатировать, что сюжетная линия песни в целом сохранена. Удалось передать и восторженный, слегка наивный и в то же время лукавый тон рассказчика. Но есть и существенные потери. Оказалось заведомо невозможным воспроизвести некоторые характерные для поэтики Брассенса смысловые и фонетические изыски, иногда почти трюки, как, например, скрытый, возможно, непреднамеренный каламбур, присутствующий в строке *Jamais requin n'a, j'en répons* (Никогда кит, нет, я за это ручаюсь), где *n'a, j'en* (нет, я за это) звучит точно так же, как *pageant* (плывущий). Никакого отзвука не нашло в переводе выражение *tete coupée* (дословно: отсечённая голова, здесь, вероятно, в значении точь-в-точь), по поводу основного и побочных смыслов которого в данном контексте французские комментаторы и толкователи давно ведут споры.

С другой стороны, в русской версии появился один сюжетный мотив, в оригинале лишь едва обозначенный, – это мотив реки, в водах которой началась вся история и по берегу которой будущая вдова придёт к своему преданному обожателю. Последнее обстоятельство – уже чистый домысел переводчика. В оригинале река (*la rivière*) упоминается всего однажды, в начале третьей строки первого куплета, в переводе же – пять раз (включая повторы) и звучит почти лейтмотивом. Переводчик, в сущности, не сам это придумал. Русский текст, развиваясь, приобрёл собственные логику и динамику, которые устремилась по речному руслу. И произошло это, по-видимому, совсем не случайно, поскольку образ реки присутствует в нескольких поэтических шедеврах Брассенса («Рикошеты», «Рыболов», «Вино»).

Список литературы:

Brassens G. Oeuvres completes / G. Brassens. Paris. 2007.

Брассенс Ж. Поэт. Композитор. Артист / Ж. Брассенс. Москва. 2008.

*Есакова М.Н.
Кольцова Ю.Н.
Литвинова Г.М.*

Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Esakova M.
Koltsova J.
Litvinova G.*

Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ВОЗМОЖНОСТИ РОДНОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ
КОМПЕТЕНЦИЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ*

*POTENTIALS OF A NATIVE TONGUE IN FORMING TRANSLATION COMPETENCIES:
TEACHING TECHNIQUES AND MEANS*

Перевод – один из сложнейших видов умственной деятельности, и для того чтобы осуществить его на высоком уровне, требуется планомерная и тщательная подготовка. Формирование личности переводчика предполагает решение самых различных задач и выходит за пределы обучения только иностранным языкам.

В последнее время все чаще поднимается вопрос о значении лингвистической подготовки переводчика как профессиональной языковой личности, так как уровень компетентности будущего специалиста зависит от заложенной языковой и культурологической базы.

Преподаватели стилистики русского языка и культуры речи должны научить будущего специалиста отбирать различные языковые средства в зависимости от ситуации, приучать контролировать свою речь. Учитывая вышесказанное, коллектив авторов Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова создал учебное пособие по русскому языку и культуре речи – «Русский язык и культура речи. Учебное пособие для переводчиков», ориентированное на подготовку переводчиков.

Данное учебное пособие интересно тем, что совмещает в себе как традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфоэпии, так и специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков (развитие оперативной памяти, способность к запоминанию, выработка умения быстрого и продуктивного переключения и т.д.).

В данной статье речь пойдет об особенностях и структуре учебного пособия по русскому языку и культуре речи для будущих переводчиков.

Translation is one of the most difficult aspects of mental activity. In order to perform it in a workmanlike way a systematic and thorough preparation is required. Forming a translator's personality presupposes solving all sorts of various tasks and goes beyond mere teaching a foreign language.

Since the competency level of a future specialist depends on his/her original linguistic and culturological base, the question of a translator's linguistic training as a professional personality has been brought up more and more often recently. Lecturers in Russian stylistics and speech culture should teach the budding specialists how to select various linguistic means depending on the situation and how to control their speech. Taking into account the above, the authors of the Higher School of Translation and Interpretation (faculty) of Lomonosov Moscow State University have written a manual on the Russian language and speech culture – “Russian language and the culture of speech. A study guide for translators and interpreters” aimed at training translators. The advantages of the study guide are that it combines traditional tasks in lexical and grammatical stylistics,

orthoepy training and specialized 'translation' tasks designed to form various translation skills (short-term memory development, retention capabilities, quick and efficient switching ability, etc.). The present article considers the main features and structure of a manual on the Russian language and speech culture for future translators and interpreters.

Ключевые слова: формирование личности переводчика, лингвистическая подготовка переводчика, активное владение как иностранным, так и родным языком, компетентностный подход к обучению специалистов по переводу, учебное пособие «Русский язык и культура речи. Пособие для будущих переводчиков».

Key words: forming a translator's personality, linguistic training of a translator, active mastery of both foreign and mother tongues, competency-oriented approach to teaching specialists in translation, a manual "Russian language and the culture of speech. A study guide for translators and interpreters".

Перевод – один из сложнейших видов умственной деятельности, и для того чтобы осуществить его на высоком уровне, требуется планомерная и тщательная подготовка.

Формирование личности переводчика предполагает решение самых различных задач и выходит за пределы обучения только иностранным языкам. «К наиболее общим задачам дидактики переводческой деятельности можно отнести такие, как формирование особых психических качеств личности переводчика, познавательной активности и поисковой самостоятельности, а также формирование интерпретативных компетенций, коммуникативных и специальных компетенций, необходимых в различных видах переводческой деятельности, осуществляющейся в самых различных социальных условиях» [Гарбовский, 2012, с. 47]

Очевидно, что переводчики лучше переводят с иностранного языка на родной, а не наоборот, так как обладают интуитивными знаниями морфологических, семантических, синтаксических и лексических аспектов родного языка, а также лучше понимают особенности своей культуры. Однако в современном мире достаточно часто возникает ситуация, когда активный запас знаний иностранного языка оказывается больше, чем активный запас родного. Это вполне объяснимо: с раннего возраста ребенок начинает изучать иностранный язык. Считая владение иностранным языком насущной необходимостью, учащиеся уделяют ему гораздо больше внимания, чем изучению родного (в нашей ситуации) русского языка, полагая, что знание родного языка для его носителя имманентно, то есть его изучение не требует особых усилий. Процесс глобализации приводит к тому, что в современном мире утверждается мнение: свободное владение английским языком – залог успешной карьеры. Возникает парадоксальная ситуация: учащиеся лучше говорят на иностранном языке, чем на родном.

Переводчик же должен знать не только тонкости и нюансы иностранного, но и родного языка, уметь использовать все его возможные вариативные формы, исходя из

коммуникативной ситуации.

Мы разделяем мнение тех специалистов, которые убеждены, что обучение современного переводчика следует начинать с активного преподавания родного языка и продолжать интенсивный тренинг до самого окончания обучения [Алексеева И.С., 2008, 11]. Поэтому курс современного русского языка – одна из важнейших лингвистических дисциплин в профессиональной подготовке переводчика.

«Даже многоопытные переводчики-международники, владеющие русским языком как родным либо как одним из рабочих, нередко наталкиваются на «малозаметные препятствия», ловушки, расставленные нашим языком, на котором, по словам М.В. Ломоносова, «сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют, своего достоинства» (Российская грамматика, 1755 г.)» [Гарбовский, 2012, с.4]

Для адекватного перевода, переводчик должен не только хорошо ориентироваться в таких лингвистических сферах как семантика, синтаксис, морфология и лексикология, но и с легкостью находить эквиваленты таким культурным языковым явлениям, как пословицы, идиомы, метафоры, устойчивые словосочетания, профессионализмы, жаргонные слова и т. д. Помимо этого, специфика работы переводчика требует быстрой реакции при переводе топонимов, антропонимов, числовых обозначений и т.д.

Специалист по переводу должен уметь создавать тексты различных жанров, так как трудно предположить, в какой области будет осуществляться его профессиональная деятельность.

Задача преподавателей русского языка и культуры речи, на наш взгляд, состоит в том, чтобы научить будущего специалиста отбирать различные языковые средства в зависимости от ситуации, приучать контролировать свою речь, поскольку переводчик – это специалист по активному владению речью на двух языках в ситуациях повышенной сложности.

Следует отметить, что для современной образовательной системы характерен «компетентностный подход», который подразумевает, что главным результатом образования являются не отдельные знания, навыки и умения, а способность их реализовать в определенной ситуации.

По мнению В.Н. Комиссарова, переводческая компетенция включает в себя языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую и личностную компетенции. [Комиссаров, 2002, с. 326-330].

Языковая компетенция переводчика предполагает знание лексических и грамматических особенностей языка, правил использования языковых единиц для

построения высказываний, а также выбор языковых единиц, необходимых в той или иной обстановке общения. Эти знания важны для понимания текста оригинала и создания текста перевода. Переводчик должен обладать этой компетенцией как в рецептивном, так и в продуктивном планах в языках, участвующих в процессе перевода.

Особенность языковой компетенции переводчика заключается в способности быстро перестраиваться, переходить от восприятия речи к ее воспроизводству, менять тип лексики и синтаксический и рисунок речи.

Текстообразующая компетенция предполагает умение создать правильную структуру текста в соответствии с поставленной целью, обеспечить адекватную передачу коммуникативной заданности исходного текста.

В основе коммуникативной компетенции - умение делать правильные выводы из речевых высказываний на основе фоновых знаний и таким образом соотносить языковые средства с задачами и условиями общения.

Техническая компетенция подразумевает владение необходимыми переводческими приемами и трансформациями, а также знание стратегий перевода.

И, наконец, личностная компетенция включает в себя такие качества, как способность быстро переключать внимание, стрессоустойчивость, эрудированность, начитанность и др.

Учебные пособия по русскому языку и культуре речи для будущих переводчиков – это особый тип учебников, отличающийся от пособий по культуре речи традиционного содержания. Прежде всего, учебники для будущих специалистов в области перевода должны формировать приведенные выше компетенции: научить учащихся достаточно быстро выбирать адекватный вариант как с лексической и грамматической, так и стилистической точек зрения, помочь совершенствовать практические навыки владения письменной и устной речью, необходимые для грамотного построения высказываний при переводе на русский язык, а также развивать лингвостилистическое чутье, способность к логическому и ассоциативному мышлению, умение много запоминать, оперировать числами и большими объемами информации.

Учитывая данный подход, необходимый для подготовки квалифицированных специалистов в области перевода, коллектив авторов Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова создал учебное пособие по русскому языку и культуре речи – «Русский язык и культура речи. Учебное пособие для переводчиков», ориентированное на подготовку переводчиков.

Данное учебное пособие интересно тем, что совмещает в себе как традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфоэпии, так и

специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков (развитие оперативной памяти, способность к запоминанию, выработка умения быстрого и продуктивного переключения и т.д.).

Учебное пособие «Русский язык и культура речи. Учебное пособие для переводчиков» состоит из пяти разделов:

1. Понятие о культуре речи. Литературный язык и нелитературные варианты языка. Понятие нормы. Типы норм.
2. Орфоэпические нормы русского языка.
3. Лексическая стилистика.
4. Морфологические нормы современного русского языка.
5. Современные синтаксические нормы.

Каждый раздел включает в себя от семи до десяти тем, посвященных частным вопросам современной орфоэпии, лексики и грамматики. Раздел завершается вопросами для самоконтроля, позволяющими обобщить пройденный материал. Каждая тема раздела предваряется заданиями на повторение изученного материала, что помогает закрепить и автоматизировать полученные навыки. В конце каждой темы учащимся предлагаются специальные задания, формирующие переводческие компетенции. В конце пособия дано несколько приложений: краткий орфоэпический словарь, в который включены слова, представляющие наибольшую трудность для учащихся; краткий словарь иностранных слов и фразеологизмов, направленный на расширение лексического запаса учащихся; а также приложение для преподавателя, в котором представлен разного рода материал для работы над выработкой основных (четырех, по мнению Е.Н. Солововой) механизмов аудирования: речевой слух, оперативная память, вероятностное прогнозирование и артикулирование [Соловова, 2010 г., с 131].

Помимо этого, в учебном пособии в лаконичной форме представлен теоретический материал, позволяющий учащимся освоить сложные вопросы, касающиеся норм современного русского языка. Следует отметить, что знание основ теории языка необходимо для грамотного построения высказывания, а также являются необходимыми для переводчиков, которые хотят освоить технику записи, использующуюся в устном последовательном переводе, например, обучающиеся должны четко знать синтаксическую структуру русского предложения (предикативные, объектные, обстоятельственные отношения), чтобы грамотно графически отразить полученную информацию.

Пособие открывается диагностическим тестом, позволяющим определить уровень культуры речи учащегося. Помимо этого, данный тест носит и определенный

мотивационный характер для дальнейшего обучения.

Первый раздел пособия посвящен общим вопросам культуры речи: вводятся понятия литературного языка и нелитературных вариантов, понятие нормы и типы норм. Приводятся примеры текстов с жаргонной, просторечной и диалектной лексикой.

Второй раздел включает в себя сведения об особенностях русской орфоэпии. На наш взгляд, особое внимание необходимо уделять постановке ударения и особенностям произношения. Как известно, орфоэпические и акцентологические ошибки приводят к тому, что собеседнику трудно сосредоточиться на содержании речи, это может раздражать слушателя или рождать недоверие к профессиональным качествам переводчика.

Поэтому важно корректировать устную речь обучаемых, устраняя орфоэпические ошибки, связанные с нарушениями норм произношения слов и норм акцентуации. К сожалению, существующие орфоэпические и акцентологические правила несовершенны, имеют огромное количество исключений, и поэтому, как показывает практика, необходим постоянный тренинг, целью которого является выработка автоматизма при постановке ударения.

Помимо этого, будущий переводчик должен научиться определять, какие произносительные нормы остаются императивными и употребление существующих ненормативных вариантов не допустимо (позвОнишь, вклЮчишь, углУбишь и т.д.), в каких случаях подобное произношение носит устаревший характер (кулинАрия, укрАинский и т.д.) или является профессиональным (шприцЫ, прИкус, компАс и т.д.), а какие произносительные варианты равноправны и вполне уместны в нейтральных ситуациях общения (твОрог – творОг, ржАветь – ржавЕть, пЕтля – петлЯ и т.д.).

В данном разделе подробно представлены правила постановки ударения во всех частях речи, с указанием возможных исключений и вариантов, а также приводятся возможные причины акцентологических ошибок. Особо обращается внимание на постановку ударения в именах собственных и топонимах, что актуально именно для будущего переводчика.

Помимо акцентологических правил и тренингов раздел включает в себя и задания, связанные с нормами произношения гласных и согласных звуков, объясняются фонетические процессы (редукция, ассимиляция и т.д.), свойственные русской звучащей речи.

Работа над произношением должна проводиться в течение всего курса обучения, поэтому каждая последующая тема в разделах предваряется орфоэпическими заданиями, призванными приучить учащихся к верному произношению того или иного слова.

Третий раздел пособия посвящен лексической стилистике. Как известно, показатели

граммотной речи, построенной в соответствии с существующими лексическими нормами, - это предметная и номинативная точность речи, лексическая и грамматическая сочетаемость слов, лаконичность речи, выразительность речи, чистота речи, уместность использования слова в той или иной коммуникативной ситуации в общепринятых языковых сочетаниях, логичность речи [Будильцева, Пугачев, Царева, 2006, с. 92]. Поэтому задания, представленные в третьем разделе пособия, направлены на выработку вышеперечисленных качеств для формирования грамотной речи. Раздел состоит из 10 тем, первая из которых посвящена предметной и номинативной точности речи.

Задания направлены на выработку умения быстро и точно выбрать необходимое слово в соответствии с его современным значением в языке. Речевые ошибки возникают тогда, когда говорящий или пишущий не может адекватно выразить мысль, употребляя слова в несвойственном им значении. Так, в последнее время наблюдается тенденция к активному использованию заимствованных слов, которые кажутся более весомыми и значимыми, чем слова родного языка. Однако нередко при этом говорящие и пишущие не знают семантики этих слов. Обилие новой лексики, в последние десятилетия стремительно заполняющей различные тематические пространства, особенно те, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества, ставит перед переводчиком задачу постоянного расширения лексического запаса и введение этих слов в активное употребление.

Особое внимание уделяется паронимам, составляющим определенную сложность при переводе, и лексической сочетаемости (тема 2).

К сожалению, стремясь свою речь выразительной, многие перегружают ее лишними словами. Данное явление получило в лингвистике название речевой избыточности. Речь переводчика должна быть лишена многословия, он должен стремиться к лаконичности, поэтому задания, представленные в третьей теме, направлены на анализ плеонастических и тавтологических выражений современного русского языка.

Темы с четвертой по восьмую посвящены богатству русской речи.

Многозначность, или полисемия, т.е. наличие у одного слова нескольких значений, также порождает трудности при переводе, поскольку по одним значениям слова в разных языках могут совпадать, а по другим – нет. Типичной переводческой ошибкой является перевод с помощью первого словарного соответствия. Поэтому учащиеся должны хорошо знать все значения различных слов, например, слово *belt*, основное значение которого *пояс, ремень*, в техническом тексте может превратиться в *конвейерную ленту*, а в медицинском – в *бандаж*.

Помимо этого, учащимся необходимо знать, как используются в речи омонимы,

синонимы, антонимы, их стилистические функции, уметь корректировать стилистически неоправданное употребление данных языковых явлений. Особое внимание в пособии уделяется упражнениям на синонимические замены, внутриязыковое перефразирование, подбор антонимов и т.д.

Ряд заданий в пособии посвящен проблемам фразеологии – наиболее сложной для перевода категории: языковым афоризмам, пословицам, поговоркам, крылатым словам и выражениям, а также уместности и возможности их использования в переводе. Фразеологизмы необходимы переводчику. Как известно, они создают характерный уровень образного оформления речи на любую тему и любого жанра. Необходимо хорошо разбираться в разнообразном мире фразеологии, чтобы уметь находить функциональный аналог, ориентируясь на семантическое тождество. Фразеологизмы переводятся не слово в слово, поэтому нужно хорошо знать их семантику, чтобы не делать ошибок, которые, увы, часто встречаются в последнее время.

Уместность, логичность и чистота речи - неотъемлемая составляющая грамотного и адекватно построенного высказывания как на русском, так и на иностранном языке. В девятой и десятой темах рассматриваются такие явления, как архаизмы, историзмы, неологизмы, жаргон, арг, просторечие, канцеляризм и речевые штампы.

Четвертый и пятый разделы посвящены выработке навыков грамматически правильной устной и письменной речи, корректировке и предупреждению таких ошибок, как смешение форм категорий рода и числа, падежных форм имен существительных и прилагательных, а также падежных форм числительных, неверное использование глагольных форм, ошибки в именном и глагольном управлении, в употреблении деепричастных оборотов, в согласовании подлежащего со сказуемым и т.п. Например, употребление числительных представляет особую трудность для говорящих на русском языке, что связано с сильным влиянием разговорных форм. Частотны ошибки типа: *нет двести (пятьсот) рублей, восьми рублями, восьмиста восьмидесяти рублями* и т.д. В условиях устного перевода знание грамматических форм числительного должно быть доведено до автоматизма. Кроме того, как показывает практика, переключение с буквенного на цифровое кодирование всегда доставляет переводчику дополнительные сложности и может понизить качество работы даже опытного специалиста.

Особенностью пособия является то, что в него включены упражнения, направленные на профессиональный тренинг переводчика. Это, например, задания на так называемое прогнозирование – способность предугадать в речевой цепи появление элемента высказывания, возможного с точки зрения смысла, ассоциаций и структурной модели.

Прогностические навыки необходимы прежде всего в устном переводе, так как они помогают переводчику экономить время для распознавания малознакомой информации. Учащиеся должны научиться восполнять недостающие компоненты структуры предложения или текста.

Упражнения на речевую компрессию, которые необходимы для «достижения лаконичности формулировок» [Миньяр-Белоручев, 1969, с. 157]. Подобные задания, по мысли Р.К. Миньяра-Белоручева, вынуждают учащихся «мыслить образами, а не опираться целиком на форму выражения мысли, на словесную память. Это способствует в какой-то мере и отходу от буквального перевода <...>, показывая пути управления собственной устной речью [Миньяр-Белоручев, 1969, с. 157].

Важное место в пособии отводится заданиям, включающим в себя имена собственные. Переводчик должен знать имена современных общественных деятелей, имена тех, кто навсегда вошел в историю цивилизации и т.д. Риск потери информации при переводе личных имен можно уменьшить, если фонд частотных имен сделать для переводчика ожидаемым, прогнозируемым (поэтому эти имена необходимо постоянно включать в тренинг, в упражнения с разными задачами).

Специалист в области перевода должен уметь много запоминать, легко оперировать числами или большими объемами информации, для этого ему необходима «профессионально-организованная гибкая память, которая позволяет вбирать большой объем информации и быстро забывать ненужное» [Никитин, 2010].

Упражнения, направленные на тренировку памяти, основанные на материале двух языков, переводящего и переводимого, традиционно включают в занятия по устному и последовательному переводу. Задача русистов заключается в том, чтобы сформировать у учащихся навык запоминания информации на русском языке (запомнить, узнать, сохранить и воспроизвести), что в дальнейшем облегчит работу на занятиях по переводу, где требуется удерживать в памяти слова и структуру иностранного предложения и производить лексико-грамматические трансформации. Такие упражнения помогут также расширить лексический запас родного языка учащихся. Необходимо помнить о том, что тренировать память нужно регулярно, поэтому подобные задания включаются в учебный процесс не от случая к случаю, а систематически, так как «навык владения мнемотехникой может утратиться» [Алексеева, 2008, с. 35].

Поэтому в пособие включены следующие упражнения: заучивание стихотворных и прозаических текстов (или фрагментов) «по точкам»: все буквы в словах стихотворения (или прозаического отрывка), кроме первой и последней, заменяются точками. Подобную

тренировку нужно начинать с небольших по объему текстов, состоящих из слов, часто используемых и легко восстанавливаемых по контексту. В заключение учащиеся должны выучить данное стихотворение наизусть, используя текст «по точкам».

Заучивать стихотворные и прозаические тексты можно и по «обрезанным строкам». Подобные задания не только тренируют память, но и развивают языковую догадку.

Традиционные упражнения типа «Снежный ком» прежде всего способствуют тренировке памяти, а также помогают снять напряжение, которое возникает из-за интенсивной работы на занятии. В качестве материала для упражнений такого рода могут быть как забавные тексты или тексты с элементами абсурда, помогающие закрепить навык безассоциативного запоминания, так и серьезные произведения.

Большую трудность для запоминания составляют числа, поэтому на занятиях следует обращать внимание и на задания, включающие в себя числовую информацию.

Таким образом, так как будущему переводчику необходимо развивать зрительную память, догадку, прогнозирование, наблюдательность, внимание и логическое мышление, то в учебное пособие «Русский язык и культура речи для будущих переводчиков» авторы включили не только традиционные упражнения, но и задания, формирующие переводческую память, развивающие навыки переключения, восприятия текста со счетом, а также упражнения на создание ассоциаций и т.д., разработанные преподавателями перевода.

Список литературы:

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. Спб., 2008, 288 с.
- Будильцева М.Б., Пугачев И.А., Царева Н.Ю.* Курс лекций по дисциплине «Русский язык и культура речи» / М.Б. Будильцева, И.А. Пугачев, Н.Ю. Царева. Учебное пособие. М.:изд. РУДН, 2006, с. 92.
- Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos – дидактика переводческой деятельности / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Теория перевода, № 4. М.: Издательство Московского университета, 2012, с.36-54.
- Гарбовский Н.К.* Вступительная статья к учебному пособию «Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка. Учебное пособие для переводчиков (авторы: Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.)» /Н.К. Гарбовский. М.: Флинта. Наука, 2012, с.4.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002, 424 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод / Р.К. Миньяр-Белоручев. М., 1969, с. 157.
- Никитин В.В.* Память и ее роль в процессе перевода / В.В. Никитин. // «Естествознание и гуманизм», т. 6, №1, 2010.
- Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс /Е.Н. Соловова. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010, 238 с.

Зуева П.А.
Научно-исследовательский центр «Еврошкола»
г. Москва (Россия)

Zueva Polina
Research Centre "Euroschool"
Moscow (Russia)

*ПЕРЕВОД КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ*

TRANSLATION AS AN INSEPARABLE PART OF RUSSIAN DRAMA ARTS DEVELOPMENT

В данной статье на материале искусствоведческого анализа драматического словаря 1787 года рассматривается степень влияния перевода на становление и развитие русского театра в контексте его эволюционного развития как общественного института в XVIII в. В ней раскрывается роль и значимость перевода в становлении и развитии отечественных драматургических идей, а впоследствии драматургической школы, становление и развитие театрального лексикона и появление отечественного театрального искусства как неотъемлемой части культурной жизни российского общества в рассматриваемый исторический период. В статье также раскрывается степень и динамика влияния российско-европейских культурных связей на интенсивность проникновения зарубежных оригинальных и переводных пьес на российскую сцену и, при этом, обращается внимание на эклектичный характер этих связей, обусловленный отсутствием возможности у большинства представителей русского театрального сообщества ознакомиться с зарубежными драматическими произведениями конкретной страны в оригинале ввиду наличия языкового барьера или вследствие недостаточной степени распространения театральных произведений на том или ином языке в российской театральной среде. Изучение начала формирования и становления театральной терминологии, а первоначально театрального лексикона, можно отнести к актуальной научной проблеме, одно из решений которой лежит в плоскости искусствоведческого анализа архивных справочных материалов по театру, относящихся к периоду его становления и развития как социокультурного явления.

This article examines the influence of translation on the development of the 18th century Russian theater and theatrical literature on the basis of theatre arts analysis of the 1787 Drama dictionary in the context of the evolutionary development of theater as a social institution. The author focuses on the role, place and influence of translation from European languages into Russian on the processes of developing Russian theoretical ideas about drama and approaches to its writing, forming and establishing theatre arts (including development of theatre lexicon and later on theatre terminology).

The author reveals the influences of the degree of intensity and dynamics of Russian and European cultural relations on the appearance of Western plays, both in the original or translated that appeared on stage in Russia in the century under consideration, giving special attention to translated plays as an integral part of a special cultural relationship between Russia and some European countries. In some cases, the author believes it is necessary to show the eclectic nature of the relations between Russia and other countries due to the fact that some representatives of Russian society didn't get an opportunity to see or read a foreign play in the original because of a language barrier or limited number of plays of a particular country that appeared on stage in Russia. The study of theatre language and the process of its formation and development raises an actual scientific problem, that can be solved with a help of the performing arts analyses of archival reference materials related to the period of theater development as a sociocultural phenomenon.

Key words: theatre dictionary, Russian theater history, XVIII century, performing arts history, translation, translation history, cultural literary connections, theater studies, theatre lexicon, theatre terminology.

Ключевые слова: театральный словарь, история русского театра, XVIII век, искусствоведение, перевод, история перевода, культурные литературные связи, театроведение, театральный лексикон, театральная терминология.

В театроведении, как одной из областей научного знания, терминологические изменения в театральном лексиконе конкретной эпохи рассматривались крайне редко, к наиболее интересным и значимым трудам в этой области можно отнести работы П.Н. Беркова «Из истории русской театральной терминологии XVII-XVIII веков» [Берков, 1955], «История русской комедии» [Берков, 1977] и книгу «История русского театра» под редакцией В.В. Каллаша и Н.Е. Эфроса [1914]. Вопросы научного исследования театральной лексики в основном рассматривались в филологических работах [Миронова, 2007, Чурилова, 2007], при этом основной акцент сделан на изучении современной театральной лексики, не обращаясь к её историко-культурным корням. В силу этого изучение начала формирования и становления театральной лексики, а первоначально театрального лексикона, можно отнести к актуальной научной проблеме, одно из решений которой лежит в плоскости искусствоведческого анализа архивных справочных материалов по театру, относящихся к периоду становления и развития театра как социокультурного явления.

В этой статье хотелось бы остановиться на роли перевода в истории развития театра, драматургии и, соответственно, театральной терминологии в России на протяжении XVIII века как следствия влияния европейских теоретических и драматических трудов на российских авторов, расширения театрального опыта восприятия зарубежных оригинальных и переводных пьес на российских подмостках, вовлечения зарубежных трупп в театральную жизнь России. Материалом для обращения к этим вопросам послужил «Драмматической словарь или Показания по алфавиту всех Российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, и где, и в которое время напечатаны»¹ [Драмматической словарь, 1787]. Это издание представляет собой каталогизированный перечень пьес когда-либо появлявшихся на подмостках России XVIII века. Составлен этот «словарь» любителем театра, вовсе не профессионалом театральной или литературной сферы, о чем он сам и говорит в предисловии: «...я писателем быть не умею, а работа моя идет для всех любопытных детей... Вот в чем состоит мое бескорыстное удовольствие, и я обещаю продолжать его» [Драмматической словарь, 1787, с. А5]. Этот словарь насчитывает 339 пьес,

¹ В дальнейшем в тексте статьи при упоминании этого издания будет использоваться словосочетание «драмматический словарь» или «театральное слово».

и 57% из них – переводные. Так что анализ этого словаря несомненно доказывает, что перевод был неотъемлемой частью развития российской драматургической школы и, бесспорно, оказал самое прямое воздействие на развитие русского театрального лексикона.

Стоит отметить, что выделяют, как правило, 2 типа перевода – пословный – «Пословный перевод — 1. Перевод слово в слово. 2. Пословная передача смысла и содержания с учетом синтаксиса и стиля». [Нелюбин, 2003, с. 161]; и вольный, под вольным переводом в данном случае подразумевается «уяснение общего содержания, его передача на другом языке вне зависимости от языковой формы оригинала, т.е. следование содержанию» [Нелюбин, 2003, с.32]. К нему же относится так называемый перевод-переложение, когда из оригинального произведения берется только несколько компонентов, например, сюжет и действующие лица, а место действия переносится в Россию, и все события подравниваются под «русские нравы». По количеству видов перевода можно выделить и троих самых ярких представителей этих видов. Например, В.К. Третьяковский в начале своей переводческой деятельности стремился к переводу пословному, дабы не исказить оригинал, позже он рассуждал, что перевод должен быть точной копией оригинала, но недостаточно для этого переводить текст по словам, необходим и творческий потенциал, позволяющий перевести красиво, не утратив при этом смысл. Также В.К. Третьяковский утверждал, что стихи нужно переводить не иначе как стихами, и с этим соглашался Михаил Васильевич Ломоносов, один из самых видных ученых XVIII века. Однако, исследователи отмечают, что: «Он достаточно близко следовал оригиналу, особенно в переводе античных поэтов, но и позволял себе небольшие вставки, разъяснения, а то и вольности.» [Сдобников, 2007, с.22], вольный характер перевода М.В. Ломоносова объясняется тем, что его переводы были лишь иллюстрацией его теоретических положений по риторике, в отличие, например, от переводов В.К. Третьяковского, написанных для общественности.

Следует сказать, что принцип переложения чужеродных пьес на русские нравы принадлежит Лукину, он неоднократно говорил об этом в предисловиях к своим переводам, к примеру: «Сие говорю я о тех комедиях, которые вовсе на наши нравы не склонены, а точно переведены; и когда уже в оных одни имена бывают неприличны, не делая примечания на прочее, что нам несвойственно, то бы уже в такой все чужеземское гораздо страннее показалось, которая поколику можно склонена на русские обычаи; а к таковому склонению побужден я следующим...» [Левин, Федоров, 1960, с. 55].

Ещё одним представителем переводов-переложений был выдающийся русский драматург Александр Петрович Сумароков. К примеру, ему принадлежит перевод «Гамлета»

Шекспира, хотя сам автор оскорбился, услышав это определение от В.К. Тредиаковского и, если верить Белинскому, утверждал: «Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекеспирову трагедию едва, едва походит» [Белинский, 1955]. Стоит сказать, что А.П. Сумароков был не единственным в этом жанре. И переводы-переделки были своеобразной драматургической тенденцией в театральной жизни рассматриваемого исторического периода. Если судить по вышеупомянутому театральному справочному изданию, то можно отдельно выделить четыре пьесы конкретно «переложенные на русские нравы», и 12 пьес, охарактеризованных, как переведенные вольно.

При этом не стоит забывать и об овладении теоретическим драматургическим наследием Франции при чтении литературных трактатов и других работ в оригинале. Возьмем для примера «Поэтическое искусство» Буало. Именно этот теоретический труд взял за основу своей «Эпистолы о стихотворстве» А. Сумароков, и по некоторым данным [Песков А.М., 1982], он даже заимствует оттуда значительную часть формулировок и определений. Стоит упомянуть также, что В.К. Тредиаковский вскоре после выхода «Эпистолы о стихотворстве» создал перевод «Поэтического искусства» Буало (назвал его «Наука о стихотворстве») в стихах, который по праву считается одним из наиболее точных переводов этого произведения [Алексеева, 2006, с. 21]. Все это говорит о том, что российские культурные деятели того времени, практически владеющие французским, в данном случае, языком, не только могли в оригинале ознакомиться с теоретическими работами по драматургии, литературе и стихотворстве, но и поделиться идеями из этих работ посредством перевода или, если упомянуть А.П. Сумарокова, переложения с театральной общественностью.

Важно также отметить, что вообще многие выдающиеся литературные деятели начали свою деятельность непосредственно с переводов. Как пример можно привести князя Кантемира. Из его переводов можно отметить Буало, Вольтера, Горация, Анакреонта. Также он перевел на русский язык ряд философских и исторических произведений, в т.ч. «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля, примечательно, что при переводе этой книги Кантемиру пришлось изобретать научные термины, многие из которых впоследствии вошли в русский язык: «плотность», «прозрачное и непрозрачное тело», «наблюдение» и др. [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 211].

Результаты этимологического анализа театральных терминов, используемых в театральной литературе, показывают, что среди 59 терминов, состоящих из одного слова (такие как «актер», «театр» и пр.) 12 – это французские заимствования, схематично этимологию

терминов в данном издании можно пронаблюдать в следующей схеме:

Само количество французских пьес, представленных в словаре, тоже впечатляет (38% французских пьес, 43% русских пьес, 19% остальных). В силу данного обстоятельства представляется целесообразным обратиться к результатам анализа французских пьес, представленных в рассматриваемом словаре.

В драматическом словаре представлено больше ста французских произведений и упомянуты такие авторы, как Реньяр, Детуш, Вольтер, Мольер, Расин, Корнель и другие. В основном, произведения этих авторов переводились классически, однако, как уже было отмечено, существовали и вольные переводы (например, «Бочар», переведен вольно студентом Генешем [Драматический словарь, 1787]), а также «переделанные на российский вкус» («Немой», переводчик М.И. Попов, «Задумчивой», переводчик не указан). Сами переводчики, составляющие образованную часть российского общества, судя по комментариям автора рассматриваемого театрального словаря, отличались между собой принадлежностью к той или иной социальной страте общества, соответственно степенью литературной компетенции, переводческими способностями и умениями, а также тем, был перевод частью их профессиональной деятельности или не более, чем хобби. Среди переводчиков с французского в театральном словаре встречаются и студенты, и актеры, и поэты, конечно же переводчики (стоящие на государственной службе) и даже «пятнадцатилетняя девица» [Драматический словарь, 1787, с. 30], что подтверждает достаточно высокую лингвистическую образованность людей из разных сфер в XVIII веке, и, конечно же, их личностную мотивированность и личную заинтересованность в познании французского театра и драматургии и их культурном распространении в России.

Нельзя не отметить, что проникновение на отечественную сцену пьес Мольера также представляет собой весьма интересный материал, для рассмотрения того, как в России осваивались традиции западной литературы. Гуковский пишет, что лишь три пьесы Мольера были известны русскому зрителю при царствовании Петра I, это – «Драгья смеянья»

(«Смешные жеманницы»); «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер» («Амфитрион»); «О докторе битом» («Лекарь поневоле»). Он же добавляет, что «Мольер не остался без влияния на русских драматургов первой половины XVIII века. Неудача же переводов, приводившая местами к непонятности русского текста, была не виной, а бедой переводчиков, не имевших ни навыка, ни даже соответствующих выражений в самом языке для передачи сложных человеческих чувств и отношений. Между тем именно эти тонкие, глубокие человеческие чувства и были ценны в переводных пьесах. Не нужно думать, что их чуждая русской жизни тематика, их искусственность, удаленность от действительности вообще лишали их значения для русского зрителя. Можно утверждать, что не только образовательное, культурно-просветительное, но и воспитательное значение переводной драматургии петровского времени было велико» [Гуковский, 1999, с. 28]. И с этим нельзя не согласиться, ведь адекватность восприятия того или иного произведения не всегда зависит от близости к бытовой действительности. Тем более, что театр в начале XVIII века выполнял не только просветительскую функцию, но развлекательную функцию – форма культурного досуга воспитанных и образованных людей.

Всего в рассматриваемом издании представлено 115 пьес французского происхождения, 113 из которых переведены на русский язык. На эти 115 пьес насчитывается 45 переводчиков, хотя указаны не все. Удивительно, но все пьесы, переведенные выдающимся русским государственным деятелем и писателем В.И. Лукиным, описаны без упоминания о переводчике, к счастью, благодаря каталогу Российской Государственной Библиотеки (<http://www.rsl.ru/>) стало возможным восстановить справедливость и насчитать из перечисленных целых 6 пьес, переведенных им, это самое большое число переводов из всех остальных переводчиков (догоняет его по численности лишь П.С. Свистунов – 5 пьес, и Василий Вороблевский – 5 пьес). Всё это – гастролирующие французские труппы, яркая полемика между русскими литературными деятелями на тему французских эстетических трудов, большое количество пьес, принадлежащих авторам этой страны, не менее колоссальное количество переводов этих пьес людьми, отдаленными от профессии переводчика, показывает тесное развитие литературных и театральных связей России и Франции в XVIII веке.

Скачок в развитии отношений России и Германии произошел тогда же, когда интенсифицировались русско-французские отношения, то есть в петровское время, хотя основы взаимодействия этих стран начали свою историю еще в XV-XVII веках. Конечно, в переводчиках с немецкого на русский язык возникла потребность прежде всего ввиду развития морского и горного дела, а также торговых отношений. Возвращаясь к театральной

теме – в 1730-1740-х в российскую столицу проникал немецкий театральный репертуар, приезжали труппы Петра Гильфердинга, К.Э. Аккермана и др. Также при дворе Анны Иоанновны играли интермедии, для которых Третьяковский перевел немало текстов с немецкого на русский язык [Русско-европейские литературные связи, 2008, с.52], хотя исследователь Д.Ф. Юферов утверждает, что Третьяковский является переводчиком «всех интермедий в 1733—34 гг.» [Юферов, 1934, с. 40] Однако в рассматриваемом справочном издании не представлено ни одной переведенной им немецкой пьесы.

К 1765 году относят первый перевод выдающегося немецкого поэта и драматурга – Г.Э. Лессинга, пока это были лишь его первые комедии и басни в прозе, но к концу века уже были и переводы его трагедий. И достоверно известно, что одну из известнейших его трагедий «Эмилию Галотти» перевел молодой Н.М. Карамзин, хотя в театральном словаре стоит другой переводчик, а именно Гавриил Аптухин [Драмматический словарь, 1787, с. 53]. Всего же упоминается пять его пьес из шести – «Эмилия Галотти», «Клад», «Молодой ученый», «Солдатское счастье», «Мисс Сара Сампсон». В описании пьесы «Молодой ученый» Г.Э. Лессинг назван профессором, однако известно, что он им не был. Скорее всего, это ошибка переводчика (Андрея Нартова), а не автора словаря, так как во всех остальных случаях статуса профессора у Г.Э. Лессинга не стоит. Это было первое драматическое произведение данного автора, переведенное в России в 1765 году, остальные две драмы дожидались 1779 и 1784 годов и, к сожалению, теоретическая его работа «Гамбургская драматургия» не была доступна и оценена по достоинству в России в XVIII веке.

Две другие комедии («Солдатское счастье» и «Клад») Г.Э. Лессинга отмечены «вольным переводом» и «переложением на Российские нравы». При детальном рассмотрении видно, что имена героев изменены на русские, место действия в «Солдатском счастье», например, перемещено в Россию, с деталями ее быта [Лессинг, 1779, с. 19]. Из этого можно сделать вывод, что творчество основоположника немецкой классической литературы пришло к читателям и любителям театра XVIII в. в основательной переработке. Самую большую загадку представляет словарная статья о пьесе «Мисс Сара Сампсон», авторство Г.Э. Лессинга не только не указано, но и сама пьеса указана как первоначально английская: «Трагедия в пяти действиях переведена с Английского подлинника на Немецкий» [Драмматический словарь, 1787, с. 80]. Это неточное определение, ведь Лессинг лишь подражал английским образцам, в частности, пьесе Лилло «Лондонский купец», да и прототипы персонажей родом из Англии, но это уж точно не перевод английской пьесы, что в очередной раз доказывает не очень большую известность этого драматурга в России. Всего

в драматическом словаре представлено 23 пьесы немецкого происхождения, все из которых переведены на русский язык. На эти 23 пьесы насчитывается 14 переводчиков, хотя указаны не все.

Исследователи отмечают, что политические связи России и Англии уже с XVI века были систематическими [Русско-европейские литературные связи, 2008, с. 16], однако некоторые авторы утверждают, что даже первые сведения об Англии, её природе и населении, её общественном и государственном устройстве появились в России лишь в XVII веке [Шестаков, 1996]. При этом, все они сходятся во мнении, что литературные связи укрепились как раз в XVIII веке. Здесь представляет интерес всё же театральная тематика, поэтому уместно будет сообщить, что во второй половине века в российский культурный обиход вошла английская «мещанская трагедия» Джорджа Лилло (Lillo, 1695-1739) «Лондонский купец, или Приключения Георга Барневеля» (1764; оригинал — «The London Merchant, or the History of George Barnwell», 1731). Примечательно, что в рассматриваемом нами словаре авторство не стоит, и указывается информация, что пьеса переведена с французского [Драматической словарь, 1787, с. 73]. Еще более запутанная история с переводом другой английской «мещанской трагедии» Эдуарда Мура (Moore, 1712-1757) «Игрок» («The Gamester», 1753), поскольку эту пьесу И.А. Дмитриевский создал по французской переделке этой пьесы Б.Ж. Сорена (Saurin), и дал название «Беверлей» (1773; 2-е изд. 1787). В драматическом словаре также нет указания на английские корни этого произведения. И даже сам автор анализируемого театрального издания признает редкость появления на отечественной сцене английских произведений, упоминает он об этом в контексте описания произведения Уильяма Шекспира: «ЮЛИЙ ЦЕЗАР. Трагедия Виллиама Шакеспера, известного Аглийского драматического писателя, переведенная на Российский язык белыми стихами. Сия трагедия почитается лучшею в оригинале из сочиненей сего писателя, и на Российском языке по точности перевода и редкости известной нам Английской Литературы должна быть уважаема. Чтож Шакеспер не держался театральных правил, тому истинная притчина почестья может пылкое его воображение, не могшее покориться никаким правилам, в чем его осуждает знаменитый софист г. Волтер, также и Российской стихотворец г. Сумароков Напечатана в типографической компании в Москве 1787 года» [Драматической словарь, 1787, с. 163]. Эта цитата, а также многочисленные исследования [Левин, 1996, Захаров, Луков, 2009 и др.] подтверждают также и тот факт, что русский театр еще не был готов к подлинному Шекспиру на своей сцене. Тем не менее уже в XVIII веке насчитывается несколько переделок его пьес («Гамлет» А.П. Сумарокова, «Вот каково иметь корзину и белье» Екатерины II – переделка «Виндзорских насмешниц»), и два

перевода – «Юлий Цезарь» и «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглийского», описание которых также Словом, количество английских пьес в рассматриваемом справочном издании ничтожно мало. Одна – переводная, 2 вольно переведены и одна переведена с французского, то есть перевод перевода. При таком ничтожно малом количестве английских пьес, не стоит удивляться полному отсутствию переводов английских теоретических трудов о театре.

С Италией культурные связи России были более прочные. Во времена правления Анны Иоановны и Елизаветы Петровны отмечается наибольшая популярность итальянского искусства при дворе. И тем не менее, восприятие итальянской литературы в России в XVIII веке тоже шло с некоторым опозданием, Карло Гоцци, один из самых читаемых писателей второй половины XVIII века, прошел мимо русского читателя. Всему виной снова то, что итальянские пьесы попадали в страну чаще всего через польские переводы, соответственно, утрачивая национальное своеобразие [Русско-европейские литературные связи, 2008, с. 105]. В целом, что касается связей России и Италии в контексте театрального искусства, то стоит упомянуть знакомство с итальянским оперным театром, как весьма знаменательное событие. В рассматриваемом словаре наиболее часто упоминаемый автор среди числа итальянских пьес – П. Метастазιο [Драмматической словарь, 1787, с. 163, с. 138], он считается крупнейшим итальянским драматическим поэтом XVIII века, с 1730 года его пьесы ставились регулярно в придворном оперном театре. В это же время были популярны «перечни» и переводы итальянских комедий, исполнявшихся в придворном театре, основную работу выполнял В.К. Третьяковский, переводы оперных либретто принадлежали ему же, а также А.В. Олсуфьеву, И.С. Горлицуому, А.П. Сумарокову. Естественно, не все пьесы переводились с итальянского, иногда с немецкого или французского перевода.

Я.Б. Княжнин, отечественный драматург, владевший тремя языками, в том числе и итальянским, перенимал опыт итальянских авторов, пока переводил их либретто. Например, его мелодрама «Орфей и Эвридика» создана явно по образцу итальянских музыкальных драм. К сожалению, этого произведения нет в театральном словаре, главном объекте нашего исследования. Зато мы находим в нем трагедию «Дидона» и о ней прямо говорится, что это «подражание Итальянскому сочинению г. Аббата Метастазия» [Драмматической словарь, 1787, с. 45]. Исследователи утверждают, что в 1777, опираясь на либретто П. Метастазιο «Милосердие Тита», известное на русской сцене с 1750, он создал первую русскую музыкальную трагедию «Титово милосердие» [Русско-европейские литературные связи, 2008, с. 112], однако в театральном словаре указана лишь последняя трагедия, причем о ней говорится не как о русской музыкальной трагедии, а как о переводе: «Драма в трех действиях, сочиненная на Итальянском языке Аббатом, Метастазием; переведена на

Российский язык стихами г. Княжниным. Как автор, так и переводчик в подражании обратили на себя внимание и славу повсюду признаваемую» [Драмматической словарь, 1787, с. 138].

Итого в вышеупомянутом издании представлено 9 итальянских произведений (в основном комические оперы, за исключением четырех, переводчики остальных указаны, либо известны. И опять мы сталкиваемся с некоторыми «не состыковками»: например, пьеса «Сила любви и ненависти» в вышеупомянутом издании указана как переведенная с итальянского, тогда как в примечаниях к изданию 1736 года [Сила любви и ненависти, 1736] написано, что: «Речи переводил с французския прозы, и в ариях приводил стихи токмо а падение без рифмы В.Тредиаковский». Восстановить истину сложно, так как доподлинно известно, что он знал и французский и итальянский.

Отдельно стоит сказать несколько слов о театральных культурных связях между русским и польским театрами, не говоря о том, что последний долгое время был своеобразным литературным посредником, культурным мостом между Россией и западной Европой.

Как отмечает С.П. Луппов, польские книги в русских частных библиотеках XVII - первой трети XVIII в. занимают наряду с книгами на латыни первое место среди зарубежных книг иностранных [Луппов, 1977, с. 34].

В предмете исследования – «Драмматическом словаре» – находятся лишь две пьесы польского происхождения – «Брак по календарю» и «Мот или расточитель» [Драмматической словарь, 1787, с. 28, с. 82]. автора Франтишека Богомольца (однако в словаре его имени не указано. Что касается последней из вышеупомянутых пьес, автор словаря пишет, что написана эта пьеса в подражание французской, а «сверх онаго вмещены переводчиком Русские пословицы» [Драмматической словарь, 1787, с. 82], снова видна языковая эклектика, как было выяснено, присущая многим переводным произведениям драматического жанра. Однако вторая пьеса «Брак по календарю» «без всякой поправки осталась во вкусе Польском.» [Драмматической словарь, 1787, с. 28] по мнению автора драматического словаря. Р. Лужный считает, что польско-русские литературные связи настолько велики, что даже не поддаются опровержению, он также упоминает, что многочисленные обоюдные русско-польские переводы и переделки, постановки пьес на «сценах соседнего народа», разработка русской темы поляками и польской – русскими писателями напрямую указывают на русофильские и полонофильские течения в этих странах [Лужный, 1975]. В этом контексте кажется странным, что в драматическом словаре так мало польских пьес.

На базе рассмотренного материала можно с уверенностью сказать, что перевод был неотъемлемой частью укрепления литературных связей между Россией и Европой. Пальма первенства в количестве переводов пьес, а также теоретических работ, оказавших сильное влияние на Россию, безусловно, принадлежит Франции. Стоит отметить, что в эпоху Просвещения две страны диктовали литературные правила классицизма – Франция (Буало, Дидро) и Германия (Лессинг), к сожалению, последний не смог так сильно оказать влияние на российские театральные умы, как французские драматурги и теоретики драматургии. Также можно сказать, что во многих случаях литературные связи эти носят эклектичный характер (о чем свидетельствует достаточно большое количество пьес-переложений, пьес-переделок на российские нравы). Это можно объяснить тем, что пьесы далеко не каждой из перечисленных стран можно было бы прочитать в оригинале вследствие либо языкового барьера, либо малой степени распространенности тех или иных зарубежных пьес на конкретном языке. В целом можно сказать, что почти каждая из упомянутых в статье стран привнесла достойный вклад в театральную и литературную культуру России XVIII века, например, Франция значительно и существенно повлияла на развитие театральной теоретической мысли в России, на российский театральный репертуар, при этом ознакомив российское театральное сообщество с огромным количеством самых разнообразных пьес разных стилей и, соответственно, подарив русскому театральному лексикону львиную долю театральных терминов. Италии принадлежит заслуга ознакомления российского театрального сообщества с жанром комической оперы, который развился несколько позже, хотя по достаточно самобытному сценарию, а также комедией дель-арте. Англия познакомила с «мещанской драмой», жанр которой впоследствии стал развиваться и в русской драматургии. У Польши оказалась, в силу ряда объективных причин, своеобразная роль культурного посредника, мостика между Россией и западноевропейской цивилизацией.

Всё сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в XVIII веке российская драматургическая школа в значительной степени формировалась благодаря такому фактору, как перевод западноевропейских произведений, перенесенных в культурно-историческую среду России, придав значительный импульс в процесс формирования самобытного драматургического и театрального искусства.

Список литературы

- Алексеева Н.Ю.* Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов. XVIII век. Сборник 24 / Н.Ю. Алексеева. СПб.: "Наука", 2006. С. 15-34.
Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 6 / В.Г. Белинский. М., 1955. 799 с.

- Берков П.Н.* Из истории русской театральной терминологии XVII-XVIII веков / П.Н. Берков // Труды Отдела древнерусской литературы. М. – Л., 1955. Т. XI. С. 280-299.
- Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в./ П.Н. Берков. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1977. 390 С.
- Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. Учебник/Вступ. статья А. Зорина. – М.: Аспект Пресс, 1999. 453 с.
- Драматический словарь*, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с обозначением имён известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены в театрах, и где, и в которое время напечатаны. М., 1787. 166 с.
- История русского театра* / подЪ ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса; при ближайшем участіи А. А. Бакрушина и Н. А. Попова, художественной частью завЪдует К. А. КоровинЪ. М.: Книгоиздательство «Объединеніе», 1914. Т. 1.- 372 с.
- Лессинг Г.-Э.* Солдатское щастье. Комедия в пяти действиях г. Лессинга. Переложил с немецкого на российские нравы И.З. /Г.- Э. Лессинг. М., 1779. 92 с.
- Лупнов С.П.* Польская литература в русских библиотеках и частных книжных собраниях XVII - первой половины XVIII в. / С.П. Лупнов // Книга. Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 121-127.
- Миронова М.Р.* Лексико-семантические и лингвокультурные особенности формирования театральной лексики в английском и русском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. /М.Р. Миронова. Краснодар, 2007. 176 с.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь 3-е изд., перераб. / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Новая философская энциклопедия.* – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 С. 4.
- Песков А.М.* 1) Сумароков и Буало /А.М. Песков // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1982. – Ч. 2. С. 73 -77.
- Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв.* Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова. Л., "Советский писатель", 1960. 696 с.
- Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь.* – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 432 с.
- Сдобников В.В.* Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 448 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
- Сила любви и ненависти.* Драмма на музыке представленная на новом Санктпетербургском имп. театре по указу е. и. в. Анны Иоанновны самодержицы всероссийския. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1736. 103 с.
- Чурилова И.Н.* Неологизмы в театральной терминологии английского языка конца XX – начала XXI в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. / И.Н. Чурилова. Омск, 2007. 183 с.
- Шестаков В.П.* Англия глазами русских /В.П. Шестаков // Россия и Запад: диалог культур. Выпуск 3. МГУ, факультет иностранных языков М.: МГУ, 1996. С. 165-186.
- Юферов Д.Ф.* Музыкальная и нотно-издательская деятельность академии наук и её типографий в XVIII в. / Д.Ф. Юферов // Вестник Академии Наук СССР, 1934. – № 4. С. 28-48.

Иванова В.И.
Тульский государственный университет
г. Тула (Россия)

Ivanova Victoria
Tula State University
Tula (Russia)

ПЕРЕВОД НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ КАК СРЕДСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

TRANSLATION OF SCIENTIFIC PAPERS AS A MEANS OF PROMOTING RESULTS OF

ACADEMIC RESEARCH IN THE GLOBALIZED WORLD

Интеграционные процессы в сфере науки стали объективной реальностью в глобальном мире. Участие в международной научной коммуникации является необходимым как для личностных достижений отдельного учёного, так и для развития государства в целом. Одним из основных видов деятельности исследователя, обеспечивающем это участие, является научный перевод. Можно без преувеличения заявить, что научный перевод – один из незаменимых элементов научно-технического прогресса всего человечества.

Перевод научных статей требует знания структуры и правил оформления статьи на языке оригинала и языке перевода. Затруднения, связанные с процессом иноязычной письменной коммуникации, усугубляются необходимостью использования научного стиля речи, представляющего, порой, непростую задачу даже для носителя языка.

Учитывая насущную потребность отечественных исследователей в популяризации результатов их работ в глобальном мире, мы поставили перед собой задачу формирования готовности аспирантов, молодых учёных к ведению научного дискурса на английском языке. Обучение переводу научных публикаций имело целью представление результатов исследований в крупнейших реферативных базы данных Scopus, Web of Science, являющихся универсальными инструментами для отслеживания цитируемости публикаций, а соответственно, демонстрации авторитета учёного в международном научном сообществе.

Integration processes in science have become an objective reality in the globalized world. Involvement in the international scientific communication is important both for the personal achievements of a scholar and for the development of a state in general. Scientific translation is one of the main types of a researcher's activity ensuring this involvement. It is not an overstatement to say that scientific translation is an indispensable part of the progress in science and technology of the whole mankind.

Translation of scientific articles requires the awareness of the structure and rules of drawing up an article in a source language and a target language. The requirement for the use of scientific register, which is not infrequently a challenge even for a native speaker, adds to the difficulties arising in the course of written communication in a foreign language.

Given the pressing need for the Russian scholars to promote the results of their academic research in the globalized world, we made it our mission to teach post-graduate students and young scholars to deliver scientific discourse in English. We believe that teaching post-graduate students and young scholars to translate scientific papers is essential for them to be able to submit the results of their research work to the largest abstract and citation databases such as Scopus and Web of Science, being the universal instruments for tracing the citedness of publications, which, in its turn, demonstrates the status of a scholar in the international scientific community.

Ключевые слова: интеграция и кооперация в сфере науки, научный перевод, научная публикация, популяризация результатов исследований, готовность к участию в научной коммуникации, требования

Key words: integration and cooperation in science, scientific translation, scientific paper, promoting the results of academic research, commitment to involvement in scientific communication, requirements to manuscripts, methods of teaching post-graduate students.

Интенсивность международных связей в сфере науки за последние десятилетия ощутимо возросла. Сегодня невозможно представить себе эффективное развитие исследований в отдельно взятой стране, в отрыве от мирового научного сообщества. Интеграция и кооперация научных исследований различных стран становится объективной реальностью. Происходит формирование единой мировой науки как особой глобальной структуры.

Одна из важных задач, стоящих перед отечественной наукой XXI века, заключается в том, чтобы стать полноправным членом международного научного сообщества, что подразумевает, среди прочего, доступность результатов исследований, проведенных российскими учеными, для их коллег из других стран. Эффективным инструментом популяризации результатов научных исследований и признаком их открытости для международного сообщества является индексация соответствующих статей в международных базах данных. Так как на данный момент лишь немногие отечественные периодические издания отвечают требованиям международных систем научного цитирования (особенно это касается гуманитарных отраслей наук), вопрос о публикации результатов исследований, выполняемых российскими учеными, в зарубежных изданиях, является актуальным.

Языком международного общения, в том числе и в научной сфере, является английский язык: на нём издаётся значительное количество международных научных журналов. К сожалению, базовая иноязычная подготовка в нашей стране в большинстве случаев не обеспечивает в должной мере готовность студента, аспиранта, молодого исследователя, зрелого учёного к осуществлению зарубежной научной коммуникации, как устной, так и письменной. Причина этого, возможно, состоит в том, что в советский период широкая популяризация и обсуждение отечественных разработок международным сообществом не ставились в число приоритетных задач в науке. Соответственно, некоторые российские исследователи до сих пор не перестроились для работы в принятом во многих странах формате открытой международной научной дискуссии в своей предметной области: широкого обсуждения идей, поиска совместных решений и т.д.

Между тем, сложно переоценить важность свободного владения английским языком и

перевода на него научных публикаций в современных условиях глобальной научной интеграции. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что перманентное участие в международной научной коммуникации является необходимым как для личностных достижений отдельного учёного, так и для развития государства в целом. Признание и конкурентоспособность ученого во многом определяются не только тем, в какой мере он способен ставить и решать научные проблемы, но и тем, насколько он способен изложить их международному сообществу, насколько успешно он владеет нормами коммуникативного поведения, разделяемого мировой научной общественностью.

Невысокие позиции России в международных рейтингах, отражающих научные успехи государств, следует связывать, скорее всего, не со скромными успехами отечественных ученых, а с тем фактом, что российская наука мало представлена на международной арене. Кроме того, в последние годы наличие публикаций в зарубежных изданиях становится критерием оценки научной состоятельности учёного и критерием оценки эффективности научной деятельности вузов (хотя причины выбора и объективность данного критерия, особенно в гуманитарных предметных областях, до сих пор остаются предметом дискуссии). Но популяризации результатов научных изысканий, конечно же, невозможна без участия в научном дискурсе.

Традиционное первенство среди жанров научного дискурса принадлежит научно-исследовательской статье (research article). Причины доминирования статьи над другими жанрами научного дискурса К. Хайленд видит, в первую очередь, в значимости для научного сообщества практики независимого рецензирования, которому в обязательном порядке подвергаются статьи в авторитетных научных изданиях, а также связывает с общим престижем, ассоциирующимся с данной формой бытования научного дискурса [Hyland, 2009].

Затруднения, связанные с процессом иноязычной письменной коммуникации, усугубляются необходимостью использования научного стиля речи, представляющего, порой, непростую задачу даже для носителя языка. Научный стиль речи представляет собой один из функциональных стилей языка, реализующий интеллектуально-коммуникативную функцию, в основном, в сфере науки. Он характеризуется такими чертами, как обобщенность, точность, логичность, однозначность выражения мысли и строгая аргументация положений. Научным текстам присуща стандартизованность, систематичность, безличность, обобщенность, однозначность, символизация, понятийность, акцентуация, интеллектуальная экспрессивность и субъектно-оценочная нейтральность. Гуманитарные предметные области исследований характеризуются преобладанием

вербального способа изложения научной информации.

Одним из основных видов деятельности исследователя, обеспечивающем участие в международной научной коммуникации, является научный перевод. Это средство межъязыковой коммуникации экспертов и ученых в их профессиональной сфере. Благодаря научному переводу происходит распространение новейших разработок, знаний, технологий; организуется работа над совместными проектами, создаётся почва для реализации передовых идей. Можно без преувеличения заявить, что научный перевод – один из незаменимых элементов научно-технического прогресса всего человечества.

Обучение научному переводу предполагает формирование умения адекватного перевода многокомпонентных терминов, поиска соответствующих эквивалентов английских общенаучных терминов в русском языке; составление терминологических словарей в той или иной научной области; распознавание грамматических структур, характерных для научного текста и употребление их на уровне продуцирования высказывания; расшифровку сокращений, характерных для научной литературы и т.д.

В научном переводе, по мнению Алексеевой И.С., важно обеспечить передачу когнитивной информации как объективной. Этому способствует использование ряда языковых средств. Это, в частности, семантика подлежащего (как правило, существительное из тематического круга данной предметной области знаний); использование разнообразных средств выражения пассивности по отношению к формальному подлежащему; преобладание настоящего времени глагола, позволяющего представить сообщаемые сведения как абсолютно объективные; обилие слов, построенных по словообразовательной модели с абстрактным значением; отчётливая номинативность текста (выражение действия через отглагольное существительное с десемантизированным глаголом) [Алексеева, 2000, с.66].

Перевод научного текста требует, прежде всего, ясности в изложении при максимально полном соответствии перевода оригиналу. Научный стиль в любом языке предполагает использование определенного лексико-грамматического языкового материала. Следовательно, научный перевод, например, с русского на английский язык потребует соотнесения грамматических конструкций и лексического материала одного языка с другим, с учетом особенностей научного стиля в целом. Более того, перевод научных статей требует знания структуры и правил оформления статьи на языке оригинала и языке перевода.

Учитывая насущную потребность в осуществлении иноязычной научной коммуникации, в переводе научных публикаций, как средствах популяризации результатов исследований в глобальном мире, мы поставили перед собой задачу обучения аспирантов, молодых учёных ведению научного дискурса на английском языке, переводу их научных

статей для публикации в международных базах с учётом требований входящих в них изданий. Традиционно подготовка аспирантов к сдаче кандидатского минимума заключалась, в основном, в обучении чтению и пониманию специальной литературы на иностранном языке. Сегодня стало ясным, что только этих языковых навыков недостаточно для быстрой и органичной интеграции молодых российских исследователей в мировое научное сообщество.

В связи с вышесказанным были определены этапы иноязычной подготовки кадров высшей квалификации в соответствии с целевыми ориентирами современной отечественной науки: научно-методический и учебный (образовательный) этапы. [Иванова, Тивьяева, Евсина, 2013, с. 583-589].

Первый этап предполагал выявление и обоснование новых требований к иноязычной подготовке аспирантов на основе анализа зарубежных публикаций (определение профилей научных журналов в гуманитарной предметной области, входящих в реферативные базы; изучение требований публикациям; сопоставительный анализ с отечественными традициями изложения результатов научных исследований; составление методических рекомендаций аспирантам по редактированию текста англоязычной научной статьи). Второй этап работы предполагал формирование готовности аспирантов к созданию научных публикаций на английском языке (вводная часть; чтение и анализ научных статей; составление глоссариев по теме исследования; разбор грамматических особенностей англоязычных научных публикаций).

Проведённый анализ показал, что в классификационную систему Scopus входят 24 тематических раздела, из которых к области гуманитарных наук относятся следующие: искусствоведение и гуманитарные науки (Arts and Humanities); науки о поведении и нейрокогнитивистика (Behavioural and Cognitive Neuroscience); бизнес и менеджмент (Business and Management); Когнитология (Cognitive Science); экономика и финансы (Economics and Finance); исследования в области образования (Educational Research); языки и лингвистика (Language and Linguistics); психология (Psychology); социальные науки (Social Sciences).

Каждый журнал выдвигает собственные требования к рукописям, однако можно выделить ряд норм, являющихся общими для большинства англоязычных научных изданий. Это оригинальность научного исследования; недопустимость публикаций данных результатов в других научных изданиях; краткое, но без ущерба для смысла изложение основных целей и задач, методики, теоретической и практической значимости исследования, основных выводов и результатов; соответствие исследовательских мероприятий отраслевым

техническим стандартам; стандартный английский язык; соответствие нормам научного стиля; соответствие требованиям редакции, в т.ч. связанным с оформлением и форматированием.

Рукопись статьи, как правило, имеет четкую структуру и включает в себя следующие элементы (обязательные элементы отмечены знаком *): название (Title)*; имя и место работы автора (Author and affiliations)*; аннотация (Abstract)*; введение (Introduction)*; материал и методы (Materials and methods); результаты (Results); интерпретация результатов (Discussion); выводы (Conclusion); список благодарностей от автора (Acknowledgements); список используемой литературы (References)*. Каждый раздел имеет свое предназначение и своё содержательное наполнение.

Соблюдение (или несоблюдение) вышеуказанных требований является критерием принятия статьи к публикации. Как правило, научные журналы не предоставляют услуг по редактированию и корректуре рукописей, предоставляя автору возможность отредактировать статью самостоятельно, поэтому подготовка аспирантов к ведению письменного научного дискурса имеет немаловажное значение. С учетом вышесказанного нами были разработаны рекомендации по редактированию текста англоязычной научной статьи, предназначенные для русскоязычных авторов, а также список выражений, рекомендуемых к использованию в соответствующих разделах статьи.

Методика обучения аспирантов, направленная на развитие у обучаемых нормативно правильного и функционально адекватного владения основными коммуникативными умениями и навыками говорения, аудирования, чтения, письма и перевода с целью ведения иноязычной научной коммуникации, была апробирована в процессе занятий по подготовке к экзаменам кандидатского минимума. Она содержит три ключевых составляющих. Первая - это теоретическая (вводная) часть. Вторая составляющая - чтение и анализ научных статей, составление глоссариев по теме исследования. Третья - разбор грамматических особенностей англоязычных научных публикаций.

Вводная часть обучения включала научно-методические семинары для аспирантов гуманитарных специальностей: «Основы научных исследований в лингвистике», «Методика написания научно-исследовательской статьи», «Специфика научной коммуникации на английском языке». На начальном этапе обучения аспирантов англоязычному научному дискурсу целесообразно было ознакомить их с основными принципами построения научной статьи и получить представление об особенностях английского научного стиля. Особое внимание уделялось выявлению отличий в плане методологии и принципов подачи материала от требований русскоязычных научных журналов.

В рамках формирования умения анализировать и усваивать лексический материал, аспирантам предлагалось составление глоссариев по отраслям наук (табл.1), включающих до нескольких сотен лексических единиц. Опорой могли служить уже составленные глоссарии в их предметной области, которые при желании могли быть дополнены, расширены и уточнены самими обучающимися. Необходимость разработки глоссариев обусловлена тем, что в научных текстах особое внимание следует уделять переводу терминов, которые Алексеева И.С. определяет как «саморегулируемый лексический аппарат, специально выработанный для передачи когнитивной информации» [Алексеева, 2000, с.66]. В количественном отношении в текстах научного стиля термины преобладают над другими видами специальной лексики (номенклатурными наименованиями, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами и пр.).

Таблица 1

Примеры тематических глоссариев	
<i>Для области наук 39.00.00 – Социология и социальная работа</i>	
Antisocial behavior	антисоциальное поведение ...
Community	сообщество...
Discretionary power	дискреционные полномочия...
Evaluation criteria	критерии оценки...
<i>Для области наук 41.00.00 – Политические науки и регионоведение</i>	
Amendment	поправка ...
Ban	запрет, запрещать ...
Constituency	избирательный округ ...
Early elections	досрочные выборы...
<i>Для области наук 38.00.00 – Экономика и управление</i>	
Assets	основные фонды, активы...
Blue chip company	компания с первоклассной репутацией...
Distribution of income	распределение доходов...
Employment rate	уровень занятости населения...
<i>Для области наук 40.00.00 – Юриспруденция</i>	
Abuse of power	злоупотребление полномочиями...
Amend (a law)	вносить поправки/дополнения (в закон) ...
Commit a crime	совершить преступление...
Constitutional rights	конституционные права...

Результаты проводимой работы в соответствии с изначальным её назначением можно разделить на два блока: научно-методический и учебный (образовательный).

Научно-методическими результатами явились разработка методических рекомендаций по редактированию текста англоязычной научной статьи; разработка комплекса контрольно-измерительных материалов (тестов); подготовка к публикации учебного пособия для аспирантов гуманитарных специальностей; публикация научных статей в сборниках ВАК РФ (опубликованы 3 статьи по методологии проводимой работы); презентация докладов на научно-практических конференциях. Образовательными результатами явились совершенствование лексико-грамматических навыков; усвоение принципов построения англоязычной научно-исследовательской статьи; получение представления об особенностях английского научного стиля; изучение профессиональной терминологии; выход на международный уровень научных публикаций (опубликовано 3 статьи – предметные области социология, психология, языкознание; 4 статьи представлены к публикации).

Принципы, положенные в основу предлагаемой методики, носят универсальный характер и могут быть адаптированы для научных специальностей любого профиля, а также при обучении навыкам научной коммуникации на других иностранных языках.

Проводимая работа выявила проблемные моменты в плане формирования готовности отечественных исследователей к осуществлению иноязычной научной коммуникации, которые хотелось бы изложить для обсуждения и поиска совместных решений, так как обозначенная проблема является актуальной для российского научного сообщества.

1. Языковая подготовка.

Слабый базовый уровень владения английским языком у большинства отечественных исследователей требует восполнения пробелов в языковой подготовке. Наряду с изучением иноязычной научной терминологии, обучением навыкам ведения дискурса, перевода следует останавливаться на формировании и закреплении базовых лексико-грамматических навыков, реализации коммуникативных методик обучения. Ограниченное количество часов, отведённых на изучение иностранного языка на разных этапах вузовской подготовки, значительно осложняет решение этой задачи.

2. Отличия в методологии исследований.

Имеют место не только различия в методологии написания статей в зарубежных научных журналах и отечественных изданиях, но и различия в самой методологии проведения исследований. Например, в лингвистике, это гораздо более широкое использование зарубежными исследователями корпусов текстов, баз данных, специального программного обеспечения, а также естественно-научных методов исследования, как на

этапе планирования отдельных исследовательских процедур, так и в процессе обработки результатов работы. Соответственно, для того, чтобы быть принятыми к публикациям в международных базах, исследователям приходится задуматься о смене методологических подходов, что уже гораздо более серьезно, чем адаптация к структуре статьи.

3. Новизна лингвистических исследований.

Позволим себе (опять же, на примере лингвистических исследований) сделать вывод о сложности «конкуренции» с учёными – носителями языка в проведении оригинальных, содержащих реальную научную новизну, исследований. Здесь выигрывают работы, проводимые в сравнительном, сопоставительном ракурсе с родным языком либо работы по русской филологии, литературе, сравнительному языкознанию, славистике.

4. Неоднозначная реакция академического сообщества.

Недостаточный опыт зарубежных публикаций (а то и отсутствие такового) у отечественных исследователей; относительно неожиданное и новое требование наличия публикаций в реферативных базах в качестве критерия научной состоятельности учёного; необходимость адаптироваться к новой роли активного участника научной коммуникации (в предельно сжатые сроки) вызывают вполне объяснимую отрицательную реакцию некоторых исследователей и неприятие столь радикальных перемен.

В заключение отметим, что презентация научных публикаций международному сообществу является эффективным средством популяризации результатов исследований в глобальном мире, но работа по формированию готовности исследователей к участию в международной научной коммуникации требует взвешенных, обдуманных подходов. Важно, взаимодействуя с носителями другой культуры с учетом современного научного мировоззрения, суметь остаться носителем национальных ценностей, норм и представлений, способствуя, таким образом, решению задач, стоящих перед российской наукой на современном этапе ее развития.

Список литературы

Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика / И.С. Алексеева. СПб: Институт иностранных языков, 2000. 192 с.

Иванова В.И., Тивьяева И.В., Евсина М.В. Англоязычная научная коммуникация как инструмент презентации результатов исследований / В.И. Иванова, И.В. Тивьяева, М.В. Евсина. – Тула: Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №4. 598 с.

Hyland K. Academic Discourse. English in a Global Context / К. Hyland. Continuum International Publishing Group, 2009. 215 p.

Иванова Н.С.
Университет им. Асена Златарова
г. Бургас (Болгария)

Ivanova Nelya
Assen Zlatarov University
Bourgas (Bulgaria)

*КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УСПЕХА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И БОЛГАР: К
АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

*CONCEPTUALIZATION OF THE SUCCESS IN RUSSIAN AND BULGARIAN WORLD PICTURE
NOW – NEW DYNAMIC CHANGES*

Данное сообщение посвящено исследованию некоторых актуальных семантических процессов в двух славянских языках – русском и болгарском, отражающих динамику представлений по отношению феномена *успех* в новой экономической и культурной ситуации последних лет. Специальное внимание обращается на факты семантической деривации, смысловой модификации, а также заимствованию и калькированию лексем из английского языка, которые объективируют концепт «*успех*» в общественно-политическом дискурсе сегодня. Анализ в таком плане, на наш взгляд, дает интересную информацию об изменениях в картине мира носителей наших языков и мотивирует исследование языка как транслятора культурно значимой информации.

This article is devoted to investigation of current semantic processes in two Slavonic languages – Russian and Bulgarian, reflecting dynamics of the economical and cultural situation of recent years, and some representations with respect to the phenomenon of the concept of *success*. Special attention is drawn to the facts of semantic derivation, semantic modification, as well as borrowing and tracing some words from the English language, which objectifies the concept of «*success*» in political discourse today. The analysis in this regard, in our opinion, gives interesting information about the changes in the world picture projected in our languages and motivates the study of language as a cultural translator of significant information.

Ключевые слова: успех, концепт, языковая картина мира, семантические процессы, русский язык, болгарский язык, вербальная оценочная сфера.

Key words: success, concept, verbal world picture of view, semantic processes, Russian, Bulgarian, estimations in the verbal scope of the concept “success”.

Понимание сущности и измерений успеха как социального ориентира современного человека особенно интересно исследовать в связи с динамичным развитием и изменением общественно-политических и экономических условий в последние десятилетия как в России, так и в Болгарии. Болгарский профессор-социолог Н. Тилкиджиев опубликовал обзорную статью, анализирующую социальные индикаторы жизни на базе данных всех европейских стран. В ней учёный рассматривает *успех* в одной концептуальной рамке с качеством жизни

и называет *счастье «результатной успеха»*, а удовлетворенность жизнью – степенью *«позитивного» успеха*. Счастье, пишет Н. Тилкиджиев, является «важным понятийным субъективным индикатором качества жизни, но едва в последние несколько лет, особенно с 2000 г., оно привлекает интерес исследователей, комментаторов, экспертов, политиков, журналистов. Возможно это выглядит как «интуитивно-утилитаристское» отношение к счастью, но представления о нем, оценки достигнутой «степени» счастливой жизни являются собирательным и концентрированным образом достигнутого успеха, удовлетворённостью жизнью в целом, итогом полноценной жизни. Несмотря на субъективность и относительность оценки достигнутого счастья, она может быть обобщённым показателем самооценки людей, их места и роли в обществе, полученного признания этого места и роли» [Тилкиджиев, 2006, с. 122].

Экзистенциальная важность этих проблем особенно в период социальных трансформаций фокусирует вокруг себя богатую речевую практику носителей как русского, так и болгарского языков. В ней можно выделить ценностные аспекты современной культуры достижения, а также формирующиеся общественные реакции на новый статус *успеха*. Русский ученый С. Ключников, например, высказывает категорическую позицию, что «кризисы России во многом происходят от отсутствия общих идеалов успешности» [Ключников, 2002] Слово «успех», пишет он, – русского происхождения, но само понятие это в нашем обществе несёт на себе налёт западного мироощущения. Отношение к успеху и успешным людям у нас и на Западе весьма различается. Если на Западе существуют целые школы развития успешности и успешность культивируется как определённый стиль поведения и жизни, то у нас отношение к этой теме более сложное. В советское время успешные люди именовались выскочками и карьеристами, идеалом были скромные герои-бессеребренники. Сегодня богатые и успешные люди часто бывают объектами всевозможных нападок – хотя у нас они часто заслуживают такого отношения. ... У нас нет развитой гармоничной теории успешности, но есть природные комплексы и почти архетипическое ее неприятие, нет культуры успеха. Наша страна и нация не пришла к единому мнению по поводу того, что же такое жизненный успех. Для одних это только духовные устремления и отрицание мирского, для других важно и мирское, но они неудачливы, и это есть источник их протеста против успешности как таковой. Третьи добились успеха, но неправедными путями (как говорил Остап Бендер, «все современные крупные состояния нажиты нечестным путем»), но они совершенно не думают о других и с непривычки заняты демонстрацией собственного богатства. Они играют в успешность абсолютно без правил, подчас пугая своим варварским мировоззрением и поведением. Эти

три класса людей не могут между собой договориться: у них нет единых критериев жизни» [Ключников, 2002, с. 28] Проблемам исследования тематики успеха на основе сопоставления различных ментальностей и языков посвящены также диссертационные исследования [Адолина, 2005; Андриенко, 2009; Розенберг, 2001; Эренбург, 2006].

Стремление к выявлению единых критериев благополучия общества очень актуально в Болгарии, его результатом стало издание специальной книги «22 модели успеха, или как достичь успеха в Болгарии» болгарских журналистов А. Георгиева, Г. Стайкова, Э. Спахийского. В этой книге они публикуют интервью с 22 успешными людьми /число неслучайно, столько длится переходный период в Болгарии/, претворившими в жизнь современный идеал успешного человека [Георгиев, Стайков, Спахийски, 2012]. Семантическая модификация самой лексемы «успешный» и ее употребление с одушевленными существительными /и в русском, и в болгарском языках/ является результатом объективации этого идеала: «*Как човек може да успее? Колкото по-добре се научиш да служиш на хората, толкова **по-успешен** ще бъдеш!*» [Георгиев, Стайков, Спахийски, 2012, с. 65]; «*Ето това е другото нещо. Разговарял съм с много хора, които са **успешни** и в бизнеса, и в политиката, а са на 60-70 г и продължават да имат планове, като че ли са на 20*» [Георгиев, Стайков, Спахийски, 2012, с. 129].

Причину данной метаморфозы многие исследователи находят во влиянии английского языка. В «Словаре модных слов» В. Новикова о лексеме *успешный* читаем: «Эпитет *успешный* недавно съездил за границу и вернулся оттуда солидным, пополневшим в смысловом отношении. Вспомним, каким он был до ‘того’: ‘*сопровождающийся успехом*’, ‘*удачный*’ – так и только так говорилось о нём в толковых словарях. *Успешным* можно было назвать какое-нибудь дело, мероприятие, но не человека. Для характеристики личности использовалось прилагательное *преуспевающий*, имевшее, кстати, лёгкий оттенок неодобрительности: недаром в словаре Ожегова в качестве примера его употребления приведено сочетание *преуспевающий делец*. Но вот наш *успешный* встретился за рубежом со своим английским коллегой по имени *successful*, который живёт гораздо богаче, свободно сочетаясь и с названиями дел, и с наименованиями людей. В англо-русских словарях эти значения до сих пор даются под разными цифрами 1. *успешный, удачный*; 2. *преуспевающий, удачливый*. Русский язык, в отличие от английского, долгое время упорно отделял труд от труженика, общественное от личного. Переняв западный опыт, прилагательное *успешный* удвоило свои капиталы на родине. Не только *успешный проект*, но и *успешный бизнесмен, успешный артист* – теперь звучит повсюду. Сосуществование двух значений, старого и нового, можно проследить в названиях книг, продающихся с лотков: здесь есть и «Краткий

курс успешного похудения», и «Суперстратегия успешного продавца». Перемена значения отражает глобальный сдвиг в нашем сознании. Много лет нас призывали отдавать все силы успешному решению «поставленных задач» и не заботиться при этом о собственном персональном благополучии. Но жизнь берёт своё: для того чтобы социальное развитие страны было по-настоящему успешным, необходимо наличие в обществе *успешных личностей*» [Новиков, 2011, с. 218-219].

Подобная тенденция расширения сочетаемости прилагательного *успешный*, как видно из приведенных выше примеров, наблюдается и в болгарском языке. Сегодня в болгарском наряду с лексемами *успял* ('достигший успеха') и *преуспял* ('достигший большого успеха'), согласно словарным статьям в Болгарском толковом словаре [БТР, с. 747; 1009], сферой достижения такого успеха является наука: '*преуспял в науката*', а в узусе это значение связывается только с материальным успехом: '*достигший большого успеха в виде финансового и материального благополучия*', употребляется и прилагательное *успешен*, которое сочетается с одушевлёнными существительными в значении *носителя успеха*. Можно считать утвердившимся речевым фактом семантическую модификацию прилагательного *успешен* в современном болгарском языке: расширение его сочетаемости с одушевленными существительными и переосмысление значения 'сопровождающийся успехом' (*успешен спортист, успешен треньор, т.е. 'завоевавший награды, почет'*): «болгарский успешный человек успешен преимущественно в бизнесе» [Иванова, 2012, с. 134].

В последнее время в болгарском языке происходит и дальнейшая прагматизация значения лексемы *успял* ('достигший успеха') по отношению актуализации признака '*материальное и финансовое благополучие*', так как в дискурсе с ней уже фиксированы словосочетания с количественным значением: «*В нормално общество можеш да съм в пъти по-успял*» [Георгиев, Стайков, Спахийски, 2012].

Этот же признак актуализируется только в лексеме *успех* в отличие от синонимичной ей *сполука* (*успех, благополучие, добро* [БТР, 915] при их контекстуальном сопоставлении: «*Горчивият грях на днешния век е, че преобърна представите за успеха - няма успех, който да не носи пари. Не е успех което и да е дело, ако не те направи богат. И... ако не влезеш в телевизора. И младият човек, който трябва да се пребори с враждебните днешни учебници, като вижда онези със специфичния говор, онези с купените гласове, онези с по една прочетена книга, онези, дето не знаят столиците на европейските държави, всичките заможни и известни с това, че са известни - той доброволно и напълно информирано се отказва от този вид сполука. Сполуката, която се добива с учене*» [Донков, 2013].

Фактом современного состояния болгарского языка являются также прямые заимствования слов из английского языка, которые восполняют существующую лакунарность в обозначении «сферы» успеха, его носителей и даже гарантов его достижения. Обозначая понятия, у которых в нашей жизни до сих пор не было аналога, некоторые слова из английского языка были заимствованы в их оригинальной (транскрибированной) фонетической форме, которая получила письменную фиксацию: «Тя работи като *лайф-коуч*» (*'life coach'*, букв., она работает *тренером для жизни, т.е. тренером успешных людей), уже стало вопросом престижа быть тренером себя самого в достижении успеха – «Обществото признава хората-селфкоуч» (*'self coach'*). Таким же смысловым зарядом обладает лексема *промоутър* (*'promoter'*), так как ею обозначается 'лицо, гарантирующее успешное исполнение профессиональных обязанностей рекомендованным им лицом'. Достигнутый успех обеспечивает *даунишифтинг* (*'down-shifting'*, т.е. наличие больше свободного времени, которым располагает успешный человек).

В других случаях, в связи с желанием акцентировать новый момент в осмыслении успеха как сугубо личного достижения и результата личной предприимчивости, говорящий заимствует из английского целое словосочетание, являющееся контекстуальным синонимом болгарского слова *успял* ('достигший успеха'): «*Радвам се, че едно от нещата, които сега учат синът ми и дъщеря ми в училище, е да бъдат risk taker. Трябва да си добър „взимач“ на рискове, ако искаш да живееш интересен живот, живот с предизвикателства. Въпросът обаче е какъв искаш да бъдеш - предприемач или служител? Това е първият избор, който трябва да направиш*» [Георгиев, Стайков, Спахийски, 2012, с. 124]. Таким образом, болгарский *успешный человек* – это прежде всего решительный человек. На его фоне выделяются также и его *суперуспешные* и *мегауспешные* собратья. Для сравнения, в русском тоже встречаются подобные окказионализмы: «*Все эти его позы, эпатаж – защитная маска одинокого несчастного человека. Если человек живёт так активно напоказ, демонстрируя свою мегауспешность, значит, внутри что-то плохо. А когда внутри гармония и комфорт, никому ничего не надо доказывать*» [Полупанов, 2012].

В стремлении определить значение успеха для своей жизни и деятельности люди оценивают его сущность, проявления, воздействие.

Вербальная оценочная сфера концепта «успех» содержит много и разнообразных определений, в них отражаются как его ценностные измерения сегодня, так и культурная и историческая обусловленность.

Данные Словаря русской идиоматики (2011) содержат 47 атрибутивных словосочетаний с лексемой «успех». Хотя их диапазон в семантическом плане достаточно

широк, тем не менее, все они объединяются семьей ‘выдающийся’, ‘выходящий за рамки обычного’: *большой, колоссальный, крупный, громадный, исключительный, поразительный, удивительный, беспримерный, невиданный, потрясающий, ошеломляющий, сногшибательный, впечатляющий небывалый фантастический, феноменальный, чрезвычайный* успех.

При этом в русском медийном дискурсе, по свидетельству А. Андриенко, наиболее употребительной является пара антонимов *истинный (подлинный, настоящий)* и *ложный успех*. Для русского человека, пишет она, становится принципиальным различать успех «настоящий» и «ложный», ведь именно настоящий успех обладает ценностью:

«Успех мнимый и подлинный, различать эти понятия очень важно... Подлинный успех всегда предполагает наличие внутренней удовлетворенности, идущей из глубины человеческого существа, веру в себя и в свои возможности». [Ключников, 2002, 15, цит. по Андриенко, 2009]

А. Андриенко также указывает, что ценностная составляющая концепта *успех* в русской лингвокультуре отличается полярностью семантических признаков. Это можно объяснить исторически сложившимся скорее отрицательным отношением к исследуемому концепту в русской культуре [Андриенко, 2009, цит. по Иванова, Андриенко, 2014, с. 12] Тем не менее, отмечает А. Андриенко, несмотря на употребление прилагательных с отрицательной оценкой в сочетании с ключевой лексемой *успех /дурной, пустой, незначительный, незаслуженный/*, следует отметить, что данный концепт в русском медийном дискурсе в широком смысле, несомненно, несет положительное значение, рассматривается как ценность, благополучие и предмет стремлений, что проявляется на уровне предложений:

«Истинная успешность – это, во-первых, сплав более-менее благоприятных внешних обстоятельств, внешних условий; во-вторых, более-менее благоприятное внутреннее состояние» [Ключников, 2002, с. 189, цит. по Андриенко, 2009]

Примечательным фактом отражения феномена успеха на страницах и русской, и болгарской современной прессы является персонификация его сущности. Об успехе люди говорят как о человеке. Но это человек исключительной породы – у него гиперболизированы до крайности все черты, все характеристики. Успех имеет размеры */крошечный, маленький, малък, голям, огромен/*, внешний вид */красив, пылен, полный/*, рост */нисък, висок/*, характер */жесток, скромн, верен, лъжлив, скромный, серьезный, верный/*, ментальный статус */безумный, бешеный, сумасшедший/*, материальный статус */мизерен, благополучный/*.

Самое большое число определений зафиксировано в сфере функциональной природы успеха – его воздействия на окружающих: на их зрение /*явен, неявен, видим, виден, бляскав, искрящ; блестящий, блистательный, невиданный*/, на их слух /*мълчалив, шумен, оглушителен, оглушительный, громкий*/, на равновесие воспринимающего /*болг. зашеметяващ, потресаващ, головокружительный, сногшибательный, ошеломляющий, потрясающий*/, на целость, с угрозой для жизни окружающих /*смазващ, размазващ*/: «*Бляскав и смазващ успех на нашите волейболисти*». «*Смазващ успех на новия албум на групата ...*» (материалы печати)

Тематика успеха очень актуальна для каждого индивида, но она значима и в социальном и культурном измерении.

Анализ её словесных объективаторов в современной речевой практике помогает, на наш взгляд, исследовать ценностные установки современных носителей русского и болгарского языка, что позволяет раскрыть существенные аспекты коммуникации и взаимного понимания в коммуникации на этих языках.

Список литературы

- Адонина И.В.* Концепт *успех* в современной американской речевой культуре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.В. Адонина. Хабаровск, 2005. 21 с.
- Андриенко А.А.* Концепт *успех* в американской и русской культуре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Андриенко. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.
- Български тълковен речник.* София: Наука и изкуство, 2002. 1093 с.
- Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е.* Моделът на успеха 22. Или как да успяваш в България / А. Георгиев, Г. Стайков, Е. Спахийски. София: Изд-во IFO Design, 2012. 217 с.
- Донков К.* Поетът Калин Донков. Езикът на омразата е зловещо есперанто [Электронный ресурс] / К. Донков // Газета Прессадaily (24.05.2013). – Режим доступа: pressadaily.bg/.../15685.
- Захариев М.* Моето поколение все още не е изгубено / М. Захариев // Стандарт. – 2013. – №7326 (XX). С. 18.
- Иванова Н., Андриенко А.* Концепт «успех» в ценностном и языковом измерениях в болгарской, русской, британской и американской лингвокультурах” / Андриенко А., Н. Иванова // Съпоставително езиковедие. – 2014 – 1. С. 5-20.
- Иванова Н.С.* Ценностните аспекти на разбирането /концептът *успех* в българската, руската и британската речева практика /Н.С. Иванова. – Бургас: Изд-во Либра Скорп, 2012. 199 с.
- Ключников С.Ю.* Фактор успеха. Новая психология саморазвития /С.Ю. Ключников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/klyuchnikov.html> (дата обращения 05.03. 2012).
- Новиков В.* Словарь модных слов / Сост. Вл. Новиков. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. –3-е изд., доп. 256 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).
- Полупанов В.* Дама с оркестром /В. Полупанов // Экстра М., 2012. – № 15 (1004). С. 21.
- Словарь русской идиоматики.* Сочетания слов со значением высокой степени. Academic. Москва. 2011.

Розенберг Н.В. Архитектоника успеха в культуре: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01/ Н.В. Розенберг. Тамбов, 2001. 25 с.

Тилкиджиев Н. Качество на живот и щастие: европейски ренесанс на една традиция. Отвъд дисциплинарните (само) ограничения / Н. Тилкиджиев // Сборник в чест на проф. Елена Михайловска. София, 2006. С. 122-144.

Эренбург Н.Р. Концепт *успех* и его репрезентация в русском языке новейшего периода: автореферат дисс. канд. филол. наук: 10.02.02/ Н.Р. Эренбург. Воронеж, 2006. 21 с.

Иванова О.Ю.
Российский новый университет
г. Москва (Россия)

Ivanova Olga
Russian New University
Moscow (Russia)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Ф. АННЕНСКОГО

(к 160-летию со дня рождения)

RUSSIAN IN INNOKENTY F. ANNENSKY TEACHING PRACTICE

(celebrating his 160th anniversary)

В статье представлен небольшой обзор работ известного русского поэта и переводчика И.Ф. Анненского, посвященных проблемам преподавания русского языка, а также анализируется одна из его статей, не потерявшая актуальность и в наши дни.

The article is a short review of the works by renown Russian poet and translator I.F. Annensky, concerned with problems of teaching Russian; it also analyzes one of Annensky's articles, which is still relevant today.

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, русский язык, педагогическая деятельность

Key words: Innokentiy F. Annensky, Russian, teaching practice

В этом году мы отмечаем 160-летие со дня рождения И.Ф. Анненского. Для большинства читателей Анненский известен, прежде всего, как поэт Серебряного века, для немногих – он еще и переводчик Еврипида, Горация, Гете, французских поэтов «рубежа веков», и только единицы, к сожалению, знают о том, что Иннокентий Федорович Анненский – это еще и гимназический учитель, директор Николаевской гимназии, педагог-методист, ученый-филолог, чиновник от Министерства народного просвещения.

Родственник Анненского М.М. Позднев, преподаватель Санкт-Петербургского университета, в своем докладе, посвященном Николаевской гимназии отметил, что «если бы Анненский не был филологом-классиком и если бы он не был для официальной историографии прежде всего поэтом-декадентом, советская педагогика непременно канонизировала бы его также, как она канонизировала Ушинского» [Позднев, Эл.ресурс].

Русская гуманитарная наука, как и наука на русском языке, к сожалению, с подачи российских же ученых, теперь в мире не очень котируется, однако уважение к отдельным авторитетам из тех, что писали или пишут по-русски, к счастью, еще сохранилось. К таким безусловным авторитетам относится А.Ф. Лосев. Лосева однажды спросили о его идеале ученого. На этот вопрос он ответил так: «Мой идеал ученого? Ну, так трудно сказать, но я думаю, что к идеалу приближается Зелинский Фаддей Францевич, в Петербурге, который, во-первых, был в душе поэт-символист, а во-вторых, крупнейший, европейского масштаба, исследователь античности. ... По-моему, вот это вот совмещение классика, филолога-классика, поэта и критика замечательно. Ну, так же был настроен Ин. Анненский» [Лосев, 1988].

Нельзя не согласиться с тем, что эта высокая оценка, данная Анненскому ученым с мировым именем, заставляет задуматься о роли Иннокентия Федоровича в развитии отечественного гуманитарного знания, а тематика конференции в связи с этим дает повод порассуждать о том, какое значение придавал Анненский русскому языку в контексте культурно-антропологических аспектов межкультурной коммуникации, к которой, с учетом казавшихся тогда безграничными возможностей общения, он готовил своих учеников.

В многогранности и разносторонности своих занятий Анненский потрясает удивительной цельностью и последовательностью. Вся его жизнь – ученого, поэта, переводчика, учителя – посвящена служению Слову, которое будит Мысли и Чувства. Занимаясь педагогической деятельностью, Анненский прекрасно понимал, какова роль школы в формировании человека мыслящего и правильно выражающего свои мысли. Именно школьное общее образование, которое было реализовано в России, начиная с реформ 1802 г. и имело своей целью подготовку поколения, эффективно размышлять, говорить и действовать, во многом предопределило интеллектуальный и промышленный взлет России в начале XX века. Анненский был активным сторонником сложившейся классической образовательной системы и всячески в своей педагогической деятельности ее поддерживал. Его точка зрения на школьное образование нашла отражение в серии «Педагогических писем». Это был цикл из 5 статей, написанных в эпистолярном жанре для популярного тогда среди педагогической общественности журнала «Русская школа». Главным редактором этого журнала и адресатом писем Анненского был Я.Г. Гуревич. Вот что пишет Анненский в одном из писем о гимназическом образовании: «Нормальное общее образование преследует одну цель – развитие ума, т. е. логического мышления и фантазии. Все сведения, которые в средней школе сообщаются, должны служить этой цели: если их сообщение не преследует цели развития ума, – они балласт, не более. Для меня это аксиома,

– во всяком случае это основание всех моих дальнейших построений. Есть три научных области, различающиеся как объектами, так и приемами мышления: это математика, естествознание и языкознание. Все эти три области полагаются в основу среднеучебного курса. Характер их и степень педагогической универсальности представляются мне в следующем виде. Математика имеет дело с абстракциями. <...> В математическом курсе, повторяю, имеется в виду не применение теоретических знаний к практике, а, напротив, способность всегда отвлекаться от известных материальных отношений и ограничений. Курс естествознания, в полную противоположность математическому, держит мысль учащегося прикованной к тому, что *есть* (физически, конечно, а не метафизически), что подлежит нашим пяти внешним чувствам и через них опыту и наблюдению. <...> Но есть область, где оба момента, и материальный, и формальный, уравниваются – это область *слова*. Слово, с одной стороны, принадлежит миру физическому, как сказанное (*rhma, verbum*), с другой стороны, как оболочка мысли (мысль и её знак – слово – тесно срослись и переплелись вследствие продолжительного сосуществования), оно удовлетворяет требованиям чисто отвлечённого характера. Слово есть результат ряда мозговых и мускульных работ, и в то же время оно есть отправная точка нашего проникновения в духовный мир человека: оно есть явление тоническое, с одной стороны, и отражение логических и метафизических категорий, с другой – ни один из предметов науки, даже сам *человек*, не может быть наблюдаем и изучаем со стольких различных точек зрения: язык исследуют со стороны физической, анатомо-физиологической, психологической, логической, грамматической, этнографической, философской, историко-литературной, эстетической (*die Sprachkunst, die Sprache als Kunst*). Язык имеет жизнь и историю, подлежит разнообразным классификациям. Представляя своим грамматическим строем явление особое, единичное, своим словарём он переплетается с культурой и, как фонограф, сохраняет звуки, он сохраняет мысли эпох, давно отживших, народов позабытых» [Анненский, 1892, с. 148-149].

Для Анненского сам процесс изучения языка (европейского, классического, русского – любого) направлен на формирование системности мышления и развитие способности выражать свои мысли. Анненский, безусловно, дифференцирует целевые установки и средства их достижения при изучении древних языков, живых европейских и родного, но при этом всегда подчеркивает ту специфическую роль, которую играет в формировании личности в сравнении с другими школьными предметами процесс освоения языка. Являясь учителем латыни, древнегреческого языка и античной литературы, переводя с древнегреческого, латинского, французского и немецкого, Анненский одновременно был специалистом и в преподавании русского языка, а также безусловным подвижником в своем

стремлении упрочить то состояние русского языка, которое теперь называют набирающим популярность термином «этнолингвистическая витальность»².

О том, какое место занимал русский язык в научно-педагогической и административно-педагогической деятельности И.Ф. Анненского, свидетельствуют списки его библиографии, – прижизненный, составленный Е.Архиповым, и научный, систематизированный обзор, присутствующий в различных изданиях А.И. Червякова.

В этих библиографических списках мы найдем помимо стихотворений, поэм, критических статей, переводов, материалов, связанных с преподаванием древних языков, работы, посвященные изучению и преподаванию русского языка.

Например:

- Программа изучения языка и поэзии Пушкина. СПб., 1882. 6 [ненум.] с. [Рукопись. Литографированное издание].
- Из наблюдений над языком и поэзией русского Севера. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1883. 16 с.
- Первые шаги в изучении словесности: Два сообщения в собрании преподавателей русского языка при Педагогическом музее военно-учебных заведений. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 23 с.
- Лекции по русскому языку Пр. И. Ф. Анненского: 1890 - 91 гг. Курс II / С.- Петербургские Высшие Женские Курсы. [СПб.]: Лит. В. В. Комарова, [1891]. 155 с. [Рукопись. Литографированное издание].

Более 11 лет И.Ф. Анненский посвятил работе в Ученом комитете Министерства народного просвещения. По свидетельству А.И. Червякова, за время работы в Комитете Анненским было написано более 260 рецензий, посвященных оценке различных сочинений о русском, церковно-славянском, польском, латинском и других языках [Анненский, 2000, с.5]. Вот выборочно перечень рецензий, которые касаются непосредственно русского языка:

История Русской Словесности (Учебник для средних учебных заведений). Составил *А. Галахов*. Издание восьмое. Издание книжного магазина В.В. Думнова, под фирму Наследники бр. Салаевых. М. 1895.

Руководство для преподавателей русского языка в младших классах средне-учебных заведений. Приложение к Классной русской хрестоматии. Составил *Владимир Стоюнин*. Второе издание. С.-Петербург. 1889.

² Клюканов И.Э. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности / И.Э. Клюканов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова, Филологические науки, № 1, 2011 г. С.11-20

Язык важнейших произведений русской словесности XI - XIX веков. Составил *Е. Воскресенский*. Изд. 2-ое, дополненное. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1900.

Учебник истории русской словесности в связи с упражнениями в изложении мыслей и внеклассным чтением учащихся. Составил *Ю. Верещагин*, инспектор 3-ей С.-Петербургской гимназии. Издание книжного магазина В. В. Думнова (под фирмой «Насл. бр. Салаевых»). М. и С.-Пб. 1900. Часть 1. (Народная Словесность. Литература XI - XIX столетия). Ч. II. (Литература XIX столетия).

Ф. Василевский. Руководство к составлению различных ученических сочинений. Хрестоматическое пособие для учен. ср. учеб. зав. и для готовящихся к конкурсным испытаниям в высш. специальн. учебн. завед. Тифлис. 1899.

Мнение о книге: Русский синтаксис. *Владимира Стоюнина*. С.-Петербург, 1871. Стр. IV + 114. 22 марта 1899 г.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 86. Л. 342-344.

Мнение о книге: *Янковский Д. П.* К вопросу о преподавании церковно-славянского, русского и польского языков. Варшава, 1898. С. 36. 3 мая 1899 г.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 86. Л. 630-632.

Мнение о книге: Грамматика древнего церковно-славянского языка сравнительно с русским (курс средних учебных заведений). Составил *Е. Ф. Карский*, ординарный профессор Императорского Варшавского Университета. Седьмое издание, переработанное. Вильна, 1899. Стр. IV+112. 31 мая 1899 г.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 86. Л. 874-881.

Мнение по вопросу об увеличении числа уроков русского языка в некоторых гимназиях Рижского учебного округа (по поводу представления Попечителя названного округа от 20 декабря за № 8887). 22 июня 1899 г.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 86. Л. 1026-1034.

Мнение о книге: *Алферов А.* Очерки из жизни языка: (Введение в методику родного языка). М., 1899. Стр. IV + 81. 6 июля 1899 г.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 87. Л. 27 об-29.

Даже этот небольшой фрагмент, на наш взгляд, является достаточно убедительным свидетельством безграничности компетенций и интересов Анненского. В его заметках и рецензиях, разумеется, в силу самого жанра, взгляды на преподавание русского языка представлены, как отмечает А.И. Червяков, «пунктирно» [Там же]. Более пространное изложение этих взглядов дано в материале под названием «Первые шаги в изучении словесности: Два сообщения в собрании преподавателей русского языка при Педагогическом музее военно-учебных заведений» [Анненский, 2001] и в письме к Я.Г. Гуревичу из цикла «Педагогические письма». Это письмо носит название «Образовательное значение родного языка» [Анненский, 1890, с. 21-44].

Первое и главное, на чем настаивает Анненский, в первом сообщении – это

необходимость внутреннего единства практического курса русского языка и курса теории словесности в рамках курса русской филологии. Вот как он формулирует свое видение учебного процесса:

- ✓ «Чем больше единства в учебном курсе вообще и в курсе отдельных предметов в частности, тем нормальнее и легче для учащихся его прохождение.
- ✓ Грамматика и словесность объединяются на почве всестороннего изучения языка (филологии).
- ✓ Целью средне-учебного курса русской филология является понимание произведений русской литературы.
- ✓ Обе части курса должны начинаться и вестись рядом.
- ✓ Надо усиливать в курсе чтение, рассказ, сочинение, лексический разбор, как работу над материалом языка и литературы, вбирающую обе системы: грамматическую и словесную.
- ✓ Язык надо изучать преимущественно на анализе поэтической и разговорной речи.
- ✓ Первая ступень изучения есть накопление материала и различение его с помощью детских определений.
- ✓ Усвоение терминов на второй ступени является существенным подспорьем для курса: термины дают, во-первых, естественную форму установившейся в сознании группы представлений: во-вторых, дают почву для дальнейшего правильного накопления знаний и для образования точных определений» .
- ✓ Настоящая классификация и система могут явиться только при достаточном количестве обобщений и терминов.
- ✓ Грамматический разбор и изучение грамматики могут часто помочь уяснению понятий по теории словесности.
- ✓ При прохождении различных вопросов по теории словесности полезно припоминать и подбирать соответственные грамматические явления.
- ✓ Учитель на каждой ступени преподавания должен иметь в виду не только требования и условия данного момента, но предмет в его целом средне-учебном объеме» [Анненский, 2001].

Обратим внимание на то, что общей целью курса Анненский видит понимание произведений русской литературы. Эта цель подчеркивает то воспитательное значение, которое придает Анненский курсу в целом, рассматривая его как путь к последующему

освоению того интеллектуально-эстетического пространства, которое создано русской литературой.

Во втором сообщении автор уделяет особое внимание развитию наклонностей ребенка к литературному творчеству. По его мнению, «средний ребенок в первых классах гимназии ... мог бы уже писать маленькие самостоятельные сочинения» [Там же]. Анненский предлагает конкретные темы таких сочинений, рассчитанные на ученика 11-14 лет, и на примере темы «Зимние и летние удовольствия» дает конкретный анализ проведения оценочной работы. На его взгляд, в каждом ребенке при написании сочинения необходимо поддерживать индивидуальность и самостоятельность, поскольку каждый из предложенных вариантов сочинения имеет право на существование, и ставить один «в пример другим» нецелесообразно. А вот что делать необходимо, по мнению автора, так это организовать усиленную критику созданного учеником текста с целью его совершенствования. Анненский пишет о разборе школьного сочинения в младших классах следующее: «Требовать плана на первых порах и для всякой темы невозможно. Но вот чего можно требовать, относительно правильности и связности. Надо указывать на повторения, заставлять ученика подметить и исправить неясность. Явная бессмыслица или вычурная претензия, выражение, выхваченное из книги, фраза полупонятная или неуместная, должны быть громогласно изобличаемы. Неточность в выражениях надо исправлять и подчеркивать с осторожностью. Часто ребенок по своему уровню не может еще возвыситься до понимания известных оттенков в понятии. Лучшее сочинение по наблюдательности, искренности и простоте формы должно прочитываться перед классом. Полезно также по разбору сочинения прочитать подходящий литературный отрывок, или даже учителю написать на ту же тему самому» [Там же].

В своем письме к Я.Г. Гуревичу Анненский, прежде всего, определяет ту роль, которую играет обучение родному языку в формировании человека. Он справедливо полагает, что это один из главных педагогических вопросов, и далее формулирует цель своей статьи, которая одновременно могла бы быть охарактеризована как цель обучения родному языку. Анненский отмечает, что обучение родному языку «это едва ли не первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в организации школьного дела, в развитии индивидуальности ребенка. В ряду явлений духовного Мира первое, чему начал учиться первый из обучавшихся людей, был родной язык. Чему обучается человек дольше всего, кончив всякие научные курсы, обучается самую жизнью? Опять-таки родному языку» [Анненский, 1890].

Для Анненского состояние русского языка – это забота общества, направленная на самосовершенствование, именно поэтому он ставит для себя целью «показать, что может и должна делать школа, чтобы работа над языком, которая постоянно творится в отдельных

людях или, по крайней мере, легко вызывается, давала *общие результаты*» [Там же]. Освоение родного языка, осознанная любовь к нему – это, прежде всего, вопрос социализации, усвоения национального мирозерцания, национальных культурных традиций, т.е., следуя еще платоновской терминологии, – вопрос «энциклопедический». «Дело школы поставить эту любовь к родной речи на правильную дорогу, и дело школы же воспользоваться массой точек соприкосновения между родною речью и душевным миром человека для его всестороннего духовного развития» [Там же].

По мнению Анненского, одна из главных задач, которая должна быть поставлена в школе, – это развитие *языкового чутья* в родном языке, другими словами, – воспитание эстетического отношения к культуре речи как на уровне ее порождения, так и на уровне ее восприятия. – «Языковое чутье – сила в высокой степени драгоценная, потому что она открывает нам возможность творчества с одной стороны, и понимания творчества – с другой. Эту силу можно сравнить с совестью и чувством красоты по ее образуемому значению для всей духовной жизни человека» [Там же]. Отрицательно влияют на языковое чутье, особенно тогда, когда оно еще не вполне сформировалось, неумеренные и неуместные языковые заимствования и языковые интерференции, а также – «недостаток упражнений в речи». Анненский всегда активно выступал за расширение творческой составляющей урока родного языка, введение разного рода сочинений и упражнений, активизирующих культуру устной речи.

Некоторые мысли Анненского, высказанные в этом письме, отражая состояние русского языка в его время, прямо перекликаются с размышлениями современных ученых. Вот, например, одно из весьма примечательных замечаний, лежащее в русле идей книги М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва»: «Влияние иностранное усиливается постоянно и действует на центральное языковое чутье так же пагубно, как и на личное. В этом изобилии барбаризмов, которые назойливо вталкиваются *в нашу речь*, особенно повременную печатью, мы как будто переживаем период бессознательного подражания: над смыслом слова, нами на лету улавливаемого, некогда задумываться, некогда связывать вновь усваиваемый оттенок понятия с общим мирозерцанием, новое слово с общим строем речи; мы не замечаем, что входящая масса иностранных слов лишает речь колоритности, выразительности, и что наше языковое чутье слабеет под влиянием этой массы, тупеет от частой и легкой смены ничем не связанных с нашею душой слов» [Там же].

Однако в свое время Анненский с большим оптимизмом, чем мы, нынешние, смотрел на перспективы распространения русского языка и сохранения его этнолингвистической витальности. Говоря о «барбаризации» языка, он в значительной степени относил этот

процесс, в качестве примера, к Германии, нежели к России: «Немецкие съезды для поддержки отечественного языка видят в усилении чужезычного элемента в своей речи не только ослабление языкового чутья, но угрозу самому языку и духу народности, с ним связанному, даже самой народности. «Принимая чужой язык, – говорит г. Трапет (см. выше его речь), – народ гибнет. Немец или немецкое племя, отчуждившееся от родной речи, для нас потеряны. Так, погибли для Германии Лонгобарды, Западные Франки, Бургунды, та же участь грозит немецкому языку в Австрии, где славянский элемент в ужасающих размерах вытесняет немецкий». России, конечно, не грозит ничего подобного: напротив, с каждым годом, в сочинениях Толстого и Тургенева, распространяется русская речь по всему миру – в пределах России она отнимает у немцев эстов и латышей, на юге ей учатся болгары, на востоке она несет культурное влияние к татарам, киргизам, монголам. Внутри у нас речь обновляется свежим запасом народного творчества. Не надо только ожидать, что это обновление может совершиться быстро и производиться нахрапом» [Там же].

Для совершенствования школьной практики обучения русскому языку Анненский считает особо полезной развитие новой, как он ее называет «эвристической» методики, суть которой состоит в «признании необходимости развивать мысль ученика через его речь» [Там же]. При этом Анненский выступает категорическим противником пересказа пусть даже самых достойных текстов, например, текстов русских писателей. Он считает, что для развития мысли и способности облекать ее словами ученик должен рассказывать о своем опыте, а если и касаться прочитанного текста, то не пересказывать его, а использовать как отправной момент в рассказе о своем опыте в аналогичной ситуации. Анненский особенно подчеркивает «значение «творчества», как очень существенного момента в обучении русской речи (устной и письменной)» [Там же].

Анненский особо подчеркивает необходимость в старших классах изучения системной грамматики русского языка, курс которой должен состоять «в изучении языковых процессов, которыми определяется жизнь языка и объясняется его история» [Там же]. При этом курс русской грамматики должен преподаваться в системе сравнительно сопоставительного анализа с новыми европейскими языками и древними, поскольку только в этом случае ученик имеет возможность творчески подойти к процессу освоения грамматики, учиться анализировать и делать собственные выводы.

Примечательно, что Анненский-учитель не только рассуждал о том, как нужно организовать языковые уроки, но и сам активно способствовал внедрению своих идей в практику школы. Владение словом – одна из характерных черт выпускников Николаевской

гимназии. А если мы вспомним, что среди учеников Анненского был, например, поэт Николай Гумилев, то поймем, какие результаты могла давать развиваемая им методика.

Список литературы

Анненский И.Ф. Из педагогического наследия / Сост., подг. текста, предисл. и прим. О.Н. Черновой. Смоленск: СГПУ, 2001. Вып I. С. 62-98, 113. – Цифровой архив М.А. Выграненко.

Анненский И.Ф. Образовательное значение родного языка / И.Ф. Анненский // «Русская школа», 1890 – № 1. С.21-44. – Цифровой архив М.А. Выграненко.

Анненский И.Ф. Учёно-комитетские рецензии 1904-1906 годов. Составление, подготовка текста, предисловие, приложение, примечания и указатель А.И. Червякова / И.Ф. Анненский. Иваново: Издательский центр «Юнона», 2000.

Анненский И.Ф. Языки в средней школе / «Педагогические письма», письмо второе. / И.Ф. Анненский // Русская школа, № 7-8, 1892. С.148-167.

Лосев А.Ф. Интервью / А.Ф. Лосев // Студенческий меридиан 8, 1988.

Позднев М.М. Из доклада о Николаевской гимназии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.bibliotheca-classica.org/drupal/?q=main>

Иноуэ Юкиеси
Университет Дзёти
г. Токио (Япония)

Inoue Yuki Yoshi
Sophia University
Tokyo (Japan)

*ЗАГАДКА ВАРИАТИВНОСТИ ДАТ ПРОИСШЕСТВИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ИМЕНИ
ЦИРЮЛЬНИКА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОС» И ПЕРЕВОД ВКЛЮЧАЮЩИХ ИХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК*

*MYSTERY OF DATES VARIABILITY OF THE INCIDENT AND THE CHANGE OF THE
BARBER'S NAME IN GOGOL'S STORY "THE NOSE" AND TRANSLATION OF SENTENCES
INCLUDING THEM INTO JAPANESE*

В первом собрании сочинений 1842 года повесть Н.В. Гоголя «Нос» начинается с происшествия, случившегося 25 марта, а в «Современнике» 1836 г, в котором она была впервые напечатана, дата происшествия – «Сего Апреля 25 числа», а в предыдущих редакциях даты другие. Кроме того, в первой полной редакции повести Гоголь менял имя цирюльника, нашедшего нос в хлебе. Почему автор менял даты и имя? В настоящей статье, исходя из того, что проблема вариативности дат и изменения имени связана с ритмикой, проанализируем включающие их предложения и попробуем перевести их на японский язык с помощью разработанной нами методики перевода русских стихов на японский.

In N. V. Gogol's first collected works of 1842, the story "The Nose" begins with the incident, which occurred on March 25, on the other hand in the magazine "The Contemporary" of 1836, in which "The Nose" was first published, the date of the accident - "April 25 this year," and even in previous versions the dates are different. In addition, in Gogol's first complete manuscript revision, the name of the barber, who found the nose in bread, was changed. Why did the author change the dates and the name? In this paper, assuming that the problem of dates variability and change of the name is associated with rhythm, we analyze the sentences including these dates and the name and try to translate them into Japanese using the method developed by us for translation of Russian poetry into Japanese.

Ключевые слова: ритмика, порядок слов, аллитерация, ассонанс

Key words: rhythm, word order, alliteration, assonance

I. Загадка вариативности дат происшествия

Повесть Н.В. Гоголя «Нос» начинается с даты 25 марта без указания года. «*Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие*». М. Вайскопф связывает дату происшествия по старому стилю с Благовещением, праздником, во время которого совершается Божественная Литургия [Вайскопф, 2002, с. 323-329]. Он показывает, что стол цирюльника Ивана Яковлевича превращается в жертвенник в алтаре, на котором

совершается первая часть Божественной Литургии – проскомидия, сопоставляя действия цирюльника Ивана Яковлевича с порядком, описанным самим Гоголем в своих «Размышлениях о Божественной Литургии». Например, в «Носе» – «Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак», а в «Размышлениях» – «Священник и диакон приступают к облачению себя в священные одежды», еще в «Носе» – «Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и <...> вытащил – нос!», а в «Размышлениях» – «Священник крестовидно надрезает хлеб и приподъемлет потом <...> вырезанную середину» и т. д. Вайскопф утверждает: «во всей семиотической полноте Рождество, а равно распятие и воскресение Спасителя воспроизводятся в церковном обряде рассечения хлеба» [Там же, с. 328].

Сопоставление действий цирюльника с порядком Литургии показывает, что в повесть действительно введена аллюзия на проскомидию. Однако предложения, приведенные Вайскопфом для обоснования аллюзии, написаны Гоголем уже в первой полной рукописной редакции, начинающейся с даты «Сего февраля 23 числа», которая абсолютно не связана с Благовещением. В то же время дата 25 марта появилось только в первом собрании сочинений 1842 года. До этого в других редакциях Гоголь использовал иные даты, которые, естественно, не связаны с Благовещением. Иначе говоря, Благовещением невозможно объяснить причины изменения дат в редакциях. Ниже мы рассмотрим варианты повести с разными датами.

(1) Черновой набросок начала повести из «записной тетради», который может быть отнесен к концу 1832 г. или к началу 1833 г.,

«23 числа 1832-го года случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие».

(2) Автограф на семи страницах листового формата 1833-34 годов (первая полная редакция повести)

«Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие».

(3) Первый лист белой рукописи, относящийся к марту 1835 г.

«Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие».

(4) В напечатанном тексте «Современника» 1836 г.

«Сего Апреля 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие».

(5) В напечатанном тексте «Сочинений» 1842 г.

«Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие».

Все эти начальные предложения повести с точки зрения структуры являются контекстуально независимыми и коммуникативно нерасчлененными предложениями. Во всех одинаковый порядок слов: *«такого-то числа» «случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие»*, т.е., сначала детерминант времени (*«такого-то числа»*), затем сказуемое (*«случилось»*), затем опять детерминант, но теперь места (*«в Петербурге»*), и в конце – подлежащее (*«необыкновенно странное происшествие»*). Но, как определяет «Русская грамматика» АН СССР, контекстуально независимые коммуникативно нерасчлененные предложения с группой детерминанта характеризуются таким нейтральным словорасположением: «группа детерминанта – группа сказуемого – группа подлежащего» [Русская грамматика т. 2, 1980, с. 197-198]. По правилу нейтральный порядок слов должен быть таким: *«такого-то числа в Петербурге случилось необыкновенно странное происшествие»*. Почему во всех вариантах Гоголь поставил сказуемое *«случилось»* перед детерминантом *«в Петербурге»*, меняя лишь датировку? По Русской Грамматике АН, в предложениях с частичной инверсией, являющихся экспрессивными вариантами, «обязательно происходит членение на две синтагмы», т.е. на два интонационно-смысловых единства, «в которых интонационные центры приходятся на первый и последний ударный слог предложения в целом» [Там же, с. 203]. По норме в начальном предложении «Носа» синтагмы членятся между детерминантом времени (*«такого-то числа»*) и переставленным сказуемым (*«случилось»*) с интонационными центрами на *«такого-то числа»* и *«происшествие»*. Эти экспрессивные варианты первого предложения «Носа» подчеркивают слово *«случилось»* и возбуждают у читателей-слушателей внимание к тому, что именно случилось.

Андрей Белый пишет: «Весь размах лирики, данный ритмами, от которых себя отвлекает в прозе Пушкин, вложил Гоголь в прозу, заставляя вздрагивать, как струны, вытянутые свои строки, дающие звук ассонансов и аллитераций» [Белый, 1934, с. 5]. Анализируя лирический речитатив из «Майской ночи» как пример сочетания ритмов с повторами Гоголя, он замечает: «напеву подчинены — образы, краски, синтаксис, даже... сюжет; тенденция первой фазы – ритм (...) Размером не определима проза; но каждый, порознь взятый, проходит в ней. Читая Гоголя, говоришь себе: ямб, амфибрахий; размер – элемент напева» [Там же, с. 220]. Б.М. Эйхенбаум отметил, что у Гоголя «слова и предложения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам и т.д.» [Эйхенбаум, 1969, с. 306-326]. Ниже мы рассмотрим

ритмико-звуковой аспект вариантов предложения.

(1) В черновом наброске начала повести

23 числа 1832-го года (подчеркнуто мной – Ю. И.) 23 [ч][с][л]

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. 32 [с][л][ч]

_U | _U | UU | _ _ | UU | UU | _ _ | UU | _U | _U || 10 стоп

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | _U U 10 стоп

В этом варианте обе синтагмы состоят из одинакового количества стоп (десятистопная), и в них включен диппирихий (двойной пиррихий). Здесь не обозначен месяц, и Б.А. Успенский считает, что это, возможно, «по недосмотру автора» [Успенский, 2004, с. 54]. Но такие же примеры можно найти и в «Записках сумасшедшего»: «*Никакого числа. День без числа*», «*Числа не помню. Месяца тоже не было*». Не исключена возможность, что 23 (двадцать три) придумано перевёртыванием 32 (1832) г., как отметил И.Д. Ермаков [Ермаков, 1923, с. 189]. Кроме того, во фразе «**23 числа 1832-го года случилось**» можно отметить аллитерацию на [ч][с][л] и [с][л][ч]. И в целом получается анаграмма «23 [ч][с][л]» и «32 [с][л][ч]». Этим можно объяснить, почему Гоголь переставил фразы «в Петербурге» и «случилось». Иначе не получается такой эффект. В этой связи стоит обратить внимание на то, что первая и вторая главы повести строятся «по схеме параллелизма», контрастируя друг с другом, как написал В.В. Виноградов («*Иван Яковлевич проснулся довольно рано*»; «*Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано*»; Иван Яковлевич «*к удивлению своему, увидел...нос*»; Ковалев «*к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!*») и т.д. [Виноградов, 1976, с. 30]). Как самое строение повести, так и фраза «23 числа 1832-го года случилось» может быть придумана по принципу зеркального отражения.

(2) В первой полной редакции и (3) в первом листе белой рукописи

Сего февраля 23 числа (подчеркнуто мной – Ю. И.) [ч] [с] [л]

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие [с] [л] [ч]

U_ | UU | _ _ | U_ | UU | U_ ||

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | _U | U ямб

Порядок слов «Сего февраля 23 числа» в отличие от обычного «23 числа сего февраля» имеет газетно-публицистический стиль документального изложения фактов. Этим Гоголь хотел подчеркнуть, что происшествие в этой повести действительно имело место. Начальному предложению стилистически противопоставлен разговорный интимный стиль, которым рассказчик знакомит читателя с цирюльником в скобках («*(фамилия его утрачена и даже на вывеске его...)*»). И так же, как и в черновом наброске, во фразе «**числа случилось**»

можно отметить звуковой повтор [ч][с][л]-[с][л][ч].

(4) В тексте «Современника»

Сего Апреля 25 (пятого) числа (подчеркнуто мной и скобки мои – Ю.И.) [п][т][ч][с][л]
случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. [с][л][ч][п][т]

U_ | U_ | U_ | U_ | UU | U_ || ямб

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U_ | U ямб

В этом предложении обе синтагмы ямбические, и звуковая выразительность речи больше чем в вышеуказанных трех вариантах. Здесь можно найти аллитерацию даже на пять согласных [п][т][ч][с][л]-[с][л][ч][п][т], которая по звуковой выразительности еще сильнее предыдущей редакции.

(5) В тексте «Сочинений» 1842 г.

Марта 25 числа

(Марта двадцать пятого числа) (обозначение чисел буквами мое – Ю. И.) [а][а][я][а]-
[п][т][ч][с][л]

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. [с][л][ч][п][т]

_U | _U | _U | UU | _ || хорей

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U_ | U ямб

В этом варианте звуковая выразительность речи гораздо больше, чем в других вариантах. Во-первых, только в этом варианте две синтагмы отличаются по ритму: первая – хорей, а вторая – ямб. Переставленное сказуемое и противопоставленные двухсложные размеры, вызывая столкновение как синтаксически, так и ритмически, звучат странно и фантастически. Во-вторых, в дате «Марта двадцать пятого числа» явный ассонанс на [а] с наибольшей сонорностью, который придает хореическому ритму этой даты еще бóльшую звуковую выразительность. И в-третьих, так же, как и в тексте «Современника», во фразе «*пятого числа случилось в Петербурге*» отчетлива аллитерация на [п][т][ч][с][л]-[с][л][ч][п][т]. И это усиливает напевность и созвучие ассонанса на [а]. Другими словами, весьма умело совмещается ассонанс и аллитерация, что придает предложению яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Таким образом, в варианте «Марта двадцать пятого числа случилось...» с перевёрнутым порядком слов, звучащим странно и фантастически, чудесно совмещается не только особая ритмико-звуковая и стилистическая выразительность, но и аллюзия на Божественную Литургию и совпадение даты с Днем Благовещения, и всё это в целом делает этот вариант предельно удачным. Можно прийти к выводу, что именно в этом заключена причина выбора Гоголем окончательного варианта.

II. Изменение имени цирюльника

В первой полной редакции «Носа» Гоголь менял имя цирюльника. Цирюльник «*Иван Яковлевич*» именовался в начале первой полной редакции «*Иваном Федоровичем*». Отчество Федорович повторяется 10 раз в первой главе, и вдруг оно заменено Яковлевичем. Но вопрос изменения отчества до сих пор остался неизученным. Гоголь сначала написал «*Но я виноват: давно бы следовало кое-что сказать об Иване Федоровиче, человеке...*», но зачеркнул «*Федоровиче*» и надписал над ним «*Яковлевиче*». Сопоставим словосочетание «*Федоровиче, человеке*» и «*Яковлевиче, человеке*». В первом сочетании мало общего в фонетике, так как слово «*Федоровиче*» построено согласными [ф][д][р][в][ч] и гласными [ё][о][и], а «*человеке*» – [ч][л][в][к] и [е][о]. А во втором сочетании есть явное созвучие согласных и гласных. Слово «*Яковлевиче*» можно разобрать на согласные [к][в][л][ч] и гласные [я][о][е][и]. Значит, в «*Яковлевич*» включены все звуки слова «*человек*» [ч][л][в][к] и [е][о], из которых, естественно, можно составить [ч][е][л][о][в][е][к]. Из этого можно предположить, что Гоголь заменил отчество для получения большего эффекта созвучия.

III. Методика перевода русских стихов на японский язык

Теперь рассмотрим возможность перевода таких приемов на японский язык. Японские стихи строятся по принципу 5-7-морной или 7-5-морной метрики, которая определяется смысловым отсечением «*Кугирэ*». Свобода и твердость русского ямба, отмеченная Н.С. Гумилевым [Гумилев, 1990, с. 72-73], с ударением на втором слоге в стопе могут ассоциироваться с твердостью и мощностью японской 5-7-морной метрики с большей сонорностью на втором стихе. А также взволнованность и смешливость русского хорей, о которой упоминал Гумилев, с ударением на первом слоге в стопе могут быть ассоциированы с легкостью и торопливостью японской 7-5-морной метрики с большей сонорностью на первом стихе. Из этого общего психологического и когнитивного действия целесообразно переводить ямб на 5-7-морную метрику, хорей на 7-5-морную метрику, дактиль с ударением на первом слоге на 7-5-морную, анапест с последним ударяемым слогом на 5-7-морную, и амфибрахий с ударением на среднем слоге на 5-7-морную или 7-5-морную [Иноуэ, 2014, с. 252-261].

IV. Примеры перевода начального предложения в напечатанных двух редакциях

Теперь с помощью этой методики переведем начальное предложения «Носа» в «*Современнике*» 1836 г. и в окончательной редакции, т.е. в «*Сочинениях*» 1842 г., сопоставляя ямбическое строение и противопоставление хорей и ямба соответственно.

В тексте «*Современника*»:

Сего *Апреля* *25* (*пятого*) *числа* (подчеркнуто мной и скобки мои – Ю. И.)
[п][т][ч][с][л]

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. [с][л][ч][п][т]

U_ | U_ | U_ | U_ | UU | U_ || ямб

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U_ | U ямб

Ямбическое предложение переведено 5-7-морной метрикой. Японский язык характеризуется таким нейтральным словорасположением: детерминант, подлежащее и сказуемое. Ненормативный порядок слов «Носа», имеющий странное и фантастическое значение, переводим переставленным порядком слов: сказуемое, а потом детерминант места, т. е. «okitanodatta» и «Peteruburukude», что, так же, как и в оригинале, вызывает странность предложения. Аллитерацию [п][т][ч][с][л] и [с][л][ч][п][т] переведено ассонансом «**Dekigotoga**» и «**nakikotoga**». Ниже наклонной линией обозначено смысловое отсечение «Кугирэ».

Пример перевода предложения:

Konoshigatsu nijugonichini 5, 7 / 5-7-морная метрика

Dekigotoga kimyoukiwamari 5, 7 5-7-морная метрика

Nakikotoga okitanodatta Peteruburukude 5, 7 / 7 5-7-морная метрика

В тексте «Сочинений» 1842 г.:

Марта 25 числа

(Марта двадцать **пятого числа**) (обозначение чисел буквами мое – Ю. И.) [а][а][я][а]-
[п][т][ч][с][л]

случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. [с][л][ч][п][т]

_U | _U | _U | UU | _ || хорей

U_ | UU | U_ | UU | UU | U_ | U_ | UU | UU | U_ | U ямб

Противопоставление хоря и ямба, вызывающее столкновение ритмов синтагм, переводим противоположными 7-5-морной и 5-7-морной метриками. Ненормативный порядок слов, так же, как и в тексте «Современника», переведено переставленным порядком слов: сказуемое, а потом детерминант места. Ассонансное [а] заменяем на такое же [i], аллитерацию [п][т][ч][с][л] и [с][л][ч][п][т] – ассонансом «**Dekigotoga**» и «**nakikotoga**». При этом по поводу звуковых приемов в оригинале целесообразно дать комментарий к переведенному тексту для японских читателей.

Пример перевода предложения:

Sangatsu-nijuu gonichino-hi 7, 5 / 7-5-морная метрика [i][i][i][i]

Dekigotoga kimyoukiwamari 5, 7 5-7-морная метрика [ki][go][to][ga]

Nakikotoga okitanodatta Peteruburukude» 5, 7 / 7 5-7-морная метрика [ki][ko][to][ga]

V. Перевод предложения с измененным именем цирюльника

С точки зрения эквивалентности на уровне слов непереводимы звуковые приемы, как каламбур, аллитерация, ассонанс, звукоподражание, а также собственное имя. Но на уровне предложения они переводимы. Фразу «давно бы следовало кое-что сказать об Иване Яковлевиче, человеке почтенном» с аллитерацией на [к][в][л][ч] – [ч][л][в][к] переводим ассонансом [be][ki][o][ka][ta] – [ka][ta][o][be][ki]. При этом слово [sonkeisubeki] означает «почтенный», [okata] – «человек», [katatte] – сказать, [okubekideatta] – «следовало бы», т.е. из словосочетаний «почтенный человек» и «следовало бы сказать» в переводе извлечен вышеуказанный ассонанс. По поводу звуковых приемов в оригинале целесообразно дать комментарий к переведенному тексту для японских читателей.

Пример перевода звукового приема:

«Moutokkuni Ivan Yakovlevich toiu sonkeisubeki okata [be][ki][o][ka][ta]
nitsuite katatte okubekideatta» [ka][ta][o][be][ki]

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что повесть «Нос», как на уровне слов, так и на уровне предложений, построена по принципу созвучия и ритма, а также параллелизма. И это стилистически вызывает либо гармонию, либо конфликт в словах и предложениях; вызывает у читателей чувство странности, фантастичности и смех, в которых заключена сущность гоголевского мира. Поэтому необходимо воспроизводить такие приемы при переводе повести на иностранные языки, и в том числе, и на японский. Разработанная нами методика перевода русских стихов на японский язык позволяет воспроизвести гоголевские звуковые приемы при переводе повести.

Список литературы

- Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. München: W. Fink, 1969. 319 с.
- Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология, идеология, контекст / М.Я. Вайскопф. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 686 с.
- Виноградов В.В. Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос». — В кн.: Поэтика русской литературы / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1976. С. 5-44.
- Ермаков И.Д. Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя / И.Д. Ермаков. М.: Гос. изд-во, 1923. 225 с.
- Русская грамматика Т. 2: Синтаксис. М.: Академия наук СССР. 1980. 709 с.
- Успенский Б.А. Время в гоголевском «Носе» («Нос» глазами этнографа). — В кн.: Историко-филологические очерки. М. 2004. С. 335-346.
- Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе: Сб. статей / Б. М. Эйхенбаум. Л., 1969. С. 306-326.
- Иноуэ Ю. Методика перевода русских стихотворений на японский язык // Русский язык и культура в зеркале перевода / Ю. Иноуэ. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 252-261.

Исолахти Н.Б.

Зеленин А.В.

Михайлов М.Н.

Тамперский университет
г. Тампере (Финляндия)

Isolahti Nina

Zelenin Alexander

Mikhailov Mikhail

University of Tampere
Tampere (Finland)

УЛЫБКА КАК МАРКЕР КОНСОЛИДАЦИИ В СИТУАЦИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

SMILE AS A MARKER OF CONSOLIDATION IN THE PROCESS OF CONSECUTIVE INTERPRETATION

Невербальные средства являются важным дополнительным инструментом общения: с помощью мимики, жестов и фонационных средств участники коммуникативной ситуации подтверждают понимание или непонимание, выражают эмоции и т.п. В Тамперском университете проводится исследование использования невербалики при общении через переводчика. Анализ эмпирического материала показывает, что временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом может сделать недоступными для собеседника или исказить значения, выраженные невербальными средствами. Невербальное поведение переводчика может как способствовать установлению взаимопонимания, так и препятствовать ему.

Non-verbal behavior is an important additional instrument of communication. With their gestures and mimics, communicants express their emotions, (dis)consent, (mis)understanding, etc. At the University of Tampere, a research group is studying use of non-verbals in the process of communication via interpreter. The analysis of empirical data shows that the existing temporal gap between a source message and a message in the target language can make non-verbal messages unavailable or cause their distortion. The interpreter's non-verbal messaging may help to establish non-verbal contact between the communicants or obstruct it.

Ключевые слова: устный перевод, невербальная коммуникация, улыбка, эмоции

Key words: interpretation, non-verbal communication, smile, emotions

Настоящая статья посвящена взаимной улыбке участников в ситуации последовательного перевода диалога. В статье описываются первые результаты исследования роли невербальных средств в достижении взаимопонимания в многоязычной коммуникативной ситуации.

1. Важность невербальных маркеров в речевом общении

В устной речи огромное значение имеет невербальная коммуникация, т.е. фонационные и кинесические средства выражения. Невербальные средства имеют самые разнообразные функции. Они поддерживают или дублируют вербальные средства, вносят дополнительную информацию, которая может не только дополнять, но и менять смысл сказанного. У невербальных средств может быть свое собственное значение. [см., напр., Morris & al., 1979; Tiittula, 2006, с. 184.] Кроме того, невербальные маркеры задействованы в механизме мены речевых ходов.

Несмотря на важность невербальной коммуникации в человеческом общении, использование этого канала коммуникации при устном переводе изучено недостаточно. Большая часть исследований рассматривает невербальную коммуникацию при синхронном переводе. Исследовано, например, каким образом отсутствие визуального контакта влияет на понимание переводчиком речи оратора [Rennert, 2008] и на точность перевода [Jesse & al., 2000/2001; Tommola & Lindholm, 1995]. Кроме того, изучалась кинесика самих переводчиков. Невербальная коммуникация в последовательном переводе описана чисто схематически в работах Пойатоса [Poyatos, 1997, 2002], а эмпирические исследования невербалики последовательного перевода нам не известны.

2. Совместная улыбка собеседников – залог взаимопонимания собеседников?

Улыбка выполняет в речевой коммуникации самые разнообразные функции. В настоящей статье мы ограничимся лишь улыбкой, маркирующей шутливость или ироничность высказывания.

Финские исследователи Каукомаа, Перякюля и Руусувуори [2013] описали интерактивную схему такой улыбки в одноязычном диалоге, на материале финского языка. Говорящий маркирует улыбкой переход от нейтральной темы к шутливой или ироничной. Собеседник (слушатель) **регулярно** отвечает на улыбку-маркер шутливости или ироничности, тем самым разделяя шутливый, позитивный или же ироничный настрой говорящего [Kaukoma & al., 2013, с. 45].

Согласно Каукомаа, Перякюля и Руусувуори [2013], собеседник (слушатель) откликается улыбкой на улыбку-маркер шутливости или ироничности двумя разными способами. Во-первых, слушатель обозначает улыбкой свое участие в положительных эмоциях **после того, как он понял** причину положительного эмоционального настроения говорящего. Во втором случае слушатель начинает улыбаться еще **до того, как он понял** причину положительного эмоционального настроения говорящего. Вторая модель подчеркивает эмоциональную доверительность слушающего к говорящему. Такое быстрое включение в эмоциональное настроение говорящего не является, тем не менее, механическим или слепым.

Оно может быть мотивировано как общей темой разговора, так и предыдущей репликой говорящего. Инициатор улыбки, как правило, продолжает улыбаться, дожидаясь ответной реакции собеседника, или же до смены эмоционального настроя на нейтральное или серьезное [там же].

Является такая ответная реакция автоматической или осознанной? Исследования в области так называемого *эмоционального заражения* [см. Hatfield & al., 1993; Dimberg, 2007] утверждают, что поведенческая мимика влияет на эмоциональное состояние собеседника таким образом, что он в итоге разделяет эмоциональный настрой т.н. инициатора. Однако Каукомаа Перякюля и Руусувуори [2013, 49] полагают, что ответ на улыбку, маркирующую шутливость, автоматическим не является.

Собеседники строят на совместной улыбке схему взаимопонимания и доверия. Отвечая улыбкой на улыбку говорящего, слушатель не только дает понять, что понял сообщение в полной мере, но и выражает то, что разделяет шутливую или ироничную оценку говорящим данного факта.

3. Цель исследования

При последовательном переводе возникает сравнительно длинный временной разрыв между отмеченным улыбкой вербальным сообщением собеседника и воспроизведением этого сообщения на языке, понятном другому собеседнику, т.е. слушателю. Каким образом данный разрыв влияет на возникновение совместной улыбки? Удастся ли слушателю определить, какая часть сообщения была произнесена шутливо или иронично? Передает ли данную коннотативную информацию перевод?

Целью исследования, представляемого в настоящей статье, является выявление схемы построения взаимной улыбки в речевой ситуации последовательного перевода диалога.

4. Материал и метод исследования

В качестве материала исследования использовались видеозаписи устного перевода бесед о просмотренных кинофильмах. Записи производились в двух ситуациях: 1) перевод контактный – в условиях непосредственного контакта всех участников, 2) перевод дистантный – собеседники находятся в одном помещении, переводчик – в другом и перевод выполняется по телефону. Настоящая статья ограничивается лишь ситуацией перевода в непосредственном контакте.

В качестве участников коммуникативной ситуации выступают русские монолингвы, не владеющие финским языком, финские монолингвы, не владеющие русским языком, и устные переводчики (профессионалы и студенты старших курсов), часть из которых является билингвами. Перед началом эксперимента собеседники и переводчики были

проинформированы о том, что целью эксперимента является изучение перевода, но более подробной информации участники не получили. Таким образом, участники эксперимента не концентрировали внимание на невербальном поведении и не регулировали его.

Перед беседой всем участникам было предложено посмотреть два финских полнометражных кинофильма, причем финские участники смотрели оригинальные версии, русские – версии, дублированные на русский язык, а переводчики – и оригинальную, и дублированную. Просмотр фильмов преследовал несколько целей.

- 1) Фильмы обеспечивали общие фоновые знания участникам речевой ситуации.
- 2) Общая тема для обсуждения минимизировала культурные различия.
- 3) Просмотр кинофильмов был использован для минимизации факторов, оказывающих влияние на точность и процесс перевода.

Общеизвестно, что на перевод влияет сложность рассматриваемой темы и используемой лексики. Чтобы избежать таких затруднений, были выбраны фильмы на повседневные темы, об отношениях в семье. Кроме того, переводчик, смотря фильм на обоих языках, усваивал или повторял необходимую при переводе лексику.

Видеозаписи транскрибированы и аннотированы с использованием пакета программ ELAN [ELAN, Эл. ресурс]. Для выполнения транскрипции разрабатывается система нотации невербального поведения. Для упрощения сравнения исходного сообщения и перевода в настоящей статье используется упрощенная транскрипция со стандартной орфографией.

В качестве метода исследования применяется конверсационный анализ диалога, который позволяет выявить интеракционные схемы взаимодействия участников, непосредственно изучая эмпирический материал.

5. Схемы улыбки взаимопонимания при последовательном переводе

Первые результаты анализа позволили выявить целый ряд схем построения взаимной улыбки в коммуникативной ситуации последовательного перевода. Рассмотрим в данной статье лишь две.

5.1. Слушателю не передается эмоциональный настрой говорящего

Анализ исследовательского материала обнаружил несколько схем, при которых шуточный или ироничный настрой говорящего (инициатора) утрачивается при переводе. Общим для таких ситуаций является то, что переводчик не маркирует соответствующее сообщение при переводе. Переводчик может разделять эмоции говорящего, отвечая ему улыбкой на улыбку, как в примере 1, или же не откликаться на улыбку.

В примере 1 участниками являются финский монолингв Хели (Ф), русский монолингв

Юлия и переводчик Катя (П1)³. Хели в этом отрывке является инициатором улыбки, т.е. она маркирует улыбкой фразу, произнесенную шутливо или даже с некоторой степенью иронии, возможно, с целью преодолеть неловкость начала диалога с незнакомым человеком. Хели начинает улыбаться в конце слова *elokuvasta* [фильма] (строка 02), говоря, что на самом деле она не уверена, с какого из фильмов следует начать обсуждение (строки 02–03). Данная фраза не имеет особого интонационного выделения, но Хели завершает данный отрывок небольшим смешком (строка 03).

Переводчик Катя начинает улыбаться несколько раньше финского монолингва, уже в начале слова *elokuvasta* [фильма] (строка 02). Улыбка переводчика становится шире (строка 03) после того, как она понимает смысл сказанного, т.е. причину улыбки Хели. Говорящий и переводчик встречаются взглядами и взаимно улыбаются, воспринимая сообщение как шутку. Русский монолингв (Юлия) наблюдает за говорящим без улыбки.

Переводчик несколько гасит улыбку в конце речевого хода Хели, но, продолжая слегка улыбаться, опускает глаза в свои записи (строка 03). Катя начинает перевод (строка 04) с легкой улыбкой и, улыбаясь, поднимает взгляд на русскоязычного монолингва Юлию. Улыбка переводчика полностью пропадает в самом начале перевода в середине слова *спасибо* (строка 04) и соответствие сообщения, произнесенного шутливым тоном (строка 04–05), произносятся серьезно, без улыбки (строки 5–6). Переводчик не маркирует данное высказывание улыбкой, интонационно или какими-либо иными средствами. Слушая перевод, русский монолингв Юлия не улыбается.

Пример 1

01 **Ф:** öö:: joo kiitos että olet suostunut mun kaa tähän tutkimukseen eli tänäänhän meidän olis tarkoitus

[ээ да спасибо что согласились со мной в этом исследовании или в это наше планируется

Ф: □⁴-----

П1: □-----

02 **ä:** keskustella **ä:** suomalaisesta elokuvasta mä en itse asiassa ole varma kummasta elokuvasta meidän

ээ поговорить ээ о финском фильме я на самом деле не уверена с какого из фильмов

³ Все участники эксперимента под вымышленными именами.

⁴ В примерах смайликами обозначены начало и конец улыбки. Зона действия улыбки обозначена прерывистой линией. Улыбка отмечена в отдельной строке над репликой, которая сопровождается улыбкой. Подробнее об обозначениях, использованных при транслитерации см. приложение.

Ф:-----□

П1: □ -----□

03 oli tarkoitus aloittaa vai onko mitään väliä ha-ha

планировалось начать или есть ли какая-то разница ха-ха]

П1-----□

04 П1: ээ:: большое спасибо что вы участвуете в нашем исследовании сегодня и сегодня и сегодня

05 ээ:: мы будем разговаривать о:: фильме и честно говоря я не знаю о каком фильме мы сейчас

06 сначала будем говорить

Таким образом, в данном примере шутливость сообщения является взаимно понятной лишь для двух участников интеракции, инициатора и переводчика, тогда как собеседница инициатора остается в неведении о причинах улыбки. Фразу, произнесенную с юмором или сарказмом, она воспринимает всерьез.

5.2. Слушателю передается эмоциональный настрой говорящего

В ситуации последовательного перевода диалога шутливость сказанного может передаваться от инициатора к собеседнику, несмотря на временной разрыв между исходным сообщением и его переводом. При этом соответствующее поведение переводчика не является решающим/обязательным элементом в передаче эмоционального настроения инициатора.

В примере 2 участниками являются финский монолингв Хели (Ф), русский монолингв Ирина (P2) и переводчик Мария (П2). Ирина рассказывает о впечатлившем ее эпизоде фильма (строки 01–04). В данном эпизоде финн пытается снять шкуру с оленя, который неожиданно оказывается живым. Данный эпизод сатирический с оттенком черного юмора. Ирина, выступая в данном случае в качестве инициатора, начинает улыбаться (строка 02), вспоминая шокировавшие ее сцены и, возможно, стараясь скрыть смущение. Ирина улыбается (строки 02–04), активно жестикулирует руками, изображая, как ножом снимают шкуру с оленя, и смотрит на собеседницу Хели. Хели на улыбку не отвечает вовсе, оставаясь в беседе аутсайдером. Сказанное, жесты и мимика Ирины не вызывают у финской собеседницы никакой ответной реакции.

Ответная улыбка появляется на лице финской собеседницы (Ф) с временным разрывом, только тогда, когда она из аутайдера превратилась в слушателя и поняла, о чем же Ирина рассказывала по-русски. Хели начинает улыбаться после описания эпизода (строка 6) во

время микропаузы (строка 7) и продолжает улыбаться во время перевода (строки 07–08). Во время перевода Ира смотрит на собеседницу, и, заметив улыбку Хели, тоже начинает улыбаться (строка 08). Во время взаимной улыбки собеседницы встречаются взглядами.

В данном примере переводчик (П2) невербально не маркировала сообщение, произнесенное инициатором с улыбкой. Перевод был произнесен монотонным голосом, без интонаций, жестов или мимики. Таким образом, взаимный эмоциональный настрой русской и финской собеседниц был достигнут переводом, через передачу смыслового значения сообщения и без необходимости имитирования переводчиком невербальных маркеров. Достижение взаимопонимания в данном случае было возможно, так как источником совместного эмоционального настроя послужили общие фоновые знания (=апперцепционная база) собеседниц и сходная оценка этого эпизода.

Пример 2

01 **P2:** Особенно:: эмоций ничего не вы- не вызвало но:: в голове осталась сцена когда:: аа:: финн

P2: □-----

02 разделявал:: этого мм:: оленя по-моему почему-то вот у меня в голове эта картинка остается

P2: □-----

03 где висит этот олень и где он его пытался резать и ду- чис- чистить шкуру шкуру а так

P2: -----□

04 в принципе никакой такой ситуации не возникло

05 **P2:** ei oikein herättänyt pahemmin mitään tai ei herätä mitään tuntemuksia, mikään kohtausta mutta

[не очень что-то уж вызвало особенно или не вызвало никаких чувств ни один эпизод но

06 mieleeni jäi erityisesti se kohtausta jossa ää:: suomalainen öö:: yrittää ottaa porolta nahaa pois запомнился особенно тот момент где ээ:: финн ээ:: пытается снять с оленя шкуру

Ф: □--

07 (0.2)

Ф: -----□

P2: □-----□

08 kun se vielä sitä että se on aika elävä mielikuva

когда это еще то что это довольно живой образ]

P2: ☺ -----→

Ф: ☺---

09 (0.3) (0.5)

Ф: ☺-----ха-----

P2: ☺-----

10 **Ф:** joo mä voin kuvitella mun oli pakko kääntää katse pois telkkarista vähäksi aikaa kun siinä
[да я могу представить мне пришлось отвернуться от телевизора на
некоторое время когда там

Ф: ☺-----☺-----

P2: ☺-----

11 oli se porokohtaus että se se oli se oli mulle henkilökohtaisesti vähän sellainen yllättävä että
был этот эпизод с оленем что это это было для меня лично немного так
неожиданно что

Ф: -----☺

P2: -----☺

12 sellainen siellä tuli et ihan kiinnostavaa kuulla että se oli sinullekin jäänyt mieleen se kohta
такой там возник что довольно интересно услышать что это тебе тоже
врезалось в память этот момент

13 (2.7) (1.1)

P2: ☺ ха---

14 **П2:** мм:: да интересно мне пришлось отвернуться от телевизора потому что я не могла

P2: ☺--- ха----- ха-----4*кивок-----

Ф: ☺-----

15 смотреть (0.5) интересно что тебе тоже (0.8) (0.3) вот в голове осталась эта сцена

P2: ☺-- ☺---

Ф: ☺-----

16 (0.4) (0.3)

Диалог продолжает финский монолог. Хели рассказывает Ирине о своих впечатлениях о данном эпизоде и говорит, что ей пришлось отвернуться от телевизора, настолько ее шокировала сцена. (строки 10–11). Хели начинает улыбаться уже во время микропаузы, готовясь к данному речевому ходу (строка 09). Рассказывая о своей реакции, Хели улыбается интенсивно (строки 10–11), раскачивается верхней частью туловища. Кроме того, Хели маркирует эмоциональный настрой паралингвистически, в ее интонациях (= в голосе) слышен шутливый и небольшой смешок (строка 10). Улыбка несколько гаснет на

словах *se oli* [это было] ряд 11 и полностью исчезает с лица рассказчицы (строка 12), когда она уже закончила вспоминать эпизод, и говорит о том, что интересно было узнать о совпадении впечатлений от этого фрагмента фильма.

Возникает ли у русского монолингва Ирины ответная реакция на сильный эмоциональный настрой инициатора? На лице Ирины остается легкая улыбка после перевода предыдущей реплики, т.е. после взаимной улыбки с собеседницей (строка 8). Ирина продолжает «слегка» улыбаться во время микропаузы передачи речевого хода (строка 09) и по ходу реплики Хели одновременно с говорящей (строки 10–12). Все это время Ирина смотрит на Хели, чуть наклонив голову. Улыбка все время остается легкой, несмотря на то, что интенсивность улыбки инициатора усиливается (строки 10–11) и Хели подчеркивает эмоциональный настрой и иными невербальными маркерами. Хотя Ирина улыбается, но о консолидации эмоционального настроения собеседниц в данном случае говорить нельзя.

Ирина выражает сильную эмоциональную реакцию на сказанное Хели только во время перевода данной реплики (строки 13–14). Она широко улыбается, несколько раз тихо смеется и согласно кивает головой (строка 15). Эмоциональные маркеры Ирины в данный момент по своей интенсивности адекватны тем, которые использовала Хели в исходном сообщении. Увидев такую реакцию Ирины и истолковав ее как ответ на ее эмоциональную инициативу, Хели включается в совместный эмоциональный настрой. Она начинает интенсивно улыбаться (строка 15), несколько раскачивается на своем месте и как бы беззвучно смеется. В период интенсивной совместной улыбки собеседницы смотрят друг на друга. Можно утверждать, что происходит эмоциональная консолидация собеседниц. По окончании перевода эмоциональный заряд исчезает, улыбка Ирины постепенно гаснет, а Хели опускает глаза в свои записи и прекращает улыбаться (строка 16).

Рассмотрев пример 2, можно убедиться, что эмоциональная консолидация собеседниц происходит не в момент инициации улыбки на непонятном второй участнице языке, а только после того, как сообщение было получено и понято через перевод. Более того, инициатор, находящийся во время перевода в роли аутсайдера, регистрирует адекватное восприятие своей эмоциональной инициативы и разделяет этот настрой.

Выводы

В настоящей статье были рассмотрены лишь две модели удачи/неудачи формирования эмоционального настроения при переводе. Оба примера демонстрируют то, что временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом, т.е. пониманием этого вербального сообщения собеседником, играет решающую роль для возникновения

эмоциональной консолидации. В первом случае такая консолидация не была достигнута вовсе. Причиной, вероятно, послужило то, что из-за временного разрыва между невербальным маркером и смыслом сказанного собеседник не смог сопоставить сообщение и его невербальное сопровождение. В обоих случаях второго примера консолидация произошла только после того, как слушатель понял смысл исходного сообщения. Кроме того, толчком совместных эмоций послужили общие фоновые знания и общая оценка данных знаний.

Основной задачей переводчика является передача сообщения с исходного языка на язык перевода. Как мы кратко отметили в теоретической части нашей статьи, невербальный элемент является частью сообщения, без которого подчас невозможно полноценное понимание сообщения. Интенция, заложенная в сообщении инициатором, может не получить поддержки и развития у аутсайдера. Как было показано в данной статье, временной разрыв между исходным вербальным сообщением и его переводом может сделать недоступными для собеседника или исказить значения, выраженные невербальными средствами. Именно переводчик является тем единственным участником коммуникативной ситуации, который имеет возможность адекватно и в полной мере воспринимать исходное сообщение в его вербальной и невербальной формах. Таким образом, именно на переводчике лежит ответственность за передачу как минимум той невербальной составляющей сообщения, которая недоступна получателю перевода.

Принято говорить, что переводчик зачастую передает сообщение, как зеркало, отражая не только сказанное вслух, но также эмоции и чувства собеседников. В нашем случае переводчики при переводе не маркировали эмоционально отмеченные отрезки сообщения какими-либо невербальными или вербальными средствами. Поведение переводчиков не передавало эмоционального настроения инициатора и, таким образом, не помогало преодолеть временной разрыв между невербальным маркером и восприятием слушателем смысла сообщения. Как избежать потерь эмоциональности? Что должен был переводчик делать в данной ситуации? Должен ли он использовать соответствующие невербальные средства или же вербализировать юмор? Четко и систематически продуманной стратегии в современном переводе нет. Однако, безусловно, следует уделять большее внимание изучению невербальной составной коммуникации и ее судьбы при переводе, а результаты исследований должны учитываться при подготовке устных переводчиков.

Список литературы

- Dimberg U.* Facial Reactions to Facial Expressions / Ulf Dimberg. In: *Psychophysiology*, 19:6, 2007. p. 643–647.
- Hatfield E.* Emotional contagion / Hatfield, E., Cacioppo, J.T., & Rapson, R.L. In: *Current Directions on Psychological Science*, 2, 1993. p. 96–99.
- Jesse A.* The processing of information from multiple sources in simultaneous interpreting / Jesse, Alexandra, Nick Vrignaud, Michael M. Cohen & Dominic W. Massaro. In: *Interpreting: International Journal of Research & Practice in Interpreting*, 5:2, 2000/2001. p. 95–115.
- Kaukoma T.* Turn-opening smiles: Facial Expression Constructing Emotional Transition in Conversation / Kaukoma T. & Peräkylä, A. & Ruusuvoori, J. In: *Journal of Pragmatics* 55, 2013. p. 21–42
- Morris D.* Gestures, their Origin and Distribution / Morris, D., Collett, P., Marsh, P., O'Shaughnessy, M. London: Jonathan Cape, 1979. 320 p.
- Poyatos F.* Nonverbal Communication across Disciplines. Volume 1: Culture, sensory interaction, speech, conversation. / Fernando Poyatos. Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins, 2002. 371 p.
- Poyatos F.* The reality of multichannel verbal—nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation. / In Fernando Poyatos (ed.) *Nonverbal communication and translation: new perspectives and challenges in literature, interpretation and the media.* Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins, 1997. p. 249–282.
- Tiittula L.* Voiko kirjoitettua puhetta ymmärtää? Puhe ja kirjoitus limittyvät kirjoitustulkkauksessa. / In: Anneli Pajunen ja Hannu Tommola (ed.) *XXXII Kielitieteen päivät Tampereella 19.-20.5.2005.* Tampere Studies in Language, Translation and Culture. Series B 2. Tampere: Tampere University Press, 2006. p. 170–187.
- Tommola J.* Experimental research on interpreting: which dependent variable? / Tommola Jorma & Johan Lindholm In: Jorma Tommola (ed.) *Topics in interpreting research.* Turku: University of Turku, Centre for Translation and Interpreting, 1995. p. 121–133.

Приложение: Обозначения, используемые при транслитерации

(.)	микروпауза (0,2 секунды или менее)
(0.5)	пауза с указанием длины в десятых долях секунды
e::i	(двоеточие) растянутый звук (одно двоеточие 0,2 секунды)
☺--	начало и продолжение улыбки
---☺	конец улыбки
☺	широкая улыбка
ха	смех или смешок

Исхакова З.З.
Стамбульский Айдын университет
г. Стамбул (Турция)

Ishakova Zempfira
Istanbul Aydin University
Istanbul (Turkey)

УСТОЙЧИВАЯ ОСОБЕННОСТЬ ДЕЙКТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

STABLE CHARACTERISTIC OF DEICTIC FIELD

Предлагаемая статья посвящена установлению содержания указательного поля как универсального инструмента изучения дейксиса. Цель статьи состоит в установлении сущности указательного поля посредством использования знаковой системы языка. Объектом исследования выступает указательное поле; предметом – знаковые единицы как составляющие данного поля.

Одним из основных инструментов для изучения категории указания в естественном языке выступает единое указательное поле, представленное совокупностью знаков-символов, знаков-образов и знаков-индексов вкпе с упорядоченной связью в содержании знаков. Знаковая система языка упорядочивает дейктическое поле. Необходимо различать изначально дейктические знаки языка и изначально недейктические. Более того, под упорядоченной связью в двусторонней структуре знака подразумевается семиотический код, дешифрующий информацию семантико-синтаксического характера в семантике дейктических единиц. Так, семиотический код является упорядоченной системой кодифицирующих комбинаций в виде относительной смежности, относительного сходства и фактической смежности в двуединой сущности знаков-символов, знаков-образов и знаков-индексов.

The proposed article is devoted to identifying pointing field as a universal instrument of studing deixis. The aim of the article is to identify the content of pointing field by means of sign system of language. The object of the research is a pointing field; the subject is sign units as components of the given field.

One of the main instruments for studying a category of pointing is a single pointing field in a natural language represented by totality of signs-symbols, signs-images and signs- indices including stable connections inside of the signs. Sign language system helps to organize the deictic field. It is necessary to distinguish originally deictic signs of language and originally non-deictic ones. Moreover, connections in a double structure of signs are semiotic code which decodes information of semantic and syntactic character in semantics of deictic units. So the semiotic code is an organized system of double-side signs based on relative contiguity, relative similarity, actual contiguity in a double-side content of signs-symbols, signs-images and signs-indices.

Ключевые слова: дейктическое поле, знаковая система языка, знаки-символы, знаки-образы, знаки-индексы, семиотический код.

Key words: deictic field, sign system of language, signs-symbols, signs-images, signs-indices, semiotic code.

Интерес современных лингвистов к категории дейксиса обусловлен прежде всего стремительным информационным потоком глобального мира XXI века. Видится, что именно категория указания среди всех существующих категорий языка наиболее полно реализует функцию достоверной передачи информации адресантом и ее быстрого и точного восприятия адресатом. Характер содержания дейксиса, выраженный в его устойчивости и

постоянности, ставит задачу установления эпистемологической универсалии в рамках указательной функции языка. В этой связи предлагаемая статья посвящена установлению содержания указательного поля как универсального инструмента изучения дейксиса. Цель статьи состоит в установлении сущности указательного поля посредством использования знаковой системы языка. Объектом исследования выступает указательное поле; предметом – знаковые единицы как составляющие данного поля.

Основным инструментом в изучении дейксиса полноправно выступает *указательное поле*, которое трактуется в книге К. Бюлера «Теория языка» как «предпочтительная техника наглядного языка, самая его суть» [Бюлер, 2000, с.76]. К. Бюлер утверждает: «То, что всё дейктическое в языке взаимосвязано, подтверждается семантическим наполнением и семантическим уточнением в «указательном поле языка» [Бюлер, 2000, с. 75]. Действительно, инструмент в виде поля, будучи «наиболее психологически реальной для человека единицей мышления» [Шафиков, 2005, с.74], является значимой метаязыковой единицей в том, что касается конструирования лингвосемиотического знания.

По мнению австрийского психолога и лингвиста К. Бюлера, единицы указательного поля-эталона суть указательные слова-сигналы (например: hier – здесь, dort – там, ich – я, du – ты и др.). Как справедливо отмечает Н.Г. Кирвалидзе, отличительными признаками указательных слов являются: 1) коммуникативно-прагматическая детерминированность значения; 2) высшая степень обобщенности содержания; 3) относительный характер смыслового содержания; 4) эгоцентричность; 5) экзистенциальная двусторонняя детерминированность значения; 6) шифтерность в процессе общения [Кирвалидзе, 1991, с. 17].

Слова-дейктики образуют лексико-семантическое поле дейктического указания и представляют собой значительный пласт функционально-семантического поля указания. Анализ лингвистических штудий по традиционному пониманию дейксиса позволяет утверждать, что единицы центра поля составляют местоимения разных разрядов и местоименные наречия, причём центрированность этих дейктиков не вызывает сомнения у лингвистов. К центру поля также относят предлоги, артикли в артиклевых языках, дейктические наречия и производные прилагательные, указывающие на местоположение объекта относительно центра координации, глаголы движения и производные от них существительные.

Как и следует из идей полевой концепции, в пределах поля дейктики обладают вариативными и инвариантными признаками, о чем упоминается в [Сребрянская, 2005]. Инвариантными признаками являются указательность, относительность значения,

возможность субституции, привязка к онтологическим понятиям *человек, пространство, время*. Вариативные признаки основаны на оппозициях субъективность/объективность, чистота/смешанность дейктического значения, на дифференциации онтологических понятий *человек, пространство, время*. Основой вариативности также может быть градация в пределах оппозиции близость/дальность в пространстве и во времени.

На базе вариативных и инвариантных признаков формируются синонимические ряды дейктиков (*близко, рядом, неподалеку, вблизи*); антонимы (*далеко-близко, тогда-сейчас, здесь-там, впереди-сзади*). Вероятно, можно представить лексико-семантические группы единиц дейктического указания на лицо, пространство, время. Например, для русского языка лексико-семантическая группа указателей на место может включать дейктические наречия: *здесь, тут – там, отсюда – оттуда, сюда – туда;верху – внизу (снизу)* и пр.; производные прилагательные: *левый – правый* и пр.; глаголы движения: *пришел – ушел – вышел* и пр.; производные существительные: *уход – приход – выход*, а также *вверх – низ, перед – зад* [Сребрянская, 2005, с. 60].

Спорными единицами указательного поля являются единицы периферии поля. Тем не менее, к периферийным единицам указательного поля можно отнести слова-субституты с «прономинализованными» значениями: *fact, thing, man, matter, дело, человек, люди* и т.д.; существительные с шифтерным значением относительно объекта: *сосед, прохожий, попутчик, соратник* и т.д. [Сребрянская, 2005, с. 60].

Эти слова с «пустой семантикой» могут употребляться анафорически и катафорически: *You look very pale, I don't like this **fact**. – I don't like the **fact** that you look so pale. The **thing** is that it is the first time that I am late.* Данные демонстративы определяют как «в высшей степени обобщенные слова, универсальные знаки (all, everybody – все, everything – всё, nothing – ничего)» [Уфимцева, 2002, с. 97- 132].

В целом отсутствие чёткости в разграничении некоторых типов слов приводит к постановке проблемы разграничения явлений широкозначности, полисемии, дейксиса, субституции с целью определения содержания указательного поля. Близость в характере семантики (шифтерность, эфемерность значения) и функционирования таких слов (указание, субституция) не позволяет четко разделить, отграничить друг от друга разные семиологические классы. Так, В.В. Виноградов отмечает меняющееся применение слов *папа, мама, правый, левый, домой, предыдущий, сосед, соседний, здешний, тамошний*. Действительно, данные слова сближаются с указательными местоимениями. В определенных случаях возможен переход существительных в местоимения: *человек, люди, друг друга*. Отмечается «прономинализация» целого ряда существительных в современной газетно-

публицистической речи. Таковы слова *вопрос, дело*, почти теряющие свое конкретное значение [Виноградов, 2001, с. 271]. Таким образом, периферия дейктического поля оказывается заполненной подобными местоименными существительными.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что «дейктические значения представляют исходную базу всей семантической системы языка, характеризуют все её стороны» [Васильев, 2006, с. 170]. Поскольку «содержание языка никак нельзя свести к логическому его содержанию» [Васильев, 2006, с.170], то очевидна некоторая нечёткость в разграничении дейктических единиц.

Тем не менее, профессор Л.М. Васильев, вслед за пионером и «отшельником» исследований в области семиотики американским учёным Чарльзом Сэндерсом Пирсом [Якобсон, 1998, с. 371], выделяет три типа знаков: иконические знаки (знаки-образы), знаки-символы и знаки-индексы [Васильев, 2006, с. 161]. Этим трём типам знаков соответствуют основные типы языковых значений: номинативные, интерпретирующие и дейктические [Васильев, 2006, с.167]. Знаки-образы подразделяются на знаки с номинативными и интерпретирующими значениями. И те и другие выполняют отражательную функцию. Символическая функция знаков-символов, согласно авторитетному мнению профессора Л.М. Васильева, свойственна главным образом ассоциативным компонентам иконических значений (например ассоциативным коннотациям в значениях цветоименований). Дейктические значения знаков-индексов тоже совмещены, как правило, со значениями иконических знаков.

Например, местоимения выполняют двоякую семиотическую функцию: функцию знаков-индексов (в речи) и функцию иконических знаков (в языке). Что касается предлогов, то они также выполняют двоякую функцию: в языке они служат обозначению понятий (не называя их) и более или менее дифференцированных пространственных, временных, причинно-следственных, целевых и других отношений между абстрактными величинами (предметами, свойствами, действиями, состояниями и т.д.), то есть являются иконическими знаками, а в речи они выполняют одновременно дейктическую и номинативную функцию.

В целом все типы знаков всегда выполняют номинативно-интерпретирующую функцию в языке и дейктическую функцию в речи. Если принять во внимание только функцию знаков в речи, исходя из поставленной цели в данной работе, то «приращение» типологии языковых значений и знаковой типологии Ч.С. Пирса предполагается произвести следующим образом: изначально номинативно-интерпретирующие значения знаков-символов и знаков-образов, то есть иконических знаков, коррелируют с дейктическими значениями, а изначально дейктические значения знаков-индексов связаны с номинативно-

интерпретирующими значениями (см. схему №1 приложения). Иными словами, все три типа знаков – знаки-образы, знаки-символы и знаки-индексы – в процессе речевой реализации, исходя из определённой ситуации, могут указывать на какие-либо *конкретные* состояния, действия, отношения и т.п.. Следовательно, каждый из репрезентантов знаковой типологии не всегда может «соблюдать» строгие языковые конвенции, направленные, как правило, на общие категории, такие, как бытие, событие, движение и т.п. (для знаков-символов и знаков-образов) и пространственно-временные отношения между предметами, свойствами и т.д. (для знаков-индексов).

Таким образом, наряду с универсальным свойством языковых единиц, их указательностью, необходимо различать изначально дейктические элементы языка и изначально недейктические, независимо от их употребления. При этом некоторые дейктические элементы могут использоваться при «переносе» дейктического центра на какой-либо другой объект, не включающий говорящего; другие дейктические элементы лучше поддаются описанию, будучи изначально недейктическими [Fillmore, 1982].

Приспосабливаясь, язык обслуживает две основные сферы – номинативно-классификационную и синтагматическую, что позволяет трактовать его как «семиотическую систему с двойным означиванием» [Уфимцева, 1976, с. 36]. В результате знаки языка реализуют двойную референцию, то есть соотнесённость с двойным рядом (в отличие от всех прочих знаков): «1) в качестве номинативных знаков — слов и словосочетаний – в системе номинаций, в парадигматике; 2) в качестве или в составе предикативных знаков – фраз и высказываний – в речи, в синтагматике» [Уфимцева, 1976, с. 36]. И тот и другой тип номинации предполагает процесс формирования знакового значения словесных знаков с участием трех взаимосвязанных между собой элементов семиозиса: познающий субъект (человек), познаваемый объект (реальная действительность) и языковой знак (язык), способствующий процессу познания. Итак, естественный язык есть сложное человеческое действие и этим отличается от статичного присутствия деревянной руки на местности, как одного из типов дорожных знаков [Бюлер, 2000].

Дейктические единицы языка обладают двойственной функцией по отношению к системе языка и дальнейшей речевой реализации, поскольку в системе языка они указывают на общие понятия, или семантические категории, являясь их моделями или схемами. А в речи они указывают на определённые референты и отношения между конкретными референтами [Иванова, 2010, с. 125].

В этой связи типы знаков, предложенные Ч.С. Пирсом, редко встречаются в чистом виде. Как правило, они функционально дивергентны [Васильев, 2006, с. 161], то есть речь

идет не о трех категориально автономных типах знаков, а только о различной иерархии, приписываемой взаимодействующим типам отношений между *signans* (означающим) и *signatum* (означаемым), составляющих компонентов языкового знака. Таким образом, в действительности наблюдаются промежуточные варианты знаков, такие как символическо-иконические или иконическо-символические [Якобсон, 1998, с. 322]. В частности, типично индексный знак – жест указания на предмет – включает символические коннотации, зависящие от культурной традиции, и может иметь такие значения, как указания на необходимость уничтожения, проклятие или желание иметь определённый предмет.

Согласно семиотической теории Р. Якобсона, *I, ego, ich* суть шифтеры, которые относятся к классу индексных (или индикативных) символов [Якобсон, Эл. ресурс]. Так, местоимение «я» обозначает лицо, которое говорит «я». Из чего следует, что «я» – это символ. С другой стороны, знак «я», обозначающее говорящего, реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс. Однако «любая попытка рассматривать языковые знаки как всецело конвенциональные, «произвольные символы» ведет к неадекватному упрощению действительного положения вещей» [Якобсон, 1998, с. 323].

В целом подразделение знаков на индексные, иконические и символические, которое Ч.С. Пирс «со свойственной ему прозорливостью» [Якобсон, 1998, с. 320] предложил в знаменитой работе 1867 г. и продолжал разрабатывать до конца своей жизни, на самом деле основывается на дихотомии – смежности и сходства – между составляющими компонентами знака, означающим и означаемым.

Так, в типичном примере индекса, таком как «указание пальцем на определенный предмет» [Якобсон, 1998], индексное отношение между *signans* (означающим) и *signatum* (означаемым) зиждется на их фактической, существующей в действительности смежности. В то время как иконическое отношение между *signans* и *signatum* есть, по словам Ч.С. Пирса, «простая общность по некоторому свойству» [Якобсон, 1998, с. 322], то есть относительное сходство, ощущаемое тем, кто интерпретирует знак, например картина, в которой зритель узнает знакомый ему пейзаж. Что касается третьего класса (класса символов), русский учёный Р.О. Якобсон отмечает «нежелательную вариативность» и «противоречивость значений», традиционно связываемых с этим термином. В то же время представитель Пражской школы называет «удачным» следующую трактовку понятия «символ», предложенную Ч.С. Пирсом: «Смежность между двумя составляющими компонентами символа «можно назвать приписанным (*imputed*) свойством» [Якобсон, 1998, с. 322]. Подобная условная смежность наблюдается, например, между существительным *car*

‘автомобиль’ и транспортным средством, которое имеет такое наименование.

В целом знаки-символы не имеют сходства с обозначаемым и не предполагают с ним непосредственного контакта, что подразумевает их условную (приписанную) смежность между составляющими компонентами знака, означающим и означаемым, именуемую «абстрактностью» значения слова как языкового знака [Васильев, 2006]. Знаки-индексы требуют соприсутствия того, на что они указывают, поскольку основаны на фактической смежности в двусторонней сущности знака, между означающим и означаемым, что, равно как и в знаках-символах, именуется абстрактным значением. Последний класс языковых знаков – иконические знаки – являются образами обозначаемого, то есть они в том или ином отношении сходны с обозначаемым, имеют с ним некоторые общие черты, что обуславливает их относительное сходство между *signans* и *signatum* в структуре знака и «конкретность» семантики [Васильев, 2006]. При этом необходимо подчеркнуть, что изначально дейктические значения имеют знаки-индексы. По мнению Н.Ю. Шведовой, важнейшим классом знаков-индексов выступают местоимения [Шведова, 1999].

Однако всё чаще высказывается точка зрения, что «круг дейктических значений следует расширить» [Васильев, 2006, с. 165]. Так, знаки-индексы играют значимую роль в синтаксисе, они указывают на важнейшие коммуникативные аспекты речевой деятельности: на утверждение (*да, конечно* и др.), отрицание (*нет, никоим образом, никак нет* и др.), вопрос (*кто, что, какой, который, сколько, насколько, в какой мере* и др. Важным средством выражения таких значений является не только лексика, но и интонация, и порядок слов в предложении [Васильев, 2006, с. 164]. Следовательно, к дейктическим значениям следует отнести значения местоимений (в широком их понимании), артиклей, лексические значения служебных слов, инвариантные значения частей речи, значения грамматических категорий, а также значения различных средств коммуникативного аспекта высказывания (темы и ремы, вводных слов, обращения, обособления, конверсных конструкций и т.д.).

Несмотря на то, что в середине XX века языковед Р. Якобсон, продолжатель теории семиотики Ч.С. Пирса и теории семиозиса Ф. де Соссюра, отмечает, что «индексный аспект языка <...> занимает все более важное место в лингвистических исследованиях» [Якобсон, 1998, с. 323], тем не менее, как справедливо замечает проф. Л.М. Васильев, тип дейктических значений «в широком понимании», соответствующий знакам-индексам, «никем ещё не рассматривался» [Васильев, 2006, с. 168].

В свете решения данной проблемы важно установить устойчивость связи между означающим и означаемым в знаке, которая дешифрует информацию в дейктической единице и имеет статус структуры. По мнению видного итальянского философа Умберто

Эко, упорядоченная структура – это «система, держащаяся внутренней связностью, и эта связность <...> обнаруживается при изучении её трансформаций, благодаря которым у различных на первый взгляд систем открываются сходные черты» [Эко, 1998, с. 58]. При этом учёный обнаруживает сходство между упорядоченной структурой и кодом. В своей фундаментальной работе «Отсутствующая структура» итальянский мыслитель утверждает: «Код – это структура» (выделено – З.И.), представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 1998, с. 66]. Следовательно, если код – это устойчивая структура, то, очевидно, устойчивая структура может получать статус кода при некоторых условиях. В частности, в категории указания содержание кода реализуется посредством разного вида коннекций между означающим и означаемым в двуединой сущности знака. Иными словами, означаемое уместно определить как то, что посредством кода вступает в семасиологические отношения с означающим во внутренней структуре единицы указания.

Таким образом, код можно представить в виде «модели, являющейся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко, 1998, с. 4]. Отсюда явствует, что код предполагает наличие репертуара символов (в данном случае слово «символ» отличается от того *символа*, который понимается в свете данной работы как одного из компонентов знаковой системы Ч. Пирса; здесь символ является кодифицирующим элементом в структуре знака). Например, для определения уровня воды в водохранилище используются лампочки с символами ABCD и их различные комбинации. В частности, зажженные лампочки – символы АВ – означают «безопасный уровень»; загоревшиеся лампочки – кодифицирующие элементы CD – «нулевую отметку» [Эко, 1998, с. 3]. По сути, содержание кода невозможно установить, если не обратиться к математической теории информации, предоставляющей возможность применять структурные и информационные модели при описании разнообразных явлений в формализованных и естественных языках, например систем родства, кухни, моды, языка жестов, организации пространства и т.п. При этом возможно использование классической знаковой системы Ч. Пирса, которая собственно и структурируется благодаря кодифицирующим отношениям в двуединой сущности знака.

Однако хочется подчеркнуть, что кодирующие модели естественного языка квалифицируются более высокой степенью сложности, по сравнению с формализованными языками. Так, знаки-символы, знаки-образы и знаки-индексы в естественном языке предполагают следующий ряд кодифицирующих элементов: S^1 / S^2 , $S^1 \approx S^2$, $S^1 + S^2$, где S^1 –

signans, то есть означающее, а S^2 есть signatum, или, иными словами, означаемое. При этом суть кодифицирующих комбинаций выступает в виде характера отношений между signans и signatum, графически выраженных как $/$, \approx , $+$, что предполагает относительную смежность, относительное сходство и фактическую смежность между содержанием и формой знака. Следовательно, код, действующий в рамках лингвистической семиотики, представляет собой целую систему различений дейктических единиц. Так, согласно коду, видится, что S^1/S^2 не есть $S^1 \approx S^2$, а $S^1 \approx S^2$ не есть $S^1 + S^2$. Подобное видение семиотической системы естественного языка соответствует пониманию языка как «структуры, описываемой отвлеченно и представляющей собой совокупность отношений» [Эко, 1998, с. 7].

Таким образом, в рамках семиотической лингвистики, изучающей знаковую систему языка и его репрезентативную функцию, код предполагает наличие двух кодифицирующих символов S^1 и S^2 и трех возможных кодифицирующих комбинаций $/$, \approx , $+$ между данными символами. В целом код вносит в семиотическую систему языка относительный порядок, что позволяет квалифицировать его как семиотический код естественного языка.

Итак, в свете изучения конвенционального дейксиса семиотический код является упорядоченной системой кодифицирующих комбинаций в виде относительной смежности, относительного сходства и фактической смежности, а именно $/$, \approx , $+$ между означающим и означаемым знака, или S^1 и S^2 , в двуединой сущности знаков-символов, знаков-образов и знаков-индексов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что одним из основных инструментов для изучения категории указания в естественном языке выступает единое указательное поле, представленное совокупностью знаков-символов, знаков-образов и знаков-индексов вкупе с репертуаром устойчивой связи в двуединой сущности знака. В свою очередь, под упорядоченной связью в двусторонней структуре знака подразумеваются кодифицирующие комбинации, дешифрующие информацию семантико-синтаксического характера в семантике дейктических единиц.

Универсальными категориями конвенционального дейктического поля выступают семиотический код, классификация языковых знаков, характер семантики демонстративов (в частности, наличие изначально дейктического/недейктического значения, а также изначально номинативно-интерпретирующего значения в семантике языкового знака; конкретность, абстрактность семантики, мгновенность значения), подвижность языковых знаков, центральная или периферийная части дейктического поля.

Список литературы

- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. М.: Прогресс, 2000. 502 с.
- Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей / Л.М. Васильев. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов, под ред. Г.А. Золотовой – 4-е изд.. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Иванова С.В.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография / С.В. Иванова, З.З. Чанышева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
- Шафиков С.Г.* Лексическая типология языков / С.Г. Шафиков. Уфа, БашГУ, 2005. 162 с.
- Кирвалидзе Н.Г.* Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста: Автореф. дисс. ... док-ра филол. наук. / Н.Г. Кирвалидзе. М.; МГЛУ, 1991. 49 с.
- Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н. А. Сребрянская. Воронеж: Воронежский государственный пед. университет, 2005. 259 с.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики, под ред. Ю.С. Степанова, изд. 2 / А.А. Уфимцева. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. Будапешт: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
- Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Р.О. Якобсон. М., 1972. С. 95-113.
- Шведова Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над Русским семантическим словарём / Н.Ю.Шведова // Вопросы языкознания, 1999. № 1. С. 3 -16.
- Якобсон Р.О.* В поисках сущности языка /Р.О. Якобсон // Семиотика. М. Радуга, 1983 С. 102-117 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// genhis.philol.msu.ru/article](http://genhis.philol.msu.ru/article)
- Fillmore Ch.* Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis // Space, Place and Action: Studies in Deixis and Related Topics / Ch. Fillmore, Ed. By R. Jarvella and W. Klein. Chichester, NY, 1982. P. 31 - 59.

Калита О.Н.
Российский Университет Дружбы Народов
г. Москва (Россия)

**Мангинас Г.
Павлидис Г.**
Греческий государственный университет
г. Патры (Греция)

Kalita Oxana
Russian People's Friendship University
Moscow (Russia)

**Magginas Georgios
Pavlidis George**
State University of Patra
Patras (Greece)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

ORGANIZING THE PROCESS OF DISTANCE LEARNING RUSSIAN LANGUAGE FOR THE GREEK AUDIENCE

В настоящее время, с точки зрения интерактивности и эксплуатации новых источников информации, системы дистанционного обучения продолжают совершенствоваться и развиваться. Эти системы требуют тщательной конфигурации и то, что касается изучения иностранного языка, расширения предложенной функциональности, которые осуществляются посредством организационных и технологических вмешательств.

В данной статье представлены основные черты современной системы дистанционного обучения, разработанной с учетом потребностей греческих студентов, которые заинтересованы в изучении русского языка, используя Интернет. Акцент делается на организационных процессах, которые поощряют сотрудничество, снижают затраты и, в общем, увеличивают количество и качество различных стимулов для обучения.

Nowadays, from the perspective of interaction and the exploitation of new sources of knowledge the systems for distance learning continue to improve and evolve. These systems require careful configuration and, in the case of learning a foreign language, an extension of the offered functionality provided through organizational and technological interventions.

This paper presents the main features of a modern Distance learning system developed to meet the needs of Greek students who are interested in learning the Russian language using Internet. Emphasis is made on organizational interventions that encourage collaboration, reduce costs and, in general, increase the number and quality of various incentives for learning.

Ключевые слова: Специализированная система дистанционного обучения, принципы и характеристики, организационные аспекты, русский и греческий языки, удовлетворение студентов.

Key-words: specialized distance learning system, principles and characteristics, organizational aspects, Russian

and Greek languages, students' satisfaction.

The distance learning systems (DLS), known as Learning management systems or Learning content management system, that leverage today educational institutions, government agencies, private organizations and individuals operates - at least to a large extent - in a standardized way. This is due to the fact that the architects of these systems, by definition, did not have any apriori information about the specific educational subject (e.g., whether it would be biology or maths) when they created the DLS. As well as they were not in a position to know the specifics, needs, interests, direct environment, economic and social status of the students, teachers, managers, developers and all others users who would utilize the particular LMS. As a consequence, both methodological and practical gaps are often encountered which must be recorded, analyzed, and evaluated.

In many cases, it is necessary to intervene in order to deal with these weaknesses and deficiencies, such an intervention leads to a tailored extension of the functionality offered by the DLS. From previous research, we can conclude that DSL for Greek students learning Russian is one of these cases. Tailored interventions are needed because there are notions which exist only in either Russian or in Greek but not both, while other notions are similar but not identical.

Basic characteristics (principles)

In general, learning Russian as a foreign language is not only a complex process of interaction between all participants but also between sciences, cultures, religions, economies and societies. At an individual level, the scope of interaction is a) to acquire new knowledge, experiences and prospects for professional prosperity etc. and b) to discover unknown personal capabilities, preferences, idiosyncratic characteristics etc. For the accomplishment of superior interaction in general and for each individual separately, all participants must engage actively in the educational process.

A modern DLS is a technological platform which provides to its users increasingly more interactivity as time passes and, for this purpose, it must be upgraded quantitatively and qualitatively. Specifically, a modern DSL comprises an extendable complex of educational services, which are offered to Greek students through a specialised informational and technological environment.

An information and technological environment for learning the Russian language must exhibit:

1. Pedagogical behavior

According to this characteristic, the teacher of Russian undertakes new roles, responsibilities

and authorities. For example, with respect to students, the teacher is responsible for a) the achievement of a set of goals set by the students, b) the planning and coordination of the learning process, c) the analysis of the performance of the students and the correct personal educational trajectories. In addition, as a pedagogue, the teacher must utilize the available technologies for the optimal division of the learning material, for the management of the learning process, for the creation of a cooperative environment etc.

2. *Flexibility*

The education process must allow to Greek students to study at a place, pace, and time that are convenient to them. That is, it must allow the student to study as much as they think proper before taking any official examination in writing, listening, and reading comprehension. Moreover, due to the major financial crisis in Greece, many Greeks are working in parallel to their studies for a living. The characteristic of flexibility allows studying and working at the same time.

3. *Modularity*

According to this characteristic, Greek students must be able to choose from a variety of modules/units in order to determine their own educational trajectory. This trajectory will not only correspond to their specific needs but also meet the course requirements/rules set by the teacher. For example, the students may choose from small modules at the start and end of the degree and big modules inbetween.

4. *Effectiveness and Efficiency*

The first one of these characteristics: effectiveness, covers the quality of results (outcomes) from the use of DLS as a set of organizational and technological means. Of course, at this point one of the many and serious problems arise when a particular "quality" depends on another "quality", and that from another. For example, the "quality" of the student who wants to certify his knowledge of the Russian language depends on the "quality" of the teacher, the "quality" of the teacher from the "quality" of the multimedia technology etc.

The second of these characteristics: efficiency, refers to the effort to minimize costs that make all participants in the educational process in effort, time, capital, health, etc. For example, the DLS efficiency is achieved due to 7x24 hours capability to monitoring, using and further developing the complex of educational services, as well as the set of educational resources and technological tools from all participants in the educational process.

It makes sense, from these two characteristics: efficiency and effectiveness, to be inserted conclusions concerning "productivity", proper technique for "costing" etc. covering the DLS as a whole. Here, the productivity is calculated as a correlation between the best possible outcomes from the use of DLS with fewer costs.

5. *Control*

As a form of control in the process of learning Russian language classical test systems, examinations, games with winners who answer correctly to questions, etc. are used. In order to prevent undesirable developments, all results of the tests, along with many other statistics are entered to an intelligent tutoring system that tracks and try to predict the behavior of Greek students. Based on these forecasts, with relevant rules set by the teacher, this system initially "warning" for the existence of any problems and, in turn, suggests the student showing divergent behavior corrective actions.

6. *Use of multimedia technologies*

This feature allows the support of the learning process through a set of non-linear interactive methods. These methods allow the teacher to exploit specific discrete and continuous technologies in the process of representation of the educational material. It is well knowing that the first one: the discrete or spatial technology, includes text, images and graphics, while the second one: the constant or time technology includes animations, sounds (speeches, songs, etc.) and video.

7. *Integration*

Besides flexible, it is important the DLS to be open, scalable, secure, documented and, finally, integrated. Only an integrated DLS is able to communicate with other similar software and hardware systems. For example, with software systems that support educational encyclopedias, educational games and virtual educational trips, as well as systems that support business terminologies, web based presentations, seminars etc. By incorporating the new smart devices, the cloud technology etc. which configure the Internet of things the DLS will be in a position to renew and extend continuously, without major architectural problems (Fig. 1).

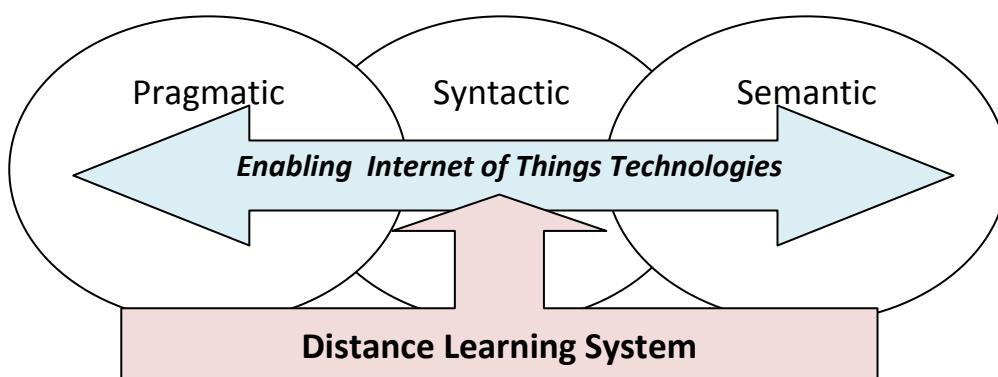

Fig. 1. Learning society.

Of course, all the above mentioned features are interconnected, so the DLS success depends on effective organization and management, the mastery of participant teachers, pedagogs, computer specialists, administrators etc. As well as from the knowledge background, the abilities, and the motivation of the Greek students. The DLS requires careful and detailed planning of students'

activities and a clear statement of educational goals.

Life cycle

The incoming students (end users) are obligated to complete questionnaires, perform tests to determine the level of knowledge they have, choose the difficulty level of education and rate of learning: slow, normal and fast. Based on this information and decisions the DLS proposes and, with the agreement of the staff of teachers and pedagogs, creates respective training groups of students (small social networks). For example, a (working) group of students can join persons who live in the same city and have the same professional orientation; a second one can join persons who have the same level of knowledge and the same tempo of absorption of educational materials and a third one those who have common interests and the same or similar goals.

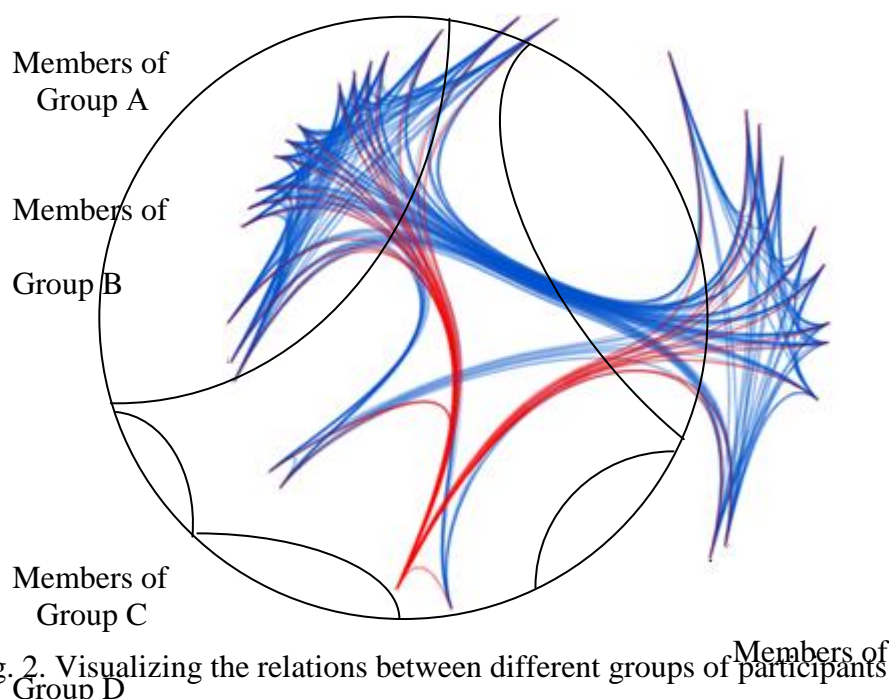

Fig. 2. Visualizing the relations between different groups of participants (red: active and desirable, blue: harmful and unwanted relations).

As it is shown in Fig. 2, between groups of students there will be different types of positive and negative relationships. The aim of the DLS is to reinforce desirable, constructive relations between the groups and their members, so that students can be assured that correctly “passed the distance” from ignorance to knowledge of the language. Then the student make himself familiar with the other members of his own working group, with the responsible teacher, with the plan of covering the educational material, and with the training methodology and begin his education.

To improve the effectiveness of learning process the DLS widely use active educational methods, i.g. business games, web based seminars, group discussions, and other intensive forms of

collective learning. In other words, the DLS encourages students to pursue discussions on the complex or unclear points that may exist in the educational material in mutual help groups, to exchange personal experiences, to create business relationships. During the learning process it is allowed students to take a break from one to three weeks. Of course, the student must inform in advance the DLS and, respectively, the responsible persons with his/her teacher first, declaring the beginning and the end of this time period.

The results from the participation of Greek students are monitored and evaluated by the DLS. In parallel, regularly being sent to the teacher by the DLS. He is able to direct personally the educational progress of a student without using the monitoring tools offered by the DLS. That is, to correct any errors, communicate and warn the student if there are gaps in the coverage of the educational material.

Feedback

The feedback in this particular DLS is functional, efficient and real-time. Because students may take exams for certification of their knowledge the feedback must also take the form of external evaluation "delay". In each case the DLS monitor the behavior of the student and when changes are in a positive direction somehow reward him/her providing incentives to continue to deliver positive results (Fig. 3). But when this is not happened, the DLS is obliged to undertake corrective actions, and to inform the responsible teacher to take immediate measures.

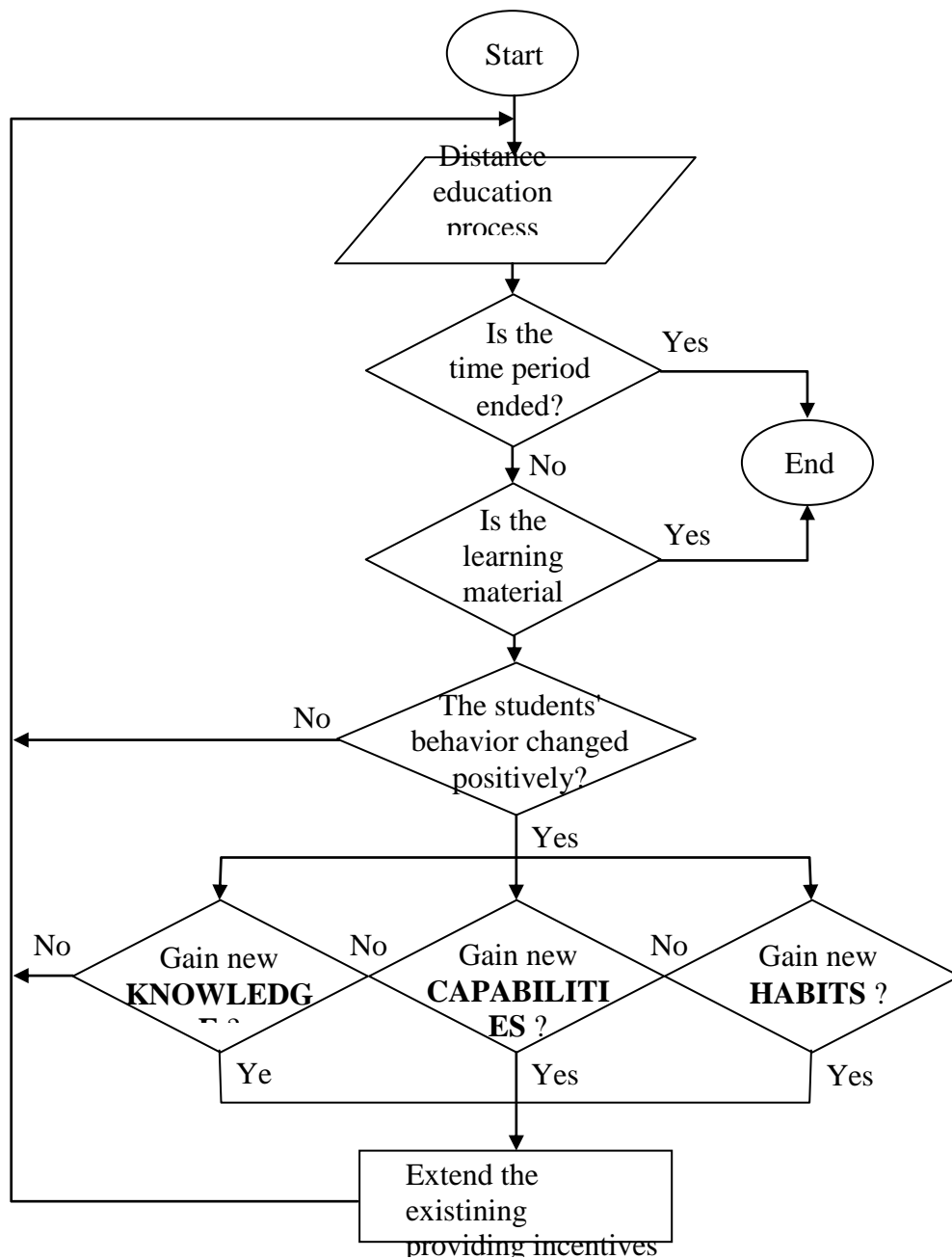

Fig. 3. Distance learning process flow diagram.

Final remarks

To monitor the effectiveness and efficiency of the DLS relevant information is necessary, information from the trainees, the trainers and all those who are directly or indirectly related to the system. Regularly, at different for each group of users and developers time intervals, all participants have to complete questionnaires playing the role of feedback. Their content relates to their preferences, their criticism and suggestions concerning the characteristics which must be met by the DLS. These features were presented in the above text.

The processing of the questionnaires in conjunction with data on the behavior of Greek students leads to conclusions about the level of satisfaction for each of the above characteristics (principles). How much i.e. the DLS is pedagogically sound, how flexible it is, how well it is structured. For example, very large modules of educational material significantly hinder the educational process, in the sense that they reduce the motivation level of students. In the future, to draw conclusions about the effectiveness of all DLS in each characteristic (principle) will be given a weighting factor, so that we have:

$$Effectiveness (DLS) = \Sigma(\langle weight \rangle * \langle degree of principle satisfaction \rangle)$$

where Σ the sum for all the principles of propagation of gravity that has been given to a characteristic with its satisfaction level.

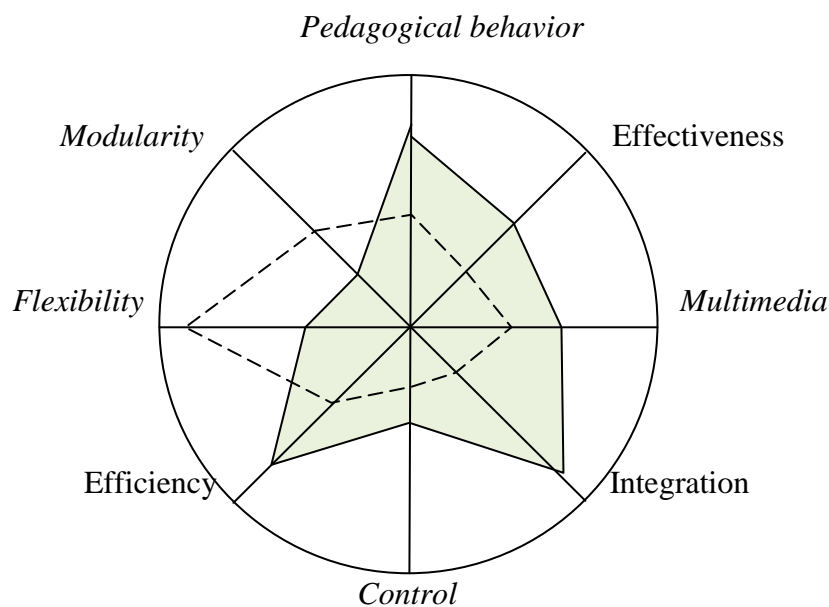

Fig. 4. Measuring the DLS effectiveness.

As shown in Fig. 4, the value of each weighting factor will change over time, according to the priorities given by the participants. In our future research we will follow these changes in order to find repeated situations and behaviors that will enable us to improve the DLS for the benefit of students.

Bibliography

Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language / Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis // 5th IEEE Internati Crete, Greece onal Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), 07-09.07.2014.

Adjusting the Tests According to the Perception of Greek Students Who are Taught Russian Motion Verbs via Distance Learning / Kalita O., Pavlidis G.// AIAI 10- th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovation, 19-21.10.2014, Greece, Rhodes Island.

Калита О.Н.
Российский Университет Дружбы Народов
г. Москва (Россия)

Kalita Oxana
Russian People's Friendship University
Moscow (Russia)

*ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
В ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ*

*DIFFICULTIES IN STUDYING THE FUNCTIONING OF RUSSIAN VERBS OF MOTION IN THE
GREEK AUDIENCE*

При изучении русских глаголов движения греки, как правило, сталкиваются с большими трудностями при выборе подходящего глагола. Трудности подобного рода возникают в связи с отсутствием в греческом языке категории глаголов движения, как таковой, а также в силу сложности понимания лексических и семантических свойств этих глаголов. Глаголы, выражающие движение, не соответствуют системе парных глаголов движения русского языка, поэтому в учебном процессе, сопоставительный анализ русских глаголов движения с греческими аналогами, передающими движение, является эффективным вспомогательным средством. Целью данной работы является выявление основных трудностей в изучении функционирования русских глаголов движения без приставок и с приставками, их семантика и закономерности функционирования, свойственные греческой аудитории.

In the study of Russian verbs of motion Greek students tend to face greater difficulties in choosing the right verb. Difficulties of this kind occur in the absence of the corresponding Greek category of verbs of motion, as such, but also because of the difficulty of understanding lexical and semantic properties of the verbs. Particularly, Greeks' verbs that express movement, do not correspond to the pair of verbs of motion system of the Russian language, so in the learning process, a comparative analysis of Russian verbs of motion with Greek counterparts, transmitting movement, is an effective aid. The scope of this work is to identify the main difficulties in the study of the functioning of Russian verbs of motion without prefixes and with prefixes, their semantics, and rules of functioning, peculiar to the Greek audience.

Ключевые слова: русские глаголы движения, сопоставительный анализ, трудности в обучении греческой аудитории, греческие аналоги, повышения эффективности учебного процесса.

Key words: Russian verbs of motion, comparative analysis, difficulties faced by Greek auditory during the learning process, Greeks' analogs, increasing the learning process effectiveness

Введение

С наступлением нового века, с развитием информационных технологий во многом изменились и дополнились реалии современного мира, появились новые тенденции в обучении иностранным языкам. В Греции, в связи с социально-экономическим развитием, с усилением процессов глобализации и интеграции различных сфер жизни, активным развитием экономики и бизнеса и увеличением числа русских туристов, наблюдается стабильное увеличение числа греков, заинтересованных в знании русского языка. Развитие

российско-греческих отношений во многом сдерживается из-за языкового барьера. В связи с этим, в последние годы, в Греции, русский язык стал не просто популярным, но и значимым. Русский язык – язык бизнеса, знание которого открывает широкие возможности для взаимовыгодного сотрудничества, способствует расширению профессионального, межкультурного, делового и личного общения. Расширяется образовательная деятельность российских культурно-просветительских учреждений в Греции, а для интенсификации научно-образовательных контактов расширяется практика стажировок греческих студентов и аспирантов на базе ведущих российских университетов и исследовательских организаций: МГУ, МГИМО, ИМЭМО РАН, РСМД, РУДН и других.

Последнее время заметно расширился и изменился контингент греков, изучающих русский язык – дипломаты; бизнесмены, которые сотрудничают с российскими деловыми партнёрами; сотрудники внешнеторговых организаций; учащиеся различных учебных заведений, связывающие свою будущую карьеру с использованием русского языка в сфере бизнеса, а так же, дети. Изменение тенденций и мотиваций контингента учащихся заставляет преподавателей задумываться о том, что и каким образом нужно изменить, чтобы обучение шло в ногу со временем; какими должны быть методы и способы обучения, учитывая требования учащихся; типы самих учащихся и их индивидуальный подход к изучению языка; о мотивации к обучению; соотношении менталитетов, а также о характерных ошибках, которые допускаются учащимися в процессе обучения.¹

Русский и греческий языки генетически связаны между собой. Однако уместно отметить, что существуют как сходство систем, так и различия. Можно выделить основные трудности, возникающие в процессе обучения русскому языку, в том числе: глаголы движения без приставок и с приставками, их семантика и закономерности функционирования.

Текущее состояние

Глаголы движения русского языка образуют группу, у которой свои грамматические и стилистические особенности и большая коммуникативная значимость. Они часто используются в общении: в разговорной речи, в учебных и деловых сферах, а так же в литературном и научном стиле.

По результатам проведенного опроса греков, изучающих русский язык, одним из

¹ Триантафиллу Ф. (2004) Межкультурная педагогика в Греции и понтийские греки. В: А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. *Slavica Helsingiensia* 24, 254–262.

сложных аспектов грамматики русского языка являются бесприставочные и приставочные глаголы движения.² Категория глаголов движения, как таковая, отсутствует в греческом языке, а глаголы, выражающие движение не соответствуют системе русского языка.³ Учет данных о сходстве и различии русских и греческих глаголов, передающих движение, может послужить опорой в более качественном усвоении данного материала, поскольку сложность составляет не столько формообразование, сколько семантические отличия, обусловленные различиями языковых картин мира.⁴ Изучение лингвистической и методической литературы показало, что специальных работ, посвященных сопоставлению русских и греческих глаголов движения в методических целях не проводилось. До данного момента не проводились и исследования по выявлению трудностей, возникающих в процессе обучения русским глаголам движения без приставок и с приставками, их семантика и закономерности функционирования, свойственные греческой аудитории. Этим и обусловлена актуальность предпринятого исследования. Полученные результаты имеют как теоретический, так и практический смысл. В частности, они могут быть использованы для оптимизации процесса обучения русским глаголам движения для греческой аудитории, а так же послужить ценным материалом при создании полномасштабной этноориентированной методики преподавания РКИ (Русский как иностранный) для греческой аудитории.

Задачами данной работы является выявление характера трудностей обучения русским глаголам движения ГД в греческой аудитории, основываясь на сходства и различия русских и греческих глаголов, передающих движение. Теоретической базой данной работы в области описания грамматики русского языка как иностранного послужил учебник: Величко (2009), а также работы в области изучения глаголов движения: Муравьева (1995), Битехина (1966), некоторые исследования по обучению греков русскому языку: Μαμαλούι (2007), Триандафиллу (2004), Μπορίσοβα (2013), Амириди (2003), Есакова, Литвинова (2010), Данилиду (2007), Οκονόμου (1828), а так же, работы, посвященные основным трудностям при обучении русского языка: Метс(2019), Колосницина(2009). Основные положения данных исследований дают основания для проведения анализа ошибок, изучающих русский язык.

² Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language // 5th IEEE International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), Crete, Greece, 2014.

³ Сопоставительный анализ русских и греческих глаголов движения в аспекте создания национально-ориентированного мультимедийного учебник / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С.// Халкидики, 25-29.04.2012

⁴ Амириди С.Г. Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Международная научно-практическая конференция — Салоники, 2010.

Лексико-грамматическая группа глаголов движения

Глаголы движения (ГД) – устойчивая структурно-семантическая группа глаголов несовершенного вида, обладающая специфическими характеристиками, присущими только этой группе, на уровне морфологии, синтаксиса, а так же на уровне функционирования [Русская грамматика, 1982, с. 591]. В практике преподавания русского языка как иностранного традиционно выделяют два относительно самостоятельных аспекта: употребление ГД без приставок и употребление глаголов движения с приставками.^{5, 6}

Группу ГД в русском языке составляют 18 пар глаголов, которые указывают на один и тот же тип перемещения, но при этом оба являются глаголами несовершенного вида. Следует отметить, что последние четыре пары находятся на периферии системы ГД и специально не вводятся в практический курс РКИ. По этой причине, анализируя трудности, связанные с ГД, остановимся на 14 парах ГД, которые представлены практически во всех учебных пособиях русской грамматики РКИ.⁷

В глагольных парах первый глагол (I-ой группы, типа «идти») обозначает однонаправленное движение, но, в разных временах, приобретают некоторые смысловые оттенки. Другой глагол (II-ой группы, типа «ходить») обозначает неоднаправленное движение и во всех трех временах – сохраняют свое основное значение: движение разнонаправленное, движение регулярно повторяющееся, движение туда и обратно, движение как свойство субъекта.⁸

<i>Непереходные глаголы</i>	<i>Переходные глаголы</i>	<i>Возвратные глаголы</i>
Идти – ходить	Вести – водить	Катиться – кататься
Ехать – ездить	Везти – возить	Нестись – носиться
Бежать – бегать	Нести – носить	Тащиться – таскаться
Лететь – летать	Катить – катать	Гнаться – гоняться
Плыть – плавать	Тащить – таскать	
Брести – бродить	Гнать- гонять	

⁵ Муравьева Л.С. Глаголы движения в русском языке - Verbs of motion in Russian, 6-е изд-во Рус. яз., Москва, 1995

⁶ Битехина Г.А. Употребление глаголов движения в русском языке \ Битехина Г.А.,Муравьева Л.С., Юдина Л.П.,МГУ, 1966

⁷ Метс Н.А., Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев.: Изд-во ИКАР, Москва, 2010

⁸ Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language / Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis // 5th IEEE Internati Crete, Greece onal Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), 07-09.07.2014.

Лезть – лазить		
Ползти – ползать		

Среди ГД выделяются *непереходные* и *переходные*. *Непереходные* глаголы передают движение субъекта, в то время как *переходные* движение субъекта вместе с объектом.

Употребление глаголов движения без приставок

Группа русских глаголов, которые входят в группу ГД, могут дифференцировать движение по способу и обстоятельствам передвижения, указывая где, с какой скоростью, на какой поверхности происходит движение:⁹

- Движение по твердой поверхности
- Использование / неиспользование средства передвижения по твердой поверхности
- Среда передвижения (земля – воздух – вода)
- Скорость передвижения
- Отсутствие или наличие принуждения к движению
- Направление (однонаправленное\ неоднаправленное)

Употребление глаголов движения с приставкам

Бесприставочные глаголы каждой из групп могут присоединять к себе множество различных приставок, при этом они меняют свое лексическое значение и по-разному образуют видовые пары. В случае русских глаголов движения с префиксом, «способ перемещения» и тип «движения» представлен в корне и в суффиксе глагола, в то время как «направление», как правило, выражается через префикс. Объединение двух компонентов семантически завершает глагол. Приставки, присоединяющиеся к глаголам движения не однородны по своей семантике. Они делятся на две большие группы: приставки с пространственным значением и приставки с непространственным значением (приставки с количественно-временным значением), и употребляются с определенными предлогами, которые требуют соответствующий падеж.

Приставки с пространственным значением.

Приставки с пространственным значением не однородны по своей семантике, поэтому, соединяясь с ГД, они меняют их лексическое значение. Трудности при употреблении приставок с пространственным значением заключается в уточнении значения каждой из

⁹ Метс Н.А., Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев.: Изд-во ИКАР, Москва, 2010

приставок, в зависимости от того, в каком контексте они употребляются, с соответствующим предлогом.

Приставки	Соответствующие предлоги	Графическое представление	Значение и употребление приставок
При-	в / на с / из к от		1. Прибытие и доставка чего-л. в определённое место. 2. Появление кого-л. где-л.
У-	из на от		1. Удаление субъекта (объекта) откуда-л. 2. Отдаление (в определённом контексте)
В (о) –	в / на		1. Движение внутрь, в пределы чего-л. 2. Движение вверх (вверх, вбежать, влезть, вставить, вкатить, втащить)
Вы-	из / с / из-за / из-под в / на		1. Движение изнутри, из пределов чего-л., из-под, из-за чего-л. 2. Покинуть помещение на время, отлучиться. 3. Совершить движение на открытое место, к какому-л. ориентиру; оказаться где-л., попасть куда-л. 4. Совершив движение, появиться где-л., перед кем-л. 5. При обозначении начала движения, срочного отправления (офиц.), отправления воздушного транспорта
вз- (взо-)	на		Движение вверх, на поверхность предмета (вбежать, взойти, взлететь, всплыть)
Под-	к		Приближение с видимого расстояния
От-	от в		1. Отдаление на некоторое расстояние (незначительное). 2. Доставка объекта куда-л., кому-л. (только переходные глаголы). 3. Отправление (обо всех видах транспорта, кроме воздушного)
С-	с / со		Движение с поверхности чего-л., вниз или в сторону
Раз- (разо-)	по в		Движение из центра в разные пункты, доставка объектов в разные пункты
Про-	через мимо		1. Поступательное движение вперёд, возможно с указанием маршрута. 2. Движение внутрь, в пределы чего-л., к кому-/ чему-л. 3. Движение куда-л. с преодолением препятствия. 4. Констатация факта движения. 5. Преодоление расстояния (возможно, с указанием затраченного времени). 6. Ошибочное движение дальше, чем

			нужно, пропуск чего-л.
За-	за в / на к		1. Попутное движение. 2. Движение куда-л. на короткое время. 3. Значительное удаление куда-л.; ошибочное, случайное движение куда-л. 4. Движение за предмет. 5. Движение внутрь (зайти, захватить, забежать, залезть, завести). 6. Движение вверх (залезть, загнать)
До-	до		1. Достижение неконечной границы движения. 2. Достижение конечной границы движения. 3. Характеристика движения (оценка) с точки зрения соответствия норме и состояния субъекта
Об-(об-, обо-)	Вокруг		1. Движение в обход чего-л., не прямо. 2. Движение вокруг чего-л. 3. Движение с пребыванием во многих пунктах, охват движением ряда объектов
Пере-	через в / на с / из		1. Движение с одной стороны на другую. 2. Движение из пункта в пункт, от предмета к предмету. 3. Движение сверху над чем-л.
С -ся	в / на		Движение в один центр из разных пунктов

Таб.2 Префиксы с пространственным значением и соответствующими предлогами.

Приставки с количественно-временным значением

Приставки с непространственным значением (приставки с количественно-временным значением), выражают повторяемость движения, комплексное движение, показывают, что движение не будет продолжаться долго. Они присоединяются к глаголам неоднаправленного движения, которые приобретают смысл глагола совершенного вида.

Приставка	Соответствующий предлог	Значение и употребление приставок
По-	в, на, к, по	Приставка по-ограничивает продолжительность ненаправленного движения (походили по выставке, поехали по городу) или количество повторений двунаправленного движения (походили на спектакли этого режиссёра, поехал в разные страны);

Про-	По	подчёркивает, что всё указанное время было занято движением – ненаправленным или двунаправленным (проездили по городу полдня – проездили в город полдня)
С-	в, на, к	с- под- чёркивает однократность двунаправленного движения куда-либо (съез- дили в Петербург).
За-	---	выделяет момент начала ненаправленного движения (Птица испуганно залетала по комнате)

Таб.2 Префиксы с количественно-временным значением с соответствующими предложениями.

Основные трудности в употреблении глаголов движения в греческой аудитории

Во многих других языках, в том числе и греческом описание движения отличается от русского языка. В греческом языке категория глаголов движения как таковая отсутствует. Это создаёт трудность в выборе правильного глагола при построении высказывания. Подобные ошибки вызваны различием в понимании явлений, отличающихся от явлений в греческом языке.¹⁴

В связи с этим, можно выделить основные трудности, возникающие при изучении русских глаголов движения в греческой аудитории:

1. Трудно учитывать дифференциацию по способу движения.

В отличие от русского языка, в греческом языке ГД не дифференцируются по способу движения: движение пешком и движение на транспорте обозначается одинаково, поэтому возникает трудность при выборе правильного глагола.

Русские глаголы движения *идти – ехать – лететь – плыть* могут быть заменены греческими *πάω(πηγαίνω)*. В сочетании с транспортом при глаголах *πάω(πηγαίνω)* используется предлог *με* с винительным падежом: *πάω (πηγαίνω) με το ταξί – я еду на такси, με το αυτοκίνητό – на машине, με το λεωφορείο – на автобусе, με το πλοίο – на теплоходе, με το αεροπλάνο – на самолете.*

Поэтому различие и соответствующее использование нужных глаголов вызывает большое затруднение, вследствие чего, возникают и ошибки в речи.

2. Трудно дифференцировать однонаправленное и неоднаправленное движение бесприваочных ГД.

Однонаправленность/неоднаправленность движения в русском языке выражается с помощью противопоставления глагольных пар типа «идти» и типа «ходить». Трудностью

¹⁴ Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку. Defining the national and psychological characteristics of greek students in the process of optimizing the teaching of the russian language / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // III международная научно-практическая конференции «русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе», Халкидики, 26.04-01.05.2013.

является то, что эти лексические противопоставления и семантическая значимость в двух языках неравноценна. Можно сказать, что в греческом языке такое явление практически нейтрализуется. В предложениях, выражающих однонаправленное и неоднаправленное движение в русском языке, употребляется один и тот же греческий глагол, обозначающий движение. Такие предложения как: *Αυτός πάει(πηγαίνει) στο θέατρο. Αυτός τρέχει στο στάδιο. Αυτός πετάει για την Μόσχα*, могут быть переведены на русский язык, как: *Он идёт в театр. Он бежит на стадион. Он летит в Москву*. Но, им так же могут соответствовать русские предложения: *Он ходит в театр. Он бегаёт на стадион. Он летает в Москву*.

Еще одной создающейся трудностью дифференциации ГД неоднаправленного движения является разграничение *ненаправленного* движения, которое не так легко понять носителям языка; *комплексного* движения, как движения туда и обратно и *движения, как способности, навыка, свойства*. Грамматическая структура описания движения субъекта в русских глаголах движения и глаголах, выражающих движение в греческом языке различаются, поэтому выбор правильного глагола создает определенные трудности.

3.Трудно различать глаголы СВ и НСВ с омонимичными пространственными и непространственными приставками про-, за-, с-

Непространственные приставки *про-, за-, с-* присоединяются главным образом к глаголам группы ходить, образуя при этом глаголы совершенного вида, обычно одновидовые. Движение характеризуется по времени, количеству реализаций, интенсивности, результативности. Вследствие омонимичных приставок непространственного и пространственного значения, и специфики образования видовых пар у глаголов движения существуют разновидности омонимы типа:

<i>заходить по комнате (αρχίζω να βηματίζω μέσα στο δωμάτιο)</i>	<i>заходить-зайти в магазин (περνώ, μπαίνω από το μαγαζί)</i>
<i>проходить полчаса (τριγυρίζω μίση ώρα)</i>	<i>проходить-пойти мимо дома (περνώ κοντά από το σπίτι)</i>
<i>сходить в библиотеку (πετάγομαι στη βιβλιοθήκη)</i>	<i>сходить-сойти по лестнице вниз (κατεβαίνω τις σκάλες)</i>
<i>сводить друга в кино(πηγαίνω τον φίλο μου σινεμά)</i>	<i>сводить-свести ребенка с лестницы(κατεβάζω το παιδί από τις σκάλες)</i>

У греческих обучающихся возникают ошибки в связи с тем, что не было понято или не было реализовано противопоставление глаголов несовершенного вида с приставками пространственного значения и глаголов движения совершенного вида с приставками непространственного движения.¹⁵

4. Трудно дифференцировать значение некоторых пространственных приставок :

¹⁵ Величко А.А. Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учебное пособие., изд–во Москва, 2004

При- | *До-* | *Под-* ; *Пере-* | *Про-*; *Вы-* | *У-*

В греческом языке не существует особо выделенной группы ГД. Глаголы, соответствующие русским ГД, с данными приставками имеют близкие значения, указывающие на близость или удаление в разной степени достижения точки достижения. В результате чего, возникают трудности в точном понимании значения каждого глагола, что способствуют не различению, смешению этих глаголов и появлению ошибок в речи учащихся.¹⁶

Прийти домой. *Φτάνω στο σπίτι.*

Дойти до дома. *Φτάνω έως το σπίτι.*

Подойти к дому. *Πλησιάζω το σπίτι.*

Перейти через дорогу. *Διασχίζω το δρόμο.*

Пройти через лес. *Προσπερνώ το δάσος.*

В данных примерах, и в первом и во втором случае, передается движение изнутри, но в первом в значении покинуть место, а во втором в значении оставить на какое-то время.

Уйти из дома пять минут назад. *Έφυγα από το σπίτι πριν πέντε λεπτά.*

Выйти из дома на пять минут. *Βγήκα από το σπίτι για πέντε λεπτά.*

5. Трудно передать значения переходных глаголов движения без приставок и с приставками на греческий язык.

В отличие от русских переходных ГД, греческие аналоги, выражающие движение, русским переходным ГД не дифференцируются по способу передвижения и по направлению.¹⁷

Дети идут в школу и несут цветы. *Τα παιδιά πάνε στο σχολειό και κουβαλάνε (περπατώντας) λουλούδια.*

Обычно папа возит дочку в школу на машине. *Συνήθως ο πατέρας πηγαίνει την κόρη του στο σχολειό με αυτοκίνητο.*

Гид ведет туристов в музей. *Ο ξεναγός καθοδηγεί τους τουρίστες στο μουσείο.*

Достаточно сложно передать значение на греческий язык переходных ГД без приставок и с приставками совершенного и несовершенного вида, так как в греческом языке не существуют аналоги для передачи направления движения переходных русских ГД. В случае правильного выбора переходных глаголов с приставками в нужной ситуации,

¹⁶ Adjusting the Tests According to the Perception of Greek Students Who are Taught Russian Motion Verbs via Distance Learning / Kalita O., Pavlidis G.// AIAI 10- th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovation, 19-21.10.2014, Greece, Rhodes Island

¹⁷ Сопоставительный анализ русских и греческих глаголов движения в аспекте создания национально-ориентированного мультимедийного учебник / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С.,// Халкидики, 25-29.04.2012

греческие обучающиеся, основываются на выбор глагола, которым совершается перемещение объекта и на значение самой приставки.

Я привезла тебе подарок из Москвы. Σου έφερα (με κάποιο μεταφορικό μέσο) ένα δώρο από την Μόσχα.

Мама отвела сына в школу. Η μητέρα πήγε (καθοδήγησε από το σπίτι) το γιό της στο σχολειό.

Учительница вошла в класс и внесла тетради. Η καθηγήτρια μπήκε στην αίθουσα και έφερε (μέσα) τα τετράδια.

6. Трудно преодолеть ошибочный стереотип соответствия переходных и переходных глаголов движения.

Часто при высказывании мы говорим и о движении субъекта, и о движении объекта. В этом случае мы употребляем два глагола движения. Трудность заключается в том, что очень часто греческие обучающиеся усваивают идею о соответствии переходных и переходных глаголов движения, не соответствующую русской действительности.

У них формируется ошибочный стереотип: если «ехать», значит «везти», а если «идти», значит «нести». Как мы видим из таб.4 в русском языке возможны и другие соответствия переходных и переходных глаголов движения. Такие соответствия требуют не только специального объяснения, но и специального обучения— формирования специального навыка.

Способ передвижения субъекта		Способ перемещения объекта	
		Используются средства передвижения	Не используются средства передвижения
Субъект не пользуется средствами передвижения	Идти\брести\ползти	Везти	Вести\Нести \Катить\Тащить\ Гнать
Субъект пользуется средствами передвижения	Ехать\Лететь\Плыть	Везти	

Таб.4. Соотношение переходных и переходных глаголов движения.

Женщина идет и катит коляску. Γυναίκα περιπατάει και τσουλάει το καρότσι.

Спортсмен прибежал на стадион и принес мяч. Ο αθλητής έφτασε στο στάδιο και έφερε τη μπάλα.

Друзья прилетели из Москвы и привезли мне подарки. Οι φίλοι μου ήρθαν από την Μόσχα (με

μεταφορικό μέσο) και μου έφεραν δώρο.

7. *Трудность использования винительного падежа направления и предложного места с ГД.*

При выражении направления глаголов движения с винительным падежом, главной трудностью является неправильный выбор падежа. Предпочтение отдаётся предложному месту, так как в греческом языке не существует различия в использовании падежей, в обоих случаях выражается винительным падежом.

Завтра я поеду в Москву. Αύριο θα πάω στην Μόσχα.

Я уже пять лет живу в Москве. Εγώ μένω στη Μόσχα εδώ και πέντε χρόνια.

Выводы

Наши наблюдения и личный опыт привели нас к выводу, что трудности, при изучении ГД, встречаются, как правило, у всех обучающихся, изучающих русский язык. Это связано с особенностями группы ГД русского языка, которые отличаются исключительной сложностью своего содержания, так как лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами. Греческие обучающиеся часто затрудняются в выборе нужного глагола из числа близких по значению. Они не всегда могут самостоятельно определить дифференциальные признаки таких глаголов и нуждаются в соответствующих разъяснениях. Характерной особенностью, допускаемых ошибок при употреблении русских ГД является то, что они в большинстве случаев носят интерференционный характер. К числу типичных, могут быть отнесены ошибки, связанные с не различением семантических категорий глаголов движения, с нарушением лексической и грамматической сочетаемости указанных единиц, с объединением значений разных глаголов в рамках одного и т.д. Преподаватель, в свою очередь, должен владеть обучающим материалом так, чтобы наиболее четко и адекватно донести его до обучающихся, что поможет лучше понять обучающимся, как используются ГД в практической речи. Для повышения эффективности учебного процесса нужно обратить особое внимание на адаптационные процессы греческих обучающихся и на сходства и различия русских ГД и глаголов, выражающих движение, в греческом языке. Принцип опоры на родной язык является одним из базовых в методике обучения иностранным языкам. Можно утверждать, что родной язык играет немаловажную роль в порождении ошибок при употреблении грамматических явлений, отсутствующих в

родном языке. Типологическое сопоставление русского и греческого языков помогает глубже понять причины ошибок, являющихся следствием интерференции родного языка, и правильно определить те задачи, которые приходится решать учащимся при усвоении каждой закономерности русского языка.

Список литературы

- Амириди С.Г.* Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) / С.Г. Амириди // II Международная научно-практическая конференция – Салоники, 2010.
- Амириди С.Г.* Менталитетное мышление студентов – греков изучающих русский язык. Годишник ИЧС / С.Г. Амириди. София, Болгария, 2003.
- Балыхина Т.М.* От методики к этнометодике / Т.М. Балыхина. – М.:РУДН, 2010.
- Битехина Г.А.* Употребление глаголов движения в русском языке / Битехина Г.А., Муравьева Л.С., Юдина Л.П., МГУ, 1966.
- Величко А.А.* Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учебное пособие / А.А. Величко. М.: изд-во Москва, 2004.
- Данилиду Н.* Русский для греков / Н. Данилиду. Салоники, 2007
- Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Харацидис Э.К.* Русская фонетика и интонация для говорящих на греческом языке / М.Н. Есакова, Г.М. Литвинова, Э.К. Харацидис. Салоники, 2010.
- Колосницына Г.В.* Грамматические этюды / Колосницына Г.В., Макова М.Н., Шведова Л.Н., Шипицо Л.В. М.: изд-во Москва, 2009.
- Метс Н.А.* Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев / Н.А. Метс. М.: Изд-во ИКАР, 2010
- Муравьева Л.С.* Глаголы движения в русском языке – Verbs of motion in Russian, 6-е изд-во Рус. яз. / Л.С. Муравьева. М., 1995
- Триантафиллу Ф.* (2004) Межкультурная педагогика в Греции и понтийские греки. В: Мустайоки, А., Протасова, Е. (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. 14РГ, 1982 // Русская грамматика, Том 1, М.: Изд-во Наука, 1982
- Οικονόμου Κ.* Δοκίμιον περί της πληρεστάτης συγγενείας της σλαβωνορωσικής γλώσσης προς την ελληνικήν / Κ. Οικονόμου. Πετρούπολη, 1828.
- Μπορίσοβα Τ.* Ρωσική γραμματική στα ελληνικά / Τ. Μπορίσοβα. Αθήνα: Perugia. Πογκόσοβα, Ι., Τριανταφυλλίδου, Τ., 2003
- Μαμαλούι Σ.* Γραμματική της ρωσικής γλώσσας / Μαμαλούι Σ., Τρακάδας Α.: University Studio Press, Θεσσαλονίκη, 2003
- Сопоставительный анализ русских и греческих глаголов движения в аспекте создания национально-ориентированного мультимедийного учебник* / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // Халкидики, 25-29.04.2012.
- Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку. Defining the national and psychological characteristics of greek students in the process of optimizing the teaching of the russian language* / Калита О.Н. Гарцов А.Д. Павлидис Г.С. // III международная научно-практическая конференции «русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе», Халкидики, 26.04-01.05.2013.

Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language / Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis // 5th IEEE International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), 07-09.07.2014.

Adjusting the Tests According to the Perception of Greek Students Who are Taught Russian Motion Verbs via Distance Learning / Kalita O., Pavlidis G.// AIAI 10- th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovation, 19-21.10.2014, Greece, Rhodes Island.

Капитанова Й.
Университет им. Палацкого
г. Оломоуц (Чешская Республика)

Kapitánová Jindřiška
Palacký University
Olomouc (The Czech Republic)

ПРИЕМ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ УСТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

MIND MAPPING AND ITS IMPLEMENTATION IN INTERPRETER TRAINING

На фоне общей информации о методических требованиях курса устного перевода и неэффективных стратегиях работы с текстом, автор статьи характеризует прием ментальной карты, его практическое применение и теоретическую значимость в плане общих когнитивных процессов в деятельности и подготовке устных переводчиков. Положительный эффект приема ментальной карты состоит в активизации запоминания и восстановления требуемых информационных блоков или языковых стереотипов и в сохранении целостного восприятия коммуникативного целого («гештальта») в стандартизированной ситуации устного перевода. На примере тем «визит», «преступление» приводятся конкретные упражнения по применению данного приема в подготовке устных переводчиков в чешско-русском плане. У студентов отмечается развитие логической обработки и смыслового анализа данной темы и конкретного текста, заметное улучшение кратковременной памяти и эффективное освоение языковых стереотипов по данной теме.

The author comments on the general requirements concerning the methodology of an interpreting course and non-efficient strategies of treating a text and proposes the means of mind mapping as a useful and efficient technique in mobilizing cognitive processes in interpreter training. The major advantage of mind mapping consists in mobilizing memory skills and retrieving of the necessary information blocks and/ or language stereotypes in standardized situations of interpreting while maintaining a complete general picture of the situation. The author illustrates individual exercises and implementation of mind mapping using the topics of “official visit” and “crime story” in Czech-Russian interpreting. The author claims that following the mind mapping technique, interpreting students appear to improve their logical treatment of the text, short-term memory skills and efficient treatment of stereotyped language means within the topics concerned.

Ключевые слова: устный перевод, методика курса, ментальная карта, когнитивные процессы, стереотипные лексико-грамматические средства, активизация.

Key words: interpreting, methodology of the course, mind mapping, cognitive processes, stereotypical lexical and grammatical means, mobilization.

С точки зрения устного переводчика-профессионала или студента-кандидата в переводчики, устный перевод является комплексным умением, предполагающим относительно высокий уровень владения данными языками и речевыми приемами, реактивности переводчика в конкретной ситуации перевода, умение обработки аудиотекста и умение управлять своей концентрацией и памятью и т.п. Из данной природы устного перевода вытекает естественное условие для подготовки устных переводчиков – а именно, необходимость прибегать в методической концепции курса по устному переводу к синергии разнообразных видов

упражнений (ср. [Jankovičová, 1987], [Šeňková, 1994] и др.). В частности, речь идет о возможности комплексном развитии всех аспектов личности и компетенций устного переводчика (ср. предпосылки лингвистические, когнитивные и познавательные, психические, физические).

На начальном этапе обучения устному переводу в нашем заведении (на кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого, г. Оломоуц, Чешская Республика) мы сталкиваемся с низким уровнем освоения данных компетенций студентами, что проявляется, например, только в фрагментарном уровне понимания текста оригинала (ср. четыре степени понимания текста – уровень фрагментарный, общего понимания текста, детальный, критический [Миньяр-Белоручев, 1999]). Иначе говоря, студенты уделяют большое внимание лишь поверхностному формальному анализу текста оригинала, не затрагивая сущность данного сообщения и находясь под влиянием гипноза оригинала (т.е. зависимость от кода исходного текста). В результате, устный перевод студентов не содержит правильно отобранные опорные пункты смыслового анализа оригинального сообщения и несет многие формальные черты языка-оригинала (т.е. проявляется интерференция).

Наша методика основывается на следующих трех основных принципах работы с материалом. Во-первых, это – акцент на примарной когнитивной обработке темы. Одним из популярных и эффективных приемов на занятиях является прием создания и развертывания ментальной карты по данной теме. Во-вторых, это – постепенное линейное и по ходу курса и циклическое развитие материала, т.е. сначала прогресс от простого к сложному (например, составление минимума языкового материала в начале курса, прогресс к более комплексному и разнообразному по своему составу и объему материалу в конце; прогресс от работы с текстовым и аудиовариантом материала только к аудиоварианту; прогресс от адаптированного текста к неадаптированному и т.п.), потом следует циклическое развитие материала (например, та же частичная тема или текст преподносится студентам на разных этапах одного курса в более сложных вариантах реализации). В-третьих, это – акцент на автоматизации языковых и речевых приемов на иностранном языке, т.е. практическая подготовка и тренинг языковых, речевых стереотипов в русско-чешском, чешско-русском переводе и обработка характерных для данных языков переводческих трансформаций, желательно до уровня автоматизма с целью экономии усилий в процессе комплексного устного перевода согласно модели усилий Д. Жилия [Gile, 1995].

Опыт работы в студенческой аудитории показывает некоторые достижения нашего методического подхода, а именно более эффективное усвоение студентами лексического и грамматического материала по данной теме, улучшение логической обработки и ориентации в текстовом и аудиоматериале на иностранном языке, улучшение кратковременной памяти

обучающихся.

Наш опыт работы в аудитории выявляет некоторые неэффективные стратегии работы студентов с аудио- или печатным текстом в ходе обучения устному переводу. В частности, непродуктивной является концентрация внимания на линейном развитии текста и информации (т.е. не осуществляется настоящий смысловой анализ и отбор важной для данного коммуникативного намерения информации). Во-вторых, не дает надежных результатов уделение внимания лишь поверхностному вербальному воплощению сообщения (т.е. переводятся слова, а не смысл оригинала – ср. высказывание Р. Джоунса: “it follows that if you wish to re-express someone else’s ideas without having the possibility of repeating them word for word – which is the case for the interpreter – then you must make a clear, structured analysis of them. And to make that analysis you have to understand the individual ideas that are the basic building blocks of a speaker’s line of reasoning.” [Jones, 2002, с. 11]). В-третьих, уделяя пристальное внимание конкретным деталям сообщения (компонентам так называемой прецизионной информации – [Чужакин, 2001]), студент не способен сохранить целостное восприятие данного сообщения.

С нашей точки зрения, в процессе обучения устному переводу необходимо прежде всего осознание переводчиком или кандидатом в переводчики смысла данной коммуникативной ситуации, т.е. активизация когнитивных механизмов и понятий, связанных с данной тематической обстановкой. Мы уверены в том, что именно осмысление данной темы (т.е. общее представление студентов о развитии данной темы или ситуации общения – «гештальт» или целостное восприятие, [Бабич, 2011]) обеспечивает более эффективный и надежный подход к обработке конкретного текста по данной теме и препятствует вышеприведенным неэффективным стратегиям работы с текстом (напр., фиксации внимания на посторонних деталях или языковых оборотах). Именно поэтому в начале курса мы знакомим студентов с лексико-грамматическим материалом по данной теме при помощи совместного создания так называемой ментальной карты (майнд мэппинг, *kognitivní mapování*, интеллект-карта, карта ассоциаций, диаграмма связей, карта мыслей и др.).

Методика «ментальной карты» была разработана психологом Тони Бьюзеном [Buzan, 2011], автором книг по популярной психологии, в 60-х – 70-х гг. XX века. Это способ изображения процесса общего системного мышления с помощью схем. В основе указанной техники лежит принцип не линейного, а «радиантного» мышления, которое соответствует естественным мыслительным или познавательным процессам человека. По словам Т. Бьюзена [Buzan, 2011], ментальная карта служит «зеркалом» общих когнитивных процессов человека. Отправной точкой данной схемы является центральная идея или понятие, от которого отходят ветви ассоциаций к следующим второстепенным по смыслу и иерархии понятиям и идеям.

Диаграммы связей используются для визуализации, структуризации и классификации идей (а также как средство для обучения, организации, принятия решений и т.п.). А.В. Бабич [Бабич, 2011] утверждает, что овладение техникой «mind mapping» способствует более эффективному пониманию, структурированию и запоминанию информации. Мы считаем, что именно визуальный и структурированный характер данных схем является очень полезным средством активизации мыслительных процессов и языковой подготовки устных переводчиков. При помощи данного приема закрепляются и подкрепляются механизмы, способствующие запоминанию информации и восстановлению требуемой информации в подходящий момент (напр., эффективное запоминание при помощи логических и визуальных ассоциаций, выделение ключевых идей, стереотипных языковых средств выражения и т.д.; ср. высказывание Р. Джоунса: "... the recall of the speech necessary in consecutive will be easier if the interpreter has a number of key ideas around which to structure their recollections, rather than having a sequence of ideas all on an equal footing" [Jones, 2002, с. 16]).

Ментальная карта на занятиях по устному переводу применяется в начале обработки данной темы. В ходе совместного «мозгового штурма» студенты при регулирующем воздействии и корректировке преподавателем подбирают на русском языке компоненты указанной ситуации – ключевые понятия и действия, связанные с действием характерных лиц, обстоятельства и т.п. Таким образом, имеет место визуализация общего объема и внутренней структуры, отношений между компонентами в рамках данной темы (см. Приложение № 1, № 2). На начальном этапе обучения устному переводу подбираются относительно простые, конкретные темы и ситуации, которые отличаются стереотипностью своей реализации, т.е. стереотипностью не только их лексико-грамматического состава, а прежде всего смыслового содержания и логического построения текста (напр., темы «визит/ встреча», открытие культурного мероприятия, представление компании). На более продвинутом этапе предлагаются студентам более специальные темы, требующие помимо стандартизации языкового выражения и тщательный смысловой анализ события при соблюдении терминологии (напр., тема «преступление»). Высокий уровень автоматизации языковых и речевых приемов текстов на данные темы создает предпосылки для выделения и эффективного усвоения обучающимися лексико-грамматического минимума и стереотипных приемов построения текста.

Итак, исходным в ментальной карте на тему «визит» (см. Приложение № 1) является понятие «визит/встреча», имеющее свои более конкретные реализации (напр., *частный, рабочий, официальный, государственный, дружеский, запланированный, саммит, ознакомительная поездка* и т.п.). Центральное понятие «обрастает» смежными понятиями и их лексико-грамматическими реализациями (ср. предикат – *произойти, состояться; провести*

встречу с кем, нанести визит куда, побывать с визитом, направиться с визитом, находиться с визитом; агент действия – делегация, представитель, премьер-министр, деятели, глава государства; временные рамки действия – на днях, в ходе чего, по случаю чего; пространственные рамки действия – в Москве, в Москву; мотивация или предыстория визита – по приглашению кого, по просьбе кого, по инициативе кого, по предложению кого; партнер агента – коллега и т.п.; программа визита – действие – запланировать что/ у кого намечено что/ кто намерен сделать что, устроить прием, осмотреть что, провести переговоры, обсудить вопросы, заключить договор, дать банкет в честь, установить контакты, см. Приложение № 3).

В случае темы «преступление» ментальная карта создается аналогичным образом (см. Приложение № 2, № 4). Центральным понятием является «преступление», имеющее и более конкретные лексико-семантические реализации (*нападение – разбойное/ вооруженное, мошенничество, кража, ограбление, угон, воровство, убийство, ДТП и т.п.*). И оно разворачивается смежными понятиями и их лексико-грамматическими реализациями (ср. предикат – *совершить, иметь место, произойти*; агент действия – *преступник, неизвестный*; временные и пространственные рамки действия – *в ходе преступления, операции, в результате преступления* и т.п.; вмешательство властей – агент – *полиция, сотрудники полиции, правоохранительные органы, следователь,/ оперативник, таможенник*; действие агента – *расследовать, вести следствие, раскрыть, задержать – арестовать – поймать, взять под стражу, допрашивать, разыскивать, возбудить уголовное дело, изъять, изобличить, обвинить – предъявить обвинение*; последствия преступления – *пострадать, нанести ущерб, скрыться* и т.п.).

Данный метод подачи лексико-грамматического материала учитывает и делает акцент на осознанной подготовке парадигматических и синтагматических лексико-семантических связей, т.е. налицо комплексная подача и демонстрация лексико-семантического поля. Данный подход учитывает и рекомендации корифеев устного перевода, а именно закреплять языковые средства в синтагматических связях, ср. «язык надо знать не через слова, а словосочетания; усвоение языка не через слова, а через словосочетания» [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 96]; “Create a ‘collocation dictionary’ for your B language” [Gillies, 2004, с. 19], и готовить не алфавитные списки, а скорее тематические записи языковых средств, ср. “How to record vocabulary. Don’t make lists! Record vocabulary in thematic or grammatical groupings, use images” [Gillies, 2004, с. 19].

Два этапа разработки ментальной карты дают и два варианта диаграммы. Таким образом, в распоряжении у студентов имеется карта ключевого понятия и связанных с ним смысловых компонентов (карта понятий – см. Приложения № 1, 2) и, во-вторых, карта конкретного

лексико-грамматического воплощения данных понятий (карта языковых стереотипов – см. Приложение № 3, 4). Существуют и разные способы применения данных диаграмм на занятиях. Например, в ходе последовательного перевода сжатых сообщений на данную тему преподаватель акцентирует возможность фиксировать в соответствии с ключевыми понятиями элементарной ментальной карты понятий опорную информацию. Другими словами, преподаватель ссылается к «сценарию» развития стандартизированного сообщения о совершившемся преступлении (т.е. вид преступления – предикат – агент – время/ пространство – вмешательство органов власти – последствия). Таким образом, заранее создаются предпосылки для удачного смыслового анализа текста в ходе устного перевода (ср. определение смыслового анализа – «выделение слов и словосочетаний, концентрирующих смысл высказывания» [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 109]). Устойчивые лексико-грамматические средства, выделенные в процессе создания ментальной карты языковых стереотипов, в последствии применяются в системе упражнений по их усвоению, закреплению и активизации стандартов. Преподаватель дает студентам задачу устно переводить на родной язык сначала простые стандартизированные русские предложения, созданные по данной схеме (ср. пр. в рамках темы «преступление»: *Ведется следствие и поиск преступников.; Двое неизвестных преступников совершили в пятницу ограбление коммерческого банка в центре Праги.; В ходе следствия сотрудниками милиции установлена личность преступников.; В угоне машин обвиняется преступная группировка из г. Брно.*). Затем следует вариант перевода автоматизированных предложений с вариацией фактических составляющих – прецизионной информации (имен собственных, топонимов, числительных данных и т.п., ср. пр.: *В ходе нападения один человек ранен, похищена сумма в размере 1 млн. крон.; В ходе нападения преступники похитили товар на сумму полмиллиона крон.; В результате кражи пострадавшим нанесен ущерб в размере полутора млн. крон.*) или грамматического аппарата, и в последствии перевод сложных предложений и микротекстов (ср. пр.: *Неизвестный преступник на днях совершил вооруженное разбойное нападение на бензоколонку. В ходе нападения похищена сумма в размере 30,000 крон. Оператор бензоколонки не пострадал. Ведется следствие и поиск преступников.*).

В ходе последующей работы над темой и текстами первоначальная ментальная карта пополняется за счет семантически более специфических средств и терминологических сочетаний (напр., в рамках темы «визит» – *делегация, возглавляемая кем, оказать кому самые высокие почести, королевская чета, в центре внимания участников переговоров* и т.п.; в рамках темы «преступление» - *обезвредить – ликвидировать – пресечь деятельность; провести очную ставку; состав преступления; контрабанда наркотиков – контрабандисты; сообщник; злоупотребление должностными полномочиями; борцы с экономическими преступлениями; в*

ходе предварительного следствия; СИЗО и т.п.). Диаграмма связей приобретает, таким образом, более естественный, неадаптированный и комплексный вид. Аналогичную работу по созданию «ментальной карты» и внедрению соответствующих упражнений возможно, по мнению и опыту автора, провести и в случае разработки других тем.

В процессе создания и применения ментальной карты студентами осознается стандартность и предсказуемость данной ситуации или развития события, что в значительной мере повышает их уверенность в свои способности, психическое равновесие и способствует механизму вероятностного прогнозирования аудиоварианта текста в ходе устного перевода. Полагаясь на поиск выделенных заранее опорных информационных блоков, студенты постепенно настраиваются на активную работу с текстом и более способны к активной ориентации в тексте. Таким образом, метод разработки «ментальной карты» и когнитивной и языковой активизации материала снимает нагрузку с концентрации внимания студентов в ходе восприятия текста оригинала и в ходе восстановления его смысла на языке перевода.

Наше стремление в этой области нацелено на выполнение двух задач – на подготовку активной ориентации студентов в переводимом тексте (т.е. их осознанную когнитивную обработку текста оригинала) и на выполнение более адекватного с точки зрения языкового стереотипа перевода на чешский или русский язык. Мы надеемся и на то, что осознанный поиск и обработка «подводных камней» текста в ходе подготовительных упражнений даст возможность ослабить зависимость устного перевода от кода исходного текста, т.е. освободиться от иноязычного гипноза.

Прием обращения к ментальной карте и связанные с ним упражнения можно, бесспорно, считать только подготовительными, предкоммуникативными видами упражнений в системе подготовки устных переводчиков. Однако, именно они, на наш взгляд, способствуют автоматизации когнитивных, языковых и речевых навыков и быстрому выходу в естественную коммуникацию в ситуации устного перевода.

Список литературы

Бабич А.Б. Эффективная обработка информации. Mind Mapping для студентов и профессионалов /А.Б. Бабич. М., 2011. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.intuit.ru/department/expert/mindmap/>.

Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Готика, 1999. 176с.

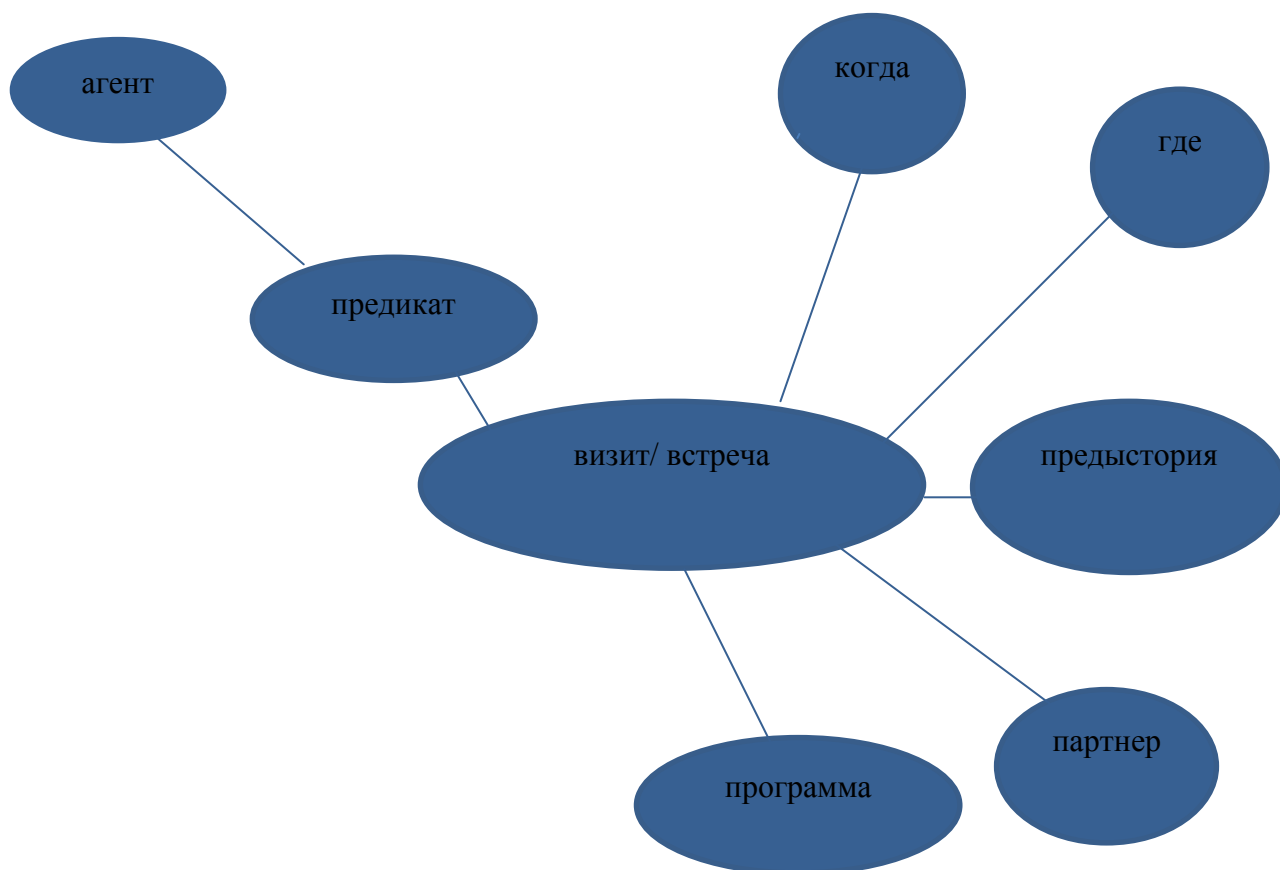
Чужакин А.П. Устный перевод XX: теория и практика, переводческая скоропись. Учебник для студентов курса переводческих факультетов / А.П. Чужакин. М.: МГИ им. Р.Е. Дашковой, 2001. 255с.

Buzan T., Buzan B. Myšlenkové mapy. Probud'te svou kreativitu, zlepšete svou paměť, změňte svůj život / T. Buzan, B. Buzan. Brno: ITC Press, 2011. 280p.

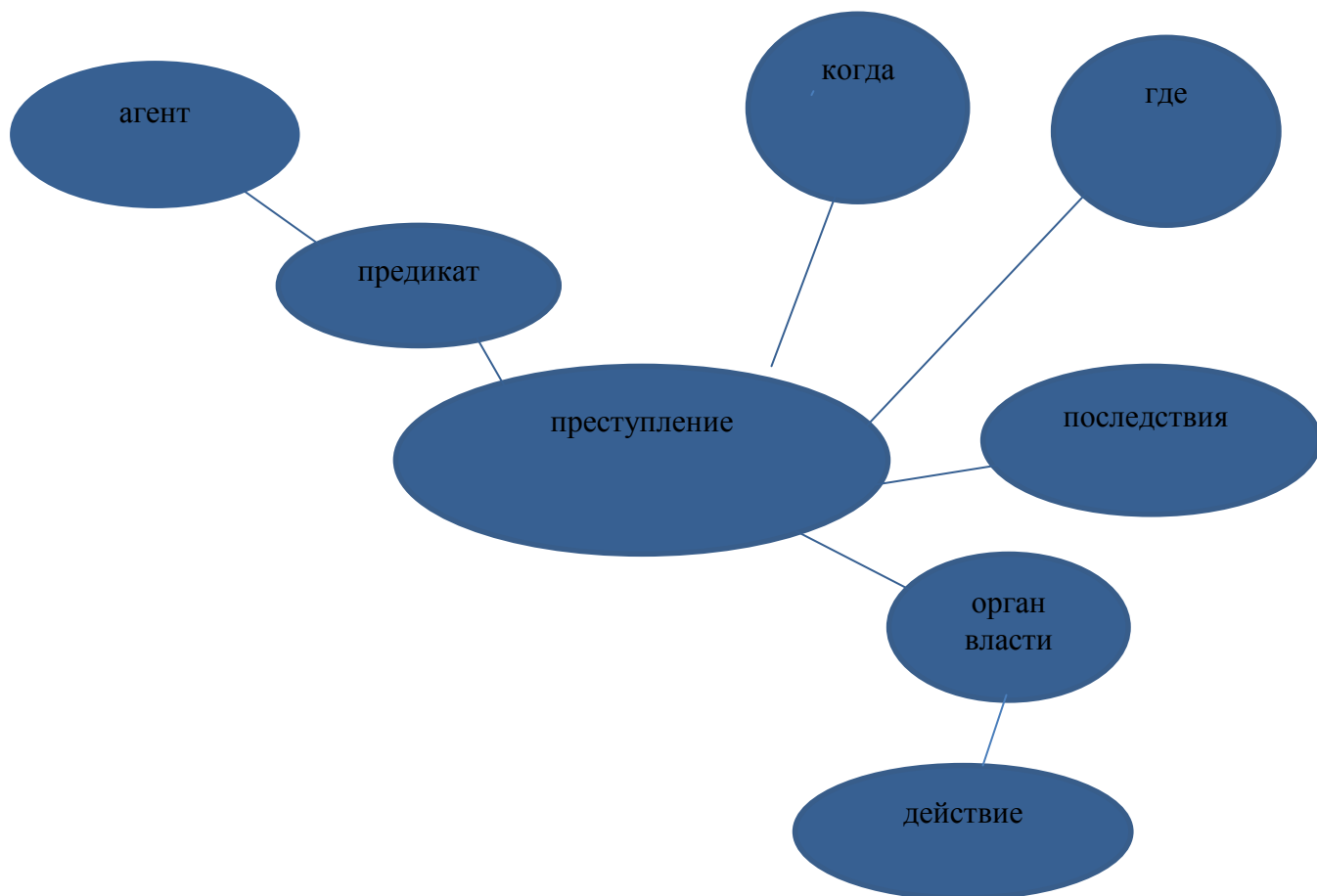
Čeňková I. Úvod do tlumočení pro bakaláře (Ruština v obchodně podnikatelské sféře) / I. Čeňková. //

- Rossica Ostraviensia. Ostrava: Ostravská univerzita, 1994, Pp. 132-138.
- Čeňková I. et al. Teorie a didaktika tlumočení I / I. Čeňková. Praha: Vydavatelství Karlovy univerzity, 2001. 176p.
- Čeňková I. et al. Úvod do teorie tlumočení / I. Čeňková. Praha: Vydavatelství Karlovy univerzity, 2008. 150p.
- Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training / D. Gile. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins Translation Library, 1995. 274p.
- Gile D. Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting c a contribution [Электрон. ресурс] / D. Gile // Hermes. Journal of Linguistics No 23, 1999, p. 153-172. – Режим доступа:
<http://jaits.sakura.ne.jp/Articles/Gile%8Dj%93n%82%E8%89%BC%90%E0.pdf>
- Gillies A. Conference interpreting. A new student's companion / A. Gillies. Cracow, 2004. 155p.
- Jankovičová M. K metodike výučby konzekutívneho tlmočenia / M. Jankovičová // Philologica XXXVII. Zborník filozofickej fakulty UK. Bratislava: Univerzita Komenského, 1987. s. 33-37.
- Jones R. Conference Interpreting Explained / R. Jones. Manchester: St. Jerome Publishing, 2002. 220p.
- Müglová D. Komunikace, tlumočení, překlad aneb Proč spadla Babylonská věž? / D.Müglová. Nitra: Enigma, 2013. 324p.

Приложение № 1. Ментальная карта на тему «визит/ встреча»

Приложение № 2. Ментальная карта на тему «преступление»

Киселёва М.Н.

Суханов В.А.

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Kiseleva Marina

Sukhanov Vyacheslav

National research Tomsk State University
Tomsk (Russia)

*ПРИДУТ ЛИ ВАРВАРЫ? К. КАВАФИС В ВОСПРИЯТИИ И ПЕРЕВОДЕ И.
БРОДСКОГО*

*WILL THE BARBARIANS COME? K. CAVAFY IN THE PERCEPTION AND TRANSLATION OF J.
BRODSKY*

В статье осуществляется сопоставительный анализ стихотворения К. Кавафиса «В ожидании варваров» и его русского перевода в исполнении И. Бродского. Стихотворению «В ожидании варваров» – уже более ста лет, оно едва ли не самое знаменитое у Кавафиса, его текст вдохновил многих авторов на создание своих «Варваров». Так, южноафриканский писатель Дж. Кутзее не только назвал так один из своих романов, но и использовал мрачный и саркастический кавафисовский символизм, а современный сербский поэт Г. Христица написал поэтическое продолжение «Варваров».

На основе собственного подстрочника была предпринята попытка определить, как стилистические особенности оригинала и характер творчества Бродского-поэта повлияли на перевод стихотворения Кавафиса, какие способы и приёмы использовал Бродский при создании перевода.

A contrastive analysis of the poem “Waiting for the Barbarians” by K. Cavafy and his Russian translation made by J. Brodsky are realized in this article. This poem is more than 100 years old and is nearly one of the most well-known by Cavafy; his text had inspired many authors for the creation of their own “Barbarians”. For instance, the South African novelist J. M. Coetzee has not just entitled in this way one of his novels, but has also used the somber and sarcastic symbolism of Cavafy; the Serbian poet Jovan Hristi has written the poetic continuation of his “Barbarians”. On basis of the own translation, an attempt has been made to determine how the stylistic characteristic and peculiarities of the original text, and the character of works of Brodsky-poet, had an effect on the interpretation of the Cavafy’s poem, and which methods and techniques were used by the Russian artist while creating the interpretation.

Ключевые слова: И.Бродский, К. Кавафис, «В ожидании варваров», сопоставительный анализ стихотворений

Key words: J. Brodsky, K. Cavafy, “Waiting fir the Barbarians”, comparative analysis of the poems

Переводу всегда должна предшествовать очень важная подготовительная работа: семантико-стилистический и художественный анализ подлинника, т.е. постижение его смысла, стиля и образности. Для этого требуется неоднократное прочтение оригинала со словарями и иными справочными изданиями до тех пор, пока не будет до конца понятно его содержание, стилистические и образные особенности. Большое значение на этом этапе имеет знакомство

переводчика с проблематикой переводимого материала. В этой связи, чтобы понять образно-тематическую композицию стихотворения, необходимо учитывать композицию чисто стиховую, которая отличается наличием нескольких компонентов: стихотворный размер, соотношение синтаксического членения речи и метрического, строфическая организация стихотворения, наличие или отсутствие рифм и способы рифмовки, интонационно-ритмическая организация речи, специфический стиховой синтаксис. Следует подчеркнуть, что Иосиф Бродский при переводе Кавафиса опирался на переводы-подстрочники Геннадия Шмакова, владеющего новогреческим языком, и английские переводы стихотворений греческого поэта.

Как и у всякого произведения мировой литературы, у стихотворений Кавафиса имеется своя внутренняя литературная история, основанная на тексте и поэтике оригинала, и история внешняя, базирующаяся на текстах и поэтике переводов. Эта внешняя литературная история многолика не только потому, что поэтическая композиция переводится на различные языки, но и потому, что она может иметь, и обычно имеет, в рамках одной литературы и одного языка различные облики.

«В ожидании варваров» – философско-дидактическое «псевдоисторическое» (по определению Сефериса)¹ стихотворение Кавафиса и едва ли не самое знаменитое. В мае 1897 года тридцатичетырёхлетний Кавафис в сопровождении брата Джона совершает путешествие в Париж и Лондон (мегаполисы самых великих колониальных держав эпохи). Согласно биографам Кавафиса, историографическим источником вдохновения этого стихотворения стало исследование Эдварда Гиббона (европоцентричного историка, выступавшего за колонизацию и использование остального мира сильными мира сего) «Закат и падение Римской империи»², которое Кавафис читал в то время. Сюжеты стихотворений Кавафиса обычно связаны с историей поздней античности, эллинизма, Византии, т.е. периодами общественного упадка и политического разложения, в которых поэт находил сходство с современностью. Кавафис видел падение греческих колоний на Ближнем Востоке, был свидетелем войны, которую Англия вела в конце XIX в. против арабских народов, и именно поэтому во многих его стихотворениях присутствует ощущение бесплодности всех человеческих усилий и ощущение неотвратимой гибели, нависшей над обществом («В ожидании варваров», «Троянцы», «Александрийские послы» и т. д.). Выработывая свою оригинальную поэтическую манеру, Кавафис избрал путь

¹ Поэтическое пространство – историческое, но оно не определено хронологически. Таким образом, мораль-наставление словно берёт начало в прошлом, но изображается в настоящем (так как используется глагольная форма настоящего времени и наречия соответствующей семантики) и имеет свои результаты в будущем.

² Согласно Гиббону, «наука укрепила Европу бронёй, стала её щитом перед любым будущим вторжением варваризма, и теперь для того, чтобы выжить, им нужно перестать быть варварами. Сохранение цивилизации возможно лишь при условии усовершенствования искусства распространения и продолжения миротворчества и политического управления, которые сопровождаются техническими знаниями, необходимыми для современного ведения войны. До того, как варвары пересекут границу, они перестанут быть варварами». Что случилось с варварами? Варвары оцивилизовались.

минимализации, «обеднения» выразительных средств: строгий метр, рифма, украшающие эпитеты, прихотливые сравнения – всё это в зрелой поэзии Кавафиса отсутствует.

«В ожидании варваров» состоит из 36 строк и по форме представляет собой белый нерифмованный стих с сильно выраженной ямбической ритмической тенденцией (структурную роль рифм в белом стихе играет определённая клаузула), а по содержанию - диалог, построенный по принципу вопроса-ответа.

ΠΕΡΙΜΕΝΟΝΤΑΣ ΤΟΥΣ ΒΑΡΒΑΡΟΥΣ

— Τί περιμένουμε στην αγορά συναθροισμένοι; - Чего мы ждём на площади собравшись?

Είναι οι βάρβαροι να φθάσουν σήμερα. - Сегодня варвары придут.

— Γιατί μέσα στην Σύγκλητο μια τέτοια απραξία; - Почему в Сенате такое бездействие?

Τί κάθοντ' οι Συγκλητικοί και δεν νομοθετούνε; - Почему законодатели сидят и не издают законов?

Γιατί οι βάρβαροι θα φθάσουν σήμερα. - Потому что сегодня варвары придут.

Τί νόμους πια θα κάμουν οι Συγκλητικοί; - Какие уж законы могут издать сенаторы?

Οι βάρβαροι σαν έλθουν θα νομοθετήσουν. - Вот варвары придут – свои законы издадут.

— Γιατί ο αυτοκράτωρ μας τόσο πρωί σηκώθη, - Зачем так рано встал наш император?

και κάθεται στις πόλεως την πιο μεγάλη πύλη - И уселся у городских самых главных ворот

στον θρόνο επάνω, επίσημος, φορώντας την κορώνα; - на троне, торжественный, надев

корону?

Γιατί οι βάρβαροι θα φθάσουν σήμερα. - Потому что сегодня варвары придут.

Κι ο αυτοκράτωρ περιμένει να δεχθεί - И император дожидается, чтобы принять

τον αρχηγό τους. Μάλιστα ετοίμασε - их предводителя. Даже приготовил

για να τον δώσει μια περγαμήνη. Εκεί - пергамент, чтобы ему вручить. На нём

τον έγραψε τίτλους πολλούς κι ονόματα. - он написал многочисленные титулы и

имена.

— Γιατί οι δύο μας ύπατοι κ' οι πραιτόρες εβγήκαν - Зачем же преторы и оба наших консула

верховных вышли

σήμερα με τες κόκκινες, τες κεντημένες τόγες, - сегодня в красных вышитых тогах,

γιατί βραχιόλια φόρεσαν με τόσους αμεθύστους, - зачем надели браслеты со множеством

аметистов,

και δαχτυλίδια με λαμπρά, γυαλιστερά σμαράγδια, - и кольца со сверкающими блестящими

изумрудами,
γιατί να πιάσουν σήμερα πολύτιμα μαστούνια зачем им сегодня брать дорогие посохи
μ' ασήμια και μαλάματα έκτακτα σκαλιγμένα; серебром и золотом превосходно
вырезанные?

Γιατί οι βάρβαροι θα φθάσουν σήμερα Потому что сегодня варвары придут,
και τέτοια πράγματα θαμπώνουν τους βαρβάρους. а такие вещи ослепляют варваров.
— Γιατί κ' οι άξιοι ρήτορες δεν έρχονται σαν πάντα Почему достойные риторы не идут как всегда
να βγάλουνε τους λόγους τους, να πούνε τα δικά τους; выступить с речью, сказать своё
слово?

Γιατί οι βάρβαροι θα φθάσουν σήμερα Потому что сегодня варвары придут,
κι αυτοί βαρυσούντ' ευφράδειες και δημηγορίες. а им скучны красноречие и публичные
выступления.

— Γιατί ν' αρχίσει μονομιάς αυτή η ανησυχία Откуда вдруг такое беспокойство
κ' η σύγχυσις. (Τα πρόσωπα τί σοβαρά που έγιναν). и волнение. (Какими серьёзными стали
лица).

Γιατί αδειάζουν γρήγορα οι δρόμοι κ' η πλατέες, Почему так быстро пустеют улицы и площади,
κι όλοι γυρνούν στα σπίτια τους πολύ συλλογισμένοι; и все возвращаются по домам такими
озабоченными?

Γιατί ενύχτωσε κ' οι βάρβαροι δεν ήλθαν. Потому что стемнело, а варвары не пришли.
Και μερικοί έφθασαν απ' τα σύνορα, И те, кто прибыли с границ,
και είπανε πως βάρβαροι πιά δεν υπάρχουν. Сказали, что варваров больше нет.

Και τώρα τί θα γένουμε χωρίς βαρβάρους. И что теперь станется с нами без варваров.
Οι άνθρωποι αυτοί ήσαν μια κάποια λύσις. Эти люди были хоть каким-то решением.
[1898, 1904]

Метрический и ритмический пласты данного стихотворения организованы следующим образом: как в античной трагедии, два полухория, две партии, чередуются вопросы и ответы. Реплики-вопросы написаны пятнадцатисложником с постоянными переборами ритма и подчёркнутой дисгармонией в метрике (присутствуют и ямба, и хорей, и дактиль, и анапест, и амфибрахий с женскими или дактилическими клаузулами). Этот размер заменил собою гекзаметр в качестве эпического, героического метра; им написаны поэма о Дигенисе Акрите, византийском чудо-богатыре, и множество народных песен, в том числе «Плач о падении Константинополя».

Первые две строки кавафисовского стихотворения – обмен вопросом-ответом – полухория выходят на сцену:

— Τί περιμένουμε στην αγορά συναθροισμένοι; (Чего мы ждём на площади собравшиеся?)

В ответной реплике двенадцать слогов и четыре ударения. Это быстрые динамичные ответы, «вводящие в суть дела»: Είναι οι βάρβαροι να φθάσουν σήμερα. (Сегодня варвары придут.)

Две следующие строки (третья и четвёртая) вопрошающего «полухория» - это классический пятнадцатисложник:

— Γιατί μέσα στην Σύγκλητο μια τέτοια απραξία; (Почему в Сенате такое бездействие?)

Τί κάθοντ' οι Συγκλητικοί και δεν νομοθετούνε; (Почему законодатели сидят и не издают законов?)

Все дальнейшие реплики-вопросы написаны пятнадцатисложником. Структура вопрос-ответ, воспроизводимая Кавафисом в стихотворении «В ожидании варваров», восходит к народным песням-плачам. Но в эту форму Кавафис вносит важное изменение – вопросительные и ответные реплики имеют разные размеры, тогда как в народных песнях вопросы и ответы написаны одинаковым размером. В стихотворении же Кавафиса ответы имеют более короткий размер и не всегда строгий двенадцатисложник. Здесь поэт использовал стих, близкий к сатирическому ямбу древнегреческой комедии Аристофана. Таким образом, на горестные причитания вопрошающего «полухория» отвечает язвительный, скептический ямба, напоминающий об античной драме. По утверждению И. Ковалёвой, «Кавафис сталкивает не просто два размера – две традиции, что придаёт дополнительное измерение и его сарказму, и его символизму»¹.

Необходимо обратить внимание на две заключительных строки – они написаны размером «ответающей партии» (тринадцатисложник на основе ямба с женской цезурой), хотя их расположение – они составляют как бы отдельную строфу – позволяет предположить, что в конце смыкаются голоса обоих полухорий:

¹ Ирина Ковалёва [Электронный режим] – Режим доступа: <http://library.ferghana.ru/kavafis>

Και τώρα τί θα γένουμε χωρίς βαρβάρους. (И что теперь станется с нами без варваров.)

Οι άνθρωποι αυτοί ήσαν μια κάποια λύσις. (Люди эти были хоть каким-то выходом.)

Отсутствие рифмы у Кавафиса – сознательное, а отказ от неё в переводе означает следование переводчика установкам оригинала. Насколько возможно перевести «Варваров», сохранив при этом все его семантико-стилистические ценности, фонику и ритмику, поэтические образы, богатые ассоциациями, философию истории Кавафиса и его сжатую символику? Хронологически первым переводом на русский стал перевод С.Б. Ильинской («Иностранная литература», 1967, № 8). Перевод Геннадия Шмакова под редакцией И. Бродского впервые был напечатан в литературном приложении к «Русской мысли» от 11 ноября 1988 года.

Перевод Бродского, в отличие от оригинала, выполнен одним размером – неравносложным пятистопным ямбом с нарушениями ударного ритма, иначе двумя безударными слогами – пиррихиями, то есть наряду с ямбом почти всегда присутствует пиррихий (безударная стопа). Такие перебои ритма отвечают невыдержанному ритму кавафисовского пятнадцати- и двенадцатисложника. Полноударные строки звучат медленнее и жёстче, сдерживая прорывающееся движение хаотических пиррихийев:

В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ

- Чего мы ждем, собравшись здесь на площади?

Сегодня в город прибывают варвары.

- Почто бездействует Сенат? Почто сенаторы сидят, не заняты законодательством?

Сегодня в город прибывают варвары.

К чему теперь Сенат с его законами?

Вот варвары придут и издадут законы.

- Зачем так рано Император поднялся?

Зачем уселся он у городских ворот на троне
при всех регалиях и в золотой короне?

Сегодня в город прибывают варвары,
и Император ждет их предводителя,
чтоб свиток поднести ему пергаментный,
в котором загодя начертаны

торжественные звания и титулы.

- Почто с ним оба консула и преторы
с утра в расшитых серебром багряных тогах?
Зачем на них браслеты с аметистами,
сверкающие перстни с изумрудами?
Зачем в руках их жезлы, что украшены
серебряной и золотой чеканкой?

Затем, что варвары сегодня ожидаются,
а драгоценности пленяют варваров.

- Почто нигде не видно наших риторов,
обычного не слышно красноречия?

Затем, что варвары должны прибыть сегодня,
а красноречье утомляет варваров.

- Чем объяснить внезапное смятение
и лиц растерянность? И то, что улицы
и площади внезапно обезлюдели,
что население по домам попряталось?

Тем, что смеркается уже, а варвары
не прибыли, и что с границы вестники
сообщают: больше нет на свете варваров.

Но как нам быть, как жить теперь без варваров?

Они казались нам подобьем выхода.

Бродский использует не деепричастную форму «ожидая», как у Кавафиса, а синонимическую, но более поэтическую, падежную форму однокоренного существительного с предлогом «в ожидании». Первая строка переводится им почти дословно, лишь добавляется указательное и усиливающее значение «на площади» топонимическое наречие «здесь».

Вторая строка – это рефрен, неизменно повторяющийся «ответ» на все задаваемые вопросы,

у Кавафиса он прозвучит пятикратно. Вслед за оригиналом переводчик сохраняет логически, композиционно и эмоционально оправданный повтор ключевой фразы, создающий мощный эффект эпифоры, которая подчёркивает непреложность конечного вывода, результата, причём этот итог носит пессимистическую и отрицательную окраску. Бродский одинаковую форму рефрена – «Сегодня в город прибывают варвары» – использует три раза. Четвёртая рефренная реплика «отвечающего» полухория (22-я строка стихотворения) уже отличается не только формой, но и смещением смыслового содержания – «Затем, что варвары сегодня ожидаются». «Варвары» также занимают центральное место в строке, но уже становятся не субъектом действия – тем, кто прибывает, – а его объектом – тем, кто ожидается. То есть активизируются не варвары и их «прибытие», а те, к кому они якобы прибывают, и их «ожидание» не только через «вопросы», но и через «ответы». Пятый рефрен (26-я строка) – «Затем, что варвары *должны* прибыть сегодня» – фиксирует некоторую неабсолютную уверенность, некоторое сомнение, но всё ещё надежду на прибытие варваров. Такие альтерации в форме и семантике связаны, скорее всего, с тем, что Бродский пытался приготовить читателя к неожиданному финалу стихотворения, так как предпоследнее четверостишие (строки 28-31) «вопрошающего» и следующий за ним «ответ» оставляют читателя в недоумении: «беспокойство и волнение» не потому, что прибыли варвары (часто ассоциирующиеся у читателя с разрушительной силой и катастрофой), а потому, что не прибыли. Бродский последними двумя формами глагольного времени ставит под сомнение сам факт прибывания варваров.

Строки 4 – 7 интересны акцентами, которые расставляет переводчик в их смысловой передаче. В оригинале речь идет о персональных («законодатели», «сенаторы») качествах и социальных функциях наделенных властью людей (издавать законы): *Τί κάθοντ' οἱ Συγκλητικοί καὶ δὲν νομοθετοῦνε;* (Почему законодатели сидят и не издают законы), а сенат понимается как место, где это происходит (— *Γιατί μέσα στην Σύγκλητο μὴ τέτοια ἀπραξία;* – Почему в Сенате такое бездействие). Кавафис ставит под сомнение способности «законодателей» издавать законы в предполагаемой ситуации цивилизационного кризиса (прихода варваров): – «*Τί νόμους πᾶθα κάμουν οἱ Συγκλητικοί;*» (Какие уж законы могут издать сенаторы).

Переводческая «вольность» Бродского начинается с того, что Сенат (как и Император в последующих строках) обозначен с заглавной буквы, чем фиксируется его «цивилизационная» значимость как органа определяющего порядок вещей в человеческом общежитии, в отличие от Кавафиса. Бродский строкой «К чему теперь Сенат с его законами?» ставит под сомнение сам «raison d'être» Сената, наличие разумного основания для функционирования этого законодательного органа с теми законами, которые он привык и способен издавать. Существование сената оказывается бессмысленным.

Восьмая строка оригинала интересна своим намеренным стилистическим архаизмом, где ядро предложения – подлежащее-сказуемое – употреблены в устаревшей античной форме «αυτοκράτωρ» вместо «αυτοκράτορας» и «σηκώθη» вместо «σηκώθηκε». Одна из причин такой резкой стилистической перемены в отношении «императора» может быть объяснено стремлением Кавафиса сохранить установленный для вопрошающего пятнадцатисложный метр. Используй он более современные формы данных слов, строка удлинилась бы на два слога. Но, может быть, в этом был и смысловой ход – «старыми» словесами показать «старость» империи и её главного гражданина.

Стилистическая игра продолжается и в следующей строке «και κάθεται στις πόλεως την πιο μεγάλη πύλη». При дословном переводе фраза будет звучать так – «и сидит у города самых главных ворот», порядок слов в этом предложении имеет тот же эффект на греческом языке для греческого читателя, что и русская фраза для русского. Бродский не предпринял попытку стилистически строго перевести эту строку. В ней он повторно задаёт вопрос «зачем»/«почему», отсутствующий в оригинале, чтобы удвоить удивление вопрошающего, но опускается определение «городских ворот». Но это не просто городские ворота, это самые главные и великие ворота города² («η πιο μεγάλη» – самые большие, крупные, важные), то есть важность и торжественность «ожидаемого» подчёркивается Кавафисом неоднократно через, казалось бы, не такие уж серьёзные, мельчайшие, однако работающие на основную идею кавафисовского стихотворения детали. Тем не менее уже следующая строка обогащается Бродским подробным описанием атрибутов воссевшего на троне у главных городских ворот императора – «при всех регалиях и в золотой короне». Можно себе представить отчаяние императора, если он собственной персоной, вопреки всяким придворным этикетам, усаживается во всём блеске и со всей важностью не у себя во дворце, а у городских ворот. Поведение императора – готовность добровольной раздачи высоких титулов и торжественных званий на «пергаментах дарственных» – соответствует поведению сенаторов. Бродский чутко ощущает и понимает особенность кавафисовской поэтики и, не опускает при переводе ни одну описательную деталь атрибутики власти. Осознание собственной некомпетентности, бессилие и неспособность, немощь дряхлого и ленного «организма» передаётся, на первый взгляд, через дополнительные, второстепенные художественные детали, но по сути являющиеся «кареатидами» стихотворения, не столько

² Стратис Циркаса в своей книге «Кавафис и его эпоха» соотносит художественные детали поэтического города из «Ожидая варваров» и некоторых реалий исторической Александрии. В частности, «главные ворота» города из стихотворения – это Ворота Розетты (в античности Ворота Солнца). Под ними в конце 641 г. н.э. Кирос – консул императора и патриарха Александрии Ираклия, одетый в парадные наряды, без боя сдал город арабскому полководцу Амр Эбн эль Аасу, который с торжественностью и почётом пересёк Ворота Солнца и въехал в город. Через эти же Ворота в 1882 году александрийцы в подверженном бомбардировке городе ожидали вторжения солдат армии Ораби-паши. Τσίρκας Σ. Ο Καβάφης και η εποχή του, Εκδόσεις Κέδρος, 1987, σ. 327-328.

украшающими конструкцию, сколько поддерживающими её свод. Так обнажается импотенция всех властных институтов цивилизации и созданных им конструкторов.

Итак, наделение варваров властью, атрибуты которой весьма конкретно и определённо обозначены Кавафисом и достаточно аккуратно переданы в переводе, – это признание нежизнеспособности государственной власти, символами которой являются перечисленные в 16 – 21-й строках стихотворения красные тоги, браслеты с аметистами, перстни с изумрудами, вырезанные золотом и серебром посохи и т.д. Бродский поэтичнее в своём переводе, в том, как он передаёт детали: «свиток пергаментный» (в оригинале просто пергамент), «торжественные звания и титулы» (многочисленные титулы и звания), «в расшитых серебром багряных тогах» (в расшитых красных тогах), «сверкающие перстни с изумрудами» (кольца со сверкающими блестящими изумрудами), «жезлы, что украшены серебряной и золотой чеканкой» (дорогие посохи, серебром и золотом прихотливо вырезанные). У Бродского отсутствует стилистическая архаичность лексики при сохранении предметной образности высказывания вплоть до точной передачи внешней атрибутики.

Стилистическое непостоянство Кавафиса присутствует и в 13-14-й строке: «ετοίμασε γὰρ κα τὸν δῶσει μὴ περὺαμηνή» (дословный перевод: «приготовил, чтобы ему поднести, пергамент») и «τίτλους πολλούς» (дословный перевод: «титулы многочисленные»). Если бы строка была переведена на русский язык дословно, она выглядела бы неуклюже, тогда как в греческом языке в таких переставлениях слов в предложении заключается греческая поэтичность и классический приём Кавафиса. Поражает героическая попытка Бродского эту поэтичность передать по греческому образцу, как в шахматах, переставляя слова и передвигая интонационный акцент – «чтоб свиток поднести ему пергаментный» – вынося определение «пергаментный» после определяемого слова «свиток». Бродский не переводит определение «πολλούς» каким-либо количественным прилагательным, но подчёркивает качественную сторону титулов («торжественные звания и титулы»).

В семнадцатой строке своего перевода Бродский допускает некоторую «поэтическую» вольность, обрисовывая детально и экспрессивно насыщенно тоги консулов и преторов, чем то делает сам Кавафис. Тога, с её грандиозностью и чрезвычайной сложностью укладки, не могла служить повседневной одеждой римских чиновников, уже во II в. до н.э. она сохранялась только как праздничная и гражданская (парадная) одежда³. То есть просто тога – это уже небуднично и неординарно. Красную же тогу в Древнем Риме могли носить только императоры, имеющие военные победы. Но нейтрально звучащее прилагательное «красные» не удовлетворяет при

³ У знатных римлян - из чисто-белой шерсти, у юношей - с одной пурпурной полосой по краю (toga praetexta - окаймленная, обрамленная), у императоров более позднего времени — сплошь пурпурная.

переводе Бродского, который, как нам думается, сознательно выбирает более эмоционально наполненное тревожное «багряные» (а не пурпурные, например, как оттенок красного, имеющий в качестве потенциальной семы (в отличие от основной – цвет) помпезную и торжественную коннотацию). Ассоциативный ряд устойчивых конструкций этого прилагательного активизирует в сознании русского читателя такие метафоры, как «багряный закат», «багряная осень», таким образом, Бродский скорее намеренно, чем нет, провоцирует читателя на те же эмоции и тот же образ в отношении описываемой безымянной империи. Это не её расцвет, и не её зенит, это «багряный закат империи», яркий, сверкающий драгоценными камнями и отливающий золотом. Закат богатой и красивой, однако обречённой своей собственной ленностью и, по убеждению Кавафиса, самой природой на брэнность. Подробное описание деталей праздничного убранства богатых одежд власть имущих консулов и преторов, их леность – как результат этого роскошества – производят прямо противоположный эффект истощения (как через намеренную «бедность» художественных средств, так и через семантические вопросы с ответами внутри и символами-ключами), к которому привела присыщенность роскошью, так подробно описанной, и развращение безделья и праздности⁴. Всё это – симптомы неизлечимой болезни постаревшего, усталого и апатичного в своём богатстве общества, согласно кавафисовским убеждениям, неизбежный итог функционирования организма, политического так же, как и биологического. В который раз стоит отметить склонность поэта к архаическим типам и смешение языковых форм димотики и кафаревусы, ставшее одной из особенностей его поэтики. В 17-й строке вместо современного артикля женского рода множественного числа «τις» он использует устаревшую форму кафаревусы «τες». В русском переводе это никак не отразилось за отсутствием артиклей в современном русском языке. В контексте стилистического выбора лексических единиц для передачи «дорогих посохов» следует выделить 21-ю строку – архаичное и в то же время употребляемое в просторечии «μαλάματα» вместо более классического «χρυσάφι» (золото). Иногда идентичное явление привлечения простонародных или архаических вариантов находит отражение в переводах Бродского – троекратно повторенное «почто?». Переводчик проникается манерой и стилистическим характером автора и по мере сил пытается передать этот стиль средствами русского языка.

С точки зрения выбора лексики для изображения вышеперечисленных деталей, интересна 23-я строка, где Кавафис употребляет словосочетание, ставшее символом-апологетом его «бедного языка», с одной стороны, а с другой, возможно, это был способ показать, что все перечисленные

⁴ Умелое использование мельчайших деталей – это не только показатель богатого знания исторического хронотопоса, в котором «движется» стихотворение, но и особенность кавафисовской поэтики – через деталь, через часть изобразить целое. В этом понимании-открывании-участии и заключается, согласно Кавафису, сущность искусства.

предметы – это только предметы, «πράγματα» - вещи, которые назвать как-то иначе в силу их деррогативности, даже не приходит на ум, и они обобщаются поэтом как «τέτοια πράγματα ...» (ср. точный, «словарный» перевод словосочетания – «такие вещи ...»). Русский вариант стихотворения, по сравнению с греческим, демонстрирует большее разнообразие образных средств и сопротивление русского языка к подобному намеренному обеднению. Бродский именует и определяет принадлежность всех «этих вещей», несмотря на осквернённую честь и характер их носителей – консулов и преторов, достойными таких тематических групп как «драгоценности» и «роскошь». Первое используется переводчиком в конкретном вещном смысле, он «собирает» всё перечисленное золото, серебро, аметисты и изумруды под одним общим заключительным «драгоценности» и передаёт ту необходимую сему «блеска, яркости и привлекательности», благодаря которой они «пленяют варваров».

24-я и 25-я строки стихотворения переведены достаточно вольно. Эти две фразы практически не соответствуют двустижию Кавафиса. Во-первых, Бродский не считает «риторов» достойными, поэтому в своём переводе это определение не использует вообще. Есть основания связывать такое отношение к красноречивым ораторам с отношением Бродского к многословию и велеречивости вообще. Появление в этой строке «красноречия» вместо кавафисовского «речами» и его повторное использование в следующей фразе, по всей вероятности, показатель подчёркнутого ироничного нетерпения поэта к утомительной пространной риторике, то есть косвенное включение собственной точки зрения и собственных убеждений в произведение другого автора. Для Кавафиса же, как мы полагаем, подчеркнуть их достоинство и умение было принципиально важным – если же даже «ἀξιόι ρήτορες», способные найти выход из любой ситуации, смолкли, то, значит, дело действительно безнадёжное. Слово и логос бессильны, остаётся уповать только на дикую, первобытную силу варваров, на природную стихию.

Уловимые различия с подлинником присутствуют и в переводе 27-й строки. Бродский подбирает греческому слову «βαριέμαι» синоним, не входящий в словарную статью⁵, – «утомляет». Варварам не то чтобы не нравится красноречие, им от него скучно, лениво и утомительно (если использовать толкование Бродского). Редкое и архаичное «δημηγορίες» (публичные выступления) опускается Бродским, что опять же вряд ли продиктовано попытками сохранить ритмическое соответствие подлиннику (у Кавафиса это шестнадцатисложник, у Бродского – метр двенадцатисложный). Публичным выступлениям уже никто не верит, слову никто не верит, оно утратило ценность и, произносимое всуе, потеряло силу, побуждающую к действиям, превратившись в симулякр, в такое же украшение риторов, как «браслеты с

⁵ «βαριέμαι» - скучать, тосковать // лениться, не иметь настроения для какой бы то ни было деятельности (Τεγόπουλος-Φουτράκης, Ελληνικό Λεξικό, Εκδόσεις Αρμόνια Α.Ε., Αθήνα, 2001)

изумрудами» и «перстни с аметистами» консулов и преторов. Церемонии империалистической цивилизации представляются фантасмагорией власти – как удручающая украшениями риторика и обременённое декорациями театральное представление эпохи, перегруженное коронами, красными вышитыми тогами и драгоценными камнями. Все эти символы власти так же смешны и нелепы, как и титулы, «загодя начертанные» на пергаменте императора. Противопоставление между «поверхностью и сущностью вещей» носит иронический характер: у консулов и преторов – драгоценные перстни и дорогие посохи, у императора – только его императорская атрибутика и ни внутренней силы, ни желания, ни ража, риторы, вообще не пришли, поскольку у них даже слова не осталось – воздействующего глагола, магического и созидającego, которое было «в начале».

Перемены в привычках горожан, императора, преторов, консулов и риторов – это результат «упадка и разложения» современной цивилизации. Атмосфера отчуждённости конца столетия (*fin-de-siècle*), темы вековой скуки, монотонной рутины и повторяющейся однообразной повседневности, являющиеся следствием упадка и неизбежного тупика, найдут отражение в других произведениях Кавафиса. В 1898 г. он напишет стихотворение «Монотонность», являющееся апофеозом скуки и его собственной, и всего столетия.

Особую роль в переводе греческого стихотворения играет композиция следующих двух строк.

Γιατί ν' ἀρχίσει μονομιάς αὐτή η ἀνησυχία Откуда вдруг такое беспокойство
κ' ἡ σύγχυσις. (Τα πρόσωπα τί σοβάρá που εἶναι). и волнение. (Какими серьёзными стали лица).

Бродский сохраняет разорванность кавафисовской фразы, где два однородных синонима разделяются неожиданным синтаксическим спотыканием – перенесением одного из них на другую строку и непредвиденной паузой, вызывая этой дисгармонией «внезапное смятение и растерянность» читателя. Переводчик проникается стилистической манерой оригинала. Однако Бродский, во-первых, опускает целую фразу, вынесенную Кавафисом в скобки, – *Τα πρόσωπα τί σοβάρá που εἶναι*; во-вторых, «беспокойство» и «волнение» Кавафиса трансформируется у Бродского в «смятение», а «серьезность лиц» – в «растерянность». Более того, чтобы усилить этот эффект «смятения», он повторяет тот же приём и между следующими строками (29-30).

Местоимение «все» («все возвращаются» у Кавафиса) Бродский заменяет существительным «население», которое не возвращается, а прячется («населенье по домам попряталось» в переводе). Эти семантические трансформации свидетельствуют, что Бродский в переводе стремится усилить несколько моментов оригинального текста: 1) ощущение катастрофичности происходящего; 2) не столько растерянность, сколько потерянности именно простого человека, человека массы («население»); 3) чувство неотвратимости надвигающейся катастрофы: день – эпоха подошел к концу, сгущается ночь – грядут тёмные, беспросветные лютые века конца человеческой истории.

Никто извне не прибедет, не поможет и не спасёт. Бродский трансформирует робкую надежду оригинала в эсхатологию апокалипсиса.

В 30-й строке следует также обратить внимание на вновь более эмоциональный перевод Бродского «αδειάζουν γρήγορα» (быстро пустеют) – «внезапно обезлюдели», хотя при выборе соответствующего слова не сохраняется настоящее время глагола оригинального текста, и разворачивающееся действие переакцентируется у Бродского в результат. Здесь же появляется лексема «πλατέες» (снова употреблённая в форме кафаревусы вместо современного «πλατείες»), которую русский переводчик интерпретирует так же, как и «αγορά» в самой первой строке стихотворения, словно бы замыкая пространство, «площадью»: «собравшись здесь, на площади» и «площади внезапно обезлюдели». И если агора – это место, где собирался народ, сообща решал насущные общественные проблемы, совершал торговые сделки, был поглощён разного рода занятиями, то «платия» первоначально – это место для зрителей перед театральной сценой. Дело в том, что выбор идеи, характеров, композиции, речевых характеристик и общего стиля повествования, художественной образности, интонационного строя и всех без исключения изобразительных средств уже сделан автором, задача переводчика – средствами русского языка всё это передать, искусно найти тот строительный материал, который соответствующим образом передал бы эмоционально воздействующее эстетическое отношение поэта к жизни, к миру.

Русский переводчик – это носитель русской поэзии, его поэтическое воображение более образно в данном случае, чем, как нам кажется, того желал и воспроизвёл сам Кавафис. Он «историю превращал в поэзию», поэтому историчность и некоторая «документальность» языка его стихотворений имеет принципиальное значение. Важно подчеркнуть отсутствие каких-либо очевидных поэтических языковых тропов (олицетворений, сравнений и т.д.), не беря во внимание подразумеваемые философско-исторические аллегории. «Сухость» поэтического языка Кавафиса – это, с одной стороны, понимание поэзии как формы философской мысли (Хайдеггер писал: «Поэзия – сестра философии») и, с другой стороны, собственно самоощущение Кавафиса – он последний поэт этой умирающей цивилизации, пар (красоты) весь вышел, всё понятно, и писать надо, чтобы всему этому соответствовать.

Интересным представляется и попытка Бродского передать композиционную структуру подлинника в 28-32-й строках, где употребляемое Кавафисом «γιατί» не только имеет разные значения, но и, в зависимости от значения, может принадлежать к различным частям речи («γιατί» – 1. зачем? почему? (вопросительное слово) 2. потому что (союз). Равноценность звучания «γιατί» в разных смыслах и таким образом связь со всеми предыдущими вопросительными и ответными «γιατί» уникально передаётся Бродским сходным по звучанию оборотом «чем ... тем».

Для продолжения сравнения финальных строчек стихотворения с переводом, хотелось бы

подчеркнуть немаловажную деталь в использовании в греческом языке двух глаголов «έρχομαι» (32-я строка) и «φθάνω» (33-я строка). Значение первого глагола в своём ядре – это «действие движения», «движения в прогрессе», предполагающее и итог (идти – прийти, ехать – приехать), значение же второго – это всегда результат первого, но никогда само действие. На протяжении всего стихотворения ожидался результат движения варваров – «θα φθάσουν» (прибудут, доберутся). На основании вышеизложенного можно было бы предположить, что то, что варвары не пришли («δεν ἦλθαν»), – результат того, что они и не шли. А прибыли («έφθασαν») те, что шли с границ. Бродский употребляет тот же глагол «прибывать», который употреблялся на протяжении всего стихотворения.

В 34-й строке семантика оригинала «βάρβαροι πιά δεν υπάρχουν» (варваров больше нет) фиксирует отсутствие варваров, а Бродский в переводе усиливает глобальность и масштабность их отсутствия – их не просто больше нет, их «больше нет на свете». Всё человечество оцивилизовано, оглобализовано и находится в состоянии безволия и немощи (варваров же нет на свете – значит, весь наш мир такой). Фраза 35-й строки у Бродского – это двойное «как», увеличивающее отчаяние – «как нам быть, как жить ...» Греческое просторечное «θα γένουμε» (словарная форма кафаревусы) также стилистический приём, то есть на карту была поставлена не только судьба императоров, сенаторов, консулов и преторов, а судьба целого народа, простого народа империи. Тот факт, что в исходном кавафисовском тексте отсутствует вопросительный знак, очень существенен, так как после правки стихотворения в 1904 году он был осознанно убран поэтом, и в такой форме стихотворение вышло в печать. В русском варианте вопросительный знак присутствует, что составляет чрезвычайное несоответствие. Без вопросительного знака вопрос уже не вопрос, это причитание песни-плача.

Заключительный антифон стихотворения: «Οι άνθρωποι αυτοί ήσαν μια κάποια λύσις»/ «Они казались нам подобьем выхода». Бродский не переводит начало фразы, как оно есть у Кавафиса – «οι άνθρωποι αυτοί» (эти люди), в переводе это местоимения третьего лица множественного числа «они». Следует ещё раз подчеркнуть значимость каждого слова в кавафисовской поэзии, его поэтика намеренно «бедная», а значит, там нет лишних слов и эмоций. «Μια κάποια λύσις» подразумевает частичность, а не абсолютность данного выхода, следовательно, существовала возможность выбора и другого «выхода». Варвары, разумеется, символизируют перемены, некую витальную силу, которая должна бы была дать новый импульс цивилизации, т.е. всему (экономическому, политическому, социальному и пр.) устройству общества. Однако это не единственный выход изменить жизнь и измениться – это «какой-то выход»! Перемены должны произойти внутри общества, варвары – не исключительный выход, есть и другие решения... Возможно, они как образ дикого, примитивного, но сильного и полного энергии человека («эти

люди»)!) и есть подсказка – цивилизация слишком уж усложнила понятия, может быть, нужно стать проще, вернуться к природным вечным незамысловатым ценностям, простым человеческим радостям? Интересен тот факт, что перевод Бродским финальной строки не передает содержания оригинальной, как оно есть. У Кавафиса варвары не являлись для города самообманом и не казались «*подобьем* выхода», они утвердительно и несомненно «*были хоть каким-то* решением», новой свежей «*кровью*», дикой, но жизнеутверждающей силы. Тогда как у Бродского, варвары – не выход, цивилизация так или иначе обречена на печальный исход. Скорее всего, здесь и закончится история. Шанса у человечества нет: на лицах – «*смятение и растерянность*» («*задумчивый*» Бродским опускается), «*площади обезлюдели*» (цивилизация утратила человеческий облик), «*населенье по домам попряталось*» – и всё это результат того, «*что смеркается уже*».

Мартин Маккинзи в статье «В поисках варваров» (стихотворение «В ожидании варваров» в контексте «постколониальной» критики) утверждает, что «варвары не то чтобы передумали и поменяли направления или были ассимилированы цивилизацией, варваров нет – потому что их никогда не существовало вне последней»⁶. Эта тема «оцивилизации» человечества волновала Кавафиса на протяжении всего его творчества («Стены», «Окна», «Город» и т.д.). Однако «*πια δὲν*» – больше нет» предпоследнего стиха вытаскивает стихотворение из сферы теоретических умозаключений и помещает его в историческое время, оно выражает историческое убеждение поэта, поэтому не должно игнорироваться. Маккинзи, раздумывая относительно заданного вопроса, ссылается на литературоведческое исследование Циркаса «Политический Кавафис»: «Сенаторы и преторы, император и горожане, ожидающие с почестями варваров, чтобы спастись от «цивилизации», – это Хедивис Абас II, это чужеземные колонии, это народ Египта, а «цивилизация» – это Британская оккупация. А трагическое исчезновение варваров в точности соответствует внезапному падению махдизма⁷ ...». Варваров больше нет, потому что их «искоренили бомбардировки английского генерала Китченера в сентябре 1898 года»⁸. Стихотворение «В ожидании варваров» было написано в декабре, спустя два месяца после

⁶ Η Ποίηση του κράτους. Μοντερνισμός και διαπολιτισμικότητα στο έργο του Καβάφη, επιμέλεια Μιχάλη Πιέρη, Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, Ηράκλειο 2000, σ. 37

⁷ Махдизм – восстание в районе Верхнего Нила, которое до 1890 годов территориально разрослось до Судана и угрожало Египту. Поражение при Омдурмане официально считается концом махдизма.

⁸ Вот что пишет французская газета «Phare d'Alexandrie» от 4-5 сентября 1898 г.: «Позавчера, в пятницу, 2 сентября 1898 г. (спустя 13 лет после поражения Гордона в Хартуме) победоносная армия Сердариса Киченера Паши разгромила войска Халифа Абдуллахи и взяла вожделенный реванш цивилизации над варваризмом. Со второго сентября англо-египетские войска находятся в Омдурмане, столице махдизма, и над древними стенами Хартума снова веет египетский флаг. Халиф сбежал, и его власть, под которой стонали несчастные народы Судана, прекращена. Махдизму была нанесена смертельная рана». 7 сентября греческий консул Скогидис телеграфирует Киченеру и его отважной армии поздравления от всей нации с великой победой «цивилизации над варваризмом». Варваров больше нет! Два месяца спустя Кавафис напишет: «эти люди были хоть каким-то выходом». Τσίρκας Σ. Ο πολιτικός Καβάφης, Κέδρος, Αθήνα, 1984. σ.48.

трагического происшествия. Подобные хронологические соответствия, влияние местного климата горячих событий – как одного из многочисленных ситуаций всемирного феномена – отчасти явились «источником вдохновения» для создания анализируемого стихотворения. Поэтический город стихотворения, ожидающий варваров, – это гиперцивилизованное, пресыщенное общество, страдающее от чрезмерного материального богатства, не имеющего антидота – богатства духовного. Это богатое, но пустое и бестолковое общество, находящееся в состоянии, предшествующем деградации. «Новость, что варваров больше нет, – убеждение самого поэта. Он считает, что этот колоссальный по размерам организм, называемый «цивилизация», так совершенен, и его щупальцы так крепко сжимают всю планету, что любая попытка сбежать или вернуться к жизни древней, античной тщетна»⁹. Цивилизация нас подчинила так, что ожидать варваров – являемых собой природную стихию и пробуждающих дикие, первобытные, необузданные силы природы – бессмысленная трата времени. Для Кавафиса антитеза «варвары»/«цивилизация», на которой строится всё стихотворение, – очевидная данность. Однако Маккензи предлагает другую точку зрения – нет, варвары не исчезли, но просто попрятались и бродят среди нас преображённые – проводя, таким образом, параллель между литературой «обратной колонизации» (тайного вторжения чужаков). Произошёл пугающий переворот – колонизирующий становится колонизируемым, эксплуататор – угнетённым¹⁰.

В 1898 году Кавафис выпускает и распространяет «Αρχαία Ημέραι» («Античные дни») и «Δέησις» («Просьба»), но он не включает в это издание «В ожидании варваров». Циркас С. считает, что поэт боялся пропускать это стихотворение через типографию – все бы сразу поняли, о каких варварах идёт речь, газеты ежедневно о них кричали. В 1904 году, спустя пять лет, тема потеряет свою злободневность – Кавафис не только его издаёт, но и датирует¹¹. Но египетские события конца XIX века не единственное историческое событие, просветившее на тему «варваризма» и вдохновившее Кавафиса. Есть ещё Византия 320 г. н.э., увиденная поэтом через призму «Ιουλιανό τον Παραβάτη» («Юлия Преступника») Клеоноса Рагависа, и Рим Камилла из Плутарха. «Дело в том, что сама ситуация, изображенная в стихотворении Кавафиса, может быть понята двояко. Слова «император», «сенат», «консулы», «преторы», «риторы» и, наконец, «варвары» оставляют впечатление, что Кавафис описывает закат античности, нашествие то ли гуннов, то ли вестготов. Конечно, такой пласт смыслов у Кавафиса есть, но есть и нечто другое,

⁹ Η Ποίηση του κράτους. Μοντερνισμός και διαπολιτισμικότητα στο έργο του Καβάφη, επιμέλεια Μιχάλη Πιέρη, Παλειστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, Ηράκλειο 2000, σ.40

¹⁰ Там же. σ.44

¹¹ Первая публикация «В ожидании варваров» вышла в восьмистраничном «проспекте», на первой странице которой красными заглавными буквами напечатано название стихотворения (Τσίρκας Σ. Ο πολιτικός Καβάφης, Κέδρος, Αθήνα, 1984, σ. 48). Обычно стихотворения Кавафиса имеют две даты: первая – дата написания начального варианта (поэт часто возвращался к своим ранним произведениям), вторая – первая публикация.

куда более близкое греческому сердцу. Все перечисленные выше слова продолжали употребляться и в эпоху Византийской империи. «Император» значит то же, что и прежде, а вот магистратуры Древнего Рима получили иные значения, и в переводе византийских исторических сочинений они будут переводиться на русский другими словами. А картина получается совсем другая – не о конце античности говорит поэт (или не только о нем), но – о падении Константинополя, о гибели Византии, об этой до сих пор не зажившей ране греческой души...»¹². По признанию самого поэта Петридису, «В ожидании варваров» вынашивалось в моменты чёрного пессимизма и глубокого затмения»¹³. Что же касается всех этих якобы исторических аллюзий и аналогий, некоторые критики всё-таки склонны считать, что Кавафис скорее философствует над историей, чем сопоставляет или утверждает какую-либо аналогию. И так,

анализ перевода «В ожидании варваров» на ритмико-метрическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях позволяет сделать несколько выводов:

1) Выразительные архаические «вкрапления» Кавафиса повышали коэффициент трудности в работе Бродского-переводчика, поскольку часто был затруднен подбор подходящего эквивалента, поэтому перевод при всём мастерстве автора не даёт всё же полного представления о колорите оригинала и энергии стиха, не передаёт своеобразие и кавафисовскую «странность» звучания.

2) Степень внутреннего соответствия перевода Бродского по содержанию и стилистической форме неравномерна. Кавафис – поэт, стилистически довольно шероховатый. Он считается переводимым поэтом, однако в переводе теряется диглоссия – очень важная черта его стилистики и образности.

3) Бродского волнуют, прежде всего, мысли, образы и ритм оригинала, он старается воссоздать их, не обязательно следуя исходному тексту. Его перевод – не копия, а эквивалент подлинника, в котором важна общая идентичность смысла и стиля, то есть впечатление от целого произведения. При переводе Бродский не прибегает к искусственно создаваемым соответствиям-калькам и заимствованиям из исходного языка, пытаясь обеспечить функциональную (а не формальную) равноценность перевода оригиналу.

4) Бродский-переводчик Кавафиса не ограничивается рамками подстрочника, ему тесно даже в рамках кавафисовского оригинала. В его переводе много отсутствующих смыслов наряду со множеством привнесённых собственных образов. Русский поэт идёт по пути приращения смысла, воспринимая и осмысливая сам дух подлинника и становясь со-творцом автора, обнаруживая при этом собственную мощную поэтическую природу, что проявляется в вольной интерпретации отдельных образов и смыслов. Поэтические вольности поэта-переводчика обусловлены его

¹² Ирина Ковалёва [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://library.ferghana.ru/kavafis>

¹³ Τσίρκας Σ. Ο πολιτικός Καβάφης, Κέδρος, Αθήνα, 1984, σ. 42.

напряженным поэтическим и этико-познавательным диалогом с Кавафисом, в котором Бродский усиливает до экзистенциального звучания отчаяние и абсурд оригинала. Бродский то усиливает и дополнительно разворачивает один смысл, то редуцирует – другой, именно тогда Бродский-поэт одерживает верх над Бродским-переводчиком, а перевод Бродского предстает результатом внутренней борьбы этих двух стихий.

Список литературы:

- Καβάφης Κ.Π.* Άπαντα τα ποιήματα (εισαγωγή-επιμέλεια: Σόνια Ιλίνσκαγια) / Κ.Π. Καβάφης. Αθήνα: Εκδόσεις Νάρκισσος 2003.
- Η Ποίηση του κράματος.* Μοντερνισμός και διαπολιτισμικότητα στο έργο του Καβάφη, επιμέλεια Μιχάλη Πιέρη. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 2000.
- Τσίρκας Σ.* Ο Καβάφης και η εποχή του / Σ. Τσίρκας. Εκδόσεις Κέδρος, 1987.
- Τσίρκας Σ.* Ο πολιτικός Καβάφης / Σ. Τσίρκας. Αθήνα: Κέδρος, 1984.
- Τεγόπουλος-Φυτράκης* Ελληνικό Λεξικό. Αθήνα: Εκδόσεις Αρμόνια Α.Ε., 2001.
- McKinsey M.* Hellenism and the Postcolonial Imagination: Yeats, Cavafy, Walcott / M/ McKinsey. Massachusetts: Rosemont Publishing & Printing Corp., 2010.
- Ирина Ковалёва* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://library.ferghana.ru/kavafis>
- В первую очередь я научный сотрудник* (интервью Е. Смагиной) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20020121_kalash.html

**Ковалевич Е.П.
Томашева И.В.**
Армавирский Государственный
Педагогический Университет
г. Армавир (Россия)

**Kovalevich Elena
Tomasheva Irina**
Armavir State Pedagogical Academy
Armavir (Russia)

*К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕКСЕМ «НАТУРАЛЬНЫЙ» И «ОРГАНИЧЕСКИЙ» В
НАИМЕНОВАНИЯХ КОСМЕТИЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ*

*ABOUT USING THE LEXEMES “NATURAL” AND “ORGANIC”
ON THE LABELS OF COSMETIC PRODUCTS*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием новых образов под воздействием масс-медийных рекламных текстов косметической продукции. В процессе межкультурной коммуникации наблюдаются расхождения в словоупотреблении словосочетаний «натуральная косметика» и «органическая косметика», что объясняется различием в реализации семантических компонентов и приводит к вуалированию семантики.

In the article, issues related to the formation of new images under the influence of texts advertising cosmetics in mass media are considered. While cross-cultural communication, differences in the usage of terms “natural cosmetics” and “organic cosmetics” are observed which can be explained by the difference in seme’s realization and leads to fogging the semantics.

Ключевые слова: массовая информация, новые стереотипы, тексты рекламы, натуральная и органическая косметика, вуалирование семантики.

Key words: mass media, new stereotypes, advertisement, natural and organic cosmetics, fogging semantics.

В информационном обществе отношение к информации коренным образом меняется. Мощный её поток вынуждает человека постоянно пересматривать «картотеку» своих образов [Ёлшина, 2010, с. 22], регулярно их обновляя, иначе они не будут соответствовать действительности и осложнит её интерпретацию человеком. Кроме этого, массовая информация, основанная на широко распространенных стереотипах, не в полной мере удовлетворяет требованиям новой экономики в процессе создания новых продуктов, – необходима информация гетерогенного характера.

Одновременно с этим, в информационной среде наблюдается демассификация СМИ, при

которой уменьшается число изданий и программ со множеством потребителей и увеличивается количество изданий и программ, рассчитанных на меньшую по численности аудиторию. Этому процессу способствует Интернет, предлагающий пользователю отрывочные знания в разных областях. Так, делая запрос в поисковой системе о продуктах косметических компаний, мы получаем дополнительную информацию в виде рекламных ссылок из смежных областей.

Если для предыдущих периодов развития коммуникации была характерна постоянная подпитка потребителя стандартизированным образным рядом, то в информационный период общественность становится настолько самодостаточной, что небольшие группы населения могут обмениваться образами, которые они создают сами.

Таким образом, увеличение потока информации ведет к тому, что часто вместо последовательной информации человек получает сгруппированную отдельными короткими модулями информацию – рекламу, различного рода теории, новости, отдельные изображения, которые не укладываются в уже имеющиеся ментальные ячейки. Люди с ментальностью информационного типа «чувствуют себя нормально под вспышками информационных блицев» [Ёлшина, 2010, с. 23]: они не стремятся вставить новые модульные данные на место стандартных старых, а создают собственные образы, собственное видение ситуации из того разрозненного потока информации, который получают. Всё это ведет к большей индивидуализации сознания: мнения становятся менее унифицированными, а люди – настолько информированными, что способны продуцировать новые идеи, на основе которых и формируется общественное мнение.

Особую значимость эти процессы приобретают в средствах масс-медиа, описывающих и рекламирующих косметические продукты. Рассмотрим создание нового образа вместо прежнего, стереотипного на примере рекламы натуральной косметики. Согласно последним исследованиям экологов, из 10 500 химических веществ, используемых в современной косметологии, лишь 11% можно считать безопасными и нетоксичными [ИМ].

Встречается достаточно много обозначений натуральной косметики: органическая, природная, био-, экологическая и т.п. Многим эти определения кажутся равнозначными, что далеко не так. Путаница в названиях проистекает от того, что в мире не существует единых стандартов и единого термина, поэтому каждая страна решает данный вопрос по-своему. Поэтому не стоит доверять косметике, на которой стоят значки *Natural* или в каком-либо виде указано, что косметика «натуральная», так как на сегодняшний день нет никаких механизмов, регулирующих минимальное содержание растительных природных компонентов. Таким образом, минимального процента содержания любого растительного экстракта достаточно для того, чтобы продукт носил название «натуральный» [РИМ].

Так, термины «органик» и «био» считаются равнозначными. Термины с элементом «эко» (экокосметика) используются, но не имеют строгой классификации и в большей степени подчеркивают экологичность производства и упаковки [ИМНК]. В международных стандартах сертификации оперируют двумя основными обозначениями: органическая и натуральная косметика. Общим между ними является то, что:

- в каждой из них содержится до 95% натуральных компонентов;
- в составе отсутствуют синтетические красящие и ароматизированные ингредиенты, продукты нефтехимии, генномодифицированные элементы, синтезированные компоненты (силиконы, формальдегиды и пр.);
- в процессе разработки не проводится тестирование на животных;
- не применяются искусственные удобрения [НПЭ].

Разница между натуральной и органической косметикой заключается в том, что в органической косметике не допускаются компоненты животного происхождения, в отличие от натуральной. В составе органической косметики имеется не меньше 10% компонентов, выращенных на сертифицированных хозяйствах (плантациях, фермах), в то время как в натуральной – не меньше 5% [МК]. Тем не менее, единства трактовки указанных терминов нет, и каждый производитель по-своему ими распоряжается:

Компания «Медовая» на основе пчелопродуктов производит органическую натуральную косметику, купить которую можно в собственном Интернет-магазине косметики компании [М].

In the beauty industry, there is no industry-agreed meaning for terms like 'organic' or 'natural'. Unlike the food industry, these terms are not regulated for cosmetics which means companies can use these terms pretty freely [AM].

Cosmética Orgánica Certificada – GreenPeople no es solo cosmética ecológica, sino un estilo de vida en el que prima lo natural. Cuidamos los ingredientes 100% orgánicos y el proceso de elaboración (no testeamos en animales). Así lo garantizan las certificaciones de todos nuestros productos, basados en ingredientes activos naturales que cuidan la piel y mejoran tu bienestar y el de los que te rodean [ТО].

Обратимся к словарям, чтобы проанализировать структуру значений указанных лексем. Начнём со слова «натуральный», которое на русском языке объясняется следующим образом:

НАТУРАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна. 4. *полн. ф.* Настоящий, подлинный, природный, не искусственный [ТСРЯ];

... 2) имеющий естественное происхождение, не являющийся суррогатом, подделкой; настоящий; нефальсифицированный [СС];

нефальсифицированный, естественного происхождения, без всякой подделки, противоп. искусственный [ТСУ].

Из приводимых дефиниций становится ясно, что главной семой в структуре значения данной лексемы является «естественность происхождения», указывающая на связь с природной средой.

Источники на английском языке содержат такую информацию: *not having any extra substances or chemicals added: not containing anything artificial [MWD]; existing in nature and not produced_or_caused_by_people. All the ingredients we use are completely natural [MD]; as found in nature and not involving anything made or done by people: a natural substance. Natural food or drink is pure and has no_chemical_substances added to it and is_therefore_thought_to_be_healthy: natural mineral water, natural ingredients [CD].*

Аналогично данным словарей русского языка, в составе значения англоязычной лексемы выделяется сема «природная среда», к которой добавляются семы «человеческая деятельность», «отсутствие химических веществ» и «здоровье», имплицитная положительную коннотацию.

В испанском языке лексема «**natural** (lat. *naturālis*) **1.** *Perteneciente o relativo a la naturaleza o conforme a la cualidad o propiedad de las cosas.* **3.** *Hecho con verdad, sin artificio, mezcla ni composición alguna.* **5.** *Dicho de una cosa: Que imita a la naturaleza con propiedad.* **6.** *Regular y que comúnmente sucede, y, por eso, fácilmente creíble» [DRAE]* представляет набор следующих сем: «природа», «не искусственный», «не смешанный», «не составной», «естественный».

В словосочетании *cosmética natural*, используемом в рекламных и описательных контекстах слово *natural* выступает как «растительный» или имеет ассоциативную связь со словосочетанием «зеленые растения»:

Cosmética natural: se denominan así todos los productos que llevan algún elemento vegetal en su composición, sea el porcentaje que sea, por lo que es muy fácil que muchos productos tengan esa denominación sin realmente ser muy naturales. En estos productos fíjate mucho en la composición que tengan, pues muchos se ponen esa distinción por el hecho de vender más. Lo verde, lo natural vende [CO].

Общими в анализируемых словах являются семы «природная среда», «отсутствие химических веществ», «естественность», хотя в каждом языке добавляются конкретизирующие семы, значимые для данной культуры:

в английском языке «здоровье» и «человеческая деятельность»,

в испанском, как и в русском, языке характеристика значения определяется через отрицание /отсутствие компонентов – «не искусственный», «не смешанный», «не составной», «не являющийся суррогатом, подделкой».

При этом во всех трёх языках словосочетание «натуральная косметика» /*natural cosmetics* /*cosmética natural* реализует в первую очередь сему «природный», в английском языке с акцентом

на «отсутствие искусственных добавлений сделанных человеком», а в испанском более конкретно – «растительный».

Информация по лексеме «органический» в различных словарях русского языка повторяется и может быть сведена к определению, суть которого состоит в том, что имеющий такую характеристику объект является частью либо растительного, либо животного мира органической природы:

1) а) Соотносящийся по знач. с сущ.: организм (1), связанный с ним. б) Обладающий живым началом. 2) Принадлежащий растительному или животному миру [НСРЯ]; 1. Принадлежащий к растительному или животному миру, относящийся к организмам [ТСРЯ].

В случае сочетания прилагательного «органический» с существительным «косметика» мы наблюдаем максимальное сужение значения определяющего слова, поскольку органическая косметика допускает использование ингредиентов только растительного происхождения. Данный вариант значения в словарях русского языка пока ещё не зафиксирован.

Англоязычные словари объясняют лексему «органический» следующим образом:

a (1): *of, relating to, or derived from living organisms <organic evolution>*(2): *of, relating to, yielding, or involving the use of food produced with the use of feed or fertilizer of plant or animal origin without employment of chemically formulated fertilizers, growth stimulants, antibiotics, or pesticides <organic farming> <organic produce>* [MWD];

organic food or drink is produced using no or only a small number of artificial chemicals and methods [MD];

not using artificial chemicals when keeping animals or growing plants for food [CD].

Оставив в стороне лексико-семантический вариант «имеющий отношение к углероду», из приводимых дефиниций выделяем общие семы в значении слова *organic*: «живой организм», «растение», «животное», «отсутствие /малое количество веществ искусственного происхождения», причём последняя сема является ключевой, особенно если сравнить словарную дефиницию и описание органической косметики из СМИ:

The word organic is a labeling term that indicates that the food or other agricultural product has been produced through approved methods that integrate cultural, biological and mechanical practices that foster cycling of resources, promote ecological balance, and conserve biodiversity. Synthetic fertilizers, sewage sludge, irradiation and genetic engineering may not be used [EASP].

Семантический анализ данной лексемы в испанском языке показывает, что прилагательное **orgánico, ca.** (Del lat. *organīcus*). **1.** Dicho de un cuerpo: *Que está con disposición o aptitud para vivir.* **2.** *Que tiene armonía y consonancia.* **3.** *Que atañe a la constitución de corporaciones o entidades colectivas o a sus funciones o ejercicios.* **5.** *Quím. Dicho de una sustancia: Que tiene como componente*

constante el carbono, en combinación con otros elementos, principalmente hidrógeno, oxígeno y nitrógeno [DRAE] включает такие минимальные компоненты значения, как: «готовность, способность жить», «гармоничность», «цельность», «углерод», «водород», «кислород» и «азот». Словосочетание *la cosmética orgánica* соответственно должно обозначать наличие живых ингредиентов, гармонично сочетающихся, образующих единое целое и содержащих в первую очередь «углерод», «водород», «кислород» и «азот». Использование словосочетаний с прилагательным *orgánico* в испанском языке не репрезентирует данные семы, поскольку употребляется как синоним лексемам *ecológico* или *biológico*, что, по словам создателей рекламных текстов, связано с традицией словоупотребления в каждой конкретной стране.

Как видим, имеется ряд расхождений между словарными дефинициями лексем «натуральный» и «органический» в разных языках и пониманием данных слов в среде косметического производства, что объясняется следующим. Сегодня во многих языках наблюдается процесс их сознательной деформации, которая вызывается действием двух сил, направленных навстречу друг другу и приводящих к искажению языка. Первое направление воздействия – снизу, от простых людей, которые особо не заботятся о правильности речи и активно употребляют сленг.

Второе направление – сверху, от чиновников и руководителей разного ранга, которые также пренебрегают правилами словоупотребления и чистотой языка, но озабочены воздействием на сознание людей. С этой целью они манипулируют словами в «обратных» значениях, применяя их искусственную десемантизацию [Сребрянская, 2014, с. 180], в русском языке:

В английском языке: *MuLondon – Natural Organic Skincare. Award-winning skincare, made in London, UK. Fabulously organic, always natural & vegan* [NOS].

В испанском языке, например, так излагается философия экологически чистого предприятия: *La filosofía de una cosmética ecológica es nuestro principal objetivo, asegurando, desde el origen de las materias primas hasta el final del proceso de producción, que se cumplen todos los requisitos que garantizan un respeto con el medio ambiente y los consumidores obteniendo así un producto de la más alta calidad y 100% natural, demostrando con nuestro trabajo y nuestro esfuerzo el cumplimiento de nuestro objetivo a través de la prestigiosa empresa certificadora IONC-BDIH Standard, responsable de garantizar bajo un estricto control de calidad que el producto es 100% natural y ecológico.*

Философия органической косметики является нашей главной целью. Она отражается во всём, начиная от происхождения растительного сырья до конца самого производственного процесса, который отвечает всем требованиям и обеспечивает бережное отношение к окружающей среде и потребителям. В результате выходит продукт самого высокого качества и 100% натуральный, отражающий нашу работу и наши усилия по выполнению нашей цели через

престижную компанию IONC-BDIN Standard, ответственную за обеспечение строгого контроля качества, ответственную за подтверждение того, что продукт является 100% натуральным и экологически чистым [CE].

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке происходит смешение значений при употреблении прилагательных «органический», «натуральный» и «экологический».

Кроме десемантизации, активно используется и затуманивание семантики посредством заимствованных слов, значение которых непонятно подавляющему большинству людей. Примером может служить транскрипционный вариант англоязычного термина гринвошинг, (*greenwashing – expressions of environmentalist concerns especially as a cover for products, policies, or activities* [MWD]), который недобросовестные продавцы или производители намеренно используют некорректно, вводя потребителя в заблуждение ради финансовой выгоды [ИМНК].

Процессы затуманивания семантики и вуалирования значения могут быть основаны на частом и намеренном повторе лексем «органический», «экологический», «натуральный», «природный», использованных как абсолютные синонимы, и соответственно, выступающие как переводческие эквиваленты:

Bálsamo Ecológico para Cambio de Pañales 98% Orgánico Certificado - 40 ml

Bálsamo para Cambio de Pañales con cáñamo, la manzanilla y caléndula orgánicas Un bálsamo orgánico que protege contra la humedad cuando el bebé tiene dermatitis causadas por irritación del pañal.

Este producto natural de cuidado corporal se realiza sin lanolina, SLS, SLES, ftalatos, parabenos, perfumes artificiales, ethyl alcohol ni colorantes para ofrecerte el limpiador más puro que la naturaleza puede ofrecer. Cosmética natural con certificada por la Organic Food Federation y la Soil Association.

Tienda cosmética nicho orgánica y natural Las mejores marcas de Cosmética ecológica y natural [TO].

Иногда используется набор прилагательных, которые вообще не имеют смысла, но работают на создание нового стереотипа и нового образа: чем чаще и чем больше встречается в текстах словосочетаний с данными лексемами, тем полезнее для человека:

Mi gran descubrimiento. Mi nueva política de consumir lo menos posible y por lo tanto comprar productos multiuso, siendo aún así lo más ecológico posible, tanto que hasta te lo puedas comer, me lleva hoy a hablaros de mi nuevo descubrimiento: el aceite de coco sin refinar organico [CO].

В итоге, мы наблюдаем языковые изъяны, свидетельствующие об определённых социальных изменениях. Именно сегодня, по вине многочисленных развлекательных программ телевидения и Интернета мы переживаем инфляцию слова, его десемантизацию – такое изменение значения, которое делает возможным воздействие общества на индивидуума путём навязывания новых

стереотипов и новых образов, в частности, в сфере рынка косметической продукции. Остаётся надеяться, что в ближайшем будущем, благодаря уточнениям стандартов, будет легче разобраться в искомым терминах и призвать производителей к большей ответственности:

... Hopefully, there will be more standardization in the industry soon, which will make it easier for all of us to understand what these terms mean and make companies more accountable for what they say [AM].

Список литературы

Ёлшина Т.А. Речевая коммуникация в деловых отношениях: учебное пособие /Т.А. Ёлшина – 2-е изд., стереотип. Кострома: Изд-во Костромского государственного технологического университета, 2010. 99 с.

Сребрянская Н.А. Я перестала понимать родной русский язык /Экология языка и коммуникативная практика. 2014. – № 1. С. 174-181.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 (НСРЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.efremova.info>.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ozhegov-shvedova.ru>

Сборник словарей (СС) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://что-означает.рф>.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка (ТСУ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru>.

Cambridge Dictionaries (CD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>.

Macmillan Dictionary (MD) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com>.

Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: MWD, <http://www.merriam-webster.com>.

Diccionario de la lengua española (DRAE) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios>.

Интернет магазин (ИМ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nonicare.ru/organic-cosmetic>

Интернет-магазин натуральной косметики (ИМНК) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://d-dar.ru>

Магазин косметики (МК) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.natura-line.ru>

Медовая – природная аптека (М) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://medoveya.ru>

Независимый портал Экокосметика.ру (НПЭ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ekokosmetika.ru>

Розничный и интернет-магазин (РИМ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://veganika.ru>

Cosmética ECOLÓGICA (CE) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.geoderm.es>

Cosmética orgánica (CO) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cosmetica-organica.com>

TIENDA ONLINE (TO) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.greenpeople.es>

Natural Organic Skincare (NOS) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mulondon.com>

Self Magazine (AM) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.self.com>

The Encyclopedia of Aesthetics and Spa Therapy (EASP) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dermascope.com>

Костикова О.И.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kostikova Olga
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СКАЗКА – ЛОЖЬ? ИСТИННОСТНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА СКАЗКИ

IS TALE LIE? TRANSLATION OF A FAIRY TALE: TRUTH AND VALUE ASPECTS

Как переводить сказку? Этот вопрос наверняка задавало себе не одно поколение переводчиков, начиная с глубокой древности, в разных странах и в разные эпохи. Древнейшая дошедшая до нас сказка – египетская повесть о двух братьях – датируется XIII в. до н.э. Наличие сходства сказочных сюжетов в разных странах подтверждает мысль о «миграции» этого жанра в литературном или устном переносе.

Диапазон определения сказки – от достояния детей до поэтической формулы философии жизни и культурно-исторического памятника – так же широк, как разнообразны и ее функции. Рожденная в недрах устного народного творчества, сказка представляет собой особый литературный жанр, с характерной установкой на вымысел с одной стороны, и определенным образом связанный с действительностью, с другой. Эта связь определяет идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов и образов. Она же лежит в основе национальных особенностей сказок, отражающих уклад жизни того или иного народа, его быт, труд, природные условия, а иногда и политическую ситуацию. В то же время сказки являются универсальным средством воспитания и познания у самых разных народов и имеют широкое бытование как исторически, так и географически. Этот сказочный дуализм – универсальное vs специфическое, вымысел vs реальность – делает сказку особым объектом с точки зрения ее переноса на новую культурную, литературную, этническую почву, в иную языковую среду, т.е. с точки зрения ее перевода. От «одомашнивания» к «очуждению», дозируя соотношение соответствий на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях, переводчик находится в поиске универсальной стратегии, чтобы сделать «чужой» вымысел своей реальностью. Среди множества вопросов, на которые ему приходится искать и находить ответ, один лейтмотивом возвращается на каждом этапе творчества: «Кто читатель?».

What is the way to translate a fairy tale? This question might have been asked by translators of many generations since ancient times, in different countries and in different centuries. The oldest extant tale is the Egyptian *Tale of Two Brothers* that dates back to the 13th century B.C. Similar plots found in the fairy tales of different countries prove the idea that this genre "migrates" through either literary or oral transportation.

The definition given to a fairy tale that ranges from a children's patrimony to a poetic formula of life philosophy or a cultural and historical monument is as wide as varied are its functions. Born in the heart of folklore, a fairy tale is a specific literary genre based on fantasy, on the one hand, and somehow connected with reality, on the other hand. This correlation determines the ideological content, language and nature of plots, motives and images. It underpins the national traits of fairy tales that reflect the way peoples live and work, their natural environment and even the political context. At the same time, fairy tales have been a universal educational and cognitive tool for different nations, widespread both historically and geographically. This "fabulous" dualism, *the universal vs the specific, fantasy vs reality*, makes a fairy tale a subject of a special kind in terms of its transportation to a new cultural, literary and ethnic ground as well as another language environment, i.e. in terms of its translation. From domestication to foreignization, dosing a ratio of equivalents at the semantic, syntactic and pragmatic levels, a translator looks for a universal strategy to turn a "foreign" fantasy into one's own reality. Out of many questions that a translator has to answer there is one that sounds like a leitmotif at every stage of his creative work, namely "Who is the reader?".

Ключевые слова: перевод, сказка, интерпретирующая система

Key words: translation, fairy tale, interpreting system

Тема данного выступления возникла как реакция на недавний переводческий опыт. В течение года автору дважды довелось принимать участие в чрезвычайно увлекательном и вместе с тем трудоемком проекте – переводе сказок с французского языка на русский. Одна книга уже вышла¹⁴, а вторая готовится к изданию. В процессе работы над переводом у авторов возник ряд соображений теоретического и методологического характера, обобщение которых и легло в основу доклада.

С точки зрения исследовательского метода данная работа сочетает как процесс-ориентированный подход, основанный на интроспекции, так и традиционный для переводоведения ретроспективный анализ путем сопоставления результата переводческой деятельности – текста перевода – с текстом оригинала. В онтологическом плане мы вслед за Н.К.Гарбовским рассматриваем перевод как интерпретирующую системную деятельность с ключевой функцией социально-коммуникативного посредничества [Гарбовский, 242, 214].

Прежде, чем приступить к рассмотрению проблем, связанных с конкретным актом перевода, представляется необходимым изложить несколько тезисов общего характера для уточнения специфики рассматриваемого объекта перевода, т.е. сказки как таковой, определения границ перевода как деятельности с точки зрения его задач и функций, и выявления сложившихся на основе исторического опыта доминирующих стратегий переноса сказок из одной культурно-языковой среды в другую.

1. Сказка как феномен человеческой культуры.

Сказка представляет собой многомерный феномен человеческой культуры, как с точки зрения пространственно-временного и композиционно-сюжетного бытования, так и в плане возможностей интерпретации, разнообразия ее функций и вариативности адресатов.

В обыденном сознании сказка чаще всего соотносится с литературой для детей, а в философском осмыслении, например у представителей романтизма, сказка трактуется как поэтическая формула философии жизни. Представители исторической школы рассматривали сказку как культурно-исторический памятник, а формалисты искали в ней материал для развития юридической концепции словесного искусства. Психологи обращались к сказочному материалу, интерпретируя его в своих целях, позднее сказкой заинтересовались врачи и педагоги, возникло целое направление лечения сказкой – «сказкотерапия» – с целью развития творческих

¹⁴ Сказки диких зверей / Сост. М.Пленар. Пер. с фр. О.Костиковой и Н.Гарбовского. – М.: Редкая птица, 2014. – 128с.

способностей, расширения сознания и интеграции личности в окружающий мир.

Исследованию сказок посвящено много научных работ. Начиная с конца XIX – начала XX, когда наука о сказке начала выделяться в самостоятельную дисциплину, ученые разных научных школ вносили свой вклад в определение этого объекта. Представители мифологической школы [Я. и В.Гримм, Ф.Буслаев, А.Афанасьев и др.] рассматривали сказку как отголосок древнего мифа, объясняя сходство явлений в фольклоре разных этносов общей для них древнейшей мифологией, унаследованной от единого предка. Приверженцев компаративизма [Th. Benfey, J.Polivka, A.Aarne, А.Н.Веселовский] интересовало совпадение сюжетных схем и отдельных мотивов в сказках евразийских (необязательно родственных) народов, которое они объясняли либо через заимствования, либо через существование общего источника. Последователи антропологической школы [Э.Тэйлор, А.Lang] разработали теорию о единой бытовой и психологической основе самозарождения сказочных сюжетов. Наконец, развитие идей структурализма [В.Пропп, Е.Мелетинский и др.] позволило дать систематическое описание сказки, раскрыть структуру и функции и разработать на этой основе методологию классификации.

Ученые сходятся во мнении, что сказка зародилась в недрах устного народного творчества и на ранних стадиях развития общества представляла собой один из видов мифа, выполняя производственные и религиозные функции. В этом видится ее универсальный характер. На более поздних стадиях сказка становится особым литературным жанром, отличающимся специфическим композиционно-стилистическим построением и содержанием.

Прежде всего, в сказке четко прослеживается характерная установка на вымысел. Это еще одно универсальное свойство сказки, независимо от ее этнической принадлежности – она повествует о необычных в бытовом смысле событиях и апеллирует к фантазии и воображению слушателя или читателя. При этом зачастую стремится убедить адресата в истинности описываемых событий, для чего используются формулировки типа «это истинная правда» (*c'est la vérité vrai*), «истинно говорю Вам» (*c'est la vérité je vous le dis*), «и я там был...» и т.п. Ведь одна из задач сказки – (правдоподобно?) объяснить явления окружающего мира: отчего волк на луну воет, почему крокодилы не едят кур, откуда у пчелы жало, почему жуки валяются кверху лапками, почему у кабана плоское рыло и т.п..

В этом проявляется другая особенность сказки: она, как правило, определенным образом связана с действительностью, что определяет идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов и образов. Эта связь лежит в основе национальных особенностей сказок, отражающих уклад жизни того или иного народа, его быт, труд, природные условия, а иногда и политическую ситуацию. Так, например, в европейских сказках о животных традиционными персонажами оказываются *лиса, медведь, заяц, волк, кошки, мыши* и т.п. За каждым закреплён свой образ, свой

характер. Хотя и здесь существует определенное различие: если в русских сказках речь идет о *хитрой лисице*, то в европейских сказках выступает ее гендерный антипод – *лис*, а у эвенов северный сородич – *снежный лис* (т.е. *песец*). Иная картина в африканских сказках, где в качестве протагонистов выступают *крокодилы, страусы, носороги, шакалы, леопарды и павианы*, в австралийских – это *игуаны и змеи*, в индейских – *бизоны и мустанги* и т.п. Индийские и индонезийские сказки повествуют о *раджах*, европейские – о *царях и королях*, в сказках северных народов встречаются *шаманы*, а в арабских – *визири*. И хотя ученые еще не пришли к однозначному выводу о том, «описывает ли сказка систему обрядов, относящихся к какой-либо определенной стадии культуры, или же ее сценарий инициации оказывается «воображаемым», т.е. не связан с каким-то историко-культурным контекстом, а выражает внеисторическое архетипическое поведение психики» [см. об этом: В.Пропп, М.Элиаде], система персонажей и образов, контекст (а в некоторых случаях аллюзии и реминисценции) позволяют соотнести сказку с тем или иным этно-географическим ареалом и выявить определенные специфические черты. Принцип бытования сказки (см. ниже) косвенным образом это подтверждает.

Таким образом, в отличие от мифа – «сказание истинного», сакрального и космогонического характера, сказка – «сказание вымышленное» скорее светского профанного характера «отделяется от мифологического и божественного мира и «уходит» к народу» [Фрис, 178. Цит. по: Элиаде/эл.ресурс], вплетаясь в историко-культурный контекст.

Сказочные сюжеты и образы, несмотря на их фантастичность, достаточно легко отождествляются с реальными жизненными ситуациями и учат осознавать главнейшие истины человеческой жизни. В этом еще одна особенность сказки, относящаяся к универсалиям и придающая ей особую ценность. Имеются в виду ее познавательная и воспитательная функции.

На определенном этапе исторического развития чтение сказок стало восприниматься как развлекательное действие. По мнению М.Элиаде это свойственно только демифологизированному сознанию, в частности, сознанию современного человека. Но глубинная психика по-прежнему способна распознать сценарий инициации (его сказка унаследовала от сакрального мифа), который не теряет серьезности и продолжает передавать соответствующие заповеди и вызывать изменения. Поэтому, не отдавая себе отчета и считая, что он развлекается и отвлекается от реальности, современный человек все еще продолжает пользоваться воображаемой инициацией, содержащейся в сказках [Элиаде, эл. ресурс].

Видимо не случайно психологи уже давно сходятся во мнении, что сказки – это неотъемлемая составляющая воспитания человека. Они способствуют развитию правильной речи на ранних этапах ее формирования: сказки помогают расширить словарный запас, строить связную речь, учат разговаривать не только правильно, но при этом еще и эмоционально и образно. Далее, с

помощью сказок развивается фантазия, которую можно направить в положительное русло. Как правило, сказки несут в себе многовековую народную мудрость, при этом в них просто и ясно объясняются разные аспекты жизни человека, отделяется добро от зла. Чтение сказок формирует основы общения и поведения. Они развивают воображение и повышают творческие возможности, расширяя познание окружающего мира. Наконец, помимо усвоения основ нравственности и морали, по законам которой предстоит жить и детям и взрослым (принцип *docendo discimus* в данном случае особенно актуален), чтение сказок помогает духовному сближению детей и взрослых. В этом видится основная ценность сказки.

Таким образом, сказка как феномен человеческой культуры оказывается глубоко дуалистичной по своей природе.

Генезис сказки, ее широкое бытование в историческом и географическом плане, сходство сюжетов и композиционных черт, функциональная общность характеризуют ее как явление *универсальное* для человеческой культуры. В то же время сказкам присущ ряд *специфических* черт, в зависимости от источника (авторская или народная сказка, литературная или фольклорная и т.п.), адресата (сказка, предназначенная для взрослых может отличаться от детской сказки), культурно-исторического ареала, в котором сказка возникла (персонажи африканских сказок отличаются от персонажей сказок европейских, хотя зачастую являют собой одни и те же образы – хитрец, жадина, мудрец, смелый и т.п.). Сказочное повествование основано на *вымысле*, но обязательно имеет связь с *реальностью*, что делает сказку такой привлекательной для читателей, будит воображение, создает комфортную для сознания среду, благодаря торжеству добра над злом, раскрывает модели поведения в обществе и их последствия, объясняет мир существующий вокруг. Наконец, являясь скорее жанром *развлекательным* по своему характеру, сказка в то же время является проверенным временем средством *воспитания* и *познания* у самых разных народов.

Этот сказочный дуализм, проявляющийся в оппозициях – универсальное vs специфическое, вымысел vs реальность, людическое vs дидактическое – делает сказку особым объектом с точки зрения ее переноса на новую культурную, литературную, этническую почву, в иную языковую среду, т.е. с точки зрения ее перевода.

2. Перевод как социальная деятельность. Границы перевода.

Что есть перевод? Определение этому виду человеческой деятельности в разное время давали философы и историки, писатели и поэты, литературоведы и лингвисты. Как справедливо отмечает М.Гидер сложность в едином и всеобъемлющем определении перевода заключается в множественности его форм и сфер бытования. Само слово «перевод» и его производные отсылают

к различным и постоянно изменяющимся явлениям [Guidère, 16]. В самом деле, между абстрактными определениями философов, признающих перевод единственной и основной способностью человеческого ума (А.В.Шлегель), а понимание – онтологической сущностью перевода (Дж.Стейнер) и воззрениями лингвистов и переводоведов (см. напр. определения, приведенные у Н.К.Гарбовского в кн. «Теория перевода» [Гарбовский, 6-9]), определяющих перевод максимально скрупулезно и рельефно, но как правило фрагментарно, т.е. высвечивая ту или иную сторону определяемого объекта, находится многогранное и ускользающее явление, которое справедливо было названо «самым сложным процессом из всех, возникших когда-либо в ходе эволюции космоса» (А.Ричардс). Т.Сэйвори подтвердил этот тезис на примере известных шести парадоксов [Savory, 50]. А Э.Кари развил, объяснив извечную полемику вокруг основных переводческих антиномий (напр.: переводимость vs непереводимость, смысл vs форма, свое vs чужое и т.п.): «понятие перевода, в самом деле, очень сложное, не только потому, что в наше время оно приобрело столь удивительную вариативность, но еще и потому, что на протяжении столетий оно постоянно менялось. Возможно, это и затрудняло размышления многих авторов, которые соглашаясь с мнением предшественников, либо оспаривая его, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же» [Cary, 81].

Что же понимать под переводом? Устные и/или письменные формы¹⁵? Где заканчиваются его границы? Будут ли к нему относиться смежные виды деятельности, такие как составление глоссариев и терминологических справочников? А каков в этой связи статус адаптации и подражания? Можно ли, например, рассматривать как перевод творчество Чосера или Жуковского, которое находилось на стыке личного авторства, перевода и адаптации? Вспомним ремарку Ричарда Бентли о переводах Гомера, выполненных Александром Поупом: «Это прекрасные стихи, Мистер Поуп, но Вы не можете называть их гомеровыми».

По мнению одних ученых возникновение перевода как деятельности связано с необходимостью в общении между народами, племенами или этническими группами, поэтому предположить возникновение перевода можно, связав его исторически с возникновением языков [Гарбовский, 29, Van Hoof, 7]. Другие полагают, что перевод возникает лишь тогда, когда появляется потребность переноса в иную культуру письменных текстов, которые изначально были созданы для того чтобы передаваться внутри одной культуры иногда и в устной форме [De Launeu, 14]. Несмотря на внешнее различие в обеих позициях четко прослеживается общая прагматика, объясняющая суть переводческой деятельности: она возможна лишь в связи с **потребностью**

¹⁵ Ответ не столь очевиден, когда мы от русского языка, где оба вида деятельности имеют одинаковое наименование, переходим к другим европейским языкам, где для каждого вида деятельности существует свое наименование.

социума, идет ли речь об устной коммуникации или о работе с письменными памятниками.

Это означает, что перевод является деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее его конкретными представителями [См. подробнее: Garbovskij, Kostikova 138 - 141].

Это означает также, что перевод текста никак не сводится к поиску эквивалентных слов и выражений исходного языка в языке перевода [Робинсон, 159]. Он включает в себя и общение с заказчиками (в разные эпохи это могли быть царствующие особы, богатые вельможи, меценаты, представители духовенства, издатели и т.п.), и налаживание социальных контактов (как для поиска заказов, так и для непосредственной работы – консультаций, рабочей силы, литературной обработки, редактирования и т.п.), а также научно-исследовательскую и поисковую работу, использование современных переводчику технологий (в разное время это были глиняные или деревянные дощечки со стилусом, затем папирус, пергамент, велень и бумага, перья, ксиллограф и печатный станок, гарнитура для синхронизации восприятия устной речи и говорения в микрофон, ЭВМ, затем компьютер и т.д. и т.п.)

Это означает, наконец, что именно от общественных установок будет во многом зависеть *что, как, когда и с какой целью* будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособляясь к ним. А, быть может, канет в лету, так и не получив общественного признания, или замрет в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т.п.

Что же касается определения границ перевода, то в Европе, например, на смену грустному скепсису Данте в трактате Пир (1304 – 1307)¹⁶, закону перевода, провозглашенному Дю Белле в трактате «Защита и прославление французского языка» (1549)¹⁷ и пяти правилам перевода, выведенных Доле в его трактате «О способе хорошо переводить с одного языка на другой» (1540) пришла эстетика классицизма, принесшая с собой помимо осознания превосходства века «нынешнего над стариной», чего иначе и быть не могло в эпоху короля-солнце, увлечение рационализмом, правилами хорошего тона (этикета), в том числе и в языке, и примат общественного (салонного) поощрения в любом виде творчества. «Прекрасные неверные» оказали настолько сильное влияние на общественное сознание, что их отголоски в переводческой деятельности ощущались и продолжают ощущаться вплоть до наших дней.

Именно в тот период осознание границ перевода расширилось, что, видимо, позволило

¹⁶ «...ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии...»

¹⁷ «... каждый язык имеет нечто свойственное только ему, и, если вы попытаете передать это на другом языке, соблюдая законы перевода, которые заключаются в том, чтобы не выходить за рамки, установленные автором, ваш перевод будет принужденным, холодным и лишенным грации.»

Драйдену (Dryden.J. Ovid's Epistles, 1680) предложить уже не правила перевода (как это было в предшествующие эпохи), а типологию способов перевода. Он описал ее в предисловии к переводу «Понтийских посланий» Овидия (1680 г.) – это *метафраза*, или перевод слово в слово, *парафраза*, или перевод свободный, когда переводчик не упускает из виду автора и ориентируется в большей степени на смысл, чем на форму, и *подражание*, или перевод на грани, вариация на тему оригинала. Полтора столетия спустя о разных методах перевода задумается Ф.Шлейермахер («О разных методах перевода» лекция, прочитанная 24 июня 1813 года) и сформулирует знаменитую антитезу: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться». С этого момента на первый план выходит осознание интерпретативного характера переводческой деятельности, а антитеза позже даст рождение двум основополагающим понятиям современной теории перевода, отражающим две стратегии перевода в плане освоения «иного» – «одомашнивание» или «доместикация» и «очуждение» или «форенизация» [См.: Venuti].

Завершая эту часть доклада, хотелось бы отметить, что осознание наличия разных способов перевода¹⁸, сформулированных в конце XVII в. Драйденом и получивших дальнейшее развитие в Европе (например, в Германии), отнюдь не означает, что самих способов не существовало и ранее. В частности, стратегии «одомашнивания» и «очуждения» могут быть хорошо проиллюстрированы на примере перевода текстов Священного писания, начиная с «Септуагинты». На протяжении всей истории перевода библейских текстов переводчики колеблются между попыткой сделать текст доступным массовому читателю, а значит придать ему особую ценность, и сакральным свойством самого текста, где «и порядок слов есть таинство» (Бл.Иероним), а то, что «закрывается от глаз наших, сказано правильно и правдиво» (Бл.Августин), а значит сохранить неискаженной истину.

Изучение переводов сказок дает представление о подвижности границ перевода в связи с избираемой переводчиком стратегией.

3. «Внутренняя» и «внешняя» миграция как способ бытования сказки. Стратегии переноса сказок из одной культурно-языковой среды в другую

Как переводить сказку? Этот вопрос наверняка задавало себе не одно поколение переводчиков, начиная с глубокой древности, в разных странах и в разные эпохи. Древнейшая дошедшая до нас

¹⁸ Речь идет именно о способах художественного перевода, поскольку о разном подходе к переводу поэзии и научной литературы говорилось и в более ранние эпохи.

сказка - египетское повествование о двух братьях датируется XIII в. до н.э. Сказочные реминисценции присутствуют и в аккадском эпосе о Гильгамеше, и в ассирийском — об Ахикаре, в греческом и римском эпосе — «Илиаде», «Одиссее», «Энеиде», у Плавта, Овидия, Апулея, Геродота, а также в Талмуде и Библии.

Бытование сказки – особое явление в культуре. Народные сказки передавались в устной форме и исполнялись особыми рассказчиками – сказочниками. Поэтому одна и та же сказка в устах разных исполнителей могла преобразовываться и изменяться, в зависимости от таланта и вкусов самого сказочника (субъективные причины), так в зависимости от характера аудитории и (объективные причины). Таким образом, переходя из уст в уста сказка претерпевала творческую обработку ее носителя, который как правило оказывался со-автором или со-творцом. Можно говорить о своего рода «внутренней» миграции сказки, бытовавшей в нескольких вариантах. При этом на первый план здесь выступает связь личности творца с обществом: общество выбирает творческую личность и принимает ее, а та создает определенный продукт – сказку для конкретной среды. Причем, среда эта состоит отнюдь не только из детей. Так, на Руси в XVI—XVIII вв. сказочник был на службе у царей и во многих зажиточных семьях. В XIX в. существовали дворовые-сказочники. До начала XX в. сказка – любимое развлечение крестьян всех возрастов, а также рабочих, служивых и т.п. была. Схожая ситуация наблюдается и в других европейских странах.

Наличие сходства сказочных сюжетов в разных странах подтверждает мысль о межкультурной, т.е. внешней «миграции» этого жанра в литературном или устном переносе. Некоторые ученые, например считали, что благодаря переводам санскритского фольклорного памятника «Панчатантра» в Европе появилась целая группа сказочных сюжетов [См напр.: Benfey]. То же можно сказать и о сборнике восточных сказок *Тысяча и одна ночь*: сначала сказки были переведены на французский язык, а уже с французского на языки народов Европы.

Что касается русской сказки, среда ее бытования занимала промежуточное положение между Востоком и Западом, поэтому в ней обнаруживаются следы восточного влияния (Византия, Турция, Иран). Элементы русских сказок заимствовались в западную сказочную культуру: финскую, западно-славянскую, германскую. Сама же русская сказка также творчески перерабатывала известные мотивы и эпизоды в виде новых комбинаций, иногда создавая их заново, отливая в новые формы и придавая иную социальную окраску.

История внешней миграции сказок свидетельствует о том, что точный перевод был явлением крайне редким. Переносу как правило сопутствовал процесс обработки и переработки переработки заимствуемого сюжета или мотива и его адаптация к новой воспринимающей среде. При этом «одомашнивание» происходило на уровне национального социального и бытового и

переосмысления.

Так например, если в начале эпохи средневековья европейская литература подчинила сказку своим церковно-клерикальным интересам, превратив ее в поучительную притчу, то с XII в. появляются светские переводчики и переводы подчиняются уже не столько религиозным, сколько политическим задачам, как это происходило со знаменитыми романами-сказками «Рейнградт Лисица», «Ланцелет» и т.п. Речь шла о стратегии «одомашнивания» в чистом виде, так как содержание переводимого произведения максимально оказывалось «локализованным» в переводную культуру со всеми ее социальными и политическими реалиями [См. Гийом, 41].

Современные стратегии перевода, вышедшие на первый план к концу 90-х годов XX в. со всей очевидностью проявляются при переводе сказок. Стратегия «одомашнивания», т.е. «адаптации» переводного материала и его приспособления к лингвистическим, национальным, социальным реалиям переводной культуры уступает место противоположной тенденции. Переводчики стараются сохранить в своих сказочных текстах как можно больше от оригинала. Это проявляется в частности при работе с ономастическим пространством сказки. Отказавшись от «одомашнивания», но и не стремясь к другой крайности – «очуждению», лишить сказку ее людическо-дидактической функции в силу излишней сложности и неузнаваемости, переводчик вынужден дозировать соотношение соответствий на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях перевода как интерпретирующей системы. Переводчик находится в поиске универсальной стратегии, чтобы сделать «чужой» вымысел своей реальностью, где сказка индейцев и на русском языке останется сказкой индейцев Северной Америки со всеми присущими ей сюжетно-композиционными и лингвостилистическими особенностями. Иными словами сохранить в переводе истинность, не утратив специфической ценности. Среди множества вопросов, на которые ему приходится искать и находить ответ, один лейтмотивом возвращается на каждом этапе творчества: «Кто читатель?» - Ребенок? Взрослый? А если это книга «для чтения взрослыми детям» - необходимо вновь возвращаться к истокам сказки – устному творчеству, ведь тогда сказка не будет читаться, а будет звучать.

Список литературы:

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. (тт. 1–3, 1865–1869) / А.Н. Афанасьев. Репринтное издание. М.: «Индрик», 1994
- Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. 1196 с.
- Веселовский А.Н.* Опыт по истории развития христианской легенды / А.Н. Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Апрель, май, 1875. С. 48–130, 283–331.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

- Гийом А. Перевод в Средние века: чехарда смыслов / А.Гийом пер. с фр. под ред. О. Костиковой // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. №1, 2011. С. 39 – 66.
- Гримм Я. Немецкая мифология / Я. Гримм, пер. с немецкого А.А. Гугнина. М.: Директ-Медиа, 2007. 45с.
- Мелетинский Е.М. Миф и сказка / Е.М. Мелетинский [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm>
- Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. / В.Пропп. Ленинград, 1946.
- Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Пропп. 2-е из. - М., Наука, 1969.
- Робинсон Д. Как стать переводчиком. / Д.Робинсон. Москва: Кудиц-Пресс, 2007. 301 с.
- Тэйлор Э. Первобытные культуры [Электронный ресурс] / Э.Тэйлор, пер. Д. А. Коропчевского (Tylor Edward Burnett. Primitive Culture. L., 1871) – Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/taylor/taylor.html>
- Фрис Я. де Размышления о сказках, прежде всего, в их взаимосвязи со сказаниями о героях и с мифами. / Ян де Фрис .Хельсинки, 1954
- Элиаде М. Аспекты мифа / М.Элиаде [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/86078/Eliade_-_Aspekty_mifa.html
- Aarne A. Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung / A. Aarne. Hamina, 1913. 86 p.
- Benfey Th. Panchatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen / Th. Benfey. Leipz, 1859. 672 p.
- Bolte J.und Polivka J. Anmerkungen zu den Kinder — und Hausmärchen der Brüder Grimm I Bd. 1913. II. Bd. 1915. III. Bd. / J. Bolte und J.Polivka, Leipzig, 1918.
- Cary E. Comment faut-il traduire? / E.Cary. Lille, 1985.
- Garbovskij N, Kostikova O. Dimension sociologique de l'activité traduisante / N.Garbovskij, O.Kostikova // La traduction : philosophie et tradition, Ch Berner, T.Milliaressi (éds.).Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2011. P 129 – 144.
- Guidère M. Introduction à la traductologie / M.Guidère. Bruxelles : De Boeck, 2013. 176 p.
- Lang A. Customs and Myths (1885) / A.Lang Kessinger Publishing, 2004. 320 p.
- Launey M. de, Qu'est-ce que traduire ? / M. de Launey. Paris : Librairie philosophique J.Vrin, 2006. 125 P.
- Savory Th. The Art of Translation / Th. Savory. London: Jonathan Cape, 1957. 159 p.
- Steiner G. Après Babel / G.Steiner. Paris : Albin Michel, 1991. 470 p.
- Van Hoof H. Histoire de la traduction en Occident / H.Van Hoof. Paris, Louvain-la-Neuve : Duculot, 1991. 367 p.
- Venuti L. The translator's invisibility: A History of Translation. Routledge, Taylor & Francis Group, London-New York, 1995. 356 p.

Кротова Т.А.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Krotova Tatiana
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

*ЭТНООРИЕНТИРОВАННАЯ СИСТЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ АРАБСКИХ
УЧАЩИХСЯ: ЦЕЛИ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ*

*THE ETHNO-ORIENTED SYSTEM OF LINGVOCULTURAL ADAPTATION OF THE ARAB
STUDENTS: AIMS, STRUCTURE AND CONTENTS*

В статье рассматриваются возможности оптимизации процесса обучения русскому языку иностранных учащихся в рамках этноориентированного подхода и теории лингвокультурной адаптации. Данные возможности демонстрируются на примере этноориентированной системы лингвокультурной адаптации арабских учащихся. В статье охарактеризованы цели, принципы, условия применения, компоненты данной системы.

The article explores the possibilities of optimisation of learning process which the ethno-oriented approach and the theory of lingvocultural adaptation provide for the learners of Russian as foreign language. These opportunities are demonstrated by the model of ethno-oriented system of lingvocultural adaptation for the Arab students. The article contains the characteristics of aims, principles, conditions of application and the description of the components of the system.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранный учащийся, лингвокультурная адаптация, этноориентированное обучение.

Key words: Russian as a foreign language, foreign learner, lingvocultural adaptation, ethno-oriented teaching and learning

В последние 10-15 лет, в связи с интеграцией российского высшего образования в общеевропейское образовательное пространство в рамках Болонского процесса в методике преподавания иностранных языков, в частности русского языка как иностранного, получил активное развитие компетентностный подход к обучению, при котором целью обучения является формирование профессиональных и общекультурных компетенций в структуре личности учащегося. При этом, на наш взгляд, возможно соотнести понятие формирования профессиональных компетенций с традиционно определяемыми практическими целями обучения (в том числе языку), а общекультурных – с общеобразовательной, воспитательной и развивающей. Совокупность профессиональных и общекультурных компетенций, закрепленных в Федеральном государственном образовательном стандарте по той или иной специальности, а также в соответствующей ФГОС учебной программе специальности определяет содержание обучения

предмету, в том числе русскому как иностранному, то есть то, чему преподаватель должен научить, а учащиеся должны научиться в процессе обучения.

Содержание обучения русскому языку как иностранному в российском вузе, таким образом, определяется, прежде всего, целями обучения, закрепленными в учебной программе, а также этапом и сроками обучения. Преподаватель РКИ в соответствии с целями обучения, содержанием обучения и прогнозируемым результатами обучения определяет методы, формы и средства обучения. Отметим, что содержание учебного курса, как правило, стандартизировано и универсально, рассчитано на образ «усредненного студента». Однако специфика обучения русскому языку иностранцев состоит и в том, что этнический состав учебной группы зачастую не прогнозируем. Прогресс в усвоении учебной программы иностранными учащимися может определяться как их индивидуальными и этнокультурными особенностями, так и совместимостью студентов из разных регионов мира внутри группы, а также уровнем подготовленности преподавателя РКИ, в частности его этнокультурной и межкультурной компетентностью, т.е. способностью организовать педагогическое взаимодействие с представителями разных культур внутри полиэтнического учебного пространства и управлять учебным процессом в условиях полилога культур.

Вышеуказанной спецификой процесса обучения русскому языку иностранных учащихся объясняется высокий интерес ученых и методистов к проблемам адаптации иностранных учащихся и интеграции адаптационных (адаптирующих) методик в процесс обучения русскому языку как иностранному.

Использование адаптирующих методик в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся, на наш взгляд, помогает преподавателю РКИ решать сразу несколько проблем: 1) организовать гармоничное учебное пространство внутри полиэтнического коллектива; 2) индивидуализировать обучение русскому языку на основе этноориентированного и личностно-ориентированного подходов; 3) более эффективно реализовывать общеобразовательную, воспитательную и развивающую цели обучения (формирование общекультурных компетенций) за счет дифференцированного подхода к содержанию обучения.

Предлагаемая нами этноориентированная система лингвокультурной адаптации (далее ЛКА) арабских учащихся является одной из таких адаптирующих методик. Лингвокультурную адаптацию мы вслед за Н.В. Поморцевой понимаем как «многоаспектный процесс знакомства, привыкания и приспособления личности иностранного учащегося к инокультурной (поликультурной) среде, осуществляемый посредством русского языка и в процессе его изучения», «процесс вхождения в ценностно-смысловое поле иной социокультурной среды через обучение русскому языку, изучение русской культуры, культуротворческую деятельность»

[Поморцева, 2010, с. 7]. Русский язык в теории лингвокультурной адаптации выступает интегрирующим фактором, именно посредством русского языка, преодолевая языковой барьер, иностранный учащийся должен суметь описать, а впоследствии решить возникающие у него проблемы адаптации (социокультурной, дидактической и т.д.).

Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся базируется на следующих положениях:

1) иностранный учащийся определяется нами как субъект образовательного процесса и как носитель определенной этнической лингвокультуры;

2) иностранный учащийся подвержен адаптационным процессам (психологической, социокультурной, дидактической и другим видам адаптации) на всем протяжении обучения в российском вузе;

3) адаптация иностранных учащихся этноспецифична, т.е. для представителей определенных регионов и этносов возможно выделить общие трудности в адаптации к русскоязычному образовательному пространству и социокультурной среде, проистекающие из их этнокультурных и этнопсихологических черт;

4) русский язык в учебном процессе является не только объектом изучения, но и мощным инструментом адаптации и социализации иностранных студентов;

5) внедрение в процесс обучения русскому языку как иностранному адаптационных/адаптирующих методик, разработанных на основе этноориентированного и системного подходов, позволит интенсифицировать процесс обучения русскому языку представителей определенного этноса, повысить мотивацию студентов, будет способствовать гармоничному развитию личности учащегося и формированию языковой личности иностранного учащегося, способной к образовательной и профессиональной деятельности на неродном языке в условиях полилога культур.

Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся характеризуется своими целями, принципами, условиями применения и содержанием.

Цель этноориентированной системы ЛКА: формирование языковой личности учащегося, адаптированной к русской образовательной среде и готовой к образовательной и профессиональной деятельности на русском языке в условиях полилога культур. В иерархии целей этноориентированной системы ЛКА арабских учащихся выделяется три уровня: тактический, стратегический и глобальный. Тактические цели реализуются на каждом занятии и представляют собой совокупность педагогических и методических шагов, направленных на усвоение учащимися учебной программы и минимизацию адаптационных трудностей, проявляющихся на каждом конкретном занятии. Стратегическая цель системы – минимизация адаптационных трудностей

арабских учащихся посредством русского языка и в процессе его изучения. Глобальная – формирование языковой личности иностранного учащегося, способной к образовательной и профессиональной деятельности в условиях полилога культур.

Условиями применения данной системы являются: ориентация на определённый этнический контингент, обучение на неродном языке в неродной среде, обучение в моно/полиэтнической группе.

Условие ориентации на определённый этнический контингент продиктовано применением этноориентированного подхода к системе обучения в целом и адаптационным процессам в частности. Обучение на неродном языке в неродной среде является необходимым условием рассмотрения самого процесса лингвокультурной адаптации в практике обучения РКИ применимо к тому или иному этническому контингенту (в нашем случае – арабскому). Последнее условие применения этноориентированной системы ЛКА арабских учащихся объясняется ориентацией на реальный учебный процесс и необходимостью дифференциации условий построения учебного процесса в условиях моноэтнической (моноязычной) группы и полиэтнического учебного коллектива.

Принципы функционирования этноориентированной системы ЛКА:

1) *принцип полилога культур*. Данный принцип определяется спецификой обучения русскому языку как иностранному в условиях российских вузов, где обучение проходит, как правило, в условиях полиэтнического и поликультурного коллектива. Не только преподаватель и учащиеся принадлежат к разным культурам, но и учащиеся внутри учебного коллектива часто являются представителями различных этнокультурных общностей. Все они взаимодействуют, выстраивают отношения, добиваются совместных результатов в условиях полилога, многоголосия культур;

2) *принцип толерантности*. Построение учебного процесса и педагогического взаимодействия в условиях полиэтнического и поликультурного коллектива требует от всех его участников толерантного и уважительного отношения к проявлениям чужих традиций и особенностей национального характера. Воспитание и формирование у иностранных учащихся толерантного отношения к русской лингвокультуре и к иным культурам – важнейшая функция современного преподавателя высшей школы;

3) *принцип учёта адаптационных процессов*. Принцип учёта адаптационных процессов (сформулированный И.А. Сурыгиным) является важнейшим принципом интеграции этноориентированной системы ЛКА арабских учащихся в процесс обучения русскому языку;

4) *принцип учёта дидактических традиций* является частным проявлением принципа учёта адаптационных процессов и заключается в учёте преподавателем национальных

(арабских) дидактических традиций при выборе форм учебного взаимодействия, стиля педагогического общения и т.п. Поскольку в нашем исследовании адаптация арабских учащихся рассматривается прежде всего как адаптация к русскоязычной образовательной среде мы сочли необходимым выделить данный принцип в отдельную позицию;

5) *принцип учёта этнокультурных традиций* проявляется в учёте преподавателем этнокультурных традиций арабских учащихся в процессе организации педагогического взаимодействия с представителями арабских стран и при выборе адекватных форм вербального и невербального общения;

б) *принцип поликультурной компетентности преподавателя*. Поликультурная компетентность преподавателя является необходимым условием реализации этноориентированной системы ЛКА иностранных (арабских) учащихся в практике обучения РКИ.

Содержательная сторона этноориентированной системы ЛКА обеспечивается совокупностью педагогического, психологического, методического, этнокультурного и межкультурного компонентов.

Педагогический компонент этноориентированной системы ЛКА включает в себя определение элементов учебного процесса (иностранного учащегося, преподавателя, полиэтнической группы) с позиций этноориентированного подхода и теории лингвокультурной адаптации.

С учетом различий в роли учащегося при изучении иностранного языка в родной лингвокультурной среде (русскоговорящими учащимися в российских вузах) и изучении иностранного языка в неродной лингвокультурной среде (иностранцами студентами русского в российской образовательной системе), мы предлагаем следующее определение понятия «иностраный учащийся».

Иностраный учащийся – субъект образовательного процесса, происходящего в неродной лингвокультурной среде, осуществляющегося на неродном языке в рамках инокультурной образовательной системы в условиях интенсивной адаптации (лингвокультурной, социальной, психологической, физиологической, межкультурной и т.д.), обладающий этнопсихологическими и этнокультурными особенностями, этнокультурным опытом иной дидактической системы.

Преподаватель русского языка как иностранного в современной модели педагогической системы играет роль медиатора культур, помощника, координатора усилий иностранного учащегося в процессе овладения им русским языком и русской культурой. Принципиально важным оказывается осознание исследователем и преподавателем специфики иностранного учащегося.

При подготовке специалиста в области преподавания русского языка как иностранного (а также преподавателей-предметников, работающих с иностранными студентами) необходимо включать в содержание обучения (в форме модулей, спецкурсов, дисциплин по выбору) следующие аспекты: коммуникативное поведение разных этносов, междисциплинарное изучение феномена адаптации для предупреждения «культурного шока» или минимизации его последствий, изучение особенностей культур (дидактических систем, религиозных традиций и т. п.), знания которых необходимы для организации учебно-воспитательного процесса в многонациональных студенческих коллективах и т.д. Преподавателю русского языка принадлежит особая роль в лингвокультурной адаптации инофонов, т.к. именно он является посредником между личностью иностранного студента и окружающей лингвокультурной средой. В определенной степени это утверждение можно отнести к любому преподавателю, работающему с иностранным студентом в условиях российского вуза, в профессиональную компетентность которого должны входить следующие компоненты:

- знания особенностей процесса адаптации и умение строить процесс обучения с их учетом;
- умение создавать благоприятный психологический климат в учебной поликультурной группе;
- умение строить учебный процесс в иноязычной аудитории в условиях взаимодействия культур, рассматривая процесс как процесс межкультурной коммуникации;
- умение практически применять знания о социокультурных и этнокультурных особенностях учащихся;
- умения осуществлять выбор стиля педагогического общения, адекватного этнокультурной принадлежности студентов.

Анализ проблем функционирования *полиэтнической учебной группы* в практике преподавания русского языка иностранным студентам в российских вузах связан с потребностью решать проблемы, возникающие в реальном процессе педагогического взаимодействия внутри полиэтнической группы, а также с необходимостью теоретического осмысления специфики управления учебным и адаптационными процессами в подобных условиях и выработки эффективных методов педагогического взаимодействия с учетом этой специфики. Как показывают результаты анкетирования, проведенного нами среди студентов из арабских стран и Болгарии, проблема готовности студентов к обучению в полиэтнической группе действительно актуальна. Иностранные студенты, приезжающие учиться в российские вузы, в целом позитивно настроены на обучение в полиэтнической, поликультурной среде. Отвечая на вопрос «Вам комфортно изучать русский язык со студентами из других стран?», 43 % арабских студентов выбрали вариант «очень комфортно», еще около 40 % «комфортно в той или иной степени»; 71 %

студентов из Болгарии предпочли вариант «очень комфортно». Однако, рассмотрение более частных вопросов взаимодействия внутри группы, таких как понимание роли преподавателя, отношение к другим студентам, предпочтения в этническом или гендерном составе группы и т.п. показывает, что этнокультурные различия в учебной коммуникации существуют и непосредственно влияют на стабильность и эффективность обучения.

Можно выделить ряд трудностей, возникающих в работе с полиэтнической учебной группой: языковые, трудности, связанные с культурно-ценностным аспектом, дидактические трудности, или трудности, связанные с восприятием и организацией учебного процесса, трудности, связанные с межличностным общением.

Специфика полиэтнической группы как субъекта образовательного процесса в практике обучения русскому языку как иностранному проявляется в следующем:

- Полиэтническая группа в практике обучения РКИ – это группа, состоящая из представителей различных этносов. Каждый иностранный студент (или микро группа) является носителем особых этнопсихологических, этнических культурных и учебно-познавательных характеристик и подвержен различным видам адаптации (психологической, социокультурной, дидактической, межкультурной и др.), влияние которых на учебный процесс не учитывать невозможно.

- Специфика функционирования полиэтнической группы в практике обучения русскому языку как иностранному проявляется в том, что весь процесс обучения является реальным процессом межкультурного взаимодействия, где студенты и преподаватель принадлежат к различным лингвокультурам, а педагогическое взаимодействие строится на принципе полилога культур.

- Особая роль в осуществлении учебного процесса в полиэтнической группе в практике обучения русскому языку иностранных учащихся отводится преподавателю русского языка как ретранслятору и интерпретатору русской лингвокультуры и русскому языку как инструмента интеграции и коммуникации.

- Минимизация адаптационных трудностей иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку может достигаться путем дифференциации и индивидуализации обучения (в виде этноориентированной системы вариативных заданий и форм самостоятельной работы).

Психологический компонент подразумевает включение в содержание этноориентированной системы ЛКА арабских учащихся информации о когнитивном стиле арабских учащихся и структуре мотивации, а также о этнопсихологических особенностях данного

контингента иностранных учащихся.

Методический компонент этноориентированной системы ЛКА арабских учащихся представляет собой перечень методических рекомендаций преподавателю РКИ по выбору методов, приёмов, способов и средств обучения, адекватных этнокультурному портрету арабских учащихся и направленных на минимизацию их адаптационных трудностей.

При работе с арабскими учащимися представляется разумным использовать такие общедидактические методы, как: словесные (объяснение, беседа), наглядные (таблицы и схемы, иллюстрации, демонстрация видеоматериалов), практические (при выполнении упражнений, направленных на формирование различных видов деятельности, особое внимание необходимо уделить развитию письменной речи, а также развитию фонематического слуха у арабских учащихся). Среди методов, направленных на повышение мотивации учащихся и стимуляцию учебной деятельности, в работе с арабскими учащимися особое внимание надо обратить на интерактивные виды занятий: ролевые игры, метод проектов. По данным психологических исследований (Логинова), у арабских учащихся преобладает кинестетический и тактильный познавательный стиль (затем идет аудиальный), поэтому активное вовлечение арабских учащихся в интерактивные формы работы, позволяющие им не просто осмыслить получаемые знания по русскому языку, но «проиграть» их, способствует закреплению полученных знаний, формированию навыков и умений в различных видах речевой деятельности. Кроме того, возможно использовать этнопсихологические особенности арабских учащихся (предпочтение групповых форм работы, инициативность, высокий уровень общительности, стремление к лидерству) для организации коллективных форм работы в полиэтнической группе и активизации коммуникативных навыков студентов из других регионов, которым свойствен более сдержанный, скованный стиль коммуникативного поведения (например, китайских учащихся).

При организации методов контроля в работе с арабскими учащимися предпочтение, на наш взгляд, следует отдавать таким формам контроля, как опрос и продуктивные формы письменного контроля (изложение, сочинение и т.п.).

Преподавателю РКИ необходимо учитывать этноспецифику обучаемого контингента иностранных студентов на различных уровнях: языковом, коммуникативном, организационном и т.п.

Этнокультурный компонент является системообразующим в структуре системы ЛКА арабских учащихся и представляет собой комплексное этноориентированное описание арабского контингента учащихся в лингводидактических целях.

Этноориентированная система ЛКА арабских учащихся позволяет, не изменяя значительно образом содержание учебного курса, обеспечить преподавателя русского языка как иностранного

эффективным методическим инструментом индивидуализации обучения и реализации адаптирующей функции русского языка. В результате использования интегрированной методики (обучение + целевая адаптация средствами русского языка) представляется возможным обеспечить не просто овладение иностранным учащимся русским языком как средством общения, но и формирование его как специалиста, мотивированного к образовательной и профессиональной деятельности на русском языке, готового к участию в межкультурном диалоге, а также социализированного в русскую языковую и социокультурную среду. Применение данной системы позволит нам повысить уровень удовлетворенности учащегося процессом обучения и коммуникации на русском языке, уровень его готовности к обучению в российском вузе и существованию в русской лингвокультурной среде.

Список литературы

- Балыхина Т.М.* Роль этнометодических знаний в формировании новых профессиональных качеств преподавателя высшей школы / Т.М. Балыхина // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика, 2010. – № 3. С. 33-39.
- Иванова М.А.* Социологический портрет арабских студентов из стран Ближнего Востока / М.А. Иванова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Наука и образование, 2012. – №1. С. 346-350.
- Кротова Т.А.* Проблема интернациональной группы в теории и практике преподавания РКИ / Т.А. Кротова //Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III международной научной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2012. С. 271 – 277.
- Кротова Т.А.* Способы реализации этноориентированной методики обучения русскому языку как иностранному с позиций лингвокультурной адаптации (на примере арабского контингента) / Т. А. Кротова // Вестник РУДН, 2014. – № 2. С. 22-28.
- Кротова Т.А., Поморцева Н.В.* Преподаватель и иностранный студент в системе высшего образования России / Т. А. Кротова, Н. В. Поморцева // Высшее образование сегодня, 2014. – № 2. С. 76.
- Логинова В.В.* Этнопсихологические особенности взаимодействия и поведения китайцев и арабов / В.В. Логинова. М.: КРОСС, 2006. 186 с.
- Поморцева Н.В.* Педагогическая система лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку: автореф. дис. доктора пед. наук / Н.В. Поморцева. М., 2010. 40 с.

Кулешова Н.М.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulechova Nina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ВЕРБАЛЬНОЕ, НЕВЕРБАЛЬНОЕ И ПАРАВЕРБАЛЬНОЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ИХ УЧЕТ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И
ПЕРЕВОДУ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И С РУССКОГО НА ИНОСТРАННЫЙ*

*THE VERBAL, THE NONVERBAL AND THE PARAVERBAL IN INTERCULTURAL
COMMUNICATION AND THEIR INTEGRATION INTO FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND
INTERPRETING / TRANSLATION TRAINING FROM A FOREIGN LANGUAGE INTO RUSSIAN AND
FROM RUSSIAN INTO A FOREIGN LANGUAGE*

В данной статье рассматриваются главные составляющие элементы процесса коммуникации: вербальная, невербальная и паравербальная коммуникация, особенности их проявления в межкультурной коммуникации и необходимость их учета в обучении иностранному языку, а также при подготовке профессиональных переводчиков. В статье приводятся конкретные примеры трудностей, возникающих в процессе межкультурной коммуникации и способы их преодоления.

The article focuses on the key components of communication, such as verbal, nonverbal and paraverbal kinds of communication, their manifestations in intercultural communication and the importance of their integration into foreign language teaching and the training of professional interpreters/translators. The article gives the examples of specific problems arising in inter-cultural communication and difficulties overcoming ways .

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, вербальная, невербальная, паравербальная коммуникация, кинесика, мимика, окулистика, поза, манера одеваться, такесика, сенсорика, проксемика, хронемика, стереотип, контекстуальность, тактильное поведение.

Key words: Intercultural communication, verbal, nonverbal and paraverbal communication, kinesics, mimicry, oculusics, posture, mode of dress, haptics, sensing, proxemics, chronemics, stereotype, contextuality, tactile behavior.

Сегодня в условиях глобализации, сопровождающейся расширением межличностного и межкультурного общения, изучение иностранных языков в нашей стране приобретает особое значение. После падения «железного занавеса» и окончания «холодной войны» гораздо большее число наших граждан совершают поездки в другие страны, чтобы получить там образование, пройти курс лечения, совершить ознакомительную туристическую поездку; заметно оживился

также поток обменных групп на уровне школ и вузов. Можно сказать, владение иностранным языком стало необходимым элементом повседневной жизни. Примером тому служит и наша ВШП, ведь у нас обучаются молодые люди из Китая, Кореи, Бельгии, Греции, Испании и арабских стран. И такой обмен расширяется.

Раньше при общении с иностранцами от русского человека часто можно было услышать фразу: «Да, мы изучали иностранный язык, но у нас не было практики». Сегодня, когда межкультурный обмен или межкультурная коммуникация стали реальной действительностью, появилась возможность и необходимость применения на практике знаний и умений, приобретенных на занятиях по иностранному языку. А это, в свою очередь, означает необходимость серьезного учета реалий межкультурной коммуникации в процессе изучения иностранного языка и тем более при подготовке профессиональных переводчиков как посредников межкультурного общения, в процессе которого используются *вербальные, невербальные и пара вербальные средства*.

Вербальные средства коммуникации связаны с языком и, прежде всего, с человеческой речью. Как отмечал А.И. Смирницкий (1903-1954): «Язык существует в речи и через речь и не знает другой формы существования». Однако человеческая речь является одним из элементов языка, одним из средств выражения мыслей, одним из средств общения наряду с другими.

В мире существует огромное количество языков. Но в каждом из них есть нечто общее, заложенной в самой сути человеческого мышления, что как раз и позволяет, изучая языки и опираясь на это общее, выявлять различия и находить способы общения с представителями других культур.

Перевод как составная часть коммуникации использует все выше перечисленные средства коммуникации: вербальные, невербальные и паравербальные. При этом при переводе необходимо учитывать, что картина мира, создаваемая различными языками, различна. Языковая практика показывает, что часто просто невозможно найти точный эквивалент для выражения того или иного понятия, поэтому приходится пользоваться его описанием. В каждой культуре существуют уникальные понятия или предметы и поэтому для них нет соответствующих слов в других языках. Тогда эти слова просто «перекочевывают» в другие языки, сохраняя свою форму и смысл; происходит заимствование. Так, например, в немецком языке нет слов для обозначения кремля, матрешки, борща, водки, кваса и т.д. Эти слова, приобретая артикль как указатель рода и числа и написание на латинице, пришли в немецкий язык.

И наоборот, вместе с самими понятиями в русский язык пришли такие слова, как: шлагбаум, циферблат, цейтнот, бутерброд, эндшпиль, анкер, и т.п. Этот список можно бесконечно продолжать, поскольку русская и немецкая культура на протяжении веков взаимодействовали

между собой.

Таким образом, часто уникальные понятия выражаются в другом языке с помощью заимствований. Но таких слов в языке, как считают ученые, не очень много (не более 6—7%). Практика общения с носителями другого языка показывает, что часто одно и то же понятие имеет в разных языках различные системы значений и в связи с этим различную лексико-фразеологическую сочетаемость слова.

Полное совпадение всех оттенков значений слова в разных языках практически невозможно. Именно поэтому нельзя при переводе пользоваться только словарем. Ведь каким бы полным и солидным он ни был, он не может охватить всего множества значений слова. Нельзя также забывать, что существуют так называемые «ложные друзья переводчика». Часто – это интернационализмы. Фонетическая похожесть не означает, однако, полного совпадения значений и употребления того или иного слова. Так, немецкому слову «*der Lektor*» соответствует несколько значений в русском языке. Это – «преподаватель ВУЗа», «редактор» и «мирянин, проводящий вместо пастора службу».

Практика преподавания языка показывает, что студенты часто идут по пути наименьшего сопротивления: заучивают какое-то одно значение слова и пытаются механически вставить это значение в другой контекст, не понимая, почему не складывается смысловая мозаика. Поэтому преподавателю необходимо иллюстрировать контекстом различные значения слова. В процессе обучения языку нужно подчеркивать важность заучивания слов в наиболее типичных устойчивых и фразеологических сочетаниях. Потому что только они могут наиболее полно раскрыть все значения данного слова.

И тогда русскому человеку будет понятно, что немецкое выражение «*jmdm. mit dem Zaunpfahl winken*» – это не «махать кому-либо колом или жердью», а «недвусмысленно намекать кому-либо о чем-либо», в то же время «*nüchtern wie ein Knochen*» («трезвый как кость») соответствует русскому «трезвый как стеклышко»; пословице «У семи нянек – дитя без глазу» в немецком соответствует «*Viele Köche verderben den Brei*» («Много поваров портят кашу»). При изучении иностранного языка целесообразно не только знакомиться с фразеологизмами иностранного языка, но и пополнять свой идиоматический и фразеологический багаж в родном языке. В этой связи, полезными и весьма эффективными оказываются упражнения, которые условно можно назвать «Угадай-ка!». Одному студенту предлагается описать на иностранном языке какую-то пословицу или поговорку, а остальным отгадать, как эта поговорка или пословица звучит по-русски. Затем первый студент должен назвать эквивалент на иностранном языке. Порой выясняется, что не все могут объяснить смысл пословицы на родном языке!

Практика преподавания иностранного языка показывает, что важно не только знать лексико-фразеологическую сочетаемость слов, но и осознавать наличие различий в культурных и нравственных представлениях разных народов о тех или иных предметах и явлениях реальности и в соответствующих им словах, то есть наличие коннотаций.

Так, четное количество цветов для русского человека – символ возможного несчастья. Для немца же не имеет значения, число четное или нечетное, он спокойно может подарить русской девушке нечетное количество цветов. Для русского человека черный цвет – цвет скорби и печали, а для мексиканцев – это бордовый цвет. В отличие от России число 13 в иудаизме считается счастливым.

Снег для эскимосов – жизненно важное явление. И поэтому в отличие от народов, где понятие «снег» – это просто погодное явление, у эскимосов – 20 обозначений для различного состояния снега. «Корабль пустыни» – верблюд – имеет большую социальную значимость в арабском мире, поэтому в арабских языках в свое время насчитывалось до 6 000 слов, связанных с этим понятием.

При общении с людьми важно знать и понимать контекст общения, то есть кто, где, когда, зачем, почему, как, то есть при помощи каких средств, участвует в коммуникации. Есть культуры и соответственно языки, в которых контексту уделяется большое внимание. Такие языки понятны лишь посвященным, лишь тем, кто обладает обширной фоновой информацией, кто хорошо знаком с ситуацией или друг с другом: в этом случае для понимания достаточно одного или нескольких слов, а порой и одного жеста. В качестве примера можно привести китайскую культуру, где важно знать подтекст, китайскую историю, систему произношения, в которой используются четыре тона, влияющие на смысл слова; немаловажен и социальный статус адресата.

Но есть культуры, в которых контекст не столь важен. Представители таких культур пользуются в основном вербальными и редко невербальными средствами общения. Для большинства европейских языков контекст не имеет большой значимости. Западная культура характеризуется логическим, рациональным и аналитическим типом мышления и поэтому придает особое значение вербальному сообщению.

В процессе коммуникации важно также учитывать стиль общения, который, конечно, носит индивидуальный характер, но отражает некие характерные для определенной культуры черты. Так, применительно к странам Западной Европы и США можно говорить о точном стиле, а применительно к Ближнему Востоку о витиеватом, вычурном стиле.

Самая древняя форма общения между людьми – *невербальная коммуникация*, которая использовалась людьми задолго до появления языка. И, возможно, в силу своей более длительной

эволюции именно она способна более точно передать всю палитру человеческих чувств, настроений и эмоций, точнее и понятнее выразить мысль человека. Это качество невербальной коммуникации является общим для всех культур, но при этом нельзя забывать, что одним и тем же невербальным знакам в различных культурах придается разное значение.

Специалистами подсчитано, что современный человек произносит за день в среднем около 30 тысяч слов. Но речь человека, как правило, сопровождается различными невербальными действиями: жесты, мимика, движения глаз и т.п. Все эти действия также несут смысловую нагрузку. Правильно декодируя, расшифровывая их, человек способен лучше понять передаваемую, а возможно, и скрываемую от него информацию. В этом ему помогает правильная интерпретация внешнего вида собеседника, его одежды, прически, жестов, мимики, телодвижений, позы, темпа и тембра речи, ее скорости и т.д. Согласно приводимым в научной литературе данным, с помощью языка человек передает около 35% информации (согласно другим источникам, всего 7%) . Вся остальная информация, то есть примерно 65%, поступает через невербальные каналы информации: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние.

Таким образом, можно сказать, что умение правильно понимать и интерпретировать невербальную информацию – залог успеха всего процесса коммуникации. Благодаря невербальной информации мы получаем представление о личности собеседника, его социальном статусе, самочувствии, настроении, комфортности или некомфортности самой ситуации общения и т.д.

Во время занятий по иностранному языку, знакомясь, например, с видеоматериалами на иностранном языке, целесообразно обращать внимание не только на содержание и словесное выражение аудиосообщения, но также на визуальные образы и их толкование. Важно развивать у студентов наблюдательность и способность к анализу увиденного и услышанного.

Вербальная и невербальная коммуникация тесно связаны между собой. Они могут дополнять, опровергать или замещать друг друга. Произнося слова приветствия: «Очень рад с Вами познакомиться», Вы можете улыбнуться и крепко пожать руку своему собеседнику. В этом случае вербальная информация подкрепляется невербальной. Если же при словах приветствия Вы отводите глаза в сторону и имитируете рукопожатие прикосновением кончиками пальцев до руки собеседника, вербальная информация невольно вступает в конфликт с невербальной, которая по своему характеру спонтанна и плохо поддается контролю со стороны сознания.

Когда мы говорим о вербальной и невербальной коммуникации, мы должны иметь в виду, что они обладают существенными различиями. Невербальные сообщения всегда ситуативны, то есть, привязаны к конкретной ситуации общения: времени, месту, субъектам общения и т.д. Невербальные сообщения отличаются комплексным характером, их нельзя разложить на составляющие. Как правило, они спонтанны, то есть не поддаются контролю сознания и

воспринимаются непосредственно через слуховые и визуальные каналы, что обуславливает их более сильное воздействие на партнера, чем вербальные сообщения. Например, в случае цейтнота человек невольно часто посматривает на часы и т.д. Становится понятно, что он нервничает.

Обращая внимание на согласованность или несогласованность вербальных и невербальных средств коммуникации, можно получить достоверную информацию о намерении, настроении и т.д. партнеров по коммуникации. В то же время переводчику как посреднику межкультурной коммуникации важно акцентировать свое внимание на этих моментах не только применительно к участникам коммуникационного контакта, но и применительно к себе самому, поскольку несогласованность применяемых им вербальных и невербальных средств тоже может помешать коммуникации. Переводчик должен понимать, что он, как часовой, всегда на посту. Поэтому ему следует тщательно следить за своей осанкой, внешним видом, позой, манерой говорить, интонированием речи, паузами и т.д. Его неправильное поведение или неподобающий внешний вид могут внести диссонанс в процесс межкультурной коммуникации.

В процессе коммуникации для достижения большей эффективности человек использует различные выразительные средства (*кинесика*): жесты, позы, телодвижения, взгляды. Элементы кинесики имеют как физиологическое происхождение (зевота, потягивание и т.д.), так и социокультурное (широко раскрытые глаза, сжатый кулак и т. п.). Одни и те же средства могут по-разному использоваться в разных культурах, так, русский в знак согласия покачивает головой сверху вниз, при несогласии - из стороны в сторону. В Болгарии эти жесты употребляются с точностью наоборот. Приветствуя, мыжимаем друг другу руку, представители некоторых африканских племен при встрече в знак приветствия прикасаются кончиками носа и т.п.

В литературе приводятся данные, согласно которым, частота и сила жестикуляции в разных культурах различны. Так, финны в течение одного часа жестикулировали 1 раз, французы - 20, итальянцы - 80, мексиканцы - 180.

Меня выражение лица (*мимика*), человек способен выразить самые разные эмоции: печаль, счастье, отвращение, гнев, страх и т.п. Подсчитано, что в выражении лица участвуют 55 компонентов, сочетание которых способно передать до 20 000 смыслов. Одних только улыбок 18 видов!

Однако различные формы проявления человеческих эмоций нередко имеют специфический характер: например, смех во всех западных странах ассоциируется с шуткой и радостью. В Японии смех и улыбка являются признаком смущения и неуверенности.

Преподавателю для выработки правильного педагогического поведения также важно знать и правильно интерпретировать некоторые виды мимики. Так, случается, что студент от смущения и неуверенности в себе начинает (на первый взгляд, беспричинно) смеяться или улыбаться.

Правильно понимая такое поведение, преподаватель может шуткой либо доброжелательным, одобряющим тоном, помочь студенту выйти из неловкого положения.

С помощью движения глаз и контакта глаз (*окулистика*) также можно выразить богатую гамму человеческих чувств и эмоций. Не зря глаза называют зеркалом души. Пристально посмотрев в глаза собеседника, можно остановить какое-то нежелательное действие. Глазами можно выразить удивление, недоумение, радость. Нелишне знать, что человек способен воспринимать чужой взгляд без дискомфорта не более трех секунд.

Многое о человеке может сказать его *поза*, то есть положение тела и его движения. Так, по позе можно определить, напряжен человек или раскован, настроен на беседу или нет. *Манера одеваться* также является весьма показательным элементом культуры. По одежде можно судить о социальном статусе человека, его профессии, характере и т.п. Хотелось бы в этой связи вспомнить «боевой раскрас» героини известного американского фильма «Красотка» в исполнении Джулии Робертс. Ее внешний вид не оставлял сомнений в роде ее занятий. Или еще один пример: недавно в прессе и интернете бурно обсуждалось весьма экстравагантное поведение первой леди США, Мишель Обама, которая во время визита к королю Саудовской Аравии – вопреки обычаю – появилась не в черной одежде и без головного убора; кроме того во время аудиенции она пожала королю руку, что строго запрещается правилами ислама. А в 2009 году Мишель Обама позволила себе обнять королеву Великобритании, чем также привлекла внимание международных СМИ.

Учитывая неоднородный социальный состав обучающихся, важно тактично и ненавязчиво на подобных и иных примерах обращать их внимание на принятые нормы поведения как в собственной культурной среде, так и в культуре изучаемого языка.

При общении представители разных культур используют разнообразные виды прикосновений к своим собеседникам (*такесика*): рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания, объятия и т. п. Это еще один вид невербального общения. В зависимости от цели и характера прикосновения бывают: профессиональные (например, осмотр врача); ритуальные (рукопожатия, дипломатические поцелуи); дружеские и любовные. Прикосновения способны помочь или помешать процессу общения. Часто прикосновениями пользуются представители латиноамериканских и восточных стран; для Северной Америки, Азии и Северной Европы прикосновения не типичны. Немцы, англичане и другие англосаксы редко пользуются прикосновениями при общении.

На атмосферу общения могут повлиять воспринимаемые нами в этот момент запахи, вкус, цвета и звуки, то есть *сенсорика*, а также используемые нами пространственные отношения (*проксемика*). Последние зависят не только от культуры данного народа, но и от отношения к конкретному собеседнику. Так, друзья всегда стоят ближе друг к другу, чем незнакомые люди.

Дистанция может также зависеть от принадлежности человека к определенной расе, полу и т.д.

В науке выделяются четыре зоны коммуникации: *интимная* (в западноевропейских культурах она составляет около 60 см, в восточноевропейских – около 45 см; *личная* (от 45—120 см); *социальная* – при формальном и светском общении (от 120 до 260 см) и *публичная* – на публичных мероприятиях (собраниях, в аудитории и др.) от 3,5 метров. Изучение коммуникационной *проксемики* в странах Европы показало, что для личного общения англичане используют больше пространства, чем, например, более коммуни-кабельные французы и итальянцы.

В невербальном коммуникационном процессе имеет значение и отношение человека ко времени (*хронемика*). Оно у представителей разных культур разное. Во всем мире немцев знают как людей пунктуальных. Если встреча назначена на 15:00, точно к этому сроку немец будет на месте. В Латинской Америке опоздать на 45 минут – обычное дело. Таким образом, деловая встреча бизнесменов из Германии и Латинской Америки, если не знать этих нюансов, может просто не состояться.

Наряду с вербальными и невербальными средствами коммуникации в общении используются и *паравербальные средства*. Смысл высказывания может существенно меняться в зависимости от *скорости речи, ее громкости, артикуляции, высоты голоса, режима речи, тембра голоса и т.п.* То, **как** мы говорим, иногда важнее содержания самого сообщения. С помощью в.у. средств можно передать самые разные смысловые нюансы, почувствовать эмоции, состояние говорящего, уловить юмор, сарказм, понять является ли высказывание вопросом, сомнением или утверждением т.д. Даже казалось бы самые простые звуки: кашель, вздох, смех, плач, пауза и т.п. могут быть весьма инфор-мативными.

В этой связи следует отметить, что особенно на ранней стадии изучения иностранного языка студенты часто неосознанно используют приведенные выше паравербальные средства, чтобы компенсировать недостаток знаний, несовершенное владение дыханием, голосом, интонацией, громкостью и скоростью речи, речевым аппаратом в целом. При этом они нередко прибегают к звукам типа: «иии...», «aaa...», «ууу...», затяжным паузам, «многозначительным» жестам и чрезмерной громкости либо к словам паразитам: «как бы», «так сказать». В таких ситуациях можно порекомендовать им (благо для этого сейчас существует множество технических возможностей!) анализировать запись своих выступлений и стараться избавиться от существующих «изъянов». Помогают в этом случае и специальные речевые упражнения: например, с использованием скороговорок на родном и иностранном языке.

В зависимости от тональных и тембровых особенностей языка бывают культуры тихие и громкие. По мнению русского человека, например, итальянцы говорят слишком громко. И дело

тут, прежде всего, в природной экспрессивности южных народов.

Скорость речи в различных культурах также неодинакова. Общеизвестно, что финны говорят медленно и с длинными паузами, а итальянцы, испанцы, цыгане очень быстро. По этому показателю немцы занимают среднее положение.

Манера говорить также показательна. Одни люди – многословны, другие – говорят четко, лаконично. Например, арабы, любят играть словами, само содержание сказанного часто имеет второстепенное значение, одна и та же мысль может выражаться разными словами.

Есть люди виртуозно владеющие паравербальными средствами речи. Таким даром обладал выдающийся советский диктор – Юрий Борисович Левитан, читавший во время Великой Отечественной Войны по радио сводки с фронтов. Его магический голос вселял в советских людей силу, решимость и непоколебимую веру в Победу. Не случайно Гитлер назначил за голову Ю.Б. Левитана награду в 250 000 рейхсмарок!

В каждой культуре на протяжении веков и опыта общения с представителями других культур сложились определенные устойчивые или *стереотипные представления* об этих культурах и их представителях. Достаточно произнести слово «англичанин» и перед нашим мысленным взором предстает вежливый, худощавый, опрятно одетый и чопорный человек. Итальянец в нашем понимании всегда эксцентричен, француз – изящен и легкомыслен. Русский непременно ассоциируется в других культурах с понятием «загадочная славянская душа». Такого рода стереотипы весьма распространены. Они могут как помогать, так и мешать межкультурному общению, поскольку реальная практика общения не укладывается в рамки клише и стереотипов, она гораздо богаче, ведь каждый индивид – это мир «в себе и для себя».

Стереотипы часто эмоционально окрашены симпатиями и антипатиями. Нередко случается так, что одни и те же черты или поведение рассматриваются и оцениваются по-разному в отношении своего и не своего народа. Качества, которые у своего народа рассматриваются как проявление ума, у другого народа считаются проявлением хитрости.

В межкультурных контактах стереотипы бывают эффективны только тогда, когда они помогают приблизиться к пониманию человека или ситуации, а не рассматриваются как единственно верная оценка. Практика живого общения помогает избавиться от отрицательных стереотипов и выстроить коммуникативные отношения без предубеждений, с учетом реальной коммуникативной ситуации и реальной оценки ее участников.

Коммуникация, вообще, и межкультурная коммуникация, в частности, – весьма сложный и многогранный процесс, в котором участвует два и более индивидов, каждый со своим

представлением об окружающем мире, себе самом и контрагенте коммуникации.

Для достижения оптимальной эффективности межкультурного коммуникационного процесса необходимо владеть как можно большим объемом информации о своем контрагенте как носителе другой культуры. Применительно к процессу обучения иностранному языку как средству общения представителей различных культур равно как и при подготовке профессиональных переводчиков этот вывод означает необходимость освоения и владения не только вербальными средствами общения: словарный запас с его синонимическими рядами, устойчивыми словосочетаниями, фразеологизмами, идиомами, модальностью, конно-тациями и т.п. С учетом большой значимости и большого удельного веса невербального и паравербального компонента общения студентам необходимо также знакомиться и усваивать наиболее важные и распространенные средства невербального и паравербального общения. С этой целью преподавателям необходимо сознательно пробуждать у обучающихся профессиональный интерес к этой проблематике и формировать у них профессиональную способность к анализу и обобщению фактов, наблюдаемых, прежде всего, в процессе коммуникации как в рамках собственной культуры, так и в процессе межкультурной коммуникации. Коммуникация – это дорога с двусторонним движением. И чем лучше участники этого движения знают и умеют применять правила этого движения, тем ближе они к цели и тем комфортнее их движение.

Список литературы

- Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации, Уч. для вузов / Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., под ред. Садохин А.П. М.: Юнити-Дана, 2003. 352 с.
- Мирошниченко А.А.* Бизнес-коммуникации. Мастерство делового общения. Прак. руков /А.А. Мирошниченко. М.: Книжный мир, 2008. 384 с.
- Рябова Е.Л.* Межкультурное взаимодействие в современном мире, Учеб. пособ./ Рябова Е.Л., Терновая Л.О. М.: Этносоциум, 2011. 374 с.
- Фрик Т.Б.* Основы теории межкультурной коммуникации / Т.Б. Фрик.Томск: Изд. Томского политехнического университета, 2013. 100 с.

Кулиева Р.Г.
Бакинский славянский университет
г. Баку (Азербайджан)

Gouliyeva Ragilya
Baku Slavic University
Baku (Azerbaijan)

КОНЦЕПЦИЯ ВОСТОКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ФЁДОРА СОЛОГУБА)

CONCEPT OF THE ORIENT IN RUSSIAN LITERATURE OF THE “SILVER CENTURY”

(ON THE CREATIVITY OF FYODOR SOLOGUB)

В своей поэзии Ф. Сологуб осознанно обращается к метафизике человеческого бытия. Под влиянием идей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Л. Шестова, Н.М. Минского в его стихах прослеживается интерес к Востоку и восточному миропониманию. Как в восточной лирике, связь и единство всего живого присуще творчеству Фёдора Сологуба. Каждая составляющая природы важна. Он «ничего не отвергал в созданыи». Здесь всё сопряжено. Восток предстаёт в его поэзии, прежде всего, как библейский Восток («Пилигрим», «Подражание пророку Амосу», «Халдейская песня», «Мадонна») и буддийский Восток. Он создаёт свои мифы, но они отвлечённые. Он пытается бороться с судьбой и приходит к экзистенциальной идее свободы, размышляет о предназначении человека в этом мире, абсурдности бытия, бесполезности и трагичности существования людей. Отрицание у него соединяется с утверждением. Сологуб – противоречивая личность, в которой уживались декадент и тонко чувствующий природу поэт-философ.

F. Sologub applies to the nature of human being in his creativity. His interest to the Orient was prompted under the influence of ideas of F. Nietzsche, L. Shestov, N.M. Mynsky. F. Sologub's poetry represents first of all Biblical Orient (in the poems "Pilgrimage", "Emulation of prophet Amos", "Chaldean song", "Madonna") and Buddhist East. He creates his own abstract myths, trying to fight with fate, thinking about human destiny in the universe, uselessness and tragic nature of the earthen life. F.Sologub is the contradictory poet-philosopher, who combined decadence with sentient feelings of nature, and represents combination of rejection and confirmation.

Ключевые слова: Сологуб, буддийский Восток, поэт-философ, декадент.

Key words: Sologub, Buddhist East, poet-philosopher, decadence.

Серебряный век в русской литературе дал такое количество талантов, что изучение их (особенно учитывая семидесятилетие умалчивания творчества замечательных мастеров поэтического слова), по всей вероятности, займёт не один десяток лет. Начиная с 90-х годов прошлого века, когда новые поколения читателей открывали для себя «бабье лето» русской литературы, всё новые издания «серебряных» авторов, возвращают нас в это сложное и

неоднозначное время, представляющее рубеж не только жизненных укладов, но и рубеж культуры.

Среди знаковых фигур эпохи особо выделяется Фёдор Сологуб (Фёдор Кузьмич Тетерников, 1863-1927) и не только по объёму наследия, где проза и поэзия конгениальны и вместе с тем дополняют друг друга, но и новой художественной реальностью, принимаемой и понимаемой далеко не всеми. Сологуб, как и в своё время его гениальный соплеменник Николай Васильевич Гоголь, показал русским проживаемую ими жизнь настолько наглядно и поэтически изошрённо, что многие современники сочли это за пасквиль. Вместе с тем его творчество позволило Евгению Замятину отметить, что с Сологуба начинается «новая глава русской прозы» <...> «жестокое время сотрёт многих, но Сологуб – в русской литературе останется» [Ерофеев, 1989, с. 3].

Это было сказано в 1924 году, однако творчество-пророчество великого писателя, несмотря на жёсткий характер эпохи, воплотилось в жизни. В отличие от А. Блока, М. Цветаевой, Андрея Белого, Д.С. Мережковского, З. Гиппиус, В. Соловьёва, Анны Ахматовой и многих представителей серебряной эпохи, у Сологуба (род. в 1863) не было при рождении ни глубоких корней, ни культурной среды, ни дворянского окружения с определёнными традициями и пр. Как и Гоголь, он был чужак в среде изысканных литературных салонов, среди рафинированных эстетов, что подчёркивалось и его социальным происхождением – сын кухарки и портного. Он пришёл к поэтической славе через нищету, немыслимые унижения и порку. Степень нищеты видна из того факта, что Сологуб с наступлением весны и до самых холодов ходил босиком и на занятия в училище, и на богослужения в церковь. Это социальное унижение рождает в нём нежелание видеть в господах людей. Однако это было не только чувство смерда: унижение он терпел и в семье. За малейшую провинность мать жестоко наказывала и его, и сестру: порола розгами, ставила на колени в угол. Порка продолжалась не только дома, но и в уездном училище и в приходской школе и даже тогда, когда он в 16 лет поступил учиться в Учительский институт. Этой порке посвящено не одно стихотворение. Мать секла его и в 28 лет (о чём он пишет сестре в 1891 году). Единственной отдушиной была книга. Можно сказать, что Сологуб, как и любимый им Ф.М. Достоевский, пришёл к писательству от книги. Даже его «искание красоты и правды» предопределяется влиянием творчества Достоевского и Некрасова. Он понимал также, что писатель не может сформироваться без общения и вне общественных интересов.

В 1882 году после окончания Учительского института, Фёдор Сологуб уезжает с матерью и сестрой в Крестцы Новгородской губернии и погружается в обывательскую рутину провинциальной жизни, где находит образы для своих будущих книг. О его учительстве подробных сведений нет. Но он являлся автором учебника геометрии и это свидетельствует о том, насколько серьёзно Сологуб относился к своей педагогической стезе. Он был серьёзен и

основателем. Это позволило В.Ф. Ходасевичу сказать, что Сологуб явился сразу писателем, «которому уже за тридцать, а по виду и того много больше. Никто не видел его молодым, никто не видел, как он старел. Точно вдруг откуда-то появился – древний и молчаливый» [Ходасевич, 1991, с. 109]. Только культура помогла ему оказывать сопротивление: культура, природа, журналы, по которым он отслеживает духовные поиски современной русской интеллигенции. Эти десять лет кризиса и безвременья, царившие в русском обществе, заставили его погрузиться в себя. Он стремится найти свою поэтическую нишу в русской поэзии, свою тему. Через подражания некрасовской лирике, «униженным и оскорблённым» героям русской словесности, через модное тогда декаденство, Сологуб приходит к новой конкретности и прозаичности в своей поэзии. Чувства, изображённые им, однообразны, почти унылы. Он вновь открывает для себя старые темы лишь пройдя через прозу. В литературе властитель умов – Н.М. Минский – заражает молодых писателей философскими настроениями, вечными идеями. Впервые в поэзии Сологуба появляется мысль о всеобщей взаимосвязи вещей и явлений, человека и природы.

Корифей русского символизма бытописатель Сологуб под влиянием идей Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, Л. Шестова теперь уже осознанно обращается к метафизике человеческого бытия. Так, к философской проблематике он приходит под воздействием экзистенциализма и философии А. Шопенгауэра в 90-е годы. Меняется содержание и направленность его поэзии. Идея о враждебности и бессмысленности мира, о бесконечной и жестокой борьбе, которая ведётся на всех уровнях жизни, была близка Сологубу. Вместе с тем его привлекала и мысль о сопряжённости всего сущего, и следовало ожидать, что от иррационализма Шопенгауэра он уже в 900-е годы придёт к иррационализму Ф. Ницше. Философские идеи этих авторов пробуждают в Сологубе интерес к Востоку и восточному миропониманию.

Он обращается к одному из трёх верховных божеств индийского пантеона – Бrame – созидающему началу. Вместе с тем Брама неотделим от Вишну – сохраняющего всё живое, и Шивы – разрушительного начала. Как известно, Сологуб был одним из зачинателей русской эротической литературы. Это больше проявляется в его прозе, нежели в поэзии. Но в этом стихотворении поэт воспевае т священный Лингам – символ плодородия. Это гимн, возносящий Брамe выше других богов. Философски понимая сущее, Сологуб интуитивно приходит к тому, что созидание, сохранение и разрушение диалектически взаимосвязаны:

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!

Я прошла по росистым лугам,

Поднялась по ступеням высокого храма

И целую священный Лингам.

Он возможен на ткани узорной,
 Покрывающей древний алтарь.
Стережёт его голый и чёрный,
 Диадемой увенчанный царь.

На священном Лингаме ярка позолота,
 Сам он чёрен, громаден и прям.
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
 Напою ароматами храм.

Алтарю, покрывалу, Лингаму
 Я открою, что сладко люблю.
Вместе Шиву, и Вишну, и Брамму я
 Ароматной мольбой умолю.

7 января 1907

[Сологуб, 1978, с.338]

«Индии прекрасной» и гонимому парии-поэту посвящено стихотворение «Я вспомнил повесть давних лет...» (1880). Наряду с конкретными реалиями, в изображении Востока в поэзии Сологуба преобладает философская составляющая. Даже названия стихотворений Сологуба казались иллюстрацией к отдельным положениям философии Шопенгауэра.

Индивидуальное существование человека, его смысл и безнадёжность превращаются в его поэзии в реалии метафизические. Источником многих положений философии Шопенгауэра и Ницше был буддизм, восточное мироощущение – мир во мне и я во всём; это чувство сопряжённости позволяло свести воедино вещи, находящиеся в разных плоскостях.

Шопенгауэр predetermined многие положения толстовской философии, Ницше руководствовался идеями Достоевского. Здесь тесно сплелись Европа – Россия – Восток или Восток – Россия – Европа. Вещный мир, так глубоко ценимый японской поэзией, в стихах Сологуба выражается зримо, почти язычески.

Такое восприятие мироздания характерно и для Льва Толстого, также пришедшему к буддизму через философию Артура Шопенгауэра. Связь и единство всего живого, будь это растение или животное, присуще и поэтическому творчеству Фёдора Сологуба. Так, в стихотворении «Я люблю мою тёмную землю...» каждая составляющая природы важна – «ничего

не отвергну в созданыи». Здесь все сопряжено и «во всём есть восторг и веселье <...>». Завершается стихотворение гимном Его величию:

Преклоняюсь пред Духом великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
5 августа 1896

(«Я люблю мою тёмную землю...») [Сологуб, 1978, с. 171]

Но кроме опосредованной «восточности» мы находим у Сологуба изображение библейского востока, как, например, «Подражание пророку Амосу» (1881), «Пилигрим» (1896), «Халдейская песня» (1907), «Тяжёлый и разящий молот...» (15 марта 1917), «Мадонна» (1918).

Стихотворение «Пилигрим» в контексте жизни Фёдора Сологуба предстаёт как программа, как творческое кредо. Всю жизнь он искал свой святой Ерусалим. Так до конца его не найдя, он тем не менее стремился к нему, как путник пустыни к миражу.

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неумоимо,
То шаг назад, то два вперёд.
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистоцимы, как печали, –
И, все далёк Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали
К какой-то цели роковой.
И создаёт неумоимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далёк от пилигрима
Его святой Ерусалим.

(7-12 июня 1896)

(«Пилигрим») [Сологуб, 1978, с. 165]

Но привлекал Сологуба более всего облик Христа в контексте идентификации с собой. Изображение мук Христовых в последнюю ночь в Гефсиманском саду, его моление и неотвратимость предначертанного удела в произведении «Зелень тусклая олив...» (1911) придаёт стихотворению интимно-личный характер:

Зелень тусклая олив,
Успокоенность желания.
Безнадёжно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.

В утомленьи и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!

(«Зелень тусклая олив...») [Сологуб, 1978 с. 364]

Подобно тому, как Христос после глубокой скорби приходит к примирению с судьбой, так и Фёдор Сологуб смиряется со своей участью:

Было тёмно, как в гробу.
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела

(«Зелень тусклая олив...») [Сологуб, 1978, с. 364]

Невыносимое одиночество и тотальное непонимание толпой миссии Христа делают его скорбь неизбывной. Вместе с тем, будучи пророком, он понимает неотвратимость своего предназначения и смиряется в понимании веления Бога:

Ну так что ж! как хочет бог,
В жизни нашей так и сбудется,

А мечтальный чертог
Только изредка почудится.

Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя – смиренная.
Нет в душе надежд и сил, умирают все желания
Я спокоен, – я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.

26 октября 1911

(«Зелень тусклая олив...») [Сологуб, 1978, с. 364]

Такое соотнесение себя с личностью Христа, поэтической миссии с пророческой миссией, вполне примиряет поэта со своей жизнью. Это прослеживается и в более раннем стихотворении, написанном в 1905 году, где он соотносит себя и свою роль в созидательном творчестве с первочеловеком, а по Исламу – первым пророком – Адамом:

Я был один в моём раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.
И первозданное зверьё,
Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались благие.

(«Я был один в моём раю...») [Сологуб, 1978, с. 327-328]

Лёгкий юмористический флёр, пронизывающий текст этого стихотворения, представляет

нам Эдем в сологубовском понимании:

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон, безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, – как смех, утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, – навеки скрылась.

28 декабря 1905

(«Я был один в моём раю...») [Сологуб, 1978, с. 327-328]

Так причудливо сплелись в его поэзии буддизм, библейский и христианский Восток. 27 ноября 1912 года по поводу сказки Ф.Сологуба «Плененная смерть» Александр Блок пишет: «<...> Всё-таки Сологуб изменил самому себе, запутался в собственной биографии. Та, которая здесь зовётся Мечтой и Лилит, – в лучшие времена была для Сологуба – смертью-утешительницей, и всё было тогда для него – верно и стройно <...> Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь» [Блок, 1980-1983, с. 174]. Блок оценивает творчество поэта с позиций символизма. Но и в 1918 году Сологуб продолжает темы, намеченные в его философской лирике начала века. Так, воспоминания о матери провоцируют его на новую параллель своей жизни с жизнью Христа:

Милая мать, ты – Мадонна,
А твой сын – младенец Христос.
Учи его умирать без стога,
Учи его страдать без слёз.

Больше ничего от тебя не надо.
Его судьбы ты никогда не поймёшь.
Завидишь сени Гефсиманского сада –
Сама вонзи себе в сердце нож.
8 августа 1918
Княжнино

(«Мадонна») [Сологуб, 1978, с. 411]

По справедливому определению исследователя творчества Фёдора Сологуба Д.В. Токарева, «соединение христианского утверждения жизни и буддийского её отрицания позволило бы, <...>, выработать новый, основополагающий принцип бытия, заключающийся в примате суверенной воли человека, которая реализует себя в виде некой сверхличной энергии, сжигающей оппозиции любви и ненависти, жизни и смерти, добра и зла» [Токарев, 2005, с. 47]. Думается, что противоречивость творческой и личной составляющей образа Сологуба нашла здесь адекватное отражение (хотя это было высказано по поводу его героя Триродова из «Творимой легенды»).

По сравнению с другими поэтами Серебряного века, лирика Фёдора Сологуба выглядит тематически бедной, однообразной. Об этом писали и современники. Но эта повторяемость одних и тех же тем, варьируемость их, вплоть до отдельных образов и деталей, и определяет в целом облик Сологуба-поэта. Его обвиняли в нелюбви к России. Лучше всего это прокомментировал В.Ф.Ходасевич: «Это не он не видел Россию, а мы проглядели его любовь к ней» [Ходасевич, 1991, с. 114].

Он создаёт свои мифы, но они настолько отвлечённые, что не помогают, а, напротив, мешают понять глубину его эмоциональных переживаний. В библейских стихах Сологуб пытается бороться с судьбой и приходит к экзистенциальной идее свободы, размышляет о предназначении человека в этом мире, абсурдности бытия, бессмысленности и трагичности существования людей. Зло приобретает вселенский характер («Земное бремя – пространство, время»). Противоречивость была формой его существования. Отрицание у него причудливо сочетается с утверждением и это прослеживается на протяжении всего творчества Сологуба. Он отвергает Бога и вместе с тем попицшеански возвеличивает «Я»; его привлекает идея «вечного возвращения». В 20-е годы Сологуб

приходит к мысли, что единственное спасение человека – в искусстве. С искусством он связывает чистоту и святость. Для него это и есть настоящая жизнь. В этом контексте примечательны слова писателя, высказанные в беседе с Э.Ф.Голлербахом: «Жизненной правды вообще не существует. Что такое жизненная правда, где она, кто её видел? Есть правда искусства, и у всякого художника своя правда» [Голлербах, 1990, с. 220].

Фёдор Сологуб – противоречивая личность, в которой уживались декадент и тонко чувствующий природу поэт-философ. Во многом это было связано с фактами его жизни, а также сложной эпохой рубежа веков, где на переломе истории подвергалась испытанию не только судьба России, но и судьбы людей, а поэтов – тем более. Время показало, что во многом он был прав.

Список литературы

Блок А. Собр. соч.: в 6-ти т /А. Блок. Л.: Худож. лит., 1980-1983. – Т.5. 408 с.

Голлербах Э.Ф. Из воспоминаний о Фёдоре Сологубе / Э.Ф. Голлербах // Русская литература. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990, №1. с. 218-224.

Ерофеев В.В. Тревожные уроки «Мелкого беса» с. 3-16 / Фёдор Сологуб // Мелкий бес: Роман. Рассказы. М.: Правда, 1989. 480 с.

Сологуб Ф. Стихотворения / Ф. Сологуб // Библиотека поэта (Основана М.Горьким). Большая серия. Второе издание. Ленинградское отделение; Советский писатель, 1978. 679 с.

Токарев Д.В. Михаил Булгаков и Фёдор Сологуб / Д.В. Токарев // Русская литература. Спб.: «Наука», 2005, №3. С. 38-72.

Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания / В.Ф. Ходасевич. М.: Советский писатель – Олимп, 1991. 192 с.

Кулик А.Д.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Kulik Alla
People's Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ МИНИМУМОВ

TO A QUESTION OF CREATION OF BASIC WORD STOCKS

В статье предложен новый подход при составлении лексических минимумов, который состоит в том, что в качестве источника отбора лексического материала рассматривается язык СМИ как источник актуальной профессиональной информации и терминологической лексики при обучении русскому языку как иностранному.

In article new approach by drawing up basic word stocks which consists that as a source of selection of lexical material the mass media language as a source of actual professional information and terminological lexicon are considered when training in Russian as foreign is offered.

Ключевые слова: язык средств массовой информации, общественно-политическая лексика, политическая лингвистика, термины, критерии отбора лексического минимума, актуальность называемого словом понятия, учебно-методическая целесообразность, частотность, словообразовательная и строевая способность слова.

Key words: language of mass media, political lexicon, political linguistics, terms, selection criteria of a basic word stock, relevance of the concept called by the word, educational and methodical expediency, rate, word-formation and front ability of the word.

Язык СМИ вошёл в совокупность так называемых языков для специальных целей – ЯСЦ (languages for special purposes - LSP), характерных для сложной языковой картины современного общества, где каждая специальная сфера (разные науки, сферы техники, технологии и экономики, спорт, искусство, военное дело) создают свой функциональный язык (подъязык) в рамках существующих естественных языков (русского и т.д.). Специфика языка СМИ, как и некоторых других ЯСЦ, состоит в том, что этот язык черпает свои ресурсы из соответствующего общеупотребительного языка (languages for general purposes), поскольку язык СМИ обслуживает область, близкую к повседневной жизни современного человека (ср. языки экономики, спорта и т.д.) [Лейчик, 2008, с. 300].

Язык СМИ традиционно исследуется с точки зрения социокультурной, страноведческой значимости, его роли в межкультурной коммуникации.

В СМИ особенно широко употребляется общественно-политическая лексика (ОПЛ). Как известно, ОПЛ – это особая лексико-семантическая подсистема языка, к которой относятся названия различных государственных, партийных и других общественных организаций и учреждений, социальных институтов, наименования социальных реалий и явлений жизни разных стран, а также политические идиомы языка СМИ, то есть особые слова и словосочетания, которые, с одной стороны, служат для точного выражения специальных понятий, обозначения различных политических явлений и событий, с другой стороны, имеют ярко выраженный эмоциональный компонент значения.

В общественно-политической сфере различают общественно-политическую терминологию и общественно-политическую лексику, называющую частные и единичные понятия типа названий партий, государственных и общественных организаций.

По мере изменений, происходящих в социальной жизни, постоянно возникают новые понятия и вместе с ними новые обозначения, с другой стороны, какие-то явления и обозначающие их слова исчезают из узуса [Лагутенкова, 2008, с. 159-160].

На занятиях по русскому языку важно знакомить учащихся с идеологемами по политологии, социологии.

Учёные под идеологемой понимают лексические единицы, обозначающие идеологически релевантные понятия [Воробьёва, 2000; Жданова, 1996; Купина, 1995; Купина, 2000].

Так, О.И. Воробьёва определяет идеологемы как «слова, содержащие в семантической структуре идеологический компонент значения». Под политемами понимаются «единицы политического языка, содержащие в своей семантической структуре политический компонент значения. Политемы называют понятия, связанные с ролью человека в обществе, государстве, современном ему мире, организуют текст или фрагменты текста определённой тематической направленности, влекут за собой употребление единиц данного семантического поля». Политема рассматривается как родовое понятие, в качестве видовых в него входят идеологемы и социологемы. К социологемам относят «термины и номенклатурные названия федеральной и местной системы политического управления обществом». Социологемы репрезентируют понятийное поле «государственный аппарат»: государственно-исполнительную власть, социально-политические институты и их структуру.

Язык может выступать как средство политики. Существует новое исследовательское направление, всё более укрепляющее свой собственный научный статус, – это «Лингвополитология, или политическая лингвистика». Изучается политический язык, язык власти, политические коммуникации (предмет исследования), политический дискурс, дискурсивные практики в политической сфере, отражающие политические «голоса» в разных

коммуникационных ситуациях (объект исследования) [Данильев, Синельникова, 2005, с. 16]; осуществляется переход от описания отдельных фактов к типологическим характеристикам, к выявлению закономерностей языковой представленности политически ориентированного мышления.

Политическая лингвистика как целостное знание, обладающее собственными критериями системности, вобрала в себя очень многое из социологии, политологии, истории, социолингвистики, риторики, лингвистики воздействия. Полноценность каждого из подходов обеспечивается соответствующей дисциплиной с собственной методологией и инструментарием анализа. Для лингвополитологии важна совместность, некая новая конвергентность накопленных знаний. Последняя проявляется в политическом дискурсе как события речи, дающем представление о субъектах коммуникации и их целях.

Следует отметить, что при работе с материалами СМИ, в частности, с газетной статьёй, необходимо учитывать не только лингвистические особенности, но и особенности самой тематики статьи. Предназначенные для изучения темы можно разделить на стабильные и так называемые «дополнительные» темы. Стабильные темы составляют ядро тематики. Однако материалы по газетно-публицистическому стилю речи отражают ту область жизни, которая претерпевает постоянные изменения, находится в развитии. Поэтому целесообразно сочетать работу над стабильными темами с изучением тем, которые связаны с актуальными текущими событиями и которые условно можно назвать «дополнительными» темами. Например, тема «Политические партии», представленная в учебном пособии по политологии, будет стабильной, а статья «Сурков объявил политический квартет» будет нестабильной, отражающей текущие события и соотношение сил на политической арене. Привлечение этих двух видов учебных материалов обеспечивает такое изучение каждой темы, которое даёт студентам глубокие знания, основывающиеся на знании конкретных фактов и актуальных событий, что представляется особенно важным для аргументированного изложения своей точки зрения в акте коммуникации.

Проиллюстрируем вышесказанное текстами стабильной и нестабильной тематики.

Политические партии

Политические партии возникают как организации, объединяющие людей, имеющих общие цели, единые идейно-политические взгляды. У всех политических партий есть особенности.

Во-первых, они стремятся к участию в осуществлении государственной власти, к вхождению в высшие государственные органы.

Главными задачами партий являются достижение максимального числа мест в законодательных органах, получение права на формирование правительства, участие в работе

государственных структур. В этом заключается отличие партий от групп давления (*профсоюзов, общественных объединений, массовых движений*). Партия может добиваться решения задач, как парламентскими методами, так и при помощи насилия.

Во-вторых, партии представляют собой организации со сложившейся системой формальных отношений, которые имеют строгую иерархию.

Нормы и правила, определяющие характер внутривнутрипартийных отношений, излагаются в уставе партии. Устав партии определяет условия вступления в партию, структуру партийных организаций, порядок избрания руководящих органов. Партии не зависят от личных симпатий и антипатий, то есть они формализуются. В этом заключается главное отличие партий от клиентел, то есть групп, организованных по принципу личной зависимости, преданности определённому лидеру.

В-третьих, партия всегда обращена к массам. Массовая поддержка – главный ресурс влияния партии.

Политическая партия – это устойчивая формализованная организация, стремящаяся к участию в осуществлении государственной власти и объединению людей с общими идейно-политическими взглядами и интересами [Пугачев, Соловьёв, 2007, с. 272].

Сурков объявил политический квартет

«Независимая газета» от 2 июня 2010

На состоявшейся в Москве общепартийной конференции «Единой России» произошло событие, претендующее на главную политическую сенсацию года. Первый замглавы администрации президента РФ, главный идеолог страны Владислав Сурков заявил, что в России сложилась четырёхпартийная система.

В настоящий момент в Госдуме представлены четыре партии – «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР. Существуют ещё 11 партий официально зарегистрированных, но в парламент не прошедших. Парламентские партии отражают интересы примерно 70% населения. Такой представительности российский парламент не имел за всю свою историю. Оставшиеся 11 партий пользуются поддержкой только 3% россиян.

Возможно, из этих четырёх партий системообразующими останутся две. «Хотелось бы, чтобы это были «Единая Россия» и «Справедливая Россия», – сказал В. Сурков.

Помимо отражения интересов большинства, «системные партии» выполняют ещё одну важную функцию: сохранения политической стабильности. «Если каждый день в любой стране менять политическую систему, если, например, в Великобритании или Франции каждый день возникают какие-то новые игроки, лейбористы пять лет поправили, а потом исчезли, – это был бы

хаос», – заявил В. Сурков.

Однако в современной России понимают, что четырёхпартийную систему нельзя установить ни законодательно, ни административно.

«Традиционные примеры четырёхпартийной системы – это помимо Германии и Франции, Италия, – добавляет директор Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов. Три крупные партии в Великобритании. Две партии в США. Одним словом, в традиционных демократиях основных участников политического процесса немного. Тут Россия развивается в классической политической традиции».

Следовательно, лингводидактическая задача состоит не только в понимании смыслового содержания текста газетной статьи как источника профессиональной информации и терминологической лексики, но и в определении *тематико-ситуационных блоков* в содержании обучения.

Такой функциональный подход в отборе материала создаёт основу для развития умений аргументировать свою точку зрения, критически анализировать получаемую информацию и дискутировать по определённому вопросу. Данные умения оказываются особенно важными при общении, например, в области политики, так как именно здесь акт коммуникации непосредственно связан с системой взглядов человека, с его мировоззрением.

Таким образом, в работе предпринята попытка в результате анализа лексико-грамматического материала, который является общим для основных учебных дисциплин, систематизировать его в виде лексического минимума. С этой целью нами рекомендовано учитывать лексические единицы такого лексического минимума в пособиях по научному стилю речи и тем самым обеспечить их многократную повторяемость не только на занятиях по научному стилю речи, но и на лекциях по специальным предметам.

Нами вводятся понятия «синхронная межпредметная координация» и «диахронная межпредметная координация».

Синхронная межпредметная координация (подчёркнуто нами – А.Д.) – это выявление модуля, комплекса тем (понятий, терминов, лексико-грамматического материала), который обеспечивает преемственность в специальных учебных дисциплинах, изучаемых на подготовительном факультете.

Диахронная межпредметная координация (подчёркнуто нами – А.Д.) - это выявление модуля, комплекса тем (понятий, терминов, лексико-грамматического материала), который устанавливает преемственность в специальных учебных дисциплинах не только первого, но и последующих курсов, то есть на протяжении всего срока обучения в вузе.

Выделение лексико-грамматического материала как в синхронном, так и в диахроническом

срезах языка и с учётом синхронной и диахронной межпредметной координации даёт возможность создать актуальный глоссарий, который является объектом изучения на занятиях по РКИ.

Являясь базовым лексическим материалом для овладения навыками и умениями приёма и передачи научной информации, термины занимают большое место в системе обучения иностранных учащихся общению на учебно-профессиональные темы.

Н.Г. Вишнякова отмечает: «Основная цель отбора терминологического минимума состоит в том, чтобы создать прочную терминологическую базу, которая должна обеспечить понимание максимального количества терминов при чтении оригинальной научно-технической литературы по специальности, наряду с ведением беседы на специальные темы. Отобранный для этих целей словарный минимум должен служить лексической основой учебников и учебных пособий, предназначенных для развития умений и навыков чтения, понимания и перевода научно-технических текстов, а также для развития навыков устной речи. Кроме того, он должен служить в качестве методического пособия для преподавателей и практическим справочником для студентов при работе над овладением терминологической лексикой [Вишнякова, 1982, с. 45].

В виде языкового способа представления терминов в лексическом минимуме (это может быть словарь терминов с учётом специализации или словник) нами используется контекст (предметное описание) и произвольные образования от термина.

Основным критерием включения языковых единиц в словник является важность овладения языком специальности. Словарная статья не должна ограничиваться переводом. Рекомендуется давать развёрнутую характеристику включённых в неё словарных единиц (управление, сочетаемость). Например, при изучении темы «Политические партии» предлагается следующая словарная статья:

Политическая партия (подчёркнуто нами – А.Д.) – это устойчивая формализованная организация, стремящаяся к участию в осуществлении государственной власти и объединению людей с общими идейно-политическими взглядами и интересами.

Особенность (ж.р.), - и	
движение	
насилие	
оценка, - и	
иерархия = порядок = структура	
строг ий порядок	
-ие законы	
излагать I - изложить II	что? (п. № 4) программу
	где? (п. № 6) в уставе
изложение	чего? (п. № 2) программы
преданность (ж.р.)	кому? (п. № 3) определённому лидеру

обращаться I – <u>обрат</u> иться II	чему? (п. № 3) идеалам
<i>т/щ</i>	к кому? (п. № 3) к массам
обращение кого? (п. № 2)	к кому? (п. № 3) к народу
президента	
ресурс, - ы	- главный ~
вступать I – вступить II	куда?, во что? (п. № 4) в партию
вступление	куда?, во что? (п. № 4) в партию
отражать I – <u>отраз</u> ить II	что? (п. № 4) политическую ориентацию
<i>з/ж</i>	
отражение	чего? (п. № 2) политической ориентации
Партия – партийный аппарат, лидер, деятель, блок	
	- ая организация, система
	- ое собрание
	- ые организации

Устав партии

Член партии

Программа партии

Структура партии

Внутрипартийные отношения

Кадровые партии

Образовывать I – образовать I что? (п. №4) партию

Образование чего? (п. №2) партий

(С)формировать I что? (п. №4) партию

Формирование чего? (п. №2) партий

Возникновение чего? (п. №2) партий

Зарождение чего? (п. №2) партий

Ресурс влияния партии

Как известно, существует несколько критериев отбора лексического минимума: актуальность называемого словом понятия, учебно-методическая целесообразность, частотность, слосообразовательная и строевая способность слова и др.

На начальном этапе обучения важно показать учащимся, что в русском языке достаточное количество интернациональных слов или слов с интернациональными корнями, которые понятны без перевода.

При составлении лексического минимума для начального этапа за единицу отбора принимается лексико-семантический и лексико-грамматический варианты слова, составные термины или устойчивые сочетания типа *оказать помощь, одержать победу*. Необходимо

показать учащимся пути формирования потенциального словаря. Для этого следует ознакомить студентов с основными моделями словообразования (например, *история – исторический, рассматривать – рассмотрение*) [Вишнякова, 1982, с. 55].

Таким образом, лексический минимум общенаучных терминов, как мы полагаем, должен быть ориентирован на специальные дисциплины, на межпредметные связи, на язык СМИ. В условиях работы подготовительного факультета он во многом определяет и методический подход к изучению терминов, к проблеме их использования на занятиях по научному стилю речи, последовательности их ввода, использованию в коммуникативных упражнениях.

Список литературы

- Вишнякова Т.А.* Обучение русскому языку студентов-нефилологов / Т.А. Вишнякова. М.: РЯ, 1982. 148 с.
- Воробьёва О.И.* Политическая лексика. Её функция в современной устной и письменной речи / О.И. Воробьёва. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. 119 с. *Жданова Л.А.* Общественно-политическая лексика: структура и динамика: дис... канд. филолог. наук: 10. 02. 01 / Жданова Л.А. М., 1996. 224 с.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык / Н.А. Купина. Екатеринбург-Пермь, 1995. 155 с.
- Купина Н.А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Н.А. Купина // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 182-189.
- Данильев А.А.* Процессы глобализации в проекции на некоторые проблемы лингвополитологии. / А.А. Данильев, Л.Н. Синельникова, Луганск, 2005. 130 с.
- Крючкова Т.Б.* Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т.Б. Крючкова. М., 1989. 150 с.
- Крючкова Т.Б.* О некоторых новых лингвистических терминах / Т.Б. Крючкова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр. Рязань, 2003. С. 96-101.
- Лагутенкова М.А.* Особенности функционирования общественно-политической лексики / М.А. Лагутенкова // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: труды межд. конф. М.: РУДН, 2008. 336 с.
- Лейчик В.М.* Перерастание публицистического стиля в язык СМИ / В.М. Лейчик // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: труды 2-й межд. конф. Москва, филолог. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 14-16 февраля 2008. / Сост.: М.Н. Володина. М.: МАКС Пресс, 2008. 520 с.
- Пугачев В.П.* Введение в политологию / В.П. Пугачёв, А.И. Соловьёв. М.: Аспект Пресс, 2007. 477 с.

Кульпина В.Г.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulpina Valentina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРИЕМ ЭСТЕТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

THE METHOD OF COLOUR TERMS AESTHETIZATION IN THE POETIC TEXTS' TRANSLATION

Основное внимание в статье фокусируется на методе эстетизации терминов цвета при переводе поэтических текстов. Анализ связан с поэзией Ивана Бунина и ее переводом с русского языка на польский язык. Поэзия Ивана Бунина создает здесь возможность для анализа этнических цветовых приоритетов в русской и польской лингвоцветовой картинах мира. В статье представлены продукты перевода двух переводчиков поэтических текстов – Гжегожа Ойцевича и Мачея Фроньского. Проблемы сопоставительного анализа терминов цвета и лексикографии терминов цвета в статье также представлены. Изучаются различия в функционировании коррелирующих терминов цвета польского и русского языков. Учитывается генетическое родство этих сопоставляемых языков. Определяется потенциал сочетаемости польских и русских цветовых лексем. Обсуждается ментальная специфика русских и польских терминов цвета. Описываются трудности перевода терминов цвета в поэтическом тексте.

The main attention in the article is focused on the method of color terms' aesthetization in the poetic texts' translation. The analysis is concerned with the Ivan Bunin's poetry and its translation from Russian into Polish language. Ivan Bunin's poetry gives here opportunity for analysis of the ethnic color priorities of Russian and Polish languages' world color view. The products of translating of two translators of poetic texts – Grzegorz Ojcewicz and Maciej Fronska – are presented in the article. The problems of contrastive analysis of color terms and color terms' lexicography also are presented in the article. The differences in functioning of Polish and Russian color terms' correlations are examined. The genetic affinity of these contrastive languages is taken into account. The combinative potential of Polish and Russian color lexemes is determined. The mental specific of Russian and Polish terms of color is considered. The difficulties of color terms' translation in the poetic texts are described.

Ключевые слова: художественный текст, поэтизм, перевод, русский язык, польский язык

Key words: literary text, poetizm, translation, Russian language, Polish language

В статье рассматривается функционирование терминов цвета в оригинале и в переводе. На материале близкородственных языков – русского и польского – ставится вопрос, в какой мере покрываются функции коррелирующих терминов цвета оригинала и перевода, а в случае несовпадений – насколько велик «зазор» между переводными коррелятами и из чего он складывается.

Трудности анализа проистекают из того, что исключительно сложным является сам исследуемый материал, связанный как с письменной традицией, так и со звучащей речью.

Исследователи обычно говорят об «особой сложности стихотворной речи: ее корни уходят в общенародный язык – и она же воздвигает над ним свои миры прекрасных, но иногда совершенно головоломных «приращений смысла» (по словам академика В.В. Виноградова) и интонаций, ритмов, звуковых повторов – вообще «звучаний» [Григорьев, 2001, с. 4].

Слова, «попадая» в поэтический текст, претерпевают семантические трансформации, уловить которые можно путем специального лингвопоэтического анализа: «Как ведет себя в поэзии такое самое обычное слово, как *ветер*, или, наоборот, редкое и специальное, как *адаждио*, высокое (пожалуй, чуть устарелое), как *ангел*, или просторечное вроде *айда?*» [Там же].

Язык поэзии является многосложным предметом исследования даже на материале одного языка; в его анализе легко допустить пристрастность, личные склонности, нелегко избежать стереотипных суждений и боязни перед лицом неизведанного, о чем говорит следующее высказывание: «Все мы, порознь и вкупе, несомненно кое-что понимаем в секретах любимых и нелюбимых нами стихов, как-то ощущаем их прелесть или слабости. Но, пожалуй, только самые самоуверенные среди нас возьмутся утверждать, что они здесь обладают «истиной в последней инстанции», не нуждаясь в оппонентах собственному вкусу, своей «табели о рангах», не всегда осознаваемым нам пристрастиям, привычно-инерционному «углу зрения», и «страху» перед новым, неизвестным, неожиданным, непонятым» [Там же].

Сложности исследованиям языка поэзии придает тот не поддающийся прямому наблюдению факт, что, исследуя эту непростую материю, следует иметь в виду, что порой рифма и ритм диктуют то или иное словоупотребление. Особенно сложно анализировать язык поэтических переводов. Это требует многофакторного анализа особенностей оригинала и перевода.

Перевод цветовых маркеров не является простой процедурой наложения терминов цвета. В каждом языковом ареале, даже в таких близких, как польский и русский, цветообозначения складываются в лингво- и этносоциоспецифичную систему, манифестирующую языковую традицию, формировавшуюся на протяжении веков.

В данной статье объектом лингвопоэтического анализа являются переводы стихотворений Ивана Бунина, представленные в глобальном труде польских и российских исследователей «Iwan Bunin: Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...» ‘Иван Бунин. Всё грустно верю в своё счастье’, знакомящем читателя с жизнью и творчеством Бунина в эмиграции. Польская исследовательница поэзии Бунина Йоланта Бжикци пишет об этом периоде его творчества: «Существование ванитативных, эротических и сакральных мотивов в эмиграционной поэзии Бунина формирует неоднозначное, даже амбивалентное художественное мировоззрение поэта» [Brzykcy, 2013, s. 179]. Й. Бжикци подчеркивает, что «именно преходящность и связанные с нею проблемы памяти, забвения и прошлого всегда волновали поэта. Они являются фундаментом его художественного

мировоззрения» [Brzykcy, 2013, s. 172].

Исследовательница обращает внимание на особое пристрастие Бунина в период эмиграции к ахроматической гамме и в целом на ее монотонность: «Монотонность цветов, утрачивающих свою интенсивность в темноте, однообразное и сильное напряжение слышащихся отовсюду звуков (напр., «высокие черные волны», «саван океана был черный» (...)), довольно однозначно показывают облик природы, которая равнодушно глядит на человеческую борьбу с бренностью существования» [Brzykcy, 2013, s. 173].

С отражением ахроматической субстанции, передачей таких терминов цвета, как ‘черный’ *czarny* и ‘темный’ *ciemny*, а также *biały* ‘белый’ у поэтов-переводчиков проблем особой сложности в бунинском поэтическом тексте не возникает. Этот древнейший пласт цветообозначений является общим для русского и польского языков; он в немалой степени сохранил общность сочетаемости, особенно при обозначении природных объектов, которые у Бунина нередко предстают в ахроматических вариациях.

В то же время в отражении цветовых отношений близкородственных славянских языков, основывающихся на терминах цвета (хотя и общеславянских) и имеющих общий цветовой эталон, могут проступать серьезные различия. Об этом пишет польский исследователь цветосемантики Анджей Нарлох: «Одной из причин появления расхождений в значении лексем, имеющих общий эталон, является то, что в основе колоратива лежит многоцветный эталон. В каждом языке эталоном цвета может стать иная часть или стадия развития (функционирования) цветового образца» [Narloch, 2014, s. 243]. А. Нарлох обращает внимание на различия в категоризации цвета. Так, цветообозначение *marengo* в польском языке квалифицируется как серый цвет или темно-серый, а в русском языке этот же заимствованный из итальянского языка термин цвета семантизируется как *черный цвет* (см.: [Narloch, 2014, s. 242]).

Деэстетизация. Обратимся к передаче на польском языке цветообозначений русского языка, стараясь обозначить проблемные сегменты. Один из таких проблемных сегментов обозначился в стихотворении «Седое небо надо мной...». Приведем это стихотворение целиком, чтобы погрузиться в его образный строй:

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...

Вся молодость моя – скитанья

Да радость одиноких дум!

«Седое небо надо мной / И лес раскрытый, обнаженный». Эти первые строчки стихотворения переводятся польским поэтом-переводчиком Гжегожем Ойцевичем как «Nade mną niebo siwiuteńkie, / A las – bezbronny, obnażony...» ‘Надо мной *седенькое небо*, А лес – беззащитный, обнаженный...’. Хотелось бы обратить внимание на такую очевидность, что *седое небо* и *седенькое небо* – это не одно и то же. *Седое небо* – оно высокое, строгое, холодное, наводит на грустные мысли, в то время как *седенькое небо* – вполне уютное, низенькое и свойское. Содержание стихотворения подсказывает нам, что в нем действительно речь идет о грустном, о наступлении холодов, об увядании природы и одиночестве человека. Поэтому *niebo siwiuteńkie* ‘небо седенькое’ (*седёхонькое) – польское словосочетание, имеющее к тому же очевидный фольклорный оттенок, звучит своего рода диссонансом содержанию стихотворения. Употребление ласкательного суффикса *-utk-* нарушает строй, систему русского стихотворения, не имеющего никакого фольклорного, народного оттенка и никак не сигнализирующего чего-то милого и свойского. Таким образом, перевод терминов цвета в данном случае привел к своего рода деэстетизации перевода, к нарушению его образной основы.

В отражении хроматических цветов между русским и польским языками проступают нередко серьезные различия, способные проецироваться и в сферу перевода.

В приведенном выше стихотворении Бунина имеются строки «Внизу, вдоль просеки лесной, / Чернеет грязь в листве лимонной». Представляется, что стоит обратить внимание на перевод словосочетания *в листве лимонной*. Оно передано Г. Ойцевичем как «Czarnieje błoto w liściach złotych» ‘Чернеет грязь в золотых листьях’. Если мы заглянем в лексикографическое отражение термина цвета *лимонный* в русском языке, то обнаружим достаточно широкую сферу охвата этим термином цвета природных явлений. Так, в Большом толковом словаре русского языка [БТС] имеется следующая семантизация этого цветообозначения: «2. Светло-желтый; имеющий цвет кожуры лимона» [БТС, 1996, с. 497]. Данная здесь же экзemplификация нацелена на отражение цвета природных объектов. Ср.: «Лимонная полоса заката. Листья лимонного цвета» [Там же]. Польская же современная толковая лексикография в «Универсальном словаре польского языка» предоставляет нам следующее толкование польского коррелята *cytrynowy* «лимонный» от слова *cytryna* «лимон»: «kolor, smak cytrynowy» «лимонный цвет, вкус» [USJP, 2006, 1, s. 501]. В другом же толковом словаре современного польского языка («Ином словаре польского языка») дается следующая семантизация цветового маркера *cytrynowy* «лимонный»: «имеющий светло-желтый цвет, подобный кожуре лимона». В приводимых примерах таким цветом наделяется зоологический объект *motyl* «бабочка» и артефакт *ściany* «стены» [ISJP, 2000, A...Ó, s. 212]. И

таким образом, термин цвета *cytrynowy* «лимонный» в словарях современного польского языка в качестве цвета листы не зафиксирован.

В то же время на термин цвета *złoty* «золотой» приводятся примеры, демонстрирующие, что таким цветообозначением могут наделяться природные объекты: *Złoty łan pszenicy. Złote słońce. (...) Złote nasturcje, słoneczniki. Złote ziarna kukurydzy (...) fraz. książk. Złota (polska) jesień* [USJP, 2006, 4, s. 1021] «Золотой лан пшеницы. Золотое солнце. (...) Золотые настурции., Золотые зерна кукурузы (...). *фраз. книжн. Золотая (польская) осень*».

Таким образом, если бы поэт-переводчик Г. Ойцевич употребил в качестве цветообозначения листы термин цвета *cytrynowy* «лимонный», тем самым он нарушил бы сочетаемость данного термина цвета в польском языке; этот термин цвета мог бы «прозвучать» излишне неологично. Употребленный же им термин цвета *złoty* «золотой», зафиксированный лексикографически в качестве цвета растительных объектов, вполне вписывается в языковую картину мира польского языка. Очевидно вместе с тем, что термин цвета *złoty* «золотой» по сравнению с термином цвета *cytrynowy* «лимонный» имеет более обобщающий характер. Прием перевода, примененный переводчиком стихотворения, относится к приемам генерализации. Ср. дефиницию этого приема: «Генерализацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объемом и более сложным содержанием, заключенном в слове или словосочетании исходного текста, понятием с более широким объемом, но менее сложным, менее конкретным содержанием. Таким образом, генерализация непременно предполагает сокращение элементов содержания, т.е. в определенном смысле потерю при переводе» [Гарбовский, 2004, с. 425–426]. Поскольку термин цвета *złoty* «золотой» и в русском, и в польском языках может относиться к значительно большему количеству объектов, чем термин цвета *cytrynowy* «лимонный», уже в силу данного факта он обладает более обобщенной семантикой. А потому замена им термина *cytrynowy* «лимонный», обладающего более узкой, конкретной семантикой, относится к приемам генерализации.

Как указывает В.А. Татаринов, «установление эквивалентов при сопоставлении двух текстов – это переводческая процедура, ведущая к адекватности перевода» [Татаринов, 2007, с. 176]. В данном случае адекватность перевода базируется на ощущении адекватной сочетаемости терминов цвета с названиями тех или иных объектов.

Эстетизация перевода. Рассмотрим возможности перевода таких хроматических терминов цвета, как *голубой* и *синий*, чрезвычайно важных для русскоязычного ареала, особо специфичных для лингвоцветовой картины мира русского языка (см. об этом: [Кульпина, 2008, с. 312–328]), приведших к адекватной эстетизации переводимых текстов.

Так, в стихотворении Бунина «Шире грудь распахни для принятия...» имеются слова: «Ты,

высокое небо, далёкое, / Беспредельный *простор голубой!*» [Bunin, 2013, s. 240]. При переводе поэт-переводчик употребляет не нейтральный термин цвета *niebieski* «голубой / синий», а эстетизированный термин цвета *błękitny* «голубой»: «*Bez granic przestrzeń twa błękitna!*» «Без границ *твоё голубое пространство!*».

Очевидно, что переводчик осознает лингвоспецифичность русского термина цвета *голубой*, его эстетический заряд. В связи с этим при переводе им употреблено не нейтральное цветообозначение *niebieski*, но стилистически окрашенное *błękitny*.

О лингвоспецифичных лексемах Д.О. Добровольский пишет следующее: «В каждом языке есть слова, обладающие уникальной семантикой (по крайней мере, на фоне других языков, попавших в поле зрения исследователя). Такие лингвоспецифичные слова представляют собой интересный материал и для собственно семантических исследований, и для других направлений, таких, как лексикография, сопоставительная лексикология, теории перевода» [Добровольский, 2015, с. 47].

В переводе Мачея Фроньского стихотворения Бунина «На окне, серебряном от инея / За ночь хризантемы расцвели...» строфа «В верхних стёклах небо яркосинее» получила перевод: «*Lśni w górnych szybkach skrawek błękitu...* » «Сияет в верхних стёклышках полоска голубизны». И таким образом, *небо яркосинее* превращается в эстетизированное существительное польского языка *błękit* «голубизна».

Еще пример эстетизации русского цветообозначения *синий*, осуществляемой при переводе стихотворения Бунина «Стон» поэтом-переводчиком Мачеем Фроньским. Ср. оригинал и перевод: «Как розовое море – даль пустынь. / Как *синий лотос* – озеро Мерида». У Фроньского: «*Różowym morzem jest pustynny piach. / Modrym lotosem – jezioro Merida*» «Розовое море есть пустынный песок, / *Синий лотос* есть озеро Мерида». Русский термин цвета *синий* заменяется М. Фроньским эстетизированным, поэтическим термином цвета *modry*, специально предназначенным в польском языке для обозначения цвета водных пространств и цветов (что подтверждается лексикографическими данными). И в данном случае не выступает нейтральный термин синего цвета *niebieski*, но поэтическое цветообозначение *modry* «синий».

Поэтизированные термины цвета *błękit* «голубизна» и *lazur* «лазурь» выступают в переводе М. Фроньским стихотворения «Жасмин». У Бунина: «А там вверху – зима и лето: / Январский снег и *синь небес*». У Фроньского: «*W górze się zima z latem złąła: Śniegi z błękitem nieba wraz*» «Вверху зима с летом слилась: / *Снега с голубизной неба вместе*».

И в следующей строфе: «В *лазури* яркой – неземное / Великолепие вершин». У Фроньского: «*Na tle lazuru widać teraz / Cały niezemski przepych gór*» «*На фоне лазури* видно сейчас / *Всё неземное великолепие гор*».

Характерно, что поэт видит, понимает стилистическую не нейтральность терминов цвета *синь* и *лазурь* и передает их адекватными стилистически окрашенными средствами.

В ряде случаев переводчик вынужден осуществлять перевод на нейтральном уровне эстетизации. В примере ниже из стихотворения Бунина «За всё тебя, Господь, благодарю!» можно говорить о специфичной сочетаемости в бунинском оригинале, которая становится заметной в своей фразеологизированности в силу того, что не может в аналогичной конфигурации быть передана средствами польского языка. Ср. оригинал и перевод: «Даруешь мне вечернюю зарю, / Простор полей и кротость *синей дали*». Даль в польском языке не может быть синей, поэтому можно предположить, что именно поэтому термин цвета заменяется поэтом-переводчиком Г. Ойцовичем объектом с имплицитной цветовой номинацией – небом, вызывающим стереотипные ассоциации с синим / голубым цветом. Об имплицитной цветономинации см.: [Кульпина, 2013, с. 103–111]. Ср.: «Darujesz mi i promień zorzy, / I morze pól, i *nieba przestrzeń*» [Bunin, 2013, s. 253] «Даруешь мне и луч зари, И море полей, и *неба пространство*».

В случае эвентуального возникновения нестандартной сочетаемости, непереложимой адекватными средствами на польский язык, термин синего цвета может опускаться – как это имеет место в переводе строфы с таким нестандартным термином цвета из стихотворения «Хая-Баш» поэтом-переводчиком Г. Ойцовичем: «Звонкий ветер в крепкой *синей хвое*». Хвоя в польском языке синей быть не может, поэтому при переводе мы видим опущение термина синего цвета в нестандартном с точки зрения сочетаемости польского языка употреблении: «Dźwięczny wiatr w *wyziębłym igliwiiu*» «Звонкий ветер в *озябшей хвое*» [Bunin, 2013, s. 276].

О возможном несовпадении информационных полей оригинала и перевода Т.А. Казакова пишет следующее: «Отношение «знак – пользователь» предполагает наличие определенной информации о возможных различиях в структуре референции при взаимодействии разных культур и, следовательно, несовпадении характера информационных полей, в которых формируются такого рода отношения» [Казакова, 2006, с. 127].

Анализ переводов подводит к смелому утверждению, что оба переводчика поэзии Бунина – Гжегож Ойцович и Мачей Фроньски – являются блестящими мастерами поэтического перевода, демонстрирующими чрезвычайно глубокое прочтение бунинских стихов и мастерскую передачу его стихотворного намерения и всего эстетического строя, эстетического мировоззрения поэта как системы жизненных взглядов и общего настроения. В статье хотелось бы обратить внимание на перевод терминов цвета, которые в основном мастерски тонко передаются авторами, тем не менее некоторые существенные моменты перевода этого слоя лексики как по объективным, так и субъективным причинам могут оставаться «за кадром», не эксплицироваться, хотя и имеют важное значение для раскрытия авторского поэтического замысла.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1996. 1536 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.
- Григорьев В.П.* Предисловие / В.П. Григорьев // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: Сост. Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л., Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 4–11.
- Добровольский Д.О.* Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов / Д.О. Добровольский // Речевые жанры современного общения: Тез. докл. межд. конференции. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015 г.) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. С. 47–49.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод: в поисках истины / Т.А. Казакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, Филологический факультет СПбГУ, 2006. 224 с.
- Кульпина В.Г.* Презентация в лингводидактике цветовых стереотипов как социоментальных категорий / В.Г. Кульпина // Язык. Культура. Общение: Сб. научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 312–328.
- Кульпина В.Г.* Имплицитная цветономинация в образных пара-дигмах лингвистики цвета / В.Г. Кульпина // *Speculum Linguisticum* / Redaktor Naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BEL Studio, 2014. Vol. 1. S. 103–111.
- Brzykcy J.* Poezja emigracyjna Iwana Bunina // Iwan Bunin: Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście... / Pod red. Iwony Anny NDiaye i Grzegorza Ojcewicza. Olsztyn, 2013. S. 172–190.
- Inny słownik języka polskiego: W 2 t.* / Red. naczelny Mirosław Bańko. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
- Iwan Bunin: Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...* / Pod red. Iwony Anny NDiaye i Grzegorza Ojcewicza. Olsztyn, 2013. 471 s.
- Narloch A.* Различия в восприятии цветовых эталонов в польском и русском языках // *Studia Rossica Posnaniensia*. Vol. XXXIX / Red Naczelny Jerzy Kaliszan; Red naukowy Jędrzy Kaliszan, 2014. P. 242–251.
- Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t.* / Pod. red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

Лесневская Д.С.
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

*ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СФЕРЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ /ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПЕРЕПИСКИ/ ПРИ ОБУЧЕНИИ
РКИ*

*FORMATION OF TEXT COMPETENCE IN WRITTEN OFFICIAL BUSINESS COMMUNICATION
/INTERNATIONAL BUSINESS CORRESPONDENCE/ IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN*

В статье предлагается модель обучения официально-деловому языку, в частности, ведению внешнеторговой переписки, на занятиях РКИ в нефилологических вузах Болгарии. Анализируется работа над текстами коммерческих писем в рамках курса русского языка «Внешнеторговая сделка» при обучении болгарских студентов-экономистов русскому языку. В основу модели положено понятие текстовой компетенции, структурные компоненты которой выступают основой формирования обучающих стратегий. Разграничиваются понятия текстовой компетентности и текстовой компетенции. В структуру текстовой компетенции входят компоненты текстовой деятельности: умения и навыки членения текста, обеспечения связности текста, создания нового целостного текста. Проводится разграничение между единицами официального и делового начал в текстах коммерческих писем. Коммерческое письмо совмещает эпистолярные, официальные и деловые текстовые признаки, находясь на периферии официально-делового стиля. На шкале текстовой парадигмы официализации – деофициализации официально-деловых текстов коммерческое письмо занимает промежуточное место между официальными и деловыми текстами. Овладение навыками и умениями ведения внешнеторговой переписки на русском языке способствует формированию у болгарских студентов-экономистов умений письменной русской речи, что является предпосылкой формирования полилингвальной славянской личности.

In the article the model of official business language training, in particular, handling international business correspondence is offered in teaching Russian as a foreign in not philological higher education institutions of Bulgaria. Work on texts of commercial letters within Russian course „The foreign trade transaction“ is analyzed in the process of training the Bulgarian students economists in Russian. This model is based on the notion of text competency the structural components of which act as a basis for training strategies. Concepts of text competence and text competency are differentiated. The structure of text competency includes the components of text activity: abilities and skills of text division, coherence and creation of the new complete text. Differentiation between units of official and business origin in texts of commercial letters is carried out. The commercial letter combines epistolary, official and business text signs, being on the periphery of official business style. On a scale of the text paradigm of officialisation – deofficialisation the commercial letter takes an intermediate place between official and business texts. Mastering skills and abilities of handling the foreign trade correspondence in Russian promotes formation at the Bulgarian students economists of abilities of the written Russian speech that is the prerequisite of formation of the polylingual Slavic personality.

Ключевые слова: текстовая компетенция, текстовая компетентность, текстовая деятельность, официально-деловой текст, коммерческое письмо, структура текста, связность текста, единица официального функционирования языка, официоним, единица делового функционирования языка, стереотипные единицы официально-деловой речи, официализация – деофициализация.

Key words: text competency, text competence, text activity, official business text, commercial letter, text structure, text coherence, unit of official language functioning, officionim, unit of business language functioning, stereotypic units of official business speech, officialisation – deofficialisation.

На современном этапе лингвистика текста активно развивается, при этом выделяются такие подходы к исследованию текста, как структурный (текст как процесс, текстовая деятельность), коммуникативный (типология дискурсов), лингвокультурологический (дискурс как феномен культуры). В лингводидактическом прикладном аспекте ключевое значение приобретает формирование текстовой компетенции. Методика формирования текстовой компетенции на родном и иностранном языках на деятельностной системно-коммуникативной основе, а также становление компетентного подхода на принципах антропоцентризма, культуроцентризма и текстоцентризма активно разрабатываются Томской научной школой [Болотнова, 2001, с.66; Салосина, 2007, с.55]. История развития понятия компетенции в лингвистике, сопоставление понятий компетенции и компетентности, а также соотношение понятий языковой, коммуникативной и текстовой компетенций, разрабатываются в трудах Н.Д. Голева [Голев, 2006, с.55], О.П. Сологуб [Сологуб, 2011, с.135], М.Н. Гордеевой [Гордеева, 2012, с. 108], А.В. Свиридовой [Свиридова, 2012, с. 173], О.И. Овчинниковой [Овчинникова, 2010, с.396].

Текстовая компетентность основана на комплексе текстовых знаний, в то время как текстовая компетенция (далее ТК) – совокупность знаний, умений, навыков осуществлять текстовую деятельность (продуцирование, понимание и интерпретацию различных видов текстов). Мы придерживаемся трактовки, согласно которой термин «компетентность» – комплекс знаний, достаточность знаний, которыми индивид обладает, а термин «компетенция» означает конкретную реализацию компетентности индивида в процессе коммуникации [Гордеева, 2012, с. 114]. ТК базируется на компетентном подходе (знаниевом принципе обучения) и занимает промежуточное положение по отношению к языковой и коммуникативной компетенциям [Свиридова, 2012, с.177]. Так, ТК – базовая основа жанровой компетенции и составляющая коммуникативной компетенции [Сологуб, 2011, с.138]. По определению М.Я. Дымарского [Дымарский, 2001, с.156] иерархическая по своему типу структура ТК состоит из трех основных компонентов: 1) умение расчленять текст (членимость текста); 2) умение создания взаимосвязи между элементами содержания текста (связность текста); 3) умение воспроизводить целостный текст (жанрово-стилистический характер текста).

В последние годы формирование текстовой компетенции в сфере официально-деловой письменной коммуникации активно исследуется в связи с возрастающей востребованностью официально-деловой речи. Основы исследования официально-делового стиля были заложены Пермской научной школой [Кожина, 1993; Губаева, 1997]. Лингвистике официально-делового

текста, своеобразию официально-деловой письменной коммуникации в теоретическом и прикладном аспектах посвящены труды О.П.Сологуб [Сологуб, 2008; 2012;2013].

Рассмотрим систему работы с официально-деловыми текстами, в частности, коммерческими письмами, на занятиях РКИ в Болгарии. Преподавание РКИ в болгарских нефилологических вузах осуществляется в формате дискурса межкультурного профессионально-делового общения с позиций межкультурного подхода в соответствии с современными образовательными стратегиями [Лесневска, 2014, с. 297]. Профессионально-ориентированное обучение межкультурному деловому общению направлено на преодоление коммуникативного барьера и формирование межкультурной, профессионально-коммуникативной, дискурсивно-стилистической компетенции.

Так, в качестве учебного курса при обучении болгарских студентов-экономистов русскому языку предлагается курс русского языка «Внешнеторговая сделка», объектом которого является дискурс внешнеторговой сделки (ДВС) купли-продажи. В рамках этого курса осуществляется работа с текстами, репрезентирующими внешнеторговую сделку, при этом актуализируются национально-культурный код, концептосфера и терминосистема ДВС купли-продажи в сравнительно-сопоставительном плане. В данном курсе официально-деловой стиль представлен ядром (договоры), основным содержанием (документы) и периферией (письма). Обособление профессионального дискурса, в частности, выделенного ДВС купли-продажи, при обучении болгарских студентов РКИ для специальных целей базируется на родственности славянских языков, близости системы ценностей и традиций славянских народов.

В процессе обучения акцент ставится на изучение коммерческих писем. Коммерческое письмо (КП) – хозяйственно-правовой документ, используемый для нужд торговой деятельности [Лесневска, 2002]. КП как элемент дискурса коммерческой корреспонденции регламентирован действующим государственным деловым стандартом, оно составляется по официальным нормам [Лесневска, 2013, с.131] и представляет собой устойчивую структурно-смысловую модель, сохраняя структурно-стилистические признаки эпистолярного текста (устойчивая композиция текста, обозначение отправителя и получателя: обращение к адресату, подпись адресанта, соблюдение делового этикета). По нашему мнению, в шкале текстовой парадигмы признаков «официальный» –«официально-деловой» – «деловой»¹ КП в сфере внешнеторговой сделки занимает промежуточное место, совмещая эпистолярные, официальные и деловые текстовые признаки.

Придерживаясь вышеупомянутой концепции иерархической трехкомпонентной структуры текстовой компетенции М.Я. Дымарского, рассмотрим основные направления формирования

¹ О.П. Сологуб выделяет шкалу/ парадигму официализации – деофициализации делового текста, разрабатывая типологию деловых текстов по степени официальности [Сологуб, 2011, с.178].

текстовой компетенции при обучении ведению коммерческой корреспонденции болгарских студентов-экономистов в рамках курса русского языка «Внешнеторговая сделка».

1. Структурирование коммерческого письма

Ознакомление с КП начинается с изучения его общей структурной схемы и набора реквизитов, т.е. со структурной организации документа. Согласно ГОСТ Р 6.30-2003 деловое письмо состоит из 10 обязательных реквизитов (адресанта, даты, регистрационного исходящего номера, адресата, заголовка к тексту, обращения, текста письма, заключительной вежливой формулы, подписи, отметки об исполнителе) и факультативных реквизитов (ссылки на регистрационный номер и дату входящего письма, приложения и др.). Строго определенная композиция способствует реализации таких качеств документа, как точность, ясность субъязыка КП. Текст КП состоит из абзацев, способствующих ясности изложения (введения, изложения, заключения). Абзац относительно самостоятелен в смысловом и формально-синтаксическом планах. Студенты знакомятся с основными видами русских фирменных бланков.

Нами разработан комплекс упражнений на развитие способности членить текст КП, а также оценивать объем и иерархию тем в зависимости от конкретного жанра КП. В число таких упражнений входят: упорядочение порядка расположения реквизитов КП; составление КП по данному резюме со всеми обязательными реквизитами и др. В синтезированном виде представлен болгарский стиль оформления КП в соответствии с требованиями болгарского государственного стандарта (БДС 6.04.1-85).

2. Обеспечение связности коммерческого письма

Добиться овладения студентами средств связности КП является одной из трудных задач преподавателя. Для текста КП характерна вербальная связность.

Лексическая связность реализуется посредством употребления повторов, местоимений, субституций, гиперо-гипонимических парадигм, перечислений и др. Например: 1) *Ящики должны быть маркированы с трех сторон. Каждый ящик должен быть снабжен упаковочным листом;* 2) *Вы были обязаны поставить кондиционеры до 5 мая. До сегодняшнего дня (20 мая) поставка задержалась на 15 дней. Срок поставки уже истек, а мы до сих пор не получили от Вас никаких сведений об отгрузке товара;* 3) *Познакомьтесь с самыми яркими трендами сезона! Мы предлагаем большой спектр рекламных услуг и организуем все виды промо-акций:*

- *Изготовление листовок; Лифлетинг: раздача листовок, флаеров;*
- *Разнос, расклейка и раздача печатной рекламной продукции: реклам, газет, буклетов, афиш, стикеров и др.;*

- *PR мероприятия: презентации, шоу-показы, выставки, концерты.*
- *Сэмплинг; Мерчандайзинг; Подарок за покупку;*
- *Праздничные мероприятия; Лотереи;*
- *Изготовление и продажа оригинальных мобильных стендов.*

Грамматическая связность реализуется путем повторения грамматических форм, в частности, глагольных форм 1 лица мн. числа настоящего времени несовершенного вида, например: *Благодарим Вас за брошюру, которая привлекла все наше внимание. Мы входим в число ведущих импортеров одежды в центральном регионе России. Рассчитываем на Ваш положительный ответ, чтобы иметь возможность удовлетворить требования наших клиентов.*

Синтаксическая связность представлена текстовыми коннекторами, вставочными конструкциями и т.п., например: *Каждому покупателю предоставляются купоны на подарочные бонусы. Таким образом, у Вас есть возможность получить праздничные скидки до 30 % на всю коллекцию женской одежды!; Подход к каждому клиенту осуществляется индивидуально (см. Приложение).*

Для внутренней структуры текста КП характерна цепочечная связь, при которой рема предыдущего высказывания превращается в тему следующего, например: *Сообщаем, что сегодня получили последние образцы Вашей продукции. Данные образцы вполне удовлетворили наших комитентов.* Цепочная смысловая связь является средством реализации стилевой черты точности в тексте КП.

Нами разработан комплекс заданий на составление связного текста КП. В число таких заданий входят, например, заполнение пропусков связующими словами и выражениями типа *в связи с этим, вместе с этим, тем не менее, ввиду вышеизложенного, более того, таким образом* и т.п.; замена повторов местоимениями, синонимами и др. В сопоставительно-сравнительном плане студенты знакомятся с обеспечением связности в текстах болгарского КП.

3. Жанрово-стилистическое оформление КП

При изучении языковых средств оформления текстов КП первоочередное внимание обращается на внешнеторговую терминосистему, представляемую в комплексе с синлексами², например: *продлонгация срока, отсрочка платежа, отгрузка товара, тариф страховой премии,*

² Синлекс – термин Г.И. Климовской (1978), синлексикология – раздел лексикологии, разрабатываемый в рамках Томской лингвистической школы. Синлексы – это раздельнооформленные, устойчивые по составу и порядку комплексы лексических элементов, выполняющих номинативную функцию [Вяничева, 2000].

открытие аккредитива, задержка отгрузки, плата за простой судна. При этом детальному анализу подвергаются термины в составе устойчивых словосочетаний, их сочетательная способность. Опираясь на концепцию В.В. Морковкина о сущности термина как языковой единицы и его «сочетательной ценности» [Морковкин, 1984], мы выделяем два класса субстантив-субстантивной синлексики, используемой в текстах КП: 1) сочетание термина-существительного с зависимыми существительными, например: *товар высокого качества, торговля гобеленами*; 2) сочетание термина-существительного с господствующими по отношению к нему существительными, например: *упаковка товара, затраты торговли.*

На занятиях, посвященных анализу терминологической лексики и ее сочетаемостных возможностей, активно используется словарь, созданный болгарским коллективом по проекту В.В. Морковкина³ [Лесневска, Бонев и др., 1988]; в этом словаре отражена сочетаемость экономических терминов, например: *единичная цена; цена машин, цена на сумки; пересмотр цены; определять / определить цену; цена снижается.*

Изучение терминов в составе устойчивых словосочетаний способствует овладению профессиональной речью.

Наряду с торгово-экономической терминологией для текста КП характерны официально-деловая терминология (*корреспондент, документ, дубликат, копия, парафирование, бланк, расписка, параф*), канцеляризмы (*нижеупомянутый, нижеподписавшийся, нижеследующий, вышеуказанный*), канцелярские штампы (*в приложении к настоящему, по истечении срока, в двух экземплярах*). Широкое распространение находят устойчивые глагольно-именные словосочетания (*желаем разместить у Вас срочный заказ; обращаемся к Вам с просьбой*). Основное место занимают устойчивые сочетания со структурой «глагол + термин», например: *предъявлять / предъявить рекламу, выставлять / выставить счет, производить / произвести расчеты, выдавать / выдать заказ.* Высокой частотностью обладают устойчивые сочетания без терминов в своем составе, например: *носить / нести ответственность, ставить / поставить в известность, выражать / выразить благодарность, привлекать / привлечь внимание, принимать / принять участие.* Для КП характерны также официонимы⁴: аббревиатуры *АО, ОАО, ЗАО, ООО, ЕООО* (сокращенные названия торговых обществ), а также официальные наименования должностных лиц (*генеральный директор, главный менеджер*). Все эти группы лексики выступают объектом специального анализа на занятиях по курсу «Внешнеторговая сделка».

³ В.В. Морковкину принадлежит идея создания лексического минимума по специальности для иноязычных студентов-нефилологов посредством составления учебных толково-сочетаемостных терминологических словарей, также им осуществлена разработка структуры этих словарей.

⁴ Официоним – системообразующая единица официально-деловой речи, формирующая официальный характер текста. Структурно-семантическая и функциональная характеристика официонимов представлена в трудах О.П. Сологуб [Сологуб, 2013: с.95].

Кроме этого, отрабатываются навыки использования вступительных фраз-клише (*Ставим Вас в известность, что...; Доводим до Вашего сведения, что...; С удовольствием / сожалением сообщаем Вам, что...*), а также этикетных формул заключения (*Надеемся на скорый ответ; Всегда рады оказать Вам услугу; С интересом ждем Ваших новых предложений; Рассчитываем на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество*).

Разграничиваем деловые и официальные признаки ⁵ КП, соответственно единицы официального и делового функционирования языка в рамках ДВС. Деловое начало выражено терминологией, перформативными глаголами с модальными словами долженствования (*необходимо выслать*), деловыми клише, формулами вежливости и др.; официальное начало проявляется в строгой архитектонике письма на бланке с установленными реквизитами, употреблении официонимов, заключительных формул вежливости, большей частотности сложных предложений по сравнению с простыми предложениями.⁶

Реализации цели формирования у болгарских студентов умений составлять КП служат задания по заполнению готовых стандартных бланков твердой оферты, заказа, рекламации, а также бланков писем-ответов.

Овладение компонентами текстовой компетенции (умение членить официально-деловой текст, в частности, текст КП, осуществлять связность текста КП, создавать целостный текст КП определенного жанра), а также, овладение стереотипными единицами официально-деловой речи [Сологуб, 2014, 87] способствует формированию у болгарских студентов-экономистов умений письменной коммуникации на русском языке в официально-деловой сфере, что является предпосылкой создания полилингвальной славянской личности.

Сформированная текстовая компетенция на основе компетентного подхода на занятиях РКИ расширяет культуру официально-деловой речи личности студента.

Список литературы

- Болотнова Н.С.* Текстовая компетенция и пути ее формирования в школе / Н.С. Болотнова. Коммуникативно-деятельностный и текстоориентированный подходы к преподаванию русского языка. Томск: ТГПУ, 2001. С.66–76.
- Вяничева Т.В.* Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: дисс. ... канд. фил. наук. Томск, 2000. 344 с.
- Голев Н.Д.* Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н.Д. Голев. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул, Кемерово: БГПУ, 2006. С.7–28.

⁵ Параметры дифференциации официальных и деловых текстов, а также средства выражения официального и делового начал разработаны О.П.Сологуб [Сологуб, 2011, с.49].

⁶ Посредством статистического метода исследования установлено преобладание подчинительной синтаксической связи в русских и болгарских КП [Лесневска, 2002, с.49].

- Гордеева М.Н.* Компетенция: история становления и развития понятия в лингвистике / М.Н. Гордеева. Идеи и идеалы. № 3 (13), Т.2, 2012. С.108–115.
- Губаева Т.В.* Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий / Т.В. Губаева. *Stylistika*. № VI: Русская стилистика, 1997. С.173–184.
- Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. М.: Просвещение, 1993. 223 с.
- Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. М.: ФЛИНТА:Наука, 2013. 820 с.
- Лесневска Д.С.* Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских неязыковых вузах / Д.С. Лесневска. Стереотипность и творчество в тексте. № 18. Пермь: ПГНИУ, 2014. С.293–302.
- Лесневска Д.С.* Търговска кореспонденция на руски и български език. Съпоставителен лингвостилистичен анализ / Д.С. Лесневска. София: Стопанство, 2002. 135 с.
- Лесневска Д.С.* Коммерческа кореспонденция в дискурсивно-стилистически аспект / Д.С. Лесневска. Русистика XXI века. Шумен: Унив.изд., 2013. С. 131–139.
- Лесневска Д.С., Бонев М.П., Червенакова Н.К., Паскалева Д.Й.* Толково-сочетаемостен словарь економически термини / Д.С. Лесневска и др. София: ВИИ “Карл Маркс“, 1988. 245 с.
- Лесневска Д.С.* Синтаксически особености на коммерческа кореспонденция на руски език в сопоставление с български / Д.С. Лесневска. Алтернативи. Езиково обучение. Част I. София: Стопанство, 2002. С.42–59.
- Морковкин В.В.* Проект на серия на толково-сочетаемостен словари на термини / В.В. Морковкин. Сочетаемост на слови и въпроси на обучение на руски език на иностранци. М.: Рус.яз., 1984. С.148–161.
- Овчинникова О.И.* Формирование на текстова компетентност на уроци на руски и английски езици / О.И. Овчинникова. Мирово културно-езиково и политическо пространство: възглед през столетия. Том 2. М.: РГСУ, 2010. С. 396–404.
- Салосина И.В.* Текстова компетентност: от възприятие до интерпретация / И.В. Салосина. Вестник ТГПУ. № 10, 2007. С.55–59.
- Свиридова А.В.* Текстова компетентност – основна цел на обучение на руски език (к проблем на въплъщение в учебен процес на нови ФГОС) / А.В. Свиридова. Вестник ЧГПУ. № 1, 2012. С.173–177.
- Сологуб О.П.* Формирование на компетентен тип на езиково личност на участник на официално-делова комуникация / О.П. Сологуб. Лингвоперсоналогически проблеми на функциониране на език. Кемерово: КемГУ, 2012. 27 с.
- Сологуб О.П.* Текстова компетентност – ключово звено в компетентностна модел на филологическо образование / О.П. Сологуб. Философия на образование. № 1 (34), 2011. С.135–141.
- Сологуб О.П.* Официално и делово как организующи начала на текст / О.П. Сологуб. Филология и човек. № 3, 2013. С.148–161.
- Сологуб О.П.* Руски делови текст в функционално-генетически аспект / О.П. Сологуб. Новосибирск: НГТУ, 2008. 332 с.
- Сологуб О.П.* Особенности на проявление на делово начало в текст / О.П. Сологуб. Стереотипност и творчество в текст. № 15. Пермь: ПГНИУ, 2011. С.178–185.
- Сологуб О.П.* Взаимодействие на официална и делови стратегии в текст / О.П. Сологуб. Речева комуникация в современна Россия. Т.2. Омск, 2011. С.49–53.
- Сологуб О.П.* Официоними как единици на официално функциониране на език / О.П. Сологуб. Стереотипност и творчество в текст. № 17. Пермь: ПГНИУ, 2013. С.95–104.
- Сологуб О.П.* Система на стереотипни единици на официално-делови рече / О.П. Сологуб. Стереотипност и творчество в текст. № 18. Пермь: ПГНИУ, 2014. С.87–96.

Ли Суй-ан
Ню Шучжэн
Институт истории Академии общественных
наук Провинции Хэйлунцзян
г. Харбин (КНР)

Li Sui-an
Niu Shuzhen
Institute of History under Heilongjiang
Provincial Academy of Social Sciences of China
Harbin (China)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.Г. РАСПУТИНА В КИТАЕ: ПЕРЕВОД И ВЛИЯНИЕ

THE TRANSLATION AND INFLUENCE OF RUSSIAN WRITER V. G. RASPUTIN'S WORKS IN CHINA

Крупнейший российский писатель В.Г. Распутин пользуется большой популярностью в КНР. Его произведения почти все было переведены на китайский язык, в том числе повесть «Живи и помни» станет самой известной в Китае, была издана несколькими издательствами в разных переводах, и по этой книге был снят одноименный китайский фильм, сюжет повести несколько изменен, однако сохранен основной ход событий, равно как и постановка главных героев. В августе 2011 г. Московский Художественный Театр играл драм «Живи и помни» В. Распутина в Пекинском Столичном Театре Китая. Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» получила премию в номинации «Лучшие зарубежные художественные произведения 2003 года» в Китае

Китайцы обратил внимание на публицистику и взгляды В. Распутина на разные общественные вопросы, и перевели и издали его «Эти двадцать убийственных лет».

Китайские литературоведы изучают с энтузиазмом творчество В. Распутина. В Китае уже издано 2 монографии по результатам изучения творчества В. Распутина.

На данный момент в Китае уже выполнены одна докторская диссертация и 16 магистерских диссертаций.

В 2006 г. В.Г. Распутин посетил Китай, побывал в Пекине, Шанхае, Харбине и т.д., где встретился с местными писателями и русистами, вместе обсуждали разные проблемы. Его мнения и взгляды вызвали большой интерес и горячий отклик у китайских коллег.

«Когда мне прислали из КНР перевод моей повести, я был очень взволнован. Я вглядывался в иероглифы — мне кажется, они — не земного происхождения, они — творение неба», — В.Г. Распутина так говорил.

Перевод, распространение и влияние произведений В.Г. Распутина, происходящее в различных формах в Китае, это важная составная часть китайско-русских культурных связей.

Russian writer V.G. Rasputin enjoys great popularity in China; almost all his works have been translated into Chinese, of which, Live and Remember, arguably his best-known work, has at least five Chinese versions which were published by several Chinese publishing houses. Based on this novella, a same-title movie was made in China with some slight changes. It was also put on the stage at the Beijing Capital Theater by the Moscow Art Theatre during its first tour to China in 2011. Two years later, Ivan's Daughter, Ivan's Mother, another famous novella by Rasputin, won him the "21st Century Best Foreign Novel of the Year" prize (2003), which has been awarded annually in China since 2002.

Rasputin's comments on political and social issues have received close attention of the Chinese people. In 2013, "Interview of Rasputin: the Disaster-ridden Twenty Years", a collection of Rasputin's political comments, was translated into Chinese and published by Social Sciences Academic Press (CHINA).

Chinese literature experts are also enthusiastic in conducting researches on Rasputin's works. So far, there are two academic monographs, one doctoral dissertation, and 16 master's theses on Rasputin.

In 2006, during his stay in China, Rasputin traveled Beijing, Shanghai, Harbin and other cities, where he met the local Chinese writers and experts on Russia, and exchanged views with them on various topics. His ideas attracted great interest and fervid response of his Chinese counterparts.

"When I received the Chinese versions of my works mailed all the way from China, I can hardly bear to put them down. The Chinese language seems like something coming from heaven rather than on the earth," said Rasputin.

Translated into Chinese and widespread in China, Rasputin's works have exerted enormous influence on the Chinese readers and audience. This is an important component in Sino-Russian cultural exchanges.

Ключевые слова: визит В.Г. Распутина в Китай, перевод и экранизация произведений В.Г. Распутина.

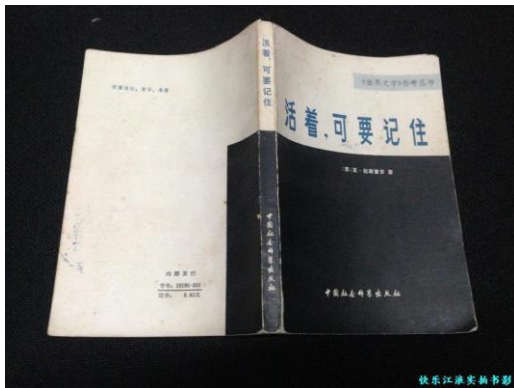
Key words: the visit of V.G. Rasputin to China, translation and film adaptation of the works of V.G. Rasputin.

Произведения крупнейшего российского писателя нашего времени В.Г. Распутина пользуются большой популярностью у нас в КНР.

Из-за «культурной революции» знакомство наших читателей с ним запоздало. Первое произведение этого автора, пришедшее в Китай — повесть «Живи и помни» — в 1978 г. была издана в серии избранных произведений мировой литературы издательством «Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ» («Общественные науки Китая»). В тот период Китай еще не полностью избавился от идеологических догм «культурной революции», китайско-советские отношения еще не нормализовались, поэтому издательство, словно оправдываясь, сопровождало повесть осторожным комментарием. В «Предисловии редактора», где излагался творческий путь писателя, говорилось: «В.Г. Распутин стал одной из самых заметных фигур в современной советской литературе. Объясняется это, во-первых, тем, что в его произведениях налицо трогательные сюжеты, определенное мастерство, позволяющее создавать типичные образы. Во-вторых, его произведения трактуют моральные проблемы в соответствии с требованиями советских ревизионистских лидеров. В чем различие между этой повестью и другими советскими произведениями о войне? Почему именно она вызвала одобрение советских властей и получила государственную премию? Следует задуматься над этим. Мы издаем перевод этой повести для того, чтобы наши читатели могли познакомиться с нею и подвергнуть ее критике». На книге стоял гриф: «Для внутреннего пользования».

Это первый китайский перевод «Живи и помни»

快乐江澳书影 活着, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住.

Живи и помни. Пекин: Издательство «Общественные науки Китая», 1978. Переводчики: Ли Ляньшу, Жэн да-э.

В последующие годы творчество Распутина почти все было переведено на китайский язык и приобрело заслуженную известность в Китае. Среди его произведений повесть «Живи и помни» станет самой известной в Китае, она была издана несколькими издательствами в разных переводах, и по этой книге был снят одноименный китайский фильм.

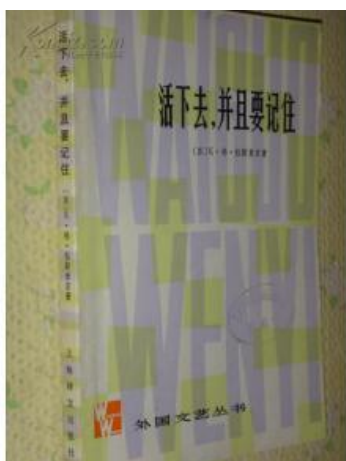
Это второй китайский перевод «Живи и помни»

活着, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住. 霍奇杰, 可要记住.

Живи и помни. Нанкин: Издательство «Цзянцзюньский народ», 1979. Переводчик: Кафедра европо-американской культуры факультета иностранных языков Нанкинского университета

Это третий китайский перевод «Живи и помни»

Хосяцюй, биньче яо цзичжу. Шанхай ивэн чубаньшэ.
Живи и помни. Шанхай: Издательство «Шанхайский перевод», 1979. Переводчики: Фэн И-инь и другие.

Это четвертый китайский перевод «Живи и помни»

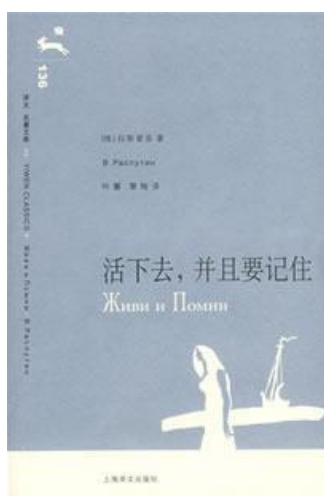

Хосяцюй, биньче яо цзичжу. Лицзян чубаньшэ.
Живи и помни. Гуйлинь: Издательство «Река Лицзян», 1997. Переводчики: Ван Найчжо и другие.

Это пятый китайский перевод «Живи и помни»

Хосяцюй, биньче яо цзичжэ. Шанхай ивэн чубаньшэ.
Живи и помни. Шанхай: Издательство «Шанхайский перевод», 2004. Переводчики: Инь Синь, Хуэймэй
В 2008 г. этот пятый китайский перевод появился новым изданием в этом издательстве.

Хосяцюй, биньче яо цзичжэ. Шанхай ивэн чубаньшэ.
Живи и помни. Шанхай: Издательство «Шанхайский перевод», 2008. Переводчики: Инь Синь, Хуэймэй.

В 2000 г. китайские кинематографисты экранизировали повесть В.Г. Распутина «Живи и помни». Сделала это киностудия «Внутренняя Монголия» (режиссеры Шай Фу и Май Ниси, оператор Му Дэнюань, в главной роли актриса Лю Син). Титры фильма гласят, что в нем «частично использован сюжет одноименной повести» Распутина. Действительно, сюжет повести несколько изменен, однако сохранен основной ход событий, равно как и расстановка главных героев. Отечественная война СССР превратилась в Войну против японской агрессии в Китае, деревню на берегу Ангары заменило село на севере Китая, Андрей стал Маншэном, Настена — Сифэн.

В начале фильма звучит голос за кадром: «В 1942 году война против японских захватчиков вступила в самый серьезный и трудный этап. Японские войска четырежды проводили наступательные экспедиции против Освобожденного района в северном Китае. Партизанский отряд уезда Пинъюань понес большие потери, количество бойцов сократилось с 473 до 84». На этом историческим фоне и разыгралась драматическая история в ее китайском варианте.

Маншэн — боец партизанского отряда. Его старший брат, тоже партизан, погиб в боях с японскими оккупантами. Попав в серьезное и трудное положение, Маншэн не выдержал испытания и сбежал из казармы партизанского отряда в родную деревню. В ходе побега из казармы, он застрелил часового, который пытался его остановить. Жена Маншэн Сифэн, от которой он скрыл правду в начале, помогла ему спрятаться в горной пещере и там постоянно навещала его. Вскоре она забеременела. Полагая, что Маншэн находится у партизан, а Сифэн изменила ему, ее свекровь решила выгнать ее из дома.

Тем временем в дом Маншэна пришли два товарища из партизанского отряда и сообщили о том, что Маншэн натворил: стал дезертиром и убийцей. Семью преступника охватили печаль и отчаяние. Партизаны приговорили преступника к смертной казни, но отказались от ее исполнения: ведь старший брат Маншэна — Герой, павший за Родину, и, значит, его семья — это Семья Героя. Сифэн была удивлена, зла и сказала мужу: «Ты мне больше не муж, я презираю тебя. Я жалею, что стала твоей женой».

Финал фильма таков. Маншэн, его отец и жена уединились в укромном месте за горой. Отец хочет убить своего сына, опозорившего весь род, и целится в него из винтовки. Сифэн отнимает у него винтовку. Маншэн уже понял, какое зло он совершил, как низко пал. Он просит казнить его и поворачивается спиной к жене, готовый принять пулю. Но жена медлит, не в силах нажать на спуск, руки у нее дрожат. Не выдержав ожидания, Маншэн медленно поворачивается и с возгласом «Не-е-ет!» бросается к жене. И в этот момент раздается выстрел, и Маншэн падает на землю. Сифэн стоит с винтовкой, ее глаза полны слез. Женский голос за кадром выводит пронзительную печальную мелодию.

В повести Распутина Настена покончила с собой, бросившись в воды Ангары. В фильме Сифэн выстрелила в мужа. Финал фильма отражает традиционную китайскую приверженность принципам, убежденность, что они стоят выше родственных связей, что ради принципов этими связями можно и нужно пожертвовать. В китайском фильме, основанном на русской повести, воплощено китайское осмысление таких понятий, как любовь, семья, слава, война, национальный дух, интересы Родины.

Реклама китайского фильма «Живи и помни»

Сифэн – китайская Настена. Имя Сифэн в китайском языке значит веселый феникс.

Сифэн, ее свекровь и свекор

Муж признался, что он дезертир, убийца. Сифэн сказала супругу: «...я презираю тебя. Я жалею, что стала твоей женой».

Сифэн отнимает у свекра винтовку. Муж уже понял, какое зло он совершил, как низко пал. Он просит казнить его и поворачивается спиной к жене, готовый принять пулю.

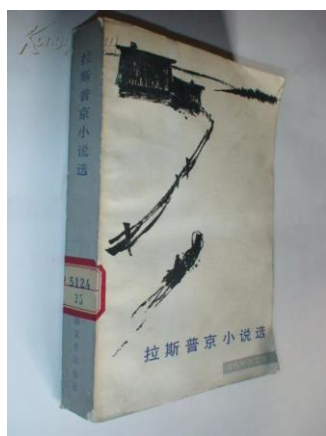
Китайская экранная версия повести «Живи и помни» – яркий пример плодотворных культурных обменов между нашими двумя странами.

Последние двадцать с лишним лет телевизоры появились почти в каждой китайской семье. Благодаря телевидению миллионы китайских зрителей получили возможность узнать не только «Живи и помни», но и сериалы «Как закалялась сталь», «А зори здесь тихие», которые китайские художники снимали на основе одноименных советских произведений.

В августе 2011 г. Московский Художественный Театр впервые выступил в Китае, играл драмы «Живи и помни» В. Распутина, «Вишневый сад» А. Чехова и «Белая гвардия» М.А. Булгакова в Пекинском Столичном Театре.

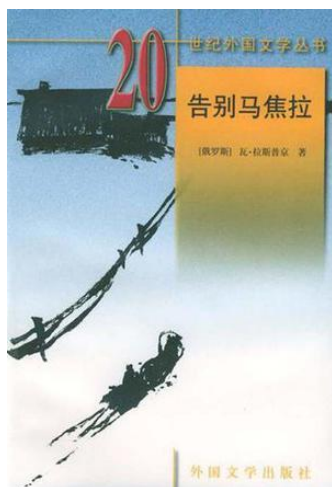
В газете «Китайская культура» было написано: «В драме “Живи и помни”, основанной на одноименной повести Распутина, главную роль играет жена дезертира Андрея, заставляет задуматься на такие темы, как война, мир, любовь и выживание».

Кроме «Живи и помни», другие произведения В. Распутина тоже были переведены в Китае.

Избранные повести В. Распутина, Пекин: Издательство «Зарубежная литература», 1982. Переводчики: Ван Найчжо. В нем три повести: «Прощание с Матерой», «Последний срок», «Деньги

для Марии».

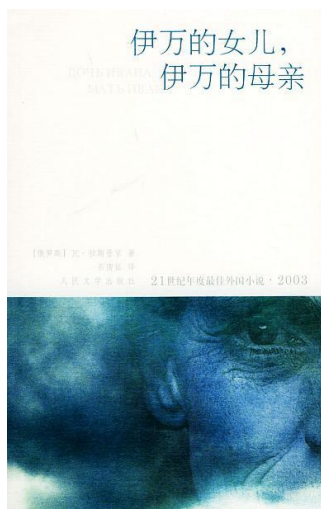
«Прощание с Матерой». Пекин: Издательство «Зарубежная литература», 1999. Переводчики: Дон Ли-у и другие. В этой книге две повести: «Прощание с Матерой», «Живи и помни».

Избранные новые произведения В. Распутина, Пекин: Издательство «Народная литература», 2004. Переводчики: Жэн Гуансюань, Лю Вэнфэй. В нем 13 новых произведений, которые написал писатель в 90-годах 20-го века, например «В ту же землю».

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» получила государственную премию в России. Высоко оценили ее и в Китае. В 2004 г. издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Народная литература») выпустило перевод этой повести, Китайская ассоциация зарубежной литературы присудила ей премию в номинации «Лучшие зарубежные художественные произведения 2003 года». Сам автор не смог приехать в Китай на церемонию вручения премии по состоянию

здоровья.

«Дочь Ивана, мать Ивана». Пекин: Издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Народная литература»), 2004 г. Переводчик—Ши Нанчжэн.

В последние годы, Китай не только выпустил отдельные книгу В. Распутина, но и разместил его произведения в сборнике российской литературы, например, в «Сборник современной российской прозы» включен его «В ту же землю».

Элосы дан дай сяшо цзи (Сборник современной российской прозы). Пекин: «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» (Издательство «Народная литература»), 2006 г. 731 С. Переводчики: Чжан Цзянхуа и другие, всего 28.

В этом сборнике 43 современных произведения российских писателей, в том числе «В ту же землю» В. Распутина. Президент Общества российских писателей А.В. Ганичев отметил, что в этом сборнике можно видеть панораму российской литературы.

Произведения В. Распутина вызвали одинаковые чувства у китайских читателей, потому что в

Китае существует те социальные явления, которые существуют в российском обществе. Распутин описал эти явления, отражающие желания китайского народа. Например, «Последний срок» описывает, как старая мать при смерти желает видеться со своими детьми, а ее сыновья и дочери равнодушно относятся к ней. В Китае также существуют такие социальные проблемы повсеместно, не мало детей отказываются взять на себя обязанность кормить своих старых родителей, но стремятся бороться с братьями и сестрами за наследство родители. Есть китайская поговорка: «отец может прокормить своих девять сыновей, но эти девять сыновей не могут прокормить своего отца». «В ту же землю» тоже отражает горе китайцев, потому что в Китае расходы на похороны и погребение становится выше и выше. Китайцы жалуются: «Жить нельзя и нельзя умереть», «Жить – это тяжелое дело, умереть – тоже».

Китайские литературоведы изучают с энтузиазмом творчество В. Распутина. в 2006 г. Ван Пэй-ин опубликовала статью «Социальная проблематика в прозе В.Г. Распутина». В ней отмечалось: «После распада СССР российское общество круто переменялось, возникло множество проблем, таких как коррупция среди чиновников, рост преступности, падение общественной морали... Литературное творчество Распутина после 1990 г., в особенности такие работы, как “Дочь Ивана, мать Ивана”, вскрывает жестокую реальность нового российского общества, наполнено стремлением найти выход для страны». (Ван Пэй-ин. Гуаньюй Ласыпуцзинь сяошо чжун дэ шэхуэй вэньти тоуши. “Шэхуэй кэсюэчжаньсянь” (Социальная проблематика в прозе В.Г. Распутина «Фронт общественных наук»). Шэньян, 2006. № 2.)

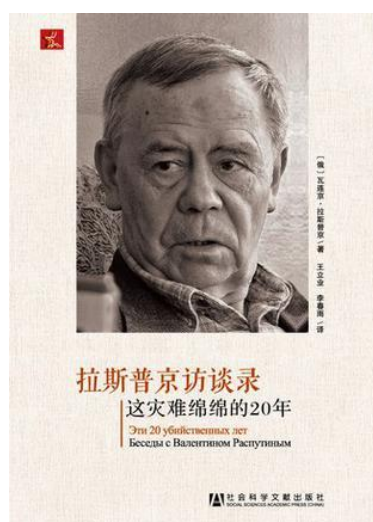
Китайские аспиранты изучают произведения В. Распутина, чтобы писать свои дипломные работы. На данный момент в Китае уже выполнены одна докторская диссертация (Чжао Ян: «Комплекс родной деревни в произведениях В. Распутина». Шанхайский университет иностранных языков, 2005, Шанхай. 赵杨:《拉斯普京作品中的乡土意识》。上海外国语大学, 2005年。), и 16 магистерских диссертаций, которые касаются следующих тем в произведениях В. Распутина: экологическая идея, моральная концепция, комплекс старых людей, религиозное сознание, географические особенности, имидж женщины, разница творчества писателя в нескольких течениях и т.д.

Сейчас в Китае уже издано 2 монографии по результатам изучения творчества В. Распутина, одна из них – «Исследование творчества В.Г. Распутина», которую выполнили трое женщин-ученых Даляньского университета иностранных языков, а другая – «Комплекс родной деревни и национализм в современной русской литературе: произведения В. Распутина как образец» [Ян, 2014], автор которой Чжао Ян. Очевидно, что монография Чжао Яна была расширенной и умноженной версией ее вышеуказанной докторской диссертации.

Сун Юйхуа, Ван Нидан, Лю Хун: Ласыпуцзин цуанчжо яньцзю (Исследование творчества В.Г. Распутина). Пекин: «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» (Издательство «Народная литература»), 2009 г. С. 227.

Китайцы обратили внимание на публицистику и взгляды В. Распутина на разные общественные вопросы, и перевели и издали его «Эти двадцать убийственных лет»

«Эти двадцать убийственных лет». Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэнсян чубаньшэ (Издательство «Документы общественных наук»), 2013. Переводчики: Ван Ли-е, Ли Цун-юй, и другие.

Китайское издательство разместило «Эти двадцать убийственных лет» в «Серии книги: Исследование мирового социализма. Серия Справочник», причина в том, что Китай считает, что распад первой социалистической страны СССР – это трагедия и тяжелое поражение международного коммунистического движения, цель перевода «Эти двадцать убийственных лет»

– Китай хотел бы рассказать китайским читателям, что Россия страдает от последствий этой трагедии, Китай должен смотреть на это как на урок. Для такой же цели Китай перевел и издал мемуары руководителей М. Горбачева, Н. Рыжкова («Величайшая историческая трагедия»), последнего председателя КГБ В. Крючкова и т.д.

22 мая 2006 г. в рамках «Года России в Китае», В.Г. Распутин посетил Китай как член делегации одиннадцати известных российских писателей, возглавленную А.В. Ганичевым. Они побывали в Пекине, Харбине, Нанкине, Ханчжоу и Шанхае.

В Пекине в Китайском обществе по изучению зарубежной литературы открылся форум писателей двух стран. Тема форума: «Китайская и российская литература — духовный мост: задачи в XXI веке». Состоялась презентация нового китайского «Сборника современной российской прозы», в который вошли и произведение Распутина. Как «живой классик», он был, безусловно, главной фигурой на форуме. В своем выступлении он отметил, что после распада СССР издавать произведения российских писателей на Западе стало очень трудно, некоторые издательства даже расторгли контракты с российскими авторами. В Китае же постоянно внимательно следят за русской литературой. «Когда мне прислали из КНР перевод моей повести, я был очень взволнован. Я вглядывался в иероглифы — мне кажется, они — не земного происхождения, они — творение неба».

Впоследствии он вспоминал: «До того, как телевидение сообщило о моем награждении в КНР, о том, что мои книги издают в Китае, российская пресса долгое время считала, что я уже умер как писатель. После этого события она вспомнила обо мне. Большое спасибо Издательству «Народная литература», благодаря ему люди знают, что я еще жив».

Директор Издательства «Народная литература» после своего выступления подарил большой букет цветов В. Распутину, выражая уважение. Распутин благодарил его, потом с юмором сказал, что несмотря на то, что он мужчина, он тоже любит цветы, хотя мало людей дарят ему цветы. Он продолжает: это был самый большой букет цветов, который он получил в его жизни, и вероятно, это последний букет цветов, который он получил, потому что он чувствовал, что жить ему осталось немного. Эти слова были грустные, слушатели поняли, что они исходят из его сердца.

Делегация российских писателей посетила столицу провинции Цзянсу г. Нанкин, где встретилась с местными писателями и преподавателями, студентами факультета русского языка Нанкинского университета. Вместе они обсуждали такие проблемы, как положение дел с публикацией художественной литературы, место писателя в обществе, влияние вредоносной литературы на общество и т.д. По мнению Распутина, в условиях глобализации и перехода к рыночным отношениям крайне необходим обмен между литераторами разных стран. Он предложил собрать писателей с добрыми сердцами со всего мира, чтобы общими усилиями ис-

следовать возможности развития нравственно полноценной литературы.

В. Распутин выступил в Нанкине.

В. Распутин и другие российские писатели посетили достопримечательности в Нанкине.

Его слова вызвали горячий отклик у китайских коллег. В Китае, как и в России и во многих других странах в литературе существуют негативные явления: порнография, культ насилия, пошлость, мещанство и т.д. Они загрязняют атмосферу нашего общества, его традиционную культуру, и, в конечном счете, наносят вред народу, особенно молодежи. Это беспокоит китайскую интеллигенцию. Очищать духовную атмосферу общества – вот в чем состоит долг писателей, их обязанность перед обществом.

Во время пребывания делегации российских писателей в г. Харбине В.Г. Распутин тоже высказал вышесказанные идеи и призвал писателей двух стран вместе бороться против гнилых течений в литературе. В российской литературе, отметил он, сейчас немало произведений, отличающихся скудной лексикой, но зато наполненных нецензурными словами. В мире появилось

много писателей, не знающих, о чем писать. Чем это вызвано? В России есть писатели, которые создают высоконравственные произведения, но они не вызывают интереса у издателей.

Перевод, распространение и влияние произведений В.Г. Распутина, происходящее в различных формах в Китае — важная составная часть китайско-русских культурных связей.

Данная статья — расширенная и переработанная версия статьи Ли Суй-ана: Повести Валентина Распутина в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2007 г. № 1. С.156-158. Рисунки и материалы были собраны в Интернете и электронных библиотеках Китая).

Манелиду И.А.
Фракийский Университет им. Демокрита
г. Комотины (Греция)

Manelidou Iona
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

К ВОПРОСУ, ЗАЧЕМ НУЖНЫ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

TO THE QUESTION WHY DO WE NEED NEW TRANSLATIONS

В условиях очень сложной экономико-политической ситуации в нашей стране, приходится искать, часто изобретать или использовать методы и разные навыки, которые до сих пор не были может быть востребованы. Приходится создавать новые условия, вступать в иные отношения со студентами для того, чтобы добиться качественных результатов в области преподавания русского языка как иностранного, а литература здесь как Бог в помощь!

В данной статье мы попытались ответить на вопрос, зачем нужны новые переводы, рассматривая параллельные тексты, качество переводов, роль переводчика как апостола, что распространяет учения-произведения. Насколько внимательным должен быть такой человек к тому, что мы называем «словом». Мы говорим о том естественном языке, который лучше любого учёного оперирует такими «модными» нынче понятиями как пространство, время и т.д. через сверхструктуру своего бытия. Он свободен, в нём присутствует «необходимость себя» и нас же к этому призывает.

Не знаю, ответили ли мы на вопрос, зачем нужны новые переводы, судить вам, но в этом процессе у нас встал новый вопрос – всегда ли нужны новые переводы или можно иногда ограничиваться редактированием уже существующих для восстановления текстов художественной литературы, которая является культурным наследием России, для выполнения нашего долга, сближать народы устранением всякого рода недопонимания между ними?

Economical and political situation in our country is difficult. We face problems and issues that need different approach in foreign language teaching, seeking for another methods and skills, looking for new relationship between *teaching* practices and student achievement, of course literature here is a God's gift coming to help.

With this article we tried to answer the question why we do need new translations. We use parallel texts, translations and speak about important role of translators and teachers. We speak about natural language which gives us better than scientists understanding of concepts like space and time etc. via it's superstructure of being, about "word" and how careful we have to be with. Language is freedom, has understanding of freedom as an "importance of itself" calling us to do the same.

We don't know if we answered the question why we do need new translations, you will judge better, but during this work we get a new question – do we always need new translations or would be enough to reconstruct or reedit old ones to make it one's duty – to protect cultural heritage of Russia and bring nations closer to each other avoiding any misunderstanding between them.

Ключевые слова: наследие России, работа со студентами, сопоставительный анализ стихотворений

Key words: Russian heritage, work with students, a comparative analysis of the poems

За последние десятилетия во всём мире наблюдается некая очень неприятная отрицательная «вибрация» (или, если хотите «отрицательный резус фактор») по отношению к гуманитарным

предметам и к гуманитариям. Это сильно влияет на нас и, часто вызывает некий комплекс, который мешает работать и может даже привести к депрессии от чувства неполноценности, которое этот комплекс производит. Я часто наблюдаю у студентов подобные явления, у которых не получилось с математикой и они были вынуждены пойти в гуманитарном направлении. Не буду на этом останавливаться – это отдельная, очень большая тема для обсуждения, которая могла бы раскрыть всю сущность «гуманитарного кризиса» в человеческом мире.¹

Несмотря на все это, данная отрицательная аура, зачастую создаёт предпосылки для созидательного труда, чтобы как-то все это исправить или чтобы поменять отношения, которые желали бы, конечно, чего-то лучшего.

Большая часть моих первых студентов на первых же уроках по литературе беспардонно заявили мне, что не читают литературные тексты, не интересуются поэзией и вообще случайно попали на конкретный факультет этого университета, а остались на нём и продолжают учиться (находиться) только ради желания их родителей. А что касается языка, так тут-то вся проблема. С одной стороны, понятно зачем и на основе каких серьёзных причин им необходимо учить русский язык. Это туризм, международные отношения, дипломатия и т.д. А серьёзного личного интереса к его изучению никакого, ну просто ноль.

Я очень хорошо понимала, что надо приучить к чтению. Одним из первых произведений русской литературы, которое я предложила прочитать на уроке (раздала всем копии рассказа на двух языках: русском и греческом) был рассказ А.П. Чехова «Хамелеон». Я тогда не могла себе представить, что совсем молодые студенты, 3-го курса, причём большинство из них, станут оправдывать поведение полицейского надзирателя Очумелова и с симпатией к нему относиться. А одна студентка к концу урока с иронией спросила, – «Ну и что?» Продолжая приблизительно так – мне безразлично это произведение, лишняя трата времени, какая от этого польза, чего вы добились и т.п. Никто не отреагировал никак, все студенты явно были согласны с ней (после того урока я не спала несколько ночей и всё время хотелось плакать).

Так вот в тот момент, я поняла, что так проводить уроки, я не в состоянии и не буду, даже если меня снимут с работы или просто не продлят контракт. С минуту я стояла, потеряв дар речи, но мой мозг работал на полной мощности. Через минуту я проговорила идею, которую ещё не успела осознать, а уже озвучила. Я предложила студентам на следующий урок прийти со своими произведениями, т.е. рассказами или стихами русских писателей и поэтов, которые они сами выберут. Да и я одно на мой выбор принесу и обменяемся, сказала, и тут же в ответ услышала особое оживление в аудитории и абсолютное согласие студентов – они с радостью приняли идею-

¹ «гуманитарный кризис» - я имею в виду духовный, человеческий кризис Человека, на пути которого огромной стеной встала «машина».

предложение. Так оно всё и началось.

А несколько лет спустя вечер русской литературы на отделении стал традицией, одним из самых любимых (осмеливаюсь сказать) занятий и праздником для наших студентов русского направления. Последние два года всё больше и больше студентов пробуют себя в художественном переводе и, если хорошо получается, мы презентуем и читаем их тексты на вечере литературы.

Случай, который произошёл на одном из уроков литературы стал причиной тому, что мы стали обращать и уделять серьёзное внимание переводу и всему, что касается перевода, а я приобрела очень важное «орудие труда», которым стала пользоваться при преподавании русского языка, не скрою – самая трудная задача – как преподавать эффективно.

Итак, на урок литературы студенты приносят «свои» произведения русской литературы, презентуют и зачитывают их в аудитории, потом мы приступаем к разбору произведений, даём информацию о писателе или поэте, к какому веку относится, к какому течению, если явно проникает, то к какой исторической дате, событию, периоду относится и т.д. Но самое важное и сложное это презентация на языке оригинала. Если это стихотворение читаем полный текст, если рассказ или большое произведение (реже), зачитываются отрывки на обоих языках. Это не всегда происходит и не все студенты работают так. И вот, студент принёс стихотворение «Завет бытия» поэта-символиста К.Д. Бальмонта из двуязычного сборника стихотворений «Ρώσοι ποιητές του XX αιώνα»² - Русские поэты XX века, выпущенный в 2004ом году. Он был очень рад, что нашёл наконец-то стихотворение, которое ему понравилось и которое ему по душе. Он также был очень горд за то, что нашёл манифест символистов, написанный французским поэтом, греком по происхождению, Жаном Мореасом и, прочитал нам этот манифест. Всё шло хорошо, но мне и слушающим его студентам показалось, что с греческим переводом стихотворения что-то не клеилось и очень мешало. Я попросила студента ещё раз прочитать стихи на обоих языках. И тогда всё прояснилось и стало на свои места, и всё было понятно. Посмотрите как всё выглядело

² Γ. Μολέσκης. «Ρώσοι ποιητές του XX αιώνα». Ελληνικά γράμματα, 2004

Завет бытия

Я спросил у свободного ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым. Мне
ответил играющий ветер: «Будь воздушным,
как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: **«Гори!»** (подчёркнуто
мною – И.М)

1903, К.Д. Бальмонт

Я не стану комментировать тексты, хочу лишь обратить ваше внимание на перевод последнего, много решающего для стихотворения, слова «Гори!». Форма *gori* – это форма повелительного наклонения, единственного числа, от глагола *несовершенного вида* гореть. Если грамматически правильно эту форму перевести на греческий язык, то у нас получается форма «*να καίγεις*», что и означает «гори», а не «сгори», т.е. «*να καίεις*» как в тексте перевода.

Η υποθήκη της ζωής

Τον ελεύθερο ρώτησα Άνεμο?
Πώς να μείνω πάντα νέος;
Μ' απάντησε παίζοντας ο Άνεμος:
«Να είσαι πάντα σαν άνεμος αέρινος!»

Την παντοδύναμη ρώτησα θάλασσα?
Ποια η υποθήκη της ζωής;
Η ηχηρή μ' απάντησε θάλασσα:
«Όπως εγώ πάντα να ηχείς!».

Τον πανύψηλο ρώτησα Ήλιο?
Πώς να λάμψω φωτεινότερος της Αυγής;
Τίποτα δεν μ' απάντησε ο Ήλιος?
Ωστόσο άκουσε η ψυχή: **«Να καείς!»**
(подчёркнуто мною – И.М)

1903, Κ. Μπαλμόντ

На уроке не составляет сложности объяснение грамматики, а дать почувствовать русский язык сложно. Такие примеры однако очень помогают моим студентам почувствовать, а для меня это, с одной стороны, большая помощь – студенты начинают лучше усваивать материал и больше читать текстов на русском языке, а, с другой стороны, отпадает вопрос – зачем заново переводить?³ Ответ очень прост: чтобы восстанавливать разрушенные тексты! Но, конечно, это всё не так просто как может показаться с первого взгляда и с первого яркого примера. Художественный перевод дело тонкое, сложное, многоуровневое, требующее определённого таланта, эрудиции, очень тяжёлая работа. А для преподавания языка использование параллельных текстов художественной литературы (оригинала и уже существующего его перевода) является серьёзным и эффективным, по-моему мнению, «орудием» труда, если так можно выразиться, для преподавателя. И конечно, одновременно такая работа может приводить к новым открытиям в области перевода с русского на греческий и, наоборот, дополнить уже существующие программы типа «bubble fish».

Я могу привести вам множество примеров, доказывающих необходимость такой работы, но ограничусь некоторыми очень яркими, с которыми я и мои студенты сталкивались в последние годы. Эти примеры, конечно же, не являются лишь доказательством необходимости, о которой мы говорили выше, но и являются предлогом для осмысления таких этнокультурных лакун, которые сплошь и рядом заполняют коммуникацию в межкультурном пространстве, часто приводя народы к, в какой-то степени, нейтральности в отношениях, а в последствии и к непониманию (недомолвкам) и к недоверию, что и в сегодняшнем мире может стать в какой-то степени и опасным, как, впрочем, и в прошлом.

При работе над текстами «Госпожа ЛенИн» Велимира Хлебникова и «Студент» Антона Павловича Чехова (обратите внимание – оба произведения были самостоятельно найдены и выбраны студентками для уроков русской литературы), мы наблюдали проблемы иного рода. Например, в пьесе В. Хлебникова «Госпожа ЛенИн»⁴ есть такой отрывок:

Г о л о с З р е н и я . *Дверь раскрылась.*

Г о л о с С л у х а . *Вот их слова: **«Госпожа больная, будьте добры перейти. Господин врач приказал».*** (подчёркнуто мной – И.М)

Г о л о с В о л и . *Нет.*

Действующие лица в пьесе такие как голос Зрения, слуха, воли и др. принадлежат госпоже ЛенИн, которая действительно больна и ни с кем не разговаривает, а с ней разговаривают её

³ Тут встаёт вопрос надо ли всё переводить сначала или можно ограничиться редактированием уже существующих переводов?

⁴ Русская виртуальная библиотека [Электронный ресурс] / Велимир Хлебников. Творения / РВБ1999-2003. – Режим доступа: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/05drama/224.htm>

разные органы, передавая ей информацию из окружающего её мира, с которым она отказалась общаться – поэтому голос Воли всё время отвечает: «– Нет».

В греческом переводе пьесы «*Η κυρία Λένιν*»⁵, который уже начинается с ошибки – неправильное ударение в заголовке пьесы на слове-фамилии *Λένιν* (т.е. ЛЕнин) – в русском заголовке пьесы *ЛенИн*, этот же отрывок выглядит так:

Η φωνής της Οράσεως. *Η πόρτα άνοιξε.*

Η φωνή της Ακοής. *Να τα λόγια τους: «Η κυρία είναι άρρωστη, αν έχετε την καλοσύνη να ξανάρθετε. Ο κύριος γιατρός έτσι διέταξε».* (подчёркнуто мной – И.М) («*Госпожа больна, будьте добры, приходите в другой раз. Так приказал господин врач*») (перевод мой –И.М.)

Η φωνή της Βουλήσεως. *Όχι.*

В этом отрывке Слух госпожи ЛенИн слышит слова, которые произносят работники психиатрической больницы, пришедшие за ней к ней домой. Они *Её* просят перейти, а не кого-то, кому объясняют, что госпожа больна – как это получается в греческом переводе пьесы. Конфуз – вот *что* происходит при такой невнимательности переводчика к структуре предложений. И начинается тщетная трата энергии на выяснение абсурда. Внимательный и образованный читатель может быстро осмыслить всю ситуация и понять, что это просто оплошность переводчика, а другие...?

Перевод, который мы предложили, точнее сказать исправили ошибку, определив правильно использование формы прилагательного «больная» как *подлежащего*, а не *сказуемого* в данном предложении, мы убрали проблему смысловую, понятийную, но как это не странно и художественную.

Так выглядит отрывок из греческого текста теперь:

Η φωνής της Οράσεως. *Η πόρτα άνοιξε.*

Η φωνή της Ακοής. *Να τα λόγια τους: «Κυρία άρρωστη, αν έχετε την καλοσύνη, περάστε. Ο κύριος γιατρός διέταξε».* (подчёркнуто мной – И.М)

Η φωνή της Βουλήσεως. *Όχι.*

Даже не понимая, не зная греческого языка, поставьте эти два перевода рядом и вы увидите разницу по структуре двух предложений, все наверняка знают, что в греческом языке в предложениях настоящего времени не отсутствует глагол-связка *είναι* (*есть*) .

1. «*Η κυρία είναι άρρωστη, αν έχετε την καλοσύνη να ξανάρθετε. Ο κύριος γιατρός έτσι διέταξε*».

Η κυρία είναι άρρωστη – *госпожа* *Π*(*одлежащее*) *больна* *С*(*казуемое*)

⁵ Samizdat project [Электронный ресурс] / Βελμίρ Χλέμπνικοφ. Η κυρία Λένιν. – *Μτφ: Δημήτρης Β. Τριανταφυλλίδης*. - 26 July 2011. - Режим доступа: http://samizdatproject.blogspot.gr/2011/07/blog-post_26.html

(подчёркнуто мной – И.М), (перевод мой –И.М.)

2. **«Κυρία άρρωστη, αν έχετε την καλοσύνη περάστε. Ο κύριος γιατρός έτσι διέταξε».**

Κυρία άρρωστη – госпожа больная Обращение

(подчёркнуто мной – И.М), (перевод мой –И.М.)

И ещё один пример, последний, имеющий иную природу, чем два предыдущих. В рассказе «Студент» А.П. Чехова в греческом переводе очень серьёзного издательства, говорится о том, что студент Иван Великопольский возвращался не с тяги (т.е. с охоты или с места охоты на вальдшнепов) как это у Чехова в оригинале, а с *έλκυση*, что в греческо-русском словаре Хорикова⁶ определяется как: 1. *Волочение, тяга*, 2. *Притяжение, тяготение*, 3. *Вытаскивание, извлечение и* 4. *Влечение*. Понятно, что даже пользуясь словарём никто не мог бы понять (я имею в виду студента, изучающего русский язык или просто грека-читателя), откуда студент шёл. Переводчик это понимает и делает сноску, где расшифровывает следующим образом это слово, привожу сноску из книги на греческом языке⁷ и её перевод на русский: «Ελκυση, εδώ το τράβηγμα των αλόγων που είναι ζεμένα στο αλέτρι» - «Тяга, здесь означает Волочение лошадей, которые запряжены в плуг». А если это расшифровать получается, что студент шёл с Волочения/(тяги) лошадей...?

Мне хочется тут поблагодарить своих студентов за прожитые вместе прекрасные годы совместного сотрудничества и накопленный опыт благодаря этому сотрудничеству. И очень хотелось поделиться этим опытом со своими коллегами из разных стран и «открыть» с ними диалог.

Согласитесь, что всё реже и реже (особенно в Периферии) мы встречаемся с читающими, думающими и философствующими студентами. Так сложилось, или у меня сложилось такое впечатление, что в современном *аудиовизуальном* мире положение гуманитарных вузов резко ухудшилось и, мне лично на своём факультете часто приходится заниматься «ликбезом», чтобы научить самому простому своих студентов, нет, наверное, было правильно сказать самому сложному в нашем деле – «правильному чтению». Я не имею в виду преподавание алфавита. Чтению слов, смыслов, текстов, художественных текстов, особенно поэтических на их родном языке для начала по переводам.

Одной из основных проблем, по моему мнению, является проблема быстрого чтения и *производство* количества, а не качества на всех уровнях и ступенях развития современного человека. В противовес этому феномену предлагается феномен «slow reading», т.е. медленное чтение, что особо важно при чтении качественной художественной литературы, особенно поэзии.

⁶ Новогреческо-русский словарь/ И.П. Хориков, М.Г. Малев. Москва: «Культуры и традиции», 1993г.

⁷ А.П.Тσέχοφ / Επιλογή από το έργο του: 21 Νουβέλες και Δηγήματα. Κεδρος, 1998.

Ведь каждое слово для поэта и писателя прошло через «огонь и воду и медные трубы», чтобы оказаться там – в стихотворении, в рассказе, в романе и т.д. А переводчики, зачастую приносят в жертву с такой лёгкостью смыслы рифмам или времени и т.д. Вспомним Ницше. Он с такой серьёзностью, мне кажется, говорил, что мы читаем *сперва* пальцами, а *потом* уже глазами. Достаточно зайти на Викисловарь, чтобы было быстро, и посмотреть на семантические свойства русского слова читать, вполне достаточно взглянуть на 1-ое данное значение – «воспринимать (как правило, с помощью зрения, реже тактильно, обонятельно и т.д.)», чтобы почувствовать и как-то постараться понять проблему не только молодого современного человека (для меня греческого студента) по отношению к *слову*, а и человека XX столетия, который зачастую кажется даже ещё не «грамотнее» этого сегодняшнего молодого человека XXI аудиовизуального века, ведь они *его* переводы читают и будут читать.

Почему новое поколение не любит читать, не хочет и просто не читает художественную литературу, да и вообще литературу в оригинале, в переводе ли. Это другая тема, тоже очень большая, для другого разговора. А чтобы не резко прервать текст, мне кажется, что проблема в их довузовском образовании, т.е. в школе. Они в школе не обучаются в сущности мышлению, самостоятельному мышлению, а наоборот, всячески поощряется всякая зубрёжка и присвоение чужих мыслей и идей. И, естественно, это становится одной из основных причин неправильного чтения или даже неумения читать. А уж о любви к чтению не приходится говорить. Но это, конечно же, проблема не только современного образования, а образования – как образовательной системы человеческих обществ в целом, а в частности с тех пор, как я себя помню. Читающий тоже может быть не думающим – здесь уместен «смайлик», что мы привыкли отправлять по e - мейлам и т.д.

На этом я прощаюсь с вами и хочу всем пожелать добра, счастья и успехов в работе.

Список литературы

- Новогреческо-русский словарь*/ И.П.Хориков, М.Г. Малев. Москва: «Культуры и традиции», 1993г.
Α.Π.Τσέχοφ / Επιλογή από το έργο του: 21 Νουβέλες και Δηγήματα. Κεδρός, 1998.
Русская виртуальная библиотека [Электронный ресурс] / Велимир Хлебников. Творения / РВБ1999-2003. – Режим доступа: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/05drama/224.htm>
Γραμματική της Ρωσικής γλώσσας / Σβετλάνα Μαμαλούι-Αντώνης Τρακάδας. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2013.
Γ. Μολέσκης Ρώσοι ποιητές του XX αιώνα. Ελληνικά γράμματα, 2004
Samizdat project [Электронный ресурс] / Βελμίρ Χλέμπνικοφ. Η κυρία Λένιν. – *Μτφ: Δημήτρης Β. Τριανταφυλλίδης* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://samizdatproject.blogspot.gr/2011/07/blog-post_26.html (26 July 2011).

Мещерикова А.Ю.
Всероссийский государственный университет
кинематографии им. С.А.Герасимова (ВГИК)
г. Москва (Россия)

Meshcherikova Alina
Russian State University of Cinematography
named after S.A.Gerasimov (VGIK)
Moscow (Russia)

*ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
ОБЪЕДИНЕННЫХ ГРУПП СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ*

*THE PARTICULARITIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO MIXED-
SUBJECT GROUP OF ART STUDENTS*

В докладе рассматриваются некоторые аспекты организации и методики обучения русскому языку как иностранному так называемых объединенных, или смешанных, групп студентов творческих вузов. На примере обучения иностранных студентов киновуза показаны специфические особенности и объективные трудности, возникающие при работе в объединенных группах, когда совместно обучаются студенты, получающие подготовку по различным специализациям. В докладе представлены некоторые тактики обучения русскому языку как иностранному, а также виды заданий, которые позволяют во многом решить сложности, неизбежно возникающие при работе в объединенных группах иностранных учащихся киновузов и творческих вузов в целом.

This paper examines several aspects of the organization and methods of teaching Russian as a foreign language to so-called mixed-subject groups of art students. The particularities and inevitable difficulties that arise when teaching mixed-subject groups become evident when teaching foreign film students. This paper presents several tactics of teaching Russian as a foreign language, as well as types of activities, that solve the difficulties when working with mixed-subject group of film and art students.

Ключевые слова: объединенные группы, смешанные группы, студенты творческих вузов, студенты киновузов, тактики обучения, виды заданий, ролевые игры, актерские этюды

Key words: mixed-subject groups, art students, film students, teaching tactics, types of activities, role-playing games, acting etudes

Вузы художественного профиля, как правило, называют вузами искусств и культуры или творческими вузами. Существует и более детальное разделение творческих вузов: выделяют театральные, художественные, хореографические и пр. Особое место среди творческих вузов занимают киновузы вследствие того, что в них обучаются студенты не только творческой (будущие актеры, режиссеры, драматурги) и художественной (художники-постановщики, аниматоры, художники по костюмам) специализации, но и технического (звукорежиссеры,

кинооператоры), экономического (менеджеры) и гуманитарного (киноведы) профилей. Кроме того, обучение некоторым специальностям предполагает мультипрофильность: так, будущие кинооператоры, продюсеры, режиссеры мультимедиа могут считаться студентами не только творческого, но и технического (инженерного) профиля.

Следует отметить, что узко специализированных вузов кинематографии в России не так много и кроме старейших ВГИКа (Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова) и СПбГУКиТ (Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения) можно назвать лишь Высшие курсы сценаристов и режиссеров. В то же время высших учебных заведений, где готовят специалистов в области кино, становится все больше и больше, при том, что эти вузы не имеют узкой специализации, их скорее можно отнести к вузам культуры и искусств, где будущих кинематографистов обучают наряду со студентами других профессиональных направлений (среди таких вузов МГУКИ, ГИТР им. М.А.Литовчина, КГУКИ и многие другие). Вообще, увеличение числа вузов, готовящих будущих кинематографистов, говорит о том, что выпускники кинофакультетов становятся все более и более востребованными на российском и международном рынке.

В российских киновузах обучается большое количество иностранных студентов, что свидетельствует о том, что российское кинообразование было и остается востребованным и высоко престижным во все мире. Между тем за последние два десятилетия коренным образом изменился «социальный заказ». В советское время основную массу иностранных учащихся составляли студенты из стран социалистического лагеря, а также развивающихся стран. Эти студенты были нацелены, используя полученные во время обучения знания и умения, осуществлять профессиональную деятельность у себя на родине. В настоящее время многие иностранные выпускники российских киновузов стремятся к продолжению профессиональной деятельности в России, так как с первых месяцев учебы вовлечены в кинопроизводство и видят в российском кино серьезные перспективы и большие возможности для реализации своих творческих замыслов.

Таким образом, возрастает степень важности обучения студентов-иностранцев кинематографического профиля русскому языку с учетом их профессиональных потребностей. Однако за последнее время в целом ряде вузов (причем это касается не только творческих вузов) количество аудиторных часов занятий по РКИ резко сократилось, поскольку «Русский язык как иностранный» теперь рассматривается как дисциплина «Иностранный язык», которая является базовой (обязательной) частью цикла «Гуманитарный, социальный и экономический цикл» Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Это означает, что на изучение русского языка как иностранного не

отводится больше учебных часов, чем на изучение английского, французского или любого другого иностранного языка. Например, во ВГИКе полный курс иностранного языка (включая русский язык как иностранный) составляет на разных факультетах от 340 до 380 академических часов, а итоговый экзамен по иностранному языку сдается в середине третьего года обучения, то есть любой из иностранных языков изучается в течение пяти семестров. При этом нельзя не учитывать, что особенность дисциплины «Русский язык как иностранный» заключается в том, что язык функционирует в данном случае не просто как предмет изучения, а как средство общения. Именно поэтому основной целью курса «Русский язык как иностранный» в неязыковом вузе, и в творческом вузе в частности, является обучение практическому владению языком на уровне, достаточном для решения коммуникативных задач, актуальных как для повседневного (учебного и бытового), так и для профессионального общения.

При обучении иностранных студентов творческих вузов русскому языку часто возникает следующая организационная и, как результат, методическая проблема: студентов-иностранцев разных факультетов и отделений объединяют в одну общую группу. Эти группы принято называть объединенными, реже – смешанными. (Подобная практика существует практически во всех творческих вузах, хотя исключения, разумеется, есть. Например, почти все занятия русским языком с иностранными учащимися в Российском университете театрального искусства (ГИТИС) проводятся индивидуально). С одной стороны, причины подобной ситуации сугубо организационные: администрация вуза полагает, что иностранных студентов следует объединить в одну группу, поскольку их число на каждом из факультетов невелико (иногда один-два студента-иностранца). С другой стороны, такая «смешанность» может иметь абсолютно объективные причины. К примеру, в однородной, казалось бы, по составу группе студентов-художников могут оказаться студенты трех различных мастерских: художники-постановщики художественного фильма, художники по костюму, художники анимационного фильма. Таким образом, главная задача, стоящая перед преподавателем русского языка при работе в объединенных группах иностранных студентов творческих вузов, – выбрать такие виды заданий и найти такие тактики обучения русскому языку как иностранному, которые позволят преодолеть проблемы разнородности профессиональных потребностей студентов в группе.

Нельзя не отметить, что обучение студентов творческих вузов, и киновузов в частности, имеет свою специфику. Учеба в творческих вузах и для русских, и для иностранных студентов связана с некоторыми любопытными особенностями. Творческие вузы обычно очень небольшие, и число студентов в них, как правило, невелико, поэтому с первых дней пребывания в творческом вузе студент обзаводится знакомствами и налаживает профессиональные контакты. Студенты-иностранцы, только еще начав учиться в творческом вузе, с самых первых дней оказываются

интегрированными в общественную жизнь, творческий процесс. (Заметим, что даже группа студентов-иностранцев подготовительного факультета в творческом вузе, как правило, является группой объединенной, ведь в ней совместно обучаются и будущие режиссеры, и операторы, и актеры, и студенты других специализаций.) Уже на подготовительном факультете студенты-иностранцы помогают студентам старших курсов в подготовке творческих заданий, причем это не только студенты-соотечественники, но и русские студенты. Такое раннее «профессиональное взросление» играет как положительную, так и отрицательную роль. С одной стороны, участие в выполнении творческих заданий (съемка студенческого фильма, репетиция отрывка и т.п.) позволяет легко изучить специальную профессиональную лексику, термины (освоить «язык посвященных», по выражению О.Д. Митрофановой). С другой стороны, изучение русского языка общего владения студентами-иностранцами перестает восприниматься как первоочередная задача. У них часто возникает ложное впечатление, что минимальный уровень владения русским языком позволит им успешно пройти обучение и овладеть выбранной профессией. В сложившейся ситуации преподаватель русского языка как иностранного обязан использовать такие тактики обучения, которые позволят решить подобные психологические проблемы и устранить деструктивное влияние ранней вовлеченности иностранных студентов подготовительного факультета в творческий процесс. Очень полезным и плодотворным оказывается привлечение иностранных студентов старших курсов к созданию экранного или сценического произведения с участием иностранных учащихся подготовительного факультета, а также младших курсов. Следует еще раз упомянуть о том, что творческие вузы, и киновузы в частности, очень небольшие, и это означает, что и число преподавателей русского языка как иностранного очень невелико, то есть преподаватель знает практически всех иностранцев, обучающихся в вузе.

При создании совместного экранного или сценического произведения следует обратить внимание на следующие важные моменты:

- 1) именно преподаватель русского языка должен выступить с предложением создания совместного произведения;
- 2) при создании экранного или сценического произведения обязательно должна решаться какая-либо задача обучения русскому языку как иностранному, причем она должна быть поставлена перед студентами самим преподавателем;
- 3) результат такой совместной деятельности должен представлять профессиональный интерес для старшекурсника.

Выбор такой тактики обучения русскому языку как иностранному можно считать весьма оправданным: подобная кооперативная деятельность повышает заинтересованность студентов-иностранцев в изучении русского языка, а также повышает итоговые результаты обучения,

демонстрируемые студентами, в сравнении с традиционным обучением.

Следует упомянуть еще об одной тактике обучения, применение которой существенно повышает мотивацию студентов младших курсов и особенно студентов подготовительного факультета. Подобную тактику следует назвать «провокативной». Использование ее на практике сводится к следующему: иностранный студент старших курсов при совместной работе со студентами подготовительного факультета и/или младших курсов над неким экранным или сценическим произведением, при обсуждении его этапов и аспектов непременно допускает грамматические, лексические, стилистические ошибки – преподаватель русского языка их исправляет и объясняет студентам, в чем они состоят и как их избежать в будущем. При этом, конечно же, нельзя не учитывать психологические особенности и старшекурсника, и студентов в группе, поскольку ни в коем случае не должно пострадать самолюбие студента старших курсов. Если применение подобной тактики оказывается допустимым, это становится огромным стимулом к освоению учебной программы по русскому языку как иностранному, особенно для студентов-иностранцев подготовительного факультета, к более серьезному и углубленному изучению русского языка. Эта тактика оказывается тем более эффективной в использовании, чем чаще студенты младших курсов сами находят и исправляют ошибки в речи старшекурсников.

При обучении русскому языку как иностранному в творческом вузе активно используются такие виды заданий, которые предлагаются студентам при освоении курса специальных, узко профессиональных дисциплин. Эти задания позволяют решить задачи не только учебной, но и бытовой и профессиональной коммуникации. Поясним на примере. При изучении иностранных языков различные виды заданий, которые предполагают решение той или иной коммуникативной задачи (составление диалогов, ролевые игры и пр.), давно зарекомендовали себя как эффективное средство усвоения и закрепления лексического и грамматического материала. Под ролевой игрой (англ. Role-playing game – RPG), говоря вообще, понимается игра развлекательного назначения, участники которой действуют в рамках указанных им ролей и в соответствии с внутренней логикой развития действия. В творческом вузе, и в киновузе в частности, при изучении русского языка как иностранного (и иностранных языков в целом) целесообразно использовать такой вид заданий, как актерский этюд.

Принципиальное отличие актерского этюда от ролевой игры заключается в том, что актерский этюд в абсолютном большинстве случаев представляет собой домашнее, а не классное (аудиторное) задание, причем от творческой фантазии студента и его собственного желания зависят и сценарий, и отбор языковых средств. Хотя преподаватель, конечно, может дать студентам начального этапа обучения некоторые подсказки: определить, например, время и место действия будущего этюда или предложить активную лексику.

Актерский этюд является также мощным стимулом к изучению русского языка как иностранного, поскольку уже на самых первых занятиях студентам может быть поставлена такая коммуникативная задача (с учетом реалий их учебы в вузе, жизни в России и пр.), которую они способны решить с использованием минимального лексического и грамматического оснащения, а также невербальных средств. Однако здесь есть и опасность: может оказаться так, что для подобных этюдов вовсе не требуется использование слов, то есть студент слишком часто и активно использует невербальные тактики, и это, разумеется, не только не способствует развитию речи и активизации освоения русского языка в целом, а может даже помешать студенту в его изучении языка, замедлить темп усвоения учебного материала.

Нельзя не упомянуть о том, актерские этюды позволяют создать благоприятную психологическую атмосферу в группе. Этюды чаще всего являются не «моноспектаклем», а представляют собой некое «сценическое действие» с конфликтом, интригой и неожиданной развязкой. Студент придумывает персонажей, сюжетный ход, пишет сценарий, а затем он должен привлечь одноклассников к осуществлению своей «режиссерской задумки». Студенты совместно репетируют придуманный этюд, учат текст роли наизусть, а затем играют этюд на уроке – это становится важным инструментом психологического сближения студентов, помогает им подружиться, продолжить тесное общение и вне аудитории. Так как каждый из студентов должен придумать и показать свой собственный этюд (один или вместе с партнерами), это, с одной стороны, создает живую атмосферу на занятиях (есть возможность обсудить показанные этюды и выбрать самый удачный), а с другой – чрезвычайно помогает преподавателю: анализ грамматических, лексических или, к примеру, фонетических ошибок в репликах героев этюда может служить прекрасным средством повторения и закрепления изученного материала.

Как показывает опыт, на начальном этапе обучения практически все студенты в своих этюдах используют некую юмористическую ситуацию, но уже на среднем этапе драматическое событие в актерском этюде решается в более серьезном ключе.

Актерские этюды можно считать очень эффективным методом активного и сознательного усвоения изученного материала при обучении русскому языку как иностранному, а также и другим иностранным языкам. Для студентов-иностранцев творческих вузов, и особенно вузов, готовящих будущих актеров и режиссеров, этюды, созданные в качестве задания по русскому языку как иностранному, становятся еще и важным этапом в освоении будущей профессии, поскольку эти этюды по своей задаче близки к так называемым «этюдам первого курса», то есть таким, в котором событие и цель действия разрабатываются студентами, а не педагогами, и осуществляются от первого лица («Я в предлагаемых обстоятельствах»).

Говоря о творческих вузах, и особенно о вузах кинематографических, нельзя не упомянуть

об использовании видеоматериалов при обучении русскому языку как иностранному. Использование отрывков из художественных фильмов, различных видеоматериалов давно и прочно занимает свое место в методике преподавания иностранных языков вообще и русского языка как иностранного, в частности. Однако преподаватель русского языка сталкивается со специфическими проблемами, когда решает использовать видеоматериалы при обучении иностранных студентов. Поскольку студенты киновузов изучают такие учебные дисциплины, как «История кино», «Теория монтажа», «Кинокомпозиция», и целый ряд других специальных дисциплин, зачастую преподаватель русского языка оказывается в ситуации, когда предложенные им видеоматериалы уже хорошо знакомы студентам и изучены ими на занятиях по другим предметам. Кроме того, случается, что сугубо кинематографические аспекты предложенного киноотрывка вызывают у студентов гораздо больший интерес, нежели языковой материал или реалии страны изучаемого языка. Студенты начинают обсуждать способы съемки, фильтры, линзы, работу художника-постановщика или звукорежиссера, причем часто переходят при этом на родной язык или на язык-посредник, чаще всего английский. Таково деструктивное влияние профессиональной специализации студентов. И в подобной ситуации оказываются все без исключения преподаватели русского языка как иностранного в киновузе. Опытный преподаватель, однако, может извлечь из этой сложной ситуации определенные плюсы:

- 1) заинтересованный разговор на профессиональные темы позволяет поддерживать активность студентов, не давая им терять концентрацию, «расслабляться»;
- 2) переход студентов при обсуждении видеоматериалов на родной язык или язык-посредник дает возможность вовлечь их в сравнительный анализ кинолексики: выяснить, как тот или иной термин звучит на родном языке студента, как его перевести на английский;
- 3) обсуждение профессиональных кинематографических аспектов может стать лексической темой урока, что позволит решить ряд методических задач.

Вообще, профессиональные кинематографические навыки иностранных студентов могут оказаться весьма полезными при обучении их русскому языку. Возвращаясь к актерским этюдам, заметим, что студентам можно предложить сделать видеозапись подготовленных этюдов с тем, чтобы потом использовать эти записи для обсуждения на занятиях. Это дает возможность очень продуктивно проработать изучаемый лексический и грамматический материал, а также избежать деструктивного влияния раннего «профессионального взросления».

Положительные результаты приносит использование подобного вида работы при обучении русскому языку объединенных групп иностранных студентов второго и третьего курсов киновуза. В соответствии с учебным планом студенты-режиссеры должны в качестве задания по мастерству написать сценарии короткометражных художественных фильмов, по которым студенты-

режиссеры при помощи студентов-операторов, студентов-актеров и студентов-звукорежиссеров будут снимать свои курсовые работы. Эти сценарии могут стать важным учебным материалом, используемым на занятиях по русскому языку со студентами-иностранцами второго и третьего курсов.

Текст подобных сценариев изучается в несколько этапов и, возможно, не на одном занятии:

- 1) исправление всех видов ошибок в тексте сценария, обсуждение выбора наиболее уместных грамматических конструкций;
- 2) обсуждение выбора подходящих слов и словосочетаний, наиболее полно передающих психологическое состояние персонажей, атмосферу происходящего и решающих художественную задачу в целом.

Работа эта всегда осуществляется коллективно, всеми студентами в группе. Можно рассматривать эти этапы освоения текста как работу над изучением русского языка общего владения. Далее происходит профессиональное, то есть с точки зрения кинематографических задач, изучение и освоение текста:

- 3) обсуждение вариантов режиссерского решения данного сценария, предложений по возможному визуальному и звуковому решению, обсуждение подбора актеров.

На данном этапе преподаватель может позволить студентам-иностранцам перейти в обсуждении с русского языка на родной или на любой язык-посредник, например английский, как и при обсуждении, скажем, отрывков из художественных фильмов. Опыт показывает, что для студентов в ходе профессионального обсуждения становится важным решить творческие и технические задачи, а русский язык и правильное его использование теряют свою актуальность.

На завершающем этапе освоения сценария, когда преподаватель своей педагогической волей возвращает студентов к разговору на русском языке, происходит:

- 4) определение и формулировка всех необходимых творческих и технических задач.

Это осуществляется непременно с учетом правил и норм русского языка. Таким образом изучается лексика профессионального общения, а также неоднократно прорабатываются грамматические модели тех словосочетаний и предложений, которые в будущем будут полезны для осуществления профессиональной деятельности.

Коснувшись вопроса выбора тактик обучения русскому языку объединенных групп иностранных студентов творческих вузов, беремся утверждать: проблемы, возникающие при обучении русскому языку как иностранному в творческих вузах, и являются теми критериями, которые определяют выбор тактики обучения. Среди подобных проблем следующие:

- 1) сложно, а иногда и невозможно определить круг тем, речевых ситуаций, а также коммуникативных задач, которые могут оказаться актуальными для студента на том или ином

этапе обучения;

- 2) практически невозможно отобрать текстовый материал для обучения чтению как одному из речевых умений в соответствии с одним из основных дидактических требований (от простого к сложному): может возникнуть настоятельная потребность в немедленном изучении самого неожиданного лексического материала;
- 3) очень трудно решить проблему планирования учебного процесса, поскольку весьма затруднительно соблюсти учебные и профессиональные интересы всех студентов в группе;
- 4) часто невозможно создать расписание учебных занятий объединенных групп, которое было бы удобно всем студентам-иностранцам в группе;
- 5) наконец, крайне сложно выработать и соблюсти баланс между профессиональной прикладностью и собственно выработкой речевых навыков и умений, то есть ни в коем случае нельзя допустить превращения занятий русским языком в дополнительные занятия по мастерству и другим специальным предметам.

С сожалением заметим также, что всякий преподаватель русского языка как иностранного, работающий со студентами творческих специальностей, сталкивается еще с одной проблемой: в большинстве групп, за очень редким исключением, все привычные виды работы, направленные на активизацию учебного процесса, и даже инновационные формы и методы оказываются неэффективными. Причина, как уже упоминалось выше, кроется в том, что все те виды деятельности, которые призваны заинтересовать, увлечь студента не творческого вуза, находятся в сфере профессиональных интересов студентов вузов искусств. Преподаватель русского языка как иностранного в творческом вузе оказывается в ситуации, когда невозможно использовать так любимые преподавателями других вузов виды работ.

Таким образом, обучение русскому языку объединенных групп иностранных студентов творческих вузов предполагает выбор специфических тактик обучения, подбор особых видов заданий, а также способов предъявления этих заданий, поиск в индивидуальном текстовом материале такой языковой, страноведческой и профессиональной составляющей, которая явилась бы базой для актуализации процесса изучения русского языка как иностранного в объединенной группе без необходимости индивидуализации.

Список литературы

- Васильева Т.В.* Лингводидактическая концепция обучения русскому языку студентов-иностранцев 1 курса со слабой языковой и предметной подготовкой в вузах инженерного профиля: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02/ Васильева Т.В. М., 2000. 233 с.
- Зверева Н.А., Ливнев Д.Г.* Словарь театральных терминов (создание актерского образа) / Н.А. Зверев, Д.Г. Ливнев. М.: Российская академия театрального искусства – ГИТИС, 2007. 136 с.

Радушинская И.Н. Тексториентированный подход к обучению профессиональному общению иностранных учащихся творческих вузов (на примере обучения будущих актеров и режиссеров): авт. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02/ Радушинская И.Н. М., 2007. 218 с.

Методические и психологические проблемы преподавания русского языка как иностранного в киновузе. Сборник научных трудов. М., 1971.

Миронова Н.Н.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ЕДИНИЦА
ПЕРЕВОДА*

FOREIGN LANGUAGE INSERTIONS IN FICTION AS A UNIT OF TRANSLATION

Иноязычные высказывания выступают объектами стилистики, лингвистической семантики, лингвосомиотики. Они обладают стилистическими функциями в текстах и дискурсах различной принадлежности. В когнитивно-семиотическом ракурсе иноязычные высказывания в тексте (или иноязычные вкрапления) предстают как единицы переключения языкового кода. Иноязычные высказывания имеют различную протяжённость: от отдельного слова (словоформы гибридного вида) и словосочетания до высказывания (предложения, абзаца, реплики в диалоге, цитаты и пр.).

Переключение языкового кода – предметная область контактной лингвистики, изучающей речь билингвов. В стилистике речи представлены разнообразные стилистические функции иноязычных высказываний в тексте и дискурсе: эмотивная, комическая, образная, референциальная, символическая, а также ментальная, и пр.

Для переводоведения иноязычное высказывание обладает значимостью единицы перевода, оно обладает текстообразующей и смыслообразующей функцией.

В докладе рассматриваются различные тактики и стратегии перевода данной единицы: сноски-переводы, пояснения в самом литературном тексте, иноязычные вставки с последующими комментариями в отдельной части за пределами литературного текста.

Foreign language insertions are studied by stylistics, linguistic semantics, linguosemiotics. They perform stylistic functions in different texts and discourses. In cognitive-semiotic terms, foreign language insertions (insertions written in another language) in a text are code-switching units. Such insertions may vary in length: from one word (a word-form of a hybrid type) and word-combination to a complete utterance (sentence, paragraph, phrase in a dialogue, quotation, etc.).

Language code switching is the object of contact linguistics that studies bilinguals' speech. In terms of speech stylistics foreign language insertions fulfill various stylistic functions in a text and discourse: emotive, comical, imaginative, referential, symbolic as well as mental and others.

In translation theory foreign language insertions are regarded as units of translation fulfilling text-forming and sense-making functions.

The paper analyses different tactics and strategies in rendering foreign language insertions: footnote translations, comments in the body of a literary text, foreign language insertions supplied with comments outside the body of a literary text.

Ключевые слова: иноязычные высказывания, переводной дискурс, художественный дискурс, философский дискурс, историческая семантика, история понятий, множественность переводных текстов, тактики и стратегии перевода иноязычных высказываний.

Key words: foreign language insertions, discourse of translation, literary discourse, philosophical discourse, historical

semantics, history of concepts, multiplicity of translated texts, tactics and strategies in rendering foreign language insertions.

Обозначенная в заглавии проблематика исконно принадлежит к исследованиям в области функциональной лингвостилистики. *Литература, включающая иноязычные тексты, текст с иноязычными вкраплениями, текст с иностранными (иноязычными) выражениями* – такова терминология явления, известного с античных времен и обозначающая стилистическое (или стилевое) применение автором фрагмента на другом языке в ткани языка, на котором пишет автор. А.А. Леонтьев предложил в своих работах термин «иноязычное вкрапление»: последнее не принадлежит к системе соответствующего языка и образует сегмент текста. Иноязычные вкрапления представлены в виде классификации, охватывающей четыре уровня языка (лексемный, морфемный, фонемный уровень и уровень звукотипов, которые составляют шестнадцать типов комбинаций языкового явления и языкового уровня [Леонтьев, 1966, с. 60-67]).

Л.П. Крысин выделяет два типа иноязычных вкраплений: слова и выражения, носящие интернациональный характер и образующие «межъязыковой словесно-фразеологический фонд», с одной стороны, и иноязычные элементы, используемые с определенными стилистическими художественными целями и отражающие индивидуальное словоупотребление, с другой [Крысин, 1968, с. 47-49].

Иноязычные фрагменты можно встретить в литературе разных стилей и жанров: поэзии и прозе в художественном стиле речи, в текстах публицистического и научного стиля. Но если речь идет о стилистическом (стилевом) эффекте произведения, то прежде всего это явление характерно для художественной прозы. Иноязычные высказывания встречались еще в античной литературе. Из русской литературы назовём произведение А. Никитина «Хождение за три моря», в котором приведены тюркские высказывания, роман Л.Н. Толстого «Война и мир», включающий текстовые фрагменты на французском и немецком языках, произведения А.С. Пушкина. В отечественном литературоведении Л.Н. Толстой считается первым русским писателем, который довольно часто использовал иноязычие как стилистический приём. Пример из романа «Война и мир» довольно показателен в этом отношении:

– Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) – je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой верный раб, comme vous dites.[1] Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur,[2] садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первого приехавшего на ее вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она говорила (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими). В записочках, разосланных утром с красным лакеем,

было написано без различия во всех:

«Si vous n'avez rien de mieux à faire, M. le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer».[3] [т. 9, ПСС в 90 тт., с. 4].

[В примечаниях к 1-ому тому романа «Война и мир» приведен перевод с французского:

1. Ну, князь, Генуя и Лукка поместья фамилии Бонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист), — я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой верный раб, как вы говорите.

2. Я вижу, что я вас пугаю.

3. Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего и если перспектива вечера у бедной больной не слишком вас пугает, то я буду очень рада видеть вас нынче у себя между семью и десятью часами. Анна Шерер [т. 9, ПСС в 90 тт., с. 517].

В переводе на немецком языке в собрании мировой литературы Германии французский сегмент полностью отсутствует, что означает, что в салоне Анны Павловны говорили по-русски:

«Nun, sehen Sie wohl, Fürst: Genua und Lucca sind weiter nichts mehr als Apanagen der Familie Bonaparte. Nein, das erkläre ich Ihnen auf das bestimmteste: wenn Sie mir nicht sagen, daß der Krieg eine Notwendigkeit ist, wenn Sie sich noch länger erlauben, all die Schändlichkeiten und Gewalttaten

dieses Antichrists in Schutz zu nehmen (wirklich, ich glaube, daß er der Antichrist ist), so kenne ich Sie nicht mehr, so sind Sie nicht mehr mein Freund, nicht mehr, wie Sie sich ausdrücken, mein treuer Sklave. – Jetzt aber guten Tag, guten Tag! Ich sehe, daß ich Sie einschüchtere; setzen Sie sich und erzählen Sie!»

So sprach im Juni 1805 Fräulein Anna Pawlowna Scherer, die hochangesehene Hofdame und Vertraute der Kaiserinmutter Maria Feodorowna, indem sie den durch Rang und Einfluß hervorragenden Fürsten Wasili begrüßte, der sich als erster zu ihrer Soiree einstellte. Anna Pawlowna hustete seit einigen Tagen; sie hatte, wie sie sagte, die Grippe («Grippe» war damals ein neues Wort, dessen sich nur einige wenige feine Leute bedienten).

Die Einladungsschreiben, die sie am Vormittag durch einen Lakaien in roter Livree versandt hatte, hatten alle ohne Abweichungen folgendermaßen gelautet:

«Wenn Sie, Graf (oder Fürst), nichts Besseres vorhaben und die Aussicht, den Abend bei einer armen Patientin zu verbringen, Sie nicht zu sehr erschreckt, so werde ich mich sehr freuen, Sie heute zwischen sieben und neun Uhr bei mir zu sehen. Anna Scherer» .

Иноязычные фрагменты используются и в зарубежной литературе. В романе Э. Хэмингуэя «По ком звенит колокол», посвященном гражданской войне в Испании, используется (в разном объёме) одновременно три языка: испанский, английский, французский. Заслуживает упоминания «Книга песен» Г.Гейне, в которой автор использует галлицизмы в немецком тексте. В переводе романа Раймона Кено «Зази в метро» на русский язык (переводчик Л. Цывьян) бережно сохранена фраза с иноязычным вкраплением в немецкой графике:

– Natürlich, – согласилась Жанна Буфера, побывавшая под оккупацией (перевод слова «natürlich» – «естественно» дан в сноске внизу страницы [Кено 2001, с. 68], благодаря этому способу переводчику удалось донести смысл слова оккупация – немецкая оккупация. Мы наблюдаем здесь актуализацию таких стилистических приемов автора, как экспрессия и языковая экономия, в переводе они сохранены полностью.

Иноязычные фрагменты в тексте рассматриваются с позиций современной лингвистики с учетом когнитивного и семиотического ракурса в виде символических единиц вторичной

номинации языкового знака, что сопровождается переключением с языкового кода на код культуры на концептуальном уровне [Меркулова 2014]. С позиций лексикографии они занимают промежуточное положение между заимствованием и окказиональной лексикой, что обусловлено выбором автора.

Таким образом, к настоящему времени определились критерии, по которым можно определить уровень ассимиляции иноязычных фрагментов, это:

частотность употребления (что позволяет отнести их от окказиональных к лексическим заимствованиям, зафиксированным в лексикографических источниках принимающей лингвокультуры);

употребление в синонимических словарях на материале различных языков с пометой «фразеологизм» (сюда можно отнести когнитивно близкие фразеологизмы разных видов: пословицы, крылатые слова, идиомы, составляющие фонд образной лексики ИЯ и ПЯ) [Миронова, 2011, с. 95-97].

Проблематика изучения иноязычных фрагментов характерна для таких дисциплин языкознания, как лексикология и функциональная стилистика, лексикография и лингвосомиотика. Анализ вторичных текстов отражает весьма разнообразные способы языковой репрезентации иноязычных фрагментов ИЯ в ПЯ: от лексического калькирования до полного отсутствия в ПЯ чужеродного сегмента.

Иноязычный фрагмент как единица перевода обладает различными имманентными семантическими характеристиками. В зависимости от возможности ассимиляции в лексической системе или её невозможности можно выбрать различные способы передачи смысла единицы перевода в ПЯ. Лакуны, как правило, приводят к заимствованию слова (это относится к терминам, принадлежности к «экзотической», безэквивалентной лексике, именам собственным (ономастика, топонимы и пр.).

Исследования на синхроническом и диахроническом уровне приводят к выводу о том, что интерпретация художественных текстов, содержащих иноязычные вкрапления, опосредована следующими факторами:

временем появления произведения, эпохой;

индивидуальным стилем автора, что проявляется в рассматриваемом круге проблем, в частности, в наличии иноязычной компетенции самого автора, а тем более, если владение этой компетенции позволяет отнести автора к билингвам; здесь имеет место явление «переключение языкового кода». Интерпретации термина «код» зависят от коллокации термина (лингвистический код, театральный код, культурный код, эстетический код и т.д.). Для нас существенно значение термина «лингвистический код», выраженный в различных языковых

репрезентациях в виде языковых/речевых вариантов. Выбор варианта обусловлен следующими параметрами:

литературным направлением [Миронова, 2000];

страной, в которой было создано произведение: коммуникативная ситуация общения влияет на автора, как вторичную языковую личность, при отборе лексики в произведении [Mironova, 2005, 2010].

Сопоставительные исследования показывают, что многое в характеристике иноязычного фрагмента в тексте зависит от определенной пары языков. В этом отношении связь русского языка (ИЯ) и немецкого (ПЯ) весьма разнообразно представлена как в исходном, так и целевом тексте *versus* в исходной и целевой культуре [Mironova 1999]. Переключение русского языкового кода на немецкий, английский, французский, итальянский в литературных текстах на русском языке, как это будет показано ниже, соответствует морфосинтаксическому, фонетическому и лексическому уровню языка, при этом автором учитываются социолингвистические и коммуникативно-прагматические характеристики языковой ситуации, представленной в тексте.

Иноязычные фрагменты имеют различную длину:

от сокращения (etc., Silb.⁸, a la ...),

отдельного слова до словосочетания (oh ja, ja⁹; ganz charmant¹⁰; vertige¹¹; incognito, gentelman¹²; une bonne fortune¹³; beaf-steaks¹⁴; a la lettre¹⁵; toute reflexion faite¹⁶),

короткого предложения (реплики): Addio mia bella!¹⁷ (Прощай, красавица моя!), надписи на табличках: «Vor Taschendieben wird verwarnt»¹⁸, объявления¹⁹;

нескольких предложений (сверхфразовое единство) монологического или диалогического

⁸ Silb. или S/s – зильбергроши [Достоевская 1993, с. 7 и др.].

⁹ Иноязычный фрагмент из Дневника Анны Григорьевны Достоевской: «... Я спросила у него конверт, он засуетился, сказал несколько раз: «Oh ja» (Это, надо заметить, любимая поговорка немцев. Иногда они говорят «ja» как-то странно, полу-утвердительно, полу-отрицательно, так что не знаешь, как и понять это «ja» [Достоевская 1993, с. 45].

¹⁰ Смешение немецкого «ganz» и французского «charmant» создают комический эффект [А.С. Пушкин в письме жене от 8 декабря 1831 г.: Пушкин 1987, с. 25].

¹¹ головокружение.: Пушкин 1987, с. 28].

¹² «... Соболевский incognito прячется от заимодавцев, как настоящий gentelman, и скупает свои векселя [Пушкин 1987, с. 38].

¹³ удача [Пушкин 1987, с.44].

¹⁴ «... обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beaf-steaks.» [Пушкин 1987, с.44].

¹⁵ буквально [Пушкин 1987, с.59].

¹⁶ в сущности говоря [Пушкин 1987, с.62].

¹⁷ [Пушкин 1987, с.41].

¹⁸ «Остерегайтесь воров»: «Здесь везде [в Берлине] на стенах прибиты надписи «Vor Taschendieben wird verwarnt». Вероятно здесь их так много, что даже предостерегают». [Достоевская 1993, с. 7].

¹⁹ «На Johannisstrasse есть несколько объявлений об отдаче квартир. ... мы нашли 2 Zimmer nebst Schlafkabinet» (2 комнаты со спальней) [Достоевская 1993, с. 12].

характера²⁰;

фрагмент текста (имеющий законченный характер: в эпистолярном стиле текст целого письма, отрывок из текста иной лингвокультуры и пр.). В качестве примера приведем оригинальный текст лирического шутливого стихотворения Генриха Гейне с многочисленными словами-вкраплениями из французского языка и переложение его на русском языке. Графика французских сегментов сохранена:

<p>Die Erde war so lange geizig, Da kam der Mai, und sie war <i>spendabel</i>, Und alles lacht, und jauchzt, und freut sich, Ich aber bin nicht zu lachen <i>kapabel</i>.</p> <p>Die Blumen sprießen, die Glöcklein schallen, Die Vögel sprechen wie in der Fabel; Mir aber will das Gespräch nicht gefallen, Ich finde alles <i>miserable</i>.</p> <p>Das Menschenvolk mich <i>ennuyieret</i>, Sogar der Freund, der sonst passabel; -</p> <p>Das kömmt, weil man Madame <i>titulieret</i> Mein süßes Liebchen, so süß und <i>aimabel</i>.</p> <p>Heinrich Heine</p>	<p>Природа хмурилась сурово, Но май явился <i>argeable</i>, И всё цветет, смеется снова? Лишь я смеяться не <i>capable</i>.</p> <p>Цветы пестреют, летают пчелы, Щебечут птицы, как в звонкой <i>fable</i>; Но не приятен мне шум веселый, Всё нахожу я <i>miserable</i>.</p> <p>О! Как несносны люди стали И даже друг, что был <i>passable</i>. Причина в том, что «madame» назвали Мою голубку, что так <i>aimable</i>.</p> <p>[Модестов 2006, с. 98]</p>
---	--

Иноязычные вкрапления, рассматриваемые как единицы перевода, порой остаются непереуведенными в ПЯ. В комментарии приводится, как правило, подробное объяснение значения иноязычной лексемы, что позволяет читателю понять смысл литературного произведения при сохранении лингвистического кода оригинального текста.

При отсутствии переключения лингвистического кода желательно указать на присутствие иноязычного сегмента, например, на немецком языке, вводя в текст ПЯ помету «сказал он/она по-немецки». Иначе потери стилистического и коммуникативно- прагматического эффекта от

²⁰ « ... Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, – говорил один.

– О ja, – сказал другой голос. – Da der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privatpersonen in Achtung nehmen.

– О ja, – подтвердил первый голос.

– Да, im Raum verlegen, – повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. – Im Raum-то у меня остался отец и сын, и сестра в Люсых горах». [пример диалога из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» с сегментами из немецкого языка]

введения иноязычных фрагментов неизбежны.

Список литературы

- Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. М., 1968.
- Леонтьев А.А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. М., Наука, 1966. С. 60-67.
- Маркелова Т.И.* Символизация иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте. Автореф. ... канд. филол. наук по спец-ти 10.02.04 – германские языки / Т.И. Маркелова. М., МГЛУ, 2014. 25 с.
- Миронова Н.Н.* Типология литературно-критического дискурса Германии / Н.Н. Миронова // Ярославский педагогический вестник / Научно-методический журнал. № 1. 2000. С. 28-33.
- Миронова Н.Н.* Семантическая реконструкция исторических реалий в общественно-политическом дискурсе Германии / Н.Н. Миронова // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика // Материалы Международ. научной конф. 27–28 октября 2011 г. Москва, Московский государственный лингвистический университет, ИПК МГЛУ "Рема", 2011. С. 95-97.
- Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика / В.С. Модестов. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2006. 461 с.
- Mironova, Nadeshda N.* Übersetzungswissenschaftliche Analyse von Phraseologismen: Konsequenzen einer kontrastiven Forschung / Nadeshda N. Mironova / Münchener Linguistiktage am 22.- 24.3 1999. München, 1999. S. 34.
- Mironova, Nadeshda N.* Cross cultural socio linguistic aspects of sub - languages/Interkulturelle und soziolinguistische Aspekte der Subsprachen / Nadeshda N. Mironova // Interkulturelle Innovationen und Reproduktionen und soziolinguistische Aspekte der Subsprachen in Kulturen und Gesellschaften / Internationale Konferenz. Wien, 2005. – www.inst.at/irics/sektionen_g - m/mironova.
- Mironova, Nadeshda N.* Cross-kulturelle Analyse von Neologismen: deutsch-russische sprachliche Varianten / Nadeshda N. Mironova // "Die Sprache und ihre Wissenschaft zwischen Tradition und Innovation". – 45. Linguistisches Colloquium. Mannheim, 2010. S. 14.

Список источников примеров

- Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года / А.Г. Достоевская / Литературные памятники / Изд. подг. С.В. Житомирская / Отв. ред. А.Л. Гришунин. М.: Изд-во Наука, 1993. 454 с.
- Кено Р.* Упражнения в стиле: романы, рассказы и др. / Р. Кено / Пер. с франц.; Послесл. В. Кислова; Комм. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова. СПб.: Симпозиум, 2001. 618 с.
- Пушкин А.С.* Письма к жене / А.С. Пушкин / Литературные памятники / Изд. подг. Я.Л. Левкович / Отв. ред. А.Л. Гришунин. Л-д: Изд-во Наука, 1987. 260 с.
- Толстой Л.Н.* Война и мир / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений в 90 тт./ тт. 9-12. [L. Tolstoj. online]
- Tolstoj L.N.* Krieg und Frieden /L.N. Tolstoj // Die grosse eBook Bibliothek der Weltliteratur. 1446 S.

Мишкuroв Э.Н.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОМ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ (ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

*INTERDISCIPLINARY APPROACH AS AN INNOVATIVE TURN IN CONTEMPORARY
TRANSLATOLOGY (HERMENEUTICAL ASPECT)*

В работе освещается вопрос об истории междисциплинарного поворота в развитии отечественной и зарубежной теории перевода. Автор критически оценивает концепции ученых, постулирующих сущностную «научно-методологическую исключительность» науки о переводе и настаивающих на релевантности «монистического подхода» к интерпретации её онтологического статуса, объекта и предмета. Поддерживается точка зрения о целесообразности включения переводоведческой проблематики в философо-герменевтическое русло глобальной теории о межкультурной интертекстуальности и межъязыкового когнитивно-семиотического посредничества. На примере ступенчатой матрицы «герменевтического методологического стандарта» демонстрируется эффективность междисциплинарного слияния филолого-философской герменевтики и классической (традиционной) теории перевода и формирование современной инновационной транслатологии.

The paper discusses the interdisciplinary turn in the history of translatology both in this country and abroad. The author critically examines the ideas of those scholars who postulate the unique methodological status of translatology and defend the relevance of the “monistic approach” to interpreting its ontological status, subject and object of study. The author also advocates the idea that translatalogical issues are to be incorporated into the global philosopho-hermeneutical theory of intercultural intertextuality and interlingual cognitive-semiotic mediation. The graded matrix of the “hermeneutical methodological standard” demonstrates the effective intersection of philologo-philosophical hermeneutics and the classical (traditional) translation theory and the emergence of contemporary innovative translatology.

Ключевые слова: «смерть монодисциплинарной науки», «Эффект Медичи», герменевтический методологический стандарт, общая теория перевода.

Key words: “death of the monodisciplinary science”, “the Medici effect”, hermeneutical methodological standard, general translation theory.

*Дисциплинарная наука умерла.
Её больше нет!*

Ален Лешнер
Генеральный директор Американской
ассоциации содействия развитию науки

Идея толкования перевода как объекта междисциплинарного анализа в настоящее время

практически никем из исследователей в открытую не отвергается. Однако степень и глубина его применения и проникновения в суть искомой проблематики во многом зависит от меры приверженности ученого той или иной инновационной или традиционной («классической») теории, от его склонности к привычной апробированной модели интерпретации спорных вопросов или его способности к нахождению иных путей разрешения «вечных проблем перевода», к построению новых интеграционных парадигм научной рефлексии, обладающих по определению более мощной объяснительной силой и разрешающей способностью к развязыванию «феноменологических узелков» межъязыкового посредничества в сфере межкультурной коммуникации.

Показательна в этом отношении исследовательская позиция В.Н.Комиссарова (1924-2005) – одного из патриархов институционализованной в нашей стране «лингвистической теории перевода (ЛТП)», который категорически утверждал, что «в науке о переводе – переводоведении – могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты. Однако традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода». А для придания большей весомости своим лингво-переводческим постулатам ученый приводит контекстуально изолированную, рефлексивно осторожную цитату из знаменитой статьи Р.Якобсона (1896-1982) «О лингвистических *аспектах* (здесь и далее курсив наш. – Э.М.) перевода»: «Широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна постоянно находиться под пристальным *наблюдением* (а не «поглощением» – Э.М.) лингвистической науки» [Комиссаров, 2001, с. 11].

Нисколько не преуменьшая роли языковедения для исследования кардинальных проблем теории и методологии перевода, особую пристрастность учёных в отечественном и зарубежном переводоведении к такому исследовательскому повороту можно объяснить некоторыми сопутствующими обстоятельствами – «чистые переводоведы» вышли из сонма исходно «чистых языковедов», а также особыми условиями зарождения новой теории перевода – эпохой безграничного и безраздельного господства структурализма в науке о языке. Соответственно мы прежде всего воспринимаем Р.Якобсона в лике выдающегося специалиста в области общего, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. На этот факт однозначно указывает французский литературовед и теоретик перевода Микаэль Устинофф, который, анализируя вышеуказанную статью Р.Якобсона, подчёркивает, что «в этой работе проблематика перевода как нельзя более определенно вводится в сферу лингвистики: именно здесь было место перевода в эпоху структурализма, когда *лингвистика была матерью всех наук*»

[Устинофф, с. 37].

Но парадокс ситуации заключается в том, что сам Р.Якобсон всегда был одним из ярчайших сторонников междисциплинарных исследований, в частности, в так называемых «пограничных» с лингвистикой науках – в семиотике, филологии (литературоведении, поэтике), этнокультурологии, антропологии и др. Известно, что в 1957-1967 гг. он, будучи профессором отдела лингвистики и философии Массачусетского технологического института (США), работал в тесном сотрудничестве с Нилсом Бором в области применения метода последнего, известного как «принцип дополнительной дистрибуции» в самых разнообразных точных и гуманитарных науках.

Неслучайно в своих работах по славяноведению он представляет более сложное комплексное учение о переводе, восходящее к идеям В. Фон Гумбольдта и немецкому романтическому языкознанию и переводоведению. В рамках этой концепции обнаруживается, в частности, интересная идея о том, что перевод следует рассматривать не как более или менее «ущербную форму» оригинала, но как «продолжение его существования в иной форме» [там же, с. 38-41].

Углубленное изучение общетеоретических переводоведческих взглядов Р.Якобсона несомненно является одной из важнейших последующих задач историков перевода. В этой связи мы под несколько иным «нелингвистическим» углом зрения рассмотрим ряд положений из вышеупомянутой статьи Р. Якобсона «Лингвистические аспекты перевода» [Якобсон, с. 16-24].

Будучи полиглотом, владевшим основными европейскими языками, а также идишем и основами «экзотического» нивхского языка, Якобсон тонко сознавал все перипетии переводческой практики, а потому активно ратовал за разработку качественных двуязычных словарей и грамматик, предлагал пути решения проблем «непереводимости». Он полагал, что «весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке»; для чего при необходимости надо «обогащать терминологию путём слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз». Как рекомендация из некоего пособия по переводу звучит его совет передавать значения какой-либо грамматической категории, отсутствующей в ПЯ, «лексическим путем».

Для Р. Якобсона «межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем». При этом он подчеркивает, что «на уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода, но сообщения, в которых они используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц целых сообщений». Подчеркивая важную роль перевода, ученый пишет, что «любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости». Как опытный полиглот и ученый-типолог, он не может не видеть асимметрии языков различного строя, их разносистемной функциональной организации и различия в лексико-

фразеологическом фонде. А потому вполне понятно, что переводчики сталкиваются с рядом сложных ситуаций: «...в шутках, фантазиях, сказках, то есть в том, что мы называем «вербальной мифологией», и, конечно, прежде всего в поэзии, грамматические категории имеют важное семантическое значение». Затем следует сакраментальный вывод, портящий благостную картину ЛТП: «В таких случаях проблема перевода становится гораздо более запутанной и противоречивой». Дальше – больше: «...поэзия по определению является непередаваемой». Подобные проблемы возникают и при переводе сакральной литературы, а потому, рекомендует он, нужно следовать завету Дионисия Ареопагита, «который призывал главное внимание уделять когнитивным ценностям (силе разума), а не словам самим по себе» [Якобсон, с. 17, 18-20, 22-24].

Очевидно, что, показав существенные трудности перевода разностилевых и разножанровых текстов, Р.Якобсон волей-неволей подталкивает современных переводчиков к переходу на оптимальные междисциплинарные модели.

С позиций современной методологии перевода аналитики науки могут походя указать, что в своей статье «Якобсон недооценивает интерпретативный (читай «герменевтический». – Э.М.) характер перевода», подразумевая при этом «тот факт, что перекодирование представляет собой активное переформулирование, при котором иноязычное сообщение не просто передается, но и трансформируется». При этом всё-таки признается, что ученый тем не менее «принимает во внимание различия между культурными дискурсами, особенно в поэзии, где «грамматические категории несут большую семантическую нагрузку», а перевод, соответственно, требует «креативного перемещения» в другую знаковую систему» [Роман Якобсон | ТрансЕвропа, с. 1].

Замечено, что крупные перспективно мыслящие ученые редко бывают крайне категоричны в судьбоносных суждениях о сложных фундаментальных проблемах, однозначное позитивное разрешение которых еще не вполне созрело и далеко не очевидно. Они обычно приглашают в этих случаях читателя как бы присоединиться к общей рефлексии о способах развязывания того или иного «гордиева узла». Таковой ход обнаруживаем у Якобсона в заключительном абзаце его статьи: «Если бы перевести традиционное итальянское изречение *traduttore, traditore* как «переводчик-предатель», мы лишили бы итальянскую рифмованную эпиграмму всей её параномастической ценности. Поэтому когнитивный подход к этой фразе заставил бы нас превратить этот афоризм в более развернутое высказывание и ответить на вопросы: «переводчик каких сообщений?», «предатель каких ценностей?» [Якобсон, с. 24].

А Джон Р.Фёрс ещё более усугубляет феноменологическую редукцию проблемной ситуации, обрисованную Р.Якобсоном: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, *мы*

значительно продвинулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений [курсив наш. – Э.М.]» [Фёрс, 1956, с. 35].

Со своей стороны мы усматриваем несомненную ценность данных работ Р.Якобсона и Дж.Р.Фёрса в органическом переплетении целого ряда транслатологических теоретико-методологических проблем, решение которых может быть намечено и хотя бы частично реализовано посредством *междисциплинарных, синергетических способов и приёмов перевыражения ИТ в ПТ*, целокупность которых следует верифицировать как ожидаемую переводоведческим сообществом явленность моделей/парадигм перевода с оптимальной разрешающей силой.

Переводоведам, по всей вероятности, остается только присоединиться к экстравагантному высказыванию А.Лешнера – генерального директора Американской ассоциации содействия развитию науки – в его интервью Франсу Йоханссону, ставшему широко известным мировой интеллектуальной элите после выхода его бестселлера “The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures” (в русском переводе «Эффект Медичи: Возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур»): «Дисциплинарная наука умерла. Её больше нет!» [Johansson, 2004; Йоханссон, 2008, с. 33].

Без сомнения в настоящее время интердисциплинарность – это магистральный вектор развития основных точных природоведческих и социально-гуманитарных научных парадигм и современных философско-мировоззренческих направлений.

В отечественном переводоведении феномен междисциплинарности перевода стал всё ярче проявляться в рефлексии как «разработчиков» ЛТП, так и её наиболее пристрастных адептов в нашей стране. Показателен в этом отношении «интердисциплинарный поворот» в теоретических воззрениях такого авторитетного теоретика перевода как А.Д.Швейцера (1923-2002). В 60-е годы он уже критически воспринял «мнение [А.А.Реформатского] о том, что поскольку практика перевода пользуется данными многих наук, она не может иметь собственной теории» [Швейцер, 1963, с. 5].¹

¹ Напомним, что «конфликт междисциплинарности» в истории отечественного переводоведения ярко обозначился, в частности, после появления в 1952 году проблемной статьи А.А.Реформатского (1900-1978) «Лингвистические вопросы перевода», в которой он, как говорится, «от обратного» фактически признал научную многоплановость перевода, но на этом основании в то же время выразил сомнение в правомочности признания теории перевода как самостоятельной науки. Цитируем этот злокозненный пассаж в более развернутом виде сравнительно со сжатой «выжимкой» формулировки у оппонентов ученого: «...естественно, возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли она быть? Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода. Действительно, то, что нужно для специального научного перевода, не затрагивает того, что вызывает затруднения в стихотворном переводе; вопросы, связанные с филологическими переводами классиков, совершенно не нужны в гидах и разговорниках-минимумах и т.д. Общего знаменателя у этих разноделимых величин нет» [Реформатский, 1952, с. 12]. Историки перевода знают, что в 50-е годы в стране вновь разгорелась острая полемика о разделении

В самом общем плане он констатирует, что «в настоящее время едва ли можно назвать хоть одну дисциплину, которая не привлекала бы данных других наук. И в то же время вопрос о праве их на самостоятельное существование не возникает». А главный его аргумент заключался в том, что «все эти науки имеют свой ясно очерченный объект исследования». Применительно же к ЛТП Швейцер считает, что данный вопрос разработан неудовлетворительно, поскольку считать объектом лингвистики перевода только «закономерности в соотношении двух языков», по А.В.Фёдорову, или «закономерные соответствия», по Я.И.Рецкеру, явно недостаточно, ибо подобные формулировки представляются слишком общими и недостаточно определенными». На тот период собственных разысканий Швейцеру казалось, что «задача переводчика всегда носит комплексный характер, а поэтому и теория перевода должна рассматривать все средства передачи смыслового содержания подлинника – грамматические и лексические – комплексно», а соответственно «метод комплексного рассмотрения различных языковых средств должен найти свое отражение и в теории перевода, и в практике его преподавания» [Швейцер, 1963, с. 5-6, 12].

Через 10 лет в своей книге «Перевод и лингвистика», а затем уже в 1988 году в работе «Теория перевода», он вновь в той же редакции повторит свое неприятие вышеуказанного высказывания А.А.Реформатского, и оставаясь по-прежнему в рамках «общелингвистических основ теории перевода», все явственнее ратует за более широкое применение как различных языковедческих дисциплин – грамматики, лексикологии и стилистики, так и внеязыковых наук – эстетики, психологии, этнографии, литературоведения, социологии и др. При этом он с удовлетворением констатирует, что «научный анализ процесса перевода <...> в значительной мере облегчается благодаря тому, что современное языкознание, поддерживая тесные связи с этими науками, значительно расширило фронт исследовательских работ в *междисциплинарных направлениях*». Подытоживая свои разыскания в области интердисциплинарного выхода теории

«лингвистического и литературоведческого подхода к теории перевода». От теории перевода требовалось одно: научить переводчиков переводить. А «чистых теоретиков» вроде А.В.Фёдорова, «строивших не нормативную, а описательную теорию перевода» порицали за бесплодность и практическую неприемлемость их построений. В непростых условиях «формирование теории перевода, от которой ожидался немедленный выход в практику», пишет А.Азов, данная «прикладная задача была поставлена перед теорией так остро, что порой вызвала отторжение». Именно в этой ситуации А.А.Реформатский склонялся к мысли о том, что «теория перевода в таком виде вообще невозможна» [Азов, 2013, с. 9]. В дальнейшем Реформатский, который зачитывался книгами К.Чуковского о высоком искусстве перевода и сокровенно писал последнему: «люблю Ваши афоризмы о переводе, люблю Ваши удивительно меткие характеристики в мемуарах...» [Переписка..., 1962, с. 4], в числе первых поддержал идею о создании машинного перевода, стал членом секции машинного перевода Совета по кибернетике и в соавторстве с П.С.Кузнецовым и математиком А.А.Ляпуновым опубликовал программную статью «Основные проблемы машинного перевода» (ВЯ, 1956, № 5). Посему полагаем, что фактическое признание многоаспектности науки о переводе и специфичности переводческой трактовки разнотипных и разножанровых текстов, констатация перспективности решения непростых вопросов машинного перевода и ряд других переводоведческих наблюдений, обнаруживаемых в различных работах этого выдающегося ученого вполне «реабilitирует» его ситуативно-полемиический промах в оценке значимости создания самостоятельной науки о переводе.

перевода в новое исследовательское пространство, А.Д.Швейцер констатирует, «что *общая теория перевода является междисциплинарным направлением*, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией». И далее автор фактически снижает уровень своей общей междисциплинарной рефлексии и вновь полностью возвращается в лоно «материнской науки» – лингвистики: «По сути дела речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности – переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания». Не спасают изложенную лингвозависимую концепцию ученого и заключительные оговорки в конце книги: «Общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкавшимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой и лингвистической географией. Эта теория является одной из важнейших отраслей прикладного языкознания, не замыкающегося в рамках внутриязыкового формально-структурного анализа, а изучающего *взаимодействие и взаимосвязь языковых и внеязыковых фактов и развивающегося в тесном контакте с неязыковыми дисциплинами* (Курсив наш. – Э.М.)» [Швейцер, 1973, с. 7, 9, 11, 14,15, 263; 1988, с. 6].

Тем не менее, в 80-е гг. XX века проблема междисциплинарности теории перевода – это всего лишь побочная, неглавная тема переводоведческих дискуссий в СССР. А.Д.Швейцер в итоговой программной статье «Советская теория перевода за 70 лет» вынужден констатировать, что «По-прежнему остается актуальной задача разработки единого метаязыка и понятийного аппарата переводческого исследования. Для этого необходимо преодоление *междисциплинарных барьеров* (курсив наш. – Э.М.) и, в частности, барьеров между лингвистикой и литературоведением. Сделаны лишь первые шаги в области изучения философских проблем перевода» [Швейцер, 1987, с. 16].

Справедливости ради следует отметить, что в своей последней книге ученый, вслед за В. Ивиром, со всё возрастающей убежденностью заявляет, что «какой бы «лингвистичной» ни была теория перевода, она не может не обрастать междисциплинарными связями с науками, изучающими социокультурные, психологические и иные аспекты речевой деятельности». В подтверждение данной максимы ученый вводит в свое исследование специализированные разделы типа «Теория перевода и контрастивная лингвистика», «Теория перевода и социолингвистика», «Теория перевода и психолингвистика», «теория перевода и лингвистика текста», «Теория перевода и семиотика» и др. [его же, с. 11 и след.].

И только в конце 90-х гг. XX в. ученый без обиняков провозглашает необходимость безоговорочного перехода в русло междисциплинарных исследований и ратует за её признание

естественной междисциплинарной наукой.

В русскоязычных тезисах своего доклада, прочитанного на английском языке на международной конференции в г. Монтерее (США) в январе 1999г., ученый напоминает, что «теория перевода первоначально развивалась в двух направлениях – лингвистическом и литературоведческом. Вначале эти две линии переводческих исследований развивались совершенно автономно <...> Лингвистический подход оказался полезным для определения языковых факторов, в основном структурных и функциональных расхождений между двумя языками, лежащих в основе определенной стратегии перевода, в то время как литературоведческий подход способствовал выявлению роли литературных традиций в формировании переводоведческих норм. Отход от сепаратистских тенденций в языкознании и обусловленное этим взаимовлияние лингвистики и родственных наук стимулировали развитие междисциплинарных тенденций в теории перевода, которая не довольствовалась исследованием языкового механизма перевода. Поиск экстралингвистических факторов <...> расширил горизонты исследования вышедшего далеко за пределы собственно лингвистики». И далее: «...каким бы существенным ни был вклад языкознания в теорию перевода, перевод не может опираться лишь на лингвистику». Упомянув, что Ю.Найда «был одним из первых исследователей, обосновавших междисциплинарный статус науки о переводе», который основывается на ряде научных дисциплин – языкознании, информатике, психологии и антропологии, А.Д.Швейцер уверенно констатирует: «Экстраполируя линию развития теории перевода на будущее, можно предсказать дальнейшее развитие конвергентных тенденций, основанных на сближении и взаимодействии теории перевода с дисциплинами, изучающими те или иные сходные процессы. Именно таким образом удастся, по-видимому, добиться синтеза различных подходов к изучению перевода, на основе которого сможет быть построена модель, учитывающая всю многогранность и многомерность этого явления». Полезность «радикальной смены парадигмы» ученый видит в самых разных областях профессиональной деятельности лиц, причастных к переводу, так как междисциплинарный сдвиг не только изменил «характер людей, занимающихся переводческой деятельностью, но неизбежно влечет за собой изменения в характере их подготовки, а также в учете задач XXI века, как преподавателями, так и теоретиками перевода» [Швейцер, с. 63-64].

Любопытно в этой связи отметить «профессиональные страхи» некоторых ученых. Так, к примеру, Д.М.Бузаджи опасается, что «переводоведение все больше будет отходить от собственно переводоведческих и лингвистических проблем в такие области, как литературоведение, культурология, психология, политика, социология, религия и философия». Он полагает, что такой поворот может привести к тому, что «практический аспект переводческой деятельности будет учитываться все меньше, и личность переводчика будет играть все более заметную роль»

[Бузаджи, 2009, с. 38].

По сути выводов автора цитируемой статьи заметим следующее. Боязнь переводческой отсебятины, пиарящихся «перелагателей», «которая облегчает не наделенному литературным талантом человеку путь к писательской славе» [там же, с. 36] – еще не повод отвергать «междисциплинарный поворот» в современной теории и практике перевода.

В настоящее время самые ярые приверженцы ЛТП вынуждены признавать наличие иных концептуальных альтернатив, соглашаясь, что «существуют различные подходы к переводу – психологические и психолингвистические, литературоведческие, общелингвистические, лингвистические и некоторые другие». Однако отказываться окончательно от своих предпочтений они все-таки не намерены и защищают свою приверженность ЛТП прагматичностью решаемых ими задач по принципу «каждому своё»: «Ряд исследователей, – подчеркивают авторы пособия по классификации переводческих ошибок, – настаивая на междисциплинарной сущности самого феномена перевода, соответственно, выступают за междисциплинарные разработки проблем перевода». Они же в свою очередь, не отрицая «онтологически междисциплинарного характера перевода», выбирают для себя ту модель, которая, по их мнению, наиболее целесообразна при решении конкретных задач, тот «дисциплинарный ракурс теории перевода, который наиболее соответствует характеру решаемой задачи». Поскольку авторы исследуют типологию ошибок, допускаемых переводчиками в «письменных специальных текстах», для анализа которых действительно во многом подходит «лингвистическая модель переводческих соответствий», теоретической базой для их спекуляций естественно служат классические труды по ЛТП А.В.Фёдорова, В.Н.Комиссарова, Я.И.Рецкера, А.Д.Швейцера, В.Г.Гака, В.С.Виноградова и др. [Бузаджи и др., с. 10-22].

Однако сталкиваясь со случаями вынужденной «герменевтической интерпретации» фрагментов текста, не имеющих статуса «переводческих соответствий», авторы вынуждены прибегать к известному приему, который В.Н.Комиссаров характеризовал как «адаптивное транскодирование». В этих случаях авторы пособия лукаво соглашаются, что принцип динамической эквивалентности (понятие Ю.Найды. – Э.М.) и адекватности требуют порой переводческих решений, которые с точки зрения осторожного и «консервативного» подхода могут казаться излишне смелыми, вольными, но вполне оправданы», и, совершенно уступая новым тенденциям в теории и методологии перевода, авторы вынуждены констатировать вслед за В.В. Гусевым, что «сегодня развитие междисциплинарного подхода к переводу как научной отрасли, лежащей на стыке теории коммуникации, лингвистики и психологии, позволяет рассматривать стратегию перевода как функцию субъекта деятельности, а именно – как способ её самоорганизации». И совсем уже – в качестве «отступного», авторы соглашаются, что «комплексы

устойчивых способов организации речевой деятельности переводчика формируются как вербально-когнитивные стратегии, уникальные для каждого конкретного субъекта перевода. Такая трактовка понятия «стратегии перевода» открывает возможности для появления в переводоведении новых концепций, которые не только позволят дать наиболее полную картину процесса перевода, но и будут способствовать расширению методологической базы оценки качества переводного текста как продукта деятельности переводчика» [там же, с. 21-23].

Уклончивая позиция авторов пособия вполне объяснима. Дело в том, что даже те переводоведы, которые относят себя к сторонникам интердисциплинарного подхода к построению общей теории перевода, слабо представляют себе философско-герменевтическую сущность «междисциплинарного поворота» и его методологических стратегий и тактик в решении конкретных проблем взаимодействия контактирующих наук, позволяющего координировать их потенциальные возможности по предпониманию, пониманию и интерпретации ИТ и перевыражению его в ПТ на когнитивно-прагматическом, контентно-смысловом, функционально-стилистическом, образно-символическом, метасемиотическом, лингвокультурологическом и системно-структурном уровнях. Так, к примеру, Ю.Л. Оболенская в своей предметно интересной книге по истории, теории и практике перевода классической русскоязычной литературы на испанский язык заявляет: «Необходимость интердисциплинарного подхода к переводу осознается всеми современными специалистами в этой области, хотя пока утопично предполагать, что на основе синтеза общего и прикладного языкознания, психолингвистики, теории текста, герменевтики, эвристики, теории информации, семиотики, философии, культурологии, психологии и еще почти десятка научных дисциплин, так или иначе связанных с проблематикой перевода, будет создана некая общая теория перевода – переводоведение, подобно тому, как все науки, изучающие человека и человеческую деятельность, превратятся в единую науку – человековедение» [Оболенская, 2010, с. 79].

Подытоживая исследование вопроса об истории становления междисциплинарности перевода, обратимся к точке зрения Н.К. Гарбовского, который, критически оценивая работу А.Д. Швейцера «Междисциплинарный статус теории перевода», опубликованную в «Тетрадах переводчика» (1999 г.), формулирует свой взгляд на проблему следующим образом: «Теория перевода далеко выходит за рамки лингвистики, так как специфика изучаемого объекта требует привлечения данных и методов других научных дисциплин, а именно логики, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии и др. <...> перевод как объект может изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Теория перевода как самостоятельная научная дисциплина не может быть ни междисциплинарной, ни дефисной». И далее: «...изучение перевода требует междисциплинарного подхода, но междисциплинарный

подход к изучению объекта и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные. Междисциплинарный статус характеризует некую научную область, определившую уже свой объект, но не сформулировавшую свой предмет <...> На современном этапе теория перевода только начинает оформляться в самостоятельную научную дисциплину. Самостоятельность же любой науки определяется тем, имеет ли она четкие объект и предмет исследования» [Гарбовский, 2004, с. 201-204, 206].

То, что для некоторых отечественных ученых лишь постепенно наступает время «интердисциплинарного прозрения» в хитросплетениях классических догм в традиционном переводоведении, ведущие специалисты некоторых зарубежных школ вполне однозначно воспринимают максимы междисциплинарности в транслатологии как очевидную общепринятую константу. Так, швейцарский профессор Ханнелоре Ли-Янке (Hannelore Lee-Jahnke), будучи убежденным сторонником междисциплинарного подхода как «ключевого направления в рамках переводоведения» и, в частности, в дидактике перевода, констатирует, что «наиболее важными «смежными дисциплинами» переводоведения, которые делают возможным междисциплинарный подход, являются психолингвистика, нейробиология, когнитивистика, исследование творчества и эмоций, а также исследования компетенций и стратегий решения проблем» [Ли-Янке, 2013, с. 38-39]. Разумеется, круг дисциплин, которые могут быть привлечены для решения многочисленных проблем перевыражения ИТ на ПЯ, вполне открыт для его расширения в конкретных «пиковых ситуациях», но суть данной феноменологической редукции обозначена автором предельно точно: «...междисциплинарность значительно подкрепляет научную основу наших исследований» [там же, с. 39].

Таким образом, междисциплинарность перевода однозначно снимает вопрос о сугубо «внутрилингвистическом»/«внутритекстовом» толковании оригинала без обращения к фоновой предыстории его создания, так как «перевод предполагает погружение в историчность не только потому, что надлежит восстановить через интерпретацию то, что означал переводимый текст, но и потому, что нужно понять тот способ, посредством которого этот текст устанавливал, прибегая к ресурсам родного языка и зачастую обновляя их характер, отношения с теми истоками и целями смыслопогалаания, которые он для себя определял» [Лоне, 2011, с. 69].

Список литературы

- Азов А.Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е годы / А.Г. Азов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.link/bookrader.php/1032070/Azov_-_Poverzhennye_bukvalisty.html [22.02.15] – 148 с. (То же. – Изд. Высшей школы экономики, 2013. – 308 с.)
- Бузаджи Д.М.* Переводчик прозрачный и непрозрачный / Д.М. Бузаджи. – «Мосты» № 2 (22), 2009

/ thinkaloud.ru/feature/buz-transparent.pdf – С. 31-38.

Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. – М.: Всероссийский центр переводов, 2009. – 119 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд. Московского университета, 2004. – 544 с.

Йоханссон Ф. Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур / Ф. Йоханссон. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2008. – 192 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.

Ли-Янке Х. Законодатели мод и ключевые этапы в междисциплинарном, ориентированном на процесс переводе: познание, эмоция, мотивация / Х. Ли-Янке // Вестник Московского университета. – Сер.22. Теория перевода. – 2013, № 1. – С. 36-68.

Лоне Марк де. Какая герменевтика требуется для перевода? / Марк де Лоне // Логос, № 5-6, 2011. – С. 61-71.

Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд. 3-е, испр / Ю.Л. Оболенская. – М.: «Либроком», 2010. – 264 с.

Переписка А.А.Реформатского и К.И.Чуковского / Переписка с московскими лингвистами, К.Чуковский [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Lingvisty.htm> [22.02.15]. – С. 1-23.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода / А.А. Реформатский // Иностранные языки в школе, 1952. – С. 12-22.

Роман Якобсон | ТрансЕвропа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://transeurope.ru/vyidayshhiesya-perevodchiki-i-lingvis...> [20.01.15] – С. 1.

Устинофф М. Роман Якобсон и французская школа перевода / М. Устинофф [Электронный ресурс] – Режим доступа: [interlos.ru>pdf/logos/2011-05/04pdf](http://interlos.ru/pdf/logos/2011-05/04pdf). – С. 35-49.

Фёрс Дж.Р. Лингвистический анализ и перевод / Р. Дж. Ферс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 25-35.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: эволюция связей / А.Д. Швейцер // Вопросы филологии: научный журнал, № 3, 2008. – С. 63-64.

Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

Швейцер А.Д. Советская теория перевода за 70 лет / А.Д. Швейцер // ВЯ, № 5, 1987. – С. 9-16.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

Швейцер А.Д. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе / А.Д. Швейцер // Тетради переводчика. – М.: Изд-во ИМО, 1963. – С. 5-12.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 16-24.

Johansson F. The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures / F. Johansson. – Harvard Business School Press, 2004. – 185 pp.

Нагорный И.А.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород (Россия)

Nagornyy Igor
Belgorod State National Research University
Belgorod (Russia)

*ЭКСПЛИКАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНО-ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В
СЛАВЯНСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ*

FUNCTION EXPLICATION AT MODAL-PRESUMABLY PARTICLES IN SLAVIC SAYINGS

В статье устанавливается статус модальной квалификации как мыслительной операции субъекта, анализируются модально-предположительные частицы в качестве языковых средств репрезентации авторской точки зрения на событие. Определяются основания и статус модальной квалификации в коммуникативном процессе. Иерархизируются речевые предположительные смыслы в предложении. Модально-предположительные частицы включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых смыслов, которые прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Описание речевых функций помогает установить ранг предположительных частиц как средств развития смысловой перспективы высказывания в процессе коммуникации. Данная функция отражает речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на субъективно-модальную квалификацию события. Базовым свойством любого смысла является его информативность, причем информативность речевая, которая вбирает в себя информативность языковую. Данный аспект должен быть, по возможности, ограничен сферой применения смыслов и приведен в систему незамкнутого типа. Последнее является причиной сведения смыслов определенной сферы в смысловые блоки, базирующиеся на возможности смысловой формализации. Модально-предположительные частицы как речевые средства реализации субъективно-авторских модальных смыслов в высказывании являются продуктивным инструментом воздействия на адресата в коммуникативном процессе.

The article establishes the status of modal qualification as a mental operation of the subject, analyzes modal putative particles as linguistic means of representation of the author's point of view on the event. Defined by the base and modal qualification status in the communicative process. Voice suggestive meanings are ierachised in the sentence. Modal putative particles are included in the group of language means for expressing the complex meanings of speech, which are due to pragmatic, are important for the speaker and the addressee communicative information. Description of speech functions helps to establish the rank of the alleged particles as vehicles of meaning perspectives statements in the communication process. This function reflects the speech aspect representation intention of the speaker, aimed at subjective modal qualification events. The basic feature of any sense is it informative, and informative speech, which incorporates informative language. This aspect should be, if possible, to limit the scope and meaning is given to the system of the open type. The latter is the reason for the attention of the meanings defined in the scope of semantic units, based on the ability of semantic formalization. Modal putative particles as a means of implementing speech subjective copyright modal meanings in an utterance is a productive tool for influencing the recipient in the communicative process.

Ключевые слова: модальные частицы, экспликация, проблематическая достоверность, квалификативный смысл, субъект, адресат, коммуникация.

Key words: modal particles, explication, a problematic validity, meaning of qualification, subject, recipient,

communication.

Предположительные частицы *вряд ли, едва ли, будто, точно, словно, как бы, чай, авось, якобы, небось неужели, разве, не то* включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых смыслов, которые, в свою очередь, прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Описание экспликационной функции помогает установить ранг предположительных частиц как средств развития смысловой персуазивной перспективы высказывания в процессе коммуникации. Данная функция отражает речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на субъективно-модальную квалификацию события.

Облигаторным свойством любого смысла является его информативность, причем информативность речевая, которая вбирает в себя информативность языковую. Данный аспект должен быть, по возможности, ограничен сферой применения смыслов, категориализован и приведен в систему незамкнутого типа. Последнее является причиной сведения смыслов определенной сферы в смысловые блоки, базирующиеся на возможности смысловой формализации.

Один из таких блоков составляют персуазивные смыслы. Последние понимаются как речевая абстракция, базирующаяся на языковой абстракции – понятийной категории персуазивности, в свою очередь основывающейся на понятийном и грамматическом значениях систематизированных языковых единиц.

Рассматриваемые частицы являются средствами, специально предназначенными для экспликации смысла «предположение» (так называемыми «специализированными персуазивными показателями»). Они на знаковом уровне обозначают понятие персуазивации. Последнее представляет собой означаемое, которое в приложении на конкретную денотативную ситуацию служит основой модально-персуазивной квалификации события.

Блок персуазивных смыслов в высказываниях с предположительными частицами представлен двумя группами, включающими соответственно логические и собственно квалификативные («предположение», «сомнение», «избыточность», «эвиденциальность») смыслы. Логическими смыслами являются смыслы «возможность» и «вероятность». К собственно квалификативным смыслам относятся «предположение», «сомнение», «избыточность» и «эвиденциальность». И логические, и квалификативные смыслы в речевом потоке реализуются на базе сигнификативного значения вербализующего их языкового знака – частицы. При этом квалификативные смыслы реализуются на основе логических, охватывая какой-либо из их аспектов.

Смысл «предположение» является ядерным смыслом сферы модально-персуазивной квалификации события. Реализация его в высказываниях с предположительными частицами закономерна, так как именно он осмысливается как семантический центр, вокруг которого группируются другие актуальные квалификативные смыслы. По отношению к базовым логическим смыслам «предположение» является смыслом, актуализированным в высказывании для решения конкретной коммуникативной задачи: *Ужель былое как отрада Мне ныне помнится в тиши? Ужели утолять я рада Хоть этим кубком, полным яда, Все жажды тщетные души!* (К.Павлова); *А другой сон был и того страшнее: стояла она **будто бы** в полдень в жаркой пустой избе, припертая кем-то снаружи, замирала, ждала чего-то* (И.Бунин); *А он думал: **авось** все еще сладится* (В.Иванов).

«Возможность» как базовый логический смысл и «предположение» как актуальный квалификативный смысл при наличии в их семантике ряда общих черт нельзя отождествлять, так как они имеют разную природу и служат для обозначения разной степени достоверности факта. Действительно, предположение исходит из возможности. Но предположение не есть сама возможность. Эти две смысловые сущности различны по своему характеру. Предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, существующих вне его в объективной реальности. Возможность раскрывает объективную тенденцию развития события. Это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий. Она актуализируется как указание на некоторые условия, могущие повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения. Данные условия могут быть либо связанными с говорящим, либо не предполагать такой связи.

Соотношение с субъективным фактором, как известно, положено в основу дифференциации объективной и субъективной возможности. Если первая предполагает наличие условий, не имеющих отношения к «я» субъекта, то вторая наиболее тесно связана с предположением, так как зависит от условий, имеющих непосредственное отношение к личностному фактору. Обе эти разновидности реализуются в высказывании, а шире - в тексте, в конкретных проявлениях, так называемых частных значениях (Ср., например, предположение, основанное на объективной возможности (*Узнал он от знакомого в городе, что Кузьма... стал «автором». Да, напечатали **будто бы** целую книжку его стихов и на обороте обозначили: «Склад у автора»*) (И.Бунин)) с предположением, основанным на субъективной возможности (*И мне кажется, вы неправду говорите. Вы тоже ждете. И ожидание чуда - **точно** в крови у всего русского народа* (А.Куприн); ***Авось** вам-то и не придется воевать, - с грустью заметил мой собеседник* (“Юность”)).

Предположению присущи свои оригинальные средства выражения: знаменательные части речи с соответствующим значением, функционально-синтаксический способ (например, интеррогативный тип конструкции), просодические средства, модальные слова и частицы со значением недостоверности сообщаемого.

По отношению к конкретизирующим квалификативным смыслам «сомнение», «избыточность» и «эвиденциальность» общий квалификативный смысл «предположение» характеризуется как базовый. Концептуальный компонент значения, составляющий его ядро, служит фактором фиксации высказывания на соответствующем отрезке модальной шкалы степеней достоверности в границах смысловой сферы «предположение».

Предположение имеет своим содержанием предварительное суждение о чем-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности. Здесь, естественно, имеет место градация оттенков. Их диапазон – от высокой степени уверенности до полной неуверенности в сообщаемом. Однако главное, на наш взгляд, состоит в том, что предположительная уверенность никогда не может быть приравнена к констатирующей уверенности в достоверности или недостоверности факта: *–**Неужели** не любил?* *–Право, не сумею вам ответить, - замялся старик, поднимаясь с кресла* (А.Куприн); *А мне показалось, что **как будто** это не тот голос* (Н.Лесков); *Мой собеседник, человек рассудительный, **вроде** решал, как ему дальше вести себя со мной* («Новый мир»). Важным оказывается то, что зачастую говорящий просто не имеет веских аргументов (базирующихся на объективных данных) для констатирующего утверждения или отрицания факта. При этом он часто оперирует только своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому событию: *Да он и был почти мальчиком, очень нежным и красивым с виду, но по натуре резким и жестоким, мальчиком **как будто** самоуверенным, но легко и **чуть ли не** до слез смущающимся* (И.Бунин); *Когда я шел в канцелярию ялтинского генерал-губернатора, мне казалось непонятным и странным: **неужели** о таком пустяке, как проживание в Крыму – нужно еще хлопотать?* (А.Аверченко); *–Знаешь, Ласточка? – сказала она, – батюшка выдает меня за арапа. Карлица вздохнула глубоко... –**Разве** нет надежды, – продолжала Наташа, – **разве** батюшка не сжалятся надо мною?* (А.Пушкин); *Он из снежной России, но **вроде** не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой?* (В.Ерофеев). Отстраненность от ответственности за фактичность высказанного мнения дает говорящему право предполагать о развитии и конечном результате события: *Лиза: Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни **чай**, от скуки, – повольнее* (А.Грибоедов); *Мы, видишь ли, народ молодой! Да ведь **авось** и там-то, в Европе-то, тоже давили немало - монголы всякие* (И.Бунин); *– **Неужели** это – результат операции? – Скорее*

всего – нет (В.Головачев); *На вид ему лет двадцать, едва ли больше* (Р.Штильмарк).

Выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других qualificативных смыслов, образующихся на его основе, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень уверенности (Ср.: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. Небошь помните, как я вас любила* (И.Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А.Грибоедов); *“Неужто же, – вскрикивает она, – неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?”* (Н.Лесков); *Считаю, что **чуть ли не** половина списков утеряна* («Версия»)), а с другой стороны, сам факт возникновения актуальных qualificативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я **едва ли не** менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В.Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, **чай**, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А.Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что **вряд ли** стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* («Мир новостей») (степень уверенности обусловлена известностью факта). В более широком аспекте все это подводит к мысли о том, что модально-персуазивная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Выделение смысла «предположение» ориентирует на учет комплекса как собственно лингвистических, так и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы характеризуются как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации qualificативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней: *Родька дерзко усмехнулся в ответ и спокойно пошел в избу собирать свое добро. Молодая послушала отказ тоже **как будто** спокойно, – она, разойдясь с Тихоном Ильичем, опять взяла манеру бесстрастно молчать, не глядеть ему в глаза. Но через полчаса, уже собравшись, Родька пришел вместе с ней просить прощения. Молодая стояла на пороге, бледная, с опухшими от слез веками, и молчала* (И.Бунин); *-А приходили ко мне от покойницы Трюхиной? – Покойницы? Да **разве** она умерла? – Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны? -Что ты, батюшка, не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян,*

завалился в постелю да и спал до сего часа... -Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик (А.Пушкин). Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «предположение», фиксируемого только частицей (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой разве ты со мною не была?* (А.Блок) (сомнение, осложненное желательностью); *Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого* (Е.Носов) (предположение, осложненное опасением)).

Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Однако там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания. Указанный критерий опирается на логические параметры категорий возможности и вероятности.

В пределах рассматриваемого кваликативного смысла фактор обоснованности тоже имеет место. Предположение в этом аспекте можно условно разделить на две разновидности:

1. **Необоснованное предположение.** Проявляется спонтанно, в основном в активном диалоге. Данное предположение – незакономерное, случайное, основывающееся в большей мере не на объективных данных, а на спонтанной реакции говорящего, желании расширить объем информативного материала, актуализировать те или иные аспекты речевой ситуации и т.п.: – *Ну, теперь еще две зорьки осталось... Авось, бог даст, полегчает маленько* (И.Бунин); – *Вы слышали новость, Корейко, – спросил вошедшего Лapidус-младший. - Неужели не слышали? Ну? Вы будете поражены* (И.Ильф, Е.Петров); – *Кто же напугал мирных травоядных? – спросил Капитанов. – Уж не пещерный ли медведь?* (В.Обручев).

Экспликация необоснованного предположения не означает, что путь развития ситуации будет повторен в иное время и при иных обстоятельствах, как и не означает того, что такое же предположение может быть сделано в схожих обстоятельствах другим субъектом. Для необоснованного предположения характерно отсутствие контекстно-речевого указания на его обоснованность, предполагающую обусловленность: *Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней* (И.Бунин); *Неужель я виноват Тем, что из-за взгляда Твоего я был бы рад Вынести муки ада?* (А.Григорьев)

2. **Обоснованное предположение,** напротив, проявляется тогда, когда говорящий при его актуализации опирается не только на субъективные факторы, но и на частичное знание

объективных условий. Последнее определяет такую степень осведомленности, которая, с одной стороны, позволяет говорящему при предположении опереться на нее, а с другой стороны, не является причиной, определившей знание условий в той мере, которая может стать основанием констатирующей уверенности в сообщаемом: – *Это, брат, хорошо. Летом-то **небось** вашему брату легче... – Да оно **как будто** послободнее. – Зимой холодно ведь, **чай**? – Да, холодно* (А.Аверченко); – *Будто на танцы его везу, а не в трибунал. Свихнулся, **что ли**? Вот было бы хорошо! Комиссовали бы – и с плеч долой* (А.Ким); – *И выросла **небось**? Евгенья Семеновна рассмеялась и отвечает: – Разумеется, выросла* (Н.Лесков). Обоснованное предположение обусловлено обстоятельствами внешнего характера. Оно базируется на частичном владении объективной информацией, которая является достаточной для того, чтобы предположение выглядело вполне аргументированным, но в то же время недостаточной для того, чтобы превратиться в констатирующую характеристику события.

В тексте характерными признаками обоснованного предположения являются контекстно-речевые показатели его обусловленности: *Он не сводил глаз с крыльца, - и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже **будто бы** требовал какой-то старинный обычай...* (И.Бунин); – *Еще полевел! -Опять **небось** газету читал, - вскочила жена. – Говори! Читал?* (А.Аверченко); – *Почему? – раздраженно спросил новый пассажир. – Потому что они (манжеты) у вас совершенно черные. Не от грязи **ли**? – Вы жалкий, ничтожный человек! – быстро заявил Паниковский* (И.Ильф, Е.Петров); *Ихтиозавр, **что ли**? – спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии* (В.Обручев); – *Не думаю. Хотя если хозяин подстать своему логову... Думать о приятном отдыхе **вряд ли** придется* (В.Назаров); *Живя в отдаленном лесу, Лев едва ли знает, какая беда постигла его друзей* (А.Волков).

Подведем итог сказанному. Описание экспликационной функции модально-предположительных частиц в речи подтверждает гипотезу о том, что персуазивные смыслы, в частности являвшийся предметом нашего внимания смысл «предположение», не являются статичными образованиями, в процессе коммуникации характеризуются как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленной перед говорящим коммуникативной задачи. Тем не менее, фактор необходимой иерархизации смыслов, их упорядочивания и систематизации при исследовании заявленного аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место. Описание блока персуазивных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область текстового информационного пространства, в перспективе представляется актуальным.

Список литературы

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. М.: Наука, 1975. 720 с.

Нагорный И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц / И.А. Нагорный. Барнаул: Издательство БГПУ, 2000. 310 с.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис / Шмелева Т.В. Красноярск: Изд. КГУ, 1988. 54 с.

Нефагина Г.Л.
Поморская академия
г. Слупск (Польша)

Nefagina Galina
Pomeranian University
Sloposk (Poland)

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ О. ГРУШИНОЙ «ЖИЗНЬ СУХАНОВА В СНОВИДЕНИЯХ»

MEANINGFUL ROLE OF SOUND IMAGES IN OLGA GRUSHINA'S NOVEL THE DREAM LIFE OF SUKHANOV

В статье рассматриваются звуковые образы в поэтике русскоязычного перевода написанного на английском языке романа Ольги Грушиной “Жизнь Суханова в сновидениях”. Анализируется роль звука в создании образов времени и пространства, типы и функции звукообраза, рассматривается феномен тишины как универсалии. Звуки выступают как медиаторы между прошлым и настоящим героя, как маркеры пространственных и временных переломов и ключевых моментов сюжета. Звуковые образы служат основной цели – созданию духовной биографии человека, чья жизнь охватывает промежуток 1930-х-1980-х годов.

The article deals with sound images in the poetics of Olga Grushina's novel *The Dream Life of Sukhanov*. The author analyses the role of sound in creating time and space images, types and functions of sound, and studies the phenomenon of silence as a universal. Sounds act as mediators between the hero's past and present, as markers of time and space shifts, and key events of the plot. All these sound functions are connected with the main aim of the writer – to form and shape the spiritual biography of a creative person whose life covers 1930-1980s.

Ключевые слова: звук, звуковой пейзаж, звуки времени, универсалия, тишина, духовная биография

Key words: sound, soundscape, sounds of time, universals, silence, spiritual biography

В современной американской литературе имя Ольги Грушиной неизменно ассоциируется с именем Владимира Набокова. Такое лестное сравнение не случайно. Русская по происхождению, Грушина пишет исключительно по-английски, обогащая англоязычную литературу. После выхода в 2006 году романа *The Dream Life of Sukhanov* (что знаменательно, в том же издательстве Putnam, которое когда-то опубликовало «Лолиту» В. Набокова) о писателе сразу заговорили как о новом в американской литературе явлении, а в 2010 году Грушина была включена в список десяти лучших романистов США.

Однако дело не только в аналогии ситуации, но и в набоковском дискурсе в поэтике романа, что проявляется в использовании сенсорных образов. Сразу отмечу, что в статье цитаты на

русском языке приведены по тексту в переводе Елены Петровой, который, по оценке самой О. Грушиной, не только адекватно по смыслу, но и предельно точно в языковом плане передает все оттенки английского текста, а иногда оказывается более точным в выражении авторской интенции. Случаи иного возможного перевода оговорены в тексте статьи. Исследование качества перевода не является целью статьи, но для сравнения в статье даются параллельные цитаты из английского оригинала и русского перевода, что может дать стимул теоретикам и практикам перевода для новых исследований.

В «Жизни Суханова...» образная поэтика в значительной мере связана со звуком. Звук, как известно, является связующим звеном между внешним и внутренним миром человека. «Воспринимаемое слухом – по преимуществу **субъективно**. Звуки, слышимые наиболее, внедрены в ткань нашей души и потому наименее четки, но зато наиболее глубоко захватывают наш внутренний мир. В звуках воспринимается данность, расплавленная в нашу субъективность. Звуком течет в ухо внутренний отклик на даваемое извне, – звуком откликается на явления мира внутреннее существо бытия, и, приходя к нам, в нас втекая, этот звук, этот отклик течет именно как внутренний. Слыша звук, мы не **по поводу** его, не **об** нем думаем, но именно **его**, **им** думаем: этот внутренний отголосок бытия и в нашей внутренности есть внутренний» [Флоренский, 1996].

Звук в литературе передается посредством слова. При этом передача звука словом не может быть простым названием звука, звук в художественном произведении, чтобы быть функциональным, неизбежно должен быть описан, охарактеризован. Это могут быть как пространственные (далекий-близкий, всепоглощающий), так и временные (долгий, длительный-быстрый, короткий) характеристики. Звук характеризуется и только ему присущими качествами: высотой, тональностью, тембром, ритмичностью, гармонией сочетания с другими звуками. Вся эта разнообразная палитра звуковых характеристик имеет различные функции в литературе и в немалой степени зависит от принадлежности автора к художественному направлению. Излишне говорить, что один и тот же звук будет играть разную роль в романтизме и, положим, в реализме или символизме. Так, тишина в романтизме исполнена ожиданием необычного, даже торжественного, в символизме она таит непознаваемые мрачные глубины, в реализме равна самой себе, в постмодернизме – аналог Пустоты как абсолюта, вмещающего все, что угодно и остающегося пустотой. В современной литературе, прошедшей школу постмодернизма и возвратившейся к человеку, звук функционирует в самых разных ипостасях, но основное – психологический ракурс в характеристике персонажа. Роман Грушиной как раз представляет собой произведение постпостмодернистское (и постнабоковское), в котором различные литературные дискурсы подчинены главной задаче — созданию духовной биографии человека среднего поколения XX века, чья жизнь вмещается в пространство 1930-1980-х годов.

Благодаря звуку писатель воспроизводит характер описываемого времени. Для реанимации прошлого достаточно услышать знакомую музыку. Музыка, песня являются своеобразным кодом времени. Картины детства героя середины 1930-х, когда еще был дома отец и вся семья была дружной и счастливой, воскрешаются звуками классического романса Варламова на стихи Лермонтова «Белеет парус одинокий». Этот романс как бы подготавливает к трагической истории одинокого мечтателя, каковым был отец Суханова, а услышанный позже, он служит ассоциативным переходом к воспоминаниям об отце. Весна 1956-го, время оттепели, связана с джазом – музыкой «тайного бунта», в которой «the sounds of its saxophones and trumpets filling our cramped quarters like gigantic, slowly unwinding golden coils, the sounds of its pianos soothing like cold fingers massaging away a headache» [Grushin, 2006] («звуки саксофонов и труб в тесной квартире медленно разворачивались гигантскими золотыми пружинами, а звуки рояля прикасались нам к вискам прохладными пальцами, снимая боль») [Грушина, 2011, с. 238]. Начало 1980-х с их лицемерием и двойственностью отмечены, с одной стороны, оптимистичным ором полупьяных девиц «Мы желаем счастья вам», а с другой – среди молодых звучат «песни необычные, перетекающие, без явно выраженной мелодии, из одной строфы в другую, преобразующиеся на полуслове, то безнадежно утопая в растревоженных аккордах, то взмывая над внезапным затишьем, – песни временами бессвязные, временами режущие слух, иногда лирические, иногда пугающие, но неизменно поражающие, неизменно взимающие плату в обнаженных чувствах за право приблизиться к их смыслу» [Грушина, 2011, с. 232]. (And now this brittle, sensitive, floating voice began to sing other songs, unusual songs, songs that flowed without a perceptible melody, one verse spilling into another, words metamorphosing in mid-syllable, sometimes drowning despondently in the troubled strumming, sometimes soaring above a quiet lull – songs that were at times incoherent, at times jarring, occasionally lyrical and occasionally terrifying, but always gripping, always exacting a toll paid in raw emotion on the roads to their meaning) [Grushin, 2006]. Услышанная в настоящем времени музыка, как правило, является звуковым мостом в прошлое, как бы его отражением по принципу подобия. «Эти песни были так сродни тем разговорам, которые безоглядно, днями напролет велись на светлых, бессонных сборищах в пору его собственной юности — его слегка запоздалой юности, пришедшейся на пятьдесят шестой год» [Грушина, 2011, с. 233] (these songs were «so much like the talks that had kept him up for dizzying twenty-hour stretches at the blessed gatherings of his own youth, his slightly postponed, second youth of 1956») [Grushin, 2006]. Вообще удвоение, отражение, подобие прослеживаются не только в связи со звуком. Это – основные принципы поэтики романа Грушиной.

Помимо звуков времени в романе важное смыслообразующее значение имеют звуки места, то, что Т.В. Цивьян назвала «звуковой пейзаж» [Цивьян, 2000, с. 74]. Звуковой пейзаж ночной

Москвы в восприятии Суханова, впервые ночью оказавшегося на Красной площади и испугавшегося парня, который, как ему показалось, хотел ограбить его, состоит из **тяжелого** боя курантов Спасской башни, **громкого зловещего** эха шагов («his steps echoing loudly and menacingly in the surrounding stillness»), какого-то **хихиканья** в кустах («it seemed to him that someone tittered from the dense shadows»), **тяжелого** дыхания бегущего человека («Suddenly the sounds of someone running banged along the pavement, growing closer»), **гулко**го биения испуганного сердца («His heart pushed in his throat») (выделено мной – Г. Н.) [Грушина, 2011, с. 238]. Но звуковое восприятие меняется тот же час, как Суханов осознает, что никакой опасности нет, и парень догонял его, только чтобы попросить двухкопеечную монету для телефонного автомата. «В то же мгновение мост ожил»: зазвучала исполненная **радости** жизни песня «Мы желаем счастья вам», слышался **добродушный** спор старика и старушки, проходящих мимо, **птичье щебетанье** японских туристов (выделено мной – Г. Н.) [Грушина, 2011, с. 39]. («In an instant the bridge seemed filled with people. Two drunk girls stumbled along, singing over and over, «We wish you happiness», a line from a popular song; a group of six or seven little Asian men in suits trotted by, ...chattering in some birdlike tongue») [Grushin, 2006]. Очевидно, что звуковой пейзаж носит субъективный характер, звуки воспринимаются выборочно, в зависимости от состояния и настроения героя.

Звуковой пейзаж ночного Замоскворечья состоит из дребезжания позднего троллейбуса, доносящихся из распахнутого окна стонов гитары, ссор и смеха влюбленных парочек, непонятного гула ночи. Все это приводит Суханова в умиротворенное меланхолическое состояние. Но с появлением вернувшегося с вечеринки у министра сына в пейзаж вклиниваются другие звуки, явно негативной окраски: пронзительное эхо грубого окрика таксиста, глухое звяканье о тротуар пустой бутылки, грохот разбивающейся об пол тарелки, хриплый лай собаки и вой другой, присоединившейся к ней. Эти звуки вызывают у Суханова грустное чувство потери чего-то важного, не только молодости, но потери чувства единства семьи, понимания детьми и детей.

Одна из важнейших функций звука – создание психологического облика персонажа. Так, несколькими звуковыми штрихами писатель рисует образ скандальной соседки Суханова, бывшей певицы: он «услышал визг некогда знаменитого меццо-сопрано», «толстая обивка двери отрезала звук на верхней ноте негодования» (с.146). Жена видного театрального критика – «втиснутая в пурпурное бархатное платье тучная дама» («an ample woman stuffed into a tight dress of crimson velvet») (с. 12), напористая и бесцеремонная, «пронзительно кричала» («screaming shrilly»), а ее рассказ постоянно прерывался «манерным хохотом» («debilitating giggles»), приступами «неодолимого хохота» («helpless mirth») [Грушина, 2011, с. 13]. Изменяющая мужу молодая соседка с кукольным лицом «резко обернулась и с неожиданной визгливостью закричала»

(«swinging around sharply, shouted with startling shrillness») [Грушина, 2011, с. 269]. Высокие, пронзительные звуки, как правило, имеют у Грушиной отрицательную коннотацию.

Образ жены Суханова Нины сопровождается тихими, размытыми звуками. В сопряжении с едва различимыми запахами духов, окутывающими ее, с ускользящим зеркальным отражением, с холодным всполохом сережек звук «струистого шороха исчезновения» («a sudden fluid rustle») порождает образ женщины с тайной, с какой-то неопределенностью, недоговоренностью ее внутреннего облика, ее души, с неясными мотивами поведения. Почти до конца повествования отношение ее к Суханову окутано ускользящими штрихами, намеками, деталями, допускающими двусмысленное толкование (в какой-то момент можно даже заподозрить Нину в любовной связи с водителем Суханова). Внутренний мир Нины размыт и не ясен, как приглушены и не отчетливы связанные с ней звуки. Лейтмотивом звуковой характеристики Нины можно считать эпитет «тихий». Но этот «тихий» может быть разным: «исполненным умиротворяющей нежности и теплых тонов» («everything about her – her words, her movements, the tone of her voice – was comforting, tender, softly colored»), сухим, недовольным, встревоженным. Причем наиболее частотным оказывается определение «безразличны». В пору подведения итогов, когда она поняла, что миссия тургеневской девушки, сотворившей себе кумира и посвятившей ему жизнь, была ошибочным выбором, ее тихий голос приобретает хрустальную твердость. «Она заговорила так тихо, что ему пришлось напрягать слух, и речь ее была непостижимо хрупкой, но в то же время храброй, будто слова ее балансировали на канате над пропастью, видимой только им двоим» [Грушина, 2011, с. 282] («her voice was so low he had to strain his hearing to understand, and her words sounded oddly frail, and yet brave, as if balancing on a tightrope stretched across an abyss that only the two of them could see») [Grushin, 2006].

Образ главного героя Суханова лишен однозначной звуковой константы. Более того, если звуковой образ Нины можно описать через тихий звук ее голоса, то прямая звуковая характеристика Суханова вовсе отсутствует. Он воспринимает внешние звуки и трансформирует их соответственно своему состоянию. Он устройство, если можно так сказать, не столько производящее звук, сколько воспринимающее его. Его речь описывается не через звуковые свойства, а через психологическое состояние, т.е. он говорит не громко или тихо, звонко или глухо, а равнодушно, рассеянно, брезгливо, небрежно, иронически. Гнев Суханова сопровождается резким звонком телефона, падением чего-то тяжелого, хлопаньем двери, скрежетом лифта. Если и идет речь о звуке в связи с образом Суханова, то скорее в метафорическом смысле: непрошенная мысль «задела одинокую дрожащую струну, чей звук поднимался все выше и выше у него в груди, будоражил смутные желания и, нераздельно от них, пронзительную, незнакомую грусть» [Грушина, 2011, с. 33]. («a solitary trembling note whose sound

rose higher and higher in his chest, awakening inarticulate longings and, inseparable from them, a piercing, unfamiliar sorrow») [Grushin, 2006]. Косвенная звуковая характеристика появляется только в двух зеркальных эпизодах, связанных со Львом Белкиным, в некотором роде антагонистом главного героя. Суханов воспринимает Белкина как соперника в живописи и любви, что выражается в напевании им арии из сцены дуэли Ленского и Онегина. Именно сцена дуэли выбирается подсознанием из всей оперы. Когда он, еще довольный достигнутым положением, считает Белкина неудачником и не чувствует разлада с Ниной, то «мурлыкает» («hummed the duel aria from *Evgeny Onegin*») (с. 46) эту арию при рассказе о встрече с Белкиным: в незримой дуэли он ощущает соперника повергнутым. Но, мучимый завистью и подозрениями в связи Нины и Белкина, он, «энергично напевая себе под нос сцену дуэли из “Онегина”» (выделено мной – Г. Н.) («Forcefully humming the duel aria from *Onegin*») (с. 80), решительно снимает со стены повешенную Ниной раннюю картину Льва, будившую в потаенных глубинах его души эти темные чувства. Дуэль вроде бы заканчивается его победой: картина отправлена в кладовку, на ее место повешен холст с **жизнерадостным натюрмортом** (выделено мной – Г. Н.). Но в том-то и дело, что картина Белкина при мифологичности ее сюжета была живой, а румяные яблоки – мертвой натурой.

Особое смысловое значение имеет в романе образ-мотив тишины. Тишина является одним из древних культурных символов. В культуре XX века феномен тишины приобрел значение метаобраза. Существуют две, на первый взгляд, противоположные точки зрения на феномен тишины. В восточных религиозных философиях (дзен-буддизме, суфизме, исихазме) и в мистике тишина осмысливается как универсалия, символ целостности и взаимосвязи микро- и макрокосма. Тишина сродни Пустоте как «некий самодостаточный феномен, обладающий завершенностью абсолют» [Некрасова, 2006], как выражение совершенства (именно в таком смысле тишину представляют постмодернисты). В антропологических же учениях тишина всегда чревата звуком и познается в контексте звучащего мира. П.А. Флоренский точно выразил субъективный характер ее: «Звук – непосредственно (диффундирует) просачивается в нашу сокровенность, непосредственно ею всасывается, и, не имея нужды в проработке, сам всегда воспринимается и осознается, как душа вещей. Из души прямо в душу глаголют нам вещи и существа» [Флоренский, 1996]. Противоположность этих взглядов мнимая и означает лишь онтологический и чувственно-эмоциональный подходы к феномену тишины. В романе есть только один момент ощущения героем абсолютной тишины, когда он мальчиком, впервые увидев картину Боттичелли, поражается открывшейся Красотой. «В ушах звенит торжественная тишина, вселенная замирает, будто очарованная, а мысли и чувства беспрепятственно пронзают насквозь все твое существо, пролетая из конца в конец вечности за единую минуту» [Грушина, 2011, с. 117]. Здесь в образе

тишины как раз сконцентрированы все параметры абсолюта – покой, беспредельность, пустота, вечность, пронцаемость.

Как универсалия тишина в искусстве семантически наполнена. Она «информативна, содержательна, загадочна, ...обладает пространственными и временными характеристиками, динамикой, текстурой и даже цветом» [Высоцкая, 2011, с. 30].

В романе Грушиной тишина не является отсутствием звука или его оппозицией, каждый раз тишина имеет свою окраску, что наполняет этот звуковой образ метафизическим значением и возвращает к его онтологической сущности. Изменение характера тишины отражает изменения в духовной жизни главного героя.

Вот, еще в состоянии согласия с собой и удовлетворенности жизнью, Суханов вечером пьет чай в кругу семьи. Эту тишину можно послушать: «Иногда его или ее ложечка задевала о край чашки, и серебряный звон падал, как голыш, в чистый пруд тишины, придавая их молчанию новые, еще более уютные очертания. ...Восхитительный мир Суханова Анатолия Павловича существовал совершенно независимо от внешнего мира. ...Воздух *шептал* о корице и яблоках. ...Это был его мир, защищенный от напастей» [Грушина, 2011, с. 44-45]. («Occasionally his or her spoon would graze the edge of a cup, and its silver click would fall like a pebble into a translucent pool of stillness, redefining it, making it cozier. ... the familiar and delightful world of Anatoly Pavlovich Sukhanov existed quite independently of the world outside. ... the air whispered of apples and cinnamon. ... This was his world, and it was safe») [Grushin, 2006]. В цитате опущена вся гамма описания обстановки чаепития, из которой видно, что эта тишина теплая, приглушенно светлая, медленная. Но вот несколько, казалось бы, незначачих фраз Суханова вызывают внутреннее неприятие Нины. Ее тихие слова об удивительной способности Суханова не помнить то, что ему нежелательно, изменяют характер тишины. «Вновь воцарившаяся на кухне тишина лишилась уюта» [Грушина, 2011, с. 47]. («The renewed kitchen silence ceased being comfortable») [Grushin, 2006].

Когда начинается разлад в душе Суханова, тишина наполняется другими звуками: «Где-то за несколько улиц *уныло* гудел автомобиль, во дворе *вяло* тьякала собака» [Грушина, 2011, с. 74]. («he listened to a car honking a few streets away, a dog barking listlessly in the courtyard») [Grushin, 2006]. Кстати, писатель не просто называет звук, предоставляя читателям домысливать его окраску, а характеризует его: важно не название, а определение звука. Согласитесь, совсем иначе воспринимается эпизод, если убрать эпитеты. «Гудел автомобиль и тьякала собака» лишены эмоциональной окраски, а значит, не отражают психологическое состояние героя. Важно не то, что звонил телефон, а то, что он «дребезжал с приглушенной настырностью», а перестук клавиш печатной машинки мог бы быть при ином психологическом состоянии Суханова веселым,

звонким, радостным, но нет, он вялый. Сама тишина становится душевной, тяжело и неподвижно висящей. Это определение тишины как душевной, гнетущей становится лейтмотивом существования Суханова в период его кризиса.

Отражением беспокойства Суханова и его подозрений в неверности жены прочитывается эпизод, когда ночная тишина семейной спальни нарушается мощным певческим голосом, выводящим «Анафема ей, анафема ей во веки веков!» «Размеренная литургия не прекращалась: «Анафема ей, анафема ей во веки веков!» И по мере того, как шли минуты, Суханову и в самом деле стало казаться, что их настороженно притихший двор мало-помалу превращается в огромный торжественный храм под открытым небом. ...и на мгновение даже померещилось, что силой всеобщего осуждения дух какого-то падшего ангела действительно изгоняется в промозглое августовское небытие...» [Грушина, 2011, с. 78]. (The rhythmical liturgy went on and on: «Damnation, damnation to her, damnation to her for all of eternity!» And as the minutes passed, it began to seem to Sukhanov that their warily expectant courtyard was being gradually transformed into the interior of a great, roofless, solemn church. ... and for an instant he even imagined that the spirit of some fallen angel was truly being cast out by communal condemnation into the chilly August nothingness....) [Grushin, 2006].

Вторжение в тишину громких резких звуков и их взаимный контраст символизируют вторжение в сферу личного иного, внеличного, неодушевленного. Стук в дверь московской квартиры вызывает в памяти другой, столь же ужасный стук 1937 года, когда пришли за отцом. Наступившая затем современная тишина звенела угрожающей пустотой, а та тишина 1937 года «вдруг перестала быть тишиной – она наполнилась глухими звуками тяжелых шагов, топавших через нашу квартиру, через нашу жизнь!» [Грушина, 2011, с. 142]. («a silence that had ceased to be silent, that was filling with the muted sounds of stolidly shod feet trampling through our apartment, through our life») [Grushin, 2006]. И потом девятилетнего тогда Толю преследовали звуки: приглушенного панического шепота, шагов – одних тихих, шаркающих, других кованых, он ловил «едва различимые звуки – там рвали бумагу и ломали дух» («faraway, barely discernible sounds of papers torn and spirits broken») [Grushin, 2006]. Эта метафора – звук «ломания» духа – большая художественная находка писателя.

Тишина сопряжена с молчанием. Молчание, безмолвие, пауза – это отсутствие Слова. Если тишина существует вне воли человека, то молчание/пауза есть «категория речевая, обладающая свойствами процессуальности и результативности. В отличие от тишины, пауза потенциально содержит в себе продолжение. Молчание – внутренне динамично, тяготеет к переходу в иные качества: звук или тишину. Молчание-пауза имеет в своей основе разные причины: молчание-отказ от слова, протест, молчание-невозможность слова, немота и т.д.» [Некрасова, 2006]. Тишина

как молчание встречается в романе только в двух эпизодах. Так, на даче между Ниной и Сухановым состоялся разговор, в котором выяснилась причина холодности Нины. Боясь, что она выскажет последнее обвинение, которое он и сам себе предъявлял, – обвинение в измене собственному таланту, Суханов просит ее прекратить разговор. «Повисла долгая, неподвижная пауза, холодная, ломкая, многогранная – будто само время смерзлось в ледяные кристаллы» [Грушина, 2011, с. 285]. («The long, motionless minute that followed felt icy, crisp, multifaceted, as if time itself had hardened into crystals») [Grushin, 2006]. Пауза прорывается в тишину, которая будет сопровождать Суханова до момента осознания причин своего отступничества. Это уже тишина-безмолвие как выражение краха возможности возвращения к себе, к возрождению таланта художника. «Все затихло, и такой полной была тишина, что, казалось, будто весь мир погрузился в безмолвие – безмолвие утраченных возможностей и навсегда упущенных шансов» [Грушина, 2011, с. 387-388]. («And for a while the world was so silent that it felt as if a deep hush, a hush of finality, of lost chances, of all the things that had gone wrong and could never be changed, enveloped it, never to lift again») [Grushin, 2006], и «мысли кружились в бессловесном вихре» («his mind churning darkly in some lonely, wordless space») [Грушина, 2011, с. 395], «вокруг царила почти патриархальная тишина» («The place had a quiet, almost rustic air about it») [Grushin, 2006]. Больше до финала, который, в набоковском духе, не однозначен, звук будет не окрашен, он превращается в пустой и бессмысленный. Звук изымается из пространства существования Суханова.

Семантическое наполнение образа тишины зависит от художественной установки автора. Для Грушиной не характерна оппозиция тишины и звука. Ее тишина звучащая, но звучащая по-разному в соответствии с художественной функцией.

Таким образом, звуковые образы в поэтике романа «Жизнь Суханова в сновидениях» играют смыслообразующую роль. Они выступают как медиаторы между прошлым и настоящим героя, как возбудители памяти, как маркеры пространственных и временных сдвигов и ключевых моментов сюжета. Все эти функции звука связаны с главной задачей автора – созданием духовной биографии творческого человека XX века.

Список литературы

- Высоцкая М. Топосы тишины в творчестве Фараджа Караева / М. Высоцкая // Музыка и время, 2011, № 3. С. 29-33.
- Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях / О. Грушина: Перевод с англ. Елены Петровой. М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2011. 432 с.
- Некрасова И.М. Тишина и молчание: миросовершенство и самовыражение // Открытый текст [Электрон. ресурс] / И.М. Некрасова. – 2006. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/music/interpretation/?id=2747>.

Флоренский П. У водоразделов мысли. Пути и средоточия, Приложение 1: Философская антропология [Электрон. ресурс] / П. Флоренский – 1990. – Режим доступа: http://www.vehi.net/florensky/vodorazd/P_2.html.

Цивьян Т.В. Звуковой пейзаж и его словесное изображение / Т.В. Цивьян // Музыка и незвучащее: сб. статей / под ред. Е.В. Пермякова. М.: Наука, 2000. С.74–91.

Grushin O. The dream life of Sukhanov / O. Grushin. Penguin Books Ltd, 2006.

Новикова В.В.
Центр русского языка
г. Лондон (Великобритания)

Novikova Victoria
The Russian Language Centre
London (UK)

*РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОКУРСА ДЛЯ ПРОДВИНУТОГО
(B2-C1) ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ)*

*THE ROLE OF DOCUMENTARIES IN DEVELOPING OF CROSS-CULTURAL SKILLS (BASED ON
THE VIDEO-COURSE FOR THE ADVANCED (LEVELS B2-C1) LEARNERS OF RUSSIAN AS A
SECOND LANGUAGE)*

В статье анализируется опыт использования видеокурса, созданного с целью совмещенного изучения русского языка, истории и культуры России учащимися продвинутого (B2-C1) этапа обучения на основе российской документалистики, рассматриваются возможности использования аутентичных видеоматериалов как средства формирования социокультурной компетенции и частичной компенсации отсутствия естественной языковой среды.

The article analyses the use of video course aimed at the combined study of Russian language, Russian history and Russian culture in teaching at B1-C2 levels. It examines the potential for using authentic video resources (documentaries) to develop sociocultural competence and to create a learning environment that can partially compensate for the absence of a natural language environment.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, социокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, аудиовизуальные средства, языковая среда, аудирование

Key words: Russian as a foreign language, cross-cultural communication, sociocultural competence, audio-visual resources, language environment, listening

Интерес к изучению русского языка в мире в настоящее время обусловлен как интенсификацией деловых и личных контактов, так и заинтересованностью учащихся в политической и культурной жизни России, это касается и тех, кто только хочет начать изучение русского языка, и тех, кто изучал его ранее. Для последней категории учащихся наиболее приоритетными являются следующие причины, приводящие их в учебные аудитории: интерес к культуре и истории России и СССР, понимание национально обусловленных мотивов и особенностей поведения и общения русских партнеров по бизнесу, коллег, друзей и т.п.,

определение сходств и различий родного и русского (а зачастую – родного, русского и британского менталитетов, если учитывать специфику преподавания русского языка в Лондоне, где наиболее часты смешанные по национальному признаку группы) – то есть все то, что включает в себя понятие «межкультурная коммуникация».

Проблемы межкультурной коммуникации в современной методике преподавания иностранных языков (в частности, русского языка как иностранного) в последнее время признаются приоритетными: ««Диалог культур (межкультурная коммуникация) стал в наши дни основополагающим концептом методической теории» [Хватов, 2010, с. 238]. Процесс изучения русского языка как иностранного, таким образом, должен включать в себя осмысление и принятие (не обязательно присвоение) особенностей русской культуры, что ведет к улучшению взаимопонимания в процессе общения с представителями и носителями этой культуры. Перед преподавателями, исследователями и составителями учебных пособий неминуемо встает вопрос о культурном минимуме: что же должен знать и уметь студент, чтобы адекватно решать встающие перед ним коммуникативные задачи и хорошо понимать своих русскоговорящих собеседников, коллег и каковы наиболее эффективные способы обучения в этой ситуации? Как известно, дискуссии по этим вопросам в настоящее время активно ведутся, и хочется надеяться, что в скором времени основные компоненты, входящие в состав «культурного минимума» будут определены.

В ситуации, когда русский язык преподается вне среды своего естественного функционирования, эти вопросы приобретают дополнительную значимость, поскольку представления о России, ее традициях, культуре, быте за рубежом до сих пор весьма стереотипизированы, и эти стереотипы поддерживаются, к сожалению, не только зарубежными средствами массовой информации, но и некоторыми учебными пособиями. Также учащиеся чаще всего не слишком интенсивно используют русский язык вне учебного процесса, то есть отсутствует внешняя мотивация к обучению, а внутренняя может быть ослаблена нехваткой времени, недостаточно эффективной организацией самостоятельной работы и очень ограниченным количеством действительно увлекательных и удобных в работе учебных пособий (особенно это касается продвинутого этапа обучения, когда у учащихся уже накоплен значительный учебный опыт, и знакомые формы работы могут показаться скучными и перестать мотивировать). В таком случае необходимо использовать такие средства обучения, которые позволили бы, с одной стороны, поддержать внутреннюю мотивацию обучаемых, а с другой – сделать процесс обучения более эффективным и направленным на формирование у учащихся навыков межкультурной коммуникации.

Использование в обучении разного рода видео- и аудиоматериалов имеет давнюю традицию

в методике РКИ, и поскольку современный человек большую часть информации о мире получает из ресурсов Интернета, следовательно, одной из приоритетных задач становится «сделать доступным для понимания учащегося пространство радио- и телеэфира, русскоязычного Интернета» [Нестерова, 2014, с.105], поскольку это помогает постичь «культурную составляющую страны изучаемого языка в реальном ее проявлении» [Нестерова, 2014, с.105]. Неоценимым потенциалом в этом смысле обладают документальные фильмы, так как при их просмотре и работе с ними учащиеся имеют возможность наблюдать различные функциональные стили языка в действии, учатся аудированию подготовленной и спонтанной монологической и диалогической речи и узнают множество интересной информации, подкрепленной визуальным рядом.

Для создания видеокурсов для учащихся продвинутого (Advanced) этапа обучения в Центре русского языка был выбран документальный сериал Леонида Парфенова «Намедни». Выбор телевизионного проекта «Намедни» в качестве материала для изучения был обусловлен несколькими причинами. Первая (и основная) – интерес учащихся к истории СССР и новейшей истории России как источникам информации для понимания современной общественно-политической ситуации внутри России и взаимоотношений России с другими странами. Этот документальный сериал ценен и уникален подбором отраженных в нем событий, фактов и явлений (сериал охватывает период с 1961 по 2003 год). В фильме содержится информация как о внутренней и внешней политике СССР и России, так и о значимых для любого носителя русского языка вещах: музыке, фильмах, книгах, телепередачах, предметах быта, спортивных событиях, науке, моде, о деятелях науки, культуры и искусства, сыгравших важную роль в тот или иной период и о многом другом. Все эти вещи носители языка знают «по умолчанию» и порой не осознают их значение для формирования национального характера и менталитета, для иностранца же (особенно того, кто изучает русский язык вне России) овладение этим «багажом» представляет огромную трудность.

Вторая причина – это качество, разнообразие и компактность представленного материала: каждый феномен представлен не только рассказом ведущего и комментариями приглашенных экспертов, но и визуальным рядом: документальными кадрами, слайдами, кадрами из фильмов, телепередач, хроник, музыкальных клипов и др. (причем все это умещается в 2-7-минутный отрезок времени), что значительно облегчает восприятие и вызывает интерес у учащихся (в том числе – и к самостоятельному исследованию деталей заинтересовавшего их события). У проекта «Намедни» существует также и печатная версия, совпадающая с телевизионной по тематике, но отличающаяся текстовым и иллюстративным материалом, и это значительно расширяет возможности варьирования видов работы как в аудитории, так и за ее пределами.

Другими достоинствами сериала являются четкость дикции и темп речи ведущего (это

отметили все студенты), эффект «присутствия» или «путешествия на «машине времени» (многие эпизоды сериала составлены из кадров хроник прошлых лет и современных съемок) и возможность привлечения в любой момент дополнительных материалов – художественных и музыкальных произведений, фильмов, биографий известных людей, материалов Интернета (например, после изучения событий 60-х годов учащимся было гораздо легче и интереснее смотреть и понимать комедии Л. Гайдая, Э. Рязанова, художественные фильмы «лихих 90-х»; многие из них заинтересовались жизнью и творчеством таких значимых для русской культуры личностей, как Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Алла Пугачева и др.).

Отдельно хочется отметить и наличие в сериале фактов и феноменов других культур (американской, британской, французской и др.), оказавших значительное влияние на русскую культуру, что позволяет учащимся и преподавателю вести активный «диалог культур».

Видеокурс создавался со следующими целями:

- а) познакомить студентов со значимыми для носителей русского языка и культуры историческими эпохами и их феноменами;
- б) актуализировать различные прецедентные феномены, историзмы, идиомы, фразеологизмы, так или иначе знакомые учащимся;
- в) улучшить навыки аудирования и извлечения информации из звучащего текста.

Первоначально аудиторная работа над видеоматериалами сериала «Намедни» была рассчитана на 25 аудиторных часов (10-тинедельный курс по 2.5 часа в неделю). На каждую декаду (60-е, 70-е, 80-е, 90-е и начало 2000-х гг.) было отведено 5 аудиторных часов. В начале работы над каждой декадой группа проводила «мозговой штурм», отвечая на следующие вопросы: «Что происходило в мировой политике в это десятилетие? Что происходило в СССР/России? Имена каких советских/российских/британских и др. политиков, деятелей культуры и искусства вы можете назвать? Что было модно – в одежде, в музыке? Какие научные достижения этой декады вы можете назвать?», что позволяло перейти к работе над первым видео- или текстофрагментом.

В работе над видеофрагментом обычно использовалась традиционная система заданий, состоящая из 3-х групп: *предпросмотровых* (направленных на «развитие у учащихся навыков узнавания – понимания вводимой лексики на уровне графического, звукового, артикуляционного и изобразительного (стоп-кадр, фотография) образа ключевых для телематериала понятий и слов, а также установки на восприятие главной информации, содержащейся в тексте» [Богомолов, Эл.ресурс], лингвокультурологический комментарий разных видов: прагматичный, проективный и прецедентный); *заданий, выполняемых во время просмотра* (проверка общего понимания информации – обычно в форме множественного выбора или тестовых заданий других видов);

послепросмотровых (задания на осмысление просмотренной информации с содержательной и языковой точек зрения: анализ стиля речи ведущего и героев сюжета, особенности употребления лексики и грамматики, способов выражения эмоций и др.; обсуждение сюжета, выражение собственного мнения и чувств, вызванных просмотром сюжета, групповое обсуждение).

Проиллюстрируем это на примере сценария по видеофрагменту «Битломания в СССР».

1. Вопросы для обсуждения перед просмотром фрагмента:

- как относились к творчеству группы «Битлз» в Британии/ вашей родной стране в 60-е?
- какое влияние их творчество оказало на развитие музыкальной культуры в Британии/вашей родной стране?
- как вы думаете, были ли «Битлз» популярны в СССР и почему?

2. Работа над лексикой: соедините пары словосочетаний и слов с близкими значениями

Вражьи голоса	Советская пресса
Советская печать	Любительская группа
Китель	Голоса врагов
Самодетельный ансамбль	Длинноволосый
Патлатый	Точно так же, идентично
Один-в-один	Пиджак

3. Посмотрите видеофрагмент и выберите правильный ответ:

- 1) В каком году советские журналы и газеты начинают писать о «Битлз»?
 - а) 1963
 - б) 1964
 - в) 1965

- 2) В каком году в СССР начинается «битломания»?
 - а) 1963
 - б) 1964
 - в) 1965

- 3) Какое значение слова «ударник» стало главным для молодёжи 60-х?

А) музыкант, играющий на ударных инструмент

Б) отличный работник

В) хулиган

4) Что называлось «битловка»?

А) пластинка с записью группы «Битлз»

Б) пиджак без воротника

В) тип мужской стрижки с длинными волосами

5) Сколько стоили пластинки с записями «Битлз»?

А) 5-10 рублей

Б) 10-20 рублей

В) 20-30 рублей

4. Посмотрите видеосюжет еще раз и сравните его с текстом¹. Какая дополнительная информация есть в тексте?

5. Прочитайте фельетон Никиты Богословского «Из жизни «пчёл» и навозных жуков и найдите там языковые средства, с помощью которых автор высмеивает музыкантов группы «Битлз» и их поклонников.

6. Прочитайте статью “Britons succumb to Beatlemania”, опубликованную в New York Times в декабре 1964 года и скажите, похож ли стиль этой статьи на стиль советского фельетона. Переведите на русский язык отрывок из статьи.

Работа над материалом о группе «Битлз» вызвала живой отклик у мультинациональной и смешанной по возрасту группы, состоящей из студентов из Великобритании, Польши, Хорватии и Италии. Они с удовольствием делились своим собственным опытом, вспоминали о том, как воспринималось творчество всемирно известных британских музыкантов в их странах, обсуждали влияние музыки «Битлз» на творчество других музыкантов (в том числе и известных им советских и российских исполнителей).

Всего за 10 недель студенты обсудили порядка 75 отраженных в сериале «Намедни» феноменов, в числе которых полет Ю. Гагарина в космос, появление телевизионных программ

¹ Студентам предлагался текст из книги «Намедни. Наша эра 1961-1970», содержащий некоторые дополнительные единицы информации о популярности группы «Битлз» в СССР, из-за ограниченного объема данной статьи мы не приводим этот текст полностью, как и тексты для заданий 5 и 6.

«КВН», «Время», «Голубой огонек», «Что? Где? Когда?» и др., события внутренней и внешней политики СССР и России в эпохи «оттепели», «застоя» и «перестройки», Карибский кризис, ввод советских войск в Афганистан и др.; деятельность Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина, М. Тэтчер и других политиков; деятельность и творчество таких значимых для русской культуры людей, как А.И. Солженицын, И. Бродский, Д.С. Лихачёв, А. Сахаров, В. Листьев, В. Высоцкий, О. Янковский, Э. Рязанов, Б. Акунин и многих других; спортивные события (Олимпиада 1980, Игры доброй воли, шахматные турниры, рекорды и достижения советских и российских спортсменов), художественные фильмы («Бриллиантовая рука», «Ирония судьбы или С легким паром», сериал о Шерлоке Холмсе, «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит», «Игла», «Брат» и др.). Все эти темы обсуждались в хронологическом порядке (по декадам), однако вполне возможна и их группировка по тематическому признаку: «Политика», «Музыка», «Литература», «Кино», «Телевидение», «Спорт» и др.

Опыт использования видеокурса по сериалу «Намедни» и отзывы учащихся показали, что работа с видеоматериалами очень эффективна, так как не только развивает умение воспринимать самые различные виды звучащей речи и улучшает качество коммуникации с носителями языка, но и формирует социокультурную компетенцию учащихся, а также решает и предупреждает многие проблемы межкультурной коммуникации. Наибольший интерес у студентов вызывает история России (в особенности новейшая), восприятие и трактовка её ключевых событий русскими людьми, сходство и различия этих трактовок с принятыми в стране, где происходит обучение (а также с родными странами учащихся в случае мультинациональной группы), роль и место этих событий в мировой истории. От преподавателя в данном случае требуется – кроме хорошего знания истории – также и знание «точек напряжения», тех событий или личностей, разность в восприятии которых может привести к конфликту.

С точки зрения студентов, самым полезным в изучении материалов «Намедни» была возможность систематизировать имеющиеся у них знания о культуре и истории СССР и России, проследить связи между историческими и культурными событиями в различные исторические эпохи, определить их причины и следствия, а также «поместить те факты, о которых мне было известно и раньше, в их настоящий контекст» (цитата из отзыва одной из студенток). Все студенты отмечали повышение у них мотивации к дальнейшему изучению русского языка и самостоятельному изучению заинтересовавших их событий и персоналий, более эффективное использование поисковых систем Интернета, а также повышение качества и осознанности общения с носителями русского языка (коллегами, друзьями, родственниками) за счет расширения как собственно языковых знаний, так и знаний о важных для русских феноменах культуры и истории. В настоящий момент проходит апробацию еще один курс, основанный на новой выборке

видеоматериалов сериала «Намедни», после окончания которого, получения отзывов учащихся и необходимых корректировок представляется возможным рассмотреть перспективы более широкого использования этих материалов.

Таким образом, использование документальных видеоматериалов в условиях обучения вне зоны функционирования русского языка представляется обязательным компонентом обучения, особенно на высоких уровнях владения языком (B2-C2). Потенциал таких материалов огромен: на их основе можно создавать различного рода тематические учебные курсы и материалы для внеаудиторной самостоятельной работы, призванные частично компенсировать отсутствие естественной языковой среды.

Список литературы

Богомолов А.Н. Работа с аутентичными телевизионными материалами на уроках РКИ (средний и продвинутый этапы обучения) [Электронный ресурс] / Богомолов А.Н. Русский язык и культура - дистанционно. – М., 2007. – Режим доступа: www.dist-learn.ru

Нестерова Н.Г. Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур / Н.Г. Нестерова// Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции. 25 – 30 апреля 2014 г.: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 102 -115

Хватов С. Роль переводного словаря в межкультурной коммуникации / С. Хватов // *Kalba ir kontekstai / Mokslo darbai*. 2010 m III tomas (2 dalis). Vilniaus pedagoginis universitetas. Filologijos fakultetas. Vilnius, 2010. С. 237-244.

Нургали К.Р.
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева
г. Астана (Казахстан)

Nurgali Khadisha
L.N. Gumilyov Eurasian national university
Astana (Kazakhstan)

ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.С. РОВЕНСКОГО

ART OF LITERARY TRANSLATION IN THE INTERPRETATION N.S. ROVENSKY

Цель данной статьи обобщить литературоведческие и критические наблюдения и положения, касающиеся художественного перевода выдающегося казахстанского литературоведа Николая Ровенского.

Николай Степанович Ровенский – казахстанский критик, долгое время заведовал отделом критики журнала «Простор» и отделом русской литературы издательства «Жазушы». Ровенский был редактором монографических исследований казахских поэтов, писателей, литературоведов Р.Нургали, А.Алимжанова, О.Судейменова и других.

Авторы рассматривают переводы лирических произведений разных казахских поэтов, подвергшихся анализу Н.С. Ровенского и его собственные переводы произведений казахстанских поэтов и писателей Б.Майлина, С.Муканова, У.Канахина. Также в поле зрения автора оказываются основные переводческие категории, выделяемые критиком в его статьях и книгах «Назначить себе высоту», «Читая и перечитывая», в контексте современных сложившихся тенденций в переводоведении. Подробному анализу подвергаются мысли критика касательно роли переводчика в судьбе произведения.

Авторы подчеркивают значительный вклад критика Н.Ровенского в раскрытие художественного своеобразия и пропаганды казахской литературы среди читателей, в развитие евразийских идей плодотворного сотрудничества восточных и западных культур на казахстанской земле.

The purpose of this paper summarizes the literary and critical observation, and relating to literary translation of the outstanding Kazakh literary critic Nicholas Rivne.

Nikolai Stepanovich Rivne - Kazakhstan critic, has long headed the department of criticism of the magazine "Plenty" and the Department of Russian Literature Publishing House "The writer." Rivne was editor monographical studies of Kazakh poets, writers, literary critics R. Nurgali, A.Alimzhanova, O.Suleymenova and others.

The authors examine the different translations of lyrical works of Kazakh poets of the analyzed N.S Rivne and his own translations of Kazakhstan poets and writers B.Mailin, S.Mukanov, U.Kanahina. Also in the field of view of the author are the main translation categories allocated critic in his articles and books "Assign a height", "Reading and re-reading", in the context of current trends in modern translation studies. Subjected to a detailed analysis of thought on the role of criticism in the fate of the interpreter works.

The authors emphasize the significant contribution to the critique of N.Rovensky disclosure of artistic originality and promotion of Kazakh literature among readers in the development of Eurasian ideas fruitful cooperation of Eastern and Western cultures on the Kazakh land.

Ключевые слова: художественный перевод, критика, казахская литература, Н.Ровенский

Key words: literary translation, criticism, Kazakh literature, N.Rovensky

Важность и востребованность художественного перевода в современном мире вновь и вновь подтверждают публикации, научные исследования и форумы последних лет. Художественный перевод выполняет особую миссию – он помогает возродить школу переводчиков, которой сейчас

не существует на постсоветском пространстве, преодолев травму разрыва и осуществив выход на международное пространство.

Николай Ровенский – выдающийся критик, переводчик, специалист в области казахской и русской литературы. Одной из важнейших проблем в трудах Н. Ровенского было качество художественного перевода. Критик высоко ценил тонкий вкус и культуру переводчика, редкий дар проникновения, вживания в оригинал, в особенности национальной художественной культуры. Качество художественного перевода он считал проблемой не только «эстетической, но и организационной, и общекультурной». Перевод – это высокое искусство, требующее специфического таланта, исторических знаний, душевной чуткости. «Перевод имеет смысл, если он информирует читателя об исторической судьбе и духовной структуре народа, об особенностях его национального мышления и национальной эстетики», – считает Н.С. Ровенский [Ровенский, 1989, с. 46].

Самое главное – передать в переводе художественное своеобразие автора, поэтому очень важен диалог поэта и переводчика: «Только в результате дружеского, проникнутого взаимопониманием диалога родственных поэтических индивидуальностей... перед русским читателем возникает образ иноязычного поэта со всем его тематическим и художественным своеобразием». В качестве удачных переводов на русский язык критик называет сборник А. Тажибаева «Березы шумят» (в переводе М. Луконина). Муза А. Тажибаева оказалась созвучной творческой позиции М. Луконина. Вершиной русского переводческого искусства Н.С. Ровенский считает перевод поэмы И. Джансугурова «Кулагер» М. Лукониным и Е. Винокуровым. Удачей переводчика можно назвать и сборник «Белая юрта» К. Мурзалиева в переводе А. Сендык.

Высказывания Н. Ровенского о качестве художественного перевода, о своеобразии перевода поэтического не потеряли своей актуальности и сегодня. В двух сборниках статей «Назначить себе высоту» и «Портреты» Н. Ровенский пишет остро и нелицеприятно, невзирая на лица и должности, критика его объективна и доброжелательна. Его всегда волновали вопросы качества переводных произведений, представляющих родную литературу на языке другого народа. Он писал о том, что знал лучше всего, в чем ориентировался без посторонней помощи. Со времен В.Г. Белинского принято рассматривать переводные произведения как часть своей национальной литературы. Это положение Н. Ровенский помнил всегда, но «при условии, что они соответствуют каким-то духовным, нравственным потребностям современного переводчику общества. Душа читателя, как известно, откликается далеко не «на всякий звук» даже родной ему лиры. Тем более чутким и осторожным должен быть переводчик при выборе зарубежных или наших национальных авторов» [Ровенский, 1989, с. 160].

Об истинно казахском слове, о трудностях его перевода на русский язык пишет в своих многочисленных трудах Г. Бельгер. Одна из статей переводчика, прозаика, публициста и эссеиста Казахстана так и называется «Казахское слово и проблемы перевода» [Бельгер]. «Казахские шешены-златоусты и бии-мудрецы сделали свой язык воплощением виртуозной гармонии, изысканного красноречия, вдохновенного поэтизма, философской отточенности и выразительности, риторского благозвучия и изящества. Казах сделал из своего слова культ. В этом можно убедиться, постигнув мудрость и красоту речений биев Толе, Казыбека, Айтеке, вникая в поэзию акынов-жырау, вчитываясь в «самородок сары алтын» Абая, буйный словесный водопад Махамбета и Ильяса, в дивную вязь прозы Аймаутова и Ауэзова» [Бельгер, 1995, с. 386].

У каждого писателя и поэта – свой стиль, который не так легко передать в переводе. У И. Джансугурова глагольные формы создают предельную экспрессию, динамизм, азарт, экстаз вдохновенного кюйши. Речь героев Г. Мусрепова «орнаментальна, красочна, подчинена внутреннему ритму, густо насыщена поговорками и пословицами, искрится ассонансами, рифмами, синтаксическими параллелизмами, метафорами и сравнениями, шешенскими эффектами» [Бельгер, 1995, с. 387].

В сборнике литературных портретов, статей и размышлений «Назначить себе высоту» Н. Ровенский, к мнению которого прислушивались, дружбой с которым дорожили, в статье «Казахские поэты на русском языке» дает обстоятельный анализ сложившейся практике перевода [Бельгер, 1995, с. 110].

Жубан Молдагалиев в своей поэме «Я – казах» пытается дать ответ на вопрос времени, показать смысловую и историческую емкость этнонима «казах».

Говорят, что имени «казах»
На надгробных не найти камнях.
Что ж искать меня среди могил?
Сыном человечества я был!

Н. Ровенский уверен, что созданию великолепных социально-исторических полотен Ж. Молдагалиев учился у И. Джансугурова («Степь» и др.). Интеллектуальные завоевания казахского народа, его национальное достоинство - сквозная тема поэмы «Я – казах».

Я – казах
И плотью, и душой, -
Жизнью, песней, подвигом, борьбой.
Я не обособлен от друзей,
Остаюсь среди них самим собой.

Переводчиком анализируемой поэмы на русский язык является Вл. Корнилов.

Н. Ровенский называет его талантливым и в то же время отмечает, что нередко смысловые потери и грамматическая неряшливость. Избитые сравнения («этот мир, бескрайний, как мечта», «песня... как мечта, парила в небесах»). «Едва ли читатель почувствует свежесть и в таких вот сентенциях: «Дружба – вот кто сердца властелин», «что за сила, что за чудо – труд» и т.п.

От исследования конкретной поэмы конкретного автора Н. Ровенский переходит к обобщению и общим рассуждениям о качестве переводов. Многие из переводов казахских авторов на русский язык он называет талантливыми, но объективность требует не закрывать глаза на разношерстность переводов, на то, что таким важным делом иногда занимаются дилетанты. Низкое художественное качество переводов нейтрализовало внимание к казахской поэзии. А поэзию, как известно, переводить намного труднее и ответственнее, чем прозу или научный текст. К сожалению, «долгое время основной фигурой в области перевода был не художник, а расторопный ремесленник, бойко подключающийся к очередной национальной декаде. С помощью подстрочника он мог дать кое-какую информацию о содержании стихотворения, но поэзия оставалась для него недоступной» [Ровенский, с. 46].

Н.С. Ровенский никогда не закрывал глаза на недостатки, он пытался разобраться в их истоках, рассуждая о нравственности литературы. Литературный критик считал перевод высоким искусством, требующим «специфического таланта, исторических знаний, душевной чуткости». Перевод только тогда имеет смысл, когда информирует читателя об исторической судьбе и духовной культуре народа, об особенностях его национального мышления и национальной эстетики. Качество перевода, по мнению Н. Ровенского, проблема не только эстетическая, но и организационная, и общекультурная. Очень важно «угадать родственную душу», тогда переведенное произведение найдет своего читателя, как театральная постановка или кинофильм – своего зрителя. Для достижения этого нужна большая культура.

В этих рассуждениях, полных глубокого смысла, Н. Ровенский словно предвосхищает статьи и книги по проблемам перевода Г. Бельгера [Бельгер, 1995, с. 46]. Г. Бельгер с сожалением пишет о том, что переводчики сейчас не в цене, мало востребованы. «Ныне каждая национальная литература варится в собственном соку. И это сродни застою, деградации, гибели. Еще недавно достойные национальные произведения становились благодаря переводу на русский язык известными во многих странах на разных языках. Я помню то благословенное время. Помню, как во всесоюзном масштабе проводились семинары, праздники переводческого искусства, широкие публичные обсуждения, издавались уникальные книги «Мастерство перевода», в Литературном институте имени Горького готовились кадры национальных переводчиков, специалисты по национальным литературам, которые переводили непосредственно с оригинала, а не по подстрочникам» [Бельгер, 1995, с. 398].

Г. Бельгер вспоминает, как в 70-80-е годы многие произведения казахских авторов издавались в Москве и Берлине. С трудом можно назвать сейчас, кого переводят на языки дальнего зарубежья. Это ведет к губительной изоляции, поэтому возрастает роль просветительской, эстетической и культурологической миссии переводчика. О практике подобного перевода, не скрывая ее проблем, пишет Н. Ровенский. Художественное своеобразие автора, переводимого на другой язык, нередко терялось в разногласии переводов. Уточняя высказывание В.А. Жуковского о переводчике в прозе и поэзии («переводчик в прозе – раб, переводчик в поэзии – соперник»), точнее было бы, по мнению Н. Ровенского, вести речь не о соперничестве, а о диалоге поэта и переводчика: «Только в результате дружеского, проникнутого взаимопониманием диалога родственных поэтических индивидуальностей казахские стихи могут стать русскими. И перед русским читателем возникает облик иноязычного поэта со всем его тематическим и художественным своеобразием. А это значит, что наши традиционные эстетические понятия обогащаются какими-то новыми ценностями» [Ровенский, 1993, с. 47].

Н. Ровенский отмечает удачный перевод поэзии А. Тажибаева русским поэтом М. Лукониным. Мудрость и умудренность, ощущение груза прожитых лет и неизбывная любовь к жизни – таковы ведущие мотивы сборника А. Тажибаева «Березы шумят». «Муза Тажибаева в главных своих человеческих состояниях оказалась созвучной творческой позиции Луконина. Раздумье о назначении человека, причастность к главным событиям нашего трудового и героического времени – эти духовные опоры оказались общими для русского и казахского поэтов. Поэтому так проникновенно звучит в переводе Луконина стихотворение «Пусть отдохнет, не троньте человека».

От торжества мы устаем подчас.
Пригвождены бываем горем горьким,
Как слепота, гнетет страданье нас.
Ну, а легко ли быть все время зорким?
Так дайте человеку отдохнуть.
Пусть отдохнет,
Не троньте человека.
Нужна ведь сила,
Завтра в новый путь,
Идти вперед от века и до века.

Вершиной переводческого искусства считает Н. Ровенский перевод М. Лукониным и Е. Винокуровым поэмы И. Джансугурова «Кулагер» и призывает равняться на такие переводы.

Удачными считаются переводы на русский язык произведений Х. Бекхожина и Т.

Молдагалиева. В. Соколов выполнил перевод поэтического сборника К. Бекхожина «Сказание о славных», по мнению Н. Ровенского, мастерски. Поэма «Аксак-кулан» написана в традициях казахского героического эпоса, поэтому очень сложно русскому переводчику, не знакомому детально с казахским фольклором, браться за ее перевод. Поэт словно бы включает здесь историческую память своего народа о бессмысленной жестокости монгольских завоевателей, о подвиге музыканта, единственным оружием которого против ханской власти был кюй. Искусство кюйши спасает народ от гибели. Переводчик В. Соколов внятно почувствовал казахскую эпическую традицию, вжился в содержание поэмы и сумел передать «ее энергию, масштабность событий и накал страстей».

Глаза кюйши сверкали силой юной.
Не подчинялись пальцы никому.
Как беркут, хан уставился на струны.
Казался кюй лисицею ему.

Точно так же бережно отнесся к переводу книги Т. Молдагадиева «Первая встреча» В. Кузнецов. Русский переводчик сохранил интонацию, душевный настрой поэта, его мысли и национальные краски, передав их «хорошими, свободно и естественно звучащими русскими стихами». К. Мурзалиева переводил А. Сендык. Не все получилось у переводчика, подчеркивает Н. Ровенский, но в целом выход в свет сборника «Белая юрта» на русском языке – удача переводчика. А. Сендык переводил также сборники «Суюнши» Н. Шакенова и «Весенние ветры» Ж. Нажимеденова.

Увлеченно работал в области перевода В. Савельев, который перевел лирику Ж. Молдагалиева, роман в стихах К. Тогузакова «Омар Сибирский» и произведения других казахских поэтов. Известная поэтесса Т. Кузовлева увлеченно переводила молодых М. Айтхожину, А. Бахтыгерееву, Н. Лушникову и других поэтесс. Все эти факты, собранные, систематизированные и осмысленные Н. Ровенским, позволили ему сделать вывод о том, что перевод казахской поэзии на русский язык в 80-е годы XX века переживал период подъема. Активная сила казахской поэзии, благодаря творческим контактам с мастерами русской поэзии, стала доступной для всесоюзного читателя. «Какие-то моменты в литературных связях будут уточняться и пересматриваться», но самое важное произошло в последних десятилетиях XX века: русский читатель услышал подлинный, живой и своеобразный голос казахской поэзии.

Много переводили на русский язык поэзию А. Тажигаева. Переводчиками были С. Маршак, И. Сельвинский, Я. Смеляков, М. Луконин, К. Алтайский. «Когда поэта переводят точно и с любовью, – резюмирует Н. Ровенский в статье «Совпадение», – выигрывают читатели и вся наша литература. Потому что увеличивается запас духовных ценностей, национальное становится

общечеловеческим» [Ровенский, 1986, с. 139]. А. Тажибаев на протяжении всей своей творческой жизни сохранял напряжение души, несуетность, независимость от пустых забот. Такие точные и неизбитые слова находит критик, анализируя книгу стихов «Былое», читать которую надо медленно, с остановками, с возвращением к прочитанному, «потому что каждое стихотворение здесь насыщено мыслью и страстью, раздумьями о человеческой судьбе, неожиданными и яркими национальными образами». Один из примеров:

И, недвижимый, как без ветра знамя,
Я отрешен от всех пустых забот...
И беркутом с закрытыми глазами
Душа моя вся напряглась - и ждет...

В поэзии А. Тажибаева переплетены вековые представления казахского народа о добре и зле, о прекрасном и вечном, о смерти и бессмертии. Герои стихотворений – академик К.И. Сатпаев и писатель М. Ауэзов, акыны Суюнбай и Жамбыл и многие, многие другие исторические деятели и личности. Подвижническая деятельность первого президента Академии наук Казахстана -доминанта его характера:

Каныш и степь. И ссоры степняков
За честь принять его у дастархана.
Любовь народа — это тоже клад,
Который находил он постоянно.

М.О. Ауэзов достоин, по мнению поэта, особого преклонения и любви, потому что мастерски показал, «как Абай роняет слезы над неразумной родиной своей». Абай изучал русский язык и русскую литературу, призывал к этому своих соотечественников. Поэтические и прозаические произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова и Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Л.Н. Толстого, литературно-критические статьи В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена сыграли определенную роль в развитии и эволюции поэтического мастерства Абая. «Романтик и лирик, автор философских размышлений, Абай перевел на казахский язык 50 произведений русских классиков. Об этом шла речь на открытии памятника великому степному акыну в Москве».

Тему поэта и назначения поэзии продолжает в творчестве А. Тажибаева поэма «Акын» в блестящем переводе О. Сулейменова. Эту поэму можно назвать, высказывает предположение Н. Ровенский, «кодексом национальной поэтической чести, вдохновенным рассказом об искусстве выдающихся акынов Суюнбая и Жамбыла». Мысль народная, гражданственная – главная в поэме:

Кто примет из рук моих эту домбру?

Заставит служить ее только добру?

Горечь Суюнбая понятна, потому что во все времена тема поэта и поэзии была краеугольной во всей мировой литературе.

Для каждого из произведений А. Тажибаева Н. Ровенский находит точные эпитеты: темпераментная и печальная поэма «Влюбленные», нежное стихотворение «Жамал», рыцарски-горестная баллада «Она лежит в траве густой». Н. Ровенский обнаруживает совпадение мотивов ценности человеческой жизни в поэзии М.Ю. Лермонтова и А. Тажибаева. Знаменитое лермонтовское «Чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб дыша вздымалась тихо грудь» перекликается со следующими строками казахского поэта: «Я хотел бы уйти, так уйти, как уходит оно (солнце), чтоб степные цветы, чтоб степные цветы белые думали, что ушел я совсем не навеки, а только до завтра... До завтра!..»

Душевная культура и человечность казахского поэта включают в себя и взаимосвязь человеческих судеб. В цикле «Дальние дороги (вокруг Европы)», название которого перекликается с произведением К. Паустовского, «видения античного мира на островах Греции стремительно сменяются болью при мысли о гибели Белоянниса». А следующие строки непосредственно обращены к России:

Услышь меня! Хоть я казах
И к русской речи не привык,
Но братья мы и в языках...

Так в творчестве А. Тажибаева проявляется метод видения «национального образа мира», основанный и разработанный Г. Гачевым, по которому, как в теории множеств, происходит наложение национальных полей разной мощности и уровня, происходит «не диалог даже, а полилог национальных элементов», своеобразный синтез «национальных образов мира».

По Н.Ровенскому художественный перевод «информирует читателя об исторической судьбе и духовной культуре народа, особенностях его национального мышления, своеобразии характера и менталитета, эстетике и этике» [Ровенский, 1983, с. 25].

Таким образом, взгляды на проблемы художественного перевода Н.Ровенского не потеряли своей актуальности, они требуют дальнейшего исследования.

Список литературы:

- Бадиков В. Талисман дружбы и благоденствия / В. Бадиков // Казахстанская правда. 26 сентября 1997. С. 6
Бейсенбаева А.С. Николай Ровенский – литературный критик. Учебно-методическое пособие. – Казахское слово и проблемы перевода // Бельгер Г. Ода переводу. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 400.

Ровенский Н. Сказание о кочевниках / Ровенский Н. // Портреты. Алматы: Жазушы, 1983. С. 378.

Ровенский Н. За улетающим счастьем / Ровенский Н. // Назначить себе высоту. Литературные портреты, статьи, размышления. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 250.

Ровенский Н. История учит оптимизму/ Ровенский Н. Алма-Ата: Жазушы, 1989. С. 280.

Обухова Т.М.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Obukhova Tatiana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЮРОДСТВО КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СТАТЬИ
ДЛЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ)*

*FOOLISHNESS FOR CHRIST AS RUSSIAN CULTURAL PHENOMENON
(COMPILING THE ARTICLE FOR LINGUOCULTURAL DICTIONARY)*

Статья посвящена описанию такого феномена русской культуры, как юродство, с целью использования данного описания для составления статьи лингвострановедческого словаря. Вместе с тем автором изложены методические особенности преподавания лексики, содержащей культурный компонент. Также рассказывается о проблемах, с которыми сталкивается преподаватель русского языка как иностранного, когда имеет дело с национально-специфическими лексическими единицами. Ярким примером такой сложности является факт отсутствия в существующих словарях феномена юродства. Студентам-иностранцам же, как показывает практика, необходимо знакомство со словарной статьёй для понимания информации. Кроме того, в статье говорится об актуальности описания культурного компонента как части семантической структуры слова, отражающего национальную специфику, для переводоведения, методики преподавания иностранных языков, лингвострановедения и лингвокультурологии.

Статья может представлять интерес для преподавателей русского языка как иностранного, для студентов и аспирантов филологических специальностей, для всех интересующихся лингвокультурологией и лингвостановедением.

This article describes the foolishness for Christ as a phenomenon of Russian national culture. The article includes methodological features of teaching vocabulary. The author says about the problems faced by the teacher of Russian as a foreign language in explaining the meaning of nationally specific lexical units. For example, in the phenomenon of foolishness is not represented in modern dictionaries. As experience shows, foreign students have a better understanding country information if they are acquainted with the vocabulary entries. In addition, the article notes the relevance of the description of the cultural component. It reflects the national identity of the word. It is important for translation studies, foreign language teaching and linguistics.

Article may be interesting to teachers of Russian as a foreign language, for the students of philological specialties and for anyone interested in linguistics.

Ключевые слова: феномен юродства в русской культуре, культурный компонент слова, лингвокультурология, лингвострановедение, русский язык как иностранный.

Key words: the phenomenon of foolishness for Christ in Russian culture, the cultural component of the word, cultural linguistics, culture-through-language studies, Russian as a foreign language.

Феномены культуры можно определить в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова – это объекты, обладающие высокой культурной значимостью, в узком – носители

фоновой информации.

Знание культуры предполагает принадлежность человека к нации. «Человеку должно быть неловко, если он не знает, кто такой Ломоносов, и не читал «Евгения Онегина». По подобным признакам человек не может быть отнесён к русской культуре. Его считают либо иностранцем, либо невеждой» [Рождественский, 2000, с. 83]. За словом у носителя языка «скрывается» многое: ассоциации социальные и индивидуальные, детские и взрослые, бытовые и литературные. Для описания феномена, события или реалии и их объяснения иностранным учащимся необходимо выбрать нечто важное, устоявшееся, типичное.

«Важное, типичное и устоявшееся» можно называть «культурным компонентом» (Комлев Н.Г.), этнокультурным компонентом лексического значения (Ю.П. Солодуб), историко-культурным значением (В.И. Кодухов), историко-культурной и историко-языковой коннотацией (В.И. Говердовский). В. С. Виноградов предлагает пользоваться термином «фоновая информация», то есть социокультурными сведениями, характерными лишь для определённой нации или национальности, освоенными массой их представителей и отражёнными в языке данной национальной общности [Виноградов, 1978, с. 86-87].

Носителями фоновой информации, различающимися по природе фонового потенциала, могут быть:

- 1) паралингвистические единицы и явления (мимика, жесты, телодвижения, дистанция между партнерами по коммуникации);
- 2) вербально-паралингвистические понятия (традиции и нравы, обычаи, праздники, национальные игры, этикет, народные приметы, поверья, преданья);
- 3) единицы вербальной коммуникации (слова-этнореалии, фразеологизмы, афоризмы, цитаты, прецедентные высказывания, имена собственные) [Ольшанский, 2000, с. 33-34].

Феномены культуры должны быть представлены в лингвострановедческих словарях¹, а также лингвострановедческих учебных курсах. Тезис о необходимости введения культурологических знаний в практику преподавания РКИ сегодня не нуждается в доказательствах: знание значений слов и правил грамматики не заменят понимание ценностных ориентаций соответствующей лингвокультуры.

В данной статье мы разберем феномен юродства как яркий пример русской религиозной культуры и русской культуры в целом.

При первом знакомстве с данным феноменом, впечатления о русской культуре могут быть

¹ На сегодняшний день можно говорить о двух таких словарях: 1) Брилёва И., Вольская Н., Гудков Д. и др. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск первый. М.: Гнозис, 2004. 320 с.; 2) Борисенко В., Вьюнов Ю., Милославская С. и др. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. 736 с.

неоднозначными: если феномен культуры есть отражение культуры нации, то культура русской нации благодаря юродивым будет выглядеть не только странной, но и безумной. Отсюда следует, что неадекватное поведение юродивых становится в представлении иностранца неотъемлемой частью «загадочной русской души». К примеру, «Что заставило юродивого Симеона (6 в.) после 20 лет уединённой подвижнической жизни вернуться в город и бегать по нему, привязав к себе дохлую собаку? ... Отчего красавица Пелагея (19 в.), надевая свой дорогой наряд для выхода в люди, вдруг стала оборачивать голову грязной тряпкой? ... Что двигало юродивым Иваном Дудычкиным (19 в.), когда тот 40 дней и 40 ночей неуклонно стоял в своей хижине в молитве, так, что ноги опухли и потрескались, и куски мяса приходилось срывать руками? ... Какая сила заставила Василия (15-16 вв.) разбить камнем чудотворную икону Богородицы, выставленную в Варварских вратах Китай-города, а Николу Псковского (16 в.) скакать, будто бы он ребёнок, на палочке перед царём и бросать ему в лицо обвинения в том, что тот «питается кровью человеческой», забывая Бога?» [Ростова, 2010, с. 6].

Для адекватного восприятия феномена юродства в русской культуре иностранным учащимся необходим преподаватель, который станет «репрезентантом, ретранслятором и путеводителем по иноязычной культуре» [Бердичевский, 2006, с. 27]. Самостоятельное знакомство с данным феноменом видится затруднительным в силу различных причин.

Во-первых, в современных российских лингвострановедческих и лингвокультурологических словарях феномен юродства не представлен.

Во-вторых, в статье из толкового словаря, описывающей данный феномен, информация не является исчерпывающей. Иноязычный пользователь словаря при таком толковании получает довольно общее представление о предмете. Кроме того, в подобных толкованиях не указана символическая значимость предмета в русской культуре, присутствие которой позволяет правильно осмыслить употребление слова во фразеологизмах, пословицах и разного типа устойчивых сочетаниях. Также не отмечена функция феномена.

Итак, рассмотрим слово юродивый, как оно представлено в русских толковых словарях: 1) по Далю юродивый – это безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье; церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный [Даль, 1998, с. 869]; 2) по Ожегову юродивый – 1. Чудаковатый, помешанный (разг.). 2. В суеверных представлениях: безумец, обладающий даром прорицания [Ожегов, 2012, с. 1322].

Подобного рода общее представление о феномене даёт и словарь синонимов: безумец,

безумный, блаженный, блаженненький, божий человек, чудаковатый, безрассудный, сумасбродный, Христов человек, юродивец, юрод, уродливый, урод, дурак, дурачок, малоумный, помешанный, сумасшедший, оглашённый, шалый, шальной, безбашенный, аскет, взбалмошный [Абрамов, 1999, с. 430].

Прецедентные тексты и прецедентные имена вряд ли смогут дать иностранцу полную информацию о феномене юродства – без помощи преподавателя в такой ситуации не обойтись. Примерами прецедентных текстов могут служить фреска В. Васнецова в киевском Владимирском соборе с изображением Исаакия Печерского, первого русского юродивого, картина П. Сведомского «Юродивый», этюд В.И. Сурикова «Юродивый, сидящий на снегу» (1885) и т.д.

Наконец, знакомство с феноменом юродства может происходить посредством русской литературы. Юродство нашло своё отражение в творчестве Лескова («Очарованный странник»), Гоголя («Записки сумасшедшего»), Пушкина («Медный всадник», «Борис Годунов»), Л. Толстого («Детство»). Но особенно сильно юродство волновало Достоевского. Безумие становится выражением правды «маленького человека». Во всех произведениях Достоевского мы видим героев, несущих в душе юродство. Его герои наивны и просты, прямодушны и смиренны, принижены и всепрощающи. Они отказываются от своего Я и самолюбия, стремятся всех примирить. Они все обращены к Богу. В XX веке помимо юродства «Христа ради» появляются новые типы юродства: юродство «справедливости ради» и юродство «от революции» в произведениях Б.А. Пильняка, «чудизм» у героев В.М. Шукшина. Научно-публицистическая литература также может оказать некоторую помощь в изучении феномена юродства, в частности произведения Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачёва и Г.Н. Федотова. Однако чтение художественной и художественно-публицистической литературы на русском языке требует от иностранца высокого уровня владения изучаемым языком.

Теперь перейдём к методологическим особенностям преподавания феноменов с культурным компонентом. Для того чтобы студент-иностранец как можно точнее понял нужно на занятиях нужно использовать принцип концентрической подачи материала, то есть постепенное знакомство с данным феноменом на основе от «простого к сложному», без сильного углубления в теоретическую составляющую. Так, при возникновении частных вопросов, касающихся использования или встречи феномена юродства, преподаватель русского языка как иностранного может предложить объяснение использования реалии в определённом контексте, услышанном или увиденном иностранцев, и на начальном этапе этим ограничиться.

Знакомство иностранных учащихся с феноменом юродства представляется целесообразным на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному. Имея определённые к данному этапу отработанные навыки и умения, обладая обширным «культурным» багажом знаний о

русской культуре, инофон будет подготовлен к восприятию данного материала.

Уровень группы не единственная проблема в объяснении некоторых феноменов русской культуры. Национальность иностранца, его принадлежность к иной культуре также играет существенную роль в восприятии подобного рода лингвокультурной информации. С одной стороны, задумываясь над культурными феноменами в изучаемом (русском) языке в студенте пробуждается интерес и к подобным явлениям в языке родном в сравнительном плане, отсюда возрастает интерес к собственному языку и культуре. Непонимание в общении, коммуникативные неудачи могут возникать из-за того, что инофон не до конца понял смысл феномена, а имеет свой особый, национально-культурный взгляд на феномен, в его сознании он обладает специфическими именно для его национально-лингво-культурного сообщества чертами. С другой стороны, изучаемый феномен может и вовсе отсутствовать в родной для иностранного учащегося культуре, что представляет собой сложность для понимания. Всё это способно спровоцировать сбой коммуникации, в результате чего возникает невозможность не только общения с представителями русской культуры, но и чтения текстов, в том числе и современных, в которых часто встречаются отсылки в культуру прошлого.

Чтобы избежать подобного рода затруднений, необходимо, во-первых, дополнение существующих лингвокультурологических и лингвостановедческих словарей, а во-вторых, отражение национально-специфических реалий и феноменов в учебниках и учебных курсах по русскому языку как иностранному.

В словарях, учебниках и пособиях должно описываться не то, что «следует знать» (это установка лингвострановедения), а то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель русского национально-лингво-культурного сообщества². В словарной статье или учебном тексте не столько должна быть дана информация об описываемом феномене, сколько должны быть отражены особенности функционирования данного имени в дискурсе. Феномены должны репрезентировать русское культурное пространство, которое понимается как культура, отображенная сознанием.

Таким образом, выделяется два направления в представлении культурного компонента слова: аккумуляция знаний современного носителя языка, в том числе фиксация динамических процессов в языке (представление их как доказательство принадлежности лица к данной культуре) и овладение этими знаниями (представление их как нормативных критериев). В конечном счете направления представляют единое целое: чтобы стать членом культурного сообщества, надо

² Так, о дяде Степе каждый русский знает, что он высокого роста, а о Шапокляк – что у нее была любимая крыса; стереотипный образ медведя – это физическая и/или нравственная неуклюжесть, грубость (символ Олимпиады в Москве, помощник героя в русских народных сказках и т. д.)

овладеть культурой, а значит, и языком как средством её передачи. Для этого надо иметь представления о её проявлениях. Для ребенка этот процесс протекает естественным образом (семья, школа), для иностранца это основано на сопоставлении со своей культурой, осваивается на основе своей когнитивной базы.

Важно отметить, что при представлении слова с культурным компонентом значения в таком словаре встает не столько проблема минимизации информации, сколько проблема её отбора, связанная с задачей «моделирования обиходных, фоновых знаний» [Верещагин, 1980, с. 248], когнитивного опыта среднего носителя языка с целью представления их иноязычному пользователю.

Обобщая всё вышеизложенное, приведём важнейшие положения о феномене юродства, которые могут найти отражение в лингвострановедческом словаре.

Вековая мудрость народного страдания воплощена в русской культуре фигурой юродивого. Юродивость – это православно-христианский путь духовного возвышения через сознательное социальное и физическое самоуничтожение, связанное с осуждением общества.

Изначально юродство не было русским явлением. Оно зародилось в Египте IV веке, а затем получило распространение в Сирии и Византии. Только потом из Византии пришло в Россию, благодаря переводным житиям³. К XIV веку юродство в Византии постепенно сходит на нет. С этого времени оно становится чисто русским явлением⁴, когда было канонизировано десять святых. Но, несмотря на бесспорное влияние византийской религиозной культуры на русскую, ни одна страна в мире не знала такого множества юродивых и такой любви к ним, как Россия.

В переводе с греческого слово «юрод» значит «простой, глупый, безумный». Хотя основная масса юродивых не страдала психическими расстройствами и не была безумной. Юродивые добровольно принимали на себя подвиг «Христа ради» из разряда «сверхзаконных», не предусмотренных иноческими уставами. Они добровольно отказывались от всех благ жизни мирской, от кровного родства, но в отличие от монахов не искали уединения, а жили среди людей. Юродивые своим примером, словом и делом стремились отвратить людей от греха. Но их поведение не всегда было пристойным. Юродивые отбрасывали всякие нормы приличия и чувство стыда: «Он ходит голый (или одет в безобразные грязные лохмотья), носит вериги (различные железные цепи, полосы, кольца и др. предметы на голом теле ради «усмирения плоти»), молится обычно только ночью, как бы стесняясь этого, валяется в грязи, золе и т.п., не моется, не чешет волос, публично испражняется, нарушает порядок в церкви и на улице, всем своим видом

³ Двое из шести византийских юродивых – св. Симеон Эмесский (первая пол. VI в.) и св. Андрей ареградский (IX или X в.?) – были широко известны на Руси благодаря переводным житиям.

⁴ Хотя появилось на Руси намного раньше (первым русским юродивым был киево-печерский монах Исаакий, умерший в 1090г).

указывает на приобщённость к низменному, грязному, шокирующему» [Юдин, 2007].

Таким образом, юродство как бы включает в себя две стороны: активную и пассивную. Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия. Более того, презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемного условия юродства. Пассивная его часть, обращенная на себя, - это крайняя аскеза, самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти, основанное на буквальном толковании Нового Завета. «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16: 24-26). Эти две стороны юродства как бы уравнивают и обуславливают одна другую: добровольное подвижничество, бездомность, нищета и нагота дают юродивому право обличать «горделивый и суетный мир». «Благодать почиет на худшем» - вот что имеет в виду юродивый.

Во время правления Петра I на юродивых начинаются гонения. Юродство утрачивает покровительство государства и церкви. Но народ продолжает считать юродивых «божьими людьми» и почитает их. Вспомним Ксению Петербургскую. «Двадцати шести лет она потеряла мужа и стала «юродивой Христа ради» (уверяли, впрочем, что она сошла с ума действительно): раздала имущество, ходила в одежде мужа, ночевала где придётся. Часто видели, как она уходила за город и молилась в поле, поворачиваясь попеременно на четыре стороны света. Видели так же, как она украдкой работала по ночам, принося кирпичи на постройку большой церкви, воздвигавшейся в её районе. <...> Население пригорода, где она жила, её обожало. Матери давали ей покачать своих детей или поцеловать их, и это считалось благословением. Извозчики умоляли её сесть к ним на несколько мгновений, и после этого были уверены, что хорошо заработают за день. Продавцы силой совали ей в руки свой товар, – если она к нему прикасалась, покупатели обязательно должны были прийти. Ксения при жизни стала знаменитым чудотворцем» [Юдин, 2007].

Хотя в начале XX века история юродства в России обрывается, русскому народу и сегодня понятно слово «юродивый». Более того, с образом юродивого он встречается как в религиозной, так и художественной литературе. В повести Л. Н. Толстого «Детство»: «Знаю только, что он с пятнадцатого года стал известен как юродивый, который зиму и лето ходил босиком, посещает монастыри» [Толстой, 1978, с. 56]. В последнем романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «В самом деле, её «юродивую» как будто все даже любили, даже мальчишки её не дразнили и не обижали, а мальчишки у нас, особенно в школе, народ задорный. Она входила в незнакомые дома и никто не выгонял её, напротив, всяк-то приласкает и грошик даст. Дадут ей

грошик, она возьмёт и тотчас снесёт и опустит в которую-нибудь кружку, церковную аль острожную. Дадут ей на базаре бублик или калачик, непременно пойдёт и первому встречному ребёночку отдаст бублик или калачик, а то так остановит какую-нибудь нашу самую богатую барыню и той отдаст; и барыни принимали даже с радостью» [Достоевский, 1973, с. 137].

Доказательством того, что юродство, как особая черта русской культуры, существовало и после Октябрьской революции 1917 года, можно считать фильмы А. Тарковского: «Андрей Рублев» с его мятущимися и страдающими героями, «Ностальгия» и «Сталкер». Герои Тарковского – юродивые, блаженные, святые дураки. Если бы не осталось в русском человеке этой духовности, фильмы Тарковского не нашли бы такого отклика у людей.

Юродивый производит мощное эмоциональное воздействие на окружающих (как привлекательное, так и отталкивающее). Релевантными признаками юродивого являются: понятийные (1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник); образно-перцептивные (обычно в грязном одеянии с дырами, веригами, с особым взором, особой речью, для которой характерно смешение стилей, трудно понимаемой); ценностные (служение, смирение, терпение, послушание, жертвенность, благочестие, сострадание, нестяжание). Юродивый игнорирует нормы социального взаимодействия, принятые в обществе (несоблюдение приличий, нарушение коммуникативной дистанции, непристойный внешний вид, эпатажное поведение). Коммуникативное поведение юродивого характеризуется непрямой коммуникацией: нарушение постулатов общения, избыточная коммуникация, неожиданное цитирование Священного Писания, использовании плача, смеха, молчания, вздохов, стонов, криков. В русской картине мира юродивый соотносится с фольклорным персонажем «Иван-дурак», однако не является его аналогией. В современном русском массовом сознании юродивость частично редуцируется до имиджа [Чеботарев, 2015, с. 5-6].

Можно заключить, что поскольку в процессе изучения языка подлежит усвоению и культура, то в плане лексики её усвоение в значительной мере сводится к овладению словами, своеобразная семантика которых отражает своеобразие этой культуры [Верещагин, 1980, с. 68]. Представление слова с культурным компонентом значения в процессе обучения иностранным языкам связано с проблемами человеческого общения, воспитания терпимости к чужим культурам, межкультурной коммуникации.

Таким образом, при подготовке переводчиков и специалистов в сфере межкультурной коммуникации необходимо уделять особое внимание содержанию понятий, несущих в себе важную лингвокультурологическую и страноведческую информацию, базирующихся на национальном сознании тех народов, с языка которых производится прямой или обратный

перевод.

Список литературы

- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. М.: Русские словари, 1999. 431с
- Бердичевский А.Л.* Русисит XXI века: кто он? Диалог методиста и культуролога о наболевшем / А. Бердичевский, Э. Колларова. Русский язык за рубежом, 2006, № 1, с. 45-49.
- Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Верецагин. М.: Изд-во МГУ, 1978. 172 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 896 с.
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. М.: Художественная литература, 1973. 816 с.
- Иванищева О.Н.* Язык и культура: Учебное пособие / О.Н. Иванищева. Мурманск: МГПУ, 2007. 191 с.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Оникс-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.
- Ольшанский И.Г.* Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский// Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26-55.
- Рождественский Ю. В.* Введение в культуроведение: 2-е изд. / Ю.В. Рождественский. М.: Добросвет, 2000. 288 с.
- Ростова Н.* Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради) / Под ред. проф. Ф.И. Гиренка. М.: МГИУ, 2010. 140 с.
- Толстой Л.Н.* Детство / Л.Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. 528 с.
- Ушакова Э.Б.* Феномен прецедентного имени в лингвокультурологии и аспекте преподавания русского языка как иностранного [Электронный ресурс] / Э.Б. Ушакова // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. – № 2. – Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/567>
- Чеботарев И.Г.* Фасцинативный типаж «юродивый» в русской лингвокультуре: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.19 / И.Г. Чеботарев; Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2015. 26 с.
- Юдин А.В.* Русская народная духовная культура [Электронный ресурс] / А.В. Юдин. – 2007. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Udin/40.php

Оганисян Т.А.
Российско-Армянский (Славянский) университет
г. Ереван (Армения)

Hovhannisyan Tamara
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan (Russia)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА В АРМЕНИИ (ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ)

TRANSLATION HISTORY IN THE HISTORY OF CIVILIZATIONS (TRANSLATION HISTORY IN ARMENIA SINCE ANCIENT TIMES)

В статье рассматриваются вопросы истории перевода в Армении, начиная с IV-V веков, с истории изобретения армянского алфавита и до наших дней. Исторический экскурс в переводческую деятельность выдающихся лиц армянской культуры и литературы выявляет наличие нескольких школ перевода, как на территории Армении, так и в других странах, в силу территориального расположения армянских религиозных и культурных центров. Новая история армянского перевода относится к 19-20 векам, когда на армянском языке получают новую жизнь литературные шедевры европейской и русской литератур. Этот обзор является частью главы из учебника по теории перевода на армянском языке, содержащей подробную историю развития перевода в Армении и краткий исторический обзор развития перевода в Европе и России. Впервые учебник на армянском языке охватывает весь спектр вопросов этой науки, и представляет лингвистические направления науки о переводе, а также технику перевода с армянского языка на русский и обратно, базируясь на типологических и переводческих сравнительных исследованиях двух языков.

The article studies the issues of translation in Armenia, beginning with the 4th – 5th centuries and the history of the Armenian alphabet creation up to our days. A historical survey of the translation activities of Armenian culture and literature prominent figures shows the existence of several translation schools on the Armenian territory, as well as in other countries, depending on the dislocation of Armenian religious and cultural centers. The new history of Armenian translations dates back to the 19th -20th centuries when masterpieces of European and Russian literature were translated into Armenian language. This survey is a part of the chapter of the text-book devoted to the theory of translation in Armenian, which contains a detailed history of translation development in Armenia and a brief historical survey of translation development in Europe and Russia. For the first time this text-book includes all the questions of that science and presents linguistic orientations of the science about translation, as well as the technique of translation from the Armenian language into Russian and vice-versa, based on typological and translation comparative researches of the two languages.

Ключевые слова: причины и обстоятельства возникновения перевода в Армении, армянские переводческие ранний периода, девятнадцатый и двадцатый века, современный армянский перевод.

Key words: causes, circumstances of translations' apparition in Armenia, Armenian translation schools of the early period, translations in the 19th and 20th centuries, modern Armenian translations.

Историю перевода, исследующую место, роль и эволюцию этого рода человеческой деятельности, невозможно отделить от всеобщей истории цивилизаций. Наоборот, обращение к ней

диктует необходимость проследить ее связь с развитием человеческого общества, его материальной и духовной культуры. Изучая становление и развитие переводческой мысли и национальных переводческих традиций на базе соответствующих источников [См. Список литературы], можно заметить, что корни переводческой деятельности человека уходят в далекие времена, когда люди, живя еще в период его племенной организации, чувствовали потребность в общении и примитивных экономических отношениях не только внутри своего племени, но и между племенами. А это подсказывает, что профессия переводчика – одна из древнейших в истории человечества. На таком историческом и временно́м фоне профессию переводчика-толмача трудно переоценить.

Формирование литературных языков создавало естественную необходимость появления и распространения литературных исторических, религиозных и других произведений, что легло в основу процесса сближения народов. Велика роль перевода в деле возникновения и развития национальной культуры и литературы в Армении. Переводческое движение здесь стало стимулом для переводов многочисленных античных и средневековых трудов, особенно авторов греческих и ассирийских источников, которые были переведены на армянский язык.

Особое место в развитии перевода занял и занимает до наших дней перевод Библии как один из первых и самых древних ее переводов. Интересен для науки тот факт, что многие из переведенных источников существуют и сегодня, но не в оригинале, а в переводе, а именно, в армянских переводах, а оригиналы или уничтожены, или утеряны и всему цивилизованному миру эти книги доступны сегодня только посредством древних армянских переводов. А это значит, что древнеармянские переводы имеют ценность оригинала. Эти уникальные свидетельства идущей издревле переводческой деятельности армян хранятся в Ереване в Матенадаране – хранилище древних рукописей и научно-исследовательском центре.

Во все периоды своей многовековой истории армянский народ, посредством специфического обряда поклонения письменности и знаниям, с особой любовью прославлял своих сынов, посвятивших себя созданию армянской письменности и переводческому делу, что во многом способствовало формированию армянской переводческой школы

Святая Армянская Апостольская Церковь учредила в их память два праздника в году. Первый посвящен Патриарху св. Сааку и св. Месропу Маштоцу и празднуется в четверг на 33 день после Духова дня. Согласно легенде, в этот день на берегу реки Аракс встретились св. Саак и св. Месроп. Ежегодно большое празднество в этот день бывает в Ошакане, месте захоронения Месропа Маштоца – праздник знаний, который, как правило, сопровождается паломничеством туда большого числа армян из всех концов Армении и из-за рубежа. Второй праздник Святых переводчиков отмечается в период с 3 октября по 7 ноября.

В конце IV века в Армении произошло одно из поворотных событий в истории армянского народа – создание армянского алфавита. Католикос Святой Саак и Святой Месроп Маштоц при содействии царя Врамшапуха нашли мощное и непобедимое оружие сохранения армянского народа и самостоятельного развития. Был создан армянский алфавит, которым и было заложено начало армянской письменности. Сведения об изобретении армянского алфавита содержатся в трудах авторов 5-ого века историков Корюна и Мовсеса Хоренаци, Газара Парпеци.

Усилиями св. Саака (348-438гг., Католикос с 387г.) царь Врамшапух оказал всестороннюю помощь св. Месропу Маштоцу в деле изобретения армянского алфавита, а после его создания – в основании школ и развитии образовательного дела. Патриарх св. Саак и св. Маштоц стали основателями армянской переводной литературы. Церковная служба проходила на иностранных языках – греческом или ассирийском, не было армянских вариантов Библии и церковной литературы. Усилиями этих святых адептов просвещения и их учеников с греческого и ассирийского языков была переведена Библия, и... Бог заговорил по-армянски. Триумфальное вступление блаженного святого Маштоца в столицу Вагаршапат с уже реально существующим армянским алфавитом на руках историки уподобили спуску пророка Моисея с горы Синай, когда он принес на божественных каменных плитах-скрижалях десять заповедей. Великий армянский пророк, Блаженный Маштоц с энтузиазмом продолжает начатое дело, перейдя к переводу Библии. Недолго пробыв в столице Вагаршапат, он со своими учениками возобновляет проповедническую деятельность в других областях Армении, а также в соседних государствах, повсюду основывая армянские школы, проповедуя Библию на армянском языке. Он создает целую армию молодых людей, которые, впрягшись в работу, переводят лучшие научные, теологические, толковые труды, создавая в то же время собственные произведения. По мнению современных лингвистов, миссия Маштоца — это настоящая научная, быть может, первая в мире, лингвистическая экспедиция, поставившая своей целью выработку алфавита. Известны два поколения переводчиков того времени: старшее и младшее. История оставила нам даже их имена: Корюн, Езник Кохбацци, Ован Елехцаци, Овсеп Пахнаци. Миссия Маштоца не ограничивалась переводами. Он осуществлял целую культурную программу, суть которой укладывалась в следующий тезис: «переводить, просвещать, обучать» [Chaltlib, Эл. ресурс].

Между 432—435 годами Маштоц с католикосом Сааком и своими учениками закончил перевод Библии, а последние, во главе с Мовсесом Хоренаци, были отправлены для высшей учёбы в Александрию. Кроме библейских книг, под руководством Месропа Маштоца были переведены труды античных авторов, в частности, «Экклесиастика» Евсевия Панфила, а перевод Библии был настолько совершенен, что его называли «царицей переводов» [Armnet, Эл. ресурс].

Все европейские арменоведы безоговорочно принимают свидетельства о том, что Маштоц сыграл большую роль в деле создания алфавита двух соседних христианских народов – грузин и албанцев. А также считают совершенным и неустаревающим созданный им армянский алфавит. [Долуханян, 2005] Именно в это время, несомненно, вокруг Маштоца образовалась целая плеяда писателей и переводчиков, которые деятельно способствовали христианизации Армении и распространению в ней просвещения. Почти все армянские историографы и учёные V века были учениками Маштоца.

История армянской переводной литературы представляет собой непрерывную цепь литературной деятельности, которая, конечно, имела свои периоды взлетов и падений, обусловленных общими закономерностями развития истории человечества и культуры. По характеру существующих переводов того времени и прослеживающихся в них принципов перевода армянская переводная литература классифицируется по следующим пяти временным периодам:

- Классические переводы (весь V в.);
- Переводы греческой школы (конец V и начало VIII в.в.);
- Переводы периода Киликийского армянского государства (XII-XIII в.в.);
- Переводы унитарного средневековья (XIV в.);
- Переводы позднего средневековья (XVII-XVIII в.в.);
- Переводы Нового времени (XIX-XX в.в.);
- Современная школа перевода (XX-XXI век).

Следует отметить, что за этот период в армянской литературной действительности сформировались соответственно и школы перевода.

- Школа Месропа Маштоца и Саака Партева
- Греческая школа перевода
- Школа унитарного средневековья
- Школа перевода Армянской мхитаристской конгрегации на о. св. Лазаря
- Школа перевода XIX века.
- Советская школа перевода (В. Брюсов и Ов.Туманян у истоков переводов из армянской литературы на русский язык).
- Современная школа перевода.

Переводы классического периода были призваны удовлетворять рождающиеся первоочередные потребности армянской письменности и обеспечить организацию идейной, официальной и просветительской деятельности церкви. Интенсивное развитие этого процесса

было продиктовано, как уже отмечалось выше, созданием армянского алфавита в 405-406 году Р.Х. Маштоцем, великим просветителем, основателем армянской школы вообще и школы перевода. В связи с этим усилия армянских переводчиков были вполне мотивированы высокой целью, которую немецкий этнолингвист, арменовед Франц Финк (1867-1910) называет осознанной программой передачи культуры [Акинян, 1910]. Такая программа требовала, в первую очередь, перевода Библии, затем исторических книг, религиозных историй и канонов. Основным принципом перевода в этот период был принцип максимально близкий к оригиналу, но не к буквальному его воспроизведению, что предоставляло возможность точно выразить содержание и смысловые оттенки текста оригинала, не противопоставляя законам армянского языка и не греша перед ним.

Второй период (греческая школа) развития армянской переводной литературы выделяется тем, что отодвигает на второй план церковную литературу и уделяет внимание литературным произведениям теоретического и философского характера, что имеет совершенно конкретную связь с новыми реалиями исторического и культурного развития человечества и необходимостью их освоения – существование античной философии и достижения науки на то время. Именно в этот период трудами представителей древнегреческой школы перевода на армянский язык были переведены основополагающие труды Аристотеля и Платона, Толкования Давида Анахта, Грамматика Дионисия Фракийского и т.д. Однако представители греческой школы решали проблемы перевода несколько механически: калькировали слова, создавали некие новые глагольные приставки. В отличие от переводчиков классического периода, они руководствовались принципом буквального материального воспроизведения оригинала. Поэтому их переводам присущи своеобразный стиль и нехарактерные для армянского языка синтаксические конструкции.

Киликийский период характеризуется применением нового способа перевода, который связан с именем Григора Векаясера.

В киликийский период распространяется новый способ перевода, связанный с именем Григора Векаясера. Заключается он в том, что в современной теории перевода называется переводом с подстрочника. Греческие и ассирийские переводчики осуществляли подстрочный перевод, а армянские переводчики редактировали его, придавали литературную огранку. Поэтому армянские переводы часто отдалялись от своих оригинальных источников и фактически превращались в вольное переложение. Переводы этого периода отличаются одной специфической чертой: они, в отличие от переводческих школ первого и второго периодов, переведены не на древнеармянский грабар, а на светский, понятный народу среднеармянский [Агаян, 1958]. В это

время переводятся медицинские, военные труды, сельскохозяйственные энциклопедии, сборники византийских законов. [Лео, Ереван, 1973]

Переводы унитарного средневековья характеризуются как продукт чужеземной инициативы, осуществленной в целях служения чужим интересам. В этот период с латыни на армянский переводится большое количество клерикальной, проповеднической, теологической и толковательной литературы.

После регрессивного периода раннего средневековья армянская школа перевода вступает в новый, довольно интенсивный период своего развития – позднее средневековье, характеризующееся в 17-18 вв. начинающимся расцветом армянской диаспоры, не последней ролью армянских купцов в международной торговле, общим подъемом в армянской культуре того времени. Армянский народ посредством перевода приобщается к европейской науке, к новейшим достижениям географии, математики, грамматики, естествознания. В этот период особую роль сыграли армянские переводчики Воскан Ереванци, Ованнес Анкараци и другие. Велика заслуга французских арменоведов Сен-Мартена, Ланглуа, бельгийского лингвиста Феликса Нева, Маклера, Фейди, англичанина Коннибера немецких ученых Маркварта и этнолингвиста Франца Финка (1867-1910) в переводах на французский, немецкий и английский языки средневековых армянских рукописей. [Долуханян, 2005, с. 91]

Невозможно переоценить вклад Франца Финка в сравнительное исследование древнейших армянских текстов, в изучение вопросов морфологии и этимологии древнеармянского языка, а также переводной литературы (он знал древнеармянский грабар и выучил среднеармянский язык). Франц Финк развернул активную научно-переводческую деятельность. Он был автором следующих работ: «Учебник нового армянского литературного языка» (1903), «Список армянских рукописей Абгара Ованнисяна из Тифлиса» (1902), Описания Тюбингенских рукописей и другие труды на армянском и греческом языках (1902) [Акинян, 1910].

Начало XVIII века для Армении было временем тяжелых испытаний: страна, разделенная между Турцией и Персией, была лишена государственной самостоятельности и угнетена. Однако то было и время надежд, когда в Армении зарождалось национально-освободительное движение. Кроме оружия, у армянского народа была многовековая культура, и надо было только пробудить национальное сознание, а для этого – издавать книги, распространять их среди народа, рассказывать ему о его героическом прошлом. Так думал и Мхитар Себастици, на которого, по

словам его биографов, снизошло божественное вдохновение – посвятить себя просветительской деятельности [Мхитаристы с острова Святого Лазаря, Эл. ресурс]. В 1717 году после настойчивых просьб и хлопот он получил от Сената Венецианской республики разрешение поселиться со своими помощниками на необитаемом в ту пору острове св. Лазаря, площадь которого тогда составляла всего 7000 кв. метров. Впоследствии территория острова значительно расширилась: при содействии венецианских властей монахи привезли землю, отняли у моря немного суши и даже развели огород. В настоящее время площадь острова св. Лазаря равняется 30 000 кв. метров [там же].

В образовательном и просветительском центре на острове св. Лазаря вся братия – от скромного служки до ученика-семинариста – трудилась над просвещением своих далеких соплеменников: писала, печатала, готовилась к учительству и проповеди. Несмотря на постоянную занятость строительством и благотворительными делами, Мхитар Себастици написал грамматику грабара (древнеармянского церковно-книжного языка), грамматику ашхарабара (светского литературного языка) и составил 3-томный толковый словарь армянского языка, содержащий 79 000 строк и имевший раздел собственных имен. Благодаря усилиям Мхитара Себастици стало развиваться издательское дело, начатое еще его предшественниками. В 1733-1735 годы он подготовил и издал Библию, уточнив весь ее текст в сравнении с семью языками.

На запущенном острове св. Лазаря была создана атмосфера, в которой люди, склонные к интеллектуальным занятиям, могли целиком отдаваться любимому делу. Так, Микаэл Чамчян написал здесь 3-томный труд по истории армянского народа, не потерявший своей научной ценности до настоящего времени. Здесь были истолкованы и труды армянских историков М. Хоренаци, Егише, Езника и многих других. Для армянских школ мхитаристы издавали учебные пособия по языку, литературе, математике, физике, астрономии, земледелию. Большое место в их деятельности занимали переводы исторических трудов и произведений писателей разных эпох: Аристотеля, Платона, Плутарха, Сенеки, Гомера, Софокла, Эврипида, Вергилия, Данте, Шекспира, Корнеля, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Проспера Мериме и других. На острове св. Лазаря хранится первый перевод на армянский язык басен И.А. Крылова, осуществленный Габриэлем Айвазовским – братом великого художника-мариниста Ивана Айвазовского. [Redigo.ru, Эл. ресурс]

Новый период переводов на армянский язык, охватывающий переводы европейской и русской литературы, характеризуется большим подъемом переводческой деятельности, что присуще вообще всему 19-ому веку. Об этом свидетельствует и история перевода в России, и история западноевропейского перевода. В этот период исключительную роль в развитии культуры

сыграл журнал «Базмавеп», на страницах которого широко освещались и переводились труды как классических и европейских, так и русских авторов, особенно в бытность его редактором Гевонда Алишана. Например, первые переводы на армянский язык басен Крылова были осуществлены именно в этом альманахе. Переводились также произведения с английского, французского и других европейских языков.

Особо следует отметить потрясающие по своему абсолютно адекватному английскому языку оригинала звучанию на армянском языке, как содержательно, так и формально, гениальные переводы того времени (конец 19-ого века) из В. Шекспира, осуществленные классиком армянского перевода Ованесом Масеяном. Дипломат высокого ранга, владеющий армянским, персидским, турецким, греческим, французским, немецким, английским и русским языками, еще на заре своей дипломатической деятельности в качестве придворного переводчика, он перевел на персидский язык произведения многих европейских авторов [Mgimo.ru, Эл.ресурс].

Вот уже два века стоит в Москве в Армянском переулке великолепный особняк в стиле классицизма — дом Лазаревых. В стенах этого здания размещалось фактически первое в стране специализированное дипломатическое учебное заведение — знаменитый Лазаревский институт восточных языков, более 100 лет являвшийся одним из крупнейших центров российского востоковедения (он был предшественником нынешнего Института востоковедения РАН) и одновременно центром армянской культуры в России.

Лазаревский институт, готовивший впоследствии переводчиков и консульских работников для дипломатических представительств России в странах Востока, стал еще одним центром культивирования переводов и переводчиков. Он начинался как национальное армянское учебное заведение. Квалифицированные специалисты перебирались в страну по монаршему приглашению, спасаясь от притеснений в Османской империи и Персии. С восшествием в 1762 году на престол Екатерины II внешняя политика государства на восточном направлении активизировалась, началась подготовка к новым военным кампаниям против Турции и Персии. Армяне, традиционно симпатизировавшие России и видевшие в ней своего союзника, старались всемерно способствовать ее дипломатическим и военным усилиям. Не осталась в стороне и семья Лазарянов, стремившаяся отблагодарить новую родину за предоставленный приют. Рождение собственно учебного заведения состоялось в мае 1815 года, когда началось преподавание разных наук. Главной целью основателей было создать высшее образовательное учреждение для армян. Впрочем, как видно из институтской летописи, и русским, и представителям других

национальностей доступ туда не был воспрещен. Поэтому состав слушателей сразу же стал многонациональным. Обучение восточным языкам (армянскому, грузинскому, «татарско-турецкому», персидскому и арабскому) предполагалось изначально, однако мыслилось как своего рода придаток к основным предметам, за исключением преподавания армянского для учеников-армян.

Годы спустя Лазаревы приобрели в Париже и Лондоне высококачественное типографское оборудование: шрифты для набора текстов на разных европейских и восточных языках, скоропечатные машины и матрицы. Монографии, учебники, буклеты и брошюры по разным отраслям знания издавались на 13 языках.

Институт добился права беспошлинно и в любом количестве ввозить из-за границы книги и пособия. Одной из главных задач учебного заведения стала подготовка чиновников и переводчиков для Закавказского края. Высокую репутацию его за рубежом империи поддерживали выпускники, работавшие дипломатами и переводчиками в посольских миссиях на Востоке.

Курс словесности каждого языка читали здесь профессора, а практическое преподавание разговорной речи, которому в лицее придавали особое значение, было возложено на лекторов-ориенталистов (так называемых практикантов). К числу обязательных предметов в специальных классах относились также история Востока и русская словесность. За годы, оставшиеся до Революции, институт выпустил сотни квалифицированных дипломатов и переводчиков, плодотворно работавших в министерстве иностранных дел и в российских диппредставительствах в странах Среднего и Ближнего Востока. [Лазаревский институт, Эл. ресурс]

Новая волна переводческой деятельности в литературной жизни Армении поднялась в начале XX века, когда В.Я. Брюсов обратился к Ованесу Туманяну с письмом по поводу организации издания Антологии армянской поэзии. Начиная с 1910-ых годов, судьба армянской литературы тесно переплетается с русской литературой. Эта взаимосвязь, прежде всего, сказалась на переводческой деятельности, в которой принимали активное участие лучшие русские писатели и поэты во главе с Максимом Горьким и Валерием Брюсовым. Свидетельством тому служат составленный Юрием Веселовским и Минасом Берберяном двухтомный сборник «Армянские беллетристы, драматурги и поэты» (1893-1894 гг.), изданные в дальнейшем сборники переводов «Современные армянские поэты» (1903 г.), «Армянская муза» (1907). Переводы из армянской литературы на русский язык вышли на несравнимо более высокий уровень в 1916 году, когда в Петрограде под редакцией Максима Горького вышел в свет «Армянский литературный сборник» и в том же году в Москве под редакцией Валерия Брюсова его Предисловием [Поэзия Армении,

1966] была издана «Антология армянской поэзии». Эти издания предоставили русскому читателю возможность познакомиться с сокровищницей интеллектуальной жизни армянского народа. В них отдельными разделами были представлены устное народное поэтическое творчество, древняя и средневековая литература, восточно-армянская и западно-армянская поэзия. Следует отметить, что армянскую поэзию переводили на русский язык лучшие поэты и переводчики, такие как сам В. Брюсов, О. Мандельштам, С. Лозинский, С. Шервинский, М. Петровых, В. Звягинцева, Вс. Рождественский, П. Антокольский, Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Тарковский и многие другие.

Современный уровень развития науки о переводе и переводческой практики в Армении представлен переводчиками и теоретиками перевода, начиная со второй половины 20-ого века и до наших дней. Интенсивная переводческая деятельность теоретиков, писателей, поэтов и собственно переводчиков-практиков в этот период обусловлена большим подъемом литературоведческой и лингвистической науки о переводе, активизацией межкультурных контактов, все нарастающим потоком литературного материала из-за рубежа, из братских республик Советского Союза. Соответственно, из Армении шел и обратный поток переводов произведений современных армянских поэтов и писателей XX века на русский язык, – таких как А. Исаакян, А. Бакунц, А. Сагиян, П. Севак, Г. Матевосян и др. В переводческом движении этого периода неопределимы заслуги профессора Ереванского государственного университета, декана филологического факультета ЕГУ, а в дальнейшем (с 1999 г.) первого ректора РАУ, академика Л.М. Мкртчяна – литератора, автора многочисленных книг, посвященных русской и армянской литературе, теории и практике перевода, человека, ставшего инициатором многих изданий переводов из прозы и поэзии братских народов.

В новейших процессах перевода в Республике Армения прослеживается еще бо́льшая интенсивность, вызванная свободой выбора материала, не ограниченного цензурой, и определенными коммерческими интересами. Так, осуществляется перевод на армянский язык цикла запрещенных в свое время произведений, переводы из зарубежных писателей (Генри Миллер, Джордж Оуэлл, Камилл Лемонье), в том числе нобелевских лауреатов; переводы из современной латышской прозы. Этим занимается издательство «Антарес». Можно считать переводческими достижениями переводы с оригиналов из Джеймса Джойса («Улисс» в переводе Самвела Мкртчяна), новый перевод «Гамлета» Шекспира (перевод Арама Топчяна) и «Имя Розы» Умберто Эко (перевод Завена Бояджяна). Переводится также современная философская, филологическая и психологическая научная литература. Издается специальный журнал «Артлитература», занимающийся публикацией переводов, как с оригиналов, так и опосредованных (с русского языка).

Мы представили общий обзор истории перевода в Армении с древних времен до наших дней, однако вынужденно (из-за рамок статьи) не вникли в детали развития науки и практики перевода, не описали существующие в истории перевода в Армении принципы и позиции относительно качества перевода и критериев его адекватности.

(Статья подготовлена при деятельном участии Овсепян Лилит Васильовны, кандидата филологических наук, доцента, преподавателя кафедры древней и средневековой армянской литературы и методики ее преподавания Ереванского государственного педагогического университета им. Х.Абовяна; специалиста по древним рукописям Научно-исследовательского центра древних армянских рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца в Ереване).

Список литературы

- Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи / Н. Адонц. Пг., 1915. 307 с.
- Агаян Э. История армянского языкознания / Э. Агаян. Е: 1958 на арм. Яз – т. 1.
- Акинян Н. Арменовед Франц Николас Финк, статья «ՀԱ» (“Андес амсоря”) / Н. Акинян, 1910. – № 9, на арм. яз.
- Армянская советская энциклопедия, 1981, на арм. яз.
- Варданян Н. Искусство перевода. Теоретические и практические исследования (учебное пособие), на арм. яз. / Н. Варданян. Ереван, 2011. 293 с.
- Долуханян А. Европейские арменоведы о Маштоце и армянском алфавите, св. Эчмиадзин / А. Долуханян, 2005. (на арм.яз.) 94с.
- История армянского народа. Ереван: Изд-во НАН РА, 1974 (на арм. яз).
- Корюн Житие Маштоца / пер. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Огаджаняна. М., 1962.
- Лазаревский институт восточных языков в Москве [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Лазаревский_институт_восточных_языков_в_Москве
- Лео История Армении. Ереван, 1973, на арм.яз.
- Остров св. Лазаря, Мхитаристская конгрегация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: redigo.ru/geo/Europe/Italy/poi/51816
- Поэзия Армении / под редакцией Валерия Брюсова. Ер., 1966.
- Сеферян С., Хачатрян А., Габриелян С. Л. Оганесян Краткий очерк переводоведения (Учебное пособие) / С. Сеферян, А. Хачатрян, С. Габриелян. Ереван, 2012. 319 с.
- Тер-Мовсисян М. История перевода Библии на армянский язык / М. Тер-Мовсисян. Спб, 1902.
- Тер-Петросян Л. Древнеармянская переводная литература / Л. Тер-Петросян. Ер.1984.
- Chatlib.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.chatlib.ru/articles/Library/bic/mesrop_mashtots/
- Armnet.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.armnet.ru/best/mesrop_mashtos.htm
- Nnao.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nnao.ru/2013/12/25/мхитаристы-с-острова-святого-лазаря/>
- Mgimo.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/study/dean/docs/6420/6624/document145668.phtml>

Олицкая Д.А.
НИ Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Olitskaya Daria
Tomsk State University
Tomsk (Russia)

*ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ ИГРАТЬ. ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА В СЦЕНИЧНЫХ И «НЕСЦЕНИЧНЫХ»
ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК*

A.P. CHEKHOV'S PLAYS IN GERMAN TRANSLATIONS: TO READ OR TO PERFORM

Статья посвящена изучению взаимосвязей между театральной и переводческой рецепцией пьес А.П. Чехова в Германии. В качестве центрального понятия рассматривается сценичность как условие и критерий оценки переводов пьес Чехова на немецкий язык. На основе соотнесения постановок чеховских пьес на немецкой сцене и переводов, которые были положены в их основу, изучаются различные способы реализации сценичности перевода, а также отношения, которые могут устанавливаться между переводом и постановкой: от прямого взаимовлияния, когда переводческие решения продиктованы представлением о ведущей идее спектакля, или когда переводческая интерпретация пьесы имеет прямое влияние на постановку, до достаточно свободных, когда перевод выполняется как «самостоятельный» (литературный или сценический), т.е. не связанный с конкретной постановкой, а в целях постановки претерпевает трансформации в рамках языка перевода. Материалом исследования являются постановки чеховских пьес Р. Нёльте, П. Штайна, А. Брет, К. Тальбах, а также переводы, обработки и сценические редакции пьес Р. Нёльте, Г. Дювель, П. Урбана и Т. Браша

The paper studies the interconnections between theatre and translator's reception of A.P. Chekhov's plays in Germany and focuses on performability as an important condition and criterion for evaluating drama translation. Comparing Chekhov's productions in Germany with translations used for them, the author examines, firstly, different ways to make a translation performable and, secondly, different types of interconnections between the translation and the production varying from their direct mutual interaction, when the translator's solutions are determined by their idea of the production message, or when the translator's interpretation of the drama has a direct impact on the production; to free interpretation, when the translation, either literary or theatre, is planned as 'independent', i.e. not related to a certain production, the translation undergoes certain transformations in the target language for the purpose of its general performability. The research is based on A.P. Chekhov's productions by R. Noelte, P. Stein, A. Breth, K. Talbach, as well as translations, adaptations and stage versions of the play by R. Noelte, G. Duwel, P. Urban and T. Brash.

Ключевые слова: Драматургия Чехова, Чехов и немецкий театр, перевод драмы, сценичность перевода.

Key words: Chekhov's drama, Chekhov and German theater, drama translation, translation performability.

Немецкий исследователь В.-Ш. Киссель констатировал в своей монографии в 2012 г.: «Пьесы А. Чехова ставятся сегодня на всех сценах мира, присутствие Чехова заставляет уйти в тень не только других русских драматургов, по своему влиянию и значению он превосходит и многих западных драматургов, которые еще несколько десятилетий назад царили на наших сценах» (Перевод здесь и далее мой – Д.О.) [Kissel, 2012, S. 1]. Причина столь длительного успеха

и все большего распространения чеховской драматургии, в том числе в Германии, безусловно заключена в ее непреходящей актуальности и непревзойденной театральности. Многие поколения немецких режиссеров стремились постичь чеховскую драматургию, предлагая широкий спектр самых разнообразных интерпретаций: от реализма и натурализма до гротеска, театра абсурда, и, наконец, до радикальной актуализации в духе постмодернизма и современной поп-культуры. Постановки чеховских пьес Р. Нёльте, П. Штайна, П. Цадека, Ю. Гоша стали значимыми вехами не только в истории восприятия Чехова в Германии, но и в истории развития немецкого театра.

Успех драматургии Чехова на немецкой сцене был бы невозможен без главной предпосылки – переводов как основы сценического воплощения пьес. Э. Фишер-Лихте отмечает, что постановка переведенной пьесы это всегда процесс культурного трансфера и культурной трансформации, в результате которой «чужие тексты становятся *продуктивными* для своей культуры» [Fischer-Lichte, 1988, S. 143]. Высокая продуктивность сценической рецепции драматургии Чехова в Германии не может рассматриваться отдельно от переводческой. Активная театральная практика нуждается в текстологическом основании и тем самым постоянно стимулирует интерес переводчиков, доказательством чему является существующий на сегодняшний день обширнейший корпус переводов чеховских пьес на немецкий язык. Постоянно растущая «конкуренция» переводов, которые в том числе выполняются специально по заказу издательств, работающих непосредственно с театрами (Verlag der Autoren, Drei Masken Verlag, Theater-Verlag Desch и др.) является, как и значительное количество постановок, очевидным подтверждением большого «спроса» на Чехова, сформировавшегося в немецкой культуре.

Сценичность закономерно стала одним из первых и главных параметров критической оценки переводов чеховских пьес на немецкий язык. Осуществивший в 1968 г. ревизию немецких переводов первой половины XX в. немецкий театральный критик Г. Ришбистер пришел к неутешительному выводу о том, что большинство из них являлись «абсолютно непригодными для сцены». Критик указывал на их значительные расхождения с оригиналом, которые ставили режиссёров, незнакомых с русской действительностью, в тупик [Rischbieter, 1968, S. 42].

Более детально к изучению сценичности, а точнее «несценичности» переводов Чехова на немецкий язык подошел немецкий театровед К. Беднарц, выделивший целый ряд параметров языка чеховских пьес (его естественность и простота, индивидуальные речевые характеристики персонажей, музыкальность, связь слова с жестом и мимикой и т.д.), которые часто не получали воплощения в немецких переводах. По его оценке, лишь отдельные переводы (Х. Ангарова, Г. Дювель) из целого ряда имеющихся отличались живым, беглым языком, разговорным стилем и не допускали значительных отступлений от оригинала, что позволяло расценивать их как пригодные для целей постановки.

При этом, однако, критик сам заметил отсутствие прямой связи между установленной им не/сценичностью переводов (Беднарц использует нем. слово «*Bühnenwirksamkeit*») и реальной перспективой использования их в театральной практике. Так, например, он констатировал, что почти безупречные в языковом и стилистическом плане переводы Г. Дювель (1964) практически не нашли применения в театре, тогда как переводы Й. Гюнтера (1960), в которых Беднарц обнаружил все возможные ошибки от отсутствующих ремарок до напыщенного стиля, тем не менее долгое время и чаще других использовались для постановок.

Данное противоречие заставляет задуматься о том, что сценичность перевода может рассматриваться только на пересечении переводческого и сценического дискурса, т.е. с учетом конкретного исторического и театрального контекста постановки, ведь, как справедливо заметил немецкий ученый Х. Турк, даже перевод пьесы, выполненный специально для театра вряд ли может стать залогом ее сценического воплощения, точно так же, как ее литературный перевод совсем не означает, что она навсегда останется уделом читателя [Turk, 1990, S. 71]. В рамках данной статьи мы постараемся на нескольких конкретных примерах показать, как взаимосвязаны немецкие переводы и постановки пьес Чехова.

Начнем с того, что преобладающее большинство переводов чеховских пьес на немецкий язык выполнялись как переводы для широкого читателя. Как и оригинал, они совмещают в себе функции текста литературного произведения и функции текста как основы для постановок. Эти переводы, от ранних до самых «новых» (А. Шольц, Р. Хофман, Х. Ангарова, З. Радецкий, Й. Гюнтер, Г. Дювель, П. Урбан, В. Бишицки, И. Ракуза и др.), за очень редким исключением чаще или реже использовались, а многие продолжают использоваться немецкими театральными режиссерами в постановках, что очевидно и является подтверждением их сценичности. Однако не следует забывать, что, попадая в театр, переведенный с одного языка на другой драматический текст проходит ещё и стадию интерсемиотического перевода – с литературного языка драмы на театральный язык постановки, а в роли «переводчика» здесь выступает режиссёр. Изменит ли перевод свой первоначальный вид в процессе постановки, зависит прежде всего от того, насколько его текст созвучен «театральному идиолекту» (термин Э. Фишер-Лихте) отдельного режиссера. Приведем два примера из истории сценической рецепции чеховских пьес в Германии.

20 июня 1970 г. в театре «Байришес штатшауспиль» (Мюнхен) состоялась премьера спектакля по пьесе «Вишневый сад» режиссера Рудольфа Нёльте. На основе опубликованных в Западной Германии немецких переводов того времени (Й. Гюнтер, З. Радецки) Нёльте создал свою

сценическую редакцию пьесы⁵, которая характеризовалась значительными трансформациями исходного текста. Они послужили поводом для очень оживлённой дискуссии театральных критиков. З. Мельхингер в своей рецензии [Melchinger, 1968, S. 42] пришёл к выводу, что при переводе пьесы для сцены невозможно избежать сокращений или перестановок текста, но в редакции Нёльте они не нарушили целостности пьесы, не лишили её авторского начала.

Намного более резок в своих оценках был театральный критик М. Райх-Раницки, обвинивший Нёльте в непозволительно свободном обращении с чеховской пьесой, её «онемечивании» (режиссер действительно избегал упоминания реалий, указывающих на время и место действия; труднопроизносимые русские имена и отчества заменил немецкими формами обращения). Но особенно возражал критик против необоснованных сокращений: «Он (Нёльте) сокращает много и последовательно: большинство политических и социально-критических пассажей, содержащих осуждение господствующего класса и оптимистическое видение будущего общественно-политического порядка, вычёркиваются» [Reich- Ranicki, 1971, S. 16]. Речь здесь идёт о монологе Трофимова во втором акте («Человечество идёт вперёд...»), о диалоге Трофимова и Ани там же («Вся Россия наш сад...»), о монологе Лопухина в третьем акте («Не смейтесь надо мной...») и словах Трофимова в четвёртом акте («Человечество идёт к высшей правде...»), которые Нёльте сократил в своём переводе.

Отметим, что в этом упреке, безусловно, нашла своё отражение сложившаяся к этому времени в Германии политическая ситуация, разделение страны на два лагеря. Подтверждением тому является ответная статья Нёльте в газете «Ди Вельт» под заголовком «Красный вишнёвый сад: как критики и переводчики искажают Чехова, чтобы сделать из него предшественника коммунизма» [Noelte, 1971, S. 3]. Помимо своих прямых оппонентов режиссёр имел в виду перевод П. Убана, опубликованный в 1970 г.

В то же время было бы неправильно сводить весь спор, разгоревшийся между режиссёром и критиками, к идеологическим разногласиям. В стремлении Нёльте лишить пьесу конкретных эпохальных и национальных признаков, а героев социальной детерминированности проявилось желание выделить какие-то универсальные, постоянные категории и ценности и именно их донести до зрителя, для этого режиссер сделал упор на собственно сценический, театральный потенциал чеховского текста. В результате в защиту Нёльте высказывался не один театральный критик. Все они считали, что основательно «поработав» над переводами пьесы, вычеркнув целые отрывки, режиссер дополнил оставшееся сценическим действием, которое удивительным образом вновь превратило пьесу в единое художественное целое, и зритель увидел на сцене оживший

⁵ Текст сценической редакции Р. Нёльте был любезно предоставлен автору статьи архивом театра «Байришес штатшауспиль».

«Вишнёвый сад» – один из лучших спектаклей по Чехову на немецкой сцене. Постановка Нёльте способствовала формированию обновлённой картины восприятия «немецкого» Чехова в 1970-е гг., не только как великого писателя прошлого, но и основоположника новой драмы.

Данный пример иллюстрирует, как текст перевода через трансформации в рамках языка перевода приводится в соответствие с режиссёрской концепцией понимания пьесы, т.е. в результате он содержит в себе одну собственную «идеальную» постановку и находит свое органичное воплощение на сцене.

Но влияние постановки или, точнее, «идиолекта режиссера» на перевод не обязательно должно повлечь за собой его радикальные изменения, подтверждением этому служит другой опыт сценического воплощения чеховских пьес в Германии.

В 1984 г. на сцене западно-берлинского «Шаубюне» чеховские «Три сестры» поставил возглавлявший с 1970 г. этот театр Петер Штайн. В 1989 г. он представил немецкой публике свою постановку «Вишневого сада». Проявлявший живой и последовательный интерес к русскому театру Штайн в своем творчестве продолжал и развивал традиции режиссуры К.С. Станиславского. Основными отличительными чертами его спектаклей по Чехову являлись скрупулезно разработанная психология персонажей, тщательно воссозданная в костюмах, декорациях и звуковом оформлении атмосфера места действия и подчеркнута реалистический стиль игры. Присутствовавшие на постановках Штайна критики описывали свое впечатление от созданного режиссером «театра настроения», подчеркивали глубокую проработанность деталей и тем в каждом характере [Rischbieter, 1984, S. 14-15].

В этом контексте совершенно неслучайным выглядит выбор режиссером в качестве основы для своих постановок немецких переводов, которые по оценкам многих специалистов выделяются именно своей филологической точностью по отношению к оригиналу и одновременно беглым и естественным немецким языком. Режиссер отдал предпочтение переводам Г. Дювель, но дополнительно к работе привлекались и переводы П. Урбана. Более того, Штайн много сам работал с переводчицей, выверяя каждое слово перевода с точки зрения его значения для постановки. Спектакль по пьесе «Три сестры» длился около четырех часов в связи с тем, что чеховский текст не подвергался сокращениям и иным трансформациям.

Штайн, который сам перевел «Дядю Ваню» на итальянский язык, следующим образом сформулировал основную задачу, стоящую перед переводчиком Чехова: «Важно <...> не усложнять то, что у самого Чехова предельно просто, и, прежде всего, если у Чехова повторяются слова и предложения, они должны повторяться и в переводе, чтобы сохранялась художественная структура и авторская манера. Иногда это сложно сделать, т.к. в некоторых контекстах другие слова и словосочетания звучат лучше. Но именно над этим нужно работать, чтобы добиться более-

менее хорошего звучания при сохранении художественной структуры. Это самое важное, иначе ничего не будет понятно» [Stein, 2004].

Таким образом, выбранные режиссером для своей постановки переводы Г. Дювель соответствовали концепции спектакля и служили еще одним средством создания у зрителя иллюзии «аутентичной» атмосферы «чужого» места и времени, так называемого эффекта остранения. В постановках переводы полностью реализовали свой сценический потенциал, при этом не претерпев сколь-нибудь значительных трансформаций, т.к. выражали одновременно точку зрения и переводчика и режиссера.

Большой успех постановок Штайна в Германии способствовал тому, что переводы Дювель стали в дальнейшем использоваться в постановках чеховских пьес другими известными немецкими режиссерами. В частности режиссер Андреа Брет использовала перевод «Чайки» в своей постановке на сцене «Шаубюне» в 1995 г.

Наконец, совершенно иным образом сценичность реализована в переводах чеховских пьес, выполненных драматургом, поэтом, режиссером и переводчиком Шекспира, Чехова, Горького на немецкий язык Томасом Брашем [Anton Tschechows Stücke, 1985]. В истории рецепции драматургии Чехова его переводы привлекают внимание уже потому, что являются достаточно редким случаем прямого посредничества между немецким театром и чеховским текстом. В связи с этим редактор журнала «Театер хойте» в послесловии к опубликованным в 1985 г. переводам Браша с удовлетворением отметил, что «драмы Чехова спустя 80, 90 лет после их создания впервые были переведены на немецкий язык автором, пишущим для театра» [Rischbieter, 1985, S. 363].

Интересный повод для размышлений предоставляют также интервью, данные Брашем немецкой театральной прессе, которые позволяют судить как о глубоком осознании им проблемы театра Чехова в Германии, так и об особом переводческом подходе к каждой из пьес русского драматурга [Hanf, 2009].

В предисловии к изданию Браш разъясняет общую концепцию своего обращения к пьесам Чехова и ставит перед собой следующие цели: «перевести пьесы Чехова, истории иностранного (досл. «чужого») писателя, <...>, не отчуждая их от Чехова, <...> не меняя их вопреки автору»; «учиться на чужом сюжете для своих сюжетов»; «выявить в дне вчерашнем корни сегодняшнего, узнать в чуждости другой культуры гримасу своей»; «подчеркнуть все общее, не стирая различий» [Anton Tschechows Stücke, 1985, S. 7].

Браш также сразу заявляет об активной интерпретаторской позиции, определяя свой перевод как место встречи, пространство диалога двух драматургов (eine Begegnung zwischen zwei Theaterschriftstellern). Последний важный момент в предисловии касается прагматической функции перевода в принимающей культуре. Переводчик видит ее в том, чтобы, с одной стороны,

«ответить на запросы нового поколения актеров и зрителей», но, с другой, «вселить в них неуверенность», т.е. речь идет об актуализации оригинала в новом, «чужом» с точки зрения места и времени контексте.

Примечательно, что идею перевода как культурного трансфера обосновывает в переводе «Вишневого сада» Браша студент Трофимов, в уста которого переводчик вкладывает следующую сентенцию: «Дословного перевода мало. Нужно добавлять что-то *свое*, иначе никто ничего не поймет. Иногда так случается: чем точнее, тем неправильнее. В конце концов, это две культуры: немецкая и русская» (Курсив здесь и далее мой – Д.А.) [Tschechow, 1985, S. 81].

За этим добавлением к чеховскому тексту, безусловно, стоит и критика предшествующей традиции перевода пьес русского драматурга на немецкий язык. Браш не разделяет в ней пассивного следования оригиналу, которое только воспроизводит чужое понимание жизни, чужое течение мыслей, но не вступает с ними в диалог с позиции своей ситуации. Такая «беспристрастность» немецких переводчиков привела, по мнению Браша, к тому, что, начиная с постановок «по-Станиславскому» (первые гастроли московского театра состоялись в Германии в 1906 г.) Чехова в Германии переводят как «русское клише» или как клише «русской драматургии», вместо того, чтобы сблизить его с традицией современной европейской драмы: «переводится дистанция (Entfernung) вместо близости (Nähe)» [Hanf, 2009, S. 132]. Переводчик связывает это с необъяснимым общим стремлением немцев к «мистификации русского народа», в результате которой немецкие представления о России со временем закрепились в таких неуловимых и необъяснимых формулах, как «русская душа», подчеркивающих перспективу взгляда *другого* на русскую культуру.

Браш подчеркивает, что переводы Чехова, являясь неотъемлемой составляющей истории восприятия его творчества в Германии, закономерно стали частью общего немецкого дискурса о России, одновременно и формируя его, и испытывая на себе его влияние. Переводчик много внимания уделяет проблеме восприятия немцами русского языка как чужого кода, сквозь который прочитывается и язык пьес Чехова. «Неопытный немецкий слух» улавливает в нем сразу массу настроения, тоски и сентиментальной чувствительности, также навязанных театром Станиславского и ставших стереотипом в немецком восприятии Чехова, – утверждает Браш и предлагает свое новое, современное видение чеховских пьес.

Уточним, что в данном случае речь идет о переводах-*обработках* пьес Чехова, для которых часто изначально характерна довольно условная связь с оригиналом, а акцент сделан на сценичности текста перевода, т.е. возможности быть воплощенным на сцене. И в первую очередь здесь возникает вопрос об объеме текста, который, как правило, не укладывается в рамки времени, отведенного на спектакль. В одном из своих интервью Браш прибегает к анатомической метафоре,

сравнивая простые вычеркивания текста с «ампутацией отдельных частей организма», т.е. оригинала, и говорит о необходимости создания в переводе «целостного организма, в котором возможно и появление чего-то нового» [Hanf, 2009, S. 89]. Поэтому немецкий драматург не столько переводит, сколько ищет «пути трансфера» (Transportwege) [Anton Tschechows Stücke, 1985, S. 7].

К основным трансформациям, которые претерпел текст чеховских пьес в переводе Браша можно отнести следующие. Во-первых, это кардинальное изменение рисунка высказывания: сокращение семантических повторов (перечислительных рядов) внутри реплик, что делает схему высказывания простой, стянутой, отсутствие таких знаков препинания, как восклицательный и вопросительный знак, придающих высказыванию эмоциональность и обозначающих их обращенность к себе или другим персонажам. В переводе речь персонажей во многом перестает характеризовать их внутреннее состояние, возникает ощущение, что текст ими не проговаривается, не проживается, а механически прочитывается. Происходит заметная смена общего ритма. Он становится более однообразным, повторяющимся, что на наш взгляд связано с тем особым вниманием, которое переводчик уделяет теме времени в чеховской пьесе.

Во-вторых, меняется тональность речи чеховских персонажей, все они выражаются порой откровенно грубо и вульгарно. Например, в «Дяде Ване» Астров «целый день вкалывает» (habe ich geschuftet wie ein Vieh) и называет Елену Андреевну «бабой» (немецкое *das Weib* в современном немецком языке носит стилистически сниженный оттенок). Сама Елена Андреевна, говоря об Астрове как о человеке редкой породы, добавляет «в стране, полной идиотов» (*im Land, voll von Idioten*). Войницкий с утра «напивается» (*und fange schon morgens an, zu saufen*) и говорит Елене Андреевне вместо «Не люблю я этой философии» «Эта философия мне осточертела» (*Diese Philosophie kotz mich an*).

Как объясняет переводчик, этим он стремится показать «всю остроту манеры выражения и обращения, цель которой ударить побольнее, ибо только так можно спровоцировать хоть какую-то форму коммуникации, хотя бы защитную реакцию в ситуации конца, типичной для всех пьес Чехова» [Hanf, 2009, S. 133]. Через погружение персонажей в совершенно иную языковую реальность и через своего рода гиперболизацию чеховского приема Браш пытается определить сегодняшний мир, в котором чеховское «все враздробь» многократно усугубилось. В связи с этим в его переводе значительно ослабляются или исчезают совсем общие для всех чеховских персонажей образно-смысловые мотивы «душа», «сердце», «красота», «счастье», «чистота».

Третий принцип работы Браша с чеховским текстом заключается в целенаправленном усилении комедийного характера пьес, который, по его мнению, не нашел своего адекватного воплощения в немецком театре. Для Браша важно, чтобы зритель рассмотрел в чеховских

персонажах «карикатуры, которые прячутся за приукрашенными лицами», узнал «гримасы, которые являются единственным способом хоть как-то существовать» [Hanf, 2009, S. 178].

Таким образом, переводы Браша представляют собой адаптацию как попытку создания в немецкой культуре актуального чеховского текста, который активно взаимодействует с современной немецкой реальностью и языковой ситуацией, с современным кризисным состоянием общества, отражает присущий ему в данный момент тип мышления и коммуникации. В этом смысле Браш открывает для немецкого читателя и зрителя универсальность конфликта в чеховских пьесах, его непреходящее значение, стирает временную и пространственную границу между персонажами русской провинции 19 в. и людьми, живущими в Германии в конце 20 в.

Вместе с тем значительные трансформации оригинала в переводе связаны с попыткой переводчика вписать чеховские пьесы в «свою» театральную эстетику. Во-первых, это эстетика эпического театра Брехта. Перевод Браша явно ориентирован на принцип отстраненного, рефлексивного восприятия чеховского текста как зрителем, так и актером. Такая отстраненность способствует критическому восприятию, взгляду немецкого читателя и зрителя на себя со стороны.

Во-вторых, отвлеченное рефлекслирующее начало в переводе связано с актуализацией переводчиком чеховской драматургии в контексте эстетики театра абсурда. Пассивность чеховских героев в переводе иногда граничит с полным оцепенением и автоматизмом. В этом же направлении «работает» и переосмысление переводчиком принципов чеховского комизма: через введение новых образов и мотивов подчеркивается фарсовость, кукольность, марионеточность персонажей. В связи с этим переводы Браша выбирают для постановок современные немецкие режиссеры, которые прежде всего пытаются приблизиться в своих постановках к жанру, обозначенному самим Чеховым как комедия. Так, например, в постановке К. Тальбах чеховской «Чайки» (театр Максима Горького в Берлине, 2000 г.) гротеск практически затеняет драматическое начало пьесы.

Список литературы

- Anton Tschechows Stücke.* Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1985. 368 S.
- Bednarz K.* Theatralische Aspekte der Dramenübersetzung. Dargestellt am Beispiel der deutschen Übertragungen und Bühnenbearbeitungen der Dramen A. Chechovs / K. Bednarz. Wien: Verlag Notring, 1969. 299 S.
- Fischer-Lichte E.* Die Inszenierung der Übersetzung als kulturelle Transformation / F. Fischer-Lichte, F. Paul, B. Schulze, H. Turk // Soziale und theatralische Konventionen als Problem der Dramenübersetzung. Forum Modernes Theater. Bd. 1. Tübingen: Narr, 1988. S. 129-144.
- Hanf M.* Thomas Brasch. "Ich merke mich nur im Chaos". Interviews 1976-2001 / T. Brasch, M. Hanf, A. Maennel. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2009. 316 S.

Kissel W.-St. Čechovs Kosmos. Theater, Raum und Zeit. Köln / W.-St. Kassel. Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2012. 284 S.

Melchunger S. Über Änderungen bei Klassikern / S. Melchunger // Theater heute. Heft 13. 1968.

Noelte R. Der rote Kirschgarten: wie die Übersetzer und Kritiker Tschechow verfälschen, um aus ihm einen Vorläufer des Kommunismus zu machen /R. Noelte // Die Welt. 9.10.1971.

Reich-Ranicki M. In Sachen Noelte und Tschechow / M. Reich-Ranicki // Die Zeit.18.6.1971.

Rischbieter H. Nachwort / Anton Tschechows Stücke. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a.M. : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 362-367.

Rischbieter H. Museum der Sentimentalität / H. Rischbieter // Theater heute. Heft 3. 1984.

Rischbieter H. Tschechow- Forderungen / H. Rischbieter // Theater heute. Heft 3. 1968.

Stein P. Theater ohne Revolte. Der Regisseur im Gespräch mit Barbara Lehman über den russischen Klassiker Tschechow und die gegenwärtig in Deutschland vorherrschende Bühnenmode / P. Stein // Die Zeit. 15.07.2004.

Turk H. Konventionen und Traditionen. Zum Bedingungsrahmen der Übersetzung für das Theater oder für die Literatur / H. Turk // Literatur und Theater. Traditionen und Konventionen als Problem der Dramenübersetzung. Forum Modernes Theater. Bd. 4. Tübingen: Narr, 1990. 317 S.

Остахова Т.А.
Университет г. Мессина
г. Мессина (Италия)

Чащичнова Д.В.
Лицей «Дж. Сегвенца»
г. Мессина (Италия)

Ostakhova Tatiana
University of Messina
Messina (Italy)

Chashchinova Dina
Secondary School "G. Seguenza"
Messina (Italy)

*ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНОВ АНДРЕА
КАМИЛЛЕРИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

LEXICAL-SEMANTIC ISSUES IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF ANDREA CAMILLERI'S NOVELS

Современный итальянский писатель с сицилийскими корнями, Андреа Камиллери, получил мировую известность благодаря серии детективов о комиссаре Монтальбано. Особенностью идиостиля Камиллери является оригинальный язык, созданный самим же писателем на базе неостандартного итальянского, сицилийского диалекта и регионального диалекта г. Агридженто. Проблематика перевода романов заключается в языковой вариативности (на диатопическом, диастратическом и диафазическом уровнях) и ярко выраженной этноцентричности текстов (действия происходят в самом вымышленном из самых типичных сицилийских городов – Вигате). В статье поднимается вопрос о переводимости произведений писателя на семантическом уровне. При анализе корпуса примеров из романов *Похититель школьных завтраков (Il ladro di merendine)*, *Голос скрипки (La voce del violino)* и *Форма воды (La forma dell'acqua)* рассматривается реализация переводческих стратегий по отношению к передаче на русский язык четырех аспектов: денотативного, сигнификативного, аксиологического и мотивационно-прагматического.

Andrea Camilleri, a contemporary Italian-Sicilian writer, is world famous thanks to the series of detective novels about Inspector Montalbano. The original language, created by himself and based on the Italian neo-standard, Sicilian dialect - mainly the one spoken in Agrigento - is the peculiarity of Camilleri's style. The translators often have to face with the linguistic variation (on the diatopic, diastratic and diaphasic levels) and cultural context in his books. The article deals with the problems related to the translation of Camilleri's works (*Il ladro di merendine*, *La voce del violino*, *La forma dell'acqua*) on a semantic level and how the following main aspects (denotative, significant, axiological and pragmatic) are rendered by Russian translators.

Ключевые слова: Андреа Камиллери, вариативность, этноцентричность, перевод, семантика.

Key words: Andrea Camilleri, variation, cultural context, translation, semantics.

Язык неразрывно связан с культурой страны, и перевод любого произведения сопряжен с проблематикой передачи особенностей культурно-специфической лексики одного языка на

другой. Для правильной интерпретации реплик персонажей, игры слов, экстралингвистического контекста, необходимы знания о культуре страны языка оригинала. При переводе романов Андреа Камиллери, современного итальянского писателя с сицилийскими корнями, переводчики сталкиваются с проблемой передачи языковой вариативности и ярко выраженной этноцентричности текстов.

В наши дни Камиллери широко известен в Италии и во всем мире, хотя начало литературной карьеры успеха не предвещало. Его первый роман, *Порядок вещей (Il corso delle cose)*, написанный в 1968 г., издатели не печатали в течение десяти лет по причине чрезмерного употребления диалектной лексики. И лишь после выхода в 1994 г. первого детектива о комиссаре Монтальбано, *Форма воды (La forma dell'acqua)*, о Камиллери узнали и заговорили как о настоящем литературном феномене. Увлекательный сюжет детективных романов способствовал пониманию стилизованного варианта сицилийского диалекта в контексте повествования на литературном итальянском. Столь оригинальный и смелый лингвистический эксперимент принес писателю популярность среди читателей и признание критиков, а изучению его идиостиля посвящены многочисленные труды итальянских и зарубежных исследователей.

В основе языка произведений Камиллери лежит сицилийский диалект, на котором долгие годы разговаривали в семье писателя, однако не следует искать с ним лингвистического сходства. Речь идет об искусственно созданном языке на базе нестандартного итальянского, сицилийского диалекта и регионального диалекта г. Агридженто (вариативность на диатопическом уровне), с использованием просторечных слов (вариативность на диастратическом уровне), разговорной лексики и официально-делового стиля (вариативность на диафазическом уровне).

Выбор в пользу диалекта мотивирован утверждением Камиллери о том, что писать надо на языке, на котором думаешь⁶. Именно языком своих мыслей писатель и пытается выразить то, что для него представляет Сицилия, являющаяся «не просто географическим понятием, а состоянием души»⁷. Свое состояние души герои романов передают на языке, которого требует ситуация, душевный настрой, к чему обязывает социальное положение или же просто на том, каким они владеют.

Лингвистический аспект в произведениях Камиллери является одной из важных составляющих успеха. Следует отметить, что процентное соотношение диалектных слов, используемых автором в тексте, зависит от жанра произведения (исторический рассказ, детектив) и претерпевает эволюцию по нарастающей. В ранних детективах диалектизм встречается

⁶ Come la lingua racconta chi siamo. Andrea Camilleri e Tullio De Mauro. [Электрон. ресурс] Editori Laterza, 8.11.2013. – Режим доступа: <http://www.laterza.it>.

⁷ Синьор детектив Андреа Камиллери. Интервью И. Баранчевской. [Электрон. ресурс] Рим, 2005. – Режим доступа: <http://www.mecenat-and-world.ru>.

меньше, и они обычно поясняются в тексте или в словниках. В более поздних их частотность возрастает, но италоязычному читателю не составляет труда понять их значение из контекста. Для исторических романов характерно преобладание литературного итальянского, представленного разнообразием стилей, от официально-делового и разговорного до просторечья. Столь ярко выраженная вариативность языка ставит перед переводчиком много задач, и найти удачное решение порой является непростой задачей. В связи с этим, в качестве основной проблемы при переводе текстов Камиллери, исследователями и переводчиками рассматривается возможность передачи диалекта. Во многом это связано с подходом к данному вопросу самого автора:

Думаю, что мой лингвистический выбор в какой-то степени обязывает переводчика. Иными словами, думаю, что с ним нельзя не считаться. Скажу точнее, думаю, что этот эксперимент невозможен, или же возможен, но надо оценить степень его реализации. Можно легко перевести на итальянский язык, и с итальянского перевести на любой другой. Но думаю, что это не совсем корректно по отношению к автору. Считаю, что надо непременно сделать попытку и найти эквиваленты, насколько это возможно (перевод наш – Т.О. и Д.Ч.)⁸.

В переводах на романские языки при передаче вариативности языка и диалектной маркированности текстов переводчики использовали метод переноса стилистических эффектов с диалектного уровня на диалектический или диастратический, либо передавали сицилийский диалект диалектом в языке перевода. Так, во французском языке сицилийский диалект заменен лионским (D. Vittoz)⁹ или вкраплениями франситанского региолекта (S. Quadrupanni)¹⁰, в то время как в каталанском переводе (P. Vidal)¹¹ неостандартный итальянский передается каталанским языком, а для диалектов (сицилийского, миланского, римского, туринского, флорентийского) используются другие региональные диалекты. По отношению к славянским языкам вопрос о вариативности затрагивается в меньшей мере. Попытки стилизации идиолекта некоторых персонажей и синтаксиса были предложены в переводах на русский язык (Е. Солонович) и на польский (M. Woźniak, S. Kasprzysiak)¹².

⁸ Tomaiuolo S. "I am Montalbano/Montalbano sono": Fluency and Cultural Difference in Translating Andrea Camilleri's Fiction / Journal of Anglo-Italian Studies, Vol. 10. Msida: University of Malta, 2009. p. 208.

⁹ Titus-Brianti G. Norme et variation dans les traductions de Camilleri, Diversité et Identité Culturelle en Europe (DICE). 2013, vol. 10. № 2. pp. 149-170.

¹⁰ Там же.

¹¹ Briguglia C. Riflessioni intorno alla traduzione del dialetto in letteratura. Interpretare e rendere le funzioni del linguaggio di Andrea Camilleri in spagnolo e in catalano. Intralinea. Special Issue: The Translation of Dialect in Multimedia. [Электрон. ресурс] 2009. – Режим доступа: <http://www.intralinea.org/specials/article/1706>.

¹² Kłos A. Le interpretazioni dell'alterità nelle traduzioni polacche della serie di Montalbano di Andrea Camilleri. Kwartalnik Neofilologiczny, LXI, 2/2014. p. 425.

Однако, помимо языковой вариативности, одной из трудностей перевода произведений Камиллери является передача культуры и внеязыковой действительности. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть проблематику перевода романов писателя на семантическом уровне, опираясь в этом на рассуждения Т.Б. Радбиля о переводимости культууроориентированных текстов. При определении семантических параметров, делающих возможным перевод, Радбиль предлагает учитывать многоуровневый характер смысла переводимого выражения и выделяет три базовых семантических уровня, условно соответствующих категориям «мир» (некий «прототипический мир», включающий определенную систему ценностей и мотивационно-прагматических установок), «язык» (система естественного языка и стилей эпохи) и «текст» (общие принципы текстопорождения (наррации) и рецепции текстов, принятых в данной культуре) [Радбиль, 2012, с. 7]. Данные семантические уровни взаимосвязаны, и «степень переводимости на одном из них тесно влияет на переводимость на другом. Следовательно, стратегия перевода логически может быть представлена как система выборов переводчика, формирующая предпочтения переводимости на том или ином уровне» [Радбиль, 2012, с. 17].

При анализе корпуса примеров из романов *Похититель школьных завтраков* (*Il ladro di merendine*), *Голос скрипки* (*La voce del violino*) и *Форма воды* (*La forma dell'acqua*)¹³ предлагаем рассмотреть реализацию переводческих стратегий по отношению к категории «мир». Согласно Радбилю, переводимость на данном уровне складывается из максимально адекватной передачи четырех аспектов: денотативного, сигнификативного, аксиологического и мотивационно-прагматического [Радбиль, 2012, с. 7].

Романы Камиллери этноцентричны не только по отношению к другим культурам, но и в рамках культуры одной страны, так как представляют Сицилию во всем многообразии ощущений, в частности, вкусовых. Реалиям сицилийской кухни отводится особое место, и это ставит переводчика перед выбором: идти по пути доместикации термина и переводить его средствами родного языка, или же придерживаться форенизации и давать пояснения в ссылке. Многие кулинарные термины уже давно вошли в русский язык и успешно освоены, в то время как более специфичные еще требуют пояснений. Кулинарная лексика романов Камиллери в переводах на другие языки воспроизводится преимущественно в транскрипции и сопровождается комментариями. В русских изданиях приходится часто сталкиваться с доместикацией реалий, как в случае с *pane e panelle* (типичная уличная еда г. Палермо), когда переводчик (Денисевич) исключает из текста этот элемент национального колорита, заменяя более нейтральными

¹³ Далее для романов будут приняты следующие сокращения: *Il ladro di merendine* (LM), *La voce del violino* (VV), *La forma dell'acqua* (FA), *Похититель школьных завтраков* (ПШЗ), *Голос скрипки* (ГС), *Форма воды* (ФВ).

пончиками.

- (1) а) [...] e puoi andartene a vendere **pane e panelle**¹⁴ all'angolo di una strada [LM, p. 223].
б) [...] а ты можешь собирать свои манатки и отправляться торговать **пончиками** [ПШЗ, с. 271].

Даже если на денотативном уровне идея передана (в контексте данная реалия означает: со дня на день окажешься без работы, и тебе не останется ничего другого, как стать уличным торговцем), у русскоязычного читателя может сложиться другое представление о сицилийской уличной еде, ничем не отличающейся от русской. В данном случае, более корректным по отношению к автору, ревностному ценителю сицилийской кухни, представляется вариант транскрипции и пояснительной сноски *пане и панелле* (булка с лепешками из муки турецкого гороха).

Интересным примером перевода на сигнификативном уровне является использование автором при описании журналиста телеканала «Ретелибера» Николо Дзито, придерживающегося левых взглядов, двух тропов – метонимии и метафоры. В выражениях *rosso di pelo e di pinsèro* и *del rosso, di pelo e di idee* (дословно: красный по отношению к волосам и к идеям) прилагательное *rosso* сначала употребляется в метонимическом значении (*rosso di pelo*) при указании на часть (волосы) целого (тела), а затем используется в качестве метафоры *rosso di pinsèro* (красные идеи), где красный цвет означает левую политическую ориентацию. Таким образом, в итальянском языке оба тропа служат одновременно для создания портретной и идеологической характеристик персонажа.

- (2) а) [...] nella quale lavorava il suo amico Nicolò Zito, **rosso di pelo e di pinsèro** [LM, p. 51].
б) [...] где работал его друг Николо Дзито, **красный внутри и снаружи** [ПШЗ, с. 57].
- (3) а) Sicché, col governo che c'era in quel momento, dato che “Retelibera” era da sempre orientata a sinistra, le due emittenti locali si sarebbero noiosamente assomigliate se non fosse stato per l'intelligenza, lucida e ironica, **del rosso, di pelo e di idee**, Nicolò Zito [VV, p. 35].
б) Так что с нынешним правительством и по причине левизны «Свободного канала» обе станции были бы до скуки похожи одна на другую, если бы не ясный и ироничный ум **«красного изнутри и снаружи»** Николо Дзито [ГС, с. 41].

Во втором и третьем примерах переводчики (Денисевич и Чемогина) используют кальку с

¹⁴ Здесь и далее анализируемые слова в примерах выделены нами – Т.О и Д.Ч.

итальянского (красный внутри/изнутри и снаружи), что влечет за собой расхождение на интерпретационном уровне. Прежде всего следует отметить, что эквивалент коллокации *capelli rossi* в русском языке – рыжие волосы. Таким образом, в языке оригинала на денотативном уровне перед нами человек с рыжими волосами, разделяющий левые идеи, а в русском передается лишь идеологическая установка, в то время как концептуальная схема *красный снаружи* не вполне ясна. Наиболее удачным является вариант перевода Кондюриной, которой удалось обыграть цвет волос и воссоздать замысел автора, сохранив при этом параллели на метонимическом и метафорическом уровнях:

- (4) а) - Di che colore sono i miei capelli? – spiò Zito in risposta.
- Sono **rossi**.
- Montalbano, io sono **rosso di dentro e di fuori**, appartengo ai comunisti cattivi e rancorosi, una specie in via d'estinzione [FA, p. 83].
б) - Волосы у меня какого цвета?
- Рыжие **с красным отливом**.
- Монтальбано, я **красный изнутри и снаружи**, принадлежу к коммунистам злым и злопамятным, виду вымирающему [ФВ, с. 118].

Рассматривая перевод на аксиологическом уровне (с точки зрения принятых в языковом сообществе оценок, норм, вкусов, закрепленных за тем или иным употреблением, моделью или способом выражения [Радбиль, 2012, с. 9]), хотелось бы остановиться на способах употребления автором диалектной лексики, придающей речи персонажей экспрессивность и маркированность, на примере лексического ряда *ragazza* (ит.) - *picciotta* (сиц.) и *bambino* (ит.) – *picciliddro* (сиц.). Диалектный термин *picciliddro* (*ребенок*) встречается у Камиллери довольно часто, и его вариативность на диалектном уровне не вызывает трудностей при переводе. Удачное, на наш взгляд, решение найдено переводчиками Денисевич (5) и Кондюриной (6), предложившими, соответственно, уменьшительно-ласкательное *парнишка* и просторечное *ребяенок*.

- (5) а) Il figlio di Karima aveva cinque anni; la madre lo lasciava alla vecchiaia tutti i giorni quando andava a lavorare; il **picciliddro** si chiamava François ed era figlio di un francese di passaggio in Tunisia [LM, p. 70].
б) Сыну Каримы было пять лет, мать оставляла его старухе, когда уходила на работу; **парнишку** звали Франсуа, она родила его в Тунисе от какого-то заезжего француза [ПШЗ, с. 80].
(6) а) Nenè, il **picciliddro**, se ne stava vigilante... [FA, p. 13]
б) Нене, **ребяенок**, бодрствовал... [ФВ, с. 13]

Если в вышеприведенных примерах уменьшительно-ласкательный и просторечный оттенки, отсутствующие в оригинале, уместны в контексте фразы, в следующем варианте перевода (7) дополнительный оттенок искажает смысл выражения. Нейтральный с точки зрения экспрессивности сицилийский термин *picciotta* (*девушка*) обогащается в русском переводе эмоционально-оценочной семантикой:

(7) а) Prima dell'ingegnere ho quella **picciotta** di una ventina d'anni [...] [FA, p. 25].

б) У меня перед инженером **девчушка** лет двадцати [...] [ФВ, с. 30].

Толковый словарь русского языка¹⁵ дает определение слову *девчушка* как разговорное и ласковое по отношению к *девочке*. При передаче *picciotta di una ventina d'anni* выражением *девчушка лет двадцати* переводчик использует литоту, стилистическую фигуру явного преуменьшения. Не совсем удачным представляется нам и вариант перевода *пигалица* (8). Это слово, употребляемое по отношению к невзрачному и низкорослому человеку¹⁶, является носителем отрицательной коннотации, которой не наблюдается в оригинале.

(8) а) “Per le visite di condoglianza, dalla porta principale” disse la cameriera **picciotta** e sveglia [...] [FA, p. 102].

б) Для выражения соболезнований – с главного входа, – ответила прислуга –мышленная **пигалица** [...] [ФВ, с. 147].

На мотивационно-прагматическом уровне переводчики порой не уделяют должного внимания переводу слов, внешне похожих на существующие в родном языке, что иногда приводит к ошибочной интерпретации. Так, в случае перевода слова *Dottore* (*доктор*), помимо значения *врач*, в некоторых языках оно обладает национально-культурной спецификой и должно рассматриваться на интерпретационном уровне в контексте культурных и речеповеденческих стереотипов языка оригинала и языка перевода.

Дополнительное коннотативное значение слова *доктор* в русском языке – доктор наук (высшая ученая степень, присваиваемая после защиты диссертации). В Италии обращение *Dottore* принято по отношению к людям с высшим образованием. Еще М.А. Осоргин отмечал, что «В Италии всякий человек из общества должен быть кем-нибудь: avvocato, ingegnere, professore, dottore, deputato, colonnello, tenente, comendatore, maestro и т.д. Человек без титула – человек без уважения...»¹⁷. В соответствии с речевым этикетом и в знак уважения, подчиненные комиссара Монтальбано обращаются к нему почтительно, называя его *Dottore*, что передается на русский

¹⁵ Толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: www.efremova.info.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Перевод – это моя жизнь... Евгений Солонович. Интервью Т. Бек [Электронный ресурс] – 2004. – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru>.

язык калькой *доктор*.

(9) а) **Dottore**, mi perdoni ancora, ma lei proprio comunista comunista è. [VV, p. 67]

б) **Доктор**, еще раз прошу прощения, но вы прямо коммунист какой-то. [ГС, с. 81].

Обращение *доктор* остается неизменным в языке перевода для тех культур, где оно принято и понятно читателю. Для русского языка более приемлемым решением может быть использование должностного титула – комиссар, что и было предложено в романе *Форма воды*:

(10) - **Dottor** Montalbano! [FA, p. 150]

- **Комиссар** Монтальбано! [ФВ, с. 219]

Не меньшие трудности возникают при переводе лексических единиц, имеющих разные значения в зависимости от контекста. Порой для осмысления авторских интенций недостаточно знания дословного перевода, требуется понимание всего объема семантики данного слова. Ярким примером тому может послужить выражение *buonanotte*, используемое в итальянском языке для пожелания спокойной ночи. Произнесенное с определенной интонацией в разговорной речи, это выражение может приобретать образное значение нежелания продолжать беседу и означать: до свидания, разговор окончен.

(11) а) Vedendo i due, si esibì in un profluvio di parole arabe spesso interrotte da gridolini di testa.

“**E buonanotte!**” commentò irritato Montalbano perdendosi subito d’animo [LM, p. 68].

б) Увидев гостей, она выпустила длинную очередь арабских слов, часто прерываемую кивками.

- И вам **добрый вечер!** – ответил Монтальбано, теряя терпение. [ПШЗ, с. 78]

Не понимая арабского языка, комиссар Монтальбано выражает свою раздражительность ироническим восклицанием *E buonanotte!*, что в контексте означает: ну вот и поговорили (перевод наш – Т.О. и Д.Ч.). Выбор переводчиком выражения *добрый вечер* мог бы быть оправданным в совершенно иной ситуации, при приветствии или при прощании, однако при встрече со старушкой комиссар вовсе не приветствует ее. Именно контекст помогает понять имплицитный смысл высказывания и избежать ошибочной интерпретации.

Таким образом, при передаче прототипического мира любого произведения важно провести семантико-прагматический анализ текста, принимая во внимание лингвоспецифичность текста на всех уровнях. Помимо владения языком (а в отношении романов Камиллери и диалектной лексикой), необходимы фоновые знания, помогающие интерпретировать коммуникативные ситуации иноязычного текста, знание принятых в культуре норм, речеповеденческих стереотипов, скрытых смыслов, заложенных автором. Перед переводчиком ставится широкий спектр задач, ведь именно он выступает посредником соприкосновения двух культур, сближает читателя и

писателя. Согласно Ф. Шлейермахеру, рассматривающему разные методы подхода к переводу, в распоряжении переводчика две стратегии: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю»¹⁸. В первом случае переводчик заставляет читателя воспринимать текст и его автора как принадлежащих другой культуре. Во втором – заставляет автора снять свое иноязычное облачение и приблизиться к культуре читателя. Какую бы стратегию он ни выбрал, главное, чтобы замысел писателя и дух произведения были донесены до читателя.

Список литературы

- Камиллери А.* Голос скрипки; пер. с ит. Е. Чемогиной /А. Камиллери. М.: Иностранка, 2007. 272 с.
- Камиллери А.* Похититель школьных завтраков; пер. с ит. К. Денисевич /А. Камиллери. М.: Иностранка, 2006. 304 с.
- Камиллери А.* Телефон; пер. с ит. Е. Солоновича /А. Камиллери. М.: Иностранка, 2006. 317 с.
- Камиллери А.* Форма воды; пер. с ит. А. Кондюриной /А. Камиллери. М.: Иностранка, 2004. 252 с.
- Радбиль Т.Б.* Переводимость как феномен межъязыкового взаимодействия / Т.Б. Радбиль // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. 399 с.
- Толково-словообразовательный словарь русского языка* [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: www.efremova.info.
- Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода. / Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. /Ф.О. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2, 2000. С. 127-145.
- Bonina G.* Tutto Camilleri. Palermo: Sellerio editore /G. Bonina, 2012. 630 p.
- Briguglia C.* Riflessioni intorno alla traduzione del dialetto in letteratura. Interpretare e rendere le funzioni del linguaggio di Andrea Camilleri in spagnolo e in catalano / C. Bruglia. [Электронный ресурс] – Intralinea. Special Issue: The Translation of Dialect in Multimedia. – Режим доступа: <http://www.intralinea.org/specials/article/1706>.
- Camilleri A.* Il ladro di merendine / A. Camilleri. Palermo: Sellerio, 1998. 247 p.
- Camilleri A.* La forma dell'acqua / A. Camilleri. Palermo: Sellerio, 1998. 173 p.
- Camilleri A.* La voce del violin / A. Camilleri. Palermo: Sellerio, 1998. 209 p.
- Il caso Camilleri. Letteratura e storia. Introduzione di A. Buttita.* Palermo: Sellerio, 2004. 225 p.
- Kłos A.* Le interpretazioni dell'alterità nelle traduzioni polacche della serie di Montalbano di Andrea Camilleri / A. Kłos. Kwartalnik Neofilologiczny, LXI, 2/2014. pp. 415-429.
- Taffarel M.* Un'analisi descrittiva delle traduzioni dei dialoghi dei personaggi di Andrea Camilleri in castigliano / M. Taffarel. [Электронный ресурс] – Intralinea Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia II. – Режим доступа: <http://www.intralinea.org/specials/article/1843>.
- Titus-Brianti G.* Norme et variation dans les traductions de Camilleri, Diversité et Identité Culturelle en Europe (DICE) / G. Titus-Brianti. [Электронный ресурс] / 2013, vol. 10. № 2. pp. 149-170. – Режим доступа: <http://archive-ouverte.unige.ch/unige:34463>.
- Tomaiuolo S.* "I am Montalbano/Montalbano sono": Fluency and Cultural Difference in Translating Andrea Camilleri's Fiction / S. Tomaiuolo. [Электронный ресурс] / Journal of Anglo-Italian Studies,

¹⁸ Шлейермахер Ф. О разных методах перевода. (Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г.) / М.: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2, 2000. с. 133.

Vol. 10. Msida: University of Malta, 2009. pp. 201-219. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/909417>.

**Плотникова Г.Н.
Гэн Юаньюань**
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
г. Екатеринбург (Россия)

**Plotnikova Galina
Geng Yuanyuan**
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg (Russia)

*СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ*

*DERIVATIONAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF TEACHING FOREIGN
STUDENTS*

В статье рассматриваются типы единиц словообразовательной системы русского языка на основе их функциональной спецификации. С учетом этого параметра выделяются онтогенные, описательные и учебно-методические словообразовательные единицы. В связи с лингвометодическим подходом к каждому типу единиц особое внимание в работе уделяется учебно-методическим единицам, которые направлены на более эффективное усвоение иностранными учащимися словарного состава русского языка и языковой системы в целом. При этом подчеркивается, что определение системы учебно-методических единиц в каждом конкретном случае связано с актуализацией в решении основополагающих проблем лингводидактики: структуры и содержания учебного процесса, отбора языкового материала, выбора методов и приёмов его презентации, контроля за освоением языка и т.д. В статье дается возможный перечень учебно-методических единиц и раскрываются приемы работы с некоторыми из них.

Целенаправленное использование учебно-методических единиц способствует выработке у иностранных учащихся более прочных речевых навыков как в плане восприятия речи, так и в плане ее порождения.

The article discusses types of derivational system of Russian language units based on their functional specifications. According to this parameters, ontogeny units, descriptive units, derivational units end educational-methodical units are distinguished. Also seeing language teaching approach to each type of units, special attention in our work is paid to educational-methodical units, which are aimed at more efficient learning of the vocabulary in Russian and the language system in general for foreign students. It is emphasized that the definition of the system of educational-methodical units in each case is connected with actualization in solving the fundamental problems of linguistic didactics: structure and content of the educational process, selection of linguistic material, selection of methods and techniques of the presentation, control the mastery of the language, etc. The article provides a possible range of educational-methodical units and describes techniques for working with some of them.

For foreign students purposeful usage of educational-methodical units promotes their language skills in terms of speech perception, as well as in terms of its origins.

Ключевые слова: словообразовательная единица; онтогенная единица; описательная единица; учебно-методическая единица; словообразовательное гнездо; словообразовательная парадигма; словообразовательная цепочка.

Key words: derivational unit; unit of ontogeny; descriptive unit; educational-methodical unit; derivational nest;

derivational paradigm; derivational chain.

В настоящее время внимание многих ученых продолжает привлекать описание русского языка с лингвометодических позиций, что связано, с одной стороны, с достижениями в области лингвистики, с другой – со всеобщей глобализацией, затрагивающей и многие аспекты культуры, и с актуализацией в связи с этим вопросов преподавания русского языка иностранным учащимся разных профилей и вариантов обучения.

Проблема описания грамматики в целях обучения русскому языку как иностранному является одной из центральных в исследованиях по лингводидактике. Однако описание словообразования в таком ракурсе занимает в научно-методической литературе довольно скромное место. Между тем лингводидактический подход к словообразовательной системе позволяет найти более эффективные приемы отбора и подачи лексического и грамматического материала, научно обосновать номенклатуру лексических минимумов, определить эффективные пути семантизации производных слов и предупреждения возможных ошибок в речи учащихся, а также повышения уровня владения языком.

Лингвометодический подход к фактам языка вообще и к словообразовательным явлениям, в частности, делает необходимым четко определить единицы языковой системы, которые становятся объектом такого рода исследования.

Вопрос о классификации языковых единиц, связанных с лингводидактическим подходом, в настоящее время не является решенным, поскольку не разработаны пока критерии выделения единиц каждого плана. Учеными рассматриваются под разным углом зрения отдельные единицы и порой без учета специфики уровней и подуровней языковой системы.

Мы считаем целесообразным при описании русского словообразования классификацию единиц в таком плане производить с учетом их функциональной спецификации. Исходя из этого, единицы словообразовательной подсистемы мы подразделяем на 3 типа: онтогенные, описательные и учебно-методические.

Онтогенные единицы – это единицы, рожденные в речи и функционирующие в ней, т.е. представляющие язык как феномен. Их можно характеризовать с трёх сторон. Во-первых, это единицы знаковые, поскольку, с одной стороны, получены в результате абстрагирования от конкретных речевых употреблений, с другой – обладают способностью реализовать свои возможности в различных формах. Во-вторых, они являются соотносительными с определенными системами, уровнями или подсистемами языка. Таким образом, выделенные на каждом языковом уровне основные единицы: фонема, морфема, слово, словоформа, словосочетание, предложение, следует отнести к онтогенным, поскольку каждая из них вычленима из речи и необходима для

построения речевого высказывания.

Отдельные уровни языковых систем представлены определенными онтогенными единицами или их совокупностями. Так, словообразовательная подсистема характеризуется представленностью такими единицами, как морфема и слово, т.к. результатом словопроизводственного процесса является лексема как новая совокупность морфем.

Из двух указанных единиц слово является основной единицей словообразовательного подуровня. И не только потому, что слово – главная единица языка вообще, а морфема обладает лишь относительной самостоятельностью по отношению к слову [Винокур, 1959, с. 420-442], но и потому, что слово – конечный продукт словопроизводственного процесса и его цель. Последнее определяет то обстоятельство, что онтогенной единицей словообразовательной единицы, прежде всего, является производное слово. Именно такое понимание производного слова служило для многих ученых основанием считать его основной единицей словообразовательной системы, правда, без соотнесения его с какой-либо типологией единиц словообразовательной системы [Земская, 2011]. Но, с нашей точки зрения, непроизводные слова тоже следует включить в состав онтогенных единиц словообразовательной системы, рассматривая их во многих случаях как начальную базу словопроизводственного процесса (реальную или потенциальную).

В-третьих, для онтогенных единиц характерна фиксированность, т.е. они бывают представлены в словарях, справочных пособиях. Так, слова как единицы языка, как лексем, представлены в толковых словарях разного рода, а морфемы – в словарях морфем и справочных пособиях.

Описательные единицы – это единицы, обслуживающие определенный этап научного исследования, задачей которого является фиксация результатов эксперимента или наблюдения. В связи с тем, что процесс познания бесконечен и задачи исследований и экспериментов могут быть самые разнообразные, как разнообразен выбор средств, используемых исследователями с этой целью, то система описательных единиц в любой науке не может быть замкнутой. Более того, она может варьироваться не только от целей и задач исследователя, характера использования объекта (берется объект целиком или только его часть, имеющая специфические свойства), но и от его концептуальных установок, опыта практической деятельности. Сфера использования описательных единиц – грамматические труды различного рода: от отдельных умозаключений до монографических или диссертационных исследований.

Отличительной особенностью описательных единиц языка является то, что они не предназначены для конструирования речевого высказывания. Их функция заключается в том, чтобы служить основанием для классификации онтогенных единиц в целях изучения их и описания, а также для выявления взаимосвязи между единицами и их комплексами.

И если главная функция словообразовательной системы, по словам Е.С. Кубряковой, – ономаσιологическая: создание новой единицы номинации, нового наименования, то функция словообразовательных описательных единиц, на наш взгляд, заключается в том, чтобы раскрыть деривационный аспект словарного запаса языка, показывая взаимоотношения между такими лексическими единицами, которые связаны между собой общностью отдельных элементов словообразовательного процесса.

Описательные единицы могут рассматриваться двояко, в зависимости от подхода к языковым явлениям: со стороны анализа и со стороны синтеза.

Однако в зависимости от подхода меняется не только иерархическое устройство единиц, но и их реестр (например, такие единицы, как словообразовательный блок, словообразовательный разряд, словообразовательная категория выделяются только в аспекте словообразовательного синтеза), а также экспликация и акцентация элементов содержательной структуры единиц. Например, для описания гнезда, как и его частей, в аспекте словообразовательного анализа важны следующие моменты: его структура (количественный состав, наполняемость частями речи и принадлежность производных к определенным лексико-семантическим группам), морфемное строения производных слов; характеристика в различных аспектах морфем, участвующих в оформлении производных слов, и некоторые другие. Для описания же гнезда, с точки зрения словообразовательного синтеза, существенным оказывается: учет содержательной стороны исходного слова гнезда; способ образования производных слов; разноаспектная характеристика словообразовательных формантов; словообразовательный потенциал каждого слова в гнезде, структура и характер каждого производного слова и некоторые другие.

Для создания системы описательных единиц возможно уровневое деление их. Уровни строятся с учетом того, что единицы одного уровня служат основанием для выделения (при анализе) и моделирования (при синтезе) единиц следующего уровня. При этом на одном уровне могут оказаться разнокачественные единицы, объединенные функционально-результативным назначением. Кроме этого, распределение одних и тех же единиц по уровням (кстати, условное) может не совпадать при анализе и синтезе. Например, в аспекте анализа можно выделить семь уровней словообразовательных единиц: I – гнезда-генотипы; II – словообразовательное гнездо; III – словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка; IV – словообразовательная пара; V – производное слово, непроизводное слово; VI – словообразовательный формант; VII – способ словообразования. В аспекте синтеза выделяется пять уровней: I – непроизводное слово, словообразовательный формант, производное слово, словообразовательный тип; II – словообразовательная пара, словообразовательная категория, словообразовательный разряд, словообразовательный блок и др.; III – словообразовательная парадигма, словообразовательная

цепь; IV – словообразовательное гнездо; V – гнезда-генотипы.

Отдельные уровни могут представлять открытые ряды единиц, что отвечает, с одной стороны, диалектическому положению о неисчерпаемости знаний об объекте действительности, с другой – о существовании в словообразовательной системе не только реализованных единиц, но и потенциальных. Потенциальные единицы чаще всего представляют собой различные комплексы словообразовательных явлений, которые имеют большое значение как для теоретических изысканий, так и для практического преподавания. Например, ряд единиц, представленных на II уровне (аспект синтеза), может быть продолжен такими, как: словообразовательный класс [Янко-Триницкая, 1957, с. 31], словообразовательная зона [Алтаева, 1985, с. 21], словообразовательный комплекс [Варламова, 1974, с. 69-81] и др.

Под учебно-методической единицей мы понимаем языковое средство (или некоторый комплекс языковых средств), которое используется преподавателем в качестве опоры при выработке умений и навыков речевой деятельности у учащихся. Учебно-методические единицы представляют собой чаще всего различные группировки слов, словосочетаний и предложений, направленные на более эффективное усвоение словарного запаса языка и языковой системы в целом. При этом основанием для таких группировок могут быть как смысловые связи слов (группировки тематико-ситуативного или семантического плана) [Морковкин, 1984, с. 245-544], так и формально-грамматические. Учебно-методические единицы как единицы, предназначенные для усвоения языка, имеют и свою область функционирования – учебные пособия различного характера. Выбор учебно-методических единиц в каждом пособии может варьироваться в зависимости от концептуальной установки автора, а также от потребностей и возможностей учащихся.

Определение системы учебно-методических единиц актуально для решения основополагающих проблем лингводидактики: структуры и содержания учебного процесса, отбора языкового материала, выбора методов и приемов его презентации, контроля за освоением языка и т.д.

Специфической особенностью учебно-методических единиц является их интеримарность, что дает возможность творчески подойти к организации учебного процесса, давая огромное количество вариантов подачи языкового материала. Однако интеримарность учебно-методических единиц предполагает наличие постоянного и устойчивого источника их формирования. Таким источником являются онтогенные и описательные единицы. К онтогенным они тяготеют в силу общей целенаправленности – служить средством развития речи; ко вторым – в силу существования общей сферы их функционирования – учебная деятельность.

Интеримарность учебно-методических единиц обусловлена, прежде всего, тем, что они

создаются из элементов, принадлежащих к различным уровням, подуровням, системам, подсистемам языка, и представляют факты языка в аспекте различных языковых уровней, подуровней, систем и подсистем.

В методическом арсенале можно обнаружить различные группировки слов, используемые с целью более эффективной подачи языкового материала и продиктованные конкретными задачами определенного урока (или цикла уроков), занятия, упражнения и т.д. При этом могут появляться все новые основания группировок или разнообразные модификации их. Например, некоторые ученые выделяют лексико-методическую группу слов как «совокупность слов, объединение и совместное рассмотрение которых обуславливаются требованиями методики». Выделение ее связано с учебно-методической целесообразностью, проявляющейся «в сознании оптимальных условий для адекватной семантизации лексики в процессе обучения» [Кочнева, Луцкая, Морковкин, 1984, с. 47-57].

Выделяются разные типы лексико-методических групп. Прежде всего это лексико-методические группы синонимического и антонимического типов, а также паронимического, страноведческого типов и др.

В качестве учебно-методических единиц могут выступать и такие комплексные единицы словообразовательной системы, как словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо и др. К сожалению, до настоящего времени не раскрыта методическая ценность указанных единиц, что сужает границы их употребления при усвоении словарного запаса языка. Особенно это касается словообразовательного гнезда. Вероятно, сказывается в этом и традиционность в подходе к изучению лексики неродного языка (как в нашей стране, так и за рубежом) – тематическое ее усвоение. Такой подход, основанный на «родстве значений» (В.В. Виноградов), вполне оправдан (особенно на начальном этапе обучения), так как довольно быстро дает результат: учащиеся в скором времени могут составить небольшой связный текст на данную тему. Такой подход позволяет и более широко использовать аудиовизуальные средства в процессе обучения, что способствует повышению интереса к изучению языка. Однако не всегда тематико-ситуативное усвоение лексики оказывается достаточным, так как именно тематическое ограничение усвоенной лексики создает препятствия для более широкого применения языка на основном и высшем этапах обучения, т.е. учащийся оказывается пассивным, если разговор выходит за пределы изученных тем. Поэтому на старших курсах, особенно при обучении студентов-филологов, оправдывает себя, наряду с традиционными методами, усвоение словаря через словообразовательные гнезда, представляющие собой, по словам Виноградова В.В., «совокупность лексических единиц, общность которых по смыслу отражена в общности слов по корню» [Виноградов, 1947]. Этот

метод способствует интенсивному пополнению активного лексического запаса, позволяет свободнее использовать языковые единицы в коммуникативных целях, помогая учащемуся овладеть различными стилевыми разновидностями современного русского языка.

Многие исследователи считают, что лексическое гнездо следует считать основной единицей изучения словаря, что прочность усвоения словаря зависит от степени сформированности словообразовательных моделей и что знакомство с гнездами – это наиболее короткий и рациональный путь овладения лексикой. При этом методе, как и при изучении тематических групп, учащиеся воспринимают лексику тоже в системе, но эта системность иного рода, она позволяет видеть динамику словаря и внутренние механизмы его развития.

При работе с лексическими гнездами можно наметить два типа заданий для учащихся: задания, связанные с готовыми лексическими гнездами, и конструирование новых гнезд. В том и в другом случае можно брать не полное гнездо, а его часть или отдельные элементы (слова одной степени производности, словообразовательные цепочки и т.д.)

Задания первого типа связаны с углублением и активизацией всех знаний в области словообразования, поэтому упражнения с готовыми гнездами можно использовать в различных по степени подготовленности аудиториях, намечая при этом определенные цели. Что касается заданий второго типа, то их следует использовать в более подготовленной в лингвистическом отношении аудитории, так как они требуют от учащихся активного применения знаний.

Способ расширения словарного запаса через словообразовательные гнезда не исключает уже известные способы, а дополняет их.

Практика показывает, что целенаправленная работа с лексическими гнездами предоставляет учащимся широкие возможности и для более глубокого овладения лексико-грамматическим материалом.

С точки зрения методической целесообразности сложные по структуре языковые единицы в целях усвоения членятся на части (блоки), которые подлежат исчерпывающему поочередному или выборочному предъявлению, но такому чтобы выбранные блоки давали представление о структуре усваиваемой единицы и соответствовали целям обучения. Например, при обучении языку учащиеся могут познакомиться с неполным составом словообразовательных парадигм и словообразовательных цепочек в гнездах, это отвечает лингводидактическому принципу минимизации. Такой подход был использован в Школьном словообразовательном словаре А.Н. Тихонова. Для иностранных учащихся такой отбор слов в словообразовательных гнездах еще более актуален.

Таким образом, учебно-методические единицы, формируя навыки использования языкового материала в речи, помогают учащимся раскрыть и усвоить структуру языка в целом.

Список литературы

- Алтаева А.Ш.* Словообразовательные парадигмы сложных прилагательных / А.Ш. Алтаева // Актуальные вопросы русского словообразования: сб. научных статей Самаркандского университета. Ташкент : укиувчи, 1985. С. 17-23.
- Варламова А.А.* Стилистическое использование словообразовательных комплексов в произведениях советских поэтов / А.А. Варламова // Вопросы русского словообразования и формообразования. Грозный, 1974. С. 69-81.
- Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. М : Русский язык, 1947.
- Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избр. работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 420-442.
- Земская Е.А.* Современный русский язык: Словообразование / Е.А. Земская. М. : Просвещение, 2011. 324 с.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. М. : Наука, 1982. 62 с.
- Кочнева Е.М.* Системная организация и систематизация лексики при обучении русскому языку филологов / Е.М. Кочнева, Н.М. Луца, В.В. Морковкин// Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов—филологов. М. : Русский язык, 1984. С. 47-57.
- Янко-Триницкая Н.А.* Производные и непроизводные основы возвратных глаголов / Н.А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. 1957, №4. С. 29-32.

Разумовская В.А.
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica
Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

НАЗВАНИЕ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА

THE TITLE OF RUSSIAN LITERARY TEXT AS A UNIT OF TRANSLATION

Статья посвящена вопросам передачи названия русского художественного оригинала в ситуации межъязыкового и межсемиотического видов перевода. Название рассматривается как единица художественного перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод. Семантические, функциональные и структурные особенности названия как особой области информационного пространства художественного текста определяют выбор стратегий перевода. Материалом настоящего исследования послужили варианты названия романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», созданные в результате перевода текста оригинала на языки мира и других семиотических систем. Многочисленность вторичных текстов романа свидетельствует о существовании обширного центра переводческой аттракции, формируемого текстом оригинала. Анализ существующих названий романа, представленных в иноязычных переводах, а также названий киноверсий и театральных адаптаций, свидетельствует о том, что в передаче названия «сильного» текста русской культуры сочетаются как традиционный (знаковый и смысловой способы), так и новаторско-интерпретационный (стратегия остранения) подходы. Расхождение названия оригинального текста и названий его вторичных вариантов наиболее характерны для межсемиотического перевода. Если традиционное название сохраняет номинацию уникального литературного объекта, то применение стратегии остранения позволяет создать культурно-маркированное название вторичного текста, сигнализирующее читателю о языке и культуре оригинала.

The article deals with the transfer of the title of Russian literary original in the situation of interlingual and intersemiotic translation types. A title is considered as a unit of literary translation, with respect to which the translator makes the decision to translate. Semantic, functional and structural peculiarities of a title as a special area of information space of a literary text determine the choice of translation strategies. The variants of the title of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", created as a result of translation of the original text into the languages of the world and other semiotic systems, are used as the material of the present study. Creation of numerous secondary texts of the novel suggests the existence of an extensive center of translation attraction formed by the source text. The analysis of the existing novel's titles presented in foreign language translation, as well as the titles of film versions and theatrical adaptations, indicates that the transfer of the title of the "strong" text of Russian culture combines both traditional (sense-for-sense and word-for-word translations), and innovative-interpretative (estranging strategy) approaches. The discrepancies between the title of original text and the titles of its secondary variants are most common for intersemiotic translation. If the traditional title preserves the nomination of unique literary object, the application of estranging strategy allows to create culture-orientated title of the secondary text, which permits to inform the reader about the language and culture of the original text.

Ключевые слова: название, информация, межъязыковой перевод, межсемиотический перевод, стратегия остранения, «Преступление и наказание», центр переводческой аттракции.

Key words: title, information, interlingual translation, intersemiotic translation, estranging strategy, "Crime and Punishment", center of translation attraction.

Важная роль в создании информационной «силы» художественного текста и оказании эстетического воздействия на его читателя отводится названию. Находясь в предельно инициальной (и, бесспорно, сильной) позиции, которая всегда графически выделена в пространстве текста, название обладает высокой степенью полифункциональности. Важнейшими функциями названия художественного произведения являются следующие: идентификация текста как уникального эстетического объекта, информирование читателя о содержании последующего основного текста (анонсирование художественного объекта), привлечение внимания потенциального читателя («приглашение» к чтению), создание в ряде случаев эффекта неожиданности. При этом название, как структурно, так и содержательно тесно связано с основным текстом произведения, являясь его неотъемлемой частью. В.А. Кухаренко считает, что название является особым рамочным знаком, который открывает художественный текст и к которому читатель ретроспективно возвращается после окончания чтения. Название – это предельно сжатая свертка целого произведения [Кухаренко, 1988, с. 92]. По образному выражению Р.Р. Чайковского название является визитной карточкой книги [Чайковский, Лысенкова, с. 33]. Название является для читателя первым шагом к восприятию и пониманию художественного произведения. В лингвистике название рассматривается как принципиально двойственная единица речи, ориентированная на номинативную и коммуникативную функции: присваивая имя единственному в своем роде эстетическому объекту – произведению литературы, название указывает на его отличительные признаки формального и/или содержательного свойства [Остапчук, 1998]. Выбор оптимального (наиболее удачного) названия требует от автора текста значительных творческих поисков и когнитивных усилий. Ярким примером трудностей выбора автором названия для своего произведения может служить история выбора М.А. Булгаковым названия «Мастер и Маргарита». Нередко автор в итоге своих многочисленных и долгих попыток создания «хорошего» названия останавливается на очевидно аллюзивном, метафорическом или многозначном варианте, что требует уже от читателя обязательного декодирования семантики названия, постижения и осознания сложного семиотического кода речевого знака. Не вызывает сомнения, что названия представляют и для переводчика определенные трудности, связанные с объективными различиями языков и культур перевода, расхождениями в общественном сознании и литературных традициях, индивидуальными фоновыми знаниями переводчика, а также особенностями идиостиля автора оригинала и его художественного замысла (концепции). И.С. Алексеева считает, что прежде чем предлагать свою версию перевода названия необходимо убедиться «... нет ли в языке перевода уже устоявшегося соответствия. Если нет, название переводится после обязательной консультации со специалистом (литературоведом,

искусствоведом, историком и т.п.), который пояснит смысл названия» [Алексеева, 2001, с. 248].

Предметом настоящего исследования стал роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и ряд его переводческих вариантов. Роман неоднократно становился и продолжает оставаться популярным объектом межъязыкового перевода, что позволяет говорить о существовании обширного центра переводческой аттракции, формируемого художественным оригиналом и его уже существующими и потенциальными переводами [Разумовская, 2011]. «Последнее время, особенно начиная с 1921 года (столетие рождения Достоевского), величайший романист-мыслитель совершает поистине триумфальное шествие не только на западе, но и на дальнем Востоке. Никого из иностранных авторов не переводят с такой тщательностью, никого не переиздают в таком огромном количестве, никого с таким жаром не читают и не изучают, как Достоевского» [Бережков, 2011, с. 203]. Констанс Гарнетт (автор одного из наиболее известных английских переводов «Преступления и наказания») обращает внимание читателей в предисловии к своему переводу на то, что Достоевский является одним из самых читаемых писателей в России. Через сто лет после выхода в свет перевода К. Гарнетт 1914 года можно с уверенностью утверждать, что данный роман и другие произведения Ф.М. Достоевского также стали одними из самых читаемых произведений русской литературы и во всем мире. Так, по данным указателя переводов ЮНЕСКО (Index Translationum) на 1 февраля 2015 года имя автора романа занимает 16 позицию (индекс 2393) среди списка из 50 наиболее переводимых авторов мира. В верхней части обширного списка переводов произведений Ф.М. Достоевского наиболее рейтинговые позиции занимают переводы «Преступления и наказания».

Название романа, бесспорно, отражает основную идею текста: за преступлением неотвратимо последует наказание. Построенное на основе стилистической фигуры контраста (антитезы), название русского оригинала имеет несколько смысловых слоев, что делает лексические единицы «преступление» и «наказание» семантически сложными и многозначными, содержание которых нуждается в декодировании на протяжении всего текста романа и в соответствии с художественным контекстом.

Историография межъязыковых переводов романа берет свое начало в год выхода в свет оригинала (1866 год). Одним из первых иноязычных переводов текста Достоевского стал перевод фрагмента текста романа на французский язык. Первый немецкий перевод был опубликован в 1882 году под названием «Raskolnikow» (переводчик Вильгельм Генкель). Еще несколько переводческих версий романа были выполнены на рубеже веков выдающимися немецкими переводчиками: Гансом Мозером (1888), Е.К. Разиным (псевдоним Элизабет Керрик) (1906) и Германом Рёлем (1912). Перевод Мозера был опубликован под названием «Raskolnikow's Schuld und Sühne». Два других перевода получили название «Schuld und Sühne» («Вина и искупление»),

которое несколько диссонирует со смыслом оригинального текста Достоевского. По данным исследователей, в настоящее время в Германии насчитывается более двадцати полнотекстовых переводов романа [Васильева, 2008]. Часть немецких переводов сохраняют регулярное название более ранних переводов «Schuld und Sühne»: 1925 (В. Бергенгруэн), 1948 (А. Элиасберг), 1952 (Ф. Фриш), 1960 (Р. Хофманн), 1980 (Б. Гиргензон), 1994 (М. и Р. Брёр). В ряде случаев данное название детализируется: «Raskolnikow oder: Schuld und Sühne» (1907, А. Котульски), «Rodion Raskolnikoff» (1908, М. Феофанов), «Raskolnikow: Schuld und Sühne» (1925, Б. Дерек). В 1921 году в свет выходит перевод А. Элиасберга под названием «Verbrechen und Strafe», которое более точно соответствует названию оригинала. Вариант «Verbrechen und Strafe» в дальнейшем использовалось в переводах 1924 (Г. Ярхо) и 1994 (С. Гайер) годов. Интересно отметить, что А. Элиасберг в своем втором переводе 1948 года использует название «Schuld und Sühne».

Практически одновременно роман был переведен на многие европейские языки. Во многих вторичных текстах было сохранено название оригинала: 1883 – шведский перевод («Brott och straff»); 1884 – публикуются первые полнотекстовые переводы на французский («Crime et Châtiment»), норвежский («Forbrytelse og straff») и датские («Forbrydelse og straf») языки; 1885 – голландский перевод («Misdaad en straf»); 1887-1888 – польский перевод («Zbrodnia i kara»); 1889 – венгерский («Bűn és bűnhődés»), и финский («Rikos ja rangaistus») переводы; 1889-1890 – болгарский перевод («Престъпление и наказание»).

В 1889 году в Милане публикуется итальянский перевод романа «Il delitto et il castigo», снабженный уточняющим подзаголовком «Raskolnikoff». Несколько позднее появляются итальянские переводы и с традиционным названием («Delitto e castigo»). Наиболее известным испанским переводом является перевод Хуана Лопес-Морильяса («Crimen y castigo»), который переиздавался более десяти раз с 1985 по 2006 год.

Существует более десяти английских переводов текста Ф.М. Достоевского. Наиболее известными являются переводы, выполненные следующими переводчиками: Ф. Уишоу (1885) – первый англоязычный перевод; Констанс Гарнетт (1914) – перевод, который оставался доминантным более 80 лет; переводческим дуэтом Р. Пивер и Л. Волохонски (1992); О. Реди (2014) – последний на настоящий момент английский перевод. Все известные нам английские переводы также имеют традиционное название «Crime and Punishment».

Роман неоднократно переводился и на восточные языки. Примечательно, что роман стал доступен китайским читателям только в 1945 году, когда был опубликован перевод отрывка романа под названием «Сказки Мармеладова». Данное название соответствует китайской традиции в создании ярких, метафорических названий для произведений художественной литературы. В настоящее время известно более двадцати китайских переводов романа: 1946 (Вэй

Цунву), 1979 (Юе Линь), 1982 (Чжу Хайгуань), 1992 (Чэн Мэйцзюань), 1993 (Фэй Цинь), 1993 (Лю Гэньван), 1995 (Цзан Чжунлунь), 1996 (Тан Юйцян), 1997 (Чжан Тэфу), 1998 (Ши Госюн), 1999 (Жу Лун), 2000 (Чжи Ган), 2000 (Цао Говэй), 2003 (Хуа Айли), 2004 (Ван Ицзе), 2004 (Цэн Сыи), 2005 (Фэн Чжэшэн), 2006 (Лян Яхуй), 2007 (Цай Ваньван), 2008 (Вэнь Ляни), 2010 (Юань Янань), 2010 (Ли Ци). Все китайские переводы имеют одинаковое название – «罪与罚». Историография китайских переводов свидетельствует о том, что с начала 80-х годов XX века практически каждый год (а иногда и два раз в год) в Китае публикуется новый перевод «Преступления и наказания». Тем не менее, в китайской русистике широко представлено мнение о том, что среди русских писателей XIX века Ф.М. Достоевский считается далеким от китайской культуры и он не так популярен среди китайских читателей, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и А.П. Чехов, которые ближе к эстетической и этической традиции Китая [Лю, 2004]. Первый японский перевод романа появился значительно раньше китайского: Роан Утида предложил свой перевод вниманию читателей в 1892 году, что произошло практически одновременно с появлением переводов на основные европейские языки. «Преступления и наказания» на японский язык стал первым переводом текста произведения Ф.М. Достоевского в Японии и был встречен в Стране восходящего солнца с большим интересом: «Жестокие картины жизни, отраженные в русском романе, вызывают интерес даже у тех, кто воспитан на изящной словесности» [Рехо, 1977, с. 21]. Сейчас в Японии существуют девять полнотекстовых переводов романа (данные Ёсикадзу Накамура), имеющих традиционное название «Tsumi to Batsu / 罪と罰». Наиболее известными являются следующие: 1935 (Ёнэкава Масао), 1961 (Кудо Сэйитиро), 1963 (Икэда Кентаро), 1966-67 (Эгава Таку), 2008 (Камэяма Икуо).

Являясь «сильным» текстом русской культуры, роман неоднократно становился объектом и межсемиотического (в понимании и терминологии Р. Якобсона) перевода. Так, в российском кинематографе у большинства киноверсий было сохранено название литературного оригинала: 1909 (режиссёр В. Гончаров); 1913 (И. Вронский); 1915 (режиссер неизвестен); 1969 (Л. Кулиджанов), 2007 (Д. Светозаров, телесериал). В зарубежном кинематографе оригинальное название сохранено в следующих версиях: 1917 («Crime and Punishment», Л. МакГилл, США); 1910-е годы («Il delitto et il castigo», Италия); 1935 («Crime and Punishment», Дж. фон Штернберг, США); 1935 («Crime et châtiment», П. Шеналь, Франция); 1945 («Brott och straff», Х. Фаустман, Швеция); 1951 («Crimen y castigo», Ф. Де Фуэнтес, Мексика); 1953 «Tsumi to Batsu / 罪と罰» (Т. Осаму, манга, которая в Японии считается классикой и включена в школьную программу наряду с романом Ф.М. Достоевского); 1956 («Crime et Châtiment», Ж. Лампен, Франция); 1957 («El gharima waal ikab», И. Эмара, Египет); 1959 («Crime and Punishment», Д. Сандерс, США); 1963

(«Delitto e castigo», А. Маджано, Италия); 1971 («Crime et Châtiment», С. Лоренци, Франция); 1979 («Crime and Punishment», М. Дарлоу, Великобритания, телесериал); 1979 («Crime and Punishment», Великобритания, короткометражный фильм); 1983 («Rikos ja rangaistus», А. Каурисмяки, Финляндия); 1994 («Zločin i kazna», Д. Жаркович, Хорватия); 1994 («Zločin i kazna», Я. Заставникович, Хорватия); 1998 («Crime and Punishment», Дж. Сарджент, США); 2000 («Zbrodnia i Kara», П. Думала, Польша, мультфильм); 2002 («Crime and Punishment», М. Голан, США-Россия-Польша); 2002 («Crime and Punishment», Дж. Джаррольд, Великобритания, двухсерийная адаптация BBC); 2014 («Crime and Punishment», Э. О'Киф, Австралия).

Примечательно, что в киноверсиях романа представлена более высокая вариативность названий по сравнению с иноязычными переводами. Обратимся к примерам: 1911 – «Рассказ Мармеладова» (Россия); 1910-е годы – «Раскольников. Обитатель чердака» (Россия, немой фильм); 1917 – «Raskolnikov» (Венгрия); 1919 – «Родион Раскольников» (Россия); 1923 – «Raskolnikow» (Германия); 1924 – «Paper Parinam» (Индия); 1946 – «Fear» (Зайстер, США); 1973 – «Neramu Siksha / Уголовное наказание» (К. Вишманат, Индия); 1974 – «Jurm Aur Sazaа» (Индия); 1987 – «Elu Suttina Kote / Семь круглых замков» (Индия); 1996 – «The Rockford Files: Punishment and Crime» (Д. Чейс, США); 1988 – «Astonished» (США); 1994 – «Sin compasión / Without Compassion» (Ф Ломбарди, Перу); 1992 – «Schuld und Sühne» (А. Вайда, Германия-Австрия); 1997 – «Crime and Punishment in America» (Д. Рабинович, США); 1998 – «Dostoyevsky's Crime and Punishment» (США); 2000 – «Crime+ Punishment in Suburbia» (Р. Штидт, США); 2004 – «Nina» (Бразилия); 2012 – «Избранник» (Россия); 2012 – «Tsumi to Batsu / 罪と罰: A Falsified Romance» (Япония, фильм снят по мотивам классической манги Т. Оаму 1953 года); 2012 – «Студент» (Д. Омирбаев, Казахстан). 2013 – «Norte: Hangganan ng Kasaysayan / Norte, the End of History» (Л. Диаз, Филиппины). К экранизациям романа критики также относят фильм В. Аллена 2005 года (США и Великобритания) «Match Point». Примечательно, что главный герой Крис Уилтон читает в начале фильма книгу «Преступление и наказание», что обеспечивает очевидность межсемиотической интертекстуальности киноверсии. В России по мотивам драмы Ф.М. Достоевского снят фильм А. Сокурова «Тихие страницы» (1994 год).

Названия театральных версий романа также представлены как традиционным названием, соответствующему художественному оригиналу, так и обнаруживают определенную вариативность: 1890 – «Raskolnikoff» (Германия); 1969 – «Петербургские сновидения» (Россия, театр им. Моссовета); 2006 – «Осколки Раскольникова» (Россия, Вологодский Камерный Драматический театр); 2012 – «PPP» (Россия, театр им. Моссовета).

Рассуждая о более ранних переводах романа на английский язык, Оливер Редли (автор

последнего английского перевода «Преступления и наказания», опубликованного в 2014 году) отмечает желание и готовность некоторых переводчиков «обрусить» английский язык и преувеличить странности русского оригинала [Редли, 2014]. Если мы обратимся к «другим» вариантам названия романа, то использование русских имен героев романа в названиях вторичных текстов и делает такие названия «странными». Наиболее часто в качестве названий вторичных текстов используется имя главного действующего персонажа романа – Раскольников. Данное имя полно глубокого смысла и стало широко известным и за пределами русской литературы и культуры. Можно добавить, что, по мнению Марины Цветаевой, Родион Раскольников является самым известным персонажем во всем творчестве Ф.М. Достоевского. Странность нетрадиционных названий возникает за счет использования культурно-маркированных (ориентированных на культуру оригинала) имен собственных. Русские антропонимы помещены в абсолютно сильную позицию текста, что неизбежно заставляет читателей фиксировать на них внимание. Так, в группу «других» названий попадают примеры изменения «географии» действия романа («Crime and Punishment in America»), изменения графического оформления («Crime+Punishment in Suburbia», «PPP»), эксплицирования имени автора оригинала («Dostoyevsky's Crime and Punishment»), использования уточняющих оценочных высказываний и обозначений чувств и эмоций («Astonished», «Sin compasión / Without Compassion», «Fear», «Tsumi to Batsu / 罪と罰: A Falsified Romance »).

Обращение к роману в рамках культурологического подхода с позиций понятия «культурная информация» позволяет утверждать, что, с одной стороны, в культовом тексте Достоевского представлена ценная информация о культуре России XIX века, а, с другой стороны, сам роман уже давно стал уникальным явлением русской и мировой культуры. Рассматривая переводческие стратегии адаптации культурной информации в рамках регулярной лингвокультурной дихотомии «свой и чужой», Л. Венути определяет культурно-ориентированные стратегии перевода терминами «форенизация» и «доместикация» [Venuti, 2006]. Сравнительно недавно к оппозиции-парадигме Л. Венути была добавлена стратегия остранения [Куницына, 2009]. Как антиманипулятивная стратегия остранение было рассмотрено в предметном поле киноперевода [Корнаухова, 2011]. Интересный материал для наблюдения за приемом (в понимании В. Шкловского) и стратегией остранения в художественном переводе представляет английский перевод поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», выполненный К. Инглишем. Переводчик применяет стратегии культурной адаптации информации гоголевского оригинала, а также широко использует перевод-остранение или перевод-кальку. При таком подходе, предполагающем транслитерацию ряда лексических единиц оригинала, осуществляется этнокультурная идентификация

безэквивалентных единиц и создается эффект остранения, сигнализирующий читателю о том, что перед ним перевод. О.А. Нестеренко пишет: «...если Инглишу и не всегда удастся передать особенности гоголевского языка, то его безусловной заслугой является воссоздание в переводе феномена языка как объекта изображения, языка, обладающего определенной этнокультурной идентичностью». [Нестеренко, 2010, с. 26].

Вариативность названия театральных и киноадаптаций романа Ф.М. Достоевского обусловлена, прежде всего, особенностью творческого процесса перевода литературного произведения средствами таких семиотических систем как кино и театр. Так, автор одной из последних экранизаций романа («Студент») отмечает: «Для меня экранизация — это перевод именно на язык кино, а не снятый на пленку театр или литература. Произведение должно жить собственной жизнью в кинематографической системе координат...» [Омирбаев, 2012]. И именно смена системы координат находит свое отражение в появлении «другого» названия у вторичного текста. Кроме того, чем дальше во времени и пространстве интерпретации романа находятся от оригинала Достоевского, тем больше названия межсемиотических интерпретаций отличаются от названия оригинала («Nina», «Избранник», «Студент», «Norte: Hangganan ng Kasaysayan / Norte, the End of History»). Авторы вторичных текстов переносят действия романа в США, Финляндию, Индию, Казахстан. Герои романа получают новые имена. «Преступление и наказание» является одним из наиболее прецедентных текстов в мировой культуре, генерируя многочисленные вторичные тексты-интерпретации. Тем не менее, сохраненный в переводах (в самом широком понимании данного культурного явления) доминантный смысл связывает все вторичные тексты с оригиналом, что и позволяет говорить о существовании обширного центра переводческой аттракции, в котором наглядно представлена полилингвальность и вариативность «сильного» текста русской культуры.

Наличие как традиционных, так и «других» названий вторичных текстов романа «Преступление и наказание» свидетельствует о том, что название художественного произведения является самостоятельной единицей перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод. Вариативность названий вторичных текстов «Преступления и наказания» обусловлена несколькими причинами. Создавая «другое» название, переводчик имеет своей целью (1) уточнить культурную привязанность оригинала (расширение и уточнение традиционного названия); (2) культурно маркировать текст перевода в целях информирования читателя о том, что перед ним перевод, являющийся прямым результатом трансформации текста другого языка и культуры (использование русских культуронимов); (3) сигнализировать читателю о сюжетных различиях, существующих между оригиналом и переводом (создание полностью «других» названий); (4) соответствовать стилистике традиционных названий литературных произведений

языка и культуры перевода (следовать традициям восточной литературы при переводе западной литературы на языки Востока); (5) продолжить сложившуюся традицию в использовании созданных ранее названий для переводов (название «Schuld und Sühne» в историографии немецких переводов).

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика / И.С. Алексеева. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
- Бережков Ф.* Достоевский на Западе (1916-1928). К 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского / Ф. Бережков // Нева, № 5, 2011. С. 203-229.
- Васильева Т.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01. 01 / Васильева Т.В., 2008. 216с. *Корнаухова Н.Г.* Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием / Н.Г. Корнаухова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 15 (3), 2011. С. 90-96.
- Куницына Е.Ю.* Шекспир – Игра – Перевод / Е.Ю. Куницына. Иркутск: Изд-во ИГЛУ. 2009. 348 с.
- Кухаренко В.А.* Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Лю Вэньфэй.* Перевод и изучение русской литературы в Китае / Вэньфэй Лю // Новое литературное обозрение, № 69, 2004. С. 322-328.
- Нестеренко О.А.* Адаптация и остранение как переводческие стратегии (на примере перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» К. Инглишем) / О.А. Нестеренко // Вестник Томского государственного университета, № 338, 2010. С. 26-29.
- Омирбаев Д.* Лучше читать Абая, чем собираться возле его памятника [Электронный ресурс] / Д. Омирбаев. – 2012. – Режим доступа: <http://seance.ru/blog/kann-omirbaev>
- Остапчук О.А.* Название литературного произведения как объект номинации (на материале русской, польской и украинской литератур XIX-XXвв.): дис. .. канд. филол. наук: 10.02. 03 / Остапчук О.А., 1998. 183 с.
- Разумовская В.А.* «Евгений Онегин» как центр переводческой аттракции: к вопросу о неисчерпаемости художественного оригинала / В.А. Разумовская // Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”. Granada. 7-9 de septiembre de 2011. Granada: Jizo Ediciones, 2011. Pp. 584 - 589.
- Редли О.* Достоевский как русский Диккенс [Электронный ресурс] / О. Редли. – 2014. – Режим доступа: <http://ruskiymir.ru/publications/86293>
- Реха К.* Русская классика и японская литература / К. Реха. М.: Художественная литература. 1987. 352 с.
- Чайковский Р.Р.* Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков / Р.Р. Чайковский, Е.Л. Лысенкова. Магадан: Кордис, 2001. 211 с.
- Venuti L.* Strategies of translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London and New York: Routledge. Taylor and Francis Group. 2006. Pp. 240-244.

Савосина Л.М.
Московский Государственный лингвистический университет
г. Москва (Россия)

Savosina Lyuidmila
Moscow State Linguistic University
Moscow (Russia)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

THE QUESTION OF LINGVODIDACTIC MEANS OF THE TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В докладе раскрывается роль методической разработки урока как одного из дидактических жанров; подчеркивается значимость методической разработки как важного компонента профессионально-педагогического совершенствования преподавателя, эффективного способа улучшения качества обучения.

The report examines the role of methodical development of lesson as a didactic genres; highlighted the importance of education as an essential component of the development of vocational education to improve teaching, effective way to improve the quality of education.

Ключевые слова: гибкая модель обучения, лингводидактические средства, коммуникативная компетенция, педагогические технологии, методическая разработка

Key words: a flexible teaching model, lingvodidactic means, communicative competence, educational technology, metodic development

В связи с новыми требованиями в коммуникативном, социокультурном и технологическом аспектах деятельности преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) расширились и задачи профессиональной подготовки преподавателя РКИ, его лингводидактическая компетенция обогатилась социокультурным и технологическим компонентами.

Преподаватель РКИ в своей практике встречается с необходимостью решать такие профессиональные задачи, как разработка теоретических основ использования средств и методов лингводидактической подготовки преподавателя РКИ в современных условиях его деятельности, анализ и выбор стратегий технологий обучения РКИ, интеграция аутентичных материалов в процессе обучения, управление когнитивными и коммуникативными действиями обучаемых, интерпретация социокультурных феноменов, расширение системы ориентиров текстовой

деятельности, разработка новых форм занятий и т.д. Другими словами, лингводидактическая деятельность преподавателя РКИ, включающая когнитивно-тезаурусный, мотивационно-прагматический, социокультурный и лингводидактический компоненты, строится на интегративной основе, что позволяет преподавателю самостоятельно ставить и решать проблемы методики преподавания РКИ в различных условиях обучения на уровне теоретических, материальных и процессуальных умений.

На наш взгляд, принципиально важным для развития творческой деятельности преподавателя является умение определять и формулировать задачи (познавательные, практические, исследовательские, творческие и др.) на основе анализа дидактической ситуации. По мнению методистов, лингводидактические задачи должны носить инвариантный типологический характер. Выделяют задачи языкового и коммуникативного планов деятельности. Напомним, что задачи языкового характера состоят в том, чтобы использовать систему формальных и семантических признаков материала с целью узнавания, дифференциации, воспроизведения и конструирования соответствующих грамматических структур, т.е. это задачи освоения и преобразования языкового материала.

Коммуникативные задачи связаны с употреблением языкового материала в речевой коммуникации, когда когнитивное внимание учащихся в них направлено на усвоение условий, правил и норм общения, а выбор и оперирование материалом должны уподобляться задачам коммуникации – лингводидактические задачи коммуникативного характера.

Говоря о средствах обучения РКИ, укажем, что выделяются как языковые, так и лингводидактические (а также электронные) средства, которые интегративны по отношению друг к другу, многофункциональны по отношению к реализации функций, носителями которых они являются, кроме того, они воспроизводятся в системе языка и системе речи.

К языковым средствам мы относим основные единицы языка (лексические единицы, грамматические структуры); считаем также, что целесообразно использовать такие семантические единицы, как схемы, скрипты, ассоциограммы, коллажи, что позволяет формировать умения креативного характера (выбирать, комбинировать, варьировать средства развития когнитивной структуры личности учащихся) и текстовой деятельности (аутентичные тексты: печатные тексты, аудиотексты, видеотексты).

Что касается лингводидактических средств, то они функционируют как средства, опосредующие все действия и операции обучения, когнитивные и коммуникативные процедуры, используемые во взаимодействии преподаватель – ученик, ученик – текст, ученик – межкультурная коммуникация.

Как известно, модели обучения материализуются в традиционных дидактических жанрах,

относимых к средствам обучения – это учебные программы, учебник (учебное пособие) и план-конспект учебного занятия.

Готовясь к занятиям, преподаватель составляет план урока, пишет конспект урока, однако нет гарантии хорошего, правильного проведения урока. Поэтому, как показывает практика, к лингводидактическим средствам профессиональной деятельности преподавателя следует отнести и **методическую разработку урока**, которая: а) позволяет развивать профессиональные умения преподавателя в творческом диапазоне; б) соотносить цели, содержание и средства обучения на разных этапах обучения; в) обосновывать объем языкового материала и его организацию; г) обосновывать соотношение и последовательность видов речевой деятельности; д) формулировать нормы и уровни овладения коммуникативной и другими компетенциями; е) предлагать комбинации лингводидактических средств и конструировать педагогические технологии их использования.

Мы полагаем, что методическая разработка – это важнейший компонент методической работы преподавателя, эффективный способ улучшения качества обучения. Методическую разработку урока мы рассматриваем как функционирующую (дидактическую) модель обучения (термин «модель» в дидактике – следствие разработок программированного обучения), под которой понимаем не просто мысленное представление, зафиксированное в сознании преподавателя, не просто совокупность описаний, составляющих основу языкового содержания предмета, а как «определенный материализованный продукт конструктивно-проектировочной деятельности преподавателя».

Известно, что одним из дифференцирующих факторов гибкой модели обучения является дифференциация в рамках предмета обучения языкового материала. Мы имеем в виду описание языкового материала, оптимально обеспечивающего возможность его вариативного представления, глубину проработки языкового материала, степень его активизации в продуктивных видах речевой деятельности. Однако, мы полагаем, что в этом случае следует говорить не столько и гибких моделях, сколько о гибкости преподавателя, которая зависит от уровня его профессиональной компетентности, от умения учитывать достижения филологических наук в области функционально-коммуникативного описания русского языка в целях его преподавания как иностранного.

Из современных методов профессиональной лингводидактической деятельности преподавателя (лингво-когнитивные методы; методы лингводидактического тренинга; культурологические методы; методы социализации и адаптации) для наших целей интерес представляют методы лингводидактического тренинга (выбора, подготовки, комбинирования, показа, демонстрации приемов и средств), предполагающие также демонстрацию образцов единиц

языка, способов их воспроизведения и преобразования, демонстрацию приемов обучения, показ и анализ разработанных фрагментов уроков в материалах видео и в реальных условиях обучения на занятиях. Методы лингводидактического тренинга представляют для нас интерес еще и потому, что они органично сочетаются с вербальными и невербальными когнитивными методами и обеспечивают разнокодую переработку информации.

Опыт преподавания РКИ показывает, что наряду с тремя основными вопросами методики – «зачем обучать?», «чему обучать?» и «как обучать?» важным является и вопрос «кого обучать», т.к. от того, кто является обучаемым, зависит и целевая направленность обучения, и его методические характеристики, т.е. зависит адаптация методической разработки. Преподавание может быть максимально полезным и эффективным, если мы обучаем личность, помогая ее формированию. При обучении РКИ в лице одних и тех же индивидов формируются одновременно и «языковые личности» (В.В.Виноградов, Ю.Н.Караулов) и «речевые личности» (Л.П.Клобукова). Считаем, что успешное усвоение материала наиболее эффективно в том случае, если задачи, которые ставит перед учащимися преподаватель, отвечают потребностям и интересам личности.

Основной задачей, стоящей перед преподавателем является максимальное развитие коммуникативных способностей. Для ее решения необходимо освоить и новые методы преподавания, направленные на развитие всех четырех видов владения языком, и новые учебные материалы, и методические разработки, с помощью которых можно научить инофонов эффективно общаться. Прежде чем представить методическую разработку урока, укажем основные требования, предъявляемые к методической разработке:

1. Четкое определение цели методической разработки (например, определение форм и методов изучения содержания темы; осуществление связи теории с практикой на уроках; описание методики использования современных технических и информационных средств обучения и др.).

2. Четкое соответствие содержания методической разработки теме и цели урока.

3. Содержание методической разработки должно быть таким, чтобы преподаватели могли получить сведения о наиболее рациональной организации учебного процесса, эффективности методов и методических приемов, формах изложения учебного материала, применения современных технических и информационных средств обучения.

4. Материал должен быть систематизирован, изложен максимально просто и четко; язык должен быть лаконичным и убедительным.

5. Методическая разработка должна иметь новизну, быть актуальной; в ней должны быть использованы эффективные способы обучения, методические приемы, способствующие достижению цели урока.

6. Методическая разработка должна раскрыть вопрос «*как обучать?*», который, как мы полагаем, является следствием вопроса «*как видеть объект?*» (курсив мой – Л.С.) – в этом и проявляется гибкость научного мышления и педагогического мастерства преподавателя.

Отметим также дидактические и методические цели методической разработки. Дидактические цели (направленные на овладение речевыми навыками в основных видах речевой деятельности, в нашем случае – говорении) включают: мотивацию и стимулирование деятельности учащихся, активизацию необходимых знаний (Известно, что общение затруднено, а иногда и вообще становится невозможным, если у учащегося нет мотива для говорения. Считаем, что дать мотив для говорения – это владеть искусством коммуникативного задания); формирование новых понятий и способов действий; применение понятий и способов действий и др.

Методические цели включают создание условий для формирования знаний, навыков и умений; развитие речемыслительных способностей, развивающих память; воспитание качеств личности и др.

Методическая разработка урока – это образец, пособие урока, который практически и теоретически раскрывает применяемые программы, методы и средства обучения, современные технологии в соответствии с темой урока. Задача преподавателя – найти необходимые и наиболее эффективные способы и приемы обучения, разные педагогические (методологические) технологии.

Методическая разработка урока – это пример квалификации преподавателя, оценка его методической работы, знаний и умений. Такая разработка имеет образовательные (ознакомление с правилами речевого этикета, приобретение навыков правильного ведения диалога и др.), развивающие (обогащение словарного запаса, активизация речи учащегося, формирование культуры речи учащегося и др.), а также воспитательные (формирование нравственных основ человеческой личности, ознакомление с нравственно-этическими правилами, нормами общения человека и др.) цели.

Поскольку полное представление методической разработки невозможно предложить в рамках доклада в силу ограниченности его объема, проиллюстрируем сказанное выше небольшим фрагментом методической разработки урока на тему «*Москва. Красная площадь*». Известно, что создание мотивационной основы учебных действий, приводящей к овладению речевыми навыками и умениями, достигается подбором учебного материала, в частности, отбором типов текстовых построений, актуальных для учащихся определенного уровня подготовки, поскольку порождение текста определенного типа является реальным свидетельством реализации языковой, речевой и коммуникативной компетенции, показателем достижения целей, поставленных на данном этапе обучения, в частности, формирование адекватного речевой ситуации и коммуникативному

намерению текста. Для реализации этой задачи была выбрана модель текста страноведческого характера «Москва. Красная площадь». Представим фрагмент текста и дадим краткую его характеристику.

«Москва. Красная площадь» (здесь и далее курсив мой – Л.С.)

Все знают, что центр Москвы – это Красная площадь. А знаете ли вы, почему главная площадь Москвы называется Красной? Конечно, знаете. Красная, значит красивая. Это название появилось в середине XVII века по указу царя, а до этого площадь называлась просто «Пожар», потому что деревянные дома в Москве часто горели. Когда враги подходили близко к городу, в Москве начинались пожары. И часто пожары начинались именно с Кремля. Горел деревянный Кремль, горела деревянная Москва.

Было и другое объяснение слова «красная». Красная значит кровавая, потому что здесь, на Красной площади, пролилось много крови. Здесь проходили жестокие бои и сражения с врагами, здесь казнили бунтовщиков, преступников, воров... Интересно, что на Красной площади есть Лобное место, то есть специальное место для казни, но на Лобном месте на Красной площади никогда никого не казнили. С этого места читались царские указы. и т.д. (Из учебника русского языка «Дорога в Россию», базовый уровень).

Это монологический публицистический письменный текст. По способу отражения действительности в тексте – это описательно-информативный текст с повествовательным и оценивающе-квалифицирующим компонентами. Задача этого типа текста: повышение коммуникативной компетенции, культурного уровня, удовлетворение естественной любознательности учащихся.

Известно, что доминирование того или иного вида речевой деятельности зависит от цели занятия (в нашем случае – развитие навыков и умений говорения); характера и особенностей текста как источника информации (текст «Москва. Красная площадь.» как структурированное целое характеризуется смысловым единством (связностью, целостностью, членимостью, а также воспроизводимостью, что позволяет использовать его в качестве единицы обучения) и коммуникативной значимостью, которая определяется степенью новизны и аргументированности сообщаемой в нем информации. Кроме того, данный текст имеет культурологическое значение, совмещает в себе познавательную и эстетическую функции.

Важнейшей коммуникативной задачей в работе с текстом является воспроизведение его содержания в разных формах (в нашем случае – после аналитико-синтетической переработки его содержания – это диалогический обмен впечатлениями о прочитанном) и продуцирование на его базе собственного текста определенного жанра (в нашем случае – это текст-рассказ об увиденном в музее).

К сказанному добавим, что уровень знания русского языка учащимся определяется не только непосредственным контактом с его преподавателем. Для того чтобы научить русскому языку как средству общения, нужно создавать обстановку реального общения, наладить связь с жизнью, активно использовать язык в естественных ситуациях, поэтому преподаватель посоветовал студентам поехать в Музей Москвы на Остоженке.

Итак, представим краткое описание методической разработки урока.

Методическая разработка урока

В начале методической разработки дается методический комментарий, в котором указываются: этап обучения, изучаемая грамматическая тема, цели урока, формируемые компетенции.

Методический комментарий

Данный урок проводится на этапе довузовской подготовки при изучении грамматической темы *«Система склонений имен существительных с местоимениями и прилагательными во множественном числе. Сложноподчиненные предложения с придаточной: определительной частью (которые, которых...); условной частью (если...); уступительной частью (хотя...)»* в рамках Базового уровня (А₂).

Стратегическая цель урока – формирование реальных практических умений в области стратегии и тактики речевого поведения в различных видах коммуникации (лингвокультурологическая компетенция); развитие коммуникативной компетентности инофонов; формирование дискурсивной компетенции (умения адаптироваться к различным речевым ситуациям и вести диалог в соответствии с национальными особенностями того или иного дискурса); формирование экзистенциальной компетенции (снятие психологических и социокультурных барьеров в общении с представителями иной лингвокультурной общности); содействие формированию толерантной личности, способной к межкультурному взаимодействию (формирование межкультурной компетенции)..

(Сначала преподаватель знакомит обучающихся с темой урока, учебными вопросами. При этом целесообразно применять мультимедийные средства).

Цель урока: 1.Выявление уровня усвоения учащимися изученных грамматических явлений. Закрепление грамматической темы урока на основе текста *«Москва. Красная площадь»*.

2.Формирование навыков и умений употребления сложноподчиненных предложений в речи.

3.Формирование практических умений ведения сюжетного диалога на основе изученного текста в целях создания целостной картины мира.

4.Развитие разных видов речевой деятельности на основе текста *«Москва. Красная площадь.»* (основной вид – говорение).

5. Формирование страноведческой компетенции учащихся (Напомним, что понятие страноведческой компетенции связано с принципом активной коммуникативности, поскольку адекватная коммуникация в принципе невозможна без лингвострановедческих знаний и умений).

6. Формирование вторичной культурно-языковой личности учащихся.

Формируемые компетенции: коммуникативная (здесь и далее подчеркнуто мной – Л.С.): формирование навыков и умений вхождения в речевую коммуникацию; языковая: лексическая, грамматическая: «Система склонений имен существительных...» (см. выше) на базе текста «Москва. Красная площадь»; лингвистическая: развитие навыков и умений работы с текстом типа описание; речевая: взаимосвязанное формирование навыков и умений аудирования, говорения, чтения, письма; лексикографическая: развитие умений пользоваться двуязычным словарем по русскому языку; компенсаторная: восполнение пробелов в навыках работы с текстом описательного характера; лингвопрагматическая: формирование навыков и умений осуществлять речевую деятельность, обусловленную коммуникативным намерением, в соответствии с ситуацией общения, соблюдая правила поведения (вербальные и невербальные), принятые в русском языке; социокультурная: формирование толерантности в общении; предметная: адекватное понимание фрагмента отображаемой действительности].

Основная часть урока

В основной части урока к каждому заданию даются методические комментарии, в которых указываются: цель задания, формируемые компетенции и применяемые педагогические технологии. Например:

Задание. Решите коммуникативные задачи.

Методический комментарий

Данное задание активизирует речемыслительную деятельность обучаемых, дает возможность обучаемым понять структуру урока, дальнейшие перспективы изучения темы.

Формируемые компетенции: лингвистическая, компенсаторная. **Применяемые педагогические технологии:** модульная, технология коммуникативных задач.

(Преподаватель задает вопросы по теме, студенты отвечают на вопросы).

Ход урока

Задание. Вспомните содержание текста «Москва. Красная площадь.»

Методический комментарий

После структурно-смыслового и языкового анализа текста, включающего ознакомительное, поисковое, изучающее чтение, определения и формулирования коммуникативной задачи текста и др., проведенного на предыдущих занятиях, дается **задание**: прочитать текст («по диагонали») с целью вспомнить основное содержание текста для дальнейшего его пересказа (*Студенты*

читают текст).

Задание. Составьте назывной план текста (*запись плана на доске и в тетради*).

Цель: формирование навыков и умений письменной речи (компрессия текста).

Методический комментарий

Вопросный план текста учащиеся должны были составить с помощью преподавателя на предыдущем уроке. В этом задании учащиеся совместными усилиями (под руководством преподавателя) составляют назывной план текста.

Формируемые компетенции: языковая, речевая, лингвопрагматическая. **Применяемые педагогические технологии:** технология развития критического мышления через чтение и письмо.

Фонетическая зарядка. Цель: настроить речевой аппарат на русскую речь, снять фонетические трудности, активизировать лексику урока.

(Учащиеся вспоминают ключевые словосочетания, пословицы и поговорки о Москве, встречающиеся в тексте).

Речевая разминка. Цель: сформировать навыки и умения использования изученных лексико-грамматических конструкций в речи; настроить учащихся на ведение диалога.

(Даются задания вспомнить изученные в тексте лексико-грамматические конструкции и построить по ним предложения).

Формируемые компетенции: языковая, речевая. **Применяемые педагогические технологии:** технология развития памяти через грамматические конструкции.

Воспроизведение содержания текста «Москва. Красная площадь.» в форме сюжетного диалога (диалогический обмен впечатлениями о прочитанном и увиденном в музее) и продуцирование на его базе собственного текста с опорой на картинки и фотографии. **Цель:** формирование навыков и умений говорения (диалогическая речь).

Методический комментарий

Перед пересказом текста целесообразно еще раз вспомнить, какие существуют типы диалогов (вопросно-ответный, уточняющий, унисонный, сюжетный и др.) и уточнить, в какой форме учащиеся будут пересказывать текст.

Цель: формирование языковой, речевой, лингвопрагматической компетенций. **Применяемые педагогические технологии:** диалоговая, технология развития критического мышления через говорение.

Фрагмент диалога (курсив мой – Л.С.)

Студент 1: *Здравствуйте! Разрешите познакомиться. Я студент подготовительного курса нашего университета. Меня зовут Цой. Я приехал в Москву из Южной Кореи, чтобы учиться в*

университете. И хотя я живу в Москве только пять месяцев, я уже немного говорю по-русски. А это мой друг – Тоа.. Он приехал из Камбоджи. Он тоже студент нашего университета. Мы учимся в одной группе.

Студент 2: Здравствуйте!. Как сказал Цой, мы недавно приехали в Москву, поэтому еще плохо знаем город. В учебнике мы читали небольшой текст о Москве, в котором говорится, что Москва – это столица России, что это очень красивый город: здесь много новых современных зданий, широких проспектов, зеленых парков, интересных музеев, хороших театров. Но мы мало знаем Москву, поэтому мы решили поехать в Музей Москвы, который находится в центре города, на улице Остоженка.

Студент 1: Экскурсовод рассказала нам много интересного. Она сказала, что центр Москвы - это Красная площадь. А ты запомнил, почему главная площадь столицы называется Красной?

Студент 2: Конечно. Красная значит красивая. Но это название появилось только в XVII веке.

Студент 1: Посмотри, какая интересная картина! Здесь деревянный Кремль, деревянная Москва. Если я не ошибаюсь, экскурсовод говорила, что до XVII века Москва называлась просто «Пожар», потому что деревянные дома в Москве часто горели, когда враги подходили близко к городу.

Студент 2: Посмотри! Не только Москва, но и соборы и монастыри тоже были деревянные. Какой интересный монастырь! и т.д.

Методический комментарий

Преподаватель подводит итог, оценивает работу каждого учащегося. *Сегодня на уроке мы с вами много говорили, слушали, выполняли задания. Давайте вспомним еще раз цель нашего урока? Как вы думаете, на уроке эта цель была достигнута?*

(Оценка урока преподавателем. Задание на самостоятельную работу).

Домашнее задание. Составить рассказ в письменной форме на тему: «Главная площадь моего города», используя изученные синтаксические конструкции, модели сложных предложений, лексику урока.

Цель: формирование навыков и умений письменной речи, а также формирование навыков самостоятельной работы, развитие творческой инициативы учащихся.

Формируемые компетенции: языковая, речевая, лингвопрагматическая. **Применяемые педагогические технологии:** технология развития критического мышления через письмо.

Таким образом, представленная (в весьма сокращенном виде) методическая разработка урока на тему «Москва. Красная площадь» направлена на формирование коммуникативной компетенции учащихся по развитию речи (говорению).

Оценивая данную методическую разработку, отметим ее практическую направленность,

благодаря чему у учащихся формируются необходимые навыки ведения диалога. Систематическая работа над материалом развивает у учащихся языковое чутье, внимание к правильному употреблению речевых единиц. Заметим, что в результате такой деятельности учащиеся приобретают и опыт по исправлению речевых ошибок.

Методическая разработка также носит творческий характер, поскольку развивает интерес к языку и потребность познавать его, закладывает основы культурного общения, формирует коммуникативные умения ведения диалога.

И если в процессе урока учащиеся показали знание грамматического материала, закрепили новый материал, получили эмоциональный заряд – значит урок достиг своей цели и был правильно методически разработан.

Список литературы

- Антонова В.Е.* Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень) / Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А – М.:ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2013. 200 с.
- Сухих О.В.* Методы профессиональной лингводидактической подготовки преподавателя иностранных языков и культур/ О.В.Сухих – Ростов на Дону.: Известия высших учебных заведений..Общественные науки. Спецвыпуск: экономика, право, образование. 2005. С. 108-111.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. МГУ, 2008. 350 с.

Садыгова А.А.
Азербайджанский государственный университет
культуры и искусств
г. Баку (Азербайджан)

Sadigova Afag
Azerbaijan State University of Culture and Art
Baku (Azerbaijan)

СПЕЦИФИКА УСВОЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

SPECIFICITY OF ASSIMILATION OF PHRASEOLOGY IN THE CLASSROOM RCTS

Эффективность обогащения лексического запаса студентов национальной аудитории зависит от особенностей существующих источников, от специфики их использования, целенаправленности словарной работы. В процессе работы над текстом словарный запас обучающихся пополняется эпитетами, сравнениями, метафорами, фразеологизмами. Фразеологические обороты относятся более сложным единицам. Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. В методике обучения русской фразеологии эффективны следующие приемы семантизации: использование синонимов (лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке, введение в контекст. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний.

Efficiency of enrichment of vocabulary national audience of students depends on the characteristics of existing sources, on the specifics of their use, focus of dictionary work. In the course of the text vocabulary students replenished epithets, similes, metaphors, phraseology. Turns of phrase are more complex units. Like words, idioms perform different functions in the communication process. In the methods of teaching Russian phraseology effective semantization following techniques: the use of synonyms (lexical equivalents and free word combinations), the use of synonymous and antonymous of phraseology, a detailed interpretation in Russian, an introduction to the context. Economically and efficiently familiarize students with the value phraseologism by using synonyms, lexical equivalents and available combinations.

Ключевые слова: фразеологические обороты, лексические эквиваленты, свободные словосочетания, семантизация слова.

Key words: turns of phrase, lexical equivalents, free phrases semantization words.

Эффективность обогащения лексического запаса студентов национальной аудитории зависит от особенностей существующих источников, от специфики их использования, целенаправленности словарной работы. Организация работы по обогащению лексического запаса происходит целенаправленно: путем чтения текстов и работы по этим текстам; путем выполнения различных лексических, лексико-орфографических, лексико-грамматических и других упражнений. В процессе работы над текстом словарный запас обучающихся пополняется

эпитетами, сравнениями, метафорами, фразеологизмами. Формирование лексического запаса при работе над текстами учебников по русскому языку связано с комплексным изучением материала курса русского языка [Методика пр., 1981, с. 157].

Фразеологические обороты относятся более сложным единицам. Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. Фразеология русского языка представляет важную часть системы языка. Без овладения минимумом фразеологического богатства невозможны правильное понимание русской речи как в устной, так и в письменной форме, свободное общение на русском языке.

Фразеологизм отличается от слова, и усвоение его протекает иначе. Фразеологизм – это особая единица языка с дифференциальными признаками воспроизводимости, семантической целостности, устойчивости, состоящая, в отличие от слова, из двух или более ударных компонентов [Шанский, 1974, с.165].

Для употребления фразеологизмов в речи, надо сформировать умение автоматически воспроизводить их как семантически и структурно целую, устойчивую единицу. В выборе способа семантизации фразеологизма и введения его в речь должен осуществляться дифференцированный подход. Прежде всего, целесообразность и эффективность того или иного способа семантизации и введения в речь фразеологизма зависят от лингвистических и лингводидактических его особенностей. По-разному следует раскрывать значение фразеологизмов, имеющих структурно-семантические эквиваленты в родном языке обучающихся и не имеющие их. При раскрытии значения фразеологизма не могут быть механически использованы способы семантизации слова.

Вся работа по обучению русской фразеологии должна строиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической единицы. В практике обучения русскому языку широкое распространение получило раскрытие значения фразеологизма с помощью перевода. Конечно, перевод является одним из экономных приемов семантизации, однако в раскрытии значения фразеологизмов использование его должно быть ограничено. Прием перевода фразеологизма словом или словосочетанием целесообразен на начальном этапе обучения, если другие приемы оказываются неэффективными вследствие слабого владения русским языком.

Однако применение перевода должно быть строго ограничено на среднем и продвинутом этапах обучения. Нужно иметь в виду, что перевод русских фразеологизмов фразеологическими сочетаниями родного языка связан с большими трудностями. Он целесообразен в случае, если помогает пониманию всей сложной смысловой структуры фразеологизма, обеспечивает его адекватное понимание и правильное употребление. Между тем случаи полного совпадения по семантике, структуре и образной основе фразеологизмов русского и родного языков редки. Точная

передача фразеологизмов на родной язык невозможна. Поэтому целесообразно раскрывать значения фразеологизма средствами русского языка. В методике обучения русской фразеологии эффективны следующие приемы семантизации: использование синонимов (лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке, введение в контекст. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний. Например: *в двух шагах – рядом, близко; бок о бок – совсем рядом; не покладая рук – усердно; ломать голову – напряженно думать, размышлять и т.д.*

Рассмотрим краткое описание изучения фразеологизмов на занятиях РКИ.

Фразеологические обороты (фразеологические единицы, фразеологизмы) – устойчивые сочетания слов, которые обладают эмоционально-экспрессивным свойством и имеют лексическое значение в целом. Они придают речи более образный, выразительный характер.

Фразеологизмы можно разделить на следующие группы:

- 1) слова, входящие во фразеологизм, потеряли первоначальный смысл.

Значение имеет фразеологизм в целом:

приказать долго жить, заморить червячка, бить баклуши;

- 2) слова, входящие во фразеологизм, имеют образное, переносное значение:

уйти в свою скорлупу (уединиться спрятаться, как улитка);

подливать масло в огонь (разжечь страсти, усилить огонь);

- 3) одно из слов фразеологизма ограничено в своём употреблении:

закадычный (только – друг), заклятый (только – враг).

Большое количество фразеологизмов образуется на базе свободного сочетания, то есть сочетания в прямом смысле:

Фразеологизм выполняет роль одного члена предложения.

Ребята работали не покладая рук (усердно).

Мальчик ломал голову над задачей (думал).

У него были сведения из первых рук (точные).

Задание 1. Прочтите фразеологизмы. Обратите внимание на значение этих фразеологизмов.

- 1) за тридевять земель – очень далеко;
- 2) куры не клюют – (денег) очень много;
- 3) черепаший шагом – очень медленно;
- 4) рукой подать – довольно близко, не так далеко;
- 5) мухи не обидит – слишком кроткий, безобидный, смирный;

- 6) стреляный воробей – опытный, бывалый человек;
- 7) держать ухо востро – вести себя крайне осторожно, никому не доверяться;
- 8) тьма кромешная – беспросветная темнота;
- 9) бить баклуши – бездельничать, заниматься пустяками;
- 10) лодыря гонять – бездельничать;
- 11) плечом к плечу – совершенно рядом, один подле другого;
- 12) между двух огней – быть в трудном, опасном положении;
- 13) два сапога пара – один другого не лучше;
- 14) бок о бок – совсем рядом;
- 15) ни рыба ни мясо – ничем не выделяющиеся, заурядный человек;
- 16) на носу – очень скоро, в самое ближайшее время;
- 17) дамоклов меч – о постоянно грозящей опасности;
- 18) делать из мухи слона – необоснованно преувеличивать что-либо;
- 19) калиф на час – человек, получивший большую власть лишь на короткий срок;
- 20) прикусить язык – внезапно замолчать, воздержаться от разговора;
- 21) приказать долго жить – умереть;
- 22) не покладая рук – усердно;
- 23) ломать голову – напряженно думать, размышлять;
- 24) из первых рук – точные;
- 25) Ахиллесова пята – уязвимое место, слабая сторона;
- 26) души не чаять – очень сильно любить, глубоко уважать кого-либо;
- 27) Шарашкина контора – несолидное учреждение;
- 28) опять двадцать пять – ничего нового;
- 29) как с неба свалился – неожиданно, внезапно;
- 30) снимать шляпу – относиться кому-нибудь с глубоким уважением;
- 31) как по маслу – легко, без каких-либо затруднений;
- 32) сыграть в ящик – умереть;
- 33) давать(дать) волю языку – позволить себе говорить лишнее;
- 34) белая ворона – необычный, непохожий на других человек;
- 35) пускать пыль в глаза – хвастаясь, обманывать кого-либо, создавать видимость.

Задания:

1. Объясните значение этих фразеологизмов.

2. Найдите синонимы:

бить баклуши – бездельничать, заниматься пустяками

лодыря гонять – бездельничать

сыграть в ящик – умереть

приказать долго жить – умереть

бок о бок – совсем рядом

плечом к плечу – совершенно рядом, один подле другого

3. Найдите антонимы

за тридевять земель – очень далеко

рукой подать – довольно близко, не так далеко

стреляный воробей – опытный, бывалый человек

ни рыба ни мясо – ничем не выделяющиеся, заурядный человек

между двух огней – быть в трудном, опасном положении

как по маслу – легко, без каких-либо затруднений

прикусить язык – внезапно замолчать, воздержаться от разговора

давать(дать) волю языку – позволить себе говорить лишнее

4. Скажите эквиваленты этих фразеологизмов на родном (азербайджанском) языке.

Ни рыба ни мясо – nə ətdir, nə də balıq; ломать голову – baş sindirmək; приказать долго жить – ömrünü sənə bağışladı; держать ухо востро – qulağını şəkləmək; пускать пыль в глаза – gözə kül üfürmək и др.

Задание 2. Вставьте нужные слова. Объясните значение этих оборотов.

1. делить шкуру неубитого медведя – поговорить о преждевременных расчётах, заранее делить прибыль в ещё не осуществлённом деле;
2. купить кота в мешке – приобретать что-либо такое, о достоинствах чего заранее не знаешь;
3. платить той же монетой – отзываться, отвечать тем же самым;
4. толочь воду в ступе – заниматься совершенно бесполезным, ненужным делом, зря тратить время;
5. не в бровь, а в глаз – удачно, остро, очень точно;
6. выйти сухим из воды – действуя обманным путём оставаться безнаказанным;

7. давать(дать) **волю** языку – позволить себе говорить лишнее;
8. волк в **овечьей** в шкуре – лицемер;
9. плыть против **течения** – действовать наперекор всему, смело пролагать свой путь в жизни;
10. пускать **пыль** в глаза – хвастаясь, обманывать кого-либо, создавать видимость.

Задание 3. Вставьте подходящие по смыслу слова.

- 1) мастер на все **руки**(*талантливый*); сидеть сложа **руки** (*бездельничать*); золотые **руки** (*умелый, талантливый*);
- 2) среди **белого** дня(*днём, когда совсем светло*); чёрным по **белому** написано (*ясно, недвусмысленно*);
- 3) толочь **воду** в ступе (*заниматься совершенно бесполезным, ненужным делом*);
решетом **воду** черпать (*бесцельно и безрезультатно трудиться*);
тише **воды** ниже травы (*робкий, застенчивый, скромный*);
выйти сухим из **воды** (*действуя обманным путём оставаться безнаказанным*);
- 4) **глаза** на мокром месте (*кто-либо часто плачет*);
глаза разбежались (*кому-либо трудно сосредоточиться на чём-либо*);
не в бровь, а в **глаз** (*удачно, остро, очень точно*);
- 5) **золотой** век (*счастливый, благоприятный*); **золотая** осень (*осенняя пора*);
золотые руки (*умелый*);

Ответы: *вода, белый, руки, глаза, золотой.*

Задание 4. Как об этом говорят? Подберите подходящий по смыслу фразеологизм.

- О том, кто часто меняет решения;
- О человеке, которого трудно заставить поверить чему-либо, убедить в чём-либо;
- О кротком и безобидном человеке;
- Об излишней вежливости;
- О болтливом человеке;
- О положении, когда опасность грозит с двух сторон.

Ответы: *У него язык без костей. Между двух огней. Мухи не обидит. У него семь пятниц на неделе. Фома неверующий. Китайские церемонии.*

Задание 5. Продолжите фразеологизмы.

1. золотые	6. лакомый
2. изо дня	7. выбиться
3. ломать	8. дать
4. лицом	9. не покладая
5. от нечего	10. лодыря

Слова для справок: *руки, в день, голову, к лицу, делать, кусок, из сил, слово, рук, гонять.*

Задание 6. Замените фразеологический оборот словом-синонимом.

Дать обещание –*обещать*

Принимать участие –*участвовать*

Окружить заботой –*заботиться*

Завязать разговор –*разговаривать*

Сколько душе угодно –*много*

Не покладая рук –*усердно*

Как с неба свалился –*вдруг, внезапно, неожиданно*

Стреляный воробей –*опытный*

Сыграть в ящик –*умереть*

Черепашьим шагом –*очень медленно*

Задания 7. Перепишите, вставляя вместо точек нужные слова из скобок.

1) Играть ..., иметь ... (*значение, роль*). 2) Уделять ..., придавать ... (*значение, внимание*). 3) Потерпеть ..., одержать ... (*победа, поражение*). 4) Произвести ..., оказать ... (*влияние, впечатление*). 5. Навести ..., привести ... (*доказательства, справки*). 6) Завоевать ..., занять ... (*первое место, первенство*).

Задание 8. Перепишите, выбирая нужное слово или фразеологический оборот.

Город Горький – это (*действительный, подлинный*) волжск... (*столица, главный город*). Он(а) поднимается там, где (*объединяются, сливаются*) воды Волги и Оки. Не случайно символ (*её, его*) – стройный, (*вскинувший, поднявший*) рога олень. Кажется, будто сам город легко (*взлетел, взбежал*) на кручи и (*сделал остановку, остановился*) там, (*оглядываясь, рассматривая*) с высоты кремлёвских башен заречные дали.

Нижегородский кремль – раньше Горький (*назывался, именовался, имел название*) Нижний Новгород – радовал глаз ещё тогда, когда по реке (*неторопливо, черепашьим шагом, медленно*) (*двигались, скользили*) парусные суда. Теперь горьковчане (*позаботились, проявили заботу*) о том, чтобы одна из мощнейших (*цитаделей, крепостей*) Московского государства выглядела ещё величественнее. Вид (*древних, старинных*) стен (*очень внушителен, производит большое впечатление*), думается, что они готовы выдержать (*любой, всякий*) приступ, кроме туристского.

Выйдя из кремля на Откос, откуда открывается (*вид, панорама*) Волги и Оки, можно по-настоящему почувствовать, в чем (*состоит, заключается*) (*оригинальность, своеобразие*) города.

Для активного овладения фразеологизмом необходимо формирование специфических умений и навыков, отличающихся от лексических и фразеологическая работа должна быть

самостоятельным аспектом обучения, находящимся в связях и взаимоотношениях с другими аспектами обучения РКИ.

Список литературы

Методика преподавания русского языка. Л., 1981.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. М., 1974

Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1989

Салкынбай А.Б.
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
г. Алма-Ата (Казахстан)

Salkynbay Anarkul
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

THE ROLE OF LANGUAGE'S CONTACT IN THE HISTORY OF A LANGUAGE

В статье анализируется язык как средство отображения общественных связей и различных ситуаций, так как любое изменение в обществе находит свое отражение в языке. Язык и языковая общность не могут существовать раздельно. Без общества нет языка, а без языка не может быть общества, так как язык является формой мысли и сознания. В тюркских языках система расположения слов в предложении не менялась веками, т.е. предикат всегда находится в конце, а субъект - в начале предложения. Определенный порядок расположения членов предложения способствует устойчивости языковой системы, а также отражает мировоззрение народа.

Предикат в тюркских языках всегда находится в конце предложения и если признать, что речь является прямым отражением мыслительных процессов, то это обстоятельство имеет важное логическое объяснение. Как правило, согласно грамматической традиции за основу предложения принимается сказуемое. Сказуемое в предложении излагает основную мысль, время и результат действия. Корпус языка поддерживают не лексические единицы, а синтаксическая система, которая сохраняет свои основные закономерности. Как показывают языковые факты, в тюркских языках сохраняется порядок слов в предложении, состав словосочетания и морфологические законы.

This article analyzes the language as a mean of displaying public relations and different situation, since any change in society finds its reflex in the language. Language and the linguistic community cannot exist separately. Without society there is no language and without language there is no society, as the language is a form of thought and consciousness. In Turkic languages, the system arrangement of words in a sentence has not changed for centuries, which means a predicate is always at the end, and the subject is in the beginning of the sentence. A certain order of parts in the sentence contributes to the stability of the language system, and also reflects the outlook of the people.

Predicates in the Turkic languages are always at the end of the suggestions and if we recognize that it is a direct reflection of thought processes, it has an important logical explanation. As a rule, according to grammar traditions, predicate is the basis of the sentence. Predicate in the sentence sets out the basic idea, time and result of the action. Body language is not supported by lexical items and syntactic systems that retain its basic law. As in the linguistic facts, in Turkic languages retain the words order in a sentence, phrase structure and morphological laws.

Ключевые слова: языковые контакты, грамматические традиции, синтаксическая система, тюркская культура, заимствование.

Key words: language contacts, grammatical tradition, syntactic system, Turkic culture, borrowing.

При изучении истории языка необходимо учитывать то, что язык является средством коммуникации и функционирует в обществе. Социальная функция языка является главным

условием его жизнеспособности, поэтому при исследовании истории и современного состояния языка необходимо понимать его значение и социальную роль.

Социальная функция языка зависит от носителей языка в обществе. У данной зависимости есть две стороны. Во-первых, язык является средством общения, связи людей, во-вторых, он сам зависит от людей, говорящих на этом языке. Если люди выберут другой язык, язык исчезнет. История языков знает о мертвых языках и их немало. Поэтому между языком и его носителями существует сложная взаимосвязь.

Язык – средство отображение общественных связей и различных ситуаций, поэтому любое изменение в обществе находит свое отражение в языке. Язык и языковая общность не могут существовать отдельно. Без общества нет языка, а без языка не может быть общества, так как язык является формой мысли и сознания.

Прошлое и судьба народа тесно связана с прошлым и судьбой языка. Общность судеб и истории тюркских народов, проживавших в Туранской низменности, определяла их языковая и религиозная принадлежность.

В истории казахского языка изменения в обществе традиционно оказывали влияние на природу языка. В этой связи необходимо отметить следующее:

1) исторические события прошлого и основанное на народных традициях развитие культуры и науки оставляют свой знаковый след в языках. Эпохальные изменения в тюркской культуре сформировали особый тип языка. Свой след оставили и научно-технические достижения и политические новшества.

2) Политические, экономические, культурные контакты разных народов обогатили язык заимствованиями. С приходом арабской культуры были заимствованы такие слова как - ғылым (наука), білім (знание), мектеп (школа), медресе, қағаз (бумага), қалам (ручка), мұғалім (учитель), намаз, ақирет, рамазан, ораза, аят, зекет, Құран (Коран) т.б. Из русского языка были заимствованы - революция, коммунизм, социализм, космос и др.

3) С развитием науки и знания из различных языков (греческого, латинского, английского и др.) были заимствованы такие термины как - биология, химия, физика, лингвистика, бром, хром, университет, аудитория, республика, съезд, менеджер, менеджмент. Появление таких терминов обусловлено языковой необходимостью. Во-вторых, появление многочисленных заимствований является следствием исторических событий, поэтому они могут служить важными маркерами для историков.

Известно, что среди языковых уровней наиболее подвержена изменениям лексикологическая система. Другие языковые уровни константны и более устойчивы к изменениям. Внешние факторы почти не влияют на морфологическую и синтаксическую систему. В казахском языке

заимствования приспособились к синтагматической и парадигматической системе языка. К. Фосслер в своем исследовании (“Позитивизм и идеализм”) связывает синтаксическую систему языка с духом народа и языка [Звягинцев, 1969, с.29].

Корпус языка поддерживают не лексические единицы, а синтаксическая система, которая сохраняет свои основные закономерности. Как показывают языковые факты, в тюркских языках сохраняются порядок слов в предложении, состав словосочетания и морфологические законы.

Письменный памятник “Малый Культегин” (VI-VII вв.):

Теңрі тег теңриде болмыш түрк Білге қазан бұ өдке олуртым. Сабымын түгеті есідгіл. – Живший в божественном бытии тюрк Билге каган воссел на трон. Словам моим внимлите.

Письменный памятник “Диуани лугат-ит түрк”(XI в.):

Ер кедін қалды. Мен аны тозурдум. Тон қарады. Ол меңе тон кезүрді. Ол тон қадышты – Мужчина оставил одежду. Я его износил. Шуба старая. Он мне дал шубу. Он оставил шубу.

Письменный памятник “Оғыз наме” (XII-XIII вв.):

Чаң ерте болдуқта Оғуз қазаннуң қурықаныға күн дег бір жаруқ кірді. Ол жарқтун көк түлүклүг, көк жаллуғ бедук бір еркек бөрі чықты. – На рассвете в шатер Огуз кагана проник луч света. Из него вышел небесный волк.

Письменный памятник “Жамиғ-ат тауарих” (XVI в.):

Оғузның алты оглы бар ерді, алты оглының һар бірісінің төрт оглы бар ерді уа тақы Оғузның алты оглы оң білән сол қолны башлар ерді. – У Огуз кагана было шесть сыновей, у каждого из шести сыновей было по четыре сына, шесть сыновей Огуза возглавляли правое и левое крыло войска.

Из рукописи Абая Кунанбаева:

Ол күнде наурыз деген бір жазытұрым мейрамы болып, наурыздама қыламыз деп, той, тамаша қылады екен. Сол күнін “ұлыстың ұлы күні” дейді екен. В те дни наурыз был летним праздником, люди отмечая его устраивали пиры. Этот день называли “великий день народа” [Кунанбаев, 1957, с.132].

В тюркских языках система расположения слов в предложении не изменилась, т.е. предикат находится в конце, а субъект - в начале предложения. Определенный порядок расположения членов предложения является результатом устойчивости языковой системы и отражает мировоззрение народа.

Предикат в тюркских языках всегда находится в конце предложения и если признать что речь является прямым отражением мыслительных процессов, то это обстоятельство имеет важное логическое объяснение. Как правило, согласно грамматической традиции за основу предложения принимается сказуемое. Сказуемое в предложении излагает основную мысль, время, результат

действия. Следовательно, употребление сказуемых в конце предложения в казахском (тюркском) языке тесно связано с традиционным менталитетом тюркских народов, т.е. результату, следствиям любых действий уделялось большое внимание. Поэтому сказуемое произносилось не в начале или середине, а в конце слова с особой интонацией. Следуя тезису В. Гумбольдта о языке как народном духе, мы пришли к утверждению о том, что в каждой грамматической категории и лексической единице, в структуре предложения и слова дух языка и дух народа тесно переплетаются.

Синтаксическая конструкция служит основой для подчинения системного развития корпуса и внутренних закономерности языка влиянию внешних факторов. В результате этого заимствования, вошедшие в язык посредством устной речи, подчиняются внутренним законам языка и находят гармонию с фонетическими, морфологическими закономерностями. Так характеристика таких слов как - *мұғалім, мектеп, медресе, кітап, дәптер, кереует, бәтеңке, үстел, күрте* (учитель, школа, медресе, книга, тетрадь, кровать, ботинок, стол, куртка) связана с их заимствованием через устную речь.

Грамматические явления в языке рассматриваются в тесной связи с народной психологией, национальным бытием.

Некоторые особенности в морфологическом строении слова можно рассматривать в связи с общественными изменениями. Например, в казахском языке формы окончания *-хана, -паз, -қор, -қой, -кеш, -стан, -кент* заимствованы из персидского языка. В современном казахском языке они используются для словообразования. *Намәрт (слабый), нәрәду, наразы (недовольство)* и другие наименования с персидским префиксом –на, нә, слова с арабским префиксом –бей (*беймезгіл, бейшара, бейуақ*) являются результатом воздействия внешних факторов, т.е. политических, экономических и культурных связей между народами. В казахском языке подобных морфологических форм немного. Поэтому они не оказали существенного влияния на общетюркские законы развития языка.

По сравнению с морфологической структурой фонетическая система более подвержена изменениям. М. Томанов в своем труде “Историческая грамматика казахского языка” пишет: “Особенности фонетической системы казахского языка сформировались в результате взаимодействия с другими языками и другими культурами в различные эпохи”. Он подчеркивает особо сильное влияние арабско-персидской и русской культуры [Томанов, 1988, с. 40].

Субстратные изменения в системе языка можно встретить в любом языке. Теорию субстрата выдвинул в начале XIX века Я. Бредсдорф и это учение можно встретить в трудах Г.И. Асколи, Г. Шухардта, В.Брендаля, А. Мейе, О. Есперсена, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, А.М. Селишева. Субстратами считаются элементы древнего языка существовавшего в определенной

лингвогеографической среде. Субстрат рассматривается отдельно от заимствованных слов. По мнению исследователей, в основе субстрата лежат этническое слияние и ассимиляция пришлых народов. Субстратные элементы в языке возникают вследствие двуязычия.

Необходимо отметить, что формирование древнего казахского языка испытывало влияние персидского, арабского и славянского языков. Это подтверждает присутствие в языке некоторых звуковых особенностей, например, звуки *x*, *h*, *φ*, употребление звуков *д*, *г*, *з*, *н*, *ң*, *р*, *з*, *л*, в начале слова, наличие в первом слоге звуков *з*, *г*, *д*, *ж*. Звуки *г*, *з* в начале слова (газет, завод), употребление согласных *в*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *щ* свидетельствует о влиянии русского языка.

Пополнение лексической системы языка персидскими, арабскими, монгольскими, русскими терминами рассматривается как влияние внешних факторов на развитие языка. Такие термины в различных словарях казахского языка встречаются часто. Мы считаем, что воздействие внешних факторов на природу и развитие языка необходимо изучать и систематизировать. Выявление исторического фона в природе языка важно для определения состава реестра слов (исконных единиц и заимствовании), характеристики словарного фонда говорящего, *грамматических* изменений, направления развития языка, наблюдения уровня заимствования.

Необходимо изучать в развитии языка долю и границы внешних факторов. Слишком большое количество заимствованных слов в синтаксической системе может оказать негативное влияние и затормозить внутреннее развитие природного языка, усилить процессы пиджинизации. Устная речь городского населения не должна оставаться вне внимания ученых лингвистов. Изучение внешних факторов является главным условием при определении особенностей развития языка.

Список литературы:

- Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. [Текст] / В.А. Звегинцев. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1964 (Ч. 1), 329 с.
- Кунанбаев А.* Сочинение. [Текст] / А. Кунанбаев. 1957, 201 с.
- Томанов М.* Историческая грамматика казахского языка. [Текст] / М. Томанов. Алматы.: Гылым, 1988, 287 с.

Сафонова В.В.
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Safonova Victoria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

SOME PROBLEMS IN TRANSLATING WORKS ON MODERN LANGUAGE TEACHING

METHODOLOGY

В статье поднимается вопрос о необходимости анализа качества переводов в области языковой педагогики в соответствии с переводческими стандартами, с учетом профессиональной специфики методических текстов, методического опыта отечественных специалистов и особенностей (включая социокультурные) восприятия текста перевода в русской аудитории. При этом автор уделяет особое внимание переводу той методической литературы, которая ориентирована на базовые общеевропейские образовательные ценности и важна для развития теории и методики обучения иностранным языкам в России в контексте общеевропейской образовательной интеграции и с учетом национальных приоритетов. Автор обращается к анализу перевода англоязычных изданий “Communication in the modern languages classroom” и “Common European Framework for Reference: Learning, teaching, assessment”, подготовленных в процессе осуществления двадцатипятилетнего общеевропейского проекта «Изучение языков для европейского гражданства» в разные временные периоды, и показывает с какими трудностями сталкивались переводчики в 90-х годах и какие из них все еще продолжают существовать в настоящее время как следствие недостаточной методической подготовки даже профессиональных переводчиков, а также ввиду отсутствия солидной информационно-справочной базы для самообразования в области теории и методики обучения иностранным языкам в переводческих целях. В статье анализируется ряд типичных переводческих ошибок, выявленных в процессе анализа перевода научно-методической литературы в области обучения иностранным языкам.

The article draws the reader’s attention to the necessity of starting to analyze the translations of works on language teaching methodology in terms of translation-quality standards and with a view to specific features of FLT texts, Russian experiences in FLT and some characteristics of their professional perception and mentality of teachers as an addressee of translations. The author pays special attention to the translation of those books that are basically oriented towards European educational values and which are of primary importance for developing FLT methodology in Russia in the context of European educational integration without neglecting national educational heritage. The author analyses the Russian translations of “Communication in the modern languages classroom” and “Common European Framework for Reference: Learning, teaching, assessment”, the outcomes of the twenty-five-year international European project “Language Learning for European Citizenship”. The article compares the translation difficulties that faced the translator in the 1990s with those that he has to overcome nowadays while translating literature on FLT methodology, spots some typical translation errors and discusses some reasons for them, such as the translator’s inadequate methodological competence and a limited number of Russian reference materials that may be used by the translator for self-educational purposes.

Ключевые слова: методический перевод, перевод в общеевропейском образовательном пространстве, языковая педагогика, переводческие трудности, типичные переводческие ошибки, перевод как инструмент межкультурной профессиональной коммуникации.

Key words: translation of methodological works, translation in European educational environment, language pedagogy, translation difficulty, translation errors, translation as a means of intercultural professional communication.

В современном многоязычном и поликультурном мире продолжает возрастать роль перевода во всех сферах жизнедеятельности человека – политической, экономической, производственной, социальной и духовной, не оправдывая прогнозы тех, кто пытался прогнозировать снижение места и роли перевода как билингвальной межкультурной коммуникации и продуктов этой деятельности уже в 21 веке. В языковом образовании с начала 1990-х гг. стало постепенно возрастать количество переводных методических изданий, особенно с английского на русский и другие европейские языки. При этом речь идет не только о переводе научно-методических публикаций конкретной страны, но и общеевропейских документов, а также книг, имеющих общеевропейскую направленность и значимость для развития школьного и вузовского образования в Европе. Например, среди них “Speaking across borders: the role of higher education in furthering intercultural dialogue” [2010], White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”¹⁹[White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity” 2008], К англоязычным изданиям с общеевропейской доминантой относятся и “Communication in the modern languages classroom” [Sheils,1993], ”Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment” [2001], последнее издание, как известно, сыграло немаловажную роль в модернизации языкового образования во многих странах, включая Россию. Поскольку уровень владения английским языком в педагогическом сообществе пока еще недостаточен, чтобы использовать только оригинальную методическую литературу для профессиональных целей, вышеупомянутые издания были переведены на многие европейские языки.

В России эта методическая литература используется как в оригинале, так и в переводе в административно-педагогической сфере, при подготовке учебно-справочных изданий, научно-методической и учебно-методической литературы, научных статей и монографий. Поэтому качество ее перевода играет немаловажную роль для принятия в российском педагогическом сообществе продуманных дидактико-методических решений в отношении развития вузовского или школьного образования как одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека.

В этой статье хотелось бы остановиться на вопросах качества перевода англоязычной методической литературы на русский язык, поднять вопрос о существовании значительных проблем в этом виде в том числе и образовательного плана. А также представляется важным обратить внимание на целый ряд обстоятельств, которые могут затруднять работу переводчика при работе с рассматриваемой специальной литературой, вести к переводческим погрешностям и

¹⁹ Здесь и далее в статье написание названий англоязычных публикаций дается с ориентацией на орфографию текста оригинала.

изъянам, а как следствие – к затруднению восприятия продукта его труда представителями педагогического сообщества.

Прежде всего представляется целесообразным обратиться к переводу книги “Communication in the modern languages classroom” [Sheils, 1993], которая представляет собой результаты международного методического проекта №12 “Learning and teaching modern languages for communication”, входящего в многолетний общеевропейский проект “Language Learning for European Citizenship” с 1962 по 1997 г. В ней очень кратко перечислен ряд теоретических положений об обучении иностранным языкам в контексте западноевропейского понимания задач обучения языку в современном мире, более подробно излагаются методические взгляды на содержание и технологии коммуникативно-прагматического обучения иностранному языку /ИЯ/, а также даны многочисленные примеры иноязычных коммуникативно-ориентированных упражнений и заданий с особым акцентом на формирование и совершенствование речевых умений. Русский перевод книги был озаглавлен “Коммуникативность в обучении современным языкам” [Шейлз, 1995], который значительно расширяет смысловое наполнение оригинального названия книги, но его вполне можно принять как допустимое, если исходить из содержания переведенной книги. Если прочитать полностью предложенный перевод этой книги, то основные методические акценты содержания книги Дж. Шейлза в основном переданы в тексте перевода, вместе с тем в нем можно найти немало переводческих погрешностей. Остановимся на одной из них, характерной не только для переводчика этой книги. Обратимся к переводу названий глав в книге “Коммуникативность в обучении современным языкам [Шейлз, 1995] см. таблицу 1). В глаза сразу же бросается тот факт, что переводчик не был осведомлен о существенных различиях между методическим понятием «навык» и методическим понятием «умение». Оглавление книги явно вводит ее читателя в заблуждение, поскольку англоязычные методические термины типа “listening skills”, “reading skills”, “speaking skills”, “writing skills” переводятся как навыки аудирования, чтения, говорения и письма, в то время как речь в тексте оригинала идет об умениях аудирования, чтения, говорения и письма (письменной речи). Иными словами, вместо использования в тексте перевода методического термина «умение» имел место факт неадекватного использования методического термина «навык».

И это достаточно часто встречающаяся переводческая ошибка при переводе методической литературы с английского языка на русский. Между тем, навык – это действие, достигшее уровня автоматизма и характеризующееся цельностью, отсутствием поэлементного осознания и функционирующее в речевой деятельности, которая включает речевые действия и речевые операции. Операции, доведенные до автоматизма, называются речевыми навыками [Азимов, Щукин, 2009, с. 150-151)]. Традиционно в методике обучения ИЯ используют словосочетания

«грамматические, лексические, фонетические, интонационно-синтаксические навыки», когда объектом обучения выступают языковые аспекты.

Таблица 1.

“Communication in the modern languages classroom” [Sheils,1993]	“Коммуникативность в обучении современным языкам” [Шейлз, 1995]
Contents	Оглавление
1. Some Principles of Communicative Language Teaching	1. Некоторые принципы коммуникативного обучения языкам
2. Promoting Interaction in the Classroom.	3. Развитие взаимодействия в обучении.
3. Developing Listening Skills.	4. Развитие навыков аудирования.
4. Developing Reading Skills.	5. Развитие навыков чтения.
5. Developing Speaking Skills.	6. Развитие навыков говорения.
6. Developing Writing Skills.	7. Развитие навыков письма
7. Developing Linguistic Competence.	8. Развитие языковой компетенции.
Appendix	Приложение
Bibliography	

Вполне понятно, что обучение аудированию, чтению, говорению и письменной речи, будучи сложнейшими видами речевой деятельности принято в методике описывать не в терминах навыков, а умений, причем речевых умений. Под речевым умением понимается способность человека осуществлять то или иное речевое действие или даже комплекс взаимосвязанных коммуникативных умений в условиях решения человеком коммуникативной задачи. Оно осуществляется на основе автоматизированных речевых навыков и приобретенных коммуникативных знаний. Как отмечают Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин, речевые умения характеризуются продуктивностью, иерархичностью, творческим характером, обладают известной психологической самостоятельностью [Азимов, Щукин, 2009, с. 254].

От того, имеют ли педагоги дело с формированием и отработкой речевых навыков, с доведением их до автоматизма или объектом их обучения являются речевые умения, строятся совершенно разные методические системы обучения языку и, соответственно, подбираются в каждом из случаев качественно иные методические упражнения и задания. Таким образом, к сожалению, в рассматриваемом переводе неадекватно используется термин «навык», не только в оглавлении, но и в текстах глав 3-6.

К сожалению, такие искажения при переводе методической литературы могут иметь ряд негативных последствий для профессионального осмысления и профессиональной оценки читателем образовательной ценности того или иного переводного издания. Можно сказать, что

это в немалой степени искажает методическое терминологическое пространство и вносит немалую терминологическую путаницу в отечественное педагогическое сознание. Впоследствии, как показывает анализ журнальных методических статей особенно молодых научных работников, она может постоянно всплывать в различных видах профессиональной деятельности педагога, начиная с выступлений по обобщению своего собственно педагогического опыта и кончая написанием учебных программ различных курсов по ИЯ. Попутно заметим, что многочисленная терминологическая тавтология, терминологическая некорректность, наблюдаемая в настоящее время в диссертационных работах разного научного профиля (и не только методического) частично корнями уходит в качество продуктов перевода, особенно в тех случаях, когда перевод выполняется не профессиональным переводчиком, а любым научным работником, анализирующим зарубежные работы в исследовательских целях.

Одна из проблем перевода методической литературы состоит и в том, что англоязычные методические тексты (за исключением некоторых областей языковой педагогики) создают у переводчика иллюзорное впечатление языковой простоты и ясности (по сравнению, например, с научно-техническим текстом), и ему не приходит в голову, что целый ряд якобы совершенно понятных слов, например, типа “skill” (поскольку они употребляются и в не профессиональных сферах деятельности), обладают строго определенным терминологическим смыслом. Однако вследствие каких обстоятельств профессиональный переводчик, владеющий в достаточной степени английским языком, общей стратегией и технологией перевода, сделал свой текст профессионально уязвимым в методическом плане? Безусловно, профессиональная компетентность переводчика при работе с рассматриваемым методическим материалом предполагает и наличие у него методической грамотности, если не методической компетенции. А насколько это было возможно в период подготовки и издания русской версии книги Дж. Шейлза? Напомним, что его английская книга “Communication in the modern languages classroom” вышла в 1993 г., а перевод – в 1995 г. Какова была методическая ситуация в области обучения ИЯ в это время?

С одной стороны, еще в советское время коммуникативный подход к обучению иностранным языкам в трудах Е.И. Пассова [Пассов, 1985], Г.А. Китайгородской [1981], А.А.Леонтьева [Лентьев, 1983] и целого ряда других отечественных ученых развивался параллельно с зарубежными исследованиями в этом научном направлении [Trim, 1977, Brumfit & Jonsen, 1979; Littlewood, 1981 и др.]. Но с другой стороны, этот подход не доминировал и не мог доминировать в практике преподавания иностранных языков в СССР за исключением отдельных учебных заведений в силу ряда объективных и субъективных причин. Одно из них было то обстоятельство, что социокультурный контекст изучения ИЯ в советское время не

характеризовался возможностью широкого международного взаимодействия представителей разных слоев советского общества с представителями других стран и континентов (по сравнению с социокультурным контекстом изучения ИЯ в настоящее время).

Иными словами, коммуникативный подход не был востребован в обществе, а социальный статус иностранного языка как учебного предмета был весьма и весьма невысок. Методика обучения иностранным языкам также не занимала доминирующего положения в сфере подготовки специалистов в вузе, за исключением педагогических вузов, поэтому у многих профессиональных переводчиков не было возможности получить хотя бы дополнительное методическое образование, необходимое для работы с методической инновационной литературой. Социальная востребованность методических переводов также была несопоставимо ниже, чем переводов художественной или научно-технической литературы, что не позволило вовремя обратить внимание на проблемы перевода именно методического текста. Помимо этого, длительное время, вплоть до конца 1990-х, в России не уделялось должного внимания созданию методической справочной литературы, да и методические словари энциклопедического характера [Щукин, 2007, Азимов, Щукин, 2009] появились лишь к 2007 г. Таким образом ситуация усугублялась фактическим отсутствием полновесной информационно-справочной основы для работы переводчика и его самообразовательной деятельности в области теории и методики обучения ИЯ.

Однако с середины 1990-х социальная востребованность переводов как общепедагогического характера, так и методических переводов в области языковой педагогики стала постепенно возрастать, в том числе и с появлением книг общеевропейской направленности, например, к ним относится англоязычное издание “Common European Framework of Reference: Learning, teaching, Assessing” [2001] – своеобразный итог и завершающая фаза двадцатипятилетнего общеевропейского проекта “Language Learning for European Citizenship”, в детальном обсуждении которого участвовали все европейские страны, включая и Россию. Следует сказать, что кембриджскому изданию этой книги в 2001 г. предшествовала в 1996 и 1997 гг. публикация двух рабочих вариантов этих материалов для обсуждения европейскими странами, один из которых “Common European Framework of Reference for language learning and teaching” был также переведен в России под названием «Современные языки: Изучение, преподавание, оценка. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» [2005]. Перевод вышеупомянутых рабочих материалов Комитета по образованию Совета Европы был намного сложнее, чем перевод упомянутой ранее книги Дж. Шейлза, поскольку его содержание отличалось теоретической сложностью и новизной, прикладной характер ему придавали лишь вопросы практического плана по ориентации читателя, каким образом и в какой мере следует ориентироваться на те или иные общеевропейские методические доминанты многоуровневого и поликультурного языкового

образования в Европе. В русском переводе этой рабочей англоязычной версии 1996 года наблюдаются значительные погрешности в выборе русских эквивалентов для названий глав, терминологического методического наполнения текста перевода, а также некоторое злоупотребление деформацией опущения [Гарбовский, 2004, с.511] текста оригинала. Вместе с тем, сам опыт перевода этого документа дал возможность переводчикам впоследствии методически подготовиться к более качественному переводу кембриджского издания книги “Common European Framework of Reference: Learning, teaching, Assessing” [2001].

Русский перевод кембриджского издания этой книги «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» в нашей стране был опубликован в 2005 г., и он был востребован в российском языковом образовании. За это время произошло несколько важных изменений в языковой педагогике, педагогическом сообществе, в школьной и вузовской образовательной среде. К сравнению с условиями работы переводчика в 1996 г. в процессе подготовки рабочей версии материалов Совета Европы к 2005 г. общеввропейский компонент в методическом сознании представителей, ориентированных на модернизацию не только школьного, но и вузовского образования в России, значительно усилился, поскольку :

- увеличилась степень доступности этой книги в России на языке оригинала, а затем и в онлайн-варианте;
- наблюдалось усиление внимания к общеввропейскому компоненту языкового образования как в теории, так и в практике обучения иностранным языкам, поскольку ранее появился ряд работ, затрагивающих вопросы «европеизации» российского языкового образования [Сафонова, 1995; Сафонова 2004];
- помог опыт России с 1997 г, приобретенный в процессе ее активного и плодотворного участия во многих международных проектах и международных семинарах по линии Совета Европы, а также в проекте по созданию национальных вариантов Европейского языкового портфеля, в которые были вовлечены многочисленные региональные представители нашей страны и тем самым создавалась социально-педагогическая основа как для распространения общеввропейского опыта языкового образования в России и его критического осмысления, так и для построения методических моделей обучения иностранным языкам с учетом общеввропейских тенденций в развитии языкового образования и с учетом национальных интересов страны;
- началась подготовка и издание справочных методических словарей, хотя справедливости ради следует опять заметить, что толковые словари методических терминов энциклопедического характера появились не ранее 2008-2009 гг.;

- значительно возросли научные, научно-методические международные контакты в процессе участия в международных конференциях, совместного выполнения международных проектов;
- стала появляться иноязычная учебная литература, учитывающая отечественные и зарубежные методические инновации.

Иными словами, существенно изменилась образовательная и педагогическая среда, в которой стали осуществлять профессиональную деятельность не только педагоги, но и переводчики, тем более, что многие из переводчиков сочетали профессиональную переводческую и преподавательскую деятельность в вузе. Отразилось ли это на качестве перевода кембриджского издания книги “Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment” [2001] по сравнению с переводом рабочих материалов той же тематики и проблематики 1996 г.? В ряде случаев на этот вопрос можно ответить утвердительно. Коллектив переводчиков справился с выбором методически оправданных названий глав, при этом удалось учесть и особенности методического восприятия текста этой книги российской аудиторией, значительно снизилось количество случаев неоправданного использования такого переводческого приема, как переводческая деформация опущения, когда из перевода были исключены важнейшие методические положения и разъяснения. Вместе с тем ряд переводческих трудностей остались: многие из них были следствием доминирования англоязычной лингвокультуры (в том числе и методического плана) в подготовке и издании “Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment” [2001], а, соответственно, наличия в нем понятий, к которым нелегко подобрать русские эквивалентные варианты. Например, к ним относится понятие “framework”, столкнувшись с трудностями его передачи на русском языке, переводчики были вынуждены значительно сузить понятийный смысл английского названия текста оригинала, озаглавив документ как «Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение и оценка» [2005]. И тем самым из английского названия было изъято указание на ориентировочно-рекомендательную функцию данной книги для развития национальных систем языкового образования в общеевропейском ключе. Хотя, если бы переводчики были знакомы с теорией умственных действий П.Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий [Гальперин, 1999], то они могли бы использовать его ключевое понятие «ориентировочная основа», соотносимое с понятием “framework”, которое является ключевым в тексте оригинала.

Опираясь на типы переводческих искажений, обозначенных в работе Л.К. Латышева «Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода» [Латышев, с.134-136],

был проанализирован русский перевод кембриджского издания книги “Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment” на предмет выявления а) искажений, при которых переводной текст вводит в заблуждение относительно предмета сообщения (они составили 11 % от общего количества переводческих искажений), б) искажений-неточностей, которые не полностью передавали смысл ряда методических понятий, однако читатели (не имеющие возможности ознакомиться с оригиналом книги) могли понять основное в выдвигаемых концептуальных положениях текста перевода (они составили 65 % от общего количества переводческих искажений) и в) переводческой неясности в силу функционально-содержательного изъяна текста перевода (они составили 24 % от общего количества переводческих искажений). При этом любопытно отметить, что наблюдается весьма неравномерное распределение понятийных погрешностей в тексте перевода, в зависимости от степени теоретической сложности той методической области научно-методического знания в языковой педагогике, которая становится предметом специального рассмотрения в данном кембриджском издании.

К такой методической области подобного рода относится проблематика и тематика контроля (включая тестирование) и методика оценки уровня коммуникативного владения языком, которые рассматриваются в девятой главе «Assessment». В ней обсуждаются различные цели педагогического оценивания уровня иноязычной коммуникативной компетенции или отдельных ее компонентов и соответствующие типы контроля и методики оценивания, при этом обращается внимание читателей на то, каким образом возможно примерить такие конкурирующие критерии, как комплексность, точность и операционная осуществимость при оценке. В этой главе переводчикам (ибо это был коллективный перевод) пришлось столкнуться с целым рядом терминов (например, holistic approach, specification, checklist, ckecklist rating, grid, norm-referencing assessment, criterion-referencing assessment), к которым они не всегда могли подобрать адекватные методические эквиваленты на русском языке. Даже в том случае, когда иноязычный термин типа «спецификация» (который уже в начале нового тысячелетия разъяснен в книге «Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях» [Сафонова, с. 199-208] и вошел в российскую образовательную среду), при встрече с англоязычным заголовком “The specification of the content of tests and examinations” дается перевод «определение содержания тестов и экзаменов», что, безусловно, искажает смысл названия и переведенного подраздела. В этом случае опять подвела методическая неосведомленность переводчиков и попытки перевести достаточно сложную в понятийном отношении главу без:

- проникновения в концептуальные различия в трактовке этих вопросов контроля и тестирования в российской и англоязычной методической литературе;
- ознакомления с опытом перевода с английского на русский литературы в данной области методического знания;
- использования толковых методических словарей, в том числе словарей терминов а области тестирования, изданных в России и за рубежом.

В результате текст девятой главы может быть понятен только человеку, который читал книгу на английском языке и/или который достаточно сведущ в вопросах контроля и тестирования, в противном случае это вызывает профессиональное отторжение, как показывает опыт работы с преподавателями. Но ведь русский перевод этой книги предполагает ее широкое использование в сфере российского образования и его качество играет немаловажную роль для осмысления европейского и национального наследия и достижений в языковой педагогике.

В статье обозначены лишь некоторые из проблем перевода современной методической литературы, очевидно, что их гораздо больше и для их выявления необходимо объединить усилия переводчиков, педагогов перевода и специалистов в области теории и методики обучения иностранным языкам.

Список литературы

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов / П.Я. Гальперин. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник / Н.К.Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Китайгородская Г.А.* Интенсивное обучение иностранным языкам: Учеб. пособие для преп.вузов и студ. пед. ин-тов / Г.А. Китайгородская. – М.: Высшая школа, 1981. 254 с.
- Латышев Л.К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода / Л.К.Латышев. – М.: Просвещение, 1998. 160 с.
- Леонтьев А.А.* Принцип коммуникативности и психологические основы интенсификации включенного обучения / Л.К.Латышев // Русский язык за рубежом. – 1983. – №14. С.48-53.
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение. Оценка.* – Страсбург: Московский государственный лингвистический университет, 2005. 247 с.
- Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И.Пассов. М.: Просвещение, 1985. 230 с.
- Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В.Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.
- Сафонова В.В.* Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях / В.В.Сафонова // Серия: О чем спорят в языковой педагогике. – М.: Еврошкола, 2004. 236 с.
- Современные языки: Изучение, преподавание, оценка.* «Общеввропейские компетенции владения

иностранным языком». Проект 2. – Страсбург, 1996. 145 с.

Шейлз Дж. Коммуникативность в обучении современным языкам / Проект №12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения». – Страсбург: Совет Европы Пресс, 1995. 349

Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А.Н.Щукин. – М.: Астрель, АСТ, Хранитель, 2007. 752 с.

Common European Framework of Reference Learning, teaching, assessment. – Cambridge: CUP, 2001. 260 с.

Common European Framework of reference for language learning and teaching // Language Learning for European citizenship. – Strasbourg: Education committee, 1996. 204 с.

Intercultural dialogue on Campus (Council of Europe higher education series No.11). – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2009. 209 p.

Littlewood W. Communicative Language Teaching / W.Littlewood. – Cambridge: CUP, 1981. 108 p.

Sheils J. Communication in the modern languages classroom. (Project No. 12 “Learning and teaching modern languages for communication”) / J. Sheils. – Strasbourg: Council of Europe Press, 1993. 309 p.

Speaking across borders: the role of higher education in furthering intercultural dialogue (Council of Europe higher education series No.16). – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2010. 201 p.

The Communicative Approach to Language teaching / Edited by C. Brumfit & K. Jonson. – Oxford: OUP, 1979. 254 p.

Trim J.L.M. A European Credit System. – Modern Languages in Scotland. – 1977. – #14. – pp.39-44.

White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity” Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118 th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008) Council of Europe F-67075 Strasbourg Cedex June 2008. 61 p.

Северская О.И.
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

Severskaya Olga
Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)

«В ГРЕЦИИ ВСЕ ЕСТЬ!»: ОБРАЗ ГРЕЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

«GREECE HAS IT ALL!»: THE GREECE'S IMAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

В статье рассматриваются особенности употребления и значения фразеологизма «в Греции все есть» в русской литературе и публицистики. Корпусный анализ позволяет определить шкалу оценки изобилия, образ которого стоит за стереотипным представлением о Греции как символе благополучия. Выявляются сущности, которые сравниваются с греческим изобилием: Россия и другие страны, столицы, города, села, люди и их качества, материальные ценности, торговые площади и товары. Показывается, что в прозе и публицистике речевой стереотип сохраняется, а в поэзии он радикально меняется в исторической перспективе.

The article discusses the peculiarities of the use and meanings of the idiom «Greece has it all» in Russian literature and journalism. The corpus analysis allows to determine the scale of assessment of abundance, whose image is behind the stereotypical image of Greece as a symbol of prosperity. The author identifies entities that are compared with the Greek abundance: Russia and other countries, capitals, cities, villages, people and their quality, material goods, retail premises and goods, spiritual values. It is shown that in prose and journalism speech stereotype persists, and in poetry it changes radically in a historical perspective.

Ключевые слова: образ Греции, языковое сознание, речевые стереотипы, идиоматика, корпусный анализ.

Key words: the image of Greece, language consciousness, speech stereotypes, idiomatic, corpus analysis

Вне зависимости от перипетий своего исторического, политического и экономического развития, Греция в русском языковом сознании в подавляющем большинстве случаев предстает как символ благоденствия. Национальный корпус русского языка [НКРЯ, Эл. ресурс] дает немало примеров того, что Греция испокон веков характеризуется как *счастливая, блаженная, благословенная, роскошная, изобильная* страна, предмет вожеления и образец для подражания. Еще со времен А.П. Сумарокова звучит призыв: «Наполняйтесь, россияне, Теми сладкими струями, Кои Греция пила...». А квинтэссенцией представлений о греческой изобильности становится ставшая крылатой фраза грека Дымбы из водевиля «Свадьба» А.П. Чехова: «Это в России нищего нету, а в Греции все есть».

Эта цитата вошла в «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой, со следующим толкованием: «1. Употр. в знач. ‘у нас имеется все’ (особенно в тех случаях, когда появляется особая необходимость в чем-л., что есть у говорящего). 2. О человеке, хвастливо претендующем на то, что у него есть все» [Берков и др., 2000, с. 66]. Безусловно, вторым значением выражение обязано «первосказателю» – хвастуну Дымбе: по его словам, *в Греции есть и тигры, и львы, и кашалоты, и омары, даже рыжики и грузди есть...* Однако задолго до чеховского героя, как показывает НКРЯ, грекам было свойственно бахвальство: *Пред светом хвалится и Греция и Рим* [С.А. Ширинский-Шихматов Приглашение друзей на вечернюю беседу], – считали еще в начале XIX в.

В большинстве случаев связь со «Свадьбой» А.П. Чехова осознается теми, кто использует сегодня превратившееся в речевой стереотип обозначение греческого изобилия: **Чехова все читали:** «*В Греции все есть*» [В. Быков, О. Деркач. Книга века]; **Всем известна «летучая» фраза** «*В Греции все есть*» **из чеховской «Свадьбы».** [Комсомольская правда, 2005.09.26]. Встречаются и ссылки на киноверсию водевиля, как в следующем пассаже, где не только упоминается первоисточник, но и присваивается имя чеховского героя одному из говорящих и имитируется структура прецедентного диалога: **Интонация** <...> *ответа про родники живо напомнила мне бессмертную для любого советского человека сцену из старой кинокартины «Свадьба» по Чехову под «кодовым» названием «В Греции все есть». Итак: «Харламбий Спиридонович, а есть ли в Англии родники?» – «В Англии есть родники. В Англии все есть»* [А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой]. Аллюзия к А.П. Чехову «прочитывается» даже тогда, когда ни он сам, ни его бессмертное произведение прямо не упоминаются, но аллюзия мотивируется речевой ситуацией: *Да-да, фимиан... У нас пчелы собирать мед с этих цветочков, и который мед – с фимиана – Кипр экспортирует, потому что нигде такой мед больше нет, нигде. Только у нас! – В Греции все есть, – по-русски сказала Регина. И далее мы останавливались еще несколько раз, Василис прыгивал, исчезал куда-то и возвращался с какими-то веточками, листиками, цветочками, давая нам понюхать и не отвечая на вопрос, когда же мы, черт возьми, вернемся в отель* [Д. Рубина. Окна]. В целом же выражение *в Греции все есть* осознается как стереотипное: *согласно расхожей истине в Греции есть все* [Советский спорт, 2005.09.29] и характеризуется как *ставшее почти крылатым* [«Республика Саха», 1996.09.05].

Подобно другим фразеологизированным выражениям (вслед за Н.А. Шанским [1985, с. 78] назовем так обороты, которые хоть и состоят из слов, семантически не связанных, но воспроизводятся как единицы с постоянным значением и составом), крылатая чеховская фраза, употребляясь в двух, отличающихся лишь порядком слов вариантах (*в Греции не только все есть, но и есть все*), может входить в состав тропов, в частности, в сравнительные обороты: *здесь, как в*

Греции, – все есть, были бы желание и деньги [Комсомольская правда, 2003.06.04], а также использоваться в языковой игре, например, в каламбурах: **В Греции все есть... можно без риска отравиться.** <...> **Оказывается, что в Греции нет ничего. Ничего такого, что бы нельзя было купить** [Н. Богословский. Заметки на полях шляпы].

Нужно сказать, что в отдельных случаях стереотипные представления, стоящие за рассматриваемым речевым оборотом, подвергаются сомнению: *Кто сказал, что в Греции есть все?* [Труд-7, 2007.06.07]; *Вот говорят, в Греции все есть. Был там и не уверен, что это правда* [Советский спорт, 2010.06.08]. Есть и примеры того, что говорящий отмечает несоответствие стереотипа реальности, но при этом остается в меньшинстве в обществе, верном устоявшимся представлениям. Такая ситуация, в частности, отражена в следующем контексте: *Сначала я всегда пою смелую песню... Ну... хотя бы вспомни мою «Песнь о недостатке цитрусовых в Греции». Я пою ее и, допустим, вижу, как... на челе иных появляется легкая задумчивость. И тогда тотчас, без передышки, я начинаю петь вторую песню о том, что «в Греции все есть». Я пою ее обычно в два раза дольше. Так что о первой забывают* [Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин]. Интересно, что и поэтический подкорпус НКРЯ содержит свидетельства того, что тезис о том, что «Греции все же чего-то не хватает», не раз становился актуальным; при этом и сама Греция виделась поэтам искательницей чего-то недостающего ей для «полноты счастья»: *ищет Греция Елены* [А.П. Сумароков. Ода <...> в 25 день ноября 1743], но чаще все же те, кто видел ее, не могли похвастаться полнотой обладания греческими сокровищами: *Я в Греции был. Я не видел Трои* [И.В. Чиннов. Памяти Ю. Терапиано].

Но в большинстве случаев речевой стереотип все же сохраняется: *В Греции все есть – или, по крайней мере, было* [«Спецназ России», 2003.06.15]; при этом стране может приписываться даже то, чего в ее истории не случилось, как в примере, где аргументом в пользу «восполнения пробела», доказательством выступает именно чеховское «в Греции все есть»: *Потом решат сделать эти соревнования традиционными, проводить раз в четыре года и называть Зимними Олимпийскими играми. Кое-кто станет возражать, мол, у древних греков таких не было, но ретроградов живо переубедят. Нам теперь их возражения просто смешны. Ведь Чехова все читали...* [В. Быков, О. Деркач. Книга века]. И, как правило, именно «былые заслуги» оправдывают «великогреческий шовинизм», например, в истории ресторатора Гаса, «сделавшего состояние в Америке, но живущего по принципу “в Греции все есть”»: *Одному американцу он заявляет: «У нас уже были гениальные философы, когда твои предки еще болтались на хвостах на деревьях». «Шовинизм» его беззлобен, чаще всего смешон, но искренен. Он даже свой дом рядом с обычными коттеджами выстроил в виде маленького Парфенона* [Труд-7, 2002.11.14].

Интересны и примеры наложения стереотипов в определенных контекстах, где

метонимический образ преобразуется в гиперболу: ***В Грецию едут не только за шубами. В Греции все есть... <...> В Греции мы нашли больше того, чего ожидали*** [«Республика Саха», 1996.09.05].

Встречаются и контексты, в которых обыгрывается представление о том, что если в Греции и так «все есть», то ей больше ничего и не надо, как, скажем, в этом рассуждении о турнирных перспективах российского и греческого футбола: ***В последнем туре мы расколем гречкий орешек – гордые сыны Элады к тому времени уже сольют два матча, ну а где два поражения, там и три. В конце концов, в Греции все есть – и зачем им, спрашивается, лишних три очка?*** [Комсомольская правда, 2003.12.01].

Таким образом, стереотип не всегда отражает реальность и пресловутое «все есть» оценивается в его рамках по шкале «не вполне достаточно» – «вполне достаточно» – «более чем достаточно». Реальность, соответственно, либо не отвечает обусловленным стереотипом ожиданиям, «не дотягивает» до них, либо их в определенной степени превосходит.

Заложенное еще чеховским греком Дымбой противопоставление в языковом сознании россиян Греции как страны всеобщего и частного благоденствия и абсолютно нищей России (Дымба: *Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут нищего нету* [А.П. Чехов. Свадьба]) в современной литературе и публицистике превращается в уравнение, представляющее Грецию в образе места, где «все, как у нас». Например, не только у нас активные «новые русские» оттеснили на обочину истории пассивных интеллектуалов: ***В Греции все есть. И новые греки тоже. С незыблемой верой во всемогущество денег и красивыми любвеобильными женами. И чудаковатые интеллигенты, предпочитающие мирно коротать свой век в тихом местечке и в теплой компании любимых книг*** [«Столица», 1997.04.01]. И не только наши города задыхаются в автомобильных пробках, это подтверждает повествование о пути футболистов петербургского «Зенита» в греческий отель: ***По расстоянию – чуть больше 40 километров. По времени – больше часа, поскольку <...> в Греции есть все, включая немыслимые пробки. Питерские по сравнению с ними – почти ничто. Хотя население обоих городов почти одинаковое, около 5 млн. жителей*** [Советский спорт, 2005.09.29]. С другой стороны, и у нас может быть «как у них»: ***Автомобили у нас любят. <...> Так что с автомобилями у нас теперь как в Греции – все есть. <...> По Москве ездит все больше удивительных автомобилей. Завсегдатаям дорог встречается то новый Ниттер, то безукоризненный Lincoln 50-х годов с сиреневыми крыльями*** [«Домовой», 2002.10.04]; ***Почему за машинами едут в Москву? Да потому, что в ней, как в Греции, есть все! Так было и 20 лет назад, когда сюда ехали за продуктами, так осталось и сейчас, когда в столицу потянулись за хорошими товарами, к которым относятся, конечно же, и автомобили*** [Комсомольская правда, 2001.10.16]. Хотя сравнение проводится только по одному параметру

(широкий ассортимент) и в какой-то одной области (авторынок, рынок качественных товаров), выводы делаются глобальные.

Если Москва и северная столица и в советской истории по отношению к провинции выглядели «полной чашей», то сегодня с изобильной Грецией сравниваются и села, деревни, даже отдельные некогда отстающие хозяйства российской глубинки. При этом за утверждением, например: *В «Маслово», как и в Греции, все есть* [Труд-7, 2000.07.25], может стоять представление чисто внешнее – о европейском благообразии и «полном комплекте» того, что в отдаленных уголках России обычно не встречается: *чистенькие коровы и трезвые механизаторы, цветы на ферме, отремонтированная дорога, вертолетная площадка* – все же не типично русские образы. Но изобильность той или иной российской территории, сравнимая с греческой, не всегда ассоциируется с материальными ценностями. Представление о Греции как стране искусств лежит в основе ассоциации образа полноты возможностей с талантами: *В Оськине, как в Греции, все есть: и танцевальный ансамбль из красивых девчат и статных парней, и свой одаренный бард, он же агроном Василий Князев, и местного колорита сатирик, она же зоотехник Валентина Черных, и... Перечислять можно и дальше* [Труд-7, 2003.02.18]; ср. также: *Возможно, чего-то, конечно, нет в Азербайджане. Это в Греции есть все. Но Азербайджан никогда не был обделен талантами мирового уровня.* [«Известия», 2002.08.14]. Иногда понятия «всё» и «все» в контексте сравнения совпадают, о чем говорит игра на омографии лексических форм: *Наша алия всего лишь скол бывшего Советского Союза. <...> У нас тут, как в Греции, все есть. Все. Даже свои антисемиты, свои Гайдары и Жириновские, свои новые русские. Попадают и любители изящной словесности.* [М. Козаков. Актерская книга].

Заметим попутно, что *Советский Союз* становится «правопреемником» России не только в историко-политическом аспекте, но и в том, что он наследует право ассоциации с вождельной изобильной страной. Из других стран с Грецией чаще сравнивается (иногда и через российское, как в приведенном выше примере, посредство) Израиль, который, по идее, должен был бы мериться благами и богатствами с Палестиной – еще одной землей обетованной. И опять же сравнение осуществляется как по внешне сходным признакам: *Израиль очень, невероятно разный. Там, как в Греции, есть все. Моря и пустыни* [А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев], так и по внутреннему, субъективно установленному сходству: *Жил в чулане, в избенке без печки, В Иудее и в Древней Греции* [А.А. Баркова. «Жил в чулане...»].

Что касается областей, для которых сравнение оказывается релевантным, то это, в первую очередь, области распространения материальных благ. Чаще всего речь идет об изобилии товаров и, соответственно, о торговых площадях и пространствах: *В торговых центрах, как в Греции, есть все* [Комсомольская правда, 2005.10.18]; *Район у нас престижный, сам знаешь. Люди*

состоятельные, и мы должны соответствовать. Чтобы пришла какая-нибудь там толстая сучка в бриллиантах, а у нас (в супермаркете – О.С.), как в Греции, **все есть** [А. Житков. Супермаркет]; может упоминаться, например, интернет-магазин: **этакий виртуальный гипермаркет, где, как в Греции, есть все – от метаксы до абсента и сакэ** [Комсомольская правда, 2007.12.18]. Вместе с тем, основными понятиями, конституирующими для образа греческого изобилия, становятся «многое» и «разное»: *В Интернете, как в Греции, есть все* [«Карьера», 2000.02.01].

Интересно проанализировать, что же стоит за понятием «все». По словарному определению, *всё* – это и обобщающее слово при перечислении, и местоименное существительное со значением «то, что есть, целиком, в полном объеме, без исключения» [Кузнецов, 2008]. В конкретных словоупотреблениях отражаются все смысловые компоненты значения этого слова. Во-первых, это представление о полноте без исключений, о некоем идеальном «закрытом множестве», как в характеристике коллекции записей известного футбольного архивариуса: *Вот говорят, в Греции все есть... <...> А у Акселя Вартамяна действительно есть все. Если это касается футбольной статистики* [Советский спорт, 2010.06.08]. Во-вторых, об исчерпывающем множестве альтернатив, обеспечивающих возможность адекватного выбора в определенных ситуациях, как в примере, где на вопрос о выборе новогодней елки отвечает хоккеист В. Старшинов: *У меня, как в Греции, – все есть. В квартире мы устанавливаем небольшую искусственную елочку, а вот на даче у нас растет живая. <...> Ее мы тоже наряжаем и именно рядом с ней встречаем Новый год* [Труд-7, 2006.12.08]. В-третьих, представление о «роскоши», возделенной и позволенной даже в затрудненных обстоятельствах, уровне, не только достойном человека, но и позволяющем ему сохранить себя, что видно из следующего примера: *На войне как на войне! И все-таки, несмотря на страшные события в Белополье, Цветков не дал себе раскиснуть: по-прежнему ежедневно он брился ступившимся старым лезвием; по-прежнему пахло от него немецким, трофейным одеколоном; по-прежнему утверждал он, что «в Греции все есть»; и по-прежнему требовал от «начхоза» отряда, смиреннейшего Павла Кондратьевича, чтобы бойцы пили не пустой кипяток, а непременно заваренный цикорием, чтобы варили не просто мясо без соли, а хотя бы с кислицей и какой-либо «химией» из Володиной аптеки; в-четвертых, о «непозволенной роскоши», в некоторых обстоятельствах допустимой: *У тебя оружие имеется? – Да я же штатский, – краснея, сказал Устименко. – Я дам, у меня еще один такой «вальтер» в запасе. В Греции все есть. И Цветков совершенно мальчишеским жестом – хвастливым и широким – протянул Володе пистолет* [оба примера: Ю. Герман. Дорогой мой человек].*

Отметим, что за понятием «все» могут стоять не только предметы, окружающие человека и

присваиваемые им по желанию и возможности, но и реалии его внутреннего мира. Так, с греческим «все есть» ассоциируются порой имманентно присущие человеку качества: *Это (чувство иконы, соборность – О.С.) есть или этого нет. В Алексее Васильевиче есть. – Должно быть, – согласился лейтенант. – В Греции все есть* [В. Корнилов. Демобилизация].

В заключение подчеркнем, что в современной литературе и публицистике характерное для русского языкового сознания представление о Греции как символе изобилия сохраняется практически без отклонений от стереотипа, в то время как в поэзии (о чем свидетельствует поэтический подкорпус НКРЯ) образ *Греции (Эллады)* все же претерпевает исторические изменения.

В «дочеховскую» эпоху, начиная с XVIII в., *Греция* ассоциируется с *целым миром*: *Увидя Грецию, упавшую пред ним, Считает целый мир подножием своим* [М.М. Херасков. Чесменский бой]; в русской поэзии этого времени также бытует представление о том, что *кончав войны, Греция в забавах Упражняться начала и, счастьем обильным, Впадать в сластолюбие* [А.Д. Кантемир. Из Горация]. В XIX в. Греция видится русским поэтам землей обетованной: *Открылись Греции долины, Уж море синее, блестя Под солнцем пламенным Востока, Как шум нагорного потока, Обрадовало вдруг меня* [М.Ю. Лермонтов. Корсар]; *Все, что меня с младенчества пленяло, <...> О Греция, все связано с тобой!* [Н.Ф. Щербина. Воспоминание]; *Ты ищешь сладостных минут Под небом Греции твоей* [Ю.В. Ждановская. Посвящение Н.Ф. Щербине] и т.д. А в XX в. уже преобладает взгляд на Грецию как на утратившую то «все», что отличало ее как символ полноты внешнего и наполненности внутреннего мира, полноты бытия, полноты жизненных ощущений: *Все, что ведала Эллада, – Только память, только тень* [В.Я. Брюсов. Женщины лабиринта]; *Продали прекрасную Элладу, Мраморную предали страну* [А.П. Межиров. «Поздний Рим периода упадка...»]; *И если видится мне облик грека, То вспоминается не век Перикла, Но Греция двенадцатого века, Которая упала и поникла* [Л.Н. Мартынов. Перевод с греческого]; *Давно окаменела Афродита, До дырок износилась козья шкура, Которой опоясывалась Греция* [Л.Н. Мартынов. Пан] и т.п. Хотя в некоторых случаях «все» трансформируется в «кое-что», в отдельные достоинства, составляющие греческое достояние и остающиеся неизменными: *Есть еще в Элладе Огонь, и меч, и песня, и любовь!* [В.А. Луговской. Как человек плыл с Одиссеем]. Интересно и то, что Греция в русской поэзии XX в. перестает быть примером для России, страной, ее превосходящей: *завалинка под зябким, хладным солнышком уже кажется шикарней Римов или Греции* [Б.А. Слуцкий. «Что нужно на дожитие тирану...»].

Таким образом, представление о том, что в Греции все есть, оказывается стереотипным только отчасти: поэзия, размышляя традиционно о «высоком» и духовных ценностях, отказывается от этого концептуального и языкового стереотипа и приходит к выводу, что у

современных греков есть далеко не все, если не сказать, что почти ничего не осталось; проза и публицистика же остаются верны шаблону изображения Греции мерилom богатства – не только духовного, но и (все чаще) сугубо материального, хотя и ставит временами его под сомнение и подвергает незначительным трансформациям.

Список литературы

Берков В.П. [и др.] Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. 624 с.

Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.А. Кузнецов. СПб.-М.: Рипол-Норинт, 2008. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Шанский Н.М. Фразеология русского языка / Н.М. Шанский. М.: Высшая школа, 1985. 192 с.

Семенов П.А.
Балтийский институт иностранных языков
и межкультурного сотрудничества
г. Санкт-Петербург (Россия)

Semenov P.
Baltic University of Foreign Languages
and Intercultural Communication
Saint Petersburg (Russia)

*БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КАТЕГОРИЕЙ СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ*

*IMPERSONAL SENTENCES WITH THE CATEGORY OF STATE IN THE NOVEL "EUGENE
ONEGIN" BY A.S. PUSHKIN AND THE WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH*

Русское безличное предложение, в особенности предложение с безлично-предикативным словом, относится к числу ментально значимых, этнически специфических структур, не имеющих точного эквивалента в английском синтаксисе, поэтому их перевод на английский язык представляет переводческую проблему.

В статье рассматриваются вопросы перевода русских односоставных предложений с безлично-предикативными словами в функции сказуемого на материале перевода романа А.С. Пушкина "Евгений Онегин", выполненного Ч. Джонстоном (1977).

The Russian impersonal sentence, in particular the sentence with an impersonal predicative word, belongs to significant mental, ethnically-specific structures that do not have an exact equivalent in the English syntax therefore their translation into English may pose a problem.

The article deals with the issues of translation of the Russian impersonal sentences with impersonal predicative words in the function of the predicate. The research is based on the translation of the novel "Eugene Onegin" (by A.S. Pushkin) made by Ch. H. Johnston (1977).

Ключевые слова: односоставное предложение, безличное предложение, слова категории состояния (безлично-предикативные слова, предикативные наречия, предикативы)

Key words: one-part sentence, impersonal sentence, predicative (impersonal predicative words).

1. Постановка вопроса. Русское односоставное предложение, в особенности предложение безличное, относится к числу ментально значимых этнически маркированных структур. Исследования русского синтаксиса в аспекте этнофилософии приобрели в последние десятилетия особую актуальность. Из работ последнего времени на эту тему можно назвать исследования А. Вежбицкой (1996, 2011) и ее оппонента З.К. Тарланова (1999, 2005).

Так, в работах А. Вежбицкой, очень популярных на Западе, русским приписывается «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» (пассивность) и «любовь к морали», затем производится наложение этих признаков на соответствующие типы синтаксических

структур. Русский синтаксис, по мнению А. Вежбицкой, свидетельствует о природной склонности русских к пассивности и фатализму, морализму и антирационализму. Обосновывается это сопоставлением некоторых типов русских предложений с английскими: «Синтаксис английского языка изобилует номинативными и им подобными конструкциями, а дативные и сходные с ними <...> играют в нем второстепенную роль <...> Напротив, в русском синтаксисе агентивные, личные, волитивные предложения не образуют какого-либо отдельного класса; кроме того, номинативоподобные объектные конструкции не охватывают большинства семантических полей. В то же время безличные дативные предложения занимают в русском языке доминирующее положение; более того, их роль в нем постоянно возрастает (тогда как в английском все изменения в этой области идут ровно в противоположном направлении <...>)» [Вежбицкая, 2011, с. 354]. И далее: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [Вежбицкая, 2011, с. 375].

З.К. Тарланов, напротив, обращает внимание на почти безграничную гибкость русского синтаксиса, позволяющую разными способами передавать одно и то же объективное содержание: *Он (был) убит на войне – Его убили на войне – Его убило на войне; Я грущу – Мне грустно – Мне взгрустнулось – Я печален* и т. п. Всё это свидетельствует, по мнению ученого, о большей степени объективности русского синтаксиса по сравнению с английским, о способности с разных точек зрения посмотреть на одну и ту же ситуацию, поэтому «преобладающее начало в русской культурной традиции, актуализируемое и подтверждаемое типологией русского предложения, видится совсем не в том, на чем акцентирует внимание А. Вежбицкая» [Тарланов, 2005, с. 133]. Эта особенность русской ментальности, по мнению З. К. Тарланова, «в ее масштабной, почти безграничной широте, делающей ее открытой, лояльной, адаптируемой, протеистической к иноэтническим традициям, т. е. объективированной. Та же устремленность к максимальному расширению объективирующих возможностей отчетливо прослеживается в русском синтаксисе, представляющем субъектное и предикатное начала в виде континуума, полярные точки которого приходятся на объективированные, предельно абсолютизированные субъект (номинативное предложение) и предикат (предложения типа *Светает*)» [Тарланов, 2005, с. 133].

Как бы ни решался вопрос об отражении русской ментальности в безличных структурах, следует признать, что предложения этого типа, и в особенности структуры, характеризующие объективное состояние лица, не зависящее от его воли, занимают важное место в синтаксической

системе русского языка и несут весьма существенную смысловую и стилистическую нагрузку в русском художественном тексте. Иногда можно встретить целый каскад безличных предложений, синтаксически организующих весь текст. Ср., напр., такие стихи А. С. Пушкина: *Теперь уж мне влюбиться трудно, Вздохнуть неловко и смешно, Надежде верить безрассудно, Мужей обманывать грешно.*

Активно используют русские классики синонимику безличных, неопределенно-личных и двусоставных предложений. Всё это делает актуальным изучение этих структур в сопоставительно-стилистическом, лингвокультурологическом и переводческом аспектах.

Особым типом безличных предложений русского языка являются предложения, главным членом которых выступает безлично-предикативное слово (*жаль, можно, нужно, нельзя* и др.). Особенностью этих слов является то, что они синтаксически специализировались, т. е. не функционируют больше нигде, кроме безличных предложений. К ним примыкают и слова, оканчивающиеся на -о (*весело, грустно, хорошо* и под.), которые могут выступать как сказуемые безличного предложения (*Мне весело*). Л.В. Щерба высказал предположение, что эти слова образуют в русском языке особую часть речи – *категорию состояния* (далее – КС) [Щерба, 1974, с. 89-91]. Вопрос о частеречном статусе этих единиц в русском языке окончательно не решен, однако при сопоставительно-типологическом рассмотрении морфологической системы русского языка на фоне других языков представляется важным, что в русском языке есть морфологически специализированный класс слов с грамматическим значением состояния и синтаксической функцией сказуемого в безличном предложении, тогда как, например, в английском языке такой класс предикативов отсутствует. Вместе с тем сопоставительные грамматики английского и русского языков, как правило, обходят стороной этот важный грамматический нюанс [см., напр.: Аракин, 2005]. Сказанное делает весьма актуальным изучение этих единиц не только в синтаксическом, но и в сопоставительно-морфологическом аспекте.

2. Безличные предложения с категорией состояния в «Евгении Онегине» и их соответствия в английском переводе. За романом А. С. Пушкина «Евгений Онегин» прочно закрепилась формула В. Г. Белинского «энциклопедия русской жизни». Действительно, это произведение глубоко и разносторонне отразило русскую ментальность, русский взгляд на мир, на такие основные понятия человеческого бытия, как *жизнь, смерть, счастье, любовь, дружба*. Это делает роман Пушкина привлекательным материалом для решения задач нашего исследования: выяснить, насколько значимы в русской языковой картине мира названные синтаксические структуры.

В тексте «Евгения Онегина» встретилось 30 случаев употребления слов КС для передачи состояния субъекта. Статистически эти случаи распределяются следующим образом: *жаль* – 6

употреблений, *грустно* – 3 употребления, *скучно* – 3, *душно* – 3, *страшно* – 2, *можно* – 2, *несносно* – 2, *видно* – 2, *тошно*, *дурно*, *нужно*, *ужасно*, *больно*, *нехорошо*, *довольно* – 1. Эта статистика подтверждает тезис А. Вежбицкой о преобладании в этом ряду в конкретном тексте слов с негативной семантикой. Однако обращает на себя внимание, что в целом слов КС и соответствующих безличных предложений в тексте романа немного, поэтому нельзя утверждать, что эти слова и структуры несут основную идейно-тематическую нагрузку, представляют собой стилистическую доминанту текста. В этом отношении абсолютно прав З.К. Тарланов, сделавший аналогичный вывод на материале русских пословиц. Роман «Евгений Онегин» отражает разносторонний, гармоничный, протестический пушкинский взгляд на мир, и соответствующие структуры в выражении этого целостного взгляда занимают свое скромное место.

Рассмотрим теперь способы передачи соответствующих единиц в английском переводе (Ч. Джонстон, 1977 г.).

1) Самое частотное слово *жаль* переводчик всегда передает по-разному, ни разу при этом не используя безличную конструкцию:

<i>Ну что ж? ты едешь: очень жаль.</i>	<i>You're really going? Well, I'm sad.</i>
<i>Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль</i>	<i>Now, Lensky, would it be so bad</i>
<i>Увидеть мне Филлиду эту,</i>	<i>For me to glimpse this Phyllis ever</i>
<i>Предмет и мыслей, и пера,</i>	<i>with whom your thoughts are so</i>
<i>И слез, и рифм et cetera?..</i>	<i>obsessed --</i>
(3. II.)	<i>pen, tears, and rhymes, and all the rest?</i>

<i>Настали святки. То-то радость!</i>	<i>Christmas came on. What joy, what</i>
<i>Гадает ветреная младость,</i>	<i>gladness!</i>
<i>Которой ничего не жаль,</i>	<i>Yes, youth divines, in giddy madness,</i>
<i>Перед которой жизни даль</i>	<i>youth which has nothing to regret,</i>
<i>Лежит светла, необозрима;</i>	<i>before which life's horizon yet</i>
(5. VII.)	<i>lies bright, and vast beyond perceiving;</i>

<i>Друзья мои, вам жаль поэта<...></i>	<i>My friends, the bard stirs your</i>
(6. XXXVI)	<i>compassion<...></i>

<i><...>А старой мне печали жаль.</i>	<i>The earlier griefs are what I miss.</i>
---	--

(6. XLIV)

*Жаль, разъезжать нет мочи мне;
Едва, едва таскаю ноги.*

*is that my feet lack strength to go
outside the house. But you'll be aching*

(7. XLII)

*Бледнет Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;*

*Meanwhile Onegin starts to languish:
she doesn't see, or doesn't mind;*

(8. XXXI)

2) Слово **скучно**, употребляемое в романе трижды, переводчик также переводит тремя разными способами, ни разу не используя безличное предложение:

а) перевод прилагательным:

*Кому не **скучно** лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно.*

*How **dull** are acting and evasion,
diversely urging the same plea,
earnestly striving for persuasion
on points that all long since agree --*

(4. VIII)

б) в другом случае переводчику понадобилось лексическое усиление, которого нет в тексте Пушкина (*dull and trifling*):

— *Что, Таня, что с тобой? — «Мне
скучно,*

*``Why, Tanya, what...?'' ``All's **dull and
trifling.***

Поговорим о старине».

The olden days, I want to hear..."

(3. XVII)

в) перевод сложным прилагательным **godforsaken** (богом покинутый), которое совмещает семы пушкинского существительного *глушь* и КС *скучно*:

*Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам **скучно**,
А мы... ничем мы не блесим,
Хоть вам и рады простодушно.*

*But you're not sociable, they say:
you find the country **godforsaken**;
though we... don't shine in any way,
our joy in you is warmly taken.*

(3. Письмо Татьяны)

3)КС *грустно* также переводится тремя различными способами

а) прилагательным *painful* (*мучительно*) в безличном предложении:

Без неприметного следа

It would be painful to depart

Мне было б грустно мир оставить.

and leave no faint footprint of glory...

(2. XXXIX)

б) сочетанием «глагол + наречие» (*грустно оплакивать*):

<...> *И долго сердцу грустно было.*

<...> *Sadly he mourned for the departed*

(2. XXXVII)

в) междометием:

Но грустно думать, что напрасно

Alas, our youth was what we made it,

Была нам молодость дана<...>

something to fritter and to burn,

(8. XI)

4) КС *душно* в одном случае переводится безличной конструкцией (там, где в русском оригинале нет дательного субъекта), в двух других случаях – личными конструкциями с глаголом (*swooned*) и глагольным словосочетанием (*finds it stifling*):

«*Не спится, няня: здесь так душно!*

“*I can't sleep, nyanya: it's so stifling!*

Открой окно да сядь ко мне».

open the window, sit down near.”

(3. XVII)

Она темнеющих очей

she lowers darkened eyes, unwitting,

Не подымает: пышет бурно

and trembles like a hunted fawn.

В ней страстный жар; ей душно,

From violent passions fast pulsating

душно;

she's nearly swooned, she's suffocating;

(5. XXX)

Ей душно здесь... она мечтой

She finds it stifling here... she strains

Стремится к жизни полевой,

in dream toward the woods and plains

(7. LIII)

5) Безличные предложения с КС **страшно** переводятся личными; слово КС передается при этом:

а) глаголом:

<i>Кончаю! Страшно перечесть...</i>	<i>“I close. I dread to read this page...</i>
<i>Стыдом и страхом замираю...</i>	<i>for shame and fear my wits are</i>
(3, Письмо Татьяны)	<i>sliding...</i>

б) предикативным словосочетанием (*овладел страх*):

<i>Но стало страшно вдруг Татьяне...</i>	<i>then sudden fear attacked Tatyana...</i>
<i>И я — при мысли о Светлане</i>	<i>I too — when I recall Svetlana⁵</i>
<i>Мне стало страшно — так и быть...</i>	<i>I'm terrified -- so let it be...</i>
<i>С Татьяной нам не ворожить.</i>	<i>Tatyana's rites are not for me.</i>

(5. X)

б) Безличные предложения с КС **можно** в обоих случаях переводятся личными глагольными предложениями:

<i>Быть можно дельным человеком</i>	<i>A man who's active and incisive</i>
<i>И думать о красе ногтей:</i>	<i>can yet keep nail-care much in mind:</i>
<i>К чему бесплодно спорить с веком?</i>	<i>why fight what's known to be decisive?</i>
<i>Обычай деспот меж людей.</i>	<i>custom is despot of mankind</i>

(1. XXV)

<i><...>Тут бы можно</i>	<i><...>I wouldn't mind contesting,</i>
<i>Поспорить нам, но я молчу:</i>	<i>but hold my tongue, lest it appears</i>
<i>Два века ссорить не хочу.</i>	<i>I'll set two ages by the ears.</i>

(4. XXXIII)

7) Безличные предложения с КС **видно** в обоих случаях переводятся личным предложением с глагольным сказуемым:

Но в них не **видно** перемены;
Всё в них на старьй образец:
(7. XLV)

*Their look, though, **shows** no change
upon it hey all still keep their old impress:*

Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не **видно**, иль не жаль;
(8. XXXI)

*Meanwhile Onegin starts to languish:
she doesn't see, or doesn't mind;*

8) Безличные предложения с КС **несносно** переводятся предложением с зависимым инфинитивом; слово КС в обоих случаях переводится существительным **agony** (мучение):

Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
(8. XI)

*It's **agony** to watch the hollow
sequence of dinners stretch away,
to see life as a ritual play <...>*

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком<...>
(8. XII)

*To be a butt for the malicious
is **agony**, if I may speak,
and in the eyes of the judicious
to pass for an affected freak <...>*

9) Единичные употребления:

Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и **больно** и смешно,
А мать грозит ему в окно...
(5. II)

*The rogue has got a finger frozen:
it **hurts**, he laughs, and all in vain
his mother taps the window-pane.
(безл. глаг.)*

И Тане уж не так **ужасно**.
(5. XVIII)

*Tanya's no longer quite so **frightened**.*

Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей **душно**,
дурно;
(5. XXX)

*she lowers darkened eyes, unwitting,
and trembles like a hunted fawn.
From violent passions fast pulsating
she's nearly **swooned**, she's **suffocating**;*

Так, полдень мой настал, и **нужно**
Мне в том сознаться, вижу я.

(6. XLV)

Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть

(6. XLV)

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Нехорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей.

(7. XLIII. 3)

*Well, I **must** make a frank confession,
my noon is here, and that's the truth.*

*My soul's like crystal, and tomorrow
I shall set out on brand-new ways
and rest myself from earlier days.*

*The invalid's glad salutation,
her kindness, move Tatyana; yet
the strangeness of her habitation,
after her own room, makes her **fret**.*

3.Выводы. На вопрос о том, насколько удачно переводчик передал те смыслы, которые содержатся в безлично-предикативных словах и предложениях романа, трудно ответить однозначно. То, что безличные предложения в большинстве случаев передаются личными структурами – несомненная смысловая потеря; необходимо искать какие-то способы устранения субъекта, переводя его в объектную синтаксическую позицию. Иногда это переводчику все-таки удается, но в большинстве случаев он решает проблему иначе: разнообразит лексические средства, а также использует градационные приемы, усиливая тем самым выразительность предиката, перенося на него нагрузку с субъекта. Переводчик стремится не повторять лексические средства при передаче одного и того же слова КС, в результате в этой части перевод получается лексически разнообразнее оригинала. Осмелимся предположить, что это сделано не случайно: это понадобилось как раз для того, чтобы усилить смысловую выразительность соответствующих лексем, используя синонимические богатства английского языка.

То, что в распоряжении переводчика не оказалось выразительных синтаксических средств, можно проиллюстрировать одним примером. Пушкин, при достаточно скромном репертуаре слов КС, использует выразительные синонимические возможности русского синтаксиса, в частности, синонимию односоставных и двусоставных предложений. Ср. с одной стороны: «*Ах, няня, няня, я **тоскую**, Мне **тошно**, милая моя: Я плакать, я рыдать готова!..*» (III. XIX. 4) – чередование двусоставного и безличного предложений; переводчик в обоих случаях использует личное предложение, нейтрализуя содержащееся в пушкинском тексте различие в активности/пассивности субъекта: *I'm sad, I'm sick*. В другом месте: *Ну что ж? ты едешь: очень **жаль** – You're really going? Well, I'm sad.*

Итак, во всех случаях в переводе личная конструкция, и конструктивное разнообразие пушкинского текста оказалось проигнорированным. Однако это не значит, что переводчик не замечает смысловых эффектов, возникающих в результате использования личных и безличных структур в тексте Пушкина. Силу и интенсивность переживаний Татьяны, в отличие от нейтрального онегинского *жаль*, переводчик пытается передать с помощью градации. Приведем весь соответствующий фрагмент:

«Ах, няня, няня, я тоскую,	" <i>Oh nurse, I'm sad, I'm sad, I'm</i>
Мне <i>тошно</i> , милая моя:	<i>shaken,</i>
Я плакать, я рыдать готова!..»	<i>I'm sick, my dear, I'm sick indeed.</i>
	<i>I'm near to sobbing, near to</i>
	<i>weeping!..."</i>

Таким образом, перевод конкретного текста показывает, что «бедность» английского синтаксиса, отсутствие в нем структуры, полностью эквивалентной русскому безличному предложению с КС, компенсируется лексическим разнообразием. Насколько мы можем судить, те имплицитные смыслы, которые содержит в себе категория состояния как *грамматическая* категория, в какой-то степени передаются в английском языке лексически, входят в семантическую структуру различных английских лексем – прилагательных, существительных, глаголов и фразеологических единиц.

Список литературы

- Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. / В.Д. Аракин. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. М.: «Языки славянских культур», 2011. 568 с.
- Тарланов З. К. Избр. работы по языкознанию и филологии / З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 783 с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Тарасенко Т.В.
Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Тарасенко В.Е.
Школа английского языка «Green Tower»
г. Красноярск (Россия)

Tarasenko Tatiana
Siberian State Aerospace University
Academician Mikhail F. Reshetnev
Krasnoyarsk (Russia)

Tarsenko Vasilisa
English School “Green Tower”
Krasnoyarsk (Russia)

*ЦИКЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЯПОНСКИХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И
НАКАЗАНИЕ»)*

*CYCLICITY AND ITS INDICATORS IN LITERARY TEXT (ON THE MATERIAL OF THE JAPANESE
TRANSLATIONS OF THE F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”)*

В работе рассматривается группа слов временной семантики, которые в русском языке являются показателями циклического времени – *пора; нынешний; ныне, нынче; прошлый, прежний; впредь*. Для носителя русского языка характерно функциональное размежевание близких по смыслу слов (*время / пора; сегодняшний / нынешний; теперь / нынче, прошедший, минувший / прошлый, прежний; в дальнейшем / впредь*), отражающее различное понимание самого времени – циклического и линейного. Проведен анализ переводов этих слов по основным трем японско-русским словарям, которые достаточно близко в большинстве случаев передают их значения. Сделана выборка примеров из романа Ф.М. Достоевского с показателями циклического времени и проанализирован их перевод на японский язык. Исследование показало, что переводчикам практически удалось передать нюансы художественного текста, представлен анализ интересных примеров перевода с точки зрения передачи показателей цикличности в авторском тексте на японский язык.

The paper deals with a group of words of temporal semantics which are the indicators of the cyclic time in the Russian language – *пора; нынешний; ныне; нынче; прошлый; прежний; впредь*. The functional division of the closely related words (*время / пора; сегодняшний / нынешний; теперь / нынче, прошедший, минувший / прошлый, прежний; в дальнейшем / впредь*) reflecting a different understanding of time itself – cyclic and linear – is characteristic for the Russian language speaker. The analysis of the translation of these words in the three main Japanese-Russian dictionaries, which in most cases closely transmit their meanings, is conducted. The selection of text examples with indicators of cyclic time from the F.M. Dostoevsky's novel and the analysis of their translation into Japanese are made. The study revealed that the translators were successful in conveying the nuances of a literary text. The analysis of some interesting examples of translation into Japanese in terms of transmission of the indicators of cyclicity in the author's text is presented.

Ключевые слова: циклическое и линейное время, показатели цикличности, художественный текст.

Key words: cyclic and linear time, recurrence indicators, literary text.

Человек представляет время, как правило, в двух ипостасях: первая – это цикл, а именно последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов»; вторая ипостась времени – линейное, т.е. однонаправленное поступательное движение [Успенский, 1989; Яковлева, 1991].

В русском языке показателями циклического времени выступают слова временной семантики *пора; нынешний; ныне, нынче; прошлый, прежний; впредь* (здесь и далее по тексту курсив наш – Т.Т. и В.Т.). Поэтому мы задались вопросом: как данные слова переводятся на японский язык? Есть ли в японском языке слова, которые передают цикличность времени?

Свои действия мы разделили условно на два этапа. Сначала мы исследовали эти слова в словарях [Японско-русский компьютерный словарь, 2007], а затем перешли к анализу переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на японский язык известных японских переводчиков Судзуки и Ямагава.

Первой нами была рассмотрена пара *время / пора*, которая, на наш взгляд, является основной в рамках дихотомии линейного и циклического времени. Всего есть четыре варианта перевода слова *пора*: *koro, jiki, kisetu, jisetu*. Рассмотрим их подробнее.

Как мы помним, *пора* называет фазу «космологического цикла», который многократно реализуется в природе и жизни людей, прообразом которой является «пора» природная: осенняя, летняя, весенняя, поэтому среди вариантов перевода поры есть слова *jiki, jisetu* и *kisetu*, дословно с японского: время года, сезон. Они, по сути, обозначают время года, но не пору года. В данном случае разница примерно такая же, как между словом *весна* и выражением *весенняя пора*. Интересно здесь отметить такую черту японской лексики, как комбинаторность. Все три биннома «построены» при помощи всего четырех морфем со значениями соответственно: *ji* – время, *ki* – период, срок *setsu* и *ki* – сезон, время года.

Перейдем теперь к первому по порядку и, соответственно, самому близкому, с точки зрения составителей словаря, из вариантов перевода – *koro*. Данное слово существует в японском языке как противопоставление грамматическому варианту слова *jikan* (время) – *toki*. Вероятно, это и привело к тому, что слово *koro* было выбрано на роль одного из элементов дихотомии *время / пора*. Однако полноценно исполнять подобную роль слово *koro* не способно, потому как, по сути дела, оно является лишь грамматическим элементом. Оно может использоваться в придаточных предложениях времени, аналогичных русским с конструкцией *когда*. Кроме того, оно может стоять в позиции определяемого в конструкциях типа *sakura no koro* – пора цветения

сакуры (досл. *сакуры время*). Однако в роли самостоятельного существительного оно никогда не выступает. Если у *koro* отсутствует определение, то эта японская *pora*, в отличие от *поры* русской, не может ни приходить, ни проходить, ни даже просто быть.

Помимо приведенных выше вариантов перевода слова *pora*, нам встретился в словарной статье ряд биномов со вторым элементом *ki* – *период, срок*, ранее нам встречавшемся в слове *jiki* – *сезон, время года*. По мнению составителей словаря, данная морфема в сочетании с морфемами со значением времен года может переводиться как та или *иная пора* [Японско-русский компьютерный словарь, 2007]. Например, *shunki* – *весенняя пора*. На наш взгляд, вероятно, что здесь мы имеем дело лишь с обычным для японского языка сосуществованием двух слов с абсолютно одинаковым значением, главное отличие которых состоит в том, что одно из них – это самостоятельный иероглиф с японским чтением ОН, а другое – сочетание двух иероглифов, читающихся по китайскому чтению КУН. В нашем случае это будет *haru* – *весна* и *shunki* – *весна (как сезон)*. Косвенным подтверждением нашей точки зрения может служить тот факт, что в упомянутых выше сочетаниях морфема *ki* – *период, срок* взаимозаменяема с омонимичной ей морфемой *ki* – *сезон, время года*.

Таким образом, «чистого» аналога русской поре в японском языке нами найдено не было.

Хотелось бы остановиться также на одной небольшой, но, на наш взгляд, интересной особенности. Выше уже говорилось о том, что принято различать два типа употребления слова *pora*, условно их можно назвать номинативным и предикативным.

С циклической моделью времени соотносится лишь номинативная *pora*. Употребленная же предикативно *pora* описывает один из аспектов смысла «своевременность».

В японском языке мы, естественно, наряду с номинативным типом употребления *поры*, также встретились и с предикативным типом. Однако в японском языке данный аспект поры передает слово *jikan* со значением «время».

Перейдем к следующей паре в нашем списке – *теперь / ныне, нынче*. Сразу отметим, что перед парой *ныне / нынче* словарь просто пасует. С точки зрения составителей, японская лексика не дает возможности передать различие, существующее между этими двумя словами в русском языке.

Пара *теперь / нынче* дает большой материал к размышлению. Здесь мы также встречаемся с практически одинаковыми вариантами перевода того и другого слова, но есть и различия. Статья *нынче* намного меньше статьи *теперь* – всего три варианта перевода: *ita*, *genzai* и *kuo*, причем все они входят в статью *теперь*.

Выше мы отмечали, что в русском языке существует оппозиция *нынешнего* (циклически повторяющегося, возвращающегося) и *сегодняшнего*, свободного от подобных

характеристик и поэтому способного описывать единичных, уникальных событий. Какова же ситуация в японском языке?

Проведенный анализ показал, что и в японском языке данное противопоставление имеет место. Для слова *сегодняшний* мы находим лишь два варианта перевода *куо*: *но* и *honjitsu no*, и оба они вписываются в нашу схему как слова, свободно описывающие уникальные события. Например, *сегодняшнее открытие памятника* — *honjitsu no jomakushiki*. С другой стороны варианты перевода слова *нынешний*: *ima no*, *genzai no*, *genko: no* в большей мере принадлежат к средствам описания циклической модели времени, где «настоящее — отражение прошлого и предзнаменование будущего» [Maison, 1993].

Перейдем к паре *прошедший, минувший / прошлый, прежний*. Варианты перевода слов *прошедший, минувший* на японский язык практически идентичны, что соответствует ситуации в русском языке. Таких вариантов нами было обнаружено два: *sugisatta* (от глагола *sugisaru* — проходить), *kako no*. Характерно, что оба эти варианта перевода входят и в статью слова *прошлый*. Однако основной ее составляющей являются биномы с первыми морфемами *куо* и *сен*. Например, *куонон* — *прошлый год*, *senshu:* — *прошлая неделя*, *sengetsu* — *прошлый месяц*. Как можно заметить, в японском языке имеет место та же тенденция, что и в русском — *прошлый* используется с *X-ми*, легко включающимися во временной ряд. Это, прежде всего, единицы времени, начиная с года, месяца, недели, и периодически повторяющиеся события, ср.: *sengetsu* — *прошлый месяц*, *senkaigi* — *прошлое заседание*. *Прежний* не столь тесно связан с временной динамикой: делая акцент на сопоставлении, *прежний* употребляется с «содержательными» *X-ми*, которые могут и не обладать идеей протекания во времени. Ср. в японском: *mae no shacho:* — *прежний директор*, *mae no shuto* — *прежняя столица*, *zenka* — *прежняя судимость*.

То, что и в японском языке прошлое также может мыслиться как постоянно воспроизводящееся, как возвраты «на круги своя», подтверждают определенные варианты перевода слова *прежний*. Это такие слова как *mae no*, *izen no*, а также морфема *zen*, входящая в состав биномов. Они по своему значению противопоставлены слову *toto no* (*бывший, старый*). Например, слово *прежний* во фразе: *Я не вижу никого из прежних товарищей по заключению*, на японский язык может быть переведено только словом *mae no* (*прежний*), но никак не *toto no* (*бывший*), потому что иначе из фразы исчезнет подтекст, подсказывающий нам, что автор снова находится в заключении. Ср.: *Я встретил бывшего (старого) товарища по заключению*, где соответствующий смысл не выражен. Если от японца мы услышим: *boku no mae no tsuma* (*моя прежняя жена*), то естественно будет предположить, что он женился вторично. Аналогичным

образом, если японец скажет: *boku no mae no shigoto* (моя прежняя работа), то это будет означать, что он устроился на новую.

Особая семантическая специфика прилагательного *прошлый*, характерная для русского языка, прослеживается и в японском. Данное прилагательное, как уже упоминалось выше, утвердившись в именном статусе, описывает циклически повторяющиеся события: X можно определить как *прошлый* только на фоне X-а в настоящем. О *прошедшей / минувшей* неделе можно говорить в воскресенье этой же недели; *прошлой* неделя начинает быть с началом новой. Так же и в японском — японец может сказать *senshu*: (*прошлая неделя*) только тогда, когда находится во временном отрезке *konshu*: (эта неделя). И наоборот, оценивать итоги *kako no shu*: (*прошедшей недели*) он может и в уикэнд самой этой недели.

В японском также наблюдается и характерное для русского языка противопоставление *прошедших / минувших* (а так же *былых*) X-ов *прошлым и прежним* по признаку «уникальность», «неповторимость», ср.: *kako no senkyo* — *прошедшие выборы* (пока единственные); *kakoseinen* — *минувшая юность*; *sugisatta meisei* — *былая известность/слава*.

Последним словом, перевод которого мы подвергли анализу, было слово *впредь*.

В русском языке это слово является показателем, который «планирует» будущее в свете уже происшедшего. Словари определяют его как указание «на будущее время, в будущем».

Приведенный выше анализ употребления показал, что смысл *впредь* не тождествен смыслу таких показателей, как *в дальнейшем, в будущем*. Ср.: *Впредь охрана ГЭС будет бдительней; Впредь я не стану спорить*. *Впредь* здесь указывает, что в будущем в аналогичных ситуациях субъект изменит свое поведение (опыт прошлого откорректировал будущее).

Подобное разграничение в значениях характерно и для японского, *korekara, kongo, sho.rai* — все эти японские варианты перевода слова *впредь*, употребленные в определенном контексте, подразумевают осмысление говорящим своих действий и принятие им решения в дальнейшем поступать иначе.

Для русского языка характерен вариант употребления слова *впредь*, когда оно «усиливается» частицей *и*, и его смысл меняется на противоположный — *и впередь* сигнализирует о неизменности поведения субъекта. В японском языке к тому же результату приводит добавление частицы *mo*. Ср.: *korekara mo koiron shinai to omoimasu* - *Я и впередь не буду спорить, korekara mo* либо *sho.rai mo (и впередь)* здесь указывает, что при повторении аналогичных ситуаций субъект не изменит своего поведения, будет поступать так же.

Таким образом, японское *korekara (mo)* или *sho.rai (mo)* подобно русскому (*и*) *впредь* описывает то будущее, в котором «циклически оживает прошлое» [Успенский, 1989, с. 32].

На этом завершаем лексикографическую часть анализа и переходим ко второй части, в которой мы обратились к переводам Ф.М. Достоевского на японский язык, с тем, чтобы проверить то, как на практике переводились вышеперечисленные лексические единицы. Главным образом, мы основывались на переводах «Преступления и наказания» двух известных японских переводчиков Акиро Судзуки и Мияко Ямагава.

В целом, данные словарей во многом совпали с теми вариантами перевода, которые нам встретились в японском переводе.

Ниже мы постарались привести нестандартные, оригинальные, а также не совсем точные, на наш взгляд, варианты перевода.

Начнем со слова *пора*. В предложении: *У него, может, новые мысли в голове, на ту пору; он их обдумывает, я его мучаю и смущаю* – встречаем простое *sono toki* (*в то время*). На наш взгляд, здесь было бы ближе *sono aida* либо *sono koto*, которые точнее передают оттенок циклического значения.

В следующем отрывке: – *Иду. Сейчас. Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не боюсь,* – сказал он, забегая наперед – переводчик воспользовался словом *jiki* (*сезон, время года*). Возможно, он попытался привязать переживания героя к определенному времени года, что, вообще, характерно для японской поэзии и прозы. С нашей точки зрения, в данном случае *до сей поры* вполне можно было перевести как *ita made* (досл. *до сейчас*).

В отрывке: *Лестница чем дальше, тем становилась темнее. Было уже почти одиннадцать часов, и хотя в эту пору в Петербурге нет настоящей ночи, но наверху лестницы было очень темно* – переводчик, наоборот, очень верно уловил привязку обстановки ко времени года и абсолютно верно выбрал то же самое *jiki*.

Интересен вариант перевода, использованный в предложении: *Сел на лавку, молчит. А oprичь него в распивочной на ту пору был всего один человек посторонний, а еще спал на лавке другой, по знакомству, да двое наших мальчишков-с.* Переводчик, четко проследив оттенок одновременности действия или скорее состояния, воспользовался выражением *do.ji ni* (*в то же время*).

Далее рассмотрим переводы пары *теперь/ныне, нынче*. Как уже отмечалось выше, словарь различия между *ныне* и *нынче* не проводит, однако перевод показал, что переводчики в некоторых случаях, скорее всего, следуя интуиции, смогли эту разницу увидеть и зафиксировать в своих переводах. Например, в отрывке: *А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с! Ведь*

все это ныне больное, да худое, да раздраженное.. А желчи-то, желчи в них во всех сколько! очень четко виден оттенок значения, отличающий ныне от нынче; ныне спроецировано на социально-исторический контекст и выделяет в нем общезначимое для социума. Переводчик этот оттенок заметил и перевел ныне как *кото jidai ni* (в этот век). Точно так же в отрывке: – Чуден человек, – проговорил работник. – Чуден ныне стал народ, – сказала баба – переводчик, угадал, что ныне здесь намного шире, чем было бы нынче, перевел его как *кото jidai*.

В большинстве же случаев переводчик просто идет по пути наименьшего сопротивления и, как в отрывке: *Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: «Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, ти!»* – переводит ныне точно так же, как перевел бы нынче – *ита ва* (нынче, сейчас).

Чаще всего при переводе слова нынче на японский язык переводчики используют слово *genzai* (нынешний, современный). Например, в таких отрывках как: – *Двугривенный, дура! – крикнул он, обидевшись, – нынче за двугривенный и тебя не купишь, – восемь гривен! Да и то потому, что поношенный. – Нынче много этих мошенничеств развелось, – сказал Заметов* – переводчиком был избран именно этот вариант перевода.

В следующих двух отрывках, в которых мы встретили слово нынешний, оно было переведено соответственно словами *genzai no* (нынешний, современный) и *kotoshi* (этот год): (1) *В нынешнем обществе оно (состояние женщины), конечно, не совсем нормально, потому что вынужденное, а в будущем совершенно нормально, потому что свободное.* (2) *Я штуку вижу: ему просто хочется мне помочь; но прошлого года мне было не надо, а нынешний год я только приезда его поджидал и решился взять.*

Теперь обратимся к самой крупной из групп слов, нами проанализированных – *прошедший, минувший / прошлый, прежний*. Как показал проведенный анализ, основным вариантом перевода слова прежний является слово *тае но*. Переводчики воспользовались им, например, в таких отрывках: (1) *Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.* (2) *Духота стояла прежняя, но с жадностью дохнул он этого вонючего, пыльного, зараженного городом воздуха.* Так же нам встретились случаи использования при переводе слова *izen no*. Переводчики посчитали нужным выбрать именно его в данных отрывках (1) – *А коли так, зачем вы пришли? – раздражительно спросил Раскольников. – Я вам прежний вопрос задаю: если вы меня виновным считаете, зачем не берете вы меня в острог?* (2) *Его как бы вдруг передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная*

улыбка выдавилась на губах его.

В выше приведенных примерах четко прослеживается тот факт, что *прежний* не столь тесно связан с временной динамикой как *прошлый*: делая акцент на сопоставлении, *прежний* употребляется с «содержательными» X-ми, которые могут и не обладать идеей протекания во времени.

В целом же сфера употребления у этих прилагательных разная. *Прошлый* используется с X-ми, легко включающимися во временной ряд (1) *Главное же затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла наперед целых сто рублей под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом.* (2) *На пароходе тоже другой, на прошлой неделе, почтенное семейство статского советника, жену и дочь, подлеишими словами обозвал.* (3) – *Пойду. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.*

Во всех этих случаях, как мы и ожидали, переводчики обратились к биномам, первой частью которых являются морфемы *kyo* и *sen* со значением *прошлый* – *kyonen ni, senshu: ni, senshu: wa*.

Интересным нам также показался пример употребления Ф.М. Достоевским слова *прошедший* в сочетании, в котором обычно используется слово *прошлый*: – *А ты, такая-сякая и этакая, — крикнул он вдруг во все горло (траурная дама уже вышла) — у тебя там что прошедшую ночь произошло? А? Опять позор, дебош на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство.* Переводчик не стал подходить формально и растягивать действие там, где, по сути, речь шла об одномоментном факте. Он прибегнул к устойчивому морфемному сочетанию, биному *zen'ya* (*предыдущая ночь*).

В ходе отбора материала для анализа нам встретился замечательный пример противопоставления *прошлого* и *прежнего*: *В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и всё, всё...* Крайним выражением противопоставления *прошлого* и *прежнего* является оппозиция значений соответствующих существительных: *прошлое* – это время, а *прежнее* – это, скорее, признаки и свойства. Иначе говоря, *прошлое* может быть *прежним*, а *прежнее* *прошлым* быть не может.

Обращаясь же к переводу, мы должны отметить, что переводчик подошел к переводу данного сочетания творчески и нашел вполне приемлемый вариант *zenkako no koto*, вольно скомбинировав морфему *zen* (*предыдущий*) с сочетанием *kako no koto* (*прошлое*).

Наконец, последним нами были разобраны переводы слова *впредь*. Без особой

изобретательности, во всех случаях, где им встретилось слово *впредь*, переводчики перевели его как *korekara*. Единственным отличием послужило наличие либо отсутствие частиц *wa* и *mo*. Так, при переводе отрывка: — *Я хочу, говорит, Тим Васильевич, отныне, впредь в полной вашей воле состоять. Так вот оно как!* — переводчики не стали как-либо выделять слово *korekara*. В отрывке: *Но, уходя, осмелюсь заметить, что впредь надеюсь быть избавлен от подобных встреч и, так сказать, компромиссов* — слово *korekara* было усилено тематической частицей *wa*, что вполне соответствует русскому контексту. А в предложении: *И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною, и мы уже больше не разлучимся и *впредь** — где *впредь* «усиливается» частицей *и*, при чем его смысл меняется на противоположный — *и *впредь** сигнализирует о неизменности поведения субъекта, переводчики «усилили» японское *korekara* частицей *mo*, чем добились аналогичного результата.

Итак, проведенный анализ показал, что функциональное размежевание близких по смыслу слов (*время / пора; сегодняшний / нынешний; теперь / нынче, прошедший, минувший / прошлый, прежний; в дальнейшем / впредь*), отражающее различное понимание самого времени, характерно не только для носителей русского языкового сознания. Не всегда проявляясь во всей той полноте, в какой она присутствует в русском языке, тем не менее, идея временной цикличности занимает важное место в японской картине мира. Главная же задача переводчика — не упускать при переводе небольших, но очень важных нюансов.

Список литературы

- Успенский Б.А. История и семиотика: (Восприятие времени как семиотическая проблема) / Б.А. Успенский // Семиотика. Труды по знаковым системам. Вып.23. Текст – Культура – Семиотика нарратива. Тарту: Изд-во Тартусского гос.ун-та, 1989. Ученые записки. Вып. 855. С.18-38.
- Яковлева Е.С. «Время» и «пора» в оппозиции линейного и циклического времени / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.45-51.
- Японско-русский компьютерный словарь иероглифов; Версия 3.0. выпуск 10.01.2007; База данных в редакции от 14.09.2007, (с) 1995-2007.
- Maison P. History of Japanese art / P. Maison. NY: Pearson Prentice Hall, 1993. 432 p.

*Тер-Саркисян Л.А.
Ходжумян Б. С.*
Ереванский государственный университет
г. Ереван (Армения)

*Ter-Sargsian Luiza
Khojumyan Bella*
Yerevan State University
Yerevan (Armenia)

УЧЕБНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. ГРАММАТИКА. КОММУНИКАЦИЯ. РЕЧЬ

RUSSIAN TEXTBOOK. GRAMMAR. COMMUNICATION. SPEECH

«Учебник по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь» адресуется студентам вузов Армении с армянским языком обучения в качестве основного учебника для стационарных и заочных форм обучения, а также рекомендуется для самостоятельного изучения русского языка.

Вводный курс (12 уроков) предназначен для начального и среднего этапов обучения и состоит из заданий и упражнений, обеспечивающих практическое усвоение грамматического материала, основных синтаксических конструкций и примыкающих к ним тем по морфологии, направленных на развитие коммуникативных навыков.

С учетом контингента обучаемых для лучшего восприятия и усвоения темы поурочные грамматические пояснения специально излагаются на родном, армянском языке.

Порядок прохождения грамматического материала отвечает цели его практического усвоения в максимально сжатые сроки.

Основной курс «Разговорные темы» (12 уроков) построен по принципу употребительности в разговорной речи. Весь учебный материал распределен по урокам, охватывающим ряд смежных тем, и разрабатывается в диалогах и заданиях, содержащих наиболее частотные для данной ситуации фразы. Здесь также представлены тексты для аудирования, цель которых – ввести обучаемого в круг бытовых и общекультурных проблем.

В основном курсе освещаются некоторые необходимые грамматические явления, выходящие за рамки простого двусоставного предложения и не включенные во «Вводный курс».

В Приложении 1 приведены краткие сведения о частях речи русского языка.

В Приложении 2 предлагается ознакомление с основными способами словообразования некоторых частей речи русского языка.

“**Russian Text-book. Grammar. Communication. Speech**” is targeted at the students of the higher institutions of Armenia with Armenian as the language of teaching as a main text-book in stationary and advance forms of teaching and for an independent Russian language studies.

The introductory course (12 lessons) is aimed at the beginner and middle learning and consists of tasks and exercises securing the practical mastering of the grammatical material of the main syntax constructions and the adjacent morphology themes targeted at the development of communicative skills.

With an account of the contingent of the students for a better understanding and mastering, the themes under the lessons are presented especially in the native Armenian language.

The procedure for learning the grammatical material serves the purpose of a practical mastering within shortest deadline.

The main course «Conversation topics» (12 lessons) is constructed under the principle of the usability in the daily speech. All the learning material is distributed among the lessons which cover a number of inter- crossed topics and is elaborated in the dialogues and tasks, which contain the phrases which are often used in such situations. Here you will also find texts for auditing the purpose of which is to introduce to the student the range of daily and general cultural issues.

Generally, the course highlights some necessary grammatical phenomena which go out of the framework of a simple sentence and which are not included in the «Introductory course».

Annex 1 provides brief information on the parts of speech of the Russian language.

Annex 2 provides for learning the main ways of word formation of some parts of speech of the Russian language.

Ключевые слова: обучение в краткие сроки, разный уровень владения языком студентами в группе, несоответствие грамматических категорий русского и армянского языков, русский язык как иностранный, практическая грамматика русского языка, овладение коммуникативными навыками, диалоги, способы словообразования .

Key words: practical mastering within shortest deadline, different levels of mastering the Russian language, irrelevance of the Grammatical categories of the Russian language and the Armenian language, Russian as a foreign language, the practical grammar of the Russian language, mastering the phrases often used in the daily speech, dialogues, word formation.

Разработанный коллективом авторов (авторы: к.п.н., доц. П.Б.Балаян, к.ф.н., доц. Л.А.Тер-Саркисян, к.ф.н., доц. Б.С.Ходжумян. Ответственный редактор: д.ф.н., проф. В.Н.Арутюнян) и рекомендованный к печати Ученым советом факультета русской филологии Ереванского государственного университета «Учебник по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь» охватывает начальный, средний и продвинутый этапы обучения и ориентирован на полный курс обучения русскому языку

(192 академических часа - 3 семестра занятий). Учебник прошел апробацию на естественных факультетах Ереванского государственного университета и в настоящее время находится в печати.

Учебник может быть использован на стационарных и заочных отделениях неязыковых факультетов вузов и других учебных заведений Армении с армянским языком обучения в качестве основного учебника, целевой установкой которого является привитие навыков устной речи.

Данный учебник также может быть использован для самостоятельного изучения русского языка.

Отметим, что учебник рассчитан на лиц, как совершенно не владеющих русским языком, так и понимающих язык и являющихся хорошо подготовленными специалистами в своей области со знанием профессионального научного языка и терминологии (благодаря разнопрофильным пособиям по специальности, изданным на кафедре русского языка для естественных факультетов университета – радиофизического, математического, химического, биологического, экономического и т.д.), но не имеющих лексического запаса, навыков общения и культуры речи, необходимых в обычной и деловой речи.

Таким образом, с учетом неоднородного по уровню владения русским языком контингента обучаемых в учебнике представлен практический учебный материал, пригодный для работы с разными по уровню языковых знаний студентами. Обширная система упражнений учебника дает возможность преподавателю выбрать необходимые для работы с неровным контингентом студентов задания и упражнения.

Объем представленного учебника ориентирован, в первую очередь, приобретение навыков устной речи. Линейная структура учебника, последовательность тем – как грамматических, так и разговорных, гарантирует доходчивость, понятность и в конечном итоге усвоение проходимого материала.

«Учебник русского языка. Грамматика. Коммуникация. Речь», основной установкой которого является целенаправленное и последовательное обучение русскому языку, его простейшим грамматическим формам и конструкциям и на основе этих знаний дальнейшее обучение лексике и словарным конструкциям, используемым в обиходе и деловой речи, может способствовать созданию коммуникативной мотивации – потребности, направляющей студентов к участию в общении с целью изменить свой стиль разговора, поведения и речевой культуры.

Актуальность и практическая значимость данной работы не подлежат сомнению, так как в настоящее время ощущается большая потребность в учебнике русского языка, ориентированном на студентов разных уровней знания языка.

Учебник состоит из вводного курса (12 уроков), проходимого на первом курсе, основного курса (12 уроков), проходимого на 2-ом курсе, и двух приложений.

Вводный курс, предназначенный в основном для начального и среднего этапов обучения, состоит из заданий, обеспечивающих практическое усвоение грамматического материала по основным синтаксическим конструкциям, играющим коммуникативную роль, и структурирован следующим образом: грамматический материал, построенный на фоне типов связи главных и второстепенных членов простого двусоставного предложения, подается с параллельным изучением тем по морфологии, примыкающих к каждой синтаксической теме. К примеру, при прохождении темы «Простое глагольное сказуемое в прошедшем и будущем времени» (уроки 5 – 6) изучается морфологическая тема “Виды глагола”, без понимания и усвоения которой будут неизбежны ошибки при образовании форм прошедшего и будущего времени и т.д., и т.п.

Каждый урок посвящен определенной синтаксической теме. В начале курса изучается согласование, как основной тип связи для понимания способов построения простого предложения (выражение подлежащего, типы сказуемого, согласование подлежащего со сказуемым, согласованное определение. Смежные темы по морфологии – категории рода и числа имен существительных, разряды местоимений, родовые окончания прилагательных, степени сравнения и краткие формы прилагательных, виды глагола, количественные и порядковые числительные).

Далее проходится управление (прямое и косвенное дополнения. Смежные темы по морфологии – типы склонения и падежные окончания существительных, синтаксические функции беспредложных форм существительных в косвенных падежах, падежные окончания местоимений, прилагательных, числительных), после чего изучается примыкание (обстоятельства, выраженные

наречиями, деепричастиями и предложными формами существительных в косвенных падежах).

Форма представления материала разработана следующим образом: если в пособиях подобного рода справочный материал обычно предшествует упражнениям, то здесь он выведен в специальный раздел, следующий за заданиями вводного курса. И это кажется оправданным: студенты имеют возможность проверить себя и обратиться к правилам, когда незнание или неуверенность в них становятся очевидными.

Отметим также, что с учетом контингента обучаемых поурочные грамматические пояснения специально излагаются на родном, армянском языке, что, на наш взгляд, будет доступнее для быстрого и лучшего восприятия и усвоения темы. Выбранная нами система подробных пояснений на армянском языке и большого количества примеров на русском с переводами на армянский в теоретической части учебника, с упражнениями и заданиями по переводу на армянский или с армянского на русский в практической части учебника, оправдана и является единственным эффективным способом для начального и среднего этапов обучения, что и было доказано в процессе апробации учебника. Отметим также, что подобная форма подачи грамматического материала принята во многих известных учебниках – см. в списке использованной литературы

Порядок прохождения грамматического материала отвечает цели практического усвоения русского языка в максимально сжатые сроки.

Основной курс предназначен для продвинутого этапа обучения и построен по принципу употребительности в разговорной речи с распределением всего учебного материала по урокам, охватывающим ряд смежных тем. Назначение заданий и упражнений основного курса – достичь цели привития навыков свободной коммуникации, и, следовательно, овладения речью. Каждый урок основного курса состоит из трех разделов:

I. Лексико-грамматические задания, отрабатывающие грамматические темы с использованием тематической лексики урока, необходимые для овладения языком на данном этапе обучения. Здесь, в частности, освещаются некоторые важные грамматические явления, выходящие за рамки простого двусоставного предложения и не включенные во вводный курс (двухкомпонентные, сложные и односоставные предложения, повелительное и сослагательное наклонения и т.д.). Опять же грамматические пояснения (на армянском языке) даются после всех уроков основного курса в специальном разделе.

II. Устная практика. Этот раздел урока состоит из диалогов, которые содержат наиболее частотные для данной ситуации фразы и являются по существу отправной точкой в основной части учебника - достижение цели привития навыков свободной коммуникации, и, следовательно, овладения речью.

III. Тексты для чтения и аудирования. В этом разделе представлены тексты для аудирования, цель которых - ввести обучаемого в круг бытовых и общекультурных проблем, дать определенную смысловую и языковую информацию.

В конце учебника даны два приложения, представляющие собой справочно-информативный материал.

В **Приложении 1** приводятся общие сведения о частях речи русского языка, излагается традиционно принятая классификация слов русского языка по частям речи, указывается, какие части речи не могут быть самостоятельными членами предложения, особо отмечается, что все самостоятельные части речи русского языка, за исключением наречий и деепричастий, подвергаются в предложении определенным изменениям – склоняются (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, причастия) или спрягаются (глаголы), в то время, как в армянском языке указанным изменениям подвержены не все части речи.

В данном приложении обращается особое внимание на несовпадения в русском и армянском языках в некоторых грамматических категориях и проявлениях, при характеристике каждой отдельной части речи русского языка особо подчеркиваются свойства данной части речи, отсутствующие в армянском языке. Например, имя существительное в русском языке имеет категорию рода, тогда как в армянском языке ее нет. Или же имя прилагательное в русском языке склоняется, имеет родовые окончания и согласуется с существительным в роде, числе и падеже, тогда как в армянском языке прилагательное не склоняется, не имеет родовых окончаний и не согласуется с существительным. Категория вида, являющаяся одна из важнейших категорий русского глагола, в армянском языке передается совершенно иным способом.

К сожалению, объем статьи не позволяет подробно остановиться на выделенных нами в данном приложении грамматических несоответствиях в русском и армянском языках. Отметим лишь, что при изучении иностранного языка, в данном случае – русского языка, коим он является в настоящее время для студентов –армян, выделение и подчеркивание грамматических несоответствий между изучаемым и родным языками способствует лучшему пониманию и усвоению незнакомой грамматики.

В **Приложении 2** предлагается изучение основных способов словообразования некоторых частей речи русского языка с упражнениями и заданиями.

Включение в это приложение упражнений и заданий обусловлено опять – таки практическими целями учебника. Конечно, их использование оставлено на усмотрение преподавателя - в зависимости от контингента группы данная тема может проходиться параллельно с определенными темами урока и изучаться более подробно.

Приложение 2 состоит из разделов, в которых рассматривается словообразование

существительных прилагательных, глаголов и наречий. Словообразование числительных, причастий и деепричастий включено в уроки вводного курса.

В разделе **“Словообразование существительных”** предлагается изучение таких способов словообразования существительных как суффиксальный, бессуффиксный, префиксальный, словосложение и аббревиация.

В этом разделе подробно изучаются:

1. суффиксы лиц мужского рода и соответствующие им суффиксы женского рода, образующие существительные со значением рода деятельности, профессии, национальности, места жительства (города, страны), определенных черт характера и т.д., а также суффиксы существительных, обозначающих детенышей животных;
2. суффиксы, образующие группы собирательных существительных со значением принадлежности к общественным или политическим слоям, обозначающие названия заимствованных профессий, отрицательной оценки и т.д.;
3. корни греческого и латинского происхождения;
4. префиксы, образующие в основном абстрактные и отвлеченные существительные, а также некоторые конкретные существительные.

В разделе **“Словообразование прилагательных”** представлены суффиксы относительных прилагательных и оценочные суффиксы. В заданиях большей частью отрабатывается навык образования прилагательных от существительных.

В разделе **“Словообразование глаголов”** изучаются значения префиксов и суффиксов и способы словообразования глаголов при помощи

1. префиксации – в основном от глаголов;
2. суффиксации -от существительных и прилагательных;
3. одновременно префиксации и суффиксации.

В разделе **“Словообразование наречий”** изучаются способы образования наречий от прилагательных и местоимений с помощью префиксов и суффиксов, а также обращается внимание на правописание наречий на шипящую.

В результате апробации учебника мы пришли к выводу, что облегченное и целевое преподавание основ грамматики и привитие лексического запаса и форм общения студентам с различным уровнем подготовки может способствовать достижению нашей цели - повышению мотивации изучения русского языка.

Тимошенко О.В.
Балтийская Международная Академия
г. Рига (Латвия)

Tymoshenko Olga
Baltic International Academy
Riga (Latvia)

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ ПО АЙТРЕКИНГУ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

SCIENTIFIC PAPERS ON EYE TRACKING IN TRANSLATION

В данной работе осуществляется перевод научной статьи «Процессинг субтитров в фильмах на иностранном и родном языках: Исследование айтрекинга», авторы: Marie-Josée Bisson, Walter J. B. Van Heuven, Kathy Conklin, Richard J. Tunney. В центре внимания авторов находится проблема перевода научной терминологии и стилистическая адаптация перевода. Анализ научной статьи «Адаптивность глазодвигательной системы» (автор Барабанщиков В.) проводился для выявления стилистических особенностей русской традиции научного изложения и исследования русской терминологии в области изучения научных проблем, связанных с айтрекингом.

Цель исследования – выявить стилистические и терминологические особенности англоязычных и русскоязычных научных работ, посвящённых айтрекингу, осуществить перевод статьи с английского языка на русский и выработать рекомендации по переводу научных статей по близкой тематике.

The present paper conducts the translation of the scientific paper *Processing of native and foreign language subtitles in films: An eye tracking study* by Marie-Josée Bisson, Walter J. B. Van Heuven, Kathy Conklin, Richard J. Tunney. In particular, the author of the paper focuses on the translation of the scientific terminology and stylistic adaptation of translation. The Russian scientific paper *Адаптивность глазодвигательной системы* (Adaptability of eye movement systems) by В. Барабанщиков (V. Barabanshikov) was used for uncovering of the stylistic peculiarities in the English and Russian scientific papers and for the research of Russian terminology used in the field of eye-tracking studies.

The goal of this research is to identify the stylistic peculiarities; to conduct the appropriate translation of the scientific terminology used in the source text and to provide recommendations for translation of the papers on similar topics.

Ключевые слова: научный стиль, терминология, методы перевода, окулография, айтрекинг, процессинг.

Key words: scientific style, terminology, translation methods, ankulography, окулография, eye tracking, processing.

1. Introduction

A significant number of lexical items belongs to scientific or professional fields and are not used or even understood by people outside a particular specialty. The necessity of the modern world to understand the essence of phenomena gives rise to new concepts, which require names to denote them. The importance of writing this work lies on the following aspects: science has become an integral part of global society and therefore, translators of scientific texts need to determine relationship between concepts, create target language terms for new concepts and find terms that correspond to the same concept in two languages.

The eye tracking research has already left laboratories and is used in the commercial sector: neuromarketing, ophthalmology, psycholinguistics, psychology, advertising. Due to the restricted scientific vocabulary on eye tracking in Russian, one of the most challenging principles of translation theory is that any linguistic expression without exception is translatable. The most difficult terms to translate are those which occur only in the particular language and have no equivalence in the target language [Newmark, 1987].

Most theorists agree that translation strategy can be useful when translators encounter a problem and literal translation is not possible. However, we see *strategy* as a planned, deliberate, goal-oriented procedure to achieve overall goal of the target text.

It is crucial to analyze the content of a scientific text first and then search for equivalents complying with standards of a target language [Newmark 1987; Basset 2002; Nord 2005; Baker 2011]. In many cases, translator has to choose an alternative solution when a standard method of translation cannot be applied therefore, stylistic and lexical analysis of different scientific English and Russian scientific schools is included into the paper. The aim of the analysis is comparing the methods used for translation of terminology and aspects of equivalence.

The research subjects of the paper are texts on eye tracking and the translation of the English article on eye tracking into the Russian language. The research object is – translation of terminology on eye tracking in to the Russian language. The material used for the current research includes 3 papers on eye tracking. The source text for translation and stylistic analysis is the paper “*Processing of native and foreign language subtitles in films: An eye tracking study*” by Marie-Josée Bisson, Walter J. B. Van Heuven, Kathy Conklin, Richard J. Tunney published in Cambridge University Press, December 22, 2011. Research methods used in this paper have included – the methods of comparison, explanatory research (identifying a research questions) and contrastive research (testing theories and proposing solutions to a problem) have been deployed.

2. Peculiarities of Translation of Scientific Texts

Knowledge of theories of terminology is important for translators as they need to determine relationship between concepts, address instances where concepts are similar rather than identical, create target language terms for new concepts and find terms that correspond to the same concept in two languages, which sometimes involves selecting one term from among a number of possible alternative expressions [Baker, 2011].

Jeremy Munday [Munday, 2009, p. 112] defines *terms* as ‘lexical items which have specialised reference within a particular subject domain’. Another definition was offered by Baker [2011] ‘terms are the linguistic designation assigned to concept’ [Baker 2011, p. 286].

A terminological definition must be as detailed as is necessary to differentiate a concept and its associated term from other concept-term units. Terminology addresses specialised domains of knowledge, thus terms refer to discrete concepts, properties, activities or relations that constitute knowledge in a particular domain. “Ideally, behind each term there should be a clearly defined concept which is systematically related to the other concepts that make up the knowledge structure of the domain. Moreover, the choice of the term should reflect this concept effectively and the form of the term should be generally acceptable within the language in question” [Sager, 1997; Baker, 2011].

Antrushina provides the following definition to the notion *term*: “term, as traditionally understood, is a word or a word-group which is specifically employed by a particular branch of science, technology, trade or the arts to convey a concept peculiar to this particular activity” [Adrusheva, 2004].

Galperin [Galperin, 1981] asserts that a peculiar process takes place in the development of any language. With the increase of general education and the expansion of technique to satisfy the ever-growing needs and desires of mankind, many words that were once terms have gradually lost their characteristics and functions as that of terms, and have passed into the common literary or even neutral vocabulary. This process may be called *determinization* (“radio”, “television”).

According to Antrushina [Antrushina, 2004] two approaches exist, according to one an “ideal” term should be *monosemantic* (i.e. it should have only one meaning), and consistently with another, *polysemantic* terms are acceptable, too, despite their capacity to cause ambiguity and misunderstanding, which by some authors is considered as a drawback. This requirement seems quite reasonable, however, the reality is such that any language has a plethora of semantic terms. For example, the linguistic term *semantics* may mean both the meaning of a word and the branch of lexicology studying meanings. The same is true about synonymy in terminological systems. There are scholars who insist that terms should not have synonyms because, consequently, scientists and other specialists would name the same objects and phenomena in their field by different terms and would not be able to come to any agreement [Antrushina, 2004].

Galperin [Galperin, 1981] expressed the following idea: “all scientists are linguists to some extent and that they are responsible for devising a consistent terminology, a skeleton language to talk about their subject. Philologists and philosophers of speech are in the peculiar position of having to evolve a special language to talk about language itself”.

This quotation makes clear one of the essential characteristics of a term and of its highly conventional character. The use of term builds associations with a certain nomenclature. A term is directly connected with the concept it denotes. A term, in contrast to other words, directs the mind to the essential quality of the phenomenon or action as seen by scientists in the light of their own conceptualization [Galperin, 1981].

There are various different theoretical approaches to terminology. The classical approach, known as “the General Theory of Terminology (GTT), grew out of the work of Eugen Wuster [1968, 1976], an Austrian engineer. Wuster was particularly concerned with facilitation of communication in specialised fields and sought to eliminate ambiguity from scientific and technical communication by using precisely defined concept-term units. The main principles embodied in his theory include those of *onomasiology* (beginning with concept and working towards the term), the *clear-cut nature* of concepts (i.e. concepts have precise limits and fixed place within a system of concepts), *univocity* (i.e. a one-to-one relationship between concept and term), and *synchrony* (i.e. focusing on current use of concepts and terms rather than on their evolution)” [Baker, 2011, p. 287].

Terms are mostly and predominantly used in special works addressing the notions of a certain branch of science. Therefore it may be concluded that they belong to the style of language of science, however their use is not confined to this style. They may as well be deployed in other style, such as journalistic, business etc. But their function in such instances alters. It should be noted that they do not always fulfill their basic function – of bearing exact reference to a given concept [Galperin, 1981].

Newmark [Newmark, 1987] offers a suggestion that the best approach to a technical text is to underline what appears to be its key terms. Pragmatic criteria for selecting one term rather than another are generally based on considerations of the economy (one term may be shorter and easier to write or remember correctly than another), transparency (one term may be more precise and less ambiguous than another) and appropriateness (one term may be more widely used than another) [Baker, 2001].

Sager [Sager, 1990] was perhaps the first scholar to actively call for the addition of a commutative dimension to terminology, which eventually resulted in that terms are now studied in texts rather than being considered as context-independent labels [Baker, 2011].

Contrary to a popular belief, even the British Standards Institution has acknowledged that terms may have more than one meaning in one field, as well as in two or more fields. However, the purpose of any new standardisation is always to establish a single one-to-one relationship between a referent and its name. The less important the referent, the more likely the relationship is to hold [Newmark, 1987].

In most cases, these are terminologists who engage in the systematic research of one or more domains in order to create bi- or multi- lingual resources, such as glossaries or term banks, for use of translators. However, as noted above, translators themselves may engage in a similar type of terminographic activity when they endeavor to establish a terminological equivalent or find a translation solution to a particular terminological challenge encountered in the original text. A translator may even need to create a new term in the target language if such does not already exist to describe the concept in question [Baker, 2011].

We would engage several theories mentioned above in our translation of the source text on eye

tracking. It is important to consider several aspects, namely the pragmatic criteria of key terms, the economy and transparency [Newmark, 1987; Baker, 2001]; the *monosemantic* and *polysemantic* nature of terms and their capacity to cause ambiguity and misunderstanding [Antrushina, 2004]; principles of *onomasiology* (beginning with concept and working towards the term), the *clear-cut nature* of concepts (i.e. concepts have precise limits and fixed place within a system of concepts), *univocity* (i.e. a one-to-one relationship between concept and term), and *synchrony* (i.e. focusing on current use of concepts and terms rather than on their evolution)' [Wuster, 1968, 1976; Baker, 2011, p. 287].

3. Translation of Scientific Terminology on Eye Tracking

The process of translation of scientific texts involves the following steps: identifying and defining a translation challenge; indicating all the factors that have to be considered to resolve a translation problem; listing all the possible translation procedures; finding the most suitable translation procedure and conducting the appropriate translation having implemented all these preceding factors [Newmark, 1987; Munday, 2009, 2012].

The translation of the term *eye tracking* presented in the target text presented a difficulty. To conduct translation both languages of translation have to possess the same amount of scientific vocabulary in the sphere [Nord, 2005]. Adaptation could be used as a translation strategy in those cases where the type of situation being referred to by the source language message is unknown in the target language culture, in such case, “the translators have to create a new situation that can be considered as being equivalent” [Munday, 2009]. Oxford dictionary offers the following definition to the term: *eye tracking (noun) – a technology that monitors eye movements as a means of detecting abnormalities or of studying how people interact with text or online documents*. At the same time, the Russian scientific world does contain the term to refer to the same process and technology. The Russian scientific dictionary of Defectology suggests the following term for the same process: *окулография – регистрация движений глаз*. The term is derived from the Greek words “*ankylos*” meaning curved and “*graphein*” meaning writing, and presented in the Russian language as a loan of two words.

Having studied Russian papers on eye tracking we have discovered that Russian scientists tend to use several terms referring to the same process. The papers use 5 terms and phrases to refer to the same eye tracking process: *окулография, глазное слежение, глазное отслеживание, прослеживающие движения глаз, следящие движения глаз*. It might be concluded that the Russian scientific tradition does not have yet an established term to denote this phenomenon.

Russian scientists, presumably use different terms referring to the same notion freely, due to the fact that the overall meaning of the article will not be influenced by a diversity of such kind. The absence of a general term to denote one process would likely cause misunderstanding and add ambiguity to the scientific text, which is inappropriate and can be regarded as poor [Munday, 2009].

The Internet analysis of modern papers on eye tracking in Russian revealed that both terms *окулография* and *айтрекинг* are used. Eye tracking studies are frequently used in computer science, web-site development and marketing studies. The spheres of influence are international and the global usage of international terminology is a wide spread practice today. Therefore, papers are abundant with a simple loan or borrowing of the term *eye tracking* into Russian *айтрекинг*.

The survey we have conducted to understand why the set term *окулография* is not used in Russian scientific world, as the term was introduced in 1960th, has led me to a surprising discovery. English-speaking weekly science journal *Nature* in the article ‘*Three-dimensional technique in trial*’ asserts that the term *ankulography* was developed by John Miao, a physicist at the University of California, Los Angeles, and his colleagues. It uses the spherical wave front formed when radiation scatters off an object’. Therefore, *ankulography (uncountable) the determination of the three-dimensional structure of an object by analysis of the diffraction pattern obtained from a single exposure to monochromatic light* [MacMillian Dictionary]. The fact that the term is used in several different spheres of science possibly explained the overall confusion and doubts in translation of the term eye tracking. Terms are carefully chosen in order to be unequivocal. Routine in using the same terminology in some fields can be easier but also misleading.

Therefore, a translator should be aware that terms *ankulography* and *окулография* though being of the same Greek origin – denote completely different notions in different fields of science. Taking into consideration all the information mentioned it seems possible to suggest that to translate the term *eye tracking* the most appropriate approach would be to use a loan or borrowing – *айтрекинг*.

The term *processing* was used 30 times throughout the source text. It is possible to state that the term refers to a non-equivalent lexis due to the fact that it does not have any direct translation in Russian. The McMillian Dictionary mentions that the word *processing* is an uncountable noun and was derived from the word *process*. Translation of non-equivalent terminology requires identification of all possible meanings and definitions of the term in English. However, none of them could be used to define the process described in the source paper. *Business Dictionary* mentions that the term “*information processing*” could refer to cognitive psychology – “*interpreting incoming information (stimulus) to make a response suitable within the context of an objective, problem, or situation*”. Taking into consideration all the definitions only the last one stating that, processing is interpreting incoming information, would be the most appropriate.

The source text for translation belongs to the field of psycholinguistics. Therefore, to be consistent with this field of science, which is part of cognitive psychology, the Russian equivalent close to the one used in cognitive psychology has been selected. However, the term processing in English psychology is used as *interpreting of incoming information*, and in Russian psychology the term denotes *построение*

долговременных программ развития личности (building of the long-term programmes of self development) [Russian Dictionary of Defectology]. Evidently, these two definitions are different. Therefore, the term processing could not be used as a direct translation, due to the fact that it could cause confusion for Russian scientists.

Due to the global nature of the modern science, and the fact that the terminology used in the source text was introduced by English-speaking scientists, it is possible to assume that a suitable equivalent does not yet exist in the modern Russian science. Therefore, it is possible to use a direct loan or borrowing and to introduce it as *процессинг*. To avoid confusion the target paper introduces the explanation of the term and its main patterns.

The analysis presented above proves that for the translation the terms *eye tracking* and *processing* the most suitable method of translation is a borrowing or loan.

4. Conclusions

The review of scientific lexis on eye tracking in Russian proved that the terms *eye tracking* and *processing* in the context of the domains related to cognitive science do not appear to have one chosen and consistently used translation term. The existing equivalents are either imprecise or do not refer exactly to the phenomena under consideration, as was the case with *окулография* and *обработка*. Based on literature review, globalization trends, identification of translation challenges and translation conflict resolution strategies (partly based on Baker, 2011; Munday, 2009; 2012; Newmark, 1987), such as the necessity to avoid ambiguity, implement the principle of the economy of linguistic expression and communicative aspect [Antrushina, 2004; Sager, 1990], this paper proposes to accept already existing Russian translations *айтрекинг* (1 out of 6 already existing translations) and *процессинг* (1 out of 4 existing translations) as standardized translation equivalents in domains related to cognitive science. To avoid confusion the target paper introduces the explanation of the term and its main patterns.

Bibliography

Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. Серия: Высшее образование, Издательство: Дрофа, 2004. 288 с.

Барабаничиков В.А. Адаптивность глазодвигательной системы / В.А. Барабаничиков. М: Институт психологии РАН Психология, 1997. 303 с.

Залевская А. Введение в психолингвистику / А. Залевская. М.: Российский государственный университет, 1999.

Исследование зрительной деятельности человека. Издательство Московского университета. [Электронный ресурс] / Гиппенрейтер Ю.Б., Москва, 1973. – Режим доступа: <http://saxum.ru/438/index.htm>.

О понятии «стиля языка» (применительно к истории литературного языка). [Электронный ресурс] / Виноградов. В, 1955. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1955/04/554-305.htm>.

- Baker M., Saldanha G.* Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker, G. Saldanha. Routledge 2 Park Square, Milton Park, Abingdon: Oxon, OX14 4RN, 2011.
- Basset S.* Translation Studies / S. Basset. Great Britain: TJ Internet Ltd, Padstow, 2002.
- Bisson M-J., Walter J. B., Van Heuven., Conklin K., Tunney R.J.* Processing of native and foreign language subtitles in films: An eye tracking study / M-J. Bisson, J.B. Walter, Van Heuven., K. Conklin R.J., Tunney. Accepted for publication by Cambridge University Press in December 22, 2011.
- Chesterman A.* Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory / A. Chesterman. John Benjamins Publishing, 1997.
- Galperin I.* Stylistics / I. Galperin. Москва: Высшая школа, 1981.
- International Weekly Journal of Science.* [Электронный ресурс] / Eugen Samuel Reih, 2011. – Режим доступа: <http://www.nature.com/news/three-dimensional-technique-on-trial-1.9645> .
- Munday J.* Introducing Translation Studies Theories & Applications / J. Munday. Routledge 2 Park Square, Milton Park, Abingdon: Oxon, OX14 4RN, 2012.
- Munday J.* The Routledge Companion to Translation Studies / J. Munday. Routledge 2 Park Square, Milton Park, Abingdon: Oxon, OX14 4RN, 2009.
- Newmark P.* A Textbook of Translation / P. Newark. Great Britain: A. Wheaton&Cp Ltd. Kxeter, 1987.
- Nord C.* Text Analysis in Translation Second edition, Theory, Methodology and Didactive Application / C. Nord. Amsterdam – NY: Netherlands, Groos, 2005.
- Sager J.* A Practical Course in Terminology processing / J. Sager. Amsterdam & Philadelphia, 1990.
- Skrebnev Y.* Fundamentals of English Stylistics / Y. Skrebnev. Moscow: V.Sh., 1994.
- Turner G.W.* Stylistics /G.W. Turner. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.
- Vinay J.P., Darbelnet. J.* Comparative Stylistics of French and English; A Methodology for Translation. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins / J. Darbelnet, J.P. Vinay. Original French published by Paris: Didier, 1958.
- Wright S.* Presentation of Concept Systems, Handbook of Terminology Management. Vol.1 / S. Wright. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1997.
- Wuster E.* The machine Tool. An Interlingual Dictionary of Basic Concepts / E. Wuster. London: Technical Press, 1974.

Трухтанова Е.В.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Truhtanova Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ОБРАЗНОСТЬ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ПРИ ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭМЫ Н.В.ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»)*

*FIGURATIVENESS AND TRANSLATION LOSSES WHILE DESCRIBING APPEARANCE (USING THE
EXAMPLES OF THE FRENCH TRANSLATIONS OF N. GOGOL'S "DEAD SOULS")*

В статье описана методика анализа фреймовых потерь при переводе образных оборотов на иностранный язык. Потери в переводе этих «тончайших созвучий» приводят к утере атмосферы повествования. Следовательно, величина образной единицы определяет меру информативности образности при одновременной ориентации на ее значимость.

The article deals with methodic of analysis of frame losses while translating image structures into a foreign language. The above mentioned losses of “the subtlest accords” result in the changes of the atmosphere of narration. Thus the dimension of the image unit will determine the measure of image information as well as its orientation towards higher meaningfulness.

Key words: interpretation, frame, cognitive linguistics, communication, literary image, translator’s analysis.

Ключевые слова: интерпретация, фрейм, когнитивная лингвистика, коммуникация, лингвистический художественный образ, переводческий анализ.

Каждый, кто когда-нибудь серьезно занимался художественным переводом, знает, как трудно бывает передать нюансы и оттенки значений с одного языка на другой. Накапливаясь, потери в переводе этих «тончайших созвучий» приводят к утере атмосферы повествования. Особенно это заметно при переводе произведений классической литературы, где слова и образы подбираются далеко не случайно и призваны воздействовать не столько на сознание, сколько на подсознание читателя. Возьмем частный случай описания внешности персонажей художественного произведения. Любой язык располагает развитой системой описания внешности человека, его лица и тела. Вместе с тем, несмотря на то, что человек един во всех культурах, перевод подобных описаний представляет определенную трудность, особенно, когда речь идёт о

дистантных культурах. Так, европейцу необходимы специальные пояснения относительно некоторых социально значимых явлениях тайской, полинезийской, африканской или китайской культуры. Отсутствие или наличие бороды и усов, сложные татуировки, проколотые в определенных местах носы и уши, спеленатые ноги у женщин и даже вес человека – каждая из вышеназванных деталей внешности может выступать в качестве фреймового маркера той или иной культуры, знание реалий которой – неременное условие для их адекватного перевода на ПЯ.

Внешность персонажей художественных произведений, как правило, описывается несколько отлично от того, как принято в документах, воспроизводящих словесный портрет человека, поскольку ее функция не «распознавательная», а если можно так выразиться, «познавательная», связанная с раскрытием художественного образа действующего лица. Причем зачастую автор произведения основное внимание читателя обращает на такие нюансы, который исключительно трудно поддаются «линейному описанию». Возможность описания ускользающе-неуловимых черт своих героев, их качеств характера и внешности вообще не мыслиться писателем «в лоб», без создания художественного образа, во многом воспроизведенного при помощи использования цепочек различных ассоциаций.

Если рассматривать образ с точки зрения теории фреймов, образ – это точка пересечения двух векторов ассоциаций, являющийся маркером для всех трех информационных единиц, при этом, как нам представляется, основными параметрами образа можно считать его характер, величину и независимость.

Нередко образом ошибочно называют только одну из его сторон, а именно его характеризующую основу. На самом деле, два смысловых плана – характеризуемый компонент образа (в нашем случае внешность человека) и характеризующий (назовем их для краткости субъект и дескрипт) присутствуют в смысловой структуре образа всегда, независимо от того, выражены они оба эксплицитно (сравнение) или представлены лишь внешней оболочкой дескрипта (метафора, метонимия). В любом случае, образ – это слияние двух представлений, их нерасторжимое единство. В отрыве от субъекта дескрипт – всего лишь лингвистическая единица, способная вызвать в нашем представлении каком-то классе предметов, взятом изолированно от других, и и наделенная лишь потенциальной информативностью. Здесь будет уместно сопоставить три примера, в которых при идентичном дескрипте возникают совершенно разные образы.:

«... цвет лица имел каленый, как на медном пятак» (Гоголь, «Мертвые души»);

«Выпили на пятак, захмелели на рубль» (пословица);

«пятак у свиньи» (Даль)

Как мы видим, один и тот же дескрипт (пятак) участвует в построении различных образов, в

которых активируются различные векторы ассоциаций (фреймов). В первом случае – по цвету, во втором – по количеству (покупательной способности), в третьем – по форме.

Другой параметр образной единицы – это его величина. В силу своего двумерного характера величина образа в линейном измерении всегда превышает слово. Как уже было сказано, дескрипт не существует без субъекта, поэтому даже однословная словарная метафора («лиса», «осёл», «фетюк») – по сути, некая условность. Она воспринимается как образ только благодаря тому, что соотносится в сознании с потенциальным субъектом («человек»). В реальном функционировании субъект образа – это конкретное лицо, вещь, ситуация, материально (а иногда и незримо) присутствующая в тексте. Общей закономерностью можно считать то, что однословный дескрипт всегда требует материального присутствия субъекта в структуре текста.

Развернутые образы могут «перешагивать» границы предложения и составлять целые сверхфразовые единства (например, сравнение Руси с птицей-тройкой в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя).

Информативность образной единицы находится в зависимости от ее протяженности, но абсолютно однозначно эта зависимость прослеживается лишь не верхней границе: законченный текст всегда информативнее отдельно взятого фрагмента или детали. Что касается более низких уровней - сверхфразового единства, предложения, словосочетания, то тут объем информативности зависит не только от величины образной единицы, но и той роли, которую он играет в структуре целого текста.

Меткая образная характеристика центрального персонажа, сколь бы сжатой они ни была, всегда оказывается более весомой для осмысления общего замысла, чем развернутое образное описание какой-нибудь второстепенной детали. Следовательно, величина образной единицы определяет меру информативности образности при одновременной ориентации на ее значимость.

Теперь - о последнем параметре, характеризующем единицу образа – ее независимости.

В образе всегда прямо или опосредовано утверждается сходство одного предмета с другим, причем зачастую это сходство носит неявный характер и выявляет аналогии между двумя, на первый взгляд, различными предметами или явлениями. В зависимости от того, чем оказывается сравниваемый предмет и какую роль он играет в замысле автора, образ будет нести большую или меньшую информационную нагрузку в структуре связанного текста, но всегда будет обладать определенной степенью автономности. Он может быть компактен – не превышать по протяженности своей нижней границы – и при этом обладать полной самодостаточностью (напр., «человек-кулак», «кувшинное рыло»). В другом случае образ может охватывать целые сверхфразовые единства и вовлекать в свою орбиту множество словесных единиц, не затронутых переосмыслением, но тесно связанных образными семантическими узлами – в любом случае,

независимо от объема образ несет в определенном смысле законченную идею.

Итак, по всем терм параметрам – характеру, величине и протяженности, которые тесно переплетены и взаимно обуславливают друг друга, – образ оказывается всегда информативные слова.

Ниже будет проанализирована с точки зрения теории фреймов адекватность переводов с русского языка на французский описаний внешности некоторых персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Не претендуя на абсолютную адекватность интерпретации классического текста и его отдельных частей, хотелось бы, в частности, отметить, что, согласно положениям герменевтики, смысл текстов не всегда совпадает с тем значением, которое привносит в него реципиент. При всех попытках повысить степень объективности, процент субъективности, как представляется, остается высоким.

(244) **Белогрудые и белошейные девицы...**

(S-113) *...leure belles aux cheveux d'or...*

(K-143) *les jennes filles aux tresses d'or, au cou et a la gorge de lis*

(M-122) *des belles filles a la gorge blanche*

Избранная автором форма названия субъекта (*девицы*) в данном конкретном контекстуальном окружении говорит не столько о том, что речь идет о незамужних представительницах женского пола, сколько создает у читателя картину сказочного колорита (ср. - три девицы под окном... говорит одна девица...), отсылая его к известной сказке Пушкина, являющейся в русской культуре обязательным произведением. Зная о тесных связях Пушкина и Гоголя, можно с достаточным основанием предположить, что выбор этого слова не является случайным. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что *девицы* описываются как «белогрудые и белошейные», активизируя соответствующий обязательный фрейм устоявшегося сравнения девушек с белым лебедем («лебедь белая плывет...» – из той же сказки Пушкина). Архаичная форма женского рода существительного лишь добавляет образности данного сравнения.

Французские варианты перевода субъекта повествования *девицы* (S-113) – *leurs belles*, (K – 143) – *les jeunes filles* и (M – 122) – *les belles filles*, означающие «красавицы», «девушки» и «красивые» девушки игнорируют ассоциации со сказками Пушкина, передавая лишь денотативное значение субъекта, причем их красота, присутствующая в русском тексте лишь имплицитно, во французских переводах передается буквально, «в лоб».

Соответствующие французские описания субъекта *aux cheveux d'or* (S) и *à la gorge blanche*

(М) представляют собой варианты не только неполного перевода, но и к тому же вводят дополнительные описательные элементы (S) не упомянутые в подлиннике. Помимо прочего, сравнение волос с золотом, каким бы устоявшимся оно ни было, скорее, вызывает ассоциации с богатством, нежели с чистотой и статью «царской птицы», что никак не могло быть задумано автором.

Наиболее приемлемым следует признать вариант, (К) – *au cou et à la gorge de lis*, представляющий сравнение девиц с чистотой и белизной лилии. Перед нами пример использования когипонима (по терминологии В.Г. Гака), т.е. соответствующие друг другу слова в русском и французском вариантах обозначают несоприкасающиеся понятия, но они могут быть использованы как эквиваленты при переводе без видимого ущерба для смысловой стороны текста. Однако произведенное замещение реалий затушевывает сказочный колорит и игнорирует фольклорно-литературные аллюзии, но в то же время не вызывает непонимания или отвлечения на притекстовый комментарий. .

(180) *Одни (мужчины) тоненькие...имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц...*

(S-33) *Les uns, maigres... les mêmes favoris , taillés avec goût, les mêmes visages bien rasés...*

(K-14) *... les fluets... mêmes favoris soigneusement peignés, artistement coupés, mêmes frais visages ovales ...*

M-27) *... ils portaient des favoris peignés avec art ou bien exhibaient des visages rasés de de près...*

В оригинале поэмы «тоненькие» мужчины противопоставляются «толстым». По поведению первых на балу, их внешности можно с достаточной степенью вероятности предположить, что на самом деле речь идет о молодых людях и людях пожилого возраста, поскольку в русской культуре употребление слов «толстый», «полный» применительно к мужчине соответствует представлению о нем как о «солидном» отце семейства, достигшего прочного положения в обществе.

Если в этой связи соотнести «тоненьких» чиновников и «Обдуманно... зачесанные бакенбарды», то становится ясной созданная автором картина : молодой человек, недавно поступивший на службу и имеющий возможность вращаться в губернском обществе, не имея протекций и не обладая особыми талантами, видит лишь один доступный ему способ сделать карьеру – жениться на девушке из «приличного» семейства, получить приданое и протекцию со стороны семейства невесты. Ставка при этом делается им в основном на импозантную внешность и светские манеры. До определенной степени автор как бы намекает на молодого Чичикова, уделявшего, да и в более зрелые годы уделяющего большое внимание своей внешности и

соблюдению принятого в обществе стереотипа поведения. В этом свете «обдуманность» всех элементов внешности является для тоненьких мужчин не прихотью «модника», а насущной необходимостью в целях построения будущей карьеры. Именно на это намекает автор, внутренне насмехаясь над тем фактом, что чиновники обдумывают не проблемы службы, не деловые вопросы, а способы зачесывания бакенбард.

Французские варианты перевода (S) – *tailles avec goût*, (K) – *soigneusement peignés* и (M) *reigne avec art* опускают акциональный фрейм «обдуманности» и передают лишь впечатление о результате парикмахерского искусства, обедняя, таким образом, восприятие смысла текста, получаемое из перевода.

Описывая «овалы лиц», автор использует определения «благовидные», подчеркивая «товарный» вид чиновников – женихов, их соответствие принятому в обществе стандарту внешности и, в конечном счете, – благонадежности чиновника, что, в свою очередь, может быть предпосылкой его успешной карьеры. Только в варианте (K) перевода была сделана попытка активировать аналогичный фрейм «*frais visages*» – «свежие лица». Однако активированный в оригинале квалитативный фрейм «благости» не был реализован ни в одном из французских переводов.

В отношении самого субъекта описания («овалы лиц») следует отметить, что и далее по тексту поэмы при описании женского лица Гоголь подчеркивает его «овальность» и схожесть с яйцом. Как представляется, подобная форма лица воспринималась современниками писателя в качестве эталонной и была призвана еще раз подчеркнуть «благовидность» и «взрачность» лиц чиновников. Подобный фрейм, упоминание «овальности» у переводчиков вариантов (S) и (M) отражения не нашли.

(354) Чичиков представлял... противоположность взрачностью лица.

(S – 255) *Tchitchikof fut vite remarqué... son visage était sain...*

(K2 – 24) *Tchitchikof... devait etre remarque parmi de tels employés, lui dont le corps était sain, le teint rosé et transparent...*

(M – 289) *Tchitchikof présentait un trappant contraste avec ronds-de- cuir...*

«Взрачность» – «благообразная наружность» (Тредиаковский, Тилемахида). «Взрачность» лица Чичикова волей-неволей вызывает у читателя ассоциацию (по контрасту) с «невзрачными» лицами окружающих его чиновников, тем более, что последнее определение встречается в русском языке гораздо чаще, чем используемое автором стилистически возвышенное (М. Фасмер прослеживает происхождение данного слова от церковно-славянского «взор» – т. 1, стр. 311). В этом плане антонимический вариант перевода (M) представляется вполне обоснованным, хотя и

построен на стилистически приниженном описании чиновников, похожих на свиней (*ronds-de-cuir*). В варианте (К) использовано уточняющее описание лица Чичикова (*le teint rosé u transparent* – «прозрачный розовый цвет лица»), что можно считать вполне обоснованным с точки зрения стилистики и смыслового содержания.

Как нам представляется, продемонстрированная выше методика анализа фреймовых потерь при переводе образных оборотов на иностранный язык может найти практическое применение при оценке качества переводов.

Список литературы:

- Акопян К.З.* Представления о культуре и их отражение в языке /К.З. Акопян // Русская культура и мир: Тез. Докл. Участников II междунар. науч. конф. - Нижний Новгород, 1994. С. 118 - 120.
- Гак В.Г.* Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Языковые преобразования. - М.: "Языки русской культуры", 1998. С. 243-263.
- Гак В.Г.* Семиотические основы сопоставления двух культур / В.Г. Гак // Вестник МГУ. / Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация - № 2 - М., 1998/2. - 117 - 126.
- Гарбовский Н.К.* О некоторых проблемах современной науки о переводе / Н.К. Гарбовский // Вестник МГУ. / Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация - № 3 - М., 1998. С. 125 - 135.
- Комиссаров В.Н.* Культурно-этнографическая концепция перевода /В.Н. Комиссаров // Картина мира; лексикон и текст (на материале английского языка) / С.. науч. тр. / МГЛУ - Вып. 376. - М., 1991. С. 126-131.
- Монахова К.И.* О передаче русских собственных имен во французских переводах /К.И. Монахова // Тетради переводчика. / Вып. 18, М.: Международные отношения, 1981. С. 77 - 82.
- Гоголь Н.В.* Мертвые души или похождения Чичикова /Н.В. Гоголь. М.: Художественная литература. 1989
- Gogol N.* Les Ames Mortes» tr. du russe par Ernest Charriere, ed.Cie / N. Gogol. Paris, 1859 (перевод К).
- Gogol N.* Les Ames Mortes» tr. du russe par Mark Semenov, editions Baudelaire / N. Gogol. Paris, 1967 (перевод S).
- Gogol N.* Les Ames Mortes» tr. du russe par Henry Moneault, ed. Progres / N. Gogol. Moscow, 1972 (перевод М).

Уржа А.В.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Urzha Anastasia
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И ФИГУР РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРВОГО
ПЛАНА И ФОНА ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА*

*THE ROLE OF SYNTAX MODELS AND FIGURES OF SPEECH IN THE GROUNDING OF A
TRANSLATED TEXT*

Синтаксические модели русских предложений, способы оформления предиката, текстовые функции глагольных форм – ставшая уже традиционной сфера синтаксиса текста соотносится в статье с открытиями в области функционального изучения риторических фигур: анафоры, парцелляции, клефта. Основой такого сопряжения становятся понятия первого плана (“foreground”) и фона (“background”) текста, используемые как в русской, так и в зарубежной научной традиции, как в лингвистике, так и в поэтике, и совсем недавно принятые переводоведением. Семантико-грамматические характеристики текстовых элементов и риторические механизмы привлечения читательского внимания взаимодействуют в художественном тексте, их соотношение оказывается показательным и при сопоставлении оригинального текста с переводом. Представления о стереоскопичности текста, разработанные зарубежными учеными (P. Hopper, S. Thomson, C. Chvany) и оформленные в виде специальных теорий (“Theory of Grounding”, “Saliency Hierarchy”), соотносятся с открытиями отечественных исследователей (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, И.В. Арнольд) и позволяют системно описать обнаруженные различия оригинала и перевода. Показательным материалом для исследования становится сверхпопулярный роман С. Майер “Twilight” и его русский перевод.

The article contributes to the research of transitivity and grounding in translation studies. It considers the interrelation of the two scientific traditions defining the means of linguistic and poetic foregrounding in a feature text. Semantic and grammatical characteristics of the text elements coact with rhetoric mechanisms of drawing the reader’s attention. Their interconnection should be taken into account in the comparative analysis of a feature text and its translation. The “Theory of Grounding” and the “Saliency Hierarchy” (P. Hopper, S. Thomson, C. Chvany), corresponding to the ideas of Russian linguists (V.V. Vinogradov, G.A. Zolotova, I.V. Arnold), can be applied to the analysis of a popular novel by S. Mayer “Twilight” and its Russian translation. Semantic effects of choosing different aspect forms, finite or non finite forms, active or passive constructions etc. are in the focus of the study together with figures of speech, such as parceling of the text, anaphor and cleft.

Ключевые слова: синтаксис, фигуры речи, перевод, сопоставительный анализ, первый план, фон

Key words: syntax, figures of speech, grounding, literary translation, comparative analysis

Широкое использование в поэтике, семиотике, синтаксисе текста понятий первого плана и фона (так же как и перспективы, и точки зрения) основывается на метафорическом сближении художественного текста с произведениями изобразительного искусства: картинами, иконами,

барельефами. Почти буквальным воплощением этого сравнения являются детские раскладные книжки с картинками, совмещающие текст и визуальное расположение событий и героев: основные оказываются ближе к читателю – ребенку, фоновые – на гладком заднике [Койама, 2004, с. 1].

Если риторические приемы, привлекающие внимание адресата к определенным фрагментам текста, известны с античных времен, то языковые средства, сообщающие им «выпуклость» (“saliency”), выдвигающие на первый план, стали изучаться сравнительно недавно. Эти средства стали объектом специальной теории (“Theory of Grounding”), получившей развитие во второй половине XX века и взятой на вооружение переводоведами на рубеже тысячелетий [Mason, 2004, Natim, 2009, Уржа, 2012].

Одной из основополагающих научных работ в области “Theory of Grounding” считается статья американских типологов и синтаксистов П. Хоппера и С. Томсон, посвященная переходности в грамматике и дискурсе. Ученые исследовали повествовательные тексты, в которых, по их мнению, части первого плана представляют собой актуальную последовательность событий, а фон состоит из описания сцен и оценивающих комментариев. Предложения первого плана организуют временную последовательность; изменение в их порядке сигнализирует об изменении в порядке реальных событий. Предложения фона не упорядочены относительно друг друга и могут даже быть подвижны относительно частей первого плана.

Различие первого плана и фона, по мнению исследователей, является универсалией и берет начало в коммуникативных и, возможно, психологических функциях языка. Способность элемента текста выдвигаться на первый план обусловлена совокупностью его морфосинтаксических и семантических свойств. Именно эта совокупность свойств характеризует высокую переходность (“high transitivity”). Авторы предьявляют список черт переходности, которые задействованы в формировании первого плана и фона, основой классификации становится исследование корпуса нарративных текстов с подсчетом коэффициентов переходности каждой предикативной структуры – «клаузы» (и, соответственно, ее первоплановости, «выпуклости»). Список признаков первоплановых клауз таков:

А). Наличие участников события: глагол, у которого заполнены две актантные валентности (субъектная и объектная), скорее ассоциируется с первым планом (и трактуется как «более переходный»).

Б). Динамика: предложения первого плана представляют типичные «события», то есть действия или изменения состояния.

В). Аспект и Г). Точечность («компактность»): каждое событие первого плана, с точки зрения дискурса, «привязано» к его началу через завершение предшествующего события и к его

концу через установление последующего события. В области фона события и ситуации не формируют такую последовательность, они представлены как продолжающиеся, или повторяющиеся, или одновременные с событиями первого плана.

Д). Волюнтивность и Е). Акциональность. Эти два качества касаются степени причастности агенса к действию. Распространенность свойств волюнтивности и акциональности в сфере первого плана обусловлена тем фактом, что сюжетные линии обычно развиваются людьми, которые совершают действия, и в особенности людьми, которые преднамеренно инициируют события.

Ж). Наклонение и З). Утверждение. Эти критерии учитывают специфику индикативных глагольных форм, противопоставляя их формам других наклонений (сослагательному и желательному), которые редко используются при оформлении основной нарративной «линии» текста.

И). Характеристики объекта: насколько он подвергается воздействию и К). насколько он индивидуализирован.

Авторы подчеркивают, что выделенные ими грамматические и семантические черты действуют в тексте не по отдельности, а в комплексе, формируя не стопроцентные законы, а закономерности, тенденции. Эти тенденции могут быть выявлены и объяснены только на уровне текста, поскольку они, безусловно, имеют прагматическую природу.

Теория П. Хоппера и С. Томсон, основанная на результатах типологического исследования языков, идущая от морфологии через синтаксис к дискурсу, получила развитие в трудах другого американского лингвиста. К. Чвани [Chvany, 1990, с. 213-235] применяет “Theory of Grounding” к русскому материалу и предлагает свою семантико-грамматическую классификацию, называя ее «шкалой выпуклости» (Saliency Hierarchy), где каждое средство, в соответствии с возможностью оформлять событие первого плана или компонент фона, получает определенное количество баллов. Суммируя баллы для каждой клаузы, К. Чвани определяет место предложения относительно первого плана и фона текста. Таким образом, граница между первым планом и фоном оказывается не жесткой, перед нами уже относительная шкала, а не дихотомия. В шкале К. Чвани есть такие параметры, как:

- использование совершенного – несовершенного вида (с учетом семантики глаголов по З. Вендлеру);

- принадлежность к главному предложению, придаточному или «свернутой» предикативной конструкции (причастному, деепричастному обороту);

- оформление двусоставным предложением с переходным глаголом – двусоставным предложением с непереходным глаголом – безличным предложением;

и т.д. (многие пункты повторяют концепцию Хоппера-Томсон, но детализируют ее

применительно к средствам русского языка). Сопоставляя примеры *Иван в Москве не был* и *Ивана в Москве не было*, исследовательница показывает, что первое предложение – элемент рассказа об Иване, тогда как второе более зависимо от контекста и, скорее всего, сообщает об отсутствии Ивана на каком-то событии (более «первоплановом») в Москве.

К. Чвани впервые обращается к научному сопоставлению оригинала и переводов текста в ракурсе теории первого плана / фона: это фрагмент произведения М. Цветаевой «Мой Пушкин» и его переводы на английский и болгарский языки.

Отечественная традиция исследований в области теории первого плана и фона, основанная на данных морфологии и синтаксиса, может быть прослежена от работ В.В. Виноградова. В статье «Стиль «Пиковой дамы», а затем в монографии «Русский язык» В.В. Виноградов обратился к текстовым функциям видовых форм русского глагола. Он писал, что формы совершенного вида, словно обладая кинетической энергией, вытесняют друг друга, побуждая сюжет двигаться к развязке, и намечают «основной чертеж» повествования. В то же время «в этот «линейный чертеж» вносятся новые измерения формами прошедшего времени несовершенного вида. Именно эти формы создают пространственную перспективу в повествовании, намечают в свободных контурах широкий план прошлого, располагаются сами и располагают вещи в одной временной плоскости» [Виноградов, 1936, с. 114].

Следуя за В.В. Виноградовым, Г.А. Золотова соотнесла выделенные им функции не только с видо-временными формами глагола, но и в целом с предикатами текста [Золотова, 1998, с. 422]. Появилась теоретическая основа для сопоставления в этом плане текстов на разных языках: ведь предикаты могут по-разному воплощаться в языке перевода.

В отечественных исследованиях грамматики текста освещены и другие аспекты, соотносимые с теорией Хоппера-Томсон: композиционно-синтаксические возможности личных и неличных форм, реализующих таксисные отношения предикатов, функции безличных (инволютивных) предложений по сравнению с личными и т.д.¹. Они не выстроены в единую шкалу параметров, но, будучи соотнесены с идеями зарубежных типологов, дают массу ценного теоретического материала для сопоставительных исследований на уровне текста, в том числе и в области перевода.

Однако прежде чем обратиться к анализу практического материала, отметим важное терминологическое деление, проведенное в вышеупомянутой статье К. Чвани. Исследовательница проводит разграничение между “linguistic foregrounding” и “poetic foregrounding”, разделяя тем

¹ Ценные для сопоставительного анализа текстов идеи и наблюдения в этой области содержатся в целом ряде отечественных функционально-семантических исследований (работы А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, О.Н. Селиверстовой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, М.В. Всеволодовой и мн. др.).

самым данную сферу исследования на две крупные части: на свойства языковых средств, интуитивно ощущаемые любым говорящим и отражаемые даже в самых примитивных нарративах, и поэтические приемы «выдвижения», основанные на осмысленном использовании языковой нормы.

“Poetic foregrounding” – это риторические механизмы управления вниманием читателя. Интересно, что в русской научной традиции они изучены в том числе и под названием «выдвижение» [Арнольд, 1990, с. 99], что является калькой с термина “foregrounding”. В рамках всех типов выдвижения функционируют общеизвестные фигуры речи. Некоторые из них, такие как парцелляция, инверсия, клефт, использование выделительных частиц, изучаются на стыке стилистики и прагматического синтаксиса.

Средства «поэтического выдвижения», описанные в английской и русской стилистике, также используются в тексте для вынесения определенной информации на первый план, однако они, в отличие от описанных в начале статьи средств «лингвистического выдвижения», вторичны, дополнительные, всегда являются осознанным стилистическим приемом. Переводчик использует обе группы средств для интерпретации первого плана и фона в произведении, которое он воссоздает.

Материалом для практического исследования взаимодействующих средств лингвистического и поэтического «выдвижения» стали оригинал и перевод романа Стефани Майер «Сумерки». Произведение появилось в 2005 году в США и сразу заняло первое место в списке бестселлеров. Этот роман представляет интерес для исследователей. Секрет его сверхпопулярности заключается в умелом воздействии на женскую аудиторию, в привлечении внимания читателей к заранее запланированному набору мотивов, роднящих это произведение с самыми читаемыми «девичьими» романами прошлого: «Гордостью и предубеждением» Джейн Остин и «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Точка зрения читателя постоянно находится под контролем, в область первого плана вынесены самые привлекательные для данной группы читателей смысловые элементы текста.

Русский перевод романа был сделан в сжатые сроки (также в 2005 году). В связи с тем, что время на перевод было ограничено, текст, согласно отзывам читателей, оставляет желать лучшего: русский переводчик акцентировал события, связанные с основной сюжетной линией, а многие компоненты, отягощающие любовно-приключенческую историю (авторрефлексию героини, ее иронические суждения об окружающих, философские обобщения), отодвинул на задний план, текст стал проще и сентиментальнее, чем оригинал.

Среди средств, формирующих первый план в романе, значительную роль играют как лингвистические, так и поэтические средства «выдвижения». Они формируют набор

определенных мотивов, «прошивающих» роман насквозь. Это, в первую очередь, сама драматическая история взаимоотношений влюбленных: загадочного «хищника» и «жертвы», но также и другие «мини-истории»: изменение отношения героини к ненавистному городу Форксу, где разворачивается действие; ее забота и нарастающая тревога о родителях; развитие саркастического отношения Беллы к окружающим и к самой себе; специфическим микросюжетом становится общение героини с «ищейкой» – вампиром, преследующим ее. Первая и последняя истории вербализуются преимущественно в зоне диктума, остальные в значительной степени захватывают зону модуса, что не препятствует их выдвижению [Кояма, 2004, с. 20]

Важно проследить, какую интерпретацию получило подобное «ранжирование» информации в русском переводе.

1. Средства лингвистического «выдвижения» информации.

Среди средств, формирующих первый план в романе, значительную роль играют **текстовые функции глагольных форм** – именно они маркируют основные, значимые для сюжета события. При сопоставлении оригинала и перевода «Сумерек» была выявлена тенденция к увеличению количества предикатов с аористивной и перфективной функциями [Золотова, 1998, с. 27] в русском переводе. За счет этого повествованию придается больше динамизма. Нередко переводчик, акцентируя внимание на ситуациях, которые он считает важными для сюжета, изменяет смысловую наполненность оригинала. Рассмотрим несколько примеров.

<p>During the whole class, <i>he never relaxed his stiff position on the edge of his chair, sitting as far from me as possible. I could see his hand on his left leg was clenched into a fist, tendons standing out under his pale skin.</i> This, too, he never relaxed.</p>	<p>Он целый урок <i>просидел на краешке стула</i>, стараясь держаться как можно дальше от меня. <i>Я заметила</i>, что его левая рука <i>сжалась в кулак</i>, а под бледной кожей <i>проступили жилы</i>. Да, похоже, парень не из спокойных.</p>
---	---

В приведенном отрывке описывается загадочное поведение главного героя на уроке биологии, где он впервые сидит за одной партой с героиней. Оригинал представляет напряженное, но статичное положение Эдварда при помощи форм Past Simple. Перевод иначе описывает напряжение героя – он не *сидел*, а *просидел весь урок на краешке стула* (акцентируется не само положение героя, а его интерпретация Беллой). Кроме того, переводчик предлагает нам более динамичную ситуацию: *его левая рука сжалась в кулак, а под бледной кожей проступили жилы* – вместе с героиней мы не просто наблюдаем ситуацию, а воспринимаем ее как событие,двигающее сюжет (и любовную историю) вперед. Формы совершенного вида реализуют здесь перфективную функцию – Белла констатирует изменения, происходящие с героем, они интригуют ее. Интересно, что и обрамляющие формы, указывающие на восприятие Беллы (*я заметила*) и на положение

Эдварда (*весь урок просидел*), оформлены в русском варианте при помощи совершенного вида. Переводчик, таким образом, выдвигает события в классе на первый план, стремится показать читателю, что сцена неудачного «знакомства» – не просто картинка из школьной жизни, а важный этап в отношениях героя и героини.

<p><i>About three things I was absolutely positive. First, Edward was a vampire. Second, there was part of him — and I didn't know how potent that part might be — that thirsted for my blood. And third, I was unconditionally and irrevocably in love with him.</i></p>	<p><i>Три вещи прояснились окончательно. Во-первых, Эдвард – вампир. Во-вторых, он хочет попробовать мою кровь, хотя и борется с этим желанием. А в-третьих, я окончательно и бесповоротно в него влюбилась.</i></p>
---	--

Приведенный отрывок представляет собой ключевой момент повествования: Белла узнает обо всех тайнах Эдварда и признается себе, что влюблена в него. В оригинале констатируется и описывается парадоксальная ситуация – в переводе акцент смещен: здесь представлено несколько событий. В обоих случаях мы видим некоторые выводы, которые делает героиня. Однако в оригинале эти выводы оформлены при помощи глагола **was** (*I was absolutely positive, Edward was a vampire, there was part of him*), который реализует имперфективные функции предикатов. В переводе же две функции из трех заменены на перфективные (*вещи прояснились, я влюбилась*). Автор и переводчик расходятся в том, какую информацию должен нести в романе представленный отрывок. Автор показывает нам, что Белла констатирует ситуацию как сложившуюся уже давно, она словно все знала или догадывалась, но только сейчас решилась назвать вещи своими именами. Переводчик стремится вывести события на первый план, показать их необычайную важность для сюжета. Но, к сожалению, в своем стремлении акцентировать события он теряет оттенок некоторой «ожидаемости» героиней именно такого развития событий.

Согласно “Theory of Grounding”, **личные и неличные формы глагола** обладают разным потенциалом, различной «выпуклостью» в текстовой ткани. При этом отнесенность действия к сюжетному фону может быть не менее значима, чем выдвигание его на первый план.:

<p><i>The man in front was easily the most beautiful, his skin olive-toned beneath the typical pallor, his hair a glossy black... He smiled an easy smile, exposing a flash of gleaming white teeth.</i></p>	<p>Предводителя гостей без всякой натяжки можно было назвать очень красивым мужчиной: оливковая кожа, блестящие, цвета воронова крыла волосы... улыбался он здорово: очень задорно и заразительно.</p>
--	--

Последняя фраза оригинала передает очень важную деталь, оформленную причастным оборотом и, следовательно, размещенную пока в области фона: читателю дан намек на опасность

новоприбывших, ведь один из них позже укусит главную героиню. Переводчик посчитал этот намек ненужным.

В отношении субъекта предложения в теории «первого плана – фона» Хоппера-Томсон и в шкале «выпуклости» Чвани в первую очередь учитывались формальные критерии, то есть речь шла о **противопоставлении двусоставных личных предложений безличным** и другим односоставным. Первые считаются более «выпуклыми», встраивающими событие в сюжет.

<p>Last night <i>I'd discovered</i> that Charlie couldn't cook much besides fried eggs and bacon. So <i>I requested</i> that I be assigned kitchen detail for the duration of my stay. He was willing enough to hand over the keys to the banquet hall. <i>I also found out</i> that he had no food in the house. So <i>I had my shopping list</i> and the cash from the jar in the cupboard labeled FOOD MONEY, and I was on my way to the Thriftway.</p>	<p>Вчера вечером <i>выяснилось</i>, что из еды Чарли способен приготовить только яичницу. <i>Я вызвалась ежедневно готовить</i> завтрак и ужин, и отец с радостью передал мне ключи от кладовки. <i>В доме почти не было продуктов. Я составила список</i>, взяла деньги из жестяной банки с надписью «На еду» и после школы решила заехать в супермаркет.</p>
--	--

Этот фрагмент подчеркивает хозяйственность Беллы, которая стремится создать уют в доме холостяка-отца. Как уже было отмечено выше, роман оказывается родственным по набору мотивов «Джейн Эйр» и «Гордости и предубеждению», где героини чувствуют себя «взрослее» старших родственников. В оригинале мы видим обозначение конкретного субъекта вместе с глаголами, несущими семантику целенаправленного действия (*I'd discovered, I also found out*). Такое употребление создает ощущение активности героини, которая вносит динамику в жизнь отца. Переводчик предлагает нам фразы с неопределенным субъектом (*выяснилось, в доме почти не было продуктов*), описывая таким образом ситуацию в доме, а не действия Беллы. В целом мотив деятельной заботы героини о родителях не получил в переводе адекватного отражения, его «потеснила» любовная линия сюжета.

II. Средства поэтического «выдвижения» информации.

Стефани Майер активно задействует для выделения информации в тексте синтаксические приемы, традиционно относимые к фигурам речи, к области стилистического, или поэтического синтаксиса. Еще К. Чуковский обращал внимание на важность воспроизведения фигур речи в переводе, поскольку они организуют текст на синтаксическом и ритмическом уровне, создают иерархию смыслов, особо выделяя для читателя некоторые из них [Чуковский, 1964].

Одним из любимых приемов автора «Сумерек» является **анафора**. Единоначалие наблюдается чаще всего в придаточных предложениях, нередко повторяется основа в

сложносочиненных предложениях. Если проследить за тем, какие смыслы выделены в тексте при помощи этого приема, мы увидим, что все они укладываются в набор основных мотивов текста.

<p>And suddenly it hit me. My mother was safe. She was still in Florida. <i>She'd never gotten my message. She'd never been terrified by the dark red eyes in the abnormally pale face before me. She was safe.</i></p>	<p>Только тогда я все поняла: мама в порядке, они с Филом по-прежнему во Флориде. <i>Мое сообщение она еще не прослушала и, надеюсь, никогда не увидит страшных глаз цвета бургунди и неестественно бледного лица.</i></p>
---	--

Представленный отрывок описывает ситуацию, когда Белла понимает, что «ищейка» заманил ее в ловушку, воспользовавшись привязанностью героини к матери. Для выражения чувств Беллы автор прибегает к эмоциональной анафоре. Самое важное для героини – безопасность ее мамы. Единое начало нескольких конструкций выделяет для читателя этот мотив. Переводчик полностью перестраивает конструкцию, хотя русский язык вполне допускает употребление единоначалия. Кроме того, опущено последнее предложение оригинала, являющееся своего рода итогом рассуждений Беллы: *She was safe*.

Прием выделения информации в оригинале при помощи анафоры практически не передается переводчиком. Эмоциональное подчеркивание либо уходит из текста, либо реализуется другими способами (противопоставление, уточнение).

Парцелляция, формирующая «неправильные», обрывочные синтаксические конструкции и тем самым привлекающая внимание читателя к их содержанию, используется в оригинале очень широко. Обычно содержание таких предложений – мысли Беллы, ее внутренняя речь, находящаяся в определенной связи с тем, что она только что наблюдала:

<p>As I waited, trying to pretend that the earsplitting rumble was coming from someone else's car, I saw the two Cullens and the Hale twins getting into their car. It was the shiny new Volvo. <i>Of course.</i></p>	<p>Делая вид, что ужасный звук издает другая машина, я заметила Калленов и близнецов Хейлов, которые усаживались в новенький «вольво». <i>Ну, конечно же!</i></p>
---	---

Героиня стесняется своей дешевой и старой машины, а Эдвард не только красив и умен, он еще и богат. Новая дорогая машина – еще одна деталь, которая, по мнению Беллы, только усиливает пропасть между героями. Переводчик следует за автором в передаче парцелляции, однако усиливает эмоции при помощи восклицательного знака. Оригинал иллюстрирует горькое осознание девушки, что она Эдварду «не пара», при этом сама героиня смирилась с этим обстоятельством. Перевод же стремится передать раздражение героини.

Большинство примеров парцелляции остались без внимания переводчика, а в тех случаях,

где она сохранилась, изменились эмоции героев (из-за употребления других знаков препинания).

Одной из любимых конструкций автора романа является **клефт** – специальное синтаксическое построение, выделяющее рему высказывания: в английском языке это обороты типа *It was Peter who came first* [Тестелец, 2001, с. 446]. Переводчик может вовсе игнорировать использование клефта, как в приведенном ниже примере из начала романа, где героиня подчеркивает ненависть к дождливому Форксу:

<i>It was to Forks that I now exiled myself.</i>	И вот я переезжаю в <i>Форкс</i> .
--	------------------------------------

Однако средства русского языка позволяют выделить рему иначе, например, при помощи конструкций с *именно* или *вовсе не* [Виноградов, 1947, с. 666], что и делает переводчик в других случаях, выделяя по собственному усмотрению наиболее значимые для движения «внешнего» сюжета моменты:

<i>It was there, sitting in the lunchroom, trying to make conversation with seven curious strangers, that I first saw them.</i>	<i>Именно тогда</i> , во время ленча, болтая с новыми знакомыми, я впервые увидела их.
---	--

Разные средства поэтического и лингвистического «выдвижения» элементов текста оказываются тесно связаны между собой не только в оригинале, но и в переводе. Общая стратегия переводчика – акцентировать центральную любовную историю романа – выражается в последовательном выборе форм совершенного вида для интерпретации соответствующих предикатов, а также в добавлении выделительных частиц к ним. Однако побочные «ветви» истории главной героини, связанные с переосмыслением ей окружающего мира и собственной жизни, не нашли в переводе яркого отражения ни на уровне средств *linguistic foregrounding* (личные формы в этих случаях заменяются неличными, неличные опускаются; двусоставные предложения с личным агенсом заменяются безличными), ни в области *poetic foregrounding* (переводчик пренебрегает анафорой, парцелляцией, клефтом, изменяет знаки препинания).

Феномен разделения автором (а затем и переводчиком) информации в тексте на более первоплановую и более фоновую уже делает читателя не полностью самостоятельным, обеспечивает, хотя бы в некоторой степени, управление его восприятием со стороны создателя текста. Интерпретируя смысл текста и воссоздавая его при помощи средств другого языка, переводчик должен быть внимателен к соотношению первого плана и фона в оригинальном произведении. Как показывает исследование, изменения в этой сфере происходят в большинстве случаев не потому, что различие грамматических систем, синтаксических моделей двух языков [Baker, 2001, с. 171] делает невозможным прием адекватного «лингвистического выдвижения» или интерпретации риторической фигуры, а потому, что переводчик субъективно корректирует

авторский композиционный замысел.

Список литературы

- Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. М.: Просвещение, 1990.
- Виноградов В.В.* Стиль "Пиковой дамы" / В.В. Виноградов. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Вып. 2. 1936.
- Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова М., 1998.
- Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2001.
- Уржа А.В.* Применение 'Theory of Grounding' в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста / А. В. Уржа. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 6. М., 2012.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство / К.И. Чуковский. М., 1964.
- Baker M.* In Other Words / Mona Baker. London & New York: Routledge, 2001.
- Hatim B.* Translating text in Context / Basil Hatim. The Routledge Companion to Translation Studies. Abingdon and New York: Routledge, 2009.
- Chvany C.V.* Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian / C. Chvany: N. Thelin (ed.). Verbal Aspect in Discourse. Amsterdam, 1990.
- Hopper P., Thomson S.A.* Transitivity in grammar and discourse / P. Hopper, S. Thomson. Language. Vol. 56, No 2, 1980. P. 251-299.
- Mason I.* Text parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures / Ian Mason. L. Venuti (ed.). The Translation Studies Reader, London & New York: Routledge. 2004.
- Nobuko K.* Grounding and Deixis: a comprehensive approach to the grounding phenomenon in Japanese narrative / K. Nobuko. Taiwan Journal of Linguistics. Vol. 2.1, 2004.

Федюнина И.Э.
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
г. Белгород (Россия)

Fedyunina Inna
Belgorod National Research University
Belgorod (Russia)

*ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СЕМАНТИКУ И ПРАГМАТИКУ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

*THE IMPACT DISCOURSE TRANSFORMATIONS HAVE ON SEMANTICS AND PRAGMATICS OF
IDIOMS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE*

В статье исследуются контекстуальные преобразования фразеологических единиц английского и русского языков, репрезентирующих некоторые формы обмана и нечестного поведения, а также закономерности влияния этих трансформаций на когнитивный потенциал и прагматический эффект данных фразеологизмов. В фокусе внимания автора находятся три наиболее частотных вида дискурсивных трансформаций – расширение метафоры, вклинивание и фразеологический каламбур. Исследование проводится в рамках когнитивно-прагматического подхода. Путём дискурсивного анализа выявляются возможности каждого вида трансформаций и направления, в которых идёт изменение прагматического эффекта фразеологизмов. В качестве ведущих факторов таких изменений рассматриваются оценочный компонент значения фразеологизмов, их внутренняя форма и степень их семантической гибкости, или контекстуальной сензитивности. Автор уделяет внимание выявлению как универсальных тенденций трансформирования семантики и прагматики исследуемых фразеологических единиц, так и внутриязыковой специфики. Также делается попытка выявить взаимосвязь направления воздействия фразеологических трансформаций с особенностями восприятия и оценки различных форм обмана и нечестного поведения носителями русского и английского языков.

The article deals with contextual transformations of English and Russian idioms covering the semantic area of deception and dishonest behavior, as well as with the ways the said transformations affect cognitive potential and pragmatic impact of the idioms under study. The study focuses on the three types of contextual transformations – extended metaphor, addition of extra component and pun. The research is carried out within the boundary of cognitive-pragmatic approach. The author applies discourse analysis in order to define the possibilities of each type of transformations and the ways the pragmatic impact is influenced in a particular communicative situation. Attitudinal meaning, inner form and semantic flexibility, or context-sensitivity, of the idioms under study are considered as the major factors of pragmatic impact. The author intends to define common tendencies and specific features in discourse transformations and the ways they influence semantics and pragmatics of the said idioms within the two languages. The study also seeks to reveal the attitudes native English and Russian speakers hold towards certain forms of deception and dishonest behavior.

Ключевые слова: фразеологизм, обман, прагматический эффект, контекст, дискурсивная трансформация, оценка, коннотация, семантические признаки, коммуникативная ситуация.

Key words: idiom, deception, pragmatic impact, context, discourse transformation, appraisal, connotation, semantic properties, communicative situation.

Сегодня фразеология представляет собой обширное и значимое поле исследовательской деятельности. При этом как отечественные, так и зарубежные лингвисты [Арсентьева, 2006, Алефиренко, 2008, Баранов, 2008, Granger, 2011, Kovecses, 2010] подчёркивают важность и необходимость межъязыкового изучения фразеологического фонда. Одним из ведущих направлений в области современной фразеологии является когнитивно-прагматический подход, предоставляющий, по мнению исследователей, «интересную и полезную информацию о принципах и механизмах взаимодействия фразеологической семантики как с универсальными когнитивными структурами, так и с социокультурными особенностями и традициями носителей языков» [Granger, Meunier, 2011, p. 192] и, таким образом, позволяющий при межъязыковом анализе эксплицировать не только структурно-семантические сходства и различия фразеологических единиц (ФЕ) как таковых, но и специфику культурных установок и менталитета носителей языков. По утверждению Н.Ф. Алефиренко, одного из ведущих специалистов в области когнитивно-прагматической фразеологии, основное назначение ФЕ состоит в том, чтобы «обслуживать и выражать коммуникативно-прагматические намерения коммуникантов» [Алефиренко, 2008, с. 114]. Поэтому в фокусе внимания когнитивно-прагматического подхода находится в первую очередь «прагматический компонент фразеологической семантики и закономерности его дискурсивной реализации» [там же, с. 116]. Одним из наиболее интересных свойств ФЕ представляется их способность к дискурсивным, или контекстуальным преобразованиям различного рода, оказывающим значительное влияние на производимый ФЕ прагматический эффект.

В данной статье мы анализируем контекстуальные трансформации ФЕ русского и английского языков с общей семантикой обмана и нечестного поведения. Нужно отметить, что обман, как в когнитивном, так и в социальном аспектах, представляет собой интересный и сложный феномен, имеющий множество форм как вербальных, так и поведенческих, и в определённой степени являющийся частью повседневной жизни практически любого человека, независимо от его культурно-языковой принадлежности. Хотя обман в целом принято считать негативной и аморальной формой поведения, исследования показывают, что в повседневной жизни восприятие и оценка большинства форм обмана достаточно противоречивы. Как справедливо отмечает Н.А. Красавский, «один и тот же предмет в разных этнических обществах и даже микросоциума может обладать разными оценочными характеристиками, разными «валентностями» и коннотациями» [Красавский, 2008, с. 95]. Более того, отношение к одному и тому же явлению или событию может меняться в зависимости от конкретной ситуации, а также от ценностных установок, личных чувств или эмоционального состояния индивида. Даже само представление о том, что является обманом и нечестным поведением, а что не является, может

варьировать в различных культурах, равно как и в различных коммуникативных ситуациях в рамках одной культуры. Специалисты рассматривают такое неоднозначное восприятие обмана как следствие когнитивного диссонанса, или внутреннего конфликта, возникающего как результат противоречия между социальными нормами, требующими относиться к обману как к запретной и безнравственной форме поведения, и невозможностью в действительности достигать целей исключительно честными путями [Морозова, 2005, с. 155]. Безусловно, такой конфликт и пути его разрешения находят отражение в специфических свойствах ФЕ с семантикой обмана, поскольку «фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 21]. В первую очередь эта специфика выражается в гибкости оценочной коннотации таких ФЕ, которая довольно часто не является фиксированно отрицательной, а способна меняться при использовании одной и той же ФЕ в различных контекстах, вызывая различные (порой противоположные) эмоции у реципиента, а также актуализируя различные семантические признаки характеризуемого объекта и влияя таким образом на содержание ФЕ в целом. Отметим также, что ФЕ с семантикой обмана достаточно часто проявляют тенденцию к контекстуальным преобразованиям.

Здесь мы сосредоточим внимание на ФЕ, репрезентирующих такие формы обмана и нечестного поведения как ложь (дезинформация), обман ожиданий и использование плодов чужого труда – *вешать лапшу на уши, пудрить мозги, обвести вокруг пальца, сидеть на чьей-л. шее* (рус. яз.), *pull the wool over sb's eyes, take sb for a ride, lie without batting an eye, promise jam tomorrow, pick up sb's brains* (англ. яз.) и др.

Наиболее частотными видами дискурсивных трансформаций, которым подвергаются эти ФЕ, являются метафорическое расширение (расширение образной основы), вклинивание и фразеологический каламбур. Рассмотрим воздействие, оказываемое на прагматику и семантику ФЕ указанными типами трансформаций.

Наиболее широкими возможностями в этом плане отличаются метафорическое расширение, или расширение образной основы ФЕ, и вклинивание – введение дополнительного компонента непосредственно в структуру ФЕ. Следует отметить, что высокую когнитивную значимость образной составляющей ФЕ единодушно отмечают практически все специалисты-фразеологи: «Буквальное значение слова, использованного в переносном смысле, не только не исчезает, но и играет значительную роль в интерпретации метафоры, следовательно, метафоры, лежащие в основе создания фразеологического значения, являются «живыми» для носителей языка и составляют важную часть их концептуальной системы» [Арсентьева, 2006, с. 84]. Рассмотрим наиболее показательные ситуации.

- С утра Архипов власть поругался с Женей Ряпкиным, идеологом программы «С-14»,

которая ни к чёрту не годилась, и они оба об этом отлично знали, но у них были разные цели. У Жени – *запудрить шефу мозги*. У шефа, наоборот, *прочистить Женины*. Правда была на стороне Архипова, поэтому через полчаса Женя начал сдавать позиции [Устинова, 2004, с. 190]. В данном контексте представлен типичный пример так называемого прозрачного обмана, когда реципиент знает о том, что субъект лжёт, а субъекту известна осведомлённость реципиента как о факте дезинформации, так и об истинном положении дел. Таким образом, ситуация обмана в целом приобретает юмористический оттенок и предстаёт в виде игры или сражения с predetermined исходом. Заметим также, что здесь применён весьма своеобразный способ создания метафорического расширения – соположение ФЕ с противоположными компонентами («запудрить» – «прочистить»), что также способствует созданию образа игры-сражения. С учётом контекстуальной информации, сообщающей о своеобразном удовольствии, получаемом коммуникантами, негативная коннотация ФЕ практически затушёвывается, а само поведение субъекта вообще не категоризируется как обман, хотя с позиций формальной логики таковым является.

• Benny was a rotten apple as a person, but brilliant as a rock group manager. He was able to *pull the wool even over a wolf's eyes* [Grafton, 1999, p. 321]. В этой ситуации субъект представлен, с одной стороны, как неприятная личность (“a rotten apple”), с другой – как отличный профессионал, чьи способности к обману и манипулированию не только являются частью его работы, но и практически непременным условием её успешности и результативности. Эмфатизация семантического признака мастерства осуществляется путём введения в структуру ФЕ элемента-зоонима «wolf» («волк»). Буквальное значение исходного словосочетания, лежащего в основе данной идиомы – «набросить (овечью) шерсть кому-л. на глаза», то есть лишить объект способности чётко и ясно видеть, а уже в метафорическом значении, в результате переосмысления – лишить способности критично воспринимать подаваемую информацию. Совершение такого «действия» по отношению к *волку* даёт чёткую образную ассоциацию с превращением этого сильного, умного и хитрого хищника в *овцу*, в культурной традиции считающуюся существом глуповатым, недалёким и покорным. В результате переосмысления данной образной ситуации подчёркивается способность субъекта манипулировать даже очень умным, опытным и недоверчивым реципиентом. Таким образом, и экстралингвистическая информация и окказиональное преобразование ФЕ актуализируют дополнительный семантический элемент высокого мастерства, искусства и, соответственно, определённую степень признания и даже восхищения, что привносит некоторую позитивную ноту в общий прагматический эффект ФЕ.

• Terry grinned to himself. *For a good ride he had taken them!* Surely he was the smoothest liar on God's earth! [Cox, 2002, p. 128] В этом контексте обман, осуждаемый окружающими, самим

субъектом воспринимается как игра, доставившая удовольствие, так как он выиграл один против многих. Изменению коннотации способствует вклинивание – введение в структуру ФЕ с изначально негативной оценкой позитивного модификатора “good”.

Однако в целом метафорическое расширение и вклинивание достаточно редко служат для актуализации позитивных семантических признаков и смыслов, особенно в английском языке. Чаще общая негативная коннотация ФЕ не снимается и даже усиливается: • *The government promised us a land of milk and honey, but it turned out to be a desert of rock and dust* [Longman, 1998, p. 201]. Данный контекст репрезентирует ситуацию обмана ожиданий. Ведущими объективируемыми чувствами-отношениями являются разочарование, неприязнь, осуждение поведения субъекта. Интенсификации прагматического эффекта способствует оригинальное построение метафорического расширения по принципу противопоставления – соплагаются обещанное в позитивном образе красоты и изобилия (“a land of milk and honey” – «молочная река с кисельными берегами») и конечный результат в резко негативном образе бесплодной пустоты (“a desert of rock and dust”). Следует отметить, что процесс категоризации обмана ожиданий как формы поведения вовлекает важный психологический нюанс. Специалисты не классифицируют нарушение обещания как обман при условии отсутствия изначально замысла этого нарушения [Морозова, 2005, p. 137], однако указывают на особенность, характеризуемую как «несовпадение ожиданий и представлений партнеров» [там же], которое имеет место почти всегда. Иными словами, в повседневных ситуациях обмана ожиданий признак интенциональности (намеренности), важный в формально-логическом аспекте, практически не имеет значения для обыденного сознания – люди, как правило, склонны любое неоправдание своих надежд, ожиданий и т.п. со стороны другого человека считать обманом, нечестным поведением. Вероятно, в силу такой специфики восприятия и оценки обмана ожиданий ФЕ с соответствующей семантикой практически не обладают контекстуальной сензитивностью и несут фиксированную отрицательную оценку практически в любом дискурсе. Окаzionaliальные трансформации, которым они подвергаются, направлены исключительно на интенсификацию негативного прагматического эффекта. Добавим, что это свойство является универсальным для русских и английских ФЕ.

Сходная тенденция наблюдается и при анализе ФЕ с общим значением «использование плодов чужого труда». Отличительной особенностью этих ФЕ является их повышенная эмотивность, а спецификой коммуникативных ситуаций, в которых они используются – вовлечение эмоционально-нравственной оценки поведения субъекта. Последнее особенно характерно для контекстов русского языка: • *Мама права... любая особь мужского пола суть свинья и паразитирующий элемент, который то и дело порывается взгромоздиться тебе на шею, устроиться там поудобнее и приготовиться к тому, что дальше поедет с комфортом, ибо нашлась*

дура, которая его повезёт! [Устинова, 2003, с. 271] Компоненты, применённые в данной ситуации для преобразования и расширения образной основы исходной ФЕ *сидеть на чьей-л. шее*, несут семы повышенного комфорта, бесцеремонности и наглости, что в сочетании с резко негативными лексемами-интенсификаторами, использованными в окружении ФЕ, вызывает крайнее презрение, возмущение и отвращение.

Также интересны в когнитивно-прагматическом плане ситуации, в которых при сохранении общей негативной коннотации ФЕ происходит её «перенос» с субъекта на реципиента: • Ему можно было *навешать на уши километры лапши*, он всему поверит. Яша жил с мамой до сорока лет, совершенно не приспособленный к окружающей действительности. Для Яши главное – покой... [Токарева, 1994, с. 68] В этой ситуации механизмом усиления экспрессивности служит вклинивание (интенсификатор «километры»). Отрицательная оценка сохраняется, но в силу влияния уничижительной характеристики, даваемой реципиенту, негативная коннотация «перенаправляется» на объект, который сам виноват в том, что его обманывают, и даже готов быть обманутым, лишь бы свести к минимуму контакты с неприятными сторонами действительности.

Фразеологический каламбур, в отличие от расширения метафоры и вклинивания, практически всегда направлен на создание юмористического или иронического эффекта, в результате чего неизбежно происходит затушёвывание негативных семантических элементов. Приведём два характерных примера.

• “You going forward with that lawsuit, after this?” “Of course”, *Mary lied, without batting an eye*. It hurt to bat her eye anyway. She was beginning to hate being a Crime Victim. Everybody was looking at her funny... [Scottoline, 2004, p. 382]. В данном контексте фразеологическая игра, основанная на соположении прямого и метафорически переосмысленного значений исходного словосочетания “bat an eye” («моргнуть глазом»), способствует созданию юмористического эффекта и, в сочетании с экстралингвистической информацией об эмоциональном состоянии субъекта, существенно сглаживает негативную коннотацию ФЕ. Сходные примеры наблюдаются и в русском языке: • *Лапшу варить следует, а не на уши всем вешать*. Думаешь, ты один умный, остальные из деревни приехали? [Леонов, 1997, с. 352] Здесь основой каламбура является компонент «лапша». Преобразование ФЕ служит средством усиления экспрессивности; подчёркивается иронично-снисходительное отношение к субъекту, чья попытка обмана не удалась.

Таким образом, дискурсивные трансформации ФЕ, репрезентирующих представления носителей языков о различных формах обмана и нечестного поведения, оказывают значительное влияние на оценочный компонент значения ФЕ, и, как следствие, на прагматический эффект и содержание ФЕ в целом. Прагматика ФЕ может трансформироваться в трёх основных направлениях: 1) усиление изначально негативной коннотации; 2) частичное или полное

изменение коннотации за счёт актуализации дополнительных признаков и смыслов; 3) «перенаправление» негативной коннотации с субъекта на реципиента. Встречаются также ситуации, в которых благодаря окказиональным преобразованиям негативная коннотация затушёвывается до такой степени, что само действие не квалифицируется как обман, хотя с формально-логической позиции таковым является. Иными словами, оценочная категоризация в таких случаях абсолютно доминирует над логической, изменяя саму семантику ФЕ. Как правило, это явление имеет место в тех ситуациях, когда характеризуемое действие или высказывание никому не приносит вреда и не имеет негативных целей. Наиболее широкими возможностями влияния на прагматический эффект ФЕ обладают расширение метафоры и вклинивание. Фразеологический каламбур имеет более узкую специализацию, будучи направленным в основном на создание юмористического или иронического эффекта, и этому виду трансформации подвергаются в основном ФЕ с семантикой дезинформации, имеющие флуктуирующую оценку и высокую степень контекстуальной сензитивности. Обман ожиданий и использование плодов чужого труда являются наиболее осуждаемыми формами нечестного поведения, и объективирующие их ФЕ несут фиксированную отрицательную оценку в обоих языках. Практически любые преобразования, которым они подвергаются, ведут только к усилению негативной коннотации. Наряду с указанными универсальными тенденциями имеется и внутриязыковая специфика. Она выражается в большей степени семантической гибкости и эмотивности ФЕ русского языка и, соответственно, их открытости для дискурсивных трансформаций.

В целом изучение контекстуальных преобразований ФЕ в рамках когнитивно-прагматического подхода может дать интересный и полезный материал не только для лингвистики, но и для психологии, межкультурной коммуникации и переводческой практики.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
- Арсентьева Е.Ф.* Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков / Е.Ф. Арсентьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2. – 2006. С. 84-89.
- Баранов А.Н.* Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д. Добровольский. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография / Н.А. Красавский. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- Леонов Н.И.* Ловушка / Н.И. Леонов. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1997. 416 с.
- Морозова Е.И.* Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: Монография / Е.И. Морозова. Харьков: Экограф, 2005. 300с.

- Токарева В.С.* Коррида / В.С. Токарева. М.: «Вагриус», 1994. 509 с.
- Устинова Т.В.* Мой генерал: Роман / Т.В. Устинова. М: Изд-во Эксмо, 2003. 352 с.
- Устинова Т.В.* Пороки и их поклонники: Роман. / Т.В. Устинова. М.: Эксмо, 2004. 352 с.
- Cox J. Jinnie* / J. Cox. London: Headline, 2002. 440 p.
- Grafton S. N is for Noose* / S. Grafton. London: Pan Books, 1999. 353 p.
- Granger S. Phraseology: An Interdisciplinary Prospective* / S. Granger, F. Meunier. John Benjamins Publishing Company, 2011. 486 p.
- Kovecses Z. Metaphor: A Practical Introduction* / Z. Kovecses. N.-Y.: Oxford University Press, 2010. 396 p.
- Longman Idioms Dictionary*. London: Pearson Education Limited, 1998. 398 p.
- Scottoline L. Killer Smile* / L. Scottoline. London: Pan Books, 2004. 436 p.

Фененко Н.А.
Воронежский государственный университет
г. Воронеж (Россия)

Fenenko Natalia
Voronezh State University
Voronezh (Russia)

РОЛЬ КОМПЕНСАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ПРОСТОРЕЧНО-ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

ROLE OF COMPENSATION IN TRANSLATION OF VERNACULAR AND DIALECTICISMS

В статье предлагается более широкое, по сравнению с принятым в переводоведении, толкование понятия «компенсации» как стратегии перевода, направленной на достижение эквивалентности текстов путем разрешения проблем асимметрии в системе языков и культур. На материале рассказов В.М.Шукшина и их французских переводов рассматриваются особенности передачи в процессе перевода просторечия и диалектизмов, которые выступают средством стилизации речи персонажей и важнейшей составляющей эстетики текста. Выделяются два основных типа компенсации – внутриуровневая (лексическая), которая реализуется путем замены русских просторечно-диалектных слов французской фамильярно-разговорной лексикой, и межуровневая (лексика – синтаксис), которая осуществляется путем замены русской просторечно-диалектной лексики синтаксическими конструкциями французской разговорной речи. В результате происходит транспонирование территориальных диалектов в социальную плоскость, которое способствует достижению эквивалентности текстов с ярко выраженной национальной окраской.

The article discusses a broader notion of “compensation” than it is generally known in translation theory: it is defined as the translation strategy aimed at achieving the equivalence of two texts by the means of resolving the problem of the asymmetry between two languages and cultures. The study is based on French translations of short stories by Vasily Shukshin and examines the ways to render vernacular and dialecticisms which are crucial in creating the image of characters and their speech; they represent as well on the most important features of the text’s aesthetics. Two major types of compensation are analyzed – inside one level of language (lexis) via the substitution of Russian vernacular and dialectic elements by French colloquialisms, and between two levels of language (lexis – syntax) via the substitution of Russian vernacular and dialectic elements by syntax elements typical for French colloquial language. This transposition of territorial varieties of language into social variety contributes to achieving the equivalence of the texts rich in national specificity.

Ключевые слова: просторечие, диалектизмы, компенсация (внутриуровневая, межуровневая), асимметрия в системе языков и культур, переводческая эквивалентностью.

Key words: vernacular, dialecticisms, compensation, asymmetry of languages and cultures, translation equivalence.

В современной теории перевода термин «компенсация» используется для обозначения способа замены «непередаваемого элемента» элементом иного порядка [Нелюбин, 2009, с. 83]. Компенсация трактуется как *прием перевода* (выделено нами – Н.Ф.), «восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике». Это «наиболее сложный из приемов достижения адекватности перевода», сущность которого состоит в замене

стилистических средств подлинника стилистическими средствами в переводе или же в применении тех же средств, только в другом предложении [там же, с. 84].

Определение компенсации как переводческого приема или способа перевода (которое, в целом, не вызывает возражений) представляет собой, однако, интерпретацию данного понятия в узком смысле этого слова. В более широком смысле компенсацию целесообразно рассматривать как стратегию достижения эквивалентности, ориентированную на использование в процессе перевода одних элементов в функции других. В этом случае задача переводчика заключается в «оптимально возможном преодолении асимметрии рабочей пары языков, максимальной нейтрализации их этнопсихолингвистического, когнитивно-семантического и лингвокультурологического диссонанса и символично-семиотической контрадикции» [Мишкурин 2014, с. 27] и, следовательно, в предупреждении различного типа лакун, обусловленных факторами языковой и культурной асимметрии. Подобное понимание компенсации вытекает из дефиниции данного термина (от латинского *compensare* – возмещать, уравнивать), который обозначает явление не чисто переводоведческое, не чисто лингвистическое и даже не чисто социальное. Компенсация – явление широко распространенное в живой природе, обозначающее «биологическую приспособляемость организма, в результате которой устанавливается уравнивание организма со средой» [Defectology, Эл.ресурс]. В таком понимании компенсация представляет собой общее свойство синергетических (то есть, сложных эволюционирующих саморегулирующихся) систем, к которым относятся общество, культура, язык.

Специфику реализации принципов компенсации можно проследить на примере перевода просторечной лексики, которая вместе с диалектной и жаргонной составляет «устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 402]. Она включает в себя особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности.

Подобные языковые единицы, которые допускаются в литературный язык «с ограниченными стилистическими заданиями» [там же, с. 402], составляют основу «чудо-языка» произведений В.М.Шукшина, – языка, который отличается лаконичностью и в то же время необычайной выразительностью, яркостью, живостью, образностью. К таким словам относятся

– *этнографизмы* – названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства алтайской деревни, не имеющих параллелей в литературном языке: «туес» – сосуд из бересты; «паря» – обращение к мужчине;

– *собственно лексические диалектизмы* – синонимы, соответствующие литературным словам: «маленько» – немного; «камелек» – печка; «лонись» – в прошлом году;

– *семантические диалектизмы*, имеющие иное, чем в литературном языке, значение: «худой» – плохой; «хворь» – болезнь;

– *жаргонизмы и просторечия*, проявляющиеся на разных уровнях: морфологическом («жалюзей» вместо жалюзи), фонетическом («иолог» вместо геолог), лексическом: белковать (охотится на белку), куфайка (фуфайка), жись (жизнь), ничо (ничего), спроть (против), убивство (убийство), склизкий (скользкий).

Такие слова и выражения (с учетом подвижности и размытости границ между типами, входящими в состав народно-разговорного языка) выступают в качестве средства *стилизации* образов персонажей – «суровых, но гостеприимных и хлебосольных сибиряков» [Vanquey, 1997, p.12]. Территориальные и социальные диалектизмы несут ярко выраженную социокультурную характеристику персонажей, являются носителями местного колорита и представляют особую сложность для перевода, как в теоретическом, так и в практическом плане. Они традиционно относятся к «безэквивалентной лексике», «непереводимому в переводе» и «не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [Влахов, 2006, с. 60].

В основе такого подхода, как свидетельствует анализ рассказов В.М.Шукшина [Шукшин, 2004] и их французских версий [Choukchine, 1997], лежит стратегия компенсации.

Сопоставительное исследование текста оригинала (далее ИТ) и текста перевода (далее ПТ) показало, что в процессе передачи просторечной и диалектной лексики используются французские разговорно-фамильярные лексические единицы, имеющие словарную помету «fam.» – *familier* – разговорный. (Здесь и далее значения слов выявляются по словарям [Гринева, 1987; Свиридонова, 2010]). Ср., например:

ИТ: *один какой-то шкелет* – ПТ: *un grand échalas (échalas – fam. дылда, жердь)*;

ИТ: *Никто почесть не выдерживал* – ПТ: *Quasiment personne ne supportait (quasiment adv.fam. – почти, почти что, в некотором роде)*.

В ряде случаев передача подобной лексики осуществляется с помощью французских просторечных лексических единиц, представленных в словаре с пометкой «pop.» (*populaire*-просторечный), однако, таких примеров сравнительно немного:

ИТ: *ни лицом, ни одежкой* – ПТ: *ni la tête, ni les frusques d'un chasseur (frusques pl.pop. – одежда, шмотки)*;

ИТ: (...) *боталом обозвали* – ПТ: (...) *ils le traiterait de baratineur (baratineur pop. – пустомеля, враль, трепач)*.

Малую частотность использования французских просторечных лексических единиц (далее – ЛЕ) по сравнению с разговорно-фамильярными можно объяснить разной стилистической дифференциацией лексики русского и французского языков, в частности, тем, что французское

просторечие (*langue populaire, bas-langage*) занимает особое место в стилистической системе языка. Оно располагается между арго и фамильярным стилем и только приблизительно соответствует русскому просторечию. *Langue populaire*, как считают специалисты, представляет собой парижское просторечие, и за исключением нескольких второстепенных черт – это и просторечие всей городской Франции. Крестьянские же диалекты стоят особо [Степанов, 2003, с.224]. В связи с этим вполне логично, что просторечие героев В.М. Шукшина, представляющее собой преимущественно крестьянскую речь, компенсируется в ПТ с помощью французской разговорно-фамильярной лексики. Более широкое использование французского городского просторечия могло бы привести к деформированию эстетических задач произведения.

С помощью французской разговорно-фамильярной лексики осуществляется также передача диалектизмов, в процессе которой французская территориально-окрашенная лексика не используется, ср., например:

ИТ: *Не пойму, паря, к чему ты?* – ПТ: *Je te suis pas, mon gars* (*gars – fam.тип, мужчина*).

Дело в том, что слова многочисленных французских говоров, наречий, патуа, своеобразие которых исторически закреплено в их фонетической форме и лексическом значении, практически не известны носителям современного французского языка – по большей части городским жителям, давно оторванным от своих сельских корней [Colin, 1991, p. 12]. Более того, по отношению к подобным ЛЕ существует и некое пренебрежительное отношение («*le vieux mepris du patois*»). Считается, что они носят территориально-ограниченный характер, не выходящий за рамки определенной местности («*jamais sortis de leur trou*»), и являются более низкими по происхождению («*d'origine rustique*») и менее «благородными», чем слова греко-латинских корней («*moins nobles que leurs cousins du latin ou du grec*»). Использование диалектизмов в современной французской литературе, является скорее исключением, чем правилом. Оно ограничивается лишь случаями, где подобные ЛЕ выступают в функции ключевых слов, лейтмотива произведения и непосредственно связаны с эстетическим кредо писателя. В качестве примера обычно приводят такие регионализмы, как *embrun* – «облачное небо» – в произведениях Ж. Бернаноса, *rescapé* – «избежавший опасности, гибели, уцелевший при катастрофе» – в произведениях Ф. Мориака [ibidem, p. 14]. Подобные примеры подтверждают мнение о том, что воспроизведение территориальных диалектизмов языка оригинала неосуществимо с помощью территориальных диалектизмов языка перевода [Федоров, 2002, с. 343].

В перечисленных выше примерах из рассказов В.М. Шукшина и их переводов можно говорить о внутриуровневой компенсации (лексический уровень ИТ – лексический уровень ПТ), которая осуществляется по принципу замены русских диалектных и просторечных ЛЕ французскими разговорными (реже просторечными) ЛЕ.

Часть диалектных и просторечных слов и выражений передается в ПТ с помощью французских словарных соответствий, которые являются нейтральными по своей стилистической окраске, ср.:

ИТ: куржак в ладонь толщиной – ПТ: *une couche de glace large comme la main*;

ИТ: с волглым запахом – ПТ: *une odeur lourde et moite*;

ИТ: мешок с харчами – ПТ: *sac à provisions*.

Отмечаются также случаи опущения стилистически окрашенной русской лексики и грамматических диалектизмов:

ИТ: Как налим склизкая – ПТ: *glissant comme une anguille*.

ИТ: Жалюзей, правда, нет. – ПТ: *A part des stores, c'est vrai*.

Необходимость частичной нейтрализации значений ЛЕ в ПТ обусловлена, на наш взгляд, не только количеством диалектных и просторечных слов в ИТ, сохранение которых в ПТ создало бы существенные трудности для восприятия текста французским читателем. Она объясняется, кроме того, и значительными расхождениями разговорно-фамильярной лексики русского и французского языков. Известно, что французская фамильярная речь гораздо теснее связана с аргю, чем русская, и почти совершенно исключена из нейтральной речи. Следовательно, замена стилистически маркированной лексики на нейтральную «сдвигает» стиль рассказа в сторону книжной речи, что соответствует требованиям так называемого «коэффициента нормы» [Степанов, 2003, с. 235] французского языка.

В случаях нейтрализации стилистического значения ЛЕ локальный и социальный колорит текста компенсируется с помощью синтаксиса французской фамильярно-разговорной речи. В ПТ широко используются такие приемы, как

– сегментированные и эллиптические эмотивные предложения:

ИТ: Март – он ишо свое возьмет. – ПТ: *Au mois de mars, gare aux frimas!*

ИТ: Я не лиходей себе. – ПТ: *Je ne veux que du bien!*

ИТ: Вообще движение колоссальное. – ПТ: *Il y a un mouvement, c'est fou!*

ИТ: Кровать я такую обязательно сделаю, как здесь. Поразительная кровать. –

ПТ: *Et le lit! Il faudra absolument que je me fasse un lit comme ici. Il est extraordinaire.);*

– выделительные конструкции:

ИТ: (...) *стоит... и начинает* – ни с того ни с сего... За что?

ПТ: (...) *c'est elle qui a commencé, comme ça, de but en blanc... Pourquoi?*

ИТ: А затрясло его опять потому, что завождем слушала Розу и слегка – понимающе – кивала головой.

ПТ: *Ce qui le mettait dans cet état, c'est que le chef de rayon écoutait Rosa en hochant légèrement*

la tête, d'un air entendu;

- повторы:

ИТ: *Я даже в магазине-то не был! А она начинает: я, мол, чего-то такое вчера натворил в магазине.*

ПТ: *Je n'ai même pas mis le pied dans votre magasin! Et elle, elle me cherche, elle raconte que j'ai fait du raffut dans le magasin.*

– опущение отрицательной частицы *ne*:

ИТ: *Теперь не ранешное время, поймают.* ПТ: *Aujourd'hui c'est plus comme avant, ils te reprendront;*

– опущение безличного местоимения *il*:

ИТ: *Не пускай, закройся.* – ПТ: *Les laisse pas entrer, ferme le ferrou.*

ИТ: *Лучше набить полный камелек и выйти пока на улицу, нарубить загодя дровишек.* - ПТ: *Pour le moment mieux vaut bourrer le poele et sortir fendre d'autre bois...;*

– использование местоимение *ça* в качестве субститута не только неодушевленных, но и одушевленных существительных:

ИТ: *А-а!... – хочется сказать. – Вот так-то.* - ПТ: *Ah! C'est ça la vie!*

ИТ: *Это никакой меня не Христос учил, сам так щитаю.* - ПТ: *Ca, c'est pas le Christ qui me l'a enseigné, je l'ai trouvé tout seul.*

ИТ: *То – человек, а то-зверь.* – ПТ: *Un homme et une bête, ca fait deux!*

ИТ: *Да с такой злостью, куда и улыбка девалась.* – ПТ: *Et aggressive, avec ça.;*

- высокая частотность использования неопределенно личного местоимения *on* в значении «я», «мы»:

ИТ: *Давай спать.* – ПТ: *Allez, on se couche?*

ИТ: *Не пропадем, отец. Еще поживем!* – ПТ: *On n'est pas encore mort, le père, on a encore un bout a vivre.*

Следует также отметить, что эмотивные восклицательные предложения в ПТ встречаются гораздо чаще, чем в ИТ, что усиливает стилистическую окраску французского текста, ср., например:

ИТ: *Хорошо! А то аж душа трясется. Замерзнуть, к черту, можно. Апрель называется...*

ПТ: *Tant mieux! Parce qu'un froid pareil, c'est bon pour vous faire crever! Tu parles d'un mois d'avril!...*

Перечисленные приемы представляют собой проявления межуровневой компенсации (лексический уровень ИТ – синтаксический уровень ПТ). Этот тип компенсации следует признать тем более эффективным, что синтаксис играет особую роль в произведениях В.М. Шукшина: это

синтаксис устной речи с особым ритмом фраз, однородными членами предложения, парцелляцией главных и второстепенных членов предложения и т.п. Таким образом, использование приемов межуровневой компенсации позволяет переводчику не только передать диалектно-просторечную специфику текста, но и сохранить его стилистический регистр.

О межуровневой компенсации можно говорить и в тех случаях, где колорит текста восполняется с помощью фонетических особенностей, типичных для французского крестьянского просторечия (лексический/грамматический уровень ИТ – фонетический уровень ПТ). Примером такой компенсации может служить пропуск звука *u* в местоимении второго лица единственного числа, ср.:

ИТ: *Убил ты ее медведицу, а у ей двое маленьких. Подохнут.*

ПТ: *Si c'est une femelle, une ourse, que t'as tuée (вместо tu as tuée), et si elle a deux petits, les petits, ils vont crever. T'as gagné (вместо tu a gagnée) une fourrure. Mais t'aurais attendu (вместо tu aurais attendu) un peu, t'en aurais eu (вместо tu en aurais eu) trois.*

Следует, однако, учитывать, что выделенные выше приемы необходимо рассматривать как часть системного целостного переводческого преобразования текста, которое предполагает «принципиальную невозможность свести свойства системы к сумме свойств составляющих элементов, а также вывести из свойств отдельных элементов свойства системы в целом» [Гарбовский, 2004, с. 220]. Сопоставительный анализ ИТ и ПТ показывает, что принцип компенсации реализуется не на уровне передачи отдельных слов и выражений диалектно-просторечного характера (то есть не как конкретный *переводческий прием*), а на уровне текста в целом (как *стратегическая линия перевода*). В этом случае как раз и проявляется «золотое правило» компенсации: использование переводческого эквивалента «необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [Нелюбин, 2009, с.84]. Проиллюстрируем это положение несколькими примерами из рассказа В.М.Шукшина «Охота жить» («L'envie de vivre»):

ИТ: *Такие турысы разведет, что тебе поп раньше. И лесины-то у него с душой: не тронь ее, не секи топором зазря, а то засохнет, а засохнет, сам засохнешь – тоска навалится и засохнешь, и не догадаешься, отчего тоска такая.*

ПТ: *Il vous sort de ces boniments, mieux que les popes autrefois. Il raconte que même une branche, ça a une âme: faut pas y toucher, faut pas lui mettre un coup de hache par plaisir, sinon elle sèche, et si elle sèche, toi aussi tu sècheras sur pied, tu auras le cafard et tu sauras pas pourquoi.*

Значение просторечного выражения «турысы разводит» передано в двух предложениях: с помощью французского слова *boniments* (fam. – враки, вранье, треп) и сочетания (*Il vous sort de...*) в первом предложении, с помощью глагола *raconter* – «рассказывать» во втором предложении.

Диалектизмы *лесины*, *зазря*, *сечь топором* – переданы в ПТ при помощи французских

нейтральных ЛЕ *une branche, mettre un coup de hache, par plaisir*, в то время как русское слово *тоска* – французским фамильярным словом: *cafard* (fam. хандра, тоска).

ИТ: *Помнишь Колю? Забыла? – Парень с кем-то разговаривал и очень удивился, что его «забыли». – Колю-то! А Коля помнит тебя. Коля тебя не забыл.*

ПТ: *Tu te souviens de Kolia-le-Prof? T'as oublié, ma jolie? Il semblait très étonné que celle à qui il s'adressait l'ait «oublié». Mais si, Kolia!...Lui, il se souvient, il ne t'a pas oubliée.*

Просторечный характер диалога героя с мнимым собеседником – волей – передается при помощи номинативной цепочки с многократным повтором его имени (Колю – Колю-то – А Коля – Коля). В ПТ переводчик использует русское имя собственное Коля только один раз (Mais si, Kolia). При повторной номинации он заменяет его местоимениями (lui, il), избегая, согласно традиции французской стилистики, нежелательных лексических повторов [Гак, 1998, с. 582], а также создает неологизм-прозвище Kolia-le-Prof. Номинативная цепочка в ПТ выглядит следующим образом: Kolia-le-Prof – Kolia – Lui – il. С помощью неологизма переводчик компенсирует информацию, содержащуюся в предшествующем контексте, из которого читатель узнает, что бежавший из тюрьмы парень похож, по мнению Никитича, на учителя (*Сбрей ему сейчас бородку, надень костюмчик – учитель*), а «*Никитич очень любил учителей*». Кроме того, прозвище отражает социальные связи персонажа рассказа «Охота жить», его принадлежность к преступному миру.

Данный пример показывает, что основная, семантическая, а также эстетическая информация текста не ограничена каким-либо отрезком, в художественной речи она накапливается на протяжении нескольких предложений, абзацев, глав и может даже выходить за пределы текста к внеязыковой ситуации. Напротив, стилистическая информация, связанная с разграничением функциональных стилей языка, накапливается в пределах предложения. Поэтому и компенсация семантической, эстетической информации и стилистической информации происходит соответственно в тех же разных пределах [Степанов, 2003, с. 31-32].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что компенсация широко используется в процессе перевода при передаче диалектной и просторечной лексики.

Показательно, что переводчики (в нашем случае Брижит Банке) считают невозможным обращаться к территориально окрашенной французской лексике и крестьянским говорам: указанные средства находятся за пределами литературного языка и, следовательно, представляют потенциальную помеху общению в силу своей необщеизвестности и необщеобязательности. Поэтому переводчик стремится компенсировать эту недостаточность либо за счет внутриуровневых средств (русские диалектизмы и просторечные ЛЕ – французские фамильярно разговорные или просторечные ЛЕ), либо за счет межуровневой компенсации (русские

диалектные и просторечные ЛЕ – синтаксические / фонетические средства французской разговорной речи). При этом происходит транспонирование территориальных диалектов в социальную плоскость [Фененко, 2001, с.73-74].

Как показывает анализ теоретической литературы и практических решений переводчиков, перевод текстов, носящих просторечный и диалектный характер, осуществляется на основе компенсации с использованием различных ее типов и форм: языковых – внутриуровневых и межуровневых, полных и частичных, формальных и содержательных, а также внеязыковых – культурных и социокультурных. Понимание и интерпретация компенсации как категории переводоведения, позволяющей обеспечить эквивалентность ИТ и ПТ, создает объективные условия для признания переводимости любых текстов, в том числе тех, которые носят просторечный характер и отличаются высокой степенью национальной окраски.

Список литературы

- Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М.: «Р. Валент», 2006. 448 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования / В.Г. Гак М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. 544 с.
- Гринева Е.Ф.* Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы) / Е.Ф. Гринева, Т.Н. Громова. М.: Русский язык, 1987. 638 с.
- Компенсация нарушенных функций. Дефектологический словарь.* [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.defectology.ru/k/kompensatsiya_narushennyh_funktsij.html
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. редактор В.Н.Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Мишкурое Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода / Э.Н. Мишкурое // Вестник Московского государственного университета. Серия 22 «Теория перевода», 2014, № 3. С. 24-46.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л.Л.Нелюбин. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. 320 с.
- Свиридонова В.П.* Словарь современной разговорной лексики французского языка (на материале художественной литературы и прессы) / В.П.Свиридонова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 668 с.
- Степанов Ю.С.* Французская стилистика (в сравнении с русской): Учебное пособие / Ю.С.Степанов. Изд. 3-е, стереотипное. М.:Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
- Фененко Н.А.* Компенсация как категория переводоведения / Н.А.Фененко, А.А.Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, №2. С. 70-74.
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр.языков. Учеб.пособие. 5-е изд. СПб: Филологический факультет СПбГУ: издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ» 2002. 416 с.
- Шукшин В.М.* Калина красная: Повести и рассказы /В.М. Шукшин. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 768 с.
- Banquey V.* Quelques nouvelles de Vassili Choukchine / V. Banquey // Vassili Choukchine. Post-scriptum et autres nouvelles. Neuvy le Roi – France: Alfil Editions. L’instant meme – Edition UNESCO, 1997. P. 9-13.
- Choukchine V.* Post-scriptum et autres nouvelles / V. Choukchine/ Traduit du russe par Brigitte Banquey/

Neuvy le Roi – France: Alfil editions. L'instant meme- Edition UNESCO, 1997. 285 p.
Colin J.-P. Introduction / J.-P.Colin // Clafoutis, gourgandine et vilebrequin. Les mots des provinces
françaises. Paris: Pierre Belfond, 1991. 262 p.

Фефелова Н.Н.
Продовольственная и сельскохозяйственная
организация Объединённых Наций (ФАО)
г. Рим (Италия)

Fefelova Natalia
Food and Agriculture Organization of United Nations
Rome (Italy)

*РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ФАО: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И
ПРЕПОДАВАНИЕ*

RUSSIAN LANGUAGE AS AN OFFICIAL LANGUAGE OF FAO: FUNCTIONING AND TEACHING

В данной статье уделено внимание основным принципам функционирования и особенностям преподавания русского языка в качестве официального в международной организации. В статье определены ключевые аспекты целей изучения русского языка для профессионального общения, описаны основные задачи программ по русскому языку в гуманитарном пространстве международных организаций, дана характеристика контингента обучаемых в зависимости от мотивообразующих факторов изучения русского языка, выделены тематические циклы для формирования профессиональной коммуникативной компетенции в многоязыковом и поликультурном контексте, дан анализ методических тактик и приёмов в профессионально ориентированном обучении специалистов.

The article focuses the attention on the most important principles of functioning and teaching the Russian language as an official language in international organizations. In the article the author defines the main aspects of the Russian language studying for professional communication and describes the major goals of Russian language programmes in the environment of international organizations. The author also characterises the contingent of students depending on the motivation forming factors and singles out thematic cycles for the development of communicative competency in multi-lingual and polycultural context. The article represents the analysis of methodological tactics and techniques used in the vocationally oriented teaching.

Ключевые слова: русский как официальный язык международной организации, профессионально ориентированное обучение, мотивационное поле обучаемых, тематический концепт, межкультурная коммуникация, интерактивные методы обучения

Key words: Russian language as an official language of an international organization, vocationally oriented teaching, students' motivation field, thematic concept, cross-cultural communication, interactive teaching methods

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций (ФАО) была учреждена в 1945 году с целью повышения качества питания, роста производительности в аграрном секторе, улучшения условий жизни сельского населения и содействия мировому экономическому росту. Ее членами являются 189 государств мира и Европейское сообщество. Штаб-квартира Организации находится в Риме. Российская Федерация вступила в ФАО в качестве полноправного члена в апреле 2006 года.

23 ноября 2007 года в Риме на 34-й Конференции ФАО было принято решение придать русскому языку статус официального языка Организации. В связи с этим были приняты соответствующие поправки в Устав ФАО. Сегодня с деятельностью ФАО на русском языке могут ознакомиться 170 миллионов человек, для которых русский язык является родным, и еще 350 миллионов человек, которые его понимают. В настоящее время официальными языками ФАО являются шесть языков: русский, английский, французский, испанский, арабский и китайский.

Функционирование русского языка в качестве официального языка обусловлено уставными принципами полноправного использования всех языков ФАО и соблюдения принципа равенства языков, таких, как:

- коммуникация на русском языке в рамках Совета стран-членов и на всех организованных Организацией встречах, конференциях, конгрессах, семинарах и форумах;
- синхронный устный перевод на русский язык выступлений представителей стран-членов и почётных гостей в официальных органах Организации, на всех организованных Организацией встречах, конференциях, конгрессах, семинарах и форумах;
- письменный перевод и публикация основных программных документов, резолюций, отчётов и обзорных докладов ФАО и организаций-партнёров;
- терминологический глоссарий ФАО и ООН;
- публикация рекламных материалов Организации и отдельных мероприятий;
- официальная переписка и проведение рабочих совещаний по договорённости участвующих сторон;
- повседневная переписка по электронной почте и факсу со странами-членами Организации;
- перевод информационных материалов веб-сайта Организации и электронных страниц отдельных программ и проектов;
- аудио и видеотрансляции мероприятий Организации на русском языке.

Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Риме (ФАО, ВПП, ИФАД) проводит твёрдую линию на неукоснительное соблюдение принципа равенства использования официальных языков, учитывая и то, что русским языком как рабочим языком регулярно пользуются не только представители РФ, но и представители государств-членов ЕЭС и СНГ.

Главной задачей обучающих языковых программ Организации является предоставление сотрудникам организации возможности изучать официальные языки с целью выполнения профессиональных обязанностей на более высоком уровне языковой компетентности, учитывая необходимость владения специалистами и техническим персоналом как минимум двумя официальными языками ФАО на профессиональном или продвинутом уровне и третьим языком

на среднем или начальном уровне.

Основные цели программы преподавания русского языка в ФАО определяются общими принципами многогранного использования русского языка для профессионального устного и письменного общения в качестве официального и рабочего языка Организации и соответствуют закреплённым в документах Организации направлениям деятельности по развитию и расширению знаний и поэтому постоянному повышению квалификации работников всех уровней. Это отмечено и в Положении ФАО об использовании официальных языков, в котором подчёркивается роль многоязычия как одной из главнейших целей Организации и как особенно важной функции распространения информации о деятельности Организации. Ключевым аспектом принципа многоязычия, отмеченным в Положении, является то, что сами сотрудники ФАО призваны поддерживать на постоянной основе равновесие в использовании официальных языков Организации с целью обмена информацией и более гармоничного общения между народами, так как языки являются источником знаний, развития, межкультурного диалога и международного сотрудничества. А это возможно в том числе и путём развития адекватных целям обучающих языковых программ и создания условий полноценного учёта уровня владения языковыми навыками при отборе работников Организации на новые должности и для участия в проектных и волонтерских программах.

Курсы русского языка проводятся при Департаменте людских ресурсов и повышения квалификации ФАО в рамках Программы обучения языкам и ИКТ, где на постоянной основе организуется преподавание всех официальных языков ФАО, а также португальского и итальянского языков. Курсы проводятся с целью укрепления языкового баланса и многоязычия в соответствии с целями организации, закреплёнными в Уставе ФАО.

Профессионально ориентированные программы по русскому языку в международных организациях учитывают специфику преподавания русского языка в многоязыковом и поликультурном контексте, терминологические особенности «квазиязыка ООН» и использование инновационных технологий в преподавании официальных языков ООН, опираясь на определённые принципы и методические приёмы: принцип межкультурной коммуникации: полилог культур – этимологическая близость; партнёрское обучение; принцип личностно-ориентированного общения; принцип учёта психо-физиологических и социально-статусных характеристик обучаемых; принцип тематической спирали; принцип полифункциональности упражнений; ассоциативный принцип представления лексики, аутентичный текстовый материал и др.

Общая программа по русскому языку представляет собой серию гибких модулей, рассчитанных на определённое количество учебных часов и на каждый уровень и подуровень

программы, в который входит: грамматический справочник в таблицах и комплекс упражнений; лексический и коммуникативный тренажёр; тренажёр по служебной переписке; краткая антология русской культуры; культурологический справочник (география, политическое устройство РФ, культура народов России, история русского языка); тестовый практикум. Предлагаемые материалы сопровождаются мультимедийной поддержкой с использованием потенциала интерактивной доски, мультимедийных презентаций, дисков, платформы e-learning).

Программы обучения русскому языку в ФАО делятся на 16 подуровней шести основных уровней владения русским и другими европейскими языками в соответствии с документом Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка». Ежегодно в группах различного уровня владения русским языком и на индивидуальных курсах обучается более 100 сотрудников ФАО, ВПП и ИФАД.

В рамках программы по русскому языку впервые подготовлены обучающие программы, тестовые и экзаменационные материалы по русскому языку для всех уровней и подуровней владения русским языком как иностранным в соответствии с требованиями ООН, ФАО и ЕС, предъявляемыми к языковым программам. При подготовке программы был проведён сопоставительный анализ учебных стандартов программ и экзаменационных материалов по русскому языку на курсах русского языка в других международных организациях. Сотрудники международных организаций со штаб-квартирой в Риме и децентрализованных региональных офисов, расположенных в разных странах мира, несколько раз в год имеют возможность сдачи экзаменов по русскому языку по системе ООН и по системе ФАО (профессиональный и средний уровень владения РЯ). Основными подходами к оценке результатов семестровой программы являются: кейсы-измерители, проекты, тесты на основе ПЭС, контекстные задачи, мультимедийные презентации.

Слушателями курсов русского языка в международных организациях (групповые и индивидуальные занятия) являются работники ФАО и других международных организаций со штаб-квартирой в Риме или члены их семей.

Специфика обучающих программ по русскому языку и культуре для работников Организации обусловлена такими факторами, как: отбор учебных и методических материалов в соответствии с требованиями профессионально ориентированных программ обучения официальным языкам в международных организациях; определение эффективных стратегий обучения русскому языку в группах и индивидуально; изучение и учёт особенностей социально-статусных характеристик контингента обучаемых (мобильность карьеры, т.е. смена работы внутри системы ООН и др. международных организаций); соответствие материала учебников и пособий предлагаемым уровням и подуровням обучения русскому языку работников международных

организаций; разработка тестовых практикумов к сдаче официальных экзаменов ООН и ФАО; разработка критериев профессиональной и личностной адекватности преподавателя русского языка в международных организациях; актуальность и аутентичность представляемого текстового материала; опора на универсальные культурные феномены, на роль российской культуры в мировом пространстве и на кросскультурное видение мира; учёт специфики русского языка как «*lingua franca*» и задачи продвижения объективного образа Российской Федерации в международном контексте; тематическое соответствие представляемых материалов принципам кодекса межличностных отношений и гуманитарным ценностям пространства международных организаций.

Мотивационное поле изучения слушателями русского языка чётко определяется специфическими функциями русского языка в качестве официального языка Организации и характером контингента обучаемых.

Важнейшей функцией русского языка в международной организации является его представительская функция. Это язык дипломатии в общении с делегациями разного уровня представительства (дипломатические миссии и министерства, государственные и коммерческие структуры, НГО, СМИ) для верхнего эшелона руководителей организаций (директоров департаментов, секретариата генерального директора и т.д.). Не менее важна утилитарная функция русского языка в качестве языка служебной переписки с партнёрами по подготовке и реализации совместных проектов не только в РФ, но и странах Центральной Азии, Закавказья и Восточной Европы. Для этих профессиональных целей техническому персоналу организаций необходимо сдавать экзамены по официальным языкам ООН каждые пять лет для получения или подтверждения квалификации. Выделяется ещё одна профессиональная функция русского языка для специалистов и учёных, которым знание русского языка необходимо для ознакомительного или изучающего чтения научных статей на русском языке по определённой тематике для подготовки обзорных публикаций.

Всё более актуальной становится культурологическая функция русского языка для среднего звена руководителей и сотрудников организаций, которым необходимы знания в области географии, геополитики, социологии и культурологии для работы над проектами в РФ и бывших советских республиках. Отдельно необходимо отметить важное значение культурологической функции русского языка для довольно значительной группы сотрудников международных организаций независимо от представляемой страны, занимаемой должности или профессиональных потребностей в использовании русского языка. В эту группу входят представители стран-членов Организации, которые являются выпускниками советских и российских вузов или которые изучали русский язык в школах и университетах страны

проживания. Как правило, представители этой группы работников владеют русским языком на продвинутом уровне и проявляют устойчивый интерес к совершенствованию языковых и культурологических знаний.

Повышается роль и командировочной функции русского языка для сотрудников, направляемых в кратковременную командировку в РФ или «экс-советское русскоязычное пространство», где русский язык используется в качестве *«lingua franca»*, и которым необходимо общение на бытовом уровне на определенный непродолжительный отрезок времени.

Нельзя не отметить возрастающее значение понятия «славянской языковой и культурной солидарности» для сотрудников Организации из славянских европейских стран, имеющих, как правило, уже определенный уровень владения русским языком и желающих усовершенствовать свои знания или углубить своё знание актуальной российской действительности. Хотя в связи с введением обязательного подтверждения знания второго рабочего языка из числа официальных языков для специалистов ФАО отмечается и мотив «славянской языковой необходимости». Русский язык в этом качестве востребован у сотрудников из стран Восточной Европы, имеющих нередко элементарные навыки в использовании русского языка или не имеющих их вовсе, но имеющих «иллюзию переноса знаний» и стремящихся получить определённый набор знаний в ограниченный временной отрезок для сдачи письменных и устных экзаменов по системе ФАО. В последнее время отмечается мотив «языковой необходимости» и в краткосрочном изучении русского языка сотрудниками стран бывшего советского пространства и Варшавского договора для подготовки к сдаче экзамена ФАО для подтверждения уровня владения официальными языками Организации. Во всех других случаях изучение русского языка определяется довольно редко встречающимися семейными или гуманитарными мотивами, а для узкопрофессиональных целей существует хорошо развитый в ООН институт переводчиков.

Актуальными тематическими концептами и ключевыми словами, соответствующими «гуманитарным ценностям» пространства международных организаций и особенностям функционирования «квазиязыка» ООН, которые учитываются при составлении учебной программы по русскому языку, являются:

- концепт «человек и мир»: мир, вселенная, сосуществование, цивилизация, культура; уважение, личность человека, права человека; толерантность: расовая, гендерная, религиозная; равенство: языковое, этническое, гендерное; многообразие- разнообразие: языковое, этническое и т.д.

- концепт «человек и общество», «человек и природа»: сотрудничество, партнерство, кооперация, объединение; демократия, информация, коммуникация; инновация, развитие, устойчивое развитие; окружающая среда, среда обитания.

- концепт «человек и человек»: информация, коммуникация, общение: стиль, способы, подходы; взаимодействие, работа в коллективе, общие цели, командный дух; открытость, видение проблемы, вовлеченность в процесс, участие; знание, обмен знаниями; видение мира, восприятие культур, полилог культур; способности, возможности, профессиональные и личностные качества, повышение квалификации.

Отдельным важным моментом содержательного наполнения тематических циклов программы по русскому языку является вопрос представления Российской Федерации как страны-члена Организации во всём многообразии её культурного, этнического, религиозного, социального и поведенческого феномена в контексте мировой истории и культуры. Особенностью имиджевых усилий преподавателя русского языка, должным образом отображённых в обучающей программе, должно быть, прежде всего, знание и представление фактов вовлечённости русской культуры в международное цивилизационное пространство, а не её отвлечённость от мирового процесса развития и обязательная уникальность; не противопоставление, а единение России с миром; не обязательно однозначно положительный, но объективный образ исторически сложившегося во взаимодействии с другими культурами цивилизационного пространства России и её народов на примере российского регионоведения для расширения видения и восприятия информативного контента.

В качестве полноценного компонента программы необходимо и присутствие содержательной парадигмы, отражающей многонациональный характер России с точки зрения языкового и культурного разнообразия, а также особенностей её федерального административного устройства с акцентом на широкие права и возможности развития этнических, религиозных и культурных характеристик в рамках страны. Сопоставление культурных стереотипов и анализ ценностных общечеловеческих ориентиров могут быть одним из определяющих направлений методического поиска в перспективе совершенствования контента программ по русскому языку в международной организации.

Важным условием правильного понимания задач подготовки сотрудников Организации к полноценному и корректному профессиональному общению в том числе на русском языке является учёт структурных и идеологических особенностей ооновских организаций, включая время и историю их создания. Это определяется сложившейся чёткой иерархической структурой организации и делением на определённые структурные компоненты с чётким описанием обязанностей и полномочий каждого работника подразделения; разветвлённой системой административных отношений; строго регламентированным поведенческим кодом в служебной обстановке; спецификой карьерного роста внутри организации; обязательностью конфиденциальности служебной информации (документы, служебная переписка, рабочие встречи,

переговоры); определённым кодексом межличностных отношений в рабочей группе.

Все эти факторы, являющиеся важной составляющей успешной деятельности Организации, безусловно, отражаются на содержательном и структурном компонентах учебных программ по всем официальным языкам, в том числе и по русскому языку. Учёт принципа политкорректности, который предусматривает рекомендации по минимизации использования определённых тематических блоков в служебном и межличностном общении сотрудников Организации (политика, геополитика, история, религия, личная жизнь, семейные отношения, гендерные вопросы, общая культура) при необходимости учёта критериев расового, гендерного, религиозного и культурного равенства, а также поддержки позитивного имиджа принимающей страны и стран-членов Организации.

Это связано, прежде всего, с принятым во многих странах-членах Организации закона о защите конфиденциальности информации о жизни граждан, а также с особенностями системы среднего и высшего образования в некоторых странах-членах Организации, не предусматривающей в программе подготовки специалистов негуманитарного профиля обзорных культурологических курсов. Выявление у некоторых слушателей ограниченного знания культурных феноменов в мировом контексте, истории национальной культуры, грамматической системы и терминологии родного и иностранных языков, знаковых компонентов русской классической и современной культуры затрудняет значительно стратегию опоры на базовые культурологические знания. Выделенные факторы значительно меняют как тематические концепты программы по русскому языку, так и тактику и методические приёмы на этапе представления и закрепления лексического и грамматического материала, а также обязательны при тематическом отборе учебного текстового и экзаменационного материала, к примеру, невозможность использования реальных географических названий, имён и фамилий, названий организаций.

Принцип командного духа, этики служебных отношений и кодекс прав работника Организации определяет во многом выбор эффективных стратегий групповых и индивидуальных форм обучения. Учебные программы по русскому языку строятся на принципах интерактивных форм обучения с использованием возможностей ИКТ и личностно-коммуникативного подхода: моделирование профессиональных ситуаций и тренингов, собеседований и интервью, собраний и рабочих совещаний, конференций и круглых столов с использованием методик проведения деловых и ролевых игр, «мозговых штурмов», дискуссий и презентаций. Обязательной частью программы на всех подуровнях обучения является использование в учебной и внеучебной деятельности информационного пространства поисковых российских систем в качестве справочного материала и средства перевода лексических минимумов по предлагаемым

тематическим блокам; материалов интернет-ресурсов по РКИ российских вузов: грамматические и лексические тренинги, мультимедийные программы по регионоведению, тренировочные и контрольные тесты; материалы сайтов российских телеканалов и информационных агентств.

Стратегические задачи профессионально ориентированного обучения русскому языку в международной организации и маркированные характеристики контингента обучаемых определяют главную цель программы по русскому языку, которая заключается в формировании уровня коммуникативной компетенции, позволяющего сотрудникам международной организации комфортно себя чувствовать в качестве участника полномасштабного межкультурного социального и профессионального общения в мировом пространстве. Работники международной организации в качестве участников коммуникации, являясь представителями стран-членов Организации, прежде всего, выступают в роли носителя профессиональной и культурной информации международного уровня и глобального полилога, а затем уже представителями определённого регионального, социального и культурного сообщества. Именно этот принцип определяет модели речевого и ценностного подхода к предлагаемым условиям межкультурной коммуникации и диктует выбор эффективных методических тактик для достижения цели овладения русским языком на необходимом уровне и расширения мотивационного поля изучения русского языка и российских культурных реалий специалистами международной организации.

Хед Брайн Ф.
Государственный Университет Штата
Нью-Йорк в Олбани
г. Олбани (США)

Brian F. Head
State University of New York
Albany (USA)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД РУССКИХ СЛОВ В РУКОПИСИ XVIII ВЕКА

THE INTERPRETATION AND TRANSLATION OF RUSSIAN WORDS IN AN 18TH CENTURY MANUSCRIPT

В предлагаемой статье анализируются ошибки переводчика и комментатора при толковании русских слов в рукописи XVIII века, написанной на французском языке португальским врачом, философом и педагогом Антониу Нунеш Рибейру Санчес. Данный труд под названием “Plan pour l’education d’un jeune seigneur” был заказан русским дворянином и является частью рукописного наследия Рибейру Санчеса, хранящегося в районном архиве г. Брага в Португалии. Оригинал рукописи и её перевод на португальский язык комментируются в книге *Educação e Cidadania* (Образование и гражданство), опубликованной в 2001 году.

Автор книги допустил серьёзные ошибки в толковании практически всех русских слов, встречающихся в тексте манускрипта, из-за непонимания графики букв (в частности, «ук», «к» и др.), написанных церковнославянской скорописью, в результате чего неправильно представлены и интерпретированы такие слова рукописи как «учители», «указы», «палубы». Автор книги «Образование и гражданство» утверждает, что неправильное написание этих слов вызвано недостаточным знанием русского языка Рибейро Санчесом. Однако ошибки, приписываемые автору рукописи, являются ошибками переводчика-комментатора, не знающего русской скорописи и форм букв церковнославянского языка, встречающихся и в наше время как в религиозных, так и в других, не имеющих отношения к религии, текстах. Примеры использования церковнославянской графики в современных контекстах приводятся в данной статье.

The present study deals with errors in the reading of the Russian words in a manuscript, in French, by the eighteenth-century Portuguese physician, philosopher and pedagogue António Nunes Ribeiro Sanches, which is part of a set of manuscripts by Ribeiro Sanches that are on deposit in the District Archives of Braga. The one considered here is catalogued under the name *Plan pour l’éducation d’un Jeune Seigneur*; written at the request of a Russian nobleman. It was included in the book *Educação e Cidadania* (Education and Citizenship), published in 2001.

Serious mistakes are found in the interpretation of the Russian words in *Educação e Cidadania*, especially incorrect readings of the cursive forms of the letters “ук”, , and “к”, both of which have cursive forms derived from Old Church Slavonic. These errors result in incorrect representation of the forms of the words учителя “tutor, one who instructs”, указы “a type of Imperial decree” and палубы “a flat bed wagon”. The author of *Educação e Cidadania* states that these words are misrepresented by Ribeiro Sanches, but the errors that he attributes to Ribeiro Sanches result from his own misreading of common cursive forms, which are widely used even in more recent times, in various religious and lay contexts, as exemplified in the present study.

Ключевые слова: рукописи, ошибки переводчика-комментатора, церковнославянская графика, современный контекст.

Key words: manuscripts, the errors of translator – commentator, Old Church Slavonic, modern context.

The present study deals with the interpretation of Russian words in manuscript of the eighteenth-century. It seeks to identify the nature of errors, their consequences and their apparent causes.

António Nunes Ribeiro Sanches was a Portuguese physician, philosopher and pedagogue of the eighteenth century. For sixteen years he lived in Russia, where he served as physician in the army and in the court of Catherine the Great. He also lived in France, England and Holland.

At the request of a Russian nobleman, Ribeiro Sanches elaborated a plan for the education of the young Russian nobleman. The manuscript of this plan (1766) is found in several libraries and archives across Europe. The one referred to in this study pertains to a set of manuscripts by Ribeiro Sanches in the District Archives of Braga, in Portugal, n.º 640, with the title *Colecção de Autographos ineditos do célebre medico portuguez Antonio Ribeiro Sanches – Pensées sur l'éducation*.

The manuscript considered here has the title, attributed for purposes of cataloguing, *L'éducation d'un Seigneur Russe*, and it was reproduced in a book with the title *Educação e Cidadania na Ilustração Portuguesa - RIBEIRO SANCHES*, Porto, 2001. The manuscript, which is in French, includes several Russian words. It is evident that, in order to render these words correctly in translation, the cursive script must be accurately read.

A list of the original cursive forms of the Russian words in the manuscript, along with the printed forms published in *Educação e Cidadania*, as well as the ones that result for correct interpretations of the cursive ones, is presented below in order to show, succinctly and objectively, the errors in the readings for *Educação e Cidadania*.

(a) <u>Cursive forms in the manuscript</u>	(b) <u>Correct reading</u>	(c) <u>Reading in <i>Educação e Cidadania</i></u>
1. d'	d'учители (f. 66r, l. 7)	d'Чители / de Чители [tchitili] (p. 129, l. 11)
2.	учители (f. 66r, l. 12)	Чители [tchiteli] (p. 129, l. 18)
3.	учители (f. 67v, ll. 3-4)	Чители (p. 131, l. 6)
4.	палубы (f. 68r, l. 12)	ползы [polzie] (p. 137, l. 20)
		полозья [palozia] (p. 226, n. 11)
5.	указы	ази [azi]

	(f. 69r, l. 13)	(p. 141, l. 20)
6.	учител (f. 70r, l. 21)	Чител [tchitiel] (p. 145, l. 32)
7.	учитель (f. 71r, l. 15)	ЧителѢ [tchitiel] (p. 149, l. 24)
8.	учители (f. 81v, l. 11)	Чители (p. 189, l. 15)
9.	поле (в)оиа (f. 83v, l. 3)	поле воиѣ [polie voi] (p. 195, l. 5)

Table of the Russian words in the manuscript by Ribeiro Sanches (1766), their correct readings and the forms attributed in *Educação e Cidadania*.

The references in column (b) are to the places in the manuscript where the forms are located, by folio and line, in column (c) to *Educação e Cidadania*, with indication of the pages and lines where these interpretations are located.

As shown by the above table, the principal errors in the readings of the Russian words as represented in *Educação e Cidadania* include (a) interpretation of the cursive figure, , “uk”, as indication of the absence of any letter (items 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8), or as indication of the letter o (item 4), instead of indication of the vowel y, and (b) interpretation of the form // (item 5) as indication of the absence of any letter, instead of as the consonant k. The cause of these errors is lack of knowledge of Russian cursive script. Their results are distortions in the representation of the respective words.

As for the forms of the Russian words in the manuscript of Ribeiro Sanches (1766), it should be noted that the cursive script corresponds to common practices in Russian writing at the time, and that they are similar, in the case of a few letters, to graphic practices of Church Slavonic. However, it is not a question of influence of Old Church Slavonic, which is preserved in some texts of the ninth and tenth centuries, but rather of the similarity of the graphic forms to practices of the liturgical and literary language maintained in some contexts even today (and of which some samples are included in this study). Since these practices are widely exemplified in various contemporary uses of writing, the differences in comparison with other graphic forms do not constitute a major obstacle to reading.

With regard to the forms of the Russian words represented in the manuscript by Ribeiro Sanches, there are a few lapses, but these do not constitute a serious obstacle to the reading and understanding. The

following is a brief summary of the lapses in the text of the manuscript. (1) the word учитель, *utchitel'*, meaning *tutor*, “one who instructs”, is employed five times, three in the plural, two in the singular. The ending is –тель [-tel'] in the singular, –тели [-teli] in the plural. In four of the five occurrences, the vowel is represented by *e* (written as ϵ), in one by и [i] in cursive form. In view of the fact that all of the others are correctly represented by *e* (written as ϵ), it seems clear that this is a mere lapse. (2) In the final occurrence, the singular is represented with a final ь, the “sign of softening”, used to indicate that the preceding consonant is “soft”, or palatalized. In the next-to-last occurrence, however, the final ь is omitted, clearly the result of a lapse. No penúltimo, porém, esta letra está omitida, aparentemente devido a um lapso.

The cursive variants of the letters «y» ϵ «k» found in the manuscript, as well as a difference in the representation of the diphthong [ja], evolved from Old Church Slavonic.

The cases of graphic evolution based on representation in Old Church Slavonic are: the Russian letter y [u] in cursive form, ζ , which occurs in several instances of Russian words in the manuscript, and the letter «k» [k], which occurs only in the word указы, *811a3k*, the latter with a form similar to two parallel slanted lines (see Щепкин 1999: 154, Толковая Псалтирь 1998: 588).

The letter «y», in the cursive form, ζ , is found in the occurrences of the word учитель, both in the singular (numbers 6 e 7 of Table 1) and in the plural (1, 2, 3 and 8 of Table 1), and in the words палубы e указы (numbers 4 e 5 of Table 1), always with the same basic form ζ .

In Old Slavonic, the letters **ѣ** “big ius” (in Russian, юс большой) and ζ , “uk” (in Russian, ук) represented two distinct sounds: “big ius” represented the vogal o when nasal, [ō] (with the sound represented by –on in the French word *coton*), while “uk” represented the sound [u]. The letter “uk” was written with two different forms: the ligature (in Russian, лигатура), which corresponded to the dígraph “oy”, and with the letter ζ .

In the course of historical changes in Russian, the sound [ō] evolved to [u], the sound that was already represented by the letter “uk”. Thus, there existed two different ways to represent the same sound: for these reason, there was confusion in the graphic representation of words that had been written with “big ius” in Old Slavonic, which could occur with oy or with ζ , such as **ДОУБЪ**, доубъ, with “ligature”, or with «uk», **ДУБЪ** (in modern Russian: дуб, “oak”).

In view of the confusion in representation in writing, it was decided to abandon the use of “big ius” in general. Instead of the use of “big ius” from Old Church Slavonic, the sound [u] began to be represented by the dígraph “oy” (“ligature”) at the beginning of the word (for example, оуста, оутро) The letter “uk”, ζ , was used for this purpose only in the middle and at the end of words, independently of the sound represented in Old Church Slavonic. With the passing of time, the use of “uk”, ζ , was

expanded, so that this letter came to be used also at the beginning of words, as is to be noted in the representation of the words учитель е указы in the manuscript by Ribeiro Sanches.

In contemporary Russian, the letter y (< оу, ѣ) is used in all contexts. It is to be noted, however, that in modern usage the use of the graphic variant ѣ is widespread, especially in religious texts (such as the Bible, Psalters and Catechisms), on Orthodox grave markers, in Orthodox calendars and, occasionally, in non-religious contexts.

Although Ribeiro Sanches did not use the letter я in the manuscript, it is relevant to consider the origin and use this letter in view of the fact that one of the Russian words in the manuscript, боиа, registered in modern dictionaries as бой, takes the form боя in the genitive singular, instead of боиа, the form employed by Ribeiro Sanches in the manuscript of 1766.

In Old Church Slavonic, the letters ѣ “small ius” (Russian юс малый) and ѣ “az with iota (the ninth letter of the Greek alphabet)” (Russian, аз йотированный) corresponded to two different sounds: “small ius” represented the vowel “e” when nasal, [ɛ̃] (the sound corresponding to *-in* in the French word *fin*), while ѣ “az with iota” represented both (a) the sound “a” [a] following “soft” (that is, palatalized) consonants and (b) the dígraph “ia” (that is, the rising diphthong [i̯a]) in other contexts. Thus, the letter “az with iota” in Old Church Slavonic had, in certain contexts, the same value (in terms of the sound to which it corresponded) as the letter я in modern Russian.

In the history of the Russian language, the sound nasal “e”, [ɛ̃], came to be pronounced as [a] following “soft” (that is, palatalized) consonants, in the same context in which the dígraph “ia” was already used to represent that same sound. For this reason, there began to occur confusion in the uses of “az with iota” and of “small ius” in the representation of the sound [a]. Because of this confusion, it was decided that, in the representation of [a] in Church Slavonic, that the dígraph “ia” would be used at the beginning of words, and “small ius” in the middle and at the end, independently of the earlier uses of the letters “small ius” and “az with iota” in Old Church Slavonic.

It is clear that the uses of the letters “y” e “я” of modern Russian, notably in cursive writing, had their origins in similar features of language history, beginning in Old Church Slavonic (see Щепкин 1999: 154, table 59, where the forms corresponding to various Russian letters during the fifteenth to the seventeenth centuries are indicated. Orthodox Psalters and Catechisms customarily include tables showing the correspondences between letters of Old Church Slavonic and modern Russian.

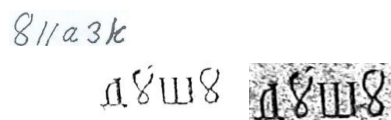
One notes that, both in the evolution that gave origin to the modern letter “y” and in the one that gave origin to the modern letter “я”, that the initial stimulus of the change in graphic representation was confusion in the use of graphic forms due to phonetic change, a process relatively common in language

history. For example, the use of the digraph *ou* in French to represent the vowel [u] originated with the phonetic change of the vowel [u] to [y] (or [ü], a front vowel, with the lips in rounded position); later, in order to avoid confusion resulting from the use of the same letter to represent both high front rounded [ü] high back [u], the use of the digraph *ou* was introduced to represent [u]. This, the use of *ou* in French and the use of *y* (< *oy*, *ѣ*) in Russian were initiated by phonetic changes that led to confusion in earlier writing conventions.

Cursive script is designated in Russian by the term *скоропись*, a compound meaning “fast writing.” It has the tendency to simplify the forms used for representation by reduction or elimination of redundant or unnecessary features. The origin of the use of two slanted lines, resulting in a form similar to //, to represent the letter “k” in was the result of the nature of common practices in that type of graphic representation. In Old Church Slavonic, it was common for the letter “k” to be represented in such a form that the line on the right side was practically parallel to the one on the left, with the exception of a small deflection to the left [Щепкин 1999, 56].

Thus, simplification of the form of the letter “k” in cursive script consisted in the elimination of the small deflection to the left in the line on the right, so that the two lines came to be straight and parallel.

The representation of the Russian letter “k” by two oblique parallel lines is common cursive practice. The two parallel lines do not indicate the omission of letters, contrary to the interpretation in *Educação e Cidadania* (p. 226. n. 15), but instead constitute the common cursive representation of the letter “k”, in the word

1. This occurrence of the word *душу* “soul” (singular, accusative) is from an Orthodox tombstone dated 1979. It is to be noted that the word *душу* includes two occurrences of the Russian letter “yк”, *ѣ* in cursive form, derived from Old Church Slavonic, corresponding to the letter “y” [u] in modern Russian. The context is “Упокой, господи, душу оусопшаго раба твоего” (Tranquilize, o Lord, the soul of your deceased servant”), with the word *господи* “Lord” in a reduced form that is common on Orthodox tombstones.

РУССКИМЪ

2. The word *рускимъ* “Russian” in the phrase *Москва русскимъ воинам в плену*, “Moscow helps the Russian soldiers in captivity” from a poster of 1915, by Сергей Арсеньевич Виноградов, reproduced in Бабурина, Н. И. *Россия 20 век. История страны в плакате. Russia 20th century. History of the country in poster*. Москва: Панорама, 2000. It includes a stylized cursive form of the letter known

as «ук», ꙗ, which corresponds to the letter “y” [u] in modern Russian.

3. The word руку “hand”, in the second line of the above text of a document by M. Lomonossov (reproduced in Белявский 1986: 17), of the same period as the manuscript by Ribeiro Sanches (18th century). This form of this word exemplifies (1) two variants used to represent the letter y: “ук”, ꙗ, in cursive form, which evolved from Old Church Slavonic, and the letter y itself, reflecting graphic variation of the time, and (2) the use of two oblique lines to represent in cursive form the letter k. This word occurs in the по веленію отца своего Василья Ломоносова сын его Михайло Ломоносов руку приложил (“By order of his father, Vasili Lomonosov, the son Mihailo Lomonosov signed” - literally, “placed his hand”). On the same page, there is another phrase with the word руку, having the same cursive variants in the representation of [u] and in the use of two parallel slanted lines to represent in cursive form the letter k.

4. The word Чудотворецъ “Miracle worker”, epithet of Saint Nicolas, from a calendar of 2009 (month of December), published in Russia (Русская Икона Чудотворная 2009, Москва: Издательство “Сувенир”, 2008) for practitioners of Russian Orthodoxy.

In the word Чудотворецъ, Чудотворецъ, one finds the use of a stylized printed form corresponding to the letter known in Russian as “ук”, ꙗ, derived from Old Church Slavonic. Another image of Saint Nicolas, with the same epithet, is found in the Orthodox calendar for 2011 (month of May), also published in Russia (Календарь 2011 Чудотворная Икона, Санкт-Петербург: «Новатор», 2010), for use by practitioners of Russian Orthodoxy. This image of Saint Nicolas, with the same epithet, is commonly found in Russian Orthodox churches.

9. The word кваску, with the letter «ук», , on a pitcher used to serve квас. The form indicated here is from a piece of folkloric production of the region of North Dvina (piece number 38, in Круглова 1987), which was found along with many other similar pieces from the 18th to the 20th century, during an excursion for research on the traditional popular art of the region, conducted in 1950 by the Museum of Art and History of Zagorsk, in northern Russia. The regional term for this type of piece is бурачок, with the form бурачекъ of that word written on the piece, including use of the cursive letter «ук», .

The collection of images shown above is small, but it is sufficient to exemplify uses, in diverse contexts in modern Russia, of the same graphic features that were misread in *Educação e Cidadania*. The misreading of the Russian words in the manuscript could have been avoided in two ways: by reference to the relevant features of Russian paleography, or by consideration of widespread samples of cursive representation in various common contexts.

In the book *Educação e Cidadania*, the manuscript of Ribeiro Sanches (1766) is included as an annex, along with a transcription and translation (pp. 114-223) and some notes (pp. 225-228). Although the manuscript served as the point of departure for the lengthy essay (pp. 11-106), the content of the manuscript, the transcription and the translation received relatively little attention, as shown by numerous errors in both. Also, as demonstrated by the present study, the interpretation of the Russian words in the manuscript also contains serious errors, which prevent correct identification of the forms of several of those words: the stems of the words учитель and указы are represented in truncated forms Читель (without the first letter) and ази (without the first two letters).

The word палубы, clearly represented by the cursive form , is interpreted as ползи, with the observation that the correct form is ползья, the guard to the form or to semantic plausibility.

The present study deals with errors in the reading of a single manuscript, Ribeiro Sanches (1766). It is in no way intended as a negative commentary on philological scholarship in Portugal in general. The book *Educação e Cidadania* was not published by a specialist in philology, but rather by a professor of philosophy and Portuguese culture, who gave little attention to the exigencies of publication of the manuscript, but instead to his own commentary. Throughout the book *Educação e Cidadania*, there are references to alleged errors by the author of the manuscript, but the incorrect interpretations of the forms result, in general, from inaccurate readings by the author of *Educação e Cidadania*.

Bibliography

Бабурина Н.И. Россия 20 век. История страны в плакате. Russia 20th century. History of the country in poster / Н.И. Бабурина. М.: Панорама, 2000.
Белявский М.Т. Всё испытал и всё проник / М.Т. Белявский. М.: Издательство Московского

университета, 1986.

Круглова О.В. Народная роспись Северной Двины. Folk Painting on the Northern Dvina / О.В. Круглова. М.: «Изобразительное искусство». Izobrazitelnoye Iskusstvo Publishers, 1987.

Щепкин В.Н. Русская Палеография / В.Н. Щепкин. М.: Аспрент Пресс, 1999.

Machado F. Educação e Cidadania na Ilustração Portuguesa – RIBEIRO SANCHES / F. Machado. Porto: Campo das Letras, Editores, S.A., 2001.

Чжан Цзяньхуа
Пекинский Педагогический Университет
г. Пекин (КНР)

Zhang Jianhua
Beijing Normal University
Beijing (China)

*ОТ ТРУДА К ФИЛЬМУ, ОТ КОНФЛИКТА К ДРУЖБЕ: ПЕРЕВОДЫ «ДЕРСУ УЗАЛА» В КИТАЕ И
СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*

*FROM A WORK TO A FILM, FROM CONFLICT TO FRIENDSHIP: TRANSLATION “DERSU UZALA”
IN CHINA AND CHINESE-RUSSIAN RELATIONS*

Между Китаем и Советским Союзом (Россией) постоянно возникают противоречия и конфликты на почве культурных, географических и политических различий. Литература и фильмы, особенно их межкультурный и межъязыковой перевод, играют особую роль в этом процессе. С 1970-х по 1990-ые гг. 20 века литературное произведение Арсеньева «В дебрях уссурийского края» и фильм Акира Куросава «Дерсу Узала» дважды были переведены на китайский язык. В процессе нормализации китайско-советских отношений вышеуказанные произведения сыграли двойную роль, выступив в качестве, как самых радикально антикитайских работ, так и великих произведений проявления гармонии между человечеством и природой. Данное явление интересно к изучению и рассмотрению.

China and the Soviet Union (Russia) constantly have doubt, contradiction, conflict and resistance for reasons of geography, cultural differences, political forms and ideology. Literature and films, especially transcultural and cross-language translation play a special role in this process. From 1970 to 1990 of the 20th century literary work of Arseniev “In the wilds of the Ussuri” and the movie of Akira Kurosawa “Dersu Uzala” have been translated into Chinese in two times. In the process of Chinese-Soviet relations change from resistance to normalization the above works are forced to play a dual role as the most wicked anti-Chinese writings, and the great works, showing harmony between humanity and nature. This phenomenon is worth to be studied and reflected.

Ключевые слова: «Дерсу Узала», китайско-советские отношения, антикитайский фильм, историческое воображение, образ Китая

Key words: “Dersu Uzala”, Chinese-Soviet relations, anti-Chinese film, historiophoty, Chinese image

I. «Дерсу Узала»: Вызов от СССР

После событий на острове Чжэньбао² в марте 1969 года отношения между двумя странами стали прохладными – звучали взаимные обвинения, высказывались политические претензии. Образы Советского Союза в китайском кино и образы Китая в советском вместо дружественных стали враждебными.

²События на острове Даманский были названы в Советском Союзе

В 1975 году Советский Союз выделил четыре миллиона долларов на съемки фильма «Дерсу Узала» (デルス・ウザー

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA/ Dersu Uzala)³, режиссером которого стал известный во всем мире Акира Куросава (黒澤 明). Фильм получил много наград на международных конкурсах за высокий художественный уровень.

Сюжет фильма основан на второй части романа известного российского путешественника и исследователя Владимира Арсеньева⁴ «В дебрях уссурийского края».

Арсеньев два раза путешествовал по Уссурийскому краю (в 1902 и 1907 годах), его гидом был местный охотник Дерсу Узала, хэчжэ по национальности. Необыкновенные личные качества охотника восхищали Арсеньева. Дерсу Узала был человеком добрым, жизнерадостным и надежным. Он хорошо знал тайгу и воспринимал все в ней (воду, огонь, ветер, диких зверей) как друзей человечества. Несмотря на разное происхождение, между ним и писателем возникла глубокая дружба. Но когда Арсеньев возвратился в Уссурийский край, он узнал о гибели охотника. Перед его могилой Арсеньев сказал: «Твоя жизнь началась и закончилась в тайге» [Народная литература, 1975, с. 156]. В других статьях Арсеньев отмечает: «Когда я вспоминал о прошлом, то фигура покойного хэчжэ Дерсу Узала всякий раз являлась передо мною. Мне всегда грустно и больно при мыслях о нем и о наших путешествиях» [Арсеньев, 2005, с. 287].

В 1961 году советский режиссёр из Армении Агаси Бабаян впервые экранизировал «Дерсу Узала».⁵

³ Фильм «Дерсу Узала» был переименован в «Охотник по Уссурийской реке» (ウスリーハンター) во время показания в Японии.

⁴ Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930) — русский и советский географ, путешественник. В 1903 году он стал действительным членом Общества изучения Амурского края. В 1909 году он избран в Императорское Русское географическое общество. Арсеньев в качестве старшего лейтенанта армии начал свои первые экспедиции по Уссурийскому краю. Экспедиции продолжались до 1907 года, целью которого являлось составление военно-топографических карт, исследование дорог, геологического состояния, растений, живодных и жителей. Он путешествовал по называемому Россией Южному Приморью и Сихотэ-Алинь (называемый Китаем *перевал госудаь, внутренний перевал Шиньан*), и с Зауссурийского края до севера залива Святой Ольги. В течении 1908-1910 года, он был спонсирован Русском географическом обществом продолжить экспедиции в Сихотэ-Алинь и потом путешествовать по северному Приморью: с северного уссурия до Татарского залива амурской реки (называемый Китаем Хэйлунцзян) и нижний бережный уссурийской реки. Обобщённый материал, полученный в ходе этих экспедиций Арсеньева, — «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», был издан в двух томах в 1911—1912 годах.

⁵ Этот фильм рассмотрен как художественный фильм. Какой-то советский режисер в 1971 году сказал Акире Куросаве: однако это очень сухой и тяжёлый фильм. (*Анти-китайский киносценарий «Дерсу Узала»*, Изд: Народная литература, 1975, ст.163) Американский историк фильма Дональд Ричи в его книге *Фильмы Акиры Куросавы* упоминал, что Акира Куросава назвал произведение Бабаяна телефильмом, считая, что Акира Куросава думал, что этот телефильм просто частная приключенческая история, не вызвавшая общественный резонанс по отношению к центральной фигуре (см. Дональд Ричи: *Фильмы Акиры Куросавы*. Перевод: Уан Чуанда и др. Изд: Хайнаньское издательство, 2010, ст.286)

Акира Куросава прочитал «В дебрях уссурийского края»⁶ в 1940 году. Дерсу Узала – любимая фигура режиссёра. После экранизации «Идиота» в 1951,⁷ Акира Куросава попросил одного японского драматурга написать сценарий для второй части «В дебрях уссурийского края». В то время снять фильм в СССР было практически невозможно, поэтому роли могли исполнять лишь японские актеры, что, по мнению автора, было не слишком верно. [Народная литература, 1975, с.162].

В феврале 1971 года советский режиссер С.А. Герасимов во время своего визита в Японию спросил у Куросавы, хотел ли бы он снять фильм в СССР. В том же году Куросава участвовал в Московском международном кинофестивале с фильмом «Под стук трамвайных колес». Куросава рассказал о своем желании снять фильм «Дерсу Узала» руководителю Союза кинематографистов СССР Л.А. Кулиджанову во время обеда в ресторане «Архангельск» на окраине Москвы. Они сразу договорились, что Акира напишет киносценарий, а советский драматург Нагибин сделает адаптацию. На фильм было потрачено четыре миллиона долларов, съемки заняли четыре года, включая двухлетние съемки в СССР. Во время съемок Акира Куросава и пять его японских коллег проживали в Сибири. Условия были очень тяжелыми. Процесс съемок сопровождался серьезными трудностями. Американский историк Дональд Ричи комментировал это так: «Снимать в минус сорок в Сибири – это сущий ад» [Дональд Ричи, 2010, с. 286].

Несомненно, «Дерсу Узала» является художественно значимым фильмом. Он получил золотой приз и премию ФИПРЕССИ (Международная федерация кинопрессы / *Fédération internationale de la presse cinématographique*) на IX Московском кинофестивале в 1975 году, премию «Оскар» за лучший иностранный фильм, премию «Юсси», два приза «Давид ди Донателло (*Ente David di Donatello*)»: за лучшую режиссуру иностранного фильма и «Специальный Давид» за качество производства, премию «Серебряная лента» Итальянского национального синдиката киножурналистов за лучшую режиссуру иностранного фильма, специальный приз Национальной ассоциации писателей и сценаристов Испании за лучший иностранный фильм, премию Союза испанских кинокритиков за лучший иностранный фильм, премию французских кинокритиков за лучшую актерскую игру (Максим Мунзук), а также стал лучшим фильмом среди фильмов 1970-х годов по опросу кинокритиков Перу в 1980 году.

Законченный Акирой Куросавой и Нагибином киносценарий «Дерсу Узала» был опубликован в японском «Десятидневном журнале фильма» (специальный выпуск для Акиры Куросавы).

⁶ Акира Куросава вспоминал: он прочитал книгу «В дебрях уссурийского края», которая сохранилась в одной из библиотек в Японии. См. *Антикитайский киносценарий «Дерсу Узала»*, Изд: Народная литература, 1975, ст.163.

⁷ Сюжет фильма основан на одноименном романе известного русского писателя Достоевского «Идиот». Фильм изображает эмоциональные перипетии ветерана, который назвал себя идиотом на фоне японского общества после второй мировой войны. Для Акиры Куросавы это была первая киноадаптация произведения русского писателя.

Киносценарий привлек внимание японского культурного общества. Японское исследовательское общество «Дерсу Узала» опубликовало статью «Советский фильм *Дерсу Узала* – очевидный антикитайский международный заговор, созданный при участии Акиры Куросавы» в еженедельном журнале «Япония и Китай» 23 сентября 1974 года. В статье отмечалось: «После прочтения киносценария становится очевидным, что это политический фильм с ярко выраженной антикитайской направленностью, цель которого – спровоцировать зрителей всех стран, включая Японию, к антикитайской деятельности. Советская ревизионистская социоимперия проводит антикитайскую политику давно. Но мы обращаем внимание на этот фильм, потому что в фильме прослеживается попытка связать судьбу японского народа с их военной колесницей под вывеской сотрудничества с Акирой Куросавой [Народная литература, 1975, с. 166]. Статья раскрыла антикитайские настроения в фильме так:

1. На первый взгляд, кажется, что фильм стал протестом против социальной среды, однако это поверхностное толкование. В конце фильма по сути изображается убийство любимого всеми Дерсу Узала, чтобы создать впечатление, что китайцы являются убийцами [Народная литература, 1975, с. 167].⁸

2. В фильме умышленно искажено содержание романа «В дебрях уссурийского края», чтобы очернить китайцев. В оригинальном произведении тяньцзиньский старик Ли Чунпин подарил свой браслет Арсеньеву, чтобы поблагодарить его за приглашение на чай, и сделал глубокий поклон от «неба до земли» в знак уважения. Однако в фильме сюжет иной: старик поклонился Арсеньеву так низко, что голова почти коснулась пола. Что, по мнению руководителей советской ревизионистской социоимперии, должно олицетворять желаемую модель поведения современного Китая по отношению к Советскому Союзу [Народная литература, 1975, с.168].

3. В фильме умышленно изменены написанные на китайском языке географические наименования Китая. После событий на острове Чжэньбао в 1969 году, советская власть изменила многие географические названия, чтобы уничтожить историческое обоснование китайского управления Дальним Востоком. Фильм шел навстречу политическому требованию, но наперекор оригинальному произведению, поэтому полностью были проигнорированы китайские географические названия. В оригинальном произведении содержится много различных названий рек, гор уссурийского края. Татары называли их по-татарски, китайцы – по-китайски, а русские дали им русские имена [Народная литература, 1975, с.118].

4. Из фильма были намеренно исключены китайские актеры, чтобы подчеркнуть

⁸ В «Дерсу Узала», опубликованном Японским издательством Heibonsha, об этом написано: с большой вероятностью убийцами являлись русские, они ограбили Дерсу Узала и украли его оружие (см. *Антикитайский киносценарий «Дерсу Узала»*, Изд: Народная литература, 1975, ст.182)

принадлежность этого края России. В оригинальном произведении среди персонажей встречаются китайцы Ли Дангуй, Сюй Уфу, Чи Ши-у, Сун Цэй, Чжан Бо (Чан Дицин), Чи Фан, Дин Джун, Ли Чунпин и другие. А в фильме сохранилось только двое: Чжан Бо и Ли Чунпин. Арсеньев и его семь членов команды стали главными героями фильма. В фильме единственное действующее лицо с внешностью китайца – старый охотник Дерсу Узала.

5. В фильме умышленно была проигнорирована информация о китайском территориальном суверенитете. В оригинальном произведении было написано о китайском храме с китайскими традиционными парными надписями и картиной кумира [Народная литература, 1975, с.121]. Но в фильме нет такой картины.

Другая статья, опубликованная Японским исследовательским обществом «Дерсу Узала» в еженедельном журнале «Япония и Китай» 17 февраля 1975 года, называется «Вторичное обсуждение советского фильма «Дерсу Узала» – так называемый совместный фильм, по сути советский, умышленно создает антикитайскую пропаганду, в Японии нельзя показывать этот фильм». В статье было отмечено: это, несомненно, советский фильм, режиссером которого просто был известный во всем мире киномастер Акира Куросава. То есть японцы использовали Советской Союз как объект критики [Народная литература, 1975, с. 171]. В статье отмечался антикитайский сюжет фильма: Дерсу Узала легко опознал ловушки, которые поставлены китайскими охотниками и коммерсантами, чтобы уничтожить зверей ради своих интересов. Дерсу Узала резко осудил китайцев за то, что они сделали ловушку для оленей [Народная литература, 1975, с. 122]. И в фильме член команды Арсеньева сказал: если мы не будем осторожны, кто знает, куда они (имеет в виду китайцев) пойдут [Народная литература, 1975, с. 175]. Статья раскрыла советскую попытку перетянуть Японию на свою сторону, с помощью азиатской системы коллективной безопасности и превратить Японию в своего приспешника. Мы никогда не разделим с японцами их судьбу [Народная литература, 1975, с. 175].

Кроме того, в японском ежемесячнике «Ветер с востока» (东风) (№.10,1974) публиковались статьи с подписью «Японский критический кружок «Дерсу Узала»» «О фоне советского фильма *Дерсу Узала* – Уссурийском районе» и «Критиковать советский сценарий «Дерсу Узала» – будет ли режиссёр Куросава Акира клоуном?». В статье говорится о том, что «...сценарий написан с позиции того, что место, где происходит эта история, с давних времён принадлежит России. Итак, придётся признать, что китайцы сюда приехали скитальцами или беглецами, даже агрессорами! Это подтверждают и эпизоды из фильма, где описывается «воровство» китайских купцов Хунхуцзы, торговавших мехами» [Народная литература, 1975, с. 199].

В японском журнале «Международная торговля» (19.10.1974) была опубликована статья с

подписью «Такешу Сузуки» – «Чистейшая клевета на Китай – советский фильм «Дерсу Узала» начинает пропагандироваться»⁹. Автор этой статьи пришёл к выводу о том, что «нельзя игнорировать антикитайскую сущность этого фильма в настоящее время, когда вопросу о границах между Советским Союзом и Китаем уделяется большое внимание в мире. Нам нельзя не обращать внимания на это, тем более что японцы тоже приняли участие в этом заговоре (несмотря на их несознательность)» [Народная литература, 1975, с. 212]. Почти одновременно в гонконгской газете «Да гун бао» (大公報) (24.09.1974) была опубликована статья с подписью «Гун Нианниань» (龔念年) – «Куросава Акира + Советский союз = антикитайский фильм». Автор этой статьи пришёл к почти такому же выводу. Фильм «Дерсу Узала» получил золотую медаль на 9-ом московском кинофоруме (1975г.) Этот фильм привлек к себе внимание китайского правительства и культурно-просветительных кругов. Издательство «Народная Литература» включило вышесказанные критические статьи в *Антикитайский киносценарий «Дерсу Узала»*.¹⁰ В к этой книге специально упомянули о том, что «японский народ резко порицал сценарий этого антикитайского фильма после его появления» [Народная литература, 1975, с. 5]. Сценарий был переложен по книгам офицера царской России Серниева. В сценарии не только описывали ряд действий царя, связанных с оккупацией китайской территории, но и обнаружилась претензия нового царя к нашей территории в настоящее время. Это и есть типичный назидательный пример» [Народная литература, 1975, с. 2].

Следует рассмотреть личность и политический статус автора критических статей. Это Японское исследовательское общество «Дерсу Узала», «Японский критический кружок «Дерсу

⁹ Статья переиздана в гонконгской газете «Та Кунг Рао» от 2 декабря 1974.

¹⁰ В *Антикитайском киносценарии «Дерсу Узала»* содержится 1. Киносценарий «Дерсу Узала» (полный текст Йе Вий и Вен Дженуо перевели на основе киносценария, опубликованного в «Десятидневной газете фильма» от 7 мая 1974 года) ; 2. «В дебрях уссурийского края» В.К. Арсеньева и избранный перевод фильма (переводчик: Критический кружок советской ревизионистской литературы Пекинского университета) ; 3. Съёмка «Дерсу Узала» - моя тридцатилетняя мечта (Избранный перевод) (Акира Куросава: «Десятидневная газета фильма» от 7 мая 1974 года, дополнительное издание, переводчик: Ван Лан) ; 4. Зло советского фильма «Дерсу Узала» - очевидный антикитайский международный заговор, даже использовался Акирой Куросавой (Японское исследовательское общество «Дерсу Узала»: «Япония и Китай» 23 сентября 1974 года) ; 5. Вторичное обсуждение советского фильма «Дерсу Узала» - так называемый совместный фильм, по сути советский, умышленно создает антикитайскую пропаганду, Японии нельзя показывать этот фильм (Японское исследовательское общество «Дерсу Узала», 17 февраля 1975 года) ; 6. Критиковать советский сценарий «Дерсу Узала» - будет ли режиссёр Куросава Акира выглядеть клоуном? (Японский критический кружок «Дерсу Узала», Японский ежемесячник «Ветерсвостока» №.10,1974) ; 7. О фоне советского фильма «Дерсу Узала»-Уссурийском районе(Японский критический кружок «Дерсу Узала», Японский ежемесячник «Ветер с востока» №.10,1974) ; 8. Чистейшая клевета на Китай - советский фильм «Дерсу Узала» начинает пропагандировать (鈴木猛, переиздана в гонконгской газете «Да гун бао» от 2 декабря 1974) ; 9. Куросава Акира - Советский союз - антикитайский фильм (Гун Нианниань: гонконгская газета «Да гун бао» от 24 сентября 1974 года) ; 10. Советский союз продолжает приглашать Акиру Куросаву на съёмки антикитайских фильмов (опубликованная впервые в гонконгском журнале «Семидесятные годы» №.10,1974) ; 11. В оригинальном произведении «Дерсу Узала» немало доказательств принадлежности Уссурийского района исконно Китаю.

Узала» и «Такэши Сузуки». Они являются критическими голосами от стороны Японии.¹¹

Контакт между Китаем и США с июля 1971 г. и визит Никсона в Китай в 1972 г. вызвали в Японии резкие антикитайские настроения. Из чего можно сделать вывод, что «Японское исследовательское общество «Дерсу Узала»» и «Японский критический кружок «Дерсу Узала»» никак не могли быть основными обществами того времени и не могли быть представлять типичные идейные течения. Представлялось невозможным раскрыть состав участников этих двух организаций. Однако употребление таких слов особого значения, как «советский ревизионизм», «империализм советского ревизионизма», «боевая колесница империализма советского ревизионизма», а также стиль письма с употреблением цитат из Маркса, Энгельса и Ленина о нашествии России на Китай указывают на то, что эти две ассоциации являются прокитайскими организациями в Японии. Кроме того, имя «Такэши Сузуки» нечасто встречается в Японии, скорее всего, это псевдоним, а не настоящее имя.

Гун Нианниань – псевдоним известного международного комментатора из гонконгской газеты «Да гун бао» Джао Дзилон (赵泽隆) во времена Фе Йимин (费彝民). Гун Нианниань также работал международным комментатором гонконгского ежемесячника «Семидесятые годы».¹² Среди других его псевдонимов можно упомянуть такие имена, как Мэй Дзи (梅之), Юй Чи (尤其), Гун Йаовэн (龚耀文), Ши Джинюй (施君玉) и др. Он в совершенстве владел английским, французским и японским языками, много писал и переводил, включая: «Яньань» (延安) (переводил с Масако Тойода, Издательство Гонконг ХуаЧжан, 1968г.), «Великий путь» (伟大的道路) (переводил с Смедли/Agnes Smedley, Издательство Книжный магазин Санлиан, 1979г.), «15 лет в новом Китае – воспоминания одного английского хирурга» (我在新中国十五年——一个英国外科医生的回忆录) [переводил с Хун Жоши (洪若诗), Издательство Культура и Просвещение, 1970 г.], «Морская стратегия Советского Союза» (苏联的海洋战略) (переводил с David Fairhall (大卫·费尔浩), Издательство Культура и Просвещение, 1973г.), «Заметка о Пекине» (北京漫笔) [переводил с Сайондзи Кинкацу (西园寺公一), Издательство Культура и Просвещение, 1970 г.], «Империя США» (美利坚帝国) [переводил с Фалао Джулиан (Falaon Julia), Издательство Культура и Просвещение, 1971 г.], «Воспоминания Сианука – борьба с ЦРУ»

¹¹ Еженедельник «Япония и Китай» является внутренним журналом с маленьким тиражом Ассоциации Японско-Китайской Дружбы. В середине 1960 гг. Ассоциации Японско-Китайской Дружбы разделялась на две части из-за разного отношения к культурной революции в Китае. «Япония и Китайские новости» был журналом другой Ассоциации Японско-Китайской Дружбы, которая резко критиковала политику китайской компартии и культурную революцию. Полемика двух ассоциаций продолжается до сегодняшнего дня.

¹² Чжао Цзэлон окончил факультет журналистики Пекинского университета в 1946г. После окончания университета он работал переводчиком и редактором «Да гон вань бао» в Чун цин. Чжао переехал в Гонконг в мае 1949г., работал там редактором, помощником главного редактора «Да гон бао» (大公报), главным редактором «Синь вань бао» (新晚报). Чжао Цзэлон ушёл на пенсию и уехал в Австрию в середине 1990г. И умер там 8-го июня 2005г. Студенческая ассоциация Пекинского университета выпустила «Избранные сочинения Чжао Цзэлон» в его честь.

(西哈努克回忆录——我与中央情报局的战争)[переводил с Народом Сианука(Norodom Sihanouk), Издательство Культура и Просвещение, 1974 г.]. Он сам написал «Сборник статей» (东翻西看集) (том 1-12, Издательство Да Гуан 1972—1975гг.), «Подоплёка западных крупных предприятий» (西方大企业内幕) (Гонконгское издательство Сихай, 1971) , «История агентов» (谍海浮沉录) (Издательство Культура и Просвещение, 1975 г.), «История Афроамериканского движения» (美国黑人运动史) (Издательство Йшен , 1973 г.). Таким образом, все перечисленные произведения говорят о том, что Гун Нианниань был известный писатель антиамериканского и антисоветского толка.

В ситуации межгосударственного конфликта и конфронтации, основным критерием для оценки фильма «Дерсу Узала» с китайской стороны служил политический подтекст, и очевидно, что советская сторона также выбрала политическую подоплеку для экранизации этого фильма. Кроме того, чтобы сблизить советско-японские отношения, привлечь японские инвестиции и отобразить советско-японские дружественные отношения, Советский союз также пытался объявить свое право на территории Уссури, используя фильм «Дерсу Узала». Итак, политические и дипломатические факты были поставлены во главу угла при переработке оригинала произведения Арсеньева.

II. «Дерсу Узала» в контексте советско-китайского конфликта

Знаменитый французский историк школы «Анналов» и историк изображений Марк Ферро (Marc Ferro) считает, что, изучая фильмы, исследователь «должен учитывать общество, в котором снимается фильм. Предположим, что фильм и есть история, несмотря на то, фильм верен ли действительности или нет, является он художественным или документальным, сюжет был реальным или выдуманным» «Каждый фильм любого типа содержит подтекст. Кроме того, чтобы показать нам реальный факт, каждый фильм может помочь нам затронуть те истории, которые не затрагивались до сих пор» [Марк Ферро, 2010, с. 34, 19-20].

Акира Куросава в предисловии к сценарию «Дерсу Узала» писал так: «Кино всё-таки есть художественный фильм» [Народная литература, 1975, с. 2]. «В качестве международной киногоруппы мы снимаем фильм по лозунгу московского кинофестиваля – За гуманизм в кино и дружбу между народами. Я настойчиво против того, что включать политику в фильм» [Народная литература, 1975, с. 2].

Акира Куросава не хотел участвовать в конфликте между советской и китайской компартиями. Он подчеркивал, что «неправильно отражать современную политику в фильме» [Народная литература, 1975, с. 165]. Искусство является единственным критерием его творчества при съемках фильмов. Он уделял большое внимание «прекрасной, удивительно разнообразной природе» [Народная литература, 1975, с. 4] Сибири. Он много обращался к отношениям между

людьми и окружающей средой. Он ставил данный принцип во главу угла при переработке оригинала. Однако он признавал, что «были изменены и сокращены некоторые роли и сцены (сократили 3 экспедиции до 2-х, кроме того, было много частей, не совпадавших с историческими фактами» [Народная литература, 1975, с. 4]. «Государственный Комитет по кинематографии уделял много внимания реакции китайского народа» [Народная литература, 1975, с. 4]. Акира Куросава не был единственным автором. «Сценарий был переработан на основе первоначального наброска Юрием Нагибина с советской стороны. Я переписал ещё раз, потом мы подробно обдумали некоторые детали» [Народная литература, 1975, с. 164]. Из данного высказывания можно сделать вывод о том, что президент Государственного Комитета по кинематографии Ф.Т. Ермаш и советская власть играли особую роль в ходе написания сценария и съемок фильма. Используя этот фильм, советское правительство хотело не только продемонстрировать свое отношение к вопросу принадлежности Уссури, но и показать противоположную Китаю позицию по советско-китайскому пограничному вопросу. Само изменение принадлежности фильма как раз послужило этому доказательством: сначала фильм снимался совместно русскими и японскими, затем в съемки был вовлечен только Мосфильм. Копия фильма при показе в Италии была сокращена Мосфильмом на 20 минут, что сильно возмутило Акиру Куросаву, поскольку «он был не согласен с сокращением копии фильма на 20 минут. Всё это было сделано русскими. Он заявил, что больше не намерен работать с русскими. В его глазах, они были виноваты, в том, что не проявили сочувствия к советскому герою» [Дональд Ричи, 2010, с. 286]. Данный пример также демонстрирует вмешательство советской власти в фильм «Дерсу Узала».

Куросава Акира был психологически готов к резкой критике со стороны Китая. По этому поводу им была опубликована статья в японской газете под названием «Кино декадной» на 7 мая 1974 г.

«Теперь, когда советско-китайские отношения ставятся под сомнение, описать китайцев стало сложно. Полагаю, что поступил правильно, однако другая сторона посчитала, что я слишком много написал о хороших китайцах. <...> Особое внимание Государственный Комитет по кинематографии уделял средствам описания китайцев. Данный вопрос вызвал особую трудность при написании сценария» [Народная литература, 1975, с. 165]. Здесь под «другой стороной» понимается СССР.

Однако политика всё-таки остается политикой, кино – та же политика, особенно в контексте холодной войны и во время конфликта между СССР и Китаем. Акира Куросава, живущий в «художественной башне из слоновой кости», может быть, совершенно случайно вмешался в вопрос «межгосударственной политики» (по словам знаменитого американского политолога Ганса Моргентау).

В начале 1970-ых годов дипломатическая обстановка в Китае улучшилась. Китай возобновил свое законное представительство в ООН, Китай и Америка опубликовали Совместное коммюнике в Шанхае, и осуществилась нормализация дипломатических отношений между Китаем и Японией. Но в то же время в самом Китае культурная революция находилась на грани развала. В культурных сферах была сделана экстремистская и даже ошибочная оценка международной культурной ситуации. Например, документальный фильм «Китай» (Chung Kuo – China, 1972), снятый приглашенным китайским правительством известным итальянским режиссером Микеланджело Антониони (Michelangelo Antonioni), «Китайцы в Париже» (Les chinois à Paris., 1974г.), снятый французским режиссером Жан Янн (Jean Yanne) и «Дерсу Узала», фильм снятый совместно Советским Союзом и режиссером Акира Куросавой, рассматривались как три антикитайских фильма.

В годы холодной войны между восточными и западными странами, а также в период конфликтов между Китаем и Советским Союзом в образах Китая и Советского в фильмах обеих стран существовали и антагонистичность, и заметная аналогичность. Проявленные в фильмах противоположные образы были сделаны более или менее искаженными и деформированными в целях того, чтобы показать свое «величие», «правильность» и «справедливость». Как сказал французский ученый: «все образы исходят из самосознания, несмотря на то что оно представляет собой слабое. Такое самосознание является самим по сравнению с другим и существующим сознанием по сравнению друг с другом» [Ба Жоу, 2001, с. 121].

После начала военного конфликта на Островах сокровищ между Китаем и Советским Союзом в марте 1969 г. центральная киностудия хроник и кинодокументов снимала подряд документальные фильмы, в которых отражалось антикитайское провокационное поведение Советского Союза на границах Островов сокровищ, а также категорический отпор китайских пограничников и народа. Об этом рассказывают оба фильма «Антикитайские зверства нового Царя-провокация советских ревизионистов на реках Уссури и Хэйлунцзян»¹³ и «на Островах сокровищ не допускается нападение»¹⁴. Вскоре¹⁵ все правительства (центральное и местные)

¹³ Режиссер: Хао Юйшэн (郝玉生), Ин Сяоин (应小英), фотографы: Фэн Юньин (封永迎), Чжан Зяюань (张家渊), Жэнь Фуган(任福棠), Чэнь Кайчу(陈凯初), Вэнь Бинлинь(温炳林), Ли Ляньсян(李连祥), У Юйхуа(吴余华), Ли Сиemin(李学明) и др, 1969 г.

¹⁴ Режиссер: Хао Юйшэн(郝玉生), Ван Чэнфань(王程帆), фотографы: Фэн Юньин(封永迎), Су Дэфу(苏德福), У Цзиньхуа(吴金华), Лю Сиси(刘锡喜), Ван Сичао(王锡朝) и др, 1969г.

¹⁵ Эти два фильма вызвали огромный отзыв. На газете «Жэньминь жибао» была опубликована кинократика разных мест. Например, «Герои не боятся медведей» за подписью работника пекинского первого станкостроительного завода Сон Зухуа(宋祖华), Чжан Юньфэн(张云峰), Се Цзижуй(谢吉瑞)(20 апреля 1969г, 4-ая страница), «Китайский народ не обиженный» за подписью рабочей критической группы типографического завода Синьхуа (22 апреля 1969г, 4-ая страница), «Резкий топор срубил водопроводный кран» за подписью какой-то части войск связи (22 апреля 1969г, 4-ая

организовали массы смотреть фильмы. На страницах газеты «Жэньминь жибао» много дней подряд публиковалась кинокритика. Например, «Герои не боятся медведей» за подписью работника Пекинского первого станкостроительного завода; «Пусть нас не трогают, и мы не тронем; а если тронут – мы не останемся в долгу» за подписью Хун Вэйбина (Политехнический институт Цинхуа); «Китайский народ не обиженный» за подписью рабочей критической группы типографического завода Синьхуа; «Резкий топор срубил водопроводный кран» за подписью какой-то части войск связи; «Умей бороться, умей побеждать», за подписью рыбака народной коммуны Лонцзяна уезда Фу Юань провинции Хэйлонцзян; «Если они развяжут войну, мы обязательно ответим ударом» за подписью заместителя политрука пограничного отряда Островов сокровищ и др. В 1970 годы китайская сторона сняла антишпионские(советские) фильмы для противодействия советскому культурному наступлению. Например, «След медведей»¹⁶, «Черный треугольник»¹⁷, «Шпионская тень на восточном порте»¹⁸, «Тайный сигнал 99»¹⁹, «Аoley Илан»²⁰ и др. Интересно то, что эти фильмы в качестве авантюрных антишпионских фильмов открывают разные образы шпионов по сравнению с образами фильмов 50-60 годов, например, «Секретный чертеж»²¹, «Защитник железной дороги»²², «В десять часов Национального праздника»²³, «Скрытная застава г. Гуанджоу»²⁴, «Прослеживание в логове тигров»²⁵. Шпионы приехали из «какой-то страны», «какой-то сопредельной страны» и «какой-то державы», а не из США или Тайваня. Но на фоне того времени каждый знал, что под «какой-то страной» имеется в виду СССР. В фильмах шпионов именовали либо «Петров», либо «Иванов». Тайные сигналы шпионов для связи часто были имеющие советские особенности: «береза», «лебединое озеро», «полярный медведь» и др. В конце концов, образы «старший брат-Советский Союз», «красный маяк-Советский Союз», «столица международного коммунизма» ушли в прошлое, а образы «советские ревизионисты-шпионы», «советский ревизионизм-социальный империализм», «изменники международного коммунистического движения», «лысый Хрущев» как раз наоборот вступили на сцену.

III. Современное звучание и исключительная судьба фильма «Дерсу Узала»

страница), «Если они развяжут войну, мы обязательно ответим ударом» за подписью заместителя политрука пограничного отряда Островов сокровищ Сю Ляньвэнь (徐连文)(22 апреля 1969г, 4-ая страница) и др.

¹⁶ Режиссер: Чжао Синьшэн (赵心水), Чанчуньская Киностудия, 1977г.

¹⁷ Режиссер: Лю Чуньлинь(刘春霖), Чэнь Фанцян, Пекинская киностудия, 1977г.

¹⁸ Режиссер: Шэнь Яотин (沈耀庭), Шанхайская киностудия, 1978г.

¹⁹ Режиссер: Линь Моюй (林默予), Киностудия Первого Августа, 1978г.

²⁰ Режиссер: Тан Сяотань (汤晓丹), Шанхайская киностудия, 1979г., был удостоен премии замечательных фильмов Министерством культуры в 1979г.

²¹ Режиссер: Хао Гуан (郝光), Киностудия Первого Августа, 1964г.

²² Режиссер: Фан Ин (方荧), Чанчуньская Киностудия, 1960г.

²³ Режиссер: У Тянь (吴天), Чанчуньская Киностудия, 1956г.

²⁴ Режиссер: Лу Юй (卢瑛), Киностудия буреветников, 1957г.

²⁵ Режиссер: Хуан Цань(黄燊), Чанчуньская Киностудия, 1956г.

Путевая записка В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» случайно была вовлечена в государственную политику, испытала политические перемены. В Китае пережитый образ «Дерсу Узала» воспринимается по-новому.

В 2005 г. книга «По Уссурийскому краю: приключение в Уссурийском горном районе, исследование в горном районе Сихотэ-Алиня 1902-1906 г.» была официально выпущена издательством народной литературы, которое издало «пьесу антикитайского фильма «Дерсу Узала»²⁶. Данное издание было переведено Ван Шисе, Шэнь Маньли и Хуан Шунань²⁷. В конце прилагались 22 цветной иллюстрации книги «Приключение в девственном лесу» художника Кузнецова, выпущенной в 1970 г. издательством детской литературы Советского Союза, а также цветные фотографии многих упомянутых в текстах растений и птиц. На обложке было указано: «Подлинник одного из классических фильмов Акира Куросавы, наилучшего фильма на иностранном языке, удостоенного премии Оскар «Дерсу Узала», «Вековая печальная песня человекообразной обезьяны Тайшань в Уссурии». На титульном листе составитель снова подчеркнул, что книга «По Уссурийскому краю» являлась классической литературой, равной книге «Уолден», и опять упомянул, что фильм «Дерсу Узала», инсценированный японским кинорежиссером Акира Куросавой на основании данной книги, вызвал сенсацию и был удостоен премии Оскар в 1975 г. [Арсеньев, 2005, обл. и тит. л], но одного слова не было сказано о культурной полемике, вызванной данным фильмом между Китаем и Советским Союзом.

Главный переводчик Хуан Шунань (профессор факультета русского языка Нанькинского педагогического университета) писал в предисловии к переводу: «уже прошел почти век после издания произведения Арсеньева, но читатели из поколения в поколение с большим увлечением их читают, не считая их устаревшими. Как центральные, так и местные российские издательства раз не единожды переиздавали его произведения, общий тираж которых трудно подсчитать. В 1970 г. издательство детской литературы Советского Союза специально выпустило книгу «Приключение в девственном лесу» для чтения детей, отбрало более десяти лесных экспедиционных сказок и приложило 22 цветные иллюстрации. И в то же время произведения Арсеньева давно вышли на мировую арену и были переведены на 30 языков». «Тогда мы издали

²⁶ В «Пьесе антикитайской фильма «Дерсу Узала», изданной Издательством народной литературы в 1975г., частично перевели содержание «По Уссурийскому краю» для критики фильма. В 1977г. книга «По Уссурийскому краю» была опубликована коммерческим издательством в двух частях за подписью группы переводчиков факультета русского языка Хэйлунцзянского университета. В список коррекции были включены Ван Шисе(王士燮), Лу Канхуа(卢康华), Чжан Дабэнь(张大本), Чжан Хуаньхай(张寰海), Ли Шиминь(李石民), Ли Цзинци(李景琪), Шэнь Маньли(沈曼丽), Цзян Чанбинь(姜长斌), Юй Юефа(俞约法,) Хуан Шунань(黄树南), Лу Хэн(鲁桓). Данная книга в качестве исторических документов китайско-советских отношений была выпущена только для чтения кадрами выше уездного уровня.

²⁷ В том же году Тайбэйская культурная компания с ограниченной ответственностью Ху Таому вовлекла в издание издательство народной литературы и выпустила его.

китайскую версию в качестве исторического документа для закрытого выпуска. В данной книге Арсеньев много рассказывал, что в Уссурии существуют многие населенные пункты китайцев. Они занимаются сельским хозяйством, ремеслом, скотоводством, рыболовством, транспортными перевозками, коммерческой деятельностью, добывающей промышленностью и др. Древние пути были проложены китайцами, деревья были срублены китайцами, дома были устроены китайцами, более того, существовали китайские древние храмы, парные надписи... Арсеньев записал много географических названий, названных языками китайских национальностей, особенно китайским языком. Все это свидетельствует о том, что китайцы долгое время жили здесь, они являлись родоначальниками Уссурийского района и внесли первопроходческий вклад в развитие Уссурийского района. В связи с этим книга Арсеньева имеет большое значение для исследования истории Уссурийского района» [Арсеньев, 2005, Предисловие для переводчиков с. 3, 4, 5].

Профессор Хуан Шунань(黄树南) был переводчиком закрытого издания «По Уссурийскому краю», выпущенного коммерческим издательством в 1977г., и руководителем группы переводчиков факультета русского языка Хэйлонцзянского университета. Он пережил изменение китайско-советских отношений и испытал на себе политические особенности перевода. В предисловии к новому изданию он, как и прежде, избегал упоминаний о споре о фильме «Дерсу Узала» между Китаем и Советским Союзом, только сказал, что Акира Куросава снял фильм, который был удостоен звания лучшего фильма и премии Оскар в 1975г. Он специально подчеркнул, что уссурийский район и окружающие его девственные леса, описанные в произведении Арсеньева, были тогда в неразрушенном состоянии. Для широкого круга читателей это знакомство с оригинальным и незнакомым пространством. Особенности творчества Арсеньева заключаются в свежести темы, тонком исследовании природных явлений, подходящем сочетании строгой научности с интересом, в точном и оживленном описании, свежем слогое. В «Дерсу Узала» активно изображалась легендарная фигура Дерсу Узала, который был местным охотником нации хэчжэ, работал гидом Арсеньева. Он был одиноком, жил в девственном лесу. За долгую жизнь, охотясь, он приобрел несравненное мастерство. Он по разным приметам смог прогнозировать астрономические явления, распознавать по следам движение человека и животного, поддерживать спокойствие в опасной ситуации, избегать несчастья умом и смелостью, чудесным образом выжить. Он много раз спасал жизнь Арсеньеву и другим участникам экспедиции. Он доброжелательно относился ко всем в окружающем мире, дружил с птицами, зверьми и растительностью. Хотя он жил охотой, излишне не охотился. В современном мире экологический баланс представляет собой фокус, привлекающий общий интерес всего мира. Еще ранее, в начале прошлого века, Арсеньев поставил этот вопрос перед человечеством благодаря образу Дерсу Узала и обратился с призывом защищать природу. Вот это исключительно ценно» [Арсеньев,

2005, с. 287].

Книга «По Уссурийскому краю», в первый раз выпущенная в феврале 2005г. тиражом 7000 экземпляров, распродалась к концу 2005г. Может быть, это настоящее достойное место для книги «По Уссурийскому краю» и фильма «Дерсу Узала».

В 2007 году российское издательство «Краски» планировало издать полное собрание сочинений Арсеньева. 12 октября 2013 года данное издательство объявило, что издаст собрание, сокращенное с запланированных 7 томов до 3-4. Специально созданный сайт, где должны были быть собраны его произведения, написанные до Октябрьской революции, работает плохо. В 2011 году «Комсомольская правда» сняла документальный фильм «Владимир Арсеньев. Капитан тайги» (режиссер Александр Свешников, в роли Арсеньева – Владимир Сунгоркин), спонсируемый Русским географическим обществом. Данный документальный фильм был включен в сериал «Первопроходцы Дальнего Востока».

Тернистая судьба фильма «Дерсу Узала» представляет собой типичный продукт межгосударственной политики в особый период китайско-советских отношений, а также нормальное явление политической культуры Китая и Советского Союза, имеющих подобные особенности. Такое явление было определено как «мягкая сила» (Soft Power) в произведении Джозефа Найя (Joseph Nye): «С помощью культурного распространения одно государство может позволять другим государствам мыслить по своему мышлению» [Joseph Nye, 1990, с. 166]. Но, может быть, судьба «Дерсу Узала» попала в ловушку «самоиллюзий после возвышения» [Zbigniew Brzezinski, 2013], предсказанных известным специалистом по китайским и американским вопросам, американским политиком Збигневом Бжезинским (Zbigniew Brzezinski).

Значительный остается вопрос: все-таки политика запятнала искусство или искусство похитило политику?

Может быть, нам придется согласиться с итальянским историком Бенедетто Кроче (Benedetto Croce): «вся история является историей современности» (All history is contemporary history) , а также известными словами французского мастера постмодернизма Мишеля Фуко (Michel Foucault): «Время, в котором повествуется история, важнее времени самого исторического повествования».

Список литературы:

Арсеньев В.К. В дебрях уссурийского края (在乌苏里莽林中. перевод: Хуан Шуйнан (黄树楠) и др. /В.К. Арсеньев. Изд: Народная литература, 2005.

Народная литература. Анти-китайский киносценарий «Дерсу Узала» (反华电影剧本《德尔苏·乌扎拉》). Изд: Народная литература, 1975.

Ба Жоу (巴柔) Образы / Жоу Ба // Сравнительная литература. Изучение образов [глав. сост. Мэн

Хуа (孟华)], Издательство Пекинского университета, 2001.

Дональд Р. Фильмы Акиры Куросавы. Пер: Уан Чуанда и др. / Р. Дональд. Изд: Хайнаньское издательство, 2010.

Ферро М. Кино и История / Марк Ферро. Пекин: Издательство Пекинский Университет, 2010.

Nye J. Soft Power // Joseph Nye// Foreign Policy.1990,80(5).

Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power / Zbigniew Brzezinski. New York. Basic Books.2013.

Чулашвили-Гордеева Е.Ш.
Агрыйский университет им. Ибрагима Чечена
г. Агры (Турция)

Chialashvili-Gordeeva Elena
Agri university the name of Ibrahim Chechen
Agri (Turkey)

ИНТЕРТЕКСТ – ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУР

(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТЕКСТА РОМАНА АЛЕВ АЛАТЛЫ «НЕ ПРОСВЕЩЕНИЕМ, НО СЕРДЦЕМ»)

INTERTEXT - DIALOGUE OF LITERATURES

(BASED ON ANALYSIS OF THE TEXT OF THE NOVEL "NOT BY ENLIGHTENMENT, BUT BY HEART" BY ALEV ALATLY)

В статье анализируется текст русского перевода, выполненного переводчиком Ириной Дригой. Поскольку в оригинале нарративное полотно романа изобилует интертекстуальными моментами – реминисценциями к Библии, к летописям, к произведениям Радищева, Гоголя, Достоевского, Набокова, Солженицина, к прецедентным для истории русской культуры текстам СМИ, а также цитатами из них, то русский текст рассматривается нами как обратный перевод.

Одна и та же информация дважды прокручивается вначале в сознании носителя турецкой культуры и при помощи определенных процедур адаптируется к социально-культурным условиям турецкой действительности, а затем, уже будучи приспособленной к адекватному восприятию турецким читателем, перекладывается на русский язык, при этом текст русского перевода – это не что иное как «взгляд» на русскую действительность сквозь призму её восприятия носителем турецкой культуры.

Формирование образа России в романе происходит путём постоянного соотнесения всего увиденного, услышанного, прочувствованного, прочитанного в этой стране и об этой стране с соответствующими историческими событиями, литературными текстами, культурными памятниками родной Турции, с опытом любви к своей Родине, переживания боли и гордости за неё.

Автор достигает этого, конструируя турецкоязычный художественный текст из цитат, аллюзий и реминисценций ко множеству русскоязычных текстов, последовательно преодолевая границы не только между разными текстами, но и между текстом и жизнью, между различными культурными дискурсами, что вообще является характерной чертой для постмодернистской литературы.

The article analyzes the Russian translation text by an interpreter Irina Drigo. As in the original text narrative fabric of the novel abounds intertextual moments: allusions to the Bible, to the chronicles, the works of Gogol, Dostoevsky, Nabokov, Solzhenitsyn, a precedent in the history of Russian culture media texts, as well as quotations from them, then the Russian text is considered by us as a back translation.

The same information is scrolled twice, first in the minds of Turkish culture and with the help of certain procedures adapted to the socio-cultural conditions of the Turkish reality, and then, being adapted to the adequate perception of the Turkish reader, is passed onto Russian language, the text of the Russian translation – is nothing more than a "look" at the Russian reality through the prism of Turkish cultural perception.

The formation of Russia's image in the novel takes place by constant correlating of all seen, heard, felt, read in this country and about the country with relevant historical events, literary texts, cultural monuments native to Turkey, with experiencing the love of their homeland, of pain and pride for it.

The author achieves this by designing Turkish literary text from quotations, allusions and reminiscences to a variety of Russian texts, consistently breaking boundaries not only between different texts, but also between the text and life, between different cultural discourses that generally is a characteristic feature of postmodern literature.

Ключевые слова: интертекст, диалог литератур, постмодернизм, обратный перевод, русско-турецкие

параллели, актуализация текста, реалии, синтез культур, культурный дискурс.

Key words: intertext, dialogue of literatures, postmodernism, retranslation, Russian-Turkish parallels, text actualisation, realia, culture synthesis, cultural discourse

Бывают такие литературные тексты, которые полностью захватывают читателя, будоражат его ум и эмоции, заставляют в параллельном режиме искать какую-то информацию, что-то сверять, что-то уточнять.... Получается так, что на протяжении какого-то времени читаемый текст вплетается в жизнь читателя или, может быть, жизнь вплетается в текст...и в результате, по прочтении его, чувствуешь себя выросшим, обновлённым, пережившим что-то важное, приобщённым к чему-то значительному.

К числу подобных текстов относится роман современной турецкой писательницы Алев Алатлы «Не просвещением, но сердцем» / По следам Гоголя/. Написанный в стиле постмодернизма роман особенно интересен для русскоязычного читателя, поскольку представляет собой диалогическое взаимодействие большого количества русских текстов, репрезентирующее видение русской действительности, русской литературы, русского менталитета турецким автором.

Мы анализируем текст русского перевода, выполненного переводчиком Ириной Дригой. Поскольку в оригинале нарративное полотно романа изобилует интертекстуальными моментами – реминисценциями к Библии, к летописям, к произведениям Радищева, Гоголя, Достоевского, Набокова, Солженицина, к прецедентным для истории русской культуры текстам СМИ, а также цитатами из них, то русский текст фактически можно рассматривать как обратный перевод.

Одна и та же информация дважды прокручивается вначале в сознании носителя турецкой культуры и при помощи определенных процедур адаптируется к социально-культурным условиям турецкой действительности, а затем, уже, будучи приспособленной к адекватному восприятию турецким читателем, перекладывается на русский язык, при этом текст русского перевода – это не что иное, как взгляд на русскую действительность сквозь призму её восприятия носителем турецкой культуры.

Мы пытаемся проследить, при помощи каких художественных средств, с одной стороны, происходит раскрытие образа России, менталитета, речи, характеров, атмосферы человеческих отношений, сформированных в русской национально-социальной среде, а с другой стороны, даётся характеристика воспринимающего субъекта, т.е. отражается турецкое национальное самосознание со свойственной ему системой ценностей.

Блестящий эрудит интеллигент, мастер построения интертекста, Алев Алатлы конструирует роман таким образом, что в нём причудливо сплетаются реальные события русской и турецкой истории. Благодаря неожиданно найденным, на удивление знакомым и понятным русско-

турецким параллелям, создаётся ощущение невероятной близости и родственности этих двух культур.

Центральным персонажем повествования, человеком, улавливающим общие закономерности в русских и турецких частностях, своего рода синтезатором по типу мышления является турчанка Гюльоя – по образованию историк искусств, проведшая своё детство в сталинские пятидесятые годы на границе с Россией в Сарыкамыше, в 70-ые годы перечитавшая почти всю русскую литературу, которая только была переведена на турецкий язык. Постоянный, неутихающий **интерес** к этой соседней стране всё равно, что **шлем**, который она хотела бы сбросить со своей головы. [Алатлы, 2010, с. 117]. (Здесь и далее выделено мной – Е.Ч-Г).

Героиня оказывается в России после расставания со своим молодым человеком, талантливейшим архитектором Айтунчем, предавшим не только её как женщину, но и те общие высокие идеалы, которым они готовы были служить ещё со школьной скамьи. «Он избрал для себя Запад, а я – Восток. Избрать для себя Восток на этой планете означало подвергнуть себя неустанному нападению реформ, принять как должное низвержение и поправление. И я на это пошла» [Алатлы, 2010, с. 116] – заявляет героиня. Она чувствует себя поправной, униженной. Ей кажется, что все её жизненные ценности и ориентиры вмиг обесценились, исчезли. Отныне единственно, что актуально для неё – это стремление понять, ощутить на себе, как это удаётся людям «выживать перед угрозой тотального поправления и уничтожения» [Алатлы, 2010, с.25].

Гюльоя приезжает в Россию с целью «затеряться и исчезнуть» там навсегда, однако, вместо этого, она приобретает опыт выживания, выживания, которое зиждется на огромной, осмысленной любви к России, к русскому народу. Почти каждое событие, каждая информация, каждое впечатление от русской действительности вызывают в душе героини горячий отклик, так как они затрагивают её самые сокровенные чувства, мысли и впечатления, сформировавшие её менталитет как представительницы маргинальной европейской культуры традиционалистской мусульманской страны.

Сравнивая, что и как ею прочитано из русской литературы до приезда в Россию, с тем, что она впоследствии читала под руководством Галины Алексеевны, Гюльоя понимает, что «люди читают находящиеся у них в руках тексты на волне собственных ожиданий от них и целей, и слова вспыхивают поэтому искомым ими значением, более того, слова просто силой лезут вам в глаза» [Алатлы, 2010, с. 210].

На особенность процесса чтения, процесса восприятия литературного текста, на включённость этого процесса в актуальный опыт человека указывает известный философ 20-го века М. Мамардашвили: «...что-то фундаментальное происходит с нами, когда акт чтения вплетён в какую-то совокупность наших жизненных проявлений, жизненных поступков, в зависимости от

того, **как** будет откristаллизовываться в понятную форму **то**, что с нами произошло, **то**, что мы испытали, что увидели, **что нам сказано и что мы прочитали**» [Мамардашвили, 1999, с. 8].

Алев Алатлы сравнивает чтение с ночным путешествием: «Слова – как фосфоресцирующие знаки по обеим сторонам асфальта. Покуда их не коснулся свет ваших фар, они спокойно ожидают, но стоит только прикоснуться к ним светом – и ахх! – они вспыхивают сияньем. Они настолько живы, что когда вы, сидя в вашем авто, отпрянете назад и проедете, вам кажется, что они и позади вас продолжают распространять пучки света. Но это не так, они снова погребены в темноте, и до тех пор, пока их снова не возжег свет фар нового авто, они исчезают из виду» [Алатлы, 2010, с. 210].

Текст турецкой писательницы построен таким образом, что допускает нелинейный способ чтения, сопровождающийся интертекстуальным анализом. «Каждая интертекстуальная отсылка – это место альтернативы: либо продолжать чтение, видя в ней лишь фрагмент, не отличающийся от других, ... или же вернуться к тексту-источнику, прибегая к своего рода интеллектуальному анамнезу» [Руднев, 1997, с.17].

Что касается обратного перевода интертекстов, то возможны два подхода: либо замена цитат и реминисценций первоисточниками, либо их перевод с учётом тех действий, которые над ними были учинены. Переводчик выбирает второй путь и тем самым предоставляет читателю возможность при желании прибегнуть «к интеллектуальному анамнезу» и отчётливо увидеть все те потери и приобретения на уровне семантики и структуры, которые несёт с собой перевод.

Автор приводит цитату из гоголевского текста, который читает героиня: «Это всеобщее движение еще более возросло, когда в провинцию Б. перебрался дом командира дивизии. Живущие в окрестностях ее совершенно никому не известные господа стали навещать в Б., чтобы посетить господ офицеров или чтобы сыграть в банк – карты, о которых они не очень-то знали, что это такое, ибо в обычные дни были заняты полевыми работами, прихотями своих жен или охотой на зайцев» [Алатлы, 2010, с. 211]. Затем показывает, каким образом происходит актуализация этого текста, как он «вплетается» в жизнь героини, оживляя её воспоминания.

Прежде всего, русские реалии заменяются турецкими: **лица без профессии, живущие за счет земельных доходов – ага** /«Те, кого он называл господами, – лица без профессии, живущие за счет земельных доходов, были для меня ага»/; **провинции Б.** соответствует **турецкий городок Сарыкамыш** /«В Сарыкамыше ага действительно приходили к офицерам с визитом...»/; **игре в банк - игра в домино, безик** /«Я поставила банк на место игры в домино, безик, в которую играют деревянными брусочками, с помощью которых отмечают числа, называемые маркоз»/. В результате создаётся единое нарративное полотно из текста Гоголя и воспоминаний Гюльои: Я так углубилась в воспоминания, что Гоголь писал: «Очень сожалею, поскольку не могу припомнить,

по какой причине в тот прекрасный день генерал решил дать пышный обед...», я же вмешивалась: «Стой, я помню: это были фазаны» [Алатлы, 2010, с. 214].

Русские реалии не просто отражаются в сознании героини, а преломляются в соответствии с присущими ей интересами, опытом, стереотипами.

Зазывалы в достопримечательных местах Москвы напоминают ей аналогичных зазывал со Стамбульского Крытого рынка, неперемногого объекта посещения иностранными туристами: «**В местах же, где говорили на английском**, были такие прилипчивые зазывалы, не хуже чем на **Капалы Чарши**» [Алатлы, 2010, с. 228].

При описании Московского Кремля используются **краски родной Турции**: «Местами его будто вылепили из замешанного комка глины, надломив, вытянули в форме юлы, окрасили в **Аваносскую зелень**/ *Местность в центральной Анатолии, неподалеку от Каппадокии, известная своей салатной зеленью, приближенной к желтизне*/, **Каппадокийскую белизну**/ *Всемирно известная белоскальными земляными пирамидами местность в Анатолии*/ и драгоценное золото, взяли и поставили куполком» [Алатлы, 2010, с. 229] (Здесь и далее курсив переводчика).

Когда Гюльое советуют представить **князя Владимира** как **Османа**, она отмечает про себя «так же, как следует принимать **Киев** за наш **Сёгют**. /*Сёгют – место рождения основателя державы Османа и образования первого османского бейлика*/» [Алатлы, 2010, с. 234].

Параллельные ассоциации могут вызывать не только те или иные реалии, но и какие-либо эмоции: «Он рассказывал страшные вещи, однако при словах “**Кантемировская дивизия**” в глазах полковника Ивана Петровича показалось **совершенно иное выражение. Выражение лица, напомнившее мне лицо собственного отца**, когда он говорил **о 19-й дивизии**» [Алатлы, 2010, с. 256].

Страх, испытываемый персонажами Гоголя от постоянно ожидаемых набегов **запорожских казаков и ляхов**, ассоциируется у героини-турчанки со страхом от набегов **русских и армянских грабителей**. [Алатлы, 2010, с. 225].

Рассказ о том, как русские солдаты **наряжали** своих командиров на переговоры о подписании перемирия с финнами, напоминает нашей героине её отца, который в пятидесятые годы в Догу-бызыте, отправляясь на переговоры с русскими, особое внимание обращал на то, **как сидят на нём брюки** [Алатлы, 2010, с. 269].

Синтез культур может проявляться в определённом видении образов. С одной стороны, поза Тулеева, сидящего в кресле-бержерке / «глаза к полу, колени вместе»/, вызывает у героини ассоциации со стыдливым **послушником-дервишем, впервые представшим пред своим шейхом**, с другой стороны – она знает, что на самом деле он был как те **прославленные русские куклы-матрешки**, что по мере раскрытия появляются одна из другой.

Яркий пример единения культур в сознании человека – описание привольной жизни в Анатолии через языковое воплощение этого образа в русских народных сказках: «Мы слышали, что Анатолия в этом отношении – медовые реки, кисельные берега» [Алатлы, 2010, с. 32].

Говоря об отношении в России к Солженицину, автор напоминает, что некоторые называли писателя «русским Аятоллой» / *Аятолла Хомейни – лидер исламской революции в Иране выступал за отказ от прогресса, за возвращение к средневековым традициям*/.

Особое место в романе занимает переключка имён собственных, представленная в виде ассоциаций и разъяснений.

Имя матери Дмитрия Набокова /сына писателя/ – **Вера** – напоминает Гюльое **Назыма Хекмета**, так как его последнюю жену тоже звали **Вера**. [Алатлы, 2010, с. 37].

«**Саша** – короткое имя от **Александр**, так же, как **Эртугрула** мы называем **Эрто**, а **Фирюзана – Фирюз**» [Алатлы, 2010, с. 47].

«Томас на протяжении всей книги называет Солженицына даже не **Саша**, – нет, **Саня**, – что похоже, например, на то, как если бы **Джемил Мерич** был назван **Джемош!**». /*Джемил Мерич – выдающийся современный турецкий историк и философ, выступающий за социокультурное единение всех тюркских народов*/ [Алатлы, 2010, с. 51].

Перевод русских реалий – лепёшки из гречневой муки – блины, крахмальный кисель – пудинг, дрожжи и коляски – экипажи, окружные помещики – окрестные аги, фруктовая смесь под названием «варенье», «баклажанная икра» – *közlenmiş patlıcan* – сопровождается их объяснением: «Между прочим, пудинг, сладость консистенции халвы, изготавливаемая из молока, яиц и сахара, и блины, мучное изделие, которое я бы сравнила с нашими лаянгой или крепом» [Алатлы, 2010, с. 212]; «фруктовую смесь под названием «варенье» принято класть в маленькую розетку и есть крошечной ложечкой вприкуску с чаем»; «В первый же момент мое внимание привлекла закуска «баклажанная икра», нечто похожее на наш *közlenmiş patlıcan*, – и это посредине зимы и во время экономического кризиса в стране» [Алатлы, 2010, с. 238]. Параллельно вводятся транслитерированные турецкие реалии: лаянга, креп, тавук гёгсю.

Параллельное употребление русских и турецких слов и словосочетаний – способ объяснения «чужого» через «своё» и «своего» через «чужое» – делает другую культуру более доступной и понятной.

«Именно поэтому в светлицах русских крестьян есть особое место, где бок о бок стоят икона и топор: **Красный Угол – Güzel Köşe**. Нет избы без Красного угла» [Алатлы, 2010, с. 275].

«Мы называем это **Tanrı arayışı – богоискательство**» [Алатлы, 2010, с. 277].

«**İddialar ve Gerçekler**» – «Аргументы и факты» [Алатлы, 2010, с. 280].

«**Yok, artık!** – Нет, это уже слишком!».

«**Sihhatınıza! – За здоровье!**» [Алатлы, 2010, с. 294].

«**Принц**» подобно нашему «**паша**» [Алатлы, 2010, с. 190].

«**Фесубханаллах! – Досадно, ей-богу! – Я ревную Россию к европейцам!**» [Алатлы, 2010, с. 197].

«Как там говорят, **hayat yorgunluğu**, что означает **мировая скорбь**» [Алатлы, 2010, с.92].

«Эта **высшая правда** есть священный и бесконечный порядок Божий, **yüksek gerçeklik**» [Алатлы, 2010, с. 94].

Взгляд и слух иностранки подмечают такие характерные для постсоветского периода русские реалии, как **бездомный – evsiz, бомж – aylak, воры в законе – sabıkasız hırsızlar; bedavacı – халявщик**, имеющие негативную коннотацию. В тексте перевода они даются на турецком языке, а затем на русском – либо непосредственно в тексте, либо в схолио.

«**Бездомный, evsiz**, было вторым словом после слова «джинсы» – **blu cın**, – которое я выучила за мои первые двадцать четыре часа в России» [Алатлы, 2010, с. 355].

«Их называют **бомжами, aylak**» [Алатлы, 2010, с. 356].

«**Воры в законе**» – **sabıkasız hırsızlar**; буквально: «несудимые воры» [Алатлы, 2010, с. 359].

«Иван обвиняет своего старшего, дескать, тот **bedavacı, халявщик**, разве этому учили нас мать и отец!» [Алатлы, 2010, с. 387].

«Он подталкивал нас к находящейся немного впереди столовке, в которой, кроме чая, подавали суп и рагу, и которую здесь называли **aşevi /столовка/**». [Алатлы, 2010, с. 366].

«Молодой милиционер со съехавшей на затылок каской долго тарачился то в права, то в лицо американцу, наконец произнеся: «**Git başımdan!**» / **Уйди с глаз моих долой!**» [Алатлы, 2010, с. 366].

В качестве одной из составляющих народного духа выступают русские народные песни «Эй ухнем» и «Валенки», слова которых также даются на двух языках: «Эй, Ухнем! Эй, Ухнем! Еще раз и, еще да раз! **Bir kez daha, bir kez daha**, Эй, Ухнем! Широка и глубока Волга! **Uzun geniş Volga**, Эй, Ухнем! Мать родная, Волга русская река! **Anamız, canımız, Rus nehri Volga!** Ай, да, да, ай, да, ай, да, да, ай, да! **Yapışın halatlara, akıntı ters!** Эй, ухнем! Эй, ухнем! **Ah edelim, of diyelim!** Еще раз и, еще да раз! **Bir kez daha, bir kez daha!** Эх, ты, Волга, мать река, широка и глубока! **Ah, seni gidi uzun geniş Volga**, ай, да, да, ай, да, ай, да, да, ай, да! Мать родная, Волга русская река!...» [Алатлы, 2010, с. 350]. Слова песни чередуются с аллюзиями из некоторых известных за границей русских песен.

Популярная вариация на один из куплетов песни «Валенки» «Коля, Коля, Николай!» – **Kolya, Kolya Ni kolay, sokağa çıkma, evde otur, kızlar gelecek, sana öpücük verecekler!** – в тексте приводится на турецком языке, а русские слова даны в схолио: Коля, Коля, Николай! Сиди дома,

не гуляй! А то девушки придут! Поцелуют и уйдут! [Алатлы, 2010, с.363].

Фрагмент известной песни «**Подмосковные вечера**» «**Moskova geceler**» даётся в турецкой транскрипции: «Ne slişni v sadu daje şörohi... Vsyо zdes zamerlo do utra... Yesli b znali vi...» [Алатлы, 2010, с. 408].

Знаменательно, что в самом имени главной героини «Гюльоя Гюрелли» заключена игра слов, отсылающая к старинной тюркской песне. Тем самым автор как бы указывает на духовную связь героини с самобытной национальной культурой, одной из основных составляющих которой является народная песня.

Общеизвестен тезис В.О. Ключевского о том, что природа – это колыбель народа. Жизнь народа протекает в постоянном взаимодействии с окружающей его природой. Отсюда важность влияния природных факторов на менталитет и историю народов.

Для Алев Алатлы символом русских племён является **лес**, а символом тюркских – **яйла** /высокогорное летнее пастбище/: «**Русь** до некоторой степени и означает **лес**. Лес – исконная колыбель Руси. Прежде чем рассеяться по степи, русские жили в лесах. В подсознании каждого русича лежит мистический страх и ощущение святости леса. Как **тюрки** есть порождение **яйлы**, как тюркская история является **историей подъемов и спусков ...от яйлы к яйле** по оси от Желтого до Белого морей, так и история русского племени слагается из **преданий о выходе из лесу и уходе в лес**» [Алатлы, 2010, с.347].

Русские реки также имеют свою символическую нагрузку. Они как бы указывают на различные векторы русской культуры. По словам главного героя романа Алексия, «**Волга-река**, делающая Россию **Азиатской**. Так же, как **Днепр** делает **Византийской**, а **Нева** – **Европейской**».

Считая архитектуру одним из основных средств донести какую-либо идею до народных масс, представительница турецкой культуры видит в строениях как царской, так и советской эпохи – надменность. «**Надменность**, говорящую, что в этих **глядящих на человека свысока зданиях** можно жить лишь только **с позволения**» [Алатлы, 2010, с. 351].

Своё впечатление от Москвы 90-ых она выражает в негативно-оценочных эпитетах и метафорах. Второй терминал поразил её своим **плачевным состоянием** и **гробовой серостью бетона** [Алатлы, 2010, с. 225]. Площади и проспекты Москвы казались ей **нечеловеческой ширины**, **уничтожающие** размеры её зданий ввергали в транс. Отель “Россия” представлялся ей **бетонно-арматурным двадцатishестиэтажным чудовищем** на три тысячи сто пятьдесят номеров [Алатлы, 2010, с. 228].

В то же самое время вот как она описывает Собор Василия Блаженного: «Символ Москвы **Собор** Василия Блаженного был будто **букетом**, вышедшим из рук профессионально обученного искусству икебаны мастера-флориста. Напоминающие **маковые головки** крупные и мелкие,

высокие и низкие, но будто вросшие один в другой самые разноцветные **купола** образовали творение, **настолько великое, чтоб быть под стать богам, и настолько стройное, чтоб не давить на смертных**. Вот этого я не видела нигде!» [Алатлы, 2010, с. 230]. Сравнения **Собор – букет, купола – маковые головки**, а также придаточные предложения со значением степени выражают восхищение этим прекрасным памятником русской культуры. Интересно заметить, что в описании собора неожиданно используется и элемент японской культуры – **искусство икебаны** как репрезентация изысканной простоты, достигаемой выявлением естественной красоты материала.

Воспринимая Кремль как символ восточной культуры, героиня считает, что тот, кто «испытал существование Кремля» не способен «согнуть шею перед стеклобетонными конструкциями американских небоскребов» [Алатлы, 2010, с. 231].

Образ России, построенный в сознании героини – это держава с её прошлым и настоящим, с её разнообразной природой и архитектурой, с её народным творчеством и богатейшей литературой, с выкладками русской социально-политической мысли второй половины 20-го – начала 21-го века. Это до такой степени её родное детище, что она даже ревнует Россию к европейцам – «...будто существует какая-то только моя Русь, которую я бы никогда не захотела поделить с европейскими исследователями» [Алатлы, 2010, с. 198]. И она понимает, что это Русь, увиденная глазами её соотечественников – известных турецких писателей, получивших в своё время образование в России – Шевкета Сюрейи Айдемира, Назыма Хикмета, Валы Нуреттина, произведениями и переводами которых она зачитывалась в Турции.

Попавшей в водоворот российской жизни конца 20-го – начала 21-го века турчанке понадобилось не так много времени, чтобы сделать следующие выводы: «Литература на Руси является для писателя тяжким грузом, бремени которого он может не выдержать... Угощения на Руси являются для собравшихся способом достичь добродетели, а не развлечься. Эта фраза была справедлива как минимум для городских интеллектуалов. Они не умеют говорить ни о чем, беседа есть тяжкое бремя. Другое замеченное мною впечатление – их глубокая связь с религиозной верой» [Алатлы, 2010, с. 344].

Находясь среди интеллигенции, представляющей социально-политические направления и взгляды России, видя ежедневную борьбу людей за выживание, героиня не может не ощущать того глубокого духовного и экономического кризиса, в котором находится страна. Автор находит яркие художественные средства для выражения размышлений и выводов героини: «... я полагаю, что **не только Алексей**, но даже спустись с небес **сам Иисус Христос**, на этой **трагической** ступени в истории этой **великой** нации **доля его так и валялась бы скрючившейся в углу мощеных московских мостовых**; замерзшее же его тело заняло бы место среди иных

безвестных трупов, которые собирают на грузовик рабочие Лужкова» [Алатлы, 2010, с. 44]. Этим самым Алев Алатлы, видимо, хочет указать на отсутствие в обществе такой системы ценностей, таких ориентиров, которые бы были важнее временных трудностей, важнее времени, отпущенного на одну человеческую жизнь.

Героиня отчётливо видит два вектора российской культуры, один из которых направлен вовне, на Запад, а второй – внутрь себя. Порой этот второй вектор ассоциируется у неё с Востоком. По её мнению, «принадлежащие к восточным культурам люди ... настойчиво представляют себе свои культуры как единое целое, и сражаются за то, чтобы создать нечто, что будет жить в вечности» [Алатлы, 2010, с. 432].

По мнению главного героя романа, охлаждение на Западе по отношению к Солженицыну объясняется его отстаиванием традиционных русских духовных ценностей. «Западная интеллигенция не может выносить мысли о том, что могут существовать права и свободы, не проистекающие из Просвещения... Западный интеллигент не хочет и представить себе, что у политической свободы может существовать духовная основа» [Алатлы, 2010, с. 57]. Комментируя высказывание Солженицына по поводу того, что «конечной целью человеческого существования является не создание свободной рыночной экономики и не поднятие общего уровня жизни», героиня находит это потрясающим открытием: **«Находка, проливающая свет не только на духовную муть России, но и моей страны! Находясь в Турции где-то посреди между законами и совестью, мы прекрасно знаем, что такое быть отягощенным беспокойством»** [Алатлы, 2010, с. 60].

Суммируя все свои знания, размышления и впечатления о России, героиня приходит к известной максиме Ф. Тютчева: «Умом Россию не понять, // аршином общим не измерить. // У ней особенная стать. // В Россию можно только верить».

По словам Алев Алатлы, самое главное, что она попыталась выразить в этом произведении – **это поклон и глубочайшее уважение перед русской интеллигенцией, которую она всегда считала чрезвычайно высокой и самой достойной** [Алатлы, 2010, с. 18].

Как видим, формирование образа России в романе происходит путём обнаружения знакомых кодов своей собственной культуры, то есть путём постоянного соотнесения всего увиденного, услышанного, прочувствованного, прочитанного в этой стране и об этой стране с соответствующими историческими событиями, литературными текстами, культурными памятниками родной Турции, с опытом любви к своей Родине, переживания боли и гордости за неё.

Автор достигает этого, конструируя турецкоязычный художественный текст из цитат, аллюзий и реминисценций ко множеству русскоязычных текстов, последовательно преодолевая

границы не только между разными текстами, но и между текстом и жизнью, между различными культурными дискурсами, что вообще является характерной чертой для постмодернистской литературы.

Список литературы

- Алатлы Алев. Не просвещением, но сердцем / По следам Гоголя / *Aydınlanma Değil, Merhamet! /Gogol'un İzinde* / [Электронный ресурс] /Алев Алатлы EVEREST YAYINLARI İSTANBUL. 2010. 522 с. – Режим доступа: histans.com/LiberUA/978-966-529-217-3/978-966-529-217-3.pdf
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 445 с. – Режим доступа: www.runivers.ru/lib/book6226/
- Ключевский В.О. Курс русской истории. [Электронный ресурс] / В.О. Ключевский СПб. 1904. 1146 с. – Режим доступа: www.runivers.ru/lib/book3102/
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993, № 4. [Электронный ресурс] / Ю.Кристева; пер. с франц. Г.К. Косиков, М.: ИГ Прогресс, 2000. 427-457 с. – Режим доступа: libfl.ru/mimesis/txt/kristeva_bakhtin.pdf
- Мамардашвили М. Психологическая топология пути. [Электронный ресурс]. / М.Мамардашвили М., Русский Христианский гуманитарный институт, Журнал "Нева"СПб. 1997. 473 с. – Режим доступа: yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm
- Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина. [Электронный ресурс] / Е.В. Папилова. Вестник МГГУ им.М.А.Шолохова. Филологические науки 2011. Вып. 3. 31-40 с. – Режим доступа: <https://books.google.com.tr/books>
- Руднев В.П. Словарь культуры XX века. [Электронный ресурс] / В.П.Руднев М.: Аграф, 1997. 384 с. – Режим доступа: www.lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt_with-big-pictures.html

Чович Б.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Branimir
Paneuropean University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

*БЕЛГРАДСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА И РУССКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (НОВИЗНА И
ПОДРАЖАНИЕ ИЛИ ПОДРАЖАТЕЛЬНОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ В СЕРБСКОЙ
ТРАНСЛАТОЛОГИИ*

*THE BELGRADE SCHOOL OF TRANSLATION AND RUSSIAN TRANSLATOLOGY (NOVELTY AND
IMITATION OR IMITATIVE AND NOVELTIES IN SERBIAN TRANSLATOLOGY)*

В первой части данного доклада рассматриваются вопросы влияния русского переводоведения на так называемую «белградскую школу перевода» в течение последних пятидесяти лет. В этом промежутке времени выделяются два этапа: 1. шестидесятые и семидесятые годы прошли, в основном, в подражании достижениям русской транслатологии и частичными попытками небольшой группы сербских русистов проверить достоверность некоторых утверждений данной школы, которые дошли до нас в виде аксиом, и проверить их на собственных анализах переводов русской классической литературы на сербский язык в течение последних ста лет; 2. Восьмидесятые и девяностые годы прошли в попытках преодоления влияния русской школы переводоведения и в мучительных поисках собственных путей. Кроме того, в первой части данной статьи попутно рассматривается проблема статуса и обоснованности теории художественного перевода как самостоятельной *par excellence* филологической дисциплины, равно как и вопросы её статуса, который во многом зависит от возможности наблюдения за процессом творческого в переводе словесно-эстетического объекта, его научного толкования и формализации. При этом подчеркивается важность выбора ближайшего естественного функционально-смыслового эквивалента в переводном языке, с одной стороны, и применения стилистического эксперимента, – с другой. Во второй части доклада дается кракий обзор вопросов, выдвинутых новой белградской школой перевода в течение минувших тридцати лет, а среди них выделяются два на наш взгляд самых ценных достижения. Во-первых, как некоторыми представителями белградской школы перевода определялось место перевода в компаративных исследованиях литературы: от перевода к рецепции и литературным связям – генетическим и типологическим, и, во-вторых, какова роль перевода и критики перевода в изучении стиля литературно-художественного произведения.

This study discusses two basic issues: 1) what is the place of translation in the analysis of style of a literary work what is the place of translation in the comparative study of literature: from translation to reception and contacts – genetic and typological, and 2) what is the place of translation in the analysis of style of a literary work? One of the technical, and at a first glance, less important questions is certainly: how to transform and recreate the original in translation of poetry and poetic prose and remain faithful to the language, culture, poetic and genre tradition of the target language? During the 1970s and 1980s I dedicated myself, together with my Serbian colleagues to the study of the Russian school of translatology. Starting in 1990s I became actively engaged in the analysis of translation of Russian literature into Serbian and vice versa. At the beginning of 1980s, the first books in literary translation were published in Serbia written by experts in Russian language and literature Miodraga Sibinovića (1979) and Mile Stojnić (1980), followed by two more monographs by Branimir Čović (1986) and Radmilo Marojević (1987). These books presented a survey of all contemporary issues in translation studies in the last three decades: the status of translatology, its legitimacy as a separate philological discipline, its distinctive features, and determination of its scope and main topics. They also offered a number of models particular to translation of literature. The whole system of models was based on the two key concepts: stylistic equivalence and creolization of cultural and genre models. The recognition of the contribution of the Belgrade school of translatology followed. Young researchers constantly joined the school and contributed with their

works and, so united, two generations of scholars presented their works at international conferences on translation studies and published their results in international scholarly journals.

Ключевые слова: транслатология, художественный перевод, русская школа перевода, белградская школа перевода, компаратистика, стилистический эквивалент, перевод и культура

Key words: translatology, translation of literature, Russian school of translatology, Belgrade school of translation, comparative study, stylistic experiment, translation and culture.

Данный доклад посвящен влиянию русского переводоведения на сербскую науку о переводе, постепенному преодолению этого влияния путем поисков своего аутентичного пути с новыми идеями и методологическими подходами во второй половине XX века в двух этапах: во-первых, подражания (60-ые и 70-ые годы) и, во-вторых, инновационных поисков (80-ые и 90-ые гг.). Начиная с 1990 года, я несколько раз собирался писать на эту тему, т.е. с того момента, когда мне, тогда уже автору двух монографий по переводу, показалось, что подготовительный путь подражания для новой белградской школы пройден и пришла пора выбрать свой аутентичный путь развития отечественного переводоведения. Но каждый раз я оставлял эту работу в сторону, убедившись, что не проведены все необходимые предварительные анализы на материалах переводов русской классической литературы на сербский язык и еще не хватало сил всеохватывающего рассмотрения отдельных актуальных, но спорных вопросов. А потом, опять и опять, я снова принимался за эту работу, на этот раз после тщательного изучения новейшей сербской продукции по переводоведению и обогащенный собственным опытом. И снова бросал работу, хотя и знал подсознательно, что должен снова взяться за нее. Откладывая ее, я знал, что должен писать об этом. Предварительно, в течение 60-ых и 70-ых годов, вместе с группой белградских русистов тщательно изучал достижения русской транслатологии, начиная с пятидесятых и кончая семидесятыми годами XX века. Конечно, и по сей день я продолжаю следить за новинками русских транслатологов: за монографиями, сборниками научных трудов, учебными пособиями, равно как и за критикой перевода. С целью изодрать критические чувства, я снова возвращался к критике переводов русской литературы XIX-XX веков на сербский язык, иногда и – vice versa – нашей классики на русский язык. В этой подготовительной работе мне помогли спецкурсы по русской стилистике и художественному переводу, которые, будучи ассистентом, я проводил на кафедре русского языка и литературы в Нови-Саде. Таким образом, я постепенно, шаг за шагом, овладевал этой заманчивой, но покрытой вуалью тайной, необозримой территории компаративного изучения двух (и больше) литератур и культур в контакте, которая тогда находилась на начальном этапе формирования.

Как-то – неожиданно-негаданно – в самом начале 80-ых выйдут из печати первые монографии

по художественному переводу из-под пера двух белградских русистов: Миодрага Сибиновича [Сибиновић, 1979] и Милы Стојнич [Стојнић, 1980], вместе с переводами на сербский язык монографий чехословацких теоретиков художественного перевода: Антона Поповича [Попович, 1980] и Иржи Леви [Леви, 1982]. Как раз в это время по необыкновенному стечению обстоятельств Международные встречи переводчиков в Белграде (*Београдски преводилачки сусрети*) начали постепенно, но уверенно идти в ногу с русской и чехословацкой школами по переводу и выдвижением оригинальных вопросов и приобрели вес одной из влиятельных встреч теоретиков перевода в европейских масштабах. Напечатано в течение двадцати лет несколько сборников статей под общим заглавием *Переводная литература* („Преводна књижевност“), а самые успешные доклады печатались в журнале Ассоциации художественных переводчиков Сербии *Мосты* („Мостови“). А уже в середине 80-ых опубликованы еще две монографии по художественному переводу: Бранимира Човича [Човић, 1986] и Радмило Мароевича [Маројевић, 1987], и снова неслучайно – русистов из плеяды теоретиков будущей *белградской школы переводоведения*. Нужно подчеркнуть, что все четыре монографии предназначены были для того, чтобы послужить вузовскими пособиями, адресованными, прежде всего, русистам и, шире, славистам, так как в одном из фокусов содержалась проблематика межславянского перевода, со всеми проистекающими отсюда последствиями; им также могли пользоваться и все студенты иностранных языков и литератур вообще, исходя из широты охвата в общие вопросы художественного перевода, а иногда отчасти даже ученики старших классов филологических гимназий. Последовали новые издания монографий М. Сибиновича [Сибиновић, 1990] и Б. Човича [Човић, 1995]. При этом выбор материала в этих новых, исправленных и дополненных, монографиях был селекционированным и выборочным. Несмотря на то, в них содержалось самые актуальные вопросы, которыми теория перевода занималась в течение двух последних десятилетий XX века, а в первую очередь вопросы статуса и обоснованности теории художественного перевода как самостоятельной *par excellence* филологической дисциплины. Вместе с указанием на основные понятия, относящиеся к данной дисциплине, в них подчеркивалось ее особое место в общей науке о переводе и среди других видов перевода, указывалось на основные ее признаки, ее назначение и основные цели. Плюс ко всему подчеркивалось особое значение одного из основных понятий – *ближайшего естественного функционально-смыслового эквивалента*, и универсального методологического подхода – *стилистического эксперимента*. После общего обзора теоретической мысли о переводе вообще, о художественном переводе, в частности, выдвигался ряд моделей анализа, применимых в художественном переводе, о котором сказано, что является крайне открытым, в котором модели анализа – комплементарны, и при помощи которых проводится идентификация, контролируются

элементы со-творчества в процессе трансформации вербально-эстетической структуры исходного текста, характеризующегося двумя информациями: *фактуальной* и *концептуально-эстетической*. [Гончаренко, 1988] Все существующие модели в теории художественного перевода основывались на двух основных понятиях: *стилистическая эквивалентность* и *креолизация двух культур*, равно как и *креолизация жанровых моделей двух литератур: переводящей и переводной*. Универсальным методом анализа по праву выдвигался «стилистический эксперимент», который провозгласил Владимир Маяковский в своей, на первый взгляд, непретенциозной статье *Как делать стихи* (1926), а теоретически его разработал А.М. Пешковский [Пешковский, 1930]. Этот эксперимент успешно применяется как в имманентном анализе исходного текста, так и переводного текста, и заключается в искусственном придумывании иммагинарных, но возможных стилистических синонимов. Цель эксперимента, с одной стороны, оценить удачность выбора автором именно того из ряда возможных синонимов, приблизительно одного и того же значения, в приблизительно одинаковых контекстах, а с другой, чтобы провести анализ такого же синонимического ряда и в языке-цели, что без сомнения создаст возможность для удачного выбора самого подходящего варианта из ряда возможных естественных функционально-смысловых эквивалентов. Для двойной вербально-эстетической природы литературно-художественного текста просто-напросто напрашивалось применение соответствующего стилистического подхода, так как любая стилистическая проблема балансирует на веревке, протянутой между лингвистическими и литературоведческими дисциплинами, так что подход к такому двуликому объекту должен быть по крайней мере двойным: *лингво-стилистический* и *литературно-стилистический*, так как очевиден анахронизм: с одной стороны, лингвист – глухой для восприятия поэтической функции, а с другой, – литературовед – неосведомленный в основных лингвистических методах анализа текста [Jakobson 1959].

Появились и первые положительные отзывы в русской критике перевода о новой белградской школе художественного перевода. Как раз в это же время вышло на сцену новое поколение молодых сербских транслатологов, объединенных вокруг новых проектов по компаративистике и художественному переводу Министерства науки и технологического развития Республики Сербии. Объединенные вокруг многообещающего междисциплинарного проекта под зглавием *Национальная (сербская) и иностранная литература и культура в контакте: от перевода к рецепции и литературным связям – контактным и генетическим*. Представители двух поколений начинают свои многолетние исследования и выступают на международных научных конференциях в Сербии и за рубежом по компаративному изучению двух литератур и культур в контакте. Выступая перед компетентной аудиторией, они проверяли достоверность и актуальность своих научных трудов, и лишь после того как последовали положительные отзывы,

они начали их публиковать в отечественных и международных сборниках, в тематических и персональных монографиях. Ограниченный строгим регламентом, приведу лишь некоторые из тем этого периода: 1. Место перевода и аналитической критики перевода в изучении стиля литературно-художественного произведения; 2. Художественный перевод и креолизация культур; 3. Перевод художественного текста и ожидание переводного жанра; 4. Перевод «конструктивной доминанты» как элемента интеграции текста литературно-художественного произведения; 5. Возможности творческого преобразования метафор при переводе; 6. Творческие возможности при переводе заглавий литературно-художественных произведений; 7. Пунктуация как элемент идиостиля и вопросы адекватности при переводе; 8. Переводная компиляция; 9. Место перевода в изучении стиля исторической прозы и целый ряд других.

В качестве иллюстрации привожу в сокращениях результаты двух тем:

1. Национальная и иностранная литература и культура в контакте: от перевода к рецепции и литературным связям – контактными и генетическим
 2. Место перевода в изучении стиля исторической прозы
1. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В
КОНТАКТЕ: ОТ РЕЦЕПЦИИ К ЛИТЕРАТУРНЫМ СВЯЗЯМ –КОНТАКТНЫМ И
ГЕНЕТИЧЕСКИМ

Современная компаратистика включает в приоритные свои задачи: перевод литературно-художественного произведения, посредствующего в обмене литературными ценностями между различными национальными литературами; трансформации оригинала в процессе перевода и проблемы оценки переводного текста; индивидуальную проекцию переводчика, интерпретирующего в собственном духе интенции оригинала; вопросы места переводной художественной литературы в рамках национальной литературной продукции; сравнительное изучение стиля оригинала и перевода при помощи принципов и приемов сравнительной стилистики и стилистической критики; вопросы креолизации элементов стиля оригинала и перевода; вопросы имагологии и нарратологии; проблемы литературного посредничества; вопросы рецепции одной литературы в другую и проблемы литературных связей – генетических и типологических.

Данная обзорная статья представляет собой эскизный перечень нескольких тематически единых блоков с взаимосвязанными областями исследований, и имеет интердисциплинарный уклон. Исходным общим пунктом для них является комплексное изучение сербского языка, литературы и культуры в контакте с каким-либо другим национальным языком, литературой и культурой, в том числе и русской. В подзаголовке содержится все то, что охвачено так широко

задуманными исследованиями, намечены основные принципы, направления и порядок потенциальных фазисов, комплексных методологических подходов, равно как и целая палитра самых разнообразных аналитических процедур. Исходя из того, что современная компаратистика немислима без перевода, мы в общие задачи первостепенной важности включили на первое место вопросы перевода литературно-художественного произведения как самого конкретного посредника между различными национальными литературами, что одновременно является основной формой так называемых *контактных связей*. Таким образом, открываются и две очередные области сопоставительных исследований: во-первых, вопросы места литературно-художественного перевода в межнациональной литературной коммуникации, и, во-вторых, проблемы трансформации текста оригинала, характер которых зависит от отношения переводчика к оригиналу, которое, в свою очередь, обусловлено как объективными, так и субъективными факторами (в первую очередь, различиями между двумя языковыми системами, моделями культур и жанровыми особенностями, равно и профилем самого переводчика и его личными вкусами).

Такой комплекс взаимосвязанных вопросов требует соответствующего комплексного подхода с применением самых разнообразных методологических подходов и таких же комбинированных аналитических процедур: имманентных и сравнительно-стилистических с одной единственной целью – оценки переводного текста. Это имеет особое значение, потому что любой перевод содержит в себе индивидуальную проекцию переводчика, в переводе которого в завуалированном виде содержится индивидуальная интерпретация интенций автора оригинала, так что можно без преувеличений сказать, что любой новый перевод в сущности это одна из возможных интерпретаций исходного текста. А это можно реализовать в ряде новых филологических дисциплин, предметом которых является литературно-художественное произведение как целостное единство, как единая словесно-эстетическая структура: в стилистике, имманентной и сравнительной, как лингвистической, так и литературоведческой, в лингвистике и стилистике текста, в прагматике, с одной общей целью, чтобы в переводном тексте выявить следы скрещивания элементов стиля оригинала и стиля переводчика, жанрового синкретизма двух различных литератур, равно как и креолизации двух или нескольких культурных моделей.

Особо подчеркивается значение очередного этапа исследования, который относится к месту и роли переводной литературы в национальной литературной продукции. Это подчеркивает большинство исследователей, принадлежащих, в частности, к *белградской школе перевода*, так как такой подход обеспечивает переход в следующую область компаратистики, которая настолько широко охватывает, так что прямо ведет к нарратологии и литературному посредничеству. А отсюда – к еще более сложным задачам: к вопросам рецепции одной литературы в другую, и к сложнейшим вопросам литературных связей – *контактных* и *типологических*.

Хотя компаратистика последней четверти XX века включила в состав задач первостепенной важности новые научные дисциплины и значительно расширила свою территорию, но такого комплексно задуманного систематического исследования как теоретического, так и прикладного характера, пока еще не было ни у нас, ни за рубежом.

Основной целью данного исследования является попытка пополнить и дополнить теоретические пробелы в компаратистике, чтобы улучшились критерии и выкристаллизовались, а аппарат стал более когерентным, а тем самым чтобы вся система компаратистики стала более компактной, так как после этого в ней яснее будут намечены более или менее четкие очертания границ: что она на самом деле охватывает и на каких началах основывается.

Результаты этих новых исследований и дискуссий опубликованы были в отдельных сборниках, представляющих собой обзор самых различных тем, связанных как минимум с двумя национальными литературами и культурами в контакте. Однако, нередко такие парные исследования все чаще включаются в более широкие европейские и мировые рамки. Все это делается с одной единственной целью – создать общие теоретические основы в компаратистике, у которой все еще нет прочно выработанной системы, из которой видно было бы, что она охватывает и на чем основывается.

Современная компаратистика, начиная приблизительно с 1950-ых годов, находится в полном размахе: основываются новые институты и кафедры по компаратистике, намечены новые пути исследования, основываются новые интернациональные группы исследователей, объединенные вокруг новых совместных проектов, опубликовано большое количество тематически единых сборников и авторских монографий. Кроме того, ежегодно организуются региональные и международные научные конференции, посвященные актуальным вопросам компаратистики, на которых ученые обмениваются опытом. Результаты этих новых исследований и дискуссий публикуются в отдельных сборниках, представляющих собой обзор самых различных тем, связанных как минимум с двумя национальными литературами в контакте. Однако нередко такие парные исследования все чаще включаются в более широкие европейские и мировые рамки. Все это делается с одной единственной целью – создание выработанной системы, из которой видно было бы, что она охватывает и на чем основывается. Споры продолжались и у нас в Сербии в течение 80-ых и 90-ых годов, и все еще продолжают, о чем свидетельствует появление в Сербии нескольких проектов по компаратистике, в том числе и тридцатилетняя продолжительность научного проекта под заглавием *Национальная (сербская) и иностранная литература и культура в контакте*, одного из до сих пор действующих проектов новисадского филологического факультета, руководителями которых были в восьмидесятые и девяностые годы Б. Чович, а за последних пятнадцать лет – Лариса Чович. За этот период было опубликовано два десятка

монографий, несколько тематически единых сборников, несколько сотен научных работ. Сотрудники этого проекта с большим успехом принимали участие во многих международных научных конференциях. В новейших планах этого проекта заново актуализируются старые, все еще не исчерпанные до конца спорные вопросы и делается попытка указать на новые области исследования в этой междисциплинарной области литературоведения и переводоведения.

Таким образом, наше отечественное литературоведение в течение второй половины XX века внимательно следило за новинками в этой новой области сравнительных исследований отдельных национальных литератур и культур, пытаясь в восьмидесятые и девяностые годы внести свой вклад в создание мировой литературы как единственной и целостной системы. Хотя еще в первой половине XX века делались первые попытки систематического изучения литературных связей между отдельными национальными литературами, однако только начиная с середины прошлого столетия, наша компаратистика, вместе с окружающими ее странами, внесла значительный вклад, в первую очередь, в виде литературных связей двух национальных литератур: английско-, французско-, немецко-, русско-сербских, и опубликовано несколько учебников и пособий, без которых невозможен подход к компаративистской проблематике. Эти наши исследования являются попыткой заново актуализировать некоторые старые идеи и открыть новые, чтобы рамки компаратистики раздвинуть и дополнить.

Нет сомнения, что результаты наших исследований не только были, но и будут практически применимы и в других областях как всесторонне обдуманый фундамент, способствующий развитию старых и появлению новых научных дисциплин. Результаты такого комплексного подхода могут быть применимы и в будущих планах по компаратистике в вузах, институтах и филологических факультетах на спецкурсах по междисциплинарному изучению иностранных языков и литератур. Результаты наших исследований также предназначены для широкого круга читателей: в первую очередь, для филологов-специалистов. Все они в начале третьего тысячелетия не смогут обойтись в своей учебе без новейших научных результатов в области литературно-сравнительных и даже, шире, интермедиальных. Так как интермедиальность, включая актуальнейшую ныне тему «текст и интертекст» является преобладающим течением в целом цикле новых филологических дисциплин, предметом которых является любой эстетический объект: словесно-эстетический, пиктуральный или кинематографический.

Исходя из того, что современная компаратистика любого направления и теоретической ориентации в приоритетные задачи на первое место ставит (1) *текст перевода литературно-художественного произведения как конкретного и самого значительного посредника литературных ценностей между различными национальными литературами и культурами*, и мы его ставим на первое место в ряде основных контактных связей. Таким образом, открываются еще

две следующие области исследования: (2) *вопросы места, роли и значения художественного перевода в межнациональной литературной коммуникации, включая и механизмы этой коммуникации* и (3) *вопросы аксиологии переводного текста, созданного в результате сложного (4) процесса воссоздания с рядом отступлений, характер которых зависит от отношения переводчика к оригиналу, который, в свою очередь, обусловлен как субъективными, так и объективными факторами (напр. различия в языковых и культурных моделях переводящего и переводного языков, различными жанровыми традициями; профилем переводчика и его личными вкусами и т.д.). Для реализации всего этого необходимо (5) применение многочисленных и разнообразных аналитических методов: имманентного (внутреннего) как исходного, так и языка-цели, каждого в отдельности, и в сопоставлении, чтобы по-настоящему и объективно оценить эстетическое качество перевода. А это важно потому, что (6) каждый переводчик интерпретатор художественного произведения, так что и идея данного текста насыщена (7) индивидуальной проекцией интерпретирующего переводчика, а любой удачный перевод лишь одна из возможных интерпретаций. Переводчик переводит не «текст», а лишь одно из его значений, потому что интенции писателя и читателя (переводчика) никогда полностью не тождественны, так как «прочтение» художественного текста (и его перевод), на самом деле, реконструкция в собственном духе переводчика-толмача. И такой перевод можно охарактеризовать как репродукционно-модификационный. Хотя эта интерпретация не эксплицитно выражена, а лишь виртуально содержится в тексте перевода, она является обязательной для всех потенциальных исследователей данного произведения, чтобы определить его (8) место в переводной литературе данного периода, а также (9) в отечественной литературной продукции.*

Прогресс научной мысли о литературно-художественном произведении – это путь постепенного приближения к его функционированию, так как любое литературоведение должно основываться на отдельном анализе литературного произведения, включая и его перевод. Поэтому следующий этап в изучении литературного произведения – (10) *изучение идиостиля в рамках стилистической критики*, пользуясь двумя подходами: во-первых, имманентного анализа оригинала и его перевода, каждого в отдельности, и, во-вторых, компаративно-стилистического. Это постепенное приближение к литературному тексту может быть реализовано применением целого ряда дистинкций, чаще всего представленных в виде бинарных противопоставлений, с ближайшей целью определения настоящего предмета исследования в рамках тех новых дисциплин, предметом которых является литературное произведение как целостное единство. В первую очередь, это лингвистика и стилистика текста, с одной единственной целью – идентификация и скрупулезный анализ случаев (11) *скрещивания стиля оригинала и стиля перевода*, равно как и (12) *креолизация жанровых традиций двух литератур в контакте*.

Одно из направлений в литературоведческой стилистике прямо ведет к компаратистике, область которой очень широка и распространяется и на (13) *вопросы сравнительной методологии*, (14) *имагологии* (то есть общее представление об одном народе в иностранной литературе), (15) *сравнительной нарратологии* и, наконец, (16) *к проблемам литературных посредников*, в которых выдвижение теоретических предпосылок открыто.

Оттуда идет прямой путь к более сложным задачам: (16) *вопросы рецепции* одного или больше литературных произведений в рамках одного и того же жанра другую литературу и, в конце концов, (18) *вопросы литературных связей: контактных (или «генетических») и дисконтактных (или «типологических»)*. В изучении генетических соответствий или типологических сходств (например, в русской и сербской), помимо очевидных межлитературных контактных связей, которые начинаются переводами, нужно иметь в виду и те релевантные внелитературные явления, культурологические и политические, в первую очередь, которые могли обусловить похожий путь развития двух литератур, которые являются предметом рассмотрения, в результате которых появились бы типологические соответствия в плане композиционном, тематическом, языково-стилистическом и т.д.

В трех долгосрочных проектах Министерства науки и технологии Республики Сербии 1. „Сербская и иностранная литература и культура в контакте: от перевода к рецепции и литературным связям – контактным и типологическим“ (2000-2004) / научный руководитель проф. Бранимир Чович/ ; 2. „Сербская и иностранная литература в контакте и дисконтакте“(2006-2010); 3. „Перевод в системе компаративных изучений национальной и иностранной литературы и культуры“(2011-2015) (научный руководитель проф. Лариса Чович), принимали участие опытные и молодые исследователи четырех университетов: Косовской Митровицы, Белграда, Нови-Сада и Крагуеваца. Основная цель данного ряда проектов – снова актуализовать некоторые старые нереализованные в прошлом идеи и открыть новые вопросы в компаратистике, расширить ее рамки и пополнить пробелы. Результаты этих долгосрочных проектов в течение пятнадцати лет освещались на целом ряде международных научных конференций и печатались в тематических сборниках, в монографиях.

1. МЕСТО ПЕРЕВОДА В ИЗУЧЕНИИ СТИЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

(на материале переводов романа "Петр Первый" А.Н. Толстого на серскохорватский язык)

Предметом данной работы являются вопросы о месте перевода исторической прозы и его критической оценки в изучении стиля исторической прозы. В ней рассматриваются вопросы

поэтики нескольких переводов романа «Петр Первый» Алексея Н. Толстого на близкородственный сербскохорватский язык, которые непосредственно связаны с глобальной темой: о функции исторических реалий, как одного из основных средств языковой исторической стилизации в исторической прозе, в двух текстах (в переводящем русском и переводном сербскохорватском), не только в каждом из них в отдельности, но и в сопоставлении друг с другом, хотя и каждый из них включен в два разных литературных ряда – исходный текст в русскую литературу, а переводной – в сербскую переводную. [Чович, 1991] Применение сравнительно-стилистического метода в анализе средств исторической стилизации в переводящем русском и в переводном сербскохорватском языках обеспечивает возможность двустороннего подхода: с одной стороны, как средства языково-стилистической исторической стилизации реалий прошлой эпохи, функционирующие на разных уровнях текста, – в структуре текста в целом и его составных частей. Как правило, предметом анализа в переводном языке будут те примеры исторической стилизации, которые предварительно были уже анализированы с точки зрения носителя исходного языка. Таким образом, стилистические исследования средств исторической стилизации в оригинале, которые будут реализованы так, как это сделал бы носитель языка, дополнены сравнительно-стилистическим анализом носителя переводного языка, с многими вытекающими из этого импликациями, а именно – выявление своеобразных функций исторических реалий в переводном языке, которые не в состоянии выявить исследователь – носитель исходного языка. Другими словами, если автор «Петра Первого» был обязан русскому читателю растолковать значения реалий той прошлой эпохи, которая является предметом конкретного эпического события, он это делал в самом тексте, пользуясь диахроническими синонимическими парами, приемом заимствованным из «Словаря вокабулам новым по алфавиту» (1503), тогда как переводчик должен был эти синонимические пары приблизить к иному языковому сознанию и иной культуре. Такую работу сербского переводчика можно охарактеризовать как своеобразный «перевод перевода», если иметь в виду, что и сам прием толкования, заимствованный из словаря прошлой эпохи и введенный в текст романа, является переводом. В результате такого соприкосновения элементов двух текстов рождается неповторимый феномен своеобразного смешения двух моделей культур – «культура культуры» подлинника с культурой языка-цели.

Список литературы:

- Сибиновић М.* Оригинал и превод (Увод у историју и теорију превођења) / М. Сибиновић. Београд: Привредна штампа, 1979.
- Стојнић М.* О превођењу књижевног текста / М. Стојнић. Сарајево: Свјетлост, 1980.

- Човић Б.* Уметност превођења или занат / Б. Човић. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1986.
- Маројевић Р.* Лингвистика и поетика превођења (Међусловенски превод) / Р. Маројевић. Београд: Научна књига, 1987.
- Сибиновић М.* Нови оригинал / М. Сибиновић. Београд: Научна књига, 1990.
- Човић Б.* Поетика књижевног превођења / Б. Човић. Београд: Научна књига, 1994. 277 с.
- Пешковски А.М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский // Вопросы методики родного языка, лингвистики, стилистики. М.: Госиздат, 1930.
- Алпатов А.В.* Алексей Толстой-мастер исторического романа / А.В. Алпатов. М.: Советский писатель, 1958.
- Бахтин М.* Разноречье в романе: Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. М., 1975.
- Гончаренко С.Ф.* Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод. Поэтика перевода: сб. статей / С.Ф. Гончаренко. М.: Радуга, 1988. С.100-109.
- Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры: Труды по знаковым системам / Ю.М. Лотман. Тарту, 4, 1969. С. 460-477.
- Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М Топер. М.: РАН, Изд. второе, 2001.
- Jakobson R.* On Linguistic Aspekts of Translation. (In:) R.A. Bower ad., On Translation / R. Jakobson. Cambridge, Mass., 1959. Pp. 232-239.
- Човић Б.* Стил и историјске прозе А.Н Толстоја / Б. Човић. Нови Сад: ИСЈК. 1991

Чович Л.И.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Larisa
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

*РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК РЕМАРОК ДРАМЫ А.П. ЧЕХОВА «ДЯДЯ
ВАНЯ»)*

*THE ROLE OF SOCIAL AND CULTURAL INFORMATION CONTENT OF NON-VERBAL
COMMUNICATION IN THE CLASSROOM TRANSLATION (BASED ON THE SERBIAN
TRANSLATION OF ANTON CHEKHOV'S DRAMA REMARKS "UNCLE VANYA")*

Целью настоящей работы являлся не анализ достоинств и недостатков перевода на сербский язык драмы А.П.Чехова «Дядя Ваня», а желание помочь сербским студентам, изучающим русский язык, в понимании социокультурной информативности средств невербальной коммуникации в ремарках пьесы «Дядя Ваня», которая, по нашему мнению, способствует углублению знаний студентов о русской культуре.

The purpose of the real work was not the analysis of merits and demerits of the translation into the Serbian language of the drama of A.P. Chekhov "Uncle Vanya", but desire to help the Serbian students learning Russian with understanding of sociocultural informational content of means of nonverbal communication in notes of the play "Uncle Vanya" which, in our opinion, promotes increasing knowledge of students of the Russian culture.

Ключевые слова: картина мира в русской и сербской традициях, эквивалентные, неполноэквивалентные и безэквивалентные ремарки; средства невербальной коммуникации.

Key words: a world picture in the Russian and Serbian traditions, equivalent, not full-equivalent and bezekvivalentny notes; means of nonverbal communication.

Культурологический принцип обучения иностранному языку (в данном случае русскому) в последние десятилетия является одним из самых актуальных [Воробьев 1997; Маслова, 2001]. Не случайно ведущие сербские методисты по русскому языку [Кончаревич, 2000; Радич-Дугонич, 2000 и др.] в своих работах, монографиях и учебниках особое внимание уделяют функциональному методу лингвокультурологии, который позволяет выделить лингвокультуры

разных классов, входящих в состав определенного лингвокультурологического поля, в русском и сербском языках, что позволяет студентам, изучающим русский язык, более глубоко проникнуть в «тайны» русской культуры, русской литературы, русского менталитета.

Среди традиционных видов обучения переводу с родного языка на иностранный, таких как историко-генетический, грамматический, системно-целостный особое место занимает культурологический анализ текста, позволяющий структурировать определенный фрагмент картины мира, в данном случае, в русской и сербской традициях. При культурологическом анализе переводимого текста на занятиях по переводу особое внимание следует обратить на социокультурную информативность средств невербальной коммуникации, которая может быть различной даже в близкородственных языках. Культурологическая сторона межличностных контактов играет важную роль в успешной коммуникации, поэтому в процессе преподавания языка нельзя игнорировать мимику и символику жестов. Обучение переводу ведется также с учетом личности, изучающей иностранный язык.

Общий смысл межкультурного обучения заключается в корреляции различных типов знаний – языковых и культурологических – с этапами развития личности, обучающейся русскому языку. Ориентация на межличностные контакты требует переключения общения в иную плоскость, а именно, – познание индивидуума, относящегося к иному национально-культурному типу.

При культурологическом анализе переводимого текста преподаватель, обращая внимание на выявление сходств и различий в структуре и функционировании маркированной лексики, фразеологии, паремиологии, средствах речевого этикета, входящих в состав того или иного культурологического поля, должен показать студентам культурно-традиционную дифференциацию средств невербальной коммуникации. Знание значений средств невербальной коммуникации помогает избавить изучающих русский язык от неправильных представлений о жестах и мимики людей в стране изучаемого языка, обусловленной действием национальных стереотипов, и развивает способность лучшего взаимопонимания между носителями двух культур, так как каждая система языка, включая и невербальную, представляет особый культурный код. Все это, вместе взятое, способствует повышению мотивации при изучении русского языка путем ознакомления с актуальными языковыми и неязыковыми проблемами и темами, связанными с культурой страны изучаемого языка.

Коммуникация способствует выявлению различий в понимании, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов, к которым относится «язык тела». Самые простые примеры в этом плане – это различия в структуре знакового пространства с точки зрения отправителя и получателя информации. Структура представлений об одном и том же явлении может разительно не

совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта одни и те же факты могут восприниматься и оцениваться по-разному.

В этом плане не плохо было бы сопоставить прагматические особенности и культурно-традиционную дифференциацию средств невербальной коммуникации в пьесе А.П.Чехова «Дядя Ваня» [Чехов, 1921] представителями разных культур, в данном случае русских и сербов, а также разную оценку одних и тех же реалий¹ с учётом различий в фоновых знаниях на материале перевода ремарок этой драмы на сербский язык² [Чехов, 1921].

В драматическом тексте коммуникация персонажей происходит почти непрерывно и протекает в реальном времени. Ситуация общения здесь имеет первостепенную роль. Это психологические, социальные и другие факторы (возраст, статус, пол, взаимоотношения собеседников), а также время и место протекания общения. При устном общении ситуация состоит из интонации, жестов, содержания предшествующих фраз. Однако писатель-драматург ограничен в средствах повествовательного изображения; авторская речь сводится к авторским ремаркам, которые могут содержать краткое описание места и времени действия, объяснить ситуацию, охарактеризовать действующих лиц, чтобы помочь читателю включиться в действие и участвовать в судьбе персонажей [Бердников, Уманская, 2001, с.32].

В драме А.П. Чехова «Дядя Ваня» ремарки, выраженные средствами невербальной коммуникации, как правило, репрезентируют лексику, номинирующую эмоции персонажей, и чаще всего состоят из одного слова: «испуганно» – с. 22, «растроганный» – с. 23, «смеясь» – с. 37.

¹ Интересен перевод некоторых реалий русского застолья на сербский язык. В переводе Тарановского слово "водка" везде передается как "ракия", и это, без сомнения, сербизация текста, продиктованная тем, что в начале 20 века водка еще не получила широкого распространения среди сербов.

Что касается слова "сыр", переводчик переводит его как "сир" /брынза/. Точный переводческий эквивалент продукта, которым Соня кормит ночью доктора Астрова, это "качкаваль". Бесспорно, в сербской кухне брынза употребляется чаще, чем сыр, но, по нашему мнению, это случай той же сербизация и его можно было избежать.

В первом действии пьесы Войницкий жалуется на новый ритм жизни, установленный в имении, и говорит: "За завтраком и обедом ем разные кабули, пью вина..." В переводе слово "кабули" пропущено. Для современного читателя, однако, его нужно объяснить, хотя бы в сноске. В двуязычных русско-сербских словарях это слово отсутствует. В "Словаре русского языка в 4-х томах" /М., изд. "Русский язык", 1984/ слово толкуется следующим образом: "острый соус из сои и различных специй, употребляемый как приправа к кушаньям" /по названию г. Кабул в Афганистане/. Очевидно, Чехов использует данное слово, чтобы проиллюстрировать предвзятость, необычайность меню, навязываемого семьей Серебряковых, и то, что этому слову не дано объяснение, приводит к неясности текста для сербов.

² У сербских переводов драм Чехова столетняя история. Еще в конце 80-ых годов XIX в. были переведены на сербский язык его пьесы. При жизни Чехова, т. е. до 1904 года, в сербской периодике можно было насчитать до 400 названий его произведений. Чаще всего переводились его юмористические и сатирические рассказы, а также рассказы для детей и о детях. Первое упоминание о Чехове-драматурге появилось у сербов в 1894 году, а первые переводы его одноактных пьес только в последнем году XIX века. При жизни писателя на сербской сцене поставлены *Медведь* в Нови-Саде в 1901 г. и в Мостаре в 1903 г. , и *Предложение* в Мостаре в 1904 г. Премьера *Лебединой песни* в белградском Народном театре в 1904 г. состоялась уже после смерти писателя. В 1913 г. в белградском Народном театре состоялась премьера *Дяди Вани*, в постановке Л.И. Андреева. Первые издания на сербском языке пьесы «Дядя Ваня» - появились в переводе Зорки Велимирович.

и т.д. Однако имеются случаи, где они могут быть представлены и в более сложных конструкциях: *Марина* («*подходит к Серебрякову, нежно с. 23*): - *Что, бабушка? Больно?...*». Кроме того, в данной ремарке наблюдается совмещение кинесики («*подходит к Серебрякову*») и эмоционального компонента (наречие «*нежно*»).

Или, например, в следующей ремарке *Соня* – («*Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом*»): Мы отдохнем! Мы отдохнем! /.../ Я верую, верую... («*Вытирает ему платком слезы*»). Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь. («*Сквозь слезы*»). Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем. («*Обнимает его*»). Мы отдохнем! » – с. 69.

Приведем еще один интересный пример совмещения кинесики и эмоционального компонента, так как у нас в корпусе их наибольшее количество, что вполне естественно, – ведь основная функция средств невербальной коммуникации, как мы уже отмечали, - выражение эмоций. Так, в следующем диалоге с помощью ремарок можно легко проследить быструю смену эмоций у главных действующих лиц – отношение героини к предмету разговора – сначала неоправданно радостное («*Смеется от счастья*» – с. 32), затем – напряженное, переходящее в отчаяние. Она (*Соня*) хочет, но не может повлиять на ход событий. Ощущение собственного бессилия мучительно для героини, и она, стремясь сделать хоть что-нибудь, реализует жестовое движение, испытывая сильную отрицательную эмоцию – страх и тоску и т.д. («*Ломая руки*» – с. 32). «*Соня (одна): Он ничего не сказал мне... Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такой счастливою? («Смеется от счастья»)... А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял... («Ломая руки) О, как это ужасно, что я некрасива...»* – с. 32.

Таким образом, из приведенных выше примеров видно, что ремарки могут пересекаться и образовывать смешанные группы:

- *эмоционально-кинестические*, то есть, когда речь идет о персонифицирующей кинесике (когда характер персонажа передается с помощью жестов и мимики, которые ему присущи) и
- *эмоциональные персонификаторы*.

Нас, как мы уже отмечали выше, интересуют ремарки, выраженные средствами невербальной коммуникативной деятельности человека: определенные свойства общей моторики, преимущественно движения тела, головы, лица, рук и кистей рук, то есть и жесты, и мимика, и позы, и взгляд, и расстояние между собеседниками, и прикосновение, и интонация и т.п.

В данной работе представлена попытка сопоставительного анализа эквивалентных, неполноэквивалентных и безэквивалентных ремарок средствами невербальной коммуникации на материале, как мы уже отмечали выше, перевода пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» Кириллом Тарановским на сербский язык.

У россиян и сербов очень много общих средств невербальной коммуникации, но есть и целый ряд типично русских и типично сербских средств невербалики. Россияне и сербы жестикулируют больше, чем народы Дальнего востока, но меньше чем, например, итальянцы и испанцы.

Например, русский жест «щелкать пальцем по шее» в значении «приглашение выпить» или «пьяный» не имеет эквивалента у сербов, и мало кто его понимает. Или у сербов жест – пожимание плечами может означать не только «я не знаю», «я не уверен», но и «что я могу – невольное согласие», что зависит от контекста. Поэтому жесты часто нуждаются в «переводе».

По форме и значению русские и сербские средства невербальной коммуникации можно разделить на следующие группы:

1. *Эквивалентные средства невербальной коммуникации.* По мнению некоторых ученых, многие жесты носят интернациональный характер. Некоторые считают, что многие жесты являются биологически обусловленными и имеются даже у животных.

Благодаря интернациональному характеру в русском и сербском языках, есть эквивалентные жесты. Это и аплодисменты – знак «одобрения», свист и топот – знак «неодобрения», большой палец, поднимающийся в знак «высокой оценки» или при голосовании на дорогах и ряд других, таких как, например, жест «целовать себе, собранные вместе, кончики пальцев», который у русских и сербов означает «восторг».

Что же касается ремарок, выраженных средствами невербальной коммуникации, то следует отметить, что эмоциональные ремарки и ремарки-персонификаторы в большинстве случаев являются **эквивалентными**.

(Ср. эмоциональные ремарки (Войницкий («мечтательно» – с. 7) – Војници («као да сања» – с. 11); Войницкий («Нервно» – с. 8) - Војници («Нервозно» – с. 11); Телегин («плачущим голосом» – с. 9) - Телегин («плачним гласом» – с. 12); Войницкий («с досадой» – с.9) -Војници («јетко» – с. 12); Соня («нежно» – с. 11) - Соња («нежно» – с. 11); Войницкий («смеясь» – с. 15) Војници («смејући се» – с. 18) Елена Андреевна («с тоской» - с. 37) - Јелена Андрејевна («Са чежњом» – с. 39); Елена Андреевна («с гневом» – с. 38)- Јелена Андрејевна («љутито» – с. 40); Соня («в сильном волнении» – с.40) – Соња («веома узбуђена» – с. 42)) и

ремарки-персонификаторы (Соня («становится перед няней на колени и прижимается к ней» – с. 54) – Соња («клекне пред дадиљом и припије се уз њу» - с.56); Марина («глядит ее (Соню) по голове» – с. 55) – Марина («милује је (Соњу) по глави» – с. 57); Марина («низко кланяясь» – с. 68) – Марина («Клања му се **дубоко**» – с. 70); Марина («Целует Серебрякова в плечо» – с. 22 – Марина («Љуби Серебрјакова у раме» – с. 25),

интродуктивные (Войницкий («выходит из дома...») – Војници («излази из куће...“),

и даже *кинетические* (*Соня («пожимая плечами» – с. 37) – Соња («слеже раменима» – с. 39); Войницкий («не пускает ее» – с. 38) – Војници («не пушта је» – с. 40); Войницкий («Целует руку» (Елене Андреевне) – с. 38) – Војници («Љуби јој руку» (Јелени Андрејевној) – с. 40); Соня («Кладет ей (Елене Андреевне) голову на грудь» – с. 39) Соња («Спушта јој (Јелени Андрејевној) главу на груди» – с. 41); («Соня утвердительно кивает головой» – с. 40) – («Соња потврдно клима главом» – с. 42); Астров («пожимает ей руку» – с. 41) – Астров («стеже јој руку» – с. 44).*

2. *Неполноэквивалентные средства невербальной коммуникации.* Это чаще всего **кинетические** средства невербальной коммуникации, реже **ремарки-персонификаторы**. Среди кинетических можно выделить две группы: (1) жесты, которые сходятся по форме и расходятся по значению (например, пожатие плечами: Пожатие плечами у большинства народов означает «не знаю». Но у сербов – еще и знак «нерешительности», «невольного согласия») и (2) те, которые сходятся в значении (напр., приветствие), но расходятся по форме (у русских и сербов это поднесение руки к виску (шляпе). Однако у сербов поднесение руки к виску, повернутой по направлению к говорящему, означает и «успешное завершение работы».

Или, к примеру, жест «*закрыть лицо руками*» используется преимущественно женщинами в речевой коммуникации, когда жестикулирующий плачет, испытывает горе, смущение, стыд. Данный жест предназначен для того, чтобы скрыть именно проявление эмоции, а не саму эмоцию: скрывают обычно слезы (как проявление горя) или покраснение щек (как проявление стыда), а не сами эмоции горя или стыда. Это обусловлено факторами воспитания: этикет предписывает сдерживать проявление некоторых эмоций в присутствии других людей.

На анализируемом материале зафиксированы следующие номинации данного жеста в ремарках при описании не только у женщин, но и у мужчин, например: *Войницкий («закрывает лицо руками» – с. 59) Стыдно! – Војници («покрива лице рукама» – с. 59). Астров («Закрывает глаза рукой и вздрагивает» – с. 32) – Астров («покрива руком очи и стреса се» – с. 34).*

Вместе с тем, в ремарке: *Соня («смеется, закрыв лицо» – с. 36) – Соња («смеје се покривши лице рукама» – с. 38) – сербам кажется странным закрывать лицо руками от счастья.*

Или в ремарке: *Астров («Подбоченясь, тихо поет» – с. 26) – Астров («Подбочивши се, тихо пева» – с. 29) – сербы ожидают конфликтную ситуацию, так как поза «подбочениться», являющаяся также типичным женским жестом-реакцией на некоторые неприятные, затрагивающие жестикулирующего, действия адресата, настроения Астрова.*

Нет у сербов и «крепких» поцелуев: *Војници («топло љуби руку Јелени Андрејевној» – с. 68) вместо («крепко целует руку у Елены Андреевны» – с. 65).*

А, скажем, дословный перевод ремарки: *Соня («утирает глаза» – с. 66) – как («брише очи» – с. 68) – вряд ли является успешным, так как по законам сербского языка это словосочетание*

брисати сузе.

Или: Войницкий, стараясь хорошо выглядеть, «*поправляет свой щегольский галстук*» – с. 5, в переводе – «...*наместа своју елегантну машину*» – (с. 9) прилагательное *щегольский* - заменено *элегантни*, что не соответствует оригиналу, а должно быть – *кицошки*.

Интересно отметить, что в результате сравнения оригинала и перевода выясняется, что те качества, которые высоко оцениваются членами, например, русского культурного общества, остаются вне культурного сознания или даже оцениваются отрицательно представителями сербский культуры. Так, Елена Андреевна и Соня в знак перемирия пьют на брудершафт и целуются (Ср. Ремарки – «*Пьют и целуются*» – с. 33 – «*Пију и љубе се*» – с. 36). В телевизионной драме в постановке польского режиссера Йежи Анчака для Белградского телевидения восприятие сербами русских как «*пьет как русский*» наложило свой отпечаток: на протяжении почти всего второго действия героини «вдруг», ни с того ни сего, не выпуская бокалов из рук, постоянно пьют.

3. *Безэквивалентные средства невербальной коммуникации.* Они присутствуют только в одном языке. В нашем материале это только **смешанные эмоционально-кинетические ремарки**. Русский жест – махая рукой, останавливать такси или проезжающую машину, как и «щелкать пальцем по шее» в значении «приглашение выпить» или «пьяный» не имеет эквивалентов у сербов, и мало кто их понимает. А у сербов, например, если ладонью одной руки ударить по внутренней части локтя другой руки, то это верный признак грубого несогласия с собеседником и его доводами, а у русских с таким значением жест – «сделать нос». У русских такой жест не очень типичен, но зато у итальянцев и у других народов в несколько измененном виде есть, и в таком же значении, как у сербов. Но, с другой стороны, жест «целовать себе кончики пальцев, собранные вместе», как уже было сказано, и у русских и у сербов означает восторг. А китайцам и японцам он неизвестен. Он для них относится к безэквивалентной лексике и нуждается в переводе.

Характерно, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке обнаруживаются сразу и могут явиться источником коммуникативных недоразумений или даже межкультурных конфликтов.

Например, *целовать в голову* – у русских это знак особого уважения к людям, у сербов в знак уважения и выражения любви старым людям принято целовать руку. В драме Астров – «*Целует ее (няньку) в голову*» или «*идет к няне и целует ее в голову*» – с.67. Кирилл Тарановский перевел – целует в волосы: «← Астров («*Љуби је (дадиљу) у косу*» – рус. волосы с.8) или Астров («*Прилази дадиљи и љуби је у косу*» – рус. волосы (с. 70), что вызывает непонимание и даже недоумение у сербов, так как они целуют не в голову, а в щеку или руку. Весьма неестественно для сербов в финале драмы растроганная Елена Андреевна, прощаясь с Войницким целует его в лоб, а в

оригинале в голову: («Целует его в голову и уходит» – с.65 – «Љуби га (Войницикоз) у чело» рус. – лоб и излази с.68). Лоб сербы целуют покойнику.

Таким образом, невербальные средства коммуникации являются отличительной чертой и русской и сербской культур, без знания которых невозможно порой правильно понять текст чеховской драмы, где важную роль играют ремарки, советующие режисеру не только куда и как должен пойти актер или актриса, но и раскрывающие психическое состояние героев, их эмоциональный настрой, и помогающие раскрыть характеры действующих лиц.

Практика преподавания русского языка как иностранного доказывает важность изучения особенностей невербалики как сербских студентов, так и постепенного систематического знакомства с невербальными средствами коммуникации, несущими социокультурную информацию, изучаемого ими, в данном случае, русского языка.

Знакомство с особенностями социокультурной информативности средств невербальной коммуникации позволяет студентам правильно ориентироваться в различных социальных ситуациях не только в тексте драмы Чехова, но и регулировать свое поведение с носителями языка, адекватно воспринимать нормы поведения в стране пребывания и корректировать свои, в зависимости от сложившейся ситуации.

В заключении напоминаем, что целью настоящей работы являлся не анализ достоинств и недостатков перевода на сербский язык драмы А.П.Чехова «Дядя Ваня», а желание помочь сербским студентам, изучающим русский язык, в понимании социокультурной информативности средств невербальной коммуникации в ремарках пьесы «Дядя Ваня», которая, по нашему мнению, способствуют углублению знаний студентов о русской культуре и о русском менталитете.

Список литературы

- Бердникова Л.П., Уманская М.Б.* Прагматика авторских ремарок в тексте английской пьесы. // Вопросы романо-германской и русской филологии. Сборник научных статей / Л.П.Бердникова, М.Б.Уманская. Пятигорск: ПГЛУ, 2000.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология / В.В. Воробьев. М., 1997.
- Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. / И.Н.Горелов. М., 1980.
- Григорьева С.А., Григорьева Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов / С.А.Григорьева, Н.В. Григорьева, Г.Е. Крейдлин. Москва – Вена: Языки русской культуры. Венский славистический альманах, 2001.
- Кончаревич К.* Функционални приступ у лингвокултурологији. /У:/Српски језик, број 5/1-2, година V/ К. Кончаревич. Београд, 2000. С. 449-468.
- Пиз Аллан.* Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам / Аллан Пиз, Нижний Новгород: Ай Кью, 1992.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Радич-Дугонич М. Роль «языковой картины мира» в процессе обучения русскому языку филологов-славистов. // V Международный симпозиум. Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков / М. Радич-Дугонич, Белград, 2000. С. 361-365.

Чехов А.П. Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях / А.П. Чехов. Берлин: Издательство «Слово», 1921. С. 3-70.

Чехов А.П. Јука Вања. С руског превода Кирил Тарановски / А.П. Чехов. Београд: Гутенбергова Галаксија, 1994. С. 5-72.

Božovic Z. Čehov kao dramski pisac kod Srba / Z. Božovic. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1985. С. 179.

Božovic Z. Čehovljeva pripovetka u srpskoj književnosti / Z. Božovic: Beograd, Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1988. С. 240.

Щелокова Л.И.
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Shchelokova Larisa
Moscow City Teacher Training University
Moscow (Russia)

РЕЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.Г. ЭРЕНБУРГА

RECEPTION OF WAR IN I.G. EHRENBURG'S JOURNALISM

В статье исследуется восприятие и трактовка военных событий И.Г. Эренбургом, анализируется формирование *внутреннего взгляда* на фашизм и умение видеть в современной войне исторические закономерности. Рассматривается излюбленный прием писателя – это наглядно-образная подача события с опорой на документальный факт (письма солдат, заявления государственных лидеров и др.). Эренбург укрупняет его и превращает в яркий пример пародии. Он создает сатирическую галерею руководителей фашистского движения в странах Европы, выявляя в них внутреннюю ущербность и угрозу гуманистическому миру. В отражении развития событий войны обращается внимание на аксиологическую основу, что вызывает современника к исторической памяти, укрепляя его дух. В статье говорится о формировании в статьях и очерках Эренбурга внутреннего энергетического импульса, связанного с рецепцией военных событий широким читателем. Таким образом, рецепция писателя во многом сводится к толкованию сущности врага, его планов и действий, в то же время внушается мысль о его уязвимости и возможности победить.

The paper investigates the perception and interpretation of the events of the war by I.G. Ehrenburg, analyzed the formation of an *internal view* of fascism and the ability to see in a modern war historical patterns. Considered a favorite method of the writer - a visual-shaped flow events based on documented fact (letters of soldiers, the statement of government leaders, and others). Ehrenburg enlarges it and makes a striking example of parody. He creates satirical gallery managers fascist movement in Europe, identifying them inside handicap and a threat to the humanistic world. In the reflection of events of the war draws attention to the axiological basis that appeals to contemporary historical memory, strengthening his spirit. The article refers to the formation in Ehrenburg's articles and essays internal energy momentum associated with the reception of military events the general reader. Thus, the reception of the writer largely boils down to the interpretation of the nature of the enemy, his plans and actions at the same time inspired the thought of his vulnerability and opportunities to win.

Ключевые слова: Эренбург, рецепция, война, публицистика XX века.

Key words: Ehrenburg, reception, war, journalism of the twentieth century.

И.Г. Эренбургу принадлежит около двух тысяч статей, очерков и фельетонов, написанных в годы войны (1941-1945 гг.), однако о войне он писал не только в годы Великой Отечественной войны. Отношение к писателю со стороны официальной власти было сложным, его книги порой не доходили до читателя, в том числе и публикации военных лет. Изучение его публицистики носит скорее эпизодический характер (среди крупных трудов можно назвать работы Б. Фрезинского, А. Рубашкина). В последние годы увидели свет корреспонденции писателя той поры [сборники «Война» (2002 г., 2004 г.)], но их состав еще далеко не полон. Тем не менее стараниями

исследователей поддерживается интерес к военной публицистике И.Г. Эренбурга.

Известность И.Г. Эренбурга-публициста выходила далеко за границы родной страны. Он касался почти всех ключевых тем современности. Его наблюдения за происходящим в европейских странах формировали его *внутренний взгляд* на явления и события современности, демонстрировали его личную позицию в контексте *большой истории*, что и составило ядро его публицистической картины мира. Уникальность литературного таланта писателя, ярко проявленного в годы войны, заставила верховную власть фашистской Германии зачислить его в личные враги фюрера.

О *новом обустройстве* мира по фашистскому сценарию Эренбург знал не понаслышке, в предвоенное десятилетие он работал военным корреспондентом в Испании, затем в Париже, где и застал начало Второй мировой войны: «Большая беда стряслась над миром. Я понял это в августе 1939 года, когда беспечный Париж вдруг загудел, как развороченный улей»³. Опыт постижения теории и практики фашизма еще в Испанской войне способствовал в условном смысле *точечному удару* писателя по врагу в период Второй мировой войны. За несколько лет до ее начала, в середине 1930-х, когда угрозы со стороны Гитлера рядовой обыватель еще не видел, писатель указывал на грозный потенциал нарастающей агрессии, избегая общих рассуждений, воздействовал на читателя через факт, способствующий прозрению современника и пониманию им истинной сути происходящего. В орбите исторического обзора публициста оказываются те факты, очевидцем которых Эренбург стал. Отношение писателя к «коричневой чуме» передается и читателю. Красноречивое название статьи «Пляска смерти» (1935) настраивает на фантазмагорическую картину. Рассказ об усилении фашизма начинается слово «Экран», его можно истолковать в нескольких смыслах: с одной стороны, зритель наблюдает некую фантазию, проецированную на экран, не участвуя в ней, с другой – экран фокусирует внимание человека на ключевых эпизодах жизни, мимо которых может пройти взгляд обывателя. Зрители в кинотеатре видят кадры мирной (официанты с подносами, модистки с картонками) и военной жизни («астматические танки», самолеты). Инерция мирного и безмятежного существования сильна, еще не верится в существенные перемены. Ситуацию в Европе накануне Второй мировой войны характеризуют сцены гибели людей. На экране смерть предстает «банальной и портативной», которую несут боевые самолеты с черной эмблемой, скидывая бомбы на землю. Автору важно сохранить достоверные свидетельства о том, «что значило жить в одно время с фашистами?». Эренбург отвечает: «Вряд ли на желтых, полуистлевших листах газет останутся гнев, стыд,

³ Эренбург И. Г. Война. 1941-1945. - М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. С.123.

страсть»⁴. Названные категории составляют эмоциональные доминанты всей военной публицистики.

Европа писателю «кажется одним садом: столько труда положено на каждый клочок земли, на каждый палисадник, на каждую грядку, такой любовью помечены и горы угля под Шарлеруа, и яблони Нормандии, и рурские домны, и турбины среди всклокоченных вод Пьемонта»⁵. Каждый уголок заботливо возделанной земли хранит память о труде многих поколений. Автор погружается в воспоминания, путешествует по всем странам Европы, отдавая дань уважения вкладу каждой из них в мировую культуру, отмечая, что одновременно с развитием культуры и цивилизации, подрастали «пятилетние мальчишки», которых ныне «поставили к пулеметам»⁶. Война, отвергая духовное пространство человека, лишает его опоры: «Нет той норы, куда можно было бы укрыться. Люди озираются по сторонам. Когда-то они мечтали о великом будущем. Теперь, как спичку на ветру, они стараются оградить свою куцую жизнь. Здесь можно было бы припомнить стихи Гейне, но ведь и они под запретом»⁷. Смятенность духа обусловлена отлучением от духовной традиции и родины. Мятущийся человек не обнаруживает этического ориентира, так как *новый порядок* насаждает свою систему ценностей с иным мировоззрением и нравственной иерархией. Ценностное поле, суженное жестким контролем над внутренней частной жизнью людей, превращает человека в объект расовой сегрегации. Писатель рассказывает о жизни *обыденного* человека, о его «простом человеческом горе», когда двое влюбленных были разлучены неарийским происхождением юноши, а девушка после его ареста наложила на себя руки, подчеркивается будничность аналогичных случаев. Глубоко поражает гуманистическое сознание схематизация жизни: «Мир человека, высокий и сложный, они заменили опытным скотоводством», однако не хочется «оскорблять четвероногих»⁸. Контраст ценностных ориентаций в перевернутом мире допускает множество *несообразностей*: женщин называют «амуницией», продавая их на восточный фронт и хорошо зарабатывая на этом. Писателя не покидает щемящее чувство боли и скорби за Европу, которую он не перестает любить. Под его пером она обретает кровь и плоть. Он знает «ее холмы – так знаешь тело близкого тебе существа, ее огромные столицы и цветущие тупики, ее поэтов и ее будни». Он видит дом, рабочие которого, «умирая, еще защищали человеческое достоинство»⁹. «Я знал страны, теперь это кладбища»¹⁰. Мотив крушения мира, гибели цивилизации – один из ключевых всей военной литературы, в

⁴ Эренбург И.Г. // Собрание сочинений. В 9 т., Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. – С. 649.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 651.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 652-653.

¹⁰ Там же. С. 654.

публицистически открытом заявлении присутствует нота глубокой скорби по утраченной красоте.

Эренбург не декларирует высокую мораль, его взгляд на современную историю приводит читателя к жесткой аналитической формуле *дозволенного* и *запрещенного* в отношениях людей, в поле зрения писателя оказываются поступки врага, свидетельствующие об альтернативной системе ценностей. Для противостояния ему нужно иметь мужество, которое автор называет так: «наша тяжелая и нежная добродетель», оно «стало трудом – заводами, полями, поэзией»¹¹. Родина предстает сказочно-прекрасной, «где не торгуют девушками и не жгут стихов, где живет и растет, как “живая вода” детских сказок, как глоток воздуха в шахте, как весенняя оттепель, – надежда мира: Красная Армия»¹². Угадывается былинный мотив *созревания богатыря*, метафорически переданный в символе будущего спасения мира – Красной армии.

В нападении фашистов на Советский Союз Эренбург видит реализацию завоевательных планов фюрера, поэтому обнаруживаются логические связи, формирующие смысловое ядро всей публицистики данного периода. Статья «В первый день» (22 июня 1941) являет собой продолжение темы через мотивные комплексы *утраты /захвата /смятения и спасения /сохранения /устойчивости*. Помимо привычной риторики тех дней: «С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении германских фашистов на наши советские города»¹³, автор, вспоминая собственные переживания и эмоционально-психологический опыт, пишет о завоевании Франции: «Я видел, как пал Париж»¹⁴, в этом он видит вину правительства Франции: «Правящая головка предала французский народ»¹⁵, однако не только солдаты, «брошенные всеми»¹⁶ оказывали сопротивление, но и население города Тура и два батальона «трое суток защищали город от основных сил германской армии»¹⁷. Публицист с горечью отмечает безотрадный результат агрессии фашистов: «Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы – высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков, они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев»¹⁸. Потребность в объединении для отпора врагу глубоко осознается и открыто провозглашается: «У советского народа есть верные союзники – это народы всех поработенных стран»¹⁹. Вероятно, устанавливая единую аксиологическую модель поведения, автор ставит акценты на *разумном* поведении советского народа. «Мы знаем,

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Эренбург И. Г. Война. 1941-1945. – М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. С. 23.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 24.

какое горе принес фашистский захватчик другим неразумным народам»²⁰. Оппозиция *разум/глупость* в первую очередь восходит, полагаем, к власти политиков.

Эренбург так же, как и его собратья по перу, разрушает иллюзии о *добрых намерениях* фашистов, к примеру, статья «Обезьяньи деньги» (25 июля 1941) показывает поведение фашистов на оккупированных землях. Во Франции они *покупают* товары на фальшивые деньги, отказываясь даже от подобной *условности* на территории Советского Союза, потому что «Розенберг сказал, что русские – “примитивные люди”»²¹. История узаконенного фашистами грабежа Франции иллюстрирует один из ключевых пунктов программы наци о расовой иерархии, ведущей к сегрегации и селекции завоеванных народов.

Фигуре Гитлера уделено много внимания во всей военной публицистике. Знаменитый памфлет Эренбурга «Бешеные волки» (6 июля 1941) о фюрере и его ближайших сподвижниках срывает маски благонамеренности с лидеров третьего Рейха. Статья «Людоед» (6 июля 1941) развернуто характеризует главу фашистов Германии, перечисляя подробности его биографии. Эренбург, вспоминая фильм Чарли Чаплина «Великий диктатор», пишет, что фюрер «на экране был смешон»²², но «в действительности он смешон и ужасен»²³ (статья «Час настал», 25 июня 1941). Примечательно, что в данном случае возникает эффект двойной рецепции: Чаплина и Эренбурга, рассчитанный в свою очередь на восприятие зрителя /читателя, т.е. третьего реципиента.

Аргументированное мнение писателя обусловлено знанием положения в оккупированных странах, он свидетельствует: «Я видел, как они обообрали Францию <...>. Я проехал по Бельгии, Голландии <...> – развалины и голодные бездомные люди. <...> В гестапо приводят поляков, арестованных лишь за то, что они говорили по-польски»²⁴. Стиль личных воспоминаний не походит на язык военных сводок, а создает эффект личного присутствия у читателя, усиливая боль, отчаяние и чувство сострадания. Наблюдаемые события автор как бы протоколирует, благодаря чему получается широкая панорама европейских бедствий. В сфере *частного* взгляда оказываются бытовые сцены в захваченном Париже, к примеру, официантка отказалась обслуживать фашистского офицера, за что была арестована (статья «Гитлеровская орда», 26 июня 1941). *Энциклопедией мужества* французов можно назвать статью «Париж под сапогом фашистов» (26 июня 1941): «Оккупанты живут в пустыне. Когда они заходят в кафе, французы уходят. Когда раздаются звуки сирены, возвещающей воздушную тревогу, французы

²⁰ Там же.

²¹ Красная звезда. 25 июля 1941. С.2.

²² Там же. С.24.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 25-27.

демонстративно аплодируют: приветствуют бомбардировщики, которые прилетели бомбить германских фашистов»²⁵. Мотивы высоты духа, непреклонной воли к победе, сохранение достоинства и мужества образуют единый этико-энергетический полюс, где совмещаются примеры достойных поступков – образцов для подражания, своего рода аккумулятор верной модели поведения. Статья «Презрение к смерти» (Красная звезда, 20 июля 1941) перечисляет подобные истории советских людей. Соединенные в фокусе примеры человеческого достоинства людей разных национальностей демонстрируют единство общечеловеческого благородства, формируя аксиологическое ядро для продолжительного и действенного отпора фашизму.

Представление о враге и отношение к нему складывается из многих составляющих. Эренбург разрушает распространенный миф о несокрушимой мощи фашистов, приводя конкретные примеры из современной войны. Вопреки трагическому отступлению советской армии в начале войны Эренбург пишет об уязвимости врага, опираясь на фронтовой опыт Западной Европы в статье «Спесивые хвостуны из гитлеровской банды» (4 июля 1941). Разрушение ореола сильного врага дано в панорамной галерее портретов итальянских, румынских, французских и др. фашистов, в каждом лидере обнаруживается глубокая ущербность. Название-ярлык статьи не требует разъяснений: «Трусливый вояка Бенито Муссолини» (9 июля 1941). Румынские фашисты – это «Бедные музыканты» (9 июля 1941). Рассуждая о ничтожестве предводителей фашизма, демонстрируя их несостоятельность, Эренбург знакомит читателей с фактами зарождения сомнения в рядовых исполнителях директив фашизма, например, «Дневник немецкого унтер-офицера» (16 июля 1941), «Фабрика убийц» (4 августа 1941) и др. Пошатнувшаяся вера рядовых участников армии фюрера не только в успех военного похода на Россию, но и в его целесообразности, заставляет их делать признания о *большом разочаровании*, потому что «мы представляли себе наступление иначе»²⁶. Вызывает улыбку страх боевого офицера, испуганного *выстрелами партизан*²⁷, потом «вдруг зажужжали русские самолеты»²⁸, после этого «Лейтенант Лодтнер отказался наступать – наступление отправило бы всех нас в райскую обитель и не имело никаких шансов на успех. Противник оказывает упорное сопротивление»²⁹. Искреннее удивление гитлеровцев, что русская армия не покоряется, непоколебимо защищая свою землю, отражено в статье «Пауки в банке» (20 сентября 1941). Эмоционально-выразительное название статьи фокусирует внимание на важной мысли о способности вражеской армии к внутреннему разложению. Устойчивые выражения обращают носителя русского языка к исконной народной

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. С. 97.

²⁸ Там же. С. 98.

²⁹ Там же.

мудрости и этике, играют роль в укреплении базовых ценностей. Отношения союзников к Гитлеру тоже переданы через поговорку *куда барин, туда и дворня* (статья «На запятках», 28 августа 1941). Для русского человека – это емкая формула судьбы, сочетание пословичного названия, смысл которого развернут в теме статьи, дает ключ к пониманию трагикомического положения в глубоком тылу врага, т.е. «на запятках идет своя война»³⁰. Подобный тип отношений (барин/дворня) приемлем и для германских военных – зачастую носителей рабской психологии, неукоснительно выполняющих приказы своего фюрера. Эренбург использует неологизм *гитлерия*, указывая на автономию страны с ее законами, наукой, образованием, культурой, где «дети – это малолетние рабы. Они работают, маршируют и привыкают не думать»³¹.

Акцент на обдумывании своего выбора в принятии решения свойственен, пожалуй, всем публикациям военной поры. Механическое исполнение приказа характеризует поведение врага с его абсолютным подчинением фюреру. С другой стороны, советский человек (мирный житель и воин) тоже помещен в условия жесткой схемы должного поступка и морального выбора. Поэтому столь распространен прием риторических названий-формул, определяющих ценностный полюс *свободы /победы /жизни*. К примеру, заголовок статьи «Свобода или смерть!» (5 июля 1941) предопределяет поступок современника и звучит в период опасного и сложного положения на фронте, но так как: «Гитлер несет нам унижение, ярмо, жизнь на четвереньках»³², враги мечтают «нас онемечить, заставить забыть Пушкина и Шевченко. <...> Они хотят сжечь книги Толстого и Горького. <...> Они хотят, чтобы наша интеллигенция исчезла»³³, поэтому намерения врага приводят к категоричному решению, оформленному в интонацию набата с троекратным повтором: «Никогда, никогда, никогда советские люди не станут рабами! <...> И бойцы Красной Армии идут на смертный бой с одним чувством – свобода или смерть!»³⁴.

Онтологическая оппозиция в статье «Жизнь и смерть» (23 сентября 1941) проиллюстрирована мыслями из письма домой убитого фашистского лейтенанта, где он поделился своим пониманием русских: «Жизнь отдельного человека для них ничто, они ее презирают»³⁵. Эренбург возражает ему: «Слепец <...> он не понял одного: не жизнь мы презираем – смерть»³⁶. В определенном смысле Эренбург усиливает *правильное толкование* поведения русских воинов, используя прием двойной рецепции, способствующий национальному самопознанию русского читателя. *Загадка русской души* остается неразгаданной врагом.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же. С. 69.

³² Эренбург. Указ. соч. Т.7. С. 655.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 656.

³⁵ Эренбург. Война. 2004. С. 100.

³⁶ Там же.

Трактовка поведения человека на фронте – одна из главных целей публикаций военной поры, с одной стороны реализуется задача воспитания, формирования оборонного сознания, т.е. необходимость привести бойца к должному поведению и пониманию своей задачи и роли в бою, в смятом массовом сознании читателей – это еще и восстановление структуры Бытия. Публицист пишет о крушении привычного мира, пренебрежении его законами, к примеру, в статье «Каннибалы с погонами» (24 сентября 1941) Эренбург открыто отсылает советских солдат к фашистскому приказу – не оказывать медицинской помощи раненым русским: «Пусть прочтут все бойцы приказ людоеда Кюблера. Пусть еще сильнее стиснут зубы. <...> Пусть прочтут приказ людоеда наши санитары и носильщики. <...> Кто не унесет раненого товарища от палачей? Спасти товарища – это спасти себя. Спасти товарища – это спасти родину»³⁷. Лексический повтор раскрывает контекст аксиологической градации: идея спасения *себя/ товарища/ родины* передает исходный смысл эпохи и пронизывает всю публицистику.

Конкретный факт обретает статус аксиологического звена в восстановлении структуры Бытия, поэтому он всегда наглядно убеждает в существовании Нормы и необходимости ее сохранения. Для Эренбурга использование факта – важный этап в понимании исторических закономерностей, к примеру, в ряде статей о *Фрице* 1942 г. воплощены типы германских солдат («Фриц-биолог», «Изысканный фриц», «Фриц-Нарцисс» и др.). На стыке ироничного сопоставления фашистов, к примеру, с осенними мухами (статья «Осенние фрицы»), благодаря контрасту возникает эффект *уничтожения человека* в представителе фашистской армии. Писатель подводит читателя к финальному убеждению, что «Осенью легче бить и фрицев: дело идет к зиме»³⁸. Моральное принижение врага – психологическая ступенька к боевому настрою бойца для столкновения с ним на фронте.

Оборонная энергия аккумулируется данным образом в общении с массовым читателем, что можно считать вариантом реализации мысли Эренбурга из статьи «В суровый час» (4 ноября 1941): «Настал час простых чувств и простых слов»³⁹. Отказ от *сложных слов и чувств* сокращает дистанцию с читателем, решает злободневную задачу литературы военных лет, поэтому и психологическое состояние врага раскрыто на обыденном уровне: «Мы не тешим себя иллюзиями. Но мы знаем также, что враг изнурен, что он измучен двадцатью пятью месяцами войны, что в его тылу голод, что в его дивизиях бреши, что в его сердце тревога. Мы знаем, почему он торопится: он не может ждать»⁴⁰. Мотив тревоги и усталости врага усилен еще и *страхом*, с которым он «смотрит на океан: оттуда идет снаряжение для нас и для Англии. Он в страхе смотрит на

³⁷ Там же. С. 101.

³⁸ Эренбург И.Г. Война. Апрель 1942 – март 1943. – М.: Воениздат, 2002. – 288 с., ил. – (Редкая книга). С. 38.

³⁹ Эренбург. Указ. соч. Т.7. С. 657.

⁴⁰ Там же.

Америку: дымятся трубы заводов. Он в страхе смотрит на календарь: зима на носу. Он не хочет зимовать в наших лесах»⁴¹. Настойчивое упоминание о *страхе* врага показывает динамику в его описании, ранее представленном прежде всего бравадой.

Публицистика Эренбурга отражает развитие событий войны и ее ход, комментируя происходящее, обращает внимание современника на аксиологическую основу, взывая к его исторической памяти, укрепляя дух бойца. Статьи и очерки писателя формируют внутренний энергетический импульс, связанный с рецепцией военных событий широким читателем. Таким образом, рецепция писателя во многом сводится к толкованию сущности врага, его планов и действий, в то же время внушается мысль о его уязвимости и возможности победить.

Список литературы

Рубашкин А. Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма /А. Рубашкин. М.: Советский писатель, 1965. 389 с.

Рубашкин А.И. Илья Эренбург. Путь писателя / А.И. Рубашкин. Л.: Советский писатель, ЛО, 1990. 527 с.

Фрезинский Б.Я. Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны): Избранные статьи и публикации / Б.Я. Фрезинский. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 904 с.

Эренбург И.Г. Война. 1941-1945 / И.Г. Эренбург. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. 796 с.

Эренбург И.Г. Собрание сочинений. В 9 т. / И.Г. Эренбург. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. 751 с.

Эренбург И.Г. Война. Апрель 1942 – март 1943 / И.Г. Эренбург. М.: Воениздат, 2002. 288 с.

⁴¹ Там же. С. 657.

Литвинова Г.М.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ

LANGUAGE MISTAKES IN SIMULTANEOUS INTERPRETATION TRAINING

В процессе подготовки будущих переводчиков перед преподавателями вуза встает сложная задача: с одной стороны, восполнить пробелы школьного образования, с другой – подготовить квалифицированных специалистов. В связи с этим в Высшей школе перевода (факультете) МГУ имени М.В. Ломоносова появился проект, объединивший усилия преподавателей русского языка и преподавателей перевода. Цель этого проекта – выявить наиболее частотные ошибки учащихся при устном и письменном переводе, классифицировать их и найти эффективные способы по их предупреждению и устранению.

T&I trainers face a challenge: on the one hand, they have to fill the gaps of secondary school, on the other hand, they aim to train qualified translators and interpreters. The Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov Moscow State University) launched a project joining efforts of Russian language teachers and T&I trainers. The goal is to single out the most common mistakes T&I students make, to classify them and to come up with efficient methods to overcome and prevent them.

Ключевые слова: речевые ошибки, потенциальный получатель переводного текста, лингвистическая компетенция

Key words: language mistakes, potential recipient of translation, language competence

Традиционно считается, что переводчики более успешны в переводе на родной язык, чем на изучаемый язык, поскольку обладают большим количеством теоретических и практических знаний о системе родного языка, лучше ориентируются в элементах своей языковой культуры: «Практика перевода, как правило, фокусируется на переводе на родной язык, потому что именно в данном направлении достигается более высокий уровень качества результата... На

лингвистическом уровне перевод на родной язык обеспечивает переводчика некоторыми преимуществами, например, инстинктивным знанием морфологического, семантического, синтаксического и лексического аспектов родного языка, - ведь переводчик с течением времени осваивает эти языковые элементы естественным образом; а именно они и конституируют прогрессирующий лингвистический запас переводчика. Напротив, перевод на изучаемый язык не просто снабжает переводчика определенными энциклопедическими знаниями, но и отдает его «на милость» справочных изданий, книг по грамматике, общих и специализированных словарей, ведь переводчик на второй язык, как правило, изучал его вне естественного контекста» [Джабак, 2002].

Однако в реальности мы встречаем огромное количество объективных трудностей, к числу которых относится, например, недостаточный уровень владения родным – русским – языком, невысокий уровень лингвистической культуры пришедших обучаться переводу. Лингвистическую культуру того или иного человека, как известно, формируют речевое поведение и лингвистическая компетенция. «Лингвистическая компетенция – знание словарного состава языка, включающего лексические и грамматические элементы, способность их использования в речи» [Берсиров, 2010]. Уровень сформированности данной компетенции у обучающихся языку (родному или иностранному), а также переводу, как правило, оценивают по степени развития лексического и грамматического навыков, нередко совершенно упуская из виду такие важные аспекты, как семантический, орфографический, пунктуационный и орфоэпический. Это обусловлено многими факторами: падением уровня преподавания русского языка в школе, нехваткой профессиональных кадров, заинтересованных не только в успешной сдаче ЕГЭ учащимися, но и в том, чтобы развить в школьниках настоящий, живой интерес к словесности, общим падением уровня культуры речи в современном обществе и т.д. Выпускники российских школ, обучение которых в последние годы сводится к «натаскиванию» на выполнение тестов ЕГЭ, не всегда могут выразить мысли на грамотном русском языке. Система тестов приучает искать нужную информацию в предложенном тексте, выражать свое мнение по уже созданным образцам и клише, а не творчески мыслить, поэтому любой отход от шаблона становится камнем преткновения для учащихся, приводит их в состояние «языкового шока».

И перед преподавателями вуза автоматически встает сложная задача: с одной стороны, восполнить пробелы школьного образования, с другой – подготовить квалифицированных лингвистов, филологов, переводчиков и т.д. Кроме того, необходимо научить будущего специалиста отбирать различные языковые средства в зависимости от ситуации, приучить контролировать свою речь, слушать себя, порождать тексты различных жанров, быстро выбирать адекватный вариант перевода как с лексической, так и с грамматической точек зрения, а также

развить практические навыки владения письменной и устной речью, необходимые для грамотного построения высказываний при переводе на русский язык и пр.

Необходимость в исследовании этой проблематики продиктована переводческой практикой. На рынке переводческих услуг в последние годы наблюдается выраженный избыток предложения, но далеко не всегда уровень соответствующих услуг можно назвать удовлетворительным.

В связи с этим на нашем факультете родилась идея объединить усилия преподавателей русского языка и преподавателей перевода в работе над проектом, цель которого – выявить наиболее частотные ошибки учащихся при устном и письменном переводе, классифицировать их и найти эффективные способы по их предупреждению и устранению. Безусловно, для того чтобы эффективно организовать работу по предупреждению речевых ошибок, необходимо знать их лингвистическую и психологическую природу.

Для достижения данной общей цели были поставлены следующие конкретные задачи:

- проанализировать аудиозаписи оригиналов английских, французских и немецких докладчиков на различную тематику (общественно-политическую, экономическую, техническую и т.д.;
- проанализировать аудиозапись переводов данных выступлений, выполненных учащимися факультета Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова на занятиях по синхронному переводу;
- выявить и попытаться систематизировать наиболее частотные ошибки;
- попытаться найти и предложить способы предупреждения ошибок на этапе обучения синхронному переводу.

Первые результаты такого исследования в области устного (синхронного) перевода нам принес анализ синхронного перевода выступления министра иностранных дел Лихтенштейна госпожи Аурелии Фрик на одном из заседаний ООН, посвященном кризису в Сирии. Перевод одного и того же текста выполнили 17 учащихся пятого курса Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, обучающиеся синхронному переводу. Анализ был сделан преподавателем, который не слышал текст-оригинал. Кроме того, для того чтобы преподаватель выступил потенциальным получателем переводного текста, одним из условий данного анализа было недостаточное владение им языком, на котором выступала Аурелия Фрик (в данном случае это был английский язык).

Таким образом, первоначально выявление смысловых ошибок не входило в задачи исследования. Необходимо было установить, насколько грамотным и понятным был текст

перевода для реципиента, какие ошибки были наиболее типичными и частотными в речи учащихся с точки зрения преподавателя-русиста.

Однако вопрос о смысловой адекватности передачи оригинала все же возник, поскольку иногда возникало такое впечатление, что речь идет о нескольких сходных по теме, но все же отличных друг от друга выступлениях. Так, Аурелия Фрик была то министром иностранных дел, то принцем Лихтенштейна; количество стран, принявших Кампальские поправки, варьировалось от пяти до тридцати пяти, единогласное голосование становилось анонимным. Некоторые смысловые моменты опускались переводящими, исчезали имена, названия и т.д. Все это нельзя списать на плохое владение иностранным языком: к пятому курсу уровень владения иностранным языком у учащихся факультета достаточно высок.

Как известно, чтобы стать специалистом в области синхронного перевода, недостаточно знать два языка и предмет разговора. Далеко не каждый человек способен овладеть комплексом навыков и умений, обеспечивающим успешное осуществление синхронного перевода. На наш взгляд, на каждом варианте перевода сказывался характер учащегося его темперамент, темп речи и пр. В условиях жесткого лимита времени, когда синхронному переводчику на перевод отводится лишь период произнесения речи оратором, не всем удавалось успеть за темпом оратора. «Синхронист вынужден ежесекундно мгновенно реагировать на воспринимаемые на слух слова и словосочетания. Поэтому медлительный человек, даже превосходно владеющий иностранным языком, вряд ли станет хорошим синхронистом» [Дударева, 2009]. С другой стороны, торопясь за выступающим, учащиеся не всегда слышали себя, что, на наш взгляд, стало основной причиной многих морфологических и синтаксических ошибок.

Хотелось бы отметить, что в настоящий момент не существует универсальной, всеохватной с точки зрения негативного речевого материала классификации основных речевых ошибок как в письменной, так и в устной речи. Это связано со многими факторами: с нечетким разграничением основных видов ошибок в существующих классификациях, с выпадением из этих классификаций логические ошибки, а также с тем, что при создании этих классификаций не учитывался целый ряд коммуникативно значимых ошибок¹ и др. Кроме того, в данный момент назрела необходимость создания классификации, отвечающей современному пониманию теории межкультурной коммуникации.

Поэтому на начальном этапе исследования мы решили несколько упростить задачу и взять за основу классификацию, предложенную Ю.В. Фоменко: «Если ошибка — это нарушение

¹ См. Быстрова Е.А. Коммуникативная методика в преподавании родного языка //РЯШ. 1996. No 1; Кудрявцева Т.С. Современные подходы к обучению речи //РЯШ. 1996. No 3.

правила, то типы речевых ошибок должны выделяться в соответствии с типами правил языка... В речи могут иметь место ошибки произносительные, лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические, орфографические, пунктуационные и стилистические (а также логические и фактические, хотя они не являются собственно речевыми)» [Фоменко, 1994, с. 58]. Таким образом, в сделанных переводах мы выделили следующие ошибки, распределив их по языковым ярусам:

- а) фонетические (связанные с фонетическим оформлением речи);
- б) словообразовательные (состоящие в неоправданном создании неологизмов, ведущих к изменению нормативного языка);
- в) лексические (представляющие собой употребление слов в ненормативных значениях, нарушение лексической сочетаемости, повторы, тавтологию и пр.);
- г) морфологические (связанные с неверным употреблением частей речи);
- д) синтаксические (закрывающиеся в неверном управлении, построении словосочетаний, простых и сложных предложений);
- е) стилистические (кроющиеся в нарушении единства стиля).

Особое место занимают стилистические ошибки, поскольку они могут проявляться в области лексики, морфологии и синтаксиса. Безусловно, в ходе дальнейшего исследования необходимо проанализировать речевые ошибки, упорядочив их по следующим уровням: уровень слова, уровень словосочетания, уровень предложения и уровень текста.

Итак, что мы находим на уровне фонетических отклонений:

а) акцентологические проблемы (нужно отметить, что в исследуемом материале их оказалось не так много): «усугУбишь» (рассказать про варианты в современном русском), «обеспечЕние», «сОздана» - т.е. те ошибки, которые, как правило, обусловлены узусом. Встречаются и совсем неожиданные акцентологические ошибки: «дОлжны», «переданЫ» - спишем их на волнение;

б) неверное произношение звуков и слов:

- [счас], деб[аааа[тов, обесп[А]чение, председ[аа]ль, «И агрессия – это преступ[л`ээ]ние» – растягиваются ударные «а», на уровне одного слова проявляется две интонационные конструкции – ИК 1 и ИК-3 (традиционно используемая в незаконченных синтагмах, на уровне одного слова использование этой ИК создает комическое впечатление), [женщинааам], [десятилетияаяя] – растягивается безударное «а» (отсутствует редукция). Может показаться в этой связи интересным тот факт, что такие ошибки допускают в основном те учащиеся, которые брали уроки вокала (происходит как бы индивидуальное интонирование речи);

- работэ (работе), заседЭния, ПоследШие, десятиЛЕНИЕ, суть (вместо «путь»), защиЩИть, эконопенческом (вместо экономическом), председЭтель, прпрприменение, устойчивое и др. У студентов язык словно заплетается «на скорости». Этим оговоркам более подвержены учащиеся с быстрым темпом речи (холерического темперамента). Можно предположить, что причиной этому является отсутствие необходимого навыка использования артикулярного аппарата в условиях синхронного перевода. Подобные оговорки происходят, вероятно, и из-за того, что от усталости снижается самоконтроль - и в тексте перевода появляются нелепые ошибки;

в) неверное интонационное оформление текста: произносится все монотонно, сливаются воедино предложения, отсутствует синтагматическое и фразовое ударение, теряется конец высказываний (нет смысловых точек). Все это рождает непонимание, приводит к тому, что теряется суть переводимого, слушающий не успевает сам расставить необходимые смысловые акценты. Например, практически на едином дыхании произносится следующий фрагмент текста (пунктуационные знаки не расставлены, чтобы передать впечатление от услышанного): «Когда мы встретились последний раз год назад мы уже слышали причины по которым надо положить конец кризису в Сирию с тех пор насилие обратилось в Гражданскую войну которая позорит ООН мы видели открытые разногласия в Совете безопасности и отсутствие интереса сторон для переговоров и вместо этого ситуация на этом основании еще больше усугубилась и сейчас существует угроза нестабильности во всем регионе. И в этом отношении мы выступаем за права женщин и в частности детей и кризис эээ имеет продолжительный эффект и влияет на основу ООН безопасность, мир и права человека». При наличии лексических и синтаксических погрешностей и при отсутствии необходимых пауз или движения тона этот фрагмент текста становится неусваиваемым.

Мешает, однако, восприятию текста и излишняя эмоциональность. Нередко у учащихся движение тона в конце каждой фразы является восходящим, что не характерно для русского языка.

г) акустические свойства: тембр голоса, тональность, темп – сложно слушать высокий голос, особенно потому, что через некоторое время он «падает» - и сразу чувствуется усталость переводчика;

д) присутствие в речи переводчика речевого шума (вздохи (в которых можно угадать выражение недовольства, усталости), «мычание» в случае затруднений с переводом и т.п.) и звуков и слов-паразитов: «эээ», «mmm», «хм», «ииии»;

е) кроме того, серьезным недостатком становится проглатывание окончаний слов, невнятное произнесение имен и названий (что, скорее, говорит о недостаточно хорошем знании тех или иных грамматических явлений или культурологических сведений): «Релия» (вместо

«Аурелия»), «кампальские», «камбальские» (вместо «кампальские»), «Пангимо», «Панкимо», «Панкимун» (вместо «Пан Ги Мун»); «конференция РеО плюс 20» (вместо «Рио»); «Сложившаяся ситуация также говорит нам о том, что нам нужно призвать больше людей поддержать наши действия по продвижению ценностей И/ей (окончание звучит невнятно – от этого зависит смысл ООН по всему миру)».

В области словообразования учащимися практически не было допущено ошибок. Скорее, это авторское словотворчество было спровоцировано волнением: сейчашьние, ассамбление, стабительность.

На лексическом уровне были отмечены следующие речевые недочеты:

- неверное использование слова вследствие незнания его семантики: «Когда мы в последний раз встретились год назад, мы уже слышали много призывов с этого **подиума** положить конец кризису в Сирии», «Однако следующая **декада** (в значении 10 лет) тоже будет ознаменована трудностями»;

- речевая недостаточность: «И сильный посыл должен стать результатом этой дискуссии»; «Кто бы мог подумать, что членство составит около **третьей** членов ООН?»;

- плеоназмы: «главный приоритет», «ключевой приоритет», «основной приоритет»;

- неоправданное использование заимствованных слов: «Это напоминает нам, что при... пр...прозрачность и инклюзивность, с одной стороны, и эффективность и результативность, с другой стороны»;

- логические ошибки: «И мы как государство несем ответственность за то, чтобы обеспечить, чтобы **осужденные были арестованы и переданы правосудию**»;

- лексическая несочетаемость: «**Очень приветствую** вашу приверженность, Многостороннее принятие решений эффективно, когда есть **достаточно политическая воля**; «Я хочу привести **пример**, который **произошел** на этой неделе», «**Ужасное оскорбление** людей на почве культуры или религии неприемлемо»; «**задействовать** гораздо больше **людей в наших усилиях**», «И с тех пор насилие переросло в Гражданскую **войну**, которая **постыдна** для Организации Объединенных наций»; «не нужно возлагать каких-то надежд, что **это принесет к справедливости**»; «И мы должны **четко подчеркнуть**», «**незаконные** страны» (пожалуй, таких ошибок было больше всего); «Женщины, которых возглавляет Мишель Башлет (неуверенно), также **придали развитие нашим усилиям**»;

- неожиданный каламбур: «и отсутствие интереса со **стороны сторон**, задействованных в конфликте»;

- повтор слов: «И мы должны сформулировать **четкое, четкое** заявление после нашего заседания»; «**Ситуация в Сирии, ситуация в Сирии** беспокоит всех членов ООН, потому что она

угрожает человеческой безопасности, а также миру и безопасности в мире»; «Постоянные члены ООН **должны** понимать, что Устав ООН дает им право наложить вето, но они **должны** также понимать, что они **должны** действовать в соответствии с принципами Организации Объединенных наций»; «**Бессмысленное** насилие поражает весь регион как результат **бессмысленного** оскорбления религиозных чувств»; «И **незаконные** страны, которые **незаконно** используют силу, будут предупреждены».

- неверное использование гиперонимов (нарушение логики перечисления): «И кричащее равнодушие для жизни и правам **граждан, женщин** и в частности **детей** просто шокирует».

- алогизмы (вероятно, причиной таких алогизмов становится речевая недостаточность): «я видела реакцию на здесь».

На уровне морфологии в числе наиболее частотных ошибок стало неверное определение рода и числа у аббревиатур: «Однако самое важное, что **ООН должно** подавать пример, когда речь идет о равенстве полов и продвижению женщин»; «**ООН будет успешный**», «И **ООН должны** сыграть первую роль в уравнивании прав женщин с мужчинами». Кроме того, вероятно, из-за отсутствия в английском языке у глаголов прошедшего времени характеристики рода, нередко даже в пределах одного и того же предложения Аурелия Фрик становилось то мужчиной, то женщиной: «С тех пор как я **стал** министром иностранных дел, я **попыталась** воспользоваться этим для того, чтобы продвигать роль женщины».

Как известно, в русском языке существуют слова, которые в разных значениях имеют разные грамматические свойства. Так, слово «интерес» в значении «внимание, возбуждаемое по отношению к чему-либо» употребляется только в единственном числе, а в значении «выгоды, нужды», напротив, только во множественном. Таким образом, употребление данного существительного во множественном числе в следующей фразе: «Мы видели разногласие в Совете безопасности и отсутствие интересов со сторон конфликта», - в значительной степени искажает смысл высказывания.

Неожиданно прозвучала ошибка: «Мы призываем постоянные члены понять», - возникшая на основе такой категории в русском языке, как «одушевленность/неодушевленность существительных». Слово «члены», обретая в данном контексте «неодушевленность», придает речи неуместный комизм.

В потоке речи учащиеся делали ошибки и в падежных окончаниях: «речь идет о... продвижению женщин»; «И кричащее **равнодушие для жизни и правам** граждан, женщин и в частности детей просто шокирует».

В области синтаксиса наиболее частотными ошибками стали ошибки в управлении: «ООН может **внести** уникальный **вклад для того**, чтобы положить этому конец»; «**несут** глобальную

важность перед этой Ассамблеей», «Мы также должны попросить Совет безопасности оказать полную поддержку и не ставить препятствий для работы подразделений»; «И поэтому это является вызовом для этой организации»; «Причисление нелегального использования силы с государствами к преступлению будет важным шагом в продвижении верховенства закона на международном уровне» и др.

Следует отметить также такие речевые недочеты, как нагромождение предлогов («это основная задача для решения для ООН»), неверный выбор наклонения глаголов («И необходимы политические решения, которые **гарантировали** стабильность и защиту мирного населения»); бедный синтаксис (сложноподчиненные предложения представляют собой каскады, состоящие из «что» и «чтобы»).

Поскольку синхронный переводчик работает в диапазоне двух-семи слов и нескольких смысловых точек, возникающих на основе механизма вероятностного прогнозирования, и у него нет времени проанализировать смысл переводимого высказывания, то в таких условиях полностью исключить вероятность ошибок в речи практически невозможно. Отставание от оратора с целью исправить ошибку может привести к срыву перевода, что и произошло в нескольких анализируемых случаях (в 5 из 17). Однако мы считаем, что уменьшить риск возникновения речевых погрешностей у студентов - будущих специалистов в области перевода - на уровне обучения родному языку – все же выполнимая задача.

Список литературы:

Берсиров Б.М. Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку /Б.М. Берсиров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: педагогика и психология. 2010. №2.

Джабак О. Почему переводы на родной язык переводчика более успешны, чем на изучаемый язык? [Электронный ресурс]/О. Джабак – Режим доступа: <http://www.lingvotech.com/dzhabak>

Дударева Н.А. О некоторых трудностях синхронного перевода / Н.А. Дударева // «Вестник ИГЭУ» Вып. 1 2009 г. ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина».

Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок. Новосибирск, 1994, 60 с.

Научное издание

Русский язык и культура в зеркале перевода

Подписано в печать 14.04.2015. Формат 60х90 1/8. Объем 45 уч. – изд. л.

Электронное издание. Тираж 100 экз.

Издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б.
Никитская, 5. Тел. (495) 629-50-91. Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495)
9393323 (отдел реализации) E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Отдел реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93